

327 94

1943

М

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ
ПОСЛЕ ВТОРОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ

2

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1963

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В ТРЕХ ТОМАХ

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ:

Н. Н. ИНОЗЕМЦЕВ (главный редактор);
А. А. АРЗУМАНЯН, А. А. ЛАВРИЩЕВ, И. М. ЛЕМИН,
Д. Е. МЕЛЬНИКОВ, А. Г. МИЛЕЙКОВСКИЙ, И. И. ОРЛИК,
В. В. РАЗМЕРОВ, Н. А. ТАЛЕНСКИЙ, Д. Г. ТОМАШЕВСКИЙ,
П. Н. ФЕДОСЕЕВ, М. А. ХАРЛАМОВ, В. М. ХВОСТОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА • 1963

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ТОМ
2

(1950—1955 гг.)

Редакторы
А. А. ЛАВРИЩЕВ и Д. Г. ТОМАШЕВСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва · 1963

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемая вниманию читателей книга представляет собой продолжение коллективного труда «Международные отношения после второй мировой войны». Как и вышедший в 1962 г. 1-й том, она создана совместными усилиями большого коллектива советских международников — научных сотрудников Института мировой экономики и международных отношений и других научно-исследовательских институтов Академии наук СССР, профессоров и преподавателей высших учебных заведений, сотрудников Министерства иностранных дел и других внешнеполитических учреждений.

В настоящем, 2-м томе исследуется развитие международных отношений в первой половине 50-х годов. Начальным рубежом этого периода является утверждение мировой социалистической системы на огромных пространствах от Эльбы до Южно-Китайского моря. Анализ международных событий доведен в томе до XX съезда Коммунистической партии Советского Союза, исторические решения которого имеют великое значение для коммунистического строительства в СССР и положили начало новому этапу международного коммунистического движения.

В основе анализируемого в томе развития международных отношений лежало главное противоречие нашей эпохи — противоречие между капитализмом и социализмом. Рассматриваемый период характеризуется дальнейшим ростом экономической, политической и военной мощи мирового социализма, подъемом национально-освободительной борьбы угнетенных народов, укреплением международного рабочего и коммунистического движения, обострением противоречий в капиталистическом мире, ослаблением международных позиций империализма.

Особое значение внутри этого периода приобрели 1953—1955 годы, когда Коммунистическая партия Советского Союза, ее ленинский Центральный Комитет во главе с Н. С. Хрущевым стали на путь смелого и решительного преодоления отрицательных последствий культа личности Сталина во всех областях жизни советского общества. Решительно искореняя все мешавшее движению советского народа вперед, восстанавливая ленинские принципы, партия повела борьбу за дальнейший бурный рост социалистической экономики, мобилизовала массы на

решение задач коммунистического строительства. В деятельности партийных, государственных и общественных организаций воссоставлялись ленинские методы и стиль руководства.

Центральный Комитет КПСС развернул энергичную и целеустремленную деятельность в области внешней политики. Под руководством партии Советское государство предприняло ряд важных шагов, направленных на предотвращение новой мировой войны, на обеспечение мирного сосуществования государств с различным общественным строем, на поддержку освободительной борьбы народов. Возросшая активность советской внешней политики имела особенно большое значение в сложившейся в те годы международной обстановке, характеризовавшейся острой борьбой двух противоположных курсов — миролюбивого, проводившегося социалистическими государствами, и агрессивного, проводившегося лагерем империализма.

В начале 50-х годов империалистические державы, и прежде всего США, провозгласившие политику «отбрасывания» коммунизма, перешли от подготовки войны к прямым актам вооруженной агрессии против социалистических стран и национально-освободительного движения. Военная интервенция в Корею и Индокитае, усиление гонки вооружений, курс на ремилитаризацию Западной Германии и Японии, расширение существующих и создание новых агрессивных военно-политических группировок — таковы основные проявления внешней политики империализма в рассматриваемый период. Монополистическая буржуазия, напуганная стремительным ростом сил социализма, национально-освободительного и рабочего движения, основную ставку в борьбе двух систем сделала на развязывание локальных войн и подготовку мировой термоядерной войны.

Однако эта ставка оказалась битой — соотношение сил на мировой арене продолжало изменяться в пользу социализма. Неуклонно возрастающая мощь Страны Советов и других социалистических государств, подъем национально-освободительного движения, международная пролетарская солидарность, действия миролюбивых сил воспрепятствовали осуществлению агрессивных планов мировой реакции. Империалистические агрессоры потерпели поражение в Корею и Индокитае. Их попытки расширить сферу военных действий в целях развязывания мировой атомной войны были сорваны. Миролюбивым силам удалось к середине 50-х годов обеспечить известное ослабление международной напряженности.

В результате целеустремленной интернационалистской политики КПСС и других марксистско-ленинских партий политическое, экономическое и военное сотрудничество стран социалистического содружества становилось все более тесным и плодотворным. Этот процесс нашел свое выражение, в частности, в заключении Варшавского договора и деятельности Совета Экономической Взаимопомощи. Укрепление единства и сплоченно-

сти социалистических государств способствовало повышению международного авторитета социалистической внешней политики, усилению ее влияния на развитие международных отношений.

Существенное влияние на развитие международной обстановки оказывают классовая борьба в странах капитала, рабочее и коммунистическое движение, активные выступления трудящихся масс против войны и агрессивной политики империалистических держав. Это в полной мере относится и к событиям первой половины 50-х годов, рассматриваемым в данном томе. Роль народных масс на международной арене возрастала, они становились все более активными участниками борьбы за социальный прогресс, за мир и демократию.

Одним из краеугольных камней международной политики Советского Союза является братский союз с народами, сбросившими колониальное и полуколониальное ярмо. Всемирная моральная, экономическая, военная и политическая поддержка, которую Советский Союз и другие социалистические страны оказывали священной борьбе народов Азии, Африки и Латинской Америки за свою свободу, в огромной мере облегчала эту борьбу, приближала окончательный распад позорной колониальной системы. Советский Союз и другие социалистические страны развивали дружественные отношения с молодыми национальными государствами, ведущими борьбу против империализма и колониализма, за подлинное национальное освобождение и возрождение. Такая политика способствовала укреплению молодых суверенных государств на позициях нейтрализма, складыванию обширной зоны мира. Выражением их возросшей роли и все более активного участия в мировой политике, все большего распространения принципов мирного сосуществования была Бандунгская конференция стран Азии и Африки в 1955 г.

Все эти процессы обусловили нарастание серьезных сдвигов в международных отношениях. Хотя агрессивная природа империализма не изменилась, возможности произвола, диктата, насилия как традиционных средств империалистической политики резко сузились. В то же время все шире распространялись гуманные и миролюбивые принципы социалистической внешней политики. Социализм оказывал все большее воздействие на характер и развитие международных отношений.

Проанализировав глубокие изменения в расстановке классовых сил на мировой арене в пользу социализма и в ущерб империализму, определившиеся к середине 50-х годов, XX съезд КПСС обогатил марксистско-ленинскую теорию и практику революционной борьбы новыми положениями по коренным вопросам международного развития, сделал важнейший вывод о реальной возможности предотвращения новой мировой войны.

Весь ход событий на мировой арене убедительно подтверждает глубокую правильность и эффективность внешнеполити-

ческого курса КПСС, основанного на ленинском принципе мирного сосуществования государств с различным общественным строем, его соответствие жизненным интересам советского народа и всего человечества.

* * *

*

Авторами второго тома являются: глав I и II — В. Н. Егоров, главы III — В. В. Размеров, главы IV — А. Н. Шевченко, главы V — Л. А. Фитуни, глав VI и XIX — С. М. Нестеров, главы VII — Г. И. Мирский, главы VIII — Р. М. Аваков, главы IX — А. И. Калинин и Э. В. Ковалев, главы X — О. Э. Туганова, главы XI — А. Г. Милейковский, главы XII — Н. Н. Иноземцев, главы XIII — С. П. Мадзоевский, глав XIV и XXV — Н. Н. Молчанов, главы XV — В. И. Гантман, главы XVI — Л. И. Львов (Менделевич), главы XVII — О. Н. Быков и Б. В. Ганюшкин, главы XVIII — В. П. Нихамин, главы XX — Л. Н. Кутаков и Д. В. Петров, глав XXI и XXII — А. А. Лаврищев, главы XXIII — Е. Н. Новосельцев, главы XXIV — В. Б. Княжинский (§ 1 и 2) и Н. Н. Софинский (§ 3 и 4), главы XXVI — Д. Е. Мельников, главы XXVII — А. Д. Никонов, главы XXVIII — А. М. Александров, главы XXIX — А. А. Галкин, главы XXX — И. И. Орлик, главы XXXI — Ю. М. Мельников.

Научное редактирование глав провели научные сотрудники Отдела международных отношений ИМЭМО АН СССР: В. И. Гантман, И. М. Иванова, Н. А. Ковальский, С. А. Микоян, Н. Н. Молчанов, А. Д. Никонов, Д. В. Петров, О. Э. Туганова.

Основная научно-вспомогательная работа проведена сотрудниками Отдела международных отношений ИМЭМО АН СССР: И. Г. Боголеповой, Ю. В. Емельяновым, М. С. Зиборовой, Л. С. Лачиновой, Ю. Н. Листвиновым, Г. А. Пономаревым, В. С. Салтановым, Е. И. Селезневой, а также аспирантами В. М. Голубевым, Ф. Н. Кулиевым, Л. А. Салычевой и Э. М. Федотовой.

Литературный редактор М. Д. Важнин.

Библиография составлена Е. И. Селезневой.

Именной и предметный указатели подготовлены Ю. В. Емельяновым.

Карты составлены Г. Г. Чумаловой и Э. А. Шмуйлович.

УКРЕПЛЕНИЕ СИСТЕМЫ СОЦИАЛИЗМА. УСИЛЕНИЕ ЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА МИРОВУЮ ПОЛИТИКУ

Важнейшим фактором мирового развития в первой половине 50-х годов, как и в предыдущий и последующий периоды современной эпохи, являлся рост мирового социализма, результатом которого было дальнейшее изменение соотношения сил между двумя системами в ущерб империализму, усиление воздействия мировой социалистической системы на международные отношения.

В рассматриваемый период Советский Союз сделал большой шаг вперед в борьбе за завершение строительства социализма, достиг новых успехов в деле укрепления своей экономической, политической и военной мощи. Решительная борьба Коммунистической партии Советского Союза во главе с ее ленинским Центральным Комитетом за преодоление последствий культа личности Сталина, за восстановление ленинских норм партийной и государственной жизни и принципов руководства, явилась необходимым условием успешного решения задач крутого подъема народного хозяйства и развития социалистической демократии, всестороннего расширения инициативы масс.

Все большим становился вклад стран народной демократии в упрочение мировой социалистической системы. Народы этих стран, продолжая под руководством коммунистических и рабочих партий осуществление социалистических преобразований, в короткие сроки преодолевали экономическую отсталость — наследие старого строя. Социалистическая индустриализация, перестройка сельского хозяйства на основах ленинского принципа кооперирования крестьянства обусловили огромные перемены в социальной структуре общества этих стран.

На мировой арене социализм продолжал теснить капитализм в важнейшей сфере человеческой деятельности — сфере материального производства. Социалистические страны значительно превосходили капиталистический мир в темпах экономического

развития. Объем промышленного производства в социалистических государствах увеличился с 1950 по 1955 г. почти вдвое, а в странах капитализма — менее чем на одну треть. В итоге доля государств социалистической системы в мировом промышленном производстве составила к 1956 г. около 27%.

Характеризуя итоги развития мирового социализма, Н. С. Хрущев подчеркивал в докладе XX съезду КПСС: «Социалистическая система победоносно идет вперед, не зная кризисов и потрясений. Она приносит великие блага народам стран социализма, демонстрируя свои решающие преимущества перед капиталистической системой»¹.

Высокий уровень экономического развития социалистических стран, и в первую очередь Советского Союза, огромный научный и технический прогресс, достигнутый советским народом, обеспечили укрепление обороноспособности лагеря социализма. Военная мощь СССР и всех социалистических государств становилась серьезнейшим препятствием на пути к новой мировой войне, обрекала на поражение вооруженные авантюры, подготавливавшиеся силами международной реакции.

Увеличению роли социалистической системы в международных отношениях, ее растущему влиянию на весь ход мировых событий в большой мере способствовало укрепление братской дружбы и сотрудничества между социалистическими странами, дальнейшее развитие международных отношений нового типа. Отношения стран социалистического содружества опираются на однотипность экономической основы и государственного строя, на единство идеологии — марксизм-ленинизм и общность целей — построение социализма и коммунизма, на общие интересы в защите революционных завоеваний и национальной независимости от посягательств империалистического лагеря.

В интересах обеспечения международной безопасности и создания наиболее благоприятных внешних условий для выполнения задач социалистического строительства укреплялась коллективная оборона социалистических стран. Важнейшая роль в этом принадлежит договору о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между европейскими социалистическими странами, подписанному в Варшаве 14 мая 1955 г. в ответ на активизацию агрессивной деятельности империалистических военных блоков.

Большое принципиальное значение имело развертывание многостороннего экономического сотрудничества стран социализма на основе международного социалистического разделения труда. Экономическое сотрудничество социалистических государств дает каждому из них возможность наиболее рационально использовать свои ресурсы и быстрее развивать производительные силы.

¹ Н. С. Хрущев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. I. М., 1956, стр. 14.

Такое сотрудничество показывает всему миру, что только социализм способен ликвидировать экономическое неравенство между нациями и государствами, только социализм может обеспечить всеобщий экономический прогресс и дружбу между народами.

Советский Союз и другие социалистические страны в своей политике проводили ленинский курс мирного сосуществования государств различных общественных систем. Внешняя политика социалистических стран начиная с 1953 г. становится более активной, инициативной, действенной и гибкой.

В эти годы Центральным Комитетом КПСС была проделана огромная и исключительно важная работа по устранению тех отрицательных факторов, которые в условиях культа личности ограничивали внешнеполитическую инициативу, лишали нашу внешнюю политику необходимой гибкости. Эта деятельность ЦК КПСС была неразрывно связана со смелой творческой разработкой важнейших теоретических проблем мирового развития и проведением ряда важнейших практических мероприятий на международной арене.

Все более активная и действенная поддержка национально-освободительной борьбы народов Азии, Африки и Латинской Америки Советским Союзом и другими социалистическими странами способствовала ее новому подъему и огромным успехам. В своих отношениях с освободившимися от колониального гнета странами социалистические государства руководствовались принципами интернациональной солидарности с борющимися народами. Всесторонняя помощь, которую оказывали СССР и другие социалистические страны молодым суверенным государствам, основывалась на строгом соблюдении равноправия и невмешательства во внутренние дела, содействовала укреплению независимости этих государств. В то же время политика социалистических государств, крепнущее сотрудничество стран социалистического содружества с молодыми государствами, добившимися независимости, расширяли сферу действия принципов мирного сосуществования, способствовали созданию обширной зоны мира.

Неустанная борьба социалистических стран за смягчение международной напряженности приносила весьма существенные положительные результаты. Активная и последовательная внешнеполитическая деятельность Советского Союза привела к тому, что в международной практике значительное развитие получил метод переговоров, благодаря которому удалось погасить пожар войны в Корее и Индокитае и провести серию важных международных совещаний, вплоть до встречи глав правительств в Женеве. Начали складываться условия, позволявшие по-новому подойти к проблеме разоружения и более успешно бороться за ее разрешение. Мирная инициатива социалистических стран оказывала возрастающее влияние на весь ход международных событий.

Успехи, достигнутые в строительстве социализма, укрепление и развитие братской дружбы и сплоченности стран социалистического содружества, проведение ими активной внешней политики, основанной на принципах мирного сосуществования государств различных систем, активная поддержка странами социализма национально-освободительной борьбы народов и международного рабочего движения — все это подготавливало условия для превращения мировой социалистической системы в определяющий фактор мирового развития.

Г Л А В А I

РОСТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОЩИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И УСПЕХИ ДРУГИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ

Борьба между социализмом и капитализмом происходит во всех областях жизни — экономике, политике, идеологии. Важнейшее значение для хода и исхода этой борьбы имеет хозяйственное строительство в Советском Союзе и других социалистических странах, укрепление их экономической и политической мощи. Успехами в социалистическом и коммунистическом строительстве, силой своего примера страны социализма оказывают главное воздействие на многомиллионные массы трудящихся капиталистического мира. В Программе КПСС говорится, что «победивший социализм своим примером революционизирует умы трудящихся капиталистического мира, вдохновляет их на борьбу против империализма и в огромной мере облегчает условия этой борьбы»¹.

С честью выполняя эту историческую миссию, народы Советского Союза и других стран социалистического содружества добились серьезных успехов в строительстве социализма и коммунизма, в развитии мировой социалистической системы.

Большое значение для укрепления экономической и политической мощи мирового социализма, роста его влияния на международные отношения, на весь ход мирового развития имели годы, предшествовавшие XX съезду КПСС. Коммунистическая партия Советского Союза предприняла в эти годы ряд важных шагов, способствовавших быстрому продвижению страны по пути социализма.

Большая созидательная работа развернулась в этот период и в странах народной демократии, где бурно развивались производительные силы, укреплялся новый общественный и государственный строй.

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», М., 1961, стр. 35.

1. Советский народ в борьбе за завершение строительства социализма

Развитие Советского Союза в годы пятой пятилетки (1951—1955) характеризовалось непрерывным ростом общественного производства, дальнейшим укреплением советского общественного и государственного строя, повышением материального благосостояния советского народа, ростом его культуры. Коммунистическая партия Советского Союза проявляла постоянную заботу о преимущественном росте тяжелой промышленности, которая составляет основу всестороннего развития социалистического хозяйства, укрепления военной мощи Советского государства, повышения жизненного уровня народа. Эта генеральная линия КПСС соответствовала указаниям великого основателя нашей партии и Советского государства В. И. Ленина, была проверена всем опытом развития Советского Союза и отвечала жизненным интересам советского народа. В результате следования этой линии советская социалистическая экономика развивалась в направлении все большего удовлетворения материальных и культурных потребностей всего общества и каждого из его членов, непрерывного расширения производства на базе высшей техники, укрепления сотрудничества и взаимопомощи между СССР и другими социалистическими странами, успешного решения задачи мирного экономического соревнования с капитализмом.

Выдающиеся победы социализма в нашей стране достигнуты благодаря организаторской работе партии, благодаря тому, что партия всегда воспитывала свои кадры и всех коммунистов в духе верности марксизму-ленинизму и делу коммунизма, вела за собой весь народ. Огромное значение для ускорения поступательного движения советского народа к коммунизму имела деятельность партии в 1953—1955 гг., ставшая важнейшим импульсом общественно-политического развития Советского государства, приведшая к благотворным изменениям во всех областях жизни советского общества и подготовившая исторические решения XX съезда КПСС.

В эти годы были осуществлены важные мероприятия, направленные на укрепление руководства партийными и государственными органами. Центральный Комитет партии возглавил верный и последовательный ленинец Н. С. Хрущев. ЦК КПСС и вся партия повели решительную борьбу за преодоление последствий культа личности Сталина, приводившего к нарушению ленинских норм партийной и государственной жизни, к злоупотреблению властью, к необоснованным репрессиям против партийных, государственных и военных кадров, к ошибкам в вопросах внутренней и внешней политики.

Культ личности Сталина нанес серьезный ущерб нашей партии, советскому обществу, ибо по самому своему существу

культ личности глубоко чужд марксизму-ленинизму, социалистическому строю, всем жизненным основам развития социалистического общества. Однако он не изменил и не мог изменить природы социалистического государства. Могучая сила социализма проявилась в том, что советский народ под руководством Коммунистической партии смог добиться, вопреки культу личности, тех огромных исторических успехов, которые были и остаются предметом справедливой гордости советских людей. Своим могуществом и международным авторитетом СССР обязан силе и жизненности советского строя, преданности партии и народа бессмертным идеям великого Ленина. Лучшим доказательством этого служит тот факт, что партия сама смело и открыто поставила вопрос о преодолении последствий культа личности Сталина.

Ликвидация последствий культа личности стала важнейшей политической задачей, основным условием повышения руководящей роли партии и усиления ее связей с массами, дальнейшего укрепления советского общественного и государственного строя, ускорения социалистического строительства. В работе партийных, государственных и общественных организаций был взят курс на последовательное применение ленинских методов и стиля руководства, основанных на глубоком знании жизни, на тесной связи с массами, внимательном изучении и использовании их опыта, на поддержке творческой активности и инициативы трудящихся.

Партия повысила уровень идеологической работы, добиваясь творческого освоения коммунистами теории и исторического опыта борьбы партии, нацеливая партийные организации на решение практических задач строительства коммунизма, ведя непримиримую борьбу с буржуазной идеологией, усиливая работу по коммунистическому воспитанию масс и преодолению в сознании людей пережитков капиталистического прошлого.

Партия критически оценила результаты прошлой работы по важнейшим вопросам государственного и хозяйственного строительства и наметила неотложные задачи и перспективы развития страны. Были приняты меры к укреплению союза рабочего класса и крестьянства — незыблемой основы советского общественного и государственного строя. Коммунистическая партия, неуклонно проводя ленинскую национальную политику, последовательно укрепляла дружбу народов СССР.

Партия и Советское правительство приняли необходимые меры к ликвидации тяжелых последствий нарушения социалистической законности. Важное значение имело разоблачение заклятого врага партии и народа, политического авантюриста Берия. Состоявшийся в июле 1953 г. Пленум ЦК КПСС принял решения, в соответствии с которыми было усилено партийное руководство государственным аппаратом, были укреплены кадры органов государственной безопасности, восстановлен в своих

правах прокурорский надзор, усилен партийный контроль за работой всех организаций и ведомств в центре и на местах.

Восстановление и дальнейшее развитие ленинских норм партийной жизни, и прежде всего принципов коллективного руководства во всех звеньях партии и государства, повысили боеспособность партии, открыли простор для развития творческих сил и инициативы партии и народа, еще больше укрепили связи партии с массами. Все эти мероприятия знаменовали собой поворот в общественно-политической жизни нашей страны, сделали еще более прочным и нерушимым единство партии и народа, ускорили движение нашей страны к коммунизму.

Осуждение нашей партией культа личности Сталина и борьба за преодоление его последствий получили одобрение братских коммунистических и рабочих партий. Коммунисты зарубежных стран рассматривали борьбу против культа личности и его последствий как борьбу за действенность марксистско-ленинской теории, за творческий подход к решению современных проблем международного рабочего движения, за последовательное проведение и дальнейшее развитие принципов пролетарского интернационализма, за объединение всех сил, выступающих за социализм, за создание самого широкого антиимпериалистического фронта.

Важнейшее место в деятельности Коммунистической партии Советского Союза заняли вопросы развития социалистической экономики, строительства материально-технической базы коммунистического общества. Советский народ завершал в эти годы выполнение пятого пятилетнего плана, основные задачи которого были определены XIX съездом партии (октябрь 1952 г.). Трудовая активность советских людей, организаторская деятельность партии стали основой успехов в развитии народного хозяйства. Пятилетний план был выполнен досрочно — в 4 года и 4 месяца.

О росте промышленного производства — основы всего народного хозяйства — свидетельствуют следующие цифры ¹:

	Производство промышленной продукции в 1955 г. в % к 1950 г.		Среднегодовые темпы прироста производства за 1951—1955 гг. в %	
	по пятилетнему плану	фактически	по пятилетнему плану	фактически
Вся промышленность . .	170	185	12	13,1
Производство средств производства (группа «А»)	180	191	13	13,8
Производство предметов потребления (группа «Б»)	165	* 176	11	11,9

¹ «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. I, стр. 43.

К концу пятой пятилетки значительно возросло производство металла, топлива, увеличились выработка электроэнергии и выпуск продукции других важнейших отраслей тяжелой индустрии.

Вот соответствующие данные:

	Произведено в 1950 г.	Произведено в 1955 г.	1955 г. в % к 1950 г.
Чугун (млн. т)	19	33	174
Сталь > >	27	45	166
Прокат > >	21	35	169
Уголь > >	261	391	150
Нефть > >	38	71	187
Электроэнергия (млрд. квт-ч) . .	91	170	187
Цемент (млн. т)	10	22	221
Тракторы (тыс. шт.)	109	163	150
Минеральные удобрения (млн. т)	5,5	9,6	175

Было построено и введено в действие более 3 тыс. новых крупных промышленных предприятий. За годы пятой пятилетки вступили в строй Цимлянская, Верхне-Свирская, Мингечаурская, Усть-Каменогорская ГЭС, первая очередь Куйбышевской ГЭС и др. Бурно развивались промышленные центры на востоке страны. Было построено и сдано в эксплуатацию 3,1 тыс. км новых железных дорог.

Капиталовложения в промышленность в годы пятилетки увеличились по сравнению с четвертой пятилеткой на 94%. При этом капитальные вложения в строительство электростанций возросли в 3,4 раза, нефтяную промышленность — в 2,3, черную и цветную металлургию — в 1,8, химическую промышленность — в 1,8, машиностроение — в 1,7, в легкую и пищевую промышленность — в 1,5 раза.

Успехи в развитии промышленности, достигнутые за годы пятой пятилетки, создавали надежную предпосылку дальнейшего развития советской индустрии на базе новой техники.

Задачу быстрого осуществления технического прогресса поставил перед работниками промышленности июльский (1955 г.) Пленум ЦК КПСС. В качестве одного из важнейших средств роста уровня промышленного производства было выдвинуто предложение о неуклонном проведении специализации и кооперирования производства. Решения июльского Пленума сыграли большую роль в жизни нашей страны, указав принципиальный путь дальнейшего развития советской промышленности, и в первую очередь тяжелой, в качестве главной основы развития всего социалистического хозяйства, укрепления оборонной мощи, подъема сельского хозяйства и неуклонного повышения жизненного уровня советского народа.

Преимущества советской социалистической экономики нашли свое выражение в более высоких, чем в капиталистических странах, темпах роста промышленного производства, национального дохода, производительности труда в промышленности, производства промышленной продукции на душу населения. Среднегодовые темпы прироста продукции промышленности в пятой пятилетке были в 3 с лишним раза выше, чем в США, и в 3,8 раза выше, чем в Англии.

В результате успешного выполнения народнохозяйственных планов в СССР в 1955 г. было произведено промышленной продукции в 3,2 раза больше, чем в 1940 г. По абсолютным размерам производства чугуна, стали, алюминия, меди, электроэнергии, цемента, угля, продукции машиностроения, производства хлопчатобумажных тканей СССР к 1955 г. оставил далеко позади все капиталистические страны, кроме США.

Начиная с 1953 г. особые усилия партия и правительство направляют на ликвидацию отставания сельского хозяйства. Уровень сельскохозяйственного производства не удовлетворял растущие потребности населения в продуктах питания, а промышленности — в сырье. Он не соответствовал технической оснащенности сельского хозяйства и возможностям колхозного строя. Отставание сельского хозяйства могло затормозить развитие промышленности и всей экономики, нанести серьезный ущерб делу коммунистического строительства.

Вопросы сельского хозяйства были всесторонне рассмотрены на пленумах ЦК КПСС в 1953—1955 гг. Сентябрьский Пленум ЦК КПСС в 1953 г., заслушав доклад Н. С. Хрущева, принял постановление «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства». В докладе и в постановлении давалась критическая оценка состояния сельского хозяйства, вскрывались недостатки и ошибки в руководстве сельским хозяйством. Пленум разработал конкретные мероприятия по перестройке руководства сельским хозяйством. Пленум стал поворотным пунктом в развитии сельского хозяйства. Решения Пленума положили начало большой работе партии по развитию сельского хозяйства в последующие годы.

В решении февральско-мартовского (1954 г.) Пленума ЦК КПСС намечались меры по дальнейшему увеличению производства зерна в стране. Важным и реальным источником повышения в короткий срок производства зерна Пленум признал расширение посевов зерновых культур путем освоения залежных и целинных земель в районах Казахстана, Сибири, Урала, Поволжья и частично в районах Северного Кавказа.

Важнейшим проблемам развития животноводства была посвящена работа январского (1955 г.) Пленума ЦК КПСС, принявшего постановление «Об увеличении производства продуктов животноводства». Всесторонне изучив потребности государства в продуктах сельского хозяйства, Пленум выдвинул задачу —

в короткий срок резко увеличить производство зерна и в 2 с лишним раза поднять производство основных продуктов животноводства.

В 1955 г. была изменена практика планирования сельского хозяйства. Согласно новому порядку колхозы и совхозы совместно с МТС должны были сами разрабатывать планы развития своего хозяйства, учитывать конкретные условия и наиболее рационально использовать земельные угодья. Продолжалось укрупнение мелких колхозов.

Увеличились капиталовложения в сельское хозяйство. Только в 1954—1955 гг. они составили 34,4 млрд. руб., что на 38% превысило общую сумму капитальных вложений в сельское хозяйство за всю четвертую пятилетку. За эти годы колхозы, МТС и совхозы получили 404 тыс. тракторов (в 15-кратном исчислении), 228 тыс. грузовых машин, 83 тыс. зерновых комбайнов и большое количество другой техники.

Решения пленумов ЦК КПСС, мероприятия партии, направленные на подъем сельскохозяйственного производства в нашей стране нашли горячее одобрение и поддержку всего советского народа. В стране развернулась напряженная борьба за ликвидацию отставания сельского хозяйства. По зову партии из городов и промышленных центров страны на работу в колхозы и МТС направлялись лучшие представители рабочего класса и интеллигенции.

Только за 1953—1955 гг. 2 млн. трактористов, комбайнеров, шоферов, специалистов-ремонтников были зачислены в штаты МТС в качестве постоянных рабочих. 29 тыс. инженеров и техников из промышленности перешли на работу в МТС. Десятки тысяч людей выехали на целину. Только по комсомольским путевкам в 1954—1955 гг. на целину направились свыше 350 тыс. молодых патриотов. В степных просторах Казахстана, Урала, Сибири, Поволжья было организовано 300 новых зерновых совхозов. В 1954 и 1955 гг. было освоено 33 млн. га целинных и залежных земель. Решение этой задачи имело историческое значение для нашего государства. Трудовой подвиг советского народа в освоении целины вызвал восхищение всех друзей Советского Союза.

Все эти мероприятия, проведенные по инициативе ЦК КПСС, привели к резкому увеличению производства сельскохозяйственной продукции. Валовая продукция зерна достигла в 1955 г. 129% по сравнению с 1950 г.; в 1955 г. зерновые культуры занимали 126,4 млн. га против 102,9 млн. в 1950 г. Производство мяса в 1955 г. возросло до 130% по сравнению с 1950 г., молока — до 119%, яиц — до 154%¹.

¹ См. «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. I, стр. 56, 58, 61.

Важные меры, осуществленные нашей партией в области развития сельскохозяйственного производства в 1953—1955 гг., сыграли поистине революционную роль в деле подъема сельского хозяйства и развития всей социалистической экономики.

Борьба партии за всестороннее развитие народного хозяйства страны способствовала росту материального уровня жизни советских людей. К концу пятой пятилетки национальный доход увеличился по сравнению с 1950 г. на 68%, а против 1940 г. — в 2,8 раза. Возросли реальная заработная плата рабочих и служащих, доходы колхозников, а также объем народного потребления.

Современное народное хозяйство с его высокоразвитой техникой предъявляло новые, повышенные требования к подготовке кадров во всех звеньях, начиная с общеобразовательной школы и кончая подготовкой специалистов высшей квалификации. Политика Коммунистической партии и Советского правительства в области народного образования привела к резкому увеличению числа учащихся. В 1956/57 учебном году в СССР всеми видами обучения было охвачено 50 млн. человек. За 1950—1955 гг. были построены тысячи новых школ. Началась перестройка преподавания в общеобразовательных школах с целью устранения разрыва между школой и жизнью, более широкого внедрения политехнического обучения. Новый учебный план предусматривал производственное обучение в общеобразовательных школах.

Большие успехи были достигнуты в области высшего и среднего специального образования, в подготовке научных и технических кадров для промышленности и сельского хозяйства.

Особенно показательны успехи в организации и развитии высшего образования в восточных и северных районах нашей страны. В 1955 г. в восточных районах Советского Союза было 200 высших учебных заведений, в которых обучалось около 400 тыс. человек. В 1955 г. вузы этих районов выпустили 49 тыс. специалистов, тогда как в 1940 г. их число составляло всего лишь 15 400.

Всего за годы пятой пятилетки высшие учебные заведения подготовили свыше 1120 тыс. специалистов, из них 260 тыс. специалистов выпустили вечерние и заочные вузы. В этот же период открылось около 100 заочных и вечерних институтов и факультетов, а число обучающихся без отрыва от производства возросло с 427 тыс. человек до 718 тыс.¹ По темпам роста численности научных и технических кадров Советский Союз обогнал США.

1950—1955 годы характеризовались большими успехами в развитии советской науки и техники. Была проделана большая работа по укреплению материальной базы советской науки. Созданы новые научно-исследовательские институты, оборудованные по последнему слову техники, такие, как Институт ядерных

¹ См. «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. II. М., 1956, стр. 94—95.

проблем, Электрофизическая лаборатория АН СССР, Институт радиотехники и электроники и др. Расширилась сеть научно-исследовательских учреждений в союзных республиках. К 1955 г. в Советском Союзе насчитывалось 2950 научных учреждений (на 1129 больше, чем в 1940 г.) и 224 тыс. научных работников. Количество научных работников только в системе Академии наук увеличилось за пятую пятилетку почти в 2 раза. Советские ученые сделали важные научные открытия в области естественных и технических наук, особенно в области физики, химии и математики. Работы талантливых советских ученых академиков И. В. Курчатова, М. В. Келдыша, Н. Н. Семенова, А. Н. Туполева и других получили всемирное признание.

Огромное значение имели научные достижения в области атомной энергии и ее применения в мирных целях. Были созданы ускорители заряженных частиц колоссальных энергий — в 10 млрд. электроновольт, сделан ряд открытий мирового значения. 27 июня 1954 г. Советский Союз первым в мире ввел в эксплуатацию атомную электростанцию, дающую промышленный ток. Достижения советских ученых в области ядерной физики получили высокую оценку на Международной научно-технической конференции по мирному использованию атомной энергии, проходившей в Женеве в августе 1955 г.

Научно-технические завоевания Советского Союза еще раз продемонстрировали всему миру преимущества советского социалистического строя.

Бурный рост экономической мощи СССР, крупные научно-технические открытия создавали предпосылки для достижения военно-технического превосходства Советского Союза над империалистическими государствами.

В результате героического труда советского народа, руководимого и вдохновляемого коммунистической партией, СССР превращался во все более могучую силу и оказывал все большее влияние на международную обстановку в интересах мира и социализма.

2. Развитие стран народной демократии по пути социализма

Борьба за осуществление социалистической революции и строительство социализма основывается на ряде общих закономерностей. «Опыт СССР и других социалистических стран, — указывается в Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий 1957 г., — полностью подтвердил правильность положения марксистско-ленинской теории о том, что процессы социалистической революции и социалистического строительства основываются на ряде главных закономерностей, присущих всем странам, вступающим на путь социализма. Эти закономерности проявляются всюду при наличии большого раз-

нообразия исторически сложившихся национальных особенностей и традиций, которые следует непременно учитывать»¹.

К числу этих общих закономерностей Декларация относит: руководство трудящимися массами со стороны рабочего класса, ядром которого является марксистско-ленинская партия, в проведении пролетарской революции в той или иной форме и установление диктатуры пролетариата в той или иной форме; союз рабочего класса с основной массой крестьянства и другими слоями трудящихся; ликвидацию капиталистической собственности и установление общественной собственности на основные средства производства; постепенное социалистическое преобразование сельского хозяйства; планомерное развитие народного хозяйства, направленное на построение социализма и коммунизма, на повышение жизненного уровня трудящихся; осуществление социалистической революции в области идеологии и культуры и создание многочисленной интеллигенции, преданной рабочему классу, трудовому народу, делу социализма; ликвидацию национального гнета и установление равноправия и братской дружбы между народами; защиту завоеваний социализма от покушений внешних и внутренних врагов; солидарность рабочего класса данной страны с рабочим классом других стран — пролетарский интернационализм.

Конкретные формы осуществления этих закономерностей в различных странах народной демократии были весьма разнообразны. Они зависели от исторически сложившихся национальных особенностей, от соотношения классовых сил на различных этапах социалистической революции. Одни страны вступили на путь революционных преобразований, будучи высокоразвитыми в экономическом отношении, другие являлись аграрно-индустриальными, в третьих господствовало мелкотоварное аграрное производство. В странах Азии, ставших на путь социализма, ранее доминировали полуфеодалные отношения. Эти страны в еще большей степени, чем европейские, испытывали в прошлом зависимость от империалистических держав и даже прямой колониальный гнет.

В европейских странах народной демократии еще во второй половине 40-х годов, а в странах народной демократии Азии в первой половине 50-х годов была осуществлена национализация средств производства, устранившая присущее капиталистическому строю противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения. Национализация в условиях диктатуры рабочего класса открывала новые широкие возможности для развития производительных сил.

¹ «Декларация Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, состоявшегося в Москве 14—16 ноября 1957 года». М., 1957, стр. 13—14.

Опираясь на преимущества социалистического строя, братские партии впервые в истории своих стран поставили и решили задачу планирования народного хозяйства. При разработке перспективных планов коммунистические и рабочие партии вели решительную борьбу с буржуазными и мелкобуржуазными идеологиями, заявлявшими о «невозможности» и «вреде индустриализации» для ранее отсталых аграрных стран.

Коммунистические и рабочие партии стран народной демократии, опираясь на преимущества социалистического строя, опыт СССР, взяли курс на социалистическую индустриализацию. Социалистическая индустриализация, означавшая создание многих важных отраслей промышленности, которые в этих странах ранее отсутствовали либо были недостаточно развиты, имела целью создать материальную базу для дальнейшего развития производительных сил, технического прогресса и повышения производительности труда. Лишь на этой основе могло происходить ускоренное развитие всей экономики стран народной демократии, и в частности сельского хозяйства, а также повышение жизненного уровня населения.

Социалистическая индустриализация решала и другие важные проблемы, а именно обеспечивала полную занятость самодеятельного населения, ликвидировала безработицу и аграрное перенаселение, расширяла внутренний рынок. Она была необходимым условием укрепления оборонной мощи, способствовала укреплению политического и экономического могущества всего социалистического содружества.

Развитие социалистической промышленности в странах народной демократии проходило в благоприятных условиях. Мощь СССР надежно гарантировала их от вооруженной империалистической интервенции. Каждая народно-демократическая страна не только опиралась на опыт Советского Союза, но и получала экономическую и научно-техническую помощь со стороны СССР, а также и других социалистических стран. Страны народной демократии имели возможность развивать не все отрасли производства, а, опираясь на международное разделение труда в социалистическом лагере, те отрасли народного хозяйства, для роста которых у них имелись наиболее благоприятные экономические и природные условия.

Об успехах социалистической экономики в европейских странах народной демократии свидетельствует бурный рост их промышленности.

Так, например, в Чехословакии доля промышленности в создании национального дохода возросла с 56% в 1948 г. до 66% в 1955 г. Валовая продукция промышленности в 1956 г. увеличилась на 166% по сравнению с 1937 г., в том числе производство средств производства — на 201%, а производство предметов потребления — на 129%. Наибольшее развитие в Чехословакии получило машиностроение, валовая продукция которого в 1955 г. увеличилась на 250% по сравнению с 1948 г. Доля продукции машиностроения в общем

объеме продукции обрабатывающей промышленности в 1948 г. составляла 18%, а к 1956 г. возросла до 31%.

Из года в год возрастала доля социалистического сектора в экономике страны. К середине 50-х годов доля социалистического сектора в промышленном производстве приблизилась к 100% (1954 г. — 99,7%).

Социалистическая индустриализация *Германской Демократической Республики* проходила в специфических условиях. В ГДР необходимо было ликвидировать диспропорции, возникшие в результате раскола Германии, когда нарушение нормальных экономических связей привело к отрыву многих предприятий от источников сырья. Наряду с социалистическим укладом в промышленности страны существовал также частнокапиталистический уклад в форме небольших и средних частных предприятий и ремесленного производства. В ходе социалистической индустриализации в ГДР подготавливалась почва для социалистических преобразований частнокапиталистических предприятий путем участия в них государства и создания смешанных государственно-частных предприятий.

II съезд СЕПГ в июле 1950 г. принял пятилетний план развития народного хозяйства страны, который был успешно выполнен к 1955 г. Удельный вес социалистической промышленности в общем объеме промышленной продукции составил 85,5%.

В *Польше* развертывание строительства основ социализма нашло свое выражение в шестилетнем плане (1950—1955 гг.). К концу 1955 г. стоимость промышленной продукции в 2,8 раза превысила уровень 1949 г. Были созданы новые отрасли промышленности, такие, как металлургия алюминия и меди, автомобильная, судостроительная, производство синтетического волокна и др.¹

В процессе социалистической индустриализации изменилась структура промышленности Польши. В 1955 г. на долю отраслей группы «А» приходилось 55,9% валовой стоимости промышленной продукции против 51,4% в 1950 г. Доля социалистического сектора в промышленной продукции поднялась с 94,4% в 1950 г. до 99,5% в 1955 г.

В *Венгрии* трудящиеся, восстановив к 1949 г. народное хозяйство, приступили к строительству социалистической экономики. В декабре 1949 г. был принят пятилетний план развития народного хозяйства на 1950—1954 гг., в результате выполнения которого в народном хозяйстве Венгрии произошли важные изменения. В конце первой пятилетки объем промышленной продукции возрос по сравнению с уровнем 1949 г. более чем в 2,3 раза, причем в значительной степени за счет преимущественного развития тяжелой промышленности. Доля промышленности в образовании национального дохода в 1955 г. составила около 60%. Венгрия превратилась в индустриально-аграрную страну, располагающую тяжелой промышленностью. Доля социалистического сектора в промышленном производстве составляла в 1955 г. 97%.

В декабре 1950 г. был принят первый пятилетний план развития народного хозяйства *Румынии* (1951—1955 гг.). Объем промышленной продукции в 1955 г. в 2,9 раза превысил уровень 1938 г. В период первой пятилетки ²/₃ всех капитальных вложений в промышленность были сконцентрированы в нефтяной и химической промышленности, в черной металлургии и машиностроении, в производстве электроэнергии. Удельный вес промышленности (вместе со строительством) в образовании национального дохода увеличился с 33,7 в 1937 г. до 50,8% в 1957 г. Доля социалистического сектора в промышленности составила в 1955 г. 97%². Румынская Народная Республика превратилась в индустриально-аграрную страну.

Первый пятилетний план развития народного хозяйства *Болгарии* (1949—1953 гг.) предусматривал последовательное проведение индустриализации страны с преимущественным развитием тяжелой промышленности. Около

¹ В. Гомулка. Избранные статьи и речи (1959—1961). М., 1962, стр. 126.

² См. «Международный политико-экономический ежегодник. 1960». М., 1960, стр. 509.

половины всех капиталовложений было направлено на развитие промышленности, главным образом производства средств производства. В период выполнения второго пятилетнего плана (1953—1957 гг.) Болгария сделала новый шаг в создании материально-технической базы социализма.

Доля социалистического сектора в промышленности составляла в 1955 г. 97,1%. В отчетном докладе VII съезду Болгарской коммунистической партии (1958 г.) Первый секретарь ЦК БКП Тодор Живков подчеркнул, что в результате победы социалистических производственных отношений Народная Республика Болгария из отсталой аграрной страны превратилась в социалистическую индустриально-аграрную страну¹.

Экономическая задача первой пятилетки *Албании* (1951—1955 гг.) заключалась в превращении страны из аграрной в аграрно-индустриальную. Эту задачу албанский народ решал, опираясь на всестороннюю помощь Советского Союза и других социалистических стран.

В 1955 г. промышленная продукция составляла уже 43,5% валовой продукции страны, причем на долю социалистического сектора приходилось более 98% всего промышленного производства.

В *Югославии* после установления народной власти был взят курс на развитие промышленности, и прежде всего тяжелой индустрии. Благодаря самоотверженному труду югославского народа и бескорыстной помощи Советского Союза уже в первые послевоенные годы были достигнуты заметные результаты. Объем промышленного производства в 1947 г. составил 121% по сравнению с 1939 г.

В ходе экономического развития Югославии, ставшей на путь социализма, изменилась структура народного хозяйства страны. Доля промышленности в создании национального дохода к 1955 г. превысила 42%². Валовая продукция всей промышленности увеличилась в 1955 г. в 2,4 раза по сравнению с довоенным уровнем³.

Развитие экономики ФНРЮ проходило не гладко. Это обуславливалось как объективными трудностями, так и причинами субъективного порядка. Отрицательные последствия имели изменения в экономической политике, осуществленные в начале 50-х годов. Был принят ряд законов, введших новую систему планирования народного хозяйства, оплаты труда на предприятиях и т. д. Государственный контроль за хозяйственной деятельностью предприятий стал осуществляться главным образом через кредитно-финансовую и налоговую систему. В последующий период в экономическую политику государства неоднократно вносились коррективы, направленные на усиление планирования и руководства народным хозяйством со стороны государства.

Европейские социалистические страны добились высоких темпов роста промышленного производства. Так, например, среднегодовые темпы прироста промышленной продукции в 1951—1955 гг. составили: в Болгарии — 13,7%, в Венгрии — 13, в ГДР — 13,7, в Польше — 16,2, в Румынии — 15,1, в Чехословакии — 11,2%⁴. За короткий исторический срок европейские страны народной демократии успешно решили задачу превращения своих стран из аграрных в индустриальные и индустриально-аграрные, прошли большой путь от отсталости к прогрессу.

¹ См. Т. Живков. Отчетный доклад Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии VII съезду партии. М., 1958, стр. 36.

² См. «Развитие экономики Федеративной Народной Республики Югославии». М., 1956, стр. 7.

³ См. «Народное хозяйство Федеративной Народной Республики Югославии». М., 1957, стр. 71.

⁴ См. «Развитие экономики стран народной демократии Европы и Азии». М., 1961, стр. 13.

Социалистические преобразования в промышленности народно-демократических стран Азии начали осуществляться в основном в первой половине 50-х годов.

После образования *Китайской Народной Республики* началось создание и укрепление социалистического сектора народного хозяйства.

Китайская Народная Республика приступила к мирному строительству в трудных условиях разрухи, вызванной японской оккупацией и многолетней гражданской войной. Значительными позициями в торговле и промышленности обладал частный сектор. В начале 1950 г. промышленность, принадлежавшая национальной буржуазии, давала 63,3% всей продукции страны.

К концу 1952 г. промышленность была полностью восстановлена. В 1953 г. КНР приступила к осуществлению первого пятилетнего плана (1953—1957 гг.). Главной задачей его было создание первоначальной базы социалистической индустриализации.

Промышленное производство развивалось в КНР в эти годы высокими темпами. По сравнению с 1949 г. объем промышленного производства в 1955 г. увеличился почти в 4 раза, а объем производства средств производства — более чем в 6 раз¹.

Важнейшее значение в деле социалистической индустриализации Китая имела братская помощь СССР, который оказал содействие Китайской Народной Республике в строительстве только за одну пятилетку 156 предприятий и 21 отдельного цеха. Это была невиданная по масштабам и бескорыстию помощь в индустриализации страны, еще недавно бывшей полуколонией империалистических держав. За годы пятилетки в КНР были созданы такие новые для страны отрасли промышленности, как машиностроение, металлургия, самолетостроение, автомобильная промышленность и др. Удельный вес промышленности в валовой продукции народного хозяйства повысился с 26,7% в 1952 г. до 40% в 1957 г.

В телеграмме Советскому правительству 15 сентября 1953 г. Мао Цзэ-дун писал: «От имени Китайского Правительства и китайского народа я выражаю сердечную благодарность Советскому Правительству и советскому народу за эту великую, всестороннюю, долгосрочную и бескорыстную помощь. Китайское Правительство и китайский народ приложат свои неослабевающие усилия к укреплению экономического сотрудничества и дружественного союза между Советским Союзом и Китаем в интересах общей борьбы за дело мира во всем мире»². Это заявление свидетельствовало о признании огромного значения помощи СССР для хозяйственного строительства КНР.

Основанная на принципах социалистического интернационализма, братская помощь Советского Союза и других социалистических стран во всех областях народного хозяйства содействовала успехам социалистического строительства в Китае.

За 1949—1955 гг. в КНР были достигнуты высокие темпы в развитии государственного сектора промышленности. На долю социалистического сектора приходилось в 1949 г. 34,7% общего объема валовой продукции промышленности (без кустарного производства), а в 1955 г. — уже 67,7%.

Первый пятилетний план *Монгольской Народной Республики* (1948—1952 гг.) предусматривал развитие тяжелой промышленности, а также промышленности, обрабатывающей сырье скотоводческих и охотничьих хозяйств, расширение производства предметов потребления.

За годы первой пятилетки промышленное производство возросло на 51%. Новые успехи были достигнуты трудящимися МНР в годы выполнения второго пятилетнего плана (1953—1957 гг.).

Развитие современной промышленности способствовало преодолению многоукладности экономики, созданию единой системы хозяйства, подготовли-

¹ См. «Развитие экономики стран народной демократии Европы и Азии», стр. 247.

² «Известия», 18 сентября 1953 г.

вало переход к социализму. Первый секретарь ЦК Монгольской народно-революционной партии Ю. Цеденбал подчеркивает, что МНР, в недалеком прошлом отсталая животноводческая страна, превратилась в аграрно-индустриальное государство¹.

В *Корейской Народно-Демократической Республике* мирное развитие экономики было прервано в 1950 г. вооруженной империалистической интервенцией. Война нанесла народному хозяйству огромный ущерб. В 1953 г. производство энергетической промышленности составило 26%, топливной — 11, металлургической — 10% к уровню довоенного 1949 г.

После прекращения военных действий перед народом Корейской Народно-Демократической Республики встала задача создания основ социалистической экономики. В апреле 1954 г. был принят трехлетний план восстановления и развития народного хозяйства КНДР.

С помощью СССР и других стран социализма народное хозяйство было успешно восстановлено. Среднегодовые темпы роста тяжелой промышленности в КНДР в 1954—1956 гг. составили 59%, а легкой промышленности — 28%. Валовая продукция промышленности возросла в 1957 г. по сравнению с 1949 г. в 2,8 раза. Всю промышленную продукцию давал социалистический сектор.

Демократическая Республика Вьетнам приступила к мирному экономическому строительству после прекращения войны в Индокитае, когда был принят двухлетний план экономического восстановления ДРВ (1955—1956 гг.). Это был период восстановления народного хозяйства, стабилизации экономики, заживления ран, нанесенных войной. Промышленное производство росло быстрыми темпами. Объем валовой продукции государственной промышленности увеличился за два года в 6 раз. К концу 1957 г. с помощью СССР и других социалистических стран восстановление народного хозяйства было в основном закончено.

Курс на создание социалистической индустрии в странах народной демократии Азии, высокие темпы развития промышленного производства в 1950—1955 гг. создавали предпосылки для дальнейшего развития народного хозяйства этих стран в последующий период.

Социалистическая индустриализация и успехи в развитии промышленности стран народной демократии имели решающее значение в деле создания необходимых условий для социалистических преобразований и роста сельскохозяйственного производства этих стран. Первые шаги в этом направлении были сделаны в результате проведения аграрных реформ в середине и во второй половине 40-х годов. В результате проведения реформ был ликвидирован класс помещиков и ограничено развитие в деревне капиталистических элементов. Земля перешла к тем, кто ее обрабатывает, — к безземельным и малоземельным крестьянам. Тогда же в ряде стран были созданы государственные хозяйства, положившие начало развитию социалистического сектора в сельском хозяйстве.

Аграрные реформы существенно улучшили положение крестьянства и способствовали установлению прочного союза с ним рабочего класса. Однако эти реформы не являлись сами по себе

¹ Ю. Цеденбал. Социалистические преобразования в Монгольской Народной Республике. М., 1960, стр. 115.

социалистическим мероприятием. На очереди стояло создание вместо единоличных мелкотоварных крестьянских хозяйств крупных социалистических сельскохозяйственных предприятий.

При решении вопроса о социалистических преобразованиях в сельском хозяйстве коммунистические и рабочие партии народно-демократических стран руководствовались ленинским кооперативным планом. «Дележка хороша была только для начала, — говорил В. И. Ленин. — Она должна была показать, что земля отходит от помещиков, что она переходит к крестьянам. Но этого недостаточно. Выход только в общественной обработке земли»¹. В то же время В. И. Ленин предупреждал против поспешности в этом деле: «Переход к коллективному земледелию пролетарская государственная власть должна осуществлять лишь с громадной осторожностью и постепенностью, силой примера, без всякого насилия над средним крестьянством»².

В конце 40-х годов в народно-демократических странах Европы и в начале 50-х годов — Азии начался постепенный перевод единоличных крестьянских хозяйств на рельсы производственного кооперирования.

В ходе социалистических преобразований в сельском хозяйстве стран народной демократии развивались различные типы и формы производственных сельскохозяйственных кооперативов, процесс производственного кооперирования крестьянства проходил различными темпами. Коммунистические и рабочие партии учитывали при этом национальные особенности своих стран, которые были обусловлены общественным и экономическим развитием, традициями населения страны, уровнем ее промышленного производства.

В *Болгарии*, например, наблюдалась высокая активность крестьянства в проведении социалистических преобразований в деревне. В 1955 г. в Болгарии насчитывалось 2735 ТКЗХ (трудовых кооперативных сельскохозяйственных хозяйств), в которых состояло 591 тыс. крестьянских хозяйств, обрабатывавших 62,5% всей земельной площади страны.

В *Чехословакии* и *ГДР* процессу кооперирования во многом способствовал высокий уровень промышленного развития этих стран, позволивший сравнительно быстро оснастить производственные кооперативы в сельском хозяйстве передовой техникой. В Чехословакии к концу 1955 г. насчитывалось 6795 единых сельскохозяйственных кооперативов, в которых было объединено 210 618 крестьянских хозяйств, обрабатывавших 26,7% всей площади сельскохозяйственных угодий. В ГДР в 1955 г. насчитывалось 6047 сельскохозяйственных производственных кооперативов с числом членов 196 946 человек, которые обрабатывали 19,7% площади полезной сельскохозяйственной земли.

Сравнительно более медленными темпами в связи с особенностями общественно-экономического развития этих стран проходило производственное кооперирование крестьянства в *Польше*, *Венгрии* и *Румынии*. Производственное кооперирование крестьянства сопровождалось там особенно острой классовой борьбой. Коммунистические и рабочие партии Польши, Венгрии и Румынии, опираясь на деревенскую бедноту, в союзе с середняком, являвшимся

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 28, стр. 156.

² В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 31, стр. 134.

центральной фигурой в деревне, давали отпор реакционным вылазкам кулачества, сплачивали крестьянство вокруг рабочего класса, подготавливали пути к социалистическому переустройству деревни в последующий период.

На путь производственного кооперирования крестьянских хозяйств стала и *Албания*. В 1955 г. здесь насчитывалось 318 кооперативов, охватывавших около 10% всех крестьянских хозяйств.

В первые годы существования *Федеративной Народной Республики Югославии* в стране создавались производственные кооперативы, объединявшие в 1952 г. 17% крестьянских хозяйств. После роспуска большинства производственных кооперативов главную роль в кооперативном движении стали играть сбытовые кооперативы, которые не могли существенно содействовать повышению уровня производства.

Большое значение вопросы социалистического преобразования сельского хозяйства имели для народно-демократических стран Азии, где крестьянство составляло подавляющее большинство населения и где в прошлом в деревне господствовали полуфеодалные отношения.

В *Китайской Народной Республике* аграрная реформа была в основном завершена в начале 50-х годов. Около 47 млн. га помещичьей земли перешло в собственность крестьян. В результате проведения аграрных преобразований укрепился союз рабочего класса и крестьянства, стала возможной дальнейшая перестройка китайской деревни.

К июню 1955 г. в КНР имелось уже 650 тыс. кооперативов, в которых объединилось 16 900 тыс. крестьянских дворов (примерно 15% всех крестьянских хозяйств). К концу 1956 г. 91,1% крестьянских хозяйств Китая были объединены в кооперативах.

Специфические условия производственного кооперирования крестьянства сложились в *Монгольской Народной Республике*. Араты вели кочевое экстенсивное животноводство, а кооперирование предполагало переход кочевых хозяйств к оседлости. Это была наиболее трудная проблема в социалистическом преобразовании сельского хозяйства страны, которая постепенно разрешалась. К концу 1955 г. в МНР насчитывалось уже 400 сельскохозяйственных объединений, в которых состояло 10% всех аратских хозяйств.

В *Корейской Народно-Демократической Республике* к концу 1955 г. насчитывалось 12 132 кооператива, объединявших свыше 511 тыс. дворов. Эти кооперативы обрабатывали 48,6% всей пахотной площади страны.

В *Демократической Республике Вьетнам* в конце 1953 г. был принят закон об отмене феодального землевладения и безвозмездной передаче земли тем, кто ее обрабатывает. В результате проведения этого закона было полностью ликвидировано помещичье землевладение, крестьяне получили землю и стали хозяевами в деревне. После окончания войны в 1954 г. встал вопрос о социалистическом преобразовании сельского хозяйства страны путем производственного кооперирования крестьян. В 1955 г. начали создаваться низшие формы производственных кооперативов — группы трудовой взаимопомощи.

Активную роль в социалистических преобразованиях сельского хозяйства стран народной демократии играло государство. Из города посылались в деревню лучшие кадры для помощи в организации производственных кооперативов. Крестьянам, вступившим в кооперативы, предоставлялись денежные ссуды и кредиты. Они освобождались от налогов, для некоторых категорий крестьян налоги уменьшались. Государство предоставляло крестьянам в кредит или в рассрочку сельскохозяйственные машины и инвентарь.

Большое значение имело развитие государственного сектора в сельскохозяйственном производстве в виде госхозов, народных

имений, МТС, сенокосных станций и т. д. Государственный сектор способствовал общему подъему сельского хозяйства, укреплению союза рабочего класса и крестьянства. Через государственный сектор оказывалась помощь трудовому крестьянству путем внедрения в сельскохозяйственное производство достижений современной техники и науки.

Мероприятия коммунистических и рабочих партий стран народной демократии по социалистическому преобразованию сельского хозяйства, несмотря на отдельные ошибки, принесли свои плоды. Социалистический сектор получал все более широкое развитие. Государство приобрело в деревне прочную классовую опору. Все это способствовало дальнейшему укреплению экономической и политической мощи стран социализма.

Народно-демократический строй создал благоприятные условия для непрерывного повышения материального и культурного уровня трудящихся. Важнейшим и наиболее обобщающим показателем увеличения общественного богатства и улучшения жизненных условий трудящихся народно-демократических стран явился рост национального дохода этих стран. Национальный доход Польши, например, в 1953 г. был в 2 раза выше довоенного и на 60% выше, чем в 1949 г. Национальный доход Чехословакии в 1956 г. увеличился по сравнению с 1937 г. на 84%. Национальный доход Болгарии в 1953 г. увеличился почти в 2 раза по сравнению с 1939 г. Национальный доход Румынии в 1955 г. возрос более чем в 2,5 раза по сравнению с 1948 г. Национальный доход Венгрии в 1954 г. возрос более чем на 50% по сравнению с 1949 г.

О подъеме материального благосостояния трудящихся стран народной демократии свидетельствовал рост реальной заработной платы рабочих и служащих. Например, в Чехословакии во всех отраслях народного хозяйства заработная плата рабочих увеличилась за годы первой пятилетки на 34%, а в промышленности — на 56%. Средняя реальная заработная плата промышленных рабочих Болгарии в 1953 г. была выше довоенной на 38%. Трудовые доходы крестьян также значительно превысили довоенный уровень, значительно выросли товарооборот и покупательная способность населения.

В народно-демократических странах была ликвидирована безработица. Уничтожение безработицы, быстрый рост рядов рабочего класса явились большим завоеванием трудящихся масс. Народная власть ввела новое, социалистическое трудовое законодательство, гарантировала трудящимся право на труд, на отдых и социальное обеспечение, на образование. Право на образование обеспечивается всеобщим бесплатным и обязательным обучением, помощью государства и т. д. В 1950—1955 гг. в странах народной демократии были выделены огромные средства на просвещение широких народных масс. С каждым годом росло число учащихся в общеобразовательных школах.

Значительных успехов добилась высшая школа. В Болгарии до революции было 10 тыс. студентов, которые учились в 5 вузах, а в 1950/51 г. в 12 высших учебных заведениях обучалось 31 тыс. студентов. В 1955/56 г. в Болгарии было уже 20 высших учебных заведений, в которых обучалось 36 тыс. студентов. В Чехословакии в 1936/37 г. было 13 высших учебных заведений, а в 1955/56 г. — уже 40, число студентов, обучающихся в них, соответственно составляло 27 тыс. и 72 тыс.¹ В Польше в 1949/50 г. было 116 тыс. студентов, а в 1955/56 г. — уже 157 тыс. В Румынии соответственно — 53 тыс. и 78 тыс., в Венгрии — 23 тыс. и 43 тыс.²

За короткий исторический срок в ходе социалистических преобразований в народно-демократических странах произошли коренные изменения в классовой структуре общества. Почти полностью были ликвидированы классы буржуазии и помещиков, основательно подорваны корни кулачества. Решающей силой общественного производства стали рабочий класс и кооперированное крестьянство, в чьих руках оказались основные средства производства. Социалистическое строительство в странах народной демократии происходило в условиях острой классовой борьбы. Империалисты США, Англии и других капиталистических стран, используя силы внутренней реакции, стремились любой ценой восстановить старые, капиталистические порядки в странах, вступивших на социалистический путь. Международные империалистические круги рассчитывали, что победа социализма в народно-демократических странах носит временный характер. Но все расчеты и надежды на реставрацию капитализма в этих странах оказались несостоятельными.

Несмотря на сложные условия борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией, социалистический общественный, государственный и политический строй в странах народной демократии все более укреплялся, трудящиеся массы все больше сплачивались вокруг коммунистических и рабочих партий, руководивших строительством социализма. Процесс укрепления общественного и государственного строя в странах народной демократии получал свое выражение в принятии новых конституций, в которых закреплялись исторические завоевания народов этих стран, достигнутые в борьбе за построение социалистического общества.

В июле 1952 г. польский сейм единогласно принял новую Конституцию Польской Народной Республики, отразившую огромные социальные преобразования в стране.

В сентябре 1952 г. была принята новая Конституция Румынской Народной Республики, в которой нашло отражение даль-

¹ См. «Развитие экономики стран народной демократии Европы и Азии», стр. 111, 463.

² См. «Развитие экономики стран народной демократии». М., 1958, стр. 608.

нейшее укрепление и развитие строя народной демократии в Румынии.

В сентябре 1954 г. Всекитайским собранием народных представителей была единогласно принята Конституция Китайской Народной Республики. Конституция отражала изменения в жизни китайского народа, происшедшие в ходе социалистического строительства.

Успехи в строительстве народно-демократических государств, в развитии экономической и политической мощи, в подъеме благосостояния и культуры трудящихся стран народной демократии были одержаны под руководством коммунистических и рабочих партий, которые применяли основные положения марксизма-ленинизма с учетом исторических и национальных особенностей каждой страны.

Важное значение в жизни стран народной демократии имели проведенные в этот период съезды братских партий, на которых были подведены итоги социалистического строительства и сформулированы главные задачи, стоявшие перед народами и партиями этих стран.

В марте 1954 г. проходил II съезд ПОРП, который подвел политические и хозяйственные итоги развития Польши в 1949—1953 гг. и определил основные экономические задачи на последние годы шестилетки как в области промышленности, так и сельского хозяйства. В резолюции съезда отмечалось: «Благодаря усилиям всего народа и всесторонней помощи Советского Союза, а также благодаря экономическому сотрудничеству со странами народной демократии изменился облик нашей страны, которая превратилась уже в страну с мощным и постоянно растущим экономическим потенциалом...»¹

В марте — апреле 1954 г. состоялся IV съезд СЕПГ. С отчетным докладом ЦК на съезде выступил Вальтер Ульбрихт. Съезд принял программный документ «Путь к решению жизненных вопросов немецкой нации». В этом документе намечена широкая перспектива строительства социализма, а также выдвинута внешнеполитическая программа, предусматривавшая мирное решение германского вопроса. В нем подчеркивалось: «Под руководством Социалистической единой партии Германии рабочий класс в союзе с трудящимся крестьянством и в сотрудничестве с интеллигенцией добился значительных успехов в деле осуществления пятилетнего плана. Мы начали построение основ социализма и мы выполним эту историческую задачу»².

XII съезд МНРП в 1954 г. принял контрольные цифры по второму пятилетнему плану развития народного хозяйства и культуры МНР на 1953—1957 гг. Съезд указал на необходимость развития и укрепления социалистического сектора сельского

¹ «Trybuna Ludu», 20. III. 1954.

² «Neues Deutschland», 7. IV. 1954.

хозяйства наряду с продолжением политики всемерной поддержки трудовых аратских хозяйств.

Вопросы развития народного хозяйства Чехословакии были подробно рассмотрены на X съезде Коммунистической партии Чехословакии в 1955 г. Съезд подвел итоги строительства нового общественного строя в Чехословакии и наметил пути дальнейшего продвижения вперед. В отчетном докладе ЦК КПЧ, сделанном А. Новотным, был дан глубокий анализ внутреннего и внешнего положения страны и намечены перспективы дальнейшего роста.

На состоявшемся в декабре 1955 г. II съезде Румынской рабочей партии были подведены итоги строительства основ социализма и выработана программа борьбы румынского народа за дальнейшее развитие экономики, науки и культуры. Съезд констатировал, что социализм завоевал прочные позиции не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве и торговле. В отчетном докладе ЦК съезду Г. Георгиу-Деж подчеркнул, что трудящиеся Румынии «достигли решающих успехов в построении экономической основы социализма»¹.

Перед коммунистическими и рабочими партиями народно-демократических стран в 1953—1955 гг. встали задачи борьбы за ленинский стиль партийного и государственного руководства, за всестороннюю связь с рабочим классом и всеми трудящимися, борьбы с проявлениями бюрократизма и отдельными искривлениями курса партии.

При наличии многопартийной системы в ряде стран народной демократии коммунисты стремились всемерно развивать связь с другими партиями на основе укрепления народно-демократического общественного и государственного строя и решения задач строительства социализма.

Успешное строительство социализма в странах народной демократии имело огромное значение для мирового освободительного движения.

«Славные марксистско-ленинские партии братских стран, — подчеркивает Н. С. Хрущев, — внесли существенный вклад в коллективный опыт социалистической революции и строительства социализма»². Международное рабочее движение получило в свое распоряжение опыт развития новой формы диктатуры пролетариата — народной демократии; опыт мирного перехода от демократического этапа революции к этапу социалистическому; опыт использования парламента в интересах строительства социализма; опыт строительства социалистического общества в промышленно развитых странах; опыт перехода к социализму

¹ Г. Георгиу-Деж. Статьи и речи, т. II. М., 1956, стр. 287.

² Н. С. Хрущев. О Программе Коммунистической партии Советского Союза. Доклад на XXII съезде КПСС. «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. I. М., 1962, стр. 156.

экономически слаборазвитых стран, минуя капиталистическую стадию развития; опыт социалистического преобразования деревни без национализации земли с учетом длительной традиции глубокой привязанности крестьянства к частной собственности на землю.

Успехи социализма в странах народной демократии наряду с успехами коммунистического строительства в СССР знаменовали неуклонный процесс укрепления мировой социалистической системы и дальнейшего изменения соотношения сил в мире в пользу социализма.

3. Мировая социалистическая система — важнейший фактор международного развития

Вместе с ростом экономического и политического могущества СССР и стран народной демократии возрастало их влияние на международной арене. Укрепление и развитие мировой социалистической системы демонстрировало превосходство социализма над капитализмом в историческом соревновании двух систем.

В рассматриваемый период полностью подтвердилось известное высказывание В. И. Ленина о международном значении хозяйственной политики социализма. Своими успехами в экономическом строительстве социалистические страны оказывали главное воздействие на международную обстановку.

Социалистическая система добилась новых успехов в экономическом соревновании с капитализмом. Одним из наглядных показателей преимуществ социалистической системы хозяйства перед капиталистической были более высокие темпы роста промышленного производства в социалистических странах по сравнению с капиталистическими.

**Динамика промышленного производства
социалистических и капиталистических стран
(в % к 1937 г.)**

	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.
Социалистические страны	190	226	259	295	332	396
Капиталистические страны	142	154	158	169	169	187

Промышленное производство в европейских странах народной демократии в 1955 г. увеличилось по сравнению с 1937 г. в 4,72 раза, в то время как в европейских капиталистических странах промышленное производство увеличилось за тот же период только в 1,73 раза. О высоких темпах развития промышленного производства в европейских странах народной демократии по сравнению с капиталистическими странами Европы говорит следующая таблица:

**Индекс объема промышленного производства
в народно-демократических странах Европы
и в западноевропейских капиталистических
странах**

(1937 г. = 100)

Страны	1950 г.	1955 г.
Албания	395	1 103
Болгария	309	587
Венгрия	187	378
ГДР	111	210
Польша	231	487
Румыния	147	299
Чехословакия	143	243
Австрия	145	228
Англия	124	150
Бельгия	100	130
Дания	156	179
Италия	125	195
ФРГ	99	177
Франция	112	155

Социалистические страны заложили прочную основу для новых успехов социализма в экономическом соревновании двух систем. Если в 1950 г. на долю социалистических стран, занимавших 26% территории и насчитывающих 35% населения земного шара, приходилось около 20% мировой промышленной продукции, то в 1955 г. социалистические страны давали уже примерно 27% мировой промышленной продукции.

Экономические успехи социалистических стран, и прежде всего Советского Союза, имели первостепенное значение и для защиты социалистического строя от попыток мирового империализма с помощью военной силы повернуть вспять исторический процесс, «отбросить» социализм. Капитализм оказался бессильным помешать всемирно-историческому процессу превращения социализма в мировую систему и росту его могущества. В эти годы Советский Союз и социалистический лагерь в целом достигли больших успехов в укреплении своей обороноспособности, в создании и совершенствовании новейших военно-технических средств. Окончательный крах потерпела ядерная монополия США. Правящие круги США считали, отмечал Н. С. Хрущев, «что монополия на ядерное оружие позволит им установить господство над всем миром. Но Советский Союз в короткий срок создал мощное термоядерное оружие и тем са-

мым было покончено с монополией Соединенных Штатов Америки в этой области»¹.

Успехи СССР в создании новых образцов оружия, в том числе и термоядерного, быстрое развитие новейших средств доставки этого оружия к цели оказывали большое воздействие на всю мировую политику. В огромной степени возросло значение военного могущества Советского Союза как сдерживающего фактора в отношении общего агрессивного курса империалистических держав и его отдельных проявлений. Мировая социалистическая система стала мощным оплотом мира во всем мире.

Агрессивная политика империализма впервые в истории была поставлена перед перспективой гибели самой империалистической системы в случае развязывания новой мировой войны. Это во многом способствовало повышению действенности советских внешнеполитических акций и давало возможность решительно пресекать провокации империалистов, направленные на развязывание термоядерной войны.

Образование и укрепление мировой социалистической системы многократно увеличило влияние и действенность политики мирного сосуществования. Эта миролюбивая политика соответствует как национальным интересам социалистических государств, так и интересам всех народов. Борясь за мир и безопасность, народы стран социалистической системы действуют не только в своих интересах, но и выполняют свой интернациональный долг перед трудящимися всего мира. Социалистические страны сообща борются за то, чтобы мир и сотрудничество между народами были упрочены на всей земле. Активная борьба за мир вытекает из самой природы социалистических государств, где ликвидированы общественные силы, заинтересованные в агрессии и войне.

Социалистическая система стала центром притяжения всех миролюбивых сил на земле. Ленинский принцип мирного сосуществования государств с различным социальным строем как генеральная линия внешней политики Советского Союза и других социалистических государств завоевал еще более широкое международное признание и поддержку. Последовательные внешнеполитические действия Советского Союза, направленные на обеспечение всеобщего мира, пользовались широкой поддержкой других социалистических стран, одобрением всех миролюбивых сил.

Главная цель внешнеполитической деятельности СССР и других социалистических стран состоит в том, чтобы обеспечить прочный и длительный мир, укрепить позиции социализма на мировой арене, помочь народам, порвавшим с капитализмом,

¹ Н. С. Хрущев. Заключительное слово на XXII съезде КПСС. «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. II, стр. 571.

строить новую жизнь. Мировая система социализма стала надежным щитом, прикрывающим все человечество от военных авантур империализма. В лице могучего социалистического лагеря миролюбивые силы получили не только моральные, но и материальные средства для предотвращения агрессии.

«Укрепление Советского государства, образование мировой социалистической системы, — отмечает Программа КПСС, — исторические шаги к осуществлению вековой мечты человечества об устранении войн из жизни общества»¹.

Укрепление позиций мирового социализма способствовало дальнейшим успехам национально-освободительного движения, распаду колониальной системы империализма. Социалистические государства вели на международной арене активную борьбу за права и интересы народов стран Азии, Африки и Латинской Америки. Страны мировой социалистической системы помогали народам, добившимся национальной независимости, упрочить национальный суверенитет, избавиться от чужеземного ига, поддерживали борьбу молодых суверенных государств за искоренение остатков колониального режима.

Одним из важнейших направлений международной политики социалистических государств является союз с народами, сбросившими колониальное и полуколониальное иго. Этот союз основан на общности интересов мирового социалистического и национально-освободительного движений, являющихся составными частями мирового революционного процесса. Укрепление мировой социалистической системы и ослабление империализма открыло перед народами освободившихся стран перспективу национального возрождения, ликвидации вековой отсталости и нищеты, достижения экономической самостоятельности.

Твердая позиция СССР и других стран социализма, готовых оказать необходимую помощь государствам, борющимся против посягательств империалистических держав на их национальный суверенитет, резко ограничивала эффективность таких средств империалистической политики, как экономическая блокада, угроза военного вторжения и т. д. Конкретные факты 1950—1955 гг. свидетельствуют о том, что бескорыстная помощь социалистических стран, оказываемая вновь образовавшимся государствам, содействовала их успешной борьбе против иностранного капитала и империалистических происков.

Быстрое развитие социалистических государств, вызванное этим неуклонное изменение в соотношении сил на мировой арене в пользу социализма коренным образом изменили условия освободительной борьбы и в самих капиталистических странах, создали гораздо более благоприятную обстановку для подъема революционного рабочего движения.

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 57.

Развитие и укрепление мирового социализма оказывает революционизирующее влияние на умы трудящихся капиталистических стран, вдохновляет их на борьбу против империализма и в огромной мере облегчает ее. Возросла притягательная сила идей социализма. Успехи социалистических стран способствуют дальнейшему развитию революционного рабочего движения, объединению под руководством рабочего класса подавляющего большинства народа, борьбе за социализм.

Более благоприятные условия для победы социализма в других странах, в том числе и для мирного осуществления социалистической революции в тех или иных капиталистических странах, возникли в результате того, что социализм победил в Советском Союзе и побеждает в странах народной демократии.

Глубокие изменения в международной обстановке, наличие мощных общественных и политических сил, которые располагают серьезными средствами для того, чтобы не допустить развязывания войны империалистами, а если они попытаются ее начать — дать сокрушительный отпор агрессорам, сорвать их авантюристические планы, позволили XX съезду КПСС сделать ряд важных выводов по вопросам современного международно-го развития.

Весь ход международных отношений, конкретные события на мировой арене, рассматриваемые в последующих разделах тома, убедительно подтверждают огромное международное значение укрепления экономического и политического могущества стран социализма, непрерывное возрастание воздействия мирового социализма на все историческое развитие.

Г Л А В А II

РАЗВИТИЕ ДРУЖБЫ И СОТРУДНИЧЕСТВА СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ

Между странами, вступившими на путь социализма, продолжали развиваться и укрепляться отношения нового типа. Этот процесс проистекал из самой природы социалистического строя. В то же время усиление сплоченности стран социализма, развитие всестороннего сотрудничества между ними диктовались и конкретной обстановкой, складывающейся на международной арене. «Опыт мировой социалистической системы, — отмечается в Программе КПСС, — подтвердил необходимость **теснейшего союза** отпадающих от капитализма стран, объединения их усилий в строительстве социализма и коммунизма»¹.

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 21.

Молодые народно-демократические республики нуждались в политической поддержке, экономической помощи, в обмене опытом социалистического строительства. Каждая страна социалистического лагеря, как бы велика или мала она ни была, нуждалась в дружественной помощи со стороны других стран.

Интернациональный характер диктатуры пролетариата привел к возникновению новой, ранее не существовавшей функции социалистического государства — функции помощи другим странам в строительстве социализма и развитии международных отношений нового типа. Эта функция наиболее полно проявилась во внешней политике Советского Союза.

Сплочение социалистических государств вокруг Советского Союза было вполне естественным. СССР — самая мощная социалистическая страна, первой свергнувшая капитализм и обладавшая более чем тридцатилетним опытом строительства социализма. Союз и дружба с Советским Союзом обеспечивают странам народной демократии надежную защиту от нападения на них империалистических государств, мечтающих о реставрации старых, капиталистических порядков.

В сложном процессе развития отношений нового типа между социалистическими государствами, в процессе становления нового строя и глубоких революционных преобразований общественных отношений было немало трудностей. Эти трудности во взаимоотношениях между социалистическими странами усугублялись прямыми ошибками, порожденными в основном культом личности. «Сталин, — как отметил Н. С. Хрущев в речи на VI съезде СЕПГ, — допустил серьезные ошибки в национальном вопросе не только внутри нашей страны, но и во взаимоотношениях со странами народной демократии»¹.

В 1953—1955 гг. по инициативе ЦК КПСС, поддержанной братскими партиями, началась работа по устранению последствий культа личности Сталина в области взаимоотношений между социалистическими странами. XX съезд КПСС, подытожив эту работу, поставил задачу последовательного осуществления ленинских принципов во взаимоотношениях социалистических стран. Он провозгласил необходимость полного учета исторического прошлого и особенностей каждой страны, ставшей на путь строительства новой жизни.

Усилиями КПСС и братских коммунистических и рабочих партий получили дальнейшее развитие принципы пролетарского интернационализма, полного равноправия, взаимной выгоды и товарищеской взаимопомощи, лежавшие в основе отношений между социалистическими странами. Последовательное соблюдение социалистическими странами этих принципов обеспечивало развитие между ними братских отношений, растущее сбли-

¹ «Правда», 17 января 1963 г.

жение и сплочение социалистических народов, неуклонное укрепление могущества всего социалистического содружества.

Создание и развитие международных отношений нового типа стало великим историческим завоеванием народов и имело выдающееся международное значение. Дальнейшее укрепление братского сотрудничества и взаимопомощи благотворно сказывалось на экономическом и политическом развитии социалистических стран, ускоряло их движение вперед по пути к социализму. В то же время укрепление сплоченности социалистических стран, развитие всестороннего сотрудничества между ними повышали эффективность их действий на международной арене, усиливали внешнеполитические позиции мирового социализма. Тесное единство и сотрудничество социалистического содружества явились надежной гарантией защиты дела социализма и упрочения мира во всем мире.

1. Дружба братских народов. Военно-политический союз стран социализма

К началу 50-х годов сложилась система двусторонних договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи¹, в рамках которых развивались отношения между социалистическими странами в рассматриваемый период.

Характеризуя развитие политического сотрудничества между социалистическими странами в первые послевоенные годы, Н. С. Хрущев писал: «После победы социалистических революций народы всех наших стран, естественно, стремились объединить силы для защиты своих завоеваний. Главным в тот период было — сплотиться в политическом отношении в целях упрочения народной власти, укрепления социалистического строя во всех областях социально-экономической жизни каждой страны, организации совместной защиты стран социализма от возможной империалистической агрессии. Это был по своему существу военно-политический союз социалистических государств»².

В 1950—1955 гг. политическое сотрудничество между странами социалистического лагеря продолжает развиваться. Это сотрудничество служило целям защиты национальной независимости и государственного суверенитета, способствовало созданию необходимых условий для успешного строительства социализма и коммунизма и борьбы за прочный мир и безопасность народов.

Руководствуясь принципами пролетарского интернационализма, Советский Союз и другие социалистические страны установили и активно развивали отношения братской дружбы с молодой Китайской Народной Республикой.

¹ См. гл. VI, VII и VIII 1-го тома настоящего издания.

² Н. С. Хрущев. Насушные вопросы развития мировой социалистической системы. М., 1962, стр. 6.

Победа китайского народа и образование КНР были встречены народами социалистических стран с большой радостью и гордостью за братский народ Китая. Успехи Китайской Народной Республики в победе над врагами китайского народа, в строительстве социализма стали возможными благодаря щедрой, бескорыстной помощи Советского Союза и всего социалистического лагеря, глубококому сочувствию со стороны миролюбивых народов мира. «Советский Союз оказал огромную помощь делу социалистического строительства в нашей стране, — отметил в докладе ЦК КПК VIII Всекитайскому съезду партии Лю Шао-ци, — большую помощь в этом отношении оказали также и страны народной демократии Европы и Азии. Китайский народ никогда не забудет этой товарищеской помощи братских стран. Эта помощь как в прошлом, так в настоящем и в будущем необходима для нас»¹.

Важнейшее значение для укрепления отношений братства и дружбы между СССР и КНР имел заключенный 14 февраля 1950 г. советско-китайский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, а также соглашение о Китайской Чанчуньской железной дороге (КЧЖД), Порт-Артуре и Дальнем и соглашение о предоставлении правительством Советского Союза правительству КНР долгосрочного кредита. Советско-китайский договор создал прочную основу для дальнейшего развития дружбы народов Китая и Советского Союза. Этот договор сыграл решающую роль в укреплении безопасности Китайской Народной Республики. Он оказал большое влияние на всю международную обстановку.

Возрастающая мощь и крепнущее единство социалистического содружества, усиление борьбы народов за мир и мирное сосуществование создавали для Китайской Народной Республики благоприятные условия экономического строительства в мирной обстановке, помогали народному Китаю преодолевать техническую отсталость, создавать новые отрасли экономики. Советско-китайские отношения дружбы и сотрудничества имели огромное значение для упрочения мира на Дальнем Востоке, для успешного развития социалистических стран Азии.

В сентябре—октябре 1954 г. в Пекине состоялись переговоры между правительством КНР и делегацией Советского Союза во главе с Н. С. Хрущевым. В совместной декларации правительств СССР и КНР было выражено полное единство взглядов как в области развивающегося всестороннего сотрудничества между обоими государствами, так и по вопросам международного положения.

«Правительство Советского Союза и Правительство Китайской Народной Республики заявляют, — говорилось в декларации, — что сложившиеся дружественные отношения между СССР и Китаем являются основой дальнейшего тесного сотрудничества между обоими государствами в соответствии с принципами равноправия, взаимной выгоды, взаимного уважения государственного суверенитета и территориальной целостно-

¹ «Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая», стр. 63.

сти»¹. В результате переговоров была достигнута договоренность о выводе советских воинских частей из совместно используемой китайской военно-морской базы Порт-Артур и о безвозмездной передаче сооружений в этом районе Китайской Народной Республике. Вывод советских воинских частей из Порт-Артура был завершен в мае 1955 г.

Всесторонняя поддержка, оказываемая Советским Союзом и другими социалистическими государствами, наличие мировой социалистической системы парализовали интервенционистские планы мирового империализма в отношении КНР, способствовали строительству социализма в Китае.

Происходило дальнейшее углубление отношений дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами, с одной стороны, и Германской Демократической Республикой — молодым государством рабочих и крестьян, образовавшимся в 1949 г., — с другой.

Советский Союз, уже имевший договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи с большинством народно-демократических государств, заключил в эти годы ряд важных соглашений с Германской Демократической Республикой. Эти соглашения содействовали не только упрочению дружбы между советским и немецким народами, но и были важным фактором совместной борьбы за мир и безопасность в Европе.

Советское правительство во всех своих конкретных внешнеполитических действиях, касавшихся германской проблемы, руководствовалось неизменным стремлением оградить Германскую Демократическую Республику от посягательств империализма, содействовать укреплению международных позиций этого молодого государства. Этим целям служило и развитие дружественных отношений и сотрудничества между СССР и ГДР, основанных на принципах социалистического интернационализма.

20—22 августа 1953 г. в Москве состоялись переговоры между правительством Советского Союза и правительственной делегацией ГДР. Правительство СССР во время переговоров проявило глубокое понимание национальных чаяний немецкого народа и готовность оказать ему всемерную помощь. В ходе переговоров стороны договорились о проведении ряда политических и экономических мероприятий, направленных на оказание помощи в дальнейшем развитии ГДР.

Помощь Советского Союза немецкому народу в его борьбе за решение национальной задачи нашла свое выражение также в предложениях по германскому вопросу на Берлинском совещании министров иностранных дел СССР, Англии, Франции и США, проходившем в январе — феврале 1954 г.²

Советское правительство, продолжая добиваться урегулирования германской проблемы в интересах мира и демократии, 26 марта 1954 г. опубликовало новое заявление по вопросу об отношениях между СССР и ГДР. В заяв-

¹ «Декларации, заявления и коммюнике Советского правительства с правительствами иностранных государств. 1954—1957 гг.» М., 1957, стр. 182—183.

² См. гл. III и XXVI.

лении указывалось, что Советский Союз устанавливает с ГДР такие же отношения, как и с другими суверенными государствами, и что отныне ГДР будет свободна решать по собственному усмотрению свои внутренние и внешние дела, включая взаимоотношения с Западной Германией¹. Признание суверенитета ГДР Советским Союзом, а затем и другими социалистическими странами укрепило ее международные позиции, усилило действенность ее борьбы за мир в Европе.

Новым проявлением уважения Советского Союза к суверенитету ГДР было посещение республики руководящими деятелями СССР, возвращавшимися с Женевского совещания глав правительств четырех держав. Советская правительственная делегация подробно информировала правительство ГДР о результатах Женевского совещания. В ходе переговоров оба правительства договорились о дальнейших шагах в целях развития и укрепления дружественных отношений между СССР и ГДР.

20 сентября 1955 г. в Москве был подписан договор об отношениях между Союзом Советских Социалистических Республик и Германской Демократической Республикой².

Договаривающиеся стороны торжественно подтвердили, что отношения между ними основываются на полном равноправии, взаимном уважении суверенитета и невмешательстве во внутренние дела. В соответствии с этим, говорится в ст. 1 договора, ГДР является свободной в решении вопросов своей внутренней и внешней политики.

Ст. 3 гласит: «В соответствии с интересами обеих стран и следуя принципам дружбы, Договаривающиеся Стороны соглашаются развивать и укреплять существующие между Союзом Советских Социалистических Республик и Германской Демократической Республикой экономические, научно-технические и культурные связи, оказывать друг другу всякую возможную экономическую помощь и осуществлять необходимое экономическое и научно-техническое сотрудничество».

Одновременно с подписанием договора была достигнута договоренность о том, что ГДР возьмет на себя охрану и контроль на своих границах, а также на проходящих по территории республики коммуникациях между ФРГ и Западным Берлином.

Советское правительство, идя навстречу пожеланиям правительства ГДР, приняло решение об упразднении должности Верховного комиссара СССР в Германии и о прекращении действия на территории республики законов, директив, приказов и других постановлений Контрольного совета в Германии, изданных в порядке осуществления прав оккупации четырьмя державами.

Договоры между СССР и ГДР, а также заключенные в эти годы соглашения ГДР с другими социалистическими странами явились новым примером того, как государства, в которых власть принадлежит народу, успешно развивают международные отношения нового типа, основанные на принципах социалистического интернационализма.

Международное сотрудничество нового типа наглядно проявилось в дружественном и миролюбивом разрешении территориальных вопросов между государствами социалистического лагеря. Примером может служить совместная декларация правительств ПНР и ГДР и договор о демаркации установленной и существующей польско-германской государственной границы,

¹ См. «Правда», 26 марта 1954 г.

² См. «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами», вып. XVII и XVIII. М., 1960, стр. 17—19.

подписанный 6 июля 1950 г. в г. Згожельце¹. Полностью отвечает фактам данное представителями ГДР и ПНР при подписании польско-германского договора замечательное определение новой польско-германской границы как «границы мира», которая не разделяет, а соединяет оба народа².

Одна из важнейших особенностей международного политического сотрудничества социалистических стран — их единая позиция и совместные действия по основным вопросам внешней политики. Государства социалистического содружества активно выступали в этот период единым фронтом на международной арене по таким важным вопросам, как разоружение, германская проблема, коллективная безопасность в Европе, обеспечение законных прав народно-демократических государств в ООН, прекращение войн в Корее и Индокитае и др.

Показательны в этом отношении совещание министров иностранных дел восьми социалистических государств Европы по поводу решений Нью-Йоркского совещания трех западных держав о ремилитаризации Западной Германии, состоявшееся в Праге в октябре 1950 г., а также совместная деятельность в ООН Советского Союза, Польши и Чехословакии, направленная на укрепление мира и развитие международного сотрудничества.

Сплоченность социалистических стран, единство их выступлений на международной арене помогали им защищать и укреплять свои позиции в борьбе против антисоциалистического курса империалистических держав. Главным гарантом суверенитета народно-демократических стран выступал Советский Союз, в свою очередь эти страны оказывали ему полную поддержку в деле защиты интересов всего социалистического лагеря в международных переговорах с капиталистическими странами.

Народно-демократические государства стали все чаще выступать в качестве участников международных конференций и совещаний. Представители Китайской Народной Республики, Корейской Народно-Демократической Республики и Демократической Республики Вьетнам принимали активное участие в Женевском совещании в 1954 г. Представители Польши и Чехословакии вошли в состав международной комиссии, которая была призвана следить за соблюдением условий соглашения о перемирии в Корее. Представители Польши вошли также в международные комиссии по наблюдению за осуществлением Женевских соглашений об Индокитае.

Все более важную роль страны социализма играли в важнейших международных организациях, и в первую очередь

¹ «Zbiór dokumentów», 1950, № 8, str. 703—709.

² «Dokumente zur Außenpolitik der Regierung der Deutschen Demokratischen Republik», Bd I. Berlin, 1954, S. 332.

в ООН. В декабре 1955 г. членами ООН стали Албания, Болгария, Венгрия, Румыния. Это была крупная победа социалистических государств, которые на протяжении ряда лет вели борьбу за прием в ООН этих стран, за признание их полноправными участниками международных организаций. Принятые в ООН социалистические страны активно включились в борьбу за ослабление международной напряженности, в борьбу за предоставление народному Китаю его законных прав в Организации Объединенных Наций, которую СССР последовательно ведет с момента образования КНР.

В 1954—1955 гг. в связи с подписанием, ратификацией и началом осуществления парижских соглашений, предусматривавших ремилитаризацию Западной Германии¹, Советский Союз и европейские страны народной демократии были вынуждены провести ряд мероприятий, направленных на расширение сотрудничества и взаимопомощи между странами социалистической системы в области совместной обороны.

В ноябре — декабре 1954 г. в Москве состоялось совещание представителей СССР, Польской Народной Республики, Чехословацкой Республики, Германской Демократической Республики, Венгерской Народной Республики, Румынской Народной Республики, Народной Республики Болгарии и Народной Республики Албании, которое предупредило западные державы, что в случае ратификации парижских соглашений страны — участницы совещания в целях обеспечения своей безопасности предпримут «совместные мероприятия в области организации вооруженных сил и их командования, равно как и другие мероприятия, необходимые для укрепления своей обороноспособности...»

В мае 1955 г. после ратификации западными державами парижских соглашений в Варшаве собрались представители Советского Союза и европейских стран народной демократии. Совещание обсудило сложившуюся обстановку. Его участники пришли к выводу о необходимости заключения договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, который был подписан в Варшаве 14 мая 1955 г.²

Подписание Варшавского договора, направленного на укрепление мира и безопасности в Европе, содействовало укреплению политического и военного сотрудничества между социалистическими государствами. Варшавский договор, продемонстрировав единство и сплоченность социалистического лагеря, значительно усилил позиции Советского Союза и всех народно-демократических стран на международной арене.

Варшавский договор стал прочной основой укрепления безопасности социалистических стран, повышения их обороноспособности. В то же время он способствовал расширению братского сотрудничества стран социализма и развитию между ними еще более широких, всесторонних связей.

¹ См. гл. XXIII.

² См. гл. XXVII.

Важное международное значение имела нормализация советско-югославских отношений, которая была осуществлена по инициативе Центрального Комитета КПСС и Советского правительства. Ставя вопрос о нормализации советско-югославских отношений, КПСС и Советское правительство исходили из объективной оценки общественного строя, господствующего в Югославии.

Как известно, в 1948 г. произошло резкое ухудшение отношений между Советским Союзом и Югославией. Главную вину за это несет Сталин, который допустил грубый произвол по отношению к Югославии. Вместе с тем свою долю ответственности за то, как складывались в тот период отношения Югославии с другими социалистическими странами, с международным коммунистическим движением, несут и югославские товарищи. Коммунистическая партия Советского Союза, глубоко проанализировав причины разногласий, нашла правильный, марксистско-ленинский путь их преодоления.

Вопрос об отношениях с Югославией, по существу, являлся и является вопросом о линии во взаимоотношениях между социалистическими странами, о принципах отношений между ними. Учитывая это, ЦК КПСС и Советское правительство решительно отменили все наносное, все наслоения прошлого, которые стояли на пути нормализации советско-югославских отношений, проявив при этом ленинскую принципиальность, гибкость и такт.

Шаги, предпринятые Советским Союзом, отвечали коренным интересам социалистического содружества и международного коммунистического движения. Задача состояла в том, чтобы не допустить окончательного отхода Югославии от других социалистических стран, а путем упорной и терпеливой работы преодолеть расхождения и содействовать укреплению в Югославии позиций социализма, упрочению ее связей с другими социалистическими странами. В соответствии с этой линией в 1953 г., после перерыва, продолжавшегося несколько лет, СССР и ФНРЮ вновь обменялись послами.

В конце мая 1955 г. в Югославию прибыла советская правительственная делегация во главе с Н. С. Хрущевым. В результате переговоров между делегацией правительства СССР и делегацией правительства ФНРЮ, которую возглавлял И. Броз-Тито, 2 июня 1955 г. в Белграде была подписана декларация. «В ходе переговоров, — отмечалось в декларации, — выявилось искреннее стремление Правительств обеих стран к дальнейшему развитию всестороннего сотрудничества между СССР и ФНРЮ, что находится в полном соответствии с интересами обеих стран, а также с интересами мира и социализма и для чего в настоящее время существуют объективные условия»¹.

В декларации были сформулированы принципы, из которых исходили оба правительства при рассмотрении вопросов, обсуждавшихся в ходе переговоров, а также зафиксирована дого-

¹ «Декларации, заявления и коммюнике Советского правительства с правительствами иностранных государств. 1954—1957 гг.», стр. 298.

воренность о ряде конкретных мер, направленных на развитие дружественного сотрудничества между обеими странами. В частности, подчеркивалась необходимость развития и укрепления политических, экономических и культурных связей между Советским Союзом и Югославией.

Белградская декларация заложила хорошую основу для развития и укрепления советско-югославских связей. «В результате переговоров, — как отмечал Н. С. Хрущев, — создавалась здоровая, нормальная обстановка, расчищены пути для дальнейшего развития дружественных отношений и всестороннего сотрудничества между Югославией и Советским Союзом»¹.

Придавая большое значение вопросам взаимоотношений Советского Союза со всеми социалистическими странами, Центральный Комитет КПСС на июльском (1955 г.) Пленуме заслушал и обсудил доклад Н. С. Хрущева о результатах советско-югославских переговоров и одобрил их.

Успех советско-югославских переговоров вызвал радость и воодушевление у каждого, кто стоял на позициях дружественного сотрудничества между народами в борьбе за дело мира и социализма. Единодушное одобрение советско-югославских переговоров социалистическими странами и всем международным коммунистическим движением убедительно свидетельствовало о том, что улучшение отношений с Югославией отвечало интересам не только СССР и ФНРЮ, но и всего социалистического лагеря и международного коммунистического движения в целом.

Газета «Жэньминь жибао» — орган ЦК Коммунистической партии Китая, давая оценку советско-югославским переговорам, писала в передовой статье 5 июня 1955 г.: «Полная нормализация советско-югославских отношений и упрочение дружбы между советским и югославским народами отвечают интересам всеобщего мира, социализма и имеют чрезвычайно важное значение для развития международного рабочего движения». Председатель Совета Министров ПНР Ю. Циранкевич отметил, что декларация правительств СССР и ФНРЮ «является ценным вкладом в дело укрепления солидарности трудящихся в борьбе за мир и социализм. Декларация является еще одним живым примером постоянной творческой политики Коммунистической партии Советского Союза и правительства СССР, которые в нынешних конкретных условиях с широким размахом претворяют в жизнь ленинские принципы и нормы сосуществования между народами»².

Единодушное одобрение правильной, марксистско-ленинской политики КПСС и Советского правительства в вопросе об отношениях с Югославией содержалось также в выступлениях руководящих партийных и государственных деятелей других социалистических стран, в статьях центральных органов братских партий и т. д.

С удовлетворением отметили нормализацию отношений с ФНРЮ участники заседания Политического консультативного

¹ «Правда», 4 июня 1955 г.

² «Правда», 11 июня 1955 г.

комитета Организации Варшавского договора, проходившего в Праге в конце января 1956 г.¹

По примеру Советского Союза другие социалистические страны стали на путь нормализации своих взаимоотношений с Югославией. Ликвидация конфликта с Югославией, линия на всемерное укрепление дружественных связей между всеми народами социалистических стран, в том числе и югославским народом, отвечала духу марксизма-ленинизма, принципам пролетарского интернационализма.

Укреплению единства социалистической системы содействовали расширение личных контактов между руководителями братских партий и государств, оживление политических связей и культурного обмена между социалистическими странами.

Тесное политическое сотрудничество, установившееся между социалистическими странами, способствовало усилению действенности совместной борьбы против империализма и агрессии, упрочению обороны социалистических государств, укреплению нерушимой дружбы, единства и взаимопомощи стран мировой системы социализма на основе социалистического интернационализма.

2. Экономическое сотрудничество социалистических государств

До установления народной власти вошедшие впоследствии в мировую систему социализма страны в большинстве своем были экономически отсталыми, аграрными. Их экономика была подчинена интересам империалистических держав, играла роль аграрно-сырьевого придатка развитых капиталистических стран. Соответственно и все внешнеэкономические связи этих стран были ориентированы главным образом на Запад.

В первые послевоенные годы вместе с коренными изменениями в экономике этих стран происходит перестройка и их внешнеэкономических связей. В тот период экономические отношения между социалистическими странами осуществлялись преимущественно на двусторонней основе и их развитие выражалось главным образом в росте взаимной торговли. Новые формы сотрудничества, характерные для социалистического содружества, только начинали складываться. Но они имели благоприятную экономическую основу и поэтому должны были получить в социалистическом содружестве бурное развитие.

В первые годы после образования стран народной демократии торговля между ними, являющаяся важнейшей формой их экономического сотрудничества, осуществлялась на базе ежегодно заключавшихся соглашений. Принятие в народно-демократических странах перспективных планов развития

¹ См. «Правда», 28 января 1956 г.

народного хозяйства способствовало переходу в области экономических отношений между братскими странами от краткосрочных договоров и соглашений к долгосрочным, как правило пятилетним. Такие соглашения обеспечивали социалистическим странам планомерное поступление товаров, необходимых для развития их экономики, создавали устойчивый рынок для сбыта продукции, давали возможность увязывать планы взаимного торгового оборота с планами развития народного хозяйства социалистических стран.

Эти отношения способствовали наиболее рациональному использованию сырьевых ресурсов и производственных мощностей, специализации промышленности, повышению производительности труда, снижению себестоимости продукции, экономии сил и средств в народном хозяйстве социалистических стран.

Благодаря широкому развитию взаимной торговли каждая социалистическая страна смогла сосредоточить свои усилия на развитии тех видов производства, для которых у нее имелись благоприятные условия, и выпускать такую продукцию, которая была необходима для удовлетворения внутренних потребностей и нужд братских государств.

В начале 50-х годов между Советским Союзом и народно-демократическими странами был подписан ряд долгосрочных торговых соглашений, в соответствии с которыми Советский Союз поставлял народно-демократическим странам различные виды сырья и промышленного оборудования, необходимого им для социалистической индустриализации; в свою очередь эти страны поставляли нужные ему виды сырья и оборудования. Осуществление торговых отношений на основе долгосрочных договоров создавало устойчивые и длительные связи между социалистическими государствами, обеспечивало ясную перспективу их дальнейшего развития. Это было особенно важно в условиях, когда экономические отношения с капиталистическими странами фактически были прерваны. Так, например, правительство Соединенных Штатов аннулировало договоры, которые США имели с Чехословакией в рамках Генерального соглашения о торговле и тарифах. Были аннулированы также торговые договоры США с СССР, Болгарией, Румынией, Польшей и Венгрией.

В условиях торговой дискриминации, проводившейся США и некоторыми другими капиталистическими государствами, для социалистических стран еще более возрастало значение мирового социалистического рынка, важнейшей особенностью которого являлся непрерывный рост его емкости. Соответственно возрастал объем внешней торговли отдельных его участников.

В 1955 г. объем внешней торговли СССР превысил 25 млрд. руб. Этот объем (в сопоставимых ценах) был примерно в 4,5 раза выше довоенного уровня и в 2 раза выше уровня 1950 г. Основная часть внешнеторгового оборота СССР приходилась на страны народной демократии. Удельный вес

Советского Союза в обороте внешней торговли КНР составлял в 1956 г. 53,3%, Польши — 27, Чехословакии — более 30, ГДР — свыше 40, Венгрии — примерно 25, Румынии — около 40, Болгарии — почти 50%¹.

Внешняя торговля Китайской Народной Республики с 1950 по 1955 г. с Советским Союзом и странами народной демократии выросла в 6 раз².

Об успешном развитии торговли между всеми социалистическими странами свидетельствует высокий процент оборота внешней торговли каждой из них, пришедший на долю других социалистических стран. Так, в 1955 г. он составил: в Болгарии — 87,8%, в Венгрии — 61, в ГДР — 72, в Польше — 63,9, в Чехословакии — 65,7, в КНР — 82%³.

Значительно увеличился общий объем внешней торговли европейских стран народной демократии, о чем свидетельствуют данные следующей таблицы.

**Рост оборота внешней торговли европейских стран
народной демократии к 1955 г.
(1948 г. = 100)**

Албания (1949 г. = 100)	206
Болгария (1949 г. = 100)	198
Венгрия	341
ГДР (1950 г. = 100)	280
Польша	177
Румыния	287
Чехословакия	148

Существенные изменения претерпела структура внешней торговли социалистических стран. Успехи в развитии экономики, особенно в развитии промышленности, позволили им освободиться от импорта ряда промышленных изделий и самим начать экспорт многих из них. Так, например, в экспорте Польши машины, оборудование и средства транспорта в 1956—1957 гг. составляли 15% против 1% в довоенный период. В Чехословакии экспорт машин и оборудования составил в 1956 г. 40% против 6,4% до войны. Аналогичные изменения в структуре экспорта имели место и в других народно-демократических странах.

Что касается изменений в структуре импорта социалистических стран, то в целом они характеризовались значительным ростом удельного веса машин, оборудования, а также сырья для промышленности. Эти изменения были связаны с осуществлением планов развития народного хозяйства этих стран, основной задачей которых являлась социалистическая индустриализация.

Особенно большое значение для быстрого развития и укрепления промышленности народно-демократических стран имели

¹ См. «Экономическое соревнование двух мировых систем». М., 1957, стр. 177, 181.

² См. там же, стр. 178.

³ См. «Развитие экономики стран народной демократии». Обзор за 1957 г. М., 1958, стр. 604—607.

комплектные поставки из СССР промышленного оборудования и материалов для целых предприятий и оказание технической помощи в строительстве заводов, фабрик, промышленных комбинатов, электростанций, шахт, рудников и т. д.

В 1956 г. Советский Союз поставлял комплектное промышленное оборудование для строительства 478 предприятий, в том числе в КНР — 211, в Польше — 72, в Румынии — 56, в Болгарии — 39 предприятий. К концу 1956 г. 177 промышленных предприятий и 62 отдельных цеха были уже построены. В Китайской Народной Республике в 1953—1956 гг. от 30 до 90% прироста производственных мощностей в угольной промышленности, электроэнергетической, черной металлургии, выплавке меди и алюминия, в станкостроении и от 28 до 77% прироста добычи угля, производства электроэнергии, стали, чугуна, станков были достигнуты за счет строительства, осуществляемого с помощью Советского Союза.

Комплектное оборудование на мировой социалистический рынок поставляли и другие страны. Чехословакия, например, вывозила оборудование для электростанций, химических и цементных заводов; ГДР экспортировала комплектное оборудование электростанций, прокатных цехов, химических и цементных заводов, ряда предприятий легкой и пищевой промышленности; Польша поставляла комплектное оборудование для заводов серной кислоты, цементных, сахарных заводов и т. д.¹

Развитие мировой системы социализма привело к расширению международных кредитных отношений между социалистическими государствами. Займы и кредиты представляют собой одну из форм взаимной помощи социалистических государств. Решающее значение для народно-демократических стран имели кредиты, предоставленные им Советским Союзом.

Советский Союз заключил соглашения о предоставлении кредитов Польше, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Албании, ГДР. Эти кредиты предоставлялись главным образом для закупки советского оборудования (в том числе комплектного оборудования для целых заводов, фабрик, электростанций и т. д.). Широкую кредитную помощь оказывал Советский Союз Китайской Народной Республике.

В феврале 1950 г. между СССР и КНР было подписано соглашение о предоставлении Советским правительством правительству КНР долгосрочного экономического кредита для оплаты поставок промышленного и железнодорожного оборудования из СССР. Этот кредит был предоставлен в сумме 300 млн. ам. долл. на льготных условиях из расчета 1% годовых и погашением в течение 10 лет равными долями, начиная с 1954 г. В октябре 1954 г. Советский Союз предоставил КНР долгосрочный кредит в сумме 580 млн. руб.

Советский Союз предоставляет социалистическим странам займы и кредиты на льготных условиях как в отношении сроков и процентов, так и условий их погашения. Погашение совет-

¹ См. С. Д. Сергеев. Экономическое сотрудничество и взаимопомощь стран социалистического лагеря. М., 1959, стр. 88—89.

ских кредитов странами народной демократии производится не золотом или конвертируемой валютой, а товарами обычного экспорта по ценам, по которым эти товары поставлялись в СССР на основе заключенных торговых соглашений.

Бескорыстная братская помощь была оказана всеми социалистическими странами в послевоенном восстановлении и развитии народного хозяйства Кореической Народно-Демократической Республики и Демократической Республики Вьетнам. В августе 1953 г. Советское правительство выделило 1 млрд. руб. в виде безвозмездной помощи на нужды восстановления народного хозяйства КНДР. Безвозмездную помощь КНДР оказали также Китайская Народная Республика, Монголия, Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния и Болгария. В 1955 г. СССР безвозмездно предоставил ДРВ 400 млн. руб. для повышения жизненного уровня населения и восстановления экономики страны, в том числе на восстановление и строительство 25 промышленных и коммунальных предприятий.

Советский Союз оказал всестороннюю помощь ГДР в дальнейшем развитии ее экономики, в повышении материального благосостояния населения. В ходе переговоров между правительственными делегациями СССР и ГДР (1953 г.) были согласованы следующие мероприятия: отказ Советского Союза от оставшейся суммы репараций, безвозмездная передача ГДР расположенных на ее территории советских предприятий, сокращение расходов, связанных с пребыванием советских войск, освобождение от уплаты послевоенных долгов, увеличение советских поставок, предоставление кредита¹. Соглашения между СССР и ГДР носили равноправный характер. Это были соглашения между братскими странами социализма.

Значительную роль в подъеме экономики социалистических стран играют техническая помощь и научно-техническое сотрудничество, все шире развивающиеся в эти годы. Большой вклад в это внес Советский Союз, имеющий высокоразвитую промышленность, современную науку и технику.

Научно-техническое сотрудничество содействовало ускорению темпов экономического развития и технического прогресса социалистических стран. На основе взаимной братской помощи в социалистических странах были созданы новые отрасли современной промышленности, шло техническое перевооружение всего народного хозяйства.

Обмен научно-техническим опытом между социалистическими странами осуществляется на базе долгосрочных соглашений о научно-техническом сотрудничестве. В соответствии с этими соглашениями были созданы смешанные комиссии по научно-техническому сотрудничеству.

¹ См. «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами», вып. XV. М., 1957, стр. 46—48.

В рамках заключенных соглашений социалистические страны оказывали друг другу научно-техническую помощь путем передачи технической документации, чертежей, проектов, научно-технической литературы, образцов продукции промышленности и т. д.

В соответствии с этими соглашениями СССР к концу 1956 г. передал странам народной демократии 1344 проекта по капитальному строительству промышленных, культурно-бытовых и жилых объектов; 3167 комплектов чертежей на изготовление различных машин, оборудования и приборов и 1180 описаний и расчетов по технологическим процессам производства, не считая ведомственно-технической документации¹. По соглашению о научно-техническом сотрудничестве между СССР и КНР Советский Союз передал последней свыше 1 тыс. проектов для капитального строительства, около 900 комплектов описания технологических процессов и около 2800 комплектов различной другой документации.

Кроме того, Советский Союз к этому времени передал безвозмездно социалистическим странам более 2 тыс. образцов различной промышленной и сельскохозяйственной продукции, а также выполнил более 1100 различных экспертиз, исследований и испытаний.

Советский Союз в свою очередь получил от народно-демократических стран 47 проектов по капитальному строительству, 624 комплекта чертежей на изготовление машин и оборудования и 675 описаний технологических процессов производства.

Обмен опытом и техническими достижениями, включая обмен технической документацией, производился безвозмездно. Оплате подлежали лишь фактические расходы, связанные с изготовлением и доставкой копий документации.

Все более развивались научно-технические связи и между самими странами народной демократии. Чехословакия, например, оказывала помощь Польше в налаживании производства стали и проката, в освоении производства новых химических продуктов, ГДР — в проектировании отдельных видов оборудования для металлургической и химической промышленности. Чехословакия получала из этих стран помощь при производстве металлургического кокса на базе бурого угля, изготовлении синтетического каучука, в области горнорудной промышленности.

Важную роль в научно-техническом сотрудничестве стран социалистического лагеря играло сотрудничество в области подготовки научных и технических кадров, в передаче передовых методов труда. Это сотрудничество осуществлялось в форме направления граждан одной страны в учебные заведения, научно-исследовательские учреждения и на предприятия другой страны для прохождения обучения, производственной практики или для передачи опыта передовых методов труда. С 1947 по 1956 г. Советский Союз послал в народно-демократические страны более 14 тыс. своих специалистов и принял у себя около 10 тыс. специалистов, прибывших из этих стран.

Крупным вкладом в расширение сотрудничества между народами социалистических стран явилось решение Советского правительства об оказании научно-технической и производственной помощи КНР, Польше, Чехословакии, Румынии, ГДР, Венгрии и Болгарии в проектировании, поставке оборудования, постройке экспериментальных атомных реакторов и ускорителей элементарных частиц для проведения исследований в области ядерной физики и использования атомной энергии в мирных целях.

¹ См. С. Д. Сергеев. Экономическое сотрудничество и взаимопомощь стран социалистического лагеря, стр. 126.

Советский Союз выделил этим странам необходимое количество распе-ляющихся материалов для научно-исследовательских работ. В свою очередь перечисленные страны поставляли Советскому Союзу соответствующие сырье-вые материалы. Соглашения предусматривали также подготовку в СССР спе-циалистов в области техники, радиохимии, ядерной физики и др. Дальнейшим шагом в развитии сотрудничества в этой области явилось подписание в марте 1956 г. в Москве соглашения правительств Албании, Болгарии, Венгрии, ГДР, КНР, КНДР, МНР, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии, к которому вскоре присоединилось правительство ДРВ, об организации Объединенного института ядерных исследований с местонахождением в СССР.

Все более важной формой экономического сотрудничества социалистических стран на многосторонней основе становился в рассматриваемый период Совет Экономической Взаимопо-мощи (СЭВ). Он был создан в 1949 г. в целях содействия раз-витию всестороннего экономического сотрудничества между со-циалистическими странами Европы на базе последовательного осуществления международного социалистического разделения труда в интересах построения коммунизма и социализма в этих странах. Создание Совета Экономической Взаимопомощи по-ложило начало многостороннему сотрудничеству сперва в об-ласти торговли, а затем в области производства. Неуклонный подъём народного хозяйства стран — участниц СЭВ, все более тесное и глубокое экономическое сотрудничество между ними выдвинули задачу координации развития основных взаимосвя-занных отраслей народного хозяйства и рационального разде-ления труда в интересах более эффективного использования материальных ресурсов и дальнейшего повышения уровня жиз-ни их населения.

СЭВ с 1949 по 1955 г. провел 6 сессий. На них были рассмотрены не-которые вопросы многостороннего экономического сотрудничества стран — членов СЭВ. В частности, 4, 5 и 6-я сессии СЭВ, собравшиеся соответственно в марте и июне 1954 г. в Москве и в декабре 1955 г. в Будапеште, наметили пути решения указанной задачи, положив тем самым начало планомерному и последовательному осуществлению в последующие годы международного со-циалистического разделения труда в основных отраслях народного хозяйства стран — членов СЭВ.

Одной из основных особенностей международного социали-стического разделения труда является планомерное развитие народного хозяйства социалистических стран, отсутствие ме-жду ними внутриотраслевой и межотраслевой конкуренции. Международное социалистическое разделение труда разви-вается не на принципах господства и подчинения, а на прин-ципах дружбы и равенства всех социалистических стран, их братской помощи друг другу.

Развитие и укрепление всестороннего экономического сотру-дничества выражало процесс складывания единой мировой со-циалистической системы хозяйства. В. И. Ленин представлял

себе будущее сотрудничество социалистических народов в виде единого мирового кооператива, где хозяйство будет вестись по общему плану. В своей речи на III съезде рабочей кооперации в 1918 г. он говорил: «...нужно одно, чтобы только было единоедушное стремление идти с открытой душой в этот единый мировой кооператив»¹.

В этих словах В. И. Ленина была выражена конечная цель, к которой стремятся социалистические страны. Но образование «мирового кооператива» народов представляет собой длительный, сложный и многосторонний процесс, основное содержание которого составляет неуклонная, шаг за шагом осуществляемая хозяйственно-экономическая кооперация социалистических стран. «Социалистический строй создает условия для ликвидации унаследованного от капитализма разрыва в уровне экономического и культурного развития между странами, — говорится в Программе КПСС, — для более быстрого развития отставших при капитализме в экономическом отношении государств и неуклонного подъема их экономики и культуры, для выравнивания общего уровня развития стран социалистического содружества»².

Опыт взаимоотношений социалистических государств показал, что для длительного и прочного сотрудничества необходимы не только идейная общность и совпадение политических принципов, но и развитие взаимовыгодного экономического сотрудничества, которое способствовало бы планомерному, пропорциональному развитию экономики всех стран таким образом, чтобы экономика одних стран дополняла экономику других и тем самым содействовала развитию производительных сил каждой страны и общему развитию всей социалистической системы. В 1950—1955 гг., особенно к концу этого периода, были сделаны существенные шаги, способствовавшие развитию, углублению и совершенствованию экономического сотрудничества социалистических стран.

Социализм создал новый тип политических и экономических отношений между государствами и народами. События первой половины 50-х годов свидетельствовали о том, что укрепление единства и сотрудничества между социалистическими странами способствует дальнейшему возрастанию роли и влияния мировой социалистической системы на международной арене.

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 28, стр. 309.

² «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 133.

УСИЛЕНИЕ АКТИВНОСТИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА. ЕЕ ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Главной задачей внешней политики СССР является обеспечение мирных условий для построения коммунизма в нашей стране и развития мировой системы социализма. Решение этой задачи неразрывно связано с выполнением исторической миссии коммунизма — избавлением человечества от мировой истребительной войны. Эта великая цель определяла советскую внешнюю политику и в рассматриваемый период.

Советский народ, успешно выполняя задания пятого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, увеличивал экономическую мощь Советского государства. Подводя итоги хозяйственного строительства за этот период, XX съезд КПСС в своей резолюции подчеркнул, что Советская страна располагает всеми необходимыми условиями для того, чтобы на путях мирного экономического соревнования в исторически кратчайшие сроки догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения¹.

Все это стало возможным благодаря сохранению мира, благодаря последовательной миролюбивой внешней политике Советского Союза. В результате этой политики были достигнуты крупные успехи в деле ослабления международной напряженности, упрочения мира и укрепления позиций миролюбивых и демократических сил.

1. Новый этап советской внешней политики

Годы, предшествовавшие историческому XX съезду КПСС, стали новым важным этапом внешней политики СССР. В эти годы наша партия и ее ленинский ЦК во главе с Н. С. Хрущевым, последовательно проводя курс на мирное сосуществование государств с различным общественным строем, проделали огромную работу по устранению всего того, что в условиях культа личности Сталина сковывало внешнюю политику СССР, мешало действительному претворению в жизнь ее основных принципов, лишало ее необходимой гибкости и инициативы. Отрицательные факторы, приводившие к подобным результатам, усугублялись господствовавшими продолжительное время субъективистскими догматическими оценками ряда важных проблем международных отношений, что не могло не ослаблять действенности и наступательного духа внешней политики Советского

¹ См. «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. II, стр. 434.

Союза. Такие оценки препятствовали развитию марксистско-ленинской теории в вопросах международных отношений, приводили к отрыву теории от внешнеполитической практики, в конечном итоге вели к недопустимому положению, как подчеркивал в свое время В. И. Ленин, «когда чистая теория заботливо отгораживается от практики»¹.

Ликвидация последствий культа личности в области внешней политики неотделима от проведенных в эти годы конкретных практических мероприятий Советского Союза на международной арене, таких, например, как подписание австрийского Государственного договора, нормализация отношений с Югославией, установление и развитие дружественных отношений с рядом молодых суверенных государств Азии и Африки, установление дипломатических отношений с ФРГ и т. п. Эти и им подобные практические шаги позволили партии после глубокого марксистско-ленинского анализа и всестороннего изучения сложившейся в этот период обстановки, и в первую очередь коренных изменений, приведших к возникновению нового соотношения сил между двумя системами, сформулировать на XX съезде не только очередные задачи во внешнеполитической области, но и по-новому поставить ряд важнейших проблем, в том числе и коренную проблему современности — проблему войны и мира. Опыт международных отношений и внешней политики СССР в 1953—1955 гг. был использован для разработки теоретических положений XX съезда.

Советский Союз, опираясь на всемерную поддержку других социалистических стран, выступил в этот период с рядом последовательных внешнеполитических мероприятий, которые были встречены одобрением всех миролюбивых сил. В результате этих действий Советского Союза на международной арене открылись реальные перспективы улучшения обстановки. «Чреватая большими опасностями напряженность в международных отношениях, — отмечалось в докладе Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС, — благодаря последовательной миролюбивой внешней политике стран социалистического лагеря сменилась известной разрядкой»².

Внешнеполитические принципы, открытые, сформулированные и впервые в истории примененные на практике великим основателем нашей партии и государства В. И. Лениным, составляли неизменную основу внешней политики СССР. В отношениях с братскими странами социалистического содружества КПСС и Советское правительство неуклонно руководствовались принципами пролетарского интернационализма, всемерно содействуя укреплению и развитию мировой социали-

¹ См. В. И. Ленин. Соч., изд. 5, т. 18, стр. 199.

² Н. С. Хрущев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. I, стр. 9.

стической системы. Что же касается капиталистических стран, то здесь генеральным курсом внешней политики СССР было мирное сосуществование государств с различным социальным строем.

Основные принципы внешней политики Советского государства проводились, однако, в новой обстановке. 1950—1955 годы характеризовались нарастающим изменением соотношения сил (в том числе и в военно-технической области) между двумя системами в пользу социализма. Этому процессу в решающей степени содействовали огромные сдвиги в социально-экономической области, происходившие во всем мире: как в социалистических странах, бурными темпами развивавших свою экономику и укреплявших социалистический строй, так и в странах капиталистической системы, где всестороннее обострение противоречий вело к наступлению нового этапа общего кризиса капитализма. В этом направлении действовали такие мощные факторы, как подъем национально-освободительного движения, приближавшего полный крах колониальной системы империализма. Все это вело к возникновению возможности предотвращения войн в современную эпоху.

Внешнеполитическая обстановка первой половины 50-х годов требовала правильного применения основных принципов внешней политики, их последовательного осуществления во всей деятельности нашего государства на международной арене. Наша партия выполнила эту сложную задачу, исходя из ленинского указания о том, что «политика есть наука и искусство, которое с неба не сваливается, даром не дается»¹. Ленинский подход к явлениям международной жизни и их анализу был основой успеха как теоретической, так и практической деятельности партии в области международных отношений. Великой заслугой КПСС и ее Центрального Комитета является то, что они в этот период, особенно в годы, непосредственно предшествовавшие XX съезду, сумели творчески развить выдвинутые В. И. Лениным принципы социалистической внешней политики и применить их в новых условиях с необходимой энергией, гибкостью, инициативой и боевым наступательным духом.

Говоря об успехах, достигнутых партией за отчетный период, Н. С. Хрущев в докладе XX съезду подчеркнул: «Все это показывает, что наша партия правильно учитывает назревшие потребности как внутренней, так и внешней политики и своевременно вырабатывает отвечающие этим потребностям меры. В этом наглядно сказываются тесные, неразрывные связи нашей партии с народом, мудрость ее ленинского коллективного руководства, всепобеждающая сила марксистско-ленинского учения, на котором основывается деятельность партии. Все эти годы партия высоко держала великое знамя бессмерт-

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 31, стр. 61.

ного Ленина. Верность ленинизму — вот источник всех успехов нашей партии»¹.

КПСС и ее Центральный Комитет сделали все необходимое для того, чтобы советская внешняя политика проводилась с полным учетом конкретных особенностей обстановки и реального соотношения сил. «При этом были отброшены, — отметил в речи на XX съезде КПСС А. И. Микоян, — некоторые заостренные формы работы нашей дипломатии, наших внешнеторговых и экономических органов в их отношениях с иностранными государствами и гражданами этих стран, ликвидирована изоляция советских общественных и государственных организаций от внешнего мира, расширены контакты между советскими и зарубежными государственными, партийными деятелями и общественными организациями»².

Революционный, творческий подход Центрального Комитета партии к вопросам внешней и внутренней политики встретил ожесточенное сопротивление со стороны фракционной антипартийной группы Молотова, Кагановича, Маленкова и других, разоблаченной и идейно разгромленной на июньском (1957 г.) Пленуме ЦК КПСС.

Эти неисправимые приверженцы методов и порядков, господствовавших при культе личности, выступали против внешнеполитического курса партии на ослабление международной напряженности и упрочение дела мира, отстаивали антиленинский, догматический подход к международным вопросам. Не желая расстаться со старыми определениями, не понимая новой расстановки классовых и политических сил в мире, консерваторы и догматики пытались навязать партии свою совершенно ошибочную трактовку проблемы мирного сосуществования. Они считали, что без серьезнейших политических конфликтов между СССР и империалистическими странами, а в конечном итоге без войны дальнейшее движение к коммунизму невозможно. Заявляя, что речь может идти только об отсутствии войны в данный момент, они, по существу, отвергали политику мирного сосуществования государств с различным социальным строем, пытались направить советскую внешнюю политику на путь авантюризма, на путь признания неизбежности мировой войны.

В упорной борьбе за последовательное проведение ленинских принципов внешней политики ЦК КПСС давал решительный отпор фракционерам-догматикам. В этой борьбе выковывались исторические выводы, сформулированные XX съездом, накапливался опыт, послуживший одной из основ дальнейшего повышения внешнеполитической активности Советского Союза и всего социалистического лагеря. Борьба СССР, других социалистических стран и всех миролюбивых сил за смягчение международной напряженности приносила весьма существенные положительные результаты.

¹ Н. С. Хрущев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. I, стр. 9—10.

² «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. I, стр. 308—309.

Действенным средством в этой борьбе стал предложенный Советским Союзом и получивший признание и значительное развитие в международной практике, несмотря на упорное сопротивление его противников, метод прямых и непосредственных переговоров государственных деятелей различных стран и прежде всего руководителей великих держав. Метод переговоров содействовал успеху деятельности, направленной на то, чтобы погасить очаги войны в Корее и Индокитае. О все большем его распространении свидетельствовало проведение ряда важнейших встреч, вплоть до встречи глав правительств СССР, Англии, Франции и США в Женеве в 1955 г.

Борьбу СССР за прочный мир поддерживали все миролюбивые народы. Выступая с приветствием на XX съезде КПСС, Чжу Дэ отмечал: «Коммунистическая партия Советского Союза и Советское правительство своей мирной внешней политикой внесли огромный вклад в дело ослабления международной напряженности, в дело развития мирного сосуществования и дружественного сотрудничества между странами. В настоящее время миролюбивые народы все более убеждаются в том, что Советский Союз является могучим оплотом мира во всем мире, самой надежной опорой в их борьбе за сохранение мира, за национальные интересы, за обеспечение своей безопасности и свободы»¹.

Под воздействием внешнеполитических мероприятий Советского Союза и других государств социалистического лагеря, а также общественного мнения своих стран правительства западных держав были вынуждены в ряде случаев пойти на переговоры. Советское правительство активно использовало эти возможности для достижения практических результатов в деле ликвидации очагов войны и ослабления напряженности.

Для реализации этой цели миролюбивым силам во главе с Советским Союзом нужно было преодолеть сопротивление империалистических кругов, взявших курс на развязывание новой войны и приступивших в начале 50-х годов к непосредственной подготовке открытых агрессивных актов. Империалистическая политика подготовки новой мировой войны в тот период наиболее наглядно проявилась в таких агрессивных действиях, представлявших серьезную угрозу миру и безопасности народов, как развязывание войны в Корее, оккупация Тайваня, ведение грязных колониальных войн в Индокитае и Малайе, переход к развернутой ремилитаризации ФРГ и включение ее в империалистические военные блоки, усиление гонки вооружений, увеличение сети военных баз, создание новых военных блоков (СЕАТО и Багдадский пакт) и расширение ранее созданных. Антикоммунизм превратился в государственную политику ведущих империалистических держав. Возросло их стремление увековечить состояние «холодной войны».

Этой политике, главную роль в проведении которой продолжали играть правящие круги США, противостояла последовательная борьба нашего государства за мир и ослабление международной напряженности.

¹ «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. I, стр. 227.

Неуклонно проводя политику мирного сосуществования как генеральную линию внешней политики СССР, ЦК КПСС и Советское правительство выступили с развернутой программой борьбы за мир.

Мирная инициатива СССР развивалась в этот период по следующим основным направлениям: ликвидация имевшихся и недопущение возникновения новых очагов войн в Европе и Азии; урегулирование отношений с рядом государств в целях смягчения напряженности и поиски новых путей для решения таких проблем, как германская и создание системы коллективной безопасности в Европе; разоружение, запрещение атомного оружия; всемерная поддержка национально-освободительного движения; решительное сближение со всеми государствами, стоящими на позиции сохранения мира. Советская мирная инициатива, соответствуя коренным интересам подавляющего большинства населения земного шара, встречала признание и горячую поддержку всех миролюбивых сил.

В обстановке продолжавшейся «холодной войны» и политики подготовки новой мировой войны, проводившейся западными державами, потребовались огромная настойчивость, активность, глубокая политическая мудрость, умелое применение на практике марксистско-ленинской теории, чтобы преодолеть все препятствия и сделать важный шаг на пути подготовки решения спорных международных вопросов. Этими качествами советскую внешнюю политику вооружили партия и ее Центральный Комитет, разработавший стратегию и тактику внешнеполитического наступления сил социализма и мира во главе с Советским Союзом, начавшегося в этот период и неуклонно развивающегося на протяжении всех последующих лет.

«Мирная инициатива СССР, — отмечал Н. С. Хрущев в отчетном докладе ЦК КПСС XX съезду партии, — стала одним из самых крупных факторов, оказывающих огромное воздействие на ход международных событий»¹.

2. Прекращение войны в Корее и Индокитае — результат усилий социалистических стран

Важнейшее значение для укрепления мира имела борьба СССР и других социалистических стран за ликвидацию отдельных очагов войны, которые, как неоднократно подчеркивало Советское правительство, могли перерасти в пожар мировой войны. Это относилось прежде всего к войне в Корее². Войну в Корее империалисты США намеревались использовать для

¹ Н. С. Хрущев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. I, стр. 29.

² См. гл. XVIII.

подготовки новых агрессивных актов на Дальнем Востоке, и в первую очередь против Китайской Народной Республики. Корейская война, по замыслу ее организаторов, должна была содействовать также подавлению растущего национально-освободительного движения в странах Азии и сохранению колониальной системы в этом и в других районах мира. Немаловажное значение придавали империалистические круги и тому, что авантюра в Корее неизбежно приведет к обострению всей международной обстановки, что в свою очередь позволит укрепить агрессивные военные блоки, усилить гонку вооружений и ускорить ремилитаризацию Западной Германии и Японии.

Разоблачение империалистических агрессивных планов и борьба за мирное урегулирование в Корее в качестве первого шага на пути к ослаблению международной напряженности стала актуальнейшей задачей внешней политики Советского Союза и других социалистических стран.

В заявлениях Советского правительства от 29 июня, 4 и 11 июля 1950 г., в ноте правительству США от 6 июля¹ разоблачался агрессивный характер войны в Корее и американского вмешательства в эту войну. В активной деятельности, направленной на осуждение и разоблачение американской агрессии в Корее, бок о бок с Советским Союзом принимали участие и другие страны социалистического лагеря, в том числе КНР, Польша и Чехословакия. Последовательно выступая за прекращение войны в Корее, Советский Союз с самого начала поддержал инициативу Индии, направленную на урегулирование корейского конфликта, и в частности положительно отнесся к ее предложениям о начале переговоров между СССР, США и КНР о прекращении конфликта и решении корейской проблемы, содержащимся в ее обращении к правительствам Советского Союза и США².

Неустанную борьбу за прекращение войны в Корее Советский Союз вел и в Организации Объединенных Наций. Уже 1 августа 1950 г., в первый день заседаний Совета Безопасности с участием советского представителя, были выдвинуты предложения СССР по урегулированию в Корее. Существенное значение имели предложения советской делегации на V сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Эти предложения (от 2 октября 1950 г.), поддержанные Польшей и Чехословакией, содержали все необходимое для начала непосредственных переговоров о прекращении войны в Корее и об объединении этой страны. В тот период американские империалисты отвергли все предложения Советского Союза и других социалистических стран, ведя курс на расширение агрессии в Корее и распространение ее на Китайскую Народную Республику.

Однако этот курс оказался несостоятельным. Империалисты США не осмелились осуществить широкое военное нападение на Китайскую Народную Республику. Решающую роль в предотвращении такого нападения сыграл советско-китайский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи. Наличие этого договора вынудило США отказаться от использования своих морских и воздушных сил, сосредоточенных в этом районе, для нападения на КНР. После поражения американских армий в Корее зимой 1950/51 г., продемонстрировавшего полную несостоятельность политики «с позиции силы», необходимость переговоров стала осознаваться даже некоторыми представителями правящих кругов США.

Советский Союз настойчиво боролся за достижение мирного урегулирования в Корее. 23 июня 1951 г. советский представи-

¹ См. «Внешняя политика Советского Союза. 1950 год». М., 1953, стр. 204.

² См. там же, стр. 27—28.

тель в ООН предложил начать переговоры о прекращении огня и отводе войск от демаркационной линии по 38-й параллели. Предложения Советского Союза, в которых содержалось ясное требование переговоров непосредственно между воюющими сторонами, не сопровождалось никакими оговорками и дополнительными условиями. На основе советских предложений было достигнуто соглашение, в соответствии с которым начались переговоры о прекращении огня в Корее.

После начала переговоров в Кэсоне Советский Союз предпринял ряд новых шагов, направленных на скорейшее мирное урегулирование в Корее. Важное значение имели советские предложения, выдвинутые на VII сессии Генеральной Ассамблеи ООН, и особенно предложения об учреждении комиссии по мирному урегулированию корейского вопроса, о немедленном и полном прекращении военных действий на основе согласованного проекта соглашения, о передаче вопроса о военнопленных создаваемой комиссии, о содействии комиссии по объединению Кореи, которая должна стремиться к тому, чтобы оно осуществлялось самими корейцами¹. Эти предложения сдвигали с мертвой точки спорные вопросы о комиссии ООН и о военнопленных, что играло важную роль, поскольку именно последний вопрос долгое время использовался американской стороной для затяжки переговоров. Вслед за внесением советских предложений КНР и КНДР заявили о своей готовности урегулировать проблему военнопленных в соответствии с Женевской конвенцией. Новые важные предложения СССР и других социалистических стран, направленные на достижение мира в Корее, были одобрены большинством членов ООН, и 27 июля 1953 г. соглашение о перемирии в Корее было подписано.

Прекращение войны в Корее было серьезным достижением миролюбивой внешней политики СССР и социалистических стран. Цели, поставленные империалистами при развязывании корейской войны, достигнуты не были, и им пришлось отказаться, хотя бы временно, от целого ряда агрессивных планов как в этом, так и в других районах мира.

Перемирие в Корее свидетельствовало также о возрастающем влиянии миролюбивой внешней политики социалистических стран и действенности их объединенных акций, было доказательством активизации внешнеполитической деятельности стран социалистического содружества. Опираясь на растущую мощь социалистического лагеря, на поддержку всех миролюбивых сил, социалистические страны начинают проводить все более инициативную и гибкую внешнюю политику.

Авантюра американского империализма в Корее была лишь одним из проявлений политики подготовки новой войны, частью планов развязывания мировой войны. Поэтому борьба миролюбивых сил, и в первую очередь внешнеполитическая деятельность Советского Союза, направлялась на общее ослабление международной напряженности, на разоблачение и срыв империалистических планов и ликвидацию очагов войны в тех райо-

¹ См. «Правда», 13 марта 1953 г.

нах мира, где действия агрессивных кругов угрожали безопасности народов.

После окончания войны в Корее наиболее опасным из таких очагов оставалась война в Индокитае, которую вели французские колонизаторы в союзе с империалистами других стран, и в первую очередь США, против народов этого района. Советский Союз и другие социалистические страны направили свои усилия на ликвидацию и этого опасного очага войны. Достижением советской внешней политики, значение которого для решения этой проблемы было весьма важно, явилось принятие Берлинским совещанием министров иностранных дел в январе 1954 г. решения о проведении в Женеве совещания министров иностранных дел пяти великих держав, включая КНР, а также других стран для урегулирования безотлагательных проблем Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии.

Женевское совещание 1954 г.¹, положившее конец войне в Индокитае, знаменовало собой новый большой успех миролюбивых сил во главе с Советским Союзом на пути ликвидации наиболее опасных очагов войны и ослабления международной напряженности. В результате Женевского совещания еще больше возросло благотворное влияние миролюбивой внешней политики СССР на международные отношения. Была наглядно продемонстрирована возможность разрешения международных вопросов между государствами различных систем путем переговоров на основе строгого соблюдения принципов равенства и невмешательства во внутренние дела других стран, уважения прав и интересов партнеров и неуклонного выполнения договорных обязательств. Проводившаяся правящими кругами США политика «с позиции силы» потерпела новое поражение, столкнувшись с последовательной миролюбивой позицией социалистических государств. В итоге американская делегация в обстановке углубившихся противоречий между США и их союзниками по агрессивным блокам не смогла добиться их безоговорочной поддержки на заключительном этапе совещания, когда принимались решения.

Решения совещания являлись надежной основой для упрочения мира и национальной независимости народов Индокитая. Положительные результаты Женевского совещания по вопросу о прекращении войны в Индокитае способствовали дальнейшей разрядке международной напряженности и создавали более благоприятные условия для рассмотрения других безотлагательных международных проблем. Советское правительство в своем заявлении о Женевском совещании отметило, что достигнутые на нем соглашения открывают путь к урегулированию важных нерешенных международных вопросов, касающихся не только Азии, но и Европы, и прежде всего таких, как прекращение

¹ См. гл. XXII.

гонки вооружений и запрещение атомного оружия, обеспечение коллективной безопасности в Европе и урегулирование германской проблемы на мирной, демократической основе.

3. Обеспечение европейской безопасности — актуальная задача внешней политики социалистических государств

Важное место во внешней политике СССР в этот период занимала борьба за урегулирование послевоенных европейских проблем в интересах всех народов, за создание надежной системы европейской безопасности и разрешение связанной с ней германской проблемы¹. Эти задачи Советское правительство неизменно рассматривало как неотделимую часть борьбы за общее ослабление международной напряженности. В результате политики западных держав в послевоенный период произошел раскол Германии и с ней не был заключен мирный договор, что в значительной мере осложнило проблему обеспечения европейской безопасности. С другой стороны, возникновение европейских социалистических государств, в том числе и ГДР, коренным образом изменило обстановку в Европе в пользу мира и социализма.

Советская политика в германском вопросе на протяжении всех послевоенных лет основывалась на строгом соблюдении межсоюзнических соглашений военного периода, касавшихся Германии, в первую очередь Ялтинских и Потсдамских соглашений. Продолжавшиеся и в этот период нарушения западными державами основных принципов Ялты и Потсдама получали отпор Советского Союза и последовательно разоблачались Советским правительством.

Внешнеполитическая деятельность СССР характеризовалась большим количеством конструктивных предложений, осуществление которых способствовало бы разрешению важнейших европейских проблем, и упорной борьбой СССР и народно-демократических стран за ослабление международной напряженности и создание условий прочного мира в Европе.

В 1950—1952 гг. западные державы сделали еще один шаг по пути углубления раскола Германии и превращения Западной Германии в главный источник военной опасности в Европе. В этой связи следует упомянуть выдвинутый 9 мая 1950 г. «план Шумана», который должен был создать материально-техническую базу возрождаемого западногерманского милитаризма, и подписанный 18 апреля 1951 г. в соответствии с этим планом договор о Европейском объединении угля и стали. Широко известные мероприятия западных держав по осуществлению непосредственной ремилитаризации Западной Германии в этот период, начиная с решений Нью-Йоркского совещания в сентябре 1950 г. и первых вариантов «плана Плевена» и кончая подписанием Боннского и Парижского договоров (26 и 27 мая 1952 г.), которые через 7 лет после окончания войны и менее чем через 3 года после образования ФРГ делали возрождаемый германский милитаризм официальным союзником западных

¹ См. гл. XXVI.

держав, открывали путь для превращения его в главную ударную силу в готовившейся преступной военной авантюре против Советского Союза и всего социалистического лагеря¹.

Советский Союз и другие социалистические страны, разоблачая империалистическую политику ремилитаризации Западной Германии, выдвигали демократические и миролюбивые альтернативы решения германской проблемы.

Стремясь найти конструктивное решение германской проблемы, осложнившейся в результате политики западных держав, Советское правительство в связи с обращением правительства ГДР к четырем державам об ускорении разработки мирного договора направило 10 марта 1952 г. ноту трем державам и проект основ мирного договора с Германией. Основываясь на предложениях от 10 марта, Советское правительство продолжало полемику с США и их партнерами по агрессивным блокам, разоблачая ремилитаризацию ФРГ и подчеркивая необходимость решить германский вопрос в духе Потсдама.

Особенно интенсивной борьба СССР за разрешение европейских и других проблем международных отношений становится с 1953—1954 гг. Внешнеполитическая активность Советского Союза в сочетании с борьбой европейских народов против политики возрождения германского милитаризма способствовала тому, что империалистические планы создания Европейского оборонительного сообщества потерпели неудачу. Осуществлению этих планов мешало также обострение межимпериалистических противоречий, приведшее к серьезным разногласиям в правящих кругах ряда капиталистических стран о формах и методах включения ФРГ в агрессивные блоки.

Большое значение в ходе борьбы Советского Союза против возрождения западногерманского милитаризма, за решение германской проблемы имели соглашения СССР с ГДР от 20—22 августа 1953 г. Они показали народам путь урегулирования сложнейших проблем, оставленных второй мировой войной, сыграли важную роль в разоблачении империалистических планов использования Германии в качестве плацдарма подготовки новой войны.

Крупным успехом миролюбивой внешней политики СССР был созыв Берлинского совещания министров иностранных дел четырех держав, проходившего 25 января — 18 февраля 1954 г., одним из трех основных пунктов повестки дня которого был германский вопрос и задачи обеспечения европейской безопасности.

В свое время саботаж западных держав привел к срыву регулярной деятельности Совета министров иностранных дел, который в соответствии с союзническими соглашениями должен был служить важным органом для подготовки и предварительного обсуждения вопросов послевоенного урегулирова-

¹ См. гл. XXIII и XXIV.

ния. Совет министров иностранных дел как постоянно действующий орган перестал существовать еще в 1947 г. С 1949 г. вообще не проводилось совещаний министров иностранных дел.

Уже в ходе предварительных переговоров о подготовке Берлинского совещания проявились возросшая активность и гибкость советской внешней политики. Советская сторона согласилась не фиксировать определенной предварительной повестки дня совещания, тем самым она способствовала ускорению созыва совещания. Западные державы были лишены возможности затягивать его, используя процедурные вопросы. Таким образом, эта позиция СССР оправдала себя. В ходе самой конференции советские предложения по повестке дня легли в основу ее работы.

На Берлинском совещании Советский Союз вновь выдвинул предложения, принятие которых оздоровило бы обстановку в Европе, устранило бы остатки второй мировой войны и способствовало бы установлению надежной безопасности европейских народов. К числу главных из них следует отнести дополнения проекта основ мирного договора с Германией от 10 марта 1952 г., в соответствии с которыми на Германию не должны были распространяться обязательства, принятые отдельными германскими государствами, предложения о создании временного правительства Германии и об освобождении Германии от уплаты послевоенных долгов, а также предложения, касающиеся европейской безопасности. Советский проект договора о системе коллективной безопасности в Европе представлял здоровую внешнеполитическую альтернативу политике сколачивания военных блоков, раскола Европы и нагнетания военной опасности. Этот проект и последующие советские предложения, в том числе о расширении экономического сотрудничества с США и другими западными державами, делавшиеся в 1954 г., подрывали империалистическую политику.

В частности, советские предложения, направленные на расширение состава участников договора о европейской коллективной безопасности и включение в их число США, выбивали из рук противников европейской безопасности оружие политической аргументации, в соответствии с которой Советский Союз хотел якобы полностью отстранить США от участия в европейских делах и под флагом системы безопасности подчинить себе Европу.

Руководствуясь неизменными принципами своей миролюбивой внешней политики и стремясь к ослаблению напряженности в международных отношениях, Советское правительство в ноте, направленной западным державам 31 марта 1954 г., выразило готовность рассмотреть совместно с заинтересованными странами вопрос об участии СССР в Североатлантическом договоре¹.

Западные державы отвергли предложения Советского Союза, голословно утверждая, что эти предложения не могут якобы способствовать ослаблению напряженности и устранению раскола Европы. Отклонение советского предложения об участии СССР в НАТО западные державы мотивировали в своих нотах опасением «распада оборонительных союзов», т. е. тех самых направленных против других государств военных группировок, существование которых углубило раскол Европы и обострило международную обстановку. Особенно враждебную реакцию нота Советского правительства вызвала в официальных кругах США.

¹ См. «Правда», 1 апреля 1954 г.

Советские предложения о коллективной безопасности и об участии Советского Союза в Североатлантическом договоре сыграли важную роль в разоблачении агрессивной политики создания военных блоков. После отказа западных держав обсуждать советские предложения истинный характер НАТО и нежелание руководителей этой агрессивной группировки сколько-нибудь изменить его стали еще более ясными.

Внешнеполитические акции Советского правительства дают пример умелого сочетания разоблачения и срыва мероприятий реакционных кругов Запада, направленных на подготовку войны, и достижения непосредственных положительных результатов в ходе решения отдельных международных проблем.

Напряженная борьба Советского Союза и других социалистических стран против политики ремилитаризации Западной Германии, за разрешение европейских проблем мирным, демократическим путем принесла значительные успехи. Прежде всего следует отметить возросшую сплоченность социалистических стран, их готовность дать коллективный отпор любым пронкам и провокациям империалистических кругов. Политика СССР и других социалистических государств содействовала росту международного авторитета первого германского рабоче-крестьянского государства — ГДР, усилению его значения как важного бастиона мира и демократии.

Существенным проявлением этой политики, в корне отличающейся от политики западных держав, было заявление Советского правительства об отношениях между Советским Союзом и Германской Демократической Республикой, опубликованное 26 марта 1954 г.¹ В нем подчеркивалось неизменное стремление Советского Союза содействовать урегулированию германской проблемы в целях укрепления мира и обеспечения национального воссоединения Германии на демократических основах. В соответствии с этим Советское правительство сочло необходимым предпринять новые шаги в интересах германского народа, предоставив ГДР полную свободу решать по собственному усмотрению свои внутренние и внешние дела, включая вопросы взаимоотношений с Западной Германией. Суверенитет ГДР был признан и другими социалистическими странами, что еще больше укрепило международные позиции ГДР и расширило ее возможности в борьбе за мир.

После провала империалистических планов создания Европейского оборонительного сообщества и замены соглашений о нем парижскими соглашениями 1954 г. внешняя политика социалистических стран Европы направляет свои усилия на борьбу против этих соглашений, на разоблачение их действительного характера, на новую мобилизацию всех миролюбивых сил против возрождения германского милитаризма и создания в Европе серьезного источника военной опасности. В этой связи важную роль сыграло совещание европейских стран по обеспечению мира и безопасности в Европе, проходившее 29 ноября —

¹ См. «Правда», 26 марта 1954 г.

2 декабря 1954 г. в Москве. Декларация совещания, а также последующие заявления Советского правительства и правительств других социалистических стран — участниц совещания свидетельствовали об их твердой решимости обеспечить безопасность своих стран, защитить социалистические завоевания своих народов от угрозы войны, усилившейся в результате подписания парижских соглашений.

Разоблачение империалистической политики и неустанная борьба против нее препятствовали осуществлению европейских планов мирового империализма и значительно отсрочили начало ускоренного процесса ремилитаризации ФРГ, который мог бы широко развернуться гораздо раньше, не будь столь решительного сопротивления миролюбивых сил.

В борьбе Советского Союза за мирное решение европейских проблем определяющую роль играло стремление обеспечить безопасность всех европейских народов и устранить препятствия на пути к прочному миру. Решению этой задачи служил подписанный Советским Союзом и европейскими странами народной демократии Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи¹.

Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между восемью странами, подписанный 14 мая 1955 г. в Варшаве на совещании европейских государств по обеспечению мира и безопасности в Европе, был обусловлен событиями, которые существенным образом изменили международную обстановку. В результате ратификации парижских соглашений западногерманские милитаристы и реваншисты получили возможность приступить к открытому созданию кадровой армии и снабдить ее всеми видами современного оружия. Агрессивные силы планировали использовать возрождаемую западногерманскую армию как главную ударную силу против Советского Союза и других социалистических стран. Поэтому участники Варшавского совещания пришли к выводу о необходимости принять действенные меры, чтобы гарантировать безопасность своих народов и преградить дорогу агрессии в Европе.

«Вынужденные объединить свои силы и ресурсы, — отмечал Н. С. Хрущев, — наши государства заключили Варшавский договор, являющийся важным стабилизирующим фактором в Европе. Они полны решимости использовать все свои силы для того, чтобы оградить мирную жизнь своих народов и не допустить нового военного пожара в Европе»².

Таким образом, внешнеполитические акции Советского Союза в этот период, касавшиеся важнейших европейских проблем, были направлены на разоблачение и срыв империалистических планов и достижение конкретных позитивных результатов в деле укрепления мира. Эта внешнеполитическая деятельность дала положительные итоги. Предложения СССР по вопросам европейской безопасности и германской проблеме, сформулиро-

¹ См. гл. XXVII.

² Н. С. Хрущев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. I, стр. 31.

ванные и выдвинутые в 1953—1955 гг., были частью его общего внешнеполитического наступления, развернувшегося в эти годы, одним из аспектов борьбы за ослабление международной напряженности, борьбы, которая пронизывала всю внешнеполитическую деятельность нашей партии в годы, предшествовавшие историческому XX съезду КПСС.

4. Борьба Советского Союза за ослабление международной напряженности

Проводя в новых условиях политику мирного сосуществования и борясь за укрепление мира, КПСС и Советское правительство большое внимание уделяли разоблачению политики подготовки новой войны, ликвидации уже возникших очагов войны, решению важнейших спорных вопросов. В своей внешнеполитической деятельности КПСС и Советское правительство исходили из того, что главным путем достижения прочного мира является разоружение, а наиболее надежным методом успешного движения по этому пути и достижения соглашения по любым спорным вопросам служит метод переговоров и непосредственных контактов, особенно встречи на высшем уровне.

Огромное принципиальное значение имеет разработка ЦК КПСС соответствующего новой обстановке подхода к проблеме разоружения. Основываясь на ленинском положении о том, что социализм и мир неотделимы, Советское государство всегда проводило политику мира и боролось за надежную гарантию прочного мира — разоружение. Однако в довоенные годы империализм был еще в состоянии решать вопрос о войне в своих интересах и навязывать человечеству агрессивные войны за передел мира. Поэтому наша партия и социалистическое государство в борьбе за разоружение добивались предотвращения агрессии, любой войны, подготавливавшейся империалистами, разоблачали их перед широкими массами, что также способствовало срыву агрессивных планов. В послевоенный период в результате происходящего изменения соотношения сил между двумя системами стали складываться условия, которые позволяли по-новому подойти к проблеме войны и мира и по-новому поставить проблему разоружения и бороться за ее разрешение¹.

Упорно проводившейся западными державами политике саботажа разоружения Советский Союз противопоставил четкие и конкретные предложения. В этих предложениях учитывались и выдвигавшиеся в ходе переговоров пожелания западных держав. Предложения СССР, внесенные в мае 1955 г., положили начало важному этапу борьбы народов за разоружение. Они не только способствовали разоблачению лицемерной политики,

¹ См. гл. IV.

проводимой западными державами, которые с этого времени вынуждены особенно часто отказываться от своих собственных предложений и занимаемых ими ранее позиций, но и стали исходным пунктом широкой инициативы СССР в вопросах разоружения, успешно развивавшейся и в последующий период и принесшей положительные результаты.

Немаловажную роль в борьбе за разрешение проблемы разоружения сыграли принятые Советским правительством меры по сокращению в одностороннем порядке численности вооруженных сил СССР на 640 тыс. человек к концу 1955 г.¹ Эти меры, за которыми последовало сокращение вооруженных сил ряда других социалистических стран Европы, показали искренность их миролюбивых предложений, осуществимость разоружения. Они явились новым крупным вкладом социалистических стран в дело ликвидации международной напряженности.

Ценной инициативой, направленной на смягчение международной напряженности, была Декларация Верховного Совета СССР, принятая на II сессии 9 февраля 1955 г. В Декларации провозглашались принципы равенства, невмешательства во внутренние дела, ненападения и отказа от посягательства на территориальную целостность других государств, уважения суверенитета и национальной независимости. В Декларации разоблачалась империалистическая политика «с позиций силы» и указывался реальный путь к разрядке напряженности международных отношений, к установлению широкого международного сотрудничества. Особое значение в Декларации справедливо придавалось безотлагательному решению вопроса о всеобщем сокращении вооружений². Декларация со всей очевидностью показывала, что есть реальная возможность для нормализации международной обстановки и улучшения отношений между странами.

Борьба Советского Союза за ослабление международной напряженности была неразрывно связана с его настойчивым стремлением к установлению взаимного доверия и сотрудничества между всеми странами, и прежде всего между великими державами. Советское правительство постоянно подчеркивало, что для укрепления мира огромное значение имело бы установление прочных дружественных отношений между двумя крупнейшими державами мира — Советским Союзом и США. Был предпринят ряд действий для достижения этой цели. Важным шагом в этом направлении было предложение СССР о заключении договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и США, сделанное в начале 1956 г. с целью коренного улучшения советско-американских отношений. «Мы обратились с предложением о договоре к США потому, — указывал Н. С. Хрущев, — что заключение такого договора отвечало бы самым глубоким стремлениям народов обеих стран жить в мире и дружбе»³.

¹ См. «Правда», 13 августа 1955 г.

² См. гл. IV.

³ Н. С. Хрущев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. I, стр. 32.

Однако правящие круги США, продолжая свою политику подготовки войны, не приняли этого предложения Советского Союза.

Успехи СССР в борьбе за ослабление международной напряженности и налаживание отношений между великими державами путем прямых переговоров особенно наглядно проявились в таком факте, как созыв Женевского совещания глав правительств в 1955 г.¹

Миролюбивые народы мира требовали, чтобы руководящие государственные деятели западных держав и Советского Союза рассмотрели за столом переговоров спорные международные вопросы. Советское правительство неоднократно выражало свое стремление добиться созыва подобного совещания, целью которого было бы ослабление международной напряженности. Выражая чаяния народов, Советское правительство подчеркивало, что совещание должно явиться значительным шагом по пути прекращения «холодной войны» и восстановления международного доверия. «Стремление народов к миру стало настолько всеобъемлющим и могучим, — указывалось в передовой «Правды» от 22 мая 1955 г., — что игнорировать его уже невозможно, а бороться против него опасно». Этот существенный фактор способствовал успехам советской внешней политики, которой удалось преодолеть сопротивление правящих кругов западных держав, и особенно США, пытавшихся подходить к совещанию со старых позиций «политики силы».

После того как министры иностранных дел четырех держав достигли в Вене согласия по вопросу о целях и методах совещания глав правительств, позиция Правительства Советского Союза была еще раз четко изложена в ноте от 26 мая 1955 г. остальным трем державам. «Советское Правительство, — отмечалось в ноте, — как оно заявляло неоднократно и прежде, считает задачей Совещания Глав Правительств четырех держав — уменьшение международной напряженности, укрепление доверия между государствами. Такая цель может быть достигнута лишь в том случае, если к этому будут стремиться все заинтересованные государства. Только в этом случае Совещание Глав Правительств может дать положительные результаты»². Необходимость последнего положения вызывалась тем, что реакционные круги США и других империалистических держав продолжали настаивать на гонке вооружений и пытались дискредитировать идею четырехсторонних переговоров³.

18 июля 1955 г. Женевское совещание глав правительств СССР, США, Англии и Франции начало свою работу. Коренные изменения в международной обстановке и неустанная борьба за мир, которую вели СССР, другие социалистические страны и

¹ См. гл. XXIX.

² «Правда», 27 мая 1955 г.

³ Так, например, выступая в комиссии по иностранным делам палаты представителей конгресса США, государственный секретарь Даллес заявил 25 мая, что не имеет «каких-либо перспектив того, чтобы совещание достигло положительных результатов», и даже утверждал, что оно вообще «не предназначается для разрешения каких бы то ни было проблем».

все миролюбивые силы, заставили партнеров СССР по переговорам не выдвигать во время совещания в Женеве на первый план агрессивную политику «с позиции силы». Созыв Женевского совещания был большой победой миролюбивых сил, он свидетельствовал о правильности внешнеполитической линии Советского Союза — линии мирного сосуществования. Женевское совещание еще раз со всей определенностью подтвердило полезность и необходимость метода переговоров и непосредственных контактов для решения спорных международных вопросов и могло бы стать исходным пунктом для развития международного сотрудничества.

Отмечая положительное значение Женевского совещания, Н. С. Хрущев говорил, что «сам факт созыва Совещания Глав Правительств четырех держав, те заявления, которые на нем были сделаны, программа действий, намеченная Главами Правительств для своих министров иностранных дел, — все это, конечно, содействовало смягчению международной напряженности, порождая надежды на какие-то более конкретные шаги, направленные на предотвращение военных конфликтов и на ликвидацию «холодной войны». Так родился «дух Женевы»»¹.

Что же касается практических результатов Женевского совещания в деле решения международных вопросов, то Советское правительство никогда не переоценивало их, так как отсутствие конкретных решений по отдельным вопросам давало западным державам повод отказаться от взятых на себя общих обязательств. Советское правительство понимало, что участие в совещании представителей империалистических держав является уступкой общественному мнению, а отнюдь не желанием правящих кругов решить вопросы, стоявшие на повестке дня совещания. Н. С. Хрущев отмечал, что на самом совещании «в ряде случаев партнеры по переговорам тянули шотландскую волынку»².

Учитывая это, Советское правительство подходило к оценке перспектив сохранения и развития «духа Женевы» в ходе последующих переговоров, не исключая возможности отказа Запада от своих обязательств. Неудача Женевского совещания министров иностранных дел не явилась поэтому для Советского Союза неожиданностью. Внешнеполитическая стратегия, разработанная ЦК КПСС, учитывает неизбежность зигзагов империалистической политики. В каждом конкретном случае внешняя политика СССР служит достижению определенных миролюбивых целей и разоблачению агрессивной политики империализма. В ходе советского внешнеполитического наступления Женевское совещание сыграло свою положительную роль и в том и другом

¹ Н. С. Хрущев. Речь на четвертой сессии Верховного Совета СССР четвертого созыва 29 декабря 1955 года. М., 1956, стр. 22—23.

² Н. С. Хрущев. За прочный мир и мирное сосуществование. М., 1958, стр. 41.

отношении, хотя его результаты могли бы быть более плодотворными, если бы не политика агрессивных кругов западных держав, направленная на срыв усилий по ослаблению международной напряженности, на возвращение к худшим временам «холодной войны» и развязывание новых военных конфликтов.

Одним из наиболее важных направлений внешнеполитической деятельности Советского Союза было урегулирование отношений с рядом государств в целях смягчения напряженности в Европе. Особенно плодотворными усилия Советского Союза в этой области были в 1955 г. К числу успешных результатов советской мирной инициативы относятся, в частности, заключение Государственного договора с Австрией¹ и установление дипломатических отношений с Федеративной Республикой Германии.

Советская позиция в австрийском вопросе, выразившаяся в подписании Государственного договора с Австрией, была образцом политики мирного сосуществования, поддержки стран, не позволяющих втягивать себя в военные блоки, стремления идти навстречу тем, кто заинтересован в укреплении мира. Последовательные действия Советского Союза вывели австрийский вопрос из тупика, возникшего в результате политики западных держав. Заключение Государственного договора 15 мая 1955 г., решающим этапом подготовки которого были советско-австрийские переговоры 12—15 апреля 1955 г., способствовало оздоровлению международной обстановки в Европе. Советская инициатива в этом вопросе и активная деятельность советской дипломатии нанесли серьезный удар по агрессивной политике империалистических кругов. Подписание Государственного договора с Австрией, являясь важным вкладом в дело сохранения и укрепления мира, создало необходимые основы для мирного развития независимого австрийского государства, а также укрепления дружественных отношений между Советским Союзом и Австрией.

Важным шагом на пути к разрядке международной напряженности была инициатива СССР по установлению дипломатических отношений с ФРГ.

Советский Союз, не жалевший усилий, чтобы облегчить мирное решение германского вопроса на демократической основе, считал существенной предпосылкой дальнейших успехов в этом направлении нормальные отношения с обоими германскими государствами. Что касается Германской Демократической Республики, то дружественные отношения между ней и Советским Союзом основывались на прочной базе социалистического интернационализма и всесторонне развивались. Целый ряд соглашений, в частности заключенных во время визита в СССР правительственной делегации ГДР в 1953 г., а также участие СССР и ГДР в многосторонних соглашениях государств социалистиче-

¹ См. гл. XXVIII.

ского лагеря четко определили не только отношения между ними, но и их позицию по важнейшим международным вопросам и создали основы совместной борьбы за их мирное разрешение.

Нормализация отношений между СССР и ФРГ, призванная способствовать ослаблению международной напряженности, соответствовала национальным интересам немецкого народа и народов СССР, интересам мира и европейской безопасности. Этими соображениями руководствовалось Советское правительство, предпринимая шаги к нормализации дипломатических отношений между СССР и ФРГ.

В заявлении Советского правительства по германскому вопросу от 15 января 1955 г. указывалось: «Советский Союз имеет хорошие отношения с Германской Демократической Республикой. Советское Правительство готово также нормализовать отношения между СССР и Германской Федеральной Республикой».

В настоящих условиях нормализация отношений между Советским Союзом и Германской Федеральной Республикой могла бы, вместе с тем, содействовать лучшему взаимопониманию и поискам более успешных путей к решению задачи восстановления единства Германии»¹.

Десять дней спустя Президиум Верховного Совета СССР издал указ о прекращении состояния войны с Германией². Этим актом обеспечивались необходимые правовые основы для ведения переговоров и нормализации отношений³.

Советское правительство 7 июня 1955 г. направило правительству ФРГ ноту, в которой содержалось предложение о нормализации отношений между обеими странами. В советской ноте подчеркивалось значение хороших отношений между советским и немецким народами для сохранения и укрепления мира в Европе, а также указывалось, что стремление реакционных кругов некоторых государств помешать улучшению отношений между СССР и ФРГ и противопоставить их друг другу ведет к усилению угрозы новой войны. Установление нормальных отношений, основанных на взаимном доверии и мирном сотрудничестве, как указывалось в ноте, явилось бы ценным вкладом в дело предотвращения этой опасности. Советское правительство, отмечалось в ноте, исходит при этом из того, что установление и развитие нормальных отношений между СССР и ФРГ «будет содействовать решению неурегулированных вопросов, касающихся всей Германии, и должно будет тем самым помочь разрешению главной общенациональной проблемы немецкого народа — восстановлению единства германского демократического государства»⁴.

Советское правительство предлагало правительству ФРГ установить прямые дипломатические и торговые отношения, а также наладить культурные связи между обеими странами. Канцлер Аденауэр и другие представители ФРГ приглашались в Москву для обсуждения вопросов, связанных с этими предложениями.

Советское правительство, последовательно отстаивая принципы равноправия и невмешательства во внутренние дела, заявило, что установление нормальных дипломатических, торговых и культурных отношений не должно быть связано никакими предварительными условиями с обеих сторон⁵. Правительство ФРГ уже на этом, подготовительном этапе стремилось осложнить пере-

¹ «Правда», 16 января 1955 г.

² См. «Правда», 26 января 1955 г.

³ Отмена так называемого оккупационного статута для Западной Германии, который существенно ограничивал ее суверенитет, также устраняла формальные препятствия для такого рода переговоров и соглашений.

⁴ «Правда», 8 июня 1955 г.

⁵ См. ноту правительства СССР от 3 августа («Правда», 6 августа 1955 г.).

говоры, настаивая на включении вопросов «о национальном единстве Германии» и «об освобождении немцев, которые еще задерживаются в СССР или в сфере влияния СССР». Советское правительство подчеркнуло в ответ на это, что вопрос о единстве Германии является, как это неоднократно указывалось в советских заявлениях, внутренним делом немецкого народа. Идя навстречу пожеланиям другой стороны, Советское правительство не возражало против обмена мнениями по этому вопросу.

Соглашаясь на переговоры, правительство ФРГ утверждало, что его цель заключается в том, чтобы содействовать упрочению мира, восстановить единство Германии и добиться возвращения немецких военнопленных. На деле же правительство ФРГ меньше всего заботилось о восстановлении единства Германии и использовало заявления о нем исключительно в целях пропаганды. Согласно правительству ФРГ и западных держав, давших ему санкцию на переговоры, объяснялось в первую очередь невозможностью обосновать сколько-нибудь убедительно отклонение советских предложений, миролюбивый характер которых был очевиден для широких кругов как западногерманской, так и западноевропейской общественности. Немаловажное значение имели и сообщения правящих кругов ФРГ о тех выгодах, которые они намеревались извлечь из переговоров и нормализации отношений с СССР.

Они хорошо понимали, что такой факт, как признание ФРГ Советским Союзом, будет иметь, несомненно, большое значение для укрепления международного положения и авторитета ФРГ. Значительный интерес у правящих кругов ФРГ вызвала также перспектива развития торговли с Советским Союзом, которую они намеревались построить таким образом, чтобы все выгоды доставались на долю ФРГ. Наконец, те же правящие круги надеялись использовать нормализацию отношений с СССР для того, чтобы оказать давление на западные державы.

В ходе начавшихся 9 сентября 1955 г. в Москве переговоров советская делегация отвергла прежде всего притязания Аденауэра выступать от имени всей Германии, представлять на переговорах весь немецкий народ. Советская сторона разоблачила также попытки делегации ФРГ использовать в своих интересах вопрос о военных преступниках, отбывавших наказание на территории СССР.

Переговоры показали всю несостоятельность попыток какого бы то ни было давления на СССР. В то же время еще раз подтвердилось, что трезвый подход к вопросам и стремление к соглашению встречают с советской стороны полное понимание и вознаграждаются конкретными результатами. После того как 13 сентября главы правительственных делегаций пришли к соглашению и обменялись письмами, в которых подтверждалось решение правительств установить дипломатические отношения между СССР и ФРГ и обменяться послами¹, Советское правительство сочло возможным удовлетворить просьбу правительства ФРГ о возвращении на родину германских военных преступников. При этом специально оговаривалось, что практические шаги в этом направлении будут сделаны лишь на основе договоренности с обоими германскими государствами.

Установление нормальных дипломатических отношений между СССР и ФРГ открывало благоприятные перспективы развития сотрудничества, основанного на принципах мирного сосу-

¹ См. «Правда», 14 сентября 1955 г.

ществования. Оно явилось одним из важных результатов мирной инициативы Советского Союза, направленной на разрядку международной напряженности, на улучшение политической обстановки в Европе, на разрешение важнейших спорных проблем. Оно свидетельствовало также о возможности добиться соглашения по некоторым вопросам при условии, если участники переговоров с СССР не будут цепляться за изжившие себя и совершенно неприемлемые в отношениях с великой социалистической державой методы диктата и ультиматумов. Наконец, оно еще раз показало, как важны хорошие отношения между советским и немецким народами для Германии и какие преимущества дают немецкому народу дружба и сотрудничество с СССР.

5. Курс СССР на сближение со всеми миролюбивыми странами

Важное место во внешней политике Советского Союза начинают занимать отношения с молодыми суверенными государствами, добившимися национальной независимости после войны.

50-е годы явились периодом бурного развития национально-освободительного движения в Азии, Африке и Латинской Америке. Создавшаяся в результате развала колониальной системы империализма и образования новых независимых государств обстановка потребовала от советской внешней политики новых важных решений, большей гибкости, глубокого умения последовательно проводить в отношениях с освободившимися от колониального гнета странами принципы интернациональной солидарности со всеми антиимпериалистическими силами. Решительно порывая с догматическими и сектантскими оценками ряда важных аспектов национально-освободительного движения, которые имели хождение многие годы, ЦК КПСС вооружил советскую внешнюю политику правильным, творческим, подлинно марксистским подходом к этим явлениям.

Все более активная поддержка Советским Союзом и другими социалистическими странами народов, борющихся за независимость, способствовала новому подъему антиимпериалистической борьбы. Начала приобретать все более широкие масштабы экономическая помощь СССР слаборазвитым в экономическом отношении странам. Экономические связи СССР и слаборазвитых стран, основанные на строгом соблюдении принципа равноправия, невмешательства во внутренние дела и свободные от каких бы то ни было политических и военных условий, становились одним из важнейших факторов укрепления независимости освободившихся от ига колониализма стран.

Советский Союз, выдвигая принципы равноправия в отношениях со всеми странами, особое внимание уделял расширению контактов с молодыми независимыми государствами, удовле-

творению их нужд и потребностей. Бескорыстие советской экономической помощи определяется социалистической основой нашего государства и вытекающей из нее миролюбивой внешней политикой. «Мы помогаем без каких бы то ни было корыстных целей не только социалистическим государствам, — указывал Н. С. Хрущев, — но и другим, не социалистическим государствам, которые ведут борьбу за свою свободу и национальную независимость. Наш народ понимает, что мы хотим крепить дружбу с другими странами для защиты мира во всем мире. Других целей у нас нет»¹.

Это понимали и все более широкие массы в слаборазвитых странах. «Для народов Латинской Америки, — отмечал руководитель Коммунистической партии Аргентины тов. Кодовилья, — стала еще более очевидной разница между линией империалистических стран, которые в своих торговых отношениях навязывают политические и военные условия, ущемляющие национальный суверенитет, и линией СССР, который предлагает установление взаимоотношений без политической дискриминации на основе равенства, взаимной выгоды и строгого уважения суверенитета каждой страны»².

Советский Союз оказывал и политическую поддержку всем народам, борющимся за независимость и завоевавшим ее в этот период, например народам Судана, Марокко, Туниса и других африканских и азиатских стран.

Большое значение имела последовательная борьба СССР против империалистической политики втягивания некоторых государств Ближнего Востока и Азии в империалистические военные блоки, одной из целей которых было сохранение колониального гнета как в новых, так и в старых формах. В этой связи принципиально важно заявление Советского Союза от 16 апреля 1955 г. о безопасности на Ближнем и Среднем Востоке. Советское правительство, давая глубокий анализ и характеристику положения в этом районе мира, которое сложилось в результате заключения Багдадского пакта³, подчеркнуло, что неучастие в военных блоках может стать важной гарантией мира, и еще раз отметило стремление Советского Союза развивать с государствами Ближнего и Среднего Востока добрососедские отношения, основывающиеся на принципах мирного сосуществования.

Такая политика СССР способствовала возрастанию роли молодых суверенных государств на международной арене, их сближению с социалистическими странами в борьбе за укрепление мира. В июне 1954 г. правительства КНР и Индии совместно провозгласили известные пять принципов мирного сосуществования, поддержанных и развитых в апреле 1955 г. Бандунгской конференцией, представлявшей более 1,5 млрд. человек населения 29 стран Азии и Африки. «Эти принципы, — отмечалось в резолюции XX съезда КПСС, — представляют наилучшую в настоящих условиях формулу взаимоотношений государств с различным социальным строем и могли бы послужить основой прочных мирных отношений между государствами всего

¹ Н. С. Хрущев. За прочный мир и мирное сосуществование, стр. 35—36.

² «Правда», 22 февраля 1956 г.

³ См. гл. XVI.

земного шара»¹. Тот факт, что этими принципами стали руководствоваться в своих отношениях многие государства этого огромного района мира, подтверждает правильность внешнеполитической линии ЦК КПСС, и в теории и на практике давшего образцы творческого марксизма при разработке внешней политики социализма в условиях нового этапа национально-освободительного движения.

Именно в эти годы получают широкое развитие личные контакты руководителей Советского правительства и правительств ряда стран Азии. Эти контакты и взаимный обмен визитами стали крупным вкладом в дело упрочения дружественных отношений между СССР и независимыми странами Азии. Наиболее значительным событием в этом отношении была поездка правительственной делегации Советского Союза в Индию, Бирму и Афганистан в конце 1955 г. В результате этих контактов была подтверждена общность позиций Советского Союза и ряда крупных государств Азии по важнейшим вопросам, касающимся сохранения и упрочения мира и укрепления национальной независимости молодых государств, а также всех народов мира. Всемирная поддержка национально-освободительного движения, являясь интернациональным долгом социалистического государства, соответствовала его основным внешнеполитическим задачам, так как она способствовала расширению зоны мира и созданию серьезных препятствий на пути любого агрессора.

Решительное сближение со всеми государствами, которые стоят на позиции сохранения мира, было одним из наиболее важных направлений внешней политики Советского Союза. Примером активных действий и плодотворных результатов политики мирного сосуществования государств-соседей, имеющих различный общественный строй, служат советско-финляндские отношения и их развитие в рассматриваемый период.

Основу добрососедских отношений между Советским Союзом и Финляндией составляет договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанный 6 апреля 1948 г. Благодаря этому договору Финляндия укрепила свою безопасность, была избавлена от участия в гонке вооружений, смогла на взаимовыгодной основе развивать с Советским Союзом экономические и культурные связи. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи явился поворотным пунктом в истории взаимоотношений Финляндии и Советского Союза, обеспечив условия для развития дружбы и взаимного доверия между обоими народами. Он был главной предпосылкой и важнейшим условием успешной деятельности сторонников советско-финляндской дружбы в будущем. Вопреки всем проискам реакционных сил Финляндии, действовавших под влиянием империали-

¹ «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. II, стр. 412.

стических кругов западных держав, и в первую очередь США, там возобладал трезвый курс на развитие дружественных отношений с СССР. Инициаторами и активными проводниками этого курса являлись видные политические деятели — Ю. К. Паасикиви, избранный президентом Финляндии, и глава пришедшего к власти в Финляндии в марте 1950 г. правительства, лидер Аграрного союза У. Кекконен.

В эти годы между Советским Союзом и Финляндией был заключен ряд важных экономических соглашений, значительное место среди которых занимает первое пятилетнее торговое соглашение, подписанное 13 июня 1950 г. В результате успешного развития советско-финляндских экономических отношений Советский Союз занял первое место во внешней торговле Финляндии. На долю СССР приходилось 25% всего внешнеторгового оборота страны.

Особенно успешно политические, экономические и культурные связи между СССР и Финляндией развивались в 1954—1955 гг. В феврале 1954 г. было подписано соглашение о предоставлении Финляндии советского займа на сумму 40 млн. руб., который был весьма выгоден финской стороне и не сопровождался условиями политического или экономического характера, затрагивающими суверенитет Финляндии. Большое значение для укрепления дружественных связей между двумя странами и эффективности их совместных усилий, направленных на разрядку международной напряженности и упрочение мира, имело советско-финляндское коммюнике от 17 июля 1954 г., в котором, в частности, указывалось:

«Правительство Советского Союза и правительство Финляндии считают, что важнейшей задачей в сложившейся обстановке является уменьшение напряженности в международных отношениях. Оба правительства убеждены в том, что в настоящее время существует настоятельная необходимость объединения усилий всех государств для обеспечения мира и безопасности. Только коллективные усилия всех государств, независимо от их общественного строя, могут обеспечить безопасность народов, ибо борьба за мир и против угрозы новой войны соответствует общим интересам всех стран»¹.

Существенную роль в дальнейшем укреплении советско-финляндских отношений сыграл визит в СССР финляндской правительственной делегации во главе с президентом Финляндии Ю. К. Паасикиви в сентябре 1955 г. В результате обмена мнениями о мерах, которые способствовали бы упрочению дружбы и сотрудничества между обеими странами, 19 сентября 1955 г. в Москве был подписан Протокол о продлении на 20 лет срока действия договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Одновременно было подписано соглашение об отказе Советского Союза от прав на использование территории Порккала-Удд для военно-морской базы и выводе советских вооруженных сил с этой территории — последней советской военной базы за границей.

Эти документы имели большое международное значение. Продление договора 1948 г. подтверждало победу принципов мирного сосуществования в отношениях между СССР и Финляндией, давало гарантию того, что советско-финляндские отношения и впредь будут развиваться на надежной основе дружбы

¹ «Правда», 18 июля 1954 г.

и сотрудничества и не подвергнутся каким-либо потрясениям и случайностям. Соглашение об отказе СССР от военно-морской базы было последовательным проявлением советской миролюбивой внешней политики. Оно стало возможным в результате положительного развития советско-финляндских отношений и укрепления взаимного доверия между двумя странами.

Отказ СССР от военной базы, расположенной в непосредственной близости от финляндской столицы, лишил финскую и зарубежную реакцию повода для раздувания антисоветской пропаганды, еще раз продемонстрировал искренность советской внешней политики, ее последовательное миролюбие, отсутствие у Советского Союза какого бы то ни было стремления сохранить военные преимущества по отношению к миролюбивым государствам, неуклонную волю к развитию добрососедских отношений. Все это создало надежные предпосылки для дальнейшего укрепления дружбы и доверия между народами Советского Союза и Финляндии.

Президент Финляндии Ю. К. Пааскиви, отмечая значение мирной инициативы Советского Союза, заявил: «Этот благородный поступок является, по моему мнению, новым и, по своей вескости, убедительным доказательством мирных стремлений Советского Союза не только по отношению к своему соседу — Финляндии, но и в мировом масштабе»¹. Действительно, значение ликвидации советской базы в Порккала-Удд выходило далеко за рамки советско-финляндских отношений. Эта добровольная мера Советского Союза наглядно показывала разницу между миролюбивой политикой социалистической державы, отказавшейся от последней базы, расположенной на чужой территории, и империалистической политикой США и их союзников, продолжавших расширять охватывающую все континенты сеть агрессивных военных баз и опорных пунктов.

Пример советско-финляндской дружбы указывает всем странам путь, по которому должны развиваться отношения между государствами с различным общественно-политическим строем — путь последовательного соблюдения принципов мирного сосуществования.

* *
*

Итоги советской внешней политики, подведенные XX съездом КПСС, свидетельствовали о правильности внешнеполитической линии нашей партии, руководствующейся великими принципами пролетарского интернационализма и идеей мирного сосуществования, линии, проводимой в интересах всех миролюбивых народов на базе глубокого марксистско-ленинского анализа обстановки и учета происходящих в мире изменений. Внешнеполитическая практика Советского государства явилась также одним из основных факторов, опираясь на которые, КПСС смогла сделать на XX съезде огромной важности выводы по некоторым принципиальным вопросам современного международного развития.

¹ «Известия», 4 декабря 1955 г.

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО СОЮЗА ПО ВОПРОСАМ РАЗОРУЖЕНИЯ И ЗАПРЕЩЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

Одним из важнейших направлений внешнеполитической деятельности Советского Союза и других социалистических стран в послевоенный период является их упорная борьба за разоружение, за запрещение производства и применения оружия массового уничтожения людей. Особенно важное значение эта борьба приобрела в связи с образованием агрессивного Североатлантического блока и гонкой вооружений, появлением и совершенствованием ядерного оружия.

В начале 50-х годов военные приготовления США и их союзников достигли огромных масштабов. Резко усилилась гонка вооружений, возросли темпы производства атомного оружия, расширялась сеть американских военных баз на чужих территориях, нацеленных прежде всего против СССР и других социалистических стран¹. Только прямые военные расходы стран — участниц НАТО увеличились с 18,5 млрд. долл. в 1949 г. до 52,9 млрд. в 1955 г. Прямые военные расходы США возросли за тот же период в 3 раза — с 13,3 млрд. до 40,5 млрд. долл., а Англии — в 2 с лишним раза, с 2,2 млрд. до 4,8 млрд. долл.² Все это серьезно усиливало международную напряженность, создавало угрозу новой войны.

СССР и другие страны социализма прилагали все усилия, чтобы вывести вопрос о разоружении из колеи бесплодных дискуссий и вынудить США, Англию и их союзников по военным блокам пойти на решение проблемы разоружения в интересах мира и безопасности народов.

Еще в начальной стадии послевоенных переговоров по разоружению, начавшихся в 1946 г., выявились две диаметрально противоположные линии. С одной стороны, линия Советского Союза и всех миролюбивых сил, имевшая своей целью действительное разоружение, а с другой стороны, линия США и других западных держав, выступивших застрельщиками гонки вооружений и саботировавших конкретное решение проблемы разоружения. Из-за позиции США и других западных держав работа комиссий по атомной энергии и по вооружениям обычного типа, созданных в первые послевоенные годы, была сорвана, и в 1950 г. заседания этих органов прекратились. США упорно продолжали цепляться за «план Баруха», с помощью которого они рассчитывали обеспечить американским корпорациям

¹ См. гл. XVI.

² См. «Статистические показатели экономического положения капиталистических стран (1950—1955 гг.)». М., 1956, стр. 73.

господство над экономикой других стран и сохранить за собой монопольное право продолжать в течение неопределенного времени производство атомных бомб. Что касается сокращения вооруженных сил и вооружений, то западные державы выдвинули фальшивый тезис о том, что никакие практические мероприятия по уменьшению армий невозможны до тех пор, пока не будет обеспечена «международная безопасность» и в этих целях не будет выполнен ряд «предварительных условий», в частности таких, как создание международных вооруженных сил ООН, принятие «плана Баруха», заключение на условиях западных держав мирных договоров с Германией и Японией.

В этих условиях Советский Союз продолжал упорную борьбу за разоружение. Особенно большое значение имели внешнеполитические меры, принятые ЦК КПСС и Советским правительством в 1953—1955 гг. в целях укрепления мира и международной безопасности, в том числе предложения, направленные на скорейшее решение проблемы разоружения. Позиция, занятая СССР, создала новые возможности для достижения положительного решения проблемы разоружения и способствовала дальнейшему разоблачению обструкционистской и лицемерной политики США и их партнеров по НАТО, а также подготовке условий для последующей борьбы за всеобщее и полное разоружение.

1. Две линии в Комиссии ООН по разоружению

Ликвидировав в 1949 г. монополию США на атомное оружие, СССР продолжал настойчиво и энергично выступать как за запрещение оружия массового уничтожения, так и за существенное сокращение вооруженных сил и обычных вооружений. Для оздоровления международной обстановки и упрочения мира во всем мире делегация СССР на V сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 1950 г. внесла проект «Декларации об устранении угрозы новой войны и об укреплении мира и безопасности народов»¹, который являлся продолжением и развитием предложений, ранее вносившихся Советским Союзом в ООН.

Советское правительство призвало осудить и запретить пропаганду новой войны, а виновных привлекать к ответственности. В советской программе предлагалось объявить о безусловном запрещении атомного оружия и установлении строгого международного контроля за точным и безусловным осуществлением этого запрещения. Вместе с тем в ней предусматривалось, чтобы великие державы сократили свои вооруженные силы в течение 1950 г. на одну треть, с тем чтобы вопрос о дальнейшем сокращении вооруженных сил был поставлен на обсуждение одной

¹ См. «Объединенные Нации. Генеральная Ассамблея. Пятая сессия», Нью-Йорк, 1950, док. А/1376.

из ближайших сессий Генеральной Ассамблеи. Учитывая особую ответственность великих держав за обеспечение мира, Советский Союз предложил, чтобы США, Великобритания, Франция, Китай и Советский Союз объединили свои усилия в борьбе за мир и заключили между собой Пакт мира.

Провал расчетов американских правящих кругов на длительную монополию на атомное оружие, казалось, должен был показать западным державам всю пагубность курса на раздувание гонки вооружений и заставить США и их союзников более серьезно отнестись к обсуждению вопросов о разоружении. Однако этого не произошло. В 1950—1951 гг. они, как и прежде, продолжали отвергать все предложения Советского Союза о прекращении гонки вооружений и о разоружении.

В январе 1952 г. Генеральная Ассамблея вместо Комиссии по атомной энергии и Комиссии по вооружениям обычного типа создала новый орган — Комиссию ООН по разоружению. Советский Союз предложил, чтобы комиссия занялась рассмотрением и выработкой соглашений о безусловном запрещении атомного оружия с установлением международного контроля и о сокращении обычных вооружений и вооруженных сил. Советское государство предложило также включить в план работы этого органа вопрос о недопущении использования бактериологического и химического оружия.

Иную позицию заняли США и другие западные державы. Уже с первых шагов, предпринятых ими в Комиссии по разоружению, стало видно, что империалистические страны намереваются и впредь настаивать на своих старых предложениях о проверке и выявлении вооруженных сил и вооружений, а также на американском «плане Баруха»¹.

Между тем полное банкротство «плана Баруха» было очевидным. Если Соединенные Штаты не откажутся от него, отмечал Уолтер Липпман, то тем самым продемонстрируют, что они «не заинтересованы серьезно в каком-либо плане»².

США и их союзники подняли пропагандистскую шумиху по поводу так называемого «нового подхода» западных держав к вопросу о разоружении. Но, как и следовало ожидать, ничего принципиально нового они не предложили. Все «новое» выразилось в «предложениях относительно постепенного и постоянного выявления и проверки вооруженных сил и вооружений»³, внесенных США в апреле 1952 г. в Комиссию ООН по разоружению.

Американские предложения предусматривали создание «на постоянной основе» системы выявления и проверки вооруженных сил и вооружений и установление пяти «стадий выявления и проверки». «Выявлению и проверке» подлежали сведения о вооружениях и вооруженных силах, их размещении, а

¹ См. гл. XXII 1-го тома настоящего издания.

² «New York Herald Tribune», 6. II. 1950.

³ «Организация Объединенных Наций. Комиссия по разоружению. Стенографический отчет. Комитет № 2, 5 апреля 1952 г.», док. ДС/С. 2/Rev. I.

также сведения о состоянии ведущих отраслей промышленности, таких, как сталелитейная, алюминиевая, угольная, электропромышленность, данных о выпуске промышленной продукции, о потреблении сырья различными отраслями промышленности и отдельными заводами, о людских резервах и т. д. Начиная со второй стадии международным инспекторам предлагалось предоставить «доступ ко всей территории данного государства для того, чтобы... определить в разумных пределах точность и достаточность выявленных данных».

Весьма показательно, что США хотели поставить Советский Союз и другие государства в явно неравноправное положение. Если в отношении вооруженных сил и вооружений обычного типа уже «первая стадия» имела своей целью обеспечить сбор таких разведывательных данных, которые дали бы возможность составить полное представление о военной мощи государств, то в отношении атомных предприятий, т. е. в той области, где США все еще рассчитывали на свое преимущество, предлагалось ограничиться лишь представлением сведений самого общего характера, связанных с производством атомной энергии. Что же касается атомного оружия, то на первых четырех стадиях никаких сведений и никакой проверки вообще не предусматривалось.

Пытаясь оправдать позицию США, Англии и других западных держав и изобразить их предложения о «выявлении и проверке вооружений» в качестве некоего «первого шага» на пути к разоружению, западная пропагандистская машина пустила в ход фальшивый тезис о том, что, прежде чем приступить к разработке практических мер в области разоружения, необходимо, дескать, получить полные сведения о вооруженных силах и вооружениях государств и убедиться в правильности этих сведений. Анализируя переговоры в Комиссии по разоружению, известный английский политический деятель А. Наттинг, возглавлявший впоследствии делегацию Великобритании в подкомитете по разоружению, утверждал, например, будто «...без сведений о существующих уровнях вооруженных сил и вооружений никакие справедливые и надлежащие сокращения не могли бы быть запланированы или согласованы»¹.

В действительности же предложения США «о выявлении и проверке вооружений» ничего общего с разоружением не имели. В них не содержалось ни одного пункта, ни одного положения или хотя бы упоминания о конкретных мероприятиях по запрещению атомного оружия и сокращению вооружений. Содержание и дух американского предложения не оставляли и тени сомнения относительно подлинных намерений его авторов. Не разоружение, а контроль над сохраняющимися вооружениями, разведка и шпионаж на территориях социалистических стран без всякого разоружения — вот в чем был действительный смысл этих предложений.

Рост могущества Советского Союза и всего социалистического содружества, очевидный крах монополии США на атомное оружие, растущая активность таких сторонников разоружения, как государства Азии и Африки, недавно освободившиеся от колониального ига, небывалый подъем движения широких народных масс против гонки вооружений, которое приобрело организованный характер — в чем убедила всемирная кампания по сбору подписей под Стокгольмским воззванием Всемирного Совета Мира, — вынудили США и другие западные державы искать новые формы и методы саботажа дела разоружения, менять дипломатическую тактику в переговорах по этой проблеме.

¹ A. Nutting. Disarmament. An Outline of the Negotiations. London, 1959, p. 8.

В сложившейся обстановке США и другим западным державам было трудно открыто отвергать конкретные советские предложения о разоружении, не выдвигая со своей стороны никаких планов, которые могли создать хотя бы видимость заинтересованности западных держав в решении вопросов разоружения. Поэтому, оставаясь противниками разоружения, правящие круги США, Англии и Франции стремились укрепить в пропагандистском плане свои позиции в этих вопросах.

Первым шагом в этом направлении явилось предложение США, Англии и Франции об ограничении численности вооруженных сил, внесенное в Комиссию по разоружению 28 мая 1952 г.

В нем предусматривалось установление максимальных пределов (уровней) численности вооруженных сил для пяти великих держав, а именно: для СССР, США и Китая — в размере от 1 млн. до 1,5 млн. человек и для Англии и Франции — от 700 тыс. до 800 тыс. человек. Таким образом, западные державы впервые за время послевоенных переговоров по разоружению выступили с конкретными цифрами сокращения вооруженных сил, и внешне это выглядело как известный прогресс.

Но в целом предложения западных держав не могли лечь в основу соглашения о разоружении, поскольку в них совершенно умалчивалось о запрещении атомного оружия и содержались такие требования по контролю, которые давали США и их союзникам ничем не ограниченные возможности для разведки и шпионажа. Подобного рода подход ставил в тот период Советский Союз в неравноправное положение с западными державами и мог нанести серьезный ущерб безопасности СССР. Хотя к 1952 г. США уже окончательно и бесповоротно утратили монополию на атомное оружие, они все же еще имели некоторые преимущества, поскольку начали производство и накопление этого оружия раньше СССР¹.

Следует также иметь в виду, что предложение западных держав не требовало не только запрещения атомного оружия, но и сокращения других видов вооружений. Оно предусматривало лишь сокращение численного состава вооруженных сил СССР, США, Китая, Англии и Франции до определенных уровней. Между тем при определении военной мощи государств большое значение имеет не только численность вооруженных сил, но и количество и качество вооружения.

По всем этим причинам Советский Союз не поддержал в 1952 г. предложений США, Англии и Франции от 28 мая 1952 г.

Но свои предложения о сокращении вооруженных сил до определенных уровней в том виде, как они были внесены в мае 1952 г., западные державы не рассматривали, как показали последующие переговоры, в качестве серьезных предложений, на осуществление которых они в действительности готовы были пойти.

Известный американский журналист В. Фрай прямо подчеркивал, в частности, тот факт, что «администрация Трумэна предложила их в 1952 г. (уровни для вооруженных сил СССР, США, Китая, Англии и Франции. — Авт.), считая, что Советы их не примут...»². А американский профессор Д. Ноджи в

¹ См. «Борьба Советского Союза за разоружение». М., 1961, стр. 161.

² W. R. Frye. The Quest for Disarmament since World War II. «Arms control, Issues for the Public», Columbia University, Englewood Cliffs, 1961, p. 30.

своей работе «Дипломатия разоружения» откровенно пишет о том, что правящие круги США полностью отдавали себе отчет в «нереалистичности» этих предложений¹.

В августе 1952 г. представители западных держав оказались вынужденными под влиянием критики со стороны советской делегации выдвинуть дополнения к своим предложениям. Они добавили положение о том, что «любое соглашение относительно ограничения численности вооруженных сил обязательно будет включать... постановления, обеспечивающие, чтобы производство вооружений и размер вооружений находились в прямом соотношении с количествами, требуемыми для разрешенных вооруженных сил».

В дополнительных предложениях западных держав предусматривалось установление «эффективного международного контроля над атомной энергией, имеющего своей целью обеспечить запрещение атомного оружия». Но под таким контролем западные державы имели в виду обанкротившийся и отвергнутый Советским Союзом «план Баруха». Таким образом, по-прежнему уклоняясь от решения вопроса о запрещении атомного оружия, они снова вытаскивали на свет пресловутый «план Баруха», который не мог продвинуть ни на шаг вперед дело разоружения.

В результате позиции западных держав деятельность Комиссии ООН по разоружению ко времени открытия VII сессии Генеральной Ассамблеи осенью 1952 г. оказалась бесплодной, комиссии не о чем было докладывать Ассамблее.

На VII сессии Генеральной Ассамблеи ООН советская делегация внесла предложение, чтобы Генеральная Ассамблея отметила очевидную неудовлетворительность работы Комиссии по разоружению и обязала бы ее безотлагательно перейти к рассмотрению практических мер по сокращению вооружений².

За поддержание мира и разоружение вместе с Советским Союзом последовательно боролись в ООН и другие социалистические страны. Так, на VII сессии Генеральной Ассамблеи польская делегация внесла проект резолюции, в котором, в частности, предлагалось, чтобы США, Советский Союз, Англия, Франция и Китай сократили на одну треть свои вооруженные силы, а также чтобы Совет Безопасности созвал в кратчайший срок международную конференцию в целях осуществления сокращения вооружений всеми государствами и запрещения атомного оружия. Делегации Польши и Чехословакии решительно выступили в поддержку советских предложений о разоружении. Однако западные державы во главе с Соединенными Штатами, используя «машину голосования» в ООН, провели на VII сессии Генеральной Ассамблеи удобный им проект резолюции, заведя и на этот раз в тупик обсуждение проблемы разоружения.

В августе 1953 г. было опубликовано сообщение Советского правительства об испытании водородной бомбы в СССР. В докладе американской комиссии по атомной энергии в связи с этим указывалось, что Советский Союз произвел «на высоком техническом уровне водородный взрыв» и уже «осуществил

¹ J. Noguee. The Diplomacy of Disarmament. 1960, N. Y., p. 250.

² См. «Объединенные Нации. Генеральная Ассамблея. Седьмая сессия». Нью-Йорк, док. А/С. I/L. 31.

кое-что из того, что США надеялись получить в результате опытов, назначенных на весну 1954 г.» Только в марте 1954 г. США сумели произвести испытание водородного устройства. То, что Советский Союз в короткий срок окончательно ликвидировал атомную монополию США и раньше Соединенных Штатов решил проблему создания водородной бомбы, несомненно, сыграло важнейшую роль в деле укрепления мира и внесло существенные поправки в соотношение сил на международной арене в пользу социализма. Американская газета «Нью-Йорк таймс», отражая беспокойство влиятельных кругов Соединенных Штатов, в августе 1953 г. в редакционной статье выражала сожаление и озабоченность по поводу того, что разведке США не удалось правильно предсказать темпы развития производства водородной бомбы в Советском Союзе.

Считаясь с тем, что негативная позиция Соединенных Штатов в вопросе о запрещении атомного оружия подрывала их политический престиж, правящие круги США решили несколько видоизменить свою линию в такой проблеме, как ядерное разоружение. К тому же с полной потерей монополии на ядерное оружие «план Баруха» утратил для США свое прежнее значение. Еще в конце 1949 г. известный американский обозреватель Уолтер Липпман признал, что этот план стал «сплошной фикцией», поскольку имел «в качестве главной основы американскую монополию на бомбу». Учитывая это, президент США Эйзенхауэр в декабре 1953 г. выступил с предложением о передаче какой-то части накопленных запасов расщепляющихся материалов особому международному органу для использования в мирных целях. Это предложение было широко разрекламировано американской пропагандой как план «Атомы для мира». Но на деле какого-либо принципиального изменения в позиции США не произошло.

В заявлении Советского правительства от 21 декабря 1953 г.¹, содержащем обстоятельный анализ американского предложения, отмечалось, что, во-первых, в этом предложении речь идет о выделении для мирных целей лишь «какой-то» небольшой части из имеющихся и вновь создаваемых запасов атомных материалов. Следовательно, главная масса атомных материалов по-прежнему направлялась бы на производство атомных и водородных бомб и оставалась бы полная возможность дальнейшего накопления ядерного оружия и создания новых типов этого оружия, еще большей разрушительной силы. Во-вторых, предложение США несколько не ограничивало возможности использования атомного оружия, не содержало никаких положений о запрещении атомного и водородного оружия.

¹ См. «Правда», 22 декабря 1953 г.

Таким образом, американское предложение не представляло эффективного шага на пути к действительному разоружению. После его осуществления ядерное оружие оставалось бы на вооружении государств и не было бы наложено никакого запрета на его применение. Как верно заметил американский ученый Р. Барнет в своей книге «Кто хочет разоружения», вышедшей в 1960 г., «план «Атомы для мира» не был планом разоружения»¹.

Со своей стороны Советское правительство выдвинуло для обсуждения в ходе переговоров новое предложение, а именно: чтобы государствами — участниками соглашения было принято торжественное и безоговорочное обязательство не применять атомного, водородного и другого оружия массового уничтожения. Достижение такого соглашения могло бы явиться первым шагом на пути к полному изъятию из вооружений государств атомного, водородного и других видов оружия массового уничтожения с установлением строгого международного контроля, обеспечивающего выполнение соглашения о запрещении использования атомной энергии в военных целях. Во время последующих переговоров между СССР и США по дипломатическим каналам Советский Союз передал 30 января 1954 г. американской стороне проект соответствующей декларации правительств США, Англии, Франции, Китайской Народной Республики и Советского Союза о безоговорочном отказе от применения атомного, водородного и других видов оружия массового уничтожения. Но из-за отрицательной позиции Соединенных Штатов и на этот раз не удалось достичь соглашения.

В июне 1954 г. Англией и Францией в подкомитет Комиссии ООН по разоружению² было внесено новое предложение, известное как «англо-французский меморандум». В этом документе, в частности, признавалось, что договор о разоружении должен включать постановления о полном запрещении применения и производства ядерного оружия с изъятием его из вооружений государств, а также сокращение всех вооруженных сил и всех вооружений обычного типа до согласованных норм. Западные державы включили такие положения в свой документ явно в расчете на то, что в целом их предложение не будет принято Советским Союзом, поскольку оно основывалось на порочном подходе — «сначала контроль, а потом разоружение». Однако при всех существенных недостатках англо-французских предложений они, по крайней мере формально, намечали из-

¹ R. J. Barnet. Who Wants Disarmament? Boston, 1960, p. 29—30.

² Подкомитет был учрежден Комиссией по разоружению в апреле 1954 г. в соответствии с решением Генеральной Ассамблеи ООН. В состав подкомитета вошли СССР, США, Англия, Франция и Канада. Предложение Советского Союза включить в состав подкомитета КНР, Чехословакию и Индию было отвергнуто западными державами.

вестное сближение позиций западных держав и Советского Союза в вопросах разоружения¹.

Характерно, что в то время как правительства Англии и Франции, испытывавшие все большее воздействие со стороны народов, проявили известную гибкость, США продолжали попытки прямо или косвенно протасить свои старые планы. Американский автор Д. Моррей в своей монографии «От Ялты до разоружения» пишет, что США расценили позицию Англии и Франции в подкомитете как «опасную и иллюзорную»². Но в дальнейшем американское правительство, руководствуясь исключительно стремлением получить пропагандистские выгоды, поддерживало англо-французские предложения. На политику США в этот период проливают свет высказывания американского ученого Барнета, сделанные в книге «Кто хочет разоружения». Правительство США, писал Барнет, сочло возможным не «отказываться от поддержки идеи ядерного разоружения, в частности, потому, что принятие этого предложения русскими казалось маловероятным. Это, однако, явилось серьезным просчетом, положившим начало целому ряду обстоятельств, которым суждено было иметь далеко идущие последствия для американской политики в области разоружения и для самих переговоров»³.

30 сентября 1954 г. советская делегация на IX сессии Генеральной Ассамблеи ООН заявила о готовности Советского Союза при определенных условиях принять англо-французский меморандум за основу для обсуждения вопроса о разоружении и внесла соответствующие предложения.

Советские предложения имели ряд существенных отличий от англо-французского документа. Прежде всего в них предусматривалось введение в действие международного контроля одновременно с осуществлением мероприятий по сокращению вооружений и запрещению атомного оружия.

Что же касается англо-французского меморандума, то он содержал такие положения по контролю, которые не только не вытекали из задачи обеспечения соблюдения соглашений, но и отрывали контроль от своего объекта, т. е. разоружения. Только после того, как контрольный орган заявил бы о том, что он может эффективно обеспечить обязательное осуществление определенных мероприятий, последние могли бы проводиться. Это означало, что контрольный орган по своему усмотрению имел бы возможность затягивать переход ко второй и третьей стадиям, например, под тем предлогом, что в той или иной стране не обеспечены условия для проведения соответствующих мероприятий. Следовательно, от решения контрольного органа всецело зависело, будет ли начато проведение тех стадий, на которых предусматривалось осуществление реальных мероприятий в области разоружения, причем западные державы исходили из того, что большинство в контрольном органе будет обеспечено за ними, что позволило бы им диктовать свои условия. Д. Моррей в цитированной выше книге верно подметил, что указанные требования западных держав «были контролем до разоружения, который мог стать контролем без разоружения...»⁴.

СССР предложил, чтобы полное запрещение ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, прекраще-

¹ См. «Борьба Советского Союза за разоружение», стр. 173; А. Протопов. Советский Союз в Организации Объединенных Наций. М., 1957, стр. 60—61.

² J. P. Morray. From Yalta to Disarmament. N. Y., 1961, p. 219.

³ R. J. Barnett. Who Wants Disarmament, p. 33.

⁴ J. P. Morray. From Yalta to Disarmament, p. 220.

ние производства этих видов оружия и их изъятие из вооружённых государств были проведены не позже, чем осуществление мероприятий по сокращению вооружений и вооружённых сил на последние 50% согласованных норм. В англо-французских предложениях полное запрещение ядерного оружия намечалось провести лишь после завершения мер по сокращению вооружений и вооружённых сил.

В то же время при сравнении англо-французского меморандума от 11 июня 1954 г. с предложениями СССР от 30 сентября 1954 г. можно заметить, что в этих документах имелось много общего.

Советские предложения, так же как и англо-французские, предусматривали сокращение вооружений и вооружённых сил в пределах «согласованных норм». И в тех и в других имелось в виду, что программа сокращения вооружений и вооружённых сил будет осуществляться в два этапа, т. е. по 50% согласованных норм на каждом из них. За исходный уровень вооружений и вооружённых сил Советский Союз и западные державы брали их состояние на 31 декабря 1953 г.

И советские и англо-французские предложения предусматривали проведение мероприятий по сокращению обычных вооружений на 50% согласованных норм еще до запрещения атомного оружия, прекращения его производства и изъятия из вооружений государств, что должно было осуществляться на последнем этапе.

Инициатива Советского Союза явно напугала империалистов, которые были заинтересованы в раздувании гонки вооружений и продолжении «холодной войны». Многие влиятельные органы американской печати развернули широкую кампанию, пытаясь опорочить саму идею разоружения, изобразить ее почти неразрешимой, полной каких-то неведомых «ловушек» и «опасностей».

Между тем советские предложения от 30 сентября 1954 г. создали такую обстановку на IX сессии Генеральной Ассамблеи и нашли такой широкий отклик мировой общественности, что западным державам волей-неволей пришлось считаться с ними. В результате неофициальных переговоров между делегациями СССР и западных держав удалось достигнуть договоренности о внесении на рассмотрение сессии совместного проекта резолюции. Такой проект от имени СССР, США, Англии, Франции и Канады был внесен и единодушно принят Генеральной Ассамблеей 4 ноября 1954 г.

В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН устанавливалось, что проект международной конвенции о разоружении должен предусматривать, в частности, значительное сокращение всех вооружённых сил и всех вооружений обычного типа; полное запрещение применения и изготовления ядерного оружия и любого типа оружия массового уничтожения, а также обращение существующих запасов ядерного оружия на мирные цели; учреждение эффективного ме-

ждународного контроля через контрольный орган, обладающий правами, полномочиями и функциями, необходимыми для того, чтобы гарантировать эффективное соблюдение согласованного сокращения всех вооружений и вооруженных сил и запрещения ядерного и другого оружия массового уничтожения.

Комиссии по разоружению было предложено снова создать ее подкомитет и искать приемлемое решение проблемы разоружения, принимая во внимание как предложения СССР, так и предложения западных держав. Таким образом, впервые с 1946 г. великие державы совместно одобрили резолюцию по такому вопросу, как сокращение вооружений и запрещение ядерного оружия, подтвердив те основные цели в области разоружения, которые были поставлены еще в 1946 г.

Однако практические дела западных держав показали всю неискренность их заверений о стремлении к разоружению, принесли новые доказательства того, что, голосуя за резолюцию Генеральной Ассамблеи 4 ноября 1954 г., США и их партнеры занимались политическим маневрированием.

К этому времени в Париже были подписаны соглашения, предусматривавшие ремилитаризацию Западной Германии и ее вступление в НАТО, что явилось серьезным препятствием на пути к осуществлению мероприятий в области разоружения¹. Вслед за этим в декабре 1954 г. было принято решение, направленное на подготовку вооружения армий военной группировки НАТО ядерным оружием. Все это свидетельствовало о том, что политика США и их партнеров по НАТО еще более подчинялась задачам подготовки новой войны с применением атомного оружия.

Проявляя заботу о судьбах мира и безопасности всех народов, высший орган Советской власти Верховный Совет СССР в декларации, принятой 9 февраля 1955 г., счел своим долгом обратить внимание народов и парламентов на опасное положение, которое складывалось в результате действий западных держав. «Втайне от народов подготавливается атомная война, — указывалось в этой декларации. — При этом не считаются с тем, что атомная истребительная война принесла бы колоссальные разрушения и неисчислимые человеческие жертвы, особенно в государствах с наиболее высокой концентрацией населения и промышленности на небольших территориях»². Советский парламент энергично подчеркнул необходимость покончить с гонкой вооружений и запретить атомное и всякое другое оружие массового уничтожения.

18 февраля 1955 г. Советское правительство выступило с заявлением, в котором указывалось, что оно сочло необходимым внести предложение о незамедлительном уничтожении имеющихся у государств запасов атомного и водородного оружия с использованием атомных материалов исключительно

¹ См. гл. XXV.

² «Правда», 10 февраля 1955 г.

в мирных целях¹. Это заявление отвечало законным требованиям народов, встревоженных планами США и их союзников по подготовке к атомной войне.

В конце февраля 1955 г. Советский Союз выступил в подкомитете Комиссии ООН по разоружению с проектом, предусматривающим, чтобы все государства — как члены, так и нечлены ООН — приняли на себя обязательство не увеличивать своих вооружений и вооруженных сил против уровня вооружений, существовавшего на 1 января 1955 г., а также не увеличивать своих ассигнований на военные цели. В качестве основного пункта в советских предложениях предусматривалось, чтобы все государства, располагающие атомным и водородным оружием, полностью уничтожили имевшиеся у них запасы этого оружия и использовали атомные материалы исключительно в мирных целях.

Советский Союз внес также предложение о созыве в 1955 г. Всемирной конференции по всеобщему сокращению вооружений и запрещению атомного оружия. Западные державы отклонили все эти советские предложения и не пошли дальше некоторых уточнений своих же, ранее сделанных предложений.

Между тем обстановка, сложившаяся к весне 1955 г., свидетельствовала, с одной стороны, о стремлении западных держав загнать переговоры по разоружению в тупик и любыми средствами не допустить положительного решения проблемы разоружения, а с другой стороны, об укреплении миролюбивых сил, выступающих за разоружение. Под Венским обращением Всемирного Совета Мира, осудившим подготовку ядерной войны, поставили свои подписи в 1955 г. свыше 650 млн. человек, т. е. больше, чем под знаменитым Стокгольмским воззванием.

Все большую роль в деле укрепления мира и разоружения начинают играть новые азиатские и африканские государства, сбросившие колониальные путы. Состоявшаяся в апреле 1955 г. в Бандунге (Индонезия) конференция 29 стран Азии и Африки одобрила заключительное коммюнике, в котором, в частности, подчеркивалось, что «разоружение и запрещение производства, экспериментов и применения ядерного и термоядерного оружия совершенно необходимы, чтобы спасти человечество и цивилизацию от страха и перспективы полного уничтожения»². Конференция заявила о своей поддержке требования о разоружении и обратилась к великим державам и к мировому общественному мнению с призывом осуществить это требование и запретить ядерное оружие.

В этих условиях исключительно большое значение имели смелые и конструктивные предложения Советского Союза, выдвинутые 10 мая 1955 г.

¹ «Правда», 19 февраля 1955 г.

² «Правда», 26 апреля 1955 г.

2. Советская программа разоружения от 10 мая 1955 г.

10 мая 1955 г. СССР предложил широкую программу разоружения, охватывающую как сокращение вооружений и вооруженных сил, так и запрещение ядерного оружия.

Проявляя эту важную инициативу, Советское правительство учитывало некоторое смягчение международной напряженности, достижения в борьбе народов против агрессивных империалистических сил (подписание перемирия в Корее, прекращение военных действий в Индокитае и др.), а также успехи Советского Союза в деле укрепления оборонной мощи, достигнутые к 1955 г.

Советские предложения предусматривали целую систему мероприятий, направленных на устранение угрозы новой войны, укрепление доверия и разоружение. В предложениях от 10 мая 1955 г. были сформулированы основные положения проекта международной конвенции о сокращении вооружений и запрещении атомного оружия с установлением эффективного международного контроля.

Искренне стремясь облегчить достижение соглашения по проблеме разоружения, СССР в ряде вопросов пошел навстречу позиции западных держав. Советский Союз, в частности, согласился с тем, чтобы вооруженные силы СССР, США и Китая были ограничены размерами от 1 млн. до 1,5 млн. человек, а Англии и Франции — до 650 тыс. человек. Это сближало позиции СССР и США, Англии и Франции по одному из существенных пунктов программы разоружения.

В течение ряда лет представители западных держав не раз утверждали, что достижение соглашения относительно уровней вооруженных сил дало бы возможность решить не только вопрос о сокращении вооруженных сил, но и атомную проблему. Можно сослаться, например, на высказывание английского представителя в Комиссии по разоружению Джебба, сделанное им в мае 1952 г. Джебб тогда заявил, что «если бы нам удалось достигнуть соглашения относительно уровня вооруженных сил, то есть того, о чем идет речь в нашем предложении, то это обстоятельство, несомненно, настолько восстановило бы международное доверие, что разрешение вопроса о контроле над атомной энергией в целях придания эффективности запрещению атомного оружия оказалось бы значительно менее затруднительным, чем до сих пор. Мы могли бы тогда прийти к соглашению как в отношении этого элемента, так и в отношении других неотъемлемых элементов плана разоружения, как, например, вопроса об ограничении вооружений обычного типа, и после этого мы могли бы перейти к составлению плана в его целом»¹. Первостепенное значение соглашения об уровнях вооруженных сил неоднократно подчеркивал и французский делегат Жюль Мок².

¹ «Организация Объединенных Наций. Комиссия по разоружению. Стенографический отчет 12-го заседания 28 мая 1952 г.», стр. 2.

² См. «Организация Объединенных Наций. Комиссия по разоружению. Подкомитет Комиссии по разоружению. Стенографический отчет 35-го заседания», док. ДС/SC. 1/PV. 35, стр. 15.

Советский Союз принял некоторые предложения западных держав в области ядерного разоружения. В советских предложениях содержалась такая формула запрещения применения ядерного оружия, которая допускала некоторые исключения из общего правила запрещения ядерного оружия в целях обороны против агрессии. В них предусматривалось, что впредь до вступления в силу соглашения о полном запрещении атомного оружия государства на первом этапе «берут торжественное обязательство не применять ядерное оружие, которое считают для себя запрещенным. Исключения из этого правила могут быть допущены в целях обороны против агрессии, когда будет принято соответствующее решение Совета Безопасности».

Использование атомного оружия для обороны от агрессии, согласно советским предложениям, допускалось лишь после принятия соответствующего решения Совета Безопасности и тем самым достигалось бы единодушие всех великих держав и исключалась возможность произвола в вопросе о применении атомного оружия. В то же время рассматриваемая формулировка носила в рамках предложений Советского Союза строго ограниченный, временный характер, так как продолжительность первого периода мероприятий устанавливалась сроком в один год.

Согласно советским предложениям, в начале второго периода прекращалось производство атомного и водородного оружия. После того как сокращение вооруженных сил и вооружений обычного типа было бы осуществлено на 75% общего согласованного размера, вступало в силу полное запрещение применения атомного, водородного и иных видов оружия массового уничтожения. Изъятие этого оружия из вооружений государств и его уничтожение началось бы одновременно с сокращением вооруженных сил и вооружений обычного типа на последние 25% согласованных размеров сокращения. В дальнейшем все атомные материалы применялись бы исключительно для мирных целей. Государства взяли бы на себя обязательства содействовать установлению широкого международного сотрудничества в области мирного использования атомной энергии.

Таким образом, Советский Союз в полной мере учел соображения западных держав о последовательном проведении мер по запрещению атомного оружия и о сочетании их с соответствующими шагами по сокращению обычных вооружений и вооруженных сил.

В советском документе предлагалось также созвать Всемирную конференцию по всеобщему сокращению вооружений и запрещению атомного оружия с целью определения размеров сокращения вооружений и вооруженных сил других государств. При этом СССР согласился с точкой зрения западных держав относительно того, что при установлении размеров сокращения

вооружений государств должны учитываться демографические, географические, экономические и политические факторы.

В советских предложениях указывалось, что по осуществлении мероприятий, предусмотренных проектом конвенции, представляется желательным дальнейшее сокращение государствами их вооружений и вооруженных сил до уровней, необходимых для поддержания внутренней безопасности и выполнения обязательств, налагаемых на них Уставом ООН.

В своей программе от 10 мая 1955 г. Советский Союз первым из держав, обладающих ядерным оружием, поставил вопрос о необходимости скорейшего прекращения испытаний атомного и водородного оружия. СССР предложил, чтобы в качестве одного из первоочередных мероприятий государства, располагающие атомным и водородным оружием, обязались прекратить испытания такого оружия. И в этом вопросе советские предложения полностью отвечали интересам народов. Выступления во всем мире против испытаний ядерного оружия особенно интенсивно начали нарастать после марта 1954 г., когда в результате испытательного взрыва американской водородной бомбы в Тихом океане серьезно пострадали японские рыбаки и жители Маршалловых островов. Трагические события марта 1954 г. показали, что продолжение испытаний ядерного оружия подхлестывает гонку вооружений и создает реальную опасность для жизни и здоровья людей¹.

Большое конструктивное значение имел предложенный Советским Союзом подход к вопросу о контроле над разоружением. В предложениях от 10 мая 1955 г. предусматривалось создание международного контрольного органа, который уже на первом этапе пользовался бы правом истребования от государств необходимых сведений о проведении мер по сокращению вооружений и вооруженных сил, а также правом беспрепятственного доступа к материалам, касающимся бюджетных ассигнований государств на военные нужды. После завершения первого периода разоружения, следствием которого явилось бы создание необходимой атмосферы доверия между государствами, Советский Союз предлагал расширить функции и права международного контрольного органа. Его право требовать от государств необходимые сведения о мероприятиях по сокращению вооруженных сил и вооружений и пользоваться беспрепятственным доступом к материалам о бюджетных ассигнованиях на военные нужды дополнялось правом постоянной инспекции в объеме, необходимом для того, чтобы обеспечить выполнение всеми государствами соглашения о разоружении. Для целей инспекции привлекался бы персонал, подобранный на международной основе, и контрольный орган получил бы право

¹ Эти события подробно описаны, в частности, американским ученым-атомником Р. Лэппом в книге «Рейс „Счастливого дракона“». М., 1959.

иметь во всех странах — участниках соглашения свой постоянный штат инспекторов, которые в пределах осуществляемых ими функций имели бы в любое время беспрепятственный доступ ко всем объектам контроля. Советские предложения наделяли контрольный орган полномочиями давать рекомендации Совету Безопасности о мерах предупреждения и пресечения в отношении нарушителей соглашения о разоружении. Выдвинув принципиальные положения о контроле за разоружением, СССР предложил на их основе уточнить функции и полномочия контрольного органа и выработать с этой целью соответствующую инструкцию.

Наряду с этим в советских предложениях были разработаны меры по предотвращению внезапного нападения, которые должны были осуществляться в комплексе с другими мероприятиями первого этапа, предусмотренными программой СССР от 10 мая 1955 г., в частности наряду с ликвидацией военных, военно-морских и военно-воздушных баз на территориях других государств. В советских предложениях обращалось внимание на то, что в случае возникновения войны в военные действия неизбежно будут вовлечены многомиллионные армии и в огромном количестве обычные вооружения. А так как концентрация больших контингентов наземных вооруженных сил, военно-морского флота, военной авиации и их переброска могут осуществляться через крупные узловые пункты, порты и аэродромы, то Советское правительство в целях предотвращения внезапного нападения одного государства на другое предложило установить на территории всех соответствующих государств на взаимных началах контрольные посты в крупных портах, на железнодорожных узлах, автомагистралях и аэродромах.

Советские предложения создали все возможности для принятия согласованных решений как о запрещении атомного оружия, так и по другим вопросам разоружения.

Благодаря усилиям социалистических стран, и прежде всего СССР, а также других миролюбивых государств было достигнуто существенное сближение позиций стран в переговорах о разоружении и создались благоприятные условия для разработки соглашения о разоружении, которое при наличии искреннего желания и доброй воли могло быть быстро воплощено в жизнь. Новые советские предложения встретили самую широкую поддержку мировой общественности.

Огромное значение советских предложений не могли не признать также и государственные деятели западных держав. Макмиллан, бывший в то время министром иностранных дел Англии, признал, что предложения СССР являются «...надлежащей наградой за годы тяжелых и трудных переговоров»¹.

Английский представитель в подкомитете Комиссии ООН по разоружению А. Наттинг выразил удовлетворение тем, что западные предложения в

¹ «The Disarmament Question, 1945 to 1956». London, 1957, p. 18.

«большой степени, а в некоторых случаях и полностью, приняты Советским Союзом»¹. Американский делегат Д. Уодсворт также признал, что «концепции западных держав в вопросе о разоружении, выдвигавшиеся ими в течение продолжительного времени, были в значительной мере приняты Советским Союзом»².

Особое значение советских предложений от 10 мая 1955 г. подчеркивается во многих работах, опубликованных на Западе. Американский публицист Ч. Болтэ в книге «Цена мира» писал, например, что «весной 1955 г. Советский Союз вплотную подошел по всем основным пунктам к тогдашним западным предложениям по разоружению»³. Известный лейбористский деятель и специалист в вопросах разоружения Ф. Ноэль-Бейкер в книге «Гонка вооружений» подчеркивал, что советские предложения от 10 мая 1955 г. были поворотным пунктом в истории послевоенных переговоров о разоружении⁴.

Однако когда дело дошло до выработки практических мер по разоружению на основе предложений СССР, западные державы стали изыскивать пути, чтобы уклониться от конкретного обсуждения советского плана. Их позиция позволяла сделать один-единственный вывод: все усилия представителей западных держав были направлены к тому, чтобы выиграть время и найти благовидный предлог для оправдания отказа от своих собственных предложений, с которыми согласился Советский Союз. Западные державы попали в явно затруднительное положение, наглядно продемонстрировав, что свои предложения они выдвигали лишь в целях пропаганды, в расчете на отклонение их Советским Союзом. Вскрывая истинную подоплеку политики США, Р. Барнет отмечал: «Неожиданное согласие Советов с ядерным разоружением, сбалансированным с соответствующими сокращениями обычных вооруженных сил, причем оба процесса должны были подлежать инспекции (эта программа столь часто выдвигалась почти без всякой надежды на принятие, что стала пустой банальностью), вынудило правительство пересмотреть эту идею».

Согласие СССР с рядом положений, выдвинутых западными державами, вызвало растерянность в США, Англии и Франции, и они предпочли отречься от собственных предложений, показав всему миру свое лицемерие и неискренность. Ссылаясь на предстоящее совещание глав правительств, США и их союзники прервали переговоры по разоружению.

На женевских совещаниях глав правительств и министров иностранных дел, состоявшихся в 1955 г., а также в ходе работы подкомитета по разоружению Советский Союз предложил зафиксировать договоренность по тем вопросам разоружения, по которым позиции сторон либо совпадали, либо были весьма близки. Правительства США, Англии и Франции уклонились от принятия и этих советских предложений.

США, а за ними и другие западные державы открыто заявили об отказе от своих прежних предложений, признававших необходимость запрещения атомного оружия и уничтожения накопленных запасов атомных и водородных бомб, а также сокращения вооруженных сил до установленных уровней. 6 сентября 1955 г. американский представитель объявил в подкомитете, что «Соединенные Штаты теперь делают оговорку относительно всех своих позиций

¹ «Организация Объединенных Наций. Комиссия по разоружению. Подкомитет Комиссии по разоружению. Стенографический отчет 48-го заседания», док. DC/SC. 1/PV. 48, стр. 13.

² Там же, стр. 26.

³ Ch. Bolté. The Price of Peace. Boston, 1956, p. 12.

⁴ Ph. Noel-Baker. The Arms Race. London, 1958, p. 20—21.

по существу, занятых ими до Женевы в настоящем подкомитете или в Комиссии по разоружению, или же в Организации Объединенных Наций»¹. Следовательно, западные державы пошли на попятную, перечеркнули то сближение позиций, которого удалось добиться в результате усилий Советского Союза.

Предельную ясность внесла газета «Нью-Йорк геральд трибюн», заявившая: «Мы говорим русским, что теперь мы не предлагаем разоружиться, мы предлагаем сохранить наши вооружения, включая атомные бомбы. Все, что мы хотим от Советского Союза и готовы дать ему взамен, — это информация о том, где это вооружение находится... Мы думаем не о разоружении, а о развертывании и мобилизации»².

В противовес советским предложениям президент США Эйзенхауэр выступил на Женевском совещании глав правительств с так называемым планом «открытого неба».

Этот план предусматривал неограниченное воздушное наблюдение по всей территории СССР и США при помощи визуальных, фотографических и электронных средств, обмен военной информацией и размещение наблюдателей в ключевых пунктах территории. План «открытого неба» был призван прикрыть отказ западных держав от их прежних предложений, увести переговоры в сторону от решения назревших и насущных вопросов разоружения и обеспечить получение военно-стратегических данных о Советском Союзе.

Американский план не имел никакого отношения к мероприятиям по разоружению, и его осуществление не сократило бы ни на одного солдата вооруженные силы государств, ни на одну винтовку их вооружения. Характерно, что этот план не распространялся на союзников США по военным группировкам — Великобританию, Францию, ФРГ, Италию и ряд других стран, на территории которых расположены многочисленные американские военные базы. Следовательно, в то время как аэрофотосъемкам подвергалась бы вся территория Советского Союза, все американские военные базы на иностранных территориях и их вооруженные силы, расположенные на этих базах, не подлежали таким съемкам.

В условиях продолжающейся гонки вооружений и накопления запасов атомного оружия, при наличии военных группировок и множества военных баз на чужих территориях, направленных против Советского Союза и его союзников, осуществление американского плана аэрофотосъемок и обмена военной информацией не только не укрепило бы доверия между государствами, а, наоборот, усилило бы взаимное недоверие.

Выступая на IV сессии Верховного Совета СССР четвертого созыва 29 декабря 1955 г., Н. С. Хрущев дал следующую оценку плану «открытого неба»: «Мы уже указывали, что предложение об аэрофотосъемках не решает существа вопроса. В условиях, когда на деле не предусматривается сокращение вооружений, а имеется в виду даже расширение их, облет территорий и проведение аэрофотосъемок может способствовать лишь разжиганию военных страстей и военного психоза. Это полу-

¹ «Организация Объединенных Наций. Комиссия по разоружению. Подкомитет Комиссии по разоружению. Стенографический отчет 55-го заседания», док. ДС/С С/РВ. 55, стр. 24.

² «New York Herald Tribune», 1. IX. 1955.

чается уже не контроль и даже не подобие контроля. Это фактически средство, применяемое с целью получить разузнать силы другой страны.

Разве не ясно, что добытые таким путем сведения могут быть использованы для того, чтобы выбрать наиболее удобный момент для внезапного нападения на нее. Спрашивается: чем это отличается от того, что называется военной разведкой? По существу ничем не отличается»¹.

План «открытого неба» не мог способствовать и решению задачи предотвращения внезапного нападения. Наоборот, его реализация была бы только на руку потенциальному агрессору. «Наибольшую выгоду от соглашения об „открытом небе“, — писал Д. Моррей, — получил бы агрессор»². Резонность этого мнения признал и известный американский военный специалист Г. Киссинджер³.

Раскрывая значение аэрофотосъемок для американских военных штабов, тогдашний командующий военно-воздушными силами НАТО в Центральной Европе Б. Эмбри заявил 26 октября 1955 г.: «Атомная война требует точных и новых разведывательных данных о том месте, куда хотят послать это оружие колоссальной силы, чтобы оно причинило возможно больше ущерба». А министр юстиции США Браунелл подчеркивал, что в случае принятия американского плана «открытого неба» «через шесть месяцев мы (т. е. США. — Авт.) могли бы иметь снимки, миля за милей, с каждого поля и каждой фабрики в Советском Союзе».

Советский Союз со всей решительностью вскрыл подлинную суть плана «открытого неба», показав, что он ничего общего не имеет с разоружением и является на деле планом шпионажа и подготовки агрессии против социалистических стран.

Несмотря на это, США упорно добивались того, чтобы подкомитет Комиссии ООН по разоружению занялся в первую очередь рассмотрением американского предложения об обмене военной информацией между СССР и США и о проведении взаимных аэрофотосъемок на территориях этих государств. Представитель США прямо заявил, что не может быть и речи о проведении каких-либо мер в области разоружения до тех пор, пока не будет принят план «открытого неба». Дальнейшие переговоры о разоружении показали, что этот план использовался в течение ряда лет в качестве тормоза в деле разоружения, служил серьезным препятствием на пути к соглашению по этой проблеме.

Официальная пропаганда США пытается распространять версию о том, будто в 1955 г. правительство Эйзенхауэра приложило какие-то усилия в поисках решения проблемы разоружения. При этом ссылаются на учреждение в марте 1955 г. в США правительственного поста специального помощника президента по вопросам разоружения с особым штатом⁴. На самом же деле этот штат разрабатывал не планы разоружения, а скорее планы получения сведений о состоянии вооружений стран социалистического лагеря, если судить по такому результату его деятельности, как план «открытого неба». Последний был встречен без особого энтузиазма даже союзниками США — Англией и Францией, хотя они формально и поддерживали его. Не без основания в США расценили как направленную фактически против плана «открытого неба» формулу, выдвинутую французским представителем в подкомитете Комиссии ООН по разоружению Жюлем Моком: «Никакого разоружения без

¹ «Заседания Верховного Совета СССР четвертого созыва. Четвертая сессия. Стенографический отчет». М., 1956, стр. 410—411.

² J. P. Morray. From Yalta to Disarmament, p. 238.

³ H. A. Kissinger. Nuclear Weapons and Foreign Policy. N. Y., 1957, p. 218.

⁴ «Disarmament. The Intensified Effort 1955—1958». Department of State publication 6676. Washington, 1958, p. 8—9.

контроля, никакого контроля без разоружения». Что касается американского плана, то ни у кого не вызвало сомнений, что он являлся контролем без всякого разоружения.

Уже упоминавшийся американский журналист В. Фрай с полным основанием проводит параллель между этим планом и разведкой и шпионажем. То, чего не удалось достичь с помощью плана «открытого неба», США, признает Фрай, в дальнейшем попытались осуществить «в одностороннем порядке» путем посылки на советскую территорию шпионских самолетов У-2¹.

Лицемерие политики западных держав в вопросах разоружения подтверждается также их позицией в отношении создания зоны контроля и инспекции вооружений в Европе. Идея о такой зоне была первоначально выдвинута в июле 1955 г. премьер-министром Великобритании Иденом на Женевском совещании глав правительств четырех держав. Это предложение было затем конкретизировано представителем Англии в подкомитете Комиссии ООН по разоружению в августе — сентябре 1955 г. и получило известность как «план Идена». В нем предусматривалась возможность ограничения вооруженных сил и вооружений, находящихся в зоне инспекции, в пределах лимита, установленного по согласованию между государствами.

Советский Союз, стремясь пойти навстречу западным державам, в частности Англии, поддержал на Женевском совещании министров иностранных дел предложение о создании в Европе особой зоны ограничения и инспекции вооружений. В соответствии с советским предложением в такую зону следовало бы включить территории ФРГ и ГДР, соседних с ними государств или некоторых из них. Советский Союз предложил предусмотреть установление предельных уровней для войск США, СССР, Англии и Франции, расположенных на территории государств в этой зоне. Вопрос о таких уровнях подлежал дополнительному рассмотрению. За выполнением обязательств по ограничению вооружений на территориях, входящих в зону, должна была быть установлена совместная инспекция. Хотя это предложение Советского Союза и было выработано с учетом позиции Англии, занятой ею на Женевском совещании глав правительств в 1955 г., представители западных держав отклонили его.

Свою позицию они мотивировали тем, что осуществление «плана Идена» якобы с самого начала связывалось ими с одновременным решением вопроса об объединении Германии. Однако, чтобы убедиться в несостоятельности подобного рода довода, достаточно обратиться к первоначальным предложениям Англии. В них совершенно ясно указывалось, что предложение о зоне «обособлено» от других предложений Англии в связи с вопросом о европейской безопасности. Таким образом, западные державы, по сути дела, отказались и от этого своего предложения.

Для того чтобы как-то прикрыть свою обструкционистскую политику в вопросах разоружения, западные державы постарались заручиться соответствующей резолюцией Организации Объединенных Наций. Проект такой ре-

¹ W. R. Frye. The Quest for Disarmament since World War II, p. 30.

золюции и был ими предложен на X сессии Генеральной Ассамблеи ООН осенью 1955 г.

В этом проекте ни слова не говорилось об осуществлении конкретных мер по сокращению вооружений и запрещению ядерного оружия и предлагалось, чтобы стороны, участвующие в переговорах, «обратили в первую очередь внимание на предложения об аэрофотосъемках и вопросы контроля». Под воздействием критики со стороны ряда делегаций, в частности делегаций СССР, УССР, БССР, Польши, Чехословакии, Индии и других стран, западные державы были вынуждены включить в свой проект некоторые изменения. Но все же западным державам удалось навязать резолюцию, в которой основной упор делался на сбор информации о вооружениях и аэрофотосъемки. Генеральная Ассамблея под давлением США и других западных держав сделала шаг назад по сравнению с решением, принятым ею в 1954 г.

Таким образом, по вине западных держав вопрос о разоружении не нашел своего положительного разрешения. Однако упорная борьба Советского Союза за разоружение сыграла весьма эффективную роль в разоблачении правящих кругов США и их союзников по НАТО, саботировавших разоружение. Она способствовала явному провалу пропагандистских маневров западных держав. Инициативная и гибкая позиция Советского Союза вынудила западные державы публично признать свое нежелание решить проблему разоружения. Народы могли воочию убедиться, кто действительно, не на словах, а на деле, стоит за разоружение, а кто является его противником.

3. СССР и международное сотрудничество в области мирного использования атомной энергии

Выступая в качестве решительного сторонника использования атомной энергии исключительно в мирных целях, Советский Союз всегда исходил и исходит из того, что запрещение атомного и водородного оружия создало бы условия для действительно широкого сотрудничества в области мирного применения атомной энергии, позволило бы перевести огромные материальные и научно-технические ресурсы из сферы производства средств разрушения в сферу использования этой энергии на благо человечества.

Советское государство первым в мире сделало практические шаги в создании атомной энергетики. 27 июня 1954 г. в СССР была пущена в эксплуатацию первая в мире промышленная электростанция на атомной энергии.

В январе 1955 г. в СССР было принято решение об оказании научно-технической и производственной помощи другим государствам в деле развития исследований по использованию атомной энергии в мирных целях. Советский Союз в форме двусторонних соглашений стал оказывать такую помощь КНР, Чехословакии, Польше, Румынии, Болгарии, Венгрии, Германской Демократической Республике, Югославии, Египту и другим государствам. В дальнейшем СССР наладил сотрудничество в области мирного использования атомной энергии и со многими

другими странами. При этом свое участие в создании там научно-исследовательских баз, оказание помощи в подготовке национальных кадров в области использования атомной энергии для мирных целей Советское государство не обуславливало требованиями политического или иного характера. Соглашения, заключенные Советским Союзом, предоставляли странам-получателям полную свободу в использовании поставляемых материалов и оборудования и учитывали конкретные потребности, а также условия и возможности каждой отдельной страны.

Ряд двусторонних соглашений о помощи в области использования атомной энергии в мирных целях заключили и Соединенные Штаты. Анализ этих соглашений показывает, что США пытались и пытаются использовать их для получения односторонней выгоды для себя, захвата источников сырья и вмешательства во внутренние дела своих контрагентов, не считаясь с их суверенитетом¹.

Для большинства двусторонних соглашений США характерна так называемая система гарантий, согласно которой Соединенные Штаты имеют право направлять на территорию другой стороны инспекторов для контроля за использованием переданных материалов. В них предусматривается, в частности, обязательство стран-получателей представлять ежегодно отчеты комиссии США по атомной энергии и по ее требованию давать разрешение «наблюдать за состоянием и использованием любого переданного в пользование материала и наблюдать за работой реактора, в котором используется материал».

В 1954 г. IX сессия Генеральной Ассамблеи ООН единодушно приняла резолюцию о необходимости развивать международное сотрудничество в области мирного использования атомной энергии. Резолюцией предусматривался также созыв в 1955 г. международной технической конференции с целью широкого обмена научно-техническим опытом в области применения атомной энергии в мирных целях. В соответствии с этим решением в августе 1955 г. в Женеве состоялась Международная научно-техническая конференция по мирному использованию атомной энергии, в которой приняли участие делегации 72 стран, в том числе СССР, США, Англии, Франции, Индии, Польши, Чехословакии, Венгрии и других стран.

Активное участие в работе конференции приняла советская делегация, которая представила 102 доклада. Эти доклады подводили итоги исследованиям советских ученых по применению атомной энергии в физике, биологии, технике, химии, технологии, медицине, сельском хозяйстве. Доклады советских ученых, насыщенные ценной научной информацией, и советские экспонаты на выставке, функционировавшей во время работы конференции, явились убедительным свидетельством огромных достижений советской науки и техники как в теоретических исследованиях, так и в области атомной технологии. Эта конференция показала хороший пример международного научного сотрудничества в таком важном деле, как мирное использование атомной энергии.

¹ См. С. Малинин, В. Онушкин. Международное сотрудничество в области мирного использования атомной энергии. М., 1961, стр. 42—43.

На X сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1955 г. СССР поддержал предложение об учреждении Международного агентства по мирному использованию атомной энергии. В то же время советская делегация внесла проект резолюции, который, приветствуя идею создания Международного агентства, акцентировал внимание на том, что запрещение применения и производства ядерного оружия и его изъятие из вооружений государств в наибольшей степени способствовали бы широкому развитию международного сотрудничества в мирном применении атомной энергии.

На этой же сессии Генеральной Ассамблеи был рассмотрен проект Устава агентства. Советское правительство внесло ряд замечаний, улучшающих проект. Так, СССР рекомендовал предусмотреть в Уставе агентства положение о том, что оно должно осуществлять деятельность по оказанию помощи государствам таким образом, чтобы предоставление этой помощи не обуславливалось предъявлением стране, получающей помощь, требований политического, экономического или военного характера, равно как и любых иных требований, несовместимых с суверенными правами государства.

Советские поправки предусматривали также, что любое государство, даже если оно не является членом ООН или специализированного учреждения, должно иметь право быть в числе инициаторов создания Международного агентства по атомной энергии.

Позиция СССР явилась важным фактором, обеспечивающим благоприятные условия для развития международного сотрудничества в мирном применении атомной энергии.

* *
*

Решительная борьба Советского Союза за разоружение, за использование атомной энергии исключительно в мирных целях явилась весьма существенным звеном в усилиях СССР по обеспечению прочного мира. Она способствовала мобилизации народов на активные выступления против военной опасности, против губительной гонки вооружений, за скорейшее решение кардинальной проблемы современности — проблемы разоружения.

Г Л А В А V

РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА — ВАЖНАЯ СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ПОЛИТИКИ МИРНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ

Советское государство с первых лет своего существования активно выступает за всемерное развитие экономического сотрудничества между государствами с различными социально-экономическими системами на основах равноправия сторон и

взаимной выгоды. В таком международном экономическом сотрудничестве, в расширении взаимовыгодной внешней торговли Советский Союз видит существенное условие сохранения и упрочения мира.

«Внешняя торговля — это та здоровая и прочная основа, — говорил Н. С. Хрущев, — на которой может успешно развиваться мирное сосуществование государств с различными социально-экономическими системами. Более того, экономические связи создают хорошие предпосылки для укрепления политических отношений между странами. Широкое развитие торговли играет важную роль в укреплении взаимного доверия между народами, в смягчении международной напряженности»¹.

Экономической основой мирного сосуществования государств с различными общественно-политическими системами в самом широком смысле являются международные хозяйственные, торговые связи. Мировое распределение природных ресурсов и исторически сложившееся международное разделение труда диктуют объективную необходимость сотрудничества и взаимного экономического обмена между государствами независимо от их идеологических и политических различий.

«Есть сила большая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, — отмечал В. И. Ленин, — эта сила — общие экономические всемирные отношения...»²

При всех серьезных изменениях в международном разделении труда, вызванных расколом мира на две системы и бурным развитием производительных сил социалистической системы, экономические связи и хозяйственная взаимозависимость стран с различными системами в немалой степени сохранились и продолжают играть важную роль.

С образованием двух мировых систем образовалось и два мировых рынка — социалистический и капиталистический. Но это ни в коей мере не исключало необходимости широкого товарообмена между всеми странами, не означало ликвидации общего для всех мирового рынка. Более того, принцип мирного сосуществования предполагает широкие экономические связи между странами, образующими два разных рынка.

Жизнь показала, что всякие попытки нарушить нормальное сотрудничество и взаимный обмен из-за идеологических и политических разногласий наносят ущерб экономическому развитию стран, удовлетворению их нужд.

Проводя в жизнь политику расширения экономических связей на взаимовыгодной основе, Советский Союз считает, что она соответствует интересам всех народов. Поставляя другим странам товары, в которых они нуждаются, СССР получает

¹ Н. С. Хрущев. Мир без оружия — мир без войн, т. I. М., 1960, стр. 157.

² В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 33, стр. 129.

возможность приобретать за рубежом на взаимовыгодной основе те товары, которые могут способствовать ускорению темпов развития нашего народного хозяйства, лучшему удовлетворению возросших потребностей трудящихся нашей страны. Торговые отношения с Советским государством, в свою очередь, выгодны и капиталистическим странам, заинтересованным в получении советских товаров и особенно в экспорте своих товаров на обширный советский рынок.

Международные торговые отношения могут быть плодотворными и взаимовыгодными только в том случае, если они базируются на суверенном равенстве сторон. Исходя из этого, Советский Союз решительно отвергает политику торговой дискриминации и отстаивает в своих внешних экономических отношениях принцип наибольшего благоприятствования.

Применение этого принципа предполагает также обязательное уважение и соблюдение торговыми партнерами Советского Союза условий, связанных с государственной монополией внешней торговли, установленной ленинским декретом от 22 апреля 1918 г. «О национализации внешней торговли». Согласно декрету торговые сделки с иностранными государствами и отдельными торговыми предприятиями производятся от лица Советского государства только специально на то уполномоченными органами.

Монополия внешней торговли социалистического государства призвана защищать социалистическое народное хозяйство от попыток экономической интервенции империалистических держав, от разрушительного влияния стихии мирового капиталистического рынка. Вместе с тем социалистическая монополия внешней торговли предполагает всемерное развитие торговых связей с капиталистическими странами. Больше того, советская государственная монополия внешней торговли в силу планового характера советской экономики гарантирует стабильность экономических взаимоотношений СССР с капиталистическими странами.

Советское государство исходило и исходит из того, что развитие взаимовыгодной международной торговли является серьезным фактором, стабилизирующим международные отношения, служит делу укрепления и развития мирного сосуществования. «Отношения между странами, — говорил в беседе с американскими журналистами Н. С. Хрущев, — следует строить не на политике «с позиции силы», а на взаимопонимании. Для этого надо, в первую очередь, развивать нормальную торговлю на условиях взаимной выгоды»¹.

Борьба за нормализацию и всемерное расширение экономического сотрудничества государств с различными системами всегда являлась одной из важных сторон советской политики

¹ «Правда», 11 февраля 1955 г.

мирного сосуществования. Значение этой борьбы особенно возросло в послевоенный период, когда дезорганизация торговли с Советским Союзом и другими социалистическими странами стала составной частью политики «холодной войны», проводимой США и их партнерами по агрессивным блокам.

1. Стремление Советского Союза к нормализации и расширению экономических отношений с главными капиталистическими странами

Политика «холодной войны», ставшая основой послевоенного внешнеполитического курса США и других империалистических государств, нашла свое прямое проявление в целой системе дискриминационных мер в отношении торговли с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Такого рода меры США стали практиковать сразу же после окончания второй мировой войны. Особенно широкий размах они приобрели в начале 50-х годов.

23 июня 1951 г. американское правительство односторонне денонсировало американо-советское торговое соглашение от 4 августа 1937 г., предусматривавшее применение к торговле между СССР и США принципа безусловного и неограниченного наибольшего благоприятствования. Вслед за этим США расторгли торговые соглашения с другими социалистическими странами. Не ограничившись этим, правительство США стало оказывать сильное давление на капиталистические страны, с тем чтобы парализовать и их торговлю с социалистическими государствами.

26 октября 1951 г. в США был принят закон «О контроле над помощью для целей взаимной обороны», известный под названием «закон Бэттла», согласно которому США под угрозой прекращения «помощи» фактически запретили странам Западной Европы торговать с социалистическими странами. Разработанный в соответствии с этим законом список товаров, запрещенных к вывозу в СССР и другие страны социалистического лагеря, включал несколько тысяч наименований.

Результатом упорно проводимой политики дискриминации было резкое сокращение торгового оборота между США и другими империалистическими странами, с одной стороны, и социалистическими государствами — с другой; оборот США с этими государствами в 1951 г. (по сравнению с 1937 г.) сократился в 10 раз, Англии — в 6, Франции — более чем в 4 раза. Товарооборот Западной Германии со странами социалистической системы (в ценах 1952 г.) сократился в 1952 г. по сравнению с 1938 г. более чем в 10 раз, Японии — более чем в 37 раз¹.

Своей политикой торговой дискриминации правящие круги США и зависимых от них стран рассчитывали помешать экономическому развитию стран лагеря социализма. Но они просчитались. Социалистические страны, наладившие между собой

¹ См. «Международная жизнь», 1954, № 2, стр. 52; «Международные экономические отношения». М., 1957, стр. 350.

тесные экономические отношения на основах братской взаимопомощи, еще больше сплотились и добились больших экономических успехов. Товарооборот между ними неуклонно возрастал¹.

Политика максимального сокращения торговли со странами социалистического лагеря отрицательно сказалась на экономике самих США и ряда связанных с ними стран.

Империалистической политике, ведущей к дезорганизации международной торговли, Советский Союз противопоставил свою внешнеторговую политику, основанную на принципах мирного сосуществования, равенства и взаимной выгоды сторон и направленную на всемерное расширение международной торговли.

Борьба Советского Союза против дискриминации во внешней торговле неразрывно связана с его борьбой за мир и международную безопасность. СССР исходил из того, что дискриминация препятствует нормальным международным экономическим отношениям, несовместима с принципами и целями Организации Объединенных Наций и полностью противоречит задаче мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими системами.

В интересах оздоровления и нормализации международных экономических отношений Советский Союз предпринял ряд важных шагов. Он выступил, в частности, инициатором создания Комитета по развитию торговли при Экономической комиссии ООН для Европы. Представители СССР приняли деятельное участие в работе состоявшегося в августе 1951 г. в Женеве совещания правительственных экспертов по развитию внутриевропейской торговли, а затем и в работе сессии Комитета по развитию внешней торговли европейских стран. Советские представители на этих совещаниях заявили, что СССР готов сохранить объем и номенклатуру товарооборота с западноевропейскими странами как минимум на уровне 1949—1950 гг. при условии, что эти страны будут поставлять в основном те же товары, что и в 1949—1950 гг.; если же западноевропейские страны смогут расширить номенклатуру поставок или предложат большее количество интересующих Советский Союз товаров, то и СССР будет готов соответственно увеличить поставки своих товаров.

Ярким проявлением стремления Советского Союза к решительному улучшению и расширению международных экономических связей была советская инициатива по созыву в Москве Международного экономического совещания в апреле 1952 г. Эта инициатива нашла широкий отклик в деловых кругах многих стран мира, хотя со стороны наиболее реакционных кругов США и других западных держав было предпринято немало попыток, направленных на срыв совещания.

¹ См. гл. II.

В совещании приняло участие свыше 450 делегатов, представлявших промышленные, торговые, финансовые и научные круги 49 стран мира. Советская общественность и правительственные организации сделали все возможное, чтобы обеспечить успешную работу совещания, рассматривая его как реальный шаг, способствующий укреплению международных деловых контактов и развитию торгово-экономических связей между всеми государствами, независимо от их социального строя.

Участники совещания обсудили современное состояние мировой торговли и констатировали, что, как и другие формы экономических связей между странами, она находится в состоянии глубокого расстройств. Они отметили, что пагубное влияние на мировую торговлю оказывает милитаризация экономики капиталистических стран и политика дискриминации, проводимая правящими кругами США. В принятом на совещании коммюнике указывалось, что «различия экономических и социальных систем не являются препятствием для расширения экономических международных связей, основанных на равенстве и взаимной выгоде»¹.

Активное участие в работе Международного экономического совещания приняли представители слаборазвитых стран, которые ощущали сильнейшую потребность в развитии международных экономических связей. Во многих выступлениях на совещании отмечалось, что экономический прогресс в слаборазвитых странах, снабжение их машинами и промышленным оборудованием, а также взаимовыгодное соотношение между ценами на сырье, которое они экспортируют, и на товары, которые они импортируют, имеют жизненно важное значение как для развития этих стран, так и для международной торговли и мирного экономического сотрудничества. В коммюнике совещания было подчеркнуто, что «быстрая индустриализация слаборазвитых стран и международное сотрудничество в этих целях крайне необходимы, и им должно быть оказано всяческое содействие»².

Деловые круги получили возможность обсудить на широкой основе интересующие их вопросы, вести коммерческие переговоры, установить между собой деловые контакты. Во время совещания представителями торгово-промышленных кругов было заключено значительное количество сделок.

Международное экономическое совещание показало, что для развития международной торговли и экономического сотрудничества существуют широкие возможности.

Крутой подъем всех отраслей советской экономики, гибкая и принципиальная ленинская политика дали Советскому государству возможность в 1953—1955 гг. серьезно увеличить внешне-торговый товарооборот, расширить и укрепить экономические связи с молодыми государствами Азии и Африки, предпринять важные шаги для нормализации торговли с рядом стран Западной Европы. Все это подрывало дискриминационную политику монополистических кругов США, являлось реальным вкладом в дело мира.

Усилия Советского Союза, направленные на нормализацию международных экономических отношений, были органически связаны с его общей внешнеполитической линией на ослабление международной напряженности. Последовательно выступая за мирное разрешение спорных и нерешенных международных вопросов, СССР в ряде своих важных внешнеполитических документов и выступлений того времени подчеркивал взаимную

¹ «Внешняя торговля», 1952, № 5, стр. 1—2.

² Там же, стр. 2.

связь политических и экономических аспектов международной политики. В его конкретных предложениях по важнейшим международно-политическим проблемам находила отражение и его конструктивная позиция в вопросах, связанных с международными экономическими отношениями.

По инициативе Советского Союза вопрос о дискриминации в торговле, проводимой США и их союзниками в послевоенное время, о нарушении принципа наибольшего благоприятствования обсуждался на сессиях Генеральной Ассамблеи, Экономического и Социального совета, в региональных экономических комиссиях и других органах ООН.

Стремясь к расширению международного экономического сотрудничества, Советский Союз летом 1954 г. внес на рассмотрение XVIII сессии Экономического и Социального совета ООН проект резолюции «Об устранении затруднений в международной торговле и о средствах развития международных экономических связей»¹.

В этом проекте генеральному секретарю ООН предлагалось проявить инициативу по созыву международной конференции правительственных экспертов как государств — членов ООН, так и других государств для выработки рекомендаций по расширению международной торговли. Обосновывая этот проект, советский представитель отметил, что расширение международных экономических и торговых связей на началах равноправия и взаимной выгоды отвечает интересам всех стран, независимо от их общественного и государственного строя, будет способствовать оздоровлению международной обстановки.

Советский проект поддержали многие делегации, однако под давлением американской дипломатии сессия Экономического и Социального совета ООН приняла английский проект, рассчитанный на то, чтобы затянуть на неопределенное время решение назревших международных экономических проблем.

О большой заинтересованности СССР в налаживании плодотворного экономического сотрудничества в целях укрепления мира свидетельствует нота Советского правительства, направленная 24 июля 1954 г. правительствам Франции, Англии и США в связи с советским проектом создания общеевропейской системы коллективной безопасности. «Советское правительство, — говорилось в ноте, — считает целесообразным пополнить проект Общеевропейского Договора о коллективной безопасности в Европе новым положением о сотрудничестве в экономической области. Имеется в виду, что государства — участники Договора возьмут на себя обязательство принимать меры, направленные на развитие торговли и других экономических связей между государствами, что соответствует жизненным интересам народов и отвечает целям укрепления мира и международного сотрудничества»².

В известном предложении СССР о сокращении вооружений, запрещении атомного оружия и устранении угрозы новой войны от 10 мая 1955 г. наряду с другими важными вопросами отмечалось, что «положение, когда оказались разорванными суще-

¹ См. «Международные экономические организации». М., 1962, стр. 57.

² «Правда», 25 июля 1954 г.

существовавшие длительное время торговые связи между государствами, наносит ущерб как частным, так и государственным интересам. Устранение подобной дискриминации и широкое развитие международных торговых связей, основанных на принципе взаимной выгоды, будет способствовать укреплению дружественных отношений между государствами и содействовать повышению благосостояния народов. Без устранения этих препон на пути развития международной торговли нельзя рассчитывать и на достижение действительной разрядки в международных отношениях»¹.

Эта позиция Советского Союза основывалась на принципе, который на XX съезде КПСС был образно сформулирован Н. С. Хрущевым в следующих словах: «В противовес лозунгу Североатлантического блока „Давайте вооружаться!“ мы выдвигаем лозунг — „Давайте торговать!“»².

Руководствуясь интересами сохранения и упрочения мира, Советское правительство взяло на себя инициативу и предприняло ряд других важных шагов, направленных на развитие международных экономических связей.

22 июня 1955 г. на специальной сессии Генеральной Ассамблеи, посвященной десятилетию создания ООН, Советский Союз отметил, что назрел вопрос о созыве всемирной экономической конференции. Официально этот вопрос рассматривался на XI сессии Генеральной Ассамблеи. Советское предложение о созыве всемирной экономической конференции предусматривало приглашение на нее всех стран, независимо от членства в ООН. СССР предложил обсудить на этой конференции широкий круг международных экономических проблем: меры по расширению мировой торговли; необходимость создания в рамках ООН всемирной торговой организации, которая занималась бы решением неотложных задач международного экономического сотрудничества в целях создания независимой национальной экономики в слаборазвитых странах; кредитные и финансовые вопросы. Однако и на этот раз США оказали всевозможное давление на многие делегации, и советское предложение о созыве международной экономической конференции Генеральной Ассамблеей тогда не было принято.

Вопрос о расширении торговли и об укреплении экономического сотрудничества между государствами с различными социально-экономическими системами обсуждался и на Женевском совещании глав правительств четырех держав в июле 1955 г. В ходе обсуждения представители СССР подчеркнули

¹ «Правда», 11 мая 1955 г.

² Н. С. Хрущев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. I, стр. 34.

ненормальность положения, при котором в ряде государств Запада введены разного рода искусственные ограничения на торговлю с другими странами, результатом чего явился разрыв исторически сложившихся экономических и торговых связей между многими государствами мира. Они подчеркнули также, что подобное положение мешает ослаблению международной напряженности и тем самым увеличивает угрозу миру и безопасности народов. Благодаря усилиям Советского Союза и под давлением заинтересованных деловых кругов западных стран главы правительств США, Англии и Франции пошли на принятие согласованного решения о необходимости развивать контакты между Востоком и Западом, укреплять экономические и культурные связи между четырьмя великими державами — участниками Женевского совещания. Но, как показал дальнейший ход событий, США и их союзники очень скоро отошли от «духа Женевы» в международных политических и экономических отношениях.

Однако стремление Советского Союза к расширению торговли с капиталистическими странами на основе равенства и взаимной выгоды сторон находило понимание и отклик со стороны значительной части деловых кругов Запада, где все более широкий характер стали принимать выступления за восстановление торговли между Западом и Востоком, против американского экономического диктата.

Еще в ноябре 1953 г. под давлением деловых кругов английское правительство сделало представление правительству США о необходимости ослабления запрета на торговлю со странами социалистического лагеря. По словам английской газеты «Санди таймс», американское правительство ответило на это обращение «выражением негодования» и потребовало, чтобы позиция Англии держалась в секрете во избежание «политического замешательства». Но удержать эту позицию в секрете оказалось невозможным. Через некоторое время вопрос вновь всплыл на поверхность.

Деловые круги Англии и других западноевропейских государств не могли не учитывать тех трудностей, с которыми им предстояло встретиться на рынках капиталистических стран в связи с нарастанием кризиса перепроизводства. Кризис этот назревал прежде всего в США и угрожал резким сокращением западноевропейского экспорта в долларовую зону. Так, в январе и феврале 1954 г. вывоз Англии в долларовую зону в целом сократился на 14% по сравнению с последними месяцами 1953 г.

В условиях нараставшей угрозы кризиса деловые круги Запада вполне закономерно проявляли большой интерес к нормализации торговли и расширению экономических связей с СССР и странами народной демократии. 21 марта 1954 г., открывая прения в палате общин, бывший министр торговли в лейбористском правительстве Г. Вильсон отметил, что за последнее время под давлением общественности «торговля между Западом и Востоком стала наконец пользоваться уважением в Англии». Он указал, что нормализация этой торговли имеет важное значение не только для урегулирования долларовой проблемы и проблемы внешних рынков, но и для развития ряда отраслей английской промышленности, которые оказались в то время перед угрозой сокращения производства. Вильсон потребовал, чтобы английское правительство немедленно приняло меры к расширению торговли с СССР и странами народной демократии и от разговора перешло к делу.

Требования отказа от политики дискриминации были выдвинуты не только Англией, но и другими западноевропейскими державами. В результате давления деловых кругов английское и французское правительства предложили созвать совещание представителей Англии, Франции и США по вопросу о торговле с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Речь шла о пересмотре списка товаров, предусмотренного «законом Бэттла». Такое совещание состоялось в Лондоне в конце марта 1954 г.

США, представленные на совещании руководителем Управления заграничных операций Г. Стассеном, были вынуждены в небольшой степени удовлетворить требования стран Западной Европы об ослаблении различных запретов и ограничений, наложенных на торговлю со странами социалистического лагеря. Список товаров, запрещенных к вывозу в эти страны, был несколько сокращен, но все же оставался еще весьма обширным. Недовольство западноевропейских деловых кругов политикой торговой дискриминации сохранялось и продолжало вызывать новые выступления в пользу расширения торговли со странами социалистического лагеря. Характерным в этом отношении было, например, выступление заместителя председателя Ассоциации британских торговых палат Бальфура в Ньюкасле 15 сентября 1954 г. Он заявил, что надежды Запада на расширение внешних рынков при всех условиях связаны с развитием торговли со странами социалистического лагеря, «какова бы ни была враждебность к этому в некоторых кругах».

Трезвый подход определенных деловых кругов Запада к проблемам торговли с Востоком, естественно, приветствовался Советским Союзом, который делал все, чтобы нормализовать ее на основе взаимной выгоды и отказа от дискриминационной политики в международных экономических отношениях.

Ясная и принципиальная позиция Советского государства по вопросам международной торговли, изложенная в официальных документах, в выступлениях его представителей на международных совещаниях и конференциях, а также повседневная практическая деятельность советских внешнеторговых организаций, направленная на расширение деловых отношений с капиталистическими странами, уже в 1953—1955 гг. принесли ощутимый результат: внешнеторговый оборот СССР с большинством капиталистических стран стал заметно увеличиваться.

В 1953—1955 гг. произошло некоторое улучшение англо-советских торговых отношений. Если в 1950 г. внешнеторговый оборот между двумя странами составлял 48,4 млн. ф. ст., то в 1954 г. он вырос до 56,5 млн., а в 1955 г. — до 94,7 млн. ф. ст.¹ Причем он мог бы быть увеличен еще в большей степени, если бы не искусственные ограничения в торговле с социалистическими странами, существовавшие в Англии. Даже после пересмотра летом 1954 г. списков товаров, запрещенных к вывозу в эти страны, многие виды обычного английского экспорта продолжали оставаться под запретом (большинство типов металлорежущих станков, прокатные станы, некоторые типы судов и др.).

Несмотря на некоторое увеличение англо-советской торговли в 1953—1955 гг., ее объем все же еще значительно отставал от объема, достигнутого в предвоенные годы.

Известное улучшение в 1953—1955 гг. наблюдалось и в торговых отношениях между Советским Союзом и Францией. За 1953 г. советско-французский товарооборот вырос по сравнению с 1952 г. в 2 раза. В 1954 г. объем

¹ См. «Международные экономические отношения», стр. 356.

товарооборота составил (во франках 1954 г.) 24 млрд. франков, а в 1955 г. — 29 млрд.¹

Расширению советско-французской торговли в немалой степени способствовало уменьшение французским правительством в 1953 г. налогового обложения товаров, вывозимых из Франции в СССР и в другие социалистические страны.

В этот период получили развитие и торговые отношения Советского Союза с ФРГ. В 1955 г. товарооборот между ними достиг 212 млн. руб., увеличившись почти в 2,5 раза по сравнению с 1954 г. (88 млн. руб.)².

В 1953—1955 гг. улучшились торговые отношения СССР и с Италией, Швецией, Швейцарией, Норвегией и другими капиталистическими странами Европы.

Особенно успешно развивалось советско-финское экономическое сотрудничество, в основе которого лежало заключенное 13 июня 1950 г. пятилетнее торговое соглашение о поставках товаров на 1951—1955 гг.

По мере успешного выполнения этого соглашения возникла взаимная потребность еще больше расширить торговлю между двумя странами. Учитывая это, Советский Союз и Финляндия в 1952—1955 гг. взяли на себя дополнительные взаимные обязательства на поставку ряда товаров, не предусматривавшихся соглашением от 13 июня 1950 г. Большим вкладом в дело дальнейшего развития добрососедских отношений между СССР и Финляндией и их дружественных деловых связей явились переговоры по экономическим вопросам в Москве между Министерством внешней торговли СССР и финской правительственной делегацией в начале 1954 г. В результате переговоров 6 февраля 1954 г. было достигнуто соглашение о предоставлении Советским Союзом Финляндии для использования по усмотрению последней займа на сумму 40 млн. руб. в золоте, долларах США или иной согласованной между сторонами валюте. Срок займа был установлен в 10 лет из 2,5% годовых. Советское правительство согласилось оплатить валютой и золотом часть финских поставок в СССР в 1954 г. Совещания и встречи представителей Всесоюзной торговой палаты с представителями Финляндии, происходившие в феврале 1954 г. в Москве, показали взаимное стремление сторон к дальнейшему развитию торговли, а также наличие больших, еще не использованных возможностей для этого. Были обсуждены способы торговли техническими товарами, в частности было признано целесообразным заключение долгосрочных соглашений о взаимных поставках машин и оборудования.

Успешное выполнение пятилетнего соглашения и дополнительных обязательств имело результатом значительное расширение и укрепление добрососедских советско-финских экономических отношений. Общий объем торговли между СССР и Финляндией за 1950—1955 гг. вырос более чем в 4 раза: с 244 млн. руб. в 1950 г. до 1044 млн. в 1956 г.

17 июля 1954 г. между СССР и Финляндией в Москве было подписано второе долгосрочное соглашение — о взаимных поставках на 1956—1960 гг. Оно предусматривало ежегодное увеличение импорта Советского Союза из Финляндии с 580 млн. руб. в 1954 г. до 655 млн. в 1960 г., а экспорта СССР в Финляндию — с 425 млн. руб. в 1954 г. до 495 млн. в 1960 г. Стороны договорились, что разница между суммой финских и советских поставок в 1956—1960 гг., составлявшая 160 млн. руб. ежегодно, будет покрываться на 120 млн. руб. путем заключения соглашений с третьими странами и на 40 млн. руб. переводами Советского Союза Финляндии в свободно обратимой валюте³.

Стремясь к расширению взаимовыгодных экономических отношений, СССР и Финляндия 24 января 1955 г. подписали между собой соглашение, по которому Советское правительство согласилось предоставить Финляндии новый заем на сумму 40 млн. руб. в золоте, долларах или иной согласованной

¹ См. «Международные экономические отношения», стр. 359.

² См. там же.

³ См. «Правда», 18 июля 1954 г.

между сторонами валюте, с использованием его одновременно или частями в течение трех лет, из 2,5% годовых, со сроком возврата через 10 лет¹.

Успехи Советского Союза в налаживании торговых отношений с капиталистическими странами Европы вызвали противодействие противников международного сотрудничества, стоявших на позициях «холодной войны» и стремившихся возродить препятствия и помехи на пути торговли других капиталистических стран с Советским Союзом. Примером может служить случай из практики советско-датских торговых отношений.

17 июля 1953 г. в Копенгагене был подписан очередной протокол о взаимных поставках между СССР и Данией на период с 1 июля 1953 г. по 30 июня 1954 г. За этим последовало обсуждение условий поставок на следующий годичный срок. Идя навстречу пожеланиям Дании, СССР согласился на значительное по сравнению с соглашением 1953 г. увеличение импорта из Дании и одновременно выразил готовность удовлетворить заявки контрагента на все интересующие его советские товары, в том числе на зерно, жмыхи, соевые бобы, пиломатериалы, нефтепродукты, серебро и др. Однако под нажимом монополистических кругов Запада представители Дании отказались включить в список датских поставок в СССР два танкера. Давая объяснение этому отказу, министр иностранных дел Дании заявил, что поставка Советскому Союзу двух танкеров «неприемлема в политическом отношении для датского правительства».

Такая позиция датской стороны привела к тому, что протокол о взаимных поставках товаров на очередной годичный срок не был подписан, и в 1955 г. товарооборот между СССР и Данией значительно сократился. Но уже год спустя обстановка разрядилась, чему способствовали настойчивые требования деловых кругов Дании, заинтересованных в расширении торговли с Советским Союзом. В результате переговоров в Москве и в Копенгагене СССР и Дания подписали 14 мая 1956 г. двухгодичный протокол о взаимных поставках товаров, удовлетворяющий обе стороны².

Заметное оживление торговли СССР с капиталистическими странами, характерное для периода 1953—1955 гг., не коснулось, пожалуй, только США, правящие круги которых продолжали проводить свою бесперспективную политику торговой дискриминации. По вине американской стороны объем советско-американской торговли оставался на очень низком уровне. Достаточно указать, что в 1955 г. американские фирмы продали Советскому Союзу в 15 раз меньше товаров, чем в 1930 г., т. е. до восстановления дипломатических отношений между СССР и США. В 1956 г. объем товарооборота между двумя странами был в 11 раз меньше, чем в 1947 г. Самоизоляция США от взаимовыгодной торговли с Советским Союзом и другими социалистическими странами наносила ущерб американским деловым кругам и — что еще более важно — мешала нормализации международных экономических и политических отношений.

Преодолевая преграды, возводимые реакционными кругами США и других империалистических стран, СССР в 1953—1955 гг. добился значительного расширения своих экономических связей со многими капиталистическими странами.

¹ См. Е. А. Амбарцумов. Советско-финляндские отношения. М., 1956, стр. 54; К. И. Попов. Промышленность и внешняя торговля Финляндии. М., 1957, стр. 128—129.

² «Правда», 15 мая 1956 г.

2. Развитие экономического сотрудничества СССР с молодыми суверенными государствами

В отношениях со странами, отставшими по вине колонизаторов в своем экономическом развитии, Советский Союз неуклонно следует политике дружбы и всемерного сотрудничества. Развивая экономические связи со слаборазвитыми странами, он исходит из своего интернационального долга, из стремления помочь народам бывших колоний прочно стать на путь независимости и прогресса.

Особенно успешно экономические отношения СССР с этими странами стали развиваться после 1953 г. Экономические и научно-технические успехи Советского Союза, а также решительный отказ от имевших ранее место догматических и сектантских оценок ряда важных проблем национально-освободительного движения создали необходимые условия для всемерного расширения экономического сотрудничества СССР со странами Азии, Африки и Латинской Америки.

Экономическое и техническое сотрудничество с СССР и другими социалистическими странами отвечает жизненным потребностям освободившихся стран. Оно содействует созданию независимой экономики, быстрому росту производства, выполнению стабилизационных программ и планов экономического развития. Страны Азии, Африки и Латинской Америки на основе торговых соглашений и контрактов стали получать из СССР первоклассную технику, оборудование и материалы, в которых до этого им отказывали империалистические державы, но которые крайне нужны молодым государствам для развития их национальной промышленности. Экономические отношения Советского Союза и других социалистических стран со слаборазвитыми странами основываются на справедливых ценах, на равенстве и взаимной выгоде.

Важными формами экономического и технического сотрудничества со слаборазвитыми странами наряду с взаимовыгодной торговлей являются: предоставление долгосрочных кредитов, оказание технического содействия в развитии экономики этих стран, проведение геологоразведочных работ, оказание помощи в производственно-техническом обучении кадров, обмен техническим опытом и научными достижениями.

Развитие такого экономического сотрудничества оказывает не только прямую, но и косвенную помощь в становлении независимой национальной экономики афро-азиатских и латиноамериканских стран. Экономические связи с СССР и другими социалистическими странами, основанные на равноправии, взаимной выгоде, мешают империалистическим кругам оказывать давление на слаборазвитые страны и навязывать им кабальные условия, как это было в прошлом. Империалистические державы вынуждены против своей воли устанавливать более

выгодные для слаборазвитых стран условия экономического сотрудничества.

В рассматриваемый период Советский Союз и другие социалистические страны установили прямые торгово-экономические отношения с рядом молодых государств, ставших на путь независимого развития. Само собой разумеется, это пришлось не по вкусу империалистическим державам, которые стремились и впредь эксплуатировать народы экономически слаборазвитых стран. Империалисты США и других империалистических стран, применяя методы экономического и политического давления и диктата, всячески стремились помешать развитию сотрудничества слаборазвитых стран с Советским Союзом и другими социалистическими государствами. Однако, преодолевая препятствия, чинимые реакционными силами, страны социалистического лагеря успешно расширяли старые и устанавливали новые экономические связи со многими странами Азии, Африки и Латинской Америки.

Являясь принципиальным противником всех видов неравноправия и дискриминации в международных экономических отношениях, Советский Союз активно выступал за налаживание равноправных и взаимовыгодных торговых связей между развитыми в экономическом отношении странами и странами, отставшими в своем развитии. Вопросы, относящиеся к экономическому и техническому сотрудничеству в интересах развития слаборазвитых стран, неоднократно ставились Советским Союзом на совещаниях различных международных экономических организаций.

На конференции по вопросам торговли стран Азии и Дальнего Востока, созванной ЭКАДВ¹ в октябре 1951 г. в Сингапуре, представитель Советского Союза внес предложения, направленные на то, чтобы помочь странам этого района в расширении внешней торговли в целях восстановления и развития их экономики, укрепления национальной независимости и суверенитета.

Советский делегат заострил внимание на необходимости принять меры к защите национальной промышленности от разорительной иностранной конкуренции путем установления защитительных тарифов, введения более благоприятного режима для национальных предприятий и запрещения скупки этих предприятий иностранными монополиями. Указав, что существенное значение в обеспечении экономической помощи слаборазвитым странам имел и имеет вопрос о стабилизации цен, он подчеркнул, что неустойчивость цен может быть уменьшена, если слаборазвитые страны будут развивать торговлю с СССР, КНР и европейскими странами народной демократии, ибо для подавляющего большинства слаборазвитых стран особенно острой явилась проблема балансирования их расчетов со странами долларовой зоны.

Советский представитель заявил, что СССР мог бы поставлять странам Азии и Дальнего Востока станки, энергосиловое, электротехническое и транспортное оборудование, сельскохозяйственные и другие машины, а также цемент, лес, удобрения, зерновые и потребительские товары. Он указал, что в обмен желательно было бы получить из этих стран производимые в них товары, в том числе джут, каучук, шеллак, рис, копру, пряности, чай, олово, кору хинного дерева и т. п.²

¹ Экономическая комиссия для стран Азии и Дальнего Востока.

² См. «Вопросы экономики», 1953, № 11, стр. 94.

На сессии ЭКАДВ делегация СССР неоднократно отмечала готовность Советского Союза рассмотреть вопрос о заключении долгосрочных контрактов на покупку в странах Азии товаров в обмен на советские товары, имея при этом в виду необходимость установления устойчивых цен на длительный срок и возможность производить расчеты в национальных валютах соответствующих стран.

На IX сессии ЭКАДВ, происходившей в феврале 1953 г. в Бандунге, делегация СССР указала на необходимость сосредоточить деятельность комиссии на содействии развитию национальной промышленности, включая металлургическую, машиностроительную, химическую и другие отрасли, рекомендовала применять защитные меры от иностранной конкуренции, подрывающей возможность самостоятельного развития национальной экономики¹.

На происходивших весной и летом 1953 г. XV и XVI сессиях Экономического и Социального совета ООН делегация СССР убедительно показала, что для экономического развития многих стран, особенно слаборазвитых, крайне важное значение имело бы устранение ограничений в области международной торговли, навязанных этим странам некоторыми крупными державами. На XVI сессии СССР выразил готовность принять участие в осуществлении расширенной программы ООН по оказанию технической помощи слаборазвитым странам, ассигновав для этой цели на 1953 г. 4 млн. руб. На ряде последующих конференций ООН СССР выразил готовность в соответствии с программой фонда ООН по технической помощи рассмотреть заявки экономически слаборазвитых стран об оказании им технической помощи, имеющей важное значение для их народного хозяйства². Советский Союз предложил оказать конкретную техническую помощь в области металлургии, общего и сельскохозяйственного машиностроения, добычи и переработки минерального сырья, переработки каучука, текстильной и пищевой промышленности, строительства гидро- и тепловых электростанций, борьбы с наводнениями и использования водных ресурсов.

В 1953—1955 гг. Советский Союз заключил торговые договоры и соглашения с Индией, Бирмой, Египтом, Ливаном, Аргентиной, Уругваем и другими странами. Эти соглашения заложили прочную основу для широкого развития в последующие годы взаимовыгодных экономических отношений между СССР и этими странами, способствовали разрядке международной напряженности и делу мира, внесли существенный вклад в развитие национальной экономики стран Азии, Африки и Латинской Америки. Экономическая и техническая помощь СССР способствовала развитию государственного сектора экономики этих стран. Необходимо отметить, что она предоставлялась на льготных условиях, резко отличавшихся от условий империалистической помощи и кредитов.

2 декабря 1953 г. в Дели было подписано первое межправительственное торговое соглашение между СССР и Индией сроком на 5 лет, предусматривавшее всемерное развитие и укрепление торговых отношений между обеими странами на началах равноправия и взаимной выгоды. Этим соглашением устанавливался режим торговли и судоходства, а также порядок взаимных расчетов между странами. Оба правительства обязались всячески содействовать тому, чтобы экспортируемые и

¹ См. «Международные экономические организации», стр. 78.

² См. там же, стр. 56.

импортируемые по данному соглашению товары перевозились из одной страны в другую по возможности на советских и индийских судах.

Советско-индийское торговое соглашение, являясь по своему характеру торгово-платежным, предусматривало платежи не только по торговым операциям, но и неторгового характера: по расходам, связанным с поездками торгового, культурного характера и с поездками официальных делегаций; платежи, относительно которых может быть достигнуто соглашение между Государственным банком СССР и Резервным банком Индии.

Одновременно с подписанием торгового соглашения стороны обменялись письмами об учреждении и статуте торгового представительства СССР в Индии и об оказании Советским Союзом технической помощи, связанной с поставками советского оборудования в Индию.

Советско-индийское торговое соглашение открыло новый этап дружественных отношений между СССР и Индией. Индийская общественность, пресса и деловые круги горячо приветствовали его заключение. Индия стала получать из Советского Союза машинное оборудование, в котором она так остро нуждалась и которое в течение ряда лет безуспешно пыталась получить у США и Англии.

После подписания торгового соглашения между Индией и СССР объем индо-советской торговли значительно увеличился.

В результате успешно закончившихся в Дели переговоров 2 февраля 1955 г. было подписано соглашение между правительством СССР и правительством Индии о сооружении металлургического комбината в Бхилаи мощностью 1 млн. т стали в год с последующим увеличением его мощности.

В связи со строительством комбината Советское правительство обязалось предоставить правительству Индии кредит в сумме 1,5 млрд. руб. со сроком погашения в течение 12 лет равными ежегодными долями с начислением 2,5% годовых. Погашение кредита предусматривалось в индийской национальной валюте — рупиях. Соглашение о сооружении в Индии с помощью Советского Союза металлургического комбината явилось существенным вкладом в дело развития взаимовыгодных экономических связей между обеими странами.

Важное значение имело торговое соглашение между СССР и Бирманским Союзом, подписанное 1 июля 1955 г., протокол о покупке Советским Союзом бирманского риса в обмен на поставки в Бирму советского оборудования, машин и других товаров, а также ряд документов, определяющих порядок расчетов по взаимным поставкам. В соответствии с торговым соглашением правительства СССР и Бирманского Союза обязались всемерно развивать торговые отношения между обеими странами на началах равноправия и взаимной выгоды.

Бирманский Союз поставлял рис и рисопродукты, бобовые, жмыхи, цветные металлы, лес твердых пород, каучук и другие товары, а Советский Союз — оборудование для рисоочистительных и хлопкоочистительных заво-

дов и текстильных фабрик, гидроэлектростанции, тракторы и сельскохозяйственные машины, цемент, прокат черных металлов, химические товары, медикаменты, медицинское оборудование и другие товары. Согласно подписанному протоколу Бирманский Союз за год поставлял в СССР 150—200 тыс. т риса взамен советского оборудования, машин и других товаров. В протоколе указывалось, что в случае пожелания бирманской стороны советская сторона предоставит возможность ознакомиться в СССР с машинами и другими товарами, которые могли бы быть куплены бирманской стороной. В соответствии с протоколом Советский Союз согласился посылать в Бирманский Союз советских специалистов для соответствующей консультации¹.

Осенью 1954 г. и в 1955 г. Советский Союз посетили экономические делегации Индии, Индонезии, Бирмы, Пакистана. Они ознакомились с достижениями промышленности, сельского хозяйства и культуры советского народа. Учитывая полезность обмена такими делегациями, Советское правительство дало согласие на приезд в СССР в 1955 г. делегаций ряда стран Азии для ознакомления с достижениями и опытом СССР в области геологических изысканий и разработки полезных ископаемых, а также пригласило делегацию Индии для изучения возможности повышения квалификации индийских специалистов и прохождения ими производственной практики в СССР.

В этот период успешно развивались советско-египетские экономические отношения. 18 августа 1953 г. между СССР и Египтом было заключено в Каире платежно-клиринговое соглашение, а 27 марта 1954 г. подписано советско-египетское торговое соглашение, предусматривавшее взаимное применение сторонами режима наиболее благоприятствуемой нации в отношении торговли и судоходства. Эти соглашения заложили хорошую основу для укрепления и последующего развития экономических отношений между двумя странами на началах равенства и взаимной выгоды.

30 апреля 1954 г. было подписано торговое и платежное соглашение между СССР и Ливаном, устанавливающее режим торговли и судоходства, а также порядок взаимных расчетов между странами. Одновременно с подписанием торгового и платежного соглашения стороны обменялись письмами об учреждении и статуте торгового представительства СССР в Ливане.

Советский Союз продолжал развивать в эти годы традиционные торговые отношения со своими южными соседями — Афганистаном, Ираном и Турцией. Особенно успешно стали развиваться советско-афганские дружеские торгово-экономические отношения.

Итоги торговли СССР с Афганистаном в 1951—1955 гг. ² (в млн. руб.)

Годы	Оборот	Импорт	Экспорт
1951	41,9	20,0	21,9
1955	98,1	43,7	54,4

Не ограничиваясь чисто торговыми отношениями, СССР развивал с Афганистаном экономическое и техническое сотрудничество.

Важную роль в деле укрепления советско-афганских экономических отношений сыграло подписанное 27 января 1954 г. в Кабуле соглашение о предоставлении правительством СССР правительству Афганистана кредита в связи со строительством двух элеваторов, мельницы и хлебозавода.

¹ См. «Правда», 3 июля 1955 г.

² «Внешняя торговля СССР со странами Азии, Африки и Латинской Америки». М., 1958, стр. 101.

По этому соглашению Советский Союз оказал Афганистану помощь в строительстве указанных предприятий путем выполнения проектных работ, поставки необходимого оборудования и материалов, а также в монтаже оборудования и пуске в эксплуатацию предприятий. Кредит же предназначался для оплаты поставляемого из СССР оборудования и материалов, оплаты выполняемых советскими организациями изыскательских и проектных работ, а также для возмещения затрат советской стороной по командированию советских специалистов для выполнения технических работ. Осенью того же года состоялось подписание соглашения о поставках Советским Союзом в кредит Афганистану битума, дорожно-строительных машин, автомашин и оборудования на сумму свыше 2 млн. долл.¹ Благоприятные политические и экономические предпосылки и факторы способствовали дальнейшему росту советско-афганских экономических связей. 28 июня 1955 г. между СССР и Афганистаном в Москве было подписано соглашение о транзите. Оно имело весьма важное значение для развития экономики и внешней торговли Афганистана, особенно если учесть его географическое положение, соседство вовлеченного в агрессивные блоки Пакистана, правящие круги которого чинили препятствия внешней торговле Афганистана².

Географическая близость, наличие экономических предпосылок, опыт многолетней торговли открывали широкие возможности и для развития экономических связей СССР с Ираном и Турцией. Но, несмотря на проявленную Советским Союзом добрую волю, правящие круги империалистических держав и реакционные силы в самих этих странах препятствовали развитию торговых и иных связей.

Некоторые реакционные круги в Иране пытались использовать в своих провокационных целях нерешенные пограничные вопросы и финансовые претензии Ирана военного периода. Все же 2 декабря 1954 г. благодаря усилиям СССР в духе взаимопонимания и доброжелательства было достигнуто соглашение об урегулировании пограничных и финансовых вопросов, что, несомненно, способствовало оздоровлению отношений между двумя странами. Однако из-за происков империалистических сил Иран оказался втянутым в агрессивный Багдадский пакт, что, разумеется, ухудшило политическую атмосферу советско-иранских отношений и отрицательно сказалось на развитии экономических связей.

С Турцией торговые связи прервались во время войны и в первые послевоенные годы. В результате принятых Советским Союзом в 1954 г. мер (приглашение в СССР представителей ряда турецких фирм, участие СССР в ярмарке в Измире и др.) товарооборот между СССР и Турцией значительно вырос, о чем можно судить по приведенным ниже данным.

Общие итоги торговли СССР с Турцией³ (в млн. руб.)

	1954 г.	1955 г.
Оборот	35,4	50,3
Экспорт	14,6	29,8
Импорт	20,8	20,5

¹ См. Л. Б. Теплинский. Советско-афганские отношения 1919—1960. М., 1961, стр. 132, 134.

² См. «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами», вып. XVII и XVIII, стр. 161—163.

³ «Внешняя торговля СССР со странами Азии, Африки и Латинской Америки», стр. 148.

Несмотря на некоторое увеличение по сравнению с довоенной торговлей, достигнутый уровень советско-турецкой торговли оставался недостаточным. Ее развитию мешали враждебные СССР и Турции реакционные империалистические круги, которые вовлекли Турцию в агрессивные империалистические блоки и всячески препятствовали расширению и упрочению экономических связей между двумя соседними странами.

1953—1955 годы ознаменовались дальнейшим развитием экономических отношений Советского Союза со странами Латинской Америки.

5 августа 1953 г. между СССР и Аргентиной было впервые заключено межправительственное торговое и платежное соглашение. Осенью 1953 г. в СССР побывала аргентинская техническая делегация. Предварительный обмен технической информацией позволил согласовать и уточнить потребности аргентинской промышленности. Делегация посетила промышленные предприятия в Москве и в других городах СССР, где производятся машины и оборудование, в импорте которых заинтересована Аргентинская Республика.

19 мая 1955 г. в Буэнос-Айресе был подписан протокол о товарообороте между Советским Союзом и Аргентиной на 1955 г. Аргентина обязалась поставлять шерсть, кожсырье, льняное масло, мясо и другие товары, а Советский Союз — нефтепродукты, прокат черных металлов, пиломатериалы, машины, оборудование и другие товары.

28 июля 1954 г. было подписано платежное соглашение между Государственным банком СССР и банком Республики Уругвай. Одновременно были согласованы списки товаров для взаимных поставок. Комментируя важное значение этого соглашения для экономики страны, уругвайская газета «Хустисиа» отмечала, что «такого рода соглашения в значительной мере содействуют укреплению братских уз между народами и упрочению всеобщего мира...»

Расширение торгово-экономических отношений стран Азии, Африки и Латинской Америки с Советским Союзом улучшало их международное положение, поскольку оно ограничивало сферу империалистического диктата и насилия в международных экономических отношениях. Экономическое сотрудничество и помощь Советского Союза способствовали борьбе слаборазвитых стран против агрессивных замыслов империалистов, за мир и мирное сосуществование, укрепляли международный авторитет этих стран, помогали им проводить политику нейтралитета и неучастия в агрессивных империалистических военных блоках.

* *

*

Борьба, развернувшаяся в 1950—1955 гг. в области международных экономических отношений, как и в области отношений политических, — это столкновение двух противоположных курсов в мировой политике: курса СССР и других социалистических стран на укрепление мира и предотвращение войны и курса правящих кругов США и их партнеров по агрессивным блокам на усиление международной напряженности, на подготовку третьей мировой войны. Это и предопределило принципиально различный подход социалистических стран и агрессивных кругов Запада к конкретным проблемам международного экономического сотрудничества, и в частности к проблемам внешней торговли.

1950—1955 годы отмечены серьезными успехами советской внешнеэкономической политики. Резко увеличился общий оборот внешней торговли СССР. Так, в 1955 г. он составил 26 116 млн. руб. против 13 002 млн. в 1950 г. За то же время внешнеторговый оборот СССР с промышленно развитыми капиталистическими странами возрос с 1949 млн. руб. до 3909 млн. руб.

Внешнеторговый оборот СССР в 1955 г. увеличился по сравнению с довоенным уровнем примерно в 5 раз¹. Если в довоенный период СССР торговал менее чем с двумя десятками стран, то в 1953 г. — уже более чем с 50, а с 1955 г. их число превысило 60. В 1955 г. Советский Союз занял по размерам товарооборота шестое место в мире, тогда как до второй мировой войны он находился на шестнадцатом.

Наряду с увеличением объема внешних экономических связей СССР происходили коренные изменения товарной структуры советской внешней торговли, что было неразрывно связано с огромными достижениями в развитии экономики СССР, его производительных сил. В экспорте значительно повысился удельный вес предметов промышленного производства, и прежде всего продукции советского машиностроения. Большое место в экспорте стали занимать комплектные поставки, т. е. поставки оборудования для целых предприятий или агрегатов, предназначенных для металлургических заводов, горнодобывающей промышленности, электростанций и т. д.

Соответствующие изменения проявились и в структуре советского импорта. Эти изменения шли в направлении, во-первых, расширения ассортимента импортных товаров и, во-вторых, определенного увеличения удельного веса в импорте товаров широкого потребления и продовольственных товаров.

Усиление роли Советского Союза на мировом рынке и его внешнеэкономической активности внесло существенно новые моменты в международную жизнь. Оно способствовало распространению атмосферы международного доверия, ломало многие барьеры, искусственно созданные империализмом на пути делового сотрудничества между государствами с различными социально-экономическими системами. Благодаря расширению торговых связей Советского Союза со слаборазвитыми странами последние смогли эффективнее вести борьбу за свою экономическую независимость.

Внешнеэкономическая политика Советского Союза способствовала значительному укреплению социализма в его мирном соревновании с капитализмом, содействовала известной разрядке в международных отношениях, явилась реальным вкладом Советского Союза в дело мира и международного сотрудничества.

¹ «Внешняя торговля», 1957, № 1, стр. 2.

БОРЬБА НАРОДОВ АЗИИ, АФРИКИ, ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ. ВОЗРАСТАНИЕ ИХ РОЛИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Рост сил мирового социализма активно содействовал дальнейшему развитию и углублению национально-освободительного движения, создавал самые благоприятные условия для борьбы народов Азии, Африки и Латинской Америки, открывал перед ними новые возможности и перспективы. Мощь СССР и других стран социализма в значительной степени парализовала попытки империалистов противодействовать национально-освободительному движению с помощью оружия. Это обстоятельство существенно облегчало борьбу народов за освобождение от колониального ига, за политическую независимость.

Укрепление экономического потенциала социалистических стран, развитие их сотрудничества с молодыми национальными государствами способствовали борьбе последних за экономическую независимость, вели к ликвидации монополии империалистических держав в области хозяйственных связей с экономически слаборазвитыми странами. Империалисты все чаще вынуждены были идти на известные уступки освободившимся странам.

Большую поддержку национально-освободительной борьбе народов оказывало международное рабочее движение. Сознательные рабочие капиталистических стран во главе с коммунистическими партиями последовательно боролись за самоопределение угнетенных наций, против колониальных авантюр империализма. Они выполняли свой интернациональный долг и в то же время защищали интересы народных масс в своих государствах, памятуя, что «не может быть свободен народ, угнетающий другие народы». Развертывание широкого антивоенного движения в странах Западной Европы создавало серьезные препятствия на пути осуществления империалистических планов разгрома национально-освободительного движения,

Первая половина 50-х годов — период широкого размаха и новых успехов национально-освободительного движения. Распад колониальной системы империализма продолжался неослабевающими темпами в Азии и захватил Африканский континент — последний оплот старых колониальных империй. В течение 1950—1955 гг. добились независимости Ливия, Судан, Лаос, Камбоджа, а в самом начале 1956 г. — Марокко и Тунис. Египет в результате антиимпериалистической революции 1952 г. покончил с английским господством. На протяжении первого послевоенного десятилетия из-под колониальной и полуколониальной зависимости освободилось более 1200 млн. человек. В середине 50-х годов вопрос о полной ликвидации позорной системы колониализма стал в порядок дня «как один из самых острых и злободневных вопросов»¹.

Хотя в Латинской Америке империализму США с помощью внутренней реакции удалось на какое-то время подавить освободительное движение в Гватемале и привести к власти в ряде стран диктаторские антинародные режимы, ему все же не удалось предотвратить усиление антиимпериалистической борьбы в этом районе мира.

Успехи национально-освободительного движения были достигнуты благодаря складывающемуся единому антиимпериалистическому фронту — рабочих, крестьян, городской мелкой буржуазии, национальной буржуазии и других патриотических и демократических сил. Антиимпериалистическая борьба все теснее переплеталась с борьбой трудящихся за свои классовые интересы. Хотя в большинстве молодых суверенных государств у власти стояла национальная буржуазия, рост и влияние рабочего класса становились все более важным фактором общественной жизни. Рабочий класс выступает в первых рядах борцов за осуществление прогрессивных социально-экономических мероприятий, за развитие демократии, за последовательное проведение антиимпериалистического курса во внутренней и внешней политике. В странах Азии, Африки и Латинской Америки все более широкое распространение получают идеи научного социализма.

Подъем национально-освободительного движения, являющегося составной частью мирового революционного процесса, мощной силой, выступающей против империализма, оказывает огромное влияние на расстановку классовых сил в мире, на все развитие международных отношений. Народы, уже завоевавшие политическую независимость или ведущие борьбу за свое национальное освобождение, перестали или перестают служить резервом империализма. Они выходят на мировую арену как самостоятельная сила.

¹ Н. С. Хрущев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. I, стр. 25.

Наступил предсказанный великим Лениным период активного участия народов Востока в решении судеб всего мира. При поддержке социалистических государств и всех прогрессивных сил народы, борющиеся за национальное и социальное освобождение, все чаще наносят, как показывают, в частности, события первой половины 50-х годов, поражение империалистическим державам и коалициям.

Бывшие бесправные колонии Индия и Индонезия выдвинулись в ряд великих держав. Принципиально новую роль в международной политике стали играть и такие страны, как Египет, Бирма, Цейлон, ставшие в области внешней политики на путь нейтрализма, неприсоединения к империалистическим блокам. По мере того как нейтрализм доказывал свою жизнеспособность и соответствие национальным интересам молодых суверенных государств, увеличивалось число стран, избравших его основой своей внешней политики. Формировалась группа нейтралистских государств. Эти государства не вырвались еще из капиталистической сферы хозяйства, они занимают в ней положение эксплуатируемой империализмом части мира. Цели и интересы, лежащие в основе их внешней политики, непримиримо противоположны целям и устремлениям стран империалистического лагеря.

В рассматриваемый период значительное воздействие на развитие международных отношений начал оказывать такой новый фактор, как моральная, политическая и дипломатическая поддержка молодыми государствами Азии и Африки друг друга, а также поддержка ими освободительных сил в странах, еще не сбросивших цепей колониального рабства. Движение солидарности в борьбе против колониализма распространилось на огромной территории от Джакарты и Дели до Каира и Рабата. В 1955 г. в Бандунге представители 29 стран собрались на первую в истории человечества международную конференцию государств Азии и Африки, закрепившую в своих решениях принципы национального освобождения и мирного сосуществования.

Несмотря на атаки со стороны империалистических держав, молодым суверенным государствам удалось отстоять свой независимый внешнеполитический курс. В условиях существования мировой социалистической системы впервые в истории сложилась такая обстановка, при которой не только большие, но и малые государства, только что избавившиеся от колониального господства и стремящиеся к миру, получили возможность проводить самостоятельную внешнюю политику.

Объективное совпадение интересов социалистических стран и молодых государств в борьбе против колониализма и агрессивных устремлений империализма, за сохранение и упрочение мира способствовало расширению дружественного сотрудничества между ними. Попытки империалистических держав при

помощи пропаганды антикоммунизма вбить клин между странами социализма и молодыми национальными государствами, ставшими на путь самостоятельного развития, потерпели провал. С середины 50-х годов экономические, политические и культурные связи между социалистическими странами и новыми суверенными государствами получают особенно широкий размах. Ярким проявлением симпатий широких народных масс стран Азии к Советскому Союзу, к странам социализма был теплый и радушный прием, оказанный руководящим деятелям Советского Союза во время посещения ими в 1955 г. Индии, Бирмы и Афганистана.

К середине 50-х годов на мировой арене уже определились очертания обширной зоны мира, которая стала важным фактором расстановки сил на международной арене. Социалистическое содружество, составляющее ядро этой зоны, придает ей экономическую и военную мощь, с которой не может не считаться империализм. Нейтралистские государства, поддерживая дело мира, выражают чаяния многомиллионных масс в Азии и Африке. Таким образом, успехи национально-освободительного движения, достигнутые в союзе со странами социализма, с международным рабочим классом, способствовали важнейшим изменениям в пользу мира во всей международной обстановке.

Г Л А В А VI

МОЛОДЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И ИХ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Юго-Восточная Азия явилась первым районом земного шара, где большинство новых суверенных государств пошло по пути борьбы за ликвидацию остатков колониализма, за укрепление политической независимости, мира и международной безопасности.

Именно здесь было положено начало образованию группы нейтралистских государств. В эту группу в числе первых вошли Республика Индия, Республика Индонезия, Бирманский Союз и другие освободившиеся от колониального ига страны. Именно в этой части мира родился «дух Бандунга», ознаменовавший укрепление солидарности народов Азии и Африки в борьбе против колониализма, за мир и мирное сосуществование. События в Юго-Восточной Азии продолжали развиваться в направлении, противоположном расчетам и планам империалистических держав.

В основе политики империалистических держав по отношению к странам Юго-Восточной Азии в рассматриваемый период лежали следующие цели: удержать в рамках империалистиче-

ской системы Индию и другие освободившиеся страны этого района посредством кабальных военно-политических и экономических соглашений, восстановить колониализм в новых формах в целях дальнейшей эксплуатации и ограбления народов этих стран; ликвидировать Демократическую Республику Вьетнам, разгромить национально-освободительное движение народов Вьетнама, Лаоса, Камбоджи, Малайи, Индонезии, Филиппин, используя все средства, вплоть до открытой вооруженной интервенции; создать обширную сеть военных баз, которая компенсировала бы потерю плацдарма в Китае и могла быть использована против Советского Союза, Китайской Народной Республики и Демократической Республики Вьетнам, а также против других суверенных государств Азии.

Заинтересованность империалистов в сохранении контроля над экономикой стран Юго-Восточной Азии была очень велика. Эксплуатация этих стран давала им огромные прибыли, а также ценнейшее сырье (олово, каучук и др.). Однако на первый план в политике правительств империалистических держав выдвигаются не столько задачи приобретения непосредственных экономических выгод, сколько интересы общей стратегии империализма в борьбе против сил мирового социализма и национально-освободительного движения, в соревновании двух систем на мировой арене.

В своей политике в отношении стран Юго-Восточной Азии западные державы широко применяли такие методы и формы неоколониализма, как соглашения об экономической и технической «помощи», соглашения о «военном сотрудничестве». Здесь возник военный блок колонизаторов СЕАТО¹, который также представлял собой новую форму колониализма и в который были вовлечены некоторые государства Азии.

Однако империализм далеко не достиг в Юго-Восточной Азии тех основных политических и стратегических целей, которые он преследовал. Важнейшую роль в провале планов империалистических держав сыграла политика Советского Союза и других стран социализма. Она способствовала срыву империалистических агрессивных планов и прекращению войны в Индокитае, облегчила Индии, Индонезии, Бирме борьбу против попыток империалистов навязать им колониализм в новых формах. Экономическая помощь Советского Союза и других социалистических стран новым суверенным государствам Юго-Восточной Азии становится существенным фактором их индустриализации.

¹ СЕАТО — сокращенное наименование военного блока (SEATO — South-East Asia Treaty Organization — дословно: «Организация договора Юго-Восточной Азии»). Договор о создании СЕАТО подписали 8 сентября 1954 г. США, Англия, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Пакистан, Таиланд и Филиппины в столице Филиппин Маниле (поэтому блок нередко именуют Манильским пактом). Договор был ратифицирован и вступил в силу в феврале 1955 г. (см. гл. XVI).

1. Миролюбивая политика Республики Индии

26 января 1950 г. Учредительное собрание Индии приняло новую конституцию. Индия была провозглашена суверенной республикой. Индийский народ одержал новую победу в борьбе за национальную независимость. Статус доминиона, навязанный Индии в 1947 г., был навсегда ликвидирован. И хотя правящие круги страны, вопреки требованиям народных масс, добились того, что Индия осталась в составе Британского содружества наций, перед Республикой Индии открылись широкие возможности в проведении независимой внутренней и внешней политики, в решении важнейших проблем международных отношений.

На первых общеиндийских парламентских выборах, состоявшихся в конце 1951 — начале 1952 г., победу одержала партия Индийский национальный конгресс. Правительство республики, возглавляемое выдающимся политическим деятелем Джавахарлалом Неру, приступило к созданию государственного сектора в экономике страны. В результате выполнения разработанного правительством первого пятилетнего плана (апрель 1951 г. — март 1956 г.) доля государственного сектора в промышленном производстве страны возросла с 3,2 до 7%. Особенно значительной стала роль государственного сектора в черной металлургии, тяжелом машиностроении и других ключевых отраслях промышленности. Провозглашенные правительством аграрные реформы способствовали ликвидации феодальных отношений в сельском хозяйстве. Политика неучастия в военных блоках, которую осуществляло правительство Неру, обеспечивала благоприятные внешнеполитические условия для ликвидации тяжелых последствий колониализма.

Широкие народные массы оказывали большое влияние на формирование прогрессивного, миролюбивого внешнеполитического курса и противодействовали попыткам крайне правых сил и империалистических держав заставить правительство Индии отойти от этого курса. Выросло влияние прогрессивных организаций индийских рабочих и крестьян: Всеиндийского конгресса профсоюзов и Всеиндийского крестьянского союза (Кисан Сабха). Число членов профсоюзов увеличилось с 1,3 млн. в 1947 г. до 1,6 млн. в 1956 г. Все большее значение стало приобретать индийское движение сторонников мира. Укрепились ряды Коммунистической партии Индии. На парламентских выборах компартия собрала 6 млн. голосов (6% общего числа) и заняла место главной оппозиционной партии. Коммунисты и поддерживавшие их организации получили 41 мандат в парламенте и 234 места в законодательных собраниях штатов. Компартия призывала к единству демократических сил страны и разоблачала деятельность реакционных сил: партии «Ганатантра паришад», отстаивавшей интересы феодалов, расистской шовинистической партии «Акали» и др., а также реакционных групп

пировок, имевшихся внутри правящей партии Индийский национальный конгресс.

Компартия выдвинула в этот период требования о решительной борьбе с остатками колониализма, о национализации всех английских предприятий в Индии и безвозмездной передаче помещичьей земли крестьянам, о коренном улучшении жизни и быта трудящихся, о последовательном проведении политики мира и дружбы в отношениях со всеми странами.

В числе внешнеполитических проблем, волновавших народы Азии и всего мира в начале 50-х годов, на первое место выдвинулась проблема ликвидации войны в Корее. Подход Индии к разрешению этого острейшего конфликта, грозившего перерасти в мировую войну, показал, какое значение имел тот факт, что на месте бывшей колонии английского империализма появилось новое суверенное государство, проводящее независимую и реалистическую внешнюю политику. Индия содействовала достижению мирного урегулирования в Корее¹.

Выступления широких масс населения Индии в защиту корейского народа от империалистических агрессоров способствовали разоблачению подлинных замыслов интервентов, лицемерно прикрывавшихся флагом ООН, сыграли важную роль в укреплении солидарности народных масс стран Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока в борьбе против империализма. Отражая волю многомиллионного индийского народа, правительство Дж. Неру выступило против расширения очага войны на Дальнем Востоке.

Правда, сначала в позиции Индии были известные колебания. 25 июня 1950 г. Индия, являвшаяся членом Совета Безопасности, вместе с западными державами голосовала за принятую в отсутствие представителей Советского Союза незаконную резолюцию, направленную против Корейской Народно-Демократической Республики. Индия поддержала также принятую после известного приказа президента США Трумэна резолюцию Совета Безопасности от 27 июня 1950 г. о вооруженной интервенции в Корее, рекомендовавшую членам ООН оказать помощь Южной Корее. На индийскую национальную буржуазию в это время повлияла в определенной степени империалистическая пропаганда. Но позиция Индии существенным образом отличалась от позиции империалистических держав и их сателлитов. Выступая в поддержку упомянутой резолюции от 27 июня 1950 г., индийский делегат подчеркнул: «Правительство Индии искренне надеется, что даже на данной стадии возможно положить конец военным действиям и урегулировать конфликт посредством переговоров»². В отличие от Таиланда и некоторых других стран Азии, Индия отказалась послать свои вооруженные силы в Корею.

Заявление американского президента от 27 июня 1950 г. об оккупации китайского острова Тайвань вызвало протесты индийской общественности. Представитель Индии в Совете Безопасности воздержался при голосовании резолюции от 7 июля 1950 г. о наименовании вооруженных сил интервентов в Корее «войсками ООН».

¹ См. гл. XVIII.

² «India and the United Nations. National Issues on International Organization». Report of a Study Group set by the Indian Council of World Affairs. N. Y., 1957, p. 147.

13 июля 1950 г. премьер-министр Индии направил Председателю Совета Министров СССР послание, в котором говорилось: «Цель Индии заключается в том, чтобы локализовать конфликт и содействовать быстрому мирному урегулированию путем устранения нынешнего тупика в Совете Безопасности, с тем, чтобы представитель Народного Правительства Китая мог занять свое место в Совете, СССР мог возвратиться в него и, в рамках Совета или вне Совета посредством неофициального контакта, СССР, США и Китай с помощью и при сотрудничестве других миролюбивых государств могли найти основу для прекращения конфликта и для окончательного решения корейской проблемы»¹. Аналогичное обращение было направлено правительству США.

Когда в начале октября интервенты пересекли 38-ю параллель и вторглись в Северную Корею, Индия выступила с предупреждениями против расширения конфликта². 12 декабря 1950 г. Индия вместе с двенадцатью другими странами Азии внесла на V сессии Генеральной Ассамблеи ООН проект резолюции, предлагавший создать комиссию из представителей трех стран, в том числе и Индии, для определения условий прекращения огня в Корее и подготовки рекомендаций Ассамблее. Индия предложила также начать переговоры о мирном урегулировании и в этих целях создать комитет в составе представителей СССР, КНР, Англии, Франции, США, Индии и Египта.

Индийское правительство выступило против американского предложения объявить КНР агрессором в связи с участием в военных действиях на стороне КНДР китайских добровольцев. Отстаивая линию на привлечение КНР к мирному урегулированию в Корее, Индия отказалась также поддержать предложение правительства США об объявлении эмбарго на торговлю с КНР. Она осудила принятое под давлением США большинством голосов на VI сессии Генеральной Ассамблеи решение не рассматривать вопрос о предоставлении КНР законного места в ООН (14 ноября 1951 г.)³.

Во время переговоров в Кэсоне и Паньмыньчжоне индийское правительство выдвинуло конструктивные предложения о быстрейшем достижении мирного урегулирования. В частности, когда в результате провокаций американской военщины переговоры зашли в тупик, Индия содействовала соглашению по наиболее спорному вопросу — о репатриации военнопленных комиссией нейтральных стран, которой вменялось в обязанность провести беседы с военнопленными об их репатриации⁴.

В соответствии с достигнутым 27 июля 1953 г. соглашением о перемирии в Корее Индия возглавила комиссию нейтральных стран по репатриации военнопленных и осуществляла охрану своими вооруженными силами пленных корейских солдат и китайских народных добровольцев, переданных под контроль комиссии.

Индия сыграла активную роль не только в ходе переговоров между воюющими сторонами в Корее. Ее позиция оказала отвлекающее действие на правительства некоторых стран Юго-Восточной Азии, ставших в свое время под нажимом США и других империалистических стран на сторону интервентов. По-

¹ «Внешняя политика Советского Союза. 1950 год». М., 1953, стр. 27—28.

² «India and the United Nations», p. 149.

³ «Объединенные Нации. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи. Шестая сессия. Пленарные заседания». Стенографические отчеты заседания, т. II (6 ноября 1951 г. — 5 февраля 1952 г.). Париж, стр. 156.

⁴ Такие предложения были выдвинуты индийским правительством весной и летом 1952 г., в период переговоров о перемирии, а затем в ноябре 1952 г., на VII сессии Генеральной Ассамблеи («India and the United Nations», p. 150).

зияция Индии оказывала также определенное воздействие на английские правящие круги.

Особенно возрастает активность индийской внешней политики в последующие годы. Индия, а вслед за нею Бирма, Индонезия, Цейлон и Пакистан выступили за прекращение войны в Индокитае. Хотя Индия и не являлась участником Женевского совещания, созданного в апреле 1954 г., тем не менее позиция индийского правительства и активная деятельность направленного в Женеву в качестве наблюдателя представителя Индии Кришны Менона способствовали мирному урегулированию в Индокитае.

Индийское правительство выступило сторонником солидарности народов Азии, всех народов, борющихся против колониализма, против угрозы новой войны.

С 28 апреля по 2 мая 1954 г. в Коломбо проходило совещание премьер-министров Бирмы, Индии, Индонезии, Пакистана и Цейлона. Совещание приняло решения, осуждавшие колониализм. Участники совещания высказались за запрещение ядерного оружия, прекращение его испытаний, за восстановление прав Китайской Народной Республики в ООН. Они решительно осудили войну в Индокитае и потребовали ее прекращения.

Результаты совещания в Коломбо имели положительное значение для работы проходившего в то время Женевского совещания по корейскому и индокитайскому вопросам. В частности, позиция «стран Коломбо»¹, входящих в Британское содружество наций, оказала известное воздействие на политическую линию английского правительства на Женевском совещании. Решения совещания в Коломбо содействовали усилению борьбы большинства государств Юго-Восточной Азии против сколачивания в этом районе военного империалистического блока.

Индия вместе с Индонезией, Бирмой, Цейлоном и Пакистаном явилась инициатором созыва Бандунгской конференции и сыграла большую роль в ее подготовке и успешном проведении².

Вместе с социалистическими и другими миролюбивыми странами Индия выступала за смягчение международной напряженности, за всеобщее сокращение вооружений, за запрещение атомного и водородного оружия.

По поручению индийского правительства его представитель на VIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1953 г. сделал заявление о том, что Индия выступает за безусловное запрещение атомного и водородного оружия и считает необходимым, чтобы Генеральная Ассамблея призвала великие державы отказаться от применения этого оружия. В 1954 г. правительство и

¹ Страны, принявшие участие в совещании премьер-министров в апреле — мае 1954 г. в Коломбо, стали в дальнейшем часто именовать «странами Коломбо».

² См. гл. X.

парламент Индии внесли предложение приостановить испытания атомного оружия, даже если не будет заключено соглашение о его запрещении. В 1955 г. на X сессии Генеральной Ассамблеи ООН представитель Индии выступил с критикой империалистической теории «равновесия сил», призванной оправдать гонку ядерных вооружений.

С первых лет существования Республики Индии между ней и социалистическими странами установились дружественные связи. Для индийского общественного мнения стало очевидным, что в деле борьбы за укрепление политической и экономической независимости можно твердо рассчитывать на помощь стран социализма, и прежде всего СССР.

Отношения, установившиеся между Индией и социалистическими странами, представляли собой полный контраст связям империалистических стран с Индией. В то время как империалистические круги США решили использовать продовольственные затруднения в Индии в 1950 и 1951 гг. для навязывания ей кабального соглашения, Советский Союз оказал голодающему населению Индии бескорыстную помощь поставками пшеницы и риса, не дожидаясь завершения официальных переговоров. Американские программы «помощи» были рассчитаны на закрепление зависимости индийской экономики от поставок промышленных товаров. Экономические соглашения между Советским Союзом и Индией преследовали прежде всего цель оказать помощь Индии в развитии необходимых отраслей тяжелой индустрии. 2 декабря 1953 г. между Индией и СССР было подписано первое долгосрочное торговое соглашение, по которому Индия стала получать из Советского Союза промышленное оборудование. Это означало подрыв монополии западных держав на поставки оборудования.

2 февраля 1955 г. было подписано советско-индийское соглашение о строительстве в Бхилаи крупного металлургического завода. Соглашение о строительстве металлургической базы, призванной внести важный вклад в дело индустриализации Индии, явилось ярким примером дружественного сотрудничества стран социализма с новыми суверенными государствами. Развитие такого сотрудничества способствовало ускорению ликвидации тяжелых последствий колониализма в слаборазвитых странах и ослаблению их экономической зависимости от империалистических государств, вынужденных теперь принимать известное участие в строительстве индустриальных объектов в Индии¹.

¹ После упомянутого советско-индийского соглашения английские фирмы, отказывавшие ранее Индии в помощи для создания современной металлургии, предоставили кредит на строительство металлургического завода в Дургапуре. Советско-индийское соглашение вынудило также пойти на уступки и западно-германские фирмы, принявшие участие в сооружении металлургического завода в Руркеле.

Укреплению дружбы и сотрудничества между Индией и СССР в большой мере способствовало установление личных контактов между руководящими деятелями обеих стран. В июне 1955 г. советский народ оказал теплый, сердечный прием индийскому премьер-министру Неру во время его поездки по Советскому Союзу.

В ноябре — декабре 1955 г. состоялся дружественный визит в Индию советской правительственной делегации, в составе которой находился Н. С. Хрущев. Выступления Н. С. Хрущева в защиту мира, против колониализма, за укрепление дружбы и сотрудничества между народами нашли горячий отклик у самых широких слоев населения стран Азии.

Выступая с приветствием на XX съезде Коммунистической партии Советского Союза, генеральный секретарь Коммунистической партии Индии А. Гхош отметил, что поездка советской правительственной делегации «превратилась в национальный праздник индо-советской дружбы, в котором приняли участие все классы, все партии и все слои народа. Этот праздник явился свидетельством национального единства самого широкого типа»¹. Для многих миллионов индийцев самым популярным стал лозунг «Индийцы и русские — братья!». «Простой по форме, но глубокий по своему содержанию, этот лозунг как бы подытоживал чувства индийского народа»², — говорил А. Гхош. На многочисленных митингах и манифестациях широкие народные массы Индии продемонстрировали свою готовность бороться вместе со всеми миролюбивыми силами против империалистической политики войны, против колониализма.

Во время пребывания в Индии между советской делегацией и индийским правительством состоялись переговоры, которые привели к дальнейшему развитию экономических связей между обеими странами³.

Горячий и дружеский прием, оказанный делегации Советского Союза населением стран Азии, — яркое свидетельство громадной притягательной силы ленинских идей мира и дружбы между народами, огромного воздействия на народы внешней политики социалистических стран.

Поездка советской делегации, обогащая практику международных отношений и дипломатии таким средством, как взаимные дружественные визиты руководящих деятелей социалистических государств и стран Азии, способствовала сплочению миролюбивых сил.

¹ «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. II, стр. 278—279.

² Там же, стр. 278.

³ Была, в частности, достигнута договоренность о советских поставках в Индию 1 млн. т проката черных металлов на протяжении трех лет, начиная с 1956 г., и о поставках оборудования для нефтедобывающей, горнодобывающей промышленности и других промышленных товаров,

Большое значение для упрочения мира и безопасности в Азии и для развития добрососедских отношений между Индией и Китаем имело соглашение о торговле и связях между Индией и Тибетским районом КНР, заключенное 29 апреля 1954 г. В преамбуле этого соглашения сформулированы и провозглашены пять принципов мирного сосуществования, получившие широкую известность под названием «панча шила».

Политика нейтрализма и развития дружественных отношений с социалистическими странами, осуществлявшаяся Республикой Индией, вызывала сильную тревогу и раздражение правящих кругов главных капиталистических держав. Они прилагали все усилия, чтобы столкнуть Индию с избранного ею пути, отвлечь ее от борьбы за укрепление политической и экономической независимости и тем самым предоставить империалистам возможность эксплуатировать ее громадные людские и материальные ресурсы.

Руководящие деятели империалистических стран на словах заверяли индийский народ в своей дружбе, на деле же для достижения своих целей они применяли в отношении Республики Индии всевозможные средства экономического и военнополитического давления, вплоть до грубого вмешательства в ее внутренние дела. А возможности для этого все еще имелись немалые, ибо иностранный капитал, в первую очередь английский, сохранял важные позиции в экономике Индии.

Проводившаяся правительством Индии национализация коснулась лишь некоторых отраслей или отдельных предприятий. В 1948 г. был национализирован Резервный банк, который получил право эмиссии и финансирования других банков. В 1953 г. был национализирован воздушный транспорт. В государственный сектор вошли железные дороги (они находились в руках индийского колониального государства еще до провозглашения независимости), а также ирригационные системы, ряд крупных промышленных предприятий (паровозостроительный завод, завод железнодорожных вагонов, заводы телефонной аппаратуры и металлообрабатывающих станков и др.). В 1955 г. правительство национализировало Имперский банк; на его базе был создан Государственный банк, на который была возложена задача — мобилизовать свободные денежные средства в целях развития экономики, и прежде всего промышленности.

За национализированные предприятия государство выплачивало значительную компенсацию, что, естественно, наносило ущерб финансированию программ экономического развития. Хотя доля иностранного капитала во всем капитале обществ, действующих в Индии, снизилась с 42,1 (1948 г.) до 36% (1953 г.)¹, в целом крупных сдвигов в соотношении иностранного и национального капитала в индийской экономике в период первого пятилетнего плана (1 апреля 1951 г. — 31 марта 1956 г.) не произошло.

По данным индийского правительственного меморандума 1951 г., иностранный капитал контролировал в Индии 97% нефтяной промышленности, 93% резиновой, 90% производства железнодорожного оборудования, 90% спичечной, 89% джутовой, 86% чайной, 62% угольной промышленности, 53% кау-

¹ См. Л. И. Фрей. Денежно-кредитная система и международные расчеты Республики Индии. М., 1956, стр. 43.

чуковых плантаций, 43% производства электроэнергии. За 1949—1955 гг. английские частные долгосрочные капиталовложения увеличились с 2099,5 млн. рупий до 3919,9 млн., американские увеличились со 179 млн. до 411,6 млн., западногерманские — с 3,5 млн. до 25,4 млн., японские — с 2,2 млн. до 24,6 млн. рупий¹. Таким образом, иностранные капиталовложения в Индию резко возросли: английские — почти в 2 раза, американские — более чем в 2 раза, причем доля английских вложений оставалась преобладающей (73% на 31 декабря 1949 г. и 82% на 31 декабря 1955 г.).

Сильные позиции продолжала занимать Англия и во внешней торговле Индии. Индийский импорт из Англии возрос с 1963 млн. рупий в 1950/51 г. (30,2% всего импорта) до 2566 млн. в 1955/56 г. (34,5% всего импорта); индийский экспорт в Англию за этот же период возрос с 1443 млн. рупий до 1747 млн. (соответственно 23,3 и 27,3% всего индийского экспорта)². Стоимость индийского импорта из США составляла в 1950 г. 212,5 млн. долл., в 1955 г. — 188,1 млн.; экспорт соответственно — 259 млн. и 221,4 млн. долл.

В целях быстреего проникновения в Индию и привлечения ее на свою сторону Соединенные Штаты предоставляли Индии займы и «дары», причем использовали прежде всего не частный, а государственный капитал. В 1951 г. США выделили Индии кредит для закупки пшеницы на общую сумму 903,4 млн. рупий. Кроме того, в период осуществления первого пятилетнего плана США предоставили Индии по соглашению о техническом сотрудничестве займы на 392,8 млн. рупий, безвозвратную ссуду на 1025,4 млн. рупий, а также по линии «Фонда Форда» безвозвратную ссуду на 56,1 млн. рупий. Всего США по двусторонним соглашениям предоставили Индии с 1951 г. по 31 марта 1956 г. займов и «безвозмездной помощи» на сумму 2377,4 млн. рупий (из них было использовано за этот период 1515,8 млн. рупий)³. Кроме того, Международным банком реконструкции и развития было выделено за 1949—1955 гг. 320 млн. рупий в виде займов. Такова общая сумма «помощи» Индии в указанный период, если не считать поступлений по «плану Коломбо»⁴, значительная часть которых слагалась из взносов азиатских стран, в том числе самой Индии.

Используя программы «помощи», правящие круги США стремились создать необходимые условия для экспансии американского капитала в экономику Индии. Вместе с тем они преследовали и политические цели — укрепить в самой Индии положение крупного частного капитала в противовес возникающему и растущему государственному сектору, усилить влияние мо-

¹ «Census of India's Foreign Liabilities and Assets as on 30-th June 1955». Statement 7, p. IX. 1 рупия = 0,21 долл. по курсу на октябрь 1955 г.

² «India's Balance of Payments 1948/49—1955/56». Bombay, 1957, p. 12, 76, 77. Данные охватывают частную и государственную торговлю.

³ «Reserve Bank of India Bulletin», III. 1959, p. 309—310.

⁴ Целью «плана Коломбо» было провозглашено «сотрудничество в деле экономического развития стран Южной и Восточной Азии». Проект «плана Коломбо» впервые обсуждался в январе 1950 г. в столице Цейлона — г. Коломбо на конференции министров иностранных дел стран Британской империи и стал осуществляться с 1 июля 1950 г. Он был рассчитан на 6 лет. Основная часть ассигнований (1379 млн. ф. ст. из 1868, т. е. 74%) намечалась для Индии. К 1957 г. английская безвозмездная субсидия Индии выражалась в ничтожно малой сумме — 5 млн. рупий. Основная часть английского взноса для Индии — 210 млн. ф. ст. — была выделена из индийских же стерлинговых авуаров. «План Коломбо» был задуман Англией как противовес американским программам «помощи» в Юго-Восточной Азии. Однако этот первоначальный замысел английских монополий не удался: США и некоторые другие страны, проводившие проамериканский внешнеполитический курс, стали активными участниками «плана Коломбо».

нополий на политику государства, обеспечить приход к власти правых, реакционных группировок, придерживающихся проамериканского внешнеполитического курса. По расчетам американских империалистов, Индия должна была возместить потерю Китая¹, явиться опорной базой для установления господства США над бывшими колониями Англии, Франции, Голландии, а также стратегическим плацдармом для агрессии против КНР и Советского Союза.

Американская военщина в своих планах отводила Индии роль ядра всеобъемлющего военного пакта в Азии, нацеленного против стран социалистического лагеря. Дипломатия США прилагала большие усилия, чтобы достичь указанных выше целей. Послом в Индию в 1951 г. был назначен Честер Боулс, сторонник «гибкого курса» в отношении нейтралистских стран. В мае 1953 г. Индию посетил государственный секретарь Дж. Ф. Даллес, а в ноябре 1953 г. — вице-президент США Р. Никсон.

Однако индийская общественность весьма критически отнеслась к маневрам эмиссаров Вашингтона. По стране прокатилась волна митингов и демонстраций протеста, проходивших под антиимпериалистическими лозунгами: «Мы не хотим войны!», «Долой поджигателей войны!». Индийское правительство выступило с решительным осуждением самой идеи создания военного блока в Юго-Восточной Азии.

На 59-м съезде правящей партии Индийский национальный конгресс (январь 1954 г.) был вновь подтвержден курс Индии на проведение нейтралистской внешней политики. Съезд осудил действия американского империализма по сколачиванию военных пактов в Азии. Трудящиеся классы, а также основная масса средней и мелкой буржуазии Индии и ее представители в партии Индийский национальный конгресс выступили против уступок американскому империализму. Таким образом, попытки США добиться изменения внешнеполитического курса Индии провалились.

Большую роль в разоблачении планов американского империализма сыграл III съезд Коммунистической партии Индии (январь 1954 г.). Коммунистическая партия призвала народные массы к сплочению в борьбе против попыток империалистов втянуть страну в военные блоки.

В феврале 1954 г. правящие круги США предприняли новую попытку склонить Индию к военно-политическому союзу с Западом. Д. Эйзенхауэр в письме на имя Дж. Неру предложил Индии американскую военную «помощь». Но индийское правительство отвергло это предложение.

¹ J. Ch. Kundra. *Indian Foreign Policy (1947—1954)*. N. Y., 1955, p. 99; см. также Р. Каранджия. СЕАТО—безопасность или угроза? М., 1957, стр. 15, 17.

В целях давления на Индию и Пакистан и разобщения стран Юго-Восточной Азии империалисты усиленно разжигали спровоцированный ими же конфликт между Индией и Пакистаном по вопросу о Кашмире¹.

США и Англия добились принятия в Совете Безопасности резолюции (март 1950 г.), призывавшей Индию и Пакистан вывести из Кашмира свои войска². Это решение противоречило резолюции комиссии ООН, согласно которой вначале должны были быть полностью выведены регулярные войска Пакистана и только после этого проведено сокращение индийских войск³. Уполномоченный по проведению в жизнь резолюции Совета Безопасности посредник О. Диксон (австралиец) рекомендовал разделить Кашмир на три части и две из них передать Индии и Пакистану, а третью — под управление ООН. В случае разногласий между Индией и Пакистаном предлагалось передавать спорные вопросы на арбитраж в Международный суд, где большинство принадлежало западным державам⁴.

Миссия Диксона потерпела провал. Его преемник Ф. Грэхем (американец) посоветовал ввести войска ООН в Кашмир, увеличить число наблюдателей ООН и ускорить проведение плебисцита под наблюдением американского адмирала Нимица. Ни Индия, ни Пакистан не согласились с предложением Грэхема. В свою очередь США резко высказались против требования населения Кашмира созвать Учредительное собрание, чтобы решить вопрос о статусе своей страны⁵.

Разоблачая происки американских империалистов, представитель СССР в Совете Безопасности выступил против предложения Грэхема о вводе войск ООН в Кашмир. Правительство Советского Союза исходило из того, что «кашмирский вопрос может быть успешно разрешен только путем предоставления народу Кашмира возможности самому, без вмешательства извне, решать вопрос о государственном статусе Кашмира»⁶. СССР поддержал предложение Индии о созыве в Кашмире Учредительного собрания, с тем чтобы судьба страны была определена самим населением Кашмира.

На протяжении всего 1953 г. правительство Индии прилагало усилия для разрешения спорных вопросов мирным путем. Состоявшееся в августе 1953 г. совещание премьер-министров Индии и Пакистана — Дж. Неру и Мохаммеда Али закончилось соглашением о проведении плебисцита в Кашмире для решения вопроса о его статусе. Но активное вмешательство американской военщины, заключившей военное соглашение с правительством Пакистана, поставки американского вооружения пакистанской армии, подготовка военного блока в Юго-Восточной Азии — все это вновь осложнило обстановку и мешало наметившемуся повороту к урегулированию индо-пакистанских отношений.

Саботируя мирное разрешение спора о Кашмире, американские правящие круги поставляли вооружение Пакистану и толкали пакистанскую военщину на провокации против Индии. Таким образом, имелось в виду оказать дополнительное давле-

¹ См. гл. IX 1-го тома настоящего издания.

² B. V. Govinda Raj. India and Disputes in the United Nations 1946—1954. Bombay—1959, p. 124.

³ См. В. Нухамин. Очерки внешней политики Индии. 1947—1957 гг. М., 1959, стр. 115.

⁴ «Documents on American Foreign Relations, Vol. XIII. January 1 — December 31, 1951». Edited by Raymond Denet and Katherine D. Durant. N. Y., 1953, p. 454.

⁵ Ibid., p. 455.

⁶ «Правда», 18 января 1952 г.

ние на Индию. В этих же целях США оказывали поддержку португальским колонизаторам, продолжавшим незаконно удерживать исконные индийские территории Гоа, Даман, Диу.

Население Гоа, Дамана, Диу, захваченных Португалией еще в XVI веке, вело борьбу против колонизаторов, за воссоединение с Индией. Со времени провозглашения независимости Индии эта борьба приобрела особенно широкий размах. В августе 1954 г. гоанцы провели широкую кампанию гражданского неповиновения. В апреле 1955 г. Национальный конгресс Гоа выдвинул требование ликвидировать колониальный режим. Индийский народ оказывал неизменную поддержку освободительному движению гоанцев, рассматривая его как неотъемлемую часть борьбы за достижение полной независимости Индии. В своей резолюции от 2 сентября 1955 г. Всеиндийский комитет партии Индийский национальный конгресс обратил внимание правительства Индии на репрессии португальских колонизаторов в отношении жителей Гоа и выразил надежду, что оно примет меры к освобождению Гоа¹.

2 декабря 1955 г. государственный секретарь США Даллес и министр иностранных дел Португалии Кунья подписали совместное коммюнике, которое подтверждало «права» Португалии на индийские территории Гоа, Даман, Диу². 6 декабря на пресс-конференции Даллес заявил, что США считают Гоа «португальской провинцией, какой она была в течение 400 лет». Это заявление вызвало бурю негодования в Индии. Оно показало всему миру подлинное обличье американского империализма — главного оплота колониализма и всех самых реакционных сил мира, злейшего врага национально-освободительного движения. Заявление Даллеса было осуждено всей прогрессивной мировой общественностью.

Страны социализма выступили в поддержку Индии против наглых притязаний американско-португальских колонизаторов. В своей речи на сессии Верховного Совета СССР Н. С. Хрущев заявил: «Вдумайтесь только в то, что сказал Даллес: он позволил себе открыто заявить, что индийская территория Гоа должна принадлежать Португалии потому только, что португальские завоеватели захватили ее 400 лет назад». Н. С. Хрущев подчеркнул, что совместное коммюнике Даллеса — Кунья о Гоа «является позором для цивилизованных государств»³.

Никакие средства давления — ни экономические, ни политические — не поколебали решимости Индии проводить политику нейтрализма, политику неучастия в военных блоках. Ее позиция помогла сорвать империалистические планы создания всеобъемлющего тихоокеанского военного пакта. Она оказала значительное влияние на решение большинства стран Юго-Восточной Азии отказаться от участия в Манильской конференции (сентябрь 1954 г.); посвященной созданию военного блока.

В результате проведения независимой миролюбивой внешней политики значительно вырос международный авторитет Индии. «...Индия является великой державой и ей должно при-

¹ «Indian National Congress. Resolutions on Foreign Policy 1947—1957». New Delhi, 1957, p. 43—46.

² «Documents on American Foreign Relations 1955». N. Y., 1956, p. 169.

³ Н. С. Хрущев. Речь на четвертой сессии Верховного Совета СССР четвертого созыва, стр. 13—14.

надлежать одно из первых мест в ряду великих государств мира»¹, — подчеркнул Н. С. Хрущев, выступая в 1955 г. перед депутатами индийского парламента.

2. Индонезия в борьбе за самостоятельное развитие

Начало 50-х годов ознаменовалось развертыванием общенациональной борьбы индонезийского народа против решений Гаагской конференции² и поддерживавших их сил внутренней и внешней реакции, за единую, независимую республику. Соглашения конференции круглого стола в Гааге, заключенные в конце 1949 г. правительством М. Хатта, вызвали глубокое недовольство широких масс.

Обстановка в стране характеризовалась острой борьбой между реакционными силами, с одной стороны, которые во имя установления своей власти готовы были пойти на сговор с империализмом, и прогрессивными, антиимпериалистическими силами — с другой.

Левые силы возглавлялись Коммунистической партией Индонезии, которая проводила политику союза с левым крылом национальной буржуазии и подвергала критике непоследовательность ее правого крыла в борьбе против империализма и внутренней реакции.

Большим влиянием в стране пользовалась Национальная партия, представлявшая интересы национальной буржуазии. Левое крыло партии (Састроамиджой, Сувирио, Сартоно) выступало за ликвидацию соглашений конференции круглого стола, за независимую, демократическую Индонезию. Видную роль в сплочении антиимпериалистических сил страны играл бессменный президент Индонезии с 1945 г. Ахмед Сукарно. Правое крыло Национальной партии (Вилопо, Гани и др.) проявляло склонность к соглашательству с империализмом.

В стане правых наиболее влиятельной силой была мусульманская партия Машуми, отражавшая прежде всего интересы крупных помещиков и компрадорской проимпериалистической буржуазии. Ее руководящие деятели Хатта, Натсир, Харахап, Сукиман в целях борьбы против демократических сил Индонезии шли на союз с партией правых социалистов и террористической организацией Дар-уль-ислам.

Голландские империалисты, стремясь сохранить раскол страны и восстановить колониальное иго, развернули в Индонезии широкую подрывную деятельность и с помощью реакционеров-сепаратистов организовали ряд мятежей.

Активизировались банды Дар-уль-ислама, осуществлявшие свою террористическую деятельность под лозунгом борьбы за создание в Индонезии «мусульманского государства». В январе 1950 г. голландский агент Р. Вестер-

¹ «Правда», 14 декабря 1955 г.

² См. гл. IX 1-го тома настоящего издания.

линг при поддержке заговорщиков из АПРА¹ организовал нападение на г. Бандунг. В контакте с Вестерлингом действовал султан Гамид, возглавивший другой антиправительственный заговор. При активном участии голландских офицеров вспыхнул мятеж в столице марионеточного штата Восточная Индонезия г. Макассаре. В конце апреля 1950 г. заговорщики во главе с министром юстиции штата Восточная Индонезия подняли мятеж на о-ве Амбон и провозгласили «Республику Южно-Молуккских островов».

Индонезийский народ решительно выступил против заговоров голландских колонизаторов, раскольников и сепаратистов. Мятежи были решительно подавлены, что нанесло сильный удар по противникам единства страны. Марионеточные штаты, входившие в состав республики Соединенные Штаты Индонезии, по воле народа 17 августа 1950 г. были ликвидированы и образовано унитарное государство — Республика Индонезия.

После создания республики продолжалась упорная борьба индонезийского народа за полную ликвидацию решений Гаагской конференции, за ослабление зависимости от иностранного капитала. Определенные группировки индонезийской буржуазии, некоторые государственные деятели, стоявшие у власти, и в этот период продолжали проявлять нерешительность и колебания, делали попытки сговориться с империалистами. Но реакция терпела поражения. Важные меры по укреплению суверенитета и независимости Индонезийской республики были приняты правительством, возглавлявшимся руководящим деятелем Национальной партии А. Састраамиджойо (июль 1953 г. — июль 1955 г.).

В 1950—1955 гг. были осуществлены экономические мероприятия, которые в значительной степени подорвали позиции иностранного капитала, ранее занимавшего господствующие высоты в экономике Индонезии.

По данным на 1952 г., прямые частные иностранные вложения в Индонезии составили 2100 млн. долл., в том числе голландские — 1470 млн. долл. (70%), английские — 262,5 млн. (12%), американские — 210 млн. (10%), франко-бельгийские — 105 млн. (5%)². Голландский капитал занимал господствующие позиции в плантационном производстве сахара и каучука, в морском транспорте, контролировал значительную часть добычи бокситов и почти всю добычу марганцевой руды, в значительной мере держал в своих руках кредитно-финансовую систему Индонезии. Сильные позиции в индонезийском плантационном хозяйстве занимал также английский капитал (из 711 тыс. га посевных площадей плантаций, принадлежавших иностранному капиталу, на голландский капитал приходилось 399 тыс. га, или 56%, на английский — 155 тыс. га, или 22%). Американский и англо-голландский ка-

¹ АПРА — «Вооруженные силы справедливой королевы» — одна из подпольных антигосударственных организаций в Индонезии, созданных голландскими агентами. Наряду с НИГО («Партизанская организация Нидерландской Ост-Индии»), НЗХ («Нидерланды воспрянут вновь»), «Белым орлом» и др. АПРА вела преступную подрывную деятельность против Индонезии.

² См. Г. А. Мартышева. Юго-Восточная Азия после второй мировой войны. М., 1960, стр. 109.

питал господствовать в нефтедобывающей промышленности Индонезии. Иностранные монополии подчинили себе значительную часть внешней торговли страны¹.

В 1951 г. правительство республики национализировало Яванский эмиссионный банк, затем учредило ряд национальных банков. В марте 1953 г. в собственность государства перешли оловянные рудники на о-ве Бангка, которые давали свыше 60% всей добычи руды в Индонезии, в октябре 1953 г. начата национализация электростанций. Были также национализированы нефтяные разработки на Северной Суматре. В марте 1954 г. правительство увеличило подоходный налог на переводимые за границу прибыли иностранных монополий. Были приняты решения, запрещающие иностранцам владеть рисоочистительными предприятиями, а также портовым оборудованием, транспортными и погрузочными средствами. Правительство республики решило крестьянам использовать занятые ими в ходе национально-освободительной борьбы земли иностранных плантаторов.

С первых дней своего существования Индонезийская республика начала проводить политику нейтралитета. Индонезия, так же как и Индия, решительно выступила против империалистических планов создания военного блока в Юго-Восточной Азии, отказалась войти в СЕАТО и пошла по пути сближения с другими нейтралистскими странами Юго-Восточной Азии. Она выступила как поборник солидарности народов Азии и Африки. Весьма знаменательным в этом отношении было решение, принятое в индонезийском городе Богоре в конце 1954 г. премьер-министрами Индонезии, Индии, Бирмы, Пакистана и Цейлона, о созыве конференции с участием новых суверенных государств Азии и Африки. Индонезийское правительство внесло большой вклад в созыв и успешное проведение Бандунгской конференции стран Азии и Африки в апреле 1955 г.

Борьба Индонезии за укрепление своей независимости проходила в очень сложной международной обстановке. Империалистические державы не брезгали никакими средствами, для того чтобы оказать нажим на правительство Индонезии, расколоть и подорвать силы свободолюбивого индонезийского народа. В этих целях, в частности, от Индонезии был отторгнут Западный Ириан. Голландия продолжала незаконно оккупировать эту часть Индонезии, эксплуатируя местное население и осуществляя непрерывные провокации против Индонезийской республики. Конечно, если бы голландские колонизаторы не получали поддержки со стороны американских и английских империалистов, они не рискнули бы вести себя столь агрессивно в отношении новой великой азиатской республики, которая была преисполнена решимости во что бы то ни стало отстоять свою независимость.

Факт принадлежности Западного Ириана Индонезии был неоднократно признан и подтвержден в документах и официальных заявлениях голландских государственных деятелей. К числу таких документов и заявлений

¹ См. В. Вальков. Индонезия на пути независимого развития. М., 1960, стр. 233.

относятся, например, голландская конституция 1922 г., в которой говорилось о «Нидерландской Ост-Индии»; Лингаджатское (март 1947 г.)¹ и Ренвилльское (январь 1948 г.)² соглашения; заявления голландского представителя Ван Ройена в Совете Безопасности (декабрь 1948 г.); так называемое соглашение Рума — Ван Ройена (май 1949 г.); доклад голландского правительства, представленный в ООН в 1949 г. По Гаагским соглашениям устанавливался суверенитет Индонезии над всеми территориями бывшей Голландской Ост-Индии³.

Однако сразу же после Гаагской конференции голландские колонизаторы приняли ряд мер к закреплению своего господства в Западном Ириане. На остров были посланы дополнительные вооруженные силы. Ирианцы, выступавшие за воссоединение со своей родиной — Индонезийской республикой, подвергались жестоким репрессиям. Военный губернатор Западного Ириана был наделен неограниченными полномочиями. Созданная в апреле 1950 г. на конференции «Голландско-Индонезийского Союза» смешанная голландско-индонезийская комиссия не смогла достичь соглашения о Западном Ириане из-за упорного сопротивления голландской стороны. Также безрезультатно закончилась в Гааге индонезийско-голландская конференция по вопросу о Западном Ириане (ноябрь — декабрь 1950 г.), несмотря на серьезные уступки со стороны Республики Индонезии.

19 февраля 1952 г. колонизаторы добились принятия голландским парламентом резолюции, предусматривающей поправку к статье конституции о границах Нидерландов, в состав которых теперь включался и Западный Ириан⁴. 29 октября 1952 г. последовало заявление правительства Голландии об отказе от дальнейших переговоров с Индонезией по поводу Западного Ириана.

Позиция США в индонезийско-голландском споре по вопросу о Западном Ириане диктовалась военно-стратегическими соображениями, а также стремлением сохранить постоянный рычаг давления на Индонезийскую республику. «...Америка хочет получить на этом острове (имеется в виду Западный Ириан. — *Авт.*) не только нефть и, возможно, уран, но и военно-стратегические базы. США требуют такие базы, как Моротай и Холландия»⁵, — так объясняла заинтересованность США в вопросе о Западном Ириане голландская газета «Де ваархейд». Посол США в Индонезии Кохрэн во время переговоров о Западном Ириане открыто поддерживал Голландию. На сессии возглавляемого США военного блока АНЗЮС⁶ в августе 1952 г. вопрос о Западном Ириане был подвергнут специальному обсуждению в связи с «общим аспектом обороны Тихого океана».

Поддерживая голландских колонизаторов в вопросе о Западном Ириане, правящие круги США одновременно усиливали свою экспансию в Индонезии, тесня голландский и анг-

¹ Ст. 3 Лингаджатского соглашения гласит: «Соединенные Штаты Индонезии должны включать всю территорию Голландской Индии...» (*A. M. Teylor, Indonesian Independence and the United Nations. N. Y., 1960, p. 464*).

² *Ibid.*, p. 469.

³ В ст. 2 акта о передаче суверенитета, принятого в Гааге конференцией круглого стола, говорилось, что Западный Ириан остается под временным голландским контролем, но с условием, что в течение года со дня предоставления суверенитета Республике Соединенных Штатов Индонезии вопрос о его политическом статусе будет решен путем переговоров между Республикой Соединенных Штатов Индонезии и королевством Нидерландов.

⁴ См. *Г. Кессельбреннер*. Западный Ириан — неотъемлемая часть Индонезии. М., 1958, стр. 36.

⁵ См. там же, стр. 31.

⁶ АНЗЮС — сокращенное название блока по заглавным буквам английских наименований стран-участниц — Австралии, Новой Зеландии и Соединенных Штатов (ANZUS — Australia, New Zealand, United States).

лийский капитал. С 1940 по 1956 г. удельный вес Голландии в общих иностранных инвестициях в Индонезии уменьшился с 68 до 60%; Англии — с 13 до 10%, в то время как доля США возросла с 7 до 15%¹. США пытались навязать Индонезии соглашения по различным программам «помощи», которые в конце концов поставили бы Индонезийскую республику в зависимость от американского империализма.

Бурные события развернулись в начале 1952 г., когда министр иностранных дел Индонезии Субарджо пошел на сговор с американскими империалистами за спиной индонезийского народа. От имени правительства республики он дал согласие на принятие от США помощи по «Закону о взаимном обеспечении безопасности»². В соглашении, в частности, был и пункт о Западном Ириане, отвечавший интересам США³.

Как только известие об этой антинародной сделке проникло в печать, поднялась буря протестов широких народных масс. Правые круги в правительстве настолько растерялись перед лицом могучего взрыва народного гнева, что не нашли никакого другого выхода из положения, как дать отставку Субарджо. Но эта уступка не могла спасти правительство Сукимана. Под давлением народных масс правительство партии Машуми в феврале 1952 г. было вынуждено уйти в отставку. Новое правительство сформировал представитель Национальной партии Вилопо.

Народные массы Индонезии выступали против проводимой американскими правящими кругами и реакционными силами в самой республике политики, направленной на ограничение экономических связей с социалистическими странами. Эта политика наносила большой урон как предпринимателям, так и широким массам. Только в результате навязанного Соединенными Штатами запрета на продажу Советскому Союзу и КНР индонезийского каучука Индонезия ежегодно теряла 300 млн. долл. (около $\frac{1}{3}$ всего дохода от экспорта)⁴. Давление народных масс способствовало вступлению Индонезии на путь налаживания и расширения торговли с социалистическими странами. В 1951 г. Индонезия заключила торговое соглашение с Чехословакией, в 1952 г. — с Венгрией, в 1953 г. — с Польшей и КНР, в 1954 г. — с Румынией, ГДР и Болгарией. В 1954 г. наметилось оживление экономических связей с СССР. В соот-

¹ См. В. Вальков. Индонезия на пути независимого развития, стр. 232.

² H. Feith. The Wilopo Cabinet 1952—1953. A Turning Point in Post-Revolutionary Indonesia. N. Y., 1958, p. 58—59.

³ «В силу этого соглашения, — заявил государственный секретарь США Д. Ачесон, — уже теперь можно считать Западную Новую Гвинею входящей в систему военных баз на линии Япония — Тайвань — Филиппины — Австралия» (см. Г. Кессельбреннер. Западный Ириан — неотъемлемая часть Индонезии, стр. 35).

⁴ См. Я. Н. Гузеватый. Экономика современной Индонезии. М., 1960, стр. 173.

ветствии с соглашениями, заключенными с социалистическими странами, Индонезия стала получать нужные ей машины и оборудование. Социалистические страны предоставили Индонезии также кредиты на нужды промышленного строительства.

Советский Союз неустанно разоблачал агрессивные проiski империалистов против Индонезии, выступая за восстановление мира в этой стране, за ликвидацию навязанных ей неравноправных соглашений. Правительство Советского Союза приветствовало появление на международной арене суверенного индонезийского государства, проводившего миролюбивую политику. Когда в 1954 г. правительство Индонезии поставило перед Организацией Объединенных Наций вопрос о Западном Ириане, поскольку оккупировавшая его Голландия отказалась от дальнейших переговоров, Советский Союз и другие социалистические страны поддерживали справедливые требования индонезийского народа. Советская делегация обратила внимание ООН на то, что вопрос о Западном Ириане становится «источником напряженности в этой части мира», и поддержала индонезийский проект резолюции, призывающий к разрешению вопроса о Западном Ириане путем переговоров. С поддержкой Индонезии в вопросе о Западном Ириане выступили также Индия, Бирма и некоторые другие государства.

В борьбе против происков старых и новых колонизаторов индонезийский народ имел искреннего союзника в лице СССР и других стран социализма.

«С самого начала существования независимой Индонезийской Республики между нашими странами установились отношения братской дружбы и сотрудничества, — отметил Н. С. Хрущев во время своего пребывания в Индонезии. — ...Дружба между нами основана на сходстве исторических судеб наших народов и на общности взглядов по целому ряду международных вопросов. Советский Союз и Индонезия вместе выступают за мир, за уничтожение колониализма и других форм угнетения на земном шаре, за разоружение, за запрещение ядерного оружия, несущего угрозу жизни человечества»¹.

3. Бирма на пути упрочения независимости

Борьба народа Бирмы за укрепление своей независимости протекала в исключительно тяжелых условиях. Гражданская война, развязанная в стране империалистами и силами внутренней реакции в 1948 г.², продолжалась и в 50-е годы. Она нанесла большой вред делу объединения всех освободительных сил, а также значительный ущерб народному хозяйству страны.

¹ Н. С. Хрущев. О внешней политике Советского Союза. 1960 год, т. I, М., 1961, стр. 121—122.

² См. гл. IX 1-го тома настоящего издания.

Как отмечала бирманская печать, во время гражданской войны, к концу 1955 г., было убито 60 тыс. человек, разрушено свыше 4 тыс. населенных пунктов, материальные потери оценивались в 5 млрд. кят. В результате ущерба, нанесенного хозяйству в годы второй мировой и гражданской войн, экспорт риса из Бирмы сократился с 3 млн. т (1938—1939 гг.) до 1,5 млн. т в 1955 г., вывоз древесины — с 216 тыс. т до 29 тыс. т, добыча полезных ископаемых — со 147 тыс. т до 42 тыс. т (1954 г.). Валовая продукция страны в 1954/55 г. составляла лишь 88% уровня 1938/39 г.

Всячески стремясь подорвать независимость молодого государства, империалисты пытались использовать в своих целях также вооруженное выступление каренских феодалов-сепаратистов (Нижняя Бирма), которое было организовано в 1949—1950 гг. при подстрекательстве английских колонизаторов.

Видное место в агрессивных планах империализма было отведено и гоминдановским войскам, вторгшимся в Бирму после бегства их из Китая. Части 8-й гоминдановской армии заняли северные районы Бирмы в январе 1950 г. С 1951 г. началась переброска подкреплений с о-ва Тайвань, причем в качестве основной перевалочной базы использовался Таиланд. По сообщениям бирманской печати, в начале 1952 г. число гоминдановцев в Бирме составило свыше 12 тыс. Эти войска снабжались американцами и находились фактически под командованием генералов и офицеров США.

Американские империалисты усматривали в ликвидации английского колониального режима благоприятные возможности для утверждения своего господства в Бирме и превращения ее территории, граничащей с КНР, Индией и Пакистаном, в важный военно-стратегический плацдарм.

В 1950 г. США удалось навязать бирманскому правительству соглашение об экономическом сотрудничестве (от 13 сентября) и соглашение о поставке Бирме нескольких американских судов (октябрь—ноябрь 1950 г.)¹. С 1950 по 1953 г. Бирма получила от США по соглашению о «помощи» незначительную сумму — 19,7 млн. долл.² «Помощь» использовалась Вашингтоном для давления на Бирму. США потребовали от Бирмы ввести ограничения на торговлю с Китайской Народной Республикой. Деятельность американских миссий по осуществлению программ «помощи» сопровождалась вмешательством во внутренние дела Бирмы.

Американские империалисты использовали непоследовательность и колебания некоторых влиятельных групп в правящих кругах Бирмы, склонявшихся к уступкам иностранному капиталу и опасавшихся осуществления коренных социальных реформ.

Но вместе с тем политика империалистов встречала растущее сопротивление народных масс. Коммунисты Бирмы

¹ См. «Политика США в странах Южной Азии». М., 1961, стр. 140, 148.

² См. там же, стр. 150.

выдвинули требование о прекращении гражданской войны. Они отстаивали проведение политики неучастия в агрессивных блоках и строгое соблюдение принципов национальной независимости и мирного сосуществования, полное восстановление демократических прав народа и освобождение всех политических заключенных, легализацию деятельности компартии и других подпольных политических организаций. Эти требования отвечали чаяниям народных масс и сплочению прогрессивных сил страны.

Давление демократических сил, потребности экономического развития, атмосфера национального подъема в таких крупных и значительных странах Юго-Восточной Азии, как Индия и Индонезия, толкали бирманское правительство на путь все более решительных действий в защиту суверенитета и независимости страны.

Бирма отказалась заключить с США соглашение о военной «помощи». 1 июня 1952 г. было ликвидировано Лондонское валютное управление и создан в Рангуне Центральный государственный банк Бирманского Союза, который установил новую валютно-денежную систему страны и ввел денежную единицу, не связанную с фунтом стерлингов. В октябре 1953 г. бирманское правительство упразднило преференциальные таможенные тарифы для стран Британского содружества. Была введена государственная монополия на вывоз риса — главного экспортного товара Бирмы, а также тиковой древесины, что способствовало укреплению финансово-экономического положения страны. (Экспорт рисопроductов и тика составлял 80% общего вывоза.) В 1948 г. правительство национализировало судоходную компанию «Иравади флотилиа К⁰», а в 1953 г. — «Аракан флотилиа К⁰», в результате чего речное судоходство перешло под контроль государства.

Особенно большое значение для укрепления политической независимости Бирманского Союза имело принятое бирманским правительством в 1953 г. решение о расторжении англо-бирманского договора «об обороне» от 1947 г. По этому договору английским вооруженным силам предоставлялось право в любое время вступать на бирманскую территорию, пользоваться морскими портами и аэродромами, иметь в Бирме военную миссию, оказывать «помощь» в создании бирманской армии.

Опираясь на поддержку социалистических государств и других миролюбивых стран, правительство Бирмы поставило в ООН вопрос о прекращении гоминдановской агрессии в Бирме (март 1953 г.). Бирманский представитель в ООН заявил, что гоминдановские войска оснащены американским оружием, и убедительно доказал, что целью гоминдановской агрессии является свержение законного правительства Бирмы¹.

Советский Союз, Индия, Индонезия, Пакистан, а также некоторые арабские страны выступили в поддержку Бирмы. Генеральная Ассамблея ООН приняла бирманский проект резолю-

¹ См. «Объединенные Нации. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Седьмая сессия». Первый комитет. 605-е заседание. Нью-Йорк, стр. 3, 5.

ции, резко осуждавший гоминдановскую агрессию и настаивавший на разоружении и интернировании вторгшихся в Бирму войск¹. Но лишь после того как в конце 1953 г. бирманские войска предприняли наступательные операции против гоминдановцев, последние вынуждены были начать эвакуацию. Оставшиеся же банды гоминдановцев продолжали нападать на мирные города и села Северной Бирмы. Полная ликвидация этих банд затянулась на ряд лет. Северная Бирма была полностью очищена от гоминдановских войск лишь в конце 1960 — начале 1961 г.

Бирма в своей внешней политике все решительнее становилась на путь борьбы против колониализма, за мир в Юго-Восточной Азии и все более сближалась с другими странами этого района, придерживавшимися миролюбивой нейтралистской политики.

Бирма заняла самостоятельную позицию в вопросе о заключении мирного договора с Японией². Она горячо поддержала соглашение о перемирии в Корее. Бирма, как и Индия, отказалась принять участие в учредительной конференции СЕАТО в Маниле (1954 г.) и в то же время приняла активное участие в конференции пяти азиатских стран в Коломбо и явилась одной из стран-инициаторов созыва Бандунгской конференции солидарности стран Азии и Африки.

Восстановлению экономики Бирмы, подорванной в результате японской оккупации и гражданской войны, укреплению позиций молодого государства на международной арене способствовало развитие дружественных отношений со странами социализма, заключение торговых соглашений с КНР (апрель 1954 г.), Советским Союзом (1 июля 1955 г.) и другими социалистическими государствами. Закупки социалистическими странами крупных партий бирманского риса помогли Бирме выйти из серьезных финансовых затруднений, связанных с экспансией монополистического капитала США в странах Юго-Восточной Азии и, в частности, с американским демпингом риса. Особое значение для укрепления дружественных отношений между СССР и Бирмой сыграл визит дружбы премьер-министра Бирмы У Ну в Советский Союз в октябре 1955 г. и ответная поездка советской правительственной делегации в Бирму в декабре 1955 г. Во время этих визитов были заключены соглашения о поставках в Бирму советского промышленного оборудования, о предоставлении Советским Союзом помощи Бирме

¹ См. «Объединенные Нации. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Седьмая сессия». Приложения. Нью-Йорк. Пункт 77, стр. 3.

² Бирма не участвовала в Сан-Францисской конференции по заключению мирного договора с Японией (сентябрь 1951 г.). Вместе с тем бирманское правительство проявило инициативу в достижении мирного урегулирования с Японией. В 1952 г. было ликвидировано состояние войны между обеими странами, в ноябре 1954 г. подписан мирный договор. Правительства Бирмы и Японии подписали также соглашение о репарациях и экономическом сотрудничестве.

в проведении ирригационных работ и создании промышленных предприятий, о строительстве в Рангуне силами СССР технологического института, который предоставлялся в дар бирманскому народу, и о поставках риса и некоторых других товаров бирманского производства, которые бирманское правительство в свою очередь предоставляло в дар советскому народу.

4. Вовлечение Пакистана, Таиланда и Филиппин в империалистические военные блоки

Попытки империалистов оказать воздействие на внешнеполитический курс Индии, Индонезии, Бирмы посредством военно-политического и экономического давления и, в частности, программ военной, экономической и технической «помощи» не дали желаемых результатов. Эти страны решительно стали на сторону миролюбивых антиимпериалистических сил мира. Таким образом, план создания всеобъемлющего агрессивного Тихоокеанского пакта провалился. В военный империалистический блок СЕАТО удалось вовлечь лишь Филиппины, Таиланд и Пакистан.

В отличие от Филиппин и Таиланда *Пакистан* проявлял известную самостоятельность в решении некоторых важных внешнеполитических проблем. Под давлением народных масс и прогрессивных слоев национальной буржуазии, заинтересованных в скорейшей ликвидации последствий колониализма, правительство Пакистана предприняло ряд шагов по установлению дипломатических и экономических связей с социалистическими странами. Пакистан установил и поддерживает дипломатические отношения с КНР. Пакистан участвовал в конференции в Коломбо в 1954 г., которая выступила за мирное урегулирование в Индокитае. В числе других «стран Коломбо» Пакистан явился инициатором созыва Бандунгской конференции. Тем не менее империалистическим державам удалось вовлечь эту страну как в блок СЕАТО, так и в Багдадский пакт.

Такое развитие событий в Пакистане во многом объяснялось слабостью рабочего класса и национальной буржуазии в этой стране.

Области, которые при разделе образовали Пакистан, были одними из наиболее отсталых в экономическом отношении¹. К Пакистану отошло 23% территории бывшей Британской Индии и 19% ее населения. Однако доля промышленных предприятий составила всего 9,6%, а рабочих — еще меньше. По уровню развития промышленности Пакистан оказался далеко позади ряда стран Юго-Восточной Азии. В то время как доля населения Пакистана составляла 1/10 населения стран Юго-Восточной Азии (1948 г.), его доля в промышленной продукции этого района равнялась всего 1/30².

¹ См. С. М. Ахтар. Экономика Пакистана. М., 1957, стр. 211, 212; О. Х. К. Снейт. Индия и Пакистан. М., 1957, стр. 366.

² «U. N. Statistical Yearbook, 1959». N. Y., 1959, p. 71.

С 1950 по 1955 г. промышленное производство выросло почти в 4 раза. Однако этот рост произошел главным образом за счет хлопчатобумажной и джутовой промышленности. Производство стали, хотя и выросло за это время в 2 с лишним раза, удовлетворяло потребности страны менее чем на 2%. Добыча угля удовлетворяла спрос менее чем на 12% ¹. В целом уровень промышленного производства оставался очень низким. Сельское хозяйство находилось в упадке.

Английские монополии продолжали занимать господствующие позиции во внешней торговле и в некоторых отраслях промышленности Пакистана (угольной, нефтедобывающей), хотя в целом иностранные инвестиции в Пакистане были сравнительно невелики (в 1956 г. общая сумма их составляла всего 750 млн. рупий) ². Наиболее важными орудиями подчинения пакистанской экономики Великобритании были кредитно-финансовая система, находившаяся в зависимости от английских банков, стерлинговые вложения и система имперских преференций.

В 50-е годы началось вторжение американского капитала в экономику Пакистана, которое проходило главным образом под флагом «помощи». Особенно быстро росло военно-политическое влияние американского империализма в Пакистане.

Для вовлечения Пакистана в военные блоки державы НАТО использовали его конфликты с соседними Индией и Афганистаном, искусственно созданные самими же империалистами и постоянно подогреваемые ими.

Благоприятные условия для усиления реакционных сил в Пакистане были созданы в результате спровоцированных империалистами при разделе британской Индии кровавых столкновений между индусами и мусульманами, сопровождавшихся значительными разрушениями в городах и селах и вызвавших обострение религиозной вражды. Этим самым затруднялся рост классового самосознания пролетариата, задерживалось сплочение демократических, антиимпериалистических сил.

На Филиппинах правящие круги США на протяжении десятилетий вскармливали свою агентуру в лице крупной торговой и определенной прослойки промышленной буржуазии. Вынужденное под давлением национально-освободительного движения народа Филиппин ликвидировать колониальный режим, правительство США сделало все для того, чтобы провозглашение независимости не привело к ослаблению позиций американского империализма.

Грубо вмешиваясь во внутриполитическую жизнь на Филиппинах, американское военное командование привело к власти в стране реакционную так называемую либеральную партию и ее лидера Рохаса, одного из руководи-

¹ См. А. А. Змеев. Пакистан. Экономика и внешняя торговля. М., 1956, стр. 108; Р. М. Мукиджанова. Политика США в Пакистане. М., 1961, стр. 24.

² В Индии, например, общая сумма иностранных капиталовложений в это время была в 6 с лишним раз больше — 4806 млн. рупий (см. В. Г. Растянин-ков и С. А. Кузьмин. Проблемы экономики Пакистана. М., 1958, стр. 143).

лей марионеточного правительства во время японской оккупации. Влияние противостоящей Рохасу группы Осменя, возглавлявшего партию националистов, было подорвано. Прогрессивные силы, оказывавшие поддержку этой группе, и прежде всего Демократический альянс (в него входили коммунистическая партия, Народная антияпонская армия — Хукбалахап¹, Национальный крестьянский союз, Конгресс рабочих организаций, буржуазный Союз гражданских свобод), подверглись гонениям. Особенно тяжелые репрессии обрушились на компартию и отряды Хукбалахап, вынесшие на своих плечах основную тяжесть антияпонской национально-освободительной борьбы.

Для того чтобы удержаться у власти, клика Рохаса пошла на кабальные экономические и военно-политические соглашения с США, ограничивающие суверенитет страны. Филиппины были поставлены под контроль американских советников (март 1947 г.); на территории страны были размещены 23 военные базы вооруженных сил США (1947 г.).

Американские прямые вложения капитала на Филиппинах росли. До войны они оценивались в 200 млн. долл., а в 1953 г. составили, по официальным данным, 300 млн. долл.² На деле сумма капиталовложений была выше. Монополии США подчинили себе такую важную отрасль добывающей промышленности на архипелаге, как добыча золота, а также производство коксового масла, заняли сильные позиции в производстве сахара, табачном производстве, деревообрабатывающей промышленности, в добыче медной, железной и хромовой руд, захватили в свои руки автотранспорт страны. Важным орудием эксплуатации Филиппин являлись американские кредитные и страховые компании. Особую роль играли соглашения о внешней торговле, направленные на ограбление филиппинского народа и закрепление этой страны в качестве аграрно-сырьевого придатка США. По «закону о торговле с Филиппинами» от 1946 г., торговым фирмам США предоставлялись неограниченные возможности для беспопытного ввоза их товаров на архипелаг и другие преимущества, обеспечившие им господствующее положение во внешней торговле страны: в 1951 г. доля США в экспорте Филиппин составляла 63%, в импорте — 74%.

Засилье монополий, антинациональная реакционная политика правительства вызывали растущее сопротивление народных масс. В условиях террора и ликвидации гражданских свобод, когда демократические организации были насильственно лишены представительства в филиппинском парламенте, а также своих органов печати, когда вне закона были поставлены коммунистическая партия, Хукбалахап, Национальный крестьянский союз и все большим репрессиям подвергался Конгресс рабочих организаций, компартия была снова вынуждена перейти к вооруженной форме борьбы за полное освобождение народа от ига империализма и сил внутренней реакции. Хукбалахап завоевала поддержку широких народных масс.

Введенный при поддержке американцев в состав правительства Э. Кирино на пост министра вооруженных сил Р. Магсайсай снискал признательность заокеанских хозяев жестокими карательными экспедициями против населения. Вместе с тем правительство Кирино проявило лихорадочную активность на международной арене и уже в 1950 г. выступило с проектом

¹ В 1950 г. Хукбалахап была переименована в Армию освобождения страны.

² См. Г. А. Мартышева. Юго-Восточная Азия после второй мировой войны, стр. 82, 85.

создания агрессивного Тихоокеанского пакта под эгидой США. Противодействие Индии и других нейтралистских государств сорвало осуществление этого проекта. Учитывая недовольство народа политикой правящей либеральной партии, американские империалисты с 1952 г. стали ориентироваться на оппозиционную партию националистов. Р. Магсайсай, покинувший скомпрометированную либеральную партию и возглавивший партию националистов, в 1953 г. при поддержке США занял пост президента страны.

Правительство Магсайса демагогическими обещаниями аграрных реформ стремилось перетянуть на свою сторону крестьянство. Вынужденное считаться с усилившейся национальной буржуазией страны, оно обещало также добиться для Филиппин более выгодных условий торговли с США. Однако на деле новые торговые соглашения, заключенные в 1954 г., также носили неравноправный характер. Рассеялись иллюзии и значительной массы крестьянства, рассчитывавшего получить землю в результате реформ, провозглашенных Магсайсаем. Террор и жестокие репрессии против широких масс трудящихся стали главным орудием внутренней политики филиппинского правительства. Курс на военно-политический союз с США стал главным курсом его внешней политики.

В *Таиланде*, этой полуколониальной стране, где господствовал английский и французский капитал, правящие круги США помогли прийти к власти военной группировке во главе с Луанг П. Пибунсонграмом, сотрудничавшим с японцами в период второй мировой войны. Трудные условия национально-освободительной борьбы, значительное влияние в стране компрадорской буржуазии, обогатившейся при содействии монополий США на спекулятивных поставках риса в первые послевоенные годы, и военных кругов, разрозненность тайландского пролетариата — все это помогло американскому империализму укрепить свое влияние в Таиланде.

Значительную роль в вовлечении Пакистана, Филиппин и Таиланда в империалистические военные блоки сыграла американская «помощь». Эта «помощь» была теснейшим образом связана с военно-стратегическими планами американского империализма в Юго-Восточной Азии.

«Помощь» США странам Юго-Восточной Азии и Тихого океана возросла с 670 млн. долл. в 1950 г. (14% всей суммы американской «помощи») до 1405 млн. долл. в 1955 г. (33% всей «помощи») ¹. При этом с 1948 по 1955 г. шесть новых суверенных государств, отказавшихся от участия в военных соглашениях (Индия, Индонезия, Бирма, Лаос, Камбоджа, Непал), получили в порядке экономической и технической «помощи» 222 млн. долл., а небольшая группа стран, заключивших военные соглашения (Пакистан, Таиланд, Филиппины), и клика Нго Дин Дьема (в Южном Вьетнаме) получили значи-

¹ Подсчитано по: «Statistical Abstract of the United States. 1957». Washington, p. 880—883.

тельно больше — 346 млн. долл.¹ Сравнение сумм упомянутой «помощи», приходящихся на душу населения, дает еще более разительный результат (соответственно 0,4 и 2,5 долл.).

К 1956 г. правительство США предоставило Пакистану безвозмездных субсидий в сумме 403 млн. долл. и займов на 61 млн. долл., что в общей сложности составило около 70% всей иностранной «помощи», полученной Пакистаном². Прямая и косвенная «помощь» США Филиппинам с 1945 г. по начало 1955 г. исчислялась, по заявлению президента Филиппин Магсай-сая, в 2136,2 млн. долл. На милитаризацию Таиланда США выделили в 1950—1954 гг. 160 млн. долл. Тайландская армия была почти полностью оснащена американским оружием.

Создание СЕАТО в 1954 г. резко ухудшило международную обстановку в Юго-Восточной Азии. Империалисты использовали этот агрессивный блок для ведения подрывной деятельности против социалистических и других миролюбивых стран — Индии, Индонезии, Бирмы, Цейлона, Лаоса, Камбоджи, для подавления национально-освободительного движения.

Вовлечение Пакистана в СЕАТО воспрепятствовало проведению в жизнь достигнутого ранее между Индией и Пакистаном соглашения о плебисците в Кашмире. Пакистанская военщина, снабжаемая американским оружием, стала провоцировать конфликты на индо-пакистанской границе. Индо-пакистанские отношения резко ухудшились. Обострились отношения Пакистана и с Афганистаном. Ободренные поддержкой империалистических держав, шовинистические круги Пакистана, жестоко расправлявшиеся с пуштунскими племенами, активизировали свою враждебную деятельность против Афганистана.

Таиланд и Филиппины приняли активное участие в провокациях американского империализма против миролюбивых государств Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Территория Таиланда использовалась гоминдановскими войсками как плацдарм в их агрессивных действиях против Бирмы. Ухудшились отношения Таиланда с Лаосом и Камбоджей, на границах с которыми Таиланд сконцентрировал свои войска. В период Женевского совещания по мирному урегулированию в Индокитае тайландская военщина предприняла провокации против соседних государств с явной целью сорвать Женевское совещание.

Вступление Пакистана, Таиланда и Филиппин на путь военно-политических соглашений с империалистами нанесло ущерб интересам национального развития этих стран. Они изолировали себя от основной группы новых суверенных государств и поставили под серьезную угрозу свою безопасность. Вместе с тем присоединение к блоку не устранило противоречий между этими слаборазвитыми странами и империалистическими державами, занимающими в нем командные позиции.

¹ Подсчитано по: «Operations Report», ICA. Washington, 30. VI. 1956.

² См. В. Г. Растяжников и С. А. Кузьмин. Проблемы экономики Пакистана, стр. 167, 179, 208.

Определенная часть национальной буржуазии Пакистана, Таиланда, Филиппин рассчитывала на то, что в результате военно-политических соглашений с западными державами они смогут получить больше средств на экономическое развитие. Однако эти ожидания не оправдались. Западные державы провалили предложение Пакистана на бангкокской сессии совета СЕАТО (февраль 1955 г.) о создании в рамках блока «специального экономического органа из высокопоставленных лиц» и разработке всеохватывающего экономического плана для Юго-Восточной Азии¹. Был создан лишь комитет экономических экспертов, перед которым была поставлена задача давать советы по экономическим вопросам совету уполномоченных СЕАТО². В то же время увеличались военные расходы, ложившиеся тяжелым грузом на экономику стран, вовлеченных в агрессивные блоки. Получая небольшие подачки по линии военной «помощи» и «на поддержание обороны», Пакистан, Таиланд и Филиппины вынуждены были во исполнение обязательств перед СЕАТО значительно увеличить свои собственные военные расходы.

Военные расходы Пакистана, Таиланда и Филиппин беспрерывно увеличивались на протяжении 50-х годов. С вступлением в СЕАТО они за один лишь 1955/56 финансовый год возросли: в Пакистане — с 683 млн. рупий до 821 млн., на Филиппинах — со 148 млн. песо до 166 млн. С июня 1950 г. по июнь 1956 г. США выделили Пакистану по «закону о взаимном обеспечении безопасности» 183,1 млн. долл. «на поддержание обороны». (Данные о «прямой военной помощи» не учтены, так как они не публикуются.) Одновременно сам Пакистан затратил на военные приготовления в эти годы 1,5 млрд. долл., т. е. сумму, в 8 раз превышающую упомянутую «помощь».

Военные расходы Таиланда, по официальным, заниженным данным, за этот же период составили 5272 млн. бат, превысив «помощь» по «закону о взаимном обеспечении безопасности» в 7 раз. Такое же положение сложилось на Филиппинах³.

Советский Союз, все социалистические страны неустанно разоблачали агрессивные замыслы империалистических держав, выступали в защиту национальной независимости и суверенитета стран Юго-Восточной Азии. Советский Союз неоднократно предупреждал правительства азиатских стран, ставших на путь военных соглашений с империалистами, о тяжелых последствиях их антинациональной политики. Вместе с тем Советский Союз и другие социалистические страны проявляли готовность к установлению и расширению экономических и культурных отношений с этими странами.

Г Л А В А VII

ПОДЪЕМ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

В 1950—1955 гг. бурно нарастало национально-освободительное движение в арабских странах и в Иране. Особенно важное значение имели в эти годы победа освободительной

¹ См. «Международная жизнь», 1955, № 3, стр. 125.

² «Documents on American Foreign Relations 1955». Edited by Paul E. Zinner. N. Y., 1956, p. 325.

³ Подсчитано по: «Economic Survey of Asia and the Far East 1959», United Nations. Bangkok, 1960, p. 153; «Operations Report», ICA, Washington, 30. VI. 1956, p. 60.

революции в Египте, оказавшая в дальнейшем большое влияние на развитие событий в этом районе, и провал планов империалистических держав, стремившихся создать под своей эгидой военный блок, охватывающий все или большинство стран Ближнего и Среднего Востока.

Еще после первой мировой войны у Черчилля и некоторых других лидеров британского империализма зародились проекты создания на Ближнем Востоке своего рода нового издания арабского халифата, большого вассального государства под эгидой Англии.

После второй мировой войны британским колонизаторам показалось, что наступил благоприятный момент для осуществления их замыслов. Потеря Индии еще больше укрепила решимость имперских реакционеров создать новый колониальный очаг на Ближнем Востоке. Здесь, в богатейшем нефтеносном районе мира, английские империалисты пытались воздвигнуть свой последний колониальный редут в Азии. На смену перечеркнутым жизнью замыслам создания «Великой Сирии», на смену планам использования Лиги арабских стран как рычага для новой колонизации арабских народов пришел проект Багдадского пакта. Но события рассматриваемого периода, в том числе египетская революция и мощное антиимпериалистическое движение иранского народа, поставили крест и на попытках духовных наследников Керзона и Лоуренса превратить Ближний Восток в середине XX века в колониальный заповедник Великобритании.

Американский империализм пытался использовать в своих интересах ослабление позиций Англии, но в конечном счете пробуждение народов Ближнего Востока обернулось и против колонизаторских замыслов Вашингтона. В частности, в Египте в результате революции 1952 г. к власти пришли силы, которые повели страну в последующем по пути нейтрализма и некоторых социально-экономических реформ. Это в корне противоречило политической стратегии империализма. Таким образом, уже в рассматриваемый период возникли предпосылки для того острого конфликта между народами Ближнего Востока и империализмом, который с полной силой проявился в последующие годы.

1. Провал планов вовлечения арабских стран в военно-политический союз с империалистами

Начало рассматриваемого периода было отмечено дипломатической акцией, показывавшей, что империалистические державы все еще пытаются играть роль хозяев на Ближнем Востоке. Этой акцией было выступление США, Англии и Франции с «тройственной декларацией» от 25 мая 1950 г. относительно политики на Ближнем Востоке. Декларация знаменовала собой попытку закрепить некое равновесие сил империалистических держав и их объединение в противовес силам национально-освободительного движения, а главное, обеспечить широкие возможности давления империалистических держав на арабские страны и привязать их к агрессивному военному блоку НАТО.

Проводя гонку вооружений и стремясь втянуть арабские страны в сети нового военного блока, руководители западных стран недвусмысленно дали понять как арабским государствам, так и Израилю, что оружие им поставляется и будет поставаться в первую очередь для целей глобальной антисоветской стратегии. В «тройственной декларации» «признавалась» необходимость для арабских государств и Израиля «поддерживать определенный уровень вооруженных сил с целью обеспечения их внутренней безопасности и законного права самообороны, а также для того, чтобы позволить им внести свой вклад в оборону всего района в целом. В свете этих принципов, — говорилось в декларации, — будут рассматриваться все обращения о поставках оружия и военных материалов»¹.

Заявление трех держав показало, что правящие круги США, Англии и Франции отводили средневосточным странам роль пешек в своей военной стратегии. Переходу американского империализма к актам прямой агрессии (война в Корее) сопутствовало усиление активности дипломатии США, торопившейся опутать новые страны сетями «союзных обязательств».

После вовлечения Турции и Греции в НАТО (1952 г.) предполагалось приступить к созданию всеобъемлющей военно-агрессивной группировки на Ближнем и Среднем Востоке, опирающейся на Турцию и Египет. Еще 10 ноября 1951 г. правительства США, Англии, Франции и Турции обратились к арабским государствам — Египту, Сирии, Ливану, Ираку, Саудовской Аравии, Йемену, Иордании, а также к Израилю с предложением о создании «средневосточного командования»². В части, касающейся Египта, планы «средневосточного командования» преследовали цель сохранить оккупацию зоны Суэцкого канала в несколько подновленной форме.

Планы империалистических держав по вовлечению стран Ближнего и Среднего Востока в орбиту агрессивной политики НАТО встретили упорное противодействие. На Арабском Востоке уже дули новые ветры. Характерно, что арабы остались равнодушны к пропаганде, развернутой империалистами в связи с войной в Корее. Союзник империалистов Турция послала в Корею бригаду, но ни одно другое ближневосточное государство не последовало ее примеру.

Осенью 1951 г. серьезно обострился старый англо-египетский конфликт из-за Суэцкого канала. Антиимпериалистическое движение развернулось главным образом вокруг требования эвакуации английских войск из зоны Суэцкого канала. «Аль-Гиля!» (эвакуация) — в этом лозунге воплотились стремления и чаяния египетских патриотов. Правительство и парламент Египта не могли более игнорировать эту волну антиимпериали-

¹ «The Department of State Bulletin», 5. VI. 1950, p. 886.

² «The Department of State Bulletin», 19. XI. 1951, p. 817—818.

стического возмущения. 15 октября парламент принял закон о денонсации англо-египетского договора 1936 г. и соглашения 1899 г. о «совместном» англо-египетском управлении Суданом и провозгласил Фарука королем Египта и Судана¹.

Арабские государства, в том числе и Египет, решительно отвергли план «средневосточного командования». Ввиду провала этого плана в феврале 1952 г. министр иностранных дел Пакистана Зафрулла-хан выступил с инспирированным США проектом создания «средневосточной оборонительной организации», в которую предполагалось включить все арабские страны, Израиль, Турцию, Иран, Афганистан и Пакистан. Но и этот проект был отвергнут арабскими странами.

Поддержку народам Ближнего и Среднего Востока в их борьбе против «средневосточного командования» и «средневосточной оборонительной организации» оказал Советский Союз.

Сущность империалистического проекта средневосточного командования была разоблачена в ноте Советского правительства, направленной правительствам США, Великобритании, Франции и Турции 24 ноября 1951 г. В ней говорилось, что «...планы организации так называемого средневосточного командования представляют собой не что иное, как попытку вовлечь страны Ближнего и Среднего Востока в военные мероприятия, осуществляемые агрессивным Атлантическим блоком.» Советское правительство, указывалось в ноте, «не может пройти мимо этих новых агрессивных планов, выражающихся в создании средневосточного командования в районе, расположенном недалеко от границ Советского Союза»².

Позиция Советского правительства оказала большую моральную поддержку народам Ближнего и Среднего Востока в их борьбе. Общественное мнение как в арабских, так и в других странах энергично противодействовало империалистическим планам, прогрессивные силы развернули широкую кампанию за срыв новых агрессивных комбинаций Запада.

После провала проекта «средневосточного командования» и «средневосточной оборонительной организации» империалистические державы не оставили своих попыток сколотить на Ближнем и Среднем Востоке военно-агрессивный блок. Однако им пришлось изменить свою тактику.

Весной 1953 г. новый государственный секретарь США Дж. Ф. Даллес совершил поездку по странам Ближнего и Среднего Востока. Вернувшись, он представил конгрессу 1 июня 1953 г. отчет, в котором говорилось: «Средневосточная оборонительная организация — это возможность, которая может быть реализована только в будущем. Многие арабские страны настолько поглощены своими конфликтами с Израилем, Великобританией, Францией, что обращают мало внимания на угрозу со стороны советского коммунизма»³.

¹ «Middle East Journal», 1951, vol. 6, № 1, p. 70.

² «Известия», 25 ноября 1951 г.

³ «The Department of State Bulletin», 15. VI. 1953, p. 835.

Убедившись, что шансов на создание широкой организации с участием западных держав, арабских стран, Турции и Израиля практически нет, госдепартамент пришел к выводу о необходимости нового подхода к проблеме создания военного блока на Ближнем и Среднем Востоке и выдвинул концепцию «северного яруса». Этим термином была обозначена северная группа стран Ближнего и Среднего Востока (Турция, Ирак, Иран, Афганистан, Пакистан), т. е. страны, граничащие с Советским Союзом или расположенные сравнительно близко от него. Американская дипломатия решила также отказаться от создания единого блока; вместо этого была задумана система двусторонних союзов, которые лишь впоследствии должны были слиться в одну организацию и распространить свое действие также и на «южный ярус». Как писал американский журнал «Миддл ист джорнэл», этот «новый подход», по мысли его инициаторов, давал возможность «обойти» такие внутренние ближневосточные конфликты, как арабо-израильский, позволяя втянуть в союз с Западом «исполненные подозрений арабские страны»¹.

Против новых планов империалистов арабские страны выступили так же решительно, как и в 1951—1952 гг., когда они похоронили проекты создания «средневосточного командования» и «средневосточной оборонительной организации». Арабскими странами была выдвинута идея поддержания и обеспечения своей безопасности собственными объединенными усилиями. В 1950 г. был подписан и в апреле 1952 г. вступил в силу пакт коллективной безопасности арабских стран, предусматривавший координацию военных усилий стран — членов Лиги арабских стран, а также декларирующий необходимость экономического сотрудничества². Особенно активную роль в заключении этого пакта и в противодействии англо-американским планам сыграл Египет.

Госдепартамент США первоначально возлагал немалые надежды на египетских руководителей, пришедших к власти в результате революции 1952 г. Даллес всячески пытался склонить египетское правительство к вступлению в военный союз с участием западных держав и добиться увеличения роли и влияния США в Египте.

Некоторые выступления египетских руководителей, особенно в период переговоров с Англией об эвакуации суэцкой базы, когда египетское правительство рассчитывало на поддержку США в этом вопросе, могли дать госдепартаменту основания считать, что Египет в дальнейшем пойдет в фарватере американской политики. Однако египетские руководители по мере развития событий избавлялись от иллюзий относительно американских намерений на Ближнем Востоке. Такие факты, как явное стремление США заменить под видом создания «средневосточного командования» английскую оккупацию зоны Суэцкого канала «многосторонней оккупацией» при участии США и сохранить для «западного мира» суэцкую базу, как участие США в организации разгрома национально-освободительных сил в Иране в 1953 г., как поддержка Соединенными Штатами израильских сионистских правящих кругов, способствовали пересмотру некоторых взглядов в Каире. К моменту создания Багдадского пакта³ отношение египетского руководства к нему было недвусмысленно отрицательным.

¹ «Middle East Journal», 1954, № 3, p. 261.

² «Diplomacy in the Near and Middle East», vol. II. N. Y., 1956, p. 311; см. также «Basic Documents of the League of Arab States». N. Y., 1955, p. 21—25.

³ См. гл. XVI.

«Мы использовали все аргументы, какие только могли, — пишет в своих мемуарах Иден, — чтобы удержать Насера хотя бы от критики (самого пакта), и если условия соглашения окажутся приемлемыми, принять его. Но я не думаю, чтобы нам удалось чего-нибудь добиться... Насер не был склонен идти навстречу турецко-иракской инициативе»¹.

В апреле 1955 г. Насер присутствовал на Бандунгской конференции. Участие в работе этой исторической конференции, встречи с выдающимися лидерами новой Азии — Неру, Сукарно — укрепили в руководителе правительства молодого египетского государства стремление к проведению самостоятельной политики. А такая политика была несовместима с Багдадским пактом. «Мы, — говорил впоследствии Насер, — отвергли Багдадский пакт, выступили против этого пакта потому, что не хотели, чтобы агрессия, будучи изгнанной через дверь, могла ворваться к нам через окно...»²

События, имевшие место в Египте, оказали большое влияние на борьбу патриотических сил в других арабских странах. Положение в них также отнюдь не благоприятствовало планам, вынашивавшимся в Лондоне и Вашингтоне.

1954 год ознаменовался победой патриотических освободительных сил в Сирии. 25 февраля 1954 г. в результате волнений в армии, вылившихся во всенародное восстание, была свергнута реакционная диктатура полковника А. Шишекли. Выборы, состоявшиеся 6 октября 1954 г., привели к власти коалицию в составе Национальной партии, Народной партии и партии Баас («Социалистическая партия Арабского Возрождения»); все они высказались за политику нейтрализма и неучастия в блоках. В Сирии образовался новый режим, характеризовавшийся большим удельным весом антиимпериалистических элементов.

Национально-освободительные, демократические силы проявляли все большую активность в Иордании. В 1954 г. в стране был создан Национальный фронт, требовавший отмены англо-иорданского договора 1948 г., эвакуации английских войск, аннулирования соглашения с США о «помощи» и осуществления политики нейтрализма.

Военный империалистический блок на Ближнем и Среднем Востоке удалось сколотить лишь в 1955 г. В него были вовлечены только Турция, Иран и единственная из арабских стран — Ирак.

Положение в Ираке, как и в других арабских странах, характеризовалось бурным развитием антиимпериалистического движения, продолжавшегося, несмотря на подавление восстания, вспыхнувшего в ноябре 1952 г. В ходе подготовки к выборам 1954 г. оппозиционные партии создали Национальный фронт, выдвинувший антиимпериалистические лозунги. На выборах, состоявшихся в июне, Национальный фронт провел в парламент 12 депутатов. Это было серьезным ударом по проимпериалистическим силам в Ираке, однако иракским правящим кругам с помощью террора и при поддержке английского империализма и на этот раз удалось удержаться у власти. В августе 1954 г. был распущен парламент, запрещены политические партии, закрыты все га-

¹ «The Memoirs of Sir Anthony Eden». London, 1960, p. 221.

² См. «Правда», 16 мая 1958 г.

зеты, разогнаны профсоюзы. Все прогрессивные течения были беспощадно подавлены, наступил разгул самой дикой реакции.

В январе 1955 г., собираясь втянуть страну в военный блок, иракское правительство пошло на такой ничем не вызванный шаг, как разрыв дипломатических отношений с СССР.

Созданный на Ближнем и Среднем Востоке блок был назван Багдадским. Это название отнюдь не соответствовало той роли, какую играл в нем Ирак. Главной силой блока были Англия, а также США, хотя США, учитывая настроения арабских стран, формально не стали его членом. Из числа ближневосточных стран основной опорой блока служила Турция, территория которой была покрыта американскими военными базами и превращена в военный плацдарм. Наименование нового блока Багдадским было как бы платой феодально-монархическим правителям Ирака, мечтавшим о «руководстве» арабским миром, за их предательскую, антинациональную политику и одновременно выдавало замыслы правящих кругов США и Англии постепенно вовлечь в военный союз с империализмом другие арабские страны.

Сразу же после оформления этого союза империалистические державы усилили нажим на арабские страны. Угрожающие демарши в отношении Сирии предпринимала Турция — член Багдадского блока. Империалистические державы поспешно вооружали Израиль и подстрекали его к агрессивным наскокам на арабские страны.

С начала 1955 г. участились агрессивные действия Израиля на границах с арабскими государствами. 28 февраля 1955 г. израильская армия совершила нападение на египетские войска в районе Газы. Это было самое крупное вторжение израильских вооруженных сил на арабскую территорию после 1949 г. В августе 1955 г. израильские войска вторично атаковали район Газы, а в декабре того же года совершили нападение на сирийскую территорию в районе Тибериадского озера.

Одновременно империалистические державы пустили в ход экономическое давление, значительно сократив закупки хлопка — основной статьи египетского экспорта.

Руководящим кругам Египта пришлось считаться с возможностью войны с Израилем. Однако египетская армия, оснащенная устаревшим оружием, не была подготовлена к такой войне.

Переговоры Египта с США и Англией о поставках оружия не увенчались успехом. В оплату за поставки оружия Англия потребовала, чтобы Египет отказался от выступлений против Багдадского пакта и вступил с нею в союз. Правительство США соглашалось поставлять вооружение Египту лишь при условии заключения договора «о взаимном обеспечении безопасности» и отказа Египта от продажи хлопка и других товаров странам социализма.

В прежние времена малые страны не смогли бы выдержать экономический нажим империалистических держав в сочета-

нии с военно-политическим давлением и шантажом. Однако в новых условиях этот нажим не дал тех результатов, на которые он был рассчитан. В ходе бурных событий 1955 г. еще раз подтвердилось значение существования и укрепления мировой системы социализма как фактора, обеспечивающего возможность независимого национального развития молодых суверенных государств.

Когда империалистические державы приступили к сколачиванию Багдадского блока, правительство СССР выступило с рядом заявлений и нот, предостерегавших страны Ближнего и Среднего Востока от вступления в этот блок и разоблачавших его колониалистский, агрессивный характер¹. Эти предостережения открыли глаза многим честным людям в странах Ближнего и Среднего Востока, они подействовали отрезвляюще на наиболее реально мыслящих и дальновидных политиков этих стран.

В период тревожных событий на сирийской и египетской границах было опубликовано заявление МИД СССР от 16 апреля 1955 г. В нем решительно осуждалась политика давления на Сирию, Египет, Саудовскую Аравию и Иран с целью вовлечь эти страны в агрессивный блок и указывалось, что Советский Союз не может проявлять безразличие к положению, складывающемуся в районе Ближнего и Среднего Востока. Правительство СССР, говорилось далее в заявлении, положительно отнесется к применению принципов равенства, невмешательства во внутренние дела, ненападения и отказа от посягательств на территориальную целостность других государств во взаимоотношениях между странами Ближнего и Среднего Востока и СССР и к любым шагам, направленным на укрепление национальной независимости стран Ближнего и Среднего Востока и на упрочение мира и дружественного сотрудничества между народами. «Если будет продолжаться политика нажима и угроз в отношении стран Ближнего и Среднего Востока, то этот вопрос должен быть рассмотрен в Организации Объединенных Наций»².

Социалистические страны помогли Египту поставками вооружения и сорвали организованный против него экономический бойкот, закупив египетский хлопок и рис. 27 сентября 1955 г. Насер объявил о заключении с Чехословакией соглашения о поставках Египту вооружения в обмен на хлопок и рис. Во всем мире, особенно в арабских странах, это сообщение было воспринято как событие крупнейшего политического значения. Монополии империалистов на поставку вооружения малым странам пришел конец. Ни один акт египетского правительства не являлся в глазах арабов таким ярким доказательством

¹ См. «Известия», 28 марта 1954 г., 13 октября 1955 г., 27 ноября 1955 г.

² «Известия», 17 апреля 1955 г.

независимости Египта, как это смелое и беспрецедентное решение обратиться за оружием к социалистическим странам.

В сообщении ТАСС по вопросу о покупке Египтом оружия указывалось, что «Советское правительство придерживается той позиции, что каждое государство имеет законное право заботиться о своей обороне и покупать для своих оборонительных нужд оружие у других государств на обычных коммерческих условиях, и никакое иностранное государство не имеет права в это вмешиваться и предъявлять какие-либо односторонние претензии, которые нарушали бы права или интересы других государств»¹. Это было ответом на неистовую антиегипетскую кампанию, развернувшуюся на Западе. Империалисты не могли скрыть своей злобы и разочарования: ведь они лишались еще одного — и очень важного — средства давления на малые страны.

Хорошо информированный американский автор, Г. Эллис, следующим образом описывал ситуацию, сложившуюся после закупки Египтом оружия у Чехословакии: «В глазах государственного секретаря Даллеса египетский лидер стал злодеем... Государственный департамент занялся тем, чтобы сделать положение Насера как можно более затруднительным. Правительство США старалось препятствовать Египту получать запасные части для американского оборудования и перестало снабжать его машинным маслом, которое Каир обычно покупал в Соединенных Штатах. Был момент, когда создавалась возможность «удушить голодом» египетский народ, чтобы побудить его к восстанию против Насера, и для этого предлагалось прекратить поставки американской пшеницы»².

Характерно, что после египетско-чехословацкого соглашения о поставках оружия Даллес сместил со своих постов руководителя ближневосточного отдела госдепартамента Дж. Аллена и посла в Каире Байроуда — дипломатов, считавшихся главными сторонниками курса на контакт с египетской буржуазией. Однако Соединенные Штаты были уже бессильны повернуть ход событий в свою пользу: соотношение сил в мире изменилось.

В результате вовлечения Ирака в Багдадский пакт империалистическим державам удалось расколоть арабский мир. Однако соотношение «расколотых частей» оказалось далеко не в пользу империалистов. Ирак остался в изоляции, ни одна другая арабская страна не последовала его примеру. Но и в Ираке, как показали события последующих лет, господство империализма было построено на песке. Ирак удавалось удержать в составе Багдадского пакта лишь до тех пор, пока там у власти находилась антинародная клика Нури Саида, а ее дни были уже сочтены.

Идея присоединения к инспирированным западными державами блокам и союзам не пустила корней в арабском мире и нашла поддержку лишь у части феодальной знати. Эта идея противоречила коренным устремлениям народов, главным целям национально-освободительной революции, оскорбляла нацио-

¹ «Известия», 2 октября 1955 г.

² H. Ellis. Challenge in the Middle East. N. Y., 1960, p. 96.

нальное чувство, достоинство арабов, намеренных избавиться от всякого рода «опеки» и неравноправных соглашений с Западом. К тому же даже реакционно настроенные влиятельные круги арабского мира не верили пропаганде о «советской угрозе».

Иначе обстояло дело с Ираном и Турцией. Объединенными силами империалистических держав и внутренней реакции демократическим силам в этих двух странах был нанесен сильный удар. Империалистической пропаганде, кроме того, удалось сыграть на распространенных среди части населения этих стран чувствах, связанных с давним враждебным отношением к царской России. В целом, однако, созданный империалистами блок на Ближнем Востоке оказался малоэффективным как в политическом, так и в военном отношении.

2. Антиимпериалистическая революция в Египте

Революция 1952 г. в Египте была подготовлена широким и мощным антиимпериалистическим движением, развернувшимся в послевоенный период и нараставшим с каждым днем.

В ответ на агрессивные действия Англии, которая объявила о своем непризнании денонсации договора 1936 г. и ввела 16 октября 1951 г. свои войска в города Суэц и Исмаилию, в Египте развернулась небывалая по своему размаху массовая кампания за освобождение зоны Суэцкого канала.

Грандиозные демонстрации проходили на улицах городов под лозунгами: «Англичане-осквернители, убирайтесь с нашей земли!». Началась запись в добровольческий корпус для освобождения зоны канала. Египтяне, обслуживавшие английскую военную базу, организованно покидали работу. Весь Египет охватила кампания бойкота английских товаров.

В конце 1951 г. в зоне Суэцкого канала развернулась настоящая партизанская война египетских патриотов против английских оккупантов. Несмотря на все меры, принимавшиеся английским командованием, в зону канала просачивались все новые отряды, состоявшие преимущественно из рабочих и студентов. В создании этих отрядов участвовали различные политические группы, включая коммунистов, социалистов и «Мусульманское братство». Патриоты вступали в бой с английскими солдатами, взрывали склады, автомашины, устраивали засады на дорогах. Земля горела под ногами оккупантов. Несмотря на непрерывную присылку подкреплений, английские войска не могли сломить патриотов, которым помогало все население.

К середине января 1952 г. всеобщий патриотический подъем в Египте достиг наивысшей точки. Массы требовали оружия для освободительной войны против Англии и открыто высказывали свое возмущение тем, что правительство не вводит в действие армию для освобождения зоны канала.

Клика короля Фарука со страхом наблюдала за невиданным пробуждением египетских народных масс. В воздухе пахло революцией. В этой обстановке дворцовая клика спровоцировала 26 января 1952 г. беспорядки и поджоги в Каире («черная

суббота»), свалила правительство Наххаса и нанесла удар партизанскому движению в зоне канала. Фарук стремился по сути дела ликвидировать конституционный режим, уничтожить партию и установить прямую диктатуру дворцовой клики. Однако он не успел осуществить свой замысел. Революция, предотвратив которую Фарук отчаянно пытался в течение многих месяцев, разразилась и положила конец его правлению и феодально-монархическому режиму в Египте.

Основным фактором, предопределившим неизбежность революции, был чудовищный гнет империализма и феодалов, двойной гнет, доведший Египет до состояния потрясающей нищеты. Противоречие между потребностями независимого экономического развития страны и колониально-феодальной эксплуатацией, обрекавшей Египет на отсталость, а народ — на нищету, приобрело вопиющий характер. В руках 2% землевладельцев было сосредоточено 50% земли. Из 2750 тыс. землевладельцев около 2 млн. имели менее 1 феддана¹ земли каждый, а по меньшей мере полтора миллиона сельскохозяйственных рабочих зарабатывали себе на жизнь сезонной работой. Крестьянин отдавал помещику до 70% валового урожая². Феллахи жили в глиняных лачугах без окон. Средняя продолжительность жизни феллаха составляла 27 лет, детская смертность в Египте была самой высокой в мире. 77% египтян были неграмотны.

Главной опорой режима был крупный землевладелец-помещик. Он жил в Каире или Александрии, лето проводил в Европе и «проматывал за один вечер столько, сколько хватило бы на жизнь его феллахам в течение года»³. Египет был страной ошеломляющих контрастов. Всем приезжающим сразу же бросалась в глаза невероятная разница между безысходной нищетой феллахов и трудящихся масс города и роскошью, в которой жила разложившаяся верхушка.

К 1952 г. народ окончательно убедился в том, что король, правительство и парламент не хотят предпринять что-либо реальное для улучшения его положения и избавления Египта от колониальной эксплуатации. Буржуазные партии, в том числе и партия «Вафд», некогда пользовавшаяся большой популярностью в массах, дискредитировали себя, погрязнув в бесплодном политиканстве, беспринципной демагогии и все усиливавшейся коррупции.

Не только трудящиеся массы, но и буржуазия, особенно ее средние и мелкие слои, испытывали крайнее недовольство режимом. Промышленники остро ощущали засилье иностранного капитала и сознавали, что серьезным препятствием для развития отечественной промышленности является также узость внутреннего рынка, вызванная нищетой населения. Интеллигенция испытывала горькое чувство национального унижения, видя, что Египет фактически лишен возможности проводить самостоятельную политику, играть на международной арене достойную его роль. Все слои общества были глубоко возмущены тем, что монархический режим оказался не в состоянии покончить с унижительной английской оккупацией, добиться эвакуации британских войск из зоны Суэцкого канала.

Следует отметить и еще одно важное обстоятельство: палестинская война выявила абсолютную военную неподготовленность Египта, скандальное разложение верхушки общества, прямую продажность дворцовой клики. Это привело к широкому распространению недовольства в армии. Армия, офицерский корпус которой составляли в основном выходцы из кругов мелкой городской буржуазии и зажиточного крестьянства, стала орудием революции.

¹ 1 феддан = 0,42 га.

² См. А. Ф. Султанов. Положение египетского крестьянства перед земельной реформой 1952 г. М., 1958, стр. 46.

³ А. Айру. Феллахи Египта. М., 1956, стр. 36.

В течение многих лет в египетской армии существовала тайная организация «Офицеры свободы», которую создал и возглавил Гамаль Абдель Насер. Сын сельского почтового чиновника, еще юношей участвовавший в антианглийских демонстрациях, Насер в 1952 г. был 34-летним подполковником, преподавателем тактики в военной академии. Организация «Офицеры свободы» не имела четкой программы, но видела свою задачу прежде всего в том, чтобы осуществить переворот, свергнуть Фарука и его клику и создать условия для прихода к власти правительства, способного проводить независимую и прогрессивную политику. Еще в 1951 г. члены организации «Офицеры свободы» считали, что условия для революции вряд ли созреют раньше 1957 г., но последующий ход событий, бурный подъем национально-освободительной борьбы в Египте, заставил их пересмотреть свои планы.

К тому же весной 1952 г. полиция напала на след подпольной организации и готовилась нанести ей удар. Организация «Офицеры свободы» решила действовать. Чтобы придать вес силам, выступающим против короля, надо было найти номинального руководителя, фигуру, известную в военных и деловых египетских кругах. Выбор пал на генерала Мухаммеда Нагиба; его посвятили в план переворота, и Нагиб согласился взять на себя роль официального вождя революции.

23 июля 1952 г. воинские части, возглавляемые членами организации «Офицеры свободы», совершили переворот.

Революция 1952 г. в Египте была национально-освободительной, антиимпериалистической и антифеодальной. Она была подготовлена десятилетиями борьбы египетских народных масс против империализма, начиная с восстания 1882 г., включая восстание 1919 г. и кончая партизанской войной в зоне Суэцкого канала в 1951—1952 гг. Однако в силу специфических условий, сложившихся в Египте к 1952 г. — деспотический режим, препятствовавший возникновению легальной оппозиции, разложение и коррупция буржуазных партий, слабость рабочего движения, — революция приняла форму государственного переворота, совершенного без непосредственного участия масс, узкой группой патриотически настроенного офицерства. Эта особенность революции 1952 г. наложила свой отпечаток и на характер нового режима: военная группа, сосредоточившая в своих руках всю полноту власти, декретировала сверху реформы, объективно отвечавшие интересам национальной буржуазии.

Одной из первых задач революции была ликвидация монархии. Руководящий революционный совет, номинальным главой которого стал генерал Мухаммед Нагиб, потребовал, чтобы Фарук отрекся от престола и покинул Египет. У короля не было выбора; отрекшись от престола в пользу своего малолетнего сына, он выехал в Италию. Так бесславно закончилось правление последнего короля Египта.

Прогнавший режим не имел ни малейшей опоры ни в народе, ни в армии. Народные массы приветствовали армию, совершившую переворот. Почти бескровная революция в какие-нибудь два дня одержала полную и поразительно легкую победу. Иностранные государства, убедившись в прочности нового режима, признали его.

Монархия формально еще существовала некоторое время, был даже создан регентский совет, но уже 18 июня 1953 г. Египет был провозглашен республикой. Народ с энтузиазмом встретил образование республики. Первым ее президентом стал генерал Нагиб, а с 1954 г. пост главы государства и правительства занял Гамаль Абдель Насер.

Революционное правительство упразднило все феодальные титулы, ликвидировало фамильные вакфы¹, повысило налоги на высокие доходы и крупные наследства. В январе 1953 г. была создана организация «Освобождение» — массовая организация, призванная стать политической опорой нового режима и заменить партии, которые были фактически ликвидированы после революции.

В 1954 г. разгорелась борьба между двумя политическими силами. Насер выступил за сохранение диктатуры Руководящего революционного совета в течение переходного периода и против восстановления деятельности политических партий. Политиканы, связанные с прежним режимом, требовали восстановления распущенных партий и созыва Учредительного собрания. Эту группу поддерживал Нагиб, но к концу 1954 г. он был отстранен от власти.

Революционный переворот 23 июля 1952 г. создал условия для осуществления давно назревших задач антиимпериалистической буржуазно-демократической революции. Ликвидация господства проимпериалистической феодально-бюрократической клики дала возможность развернуть борьбу за освобождение от империалистического контроля экономики и внешней политики Египта. Курс на проведение аграрной реформы, закон о которой был принят 9 сентября 1952 г., и на индустриализацию стал стержнем политики, направленной на реорганизацию и модернизацию египетской экономики.

Насер выработал программу, в которой сформулировал следующие задачи: уничтожение господства империализма; уничтожение феодализма; уничтожение контроля монополий над правительством, создание социальной справедливости; устройство здорового демократического общества; создание сильной национальной армии. Египетская революция, заявил Насер, является одновременно революцией национальной (ликвидация иностранного господства), политической (свержение монархии и образование республики) и социальной (перестройка экономической структуры)².

Однако революция 1952 г. не привела к развертыванию массового демократического движения, не предоставила народным массам возможности участвовать в осуществлении революционных преобразований. Именно этим объясняется половинчатость тех реформ, которые осуществлялись в последующие годы. Аграрная реформа, хотя она и способствовала подрыву экономической и политической мощи наиболее реакционного класса — крупных землевладельцев, была все же куцей по своему характеру: она не дала крестьянам того, что они ждали от нее. Подъем промышленности, имевший место в последующие годы, не сопровождался повышением жизненного уровня трудящихся.

В области внешнеполитической новый режим сконцентрировал основные свои усилия на избавлении Египта от английской

¹ Вакф — неотчуждаемая наследственная земельная собственность. Владелец вакфа не мог продать его или передать другому лицу. Фамильные вакфы составляли в общей сложности около 600 тыс. федданов земли.

² «The Revolution in 6 years». Cairo, 1958, p. 5.

оккупации. Без решения этой задачи нельзя было двигаться дальше.

27 июля 1954 г. было парафировано и в октябре 1954 г. вступило в силу англо-египетское соглашение, в соответствии с которым Англия должна была эвакуировать свои войска из зоны Суэцкого канала в срок, не превышающий 20 месяцев. Однако англичане оговорили «право вернуться на суэцкую базу» в случае нападения на какое-либо из государств — участников договора о коллективной безопасности арабских государств или Турции; это условие должно было оставаться в силе в течение 7 лет¹.

Англо-египетское соглашение представляло собой компромисс, который каждая сторона рассматривала как временный этап. В последующем Египет отказался от ущемлявших его суверенитет статей соглашения 1954 г. Таким образом, египетский народ в конечном итоге одержал серьезную политическую победу, добившись прекращения 70-летней британской оккупации.

12 февраля 1953 г. было подписано англо-египетское соглашение, предусматривавшее ликвидацию condominiuma и создание условий для самоопределения Судана. Выборы было намечено провести после эвакуации английских и египетских войск.

Внешнеполитические соглашения, заключенные национальным египетским правительством, были восприняты египетским народом как признак того, что страна действительно стала независимой. Люди с гордостью читали на улицах плакаты: «Подними голову, брат мой! Времена позора миновали!».

3. Международные последствия национализации нефти в Иране

Одним из наиболее значительных событий первой половины 50-х годов на Ближнем и Среднем Востоке явился подъем национально-освободительного движения в Иране и международный конфликт, возникший в связи с национализацией иранской нефти.

Иран в это время был крупнейшей нефтедобывающей страной на Ближнем и Среднем Востоке и занимал по добыче нефти четвертое место в мире. Но колоссальные природные богатства принадлежали не иранскому народу, а британской монополии АИНК (Англо-Иранская нефтяная компания), обладавшей огромной концессией на юге страны. Площадь этой концессии составляла 259 тыс. кв. км. АИНК эксплуатировала более 300 нефтяных вышек, владела огромным нефтеперерабатывающим заводом в Абадане, имела больше сотни крупных танкеров, содержала в районе концессии свой собственный полицейский и административный аппарат.

За 40 лет АИНК вывезла из Ирана около 300 млн. т нефти и около 5 млрд. долл. прибыли. Эта монополия была опорой продажного и реакционного режима, возглавлявшегося кликой богатейших помещиков и придворной бюрократии. Нищие, безземельные крестьяне, страдавшие от средневековой эксплуатации; полуголодные, ютившиеся в трущобах рабочие и ремесленники; интеллигенция, остро ощущавшая национальное унижение и лишенная возможности участвовать в управлении государством; промышленная буржуазия, не видевшая перспектив для своего развития в условиях империалистического и феодально-компрадорского засилья, — все слои общества, за исключением правящей верхушки, видели в лице АИНК непосредственный аппарат империа-

¹ Agreement between the Government of the United Kingdom and the Egyptian government regarding the Suez Canal Base 19. X. 1954. «Great Britain in Foreign Office Treaty Series» № 67 (1955).

листического господства в стране, силу, без свержения которой невозможно добиться независимости и прогресса. К началу 50-х годов Англия и ее представитель в Иране — АИНК стали в глазах иранцев главным врагом и препятствием на пути национального возрождения.

Борьбу за освобождение Ирана от гнета английского капитала возглавила буржуазно-националистическая организация Национальный фронт, руководителем которой был Мохаммед Мосаддык. В июне 1950 г. меджлис поручил Мосаддыку возглавить специальную комиссию по вопросу о нефти, и в феврале 1951 г. Мосаддык потребовал национализировать нефтяную промышленность. 15 марта меджлис вынес решение о национализации нефтяной промышленности¹, а 28 апреля Мосаддык возглавил правительство и стал энергично претворять в жизнь закон о национализации. Иранские народные массы были настроены очень решительно. На 30-тысячном митинге в Тегеране 22 мая, во время 80-тысячной демонстрации 29 мая, на 10-тысячном митинге 27 июля народные массы решительно высказались за бескомпромиссное решение вопроса, за изгнание империалистов.

Национализация иранской нефти была сильным ударом по империализму на Ближнем и Среднем Востоке. До последнего момента англичане не верили, что Иран отважится на столь решительный шаг. Как только стало ясно, что речь идет не о каком-то символическом жесте и не о возобновлении бесконечных переговоров и торгов, а об изгнании АИНК из Ирана, английские правящие круги заматались в поисках выхода из положения. Не желая отступать, но и не решаясь открыто применить вооруженную силу, Англия прибегла к политике угроз и давления.

Передав спор в Международный суд ООН, английское правительство отдало приказ всем английским танкерам покинуть Абаданский нефтяной порт, объявило эмбарго на вывоз товаров из Англии в Иран; АИНК закрыла Абаданский нефтеперерабатывающий завод. В Персидский залив прибыли английские военно-морские силы, а на территории Ирака, близ границы с Ираном, были сосредоточены английские войска.

Некоторые круги в Англии были склонны применить против Ирана военную силу. В ходе дебатов в палате общин 21 июня Иден заявил: «Эвакуация равносильна катастрофе, это была бы постыдная капитуляция перед угрозой силы»². Консерватор Прайс высказал мнение, что необходимо некоторое «грозное рычание» со стороны британского льва. В водах вблизи Абадана появился английский крейсер «Моришес», поползли слухи о возможности высадки десанта. Однако в условиях, когда все мировое общественное мнение было на стороне иранского народа, осуществившего законное право на национализацию своих природных богатств, Англия не осмелилась пойти на применение силы, тем более в Иране, граничащем с СССР. 4 октября 1951 г. английский штат АИНК покинул Иран. Предприятия АИНК и нефтепромыслы перешли к Ирану.

¹ «Middle East Journal», 1951, vol. 5, № 3, p. 353.

² «Parliamentary Debates, House of Commons». Session 1950—51, vol. 489, London, 1951, col. 752.

После эвакуации англичан борьба иранского народа против нефтяного империализма не только не закончилась, а, наоборот, вступила в еще более ответственную фазу. Перед Ираном возникла исключительно серьезная проблема: как своими силами добывать, транспортировать и сбывать нефть. АИНК объявила эту нефть «краденой» и отказалась покупать ее, предъявляя судебные иски при каждом случае закупки иранской нефти аутсайдерами, а британский военно-морской флот даже задерживал их танкеры. Бойкот облегчился тем, что в самом законе о национализации, принятом иранским меджлисом, содержалось обязательство продавать нефть только бывшим контрагентам АИНК.

Сложную дипломатическую игру вело в период иранского кризиса правительство США. В мае 1951 г. оно высказало свое «сожаление» в связи с тем, что мероприятия иранского правительства приведут к прекращению поставлений нефти на рынки «свободного мира». Президент Трумэн в письме к Мосаддыку утверждал, что Иран в случае ликвидации концессии АИНК не сможет найти достаточно специалистов и транспортных средств¹. Но это была лишь одна сторона американской позиции в англо-иранском споре: США не могли не поддержать своего главного союзника по НАТО. С другой стороны, американские монополии, в течение 30 лет ведшие упорную борьбу с англичанами за ближневосточную нефть, были крайне заинтересованы в том, чтобы проникнуть в иранскую твердыню своих британских конкурентов. С этой точки зрения ликвидация концессии АИНК их вполне устраивала. Курс США заключался в том, чтобы добиться компромисса, который дал бы их монополиям долю в иранской нефти. Поэтому американские политики давали понять Мосаддыку, что они не оставят его на произвол судьбы, если он не перешагнет рамки приемлемого для них решения, т. е. не станет доводить дело до крайности в отношениях с Англией и исключит всякую возможность сближения Ирана с Советским Союзом.

По поручению Трумэна в Тегеран прибыл А. Гарриман, выработавший компромиссную формулу: Иран должен был согласиться на переговоры с Англией, а последняя признать принцип национализации. Тем временем Международный суд объявил (5 июля 1951 г.) свое решение, по которому АИНК должна была продолжать свою деятельность под контролем наблюдательного совета, где были бы поровну представлены обе стороны, при нейтральном председателе. Иран отказался принять это явно проанглийское решение. 4 августа английский лорд-хранитель печати Стокс прибыл в Тегеран для переговоров; иранская сторона выразила согласие со следующими тремя пунктами «формулы Гарримана»: компенсация АИНК, использование иностранных экспертов, продажа нефти прежним потребителям².

В конце 1951 г. иранское правительство заявило, что в случае продолжения бойкота со стороны традиционных покупателей оно будет считать себя вправе продавать нефть любому покупателю, и подписало с СССР, Чехословакией и Венгрией временные торговые соглашения, в том числе и о поставках нефти. Но как только США пригрозили прекратить оказание Ирану помощи, правительство Мосаддыка отказалось от реализации этих соглашений.

Действуя в интересах американских монополий, Международный банк реконструкции и развития предложил Ирану свои услуги в управлении иранской нефтяной промышленностью. Летом 1952 г. Трумэн и Черчилль обещали Ирану немедленную безвозмездную помощь в размере 10 млн. долл.; эту сумму должны были выделить США при условии, что Иран согласится на предложение Международного банка.

¹ «The Department of State Bulletin», 28. V. 1951, p. 851.

² См. М. С. Иванов. Очерк истории Ирана. М., 1952, стр. 245—252.

Тогда же американские империалисты попытались привести к власти своего ставленника Кавама-эс-Салтане. Однако, пробыв у власти всего 5 дней, Кавам вынужден был бежать из Тегерана после грандиозной всеобщей забастовки 21 июля 1952 г. Шах вновь назначил премьером Мосаддыка.

В октябре 1952 г. правительство Мосаддыка сделало еще один смелый шаг: в ответ на враждебные действия английских правящих кругов оно порвало дипломатические отношения с Англией. Однако политика Мосаддыка не была последовательной. Стремясь добиться ликвидации зависимости Ирана от империалистических монополий, он в то же время страшился решительно стать на тот единственный путь, который мог привести его к желанной цели. Мосаддык не выступил против главной опоры империализма — помещичьей верхушки, не тронул реакцию, которая готовилась к отпору. Он боялся опереться на демократические силы. Мосаддык не решился начать торговлю нефтью с социалистическими странами, что в какой-то мере облегчило бы положение Ирана. Он был вынужден провозгласить лозунг «экономика без нефти», но этот курс лишь до предела усложнил экономическое положение страны, что, естественно, вызывало недовольство народа. Все это облегчило американской и английской агентуре подготовку и осуществление реакционного переворота в августе 1953 г.

После нескольких бурных дней верх одержала армия, оказавшаяся в решающий момент в руках реакционных офицеров. Она поддержала шаха, открыто выступившего против Мосаддыка. 19 августа власть перешла в руки нового премьер-министра генерала Ф. Захеда. Мосаддык был арестован.

В подготовке и организации переворота ведущую роль сыграл руководитель американской агентуры в Иране полковник Шварцкопф. Спустя две недели после реакционного переворота Белый дом объявил о предоставлении Ирану безвозмездной помощи на сумму 45 млн. долл.¹, а через месяц в Тегеран прибыл советник государственного секретаря США Г. Гувер-младший для переговоров о судьбе иранской нефти.

Конфликт вокруг вопроса об иранской нефти обнажил межимпериалистические противоречия. Нелояльные по отношению к английскому союзнику маневры США, несомненно, нанесли Англии дополнительный ущерб. Вместе с тем, однако, проявилась и классовая солидарность правящих кругов США и Англии, и народу Ирана пришлось в конечном итоге противостоять объединенному натиску колонизаторов.

Новое иранское правительство Захеда капитулировало перед нефтяным империализмом. 10 апреля 1954 г. было заключено соглашение об образовании Международного консорциума для разработки иранских нефтяных месторождений². Консорциум обязался выплачивать в качестве компенсации АИНК, переименованной в «Бритиш петролеум», 400 млн. долл. «Бритиш петролеум» получила 40% акций в консорциуме, англо-голланд-

¹ «The Department of State Bulletin», 14. IX. 1953, p. 350.

² См. «Международная жизнь», 1955, № 7, стр. 148—159.

ская «Ройял датч Шелл» — 14%, американская «большая пятка» — 40% и «Компани франсэз де петроль» — 6%.

Таким образом, иранские события привели к значительному усилению американских нефтяных монополий за счет британских. Если прибавить к этому военные соглашения и большое политическое влияние, которым США уже пользовались в Иране, можно констатировать, что в середине 50-х гг. зависимость Ирана от Соединенных Штатов стала одним из существенных факторов его внешней и внутренней политики.

Борьба иранского народа за освобождение от империалистической зависимости потерпела в 1953 г. неудачу. Однако смелые действия иранских патриотов в 1951—1953 гг. произвели огромное впечатление на весь мир, непоправимо подорвали престиж Англии в глазах всей Азии и вошли в историю как яркая страница борьбы народов против империалистических эксплуататоров.

Они оказали также свое влияние на дальнейшее развитие событий на Ближнем и Среднем Востоке. В других ближневосточных странах из иранского кризиса были извлечены уроки. После 1951 г. нефтепроизводящие арабские страны добились от нефтяных монополий пересмотра в свою пользу соглашений об отчислениях от доходов — за основу повсюду был взят принцип 50 : 50.

Важнейший урок иранского кризиса заключается в следующем: в нашу эпоху зависимая страна, борясь за освобождение от империалистического гнета, вполне может рассчитывать на успех, но закрепить свою независимость может лишь при условии проведения политики сотрудничества с мировой системой социализма, опоры на нее. Мосаддык пытался бороться в одиночку и потерпел поражение. Печальный опыт Ирана учли другие, в частности египетские руководители, которые добились победы в борьбе против империализма, идя по пути укрепления и развития сотрудничества со странами социализма и с молодыми независимыми государствами.

Г Л А В А VIII

НАЧАЛО РАСПАДА КОЛОНИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ НА АФРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ

1. Африка в планах империалистических колонизаторов

В первой половине 50-х годов процесс распада колониальной системы империализма охватил и Африканский континент. Африканским народам удалось прорвать в нескольких местах цепь колониального рабства. В январе 1952 г. завоевала независи-

мость Ливия, в июле того же года произошла революция в Египте, а в начале 1956 г. на политической карте континента появилось еще три новых независимых государства — Судан, Марокко и Тунис.

Освобождение африканских народов от империалистического гнета не случайно началось именно в этот период. Изменение в соотношении сил на мировой арене в пользу социализма создавало благоприятные международные условия для борьбы народов Африки за свою национальную независимость. Большую роль сыграла также победа национально-освободительных революций в большинстве стран Азии.

Успешная борьба арабских народов на Ближнем Востоке не могла не оказывать своего влияния на арабские народы Магриба: Марокко, Алжира, Туниса. Революция в Египте помогла и народу Судана освободиться от колониального господства. В борьбе против колониального гнета африканские народы могли опереться на возрастающую поддержку великого социалистического содружества и дружественных свободолюбивых народов Азии.

Империалистическая политика в Африке вступила в полосу острого кризиса. Колонизаторам не давала желаемых результатов ни тактика обманных реформ, лавирования и частичных уступок, ни десятилетиями практиковавшаяся политика «разделяй и властвуй». В развернувшихся битвах за национальное освобождение африканские народы брали верх над силами колонизаторов. Национально-освободительное движение в Африке все прочнее захватывало инициативу в свои руки. Начавшийся процесс ликвидации колониальных режимов с каждым годом ускорялся.

Африка приобретала все большее значение в мировой экономике и политике. Возрастающее влияние на характер и развитие международных отношений оказывало национально-освободительное движение в Африке, получившее в эти годы сильный толчок. Африканские страны, сбросившие колониальное иго, из объекта империалистической политики превращались в самостоятельный фактор международной жизни.

В то же время Африка заняла важное место в планах империалистических держав. Потерпев поражение в Азии, они рассчитывали закрепиться на Африканском континенте, сохранить его в качестве колониального тыла НАТО, использовать территорию и ресурсы Африки в осуществлении агрессивных планов, направленных против стран социализма и национально-освободительного движения.

В начале 50-х годов политика империализма в Африке стала претерпевать известные изменения. Развитие национально-освободительного движения поколебало уверенность колонизаторов в том, что им удастся оградить «Черный континент» от революционно-освободительной бури, бушевавшей в Азии.

Правящие круги колониальных держав, в первые послевоенные годы не желавшие даже слышать о предоставлении национальной независимости африканским народам, теперь были вынуждены считаться с такой возможностью и вносить определенные коррективы в свою колониальную политику. Американский профессор С. Поссонни следующим образом сформулировал цели политики империалистических держав: «Правильный курс для Запада — это не отступление и не уход, а выработка приемлемых решений для того, чтобы остаться...»¹

В первой половине 50-х годов гораздо более значительную, чем ранее, роль в международных отношениях на Африканском континенте стали играть страны, расположенные южнее Сахары. Это явилось следствием как роста национально-освободительного движения в этом районе, так и более пристального к нему внимания со стороны империалистических держав.

Империалисты стремились расширить свою классовую опору в странах тропической Африки, подготовить там такие социальные силы, которые на случай провозглашения независимости проводили бы политику, угодную правящей верхушке бывшей метрополии. Не отказываясь от союза с феодальной верхушкой и вождями племен, колониальные власти в то же время старались привлечь на свою сторону зарождавшуюся африканскую буржуазию, связав ее деятельность с интересами иностранного капитала и допустив ее представителей — в определенных пределах и под своим контролем — к управлению страной. Эта политика в большей мере была характерна для английского империализма. Французский же империализм основную ставку в тот период делал на военное подавление национально-освободительного движения в Африке, на сохранение своей африканской колониальной империи прежде всего путем применения силы.

Поддерживая политику европейских держав, направленную на сохранение колониального господства в Африке, американский империализм одновременно стремился извлечь максимальные выгоды из их затруднений. Он проводил курс на завоевание и укрепление своего лидерства в определении и осуществлении колониальной политики. Активизация в начале 50-х годов американской дипломатии в странах Африки была прямо связана с резким усилением реакционного курса правящих кругов США на развертывание «холодной войны», на гонку вооружений, на создание и укрепление военно-политических блоков, направленных против Советского Союза, всего социалистического лагеря и национально-освободительного движения. В осуществлении этого курса Африканскому континенту отводилось важное место.

В рассматриваемый период США форсировали строительство военных баз в различных районах Африки. В 1950 г. они добились согласия французских правящих кругов на создание пяти крупных военно-воздушных баз в Ма-

¹ Цит. по кн.: Е. Д. Модржинская. Идеология современного колониализма. М., 1961, стр. 90.

рокок. Внимание американской военщины привлекал также ряд стратегически важных пунктов, расположенных в других североафриканских странах.

В целях согласования военных мероприятий колониальные державы с участием США провели в Африке ряд конференций. В частности, в августе 1951 г. состоялась военная конференция в Найроби (Кения), а в марте 1954 г. — в Дакаре (Сенегал).

Одновременно значительно усилилось экономическое проникновение США в Африку. За рассматриваемое пятилетие объем их торговли с африканскими странами увеличился с 838 млн. до 1207 млн. долл. Возросли американские капиталовложения в экономику стран континента. В 1955 г. только прямые частные инвестиции достигли 774 млн. долл. против 352 млн. в 1950 г. За то же время более чем в 2 раза возросли прибыли американских монополий от эксплуатации народов Африки, составив в 1955 г. 129 млн. долл.¹

Наступление американского империализма на позиции европейских колониальных держав в Африке вызывало растущее недовольство последних, влекло за собой обострение межимпериалистических противоречий в этом районе. Остроту борьбы усиливала возобновившаяся в 50-х годах экспансия в Африку западногерманского империализма.

Уже в 1951 г. Западная Германия превысила довоенный уровень своего экспорта в Африку. В течение последующих пяти лет западногерманский вывоз в страны Африканского континента вырос в 2,3 раза, а ввоз в ФРГ — в 1,7 раза². Примерно с 1952 г. в Африку устремились западногерманские промышленные монополии.

Осуществляя свой экспансионистский курс, боннские правящие круги спекулировали на том, что у Западной Германии нет колоний; они даже пытались выступать под маской друзей народов Африки и противников колониализма. Об истинных целях этого «антиколониализма» откровенно высказался один из крупнейших промышленных магнатов Западной Германии — Шахт, который призвал «восстановить в новой форме германскую колониальную империю»³. Солидаризируясь со своими империалистическими партнерами по эксплуатации и угнетению африканских народов, Западная Германия провозгласила целью своей политики в Африке борьбу против «распространения коммунизма». В ежегодном докладе «Африканского союза» (объединение торгово-промышленных и банковских кругов в Гамбурге) за 1957 г. говорилось, что «все представленные на Африканском континенте так называемые колониальные державы — наши друзья и союзники во всемирной схватке между коммунизмом и свободным миром»⁴.

Однако лозунг антикоммунизма не мог вызвать симпатии у африканских народов. Многострадальные народы Африки на собственном опыте убеждались в том, что не коммунизм выступает против ликвидации колониального режима и их национального освобождения, а «друзья и союзники» западногерманского империализма и сам западногерманский колониализм. Выражая мнение африканцев, нигерийская газета «Вест Африкэн пайлот» писала 30 июня 1953 г.: «У нас есть все причины быть благодарными коммунистам за их живую заинтересованность в судьбе колониальных народов и за их постоянное обличение империализма. А так называемым «свободным» странам остается убедить нас в том, что они больше коммунистов заинтересованы в улучшении нашего положения, ибо в таких вопросах мы больше верим делам, чем словам».

¹ См. У. Э. Хантон. Судьбы Африки. М., 1959, стр. 195, 197.

² См. Я. Этингер. Бонн рвется в Африку. М., 1960, стр. 39.

³ «Deutsche Aussenpolitik», 1956, № 3, S. 257.

⁴ Цит. по кн.: Я. Этингер. Бонн рвется в Африку, стр. 23.

В то время как империалисты придерживались политики, направленной на сохранение колониального господства в Африке, на сохранение ее в орбите мирового капитализма, Советский Союз продолжал активную борьбу против порабощения африканских народов, оказывал им поддержку в стремлении завоевать свободу и национальную независимость. Именно поэтому еще в те годы, когда большинство африканских стран не обрели независимость, африканские патриоты выступали за установление широких связей и сотрудничества с Советским Союзом, видя в этом верный путь к самостоятельному национальному развитию и прогрессу.

2. Отпадение первых африканских стран от колониальной системы империализма

Главным итогом национально-освободительного движения в Африке в рассматриваемый период были антиимпериалистическая революция в Египте и завоевание государственной независимости Ливией, Суданом, Марокко и Тунисом. Освобождение этих стран перечеркнуло пророчества буржуазных политиков, которые еще совсем недавно самоуверенно утверждали, что независимость африканских стран — дело далекого будущего. В 1946 г. английский генерал-губернатор в Судане Хадлстон вешал: «Через 20 лет суданцы будут управлять своей страной с помощью иностранных советников»¹. «Слово «независимость», — угрожающе заявлял генеральный резидент Франции в Марокко Пюо, — должно быть вычеркнуто из лексикона и вырвано из сердец»².

Перспектива, которую сулили империалисты, не устраивала африканские народы. Слово «независимость» все более утверждалось в лексиконе антиимпериалистического движения в Африке.

Освобождение пяти африканских стран было поражением империализма в целом, и прежде всего крупнейших колониальных держав — Англии и Франции. Египет и Судан пробили первую брешь в английской колониальной империи в Африке. Марокко и Тунис явились первыми африканскими владениями Франции, вырвавшимися на дорогу самостоятельного национального развития. Провозглашение независимости Ливии нанесло удар по планам итальянских империалистов, мечтавших восстановить свое влияние в африканских странах, бывших колониями Италии до второй мировой войны.

К 1956 г. семь независимых африканских стран, включая Эфиопию и Либерию, занимали 22% территории и их население

¹ Цит. по кн.: Б. Бекназар-Юзбашев. Страна Белого и Голубого Нила. М., 1956, стр. 63.

² Цит. по кн.: Ch. André Julien. L'Afrique du Nord en marche. Paris, 1952, p. 345.

составляло 30,8% населения всей Африки (7,1 млн. кв. км, 69,5 млн. человек)¹.

Победа освободившихся африканских стран над империализмом дала толчок развитию национально-освободительного движения в других частях Африки, укрепила решимость африканских народов, еще находившихся под гнетом империализма, покончить с колониальными порядками, ускорила распад колониальной системы империализма на континенте.

Разными путями пришли к независимости народы пяти освободившихся африканских стран.

Хотя вопрос о предоставлении национальной независимости *Ливии* был формально решен в ООН, основную роль в срыве попыток империалистических держав увековечить колониальный режим в Ливии сыграло стремление ливийского народа к независимости, поддержанное Советским Союзом. В соответствии с резолюцией ООН Ливия обрела независимость 1 января 1952 г.

Борьба *Судана* против английского империализма была тесно связана с национально-освободительным движением египетского народа. Июльская революция и предшествовавшие ей бурные события в Египте — денонсирование египетским парламентом неравноправного договора 1936 г. о «союзе» с Англией и англо-египетского соглашения о кондоминиуме над Суданом — оказали сильное влияние на развитие национально-освободительного движения суданского народа.

Крупным успехом совместной борьбы народов Судана и Египта против господства английского империализма было подписание в феврале 1953 г. англо-египетского соглашения о Судане. Оно предусматривало трехлетний «переходный период», по истечении которого избранный под международным наблюдением суданский парламент должен был решить вопрос о самоопределении Судана. Одновременно должна была осуществляться замена иностранных специалистов национальными кадрами в государственном аппарате, армии и полиции Судана.

Эти события положили начало решающей фазе борьбы суданцев против английского господства.

В стране быстро нарастала политическая активность широких слоев населения. В декабре 1952 г. на базе нескольких буржуазно-националистических партий и групп была создана национально-юнионистская партия, ставшая самой крупной и самой влиятельной политической организацией страны. Возникло также несколько других партий, активизировалась деятельность старых суданских партий.

Состоявшиеся в 1953 г. выборы принесли успех национально-юнионистской партии, получившей большинство мест в парламенте. В начале 1954 г. было сформировано первое национальное правительство Судана, которое взяло курс на ликвидацию английского господства в стране и провозглашение независимости.

¹ «Demographic Year book», 1958, p. 86.

Политическая ситуация, предшествовавшая окончанию кондоминиума, отличалась большой сложностью. Часть политических сил, представленная главным образом партией «Умма», стремилась сохранить тесные отношения с Англией. Национально-юнионистская партия связывала свои надежды на создание независимого государства главным образом с осуществлением политики тесного сотрудничества с египетским национально-освободительным движением. Американская агентура старалась использовать стремление суданцев к освобождению от английского господства для того, чтобы создать послушную США группу руководящих политических деятелей. Одновременно на юге страны развивалось сепаратистское движение племен, подстрекаемое английскими агентами.

Стремясь продлить свое господство в Судане, английские колониальные власти стали тормозить создание национальных суданских органов, препятствовать их работе. Чтобы дезорганизовать внутреннюю жизнь страны и тем самым доказать «неподготовленность» суданцев к управлению ею, они начали организовывать заговоры. В августе 1955 г. им удалось спровоцировать мятеж одной из воинских частей. Однако все попытки английских империалистов предотвратить неминуемо надвигавшийся крах колониальных порядков в Судане были обречены на провал. Суданский народ шел к независимости, дни колонизаторов были сочтены. Еще до окончания «переходного периода», в конце 1955 г., Англии пришлось вывести из Судана свои войска; был также упразднен аппарат колониального управления.

19 декабря 1955 г. Судан был провозглашен республикой. 1 января 1956 г. Англия и Египет признали новую республику. Этот день стал днем независимости Республики Судан; началась новая глава в истории суданского народа.

В отличие от Ливии и Судана, пришедших к независимости сравнительно мирным путем, во французских владениях — *Марокко* и *Тунисе* развернулась вооруженная борьба против колонизаторов.

Французский империализм шел напролом, стремясь силой подавить нараставшую борьбу народов этих стран за независимость. Одновременно он пытался любыми средствами навязать им так называемые реформы, которые ни в коей мере не отвечали их национальным чаяниям и обходили главное требование — отмену режима протектората в Марокко и Тунисе.

Политика французских империалистов, открыто нарушавших принципы ООН, вызвала тревогу мировой общественности. Страны Азии и Африки — члены ООН потребовали включить вопрос о создавшемся в результате террористических действий французских колониальных властей положении в Марокко в повестку дня VI сессии Генеральной Ассамблеи ООН, начавшей свою работу в ноябре 1951 г.

Через несколько месяцев, в апреле 1952 г., 11 азиатских и африканских стран предложили рассмотреть в Совете Безопасности также вопрос о положении в Тунисе, которое с каждым днем обострялось, угрожая миру в этом районе. Однако империалистические державы, попирая права малых стран, отклонили их предложение. Используя послушную им тогда «машину голосования» в ООН, империалисты сорвали также предложение о созыве специальной сессии Генеральной Ассамблеи для обсуждения тунисского вопроса. Это предложение было выдвинуто 13 странами Азии и Африки в июне 1952 г. и поддержано Советским Союзом и другими странами социализма.

Особую помощь в ООН колонизаторской политике Франции оказали США. К тому времени американская военщина развернула лихорадочную деятельность по строительству военных баз в Марокко. Поощряя действия французских колонизаторов, она требовала создать в этой стране «надежную» об-

становку. В дни работы VI сессии Генеральной Ассамблеи в американской печати появились прямые угрозы по адресу марокканского народа. Однако по настоянию Советского Союза и других социалистических стран, а также стран Азии и Африки Генеральная Ассамблея приняла решение включить марокканский и тунисский вопросы в повестку дня своей VII сессии.

При обсуждении этих вопросов в Первом комитете и на пленарных заседаниях VII сессии Генеральной Ассамблеи в декабре 1952 г. делегации СССР и других стран, представляющих большинство населения мира, активно выступили в защиту законных прав народов Марокко и Туниса. Однако, вновь пустив в ход «машину голосования», империалистические державы протащили в Генеральной Ассамблее ни к чему не обязывающее решение, в котором даже не осуждались несовместимые с принципами ООН действия французских колонизаторов. Генеральная Ассамблея ограничилась призывом «урегулировать разногласия» между «заинтересованными сторонами». Подобная рекомендация была на руку французским колониальным властям, которые, чувствуя свою безнаказанность, продолжали зверские репрессии в Марокко и Тунисе.

Генеральный резидент в Марокко генерал Гийом (сменивший в августе 1951 г. Жюэна) предложил в середине 1953 г. проект реформ, представлявший собой слегка подновленный вариант программы Жюэна и предусматривавший незначительные изменения в муниципальной системе, в уголовном судопроизводстве, а также в правах иностранцев на приобретение собственности в Марокко. Следуя примеру своего предшественника, окружившего в 1951 г. султанский дворец войсками, Гийом стянул к нему крупные вооруженные силы. Но султан Мохаммед бен-Юсеф отказался подписать закон о реформах. Тогда (в августе 1953 г.) его свергли, посадив на марокканский престол марионетку — Мохаммеда бен-Арафа. Одновременно колонизаторы предприняли массовые репрессии. Главный удар они направили против наиболее активных сил национального освобождения — Марокканской коммунистической партии и партии Истикляль. Были арестованы лидеры этих партий¹.

Этот акт произвола и надругательства над элементарными нормами права вызвал глубокое возмущение во всем мире. Марокканский вопрос вновь был поставлен в ООН. В октябре 1953 г. Политический комитет вопреки сопротивлению колониальных держав принял решение о признании за марокканским народом «права на полное самоопределение в соответствии с Уставом ООН».

Однако наиболее реакционные силы, оказывавшие решающее влияние на политику французского правительства, исключали всякую возможность мирного урегулирования марокканской проблемы. Они все еще надеялись силой подавить национально-освободительное движение в Марокко.

В ответ на насилия и террор марокканский народ перешел к активному вооруженному сопротивлению. Национально-освободительное движение нарастало с небывалой быстротой. Несоостоятельность расчетов колонизаторов на применение силы становилась все очевиднее.

В поисках выхода французское правительство вынуждено было заявить в августе 1954 г. о своей согласии начать переговоры с представителями Марокко. Однако переговоры состоялись лишь через год — в августе 1955 г. в Экс-ле-Бене. Они завершились принятием следующих решений: низложение Мохаммеда бен-Арафа, создание временного марокканского правительства для ведения переговоров с Францией о дальнейших взаимоотношениях между обеими странами.

¹ См. Р. Аваков. Марокко. М., 1957, стр. 74—75.

16 ноября 1955 г. в Марокко вернулся законный султан. Через три недели, 7 декабря, было сформировано национальное марокканское правительство, которое в феврале 1956 г. начало переговоры с Францией об установлении окончательного статуса Марокко. Истощив возможности насильно сохранить режим протектората в этой стране, французские империалисты вынуждены были 2 марта 1956 г. подписать совместное франко-марокканское заявление о признании независимости Марокко. Испанскому правительству, которое являлось партнером по угнетению народа этой страны, не оставалось ничего другого, как последовать примеру своего соседа и признать независимость значительной части Марокко, которая находилась под испанским господством. Соответствующая декларация была подписана 5 апреля 1956 г.

Политика силы терпела банкротство и в Тунисе. Попытки часто сменявшихся генеральных резидентов умиротворить народ так называемыми реформами не давали колонизаторам желаемых результатов. Репрессии же крайне обостряли и без того напряженное положение в стране.

В этих условиях произошел перелом в тактике буржуазно-националистической партии Новый Дустур, возглавлявшей национально-освободительное движение. В 1950 г. эта партия взяла курс на постепенное изменение режима протектората путем компромисса с французским империализмом. Однако уже в 1953—1954 гг. стало ясно, что этот путь равносителен капитуляции.

Начался этап вооруженной борьбы против французского господства. Коммунистическая партия Туниса шла в первых рядах национально-освободительного движения. Ее решительная позиция оказала большое влияние на эволюцию тактики Нового Дустура.

Провал политики силы заставил правящие круги Франции серьезно изменить свою позицию в тунисском вопросе. Они вынуждены были пойти на радикальные уступки. 31 июля 1954 г. глава нового французского правительства Мендес-Франс прибыл в Тунис и сделал там заявление о готовности Франции признать «внутреннюю автономию тунисского государства».

Франко-тунисские соглашения о предоставлении Тунису внутренней автономии были подписаны лишь через 10 месяцев — 3 июня 1955 г.¹

Эти соглашения, не отменяя договора о протекторате, тем не менее явились важной уступкой, вырванной у метрополии, первым шагом к завоеванию политической независимости. Тунисский народ рассматривал «внутреннюю автономию» не как конечный результат своей борьбы, а как один из ее этапов.

¹ Текст соглашения см. «Encyclopédie Mensuelle d'Outre-Mer», VIII—IX, 1955. (Приложение).

Оценивая соглашения, Тунисская компартия заявила: «Наш народ приветствует признание и провозглашение французским правительством «внутренней автономии» нашей страны как важный шаг по пути к национальной независимости, к установлению новых отношений между Францией и Тунисом»¹. Развивая этот успех, национально-освободительное движение в Тунисе поставило вопрос о предоставлении стране независимости.

Победа левореспубликанских сил на парламентских выборах во Франции 2 января 1956 г. благоприятствовала мирному урегулированию тунисского вопроса. Правящие круги Франции поняли бессмысленность дальнейшего упорства в сохранении режима протектората. К тому же в соседнем Алжире все более разгоралось пламя восстания. Французский империализм решил направить свои усилия на подавление этого восстания, развязав себе руки в Тунисе и Марокко. При этом империалисты рассчитывали, что сохранение господства в Алжире позволит оказывать и в дальнейшем давление на независимые тунисское и марокканское государства, ограничить их суверенитет и самостоятельность.

В конце февраля 1956 г. начались официальные франко-тунисские переговоры. 20 марта они закончились подписанием протокола о признании Францией независимости Туниса. На политической карте Африки появилось еще одно независимое государство.

3. Начало национального восстания в Алжире

Французские колонизаторы тешили себя надеждой, что в результате массовых репрессий, предпринятых в Алжире в первые послевоенные годы, и провозглашенных тогда же административно-политических реформ им удалось подавить стремление алжирского народа к свободе и независимости. Но действительность вскоре рассеяла подобные иллюзии. В ночь на 1 ноября 1954 г. во многих районах начались вооруженные выступления патриотов.

Вскоре эти выступления переросли в организованное восстание, поддержанное почти всеми слоями алжирского народа. Руководящим политическим и военным центром восстания стал Фронт национального освобождения (ФНО). В него вошли все буржуазно-националистические партии и организации Алжира, за исключением правоэкстремистского крыла партии «Движение за торжество демократических свобод». Активное участие в вооруженном восстании приняла Алжирская коммунистическая партия (АКП), которая выступила за консолидацию всех национальных патриотических сил вокруг ФНО путем, в частности, включения в него и коммунистов. Руководство Фронтом

¹ «L'Humanité», 4. VIII, 1954.

национального освобождения не согласилось с этим предложением, потребовало «ропуска Алжирской коммунистической партии и находящихся под ее влиянием организаций и персонального вступления всех их членов в ФНО»¹. АКП не могла принять это требование, так как оно повело бы к ликвидации ее политической и организационной самостоятельности. Вместе с тем АКП призвала все руководимые ею вооруженные отряды влиться в Армию национального освобождения. Это значительно усилило ряды национально-освободительной армии не только в военном, но и в политическом и идеологическом отношении.

Когда вспыхнуло восстание, французские колонизаторы поспешили выступить с заверениями, что в Алжире имеют место якобы разрозненные и спорадические действия небольших «бандитских групп». Но уже первые месяцы вооруженной борьбы показали массовый, общенациональный характер восстания. Менее чем за два года пламя его распространилось почти на весь Алжир, исключая южные районы страны, где восстание вспыхнуло несколько позже. Главным лозунгом борьбы стало требование о предоставлении Алжиру независимости. Секретарь Алжирской коммунистической партии Ларби Бухали писал, что «на современном этапе наш народ призван осуществить антиимпериалистическую и антифеодальную буржуазно-демократическую революцию»². Целью вооруженного восстания Фронт национального освобождения считал «создание свободной, демократической, социальной Алжирской республики»³.

С самого начала французские империалисты взяли курс на военное подавление восстания.

Реакционная верхушка европейского населения Алжира (так называемые «ультра») потребовала усиления террора. «Перебить сто тысяч туземцев, чтобы спасти миллион французов, — вот что необходимо»⁴, — заявили «ультра». Правящие круги Франции взялись за осуществление этого требования колонизаторов. Так была открыта одна из самых кровавых страниц в истории французского колониализма — грязная война против алжирского народа. Франция перебросила в Алжир огромную и хорошо вооруженную армию. За два года численность французских войск, действующих против алжирских повстанцев, выросла в 10—12 раз, достигнув 600 тыс. человек⁵.

Наряду с военными операциями сухопутных войск, поддержанных сотнями самолетов, вертолетов и танков, французские империалисты широко применяли массовые репрессии против мирного алжирского населения. В течение двух с половиной лет с начала колониальной войны в Алжире французскими «цивилизаторами» было убито 300 тыс. алжирцев, в тюрьмы и концентрационные лагеря брошено 125 тыс. человек⁶.

¹ «Алжирская коммунистическая партия в войне за национальную независимость». М., 1961, стр. 7.

² Там же, стр. 9.

³ Цит. по кн.: *J. Chevalier. Nous, Algériens...* Paris, 1958, p. 82.

⁴ Цит. по кн.: *Э. Паса. Северная Африка на пути к независимости*. Перев. с итал. М., 1960, стр. 21.

⁵ «*Cahiers du communisme*», IV. 1957.

⁶ См. *Р. Аваков. Французский монополистический капитал в Северной Африке*. М., 1958, стр. 187.

Французские империалисты полностью отрицали право алжирского народа на самоопределение и национальную независимость. Колонизаторы заявляли, что ни при каких условиях Франция не согласится уйти из Алжира. Один из ярких защитников и вдохновителей современного французского колониализма, Ж. Сустель, назначенный вскоре после начала вооруженного восстания генерал-губернатором Алжира, говорил: «Все должны знать — как здесь, так и всюду, — что Франция не оставит Алжир, так же как она не оставит Прованс или Бретань»¹.

В целях оправдания колонизаторской политики поборники французского империализма выдвинули фальшивый тезис о том, что Алжир не колония, а неотъемлемая часть Франции, ее продолжение: «Алжир — это Франция».

Правящие круги Франции стремились убедить мировое общественное мнение в том, что конфликт в Алжире является якобы внутренним делом Франции и не подлежит международному обсуждению. Когда 1 октября 1955 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла вопреки сопротивлению империалистических держав, в том числе США, решение о включении алжирского вопроса в повестку дня своей X сессии, глава французской делегации Пинэ демонстративно отказался принять участие в работе Генеральной Ассамблеи².

Отказ уйти из Алжира французские империалисты мотивировали и тем, что в этой стране проживало более миллиона европейцев (в подавляющем большинстве французы), составлявших примерно 10% всего ее населения. Колонизаторы клеветали на ФНО, утверждая, что целью восстания является изгнание из Алжира всех европейцев. На самом деле алжирская революция не имела целью «сбросить в море» алжирцев европейского происхождения, но стремилась уничтожить бесчеловечное колониальное иго. Прогрессивные патристические силы видели цель революции в учреждении «демократической и социальной республики, гарантирующей подлинное равенство между всеми гражданами одной родины, без всякой дискриминации»³.

С первых же дней грязной войны против алжирского народа демократические силы как во Франции, так и в других странах осуждали политику силы, проводимую французскими империалистами в Алжире. Французская демократическая общественность видела, что эта война грозит Франции серьезными политическими и экономическими последствиями, подрывает ее экономику, углубляет пропасть между алжирским и французским народами, препятствует урегулированию алжирской проблемы, наносит удар престижу Франции, ее величию и роли в международных делах.

Многие указывали на то, что продолжение бесперспективной войны способствует планам американских империалистов, которые были не прочь повторить эксперимент по вытеснению Франции, проведенный ими в Южном Вьетнаме. Газета «Монд», например, писала: «Можно не сомневаться, что американские бизнесмены еще прочнее обоснуются в Северной Африке, чем они обосновались в Южном Вьетнаме. Продолжение нынешней французской политики представляется им как залог самого надежного успеха и самых благоприятных условий в этом отношении»⁴.

Выступая против колонизаторской политики французского империализма, демократические силы во Франции, и прежде всего коммунистическая партия, выдвинули единственно правильное предложение о мирном решении алжирского вопроса путем переговоров с представителями ФНО. В октябре 1955 г. Жак Дюкло заявил в Национальном собрании: «Что касается нас, мы говорим «нет» войне в Алжире, как мы говорим «нет»

¹ Цит. по кн.: К. и Ф. Жансон. Алжир вне закона. М., 1957, стр. 214.

² См. там же, стр. 236.

³ См. Л. Бухали. Алжирская социалистическая революция и национальное движение в Алжире. М., 1957, стр. 34.

⁴ «Le Monde», 21. XII. 1956.

войне в Марокко, и высказываемся в пользу переговоров, которые при признании национальных чаяний алжирцев на основе независимости и равенства превратили бы алжирский народ в друга и союзника французского народа».

Продолжение французскими империалистами курса на военное «решение» алжирской проблемы привело к еще большему обострению обстановки в Алжире, создало угрозу миру и безопасности в Северной Африке. Учитывая серьезность положения, ряд стран Азии и Африки выступил с предложением обсудить алжирскую проблему в ООН. Советский Союз и другие социалистические страны, последовательно разоблачая колонизаторскую политику французского империализма и требуя положить конец войне в Алжире, настаивали на удовлетворении законных национальных чаяний алжирского народа.

Алжирский вопрос был включен в повестку дня XI сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В феврале 1956 г. в Политическом комитете развернулись острые дебаты по этому вопросу. Делегации Советского Союза и других социалистических стран, а также многих стран Азии и Африки требовали прекратить кровопролитную войну против алжирского народа, заставить колонизаторов прийти к мирному урегулированию в соответствии с национальными интересами Алжира. Колониальным державам удалось проташить проект резолюции, не соответствовавшей содержанию дискуссии в Политическом комитете. В проекте ничего не говорилось о праве Алжира на национальную независимость. В нем лишь выражалась надежда, что будет найдено мирное решение.

Французское правительство отказалось пойти по пути переговоров и демократического решения алжирской проблемы. «В Алжире, — цинично заявил французский министр внутренних дел Франсуа Миттеран, — единственно возможные переговоры — это война»¹. И грязная война продолжалась. Но ничто не смогло сломить волю алжирского народа к борьбе против колонизаторов.

4. Пробуждение стран тропической Африки

Если для северных стран континента первая половина 50-х годов была периодом ликвидации колониальных режимов, то для африканских стран, расположенных южнее Сахары, эти годы явились периодом пробуждения и нарастания национально-освободительного движения. Именно в этот период был выдвинут боевой лозунг «Независимость при жизни нашего поколения!».

В росте политической сознательности и целеустремленности антиимпериалистических сил, в их организационном укреплении отражались изменения в классовой и социальной структуре

¹ Цит. по кн.: Э. Рава. Северная Африка на пути к независимости, стр. 166.

африканского общества, ускорение процесса национальной консолидации народов стран Африки южнее Сахары. Продолжался рост городского населения, увеличивалась численность африканского пролетариата, развивалась местная буржуазия. По мере разворачивания национально-освободительного движения начинала сглаживаться племенная рознь, на первый план выступали общенародные задачи и интересы.

Крупным событием этих лет было стихийно вспыхнувшее восстание в *Кении* (1952—1955 гг.), которое проходило под лозунгами борьбы за землю и независимость.

Народ Кении долгое время пытался мирным путем добиться улучшения своего положения. В мае 1951 г. прибывшему в Кению министру по делам колоний лейбористского правительства Дж. Гриффитсу была вручена петиция с требованием вернуть африканцам их земли. При этом речь шла даже не о возвращении земель, захваченных европейскими колонистами, а о разрешении занять пустующие земли. В октябре того же года на большом митинге в столице Кении Найроби была избрана делегация, которой поручалось войти в контакт с английским правительством, а также с Организацией Объединенных Наций, и вести с англичанами переговоры по аграрному, конституционному, профсоюзному и другим вопросам.

Ознакомившись с петицией кенийской делегации, представитель Англии на VI сессии Генеральной Ассамблеи заявил, что этот вопрос не входит в компетенцию ООН, а является внутренним делом Британского содружества наций и должен обсуждаться в Англии. Что касается английского правительства, то оно отклонило требования кенийцев, согласившись лишь создать комиссию для расследования вопроса об использовании земли в Кении. Но даже это малообязывающее решение вызвало нападки со стороны европейских колонистов. Они подняли шумиху о том, что подпольная патриотическая организация местного населения *Мау-Мау* якобы поставила целью истребить всех европейцев в Кении.

Английские империалисты приступили к жестоким репрессиям. В октябре 1952 г. они ввели в Кении чрезвычайное положение. Затем последовали массовые аресты, началась настоящая вакханалия террора и невиданных зверств. 12 тыс. убитых, 165 тыс. патриотов брошено в тюрьмы и концентрационные лагеря — таковы данные о действиях английских колониальных властей¹. В ответ на эти дикие расправы патриоты создали в горных лесных районах страны несколько центров вооруженного сопротивления.

Англичанам удалось подавить восстание, потопив его в крови. Национально-освободительному движению в Кении был нанесен серьезный удар. Но колонизаторы недолго торжествовали. Тяжелое испытание закалило народ Кении. Вооруженное сопротивление, лозунги борьбы, выдвинутые в 1952—1955 гг., подняли политическую активность кенийского населения и оказали влияние на развитие национально-освободительной борьбы в других странах британской Восточной Африки — Уганде и Танганьике. Один из деятелей национально-освободительного движения Кении, Коинанге, писал в 1955 г.: «Африканцы знают, чего они хотят... Теперь даже самые реакционные поселенцы должны понять, что африканцы никогда, никогда

¹ См. «Народы Африки». М., 1954, стр. 461.

не возвратятся к прежней жизни... Старая Восточная Африка с господством иностранцев и рабством африканцев умерла»¹.

Бурные события развивались и на противоположном конце континента — в странах Западной Африки, и прежде всего в английской колонии *Золотой Берег* и во *Французской Гвинее*. Борьба здесь характеризовалась высокой политической активностью населения, организованностью и целеустремленностью.

На Золотом Береге (ныне республика Гана) перелом в национально-освободительном движении наступил в 1949 г., когда была создана Народная партия конвента во главе с одним из выдающихся борцов против колониализма Кваме Нкрумой. Эта партия выдвинула задачу завоевания национальной независимости. Созванная Народной партией в ноябре того же года «Представительная ассамблея Ганы», на которой было представлено 50 различных организаций страны, выдвинула требование, чтобы «народу Золотого Берега была немедленно предоставлена независимость, то есть полный статус доминиона внутри Британского содружества наций, основанный на Вестминстерском статуте»².

Быстрый рост влияния Народной партии конвента, ставшей самой популярной и массовой политической организацией страны, напугал английские колониальные власти, которые решили обезглавить национально-освободительное движение. В январе 1950 г. Нкрума и ряд других руководителей партии были брошены в тюрьму.

Но Народная партия конвента продолжала активную политическую деятельность, с каждым годом расширяя работу в массах. На первых в стране всеобщих выборах в феврале 1951 г. она добилась крупной победы, получив подавляющее большинство мест в Законодательной ассамблее. Вскоре был сформирован первый в истории колониальной Африки южнее Сахары кабинет министров. Его возглавил Нкрума, которого английские власти под давлением масс были вынуждены выпустить на свободу.

Перед лицом надвигавшегося кризиса своего колониального господства в Гане английский империализм усилил подрывные действия в национально-освободительном движении. Он также способствовал активизации реакционных партий и сил в стране в целях создания активной оппозиции Народной партии конвента и раскола антиимпериалистического движения. Колониальные власти поощряли сепаратистские тенденции, проявлявшиеся у правых партий, в частности у возникшей в 1954 г. партии Движение национального освобождения, выступившей против создания единого национального государства, за принятие федеративной системы для Ганы. Несмотря на это, на выборах 1954 г. Народная партия конвента снова получила большинство, собрав 55,1% общего числа голосов, что обеспечило ей 68 из 101 места в ассамблее³.

Все попытки колониальных властей сломить волю к борьбе народа Ганы, направить ход политических событий по другому руслу терпели провал за провалом; начался быстрый закат колониального владычества Англии в этой стране. Гана уверенно шла к национальной независимости.

¹ См. М. Коинанге. Говорит народ Кении. М., 1956, стр. 83.

² Цит. по кн.: Ж. Буайон. Гана. Рождение африканского государства. М., 1960, стр. 197.

³ См. там же, стр. 225.

Во французской Гвинее борьба за независимость развивалась в тесной связи с национально-освободительным движением народов всей группы французских колоний в Западной Африке. Эту борьбу возглавляла Демократическая партия независимости во главе с Секу Туре. В своей политике партия опиралась на массы, проводя большую работу в целях пробуждения политической активности широких слоев населения. Этим она быстро завоевала доверие гвинейского народа и за короткий срок превратилась в крупнейшую политическую силу страны. Демократическая партия Гвинее выступила за создание единого фронта всех национальных, антиимпериалистических сил. Под ее руководством проходили все крупнейшие политические выступления гвинейского народа в 1951—1955 гг.

Важным фактором, обеспечившим в эти годы быстрый подъем национально-освободительного движения в Гвинее, были рост гвинейского пролетариата, укрепление его единства и классового самосознания, расширение рабочего и профсоюзного движения. Успехам движения способствовали согласованные и совместные действия гвинейских профсоюзов и Демократической партии независимости Гвинее.

Накануне решающих битв за независимость находилось также *бельгийское Конго*. В 50-х годах наблюдался быстрый рост пролетариата и местной буржуазии Конго. В 1957 г. в Конго насчитывалось 1147,5 тыс. рабочих, против 962 тыс. в 1950 г. За это же время в 5 раз возросла доля конголезской торговой буржуазии в товарообороте страны по стоимости. Местной буржуазии принадлежало более трети всех промышленных предприятий Конго¹.

Выступление пролетариата и буржуазии Конго на борьбу против колониализма привело к тому, что национально-освободительное движение стало принимать в эти годы организованный и массовый общенациональный характер. Если в прошлом рабочий класс выдвигал преимущественно экономические требования, то теперь все чаще выставлялись политические требования. Деятельность имевшихся в стране массовых организаций, борющихся за улучшение условий труда, распространение образования, развитие культуры и языка, принимала политическую окраску.

Классовые и политические сдвиги, которые произошли в Конго в первой половине 50-х годов, подготовили условия к тому, чтобы поставить в повестку дня борьбы против бельгийского империализма вопрос о национальной независимости.

В первой половине 50-х годов из стран Африки южнее Сахары наиболее сильный размах и политическую целеустремленность национально-освободительное движение приобрело

¹ См. В. А. Мартынов. Конго под гнетом империализма. М., 1959, стр. 158, 163.

в Гвинее, Гане, Кении и бельгийском Конго. Но и в других странах этого района развивались глубинные процессы, к политической жизни пробуждались широкие слои африканского населения. Народы великого континента поднимались во весь рост, полные решимости разорвать цепи векового колониального рабства. Тропическая Африка находилась накануне бурных событий, на пороге новой эпохи — эпохи освобождения от гнета империализма.

Г Л А В А IX

СОПРОТИВЛЕНИЕ НАРОДОВ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ ЭКСПАНСИИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

1. Провал попыток США вовлечь латиноамериканские страны в интервенцию в Корею

Второе послевоенное пятилетие в Латинской Америке характеризовалось, с одной стороны, усилением политической и экономической экспансии монополий США, с другой стороны, в странах этого континента продолжало нарастать национально-освободительное движение, усиливалась борьба против империализма янки.

США рассматривали Латинскую Америку как свою тыловую базу в борьбе против сил мира, демократии и социализма, как важный источник продовольствия и сырья (в первую очередь стратегического) и выгодный район приложения капитала. Они оказывали решающее воздействие на экономику и политику буржуазных правительств латиноамериканских стран. Другие империалистические государства занимали более слабые позиции в экономике Латинской Америки и оказывали сравнительно незначительное влияние на политику стран этого континента. Правящие круги США рассматривали Латинскую Америку как свою вотчину и решительно противодействовали малейшим попыткам своих партнеров по НАТО усилить позиции в этой части земного шара. Опираясь на союз с реакционными помещиками и компрадорской буржуазией стран Латинской Америки, они прибегали к любым мерам, чтобы сохранить там у власти или же вновь поставить реакционные режимы, подавить национально-освободительное и коммунистическое движение.

В то же время в наиболее развитых странах Южной Америки стала играть все более активную роль национальная буржуазия. Она оказывала все большее воздействие на политику этих стран. Несмотря на свою непоследовательность и неустойчивость, национальная буржуазия все же пыталась отстранить от власти ставленников наиболее реакционных помещичьих кругов и компрадорских слоев буржуазии, тесно связанных

с империализмом США. Участие представителей национальной буржуазии в борьбе против засилья США на Южноамериканском континенте расширяло фронт освободительного движения. Объединенные выступления рабочего класса, крестьянства и национальной буржуазии, всех демократических и патриотических сил становились все более частым явлением в латиноамериканских странах.

Значение национально-освободительного движения в этом районе для развития международных отношений не только на американском континенте, но и за его пределами, ярко выявились в период вооруженной интервенции империализма США в Корею.

Правящие круги США рассчитывали на поддержку их агрессии, прежде всего странами Южноамериканского континента. Однако их надежды не оправдались. Агрессивные авантюры империализма США вызвали решительное осуждение народов Латинской Америки. Борьба против военной угрозы всколыхнула огромные массы людей, привела к расширению фронта антиимпериалистических освободительных сил, к их идеологическому и организационному росту и укреплению.

Империалисты США ставили перед собою цель не только гарантировать бесперебойное поступление стратегического сырья из стран Латинской Америки, но и втянуть их в прямые агрессивные действия против социалистического лагеря, а также использовать латиноамериканцев в качестве колонизаторских солдат в борьбе с национально-освободительным движением и в других странах Азии. Помощник государственного секретаря по Латинской Америке Миллер в конце 1950 г. прямо заявил: «В случае войны нам понадобится от стран Латинской Америки то, в чем мы раньше никогда не нуждались, — солдаты»¹.

Господствующая верхушка многих стран Латинской Америки склонялась к поддержке империалистической политики военных авантюр. Некоторые торговые и промышленные круги, вспоминая о барышах, полученных в годы второй мировой войны, рассчитывали, что монополии США и на этот раз поделятся с ними частью своих доходов от спекуляции латиноамериканским сырьем. Почти все правительства стран Латинской Америки составили наиболее послушную США группу в Организации Объединенных Наций.

Незаконные решения, оправдывавшие интервенцию в Корею, были приняты в Совете Безопасности голосами участников НАТО (США, Англия, Франция, Норвегия) и двух латиноамериканских стран — Кубы и Эквадора. Делегации государств Латинской Америки поддержали клеветническую резолюцию США, объявившую КНР агрессором.

Для того чтобы привести в движение систему межамериканских военно-политических договоров и привлечь латиноамериканские страны к агрессии, США настояли на созыве IV консультативного совещания министров иностранных дел Западного полушария.

¹ «La Verdad» (Uruguay), 21. II. 1951.

Повестка дня этого совещания, проходившего в Вашингтоне с 26 марта по 7 апреля 1951 г., включала следующие вопросы: «1. Политическое и военное сотрудничество в целях обороны Америки, предупреждения и отражения агрессии в соответствии с межамериканскими соглашениями, Уставом и рекомендациями ООН. 2. Укрепление внутренней безопасности американских республик. 3. Экономическое сотрудничество в условиях чрезвычайного положения»¹.

На совещании обсуждался вопрос об использовании войск латиноамериканских республик за пределами американских континентов. Из-за сопротивления Аргентины, Мексики и Гватемалы делегации США не удалось добиться принятия такого решения. Особые возражения со стороны Мексики и Аргентины вызвало предложение госдепартамента Соединенных Штатов поддержать «военные действия ООН» в любой части мира. Делегаты этих стран понимали, что согласие на отправку латиноамериканских солдат и офицеров в Корею вызовет сильнейшее недовольство народных масс. Представитель Мексики внес предложение сформулировать резолюции совещания с учетом «возможностей» и «конституционных норм» стран Латинской Америки². Делегаты Мексики, Гватемалы и Аргентины даже сделали заявление, что «попытка присоединить организацию по обороне полушария к ООН не оправдана ни политически, ни юридически и что желание США осуществить такое присоединение означает радикальный отход от панамериканизма»³.

Запугивая латиноамериканские страны «угрозой международного коммунизма» и оказывая открытое давление на делегации Мексики, Аргентины и Гватемалы, США сделали все, чтобы проташить угодные им решения. 7 апреля 1951 г. были приняты так называемая Вашингтонская декларация, провозгласившая верность решениям предыдущих панамериканских конференций, и целый ряд резолюций по военным, политическим и экономическим вопросам.

Содержание этих резолюций показало, что Соединенным Штатам удалось навязать свои предложения, хотя и в несколько измененном виде⁴. В специальном решении об «укреплении внутренней безопасности» говорилось о создании единой континентальной системы сыска и других полицейских мер для борьбы с прогрессивными силами. Были приняты решения о создании «коллективных вооруженных сил континента» и об организации особых подразделений в латиноамериканских армиях для включения их в «вооруженные силы ООН». Решения совещания обязывали латиноамериканские республики ускорить подготовку войск для прямого участия в военных авантюрах империалистов США, а также расширить экономический вклад (производство и поставки стратегического сырья) в укрепление «совместной обороны»⁵.

Над народами Латинской Америки нависла серьезная опасность превратиться в ландскнехтов агрессивного североамериканского империализма и проливать свою кровь ради его интересов.

На борьбу против этой угрозы поднялись народы латиноамериканских стран. Движение за мир, против дальнейших уступок империализму США развернулось на всем континенте. В апреле 1951 г. в Монтевидео состоялось совещание предста-

¹ «The Fourth meeting of Consultation of Ministers of Foreign Affairs of American States. Report to the Secretary of State». Washington, 1953, p. 127—128.

² «The New York Times», 30. III. 1951.

³ «El Nacional» (Mexico), 30. III. 1951.

⁴ Так, например, военные резолюции содержали оговорки о «конституционных нормах» и «возможностях» и, следовательно, имели характер рекомендаций.

⁵ Тексты резолюций Вашингтонского совещания см. «The Department of State Bulletin», 16. IV. 1951, p. 606—613.

вителей движения сторонников мира Аргентины, Бразилии, Чили, Уругвая, Парагвая, Перу и других стран, которые решительно заявили, что они не признают вашингтонских решений¹. В том же месяце в Мехико был проведен грандиозный митинг протеста против вашингтонских решений, в котором приняли участие виднейшие прогрессивные деятели стран Центральной Америки и Карибского моря². В день 1 Мая 1951 г. народные массы почти всех стран Латинской Америки демонстрировали свою сплоченность в борьбе против агрессии США в Корею, за национальную независимость своих стран.

Широкий размах всенародного движения не позволил реакционным буржуазно-помещичьим кругам выполнить требование США об отправке войск в Корею. Правительства стран Латинской Америки, страшась народного гнева, были вынуждены ограничиться «моральной» поддержкой авантюры США. Только правительство диктатора Колумбии Гомеса отправило на корейский фронт батальон солдат, да из Пуэрто-Рико было послано небольшое число специально мобилизованных солдат. Правительства Уругвая и Эквадора сделали чисто символический жест, послав на корейский фронт несколько тысяч... одеял (Уругвай) и около 1 тыс. т риса (Эквадор)³. Этим практически ограничилось «участие» латиноамериканских государств в корейской войне. С позором провалилась также кампания по вербовке «добровольцев» для отправки в Корею.

2. Двусторонние военные пакты как средство наступления американских монополий.

Нарастание национально-освободительного движения

Антивоенное и антиимпериалистическое движение в странах Латинской Америки вызвало сильную тревогу правящих кругов США. Опираясь на крупных землевладельцев, высшее католическое духовенство, компрадорскую буржуазию, а также на правые социалистические партии Чили, Уругвая, Аргентины, АПРА в Перу, кубинскую партию «Аутентико», либералов в Колумбии, партию «Аксьон демократика» в Венесуэле, империалисты США перешли в наступление. В странах Латинской Америки один за другим стали совершаться военные перевороты, инспирированные США, усилились репрессии против патриотических прогрессивных сил. Перевороты были организованы в Боливии (1951 г.), на Кубе (1952 г.), в Колумбии (1953 г.), в результате которых к власти пришли диктаторские, проамериканские режимы.

¹ «Justicia» (Montevideo), 14. IV. 1951.

² «El Popular», 23. IV. 1951.

³ См. С. А. Гонионский. Латинская Америка и США. 1939—1959. М., 1960, стр. 243.

Наряду с этим Соединенные Штаты взяли курс на укрепление военных связей со странами Латинской Америки.

Неудача попыток вовлечь латиноамериканские республики в вооруженную агрессию в Корее обнаружила внутреннюю слабость Организации американских государств. Поэтому правящие круги США решили добиться заключения соглашений, которые содержали бы конкретные обязательства правительств стран Южной Америки поддерживать военные авантюры североамериканского империализма. Вашингтон объявил, что заключение подобных соглашений якобы необходимо для определения условий предоставления военной и технической помощи странам Латинской Америки по закону о «взаимном обеспечении безопасности». Истинные же цели подготавливаемых договоров сформулировал в своем послании конгрессу президент Трумэн. «Нет необходимости повторять, что Латинская Америка играет огромную роль, — заявил он. — Этот континент является чрезвычайно важным источником сырья и дает нам возможность осуществлять взаимовыгодную и важную для нас торговлю. В случае войны вооруженные силы этих государств могут частично облегчить некоторые наши обязанности, решая серьезные задачи в рамках обороны Западного полушария»¹.

В конце 1951 г. переговоры о заключении двусторонних пактов о военной помощи были начаты с Бразилией, Чили, Колумбией, Кубой, Эквадором, Мексикой, Перу и Уругваем². Смысл всех двусторонних военных соглашений сводился к одному и тому же: в обмен на «техническую помощь» США и поставки вооружения и военных материалов правящие круги латиноамериканских государств брали на себя ряд кабальных обязательств.

В соглашениях, например, закреплялись обязательства «сотрудничать в усилиях по предоставлению вооруженных сил Объединенным Нациям» (т. е. предоставлять войска для участия в военных авантюрах США), «сотрудничать» с США «для укрепления обороны Западного полушария», принимать американские военные миссии, всячески рекламировать американскую военную помощь, гарантировать поставки стратегического сырья по «разумным ценам», принимать меры «экономической защиты и торгового контроля в интересах обороны Западного полушария» (что означало на деле прекращение торговых и экономических связей с социалистическими странами). США получали также право контролировать использование военной помощи странами Латинской Америки.

Двусторонние соглашения о военной помощи вели к росту военных расходов в странах Латинской Америки, подрывали их экономику, давали в руки американских империалистов новые рычаги воздействия на внутреннюю и внешнюю политику этих стран. В результате заключения этих соглашений США получили возможность овладеть важными стратегическими позициями и строить военные базы на Южноамериканском континенте. Создание таких баз преследовало в первую очередь полицейские цели борьбы против демократического движения народов Латинской Америки.

Давая оценку двусторонним соглашениям о военной помощи, прогрессивный аргентинский деятель Арди писал, что эти пакты «являются венцом политики порабощения и войны на континенте, политики, маскируемой гром-

¹ «The New York Times», 7. III. 1952.

² «The Mutual Security Program. First report to the Congress, 31. XII. 1952». Washington, 1952, p. 39.

кими словами вроде «панамериканизм», «экономическое сотрудничество», «военная помощь в целях взаимной обороны», которые могут обмануть лишь тех, кто хочет быть обманутым»¹.

США удалось в этот период заключить подобные военные соглашения с 12 латиноамериканскими странами; в 1952 г. — с Кубой, Колумбией, Перу, Чили и Эквадором; в 1953 г. — с Бразилией, Доминиканской Республикой и Уругваем; в 1954 г. — с Никарагуа и Гондурасом; в 1955 г. — с Гаити и Гватемалой².

Народные массы Латинской Америки решительно выступили против этих позорных соглашений, и правящим кругам ряда стран пришлось считаться с общественным мнением. Значительной победой патриотических и демократических сил мексиканского народа был, например, отказ правительства Мексики принять от США военную «помощь». Против этой «помощи» выступили широкие слои населения. Решающую роль в мобилизации народных масс сыграли демократические партии Мексики и особенно коммунистическая партия.

Острая борьба развернулась в Бразилии. По призыву коммунистической партии в стране началось движение протеста. Патриотические силы создали Национальный комитет борьбы. Активную роль в патриотическом движении играла бразильская молодежь. Комитет студентов Сан-Паулу собрал более 50 тыс. подписей под петицией конгрессу с требованием отвергнуть военное соглашение с США. Летом 1951 г. в Бразилии прошла кампания по сбору подписей под воззванием о заключении Пакта мира между великими державами; было собрано более 5 млн. подписей. Все это оказало свое влияние на ход обсуждения военного соглашения в Национальном конгрессе. Несмотря на то что США прибегли к демонстрации военной силы и к политическому давлению (была послана американская эскадра к берегам Бразилии, а в июле 1952 г. в Рио-де-Жанейро нанес визит государственный секретарь США Ачесон), конгресс Бразилии в декабре 1952 г. отложил ратификацию, и только в апреле 1953 г. правительству Варгаса с трудом удалось добиться одобрения соглашения с США³. Борьба против новых кабальных договоров с североамериканским империализмом способствовала пробуждению национального самосознания населения и развитию освободительного движения в стране.

Выступления народных масс в Чили и Уругвае также привели к затяжке ратификации военных соглашений. В Колумбии,

¹ М. А. Арди. Двусторонние пакты о взаимной помощи. М., 1955, стр. 49.

² «United States — Latin American Relations Post World War II. Political developments in Latin America. 86-th Congress, 1-st Session». Washington, 1959, p. 33.

³ См. А. Н. Глинкин. Новейшая история Бразилии. 1939—1959. М., 1961, стр. 240—243.

Эквадоре и на Кубе власти смогли подавить движение протеста, лишь прибегнув к жесточайшим репрессиям.

Борьба народных масс против вовлечения латиноамериканских стран в агрессивную авантюру североамериканского империализма в Корею и против военного союза с американским империализмом смыкалась со все усиливавшимся движением против засилья монополий США, за использование природных ресурсов в национальных интересах. Это движение охватило самые широкие слои населения. Рост сознания и организованности трудящихся привел к крупным выступлениям крестьянства за аграрную реформу и рабочих за свои социальные права и интересы.

В 1950—1952 гг. разворачивается бурное крестьянское движение в *Колумбии*. Вооруженные крестьяне создали освобожденный район, где они установили свои органы управления и приступили к аграрным преобразованиям. Выступления крестьян происходили также в Эквадоре, Бразилии и центральноамериканских республиках, а крупные забастовки рабочих — в Чили, Перу, Мексике и Аргентине.

В *Бразилии* под давлением широких народных масс правительство Варгаса в 1953 г. приняло закон об установлении государственной монополии на добычу и переработку нефти. Была несколько ограничена деятельность иностранных компаний и в других отраслях экономики страны.

Попыткой предотвратить дальнейшее развитие демократического движения в Бразилии явился военный переворот, совершенный в августе 1954 г.

Военная верхушка предъявила президенту Варгасу ультиматум, потребовав его отставки. Варгас покончил жизнь самоубийством, оставив политическое завещание, в котором разоблачал заговор как дело рук «международных финансовых групп». Это заявление нашло широкий отклик среди населения Бразилии и послужило разоблачению роли империализма США в организации военного переворота. В результате переворота к власти пришло правительство Кафе Филью, которое представляло собой, по характеристике газеты «Импrensa популяр», «клику предателей, известных агентов правящих кругов США»¹. Однако этому правительству крупных латифундистов и капиталистов не удалось разгромить прогрессивные силы страны. В ходе упорной борьбы бразильского народа против установления открытой военной диктатуры националистическое и демократическое движение в Бразилии смогло восстановить демократические порядки в стране.

В апреле 1952 г. вспыхнуло антиимпериалистическое вооруженное восстание в *Боливии*. Непосредственным поводом к нему явилось решение диктатора Балывана выполнить требование госдепартамента США об отправке боливийских войск в Корею. В результате вооруженного выступления народа 9—11 апреля 1952 г. правительство Балывана было свергнуто. Новое правительство во главе с лидером партии «Национально-рево-

¹ «Импrensa Popular», 27, VIII, 1954.

люционное движение» Пас Эстенсоро провозгласило закон о национализации оловянных рудников, принадлежавших монополистам Хохшильд, Арамайо и Патиньо. Были приняты также законы о некоторых аграрных преобразованиях.

Антиимпериалистическая борьба во многом способствовала росту политической сознательности и организованности трудящихся масс. Рабочие объединились в единый боливийский рабочий центр и добились внесения в избирательный закон положения о всеобщем избирательном праве. Реакционные империалистические военно-феодалы силы потерпели поражение в открытых схватках с вооруженным народом. В этих условиях империалистические круги США прибегли к экономическому давлению на Боливию; они выбросили на мировой рынок запасы олова, закупленного ими по дешевым ценам у нее же самой. Одновременно монополии начали бойкот олова, вывозимого непосредственно из Боливии. Страна стала испытывать большие экономические затруднения¹.

Выход из тяжелого экономического положения заключался в дальнейшем развитии прогрессивных начинаний, в смелой опоре правительства на массы и проведении независимой внешней политики и торговли. Но на эти шаги не решились буржуазные руководители Боливии. Опасаясь дальнейшего полевения трудящихся, они выступили против последовательного и радикального проведения национализации и аграрной реформы. Тем самым в известной степени были сведены на нет даже ранее осуществленные меры.

3. Революция в Гватемале и ее поражение

Острая революционная ситуация сложилась в Гватемале. На выборах 1950 г. ставленник США генерал Фуэнтес потерпел поражение, и президентом был избран кандидат демократических сил Хакобо Арбенс. Под влиянием трудящихся правительство Арбенса начало проводить радикальные социально-экономические преобразования. Национально-освободительная борьба в Гватемале перерастала в антифеодалную и антиимпериалистическую революцию.

В июне 1952 г. Национальное собрание Гватемалы приняло закон об аграрной реформе, а в начале 1953 г. правительство Гватемалы, руководствуясь этим законом, издало декрет об экспроприации у американской монополии «Юнайтед фрут» 84 тыс. га необрабатываемых земель, а также свыше 100 тыс. га государственных земель, незаконно ею присвоенных². «Юнайтед фрут» оспорила решение гватемальских властей и обратилась за дипломатическим содействием к правительству США. Однако правительство Гватемалы

¹ См. Х. К. Чека. Очерки о странах Латинской Америки. М., 1960, стр. 98—101.

² R. Osegueda. Operacion Centroamerica. Mexico, 1957, p. 78.

не отступило и при поддержке народных масс продолжало политику экспроприации земель у «Юнайтед фрут»¹. Кроме того, правительство Гватемалы установило государственную монополию на разведку и добычу нефти. Были также приняты меры по ограничению деятельности иностранных монополий на транспорте и в энергосистеме страны.

Сохранению независимости в экономическом развитии Гватемалы способствовали общественные работы, проводившиеся правительством Арбенса при поддержке всего народа. Причем все эти работы финансировались не за счет иностранных кредитов, а исключительно из национальных государственных средств.

Благодаря социально-экономическим сдвигам, особенно аграрной реформе, тысячи крестьян и рабочих были вовлечены в активную политическую и общественную деятельность. Это придало новый размах революционному антиимпериалистическому движению, привело к дальнейшей демократизации политического режима в стране. В Гватемале значительно активизировали свою деятельность прогрессивные организации.

В 1952 г., в период подготовки к выборам, был создан единый демократический избирательный фронт. В него вошли партии «Революционное действие», «Национальное обновление» и «Гватемальская революция», отражавшие интересы мелкой и средней буржуазии и зажиточного крестьянства. Ведущую роль в них играла в 1950—1954 гг. прогрессивно настроенная интеллигенция.

Коммунистическая партия Гватемалы, переименованная на II съезде (1952 г.) в Гватемальскую партию труда, решила присоединиться к демократическому избирательному фронту и выступить вместе с ним на выборах в Национальное собрание. Демократический избирательный фронт, объединивший основные политические партии страны, одержал победу на выборах в январе 1953 г. и получил в Национальном собрании 51 место из 57.

Такой ход событий крайне напугал реакционные силы. Против Гватемалы была начата разнузданная клеветническая кампания. США решили созвать очередную, X межамериканскую конференцию, на которой они намеревались сколотить единый фронт реакционных сил против антиимпериалистического движения гватемальского народа. Обстановка накануне этой конференции была весьма напряженной.

Общественность многих латиноамериканских стран требовала от своих правительств отказаться от участия в намечавшейся конференции, поскольку было ясно, что правящие круги США используют ее как орудие в борьбе против всех демократических сил. Во многих странах Латинской Америки прошли забастовки протеста. Однако под нажимом США X межамериканская конференция была созвана. Она открылась

¹ R. Osegueda. Operacion Centroamerica. Mexico, 1957, p. 81.

1 марта 1954 г. в Каракасе (Венесуэла). На ней присутствовали делегации США и 19 латиноамериканских государств¹.

Центральным пунктом повестки дня конференции государственный секретарь США Даллес постарался сделать вопрос о «борьбе с коммунизмом». Пространные рассуждения Даллеса о «коммунистической угрозе» имели целью отвлечь внимание латиноамериканских стран от насущных экономических нужд и подготовить почву для вмешательства во внутренние дела Гватемалы. В заявлении делегации США «об укреплении солидарности в целях сохранения политической целостности американских государств ввиду угрозы вмешательства международного коммунизма»² предлагалось осуществлять совместные полицейские меры против прогрессивных организаций и лиц, а также рекомендовались сотрудничество и обмен информацией для борьбы против коммунистических партий.

С критикой предложений США выступили делегаты Гватемалы, Мексики, Аргентины и Эквадора, отстаивавшие принцип невмешательства во внутренние дела латиноамериканских стран.

Представитель Мексики выразил опасение, что в будущем резолюцию, внесенную США, «можно будет использовать для интервенции против страны, которая станет добиваться экономической независимости и бороться с антинациональными капиталистическими группами. При этом против правительства данной страны будет выдвинуто обвинение в коммунизме, ибо организаторы интервенции ни за что не захотят раскрыть подлинных мотивов своих действий»³. Поэтому мексиканская делегация внесла поправку, согласно которой ни одно американское государство «не имеет права вмешиваться в дела других государств, каковы бы ни были мотивы подобного вмешательства»⁴. В рабочем документе Мексики делался упор на соблюдение принципа невмешательства.

Делегат Аргентины высказывался против «антикоммунистического» проекта США на том основании, что «наилучшая форма борьбы с коммунизмом», по его мнению, состояла в развитии экономики латиноамериканских стран. Представитель Эквадора также заявил, что его страна «не склонна позволить, чтобы под предлогом защиты от коммунизма нарушался принцип невмешательства»⁵. С наиболее резкой критикой позиции США выступил делегат Гватемалы, который указал, что под предлогом борьбы с «международным коммунизмом» Соединенные Штаты хотят расправиться с национально-демократическим движением в его стране и насильственно подавить стремление угнетенных народов Латинской Америки к политическому и экономическому освобождению.

В течение целой недели США оказывали давление на латиноамериканские делегации, стараясь склонить их на свою сторону; 13 марта антикоммунистическая резолюция была наконец одобрена. Гватемала, однако, голосовала против, а Аргентина и Мексика воздержались. В резолюции рекомендовалось обратить особое внимание: «1) на выявление деятельности и источников финансовой поддержки лиц, занимающихся пропагандой международного коммунистического движения, и 2) на обмен информацией между правительствами в целях осуществления антикоммунистических резолюций, принятых межамериканскими конференциями и совещаниями министров иностранных дел»⁶.

¹ Коста-Рика отказалась участвовать в конференции из-за своих разногласий с соседними странами.

² «Tenth Inter-American Conference». Report of the Delegation of the USA. Washington, 1955, p. 145.

³ «El Nacional», 12. III. 1954.

⁴ Ibidem.

⁵ «El Comercio» (Quito), 28. III. 1954.

⁶ «Tenth Inter-American Conference». Report of the Pan-American Union, p. 115.

Если США удалось, хотя и с трудом, протащить антикоммунистическую резолюцию, то при голосовании ряда решений по экономическим вопросам они остались в меньшинстве.

Резолюция Гватемалы и Боливии об аграрной реформе и ликвидации крупного иностранного землевладения была принята 17 голосами против 2 воздержавшихся (США и Колумбия; делегация Парагвая в голосовании не участвовала). За предложение о том, чтобы страны с развитой промышленностью полностью отменили ограничения на импорт всех видов сырья, сельскохозяйственных продуктов и полуфабрикатов (направленное против политики США), голосовали 17 делегаций, а против — только две — США и батистовская Куба. Наконец, было одобрено решение, направленное против демпинга сельскохозяйственных продуктов из США. За него вновь голосовало 17 латиноамериканских делегаций при двух воздержавшихся — США и Боливии¹. США были вынуждены согласиться на созыв специального совещания по экономическим вопросам, которое решено было провести в Рио-де-Жанейро.

На конференции США столкнулись с растущим сопротивлением своей политике экономического закабаления Южноамериканского континента. Однако правящие круги стран этого континента, напуганные массовостью развернувшегося освободительного движения, пожертвовали национальными интересами во имя своих узкоклассовых целей. Капитуляция правящих кругов большинства этих стран при голосовании так называемой «антикоммунистической резолюции» помогла североамериканскому империализму совершить вскоре один из самых вероломных актов агрессии в Латинской Америке — агрессию против Гватемалы.

В качестве плацдарма своей интервенции США использовали соседние с Гватемалой страны. Диктатор Никарагуа Сомоса разорвал отношения с Гватемалой. Отозвали своих посланников также Гондурас и Гаити, обвинив правительство Арбенса в организации забастовок на территории этих стран. В печати США стали распространяться упорные слухи о «неизбежности войны» между Гватемалой и ее соседями. На гватемальских железных дорогах начались диверсии, а в небе стали появляться самолеты без опознавательных знаков, сбрасывавшие листовки с призывом к антиправительственному восстанию. На границах Гватемалы систематически устраивались провокационные конфликты.

По решению Национального совета безопасности США было организовано вооруженное вторжение в Гватемалу банд во главе с Кастильо Армасом, изгнанным в свое время из страны за заговорщическую деятельность и укrywшимся на территории Гондураса. Банды Армаса перешли границу 17 июня 1954 г., одновременно «неизвестные» самолеты американского производства начали бомбить столицу Гватемалы.

Правительство Гватемалы обратилось 18 июня в Совет Безопасности ООН, но председатель Совета Безопасности, пред-

¹ Парагвай в голосовании этой резолюции не участвовал.

ставитель США Лодж, сделал все от него зависящее, чтобы помешать Совету принять действенные меры для прекращения кровопролития в Гватемале. Делегация США заявила, что Совет Безопасности должен передать рассмотрение вопроса об агрессии против Гватемалы в Организацию американских государств. США рассчитывали таким образом выиграть время и не допустить, чтобы ООН приняла решение, осуждающее их интервенцию. Угодный США проект резолюции был внесен от имени делегаций Колумбии и Бразилии.

Благодаря твердой позиции Советского Союза проташить этот проект не удалось. Представитель СССР разоблачил в своих выступлениях подоплеку событий в Гватемале и показал, что позиция США в Совете Безопасности объясняется тем, что они — непосредственные участники вооруженной интервенции против Гватемалы¹. 20 июня после острой дискуссии была принята резолюция, предложенная представителем Франции. В ней указывалось, что Совет Безопасности «призывает немедленно прекратить все действия, могущие повести к кровопролитию, и предлагает всем членам ООН воздержаться, в соответствии с духом Устава, от содействия подобным действиям»².

21 июня правительство Гватемалы сообщило председателю Совета Безопасности, что вооруженные силы захватчиков не выполнили приказ о прекращении огня. 25 июня было созвано второе заседание Совета Безопасности по гватемальскому вопросу. США и на этом заседании, опираясь на послушные им делегации Колумбии, Бразилии, Турции и используя также голос чанкайшиста, воспрепятствовали обсуждению жалобы Гватемалы по существу. Однако им не удалось добиться снятия жалобы Гватемалы с повестки дня заседания Совета Безопасности; было принято решение, чтобы комиссия Организации американских государств представила свой доклад Совету Безопасности³.

Параллельно с организацией агрессии империалистические круги США подготавливали реакционный переворот в Гватемале. Усилилась заговорщическая деятельность. И тут проявили непоследовательность средняя и некоторая часть мелкой буржуазии страны, испугавшиеся схватки с империализмом янки. Они не верили в силу масс и боялись их. Это неверие распространилось и на правительственные круги, чем не замедлила воспользоваться реакционная военная верхушка.

Хотя в гватемальской армии имелось демократическое крыло, большинство ее офицеров было связано с реакционными кругами страны и американскими милитаристами. Под влиянием военной верхушки находилась и полиция Гватемалы. В ходе гватемальской революции не удалось создать подлинно народные вооруженные силы. В результате в момент начала империалистиче-

¹ См. «Правда», 22 июня 1954 г.

² Там же.

³ См. Г. Торизольо. Битва за Гватемалу. М., 1956, стр. 146—161.

ской агрессии армия и полиция сперва заняли фактически нейтральную позицию, а затем нанесли предательский удар в спину революции: армейская верхушка потребовала отставки Арбенса. Арбенс в решающий момент проявил слабость. 28 июня он неожиданно отказался от поста президента, ошибочно полагая, что таким путем удастся положить конец интервенции и «кропролитию».

Прогрессивные демократические силы оказались не в состоянии предотвратить реакционный переворот. Рабочий класс страны, несмотря на значительный рост его влияния, еще не являлся руководящей силой революционного движения. Слабый и политически недостаточно развитый, он не смог установить союза с крестьянством, а следовательно, не смог стать гегемоном демократических сил¹.

После отставки Арбенса главнокомандующий вооруженными силами полковник Диас образовал хунту с участием полковников-министров Санчеса и Монсона. Хунта объявила вне закона Гватемальскую партию труда, но заявила о том, что борьба против захватчиков будет продолжаться. Это не устраивало госдепартамент США. Диас был свергнут (29 июня), и к власти пришел полковник Монсон, который вскоре передал свои полномочия главарю вооруженных отрядов «Юнайтед фрут компани» Армасу. Было разогнано Национальное собрание, запрещены профсоюзы, начались преследования прогрессивных деятелей. Многим из них пришлось эмигрировать. Диктатор Армас заключил новые договоры с «Юнайтед фрут компани»; они предусматривали возвращение компании всех земель, национализированных революционным гватемальским правительством. Крестьян сгоняли с полученных ими участков земли. Была отменена аграрная реформа 1952 г. В Гватемале воцарилась кровавая военная диктатура.

Революция в Гватемале была задушена, но она преподала богатый исторический урок патриотическим, демократическим силам всей Латинской Америки.

Противоречия между латиноамериканскими странами и империализмом США были настолько глубоки, что их нельзя было устранить, прибегая к верхушечным переворотам и террору. Вопреки надеждам США они продолжали обостряться.

4. Конференция в Рио-де-Жанейро. Новое обострение противоречий между странами Латинской Америки и США

Реакционная правящая верхушка латиноамериканских стран ожидала уступок от США за свое предательство во время гватемальских событий; в частности, она возлагала большие надежды на конференцию министров финансов и экономики американских государств, созванную в соответствии с решением, принятым в Каракасе. Эта конференция состоялась в Рио-де-Жанейро 22 ноября — 2 декабря 1954 г. На ней было принято 47 резолюций; но ни одна из них не намечала конкретных мер, которые могли бы улучшить экономическое и финансовое положение стран Латинской Америки.

В большинстве случаев, когда речь заходила всего лишь о частичной защите латиноамериканскими странами своих интересов, США либо голосовали против, либо воздерживались,

¹ См. «Проблемы мира и социализма», 1960, № 6, стр. 33.

давая тем самым понять, что они будут противиться проведению подобных резолюций в жизнь.

Делегации латиноамериканских стран настойчиво требовали на конференции стабилизации цен на сырье и заключения долгосрочных торговых соглашений, с тем чтобы прекратить вздувание цен на ввозимые промышленные товары. Делегация США отказалась рассматривать по существу этот вопрос, заявив, что США намереваются следовать своей традиционной политике «невмешательства» в стихию рынка. После продолжительных и острых дискуссий Соединенные Штаты согласились лишь «изучить» в будущем проблему стабилизации цен, да и то лишь в отношении кофе.

Очень остро встал вопрос о путях финансирования экономического развития стран Латинской Америки. Правительствам этих государств надоело выпрашивать займы у частных банков США, причем под высокие проценты, для погашения которых приходилось прибегать к новым займам. Поэтому большинство латиноамериканских стран выступило в поддержку идеи об учреждении межамериканского банка для финансирования экономического развития, независимо от участия в нем США.

Делегация Чили выдвинула на конференции проект создания межамериканского фонда взаимопомощи, которым распоряжались бы сами члены Организации американских государств. Чилийское предложение было поддержано в той или иной форме всеми странами Латинской Америки. Однако, не считаясь с единодушным мнением латиноамериканских государств, делегат США министр финансов Хэмфри отверг идею создания межамериканской финансовой организации.

Конференция в Рио-де-Жанейро с новой силой выявила antagonизм, существующий в «межамериканской экономической системе», причем по ряду вопросов голоса отдельных стран Латинской Америки впервые слились в один общий голос протеста.

В последующие годы экономическое положение латиноамериканских стран продолжало ухудшаться. Накапливались запасы кофе в Бразилии, сахара на Кубе, свинца и цинка в Мексике, олова в Боливии, меди и селитры в Чили. США, создав значительные запасы указанных товаров, сокращали свои закупки в этих странах и сбивали цены на латиноамериканское сырье. Одновременно они продолжали сдерживать индустриализацию стран Латинской Америки, ограничивая поставки промышленного оборудования. Латинская Америка задыхалась в тисках валютного кризиса, а США отказывались от клирингового обмена.

В этих условиях в Латинской Америке развернулось движение за установление экономических связей с социалистическими государствами, и прежде всего с Советским Союзом. Это движение возглавил рабочий класс, на плечи которого легло тяжелое бремя экономических трудностей, вызванных эксплуатацией экономики стран Латинской Америки монополиями США.

Активизировались и некоторые организации национальной буржуазии. Проблема торговли между СССР и странами Латинской Америки стала предметом обсуждения среди членов политических партий и парламентов Аргентины, Чили, Брази-

лии, Боливии и других латиноамериканских стран. Перспективы приобретения новых рынков заставили многих буржуазных деятелей Латинской Америки с вниманием отнестись к Международному экономическому совещанию, созванному в 1952 г. в Москве.

В 1953 г. было заключено торговое и платежное соглашение между Аргентиной и СССР. Вскоре в Советский Союз прибыла аргентинская техническая делегация, чтобы рассмотреть вопрос о приобретении машин и оборудования для нефтяной, угольной и энергетической промышленности, для транспорта и механизации производства. В мае 1955 г. в Буэнос-Айресе был подписан дополнительный протокол, который установил товарообмен между СССР и Аргентиной на 1955 г.

СССР согласно договоренности импортировал значительное количество аргентинских продуктов — мясо, кожи, молочные продукты, семена масличных растений. В 1954 г. общий объем товарооборота превзошел объем торговли 1952 г. более чем в 5 раз. В то время как США неоднократно отказывали Аргентине в поставках промышленного оборудования, Советский Союз продал этой стране в обмен на традиционные товары ее экспорта оборудование для нефтяной промышленности и для железных дорог.

Заключение советско-аргентинского торгового соглашения, а также расширение торговли между СССР и Уругваем вызвали резонанс среди деловых кругов всех стран Латинской Америки.

Вопрос об активизации торговых связей со странами социализма не сходил в этот период со страниц чилийской печати. Оживленные комментарии в стране вызвал визит в СССР и другие социалистические страны председателя палаты депутатов Чили Балтасара Кастро. Результаты опроса, проведенного газетой «Эль сигло», показали, что подавляющее большинство общественных организаций страны высказывается за развитие торговли с социалистическими странами. Чилийский журнал «Панорама политико» в конце декабря 1955 г. указывал, что Чили могла бы удвоить производство меди и довести его до 800 тыс. т в год, если бы наладилась торговля с Советским Союзом и странами народной демократии. Идея развития торговли со странами социализма получила широкое распространение и в Бразилии. Одним из программных требований политического блока, возглавлявшегося рабочей партией, на президентских выборах 3 октября 1955 г. было требование обеспечения экономической самостоятельности Бразилии¹. Программа нового правительства, пришедшего к власти в январе 1956 г.²,

¹ См. А. Аленкастре. Бразилия и социалистические страны. М., 1960, стр. 130.

² Президентом был избран Ж. Кубичек, вице-президентом — Ж. Гуларт.

наряду с обязательствами сохранять национальные богатства, осуществлять аграрные преобразования и обеспечивать экономическую и политическую независимость Бразилии, содержала также и обещание установить равноправные торговые связи со всеми странами.

Требования об установлении дипломатических и торговых связей со странами социалистического лагеря не менее громко звучали и в ряде других стран Латинской Америки. Эти требования показали, что широкие слои общественности латиноамериканских государств рассматривают восстановление отношений с СССР и другими странами мировой социалистической системы как один из важных путей улучшения внутреннего экономического положения и ослабления империалистической кабалы.

Шаги латиноамериканских стран, направленные на установление и развитие экономических и дипломатических связей, нашли положительный отклик в СССР. В заявлениях представителей Советского правительства неоднократно указывалось, что Советский Союз стоит за развитие торговли со странами Латинской Америки на основе взаимной выгоды и что СССР готов установить дипломатические отношения с теми странами, с которыми у него еще нет таких отношений.

* *
*

В 1950—1955 гг. американский империализм все еще крепко держал Латинскую Америку в своих тисках; объединенными усилиями империализма США и внутренней реакции у народных масс Латинской Америки удалось отобрать даже некоторые из тех завоеваний в политической и экономической областях, которых они добились в первое послевоенное пятилетие. Но становилось все очевиднее, что Латинская Америка стоит на пороге важных революционных изменений. Крупные общественные кампании в защиту мира, проведенные не только в отдельных странах, но и в масштабе всего континента, свидетельствовали о росте сознания широких слоев населения и о силе демократического движения, помешавшего Соединенным Штатам втянуть страны Латинской Америки в агрессию против корейского народа. Растет размах антиимпериалистической борьбы и борьбы трудящихся за коренные социальные реформы. Наивысшей точкой этой борьбы явилась революция в Гватемале.

К концу рассматриваемого периода все большее значение приобретает заинтересованность широких слоев населения Латинской Америки, в том числе и ее деловых кругов, в развитии торговли и других экономических связей со странами социализма. Латинская Америка настойчиво ищет путей к избавлению от империализма янки.

АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА МОЛОДЫХ СУВЕРЕННЫХ ГОСУДАРСТВ — ВКЛАД В БОРЬБУ ЗА ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Распад колониальной системы империализма повел к дальнейшему развитию и убыстрению процесса коренной ломки и перестройки системы международных отношений, начало которому было положено выходом социализма на мировую арену. В период безраздельного господства капитализма решение судеб мира сосредоточивалось в руках небольшой кучки крупнейших государств, так называемых «великих держав»; страны Азии и Африки служили «материалом для удобрения» европейской и американской цивилизаций, были объектом международной политики империализма. В условиях развития социализма в мировую систему и распада колониальной системы империализма эти страны превратились в субъекты международных отношений, в активный и самостоятельный фактор мировой политики. Рост сил этих государств, их солидарность в борьбе с колониализмом, поддержка мировой социалистической системы создали для всех стран, сбросивших колониальное иго, независимо от уровня их развития, размеров и мощи, возможность выступать на мировой арене с самостоятельной политической концепцией и проводить ее в жизнь. Международные отношения начали приобретать характер подлинно всемирных.

Облик современной эпохи ярко отразился, в частности, и на составе Организации Объединенных Наций. В Лигу наций — международную организацию межвоенного периода — в последнее время ее деятельности¹ входило 10 азиатских и африканских государств — Китай, Афганистан, Иран, Ирак, Индия, Таиланд, Эфиопия, Либерия, Южно-Африканский Союз и Египет (причем колониальная Индия, полуколониальный Китай и другие неевропейские страны всецело зависели от империалистических держав и поэтому не могли играть заметной роли в Лиге наций); в момент создания ООН (1945 г.) среди ее первоначальных членов (51 страна) было 11 государств Азии и Африки, а к 1955 г. их стало 23 — Китай (усилиями империалистических государств, и прежде всего США, место КНР в ООН незаконно занимает представитель чанкайшистской клики), Индия, Ирак, Иран, Либерия, Ливан, Египет, Сирия, Саудовская Аравия, Эфиопия, Филиппины, Афганистан, Таиланд, Йемен, Пакистан, Бирма, Индонезия, Иордания, Камбоджа, Лаос, Ливия, Непал, Цейлон.

¹ Данные относятся к 1937 г.

1. Становление нейтрализма как новой внешнеполитической концепции

Выход на мировую арену молодых государств Азии и Африки поставил на повестку дня вопрос о характере и направлении их внешней политики.

Империалистические государственные деятели и теоретики отрицали за молодыми государствами Азии и Африки право на собственную внешнеполитическую концепцию, на самостоятельный курс в международных отношениях. Они считали само собой разумеющимся, что новые государства Азии и Африки должны примкнуть к политическим организациям и военным блокам империалистов, следовать линии, диктуемой сильнейшими капиталистическими державами.

Эти расчеты не оправдались. Большая часть молодых национальных государств стала на путь нейтрализма. Нейтрализм возник на историческом этапе, который характеризуется, с одной стороны, существованием и развитием мировой социалистической системы, а с другой — небывалым обострением и углублением кризиса капитализма. Национальные интересы молодых независимых государств требуют борьбы против империализма, за мир. И в этом отношении имеется объективное совпадение их интересов с интересами стран социализма.

Такое специфическое положение на мировой арене обусловило и своеобразие внешней политики освободившихся стран. Нейтрализм оказался той политикой, которая стала одним из проявлений независимого развития молодых национальных государств.

Политика нейтрализма — это новое явление в международных отношениях. Ее не следует отождествлять с понятием международноправового нейтралитета, которое было известно еще в XIX веке. Само собой разумеется, что политика постоянного нейтралитета, которой придерживается ряд европейских стран, играет положительную роль, поскольку она исключает участие нейтральных стран в военных блоках и размещение иностранных военных баз на их территориях. Нейтралистская политика отличается от традиционного нейтралитета прежде всего своей антиколониалистской направленностью.

Политика нейтрализма сочетается с борьбой молодых национальных государств против колониализма, за укрепление своей независимости и социально-экономический прогресс, за воплощение в жизнь принципов мирного сосуществования.

Эта борьба показывает, как далеко в прошлое отошли те времена, когда народы стран Азии называли «неподвижными» народами¹.

¹ «Великие народности Азии по справедливости заслуживают названия неподвижных», — говорится в изданном до первой мировой войны энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона.

Президент Индонезии Сукарно, характеризуя внешнюю политику молодых нейтралистских государств, говорил: «Мы — за политику нейтралитета. Но, возможно, это не самый подходящий термин для определения сущности нашей политики. Мы — за активный нейтралитет. Мы не желаем оставаться бездейственными и нейтральными в общей борьбе народов за мир»¹.

Определяя «африканский нейтрализм», президент Гвинейской республики Секу Туре подчеркивал, что «это не постыдное безразличие, не своего рода политическая демобилизация. Напротив, это выражение живой веры в счастливое будущее человечества. Это нечто деятельное, участвующая сила, активный фактор в борьбе за создание освобожденного, братского и единого человеческого общества»².

Борьба за мир, разоружение и мирное сосуществование, которую ведут молодые национальные государства, тесно связана с достижением цели укрепления их государственной самостоятельности и окончательной ликвидации всех форм экономической зависимости.

Мир и мирное сосуществование дают молодым национальным государствам возможность мобилизовать свои внутренние ресурсы на цели экономического развития, а прекращение гонки вооружений позволит получить широкую финансовую и техническую помощь от высокоразвитых промышленных стран за счет высвобождающихся средств.

Молодые национальные государства Азии, Африки и Латинской Америки занимают огромную территорию и располагают колоссальным людским потенциалом. Они богаты нефтью, железной рудой, медью, бокситами, марганцевой и хромовой рудами, никелем и т. п. Эти страны занимают важное место в производстве многих продуктов сельского хозяйства, таких, как хлопок, натуральный каучук, рис, кофе, какао-бобы. Их природные богатства еще мало разведаны, а громадные энергетические ресурсы рек, например в Африке, почти не используются. Это означает, что пока экономика этих стран играет по сравнению с их потенциальными возможностями ничтожную роль в мировом хозяйстве. Мир и мирное сосуществование открывают невиданные возможности для возрождения и проявления творческого гения народов Азии, Африки, Латинской Америки.

Политика же «холодной войны» и сохранения международной напряженности держит молодые суверенные государства в состоянии постоянной тревоги и вынуждает их сохранять на прежнем уровне или даже увеличивать свои военные бюджеты и вооруженные силы.

В условиях мирного сосуществования возрастает вес в мировой экономике молодых национальных государств, развитие которых идет несравнимо более быстрыми темпами. Это затрудняет применение империалистическими державами экономиче-

¹ «Известия», 18 марта 1958 г.

² «Азия и Африка сегодня», 1962, № 12, стр. 11.

ских методов неокolonизма. Вместе с тем увеличение вклада молодых национальных государств в мировую экономику обусловливает возрастание их политического веса на мировой арене.

Наконец, в условиях мирного сосуществования создаются благоприятные возможности для постепенного затухания и изживания конфликтов и недоверия между отдельными странами Азии, Африки, Латинской Америки, которые насаждались и раздувались империалистами. Молодые национальные государства могут еще более согласованно выступать в защиту своих интересов на международной арене; это также способствует увеличению их роли в мировой политике.

Задача борьбы за мир с самого начала была поставлена во внешней политике молодых нейтралистских государств не только как задача борьбы с угрозой агрессии и за мир на их собственных территориях, но и как проблема обеспечения всеобщего мира. «Индия отдает себе отчет, — говорил Неру, — что, если где-либо происходит конфликт, он может распространиться на весь мир, то есть что земной шар неделим и, следовательно, мир также неделим»¹.

Молодые национальные государства на собственном опыте могли убедиться в том, что любое осложнение международной обстановки, любой международный конфликт державы НАТО стараются использовать для осуществления в той или иной форме давления на народы, только что сбросившие с себя цепи колониального рабства. Опыт войны в Корее особенно убедительно показал, что «крестовый поход против коммунизма» направлен в то же время и против сил национально-освободительного движения во всем мире.

Нейтралистская политика возникла не в один день или год. Она складывалась постепенно, и каждое молодое национальное государство вносило в нее что-нибудь свое. Она формировалась в ходе острой борьбы, которая шла и продолжает идти как во внешнеполитическом, так и во внутривнутриполитическом плане.

Империалистическая политика, противодействовавшая укреплению независимости молодых национальных государств и осуществлению ими самостоятельной внешней политики, порождала острые конфликты и столкновения между этими государствами, с одной стороны, и империалистическими державами — с другой. Борьба различных направлений разгоралась и в среде самих молодых национальных государств: на одном полюсе стояли страны, правительства которых отстаивали национальную независимость и нейтрализм; на другом — страны, реакционные правящие круги которых шли в фарватере империалистической внешней политики. Наконец, разворачивалась острая внутривнутриполитическая борьба в странах, ставших на путь нейтрализма. В них сохраняются внутренние противоречия, идет борьба между прогрессивными и реакционными силами, идет борьба между различными классами, в том числе и между правящей национальной буржуазией и рабочим классом. Все это отражается на внешней политике нейтралистских государств. Их политика не

¹ *J. Nehru. Independence and After. A Collection of Speeches. 1946—1949. N. Y., 1950, p. 232.*

свободна от колебаний и зигзагов. Влияние на нее нередко оказывали и оказывают чисто временные, приводящие обстоятельства и расчеты. Отсюда и различие оттенков нейтрализма, если брать внешнюю политику разных стран или даже политику одной и той же страны на различных отрезках времени.

В 1950—1955 гг. с полной очевидностью обнаружилось, что нейтралистская политика соответствует национальным интересам недавно образовавшихся государств; что она является важным фактором упрочения мира и международной безопасности, укрепления основ мирного сосуществования; что она помогает вносить прогрессивные, демократические начала в современные международные отношения и современное международное право, укреплять и развивать эти начала.

Миролюбивый характер внешней политики этих стран проявился в борьбе с попытками империалистов создать из числа молодых национальных государств «малые НАТО», которые были бы подчинены главному агрессивному блоку и связаны с ним общностью политической линии и военно-стратегических планов.

Для народов, только что вышедших из кровопролитных боев с империализмом, сама мысль о возможности вступления в политические и военные «союзы» с западными державами была чем-то кощунственным, противоестественным. Именно так воспринимали планы военно-политических союзов с империалистами политические деятели, возглавлявшие освободительные революции и после победы пришедшие к руководству правительствами в своих странах. Реакционные проимпериалистические группировки, сохранившиеся в молодых государствах Азии и Африки, вынуждены были считаться с грозной силой, стоявшей на страже завоеваний национальных революций. Широкие народные массы в Азии и Африке плохо разбирались во всех хитросплетениях империалистической политики и идеологии, но они твердо знали одно: западные державы принесли им угнетение и национальное унижение и поэтому у азиатских и африканских стран не может быть «общих целей» и «общих идеалов» с участниками военно-агрессивного блока НАТО.

Лишь незначительное меньшинство государств Азии оказалось вовлеченным в империалистические военные блоки. Отказ большинства молодых национальных государств войти в блоки был большой победой патриотов Азии, боровшихся за укрепление независимости своих стран. Одновременно это было и значительной победой принципа мирного сосуществования, поскольку одной из важнейших задач военных блоков в Азии, как и НАТО, должна была стать подготовка агрессии против стран социализма.

Стремление молодых нейтралистских государств к упрочению мира и мирному сосуществованию со странами социализма ярко проявилось в период войны в Корее.

События в Корее были первым крупным вооруженным столкновением сил социализма и империализма на международной арене в послевоенный период; они заставили каждое государство и правительство определить свою позицию в вопросах войны и мира. И большая часть молодых суверенных государств стала на позиции борьбы за укрепление мира.

Политика таких стран, как Индия и Индонезия, характеризовалась не только неучастием в военных действиях, но и активной дипломатической деятельностью, имевшей целью не дать корейской войне распространиться на другие страны, а также обеспечить прекращение военных действий и решение спорных вопросов путем мирных переговоров. Одновременно Индия вела борьбу в ООН за осуществление планов сокращения вооружений и запрещение оружия массового уничтожения.

Нейтралистские страны оказали противодействие попыткам империалистических держав установить политический и экономический бойкот Китайской Народной Республики, создать единый фронт против КНР, запугав молодые государства «проникновением коммунизма в самое сердце Азии». Это было крупным провалом политических и военно-стратегических планов и идеологии империализма не только в масштабах Азии, что уже само по себе весьма важно, но и в масштабах мировой политики.

Поражение держав НАТО в Корее и Индокитае укрепило у народов Азии и Африки убеждение в том, что империализм, в том числе и империализм США, отнюдь не всемогущ; что колоссальная империалистическая военная машина оказывается неэффективной в подавлении народов, полных решимости бороться за свое национальное освобождение и опирающихся на поддержку мировой социалистической системы. Это усилило решимость руководящих кругов стран Азии и Африки осуществлять самостоятельный внешнеполитический курс и не уступать перед нажимом держав НАТО.

Постепенно складывались сотрудничество и взаимная поддержка недавно появившихся на политической карте мира государств в борьбе против колониализма и за мир, причем географические рамки сотрудничества молодых суверенных государств расширялись, охватывая постепенно всю Азию.

Индийское правительство, например, выступило не только против империалистического военного союза в Юго-Восточной Азии, но и выразило свою поддержку арабским странам, боровшимся против Багдадского блока. Как сообщалось в печати, индийское правительство просило Англию пересмотреть свою политику и пойти на роспуск этого блока¹.

В период сколачивания Багдадского блока состоялось несколько встреч Неру и Насера. В совместном коммюнике от 17 февраля и 12 июля 1955 г. руководители Индии и Египта заявили, что участие в военных пактах или

¹ См. В. П. Нихамин. Очерки внешней политики Индии, стр. 216.

блоках с великими державами не служит делу мира и по существу дает частую обратные результаты. Неру и Насер призвали другие страны избегать шагов, препятствующих мирному урегулированию международных проблем, и согласились систематически консультироваться по интересующим обе стороны вопросам.

Самый широкий единый фронт молодых суверенных государств складывался в ООН при рассмотрении вопросов борьбы с колониализмом. Нейтралистские государства занимали в органах этой международной организации, как и вне ее, непримиримые антиколониалистские позиции.

Само собой разумеется, что позиция в ООН государств Азии, связанных военно-политическими договорами и союзами с империалистическими державами, отличалась от позиций нейтралитских стран. Однако объективные процессы, происходившие в Азии, заставляли даже проимпериалистические правительства азиатских стран солидаризироваться с нейтралитскими странами в их борьбе против колониализма. При обсуждении антиколониалистских резолюций то и дело происходили «бунты» и среди латиноамериканских союзников США.

Страны Азии и Африки вновь и вновь требовали постановки на обсуждение в ООН вопросов о положении в Марокко, Алжире, Тунисе, Кипре, Западном Ириане, Ливии, с тем чтобы наконец добиться предоставления их народам независимости. Они требовали: строгого соблюдения принципов Устава ООН в отношении подопечных территорий; оказания эффективной помощи слаборазвитым странам, не связанной с политическими условиями и не нарушающей суверенитета получающей помощи страны; учета интересов слаборазвитых стран в международной торговле.

На VII сессии Генеральной Ассамблеи ООН (в конце 1952 г.) страны Азии и Африки при поддержке социалистических государств добились принятия резолюции, провозгласившей право народов «свободно и по своему желанию использовать и эксплуатировать свои естественные богатства и ресурсы для своего собственного прогресса и экономического развития». В резолюции указывалось, что члены ООН должны воздерживаться от прямых или косвенных актов, направленных на то, чтобы воспрепятствовать любому государству осуществлять суверенитет над своими ресурсами¹. Только четыре страны — США, Англия, Новая Зеландия и Южно-Африканский Союз — голосовали против этой резолюции.

На той же сессии ООН по предложению слаборазвитых стран была принята резолюция, рекомендуемая всем правительствам при осуществлении мер, затрагивающих мировые цены на сырье, принимать во внимание влияние этих мер на условия торговли слаборазвитых стран, с тем чтобы поддерживалось справедливое и рациональное соотношение цен на сырье и цен на капитальное оборудование и другие промышленные товары².

¹ United Nations. Resolutions adopted by the General Assembly at its Seventh Session. N. Y. Resolution 626. 21. XII. 1952, p. 18.

² United Nations. Resolutions adopted by the General Assembly at its Seventh Session. N. Y. Resolution 623. 21. XII. 1952, p. 15—16.

Весной 1954 г. слаборазвитые страны добились принятия Экономическим и Социальным советом ООН резолюции о создании Постоянной консультативной комиссии международной торговли. В ее задачи должно было войти изучение путей к устранению слишком больших колебаний цен и спроса на сырье, в том числе имеющих целью поддержать справедливое и рациональное соотношение между ценами на сырье и промышленные товары¹.

Не оправдались расчеты империалистических держав на то, что страны, только что освободившиеся от колониального господства, будут составлять их верную «свиту» в международных организациях. Молодые суверенные государства играли все более активную и самостоятельную роль в ООН и оказывали все возрастающее влияние на характер и направление работы этой организации.

Вес и авторитет нейтралистских государств в мировой политике непрерывно рос. Это было обусловлено прежде всего их твердой позицией в защите своей независимости, проведением самостоятельной внешней политики, которая базировалась на целях и принципах, понятных и близких широким массам населения слаборазвитых стран. В первые ряды борцов за нейтралистский внешнеполитический курс встали народы таких стран, как Индия, Индонезия, Бирма, Цейлон, Египет.

Стремление молодых суверенных государств проводить самостоятельную и активную внешнюю политику, их нейтралистский курс империалистические державы встретили в штыки.

Державы НАТО прилагали усилия к тому, чтобы сохранить положение, при котором на международной арене выступали бы не подлинно национальные правительства, а послушные империалистам марионетки вроде Нго Динь Дьема и др.

Империалистическая дипломатия препятствовала правительствам стран Азии, не желавшим подчиняться ее диктату, участвовать в решении важных международных вопросов. Так, например, Вашингтон воспрепятствовал участию Индии в Женевском совещании министров иностранных дел 1954 г., хотя на нем рассматривались жизненно важные для народов Азии проблемы. Западные державы не допустили тогда включения Индии в подкомитет Комиссии ООН по разоружению.

В отношении молодых государств, показавших решимость укреплять свою национальную независимость и идти по пути нейтрализма, осуществлялась политика шантажа и грубого нажима, вплоть до прямых вооруженных интервенций. Империалистические агрессивные круги поддерживали антинародные сепаратистские элементы в Индонезии и Бирме, проводили подрывную деятельность против Индии, создали напряженность на израильско-египетской границе и в то же время отказали Египту в поставках вооружения, начали экономический бойкот этой страны.

¹ United Nations. ECOSOC Resolution 512, Seventeenth Session, 30. IV. 1954.

Наряду с такой политикой осуществлялась и другая тактическая линия: империалисты пытались нащупать возможность установления контактов с определенной частью национальной буржуазии и интеллигенции, используя крайнюю нужду молодых суверенных государств в финансовой и технической помощи. Наибольшую активность в этом отношении проявляла американская дипломатия.

Наступление против нейтрализма было развернуто и по линии идеологической.

Буржуазные политики и идеологи не скупились на обвинения нейтралистских государств, стремившихся завершить задачи национально-освободительной революции и воссоединения своих территорий, в экспансионистских, агрессивных устремлениях. Такие обвинения предъявлялись, например, Индии, требовавшей воссоединения Гоа, Дамана и Диу, и Индонезии, настаивавшей на освобождении Западного Ириана.

Агрессивные правящие круги держав НАТО объявили, что нейтрализм тождествен коммунизму, и провозгласили «жесткую политику» в отношении нейтралистских стран. Государственный секретарь США Даллес был одним из авторов этой концепции и этой политики. Ему принадлежит демагогическая формула, согласно которой нейтралитет — это «аморальная и близорукая политика»¹.

Фредерик-Дюпон, имевший самое непосредственное отношение к разработке колониальной политики Франции в рассматриваемый период, яростно обрушился на нейтралистскую политику Индии в своей книге «Миссия Франции в Азии». «В настоящее время, — писал он, — более не существует международного нейтралитета, имеются только противник и его сообщники, потому что нейтрализм выгоден лишь противнику»².

В буржуазной прессе и литературе первой половины 50-х годов нейтрализм в подавляющем большинстве случаев характеризовался как «орудие советской дипломатии». Утверждалось, что он выгоден лишь Советскому Союзу и является «капитуляцией перед коммунизмом», особой формой подчинения азиатских и африканских стран «интересам Кремля», что нейтралистская внешняя политика якобы не соответствует долгосрочным интересам и потребностям стран Азии и Африки.

Главным идеологическим оружием в борьбе с патриотическими прогрессивными силами стран Азии и Африки был «антикоммунизм». За этим стояли вполне определенные расчеты держав-колонизаторов. Цель тактики «антикоммунизма» состояла в том, чтобы вбить клин между странами социализма и азиатскими и африканскими народами, лишить последние поддержки со стороны мировой социалистической системы. Это сразу же поставило бы молодые национальные государства перед невозможностью осуществления самостоятельной и активной внешней политики.

Социалистические государства оказали всю возможную политическую, дипломатическую и моральную поддержку молодым национальным государствам при выборе и осуществлении ими самостоятельного курса внешней политики. Народам, под-

¹ Соответствующее заявление было сделано Даллесом 9 июня 1956 г. См. «New York Times», 10. VI. 1956.

² *Frédéric-Dupont. Mission de la France en Asie. Paris, 1956, p. 347.*

вергшимся жестокому нажиму со стороны империалистических держав, была оказана также военная помощь (поставки вооружения Египту). Любая акция молодых государств в Организации Объединенных Наций, имевшая целью укрепление их независимости и прекращение колониальной эксплуатации, неизменно встречала полное понимание и поддержку со стороны стран социализма. Страны социализма вели борьбу против дискриминации вновь образовавшихся суверенных государств в ООН, добиваясь увеличения их представительства во всех ее органах. Так, например, именно Советский Союз выдвинул предложение о включении Индии в подкомитет Комиссии ООН по разоружению. С середины 50-х годов все большее значение приобретает экономическая помощь и поддержка, оказываемая молодым национальным государствам странами социализма.

По данным ООН, в 1954/55 г. торговля стран социализма со странами Азии и Дальнего Востока выросла на 25% (особенно выросла торговля с Бирмой, Индией, Индонезией); торговля со странами Ближнего и Среднего Востока — примерно на 14% (в значительной степени за счет торговли с Египтом). Социалистические страны закупали хлопок (закупки странами социализма поглотили примерно от $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{5}$ египетского экспорта хлопка в 1955 г.), сахар (в Центральной Америке), каучук, джут и рис (в Азии и на Дальнем Востоке). Взамен социалистические государства поставляли слаборазвитым странам промышленное оборудование, включая комплектное¹. Нет нужды говорить, как важно было для стран Азии, Африки, Латинской Америки получить новые, устойчивые рынки сбыта для экспортируемого ими сырья, новые источники приобретения крайне необходимого им промышленного оборудования.

Политика стран социализма не могла не вызвать роста симпатий к ним у народов Азии, Африки, Латинской Америки. Огромное воздействие на умы населения этих частей мира оказывали хозяйственные успехи социалистической системы. Постепенно рассеивались заблуждения и предубеждения относительно политики стран социализма и самой сущности социалистического строя, которые имелись у определенной части населения молодых национальных государств, дезориентированного злобной империалистической пропагандой.

В прессе этих стран, в высказываниях их ученых и политических деятелей все чаще ставился вопрос о сущности социализма и прямо говорилось, что социализм быстрее всего может привести слаборазвитые страны к ликвидации экономической отсталости и нищеты их народов. Политические и общественные деятели молодых национальных государств, их ученые, давая свою собственную оценку роли и политики стран социализма, вступали в острую полемику с империалистической пропагандой.

«Советская Россия, — писала, например, видный арабский ученый Неджла Иззеддин, — не является пугалом для арабов, как это стремятся представить западные державы... Россия не оккупирует ни одну страну арабского мира, не осуществляет политического контроля над ними и не участвует в их экономической эксплуатации»². Эти слова ярко характеризуют умонастроения широких слоев населения стран Азии.

¹ «World Economic Survey, 1955». United Nations. N. Y., 1956, p. 194—195.

² *Nejla Izzeddin. The Arab World. Past, Present and Future.* Chicago, 1953, p. 369.

Во внешней политике нейтралистских государств постепенно отражается все более глубокое осознание и восприятие ими принципов мирного сосуществования стран различных социально-экономических систем. В международных документах, закрепивших итоги политических переговоров и дипломатических встреч между представителями молодых государств Азии и стран социализма в 1954—1955 гг., было специально подчеркнуто, что принципы мирного сосуществования составляют основу взаимоотношений между этими государствами.

В преамбуле соглашения о торговых связях между Тибетским районом Китая и Индией, заключенного 29 апреля 1954 г. между Китайской Народной Республикой и Республикой Индии, было сказано, что обе эти страны решили строить свои отношения на основе следующих принципов:

1. Взаимного уважения территориальной целостности и суверенитета;
2. Взаимного ненападения;
3. Невмешательства во внутренние дела друг друга;
4. Равенства и взаимной выгоды;
5. Мирного сосуществования¹.

Эти принципы были подтверждены во время визита в июне 1954 г. премьера Государственного совета и министра иностранных дел КНР Чжоу Эн-лая в Дели.

30 июня 1954 г. заявление о намерении следовать пяти принципам мирного сосуществования было сделано в итоге переговоров между КНР и Бирмой.

СССР решительно поддержал формулу мирного сосуществования в том ее виде, как она была изложена в соглашении между КНР и Индией. В октябре 1954 г., во время пребывания в Китайской Народной Республике правительственной делегации СССР, была принята совместная декларация правительств СССР и КНР, в которой говорилось, что оба правительства будут строить свои отношения со странами Азии и Тихого океана на основе строгого соблюдения пяти принципов мирного сосуществования. В декларации подчеркивалось, что такая политика открывает широкие возможности для развития плодотворного международного сотрудничества, отвечает коренным интересам всех народов, в том числе народов Азии².

В начале 1955 г. Верховный Совет СССР обратился к парламентам всех стран с декларацией, призывавшей положить пять принципов мирного сосуществования в основу отношений между всеми государствами³. Действия Советского правительства показали, что СССР приветствует политическую активность стран Азии в важнейших вопросах международных отношений.

¹ См. «Правда», 30 апреля 1954 г.

² См. «Правда», 12 октября 1954 г.

³ См. «Известия», 10 февраля 1955 г.

Сотрудничество между странами Азии и Африки, а также между ними и социалистическими странами развивалось на основах борьбы против колониализма, за укрепление мира и мирного сосуществования.

2. Бандунгская конференция стран Азии и Африки

Бандунгская конференция стран Азии и Африки принадлежит к числу наиболее знаменательных политических и дипломатических событий послевоенного времени.

Предложение о созыве конференции стран Азии и Африки было внесено правительством Индонезии на конференции Индии, Индонезии, Пакистана, Цейлона и Бирмы в Коломбо; затем оно обсуждалось на совещании этих стран, происходившем 28—29 декабря 1954 г. в Богоре (Индонезия). Совещание в Богоре наметило круг вопросов будущей конференции и круг ее участников.

Идея созыва конференции стран Азии и Африки родилась в сложной международной обстановке. С одной стороны, миролюбивые силы достигли уже значительных успехов в борьбе против империалистической агрессии и колониализма: в 1953 г. было заключено перемирие в Корее; был уже близок конец кровопролития в Индокитае. С другой стороны, шла интенсивная подготовка к созданию империалистических военных блоков в Азии, а на Тихом океане, в непосредственной близости от стран Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока, Соединенные Штаты одну за другой взрывали ядерные бомбы.

Развитие международных событий настоятельно требовало активного участия народов Азии и Африки в борьбе всех миролюбивых сил против агрессивной политики держав НАТО.

Империалисты встретили решение о созыве конференции стран Азии и Африки в штыки. Правительства стран НАТО выражали свое явное недовольство по поводу ее созыва, пытались умалить ее значение и заранее охаять эту конференцию. Американские дипломаты, глумясь над конференцией стран Азии и Африки, называли ее попыткой создать «цветную маленькую Организацию Объединенных Наций» и предрекали, что это будет «вавилонское столпотворение, которое окончится прогрессирующим замешательством и нерешительностью»¹. Газета «Вашингтон пост» охарактеризовала решение Богорского совещания о созыве конференции стран Азии и Африки как «вызов» американской политике.

Западные державы оказывали сильнейший нажим на некоторые зависимые от них правительства стран Азии, чтобы заставить их отказаться от участия в конференции. В результате Таиланд и Филиппины заявили вначале, что они не пошлют своих представителей в Бандунг.

Однако, когда выяснилось, что подавляющее большинство стран, приглашенных на конференцию, придает ей большое значение и всерьез готовится к ней, западные державы изменили свою тактику. Они сосредоточили все усилия на том, чтобы воспрепятствовать участию в конференции представителей социалистических стран Азии и не допустить того, чтобы конференция народов Азии и Африки протекала в духе борьбы против колониализма, против политики «холодной войны».

Еще во время Богорского совещания, действуя через послушные им правительства, империалистические державы старались исключить КНР из списка приглашенных. Индия, Индонезия и Бирма высказались на Богорском совещании за приглашение КНР; Пакистан и правительство Котелавала, находившегося в тот период у власти на Цейлоне, были против.

¹ «Christian Science Monitor», 18. IV. 1955.

Накануне открытия Бандунгской конференции видные государственные и военные деятели США выступили с провокационными заявлениями и угрозами по адресу Китайской Народной Республики. Они «предостерегали», что после афро-азиатской конференции последует «коммунистическое наступление». Такое заявление сделал, например, председатель сенатской комиссии по иностранным делам У. Ф. Джордж¹. Начальник главного штаба военно-морских сил США адмирал Кэрни утверждал, что КНР начнет «наступление на Мацзу и приурочит его к афро-азиатской конференции в Бандунге». Вслед за тем, уверял Кэрни, последует наступление на Куэмой. В этом случае, заявил Кэрни, не следует ограничиваться операциями только в тактическом районе вокруг Куэмой и Мацзу: надо «втянуть Китай во всеобъемлющую войну»².

Все эти заявления имели целью сорвать участие Китая в Бандунгской конференции; одновременно они были направлены на то, чтобы создать вокруг конференции атмосферу нервозности, оказать давление на остальных ее участников и заставить их занять проимпериалистические позиции.

Перед самым открытием конференции империалистическая агентура приняла еще одну провокацию для того, чтобы не допустить делегатов КНР в Бандунг: чанкайшистские диверсанты подложили в Гонконге бомбу в индийский самолет «Принцесса Кашмира», на котором летела часть делегации КНР. Самолет взорвался, его пассажиры погибли. Этот инцидент омрачил начало Бандунгской конференции.

Тот факт, что на конференцию была приглашена и участвовала в ней КНР, показал решимость подавляющего большинства стран Азии и Африки твердо придерживаться принципов мирного сосуществования. Империалистическим странам не удалось превратить Бандунгскую конференцию в орудие раскола и противопоставления одних азиатских стран другим.

Советский Союз не принимал участия в Бандунгской конференции, но воздействие политики Советского Союза на международную обстановку, его борьба за мир и против колониализма способствовали созданию условий, в которых страны Азии и Африки смогли свободно обсудить наболевшие вопросы и принять решения, отвечающие их национальным интересам и задаче укрепления мира.

Советское правительство и советская общественность горячо восприняли созыв конференции стран Азии и Африки в Бандунге. Приветственные телеграммы конференции направили Председатель Президиума Верховного Совета СССР, Президиумы Верховных Советов Узбекской, Казахской, Туркменской, Киргизской, Таджикской советских социалистических республик³.

Министерство иностранных дел СССР сделало 16 апреля специальное заявление, в котором содержалось пожелание плодотворной деятельности конференции в Бандунге и выражалась уверенность, что эта конференция внесет свой вклад в дело укрепления национального самосознания народов Азии и Аф-

¹ «The New York Times», 27. III. 1955.

² «Manchester Guardian», 7. IV. 1955.

³ См. «Правда», 18 и 19 апреля 1955 г.

рики, явится новым шагом по пути развития сотрудничества между народами в интересах ослабления международной напряженности и поддержания всеобщего мира¹.

Бандунгская конференция проходила с 18 по 24 апреля 1955 г. в Индонезии; для ее работы был предоставлен зал «Мердека» («Свобода»).

В Бандунг прибыло 340 делегатов, представляющих 29 стран. Это была первая в истории человечества конференция государств Азии и Африки. Из азиатских стран в конференции участвовали: Китайская Народная Республика и Демократическая Республика Вьетнам, Индия, Индонезия, Бирма, Цейлон, Камбоджа, Лаос, Непал, Таиланд, Южный Вьетнам, Япония, Филиппины, Афганистан, Пакистан, Иран, Турция, Сирия, Ливан, Ирак, Иордания, Йемен и Саудовская Аравия. Из Африки прибыли делегации шести стран — Египта, Судана, Эфиопии, Ливии, Либерии, Золотого Берега.

29 участвовавших в конференции в Бандунге стран занимают площадь в 30 455 179 кв. км, что составляет примерно $\frac{1}{4}$ территории всего земного шара с населением, составившим в то время 1 440 408 тыс. человек, или более $\frac{1}{2}$ мирового населения.

Большинство делегаций возглавляли премьер-министры или министры иностранных дел. Среди них были Чжоу Энь-лай (КНР), Фам Ван Донг (ДРВ), Джавахарлал Неру (Индия), Али Састроамиджойо (Индонезия), У Ну (Бирма), Гамаль Абдель Насер (Египет).

На Бандунгской конференции развернулась острая борьба между сторонниками мира и мирного сосуществования и защитниками империалистического курса на продолжение «холодной войны». Представители стран, связанных с империалистическими державами военными обязательствами, в особенности представители Филиппин, Турции, монархистского Ирака, а по некоторым вопросам и Пакистана, на словах ратовали за мир, а на деле старались расколоть конференцию, не допустить принятия согласованных решений, увести конференцию от основных задач, стоящих перед народами Азии и Африки.

К проимпериалистическим выступлениям присоединил свой голос и глава правительства Цейлона Котелавала. Однако позиция Котелавала на Бандунгской конференции шла вразрез с настроениями не только широких народных масс Цейлона, но даже и остальных членов цейлонского кабинета министров. Его выступление поэтому не могло рассматриваться как выражение официальной точки зрения правительства Цейлона. На ближайших же выборах возглавляемая Котелавала Объединенная национальная партия потерпела поражение; к власти пришло новое правительство, которое возглавил Бандаранайке — как раз тот человек, который потребовал вынесения вотума недоверия Котелавала в связи с его недостойным поведением на Бандунгской конференции.

Давление народных масс ощущали представители всех стран Азии и Африки, заседавшие в зале «Мердека». Прогрессивные деятели и организации Индии, Индонезии и других стран в печати и в своих решениях призывали участников конференции выступать солидарно и решительно против империализма и агрессоров, положить в основу своих постановлений идеи национального равноправия, мирного сосуществования и экономиче-

¹ См. «Известия», 17 апреля 1955 г.

ского сотрудничества. Вторая сессия Центральной федерации профсоюзов Индонезии призвала конференцию основывать свою работу на пяти принципах мирного сосуществования. И несмотря на то что представленные на Бандунгской конференции политические взгляды отличались большой пестротой и по многим вопросам наблюдалось значительное расхождение мнений, несмотря на то что объединенное коммюнике носит следы определенного компромисса, общий дух, общая направленность всех решений конференции отражают идею солидарности освободившихся стран в борьбе с колониализмом, за ликвидацию их экономической отсталости, за мир во всем мире. Даже представители правительств Турции, Ирака, Пакистана вынуждены были в конце концов голосовать за осуждение колониализма.

Решения Бандунгской конференции были воплощены в резолюциях о проблемах зависимых народов, о правах человека и самоопределении, об экономическом сотрудничестве, о культурном сотрудничестве, в декларации о содействии всеобщему миру и сотрудничеству¹.

Участники конференции в своих выступлениях вскрыли существо неокolonизма и призвали к непримиримой борьбе с ним, так же как и со всеми другими формами колониализма. «Нам часто говорят: «Колониализм умер». Не будем обманываться или утешаться этим, — сказал в своей речи президент Индонезии Сукарно. — Я говорю вам, что колониализм еще не умер. Как можно говорить, что он умер, если обширные районы Азии и Африки остаются несвободными. И я прошу вас не представлять себе колониализм только в классической форме, которую знали мы в Индонезии и наши братья в различных частях Азии и Африки. Колониализм выступает также в современной одежде — в форме экономического контроля, духовного контроля и непосредственно физического контроля, осуществляемого небольшой группой чужеземцев внутри государства. Это искусный и решительный враг, и он появляется во многих обличьях. Он не отдаст легко своей добычи. Где бы, когда бы и как бы он ни проявлялся, колониализм — зло и подлежит искоренению»².

Резолюция «Проблемы зависимых народов» заклеимила колониализм и расизм во всех их проявлениях. Участники конференции заявили о своей поддержке прав народов Алжира, Марокко и Туниса на самоопределение и независимость; поддержали позицию Индонезии по вопросу о Западном Ириане и позицию Йемена по вопросу об Адене и английских протекторатах на юге Аравийского полуострова. Они объявили о поддержке прав арабского народа Палестины и призвали к осуществлению резолюции ООН по палестинскому вопросу и к мирному решению палестинской проблемы.

В резолюции «Права человека и самоопределение» Бандунгская конференция заявила о своей полной поддержке основных прав человека и принципа самоопределения, записанных в уставе ООН; осудила политику и практику расовой сегрегации и дискриминации. Конференция выразила свою «горячую симпатию и поддержку мужественной позиции, занятой жертвами расовой дискриминации, в особенности лицами африканского, индийского и пакистанского происхождения в Южной Африке» и «свое восхищение теми, кто поддерживает их дело...»

Бандунгская конференция уделила большое внимание проблеме ликвидации экономического отставания стран Азии и Африки. Она рекомендовала

¹ Решения Бандунгской конференции см. «Известия», 26 апреля 1955 г.

² «Международная жизнь», 1955, № 5, стр. 19.

странам Азии и Африки организовать техническую помощь друг другу, развивать сотрудничество в целях стабилизации спроса и цен на сырье на мировом рынке, увеличить масштабы переработки сырья в самих странах Азии и Африки и расширить таким образом номенклатуру экспорта; развивать торговлю между странами Азии и Африки, поощрять создание национальных и региональных банков и страховых компаний; обмениваться информацией по вопросам нефтяной политики с целью выработки в последующем единой линии и т. д.

Бандунгская конференция потребовала в своих решениях разоружения и запрещения производства, испытаний и применения ядерного и термоядерного оружия.

Большое значение имела принятая Бандунгской конференцией декларация о содействии всеобщему миру и сотрудничеству. Перечисленные в ней десять принципов по существу соответствуют пяти принципам мирного сосуществования, хотя в декларации и нет прямой ссылки на них. Декларация, принятая в Бандунге, «перекликается с ленинскими положениями о мирном сосуществовании, провозглашенными после победы Великой Октябрьской социалистической революции в России»¹.

Выход на мировую арену молодых национальных государств и рост их международного авторитета и влияния выдвинули вопрос о полномочном участии в работе ООН всех стран Азии и Африки и об увеличении их представительства в этой организации. В соответствии с этим в декларации о содействии всеобщему миру и сотрудничеству Бандунгская конференция поставила вопрос об универсальном характере ООН и потребовала расширения представительства стран Азии и Африки в Совете Безопасности.

Решения Бандунгской конференции отразили волю сотен миллионов людей Азии и Африки. Они нанесли удар по расчетам колонизаторов и агрессоров. Конференция в Бандунге показала возможность принятия согласованных решений по важнейшим проблемам международной политики странами, представляющими различные социальные и политические системы.

В последующие годы пять принципов мирного сосуществования были провозглашены в качестве основы международных отношений более чем половиной государств земного шара. В течение 1955 г. они были записаны в совместных заявлениях СССР и Индии (июнь и декабрь), СССР и Бирмы (ноябрь и декабрь), СССР и Афганистана (декабрь), Индии и Польши (июль), Индии и Саудовской Аравии (декабрь), Югославии и Эфиопии (декабрь).

Бандунгская конференция показала значительный рост национального самосознания народов Азии и Африки за послевоенный период. Она отразила стремление народов к объединению усилий в антиимпериалистической борьбе. Рушился, таким образом, один из основных устоев колониальной политики —

¹ Н. С. Хрущев. О внешней политике Советского Союза. 1960 год, т. I, стр. 127.

принцип разъединения, раскола угнетенных и эксплуатируемых империализмом народов.

Народы Азии и Африки с удовлетворением встретили созыв и итоги работы конференции. В зале «Мердека» присутствовали многие национальные герои стран Азии и Африки — люди, долгие годы томившиеся в тюремных застенках и в эмиграции и боровшиеся за те самые идеи, которые не только были воплощены теперь в решениях Бандунгской конференции, но и обрели материальную силу. И если пресса буржуазных государств вначале пыталась высмеять самую идею созыва конференции азиатских и африканских стран, то уже 24 апреля «Нью-Йорк таймс» ничего не оставалось, как признать, что «создан новый центр дипломатической мощи». Бандунгская конференция как бы подытожила бурные изменения в Азии и Африке в течение первого послевоенного десятилетия; она показала, что складывается нейтралистская группа государств, которая становится новым важным фактором международных отношений.

* *
*

Сопrotивление нейтралистских государств Азии и Африки империалистической политике блоков, наращивания баз, гонки вооружений и развязывания военных авантюр сыграло значительную роль в кризисе империалистической политики силы, политики «балансирования на грани войны» и в ослаблении международной напряженности, наметившейся к середине 50-х годов. Прогрессивный характер нейтрализма проявился также в том, что нейтралистские государства провозгласили основой своей внешней политики идеи и принципы мирного сосуществования.

Объективное совпадение интересов стран социализма и молодых суверенных государств повело к тому, что начало складываться и развиваться сотрудничество этих двух групп стран в решении таких коренных проблем современности, как устранение угрозы мировой термоядерной войны и окончательная ликвидация колониализма. На земном шаре возникла обширная зона мира — могучий фронт, выражающий волю всего прогрессивного человечества и могущий заставить отступить империалистических агрессоров. В период перехода к социализму во всемирном масштабе национально-освободительное движение вливается в общий поток мировой революционной борьбы, становится его составной частью.

Империалисты и их агентура делают все для того, чтобы оторвать национально-освободительную борьбу от международного рабочего движения, от мирового социализма. Но народы, сбрасывающие цепи колониализма, на собственном опыте убеждаются в том, что международный рабочий класс и мировая

социалистическая система — это их могучие и самые надежные союзники в борьбе против империализма, за достижение, сохранение и упрочение национальной независимости, что изоляция освободившихся стран от мировой социалистической системы неизбежно задержала бы их экономическое и социальное развитие, нанесла бы серьезный ущерб их независимости.

Прочный союз и сотрудничество со странами мировой системы социализма, как главной силой в борьбе с империализмом, прочный союз с рабочим движением капиталистических стран является одним из основных условий дальнейших побед национально-освободительного движения.

ОСЛАБЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ ИМПЕРИАЛИЗМА НА МИРОВОЙ АРЕНЕ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС ГЛАВНЫХ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ

Одна из характерных черт мирового развития после второй мировой войны заключается в том, что капитализм оказался не в состоянии противопоставить становлению и развитию социалистической системы какую бы то ни было стабилизацию своей экономики и политики, подобную хотя бы той, что имела место в период между двумя мировыми войнами. Несмотря на определенные успехи, достигнутые рядом капиталистических государств в восстановлении и развитии экономики, несмотря на усиление военного потенциала лагеря империализма в связи с появлением ракетно-ядерного оружия и созданием цепи агрессивных блоков, как основных рычагов империалистической внешней политики и стратегии, кризис капитализма продолжал обостряться.

Пытаясь преодолеть глубокие противоречия в экономике и политике капитализма, американский империализм, взявший на себя миссию «спасителя» старого строя, решил бросить прямой военный вызов социализму и предпринял ряд вооруженных авантур. Доктрина «сдерживания» коммунизма была заменена еще более агрессивной доктриной «освобождения», открыто предусматривающей экспорт контрреволюции.

Материальным воплощением агрессивных военно-политических доктрин империализма, нацеленных на уничтожение мирового социализма, явилось усиление гонки вооружений, сколачивание системы агрессивных блоков, основным стержнем которой стал Североатлантический союз во главе с Соединенными Штатами. Невиданный в условиях мирного времени механизм подготовки войны, созданный международной реакцией, во многом приобрел и самостоятельное значение, как фактор дальнейшего обострения международной напряженности, способствуя, в свою очередь, усилению милитаризации империалистических стран.

Агрессивная авантюра американского империализма в Корее, поддержанная другими империалистическими государствами, была задумана не только как «проба сил», как практическое применение «освобождения», «отбрасывания» коммунизма, но и как далеко идущая политическая диверсия, рассчитанная на подрыв мирного сосуществования двух систем. В то же время руководители капиталистической экономики США и других стран возлагали большие надежды на корейскую войну как на фактор, который подстегнул бы темпы экономического развития, снял или отодвинул угрозу кризиса.

Война в Корее не остановила развитие процессов, подрывавших устои капиталистической системы. Ставка американского империализма на решение исторического спора между двумя системами силой оружия была сделана в обстановке, когда империалистические политики и стратеги меньше, чем когда-либо ранее, могли рассчитывать на успех. Создание и быстрое совершенствование советского атомного, а затем и водородного оружия явилось сокрушительным ударом по военно-стратегическим планам лагеря империализма, по планам установления мировой гегемонии США.

Империалистические политики США в сложившихся условиях не решились прибегнуть к своему «последнему доводу» в историческом споре с мировым социализмом — к термоядерной войне. Продолжение политики «балансирования на грани войны» и «массированного возмездия» было чревато тяжелейшими последствиями для самих Соединенных Штатов. В случае развязывания ими мировой войны они неминуемо оказались бы под ударом невиданных по своей силе средств разрушения. События этих лет еще раз выявили, что между двумя системами соотношение сил все больше изменялось в пользу социализма и в результате этого все более бесперспективной становилась вооруженная борьба против мировой системы социализма. Доктрина «освобождения» оказалась практически бесплодной для ее вдохновителей и исполнителей.

Главным итогом развития внешней политики и военной стратегии империализма в первой половине 50-х годов явилось поражение курса на ликвидацию мирового социализма с помощью военных средств. Объективный ход истории все более вел к тому, что мирное сосуществование становилось единственным реальным «модусом вивенди» капиталистических и социалистических государств.

Обострение кризиса внешней политики империализма было связано также с дальнейшим распадом колониальной системы. В условиях существования мировой системы социализма колонизаторы под натиском национально-освободительного движения были вынуждены отступать, сдавая одну позицию за другой. Они оказались не в состоянии помешать укреплению

независимости и самостоятельному развитию освободившихся стран. Провалились попытки империалистов заставить молодые национальные государства Азии, возникшие на месте бывших колоний, следовать в фарватере империалистической политики, вовлечь их в агрессивные военно-политические блоки. В Африке — последнем оплоте «классического» колониализма — ход событий все более очевидно обнаруживал банкротство как старых, так и «модифицированных» методов подавления борьбы народов за независимость.

Кризис внешней политики империализма затронул и сферу межимпериалистических отношений. Внутри империалистического лагеря нарастали изменения в расстановке сил, предвещая глубокие качественные сдвиги. Американский империализм, достигнув зенита своего влияния в капиталистическом мире, овладев, казалось бы, основными рычагами его экономики и политики, в то же время объективно способствовал восстановлению и усилению своих капиталистических конкурентов. На арене мировой политики все более активно выступают Англия, Франция, ФРГ, Италия, Япония. Завязываются новые узлы острых межимпериалистических противоречий между монополистическим капитализмом США и западноевропейских стран, а также Японии, которые особенно настойчиво дали о себе знать в последующие годы.

В рассматриваемый период во все большей степени пробуждалось сознание масс; они становились еще более активными участниками политической борьбы, особенно по вопросам войны и мира. Роль народных масс в международных отношениях возрастала по мере того, как мировая система социализма превращалась в определяющий фактор в мировой политике, по мере того, как росло и крепло международное рабочее движение, по мере того, как освободившиеся страны, выступая в защиту принципов мирного сосуществования, начинали играть самостоятельную роль во внешнеполитических событиях.

Первая половина 50-х годов ознаменовалась, таким образом, сужением сферы господства внешней политики империализма, расширением сферы влияния нового, социалистического типа международных отношений. Хотя агрессивная природа империализма не изменилась, его реальные возможности развязывать войны существенно уменьшались, ибо росли материальные и моральные силы народов, способные преградить путь военным авантюрам империалистических держав, обуздать агрессоров.

Необратимые процессы, связанные как с продолжающимися сдвигами в расстановке сил двух систем на мировой арене, так и с углублением противоречий внутри капиталистических стран, подготавливали наступление нового, третьего этапа общего кризиса капитализма.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 50-х ГОДОВ

Успехи мирового социализма, революционного рабочего движения в капиталистических странах, национально-освободительной борьбы угнетенных народов, общедемократического движения, достигнутые в первое послевоенное пятилетие, все развитие мирового революционного процесса способствовали новому обострению противоречий в экономике мирового капитализма, усиливали кризис буржуазной политики и идеологии.

Империализму, пытавшемуся отвоевать утерянные им позиции, не удалось изменить соотношение сил в свою пользу. Ход событий свидетельствовал о прогрессирующем ослаблении империализма и росте мощи противостоящих ему революционных сил.

Яснее стал виден углубляющийся раскол внутри капиталистического мира. Отчетливо выявилось стремление стран Азии и Африки выступать единым фронтом против попыток империалистов восстановить и укрепить колониальную систему. В противовес политике экономической блокады социалистических стран, проводимой под давлением США империалистическими державами, молодые суверенные государства Азии и Африки, а также страны Латинской Америки стремились налаживать экономические связи с Советским Союзом и другими странами социалистического лагеря.

Не удалось империализму добиться и сплочения своего лагеря. Закон неравномерности экономического и политического развития вел к возрождению старых и возникновению новых противоречий между империалистическими странами. Уже в середине 50-х годов обрели былую экономическую силу побежденные в войне государства. Одним из факторов, ускоривших их экономическое развитие, были сравнительно небольшие в ту пору расходы на вооружение. Это облегчало западногерманским и японским монополиям конкурентную борьбу на мировом рынке.

Большое влияние на изменения в экономической структуре высокоразвитых капиталистических стран оказывала научно-техническая революция. Но она почти не коснулась слаборазвитых стран. В результате этого разрыв между двумя группами стран капиталистического мира еще более углубился. Прогрессивные силы молодых суверенных государств, опираясь на обретенную политическую независимость, стремились к достижению экономической независимости. В этом проявилась новая черта процесса распада колониальной системы империализма.

В противовес мощному росту экономики и политическому сплочению мировой социалистической системы, а также неудержимо развивающемуся рабочему и национально-освободительному движению империалисты предпринимали новые попытки упрочить лагерь международной реакции. На смену «доктрине Трумэна» и «плану Маршалла» пришли другие формы «помощи» и методы создания международных государственно-монополистических организаций, в частности, в Западной Европе, которые были призваны укрепить военные блоки и способствовать экономической «интеграции» империалистического лагеря. Представляя собой интернациональное объединение монополий для борьбы против социализма, рабочего класса и национально-освободительного движения, международные государственно-монополистические объединения постепенно все более становились новыми очагами межимпериалистического соперничества.

Хотя реакции удалось добиться отдельных временных успехов в наступлении на трудящиеся массы, в целом 1950—1955 годы характеризуются ростом и укреплением рабочего движения и большим размахом стачечной борьбы, отражавшими обострение противоречий между трудом и капиталом. Решительные, смелые выступления трудящихся за свои повседневные экономические интересы привели к некоторому повышению реальной заработной платы в отдельных капиталистических странах.

Таковы наиболее характерные тенденции экономического и политического развития капиталистических стран в первую половину 50-х годов.

1. Милитаризация хозяйства, усиление экономической неустойчивости и углубление неравномерности развития капиталистических стран

В 1950—1955 гг. явственно обнаружились некоторые новые черты в циклическом развитии мирового капиталистического хозяйства. Как раз к началу нового десятилетия Западная Европа и Япония закончили восстановительный период. Их экономика перешагнула довоенный уровень и вступила в восходящую фазу цикла. Крупные капитальные вложения направлялись на реконструкцию хозяйства. Создавалась новая отраслевая структура экономики, все более сближавшая Западную Европу и Японию с США по технической вооруженности труда и уровню его производительности. Капиталистические страны, экономика которых пострадала в результате войны, быстро шли вперед в восстановлении и развитии.

Иная обстановка создавалась в США и Канаде. Их экономика, развивавшаяся быстрыми темпами за счет заказов периода войны и послевоенного товарного голода на мировом капиталистическом рынке, должна была приспособливаться к более медлен-

ному росту платежеспособного спроса и к обострившейся конкурентной борьбе.

Вскоре после окончания войны в Корее обнаружилось, что страны капитализма, не обремененные гонкой вооружений, могут развивать свою экономику значительно быстрее государств, ставших на путь милитаризации своего хозяйства. Таким образом, выявились фальшь и несостоятельность концепции поджигателей войны о благотворности милитаризованной экономики как фактора, якобы обеспечивающего экономический «бум».

Более быстрые темпы роста экономики стран Западной Европы и Японии углубили неравномерность развития в мировом капиталистическом хозяйстве. Представление об этом дает сопоставление темпов роста промышленности экономически наиболее развитых капиталистических стран.

**Индексы промышленного производства
капиталистических стран¹**
(1950 г. = 100)

Страны	1951 г.	1952 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.	Среднего- довой темп прироста за 1950— 1955 гг. (в %)*
США	107	111	119	111	124	4,4
Канада	107	111	118	115	125	4,7
Англия	103	100	106	114	119	3,8
ФРГ	119	128	139	156	181	12,6
Франция	114	118	115	125	136	5,8
Италия	115	119	131	144	156	8,6
Бельгия	114	111	111	120	129	4,5
Голландия	103	103	114	126	134	6,6
Швеция	104	103	103	107	111	2,7
Австрия	113	114	116	133	149	5,0
Дания	102	98	102	111	113	2,4
Норвегия	108	109	115	122	126	5,8
Япония	135	149	182	196	206	16,5

* Подсчеты автора.

В 1955 г. промышленное производство всего капиталистического мира выросло по сравнению с 1950 г. на 33%, в Западной Европе — на 40, в Японии — на 106, а в США — только на 24%.

Во всех странах, которые в годы второй мировой войны были театром военных действий, прирост промышленной продукции оказался больше, чем в США и Канаде. Исключение составляют лишь Англия и Дания. Англия не испытала непо-

¹ «Экономическое положение капиталистических стран в 1955 году», М., 1956, стр. 5—6.

средственного вражеского нашествия, в Дании же, хотя она и подверглась оккупации, военных действий почти не велось. Все это особенно наглядно подтверждает, насколько прогнул капитализм, для которого «стимулом» быстрых темпов роста производства являются война, ее разрушения и бедствия. В первой половине 50-х годов рост промышленного производства в Западной Европе и Японии еще в значительной мере был связан с ликвидацией последствий войны. В странах, где происходили военные действия, к началу 50-х годов оставались разрушенные жилища и производственные здания, не было завершено обновление оборудования многих отраслей, которое пришлось отложить в годы войны.

В докладе Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС отмечалось: «В европейских капиталистических странах из-за кризисов и депрессии тридцатых годов, а затем из-за войны основное производственное оборудование не обновлялось по сути дела 15—20 лет. Модернизация основного капитала, сильно изношенного и разрушенного в годы войны, по-настоящему развернулась здесь лишь в 1951—1954 годах. Это позволило значительно увеличить производство оборудования»¹.

То обстоятельство, что ликвидация экономических последствий войны продолжалась и в эти годы, имеет чрезвычайно важное значение для понимания природы экономического подъема, наблюдавшегося в странах Западной Европы и в Японии. Буржуазные экономисты настойчиво доказывают, что к 1950 г. экономические последствия войны будто бы уже оказались полностью ликвидированными и начавшаяся с 50-х годов высокая конъюнктура целиком определялась вновь обретенной способностью капитализма преодолевать циклическое развитие и обеспечить непрерывный рост производства. Однако факты показывают, что капитализму не удалось преодолеть недуг циклического развития. В 1952 г. произошло небольшое сокращение производства в Англии, Бельгии, Швеции, Финляндии и Дании. В 1953—1954 гг. экономический кризис вызвал сокращение промышленного производства в США и Канаде.

Решающее влияние на состояние мировой капиталистической экономики, на усиление ее неустойчивости и загнивания имели темпы и характер развития хозяйства *Соединенных Штатов Америки*.

На экономику США в начале 50-х годов определенное влияние оказала война в Корее. Хотя эта война была «локальной» и не вызвала полной перестройки всего хозяйства США на военный лад, она все же привела к созданию военно-инфляционной конъюнктуры. Это имело отрицательные последствия не только

¹ Н. С. Хрущев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. I, стр. 15—16.

для американской, но и для мировой капиталистической экономики.

Во-первых, правящие круги США, предприняв авантюру в Корее, исходили из возможности последующего ее перерастания в новую мировую войну¹. В связи с этим мобилизация ресурсов в США значительно превышала масштабы и потребности «локальной войны». Правительство ассигновало большие средства для закупки стратегического сырья в других капиталистических странах. Накопление запасов в США вызвало спекулятивное повышение цен на стратегическое сырье и бурный рост его производства во многих капиталистических странах. Внезапное прекращение этих закупок еще в ходе корейской войны породило кризис перепроизводства в аграрно-сырьевых странах. Катастрофическое падение цен на сырье создало длительные и серьезные экономические трудности для большинства слаборазвитых стран капиталистического мира, положило начало резкому усилению их ограбления на основе неэквивалентного обмена.

Во-вторых, милитаризация экономики США во время войны в Корее шла чрезвычайно быстрыми темпами. Она была обусловлена не только крупными государственными ассигнованиями. Важную роль сыграли также большие частные инвестиции в военное производство. В отличие от первых лет второй мировой войны, когда монополии США воздерживались от вложений собственных средств в военную промышленность, предпочитая, чтобы капиталовложения делало государство, с началом войны в Корее они не проявляли никаких колебаний или сомнений. Монополии были убеждены в длительности военной конъюнктуры и спешили максимально использовать ее выгоды.

В-третьих, во время войны в Корее большие ресурсы были мобилизованы для производства атомного и термоядерного оружия. Строились как специализированные военные заводы, так и предприятия, обеспечивающие их оборудованием, машинами и сырьем.

Все это было причиной того, что «локальная» война в Корее не только дала толчок росту чисто военных отраслей, но и создала видимость оживления промышленности.

Война в Корее, однако, не ликвидировала кризис перепроизводства в сельском хозяйстве США. В отличие от второй мировой войны она не потребовала больших поставок продовольствия для армии. Расширение посевных площадей и увеличение фермерами сельскохозяйственной продукции в расчете на военную конъюнктуру еще больше обострило проблему сбыта «излишков».

Военно-инфляционная конъюнктура с ее атмосферой спекуляции и казнокрадства способствовала обогащению в первую очередь крупнейших монополий, еще больше укрепивших свои позиции в экономике США.

¹ B. G. Hickman. The Korean War and United States Economic Activity. 1950—1952. N. Y., 1955, p. 10.

Война в Корее способствовала усилению паразитизма и загнивания американского империализма. Она привела к раздуванию милитаризованного сектора экономики США и втягиванию в военный бизнес все более широких кругов монополистической буржуазии. Эта война резко ускорила рост государственно-монополистического капитализма и расширение гарантированного государственного рынка для крупнейших монополий. За время войны удельный вес государственных закупок в валовом продукте страны вырос с 6,8% в 1950 г. до 16% в 1953 г.¹ В 1950—1953 гг. был возрожден аппарат военного регулирования хозяйства США.

Важные последствия для экономики США имело то, что расширение военно-производственного аппарата шло главным образом за счет частных инвестиций монополий. Государственные капиталовложения направлялись по преимуществу в атомную и авиационную промышленность. За годы второй мировой войны доля государства в общих затратах на строительство составляла 50%, а во время корейской войны — 30,3%².

Приманкой для больших частных капиталовложений в военное производство была вновь введенная в сентябре 1950 г. система ускоренной амортизации, которая освобождала монополии от налогового обложения значительной части прибыли и устанавливала искусственно завышенные цены на их продукцию. Ускоренная амортизация была в сущности замаскированной формой государственного финансирования монополий. Она позволяла монополиям в течение трех—пяти лет возместить не только затраты капитала, направленные для нужд войны, но и те, которые ими делались для расширения своего гражданского производства.

За время корейской войны было выдано «свидетельств о необходимости», позволяющих использовать привилегию ускоренной амортизации, на сумму в 29 млрд. долл., из которых было реализовано, т. е. израсходовано на строительство предприятий, 21,5 млрд. долл.³

Сразу же после окончания войны в Корее начался новый экономический кризис, продолжавшийся с июля 1953 г. по апрель 1954 г. Промышленное производство США за время кризиса сократилось примерно на 10%. В 1954 г. оно уменьшилось по сравнению с 1953 г. на 5,8%, а в 1955 г. начало расти. Финансовая олигархия использовала кризис как повод для требований не сокращать военные расходы, которые якобы нужны как наиболее надежное антикризисное мероприятие. Однако ход событий доказал несостоятельность доводов поборников гонки вооружений.

Убедительным примером несостоятельности каннибальского тезиса о благотворном воздействии милитаризации на экономику может служить развитие *Англии*. В этой стране большие расходы на вооружение и ведение колониальных войн стали серьезной помехой расширенного воспроизводства. В январе 1951 г. английское правительство приняло трехлетнюю программу вооружения, по которой было намечено истратить 4700 млн. ф. ст. Уже в 1953 г. военные расходы вдвое превысили расходы 1948 г. По величине военных расходов на душу населения Англия оставила позади своих главных конкурентов в Западной Европе⁴.

¹ «Handbook of Basic Economic Statistics», 15. IX. 1959, p. 224.

² См. С. А. Далли. Военно-государственный монополистический капитализм в США. М., 1961, стр. 89.

³ W. Adams and H. Gray. Monopoly in USA Government as Promoter. N. Y., 1955, p. 87.

⁴ Если принять военные расходы на душу населения в Англии в 1955 г. за 100, то во Франции они составляли — 61, в ФРГ — 39 и в Италии — 39 («National Institute Economic Review», № 10, VII. 1960).

В связи с войной в Корее в Англии была возрождена действовавшая во время второй мировой войны система «приоритетов» и «суперприоритетов». Наиболее дефицитные материалы, оборудование, кредиты и субсидии предоставлялись в 1951—1953 гг. военными министерствами только крупнейшим монополиям, изготовлявшим вооружение. В отличие от США, где гонка вооружений в период войны в Корее вызвала некоторый рост производства, в Англии милитаризация экономики сразу же породила большие трудности.

Это различное воздействие милитаризации на экономику США и Англии объясняется специфическими обстоятельствами. В США к началу войны в Корее имелись резервные производственные мощности и значительная армия безработных. Использование их создало иллюзию процветания. В Англии, наоборот, в ведущих отраслях экономики наблюдалась нехватка и постоянного и переменного капитала. Милитаризация поэтому сразу же обострила проблему сырья и топлива, а также породила спрос на квалифицированных рабочих, превышавший предложение на рынке рабочей силы. Она не только не дала толчок росту гражданских отраслей, а, наоборот, сдерживала их развитие.

В результате регулирования экономики в пользу военных монополий в гражданских отраслях возник топливный и сырьевой кризис, который вызвал сокращение их производства. В 1952 г. в Англии общий индекс промышленной продукции упал на 2,5%, а в обрабатывающей промышленности — на 5%. Гонка вооружений ослабила внешнеторговые позиции Англии. За период войны в Корее ее удельный вес в общем экспорте капиталистических стран заметно сократился, а ФРГ и Японии — резко вырос.

Рост производства в Англии сдерживался не только большими военными расходами, но и значительным экспортом капитала. Английская монополистическая буржуазия сохраняла традицию изыскивать источники обогащения не только внутри страны, а вне ее, за счет эксплуатации других народов.

Все эти причины объясняют медленные темпы расширения производственного аппарата Англии. Доля инвестиций в основной капитал по отношению к валовому национальному продукту составляла в Англии в 1950—1955 гг. ежегодно от 12 до 15%, тогда как в ФРГ, например, она достигала 19—22%¹. В 1953—1955 гг. значительно выросло производство в «новых отраслях» — автомобильной, электротехнической, химической, а также увеличился выпуск продукции сельского хозяйства.

В этот период отчетливо проявились изменения в экономике Англии, вызванные развитием государственно-монополистического капитализма. Национализация энергетики и транспорта, проведенная лейбористским правительством, дала возможность английским монополиям, получившим щедрую компенсацию за национализированные предприятия, изъять капитал из нерентабельных отраслей и направить его в наиболее доходные «новые» отрасли. В то же время государство за счет бюджета модернизировало национализированные отрасли и тем самым помогло монополиям сократить расходы на электроэнергию, топливо и транспорт, снизить свои издержки производства.

К перестройке промышленности в определенной мере вынуждала и потеря «закрытых» колониальных рынков, которые раньше были ограждены от проникновения конкурентов. Возникшие молодые суверенные государства лишали английских экспортеров их былых привилегий. Англия утратила возможность навязывать бывшим колониям старую номенклатуру экспорта, которая была приспособлена к тому, чтобы сохранить их на положении аграрно-сырьевых придатков. Освободившиеся страны нуждались во ввозе машин, чтобы развивать свою промышленность. Советский Союз и другие

¹ «Monthly Bulletin of Statistics», XII. 1957, p. XVII—XXII.

социалистические страны сразу же изъявили готовность удовлетворять эту их потребность. Англия, чтобы не потерять свои традиционные рынки, должна была изменить номенклатуру экспорта и вместо текстиля и других потребительских товаров вывозить оборудование и машины. Но изменения в ее экономике происходили очень медленно.

На расстановку сил внутри империалистического лагеря большое влияние оказали сдвиги в экономике, происшедшие в первой половине 50-х годов в ФРГ, Франции, Италии и Японии.

По темпам обновления и расширения основного капитала *Западная Германия* далеко опередила своих главных европейских конкурентов. В то время как с 1950 по 1955 г. валовые капиталовложения в ФРГ увеличились на 68%, в Англии они возросли только на 31%, а во Франции — на 26% ¹.

Государственно-монополистические мероприятия, связанные в других империалистических странах главным образом с милитаризацией, в ФРГ были направлены прежде всего на стимулирование таких изменений в экономике, которые повысили бы ее конкурентоспособность на мировом капиталистическом рынке. Роль государства в накоплении капитала заметно выросла. Так, если в 1934—1938 гг. доля средств бюджета в долгосрочном финансировании капиталовложений не превышала 25,8%, то в 1949—1956 гг. она достигла 35,4% ².

Западногерманский империализм использовал для своего экономического перевооружения не только внутренние источники накопления капитала. Большое значение имела поддержка западногерманских монополий со стороны США. «...Помощь, оказанная в рамках плана Маршалла и смежных с ним программ, — указывал министр экономики ФРГ Л. Эрхард, — превысила за время с апреля 1948 г. по конец 1954 г. 1,5 миллиарда долларов. К этому следует прибавить те существенные поставки, которые мы получили еще до начала действия плана Маршалла... и размер которых с 1946 по 1950 г. выражается суммой в 1,62 млрд. долл.» ³

Рост промышленного производства в ФРГ опирался не только на расширение внутреннего рынка. Большое значение имела и успешно развивавшаяся экспансия на внешних рынках. Благоприятные предпосылки для нее создали война в Корее и резкое усиление милитаризации экономики стран НАТО. Переключение тяжелой промышленности этих стран на производство вооружений привело к сокращению ими выпуска машин и оборудования для гражданских нужд. Этим воспользовались монополии ФРГ, чтобы резко увеличить производство и экспорт машин.

Экспорт машин в 1954 г. вырос на 16,3%, а в 1955 г. — на 15,3% ⁴.

Хотя производство потребительских товаров уступало по темпам роста отраслям, изготовляющим средства производства, и в особенности машины и оборудование, оно все же заняло важное место в экономике ФРГ. Правительство Бонна оказывало поддержку системе потребительского кредита, чтобы облегчить сбыт товаров длительного пользования, ассигновало значительные средства на жилищное строительство. Эти экономические меры были вызваны определенной политической стратегией. Правящие круги западных держав рассчитывали на то, что ФРГ, расположенная рядом с социалистическими странами, и особенно с ГДР, явится своеобразной «витриной свободного мира». С этой целью боннские правители широко прибегали к методам

¹ «8-th Report of the OEEC Europe To-day and in 1960», vol. 1, p. 100.

² «Bericht des Deutschen Wirtschaftsinstitut», 1957, № 21, S. 4.

³ L. Erhard. Wohlstand für Alle. Düsseldorf, 1957, S. 24.

⁴ См. «Воспроизводство капитала и положение рабочего класса в Западной Германии». М., 1961, стр. 222.

подкупа трудящихся. Складывавшаяся для ФРГ в те годы благоприятная экономическая конъюнктура до некоторой степени способствовала осуществлению этих политических целей. В условиях экономического подъема постепенно рассасывалась безработица, а изменившаяся обстановка на рынке труда позволяла рабочим путем стачечной борьбы добиваться повышения заработной платы. Это способствовало расширению внутреннего рынка для потребительских товаров, производство которых приносило огромные прибыли западногерманским монополиям.

Экспорт потребительских товаров приобрел важную роль в экспансии ФРГ на внешних рынках. Их доля увеличилась за счет сокращения экспорта средств производства¹.

Роль внешней торговли для экономики ФРГ неуклонно возрастала. В 1948 г. общий оборот внешней торговли составлял лишь 15,1% стоимости валовой национальной продукции, в 1950 г. — 22, а в 1955 г. — 30,6%. С 1951 г. баланс внешней торговли ФРГ становится активным и обеспечивает возрастающее накопление валютных резервов. Запасы золота и валюты в Банке немецких земель выросли с 1,52 млрд. марок в 1951 г. до 12,81 млрд. в 1955 г. Марка становится в этот период прочной валютой и серьезной соперницей доллара и фунта стерлингов. Не случайно уже весной 1956 г. газета английских финансовых кругов «Файненшиэл таймс» констатировала: «Опасность, что немецкая марка займет место стерлинга в качестве интернационального платежного средства, увеличивается день ото дня, и правительство ФРГ не теряет времени, чтобы использовать улучшающийся баланс своей страны»².

Экономически перевооружившийся монополистический капитал ФРГ применил новые методы в борьбе за рынки сбыта и сферы влияния. Правящие круги ФРГ, стремясь прежде всего обеспечить себе монопольное положение на рынках Западной Европы и нанести здесь удар своему важнейшему конкуренту — Англии, стали требовать введения свободной торговли. Монополии ФРГ имели в виду не только ликвидацию таможенных барьеров. Благодаря высокой конкурентоспособности им удавалось преодолевать эти барьеры. Они добивались ликвидации другими странами количественных ограничений, ставивших расширение импорта в зависимость от соответствующего увеличения своего экспорта. В этом монополии ФРГ пользовались поддержкой США, которые тоже были заинтересованы в устранении торгово-политических ограничений для своего экспорта.

Через Организацию европейского экономического сотрудничества правящие круги ФРГ настойчиво толкали страны Западной Европы на путь либерализации внешней торговли. Такая позиция в наибольшей мере соответствовала и их новой форме борьбы за гегемонию в Западной Европе, которая велась под лозунгом «европейского единства».

Наряду с курсом на либерализацию внешней торговли, т. е. ликвидацию количественных ограничений импорта, правительство ФРГ стало проводить и снижение таможенных пошлин, что облегчало наступление на рынках Западной Европы. Успехи монополий ФРГ в этой области были столь значительны, что в конце 1955 г. правительство отменило закон о поощрении экспорта.

Хотя западногерманские монополисты сумели одержать первые победы в борьбе со своими империалистическими соперниками за экономический передел капиталистического мира и достигли их в значительной мере за счет расширенного воспроизводства в гражданских отраслях экономики, они по-прежнему были одержимы стремлением вернуться к своей старой специализации, т. е. снова стать фабрикантами оружия. Причиной этого было то, что монополии, вскормившие фашизм, оставались хозяевами в ФРГ. Они

¹ В 1950 г. на средства производства приходилось 82,5%, а на предметы потребления — 17,5% всей стоимости экспорта, в 1955 г. соотношение было 76,7% и 23,3% (см. «Воспроизводство капитала и положение рабочего класса в Западной Германии», стр. 237).

² «Financial Times», 11. IV. 1956.

не отказались от своих агрессивных милитаристских устремлений и только выжидали благоприятных условий, чтобы развернуть гонку вооружений.

Монополии ФРГ — старые «фабриканты смерти» — имели и производственную базу и достаточный опыт в переключении гражданского производства на нужды армии. «Разделение труда» в производстве вооружения было наиболее приемлемой формой, чтобы исподволь превратить ФРГ, которая уже догоняла Англию по объему промышленной продукции, в самую сильную военную державу Западной Европы. Немецкие империалисты хотели иметь не только золото, но и булат, чтобы в полной мере осуществлять политику «с позиции силы».

Во Франции только в 1951 г. был впервые превзойден объем промышленного производства, достигнутый в 1929 г. После длительного застоя и упадка начался некоторый подъем экономики. В 1955 г. по сравнению с 1950 г. промышленное производство выросло на 36%. В этот период уже сказались результаты крупных вложений в основной капитал, осуществленных государственно-монополистическим капитализмом, который широко использовался финансовой олигархией для воздействия на процесс воспроизводства в интересах повышения конкурентоспособности своих предприятий.

С 1952 по 1956 г. общая сумма капиталовложений во Францию и ее колониях составляла 8406 млрд. франков, в том числе из государственных средств было инвестировано 4684 млрд., т. е. больше половины¹.

Государство приняло на себя расходы по реконструкции и модернизации в первую очередь тех отраслей экономики, которые были наименее рентабельными. Но в отличие от Англии государственный сектор во Франции включал и высокоприбыльные предприятия новых отраслей, например автомобильные заводы «Рено». Генеральный комиссариат планирования, созданный еще в 1946 г., осуществлявший координацию государственных и частных инвестиций, добивался обновления основного капитала и внедрения новой техники во все ключевые отрасли хозяйства, чтобы поднять конкурентоспособность Франции на внешних рынках и преодолеть ее технико-экономическую отсталость от передовых капиталистических стран. Образование «обществ смешанной экономики», в которых государственный капитал объединялся с частным, позволило наиболее крупным монополиям широко использовать средства государственной казны для своего обогащения. Большие инвестиции были направлены на укрепление энергетической базы, которая давно являлась слабым звеном французской экономики. В 1950 г. был создан государственный «фонд по поддержке жидкого топлива», через который крупные суммы направлялись на разработку вновь открытых во Франции богатых месторождений газа, а также на разведку и добычу нефти как в метрополии, так и в колониях.

Наряду с внутренними источниками капиталовложений немалую роль сыграли и внешние. С середины 1945 г. до середины 1955 г. Франция получила от США 5,4 млрд. долл., в том числе 3,9 млрд. в виде безвозмездных «субсидий» и около 1,5 млрд. долл. — в форме кредитов.

Модернизированная, технически перевооружившаяся промышленность Франции стала более конкурентоспособной на внешних рынках, значение которых увеличилось для ее экономики. До войны на экспорт шло около 16% ее продукции, а в 1954 г. — уже более 21%. Возрастающее значение в обеспечении экспансии на внешних рынках приобрел экспорт капитала. В начале

¹ «Statistiques et études financières», IV. 1957, p. 513.

1950 г. он составлял 285—300 млн. долл. в год¹. К 1955 г. общий объем французских капиталовложений за границей превзошел довоенный уровень. Капитал в значительной части экспортировался в колонии Франции и направлялся там главным образом на разработку минеральных ресурсов. Доля колоний выросла и в товарном экспорте Франции, достигнув в 1954 г. около 56%.

Однако рост производства во Франции сдерживался осуществлявшимися в тот период колониальными авантюрами империалистов, дорого обходившимися народу. Грязная война во Вьетнаме вела к непрерывному раздуванию военного бюджета. Вооружение и военные материалы составляли в 1953—1955 гг. 15—16% всей промышленной продукции Франции². Вполне понятно, что непропорционально использование столь значительной доли производственного аппарата ослабляло Францию в межимпериалистической конкурентной борьбе.

В *Италии*, которая, подобно ФРГ, в 1950—1955 гг. оказалась почти избавленной от расходов на вооружение, промышленный подъем был более интенсивным, чем во Франции. В 1955 г. промышленная продукция в Италии увеличилась по сравнению с 1950 г. на 56%. Государственный сектор, оказавшийся в руках монополий, был использован для форсирования темпов накопления капитала и технического перевооружения промышленности.

Развитие государственно-монополистического капитала значительно укрепило конкурентоспособность итальянского империализма в борьбе с его соперниками. Существенную роль сыграло и то, что в Италии, зависевшей до войны от импорта больших количеств угля и нефти, после войны были обнаружены значительные месторождения газа и нефти.

Для Италии стал характерным быстрый рост наиболее монополизированных отраслей промышленности при замедлении и отставании тех отраслей, в которых преобладают средние и мелкие предприятия. Доля 140 крупнейших промышленных компаний (менее 1% общего числа компаний) в общей сумме промышленных капиталовложений возросла с 15% в 1938 г. до 65% в 1951 г. и до 72% в 1954 г.³

Усиление роли финансовой олигархии проявилось и в высоких темпах роста монополизированных отраслей: автомобильной (господствует концерн «ФИАТ»), производство счетных машин (компания «Оливетти»), химической (концерн «Монтекатини»), искусственного волокна («СНИА-вискоза»), а также предприятий энергетической, металлургической, нефтяной и других отраслей тяжелой промышленности, входящих в состав государственно-монополистических концернов «ИРИ» и «ЭНИ». Монополии усилили контроль и над сельским хозяйством Италии.

Эти монополизированные отрасли экономики и господствующие в них группировки стали проявлять большую активность в борьбе за рынки и сферы приложения капитала. В 50-х годах Италия становится экспортером капитала, который направляется главным образом в страны Латинской Америки, Ближнего и Среднего Востока. Итальянские монополии начали принимать участие в международных консорциумах по вложению капитала не только в слаборазвитых странах, но и в Западной Европе. Вместе с тем

¹ «Lloyds Bank Review», VII. 1954.

² См. «Вопросы экономики», 1956, № 8, стр. 128.

³ См. «Мировая экономика и международные отношения», 1960, № 9, стр. 66.

переплетение интересов итальянской финансовой олигархии с интересами монополистических групп других стран усилилось вследствие притока иностранного капитала в Италию. Одни лишь частные капиталовложения США в Италию выросли с 63 млн. долл. в 1950 г. до 207 млн. долл. в 1956 г.¹

К середине 50-х годов Италия уже значительно приблизилась по многим показателям экономики к развитым капиталистическим странам и стала их серьезным конкурентом в некоторых районах и секторах мирового рынка.

Наиболее динамичной среди империалистических стран в эти годы оказалась Япония. По темпам развития экономики она заняла первое место в капиталистическом мире. С 1950 по 1955 г. ее промышленная продукция выросла более чем в 2 раза. Это был не только количественный рост. Он сопровождался существенными изменениями пропорций как в хозяйстве Японии, так и в ее классовой структуре.

Одной из важнейших причин быстрого роста производства были изменения социально-экономической и политической обстановки в стране. Под натиском демократических сил в Японии произошли прогрессивные преобразования. В значительной мере были ликвидированы полуколониальные условия существования рабочего класса, дешевизна труда которого являлась экономической основой «социального демпинга», обеспечивавшего до войны экспансию Японии на внешних рынках. В Японии возникли массовые профсоюзы, проявившие небывалую политическую активность. Они добились 8-часового рабочего дня, введения трудового и социального законодательства и повышения жизненного уровня трудящихся. Завоевания рабочего класса привели к росту его платежеспособного спроса на внутреннем рынке. Этому же способствовала аграрная реформа, ликвидировавшая класс помещиков, которая во многом создала новую обстановку в деревне и повысила ее рыночный спрос².

Но больше всего внутренний рынок рос за счет спроса на средства производства в связи с массовым обновлением основного капитала промышленности и развитием новых ее отраслей. Необходимость в модернизации и техническом перевооружении вызывалась не только тем, что в Японии с 30-х годов не было сколько-нибудь значительного обновления основного капитала. Японские монополии уже не могли сохранять нищенский уровень заработной платы рабочих и за счет этого поддерживать конкурентоспособность. Они были вынуждены добиваться этого путем повышения производительности труда на основе использования новейшей техники.

Потеря Японией традиционных рынков и необходимость ориентироваться на экспорт в развитые капиталистические страны настоятельно требовали создания новых отраслей промышленности.

Японские монополии смогли использовать некоторые благоприятные для них условия. Экономика Японии, развивавшаяся под знаком милитаризма на протяжении нескольких десятилетий, в эти годы почти не несла бремени производительных расходов на производство оружия. Перевооружение японской армии осуществлялось главным образом за счет поставок из США.

Япония получила от США, которые стремились к усилению своего влияния, экономическую помощь, имевшую существенное значение для развития энергетики, черной металлургии и других отраслей тяжелой промышленности. Важную роль в реорганизации промышленности играл импорт машин и обо-

¹ «Survey of Current Business», VIII. 1959, p. 30.

² Объем закупок крестьянами средств производства вырос к 1956 г. против 1934—1936 гг. в 2,3 раза, а средств потребления — в 2 раза (см. «Монополистический капитал современной Японии». М., 1961, стр. 189).

рудования из США на основе соглашений о «технической помощи». На этой базе были заново созданы нефтехимия, производство пластмасс, электроника, автомобильная промышленность и значительно реконструирована такая традиционная отрасль, как судостроение. Американские империалисты, стремясь упрочить позиции японских монополий, передавали им «специальные заказы» на товары и услуги для своих войск, находящихся в Японии, Южной Корее, Южном Вьетнаме и Таиланде. «Специальные заказы», оплачиваемые долларами, явились источником валютных резервов для оплаты импорта из США.

Но большая часть капиталовложений обеспечивалась за счет внутренних источников. Быстрые темпы роста производства определялись высоким уровнем накопления¹. Этому способствовала система государственно-монополистических мероприятий по перераспределению национального дохода в пользу наиболее монополизированных отраслей экономики.

Уже к середине 50-х годов стало ясно, что японский империализм в своей экономической экспансии не будет ограничиваться теми рамками, которые для него стремились установить США. На рынках развитых стран все более прочные позиции завоевывала продукция новых отраслей и судостроения Японии. В слаборазвитые страны наряду с традиционными товарами Япония стала вывозить также машины и оборудование. Возвращению Японии на рынки Юго-Восточной Азии помогла система репараций, которые она обязалась оплачивать поставками своих товаров.

Неравномерность развития обусловила изменения в расстановке сил в мировом капиталистическом хозяйстве. Это лучше всего отражают показатели удельного веса главных империалистических стран в промышленной продукции капиталистического мира.

Доля отдельных стран в промышленном производстве капиталистического мира²
(в %)

Страны	1948 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.
США	53,4	51,6	48,0	48,0
Англия	11,2	10,1	10,6	10,1
ФРГ	3,6	6,7	7,4	7,4
Франция	3,9	3,9	4,2	4,2
Италия	2,6	2,9	3,1	3,1
Канада	3,2	3,4	3,4	3,3
Япония	1,0	2,1	2,2	2,2

В 1955 г. по сравнению с 1948 г. в соотношении индустриальной мощи главных империалистических стран произошли заметные сдвиги. Началось падение удельного веса США, которое отразило ослабление экономических позиций американского империализма внутри капиталистического мира; снизилась доля

¹ Доля чистого накопления в национальном доходе с 8,4% в 1934—1935 гг. поднялась до 16,8% в 1950—1954 гг. (см. «Мировая экономика и международные отношения», 1962, № 3, стр. 65).

² Приложение к журналу «Мировая экономика и международные отношения», 1961, № 7, стр. 8.

Англии, и резко вырос удельный вес ФРГ; существенно укрепили свои позиции Италия и Япония; продвинулась вперед Франция, и относительно стабильное положение сохранила Канада.

2. Соперничество империалистических государств из-за рынков и сфер влияния. Новые тенденции в экспорте капитала

В капиталистическом мире, где отношения между странами определяются в конечном счете экономической и военной силой, сдвиги в соотношении индустриальных потенциалов не могли не сказаться на ходе борьбы за передел рынков и на всем комплексе международных отношений.

В 50-х годах США, Англия, Канада уже не могли сохранить то привилегированное положение на мировом капиталистическом рынке, которое они занимали в первое послевоенное пятилетие. Американских и английских империалистов начали теснить их европейские конкуренты и Япония.

Доля отдельных стран в общем экспорте капиталистического мира ¹
(в %)

Страны	1947 г.	1950 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.
США	32,5	18,3	21,4	19,7	18,6
Англия	9,8	11,0	9,9	9,9	9,9
ФРГ	0,5	3,6	6,0	6,9	7,4
Франция	4,0	5,5	5,2	5,5	6,0
Италия	1,4	2,2	2,1	2,2	2,2
Япония	0,4	1,5	1,7	2,1	2,4
Канада	6,0	5,3	5,8	5,3	5,3

Влиятельные круги в Западной Европе все чаще стали выдвигать лозунг «торговля, а не помощь». Конкуренты США почувствовали себя достаточно окрепшими, чтобы добиваться накопления валютных резервов не за счет долларовой «помощи», которая неизменно сопровождалась навязыванием каких-либо кабальных соглашений, а путем расширения своего товарного экспорта. Они стали требовать от правящих кругов США отказа от политики крайнего протекционизма и допуска их товаров на американский рынок.

Западноевропейские страны отвергали также домогательства США сохранить господство своего торгового флота на мировом фрахтовом рынке, отказываясь признавать провозглашенный

¹ «Экономика капиталистических стран после второй мировой войны». М., 1959, стр. 494.

ими принцип «американские товары перевозятся на американских судах». Восстановление конкурентоспособности торговых флотов Англии, Японии, Норвегии и Греции, бурный рост судостроения в ФРГ, Франции, Италии и Швеции вели к неуклонному падению доли национального торгового флота США на мировом фрахтовом рынке и в обслуживании их собственной внешней торговли. Удельный вес национального морского флота в обслуживании экспорта США составлял в 1946 г. 57,2, в 1949 г. — 36,4, а в 1955 г. — лишь 19,6%, соответственные показатели по импорту: 1946 г. — 65,9%, 1949 г. — 53,5 и 1955 г. — 26,5%¹.

Западноевропейские страны все настойчивее отказывались от некоторых статей американского экспорта, которые играли большую роль в период «плана Маршалла». Восстановление угольной промышленности уменьшало потребность во ввозе угля из США, развивавшееся довольно быстрыми темпами сельское хозяйство сокращало рынок для американского продовольствия, рост новых отраслей промышленности вытеснял даже те товары, по которым США имели наиболее прочные, почти монопольные позиции на мировом капиталистическом рынке.

В эти годы назревал определенный кризис в торговле между США и Западной Европой. В особенно сложном положении оказалась та часть американского товарного экспорта, которая направлялась на основе программы «помощи» и шла по каналам государственного финансирования экспорта монополий. Нужно было найти новые товары, которые пришли бы на смену тем, в каких прежде нуждалась разоренная и истощенная войной Западная Европа. И такие товары были найдены. На первый план в государственно-монополистическом финансировании экспорта в Западную Европу выдвинулась поставка вооружения.

Экспорт вооружений и других предметов военного назначения из США²
(в млн. долл.)

	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.
Всего	663	1 570	2 614	4 127	2 858	1 913
В том числе:						
в Западную Европу . . .	408	1 020	1 730	2 839	1 733	961
в Канаду	43	106	208	202	196	198
в Латинскую Америку .	93	133	139	211	169	157

¹ «Statistical Abstract of the United States», 1957, p. 587.

² «Экономика капиталистических стран после второй мировой войны», стр. 518.

Место экономической заняла военная помощь западноевропейским и другим странам «свободного мира» под предлогом спасения их от «угрозы коммунизма» и с целью обеспечить новый источник обогащения монополий США.

Характерно, что если с 1950 по 1955 г. из США было экспортировано вооружения и военных материалов на сумму 13 745 млн. долл., то финансируемый государством вывоз сельскохозяйственных продуктов составил лишь 6198 млн. долл.¹ Иначе говоря, военная помощь превосходила более чем в 2 раза поставки продовольствия и сельскохозяйственного сырья.

Впрочем, даже экспорт сельскохозяйственной продукции стал в руках американских монополий орудием милитаризации экономики стран, облагодетельствованных «помощью». С 1951 г. этот экспорт осуществлялся по программе «взаимного обеспечения безопасности». Однако размеры его были недостаточны, чтобы уменьшить накапливающиеся и «избыточные» запасы в США. Обострение аграрного кризиса заставило правительство США прибегнуть к новой разновидности демпинга. В 1954 г. конгрессом США был принят закон «О развитии торговли сельскохозяйственными товарами и помощи» (закон № 480), который предусматривал продажу американских «излишков» с оплатой в валютах импортирующих стран и предоставление им займов из выручки на срок до 40 лет. Значительная часть этой выручки использовалась на военные цели — на строительство стратегических дорог, портов и других военных объектов, а также домов для военнослужащих американской армии².

Конечно, в гонке вооружений были заинтересованы и крупнейшие монополии стран Западной Европы, стремившиеся обогатиться на этом высокоприбыльном бизнесе. На базе милитаризации стран НАТО создавался большой рынок вооружений, который поддерживался за счет раздувания военных бюджетов всех входящих в него государств.

Прямые военные расходы стран НАТО³ (в млн. долл.)

	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.
Все страны НАТО	20 499	42 245	59 958	63 994	56 417	54 165
В том числе:						
США	14 559	33 398	47 852	49 621	42 900	40 518
Западная Европа	5 445	7 627	10 231	12 403	11 746	11 828

Экспорт оружия и военных материалов приносил огромные прибыли монополиям США. В нем видели перспективу обогащения не только военные концерны, но и связанные с ними крупные корпорации, поставляющие им сырье, полуфабрикаты

¹ «Экономика капиталистических стран после второй мировой войны», стр. 518—519.

² См. «Мировая экономика и международные отношения», 1961, № 5, стр. 84—85.

³ «The Commonwealth Survey», 2. I. 1962, p. 7.

и оборудование. Однако при всем значении для милитаризируемой экономики США бурно возраставшего экспорта оружия он не решал всех проблем борьбы за господство на внешних рынках.

В экспансии США, которая наталкивалась на возрастающую конкуренцию других империалистических стран, наряду с вывозом товаров, непосредственно субсидируемым государством, все большее значение приобретает экспорт частного капитала. Во второе послевоенное пятилетие частные инвестиции в экспорте капитала из США преобладают над государственными, рост которых резко замедлился по сравнению с первым послевоенным пятилетием.

Заграничные капиталовложения США ¹

(на конец года; в млрд. долл.)

	1945 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.
Все капиталовложения . . .	16,8	32,8	34,9	37,2	39,5	42,2	45,0
В том числе:							
государственные	2,1	13,8	14,0	14,4	15,7	15,6	15,9
частные	14,7	19,0	20,9	22,8	23,8	26,6	29,1

С 1945 по 1950 г. общая сумма заграничных капиталовложений США выросла на 90%, в том числе государственные — на 56,5%, а частные — на 29%, а с 1950 по 1955 г. общая сумма капиталовложений увеличилась на 37%, тогда как государственные инвестиции возросли всего лишь на 11,5%, а частные — на 53%. Решающую роль в увеличении общей суммы заграничных капиталовложений в 1950—1955 гг. играли частные инвестиции.

В годы послевоенной разрухи и политической неустойчивости во многих капиталистических странах, когда частные капиталовложения не сулили немедленной высокой прибыли и были связаны с определенным риском, главную роль в экспорте капитала из США взяло на себя государство. Когда же при посредстве государственных капиталовложений и других форм «помощи» американским империалистам удалось в ряде стран упрочить пошатнувшееся положение господствующих реакционных классов и для частного капитала открылись выгодные и более или менее надежные сферы для инвестирования, то государство, послушное воле монополий, предоставило широкий простор так называемой частной инициативе. Оно взяло на себя риск вывоза капитала главным образом в те районы, где еще

¹ «Statistical Abstract of the United States», 1957, p. 878; «Survey of Current Business», VII. 1957, p. 23.

нужно было создать подходящий «политический климат» для прибыльного и надежного инвестирования.

Экспорт капитала, по определению В. И. Ленина, — не только «одна из самых существенных экономических основ империализма»¹, решающая форма экономических связей, но и свидетельство определенных качественных изменений на мировой арене.

Направление и формы экспорта капитала из США, как и из других империалистических стран, в эти годы служат своеобразным индикатором политической ситуации в тех или иных частях капиталистического мира. В так называемые «невралгические зоны» с наибольшим накалом классовой борьбы и боевым антиимпериалистическим движением направляется по преимуществу экспорт государственного капитала. В районы, где, по оценкам стратегов «большого бизнеса», политическая ситуация для них более благоприятна, движутся потоки частных инвестиций.

О географическом размещении частных капиталовложений США дает представление следующая таблица.

Прямые капиталовложения США за границей²
(в млн. долл.)

Годы	Канада	Латинская Америка	Западная Европа	Территории, зависящие от Западной Европы	Прочие страны	Все страны
1945	2 527	2 999	1 689	264	890	8 369
1950	3 579	4 735	1 720	435	1 318	11 787
1955	6 494	6 608	3 004	637	2 570	19 313

Американские монополии по-прежнему в больших размерах экспортировали свой капитал в соседнюю Канаду, которая по безопасности и надежности для инвестирования казалась им наиболее благоприятным районом, и в страны Латинской Америки, где они в то время имели еще относительно хорошо укрепленные позиции. В значительной мере новой сферой для капиталовложений стала для них Западная Европа. Здесь инвестиции с 1945 по 1950 г. выросли всего лишь на 31 млн. долл., а с 1950 по 1955 г. — на 1284 млн. долл. Как показывают приведенные данные, «план Маршалла» позволил американским монополиям вторгнуться и в колонии западноевропейских держав, являвшиеся до войны монопольной сферой капиталовложений для метрополий. Среди прочих стран решающее значение приобрели страны Ближнего Востока, куда американский капитал привлекала нефть.

Показательно также распределение американских частных инвестиций в Западной Европе. С 1950 по 1955 г. прямые частные капиталовложения США в Западной Европе увеличились с 1720 млн. до 3004 млн. долл., в том числе в Англии они возросли с 847 млн. до 1426 млн. долл., во Франции — с 217 млн. до 376 млн., в ФРГ — с 204 млн. до 332 млн., в Италии — с 63 млн.

¹ См. В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 22, стр. 263.

² «Survey of Current Business», XI. 1954, p. 11; VIII. 1957, p. 24.

до 157 млн., в Бельгии — с 65 млн. до 134 млн., в Нидерландах — с 84 млн. до 162 млн. долл.¹

Таким образом, почти половина всех американских инвестиций сосредоточивалась в Англии, которая в этот период считалась наиболее прочным оплотом капитализма в Западной Европе и главным стратегическим плацдармом НАТО, где концентрировались основные силы стратегической авиации, предназначенные для ударов по Советскому Союзу и другим социалистическим странам. Одновременно значительно выросли капиталовложения и в другие страны НАТО. В период расцвета колониальных захватов принято было считать, что торговля следует за флагом. В условиях распада колониальных империй и глубокого кризиса всей капиталистической системы торговая экспансия США направляется главным образом в метрополии этих империй. Капиталы и товары в данном случае идут уже не столько за флагом, сколько за американскими военными базами.

С начала 50-х годов экспорт капитала как орудие борьбы за рынки и сферы влияния начинают все шире использовать империалистические страны Западной Европы — Англия, Франция, Швейцария, Бельгия, Голландия, а также ФРГ и Италия. Общие размеры вывезенного ими частного капитала за 1951—1955 гг. исчисляются в 4,9 млрд. долл.² Это составило свыше половины того, что инвестировали за границей за тот же период монополии США. В борьбе за рынки в то время также начинают увеличивать экспорт частного капитала Япония, Канада и Австралия.

Характерной чертой в экспорте капитала начиная с 50-х годов становится организация «коллективных» монополистических предприятий на базе международных консорциумов. Появление их отражало тенденцию конкурентов США объединить свои усилия в борьбе против более мощных американских монополий.

Монополии США сделали экспорт оружия и капитала, подкрепляемый невиданно широкой системой государственно-монополистических мероприятий и бюджетного финансирования, одним из важнейших источников своего обогащения. Не случайно в США в 1951 г. был утвержден «закон о взаимном обеспечении безопасности», в соответствии с которым все виды «помощи» — военная, экономическая и техническая — были объединены в одну программу. Этот закон ежегодно пересматривается и в него вносятся соответствующие изменения. Показательно, что если в 1945—1950 гг. удельный вес прямых военных субсидий во всей «помощи» США не превышал 6,5%, то в 1951 г. он составлял 31,8%, в 1952 г. — 52,8, в 1953 г. — 67,4, в 1954 г. — 67,5%³.

И экспорт оружия и экспорт капитала на государственно-монополистической основе явились экономической базой возра-

¹ «Survey of Current Business», XI. 1954, p. 11; VIII. 1957, p. 24.

² W. G. Friedmann and G. Kalmanoff (Ed.). Joint International Business Ventures. N. Y., 1961, p. 15.

³ «Statistical Abstract», 1957, 1958.

ставшей агрессивности внешней политики США. Экспортеры оружия были заинтересованы в вовлечении как можно большего числа капиталистических стран в военные блоки, контролируемые США, в навязывании этим странам гонки вооружений и больших расходов по созданию военно-стратегических сооружений и укреплений. Они же выступали и главными застрельщиками так называемой «холодной оккупации» вооруженными силами США территории их союзников. Экспортеры капитала старались навязывать попавшим в зависимость от США странам такие условия, которые вели бы к их постепенной экономической аннексии. Монополии США стремились прежде всего принудить своих должников стать исправными плательщиками процентов и самого долга, создать гарантию неприкосновенности своих капиталовложений. Экспортеры капитала поэтому были наиболее заинтересованы в установлении политического контроля над своими должниками, в подавлении в зародыше всяких демократических движений, направленных против экспансии иностранного капитала. Чем больше росли размеры экспортируемого капитала США, тем с большим рвением американские империалисты, желавшие обеспечить надежность своих инвестиций, вмешивались во внутренние дела других государств. Особую озабоченность империалистических держав вызывало положение в слаборазвитых странах капиталистического мира, где национально-освободительное движение все больше угрожало интересам экспортеров капитала.

3. Экономические аспекты распада колониальной системы

Продолжавшийся в 1950—1955 гг. распад колониальной системы подрывал позиции империализма. Отчаянные попытки империалистических держав подавить национально-освободительное движение с помощью колониальных войн, карательных экспедиций и полицейских расправ оказались неэффективными. Реакционная политика империалистов глубоко возмущала пробудившееся национальное и политическое сознание колониальных народов, которые не хотели мириться со своей рабской участью и бесправием.

Огромное влияние оказывали и объективные экономические изменения в мировом капиталистическом хозяйстве. Разрыв в уровнях развития индустриальных и слаборазвитых стран продолжал увеличиваться, а вместе с ним росли и противоречия между ними. Усилению этих противоречий способствовала война в Корее.

Эта война вызвала рост цен на многие виды сырья. Спрос на сырье поддерживался и политикой создания «стратегических запасов», которую осуществляли правительства США, Англии и других империалистических стран, ставших на путь усиленной милитаризации своей экономики. Рост производ-

ства и экспорта сырья по высоким ценам несколько улучшил экономическое положение слаборазвитых стран. Но военно-спекулятивный «бум» оказался кратковременным и имел для них роковые последствия. Уже в 1951 г. началось катастрофическое падение цен на сырье, затем последовал кризис перепроизводства в аграрно-сырьевых странах. «Ножницы цен» на сырьевые товары и готовые изделия, в которых проявляется империалистическая эксплуатация слаборазвитых стран, раздвинулись еще шире. С 1950 по 1955 г. индекс экспортных цен на готовые изделия вырос на 15%, а на сырьевые товары — всего лишь на 2%¹.

В результате этого условия торговли для слаборазвитых стран резко ухудшились. В обмен за импорт одного и того же количества готовых изделий им нужно было вывозить большее количество своих товаров. Доля аграрно-сырьевых стран в мировом капиталистическом экспорте упала. В 1950 г. на их долю приходилось 42,6% всей стоимости мирового капиталистического экспорта, а в 1955 г. — 36,8%. В то же время доля индустриальных стран соответственно выросла с 57,4 до 63,2%².

Падение удельного веса аграрно-сырьевых стран в мировом капиталистическом экспорте было обусловлено не только спадом спекулятивного «бума», который вызвала корейская война. В этом сказались действие и других, отнюдь не конъюнктурных, факторов. Роль слаборазвитых стран как поставщиков сырья и продовольствия для империалистических метрополий неуклонно сокращалась. В индустриальных странах росло производство искусственных и синтетических заменителей натурального сырья; по мере прогресса механизации и химизации сельского хозяйства увеличивался также выпуск сельскохозяйственной продукции.

Корейская война ускорила процесс падения цен на товары, экспортируемые слаборазвитыми странами, который был обусловлен структурными изменениями во всем мировом капиталистическом хозяйстве. Усиление неэквивалентного обмена и ухудшение позиций стран Азии, Африки и Латинской Америки на мировом капиталистическом рынке вели к тому, что собственные ресурсы, за счет которых они могли оплачивать импорт готовых изделий, неуклонно сокращались: в 1953 г. они составляли по отношению к стоимости импорта промышленных товаров из Северной Америки и Западной Европы 91,2%, а в 1955 г. — 83,5%³.

Импорт капитала из империалистических государств в слаборазвитые страны не покрывал дефицита их платежного баланса. Вывоз прибылей монополий в форме дивидендов и процентов намного перекрывал приток нового капитала. За всю первую половину 50-х годов империалистическими державами было вывезено прибыли на сумму 7,3 млрд. долл., а импорт частного капитала в слаборазвитые страны составил лишь 4,5 млрд. долл.⁴

Экономическая необходимость освобождения от всевластия монополий действовала не только в колониальных странах, но и в странах, уже добившихся политической независимости. Одной из наиболее радикальных мер, способных пресечь грабитель-

¹ Подсчитано по «Monthly Bulletin of Statistics», U. N., III, XII, 1961.

² «GATT — International Trade 1959», Geneva, 1960, p. 8.

³ Ibid., p. 29.

⁴ По данным «GATT — International Trade 1959», p. 42.

скую политику монополий и вывоз ими создаваемой в стране прибавочной стоимости, была национализация принадлежащих им предприятий. Империалисты боялись реализации этого требования национально-освободительного движения.

Они стремились во что бы то ни стало предотвратить национализацию своих предприятий. Почти три года продолжалась борьба Международного нефтяного картеля против правительства Мосаддыка в Иране, которое в мае 1951 г. осмелилось национализировать нефть на территории всей страны и заставило уйти из своих владений всемогущую «Англо-Иранскую нефтяную компанию»¹. В ходе дальнейших событий американские монополии добились существенной победы над своими английскими партнерами по Международному нефтяному картелю. В нефтяном консорциуме (организованном в 1954 г. с участием монополий США, Англии и Франции для эксплуатации нефтяных запасов, ранее находившихся во владении АИНК) воплотилось своеобразное явление эпохи общего кризиса капитализма — «коллективный колониализм». Это новое явление было порождено тем, что после второй мировой войны ни одна европейская держава уже не могла самостоятельно справиться с освободительным движением в своих колониях и сферах влияния.

Поражение АИНК, которая должна была капитулировать и отказаться от некоторых своих монопольных прав, вызвало своего рода цепную реакцию движения за пересмотр условий концессий в ряде слаборазвитых стран, где империалисты еще сохранили старое колонизаторское «право» на почти бесконтрольную эксплуатацию природных ресурсов и полурабский труд населения.

Знаменательным событием явилась борьба народа Гватемалы против могущественной американской бананово-кофейной монополии «Юнайтед фрут», занимающей господствующее положение в экономике и политической жизни стран Центральной Америки. В начале 1953 г. правительство Гватемалы конфисковало часть земель «Юнайтед фрут» и установило государственную монополию на добычу и разведку нефти. Ответом на это явилась организованная США интервенция против Гватемалы².

Борьба против засилья иностранных монополий развернулась и в других странах Латинской Америки. В Боливии в октябре 1952 г. были национализированы оловянные рудники, принадлежащие английским и американским монополистам. В Британской Гвиане пришедшее к власти в апреле 1953 г. прогрессивное правительство во главе с Чедди Джаганом выдвинуло программу национализации основных отраслей промышленности, контролируемых иностранными монополиями³. В Бразилии — самой большой стране Латинской Америки — в сентябре 1953 г. конгресс принял закон, установивший государственную монополию на разведку, добычу и переработку нефти, запретив участие иностранного капитала в созданной для разработки нефтяных месторождений государственной компании «Петробраз». В сентябре 1955 г. правительство Аргентины по требованию народных масс аннулировало соглашение с североамериканской компанией «Стандард ойл» на разведку и добычу нефти в стране.

Империалисты США жестоко просчитались, надеясь при помощи политики силы предотвратить движение в зависимых странах за национализацию и создание государственного сектора экономики, противостоящего иностранным монополиям. Это движение имело глубокие корни. Оно неуклонно подтачи-

¹ См. гл. VII.

² См. гл. IX.

³ См. Ч. Джаган. Свобода под запретом. М., 1955.

вало и разрушало империалистическую структуру мирового капиталистического хозяйства.

Важную роль в этом процессе сыграли молодые суверенные государства, которые, используя свою недавно завоеванную политическую независимость и активно развивая экономические связи с социалистическими государствами, имели возможность более последовательно проводить политику ограничения иностранных монополий и создания государственного сектора в экономике. Это позволило им создать реальную базу для роста своей национальной промышленности и ликвидации колониальной структуры экономики.

Результаты такой политики отчетливо проявились уже в первой половине 50-х годов. Индия в 1951—1956 гг. осуществила свой первый пятилетний план. За этот период продукция ее промышленности возросла более чем на 38%, а национальный доход увеличился на 17,5%¹. В 1951 г. в Индии был принят закон о развитии и регулировании промышленности, по которому в 37 наиболее важных ее отраслях устанавливалось преимущество для развития государственных предприятий. Строительство новых и расширение существующих частнокапиталистических предприятий в этих отраслях может производиться лишь с разрешения правительственных органов². Государственный сектор промышленности рос главным образом за счет новых отраслей тяжелой промышленности, которые в Индии, пока она оставалась колонией, почти не развивались. Из общей суммы капиталовложений за период первой пятилетки в 31 млрд. рупий на долю государственного сектора падало 15 млрд. рупий, а частного — 16 млрд. рупий³.

Расчет правительства Индии, как и других молодых суверенных государств, ставших на путь самостоятельного развития, на то, что им удастся привлечь иностранный капитал для развития новых отраслей промышленности, не оправдался. Международный банк реконструкции и развития, а также правительство США категорически отказывались поддерживать финансирование промышленного развития на основе создания государственных предприятий⁴.

Стремление молодых суверенных государств к ликвидации последствий колониализма и развитию самостоятельной экономики встретило горячую поддержку социалистических стран.

Соглашения с Советским Союзом помогли Индии сорвать империалистическую блокаду ее государственного сектора и программ индустриального развития, помешали иностранным капиталистическим фирмам навязать Индии обычные колонизаторские кабальные условия, неизбежные прежде в любой сделке слаборазвитой страны с империалистическими монополиями.

С 1954 г. активную политику расширения торгово-экономических отношений с социалистическими странами начала осуществлять Индонезия. По закону от 8 декабря 1955 г. в Индонезии были приняты важные меры по развитию государственного сектора и ограничению экспансии империалистических монополий⁵.

Бирма также стала осуществлять программу промышленного развития при поддержке социалистических стран. В 1954—1955 гг. она заключила тор-

¹ *H. Venkatasubliah*. *Indian Economy Since Independence*. London, 1961, p. 298, 302.

² См. *И. А. Вадиа* и *К. Т. Мергент*. Экономические проблемы Индии. М., 1957, стр. 653.

³ *H. Venkatasubliah*. *Indian Economy Since Independence*, p. 299.

⁴ *W. G. Friedmann* and *G. Kalmanoff* (Ed.). *Joint International Business Ventures*, p. 198.

⁵ «*Foreign Capital in Indonesia*», N. Y., 1956.

говые соглашения с Советским Союзом. В обмен на рис Бирма стала получать оборудование и машины, необходимые для развития национальной промышленности. Государственный сектор страны укреплялся и за счет наступления на позиции иностранных монополий. В 1951 г. была превращена в смешанное англо-бирманское предприятие компания по добыче цветных металлов «Бирма корпорейшн», в которой бирманское правительство приобрело половину акций. В 1954 г. на базе английской нефтяной компании была создана «Новая бирманская нефтяная компания». В ней правительство Бирмы получило треть акций. По закону, принятому в июне 1955 г., был установлен ограниченный круг отраслей, в которые допускается иностранный капитал. В смешанных предприятиях доля иностранного капитала не должна была превышать 40%.

Подрыв господства монополий в молодых суверенных государствах, их стремление вырваться из тисков империалистического «разделения труда» вызывали большую озабоченность у правящих кругов США, взявших на себя функции оплота мировой реакции. К середине 50-х годов намечается переориентация США в политике оказания «помощи». Возрастающая часть ее направляется не в Западную Европу, которая уже не рассматривается в это время как зона «наибольшей опасности» для судеб мирового капитализма, а в Азию, Африку и Латинскую Америку, где все более широкие социальные слои втягивались в борьбу с империализмом.

Американские монополии старались в первую очередь укрепить свои позиции в странах, втянутых в империалистические военные блоки. Правящие круги США рассматривали эти страны как свои стратегические плацдармы, предназначенные обеспечивать не только глобальные цели американского империализма в борьбе против социализма и национально-освободительного движения. Им придавалось большое значение как орудие непосредственного давления на молодые суверенные государства, чтобы вынудить их к отказу от политики нейтралитета.

Под флагом обороны «свободного мира» в слаборазвитые страны с наиболее реакционными и продажными режимами США направляли большую часть капитала, экспортируемого на основе различных программ «помощи». Естественно, что государства, вовлеченные в военные блоки, привлекали и частные инвестиции¹. Однако их приток был все же небольшим. Монополии не очень верили в прочность прогнивших и продажных политических режимов и не хотели рисковать своей собственностью. Чтобы стимулировать экспорт частного капитала в интересах сохранения и укрепления колониализма, правительства США, Англии, Франции, ФРГ и других западных держав стали вводить государственные гарантии для монополий, страховать

¹ В то время как в молодых суверенных государствах воздвигались барьеры против проникновения иностранных монополий, слаборазвитые страны, втянутые в военные блоки, широко открывали им двери. В Турции законом от 18 января 1954 г. были ликвидированы последние ограничения для импортеров капитала. 7 марта 1954 г. был принят закон, отменивший государственную монополию на разведку и добычу нефти.

инвестиции и доходы по ним от национализации и конфискации. Роль гаранта частных инвестиций взял на себя Международный валютный фонд. Однако империалисты возлагали надежду не только на использование экономических рычагов. Наряду с экономической экспансией они по-прежнему делали ставку на подавление национально-освободительного движения силой оружия. Об этом можно судить по статьям американской «помощи» странам Азии и Африки. Военная помощь в процентах ко всей «помощи» в эти страны в 1945—1950 гг. составляла 22,3%, в 1951 г. — 32,8, в 1952 г. — 43,3, в 1953 г. — 58,1, в 1954 г. — 60,5 и в 1955 г. — 43,4%¹.

Но все эти усилия империализма, как показали последующие события, уже не могли явиться надежной гарантией сохранения колониальной системы империализма. Ее развал представлял собой необратимый процесс усиления общего кризиса мирового капитализма.

4. Экономическая «интеграция» в капиталистической Европе

Начало 50-х годов ознаменовалось новым шагом на пути к империалистическому «объединению» Западной Европы: было создано Европейское объединение угля и стали (ЕОУС)². Магнаты угля и стали положили начало политике, которая привела впоследствии к образованию «Общего рынка» в Западной Европе.

Создание ЕОУС было новым проявлением тенденций к интеграции, корни которой лежали в изменениях, происшедших в структуре монополистического капитала империалистических стран и его послевоенной политике. Политической основой международных государственно-монополистических организаций было стремление создать новый реакционный «священный союз» для борьбы с социализмом, рабочим классом и национально-освободительным движением.

Новая ступень в развитии государственно-монополистического капитала и возникновение такой его разновидности, как межгосударственная организация, отражали глубокий конфликт между уровнем развития производительных сил и капиталистическими производственными отношениями, а также обострение проблемы рынка и развитие новых форм сговора между монополиями о разделе сфер влияния.

¹ «Statistical Abstract», 1957, p. 878.

² См. гл. XXIV, тезисы Института мировой экономики и международных отношений АН СССР «Об империалистической интеграции в Западной Европе» («Правда», 25 августа 1962 г.), а также следующие работы: «Угроза плана Шумана». М., 1954. «Общий рынок» и рабочий класс». М., 1960; Л. Гукасян-Гандзакечи, Г. Леван. Империалистическая сущность Европейского объединения угля и стали. М., 1957; Р. И. Цылев. Объединение угольных и стальных картелей Западной Европы («план Шумана»). М., 1956; «Международные экономические организации». Справочник. М., 1962.

Хотя в ЕОУС вошли только шесть стран, его руководящие органы с самого начала рассматривали это объединение как составной элемент более широкого западноевропейского «единства». ЕОУС установило контакт с Европейским советом, с Организацией европейского экономического сотрудничества и стало участником Генерального соглашения по тарифам и торговле.

В ведение ЕОУС поступило 924 предприятия металлургической, угольной и железорудной промышленности Франции, ФРГ, Италии, Бельгии, Голландии и Люксембурга.

Англия, не вступив в ЕОУС, не могла все же игнорировать это мощное межгосударственное объединение монополий тяжелой промышленности. Английское правительство назначило представительство при верховном органе ЕОУС, а в декабре 1954 г. оно заключило соглашение с ЕОУС о сотрудничестве. В Лондоне надеялись таким путем притупить антианглийское острие ЕОУС, а также обеспечить компромисс в разделе рынков. Для контактов с верховным органом ЕОУС в Люксембург направили своих постоянных представителей также США, Япония, Швеция, Норвегия, Дания, Австрия, Греция и Португалия.

В отличие от всех предшествующих ей международных организаций монополистического капитала ЕОУС предусматривало координацию не только в сфере обмена, но и в сфере производства. При этом новое объединение в известной степени ограничивало суверенитет вошедших в него государств.

Верховный орган ЕОУС получил право не только устанавливать для всех участников минимальные и максимальные экспортные цены во взаимной торговле, но и определять их производственные квоты в случае возникновения кризиса перепроизводства. Он обладает властью давать рекомендации о закрытии отдельных предприятий и штрафовать предприятия, нарушающие его постановления. ЕОУС может запрещать продажу угля и металла тому или иному покупателю и оказывать прямое воздействие на политику правительств, когда речь идет об уровне таможенных пошлин в отношении третьих стран и выдаче им лицензий на ввоз. Правительства стран ЕОУС обязаны информировать верховный орган о всех подготавливаемых ими международных соглашениях, если они затрагивают интересы угольной и металлургической промышленности. Верховный орган имеет право запретить заключать неугодные ему соглашения и договоры или ввести в них свои поправки.

Появление ЕОУС не только знаменовало рост концентрации и централизации капитала на базе международной монополии, но и отразило существенные сдвиги в соотношении сил между империалистическими державами.

Серьезным рычагом экономического воздействия ЕОУС на участников объединения явился его бюджет, который складывается главным образом из налогов на уголь и сталь, а также из займов. Он используется для финансирования капиталовложений монополий стран — участниц ЕОУС.

Главным тараном для сокрушения национальных перегородок крупнейшие монополии — учредители ЕОУС считали создание «общего рынка» путем постепенной отмены таможенных пошлин. Для этого был установлен «переходный период» сроком до февраля 1958 г.

Таможенные барьеры разрушались не сразу, а по частям. 10 февраля 1953 г. были отменены все пошлины и количественные ограничения на торговлю углем, железной рудой и желез-

ным ломом. 1 мая 1953 г. был открыт «общий рынок» для чугуна и стали, а с 1 августа 1954 г. — для специальных сталей. Исключение было сделано для Италии, которой на «переходный период» было разрешено сохранить подлежавшие ежегодному снижению пошлины на сталь и кокс, ввозимые из других стран ЕОУС.

Однако отмена пошлин не привела к полному устранению протекционизма. В странах ЕОУС стали применяться льготные транспортные тарифы, различные меры по субсидированию экспорта и некоторые другие замаскированные формы протекционизма.

Но все же «общий рынок» для угольной и металлургической промышленности шести стран был создан. Монополии стран ЕОУС, несмотря на взаимную конкуренцию, сформировали группировку, направленную против других стран. Им удалось на своем «общем рынке», отгороженном от этих стран таможенным барьером, потеснить английских и отчасти даже американских конкурентов. «Общий рынок» угля и стали, укрепив позиции крупнейших монополий, способствовал усилению концентрации производства и централизации капитала в металлургической и угольной промышленности.

В 1954 г. верховный орган ЕОУС выдал концерну Маннесмана разрешение приобрести угольные шахты. Этим фактически отменялись союзнические мероприятия по декартелизации Западной Германии. Верховный орган ЕОУС взял курс на поддержку самых крупных предприятий. Под этим предлогом он добился закрытия ряда угольных шахт, которые признавались «малорентабельными». Наибольшее число таких предприятий было ликвидировано в Бельгии, и удельный вес ее в производстве стали, чугуна и добыче угля после создания ЕОУС сократился.

Выгоды от объединения получили прежде всего западногерманские монополисты, являвшиеся в экономическом отношении наиболее сильными его участниками. Об изменившемся соотношении сил между партнерами по ЕОУС можно судить по такому показателю, как выплавка стали.

Производство стали ¹ (в млн. т)

Годы	ФРГ	Франция	Италия	Бельгия	Голландия	Саар ²
1952	15,8	10,9	3,5	5,0	0,7	2,8
1954	17,4	10,6	4,2	5,0	0,9	2,8
1955	21,3	12,6	5,4	5,9	1,0	3,2

¹ «Statistical Yearbook». U. N., 1958, p. 237—238.

² После перехода Саара к ФРГ в 1956 г. ее перевес над другими участниками ЕОУС стал еще больше.

Формально договор о ЕОУС был на страже «свободной конкуренции» и запрещал образование картелей, ибо само объединение было сверхкартелем, но фактически картели продолжали действовать и в рамках «Общего рынка».

Выступая совместно против «третьих» стран, участники ЕОУС находятся в состоянии скрытой войны друг с другом. Несмотря на сближение правящих кругов Франции и ФРГ, между ними остались непримиримые разногласия. Это сказалось уже в первые годы существования ЕОУС. Французские империалисты стремились использовать создание ЕОУС, чтобы реализовать свой план сооружения каналов в бассейне р. Мозель, обеспечить дешевый водный путь для перевозки в Лотарингию каменного угля из Рура. Но осуществление этого плана наносило ущерб железным дорогам ФРГ. Только после того как Франция под давлением США отказалась от прав на Саар, правительство ФРГ согласилось на строительство водного пути, соединявшего Лотарингию и Рур.

Уже в первые годы существования ЕОУС вошедшие в него страны стали опережать своих конкурентов по темпам роста промышленной продукции. С 1952 по 1955 г. промышленное производство в странах ЕОУС увеличилось на 28%, в Англии — на 20, а в США — на 12%¹.

Конечно, не следует разницу в темпах целиком относить за счет того влияния, которое имела политика ЕОУС, стимулировавшая капиталовложения на реконструкцию угольной и металлургической промышленности и создавшая для их продукции привилегированное положение на «общем рынке». Однако нельзя и недооценивать такое влияние.

Выгоды из территориального расширения рынка и увеличения его емкости извлекали лишь наиболее крупные предприятия, лучше оснащенные новейшей техникой. Не случайно мероприятия по «интеграции» способствовали усиленному разорению и банкротству мелких и средних предприятий. «Интеграция» еще больше обострила противоречия между монополистической и немонополистической буржуазией. В заявлении Совещания представителей коммунистических партий шести западноевропейских стран — членов ЕОУС, состоявшегося в апреле 1959 г. в Брюсселе, Европейское объединение угля и стали характеризовалось как «исключительно эффективное орудие, которое монополии создали для того, чтобы ускорить концентрацию в главных отраслях экономики и изменить в своих интересах экономическую, социальную и политическую структуру каждой страны»².

Отменой пошлин и другими мерами по «интеграции» ЕОУС создало более благоприятные условия для экономической экспансии монополий шести стран. Американские империалисты, способствовавшие созданию ЕОУС, не извлекли непосредственной выгоды как экспортеры товаров. В качестве компенсации они стремились получить выигрыш как экспортеры капитала. Правящим кругам США удавалось до некоторой степени нейтрализовать таможенный протекционизм ЕОУС через Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ).

¹ «Foreign Trade. Commerce Exterior OEEC. Statistical Bulletins», 1956.

² ««Общий рынок» и рабочий класс», стр. 14.

Возможности США оказывать экономическое давление на страны Западной Европы постепенно сужались, по мере того как уменьшались зависимость этих стран от импорта из США и необходимость получать в кредит и в порядке «помощи» доллары для его оплаты. Резервы золота и иностранной валюты с 1951 по 1955 г. выросли в ФРГ с 519 млн. до 3076 млн. долл., а во Франции — с 912 млн. до 2076 млн. долл.¹

Если вначале Европейский платежный союз, созданный в 1950 г. под давлением США с целью ослабления валютных ограничений и либерализации торговли в Западной Европе, зависел от кредитов, предоставляемых Уолл-стритом, то уже в 1953 г. страной-кредитором внутри него оказалась ФРГ. Валюты западноевропейских стран постепенно становились на ноги. В 1954 г. Англия ввела ограниченную обратимость фунта стерлингов. Вслед за нею и другие страны, входившие в Европейский платежный союз, стали вести переговоры о переходе к свободной обратимости валют.

По мере ослабления экономических рычагов, с помощью которых США оказывали воздействие на межгосударственные организации Западной Европы, американские правящие круги все больше и больше стремятся сделать центром тяжести всей системы «интеграции» НАТО. В этом отчетливо проявился подлинный смысл международных государственно-монополистических объединений в условиях кризиса мирового капитализма.

Развитие производительных сил, перерастающих рамки национальных государств, властно требует координации производства и обмена в международном масштабе. Капиталисты не в состоянии осуществить такую координацию иначе как путем насильственного создания международных монополий, где сильный господствует над слабым, где сохраняются конкуренция и анархия производства, тормозящие развитие производительных сил. Наиболее легко они могут осуществлять координацию усилий только в одной области — гонке вооружений, т. е. в развитии не производительных сил, а средств их разрушения.

5. Рабочий класс в борьбе против наступления монополий

Политическая обстановка в главных империалистических странах в начале 50-х годов характеризовалась приходом к власти наиболее реакционных буржуазных партий. Развернув наступление на революционные силы в международном масштабе, они одновременно предприняли попытки укрепить собственный тыл. Монополистическая буржуазия рассчитывала лишить рабочий класс тех завоеваний, которых он добился во время войны с фашизмом и мощного революционного подъема в первые послевоенные годы. Корейская война и связанная с нею антикоммунистическая истерия во внутренней политике были использованы для того, чтобы нанести удары по рабочему классу и его авангарду — коммунистическим партиям. Тон задавала реакционная верхушка США. Начало 50-х годов было ознаменовано разгулом маккартизма. Под прикрытием борьбы с «красными» готовились разгром всех демократических организаций, установление полицейского контроля над профсоюзами и утвержде-

¹ «Statistical Yearbook». U. N., 1958, p. 454.

ние господства над страной милитаристско-фашистской клики. Однако крестовый поход воинствующей реакции против демократических завоеваний трудящихся потерпел поражение.

В период интервенции в Корею правящим кругам США не удалось при помощи возрождения некоторых законов военного времени надеть «смирительную рубашку» на рабочее движение. В 1952 г. в забастовках участвовало около 4,6 млн. человек. 1952 год был после 1946 г. рекордным по числу стачечников. Забастовки охватили все отрасли промышленности, в том числе и связанные с военным производством. Ни одна из крупных стачек этого периода не окончилась поражением.

Борьба рабочего класса США в 50-х годах, оставаясь по своему характеру в основном экономической, в то же время имела и политическую направленность.

В 1951 г. некоторые низовые профсоюзные организации провели кампанию протеста против заточения коммунистов в тюрьму. С 1952 г. ряд профсоюзов КПП начал борьбу за отмену закона Смита. В 1953 г. под давлением трудящихся масс с требованиями защиты политических свобод выступили даже руководители АФТ и КПП¹.

Важным результатом развития профсоюзного движения было объединение в декабре 1955 г. АФТ и КПП, которое, по оценке XVI съезда Коммунистической партии США, значительно увеличивало силу организованных рабочих в борьбе против реакционной политики монополий².

Вопреки расчетам милитаристской верхушки война в Корею не вызвала в стране шовинистического угара. Широкие народные массы США требовали прекращения войны. Республиканская партия, придя к власти под лозунгом мира в Корею, должна была пойти на некоторые маневры и уступки рабочему классу и демократическому движению за мир. Эта партия в демагогических целях заявила об осуждении маккартизма и усиленно спекулировала лозунгами «народного капитализма» и «государства всеобщего благоденствия».

В Англии также наблюдался подъем рабочего движения и усиление классовой борьбы.

Английские рабочие еще в августе 1951 г. вынудили лейбористское правительство отменить «постановление № 1305», запрещающее забастовки. Мощное стачечное движение, охватившее целые отрасли промышленности, заставило консервативное правительство отказаться от проведения политики «замораживания» заработной платы.

Если в 1946—1950 гг. в забастовках участвовало 2,3 млн. человек, то в 1951—1955 гг. число забастовщиков возросло до 3,3 млн. Правым лидерам тред-юнионов не удалось удержать рабочее движение в русле только экономической борьбы. Рабочий класс Англии решительно выступал против войны в Корею, а также политики ремилитаризации Западной Германии и гонки атомных вооружений. В 1955 г. Британский конгресс тред-юнионов от имени 8 млн.

¹ См. Б. Я. Михайлов. Конгресс производственных профсоюзов США. М., 1959; В. Корольков и А. Медведев. Рабочее и профсоюзное движение в США после второй мировой войны. М., 1959; Дж. Моррис. Основные проблемы рабочего движения в США. М., 1961.

² «XVI Национальный съезд Коммунистической партии США». М., 1958, стр. 60.

членов принял резолюцию, призывавшую к заключению международного соглашения об уничтожении атомного и водородного оружия.

Коммунистическая партия Великобритании приняла в 1951 г. программу «Путь Британии к социализму». Выдвинутые в ней задачи мирного перехода к социализму путем превращения парламента в орган народной власти и национализации всех предприятий, контролируемых монополиями, получили широкий отклик в массах. Борьба за сохранение и расширение национализации стала важным лозунгом английского рабочего движения.

Однако предательство праволейбористских лидеров помогло правительству консерваторов передать в 1953 г. в собственность монополий национализированные предприятия черной металлургии и автомобильного транспорта. Одновременно началась широкая кампания с целью дискредитировать саму идею национализации и доказать преимущества «демократии», основанной на частной собственности. Но реакционерам не удалось заставить рабочий класс Англии отказаться от идеи национализации.

В рабочем движении *Франции* большим влиянием пользовались коммунистическая партия и прогрессивные профсоюзы.

Укрепление позиций Французской коммунистической партии и находившейся под ее влиянием Всеобщей конфедерации труда привело к крупной победе демократических сил на парламентских выборах в январе 1956 г. Коммунисты получили 5,6 млн. голосов, заняв первое место среди политических партий. Всего левые силы завоевали более 11 млн. голосов, тогда как правые партии получили 9 млн. голосов.

В результате упорной борьбы французские рабочие добились существенного увеличения заработной платы. В 1953 г. массовые выступления пролетариата (в августе в забастовке участвовало 3 млн. человек) заставили правительство установить гарантированный минимум заработной платы. Экономическая борьба рабочих тесно переплеталась с политическими требованиями в области не только внутренней, но и внешней политики.

Подчинение Франции интересам НАТО, возрождение империализма в ФРГ, колониальные войны в Индокитае и Северной Африке делали особенно актуальной задачу борьбы за мир. Не случайно поэтому движение за мир приобрело во Франции массовый характер.

В сплочении демократических сил Западной Европы для борьбы с империалистической реакцией большую роль сыграло также рабочее движение *Италии*. Политическая зрелость и сила этого движения определялись выдающейся ролью коммунистической партии, которая по численности своих рядов занимала первое место среди коммунистических партий капиталистической Европы. Борьба рабочего класса за свои непосредственные экономические интересы благодаря большому влиянию коммунистов в профсоюзах тесно переплеталась с требованиями политических реформ, ограничивающих всевластие монополий.

В 1953 г. развернулась борьба трудящихся против мошеннического избирательного закона. 30 марта 1953 г. протест против наступления на демократические свободы вылился во всеобщую национальную забастовку. Во всех провинциях страны в забастовке 30 марта 1953 г. приняло участие свыше 90% рабочих и служащих.

Сплоченность и организованность трудящихся, массовость их выступлений срывали попытки реакции подавить забастовочное движение путем полицейских расправ. По количеству рабочих, участвовавших в забастовках, Италия стояла на первом месте в Западной Европе. Особенно выделяются в этом отношении 1950 год, когда в забастовках участвовало 9,9 млн. человек, и 1953 год, когда бастовало 6,9 млн. человек. Действия реакции сковывала также активность коммунистов в парламенте и в местных органах власти. Монополистический капитал вынужден был пойти на уступки. Рабочие Италии добились в тот момент повышения заработной платы и улучшения условий труда.

На расстановку классовых сил в Италии большое влияние оказывали борьба крестьян за аграрную реформу и забастовочное движение сельскохозяйственных рабочих. Слияние в один поток рабочего и крестьянского движения вынудило правящие классы пойти на осуществление частичной аграрной реформы в южных районах Италии, где сохранялись полуфеодалские отношения.

Существование массовых коммунистических партий во Франции и Италии, имеющих глубокие корни в народной толще, сплочение вокруг этих партий широкого фронта левых сил делало эти страны «слабыми звеньями» в системе НАТО.

После безуспешных попыток вытеснить коммунистические партии Франции и Италии с политической арены американские империалисты стали все больше и больше ориентироваться на *Западную Германию*, видя в ней главный оплот НАТО в континентальной Европе.

Для этого у них были известные основания. В политической жизни Западной Германии на первый план выдвинулась клерикальная партия «Христианско-демократический союз», которая, спекулируя на оппозиции некоторых лидеров гитлеризму, используя антифашистскую фразеологию, сумела получить большинство в бундестаге. Эта партия, поставившая своей целью возродить германский империализм и осуществить реваншистскую программу, смогла прийти к власти лишь при фактической поддержке правых социал-демократов. Воннственный антикоммунизм правого крыла социал-демократии усиливал раскол рабочего класса. Это помогло правительству К. Аденауэра начать судебное преследование Коммунистической партии Германии и добиться ее запрещения в 1956 г.

Однако правительство Аденауэра, несмотря на поддержку правых социал-демократов, не смогло заставить рабочий класс отказаться от борьбы за свои экономические требования. Отнюдь не по милости правящего класса, а только в результате упорной стачечной борьбы рабочий класс ФРГ добился повышения заработной платы и расширения системы социального страхования.

В 1954—1955 гг. по оценке иностранной печати, в борьбе за увеличение заработной платы в ФРГ участвовало 3—4 млн. рабочих и служащих. Особенно упорной была борьба трудящихся Гамбурга. Здесь во время забастовки в августе 1954 г. в течение 9 дней бездействовал весь городской транспорт. В том же месяце прекратили работу около 80% металлистов Баварии. Эти успешные забастовки вызвали большое замешательство в правящих кругах ФРГ. Выступлению рабочего класса переросли рамки чисто экономической борьбы. В ФРГ развернулось массовое движение против возрождения бундесвера и оснащения его атомным оружием.

Однако травля коммунистической партии и всемерная поддержка правящими кругами ФРГ неофашистских организаций, а также разнузданная кампания против демократических сил, борющихся за мир, создавали благоприятные условия для перевооружения западногерманского империализма.

Несколько иная расстановка классовых сил сложилась в *Японии*. На политическую ситуацию в стране все больше и больше влияли выступления рабочего класса, организованность и сплоченность которого значительно выросли. Если до войны в забастовках участвовала только четверть всех членов профсоюзов, то в 1950 г. — больше половины. Коммунистическая партия в результате мощного подъема демократического движения вышла из подполья и сумела утвердить свое право на легальное существование.

Все сильнее развертывалась борьба миллионов масс японского рабочего класса за повышение жизненного уровня. Если в 1946—1950 гг. в забастовках участвовало 4,9 млн. человек, то в 1950—1955 гг. количество забастовщиков составило 6,1 млн. В забастовках и стачках наряду с экономическими выдвигались и политические требования, направленные против реакционной внутренней и внешней политики, за ликвидацию в стране американских военных баз.

Крупную победу в профсоюзах одержали левые силы. Генеральный совет профсоюзов Японии, созданный в 1950 г. правыми профсоюзными лидерами при поддержке американских оккупационных властей и японского правительства, в результате развития стачечной борьбы, приведшей к изоляции правых лидеров, превратился в прогрессивное профобъединение. Генсовет отказался войти в «Международное объединение свободных профсоюзов», контролируемое агентурой империалистических монополий, установил связи со Всемирной федерацией профсоюзов и возглавил борьбу японских трудящихся за свои права.

Монополии наталкивались на активное сопротивление рабочего класса не только в развитых капиталистических странах, но и в странах *Азии, Африки и Латинской Америки*. Несмотря на то что в этих странах руководство национально-освободительным движением оставалось в руках буржуазии, именно рабочий класс наносил монополиям наиболее тяжелые удары. Борьба рабочих использовалась местной буржуазией, чтобы добиваться национализации иностранных предприятий или превращения их в «смешанные компании».

Характерно, что в ряде стран Африканского континента активной антиимпериалистической силой оказались рабочие и их профсоюзные организации. Многие антиимпериалистические партии в Африке возникли на базе профсоюзов. Из рядов профсоюзного движения вышли и крупнейшие деятели национально-освободительной борьбы.

Профсоюзы продемонстрировали свою силу и солидарность всеобщей забастовкой в ноябре 1952 г., которая охватила Сенегал, Судан, Гвинею, Дагомею, Верхнюю Вольту, Берег Слоновой Кости, а также другие районы Французской Экваториальной Африки. Это мощное выступление трудящихся и реальная угроза еще более серьезных массовых выступлений вынудили Национальное собрание Франции принять 23 ноября 1952 г. кодекс законов о труде для заморских территорий.

На основе совместных действий происходило объединение профсоюзов и в британских владениях в Африке. В 1950 г. после забастовки докеров в английских колониях Восточной Африки британские власти запретили профсоюз докеров, конфисковали его имущество, а руководителей бросили в тюрьму. В том же году был запрещен Восточноафриканский конгресс профсоюзов. Но уже к 1955 г. были полностью восстановлены разгромленные профсоюзы, усилились их сплоченность и солидарность. В Центральной Африке большую роль в подъеме рабочего движения сыграли героические забастовки горняков Северной Родезии в 1952—1955 гг.

Углубление общего кризиса капитализма вело к тому, что как в империалистических, так и в экономически слаборазвитых странах к борьбе рабочего класса против монополий присоединялись социальные слои, прежде не участвовавшие в антиимпериалистическом движении. В империалистических странах пролетарское оружие стачечной борьбы начали применять служащие, которые во многих случаях впервые создали свои профсоюзы. Более частыми стали совместные антимонополистические выступления рабочих и фермеров. Все это увеличивало предпосылки для создания в странах развитого капитализма широкой антимонополистической коалиции.

В слаборазвитых странах рабочий класс своей решительной борьбой против иностранных монополий способствовал созданию и укреплению национального антиимпериалистического фронта.

Таким образом, борьба рабочего класса за свои экономические, социальные и политические права во всех странах капиталистического мира вела к ослаблению позиций империализма и обострению его внутренних и внешних противоречий.

Характерной чертой рабочего движения во всех капиталистических странах стало тесное переплетение экономической и политической борьбы.

Объективные предпосылки для подъема рабочего движения на новую ступень в капиталистических странах создавало развитие государственно-монополистического капитализма, все более разрушавшее миф о «надклассовой» роли буржуазного государства. В экономических забастовках на государственных предприятиях рабочие убеждались, что буржуазные правительства фактически возглавляют любую кампанию по наступлению на жизненный уровень трудящихся. Это обнаруживало и активное вмешательство государства в интересах монополий в ход забастовочной борьбы на частных предприятиях. Все это расшатывало глубоко укоренившиеся в реформистских профсоюзах иллюзии о том, что экономическую борьбу можно вести без вмешательства рабочих в вопросы внутренней и внешней политики. Рабочее движение из тупиков и закоулков реформистских частных требований стало выходить на широкую дорогу политической борьбы и оказывать все более действенное влияние на международные отношения.

АКТИВИЗАЦИЯ АГРЕССИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ АМЕРИКАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США В 1950—1955 гг.

Первая половина 50-х годов — время резкой активизации американской политики «с позиции силы», усиленной подготовки американского империализма к «большой войне» против СССР и других социалистических государств и перехода США к развязыванию ряда «малых войн», важнейшей из которых была война в Корее. Именно в этот период достигает своей кульминации «холодная война».

В то время как Советский Союз развернул начиная с 1953 г. широчайшую мирную инициативу, направленную на обеспечение мирного сосуществования государств различных систем, правящие круги США пошли на замену доктрины «сдерживания» коммунизма еще более реакционной и авантюристической доктриной «освобождения». «В ту пору, — отмечал Н. С. Хрущев, — как раз и родилась пресловутая тактика борьбы с коммунизмом, сформулированная Даллесом: политика «отбрасывания коммунизма», «освобождения восточноевропейских стран», политика балансирования «на грани войны»¹. В указанный период выдвигаются опаснейшие военно-стратегические концепции, и прежде всего доктрина «массированного возмездия», цель которой — подготовка и развертывание термоядерной войны. В эти годы американский империализм, взявший на себя роль «спасителя» капитализма, развернул бурную деятельность по активизации Североатлантического блока и сколачиванию ряда других военных группировок.

Эти акты преследовали вполне определенную цель: любыми средствами, в том числе и военными, воспрепятствовать развитию мировой системы социализма, задушить национально-освободительное движение и предотвратить распад колониальной системы империализма; создать действенный «священный союз» реакционных сил для подавления рабочего и демократического движения в странах капитала. Осуществление этих задач должно было, по замыслам правящих кругов США, «обновить» и упрочить мировую капиталистическую систему, способствовать установлению мировой гегемонии американского империализма. Расчеты на такую гегемонию продолжали владеть умами и сердцами его стратегов и политиков.

¹ Н. С. Хрущев. Выступление на VI съезде Социалистической единой партии Германии 16 января 1963 г. М., 1963, стр. 19.

Анализ внешней политики США в 1950—1955 гг. позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, приводимые ниже факты свидетельствуют, что именно американский империализм своими агрессивными действиями вызвал резкое обострение международной напряженности, спровоцировал ряд острых международных кризисов и создал угрозу атомной войны.

Во-вторых, совершенно очевидно, что, несмотря на мобилизацию всех сил — как своих собственных, так и своих союзников, — американский империализм потерпел поражение в попытках прямой военной атаки на позиции мирового социализма. Это явилось убедительным доказательством несостоятельности стратегических планов и замыслов главной страны капитализма — США.

Вопреки планам и расчетам американских монополистических кругов, соотношение сил на мировой арене продолжало неуклонно изменяться в пользу социализма и в ущерб империализму. Это предопределило дальнейшее углубление общего кризиса капитализма, вступление его во второй половине 50-х годов в новый, третий этап.

1. Обострение экономических противоречий американского империализма. Рост милитаризма. Маккартизм

Экономическая неустойчивость, обострение социальных и политических противоречий, характерные для капиталистического мира в целом, с особой силой проявляются в Соединенных Штатах Америки, возглавляющих лагерь империализма. Одно из наиболее ярких тому доказательств — внутреннее положение США в первой половине 50-х годов¹.

Американский монополистический капитал, правительство и конгресс США делали все от них зависящее, чтобы, преодолев последствия экономического кризиса 1948—1949 гг., придать необходимую «устойчивость» экономике страны.

В погоне за стимулами роста производства империалистические круги США особое внимание уделяли военным факторам, милитаризации экономики.

С 1950 г. в США началось весьма значительное увеличение военных расходов. Воспользовавшись войной в Корее, правительство и конгресс увеличили лишь прямые военные расходы по трем министерствам (военному, военноморскому и авиации) с 12,3 млрд. долл. в 1949/50 бюджетном году до 51,2 млрд. долл. в 1952/53 бюджетном году². Общая сумма прямых военных расходов за три года войны в Корее составила в текущих ценах около 145 млрд. долл. (напомним, что за время участия США во второй мировой войне бюджетные расходы на военные нужды составили в текущих ценах примерно 300 млрд. долл.).

¹ См. гл. XI.

² «The New York Times», 22. I. 1952; 18. I. 1955.

Правительство Трумэна увеличило за два года численность вооруженных сил более чем вдвое. В июне 1952 г. американские вооруженные силы насчитывали 3,6 млн. человек. Резко возросли расходы на авиацию: в соответствии с четырехлетней программой, разработанной кабинетом, военно-воздушные силы были доведены к середине 1954 г. до 95 авиачастей. Число военных судов различных типов увеличилось с 2,8 тыс. до 3,2 тыс.; началось строительство авианосцев водоизмещением в 60 тыс. т. Значительно возросли расходы на производство атомного и водородного оружия: в 1950—1953 гг. они составили около 5 млрд. долл.¹

За время войны в Корее инвестиции в американскую промышленность составили около 30 млрд. долл., т. е. больше, чем за всю вторую мировую войну. В 1950—1951 гг. в стране были размещены военные заказы на сумму 30,7 млрд. долл., в 1951—1952 гг. — на 41,2 млрд. долл., в 1952—1953 гг. — на 28,4 млрд. долл.² В 1952 г. правительство оплатило от 35 до 50% продукции крупных машиностроительных компаний, почти всю продукцию авиационной промышленности, около 50% производства стали.

Рост военного производства сопровождался новым усилением вмешательства буржуазного государства в экономику, дальнейшим развитием государственно-монополистического капитализма. 8 сентября 1950 г. конгрессом был принят закон «О производстве на оборону» («Defence Production Act of 1950»). В соответствии с этим законом президенту предоставлялись значительные полномочия в вопросах снабжения военной промышленности материалами и сырьем, контроля над ценами, заработной платой и потреблением, а также военных ассигнований и налогов.

15 декабря 1950 г. в стране было введено так называемое «чрезвычайное положение». За этим последовало создание Управления мобилизации для обороны и образование ряда других специальных органов (Управление по вопросам производства, Управление экономической стабилизации, Совет оборонной мобилизации и др.), занятых распределением военных заказов и государственных субсидий, сырья, установлением заработной платы и цен и т. д.

Управление мобилизации для обороны возглавил крупный бизнесмен, ставленник группы Морганов, президент «Дженерал электрик» Чарльз Е. Вильсон. Как и в годы второй мировой войны, подавляющее большинство правительственных заказов захватили наиболее крупные монополистические объединения. 64% всех военных заказов досталось всего 100 монополиям.

Увеличение производства, имевшее место в США в начале 50-х годов, было тесно связано с военными факторами, но неправильно было бы все дело сводить только к ним. И в этот период в значительных размерах продолжался процесс расширения и обновления основного капитала в американской промышленности, имели место серьезные сдвиги в ее размещении, дальнейшее развитие получили технический прогресс и связанное с ним становление ряда новых отраслей производства.

Средние ежегодные расходы на новое оборудование составляли в 1950—1954 гг. 25,2 млрд. долл. против 14,4 млрд. долл. в 1945—1949 гг. В 1950—1955 гг. продолжали происходить значительные изменения в географическом размещении промышленности США, связанные с процессом перевода ряда старых предприятий на Юг и Дальний Запад и строительством в этих районах, где более дешевое сырье, топливо, а главное — рабочая сила, многих новых предприятий.

¹ «Statistical Abstract of the United States. 1956». Washington, 1956, p. 234, 238.

² См. «Монополистический капитал США после второй мировой войны». М., 1958, стр. 376.

Определенную положительную для американского капитала роль играли и факторы, связанные с внешнеэкономическим положением и политикой США. Американский монополистический капитал, опираясь на свои значительно расширившиеся внешние позиции, сделал все возможное, чтобы искусственно рассосать излишки продукции американской промышленности, что вело к «экспорту» кризисных явлений в экономически зависимые от США страны.

Наряду с обычными соображениями, связанными с обеспечением возможно более высоких прибылей, действовал и ряд специальных мотивов, побуждавших монополистические круги США уделять повышенное внимание проблемам экономического развития. Буржуазия Соединенных Штатов, глубоко встревоженная обострением классовых противоречий, стремилась к расширению масштабов производства, чтобы повысить уровень занятости (в феврале 1950 г. безработица, достигнув 4684 тыс. человек, составляла самую высокую цифру за предыдущие 9 лет; в стране насчитывалось 43 района, где обстановка считалась катастрофической). К этому же правящие круги США понуждали и соображения международного престижа. Пресловутому «лидеру свободного мира», борющемуся за свою безраздельную в нем гегемонию и стремящемуся повсеместно насаждать «американский образ жизни», «не к лицу» были столь очевидные пороки и язвы, как экономические кризисы и массовая безработица. Наконец, руководители американского бизнеса и политической машины Соединенных Штатов не могли спокойно взирать на неурядицы своей экономики и потому, что у них перед глазами был непрерывный экономический прогресс СССР и других социалистических государств, что все отчетливее становились гигантские масштабы экономического соревнования двух мировых систем.

Совокупность ряда обстоятельств, как внутренних, так и внешних, привела к тому, что индекс промышленного производства США вырос с 76,4 в 1949 г. (1943 г.=100) до 88,3 в 1950 г., 94,7 в 1951 г. и 105,3 в 1953 г. Однако, достигнув наивысшей после 1948—1949 гг. точки в марте 1953 г., промышленное производство США в последующие месяцы начало сокращаться. Со 105,3 в 1953 г. (1943 г.=100) уровень промышленного производства упал до 98,3 в 1954 г. Бум 1950—1953 гг. быстро выдохся и сменился новым кризисным падением производства.

Таким образом, несмотря на все меры, принятые правящими кругами США, перерыв между двумя очередными кризисами — 1948—1949 гг. и 1953—1954 гг. — составил минимальный промежуток времени. Следовательно, монополистическим кругам США не только не удалось увеличить «стабильность» американской экономики, но, напротив, в рассматриваемый период неустойчивость ее стала еще более глубокой. Это, естественно, накладывало свой отпечаток на политику правительства, как внутреннюю, так и внешнюю.

Последние годы президентства Трумэна ознаменовались резким усилением репрессий против демократических сил, расширением масштабов борьбы против рабочего движения, новой волной преследования всех «инакомыслящих». В этом нашла

свое подтверждение неразрывная связь между реакционной внутренней и агрессивной внешней политикой, между антикоммунизмом американской монополистической буржуазии вовне и внутри страны.

20 сентября 1950 г., вскоре после начала войны в Корее, конгрессом был принят реакционный закон Маккарена — Вуда, названный законом «Об охране внутренней безопасности». В соответствии с этим законом вводилась обязательная регистрация членов коммунистической партии и многих других прогрессивных организаций, зачисленных генеральным прокурором в списки «опасных», члены этих организаций лишались фактически права работы; им запрещался выезд за границу; устанавливался полицейский контроль над их корреспонденцией; правительство получало полномочия на массовые аресты без суда и заключение в концлагеря всех «опасных» лиц. В 1951 г. были арестованы и отданы под суд 17 руководителей компартии в Нью-Йорке, 11 — в Калифорнии, 6 — в Мэриленде, 7 — в Западной Пенсильвании и т. д. В 1952 г. были приговорены к тюремному заключению 14 партийных руководителей Лос-Анжелеса.

24 декабря 1952 г. был введен в действие закон Маккарена — Уолтера «Об иммиграции и натурализации». Этот закон поставил под угрозу элементарные права 3 млн. человек в США, не имеющих американского гражданства, и 11 млн. натурализованных граждан.

Позорной страницей в истории США явились деятельность сенатора Маккарти и широкое распространение маккартизма — разновидности фашизма американского образца, взращенной в условиях всемерного раздувания антикоммунизма и военной истерии.

Вокруг Маккарти объединились самые оголтелые реакционеры типа Маккарена и Велде, Дженнера и Керстена, Ноулэнда и Мундта, а возглавляемая им подкомиссия сената стала усиленно нагнетать в США атмосферу запугивания и страха. Маккарти и маккартисты, действуя в тесном контакте с ФБР и возглавив многочисленные комитеты и комиссии по расследованию «антиамериканской деятельности», «проверке лояльности» и т. п., поставили своей задачей терроризировать демократические силы американского народа.

«Маккартизм», — указывалось в программном документе Коммунистической партии США «Путь Америки к работе, миру, равноправию и демократии», — стремится навязать стране фашизм, захватить контроль над ней с помощью программы необузданного запугивания и демагогии... Он пытается силой подавить всякое независимое мнение, подавить каждого мыслящего человека. Он сжигает книги и уничтожает искусство и культуру. Он стремится разгромить рабочее движение и еще больше поработить негритянский народ, разжечь вражду и антисемитизм, заткнуть рот молодому поколению, ожесточить его, уничтожить все остатки свободы. Маккартизм стремится превратить Америку в страну безропотно послушных людей и осведомителей, где патриотизм заменен шовинизмом, независимость мысли — стандартным мышлением, мужество — раболепием.

Если говорить о внешнеполитическом «кредо» маккартизма, то оно ярко характеризуется заявлением самого Маккарти, сделанным вскоре после заключения перемирия в Корее: «Как только военные потери будут возмещены, мы снова начнем войну. Мы не можем остановиться — либо победа, либо смерть для США»¹.

¹ Цит. по кн.: *H. Meyer. The Last Illusion American's Plan for World Domination.* N. Y., 1954, p. 169.

Маккартизм принес много зла американскому народу, но не смог сломить здоровые силы нации. Рабочая, демократическая Америка, увидев в маккартизме проявление фашизма, против которого она воевала в годы второй мировой войны, сплотилась для борьбы. Начало 50-х годов — период массовых напряженных боев американских трудящихся за экономические интересы и политические права, против войны и крайней реакции.

Лишь за 1950—1953 гг. в стране было проведено 23,3 тыс. стачек, в результате которых было потеряно почти 200 млн. человеко-дней. Среди них — крупнейшая в истории стачка сталеплавыльщиков в 1952 г., отличавшаяся огромным упорством бастующих. Во многих выступлениях наряду с экономическими требованиями выдвигались политические вопросы, особенно в связи с войной в Корее. Многие профсоюзные и другие организации выступали с требованием немедленного прекращения этой войны. В феврале 1951 г. прогрессивными силами была основана организация «Поход американцев за мир», развернувшая свою деятельность в ряде штатов. В стране шли массовые митинги в защиту мира.

Острой политической схваткой явились выборы 1952 г. Эти выборы представляли собой не только традиционную стычку двух основных буржуазных партий — демократической и республиканской; по кардинальным вопросам внутренней и внешней политики сталкивались силы реакции и демократии в общенациональном масштабе. Наиболее агрессивные и реакционные круги рассчитывали использовать избирательную кампанию для расширения масштабов войны в Корее и для дальнейшего усиления своего влияния в стране. Широкие же народные массы стремились к скорейшему прекращению этой войны, к миру и демократии и развернули активную борьбу в защиту своих требований. Характерно, что победу на выборах одержал кандидат, заявивший, что если он будет избран, то немедленно покончит с войной в Корее, т. е. Д. Эйзенхауэр. С приходом к власти правительства Эйзенхауэра окончилось также и 20-летнее преобладание демократов в конгрессе.

Но, одержав победу на выборах, республиканцы отнюдь не собирались осуществлять свои обещания в области социального обеспечения, гражданских прав, повышения жизненного уровня, столь щедро раздававшиеся накануне выборов. Своего рода девизом всей практической деятельности нового кабинета были слова, сказанные руководителем крупнейшего в стране концерна Ч. Вильсоном: «Что хорошо для «Дженерал моторс», то хорошо для всей Америки». Правительство Эйзенхауэра было еще более тесно связано с «большим бизнесом», чем правительство Трумэна. Составленное в подавляющей своей части из представителей финансовой олигархии (кабинет Эйзенхауэра получил название «кабинета 17 миллионеров»), оно свято блюло ее интересы.

С 1 января 1954 г. был отменен налог на сверхприбыль, в результате чего прибыли монополий увеличились примерно на 2 млрд. долл. в год. В августе того же года был принят новый закон о подоходном налоге, также выгодный крупному капиталу. По инициативе правительства конгресс санкционировал законы о передаче в частную собственность ряда заводов синтетического каучука, многочисленных государственных лесов, пастбищ, месторождений полезных ископаемых. Особое значение имело решение о передаче государством «в собственность штатов» — а по сути дела в распоряжение господствующих в них нефтяных монополий — богатейших морских нефтяных отмелей. Конгрессом был одобрен законопроект, предлагавший пересмотреть действовавшее законодательство об атомной энергии, предоставить частным компаниям право на владение атомными реакторами и атомным топливом и передать им работы по использованию атомной энергии в гражданских целях.

Прикрываясь лозунгами «современного республиканизма» и «прогрессивного консерватизма», правительство Эйзенхауэра предприняло новое наступление на гражданские и политические свободы в США. 27 апреля 1953 г. был издан приказ № 10450 о поголовной проверке — в интересах «безопасности» — всех государственных служащих, превосходящий по своей реакционности приказ Трумэна о «проверке лояльности». 19 июля 1953 г. по обвинению в атомном шпионаже были казнены Джулиус и Этель Розенберги, процесс над которыми представлял собой чудовищное надругательство над правосудием. В 1954 г. был принят закон «о контроле над коммунистической деятельностью», или закон Хэмфри — Батлера, объединивший все предшествовавшее антикоммунистическое «законодательство». Коммунистическая партия фактически объявлялась вне закона.

Республиканцы в полной мере показали себя преемниками демократов и в области внешней политики. Внешнеполитический курс Вашингтона исходил из теории военного превосходства Запада и основывался на доктрине силы. Известный американский публицист Райт Миллс пишет: «Во всем этом демократы не могут кивать на республиканцев. Линия Ачесона и Даллеса продолжает одна другую»¹.

2. Переход от доктрины «сдерживания» коммунизма к доктрине «освобождения». Концепция «массированного возмездия»

Начало второй половины XX столетия поставило перед человечеством проблему, от решения которой зависит все его будущее, зависит судьба мировой цивилизации. Этой проблемой является предотвращение мировой термоядерной войны, обеспечение мирного сосуществования государств различных систем.

Рубеж между первой и второй половинами нашего века ознаменовался величайшим событием в истории человечества — складыванием мировой социалистической системы, охватившей свыше трети населения земли. К этому же времени самые широкие масштабы приобрел и такой важный фактор историче-

¹ W. Mills. The Causes of World War Three. N. Y., 1958, p. 6.

ского процесса, как распад колониальной системы. Вместе с тем произошли серьезнейшие сдвиги в развитии производительных сил, в области науки и техники. Эти успехи повлекли за собой подлинную революцию в области военной техники, привели к созданию невиданных по своей мощи средств разрушения. К началу 50-х годов такими средствами владели США, возглавляющие лагерь империализма, и Советский Союз — первая в мире страна победившего социализма.

Глубочайшие сдвиги в соотношении классовых сил на мировой арене, с одной стороны, и качественные изменения в характере средств ведения войны в связи с появлением ядерного оружия — с другой, с особой остротой поставили перед народами всех стран вопрос о предотвращении новой мировой войны.

Мировая термоядерная война или мирное сосуществование — вот дилемма, перед которой оказалось человечество. Вполне естественно, что Советский Союз, другие социалистические страны, все миролюбивые силы в капиталистических странах, давно уже сделав выбор в пользу мирного сосуществования, в новых конкретных исторических условиях всемерно усилили борьбу за обеспечение международной безопасности. Отбросив культ личности Сталина, имевший отрицательные последствия и в области внешнеполитической деятельности, Коммунистическая партия Советского Союза и Советское правительство с огромной целеустремленностью и энергией повели борьбу за мир, за предотвращение мировой войны, за решение международных спорных вопросов путем честных переговоров, при взаимном учете интересов сторон.

Совершенно иным, противоположным был внешнеполитический курс правительств Трумэна и Эйзенхауэра. Столкнувшись с указанной альтернативой — война или мирное сосуществование государств противоположных систем, — они сделали выбор в пользу продолжения политики силы и подготовки новой войны, хотя этот выбор и противоречил элементарным требованиям реальной политики, не говоря уже о национальных интересах США.

В условиях, когда всем ходом общественного развития с небывалой отчетливостью было продемонстрировано, что социализм — подлинно мировая система, стремительно растущая и оставляющая позади исторически отживающую систему капитализма, наиболее влиятельные империалистические круги США решили бросить социалистическим странам прямой военный вызов и предприняли ряд вооруженных авантур. В обстановке, когда совершенствование и широкое распространение ядерного оружия все более настоятельно требовали отказаться от господствовавших в прошлом внешнеполитических догм и прежде всего покончить с использованием войны как средства политики, империалистические руководители США основные

свои действия подчинили целям подготовки термоядерной войны и развязывания «локальных» войн против мирового социализма. Это с особой очевидностью проявилось в замене агрессивного курса на «сдерживание» коммунизма¹ еще более агрессивным и авантюристическим курсом на «освобождение» социалистических государств, на «отбрасывание» коммунизма, в том числе и военным путем.

Уже в первые месяцы 1950 г. государственный секретарь США Д. Ачесон выступил с серией заявлений, в которых утверждалось, что американская внешняя политика должна быть еще больше перестроена под углом зрения политики «с позиции силы». Единственно возможный для Соединенных Штатов путь отношений с Советским Союзом, КНР и другими социалистическими государствами, говорил он, — это «создание ситуации силы»².

Важным средством осуществления этой задачи Ачесон считал превращение обычной дипломатии в «тотальную дипломатию». «Все органы правительства должны действовать в тесном контакте»; весь правительственный аппарат, вся система бизнеса и его организаций, профсоюзы, пресса, пропагандистская машина — все должно активно способствовать выполнению основных задач американской внешней политики, заявлял государственный секретарь. «Задачи тотальной дипломатии, — говорил Ачесон в речи в Калифорнийском университете 16 марта 1950 г., — оборона против коммунизма»³. Подобные утверждения, как и формула «мир посредством силы», пущенная в ход в это время американской дипломатией⁴, были призваны скрыть агрессивные цели империалистической внешней политики США. Это подтверждалось воинственным характером деятельности правительства Соединенных Штатов во всех районах земного шара и особенно спровоцированной американским империализмом гражданской войной в Корее, переходом США в июне 1950 г. к прямым актам вооруженной агрессии против КНДР и КНР⁵.

Дж. Ф. Даллес, сменивший Д. Ачесона на посту государственного секретаря с приходом к власти правительства Эйзенхауэра, Д. Бернхэм и ряд других наиболее реакционных «практиков» и «теоретиков» американской внешней политики выступили с критикой правительства Трумэна справа, вменяя ему

¹ См. гл. XIV 1-го тома настоящего издания.

² D. Acheson. «Total Diplomacy» to Strengthen U. S. Leadership for Human Freedom. «Department of State Bulletin». 20. III. 1950, p. 427—430.

³ D. Acheson. Tensions between the United States and the Soviet Union. «Department of State Bulletin». 27. III. 1950, p. 473—478.

⁴ D. Acheson. Peace Through Strength: a Foreign Policy Objective. «Department of State Bulletin». 26. VI. 1950, p. 1037—1041.

⁵ См. гл. XVIII и XIX.

в вину, что у него не хватило «целеустремленности» в осуществлении антикоммунистических планов, что оно руководствовалось доктриной «сдерживания», якобы оборонительной в своей основе.

«С точки зрения стратегии, — писал Бернхэм, — политика сдерживания — политика чисто оборонительная... Пожалуй, ни один урок, извлеченный из исторического опыта, не был подтвержден столь убедительно, как тот, что чисто оборонительная стратегия не может привести к успеху... Политика сдерживания не устрашает никого... Она не требует ни от кого отступить от уже захваченного. В ней нет ни грана «империализма», «агрессии», «превентивной войны», «наступления» и прочих запретных для либералов понятий»¹.

Творцы агрессивной доктрины «освобождения»² предлагали не ждать «длительной эволюции» и «постепенных изменений» в «советской орбите», на которые рассчитывали авторы доктрины «сдерживания», а перейти к таким методам и средствам борьбы против мирового социализма, которые позволили бы в короткое время низвести, выражаясь словами Бернхэма, «коммунистический район» до границ 1939 г., а затем нанести решающее поражение Советскому Союзу.

Доктрина «освобождения» исходила из того, что основная стратегическая цель американской внешней политики должна заключаться в том, чтобы «отбросить» коммунизм, «освободить» народы социалистических стран от избранного ими общественного строя, т. е. реставрировать позиции и власть эксплуататорских классов в этих странах. Иначе говоря, вновь на первый план выдвигались бредовые идеи уничтожения социализма как мировой системы и преодоления таким образом усилившегося общего кризиса капитализма, при установлении, конечно, мировой гегемонии империализма США.

Эти опаснейшие для дела мира во всем мире, для судеб всех народов планы были облечены в лживые и лицемерные

¹ J. Burnham. *Containment or Liberation? An Inquiry into the Aims of United States Foreign Policy*. N. Y., 1953, p. 34, 31.

В книгах Бернхэма, буржуазного социолога и международника, воинствующего оруженосца крайней реакции, в откровенно циничной форме излагаются установки, планы и взгляды весьма влиятельной части империалистических сил США.

² Доктрина «освобождения», как подчеркивали многие влиятельные государственные и политические деятели США, в том числе Т. Финлеттер, с полным основанием может быть названа «доктриной Даллеса». Указывая на первоочередную важность доктрины, Финлеттер, занимавший ответственные посты в правительстве США, и ряд других американских авторов заявляли, что она по своему значению сравнима с «доктриной Монро» и «доктриной Стимсона», что «доктрина освобождения может иметь столь же большое воздействие на мировую историю, как и две великие доктрины, предшествовавшие ей» (Т. К. Finletter. *Power and Policy, U. S. Foreign Policy and Military Power in the Hydrogen Age*. N. Y., 1954, p. 124).

формулы. Их смысл сводился к сочетанию доведенных до крайности антисоветских заявлений в отношении якобы имевшего место «коммунистического империализма» с не менее фальшивыми утверждениями по поводу «освободительной миссии» Соединенных Штатов применительно к государствам социалистического лагеря, к отстаиванию Соединенными Штатами «свободы» и «демократии» во всех странах и на всех континентах.

Авторы и апологеты доктрины «освобождения» считали, что при практическом ее осуществлении особое внимание должно было быть уделено двум тесно связанным друг с другом направлениям борьбы против Советского Союза и всех социалистических государств: во-первых, «ведению всесторонней политической войны» и, во-вторых, продолжению возможно более эффективной подготовки ко «всеобщей мировой войне»¹.

Под «всесторонней политической войной» подразумевалась прежде всего неограниченная политическая, идеологическая и дипломатическая борьба против СССР.

Немалая ставка делалась на то, чтобы вызвать недовольство Советской властью в районах, народы которых позднее других народов Советского Союза стали на путь строительства социализма, поссорить между собой союзные республики, входящие в СССР. «...Проведением в большом масштабе действий внутри (имеются в виду подрывные действия. — Авт.) можно добиться поражения противника, — писал Бернхэм, — ликвидации советского режима наиболее эффективным путем, с наименьшей затратой человеческих и материальных ресурсов»².

Другой неотъемлемый элемент «всесторонней политической войны» — усиление вмешательства во внутренние дела стран народной демократии. Авторы доктрины «освобождения» рассчитывали, что, завербовав предателей, бежавших из этих стран на Запад, они сумеют создать «легион из европейцев» и «легион из азиатов». Используя эти «легионы» и контрреволюционные элементы внутри народно-демократических стран, они намеревались спровоцировать контрреволюционные мятежи в этих странах и отколоть их от Советского Союза, а затем, откликнувшись на «призыв о помощи» так называемым «национальным силам», организовать прямую вооруженную интервенцию. Одновременно реакционными силами США должна была быть развернута в самых больших масштабах «психологически-диверсионная война», «тотальное пропагандистское наступление».

Третья важная составная часть «всесторонней политической войны» — борьба против коммунистических партий и распространения коммунистических идей во всех без исключения капиталистических странах, и прежде всего в самих Соединенных Штатах. Следовательно, и на этот раз попытка американской монополистической буржуазии насадить антикоммунизм вовне шла бок о бок с антикоммунизмом внутри страны. «Перспектива освобождения, — писал Бернхэм, — предполагает, что главная стратегическая цель в несоветских странах должна состоять в том, чтобы поставить коммунистическую деятельность вне закона»³.

Особые надежды реакционные круги США в своей антикоммунистической стратегии возлагали на то, чтобы расколоть лагерь социализма и мировое коммунистическое и рабочее движение, попытаться подорвать их сплоченность

¹ J. Burnham. Containment or Liberation?, p. 223, 240.

² Ibid., p. 130.

³ Ibid., p. 228.

и единство. Для этого они активно использовали и весь свой дипломатический и пропагандистский аппарат, и специальную агентуру, и различного рода неустойчивые, оппортунистические элементы внутри коммунистических партий.

Ведение «всесторонней политической войны» и интенсивнейшую подготовку ко «всеобщей мировой войне» авторы доктрины «освобождения» рассматривали как единый в своей основе внешнеполитический курс.

Весьма характерно, что «отбрасывание» коммунизма Даллес самым прямым и непосредственным образом связывал с политикой «балансирования на грани войны»¹ — авантюристической и опаснейшей концепцией, которую он упорно проводил, став государственным секретарем. Не менее важен и тот факт, что вскоре после провозглашения политической доктрины «освобождения» при самой активной роли того же Даллеса была выдвинута военная доктрина «массированного возмездия» («massive retaliation») или «устрашения».

Эта доктрина в середине и на протяжении второй половины 50-х годов играла определяющую роль в системе стратегических мероприятий американского империализма². При этом главная ставка в еще большей степени, чем прежде, делалась на использование ядерного оружия, хотя положение и в этой области складывалось отнюдь не в пользу США.

Как отмечалось, уже в 1949 г. Советский Союз провел испытание атомного оружия, секретом которого он овладел еще раньше. А в 1953 г., обогнав США, Советский Союз первым произвел водородный взрыв. В Советском Союзе, как подчеркивает известный американский ученый в области ядерной физики Р. Лэпп, интервал между испытаниями первой атомной и первой водородной бомбы был почти вдвое меньше, чем в Соединенных Штатах³. Таковы факты, с которыми столкнулись правящие круги США. Однако, вопреки этим фактам, США решили «взять реванш», резко усилив гонку ядерного вооружения.

В этих целях была значительно увеличена и без того весьма обширная программа накопления уже имевшихся видов атомного оружия, развернута научно-исследовательская деятельность, направленная на создание новых, еще более разрушительных его видов. Вместе с тем велась работа по усовершенствованию средств транспортировки атомного и водородного оружия, прежде всего авиации дальнего радиуса действия, и созданию баллистических ракет с атомным зарядом. Пересмотр традиционной военной доктрины «трех измерений» (суша, море, воздух), или «сбалансированных вооруженных сил», был решен в пользу всемерного расширения авиации, снабженной атомным и водородным оружием. «Воздушные силы, — писал Р. Доновэн, — становились высшим средством американской военной мощи»⁴.

Важным составным элементом атомной стратегии американского империализма продолжали оставаться расчеты на использование особенностей географического положения Соединенных Штатов, отделенных океанами от предполагаемой арены военных действий, на наличие в их распоряжении обширнейшей системы военных баз, расположенных вблизи границ Советского Союза,

¹ J. R. Beal. John Foster Dulles. A Biography. N. Y., 1957, p. 183—219.

² См. гл. XVI.

³ R. E. Lapp. Atoms and People. N. Y. 1956, p. 149.

⁴ R. J. Donovan. Eisenhower. The Inside Story. N. Y., 1956, p. 52.

КНР и других социалистических государств. «Основные сосредоточения городского населения и главные промышленные районы Советского Союза, представляющие в настоящее время особо важные объекты, — писал директор Русского института Колумбийского университета Г. Робертс, — более уязвимы для американских бомбардировщиков, расположенных на заморских базах, находящихся в распоряжении Соединенных Штатов, чем соответствующие наши районы для их бомбардировщиков»¹.

Американские правящие круги планировали обеспечить свое военное «превосходство» над Советским Союзом, достигнуть «атомного изобилия» («nuclear plenty») и получить «абсолютную силу». Это, по расчетам империализма США, позволило бы поставить Советский Союз и другие социалистические страны перед фактическим ультиматумом — или «урегулирование» спорных международных проблем на условиях, продиктованных американским монополистическим капиталом, или ядерная война в обстановке, как полагали американские стратеги, их «абсолютного превосходства».

Авторы концепции «массированного возмездия» (бывший президент США Гувер характеризовал ее также как «стратегию смертельного возмездия гремучей змеи») пытались изобразить дело таким образом, будто последняя преследует «оборонительные цели», что она имеет в виду лишь «ответный удар» по противнику, который первым нападет на США, причем под таким противником откровенно подразумевались Советский Союз и другие социалистические государства. Однако руководителям США достаточно хорошо было известно, что марксисты-ленинцы решительно отвергают войну как инструмент политики, что они твердо и последовательно ведут борьбу за мир. «Оборонительная», «миролюбивая» фразеология Гувера была не более чем ширмой, призванной прикрыть отнюдь не миролюбивые дела тех влиятельных кругов, которые он представлял.

Провозглашение правительством США этой концепции сопровождалось выступлениями ряда видных американских военных и политических деятелей, которые обосновывали «преимущества» первого атомного удара, т. е., по существу, призывали к «превентивной» войне против СССР и всего социалистического лагеря. И если наиболее реакционные и агрессивные американские круги, провозгласив политику «освобождения», не пошли на такую войну, то отнюдь не из-за каких-то «моральных» и «гуманных» соображений, как это изображают многочисленные апологеты американского империализма. Их отрезвляла все возрастающая мощь социалистического лагеря, в том числе и в области ракетно-ядерного вооружения.

Доктрина «освобождения», подобно предшествовавшей ей доктрине «сдерживания», была возведена в ранг официальной правительственной политики. Аналогичным образом дело обстояло и с концепцией «массированного возмездия».

В первой же речи, которую Даллес произнес в качестве государственного секретаря, он прибег к самым низкопробным заявлениям о «коммунистической угрозе» и обещал всемерную помощь реакционным силам, мечтавшим о реставрации капитализма в европейских странах народной демократии. В начале 1953 г. конгресс США принял предложенную президен-

¹ H. L. Roberts. *Russia and America. Dangers and Prospects*. N. Y., 1956, p. 41.

том Эйзенхауэром резолюцию, в которой содержались злобные выпады против Советского Союза и выражалась надежда, что «народы, находящиеся под господством советского деспотизма, должны будут вновь обрести права самоопределения»¹.

В послании о положении в стране, направленном конгрессу 7 января 1954 г., президент Эйзенхауэр заявил, что Соединенные Штаты и их союзники обладают «массированной возможностью ответного удара» в случае, если «свободный мир подвергнется агрессии»². Через несколько дней, 12 января 1954 г., выступая в Совете по международным отношениям, государственный секретарь Даллес утверждал, что «локальная оборона должна быть подкреплена силой массированного возмездия»³, средства и район применения которого должны определяться по выбору правительства Соединенных Штатов.

3. Развязывание империализмом прямых актов вооруженной агрессии. Интервенция в Корее, Китае и других районах Азии

Важнейшей практической акцией американской внешней политики первой половины 50-х годов явилась военная агрессия Соединенных Штатов в Корею. Эта агрессия не только в большой мере определила характер всего внешнеполитического курса американского империализма в рассматриваемый период, но и имела далеко идущие последствия для международной обстановки в целом.

Всесторонняя поддержка американским империализмом клики Ли Сын Мана и проводимых ею военных приготовлений, провоцирование вооруженного столкновения между КНДР и Южной Кореей⁴, а затем самое активное участие США в гражданской войне в Корею и настойчивые усилия американской военщины всемерно расширить географическую сферу военных действий — все это представляло собой логичное проявление дальнейшей активизации американской политики «с позиции силы», воплощение на практике доктрины «отбрасывания» коммунизма.

«Корея была благословением, — заявлял командующий американской 8-й армией генерал Ван Флит, раскрывая агрессивные замыслы политических и военных кругов США. — Какая-то «Корея» все равно должна была возникнуть в том или другом

¹ «Department of State Bulletin», 2. III. 1953, p. 353.

² «Documents on American Foreign Relations», vol. XVI, 1954. Ed. by P. V. Curl. N. Y., 1955, p. 4—5.

³ Ibid., p. 9—10.

⁴ См. гл. XVIII.

месте земного шара»¹. Иначе говоря, американский империализм твердо решил начать прямую вооруженную интервенцию против лагеря социализма. Южная Корея представляла собой заблаговременно подготовленный Соединенными Штатами военный плацдарм, предназначенный для активных действий.

«Никогда прежде, на всем протяжении нашей истории, — писал в августе 1950 г. журнал «Лайф», — мы не были так хорошо подготовлены к какой-либо войне, как к этой войне. Сегодня, спустя лишь несколько дней после начала войны, мы имеем в Корее больше солдат и больше орудий, чем мы послали для вторжения в Северную Африку в ноябре 1942 г., через одиннадцать месяцев после Пирл-Харбора»².

Географическое положение полуострова обеспечивало возможность самого широкого использования военно-морского флота и авиации США, т. е. именно тех родов вооруженных сил, в которых американская военщина считала себя наиболее сильной. Небольшие размеры территории КНДР, по расчетам Пентагона, должны были обеспечить максимальную эффективность массированных ударов американской бомбардировочной авиации.

Что касается политических расчетов, то среди них фигурировали надежды на то, что Северная Корея явится «уязвимой периферией» социалистического лагеря. В данном случае правящие круги США исходили, в частности, из факторов, связанных с расколом Кореи и трудностями, которые переживал сосед Кореи — Китайская Народная Республика, только что вышедшая из тяжелейшей войны.

Почему же именно в 1950 г. правящие круги перешли к прямым актам военной интервенции? В данном случае, очевидно, немаловажную роль сыграло то обстоятельство, что к концу первого послевоенного пятилетия в полной мере обнаружилась несостоятельность всех предшествовавших расчетов на сужение сферы господства социализма: 1949 год завершился образованием КНР и ГДР.

Кроме того, правящие круги США лихорадочно цеплялись за свое преимущественное положение в области атомного оружия. Советский атомный взрыв, произведенный в сентябре 1949 г., свидетельствовал о том, что американской атомной монополии уже пришел конец и что в самом скором времени США смогут очутиться перед совершенно новым соотношением военных сил.

В свете этого неудивительно, что в конце 1949 — начале 1950 г. в США резко усилилась подготовка к войне. Уже в мае 1950 г. председатель группы начальников штабов генерал Брэдли говорил, что США должны иметь «мобилизационный план... который войдет в силу в первый день чрезвычайного положения». 24 мая председатель комитета конгресса по делам вооруженных сил Винсон поддержал Брэдли, указав:

¹ См. И. Стоун. Закулисная история войны в Корее. М., 1953, стр. 358.

² «Life», 21. VIII. 1950, р. 77.

«Конгрессу следует немедленно представить мобилизационный план, его сейчас же нужно принять»¹.

В заявлениях ряда государственных и политических деятелей США, в многочисленных работах американских буржуазных историков, в материалах буржуазной печати задним числом делается попытка представить войну в Корее в виде некой «локальной полицейской операции», как по своим масштабам, так и по поставленным в ней Соединенными Штатами задачам. Однако в действительности дело обстояло совершенно иначе.

Судя по многочисленным материалам, ведущие политические и военные круги США рассчитывали на то, что лисынмановцам и так называемым «вооруженным силам ООН», костяк которых составляли американские войска, удастся нанести сокрушительный удар по одному из социалистических государств — Корейской Народно-Демократической Республике. В результате этого удара, как полагали американские стратеги и политики, КНДР прекратила бы свое существование. Тем самым была бы наглядно продемонстрирована перед всем миром та «ситуация силы», которая являлась важнейшим отправным пунктом всей агрессивной внешнеполитической программы американского империализма.

Захват Корейской Народно-Демократической Республики и превращение Северной Кореи в военный плацдарм империализма США на северо-восточных границах Китая, осуществлявшиеся параллельно с оккупацией Тайваня и созданием там плацдарма против южного Китая, должны были бы, по американским расчетам, в значительной мере компенсировать США и лагерь империализма в целом за поражение, понесенное ими в связи с разгромом Чан Кай-ши, стать своего рода реваншем за образование КНР.

Выступая 27 июня в Вашингтоне с официальным заявлением, президент Трумэн указал, что наряду с приказом о посылке вооруженных сил США в Корею им отдан также приказ 7-му американскому флоту о «предотвращении нападения на Формозу (так именовал президент США Тайвань. — Авт.)»². Действия США, предпринятые ими официально под видом обеспечения «нейтрализации» Тайваня, в действительности представляли собой оккупацию американскими вооруженными силами этой неотделимой части территории Китайской Народной Республики. Таким образом, начало американской вооруженной интервенции в Корею явилось одновременно началом необъявленной войны против Китайской Народной Республики³.

Корабли и самолеты 7-го американского флота установили патрулирование вдоль всего побережья КНР в районе от Сватоу (Южный Китай) до Циндао (Северный Китай), обстреливая торговые суда Китайской Народной Республики и нарушая права мореплавания. Американская авиация производила разведывательные полеты над территорией КНР, обстреливала и бом-

¹ См. Н. Н. Яковлев. Новейшая история США. М., 1961, стр. 534.

² «The Memoirs by Harry S. Truman». N. Y., 1956, vol. II, p. 337.

³ См. гл. XIX.

были китайские города и населенные пункты, расположенные на границе с Кореей. С конца ноября 1950 г., когда генерал Д. Макартур возвестил о начале «всеобщего решительного наступления» в Корею, американские вооруженные силы вели боевые операции уже не только против перешедших в контрнаступление по всему фронту переформировавшихся и пополненных частей Народной армии Кореи, но и против отрядов китайских народных добровольцев.

В начале января 1951 г. государственный департамент обратился к правительствам 30 государств с предложением объявить Китайскую Народную Республику «агрессором» и применить к ней экономические и дипломатические санкции.

Влиятельные представители наиболее реакционных политических кругов (Маккарти, Керстен, Ноулэнд, Маккарен и др.) и значительная часть высшего генералитета (Макартур, Риджуэй, Рэдфорд и др.), выступая за дальнейшее расширение корейской войны, требовали перенесения ее на территорию Китая. В 1951 г. продолжалась подготовка плана войны против КНР, который начал разрабатываться в конце ноября 1950 г.¹

План, предложенный Макартуром, предусматривал осуществление американским империализмом агрессивных мероприятий по четырем основным направлениям: 1) усиление экономической блокады Китайской Народной Республики; 2) установление неограниченной морской блокады Китая; 3) «устранение всяких препятствий на пути воздушной разведки всей территории прибрежного Китая и Маньчжурии»; 4) «устранение каких бы то ни было препятствий» действиям чанкайшистов по высадке десантов с Тайваня на материк, имея в виду, что США окажут поддержку их «эффективным операциям против общего врага»².

Содержание третьего и четвертого пунктов указанного плана не оставляет никаких сомнений в том, что принятие самого плана означало бы фактически неограниченную воздушную войну против КНР и совместные наступательные действия американских и чанкайшистских морских и сухопутных сил против народного Китая. Это был план развертывания большой войны против Китайской Народной Республики.

С войной в Корею американский империализм тесно связывал и другие важнейшие аспекты своей политики на Дальнем Востоке и в Азии. Это касалось прежде всего расчетов на дальнейшую активизацию сил реакции в Японии, на ускорение ремилитаризации Японии. Вместе с тем успех США в войне в Корею должен был, как надеялись американские правящие круги, нанести удар по силам национально-освободительного

¹ «Military Situation in the Far East. Hearings before the Committee on Armed Services and the Committee on Foreign Relations, US. Senate 82-nd Congress, 1-st Session, Government Printing Office. Washington, 1951, Part 2, p. 736.

² «The New York Times», 20. IV, 1951; «The Memoirs by Harry S. Truman», vol. II, p. 440—446.

движения в других странах Дальнего Востока, по ставшей на путь самостоятельного развития Индии и в более широком плане по политике нейтрализма в целом.

Одновременно с интервенцией на Дальнем Востоке американский империализм усилил свою опасную активность в Западной Европе. Это нашло свое выражение в расширении деятельности НАТО, в ускорении процесса ремилитаризации Западной Германии, связанном с выдвижением проекта создания «Европейского оборонительного сообщества»¹ и осуществлением «плана Шумана», в заключении серии двусторонних военных соглашений США с европейскими державами.

Наконец, как уже отмечалось, внутри самих Соединенных Штатов в период войны в Корее резко усилился перевод экономики на военные рельсы. Характеризуя цели, поставленные правительством в области военного производства, один из руководителей этого производства, Г. Фаулер, заявил в январе 1952 г., что конечная задача — обеспечить такое количество вооружения, которого было бы достаточно для «первого года тотальной войны и периода развертывания тотальной мобилизации всей промышленности»². Параллельно с милитаризацией экономики развертывался процесс усиления роли военных кругов во всех областях жизни страны. Война в Корее и в этом отношении использовалась монополистической буржуазией США в качестве предлога.

Все это говорит о том, что операции, предпринятые против Корейской Народно-Демократической Республики, ни в коей мере не мыслились правящими кругами США в качестве какого-то изолированного, имеющего лишь локальное назначение акта их внешней политики. Напротив, агрессия в Корее расценивалась как определенная составная часть более широких планов, связанных с американской политикой на Дальнем Востоке и в Азии, с борьбой американского империализма против сил демократии и социализма во всемирном масштабе. К войне в Корее империалистические круги США подходили как к важному составному элементу своей «глобальной» политики и стратегии. Причем, если бы американскому империализму удалось добиться успехов в предпринятой им интервенции, это должно было явиться своего рода катализатором в осуществлении других агрессивных планов реакционных кругов Соединенных Штатов Америки.

Столь же несостоятельны попытки политиков, идеологов и пропагандистов американского империализма преуменьшить масштабы военных операций в Корее и тем самым как-то признать значение провала своих военных планов.

¹ См. гл. XXIV.

² Цит. по кн.: *G. Lincoln. Economics of National Security. Managing America's Resources for Defence. Englewood Cliffs (New Jersey), 1954, p. 337.*

Война в Корее отнюдь не была «полицейской акцией». На Северную Корею была брошена военная машина Соединенных Штатов — самая большая и мощная военная машина империализма.

По официальным данным американской печати, уже к концу 1951 г. в войне в Корее участвовало свыше 450 тыс. американских солдат и офицеров; в дальнейшем количество войск было увеличено. В разное время там побывало в общей сложности свыше 4 млн. американских солдат и офицеров. Наиболее боеспособные американские дивизии, находившиеся в Европе и в Японии, были переброшены в Корею. Здесь были сконцентрированы лучшие соединения военно-морского флота и военно-воздушных сил США. Для руководства огромной армией, оснащенной новейшей военной техникой, Пентагон послал в Корею своих наиболее опытных генералов, особенно отличившихся в годы второй мировой войны: Макартура, Риджуэя, Кларка, Ван Флита, Уокера, Тэйлора. Генералы Брэдли и Маршалл осуществляли высшее военное руководство операциями в Корее, находясь в Вашингтоне.

С первых же дней войны против корейской Народной армии было применено примерно 1500 американских самолетов, а к концу войны в Корее было сконцентрировано свыше 10 тыс. американских самолетов всех типов. Ежедневно интервенты совершали в среднем от 700 до 1000 самолето-вылетов, а в майско-июньском наступлении 1952 г. — 1500—2100 самолето-вылетов. На Корею было сброшено 448 тыс. бомб — около половины того, что военно-воздушные силы США сбросили на европейском театре военных действий во второй мировой войне¹. Американцы использовали в этой войне артиллерию всех видов, включая тяжелую корабельную и орудия большой мощности.

О том, с каким напряжением американский империализм вел войну в Корее, весьма красноречиво говорит заявление генерала Брэдли, руководителя объединенной группы начальников штабов: «Болезненным и рискованным фактом является то, что, когда мы, американцы, оказались связанными в Корее, у нас не осталось надлежащих военных сил, чтобы противостоять противнику в другом пункте. В военном отношении у нас, за исключением атомной бомбы, не осталось свободных резервов».

Ряд представителей американской военщины предлагали бросить на весы и этот последний военный резерв, но правящие круги на это не пошли. Руководители США опасались, что применение последнего средства, в виде атомной бомбы, не смогло бы принести решающего военного успеха в Корее, но неизбежно вызвало бы взрыв возмущения во всем мире. Они боялись также ответных акций со стороны СССР.

Однако, несмотря на огромное превосходство в технике, американские вооруженные силы, поддерживаемые соединениями Англии и ряда других капиталистических стран, не смогли добиться военного успеха. Империалистическая «политика силы» дала явную осечку при попытке практического применения ее к странам социалистической системы. Доктрина «отбрасывания» коммунизма показала свою несостоятельность.

Некоторые реакционные американские государственные и политические деятели, непосредственно виновные в рассматриваемых событиях, делая хорошую мину при плохой игре, предпочитают называть войну в Корее «войной, которую Соединенные Штаты не выиграли». Более откровенные американские источники, в том числе и самые реакционные, подчеркивают

¹ См. А. Брофи. Военно-воздушные силы США. М., 1957, стр. 77, 95.

отрицательные последствия корейской войны для США. Американский журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» в статье, озаглавленной «Что пожинают Соединенные Штаты в корейской войне», писал: «Победы нет, миллиарды затрачены, потеряны 140,5 тыс. человек»¹.

Война в Корее, в ходе которой непосредственно столкнулись государства двух мировых систем, явилась наиболее острым международным кризисом первой половины 50-х годов. Этот кризис показал полную необоснованность расчетов на «превосходство сил» США. Империалистические интервенты и лисынмановцы потерпели тяжелое поражение. Срыв лагерем социализма агрессивных замыслов американской военщины, связанных со всемерным расширением сферы военных действий, обеспечил китайскому народу и народам ряда других стран Азии благоприятные возможности для развития по пути строительства социализма.

Исход войны в Корее убедительно свидетельствовал о том, что мировая социалистическая система обладает достаточным могуществом, чтобы успешно противостоять всем вооруженным наскокам со стороны США и лагеря империализма.

Однако американские руководители и после окончания войны в Корее не отказались от военных авантур в целях «освобождения» народов социалистических государств. Уже в первом своем послании конгрессу, опубликованном 2 февраля 1953 г., президент Эйзенхауэр обрушился на пресловутую «коммунистическую угрозу» и заявил об отказе от политики «нейтрализации» Тайваня². Это представляло собой откровенно враждебный акт американского правительства в отношении Китайской Народной Республики.

Если раньше оккупация Тайваня американскими войсками осуществлялась под ширмой «недопущения» расширения сферы военных действий путем нападения чанкайшистских войск на материк, то теперь американские правящие круги отбрасывали этот лицемерный предлог. Та часть приказа Трумэна американскому 7-му флоту, в которой ставилась задача не допустить освобождения вооруженными силами КНР о-ва Тайвань и прибрежных островов, полностью оставалась в силе. Что же касается распоряжения 7-му флоту, обязывающего его предотвращать десантные операции чанкайшистов против материкового Китая, то оно отменялось. Иначе говоря, республиканский кабинет прямо заявлял о своем согласии с военными авантюрами, планировавшимися кликой Чан Кай-ши.

Свидетельством дальнейшего усиления правительством США всесторонней поддержки, оказываемой клике Чан Кай-ши, явилось заключение прямого американо-гоминдановского военного договора³. Реализуя основные условия этого договора, президент Эйзенхауэр потребовал и получил от конгресса в начале 1955 г. полномочия на использование вооруженных сил США

¹ «U. S. News and World Report», 7. VIII. 1953, p. 15.

² «Documents on American Foreign Relations, 1953», p. 19—26.

³ «Documents on American Foreign Relations, 1954», p. 360—364.

для «обеспечения безопасности и защиты» Тайваня и о-вов Пэнхуледао, а также «связанных с ним позиций и территорий этого района»¹. Указанный факт в немалой степени явился причиной весьма опасной для дела мира ситуации в этом районе тремя годами позже — осенью 1958 г.

Другое важное направление американской агрессии на Дальнем Востоке, развертывавшейся на основе доктрины «освобождения», — усиление вмешательства империализма США в войну в Индокитае².

Осенью 1953 г. государственный секретарь США Даллес, lively обвинив правительство Китайской Народной Республики в подготовке «вооруженной агрессии» во Вьетнаме, выступил с заявлением, что США в ответ на такую «агрессию» предпримут действия, «последствия которых могут не ограничиться пределами Индокитая»³. Это была очередная угроза правящих кругов США перейти от политики «балансирования на грани войны» к новой агрессивной войне на Дальнем Востоке.

Одновременно с событиями на Дальнем Востоке, знаменовавшими переход американского империализма к политике «освобождения», реакционные круги Соединенных Штатов активизировали свою враждебную деятельность в отношении европейских стран народной демократии. Ярким выражением этого явились такие факты, как субсидирование контрреволюционных организаций по закону «О взаимном обеспечении безопасности» и усиление подрывной деятельности в соответствии с рецептами Бернхэма и других сторонников доктрины «освобождения».

В соответствии с параграфом 101-а этого закона, принятого впервые 10 октября 1951 г., из сумм, ассигнованных на «взаимное обеспечение безопасности», должны были выделяться значительные средства на финансирование «любых отобранных лиц, которые проживают в Советском Союзе, Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании, Литве, Эстонии, или в находящихся под влиянием или оккупацией коммунистов районах Германии и Австрии, или в любой другой стране... или лиц, бежавших из этих стран, для того, чтобы либо сформировать из этих людей отряды вооруженных сил, поддерживающих организацию Североатлантического договора, либо для других целей, когда президент решит, что подобная помощь будет способствовать обороне Североатлантического района и безопасности Соединенных Штатов»⁴.

По закону 1951 г. на подрывные цели против Советского Союза и других социалистических государств было ассигновано 100 млн. долл. В последующие годы эта сумма несколько сокращалась или увеличивалась, но неизменно фигурировала в американском государственном бюджете. Одновременно была усилена «психологическая война» против СССР и стран народной демократии.

¹ «Documents on American Foreign Relations, 1955», p. 294—298.

² См. гл. XXI.

³ J. F. Dulles. Korean Problem. Address made before the American Legion at St. Louis on 2. IX. 1953. «Department of State Bulletin», 14. IX. 1953, p. 339—342.

⁴ «Documents on American Foreign Relations, 1951», p. 128—137.

4. Противодействие агрессивных сил нормализации международной обстановки. США и расширение деятельности империалистических военных блоков. Американский «неоколониализм»

Далеко идущие стратегические замыслы правящих кругов США, связанные как с провозглашенной ими программой борьбы против мировой системы социализма, национально-освободительного и демократического движения, так и с планами установления гегемонии США в капиталистическом мире, требовали создания соответствующего международного «климата». Экспансионистским установкам финансовой олигархии США в наибольшей мере отвечал климат дальнейшего усиления международной напряженности и военной истерии, еще большего разжигания «холодной войны» и возможно более широкой подготовки к войне «горячей».

Неудивительно, что правящие круги США встречали в штыки все шаги по укреплению мира и международной безопасности, предпринимавшиеся по инициативе Советского Союза и других социалистических стран, а также молодых суверенных государств Азии. Это касалось, в первую очередь, конкретных советских предложений в области разоружения, запрещения и уничтожения ядерного оружия, прекращения пропаганды войны, создания системы коллективной безопасности в Европе и в Азии, заключения мирного договора с Германией.

Правительство США, противодействуя уменьшению международной напряженности, не только отвергало все предложения о ликвидации военных блоков, уничтожении военных баз на чужих территориях и выводе с этих территорий иностранных войск, но и всемерно расширяло систему империалистических военных союзов.

Осуществляя подобный курс, монополистические силы США преследовали двоякую цель: во-первых, укрепить военно-стратегические позиции лагеря империализма для совместной борьбы с мировым социализмом, рабочим и национально-освободительным движением и, во-вторых, облегчить американскому капиталу военное, политическое и экономическое пропикновение в другие капиталистические страны. О том, что дело обстоит именно так, свидетельствуют все практические шаги правящих кругов США, связанные с созданием системы НАТО и активизацией деятельности этого важнейшего из империалистических военных блоков¹.

«Американская внешняя политика не знает цели более важной, чем укрепление солидарности великой Атлантической коалиции, которая отражает как общие интересы, так и общие устремления»², — подчеркивал Дж. Мак-

¹ См. гл. XVI.

² H. L. Roberts. Russia and America, Dangers and Prospects, p. XL.

ккой в предисловии к книге Г. Робертса «Россия и Америка. Опасности и перспективы». Укрепление единства и силы «коалиции свободных наций»¹ Ачесон считал ключевой задачей внешней политики США.

Чтобы понять мотивы, лежащие в основе подобных утверждений, полезно обратиться к закону «О взаимном обеспечении безопасности», принятому в период войны в Корее.

В первых же параграфах закона 1951 г. открыто говорилось о том, что цель его — «содействовать осуществлению внешней политики Соединенных Штатов посредством оказания военной, экономической и технической помощи» другим государствам, с тем чтобы «развивать их ресурсы... в национальных интересах Соединенных Штатов». Обосновывая программу «взаимного обеспечения безопасности», Ачесон в речи 26 июля 1951 г. в сенатской комиссии по иностранным делам заявил: «Мы должны... увеличить нашу решимость и наши усилия для создания во всем мире ситуации силы»². Закон предусматривал координацию всех направлений американской экспансии, согласование между собой «плана Маршалла», «программы 4-го пункта», программы «взаимной помощи в обороне», объединение всех программ американской «помощи» иностранным государствам — экономической, технической и военной — в агрессивных целях американского империализма.

В первые же пять лет (1951—1955 гг.) общая сумма ассигнований по «программе взаимного обеспечения безопасности» достигла 30 млрд. долл., т. е. была в 2,5 раза больше, чем все ассигнования «плана Маршалла». Из этой суммы подавляющая часть — 22 млрд. долл., или свыше 70%, пошло на прямую военную поддержку союзников США по агрессивным блокам и коалициям. С созданием обширной системы военно-промышленных органов НАТО вывоз американских товаров в Европу по «плану Маршалла» дополнялся и в известной мере заменялся вывозом оружия, приносившим особенно высокие прибыли военно-промышленным концернам США.

Вместе с тем правящие круги США, используя НАТО, добились резкого увеличения военных расходов в бюджетах всех основных государств, входящих в этот блок. Сумма прямых военных расходов стран — участниц НАТО увеличилась с 18,7 млрд. долл. в 1949 г. до 54,1 млрд. долл. в 1955 г., т. е. почти в 3 раза. Общая численность вооруженных сил стран — участниц Североатлантического блока составляла в середине 50-х годов более 6,5 млн. человек.

Пытаясь укрепить единство империалистического лагеря, американские правящие круги направили в страны — участницы Североатлантического блока не только американское вооружение, но и своих инструкторов, американские военные миссии и, наконец, американские войска. Под контролем вооруженных сил США оказался ряд ключевых стратегических позиций во многих странах — участницах НАТО. Такие вопросы, как разработка военно-мобилизационных планов, производство вооружения, строительство военных сооружений, размеры вооруженных сил и их обучение, установление контингентов, подлежащих

¹ D. Acheson. A Democrat Looks at His Party. N. Y., 1951, p. 102.

² «Department of State Bulletin», 6. VIII. 1951, p. 209.

призыву в армию, назначение ряда высших офицеров, стали решаться при американском участии.

Военно-политическая стратегия США исходила из расчетов на использование в интересах американского империализма потенциалов всего капиталистического мира, и прежде всего территорий и армий стран, входящих в возглавляемые Соединенными Штатами военные блоки, при сохранении за США с их атомным потенциалом командных позиций.

Генерал О. Брэдли, в то время руководитель объединенной группы начальников штабов США, выступая в конгрессе с обоснованием принципов, положенных в основу НАТО, заявлял, что стратегическую атомную бомбардировку «должны взять на себя Соединенные Штаты», а «основное ядро наземных сил будет поставляться странами Европы с помощью других стран по мере проведения ими мобилизации».

Подобные расчеты в большой мере нашли свое отражение в практической деятельности Североатлантического блока. Уже к середине 50-х годов европейские участники НАТО по численности личного состава сухопутных армий в 2,5 раза превосходили США, а по численности личного состава авиации и флота в 2,5 раза уступали им¹. Основную военную концепцию, в соответствии с которой строилась вся система НАТО, выражала формула «меча и щита». Эта концепция предусматривала определенное разделение функций между государствами. Сухопутные войска и тактическая авиация европейских стран-участниц должны были вести основные боевые действия на «передовой линии обороны НАТО» и играть роль «щита». Под прикрытием этого «щита» США, применяя стратегическую авиацию, снабженную атомным и водородным оружием, и ракетные установки, сыграют роль «меча», наносящего массированный наступательный удар по предполагаемому противнику. В качестве такового командование НАТО совершенно откровенно называло Советский Союз и социалистические государства. С провозглашением доктрины «массированного возмездия» в основу военной деятельности не только американского империализма, но и возглавляемых им военных блоков, прежде всего Североатлантического, был положен курс на подготовку атомной войны.

Активизация военных приготовлений, осуществлявшихся НАТО, сопровождалась вовлечением новых государств в этот агрессивный блок. 18 февраля 1952 г. участницами Североатлантического пакта стали Греция и Турция. Позже в результате подписания парижских соглашений в НАТО была включена Западная Германия. Одновременно под руководством и при активном участии правящих кругов США создавались другие военные блоки, находящиеся в тесной связи с НАТО.

В сентябре 1951 г. был создан военный блок АНЗЮС в составе США, Австралии и Новой Зеландии. Его образование привело к усилению американского влияния в этих британских доминионах в ущерб позициям Англии. Образование АНЗЮС рассматривалось правящими кругами Соединенных Штатов не только как самоцель, но и как важный этап на пути сколачивания более широкой тихоокеанской военной группировки.

В 1954—1955 гг. в соответствии с парижскими соглашениями, пришедшими на смену провалившемуся Европейскому оборонительному сообществу, при самом активном участии со стороны США была создана военная группировка Англии, Франции, ФРГ, Италии, Бельгии, Голландии и Люксембурга,

¹ См. И. М. Лемин. Англо-американские противоречия после второй мировой войны. М., 1955, стр. 382.

получившая наименование Западноевропейского союза (ЗЕС). Последний рассматривался американскими правящими кругами как непосредственный придаток НАТО, призванный облегчить процесс милитаризации ФРГ и способствовать усилению военных приготовлений в Западной Европе. Вооруженные силы ЗЕС представлялись в полное распоряжение командующего вооруженными силами Атлантического союза в Европе — пост, который неизменно занимали американские представители.

В том же 1954 г., 8 сентября, был подписан «Договор о коллективной обороне Юго-Восточной Азии» (СЕАТО), в соответствии с которым создавался военный блок в составе США, Англии, Франции, Австралии, Новой Зеландии, Таиланда, Филиппин и Пакистана. В результате создания СЕАТО Соединенные Штаты получили ряд военно-воздушных, военно-морских и сухопутных баз, на которые опираются примерно полумиллионные американские вооруженные силы (прежде всего 7-й флот). Организаторы блока, в первую очередь правящие круги Соединенных Штатов, рассматривали его не только как важное звено в системе «глобальных» военно-стратегических мероприятий, направленных против СССР и других социалистических государств, но и как средство «коллективных действий» в защиту колониализма, против национально-освободительного движения в Южной и Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке, против независимой политики, проводимой рядом государств этого района.

В 1955 г. длительные усилия американской дипломатии завершились созданием военного блока на Ближнем и Среднем Востоке — так называемого Багдадского пакта, получившего позднее название СЕНТО. В его состав вошли Англия, Турция, Иран, Пакистан, Ирак (последний порвал с этим блоком после революции 14 июля 1958 г.). Хотя США официально не вошли в этот блок, тем не менее они посылали своих наблюдателей на все сессии совета и принимали участие в работе его важнейших органов. Империализм США использовал блок для насаждения и расширения своих военных баз в указанном районе. Эти базы, обслуживая нужды американских вооруженных сил, особенно 6-го флота и авиации, занимают важное место в американских военно-стратегических планах. Одновременно правящие круги США видели в СЕНТО орудие раскола единства арабских стран, средство борьбы против национально-освободительного движения на Ближнем и Среднем Востоке.

Не полагаясь целиком на систему многосторонних договоров, правительство США стремилось закрепить и усилить свои позиции в ряде стран и военно-политическую зависимость этих стран от американского империализма путем подписания двусторонних военных соглашений.

Такие соглашения были заключены с Японией, марионеточными режимами Чан Кай-ши, Ли Сын Мана и Нго Динь Дьема, а также с рядом государств Юго-Восточной Азии, Ближнего и Среднего Востока, многими странами Латинской Америки, рядом западноевропейских стран, в том числе Испанией. К концу 1955 г. США имели свыше 40 двусторонних военных соглашений с различными странами о «взаимной безопасности», аренде военных баз, поставках вооружения и т. д.

Сколачивание военных блоков в Западной Европе, Азии, на Ближнем и Среднем Востоке, на Тихом океане в дополнение к ранее существовавшему Североатлантическому блоку и Организации американских государств, по замыслам правящих кругов США, должно было привести к созданию единой военно-политической системы, распространяющейся на весь капиталистический мир, управляемой американским империализмом и ему полностью послушной.

Однако уже на первых этапах формирования этой системы Соединенные Штаты столкнулись с серьезнейшими трудностями двоякого порядка: а) противодействием политике подготовки новой войны со стороны народных масс государств, вовлекаемых в американские военные блоки, и б) нежеланием правящих классов этих стран полностью жертвовать в пользу монополистической буржуазии США своими интересами, связанными с эксплуатацией «собственных» народов.

В то же время, оказывая участникам агрессивных блоков различного рода помощь в целях усиления военных возможностей империалистического лагеря, правящие круги Соединенных Штатов сами способствовали возрождению своих империалистических соперников и конкурентов.

«Основное противоречие современного мира — противоречие между социализмом и империализмом — не снимает глубоких противоречий, раздирающих капиталистический мир, — подчеркивается в Программе КПСС. — Созданные под эгидой США агрессивные военные блоки то и дело оказываются в состоянии кризиса. Международные государственно-монополистические организации, возникающие под лозунгом «объединения», смягчения проблемы рынка, на деле представляют собой новые формы передела мирового капиталистического рынка, превращаются в очаги острых трений и конфликтов»¹.

Следовательно, создание широкой системы военно-политических союзов не могло приблизить и не приблизило империалистические круги США к реализации сокровенного плана образования «американского сверхтреста». Но неверно было бы недооценивать отрицательные последствия создания этой системы: империалистические военные блоки явились одной из важнейших причин усиления международной напряженности.

Как уже отмечалось, для политики, проводившейся Соединенными Штатами, было характерно втягивание в военные блоки в качестве их прямых союзников не только развитых империалистических государств, но и ряда экономически слаборазвитых стран, что отчетливо видно на примере СЕАТО и СЕНТО. Сколачиваемые под флагом «обороны от коммунистической агрессии», эти блоки в действительности служат империалистам орудием военного и политического контроля над их недавними колониальными владениями, средством поддержки реакционных режимов.

В создании блоков с участием слаборазвитых стран нашла свое проявление установка на так называемый «коллективный колониализм», выдвинутая правящими кругами США. Будучи не в силах поодиночке противостоять распаду колониальной системы империализма, колонизаторы решили объединиться для борьбы против национально-освободительного движения. Теряя

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 32.

империи, они пытались сохранить хотя бы остатки колониальной системы, и прежде всего неравноправные отношения между империалистическими державами и слаборазвитыми странами Азии, Африки, Латинской Америки¹. Вполне закономерно, что в качестве основного центра «неоколониализма» выступили США — ведущая военная, экономическая и политическая сила империализма, взявшая на себя функции мирового жандарма. «Империализм стремится удержать бывшие колонии и полуколонии в системе капиталистического хозяйства, закрепить их неравноправное положение в нем. *Главный оплот современного колониализма — империализм Соединенных Штатов Америки*»².

Другой важной формой «неоколониализма» США в рассматриваемый период явились различные программы американской «помощи» экономически слаборазвитым странам.

«Широкая по степени своего распространения и длительная по времени осуществления программа американского участия в экономическом развитии слаборазвитых районов может и должна быть одним из наиболее важных средств осуществления целей американской внешней политики»³, — писали известные американские социологи и международники М. Милликэн и У. Ростоу.

Вслед за так называемой «программой 4-го пункта» правительство США пустило в ход и другие каналы предоставления «помощи». Главным из них с приходом к власти правительства Эйзенхауэра стали ассигнования по программе «взаимного обеспечения безопасности». Эти ассигнования подразделялись на военную помощь (которая в свою очередь состояла из прямой военной помощи и так называемой «помощи для поддержки обороны») и экономическую и техническую «помощь».

Американская «помощь» слаборазвитым странам, как свидетельствуют факты, преследует цели, несовместимые с жизненными интересами народов этих стран. Ее колонизаторский характер проявляется прежде всего в том, что она ставит задачу лишить народы освободившихся стран возможности свободно избрать путь своего развития, навязывает этим странам капиталистические порядки, сопровождается вмешательством во внутреннюю и внешнюю политику соответствующих государств, в их экономику.

Основные направления такого вмешательства — попытка обусловить предоставление «помощи» консервацией возможно более реакционных общественных отношений; всемерная поддержка антинародных монархических и феодальных кланов и режимов, а где они свергнуты — наиболее правых кругов местной буржуазии; борьба против рабочего класса и всех прогрессивных сил, требующих подлинного национального возрождения и коренных социальных преобразований. При этом особый упор делается на преследование коммунистических партий и недопущение развития соответствующих стран по социалистическому пути.

¹ См. раздел второй.

² «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 46.

³ M. F. Millican and W. W. Rostow. A Proposal. Key to an Effective Foreign Policy. N. Y., 1957, p. 1.

Исследовательский центр при Чикагском университете, сетуя на то, что та или иная слаборазвитая страна, которая, казалось бы, является надежным союзником так называемого «свободного мира», «может на следующий день стать симпатизирующей коммунистам», подчеркивал, что «стратегической функцией американской экономической помощи» должен стать «показ третьей альтернативы между полуфеодальным статус-кво и тоталитарной революцией» (под этим подразумевались социалистические преобразования. — *Авт.*), иначе говоря, вмешательство с целью предотвращения освободительных процессов в слаборазвитых странах. «В течение последующих 20 лет эти страны, по-видимому, примут важнейшие решения... И для интересов американской безопасности в конечном счете имеет огромное значение, чтобы эти решения благоприятствовали, а не шли во вред позиции Соединенных Штатов в мировом масштабе»¹, иначе говоря, чтобы упомянутые решения способствовали интересам американского и мирового капитализма в их борьбе против мирового социализма.

Убедительным доказательством реакционности мотивов правящих кругов США, предоставлявших «помощь» экономически слаборазвитым странам, является тот неопровержимый факт, что наибольшую помощь получили насквозь прогнившие и отвергнутые народами клики Чан Кай-ши, Ли Сын Мана, Нго Динь Дьема и им подобные.

Американская «помощь» неотделима, как правило, от вмешательства США во внешнюю политику государств, ее получавших, сопровождается требованиями, идущими вразрез с их суверенитетом. «В отношении слаборазвитых стран, — говорилось в заключительной декларации, принятой в ноябре 1954 г. совещанием представителей влиятельных монополий, созданном американским Национальным съездом внешней торговли, — совещание полагает, что предоставление помощи должно определяться прежде всего военными или стратегическими соображениями».

Американский империализм, учитывая текущие политические потребности и особенно ближайшие перспективы, рассматривал и рассматривает борьбу против национально-освободительного движения не только в ее самостоятельном аспекте, но и под углом зрения борьбы против лагеря социализма, соревнования двух основных мировых экономических и общественно-политических систем — социалистической и капиталистической.

Американская «помощь» представляет собой орудие вмешательства в экономическую политику государств, на которые она распространяется, с тем чтобы эти страны и впредь продолжали оставаться в экономической зависимости от империалистической метрополии, и прежде всего от американского империализма. Эта «помощь» использовалась, в частности, для противодействия росту государственного капитализма (как в целях консервации промышленной отсталости соответствующих стран, так и в интересах укрепления позиций частного капитала). Действуя под флагом антикоммунизма и национализма, империалистические круги США хотят «приручить» правую часть национальной буржуазии этих стран и в ее лице создать для себя широкую социальную опору. Стремясь удержать бывшие колонии в орбите мирового капитализма, империалисты вынуждены тем не менее считаться с неизбежностью экономического развития в освободившихся странах. Но они пытаются поставить это развитие под свой контроль и, главное, направить по частнокапиталистическому пути, отводя в мировой капиталистической системе странам, добившимся независимости, незавидную роль «отсталой периферии».

Вместе с тем программы «помощи» самым активным образом использовались американским империализмом для завоевания и упорочения своих позиций в молодых национальных государствах. Размеры «помощи», оказываемой Соединенными Штатами странам Южной и Юго-Восточной Азии, Ближ-

¹ «The Role of Foreign Aid in the Development of Other Countries». The Research Center in Economic Development and Cultural Change of the University of Chicago. U. S. Government Printing Office. Washington, 1957, p. 76.

него и Среднего Востока, Африки, Латинской Америки, ничтожно малы по сравнению с прибылями, выкачиваемыми американским капиталом из этих стран.

Общая сумма заграничных капиталовложений США увеличилась к концу 1955 г. до 44,9 млрд. долл. Из этой суммы 29,1 млрд. долл. составляли частные вложения; остальное — государственные. Сумма американских прямых частных вложений возросла с 6,7 млрд. долл. в 1936 г. до 19,3 млрд. долл. в 1955 г.¹ Около половины этой суммы приходилось на экономически слаборазвитые страны, в первую очередь Латинской Америки. Общий рост прямых частных капиталовложений США в большей мере шел за счет вывоза капитала в экономически слаборазвитые страны, и немалую роль в этом играли мероприятия по программам «помощи». Это объяснялось тем, что вывоз капитала в экономически слаборазвитые страны благодаря дешевой рабочей силе и дешевому сырью дает самые высокие прибыли монополиям.

Лишь за 1946—1955 гг. американские монополии, по заведомо преуменьшенным официальным данным, получили от своих прямых вложений в странах Латинской Америки 9 млрд. долл. прибыли: суммы, ежегодно вывозимые в США, составляли в начале 50-х годов примерно $\frac{2}{3}$ расходной части государственных бюджетов всех стран Латинской Америки и приближались к среднегодовому объему всех частных и государственных капиталовложений во все отрасли хозяйства двадцати латиноамериканских стран. Это значит, что американские прибыли вдвое сокращали возможность капиталовложений в экономику латиноамериканских стран. По официальным данным, доходы США от внешних инвестиций (без процентов по государственным займам) составили за 1946—1957 гг. 25,7 млрд. долл. (включая реинвестированные прибыли в США — 8,3 млрд. долл.). Сумма официально показываемых прибылей, переводимых в США, возросла с 1 млрд. долл. в 1947 г. до 1,9 млрд. долл. в год в 1951—1955 гг. Фактически же эти прибыли были еще больше.

Американский «неоколониализм» середины XX века — разновидность колониалистской политики империализма, пытающегося приспособиться к новым условиям, когда возникла и крепнет мировая система социализма, а национально-освободительное движение превратилось в важную силу революционного разрушения старого мира. Оставляя в неприкосновенности суть, содержание колониализма — неравноправные отношения между империалистическими державами и слаборазвитыми странами Азии, Африки и Латинской Америки, — «неоколониализм» предусматривает использование новых форм и методов политики, новую тактику. Основа этой тактики — установление косвенного контроля над формально самостоятельными странами.

Неудивительно, что политика американского «неоколониализма», как и ее предшественница в лице «классического колониализма», натолкнулась на самое решительное противодействие со стороны народов молодых суверенных государств. Антиимпериалистическая борьба этих государств — важный фактор на международной арене, направленный против агрессивной, экспансионистской политики империалистических кругов США.

¹ «Statistical Abstract of the United States. 1958», Washington, 1958, p. 868.

5. Борьба американского народа против политики войны и агрессии. Противоречия в правящих кругах США

Внешнеполитический курс, проводимый правящими кругами Соединенных Штатов в первой половине 50-х годов, оказался по своим результатам весьма далеким от выполнения тех задач, которые возлагались на него американским империализмом. В рассматриваемый период в полной мере проявился разрыв между основными внешнеполитическими установками правящих кругов США и реальной действительностью, между выдвинутыми ими концепциями и доктринами и практическими возможностями американского империализма. Иначе говоря, как подчеркивал впоследствии Н. С. Хрущев, в распоряжении финансовой олигархии США не оказалось «сил и средств для осуществления ее претензий на роль спасителя капитализма и тем более на установление мирового господства»¹.

Вопреки доктрине «освобождения» и политике «балансирования на грани войны» усиленно шел процесс укрепления и развития мировой социалистической системы, огромного роста ее международного влияния. Ни американский «неоколониализм», ни прямое вооруженное вмешательство в дела народов и стран, борющихся за свою независимость, не смогли предотвратить прогрессирующего распада колониальной системы империализма. Дали осечку и попытки консолидации лагеря империализма путем объединения всех развитых капиталистических государств вокруг США. Ни американская политика расширения деятельности военных блоков, ни экономическая «интеграция» не смогли предотвратить центробежных тенденций в этом лагере.

Причиной, предопределившей несостоятельность основных политико-стратегических замыслов американского империализма, явились попытки правящих кругов Соединенных Штатов игнорировать реальную расстановку классовых сил на мировой арене и основные тенденции развития международных отношений, переоценка ими собственных сил, недооценка сил, противодействующих американской экспансии и агрессии.

Немаловажным фактором, усугубившим просчеты в планах и действиях наиболее реакционных и агрессивных сил империализма США, явилось также противодействие демократических сил Америки милитаристской верхушке.

Несмотря на лихорадочные усилия, буржуазной пропаганде не удалось разжечь в широких массах американского народа психоз антикоммунизма и военной горячки. Американские трудящиеся на собственном опыте убеждались в том, что милитаризация и гонка вооружений не только не обеспечили всеобщей

¹ Н. С. Хрущев. О Программе Коммунистической партии Советского Союза. Доклад на XXII съезде КПСС. «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. 1, стр. 160.

занятости и высоких заработков, как обещала пресса монополий, но и привели к повышению налогов и росту цен, явились одной из важных причин усиления неустойчивости экономики Соединенных Штатов. В то же время американский народ в результате событий, происходивших на мировой арене, начинал все отчетливее сознавать, что продолжение даллесовской политики «балансирования на грани войны» и «массированного возмездия» чревато втягиванием Соединенных Штатов в новую мировую войну, причем войну с применением невиданных по своей силе средств разрушения.

Рост антивоенных настроений внутри страны вызывал озабоченность у руководителей американского правительства. Не кто иной, как Дж. Ф. Даллес, касаясь отношения широких масс американцев к стратегии «отбрасывания» коммунизма путем «превентивной» войны, писал в своей книге «Война или мир»: «В Соединенных Штатах царят такие настроения среди народа, которые, если они не изменятся, будут колоссальным препятствием против любой попытки начать так называемую «превентивную» войну или сознательно толкнуть потенциальных противников на акты, могущие быть истолкованными нами с достаточным основанием как предлог для войны»¹.

Критическое отношение масс к правительственному курсу, активное противодействие демократических сил милитаризму и маккартизму особенно ярко проявились во время войны в Корее.

Обострение внутренней обстановки под воздействием военных неудач, сопровождавшееся углублением противоречий между США и их союзниками, не могло не наложить своего отпечатка на позицию американских правящих кругов. В период войны в Корее в правительственном лагере возникли острые разногласия по поводу характера и масштабов военных действий против Китайской Народной Республики и в конечном счете по поводу перспектив войны против лагеря социализма в целом.

Кульминационным пунктом этих разногласий явился спор относительно того, принимать или нет упоминавшийся выше план генерала Макартура о широком распространении военных операций на территорию КНР. Оценивая суть этого спора, Трумэн писал впоследствии: «...генерал Макартур был готов пойти на риск мировой войны, а я нет»².

Из мемуаров Трумэна видно, что на совещаниях по этому вопросу, проходивших при участии основных членов кабинета, руководства объединенной группы начальников штабов и военных министров, большинство склонялось к той точке зрения, что военная подготовка США не позволяла немедленно идти на риск новой мировой войны.

Учитывая такой фактор, как уже выявившаяся к тому времени неспособность американских вооруженных сил добиться победы в Корее, генерал Брэдли заявил, что, если бы был осуществлен предлагавшийся план всемерного расширения военных операций с перенесением их на территорию континентального Китая, это вовлекло бы Соединенные Штаты «в ошибочную войну, в ошибочном месте, в ошибочно выбранный момент, с ошибочно выбранным противником»³.

¹ J. F. Dulles. War or Peace. N. Y., 1950, p. 263.

² «Life», 19. III. 1956, p. 70.

³ «Military Situation in the Far East...», Part. 2, p. 732.

Ряд американских политических и военных деятелей считали перспективу большой войны рискованной потому, что для Соединенных Штатов существовала реальная угроза потерять союзников в случае развязывания подобной войны. Характерно, например, что когда Трумэн заявил, что правительство США рассматривает вопрос о применении в Корее атомного оружия, то в тот же самый день большая группа лейбористских членов парламента потребовала отзыва английских войск из Кореи.

Главной причиной, сдерживавшей не в меру ретивых поборников большой войны, являлось могущество Советского Союза. Американские правящие круги сознавали, что в случае нападения на континентальный Китай Китайская Народная Республика не была бы одинокой, что она связана договором о дружбе и взаимопомощи с Советским Союзом и планируемая война против КНР превратилась бы в войну против всего социалистического лагеря, а это их явно пугало. Когда министра обороны США Дж. Маршалла спросили: «Если бы вы были убеждены, что советские вооруженные силы не примут участия в случае войны с Китаем, то рекомендовали бы мы генералу Макартуру бомбить Маньчжурию?», он ответил: «Если бы не было никакой опасности вмешательства СССР, упомянутые бомбардировки начались бы без всякого промедления»¹.

Учитывая все эти факторы, связанные как с общей постановкой сил, так и с настроениями внутри страны, правительство Трумэна решило отвергнуть план Макартура; 11 апреля 1951 г. было принято решение об отставке генерала.

Острая вспышка противоречий внутри правящего лагеря США имела место и во время другого серьезного международного кризиса — войны в Индокитае.

И на этот раз перед лицом могущества лагеря социализма, серьезного военного поражения империалистических колонизаторов (катастрофа в Дьен-Бьен-Фу), нового обострения противоречий между США и их союзниками по военным блокам и недовольства агрессивной политикой со стороны американского народа более умеренные представители правящих кругов США сочли слишком опасным для американского империализма разжигать пожар большой войны на Дальнем Востоке. Правительство США вынуждено было пойти на совещание в Женеве с участием Китайской Народной Республики, которое закончилось (21 июля 1954 г.) поражением империалистических колонизаторов и агрессоров — принятием решения о прекращении огня в Индокитае.

Советское правительство и все миролюбивые силы, используя возможности, открывшиеся в связи с прекращением войны в Корее, а затем и в Индокитае, усилили борьбу за нормализацию отношений между государствами двух систем, за поиски приемлемых решений и уменьшение на этой основе международной напряженности. В 1954 — первой половине 1955 г. СССР и другие социалистические государства выступили с рядом важных внешнеполитических мероприятий, направленных на укре-

¹ «The New York Times», 9. V. 1951.

пление мира и международной безопасности. В результате была создана обстановка, в условиях которой летом 1955 г. оказался возможным созыв Женевского совещания глав правительств четырех держав — Советского Союза, США, Англии и Франции¹.

Наиболее агрессивные, авантюристические элементы в США рьяно выступали против участия Соединенных Штатов в этом совещании. Но они оказались в изоляции². Желание широких народных масс во всех странах, в том числе и в США, покончить с нависшей над человечеством угрозой войны было столь велико, что с ним не могли не считаться лидеры основных буржуазных партий и правительств.

Противоречия в правящих кругах США по вопросам войны в Корее и Индокитае, их согласие (хотя бы и вынужденное, под давлением обстоятельств) на совещание в Женеве — свидетельство неоднородности внешнеполитических взглядов и установок различных групп американской империалистической буржуазии, отражение процесса политической дифференциации в ее рядах. Основные причины этого процесса — огромный рост могущества мировой социалистической системы, усиление антиимпериалистической борьбы народных масс, а также осознание более трезвыми представителями буржуазии катастрофических последствий войны с применением ядерного оружия.

В. И. Ленин, обосновывая политику мирного сосуществования, неоднократно подчеркивал, что социалистические государства могут и должны использовать такой резерв в своей борьбе за мир, как межимпериалистические противоречия и наличие различных тенденций — воинственно-агрессивной, авантюристической и более умеренной и трезвой — во внешней политике империалистических государств. «...Нам не безразлично, — подчеркивал Ленин, — имеем ли мы дело с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к военному решению вопроса, или с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к пацифизму, будь он хотя самый плохенький и, с точки зрения коммунизма, не выдерживающий и тени критики»³.

Весь ход событий на международной арене, в том числе и в период, рассматриваемый в настоящем томе, подтверждает глубочайшую правильность этих ленинских указаний.

¹ См. гл. XXIX.

² Когда сенатор Маккарти попытался поставить на обсуждение в сенате США резолюцию, согласно которой президент Эйзенхауэр лишался права вести переговоры в Женеве, если Советский Союз не примет предварительных условий США, указанная резолюция была отклонена 74 голосами против 4. Это означало политическую смерть Маккарти.

³ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 33, стр. 236.

Глубокий, подлинно научный анализ международной обстановки основывается прежде всего на оценке изменений в соотношении сил двух мировых систем — социалистической и капиталистической. Вместе с тем он учитывает расстановку классовых сил в лагере империализма, и, естественно, в первую очередь в стране, возглавляющей этот лагерь.

Реалистический подход к урокам и выводам, вытекающим из основных международных событий первой половины 50-х годов, и в частности глубокий анализ итогов внешней политики американского империализма и положения в капиталистическом мире, явился существенной предпосылкой величайших по своему практическому и теоретическому значению положений XX съезда КПСС по вопросам войны и мира, мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

Г Л А В А XIII

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА АНГЛИИ

1. Международное положение Англии в начале 50-х годов. Основные факторы ее внешней политики

Английский империализм в первой половине 50-х годов занимал по своей мощи в капиталистическом мире второе место, играя одну из главных ролей на международной арене. По выпуску промышленной продукции и по доле в импорте и экспорте капиталистического мира в рассматриваемый период Англия шла вслед за Соединенными Штатами. Ей удалось удержать высокий уровень экспорта капитала и опередить по общему уровню капиталовложений за границей всех своих соперников, за исключением США.

Тем не менее в результате дальнейшего роста национально-освободительного движения, накапливания сил империалистическими соперниками, особенно Западной Германией, удельный вес Англии в капиталистическом мире шел на убыль. Это проявилось прежде всего в сфере экономики. Доля Англии как в промышленной продукции, так и в экспорте капиталистических стран имела тенденцию к сокращению.

Главным признаком слабости английской экономики в 1950—1955 гг. явились участвовавшие дефициты платежного баланса и резкие колебания в запасах золота и иностранной валюты. Платежный баланс 1951 г. дал дефицит в 407 млн. ф. ст., а в 1955 г. — 123 млн. В течение 1951 г. запасы золота и иностранной валюты сократились на 965 млн. долл. и на следующий год уменьшились еще на 489 млн. После частичного восстановления эти запасы заметно сократились в 1955 г.

Промышленное производство возрастало, за исключением 1952 г. Уровень длительной массовой безработицы был сравнительно низким. Главным бичом трудящихся была характерная для этих лет «ползучая инфляция», связанная с ростом цен¹.

Динамика промышленного производства Англии (1948 г. = 100)

Год	1950	1951	1952	1953	1954	1955
Индекс	114	117	114	121	130	137

Английская колониальная империя оставалась одной из самых больших в мире. В течение первой половины 50-х годов заморские территории с площадью в 7,8 млн. кв. км и с населением свыше 80 млн. все еще находились под непосредственным управлением Англии. Бывшие колонии Англии — Индия, Пакистан и Цейлон, ставшие после достижения независимости членами Содружества наций², продолжали в известной степени оставаться в сфере влияния Лондона. Английский империализм сохранил также существенные позиции на Среднем Востоке.

В то же время под натиском национально-освободительного движения в этот период контроль английских монополий над колониями, особенно в Западной Африке, и полуколониях, прежде всего в Египте, начал ослабевать. Кроме того, английские монополии были вынуждены потесниться и сделать значительные уступки своим американским соперникам в Азии и Африке.

Резко возросли военные расходы Англии.

Военные расходы Англии³

Годы	1950	1951	1952	1953	1954	1955
Расходы (в млн. ф. ст.)	863	1316	1653	1739	1711	1625
Доля в общем национальном продукте (в %)	7,4	10,3	11,8	11,7	10,9	9,6

Существенная часть этих расходов направлялась на развитие ядерного оружия. Первая английская атомная бомба была взорвана в октябре 1952 г., а в феврале 1955 г. правительство объявило о производстве в Англии и водородных бомб (первая была взорвана в 1957 г.). Осуществляя программу массового

¹ Индекс розничных цен (1948 г. = 100) возрастал непрерывно со 120 в 1950 г. до 157 в 1955 г.

² Этим термином, официально применяемым в Англии, принято сейчас обозначать совокупность независимых членов Содружества, английских колоний, протекторатов и т. д.

³ «The Political Quarterly», London, I, III. 1960.

переворужения, укрепляя широкую систему заморских баз и наращивая потенциал своего ядерного оружия, английский империализм, хотя и далеко уступал по военной мощи Соединенным Штатам, все же сохранял второе место среди капиталистических стран и в этом отношении.

После поражения лейбористского правительства на всеобщих выборах в октябре 1951 г.¹ руководство делами английского империализма оказалось в руках консервативной партии, по-прежнему руководимой Черчиллем². Так как правое крыло лейбористского руководства, находясь у власти, верно служило монополиям, эта перемена не означала каких-либо коренных изменений во внешней политике страны³. С другой стороны, победа консерваторов означала, что реакция сумела противостоять послевоенному подъему рабочего движения и не только не сдала своих позиций, но и упрочила их. Английские монополии получили еще большую свободу диктовать правительству внешнюю политику, игнорируя интересы народа. В лице Черчилля они имели своего представителя в руководстве делами страны, который обладал значительным авторитетом в капиталистическом лагере.

Таким образом, английский империализм представлял собой значительную, хотя и уменьшившуюся по сравнению с довоенным временем силу в международных делах.

Продолжая курс, взятый сразу же после поражения нацистской Германии, английская внешняя политика была направлена прежде всего на борьбу против сил социализма и национально-освободительного движения всюду, где оно угрожало позициям английских монополий.

Хотя США прочно держали в своих руках лидерство на всех главных направлениях борьбы капиталистических сил с мировым революционным процессом — от войны в Корее до «легализации» перевооружения Западной Германии, — Лондон играл все же большую роль в их мобилизации против Советского Союза, социалистического лагеря в целом и в конкретных внешнеполитических акциях империализма. В эти годы английские империалисты с оружием в руках жестоко подавляли борьбу народов Малайи, Кении и Кипра, увеличивая на новые десятки тысяч кровавый список своих жертв.

¹ Консерваторы получили в палате общин большинство в 8 мандатов, а после выборов в мае 1955 г. — в 59.

² Иден сменил Черчилля на посту руководителя консервативной партии и премьер-министра в апреле 1955 г. Пост министра иностранных дел занял после Идена Г. Макмиллан.

³ Совпадения в основных аспектах внешней политики правых лейбористов и консерваторов не отрицало и само лейбористское руководство. Например, в ноябре 1955 г. Гейтскелл заявил представителям американской прессы, что «нимеется различия по специальным вопросам, но... в общем консервативная партия продолжала внешнюю политику Эрнеста Бевина, внешнюю политику предыдущего, лейбористского правительства».

Таким образом, основное направление английской внешней политики практически не изменилось по сравнению с предыдущими пятью годами. Однако международная ситуация в первой половине 50-х годов развивалась под воздействием ряда новых факторов, наложивших существенный отпечаток на внешнеполитический курс Лондона, усиливших его внутреннюю противоречивость.

Главный из них — это растущая сила социалистического лагеря и особенно способность Советского Союза решительно ответить на любой акт ядерной агрессии.

Во-вторых, успехи национально-освободительного движения, особенно на Среднем Востоке и в Африке, а также растущий вес в мировых делах освободившихся стран вынуждали английский финансовый капитал, благополучие которого в столь огромной степени зиждется на эксплуатации народов и ресурсов Азии и Африки, все больше и больше менять свою тактику.

В-третьих, стремление американского империализма к мировому господству усилило напряженность внутри англо-американского союза. Безрассудная политика Вашингтона, особенно на Дальнем Востоке, угрожала втянуть Англию в военные авантюры в большей мере, чем это могли желать ее правители. В то же время американские монополии продолжали вытеснять своих английских соперников с занимаемых ими позиций.

В-четвертых, быстрый рост силы и международного влияния западногерманских монополий, особенно после первых шагов по «интеграции» и подписания парижских соглашений 1954 г., вызвал явное уменьшение влияния Лондона в Западной Европе и обострение противоречий между английским и западногерманским империализмом.

Далее, хотя в этот период консерваторы упрочили свой контроль над правительством и парламентом и правое руководство лейбористской партии поддерживало их по всем основным вопросам, в стране нарастала борьба масс, озабоченных опасным характером внешнеполитического курса правительства. Возглавила эту борьбу коммунистическая партия, пользующаяся, несмотря на ее сравнительную малочисленность, значительным влиянием в стране. По некоторым вопросам внешней политики активно выступало против правительства в те годы левое крыло лейбористской партии, которым руководил Эньюрин Бивен¹. В середине 50-х годов возросшее осознание опасности войны и ее истребительного характера привело в движение многих людей, начавших массовую кампанию против ядерного оружия и его испытаний.

¹ В 1951 г. Бивен вышел из лейбористского правительства в знак протеста против чрезмерных темпов программы перевооружения и губительного влияния Вашингтона на английскую политику. Во время выборов руководителя парламентской фракции лейбористской партии в декабре 1955 г. Бивен получил 70 из 267 голосов.

Все эти причины и факторы, не меняя основной линии внешней политики Англии, придавали ей противоречивый, непоследовательный характер.

2. Распад Британской империи и политика правящих кругов

Отношения Англии с другими странами, входящими в Содружество наций, занимали одно из центральных мест в ее внешней политике, ибо эксплуатация этих народов и ресурсов их стран служила одним из главных источников, из которых английский финансовый капитал черпал свои силы.

Основные капиталовложения Англии, если не считать ее капиталовложений в Соединенных Штатах, сосредоточены в странах Содружества, куда и направлялся основной поток новых заграничных инвестиций в рассматриваемый период. Подсчитано, что к концу его английские капиталовложения в Австралии составили около 900 млн. ф. ст., в Канаде — почти 1 млрд., в Южно-Африканском Союзе — более 800 млн., в Индии, Пакистане и Цейлоне (а также в Бирме) — свыше 700 млн., в Федерации Родезии и Ньясаленда — 300 млн. и в Малайе — 200 млн. ф. ст.¹ В 1950—1955 гг. на страны Содружества приходилось примерно 45% внешней торговли Англии.

Идеологи и политики британского империализма продолжали надеяться на то, что другие страны Содружества и впредь будут потом и кровью своих народов умножать богатства и могущество английского господствующего класса, как их удавалось принуждать к тому в золотой век колониализма. Именно в такие розовые тона было окрашено программное внешнеполитическое выступление У. Черчилля после его возвращения к власти в 1951 г. «Я желаю, — заявил он, — чтобы Англия развернула все свои силы и, собрав вокруг себя Содружество наций, восстановила свое прежнее влияние и инициативу среди союзных держав, равно как и среди всех держав мира»².

Однако в действительности, несмотря на попытки Англии «собрать вокруг себя Содружество наций», развитие истории шло совершенно в противоположном направлении. Успехи национально-освободительного движения привели к дальнейшему ослаблению контроля английского финансового капитала над колониями и вместе с другими факторами значительно подрывали его влияние в странах Содружества в Азии, которые уже завоевали свою независимость (Индия, Пакистан, Цейлон). От-

¹ См. «Мировая экономика и международные отношения», 1959, № 5, стр. 58.

² «Documents on International Affairs: 1951», Royal Institute of International Affairs. Oxford University Press, 1956, p. 137. (В дальнейшем ссылки на эту серию изданий будут обозначаться словом «Documents» с указанием года, к которому документы относятся.)

ношения между Англией и старыми доминионами (Канада, Австралия, Южная Африка и Новая Зеландия) также характеризовались усилением центробежных сил.

Колониальная политика Англии этого периода сочетала в себе методы жестокого подавления национально-освободительного движения и политические маневры, направленные на то, чтобы притупить его силу. Эти маневры были аналогичны тем, которые ранее применялись в Индии, Пакистане и на Цейлоне. Когда английские колонизаторы уже не могли сохранять свои позиции с помощью военной силы, они делали политические уступки буржуазным и в некоторых случаях полуфеодальным элементам в той или иной колонии в надежде удержать ее в орбите английского империализма. Однако в колониальной политике Лондона методы грубой силы и открытого вооруженного подавления пока еще преобладали.

В 1950—1955 гг. английский империализм продолжал свою кровавую колониальную войну против малайского народа, начатую в 1948 г. В Малайе ставка колонизаторов была особенно велика. Там имелись громадные английские капиталовложения, главным образом в оловянных рудниках и на каучуковых плантациях, служившие в то время основным источником долларовых поступлений Англии. Крупнейший порт Сингапур сохранял свое значение одного из основных торговых и военных бастионов английских монополий в Восточной Азии.

В своих отчаянных попытках разгромить Народно-освободительную армию колонизаторы бросили в Малайю, по самым осторожным подсчетам, почти 100-тысячную регулярную армию. Расходы на войну в период между 1948 и 1955 гг. составили 686 млн. ф. ст.¹ Применяя против освободительной армии варварские методы и установив режим террора во многих районах страны, английское правительство было вынуждено в то же время вести переговоры о конституционной реформе с консервативными элементами Малайи. В 1955 г. оно объявило о некоторых ограниченных уступках. В 1957 г. английское правительство признало независимость страны, но сохранило там свои военные базы. Малайя осталась в Содружестве наций в качестве «независимого» участника².

В октябре 1952 г. правящие круги Англии развязали войну против народа Кении. Они преследовали цель сохранить на кенийской земле господство 40 тыс. европейских поселенцев (преимущественно англичан) над 6 млн. африканцев, а также удержать Кению в качестве одной из основных заморских баз Англии.

Колонизаторы усмиряли Кению самыми жестокими методами. По официальным английским данным, к октябрю 1954 г. было убито в боях 6604 африканских партизана и 11 524 захвачено в плен; были повешены 686 африканских гражданских лиц и почти 60 тыс. томились в концлагерях. К середине 1955 г. 83 тыс. африканцев находились в английских тюрьмах.

Героическое сопротивление народа Кении вынудило Лондон, точно так же как и в Малайе, стать в конце концов на путь политического маневрирования. Однако это произошло лишь в конце 50-х годов.

¹ Р. Палм Датт. Кризис Британии и Британской империи. М., 1959, стр. 254.

² «Независимость» не была распространена на Сингапур, который английские власти в целях ослабления национально-освободительного движения еще в 1946 г. формально отделили от Малайи.

В октябре 1953 г. английское правительство направило к берегам Британской Гвианы войска и военные корабли. Они были призваны ускорить подавление национально-освободительного движения, и в частности отстранить Чедди Джагана и других руководителей Народно-прогрессивной партии, избранных на правительственные посты колонии в соответствии с конституцией, учрежденной самими колониальными властями. Вся «вина» лидеров Народно-прогрессивной партии состояла в том, что они попытались осуществить программу умеренных реформ, благодаря которой они пришли к власти. Однако этого оказалось достаточно, чтобы британское правительство аннулировало конституцию.

В августе 1953 г., несмотря на сопротивление африканских народов трех территорий, английское правительство соединило Северную Родезию, Южную Родезию и Ньясаленд в так называемую Федерацию Родезии и Ньясаленда. Цель этого шага состояла в распространении на Северную Родезию и Ньясаленд расистского режима, учрежденного белыми поселенцами в Южной Родезии¹. Колонизаторы стремились обеспечить колониальным монополиям возможность дальнейшей эксплуатации медных рудников Северной Родезии и других ресурсов трех территорий, а также увековечить господство белых поселенцев и их власть над захваченными ими землями.

В западноафриканских колониях, где особенно бурно развивалось национально-освободительное движение и где почти не было европейских поселенцев, Лондон применял другую тактику. В тот период британским властям казалось, что они могут добиться своих целей, сочетая политические уступки национальной буржуазии и полуфеодалным элементам с сохранением основных позиций английских монополий.

«Сотрудничество с национализмом — наш важнейший оплот против коммунизма в Африке»², — писал Эндрю Коэн — один из проводников английской колониальной политики. Разумеется, речь шла совсем не о добровольном «сотрудничестве с национализмом». Под давлением забастовок и массовых демонстраций английские власти были вынуждены шаг за шагом уступать все больше и больше в вопросах самоуправления народам Золотого Берега и Нигерии, что привело их в конце концов к независимости, хотя обе страны остались в Содружестве наций³.

В 1955 г. в связи с массовыми требованиями самоопределения английские власти развернули широкие военные операции против национально-освободительного движения на Кипре. Здесь основная цель состояла в удержании острова как военной базы, стратегическое значение которой для английского империализма возросло, поскольку в 1954 г. пришлось вывести английские войска из их основной базы на Среднем Востоке — в зоне Суэцкого канала. Применяя классическую доктрину «разделяй и властвуй», Лондон кроме мер военного подавления использовал в максимальной степени в своих политических маневрах наличие на острове, населенном в большинстве гражданами греческого происхождения, турецкого меньшинства. Лишь в 1960 г. английское правительство было вынуждено наконец предоставить Кипру независимость.

Что касается политически независимых членов Содружества наций, то в этот период Лондон, стремясь упрочить позиции английского финансового капитала, всячески подчеркивал концепцию Содружества наций как единой и мощной группы госу-

¹ Европейские поселенцы в Южной Родезии (около 200 тыс. человек) получили самоуправление в 1923 г. и установили расистскую диктатуру, наподобие господствовавшей в Южно-Африканском Союзе. Северная Родезия и Ньясаленд, где число белых поселенцев гораздо меньше, до создания федерации управлялись из Лондона как отдельные колонии.

² A. Cohen. British Policy in Changing Africa. London, 1959, p. 61.

³ Золотой Берег стал в 1957 г. независимым государством Гана, а Нигерия добилась независимости в 1960 г.

дарств, руководимой Англией. Речь Черчилля в конгрессе США 17 января 1952 г. весьма характерна в этом отношении. «Пусть никто не преуменьшает существующую мощь Британского содружества и империи, — заявил он. — Британское содружество наций, распространившееся по всему миру, не готово к тому, чтобы стать штатом или группой штатов в любой континентальной федеральной системе по ту или иную сторону Атлантики»¹.

Важное место в политике Лондона занимал так называемый «план Колombo для совместного экономического развития Южной и Юго-Восточной Азии», основы которого были заложены на конференции министров иностранных дел стран Содружества, собравшейся на Цейлоне в январе 1950 г. Главная цель этого плана состояла в том, чтобы за фасадом сотрудничества стран Содружества в обеспечении технической помощью и капиталом усилить империалистические позиции Англии (и в некоторой степени Австралии) в Индии, Пакистане, Малайе, на Цейлоне и Британском Борнео.

Английское правительство организовало в 1950—1955 гг. целую серию конференций стран Содружества. Премьер-министры встречались в Лондоне в январе 1951 г., в ноябре — декабре 1952 г., в июне 1953 г. и в январе 1955 г. Конференции министров финансов стран Содружества созывались в январе 1952 г. и в январе 1954 г. Особое место занимает совещание премьер-министров в 1952 г., носившее характер экономической конференции стран Содружества, призванной укрепить один из главных инструментов английского империализма — стерлинговую зону.

Эти попытки английского финансового капитала удержать политически независимых членов Содружества в сфере своего влияния принесли определенные плоды, однако факты свидетельствовали и о растущих противоречиях внутри Содружества наций и о дальнейшем ослаблении в нем позиций Англии. Характерна в этой связи судьба английских предложений на экономической конференции Содружества наций в 1952 г. относительно мер по расширению системы имперских преференций. Как показывает коммюнике, конференция в целом отвергла это предложение, и Лондон был вынужден от него отказаться. Более того, «план Коломбо», для осуществления которого Англия не смогла обеспечить достаточного количества капитала и ресурсов, никогда не оказывал большого воздействия на Азию и в дальнейшем в значительной мере превратился в орудие американского влияния.

В области внешней политики разрыв между Англией, которая все глубже увязала в «холодной войне» и гонке вооружений, и некоторыми странами Содружества, например Индией, выступавшей в пользу мирного сосуществования, резко возрастал. Характерно, что, когда Джавахарлал Неру во время испытаний американских водородных бомб весной 1954 г. выступил за немедленное заключение соглашения о прекращении подобных взрывов, английское правительство не только категорически отвергло это предложение, но и само стало готовиться к производству водородных бомб.

Отношения между Англией и Южно-Африканским Союзом определялись серьезными межимпериалистическими противоречиями. Власть в ЮАС ока-

¹ «Documents... 1952», p. 47, 52.

залась в руках националистической партии¹, программа которой включала ликвидацию английского политического влияния в стране, захват английских колоний Бечуаналенда и Свазиленда, граничащих с ЮАС, и Басутоленда. Когда требование о передаче этих колоний было выдвинуто в парламенте Южно-Африканского Союза (апрель 1954 г.), английское правительство отклонило категорическим отказом. Более того, правители ЮАС, в частности премьер-министр Малан, выступили с публичными нападениями на английское правительство за предоставление самоуправления Золотому Берегу (Гана), рассматривая это как серьезную угрозу господству белых в Южно-Африканском Союзе.

Усилились также противоречия между другими членами Содружества. Особенно обостренными стали отношения между Индией и Пакистаном, главным образом из-за притязаний Пакистана на Кашмир и заключения им военного соглашения с Соединенными Штатами в 1954 г. Углубился антагонизм между Индией и Пакистаном, с одной стороны, и ЮАС — с другой, из-за расовых преследований примерно 400 тыс. лиц индийского и пакистанского происхождения. Индийцы и пакистанцы в ЮАС наравне с африканским населением страдали от террора расистов. В косвенной форме этот конфликт неблагоприятным образом отразился на отношениях Англии с Южно-Африканским Союзом. Выступая в феврале 1951 г. в Кейптауне, Малан обвинил Лондон в том, что английское правительство приняло Индию, Пакистан и Цейлон в Содружество наций в качестве независимых государств без консультации с другими членами Содружества.

Большую роль в ослаблении контроля Лондона над Содружеством играло проникновение США в районы бывшей Британской империи. США господствовали во внешней торговле в Канаде. Их инвестиции составляли 77% всех иностранных капиталовложений в стране, в то время как на долю англичан приходилось только 17% (данные относятся к 1954 г.). В Австралии, Южной Африке и Индии, равно как в других странах Содружества, где пальма первенства сохранялась еще за английскими монополиями, американский капитал все же значительно упрочил свои позиции. С подписанием двустороннего военного соглашения и принятием так называемой программы экономической помощи США американское влияние стало преобладать над английским и в Пакистане. Подписание в сентябре 1951 г. пакта АНЗЮС, в который Англия, несмотря на ее домогательства, не была допущена, означало в значительной степени дальнейший переход Австралии и Новой Зеландии под американское влияние в военной области.

Несмотря на процесс ослабления влияния метрополии, позиции английского финансового капитала в колониях и в политически независимых странах Содружества к 1955 г. были все еще довольно значительными. За исключением потерянного Англией Судана², территориальный состав Содружества не изменился. Сохранились система имперских преференций, стерлин-

¹ Националистическая партия, которая пришла к власти в 1949 г., опирается главным образом на часть европейского населения, говорящую на языке «африкаанс», так называемых африкандеров, или буров, потомков голландских переселенцев, и проводит в отношении коренного населения политику апартеида.

² Судан стал 1 января 1956 г. независимой республикой вне Содружества.

говая зона, различные консультативные органы Содружества. Однако общей тенденцией было углубление трещин в здании Содружества.

3. Курс Англии на военно-политический союз с США

Одним из главных проявлений антисоциалистической направленности внешнеполитического курса правителей Англии была в 1950—1955 гг. проводившаяся ими политика тесного союза с Соединенными Штатами.

Основная концепция этой политики заключалась в том, что Англия из-за ее сравнительной слабости не может самостоятельно противодействовать мировому революционному процессу и должна выступать в тесном политическом и военном союзе с США. Поскольку Соединенные Штаты обладают превосходящей военной силой, они играют, конечно, главенствующую роль в союзе двух крупнейших капиталистических держав. С другой стороны, союз создает «особые отношения» между Вашингтоном и Лондоном, которые якобы позволяют правящим кругам Англии влиять на американскую политику в своих интересах.

Откровенное изложение этой концепции англо-американского союза содержится в речи Черчилля, произнесенной в октябре 1951 г. Он заявил, что в борьбе против коммунизма Англия и другие западные страны «объединяются вокруг Соединенных Штатов, имеющих в наличии атомную бомбу». Ввиду того риска, продолжал он, на который идет Англия, соглашаясь на превращение своей территории в основную атомную базу, направленную против Советского Союза, у нее есть «право и необходимость искать и получать полнейшее понимание нашей точки зрения со стороны американцев»¹.

Разумеется, по ту сторону Атлантики представление о характере англо-американского союза существенным образом отличалось от концепции английских правящих кругов. Правители Англии, правда, нужны были американским империалистам как партнеры по мобилизации капиталистических стран на войну, «холодную» или «горячую», против социализма. Вашингтон готов был в этих целях поддерживать с Лондоном самые тесные отношения. Но это не мешало американским монополиям в их стремлении к мировому господству пытаться убрать со своего пути английских соперников.

Политика администрации демократов, возглавляемой Трумэном, и администрации республиканцев, которой руководил Эйзенхауэр, не подтверждала наличия «полнейшего понимания» английской точки зрения, на чем настаивал Черчилль. Сменявшие друг друга в те годы английские министры иностранных дел жаловались на плохое обращение с ними со стороны государственного секретаря США. Говоря о своих переговорах с правительством США,

¹ «Documents... 1951», p. 137.

Г. Моррисон писал: «Я решил раз и навсегда больше не доверять полностью Даллесу»¹. Иден, выражая свое возмущение поведением Даллеса по отношению к нему в некоторых важных вопросах, с горечью замечал: «Можно прийти к выводу, что союзники должны подчинять свои интересы в большей степени точке зрения своего более сильного партнера, но это никоим образом не укрепляет союз»². Преклонение перед подавляющей силой американского империализма, ориентация английской внешней политики на англо-американский союз неизбежно усиливали степень ее подчинения Вашингтону.

В военной области английская политика тесного союза с США выражалась отчасти в активном участии в создании европейского командования НАТО под американским контролем и подчинении ему английских вооруженных сил в Западной Германии (так называемая «Рейнская армия») ³. Но англо-американское военное сотрудничество развивалось главным образом на двусторонней основе, за пределами НАТО, прежде всего в форме создания в Англии целой сети баз американских стратегических военно-воздушных сил — основных сил ядерного удара США в этот период. Англо-американское соглашение, опубликованное 31 января 1954 г., предусматривало совместные расходы по содержанию 19 таких баз, причем строительство 15 из них к тому времени уже завершилось ⁴.

Так как наличие баз явно ставило Англию под удар ядерной контратаки в случае войны, английское правительство в начале 1952 г. попыталось добиться от правительства Соединенных Штатов признания права на консультации с Англией в случае их использования. В коммюнике, опубликованном после переговоров Трумэна с Черчиллем в Вашингтоне в январе того же года, говорилось: «Мы вновь подтверждаем понимание того, что использование этих баз в чрезвычайных случаях будет осуществляться путем совместного решения правительства Его величества и правительства Соединенных Штатов в зависимости от конкретных обстоятельств» ⁵. Но поскольку и после этого базы находились под исключительным командованием Пентагона, у английских властей по-прежнему не было практической возможности контролировать их.

В политической области английское правительство не жалело усилий для создания единого англо-американского фронта по всем основным внешнеполитическим вопросам, используя для этой цели не только обычные дипломатические каналы, но и частые встречи двух глав правительств и ведущих министров: в декабре 1950 г. Эттли посетил Трумэна в Вашингтоне, в январе

¹ H. Morrison. An Autobiography. London, 1960, p. 280. Г. Моррисон занимал пост министра иностранных дел с марта по октябрь 1951 г.

² «The Memoirs of Sir Anthony Eden. Full Circle». London, 1960, p. 64.

³ Военная организация Западного союза, состоящая из пяти членов Брюссельского пакта, которую возглавлял английский фельдмаршал Монтгомери, была включена в европейское верховное командование НАТО, созданное в декабре 1950 г. во главе с генералом Эйзенхауэром.

⁴ «The Times», 1. II. 1954.

⁵ «Documents... 1952», p. 40.

1952 г. в Вашингтон приехал Черчилль, министр иностранных дел Иден и министр финансов Батлер посетили Вашингтон в марте 1953 г. Черчилль и Эйзенхауэр встретились на Бермудских островах в декабре того же года и снова в Вашингтоне в июне 1954 г.

В то же время способность Лондона приспособляться к сложившейся ситуации и даже использовать англо-американский союз в своих интересах, исподволь сопротивляясь наступлению американских монополий на его позиции, в эти годы несколько возросла. Производство собственных атомных бомб способствовало некоторому увеличению удельного веса Англии в англо-американском союзе. Уменьшение непосредственной финансовой зависимости Англии от США было отмечено отказом от продолжения помощи по «плану Маршалла» в 1951 г. Однако американская военная помощь продолжалась. И поскольку Англия испытывала трудности платежного баланса, страна не освободилась от диктата американских банкиров.

Факты показывают, что между Лондоном и Вашингтоном была достигнута высокая степень политического сотрудничества. Как бы ни были остры конфликты внутри союза, английский и американский империализм, испытывая страх перед ростом сил социализма и национально-освободительного движения, в главных вопросах международных отношений этого периода действовали совместно.

Руководители Англии были основными союзниками Вашингтона в проведении «холодной войны» против социалистического лагеря, в гонке вооружений, создании военных блоков, навязывании торгового эмбарго, срыве всех переговоров, направленных на разоружение и устранение опасности войны в Европе и в других частях земного шара. Английское правительство оказало поддержку правящим кругам США в их войне против корейского народа и в попытках помешать КНР занять ее законное место в Организации Объединенных Наций. Лондон вместе с Вашингтоном несет ответственность за перевооружение Западной Германии.

С другой стороны, 1950—1955 годы были отмечены острыми конфликтами между английскими и американскими монополиями во всех уголках мира.

Англо-американские конфликты возникали почти во всех сферах их отношений. Соперничество на экспортном рынке нашло свое отражение в возобновившемся американском наступлении на систему имперских преференций и борьбе Англии с американской системой высоких тарифов¹.

Затяжной спор происходил по вопросу о военно-морском командовании НАТО, которое каждая страна старалась захватить в свои руки. Английское правительство, вынужденное в конце концов согласиться на назначение аме-

¹ См. И. М. Лемин. Англо-американские противоречия после второй мировой войны, стр. 76—89.

риканца главой атлантического командования и размещение штаба в США, не скрывало, однако, своего недовольства.

Лондон болезненно реагировал на заключение пакта об обороне между Австралией, Новой Зеландией и Соединенными Штатами (АНЗЮС) в сентябре 1951 г., от участия в котором, как уже говорилось, Англия, по настоянию США, была отстранена. Г. Моррисон, лейбористский министр иностранных дел, объявил в палате общин, что английское правительство хотело бы примкнуть к пакту, если бы ему разрешили участники последнего. У. Черчилль от имени консерваторов со своей стороны охарактеризовал исключение Англии из нового блока на Тихом океане как оскорбление. Негодование правящих кругов Англии стало еще более сильным, когда в июне 1952 г. была отклонена просьба Англии послать наблюдателей на сессию совета АНЗЮС в Гонолулу. Представитель министерства иностранных дел заявил, что английское правительство не может понять «возражение Соединенных Штатов против любой формы участия Соединенного Королевства в работе совета АНЗЮС. Английское правительство примирилось, хотя с неохотой, недоумением и огорчением, с тем, что оно является нежелательным партнером в работе совета».

В критический для империалистических агрессоров момент их интервенции в Индокитае, в 1954 г., возникло явное расхождение между тактикой Лондона и Вашингтона по вопросу о том, каким путем лучше выйти из ситуации, созданной в результате разгрома французских колонизаторов. В инструкции Идена английскому послу в Вашингтоне выражалось недовольство политикой США. «Американцы, возможно, полагают, — говорилось в инструкции, — что время, когда они вынуждены были считаться с чувствами и трудностями своих союзников, прошло. Убеждение, что эта тенденция усиливается с каждой неделей, создает все возрастающие трудности для каждого в Англии, желающего сохранения тесных англо-американских отношений»¹.

На Среднем Востоке американский империализм продолжал наступать на позиции своего английского соперника. Вытеснив Англию из Палестины (с территории, занятой Израилем) и из Саудовской Аравии, монополии США захватили затем за счет Англии львиную долю в добыче иранской нефти и упорно подкапывались под английский господство в Египте. Это соперничество нашло свое отражение в постоянных трениях в дипломатической области. Как можно видеть из раздраженных высказываний Идена, оно повлияло наряду с другим на решение вопроса о Багдадском пакте, подписанном в 1955 г. «В последние годы, — пишет он, — Соединенные Штаты иногда не поддерживали своих друзей в надежде завоевать популярность у врагов этих друзей. Практические последствия этой неопределенной дипломатии нашли свое отражение в отношении Соединенных Штатов к Багдадскому пакту. Несмотря на свою ведущую роль в качестве одного из вдохновителей пакта, Соединенные Штаты воздержались от подписания его, в то время как Англия, единственная из западных держав, примкнула к нему. Хуже того, проведением такого курса они пытались нажить политический капитал в таких столицах, как Каир, враждебно относящийся к пакту»².

Таким образом, между партнерами англо-американского союза возникали серьезные трения. Тем не менее стремление сохранить союз осталось краеугольным камнем английской внешней политики. Хорошо информированный специалист по вопросам англо-американских отношений, непосредственно связанный с правительством, писал в 1957 г., что «Англия в союзе с Америкой, несмотря на все невзгоды, связанные с этим сою-

¹ «The Memoirs of Sir Anthony Eden, Full Circle». London, 1960, p. 99.

² Ibid., p. 336.

зом, занимает более весомое положение и менее уязвима, чем если бы она порвала этот союз»¹. Такого же мнения придерживались и правящие круги Англии.

4. Политика на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии

Варварская колониальная война в Малайе, участие в войне против корейского народа, колониальная политика в Сянгане (Гонконге), подписание сепаратного мирного договора с Японией, участие в СЕАТО — все это показывает, что английский империализм продолжал прежнюю политику угнетения и эксплуатации народов Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока.

Однако некоторые обстоятельства ограничивали размах агрессивной политики английских монополий в этом районе. В качестве мощной преграды на пути империалистов выступили социалистические государства. Добилось дальнейших успехов национально-освободительное движение. Сильно возросла в международных отношениях роль Индии, Пакистана, Цейлона и Бирмы — стран, с которыми Лондон, преследуя свои собственные интересы, стремился избежать острых конфликтов. Наконец, английские позиции подверглись серьезным атакам со стороны американского империализма, стремящегося к господству в этих районах.

Эти факторы обусловили применение Лондоном тактики маневрирования, отличавшейся от безрассудно агрессивного курса Соединенных Штатов. В то же время стремление правителей Англии любой ценой сохранить союз с США лишало их возможности проводить самостоятельную политику и нередко вынуждало следовать на поводу у Вашингтона. В целом английская политика носила крайне непоследовательный характер.

Позиция Англии в таком вопросе, как признание вновь созданной Китайской Народной Республики, отличалась от позиции других ведущих западных держав (и так называемых «белых доминионов»). Англия признала 6 января 1950 г. правительство КНР и порвала официальные отношения с обанкротившимся и дискредитировавшим себя Чан Кай-ши. Это решение было продиктовано главным образом волей определенных деловых кругов Англии, которые считали, что признание нового режима в Китае даст им возможность извлекать и впредь прибыли от капиталовложений в стране², возобновить некогда процветавшую торговлю с Китаем и сохранить Сянган (Гонконг), облегчит империалистические интриги в этом районе. Англий-

¹ W. Clark. Less than Kin. A Study in Anglo-American Relations. London, 1957, p. 162.

² К моменту образования КНР прямые английские капиталовложения в Китае, по официальным данным, исчислялись примерно в 110 млн. ф. ст.

скому правительству приходилось также считаться с тем, что три азиатских члена Содружества наций — Индия, Пакистан и Цейлон — уже признали правительство КНР.

Однако, несмотря на формальный акт признания, Лондон на практике не пошел на установление нормальных отношений с Китайской Народной Республикой, главным образом под давлением правящей верхушки Соединенных Штатов.

Сильнее всего убеждает в этом политика английского правительства по вопросу о представительстве КНР в Организации Объединенных Наций. На сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 1950 г. английский представитель голосовал за индийскую резолюцию, т. е. за то, чтобы КНР заняла свое законное место в ООН. Более того, судя по коммюнике, Лондон продолжал отстаивать эту точку зрения во время переговоров Эттли и Трумэна в Вашингтоне в декабре того же года. «По вопросу о представительстве Китая в ООН, — говорилось в нем, — позиции двух правительств расходятся. Соединенное Королевство признало Центральное народное правительство и считает, что его представители должны занять место Китая в ООН. Соединенные Штаты возражали и продолжают возражать против предоставления китайским коммунистическим представителям места в ООН»¹. Однако на последующих сессиях Генеральной Ассамблеи ООН английское правительство стало поддерживать Соединенные Штаты, оправдывая свою новую позицию невразумительными объяснениями, смысл которых сводился к тому, что пока-де не созрело время для обсуждения вопроса о предоставлении Китаю его законного места в ООН. Весьма характерно заявление по этому поводу У. Черчилля в палате общин в июле 1954 г. «Хотя правительство Его величества все еще полагает, — заявил он, — что Центральное народное правительство должно представлять Китай в ООН, оно определенно не считает настоящий момент подходящим для рассмотрения этого вопроса».

Когда началась война в Корее, английское правительство энергично поддержало агрессию США. Оно послало английские вооруженные силы на войну против корейского народа, передав командование ими американским генералам, включилось в интриги внутри ООН и в пропагандистскую кампанию, которая должна была как-то оправдать вооруженное вмешательство империалистических держав. В последующем, в феврале 1951 г., Англия голосовала в ООН за объявление Китая агрессором, а в мае 1951 г. — за введение эмбарго на торговлю с Китаем.

Руководящие круги Англии не отошли от политики поддержки США в течение всей войны в Корее и последовавших затем длительных переговоров о перемирии. Но чем дольше длилась война, тем большее беспокойство вызывали у Лондона некоторые аспекты американской политики, особенно признаки, свидетельствовавшие о готовности Соединенных Штатов начать войну против Китая, втянув в нее Англию.

Это беспокойство достигло своей высшей точки, когда президент США Трумэн объявил, что серьезно рассматривается вопрос о применении атомной бомбы. «Никто... не мог игнорировать того факта, что Англия серьезно озабочена, — писал впоследствии Трумэн. — Не только последователи г-на Эньюрина Бивена, но и Черчилль, Иден и Батлер говорили о «беспокойстве» и ука-

¹ «Documents... 1950», p. 125.

звали, что они хотят получить заверения, что события в Корее не толкнут мир к большой войне»¹. Под давлением консерваторов и лейбористов премьер-министр Эттли срочно (в декабре 1950 г.) вылетел в Вашингтон, чтобы выразить президенту охватившее Англию беспокойство².

В течение всей первой половины 50-х годов Лондон опасался, что из-за крайне воинственной политики США на Дальнем Востоке Англия будет втянута в большую войну. Черчилль, выступая в январе 1952 г. в палате общин, заявил: «Когда опасность столь близка к дому, т. е. здесь в Европе, мы не хотим быть связаны или запутаны войной в Корее, тем более в Китае»³.

На политику Лондона влияло и недовольство английских деловых кругов многократными нападениями пиратов Чан Кай-ши на британские торговые суда и убытками, которые они несли из-за навязанного США эмбарго на торговлю с Китаем. В этом отношении примечательно заявление председателя английской банковской корпорации Гонконга и Шанхая: «Мы не делаем секрета из того, что почти все торговцы и банкиры, заинтересованные в торговле с Китаем, будут приветствовать тот день, когда эмбарго будет отменено»⁴.

Поэтому не удивительно, что английское правительство с неодобрением отнеслось к заявлению Вашингтона в феврале 1953 г. о том, что 7-й флот США не будет препятствовать нападениям чанкайшистов с Тайваня на материк. Министр иностранных дел Иден публично осудил это заявление, подчеркнув, что оно «будет иметь неблагоприятные политические последствия и не принесет военных преимуществ»⁵. И когда поддерживаемый Вашингтоном Чан Кай-ши создал летом 1955 г. опасную ситуацию в районе островов Куэмой и Мацзу, английскому правительству пришлось пойти еще дальше и подтвердить, что острова являются частью Китайской Народной Республики. Оно даже потребовало вывести оттуда войска Чан Кай-ши⁶.

Двойственный характер английской политики особенно ярко проявился в связи с положением, сложившимся в Индокитае в 1954 г. С одной стороны, разгром французских колонизаторов вызвал беспокойство английских империалистов за судьбу собственных позиций в этом районе, о чем свидетельствует хотя бы замечание Идена в его мемуарах относительно политики по индокитайскому вопросу. «Мою главную озабоченность», — писал он, — вызывала Малайя. Я хотел обеспечить надежный барьер, расположенный как можно севернее этой страны»⁷. С другой стороны, Лондон опасался, что открытое военное вмешательство западных держав во Вьетнаме не только вызовет недовольство азиатских членов Содружества наций, но и втянет Англию в большую войну, последствия которой невозможно предвидеть.

В какой-то мере политика Лондона удерживала правящие круги США от новых авантюристических действий в Восточной Азии, препятствуя тем самым обострению напряженности в Индокитае. Но все же разногласия между Лондоном и Вашингтоном носили чисто тактический, а отнюдь не принципиальный

¹ «Memoirs by Harry S. Truman», vol. II, p. 396.

² C. R. Attlee. As It Happened. London, 1954, p. 199—200.

³ «Documents... 1952», p. 56—57.

⁴ «Financial Times», 19. III. 1956.

⁵ «Documents... 1953», p. 441.

⁶ «Documents... 1955», p. 456.

⁷ «The Memoirs of Sir Anthony Eden. Full Circle», p. 87.

характер. В том же 1954 г. Англия и США уже снова действовали сообща, подписав договор об «обороне Юго-Восточной Азии» — юридическую основу СЕАТО.

5. Провалы британской политики на Ближнем и Среднем Востоке

В этот период Ближний и Средний Восток сохранял свое значение ключевого района в английской империалистической системе. Здесь находился один из основных источников наживы английских монополий — нефть Ирана, Ирака, Кувейта¹, один из основных путей имперских связей — Суэцкий канал и один из главных британских военных центров — большая военная база в Египте² со вспомогательными базами в Ираке, Иордании, Судане, Ливии, Адене и на Кипре.

Господство Лондона в этом районе обеспечивалось главным образом английскими вооруженными силами, размещенными на месте или поблизости и в большинстве случаев подкреплялось договорами о союзе с реакционными местными правителями и правящими группами.

Способность английских империалистов удерживать Ближний и Средний Восток в своих руках была уже серьезно подорвана потерей Индии и Пакистана, служивших раньше военными опорными базами для утверждения английского господства в Персидском заливе и арабских странах³, а также потерей Палестины — ранее одной из основных английских баз внутри этого района. В рассматриваемый период успехи национально-освободительного движения, особенно в Иране и Египте, в еще большей степени ослабили английское господство. Массовая борьба против империалистической оккупации и эксплуатации, против реакционных разлагающихся режимов, с помощью которых Англия осуществляла свою власть, начала угрожать всей системе английского господства.

Действия английской дипломатии затруднялись растущей уверенностью народов в том, что они в лице социалистического лагеря имеют надежного и мощного сторонника национально-освободительного движения.

Стремление американского империализма установить собственную гегемонию в этом районе привело к усилению конфликта

¹ Около половины нефти, потребляемой в Англии, идет из Кувейта.

² Согласно заявлению английского правительства, сделанному в 1953 г., тогда на базе находился постоянный 80-тысячный гарнизон, стоимость содержания складов и другого имущества определялась в 500 млн. ф. ст. («Documents... 1953», p. 346—347).

³ Это, в частности, признавал и У. Черчилль. «Способность Англии определять судьбы Ближнего и Среднего Востока и защищать его от агрессии, — заявил он в июле 1952 г., — в значительной степени уменьшилась сейчас, когда мы отказались от своей имперской ответственности за Индию и ее вооруженные силы» («Documents... 1952», p. 51).

между Лондоном и Вашингтоном. Монополии США уже утвердились в Саудовской Аравии и Израиле. Рассчитывая на дальнейшую экспансию, они пытались извлечь выгоду из трудностей своих соперников и, в частности, прибегли к тактике подчеркнутого отмежевания от старых иностранных захватчиков, фари-сейски выдавая себя за бескорыстных друзей арабских и иранского народов. Государственный секретарь США Даллес, возвратившись из поездки по Ближнему и Среднему Востоку в мае 1953 г., жаловался, что США вызывают подозрения народов этого района своим союзом со старыми колониальными державами — Францией и Англией. «Политика Соединенных Штатов, — объявил он затем, — стала без особой необходимости двусмысленной в этом вопросе... без ломки структуры западного единства мы можем продолжать наш традиционный курс преданности политическим свободам»¹.

Сохранявшееся напряжение в отношениях между Израилем и арабскими государствами также вызывало трудности для английского империализма. Правда, американские монополии вытеснили своих английских конкурентов и сами стали главными покровителями правящих кругов Израиля, но это не устранило опасений арабов, порожденных притязаниями их нового соседа — государства Израиль.

Стремясь сохранить свои позиции на Ближнем и Среднем Востоке, правящие круги Англии упорно цеплялись за традиционные, испытанные приемы — военную оккупацию и союз с ультрареакционными режимами, допуская серьезный просчет, а именно недооценивая все возрастающую мощь противостоящих им народных сил. Хотя Лондон и был вынужден уступить ряд важных позиций, особенно в Египте, однако существенной переориентации его политики в сторону большей гибкости в новой обстановке не произошло. Консерватизм проводимой английским империализмом политики сам по себе явился одной из причин серии его крупных поражений на Ближнем и Среднем Востоке.

Одним из самых тяжелых было поражение Англии в Иране, где в течение примерно 40 лет «Англо-Иранская нефтяная компания» (АИНК), в которой имелись крупные капитальные вложения самого английского правительства, господствовала над большей частью страны и извлекала огромные прибыли от эксплуатации нефтяных ресурсов и народа страны. В мае 1951 г. иранское правительство осуществило национализацию собственности компании, включая громадный нефтеочистительный завод в Абадане². К октябрю 1951 г. компания была вынуждена эвакуировать свой персонал. Трудности Лондона усугубились тем, что Вашингтон считал выгодным внешне играть роль нейтральной стороны в конфликте между английским и иранским правительствами. Лишь после продолжительных переговоров и реакционного переворота 1953 г. АИНК вновь вернулась в Иран, но теперь уже только на правах партнера американских нефтяных компаний, да и то не без поддержки последних и

¹ «Documents... 1953», p. 264.

² См. гл. VII.

госдепартамент США. За эту поддержку Лондону пришлось дорого заплатить. В консорциуме, созданном для эксплуатации иранской нефти в соответствии с соглашением, заключенным с новым иранским правительством в августе 1954 г., американские нефтяные компании, которые ранее не участвовали в эксплуатации иранской нефти, получили 40% акций, оставив 40% бывшим хозяевам, 14% — для англо-голландской компании «Ройял датч Шелл» и 6% — для французской нефтяной компании.

Еще большие неприятности ждали английский империализм в долине Нила, где народное движение, требующее положить конец английской военной оккупации зоны Суэцкого канала и английскому управлению в Судане, достигло небывалого размаха. В октябре 1951 г. египетское правительство денонсировало англо-египетское соглашение 1936 г., по которому Лондон претендовал на право держать свои войска на египетской земле, и соглашение о кондоминиуме от 1899 г., под прикрытием которого Англия управляла Суданом¹. Тысячи египтян отказались обслуживать английскую базу в зоне канала, участились вооруженные стычки между английскими войсками и египетскими народными силами.

Сначала правители Англии упорно пытались не придавать значения этим событиям и настаивали на сохранении своей военной базы в Египте. В конце 1951 г. Иден заявил египетскому министру иностранных дел, что Лондон «не может пойти на египетское требование об эвакуации и что египетский министр зря на это рассчитывает»². Год спустя английский военный министр, вторя Идену, жаловался представителям печати, что «если бы у нас не было базы в Египте, то нам негде было бы разместить нашу боевую технику и держать наши войска на Среднем и Ближнем Востоке»³.

Особенно чувствительный удар по позициям британского империализма был нанесен революцией в Египте 1952 г. и свержением монархии, служившей в прошлом орудием английских приисков. Египетский и суданский народы все настойчивее требовали вывести английские войска и положить конец английскому господству. Как и в Иране, лицемерная игра, проводимая американскими империалистами, считавшими, что им выгоднее роль «беспристрасного» посредника между египетским и английским правительствами, чем «лояльность» к своему союзнику, вконец расшатывала позиции Лондона.

В этих условиях правителям Англии пришлось наконец пойти на существенные уступки национально-освободительному движению. В феврале 1953 г. было подписано англо-египетское соглашение, которое привело к провозглашению через несколько лет независимости Судана. В октябре 1954 г. египетское и английское правительства заключили соглашение об эвакуации в следующие 20 месяцев всех английских вооруженных сил из Египта, хотя за Англией все еще сохранялись некоторые права на базу в зоне канала.

Консервативная партия далеко не единодушно поддержала заключенное соглашение. После дебатов в палате общин в июне 1954 г. 26 членов консервативной партии голосовали против правительства, создав так называемую «суецкую группу» из твердолобых консерваторов.

Правители Англии предпринимали упорные и большей частью безуспешные попытки создать военный блок в этом районе под своим руководством. Поскольку сопротивление народов двусторонним договорам, служившим до сих пор «юридической основой» английской оккупации этих стран, все возрастало, Лондон полагал, что в будущем такую «основу» лучше искать в многостороннем соглашении о совместной «обороне» района в целом против мифической «советской агрессии».

¹ Хотя номинально Судан был англо-египетским кондоминиумом, на деле он управлялся Англией как колония.

² «The Memoirs of Sir Anthony Eden. Full Circle», p. 228.

³ «Survey of International Affairs. 1952». London, 1953, p. 222.

Английское правительство совместно с правительствами США, Франции, Турции в октябре 1951 г. обратилось к Египту и другим ближневосточным государствам с предложением создать «объединенное средневосточное командование», связанное с НАТО, и разместить его штаб на английской базе в Египте, которая превратилась бы, таким образом, в «союзную» базу. Однако правительство Египта отвергло это предложение, разгадав его подлинную цель — продлить английскую военную оккупацию его территории. Более того, Лондону дали понять, что попытки использовать антисоветский лейтмотив вряд ли принесут успех. Представитель сирийского правительства, например, заявил А. Идену, что у его народа нет антисоветских чувств¹.

Английское правительство, ничему не научившись на этом провале, затеяло новую попытку создать военный блок, воспользовавшись договором о взаимном сотрудничестве между Турцией и Ираком, подписанным в феврале 1955 г., который положил начало оформлению пресловутого Багдадского блока. Английским правящим кругам казалось, что, примкнув к этому пакту и используя его как прикрытие продолжавшейся военной оккупации Ирака, они смогут, как выразился английский премьер-министр, «выработать систему, которая может служить основой общей оборонительной организации на Среднем Востоке»². Однако эти надежды не увенчались успехом. Все арабские государства, за исключением Ирака, отказались войти в него.

6. Английский империализм и Западная Европа

Своей основной задачей в Западной Европе английская политика ставила всемерное укрепление позиций капитализма и мобилизацию с помощью НАТО всех реакционных сил против социалистического лагеря. Наряду с главной целью была и побочная: во все обострявшейся борьбе с другими империалистическими державами добиваться для английского финансового капитала главенствующей роли в Западной Европе.

Эти цели в известной мере противоречили одна другой, особенно в политике, связанной с Западной Германией. Поддерживая монополии ФРГ как ударную силу против социализма и помогая им вооружиться, Лондон тем самым гальванизировал самого опасного империалистического соперника в Европе. Восстановление экономики континентальных соседей Англии, особенно Западной Германии, привело к изменению соотношения сил в Западной Европе не в пользу Лондона.

Разрыв между долями Западной Германии и Англии в промышленной продукции капиталистического мира заметно сокращался. В 1955 г. Западная Германия обогнала Англию по

¹ «The Memoirs of Sir Anthony Eden. Full Circle», p. 228.

² «Documents... 1955», p. 292.

ежегодному производству стали (первая производила 23,2 млн. т, а вторая — 20,1 млн. т). Более того, между 1950 и 1955 гг. доля Англии в мировом капиталистическом экспорте упала с 25,5 до 19,8%¹.

Это изменение соотношения сил сопровождалось уменьшением роли английских правящих кругов в развитии событий в Западной Европе. Зато значительно выросло влияние американского империализма, который стал основным покровителем континентальных монополий.

Страх перед социализмом толкал английских правителей на чреватый опасными последствиями империалистический путь решения германского вопроса. Вместе с правительствами Соединенных Штатов и Франции правящие круги Англии упорно отвергали все советские предложения, направленные на создание прочной системы европейской безопасности и на обеспечение развития демократической и миролюбивой Германии. Вместо этого они слепо проводили политику создания в лице Западной Германии «оплота против коммунизма», способствуя возрождению западногерманского милитаризма. Правда, к середине 50-х годов Лондон начал проявлять признаки несколько более реалистического подхода к европейским проблемам, чем его партнеры.

На совещаниях министров иностранных дел Советского Союза, Соединенных Штатов, Англии и Франции в Берлине в январе — феврале 1954 г. и в Женеве в октябре 1955 г. Англия выдвинула так называемый «план Идена»².

Английское правительство играло одну из ведущих ролей в «легализации» перевооружения ФРГ. С невероятной легкостью и быстротой оно перешло от номинальной оппозиции ее перевооружению, характерной для первых послевоенных лет, к открытому отстаиванию ремилитаризации ФРГ. 28 марта 1950 г. лейбористский министр иностранных дел Э. Бевин, говоря о перевооружении Западной Германии, заявил: «Все мы против этого. Я повторяю: все мы против. Это страшное решение»³. А в сентябре того же года Бевин легко присоединился к своим американскому и французскому коллегам, ратуя за перевооружение Западной Германии.

Начиная с этого времени правители Англии не скрывали своей решимости обеспечить «легализацию» перевооружения Западной Германии или через планировавшееся тогда Европейское оборонительное сообщество (ЕОС), или же иным путем. После провала ЕОС, английское министерство иностранных дел взяло на себя ведущую роль в выработке другого варианта. И в результате через два месяца были подписаны парижские соглашения, расчистившие путь для вновь создаваемого вермахта. Когда французское Национальное собрание рассматривало вопрос о ратификации этих соглашений, английское правительство открыто и беззащитно оказывало давление на Францию.

На Женевском совещании глав правительств в июле 1955 г. английский премьер-министр, придерживаясь в целом установившейся ориентации западной политики относительно европейской безопасности и германского

¹ Цифры взяты из книги «Экономика и политика Англии после второй мировой войны», М., 1958.

² См. гл. XXVI.

³ «Documents... 1949—1950», p. 314.

вопроса, внес предложение о «создании системы совместной инспекции сил, противостоящих друг другу в Европе»¹, которое, казалось, могло привести к разрядке напряженности. Однако не прошло и трех месяцев, оставшихся до начала работы Женевского совещания министров иностранных дел, как английское правительство под давлением своих союзников отказалось от этого плана.

Активное участие правителей Англии в «холодной войне», гонке вооружений и возрождении германского милитаризма вызвало сильную оппозицию в английском рабочем движении. В 1954 г. на конференции лейбористской партии правому руководству ценой лишь огромных усилий удалось сорвать принятие резолюции против перевооружения Западной Германии.

Когда в ноябре того же года парижские соглашения были представлены для ратификации в палату общин, Эттли и его единомышленники, опасаясь раскола в партии, не осмелились настаивать на одобрении этих соглашений парламентской фракцией лейбористской партии. Был достигнут компромисс, в результате которого лейбористы воздерживались от голосования.

В этот период правителям Англии пришлось определять свою политику по отношению к так называемой «интеграции» Западной Европы, к которой стремились ведущие монополистические группировки ФРГ и Франции при активной поддержке Соединенных Штатов. Правящие круги Англии были поставлены перед острой политической дилеммой.

С одной стороны, участие в мерах по «интеграции» открывало перед английским финансовым капиталом возможность обеспечить себе определенные позиции в континентальной Западной Европе, крайне важные для него в политическом, экономическом и военном отношении². Отказ же от участия в «интеграции» усилил бы угрозу создания мощного замкнутого континентального блока, из которого была бы исключена Англия и который представлял бы серьезную опасность для английского империализма во всех районах капиталистического мира.

С другой стороны, «интеграция», как ее представляли себе монополии континентальной Европы и их американские покровители, предусматривала создание «наднациональных органов», в которых преобладали бы не английские монополии, а их соперники.

В первый период развития «интеграции» (1950—1955 гг.) английские правящие круги отказывались принимать в ней участие, искали другие способы укрепления своего влияния в Западной Европе.

В области экономики Лондон пытался усилить роль не наделенной «наднациональными» правами Организации европейского экономического со-

¹ «Documents... 1955», p. 41.

² К 1955 г. английские капиталовложения в Западной Европе оценивались примерно в 300 млн. ф. ст. На этот район приходилось около 25% внешней торговли Англии.

трудничества (ОЕЭС)¹, где Англия занимала ведущее положение. Как откровенно признавалось в английском полуофициальном отчете тех лет, «английские представители сыграли большую роль в превращении ОЕЭС в такую межправительственную организацию, какую они хотели иметь в Европе. Идея англичан... состояла в том, чтобы добиться соглашения среди членов ОЕЭС по максимально большому числу специфических экономических целей, не отказываясь при этом от суверенитета»².

В мае 1950 г. в связи с созданием «общего рынка» угля и стали в Западной Европе (так называемый «план Шумана») перед английским правительством встал вопрос о подчинении специальному «европейскому» органу. Лондон отверг предложение западногерманских и французских монополий принять участие в обсуждении этого плана на том основании, что не может поступиться своими суверенными правами. Английский министр финансов заявил, что «Англия отвергает любую идею наднациональной власти и стоит за добровольное, межправительственное сотрудничество». Со временем ФРГ, Франция, Италия и страны Бенилюкса учредили Европейское объединение угля и стали (ЕОУС) без Англии. В 1952 г. английская делегация была аккредитована при штаб-квартире ЕОУС в Люксембурге, и в 1954 г. между английским правительством и ЕОУС был подписан договор относительно регулярных консультаций. Однако Англия по-прежнему оставалась вне ЕОУС.

Выражая полную солидарность с целью «плана Плевена»³, предусматривавшего под видом «интеграции» в военной области легализацию перевооружения Западной Германии, английское правительство проявляло двойственное отношение к форме осуществления этой цели. Черчилль в своей речи в Страсбурге в августе 1950 г. призывал к немедленному созданию «европейской армии». Многие считали, что он желает, чтобы английские войска стали ее основной частью. Когда же Черчилль вернулся к власти в октябре 1951 г., его правительство продолжало политику своих лейбористских предшественников, предлагая лишь более или менее тесную связь Англии с предполагаемым ЕОС, но не вступление в сообщество.

Внешне проявляя заинтересованность, убеждая «шестерку» создать ЕОС без английского участия и присоединившись к Соединенным Штатам в давлении на французское Национальное собрание, чтобы заставить его ратифицировать соглашения, английские правящие круги с самого начала сдержанно относились к «плану Плевена» и были заняты подготовкой собственного варианта. «Если план Плевена провалится, — писал Иден Черчиллю в декабре 1951 г., — мы должны попытаться выработать с нашими союзниками более скромный план, основанный на согласованных технических военных договорах, но без сложной политической надстройки». Он добавил, что действия такого рода потребуют точного расчета времени: «Если мы выступим слишком рано, план Плевена провалится, и нам скажут, что мы его сорвали»⁴. В декабре 1953 г. Иден поделился своими мыслями с Дж. Ф. Даллесом, заявив, что он сомневается в том, что план создания ЕОС когда-либо осуществится. Он предложил вместо этого, чтобы Западная Германия под определенным контролем была перевооружена в рамках НАТО⁵.

Отклонение проекта ЕОС открыло путь к реализации новых английских планов в виде парижских соглашений. Перевооружение Западной Германии было «легализовано» в рамках НАТО и реорганизованного Западноевропейского союза (ЗЕС), без какой-либо «наднациональной» власти.

Правители Англии полагали, что они добились значительной победы. Они рассчитывали, что ЗЕС, в котором преобладало английское влияние, будет

¹ ОЕЭС, в которую входили почти все капиталистические государства Европы, была создана в 1948 г. как инструмент сотрудничества с Соединенными Штатами при осуществлении «плана Маршалла».

² «Britain in Western Europe». London, 1956, p. 6—7.

³ См. гл. XXIV.

⁴ «The Memoirs of Sir Anthony Eden. Full Circle», p. 34.

⁵ Ibid., p. 58.

играть главную роль в делах Западной Европы. Но в действительности получилось не так.

США, занимавшие господствующие позиции в НАТО, весьма ограничили поле деятельности ЗЕС. Кроме того, партнеры Англии по ЗЕС — шесть стран — участниц «Общего рынка» все больше объединялись в континентальном блоке под руководством западногерманских и французских монополий.

7. Англия и социалистический мир

Политика английских правящих кругов с первых же послевоенных лет была направлена на осуществление вместе с США и другими союзниками постоянного экономического, политического и военного давления на социалистический лагерь с целью «отбросить» силы социализма, особенно в Европе, оказать давление на Советский Союз.

Эта политика не претерпела изменений и в течение всего рассматриваемого периода. В начале 50-х годов в официальной программе консервативной партии прямо провозглашалась цель реставрации капитализма в странах народной демократии. «Мы не готовы, — говорилось в программе, — рассматривать эти древние государства и народы, уже попавшие под советское иго, как потерянные навсегда»¹. Спустя примерно пять лет английский министр иностранных дел тянул ту же старую песню и призвал оказывать давление на Советский Союз, утверждая, что он в конце концов уступит².

В то же время правителей Англии все больше тревожили сомнения насчет реальности такой политики, особенно в связи с более чем очевидной способностью Советского Союза нанести сокрушительный ответный удар любому агрессору в случае нападения. Кроме того, влиятельные круги, от которых зависела политика Англии, не могли совсем не считаться с настроениями английских трудящихся, выражавших все большее беспокойство за судьбы своей страны, которую вели по очень опасному пути.

Сомнения, испытываемые правящими кругами, не изменили основного направления английской политики по отношению к социалистическому миру, но повлияли на методы ее осуществления и к середине 50-х годов привели к некоторым неуверенным шагам в сторону более реалистического курса.

Политика давления на социалистический лагерь и подготовки войны против него нашла свое выражение в предоставлении баз в Англии для ядерного нападения США на Советский Союз, участии в американской агрессии в Корее, перевооружении Западной Германии как ударной антисоциалистической силы, в экономическом эмбарго, направленном на то, чтобы сдержать

¹ Цит. по кн.: W. P. and Z. K. Coates. A History of Anglo-Soviet Relations, vol. II. London, 1958, p. 380.

² См. В. Г. Трухановский. Внешняя политика Англии после второй мировой войны. М., 1957, стр. 321.

экономическое развитие социалистических стран, в злобной пропаганде, призванной отравить умы людей, ввести их в заблуждение и настроить против идей социализма и стран социалистического содружества.

Эта политика вопиюще противоречила букве и духу англо-советского договора 1942 г. о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее союзников и последующем сотрудничестве и взаимной помощи. Своими действиями в этот период правители Англии фактически растоптали его. Участие Англии и ее активная роль в НАТО были явным нарушением статьи, обязывающей договаривающиеся стороны не заключать договоры и не вступать в коалиции, направленные против другой стороны. Роль Англии в перевооружении Западной Германии шла вразрез со статьей, обязывающей договаривающиеся стороны сделать все для предотвращения повторения германской агрессии. Советское правительство несколько раз обращало внимание английского правительства на эти и другие нарушения договора и предупреждало, что, если Англия ратифицирует парижские соглашения о перевооружении Западной Германии, договор будет аннулирован. Английское правительство осталось глухо ко всем предостережениям, и в мае 1955 г. Советский Союз аннулировал договор.

Политика Лондона пагубно сказывалась на торговых отношениях между Англией и социалистическим лагерем. Главным образом по указке США начиная с 1949 г. английское правительство ввело эмбарго в торговле с социалистическими странами на значительную часть товаров своего экспорта, а после принятия незаконной резолюции ООН в мае 1951 г. ввело особенно жесткие ограничения на экспорт в Китай. В 1952 г. Англия вместе с девятью другими западноевропейскими странами подписала соглашение с Соединенными Штатами о сотрудничестве в осуществлении эмбарго на торговлю с социалистическими странами. Согласованное проведение этой формы экономической войны против социализма осуществляла так называемая Консультативная группа координационного комитета (КОКОМ) в Париже, в которую входили Англия и ее партнеры по НАТО (кроме Исландии).

Политика дискриминации, осуществлявшаяся английским правительством, помешала Англии, испытывавшей потребность в расширении своего экспорта, использовать возможности быстро растущих рынков социалистических стран. К 1956 г. она все так же направляла в социалистический мир мизерную долю своего экспорта (3,9%) и закупала там лишь 3,1% своего импорта (цифры, соответствующие уровню английской торговли с такой маленькой страной, как Дания).

Правда, многие представители делового мира Англии желали развивать торговлю с социалистическим миром. Группа предпринимателей, представляющих ведущие промышленные фирмы, посетила Москву в январе — фев-

рале 1954 г. и заключила ряд важных контрактов. Более того, само английское правительство было вынуждено из-за трудностей платежного баланса просить разрешения КОКОМ смягчить ограничения на торговлю с Востоком. В июле 1954 г. министр торговли Англии объявил, что с согласия КОКОМ список товаров, запрещенных для экспорта в социалистические страны, сокращен с 250 до 170, а товаров, вывоз которых был ограничен количественно, уменьшен с 90 до 20. Однако эти изменения не сломали основных дискриминационных барьеров и к тому же касались только торговли с Советским Союзом и европейскими странами народной демократии.

Следует отметить, однако, что, несмотря на проведение правящими кругами Англии политики «холодной войны», в этот период ощущались некоторые признаки более реалистического подхода с их стороны к проблеме отношений с социалистическими странами. Это проявилось главным образом в известной поддержке Лондоном идеи совещания на высшем уровне между руководителями Советского Союза и ведущих западных держав, в той инициативной роли, которую взяло на себя английское правительство внутри западного лагеря в созыве такой конференции в Женеве в июле 1955 г.

Уже в феврале 1950 г. в ходе предвыборной кампании Черчилль публично поднял вопрос о переговорах с Советским Союзом на высшем уровне. «Мне нравится, — заявил он, — идея особой попытки перебросить мост через пропасть между двумя мирами, так чтобы каждый мог жить по-своему, если не в дружбе, то по крайней мере без ненависти и маневров холодной войны»¹. Он вновь вернулся к этой теме во время предвыборной кампании в октябре 1951 г. В программном политическом выступлении в палате общин 1 мая 1953 г. Черчилль, признав законным желание Советского Союза обезопасить свою безопасность и то, что ряд вопросов может быть решен путем переговоров с Советским Союзом, заявил: «...совещание на высшем уровне между ведущими державами должно состояться без долгих проволочек»². Это заявление вызвало раздражение в Вашингтоне и Бонне³. Советский Союз поддержал это предложение. Оно, писала «Правда», «отражает стремление английского народа к миру и свидетельствует о реалистическом подходе английского премьер-министра к оценке ряда важных черт в нынешней международной обстановке»⁴.

5 апреля 1954 г. палата общин приняла резолюцию в пользу «немедленного выступления правительства Ее величества в целях организации встречи между премьер-министром и главами правительств США и СССР». Несколько позднее, 4 июля 1954 г., Черчилль в личном неофициальном послании советскому министру иностранных дел (о котором он одновременно информировал президента США Эйзенхауэра) предложил двустороннюю встречу между главами Советского и английского правительств «без повестки дня и с единственной целью найти разумный способ жить бок о бок в обстановке растущего доверия, разрядки и благополучия». Было очевидно, писал Черчилль, что американский президент в это время не согласится принять участие в такой встрече, но он, Черчилль, надеется, что эта встреча может стать прелюдией для более широкой встречи позднее. Несмотря на немедленный благоприятный

¹ «The Times», 15. II. 1950.

² «Documents... 1953», p. 57.

³ A. Nutting. Europe will Not Wait. London, 1960, p. 50.

⁴ «Правда», 24 мая 1953 г.

ответ Советского правительства, Черчилль в своем последующем послании от 27 июля взял, однако, обратно свое предложение ¹.

Английское правительство проявляло больше желания, чем его американский партнер, довести работу по созыву совещания глав правительств в Женеве до конца, что частично объяснялось желанием лидеров консервативной партии выдать себя за сторонников смягчения международной напряженности в связи с предстоящими в мае парламентскими выборами. 14 марта Черчилль объявил, что его правительство желает созыва совещания на высшем уровне вскоре после ратификации парижских соглашений. Его заявление было подтверждено новым премьер-министром Иденом 19 апреля и еще раз министром иностранных дел Макмилланом 25 апреля 1955 г. ²

Другим признаком несколько обособленного подхода Лондона в сравнении с другими западными столицами к проблеме отношений с социалистическим лагерем явилось приглашение Иденом советских руководителей посетить Англию для переговоров. Об этом приглашении и его принятии было объявлено в Москве и Лондоне 27 июля 1955 г. Визит состоялся весной 1956 г.

Конечно, в отношении английского правительства к более тесным контактам между руководителями двух лагерей была значительная доза демагогии. Консерваторы проявили известную гибкость, используя в своих внутренних политических целях желание английских масс остановить сползание страны к пропасти войны против социалистического мира. Однако, несмотря на всю демагогию, непоследовательность и колебания правящих кругов Англии, их отношение к переговорам на высшем уровне с Советским правительством отражало растущее в этих кругах беспокойство в связи с возможными последствиями для английского империализма курса на подготовку новой мировой войны.

Г Л А В А XIV

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ

1. Участие в Атлантическом союзе

Внешняя политика Франции в 1950—1955 гг. определялась двумя основными факторами. С одной стороны, в результате участия Франции в «плане Маршалла» и в НАТО усилилась зависимость французского империализма от США. С другой стороны, в 1950—1955 гг. развертывался процесс частичного восстановления международных экономических позиций фран-

¹ После оглашения этой переписки Черчиллем в палате общин в марте 1955 г. Советское правительство 18 марта опубликовало полный текст посланий.

² Известно, что Эйзенхауэр не объявлял вплоть до 10 мая о своем согласии участвовать в совещании на высшем уровне.

цузского империализма. Если в 1953 г. промышленное производство Франции возросло лишь на 1%, то в 1954 г. — на 10, в 1955 г. — на 9%¹. Увеличивались капиталовложения, расширялась внешняя торговля страны.

На этой основе значительно усилились франко-американские противоречия. Они проявлялись прежде всего в рамках Атлантического блока. Их усилению способствовало и то обстоятельство, что надежды и расчеты французских правящих кругов, связанные с участием в НАТО, не оправдывались. Им не удалось с помощью США оснастить вооруженные силы самым современным оружием; попытки использовать НАТО для укрепления позиций в колониях оказались неэффективными. Более того, участие в НАТО противоречило интересам значительных кругов французской буржуазии.

Все большее влияние на политику Франции оказывало стремление французских колонизаторов любой ценой сохранить свое господство в разваливающейся колониальной империи. Поэтому французские правящие круги искали поддержки США и других своих партнеров в проведении колониальной политики. Ради этого они вынуждены были идти на уступки, на многочисленные сделки за счет национальных интересов Франции. В то же время, они болезненно реагировали на попытки США, действовавших под вывеской «антиколониализма», упрочить свои позиции в колониях Франции. Это породило острейшие противоречия во франко-американских отношениях.

Французское правительство в основном поддерживало курс США на усиление военных приготовлений. Однако по ряду вопросов оно занимало более сдержанную позицию. Война в Корее была использована правящими кругами США для того, чтобы побудить Францию принять более активное и широкое участие в агрессивной политике, в гонке вооружений, в проведении антисоветского курса.

Война в Корее началась 25 июня 1950 г., но лишь 23 августа, после настойчивых требований США, французское правительство решило направить туда батальон добровольцев численностью в 1 тыс. человек. В то же время тогдашний премьер-министр Р. Плевен подчеркнул в своем выступлении 2 сентября, что Франция «не останется нейтральной» и не откажется от перевооружения. Плевен сообщил о намерении правительства увеличить срок военной службы до 18 месяцев, ассигновать на военные цели более крупные средства, положить конец сопротивлению французского народа политике подготовки войны.

Дальнейшее развитие войны в Корее не могло не отразиться на политике Франции. Уже во второй половине 1950 г. США потребовали от своих партнеров по НАТО принятия огромной программы перевооружения.

¹ См. Г. П. Черников. Экономика Франции. М., 1959, стр. 27—31.

В ходе переговоров Франция согласилась с требованием США развернуть интенсивную военную подготовку, но выдвинула при этом ряд оговорок и встречных претензий.

В начале августа в ответ на предложение президента Трумэна от 26 июля представить точные данные «о сущности дополнительных военных усилий» Франция направила США свой первый меморандум о перевооружении. В нем французское правительство согласилось увеличить военные ассигнования и создать 15 новых дивизий. Одновременно оно потребовало от США предоставления ей помощи. В меморандуме говорилось: «Каковы бы ни были жертвы, новые усилия не могут быть осуществлены без получения извне вооружения, сырья, оборудования и без значительной финансовой помощи»¹. Франция настаивала на необходимости продолжения реконструкции промышленности и развития невоенных отраслей экономики. Иначе, говорилось в меморандуме, «хрупкое равновесие наших внешних расчетов будет нарушено, в частности, в результате сокращения нашего экспорта. Поэтому необходимые для сохранения национального дохода внутренние капиталовложения опасным образом сократятся»².

Такая позиция была продиктована серьезными экономическими трудностями, которые тогда испытывала Франция. В 1950 г. уровень промышленного производства составлял всего 92% уровня 1929 г. План реконструкции и развития, так называемый «план Монне», принятый в 1946 г., был выполнен всего наполовину. Страна переживала серьезные финансовые трудности. Дефицит платежного баланса превысил 400 млн. долл. В результате резкого падения жизненного уровня мощный размах приобрело забастовочное движение. Французские правящие круги опасались еще большего обострения обстановки в стране из-за нового бремени гонки вооружений.

Президент США Трумэн назвал первый французский меморандум о перевооружении «чрезвычайно разочаровывающим». 18 августа 1950 г. французское правительство представило второй меморандум. В нем выдвигалось требование создания «атлантического финансового пула». Французское правительство предложило слить Атлантический блок с Западным союзом, провести полную стандартизацию вооружения, организовать займы для финансирования перевооружения и т. д. США решительно отклонили предложение о «финансовом пуле», который ослабил бы американский контроль над НАТО. Они заявили, что Франция прилагает совершенно недостаточные усилия для перевооружения.

В результате нажима США Франция уже на брюссельской сессии совета НАТО в декабре 1950 г. взяла на себя крайне обременительные обязательства по перевооружению, дав обещание создать к 1953 г. 25 дивизий, из которых 10 — в 1951 г. Французское правительство согласилось предоставить свою территорию для размещения американских военных баз, принять широкое участие в сооружении аэродромов, портов, складов, линий связи и т. д. Оно обязалось увеличить военные ассигнования с 600 млрд. франков в 1951 г. до 1700 млрд. в 1953 г., продлить срок военной службы до 18 месяцев.

Обязательства Франции оказались самыми большими по сравнению с обязательствами других участников НАТО, кроме США. В 1951 г. страна расходовала на военные цели 13% общего национального дохода, не считая дополнительных затрат на ведение колониальных войн, тогда как Англия — 12%, Канада — 9, Бельгия — 8,5, Голландия — 8, Италия — 7,6%.

Правда, Соединенные Штаты обещали Франции свою военную помощь. В частности, они обязались поставить снаряжение для 9 из 10 дивизий, которые Франция должна была сформировать в 1951 г. США согласились ассигновать Франции 200 млн. долл. на приобретение оборудования и сырья для промышленности, обещали оказывать помощь в ведении войны в Индокитае.

¹ «Le Monde», 6—7. VIII. 1950.

² Ibidem.

Обязательства, взятые на себя Францией в конце 1950 г. в рамках НАТО, оказали огромное влияние на ее внешнюю политику. Резко усилилась зависимость Франции от США: значительная часть ее национальной армии перешла под иностранное командование, ее военный бюджет, военное производство стали определяться в значительной степени руководством НАТО, т. е. фактически Соединенными Штатами.

В органах командования НАТО было всего 15% французов, американцев же — 44%. Хотя несколько французских генералов получили командные посты в НАТО, Франция играла второстепенную роль в руководстве делами этого агрессивного блока.

Территория Франции быстро превращалась в плацдарм агрессивного Атлантического блока. В июле 1951 г. было заключено соглашение о создании во Франции военных баз инфраструктуры НАТО, т. е. сети военных складов, запасов горючего, линий связи, нефтепроводов, портов, аэродромов и т. д. В марте 1951 г. во Франции разместился штаб вооруженных сил НАТО в Европе во главе с генералом Эйзенхауэром.

Гонка вооружений легла непосильным бременем на экономику Франции. В 1951 г. один из лидеров социалистической партии, П. Рамадье, говорил: «Ясно, что расходы на реконструкцию, перевооружение и Индокитай превосходят возможности Франции. Осуществление и впредь теми же темпами плана Моннэ, реконструкции, перевооружения, авиационной программы, расходов для Индокитая представляет чрезмерную нагрузку, которую французская экономика не сможет выдержать»¹.

В ноябре 1951 г. французское правительство обратилось в НАТО с просьбой замедлить выполнение программы перевооружения. Оно ссылалось на долларовый дефицит, недостаток угля, на большие расходы на войну в Индокитае. Французские правящие круги просили разрешения израсходовать часть фондов, полученных в порядке военной помощи США, на устранение экономических затруднений, порожденных гонкой вооружений.

Планы усиленной милитаризации, навязанные Франции Соединенными Штатами, оказались под угрозой срыва. К концу 1951 г. по этим планам Франция должна была передать под атлантическое командование 5 дивизий, оснащенных и укомплектованных на 100%, и 5 дивизий — на 75—80%. В действительности Франция располагала в декабре 1951 г. 6 дивизиями, подготовленными на 70% и 4 дивизиями — на 25%. Таким образом, программа вооружения НАТО фактически была выполнена Францией лишь наполовину.

В 1952 г. франко-американские противоречия вспыхнули с новой силой. На лиссабонской сессии совета НАТО США обещали Франции увеличить в 1952 г. помощь для выполнения ею повышенных обязательств. Речь шла об американских военных заказах французской военной промышленности. Это была военная форма помощи, предложенная США еще в конце 1951 г., чтобы предотвратить провал планов атлантического перевооружения. Суть ее состояла в том, что США оплачивали долларами заказы на производство вооружения во Франции, которое затем передавалось французской армии. В результате несколько ослабился долларовый голод во Франции, повышалась заинтересованность французских монополий в гонке вооружений, но в то же время усиливалась зависимость Франции от США. На 1951/52 финан-

¹ «Journal Officiel», 31, XII, 1951, p. 10205.

совый год США ассигновали на такие заказы в странах Западной Европы 700 млн. долл., 335 млн. из них предназначалось для Франции. Но этого было совершенно недостаточно для выполнения намеченной на сессии совета НАТО в Лиссабоне программы.

8 июля американское правительство объявило о распределении «помощи» на 1952/53 финансовый год. Выяснилось, что на долю Франции приходится значительно меньше, чем было обещано ранее. Франция требовала американских военных заказов на 625 млн. долл. в течение трех лет. США согласились разместить заказы лишь на сумму в 185—200 млн. долл. и на более длительный срок.

30 июля 1952 г. была опубликована французская нота¹, в ней указывалось на катастрофическое положение, в котором оказалась бы промышленность Франции в случае отказа США разместить новые заказы. Речь шла об угрозе закрытия во Франции 7 авиационных заводов и 5 заводов, изготовляющих вооружение.

В августе 1952 г. состоялись новые франко-американские переговоры по вопросу о военной помощи. Французские требования были снова отклонены. Франция, заявил государственный секретарь США Ачесон, может найти дополнительные источники для финансирования военного производства, «переведя средства с одной статьи бюджета на другую», т. е. за счет средств, предназначенных на гражданские нужды².

Новое обострение франко-американских отношений наступило в связи с тем, что нажим США на Францию вышел за рамки общепринятых дипломатических норм. Об этом свидетельствует характерный инцидент. 6 октября 1952 г. посол США в Париже передал французскому правительству два документа, касающихся американской помощи Франции: ноту и личное письмо президента США премьер-министру Франции в ответ на высказанную в августе просьбу уточнить размеры помощи. 8 октября премьер-министр А. Пинэ принял посла США Данна и вернул ему обратно американскую ноту, заявив, что она составлена в недопустимой форме. Возвращая американскую ноту, Пинэ сказал послу США: «Я очень хотел бы забыть, что нам направлялась эта нота»³.

В американской ноте, как сообщала французская печать, подвергался резкой критике способ использования американской помощи Францией и содержалось требование к французскому правительству держать государственный департамент в курсе всех решений в этой области⁴.

Этот инцидент наглядно показал, что американская «помощь» Франции сопровождается грубым вмешательством в ее внутренние дела. Разногласия, писала в передовой статье газета «Монд», «имеют самые серьезные и глубокие причины, которые можно резюмировать одной фразой: забывая, что мы являемся лишь союзниками, некоторые американцы, как ответственные руководители, так и деловые люди, имеют тенденцию обращаться с нами, как с подопечными, и вмешиваться в вопросы, в отношении которых мы имели право утверждать, что они касаются лишь нас самих»⁵.

С резкой критикой по адресу США выступил 25 октября 1952 г. французский президент В. Ориоль. «Без сомнения, — сказал президент, — «план Маршалла» нам помог, и мы часто с признательностью говорили о его пользе. Но, как это ни прискорбно, война в Индокитае уже обошлась нам в материальном выражении почти в два раза больше того, что мы получили по «плану Маршалла» и по соглашению о взаимном обеспечении безопасности, т. е. в 1600 млрд. франков против 800 млрд.»⁶ Президент дал понять, что война в Индокитае ведется не столько в интересах Франции, сколько в интересах общей антикоммунистической политики империализма.

¹ «L'Année politique 1952». Paris, 1953, p. 562—563.

² «The New York Times», 4. VIII. 1952.

³ «Le Monde», 9. X. 1952.

⁴ Ibidem.

⁵ «Le Monde», 10. X. 1952.

⁶ «L'Année politique 1952», p. 574—576.

Обострение франко-американских противоречий в конце 1952 г. совпало по времени с приходом к власти в США республиканской партии. Именно этот момент был избран правящими кругами Франции, чтобы устроить показательный «бунт» против американского руководства в НАТО. Но факты показывают, что, несмотря на громкие речи и декларации, французские лидеры не думали порывать со старым курсом послушного следования за США в основных международных вопросах. Они лишь стремились несколько укрепить французские позиции в НАТО.

Вопрос о характере отношений Франции с новым американским правительством и ее роли в Атлантическом союзе явился предметом переговоров, которые вел Дж. Ф. Даллес с французским правительством 2 февраля 1953 г. Более обстоятельному рассмотрению эта проблема подверглась во время визита премьер-министра Р. Мейера в Вашингтон в конце марта, когда он потребовал увеличения американской помощи.

Поскольку и другие европейские партнеры по НАТО требовали сокращения темпов атлантического перевооружения, США вынуждены были пойти на некоторое изменение своей политики в этом вопросе. Они выдвинули концепцию «долгого пути», означавшую определенное урезывание планов, утвержденных на сессии совета НАТО в Лиссабоне. Эта политика практически не означала отказа от гонки вооружений. Основное внимание было переключено на оснащение войск НАТО новейшей техникой, а не на их количественный рост.

Новые решения не снизили военных расходов Франции. Они даже несколько увеличились по сравнению с предыдущим годом и достигали 1400—1600 млрд. франков. Расходы Франции остались относительно самыми большими по сравнению с расходами других европейских стран НАТО. Лишь в 1954 г. военные расходы Франции несколько уменьшились (примерно на 150—200 млрд. франков). Французское правительство добилось некоторого увеличения американской военной помощи в виде новых военных заказов США французской промышленности и оплаты на содержание американских войск во Франции. Эти поступления выросли с 240 млн. долл. в 1952 г. до 420 млн. в 1953 г. В результате этой долларовой помощи Франции временно удалось ослабить кризис платежного баланса и свести его в 1953 г. с активным сальдо в 530 млн. долл.¹

Проблема американской помощи, которая в 1952 г. порождала острые франко-американские конфликты, как будто получила свое разрешение. Но противоречия между США и Францией несколько не сгладились. Напротив, они еще больше углубились в 1954—1955 гг. в связи с определением общего политического курса стран НАТО и особенно в связи с борьбой вокруг форм и методов ремилитаризации Западной Германии.

¹ См. *Ш. Беттельхейм*. Экономика Франции после второй мировой войны. М., 1956, стр. 208.

2. Франция и возрождение милитаризма в Западной Германии

С созданием в сентябре 1949 г. сепаратного западногерманского государства¹ во внешней политике Франции возникла новая проблема — проблема отношений с ФРГ. Первоначально французские правящие круги рассчитывали, что ограничения суверенитета ФРГ на основе оккупационного статута позволят им более уверенно разговаривать с монополиями Западной Германии. Но подобным надеждам не суждено было сбыться. ФРГ с самого начала заняла весьма прочные позиции в отношениях с Францией. Кроме того, что она даже в момент своего образования была экономически сильнее Франции, решающее значение имела политическая поддержка ФРГ правящими кругами США и Англии.

Франция сразу же почувствовала это в связи с саарским вопросом. Стремясь закрепить присоединение Саара к Франции, французское правительство поставило вопрос о принятии «Саарского автономного государства» в Европейский совет. Однако немедленно последовали решительные возражения западногерманских деятелей, поддержанных США и Англией. От Франции потребовали согласиться на одновременное с Сааром вступление в Европейский совет и Западной Германии, с чем Франция и вынуждена была согласиться².

Несмотря на уступки со стороны Франции, во франко-западногерманских отношениях росла напряженность. В то время главной причиной конфликта служил саарский вопрос. В конце 1949 г. стало известно о подготовке Францией серии франко-саарских конвенций, призванных на длительный срок закрепить французский контроль над Саарской областью. Правительство ФРГ выступило с резким протестом против этого. 24 января 1950 г. в Бонне был опубликован меморандум, подготовленный министром по общегерманским вопросам, в котором содержалось требование включить Саар в состав Федеральной республики «в качестве новой земли»³. Только энергичная реакция Франции, в результате которой были прерваны франко-западногерманские торговые переговоры, вынудила Бонн и стоявшую за ним дипломатию США отступить. 3 марта 1950 г. Франция заключила с «правительством» Саара новые конвенции. Несмотря на громогласные протесты, ФРГ в целом согласилась с этим, рассчитывая добиться компенсации в другом, более существенном для себя вопросе. Именно тогда важнейшее место в отношениях между западными державами стала занимать проблема вооружения Западной Германии.

Без согласия правящих кругов Франции было бы затруднительно приступить к перевооружению Западной Германии, особенно если учитывать наличие советско-французского союзного договора, а также присутствие французских оккупационных войск в Западной Германии. Сомнительной была и возможность побудить другие западноевропейские страны поддержать в этих условиях ремилитаризацию Западной Германии. Напротив, было бы гораздо легче склонить их к этому, если бы Франция, у ко-

¹ См. гл. XXIII.

² «L'Année politique 1950», p. 109.

³ Ibid., p. 25.

торой были особенно серьезные основания не допускать возрождения западногерманского милитаризма, выступила за создание в ФРГ вооруженных сил.

Важным фактором, побудившим правящие круги Франции согласиться на вооружение Западной Германии, несмотря на сопротивление народных масс, были растущие трудности, которые они испытывали в колониях, и прежде всего война в Индокитае. Французское правительство добивалось американской помощи для ведения войны в Индокитае, где положение французских войск становилось все более тяжелым. В обмен на свою военную помощь США прямо требовали от Франции согласия на вооружение ФРГ¹.

Правящие круги Франции развернули пропагандистскую кампанию с целью навязать французскому народу политику перевооружения ФРГ. Эта кампания велась по трем основным линиям. Во-первых, правящие круги Франции пытались доказать, что стране якобы больше не угрожает германская агрессия, поскольку она отодвинута на второй план «советской угрозой». «Русско-американское соперничество отодвигает на задний план франко-германский антагонизм»², — заявил 4 декабря 1949 г. Франсуа-Понсэ. Во-вторых, франко-германские противоречия могут будто бы быть устранены в результате «примирения» между двумя традиционно враждебными странами. В-третьих, прочные мирные отношения между Францией и Германией будут якобы обеспечены созданием «европейского объединения», т. е. экономического и политического слияния группы стран Западной Европы, началом которого был объявлен «план Шумана». Все эти идеи усиленно пропагандировались еще до того, как был официально поставлен вопрос о вооружении ФРГ.

Впервые принципиальное согласие Франции на восстановление германского милитаризма было официально выражено в опубликованном 19 сентября 1950 г. коммюнике министров иностранных дел США, Англии и Франции. Хотя в этом документе говорилось, что «воссоздание германской национальной армии не отвечало бы высшим интересам Германии и Европы», тут же три министра высказались за участие Германии в «объединенных вооруженных силах» Западной Европы³.

Уже в октябре 1950 г. в Национальном собрании был провозглашен так называемый «план Плевена», предусматривавший создание объединенной армии ряда западноевропейских стран. В ходе довольно напряженных дебатов по этому вопросу выступило 30 ораторов. Все они либо полностью отклонили «план Плевена», либо сделали серьезные оговорки. Резолюция, одобряющая «план Плевена» при условии, что правительство

¹ J. Nantet. Soyons neutres. Lion — Paris, 1950, p. 54.

² «Le Figaro», 5. XII. 1949.

³ «L'Année politique 1950», p. 576.

не допустит образования самостоятельной немецкой армии и германского генерального штаба, была одобрена 343 голосами против 220. Против голосовали 167 коммунистов, 12 примыкающих к ним, 15 членов деголлевской партии РПФ, 6 представителей «независимых», 10 членов МРП и 10 депутатов от других партий¹.

Правительство США одобрило французские предложения, но под предлогом сложности и длительности осуществления плана «европейской армии» выдвинуло свои поправки и «временные» решения. Явно обнаружилась тенденция американской дипломатии свести дело к тому, чтобы, признавая и поддерживая на словах французский план, создать в Западной Германии обычную самостоятельную национальную армию большой численности. Представители США считали, что французские предложения сводят на нет военную эффективность вооружения Западной Германии. Но 7 декабря 1950 г. совет министров Франции на специальном заседании подтвердил свою решимость добиваться вооружения ФРГ обязательно в форме «европейской армии». Хотя разногласия о формах вооружения Западной Германии не были устранены, сессия совета НАТО в декабре 1950 г. официально закрепила окончательное решение о ремилитаризации ФРГ.

Этот факт служит важнейшим рубежом в послевоенной внешней политике Франции. Французские правящие круги окончательно отказались от самой сути Потсдамского соглашения. Они открыто нарушили франко-советский договор 1944 г. о союзе и взаимной помощи. Это роковое решение французских политиков свидетельствовало о забвении ими трагических уроков истории. Оно означало полный отказ от плодов победы над гитлеровской Германией. Правящие круги Франции предпочли принести в жертву интересы национальной безопасности во имя антикоммунистической политики, вдохновлявшейся США.

Длительные переговоры о формах и методах вооружения ФРГ завершились подписанием 27 мая 1952 г. договора о Европейском оборонительном сообществе². Анализ этого договора показывает, что участие в нем привело бы к существенному ограничению суверенитета Франции, к возрождению агрессивной армии ее традиционного врага — германского милитаризма. Договор о ЕОС вызвал во Франции серьезный политический кризис.

Наиболее энергично и последовательно против «европейской армии» боролась Французская коммунистическая партия. Коммунистическая печать развернула широкую разъяснительную кампанию вокруг планов ремилитаризации ФРГ. Депутаты-коммунисты с парламентской трибуны постоянно и решительно

¹ «L'Année politique 1950», p. 371.

² См. гл. XXIV.

разоблачали политику правящих кругов, направленную на возрождение германского милитаризма.

Против возрождения вермахта с помощью «европейской армии» выступало подавляющее большинство членов социалистической и буржуазных партий и значительное число их лидеров. Важную роль в борьбе против ЕОС играла партия генерала де Голля — РПФ. Но деголлевцы возражали не против самой идеи вооружения Западной Германии и ее участия в антисоветском блоке западных стран. Они выступали лишь против возможной военной гегемонии Западной Германии в «европейской армии» и против отказа Франции от суверенитета в военной области.

В декабре 1951 г. генерал де Голль выдвинул контрпроект к плану «европейской армии», основанный не на федеральном принципе, т. е. на полном слиянии армий шести стран под наднациональным командованием, а на принципе конфедерации, при которой эти армии составили бы лишь обычную военную коалицию и сохранили бы независимое национальное командование. «Европейское сообщество, — говорил де Голль, — должно быть конфедерацией государств, образующих общую конфедеральную власть, в которой каждый участник сохраняет свой суверенитет»¹.

Против «европейской армии» выступала политически весьма разнородная, противоречивая по своему составу оппозиция. Ее слабостью было то, что в целом она не имела общей конструктивной альтернативы ЕОС. Но значение этой оппозиции все же было огромно.

Борьба против Европейского оборонительного сообщества наложила свой отпечаток на всю политическую жизнь Франции. Все яснее вырисовывалась перспектива отклонения договора о Европейском оборонительном сообществе в Национальном собрании. В июле 1953 г. министр иностранных дел Ж. Бидо заявил правительствам США и Англии, что «его правительство не может надеяться на ратификацию договора о ЕОС, если не будет предпринята новая попытка добиться путем переговоров европейского урегулирования. Франция не может пожертвовать своим суверенитетом, ...если она не получит ясного доказательства непримиримости русских»².

На выборах нового президента республики в декабре 1953 г. решающим доводом в пользу того или иного кандидата была его позиция по вопросу о ЕОС. Активные сторонники «плана Плевена» — Ж. Бидо, И. Дельбос, Ж. Ланьель, претендовавшие на пост президента, не добились успеха. После напряженной борьбы в ходе 13 туров голосования президентом был избран представитель «независимых» Р. Коти, занимавший нейтральную позицию по вопросу о ЕОС.

В декабре 1953 г. было достигнуто согласие о созыве в Берлине совещания министров иностранных дел СССР, Франции, США и Англии. Французское правительство откровенно давало понять, что оно рассматривает Берлинское совещание лишь как средство приблизить и облегчить ратификацию договора о ЕОС и не допускает никакой возможности достичь соглашения.

¹ «L'Année politique 1951», p. 347.

² Цит. по кн.: A. Grosser. La IV-e République et sa politique extérieure. Paris, 1961, p. 294.

6 января 1954 г. премьер-министр Ж. Ланьель говорил в Национальном собрании, что «в недели, которые последуют за конференцией в Берлине, он требует от французского парламента принять окончательное решение: всякая отсрочка дебатов о ратификации ЕОС будет тогда недопустима»¹.

После Берлинского совещания движение против ЕОС во Франции усилилось еще больше. В стране назревал острейший политический кризис, вызванный проблемой «европейской армии»² и войной в Индокитае³. По каждому из этих вопросов правительство Ланьеля — Бидо занимало позицию, находившуюся в резком противоречии с настроениями широких кругов общественности. Никогда еще со времен окончания войны не был так велик разрыв между внешнеполитическим курсом правящих кругов и национальными интересами Франции.

3. Внешнеполитический кризис 1954 г.

Многочисленные правительственные кризисы во Франции начиная с 1947 г. не влекли за собой изменения внешней политики. Один из лидеров французских социалистов, М. Нежлен, в книге «Величие и одиночество Франции» писал: «За этими переменчивыми циклами и пируэтами скрывается от наших глаз и от глаз иностранцев неопровержимая преемственность как во внутренней, так и во внешней политике Франции»⁴.

Однако правительственный кризис в июне 1954 г. был определенным исключением из этого несомненного правила. Отставка крайне правого правительства Ланьеля ознаменовалась определенными изменениями во внешней политике Франции.

Новое правительство возглавил радикал П. Мендес-Франс. Он видел неизбежность поражения в Индокитае, не поддерживал договора о ЕОС, хотя и не ставил под сомнение основной принцип французской внешней политики — участие в НАТО. Уже 20—21 июля 1954 г. Франция была вынуждена подписать в Женеве соглашение о восстановлении мира в Индокитае. Это явилось крупным событием в послевоенной внешней политике Франции. Заключение мира, которое давно назрело и ожидалось народами, способствовало некоторому укреплению международных позиций страны. В этом шаге проявилось стремление к независимому внешнеполитическому курсу. Мир удалось заключить вопреки требованию США продолжать губительную для Франции войну.

Но вопрос о ратификации договора о ЕОС по-прежнему оставался сложной и тяжелой проблемой для правящих кругов

¹ «Journal Officiel», 7. I. 1954, p. 5.

² См. гл. XXIV.

³ См. гл. XXI.

⁴ М. Е. Naegelen. *Grandeur et Solitude de la France*. Paris, 1956, p. 213.

Франции. Правительство Мендес-Франса занимало в вопросе о ремилитаризации Германии по существу такую же позицию, как и его предшественники. Однако в своей программной декларации Мендес-Франс выразил сомнение в отношении методов и средств ремилитаризации Западной Германии, предусмотренных договором о ЕОС¹. Правительство Мендес-Франса выдвинуло серию поправок и дополнений к договору, призванных облегчить его ратификацию французским парламентом в случае, если бы их предварительно одобрили другие участники договора.

После отклонения этих поправок странами-участницами ЕОС откладывать дебаты о ратификации больше не имело смысла. Они открылись 20 августа, а 30 августа предложение о ратификации было отклонено 319 голосами против 246².

В заявлении Министерства иностранных дел СССР по поводу отклонения парламентом Франции Парижского договора о ЕОС говорилось: «Решение французского парламента, который в условиях грубого иностранного нажима отверг указанный договор, является глубоко патриотичным актом, продиктованным требованиями обеспечения подлинной безопасности Франции, сохранения ее национальной независимости. Эти национальные интересы Франции совпадают и не могут не совпадать с требованиями обеспечения общеевропейской безопасности. Именно поэтому указанное решение французского парламента было встречено с удовлетворением всеми теми, кто не на словах, а на деле стоит за мир и безопасность народов»³.

Провал ЕОС открывал возможность пересмотреть в соответствии с национальными интересами внешнеполитический курс Франции. Но правительство Мендес-Франса не захотело использовать эту возможность. Своими действиями оно быстро рассеяло иллюзии, которые возникли у многих французов в связи с его внешнеполитической деятельностью после заключения мира в Индокитае. Политика правительства Мендес-Франса оказалась на деле очень далекой от национального возрождения, о котором он часто говорил. Мендес-Франс лишь в какой-то степени отошел от пресловутого «иммобилизма», т. е. от наиболее консервативных, устарелых и слишком явно реакционных методов политики господствующего класса Франции. Но он ни в какой мере не отказался от ее существа: от Атлантического союза, от возрождения западногерманского милитаризма, от колониализма.

Никакого поворота во внешней политике Франции не произошло, был лишь частичный пересмотр отдельных тактических установок и моментов, который был произведен под угрозой военного разгрома в Индокитае и под давлением общественного

¹ «Journal Officiel», 18. VI. 1954, p. 2992—2994.

² См. гл. XXIV.

³ «Правда», 10 сентября 1954 г.

мнения. По существу же Мендес-Франс спасал старый внешне-политический курс, начав проводить его новыми методами.

Сразу же после отклонения договора о ЕОС французское правительство активно поддержало усилия США и Англии, направленные на поиски новых форм ремилитаризации ФРГ. 23 октября 1954 г. правительство Мендес-Франса подписало парижские соглашения о ремилитаризации ФРГ и включении ее в НАТО¹. Развернув небывалую кампанию нажима на депутатов, правительство Мендес-Франса добилось того, что в конце декабря эти соглашения были ратифицированы Национальным собранием. Это, как выяснилось вскоре, и решило судьбу правительства Мендес-Франса: в начале февраля 1955 г., после восьми месяцев пребывания у власти, правительство получило вотум недоверия и ушло в отставку. Английский публицист А. Верт писал в своей книге «Франция 1940—1955», что главной причиной падения Мендес-Франса было то, что «он принял на себя крайне непопулярную ратификацию парижских соглашений»².

Вступление в действие этих соглашений имело серьезное значение для французской внешней политики. После пяти лет нажима извне от Франции добились наконец согласия на вооружение ФРГ. Парижские соглашения создали серьезнейшую потенциальную угрозу для безопасности Франции со стороны западногерманского милитаризма.

Сторонники парижских соглашений много писали и говорили о «преимуществах», которыми якобы обладают эти соглашения по сравнению с договором о ЕОС. При этом указывали на отсутствие наднационального характера в структуре Западноевропейского союза и на участие в нем Великобритании. Но эти весьма сомнительные сами по себе «преимущества» не могли идти ни в какое сравнение с губительными последствиями парижских соглашений.

Деголлевец Ж. Блок-Моранж (деголлевец, как известно, в основном поддерживали парижские соглашения, в отличие от ЕОС, провалу которого они способствовали) писал в своей книге «Политиканы»: «Парижские соглашения сохранили независимое существование французской армии, и именно в этом состояла победа, которую, по нашему мнению, мы одержали. Однако они облегчили усиленное вооружение Германии и, если теоретически они предусматривали присоединение Великобритании к Западноевропейскому союзу, то, зная старый обычай тори, можно было не сомневаться, что они выйдут из союза прежде, чем реально вступят в него»³.

Ратификация Францией парижских соглашений повлекла за собой ослабление ее международных позиций. Еще в период подготовки парижских соглашений правительство СССР предупредило французское правительство, что его согласие на вооружение Западной Германии перечеркнет франко-советский договор 1944 г. о союзе и взаимной помощи. Когда парижские

¹ См. гл. XXV.

² А. Верт. Франция 1940—1955. М., 1959, стр. 587.

³ J. Bloch-Morhange. Les Politiciens. Paris, 1961, p. 251.

соглашения были ратифицированы Францией, Советский Союз был вынужден предпринять соответствующие шаги. 7 мая 1955 г. Верховный Совет СССР денонсировал франко-советский договор о союзе и взаимной помощи¹.

4. Французская колониальная политика

Неразрывной составной частью внешнеполитического курса Франции являлась ее колониальная политика. Колониальные проблемы заняли в эти годы особенно большое место, поскольку французскому империализму, еще обладавшему огромной колониальной империей, пришлось столкнуться с небывало мощным подъемом национально-освободительного движения. Одной из важнейших целей французских правящих кругов становится борьба против этого движения, сохранение своего господства в многочисленных странах Французского Союза.

Сразу же после второй мировой войны обнаружилась слабость экономических позиций Франции в колониях. Ведь в довоенный период только 10% экспорта капитала направлялось в колонии, а 90% — в другие страны. После войны положение изменилось. В 1955 г. уже 60% иностранных вложений французского капитала направлялось в колонии². Однако к этому времени распад французской колониальной империи зашел уже настолько далеко, что маневры французского колониализма не могли предотвратить или замедлить его.

Основным средством сохранения французских позиций в колониях по-прежнему оставалось прямое военно-политическое господство. В книге группы авторов-католиков «Призыв к проблемам заморских стран» отмечалось: «Французская колониальная политика всегда имела тенденцию к прямому административному управлению колониальными территориями властями метрополии»³. До середины 50-х годов французский империализм стремился любой ценой сохранить прямой политический контроль, не имея иных надежных средств удержать колониальные страны в зависимости от себя. В этом отношении французская колониальная политика отличалась от британской политики.

После окончания второй мировой войны вплоть до марта 1962 г. Франция непрерывно вела колониальные войны. Но эта основная для французского колониализма форма борьбы против национально-освободительного движения оказалась неэффективной. Она не только не могла помешать процессу распада колониальной системы Франции, но, наоборот, еще более ускорила его.

¹ «Правда», 8 мая 1955 г.

² H. Claude. Les monopoles contre la nation. Paris, 1956, p. 257.

³ G. Blardone. Initiation aux problemes d'Outre-mer. Lyon, 1959, p. 107.

Борьба народов колоний за свободу приобрела более острый, непримиримый характер. Даже профранцузски настроенные круги местной буржуазии колониальных стран не могли уже больше идти на открытое сотрудничество с империалистами. Войны показывали народам подлинное лицо колонизаторов, разоблачая демагогические заявления о «цивилизаторской миссии» Франции. Народы угнетаемых стран быстро усваивали опыт тех, кто уже добился успехов в борьбе против французского колониализма.

Это, в частности, особенно ярко видно на примере войны в Индокитае¹. Поражение французского империализма в войне против вьетнамского народа показало всем другим колониальным народам, каким путем можно завоевать свободу. Эти события обнажили слабость французского империализма, который, несмотря на огромную помощь США, не смог одержать победу над небольшим, но мужественным народом. Один из крупнейших французских специалистов по международным отношениям, придерживавшийся всегда официозного направления, профессор Дюрозель, писал по поводу Женевского соглашения 1954 г. о прекращении войны в Индокитае: «Соглашение освободило Францию от огромных военных и финансовых тягот. Но оно означало конец ее преобладающего влияния в зоне, где она господствовала более 70 лет. Оно означало также ее упадок как колониальной державы и могло только поощрить центробежные движения, которые уже действовали в Северной Африке»².

В 1950—1955 гг. Франция столкнулась с большими трудностями во французских протекторатах — Тунисе и Марокко. Близорукая, крайне консервативная политика французских властей в этом районе принесла свои плоды. Окончательно разоблачила себя политика «реформ» в Тунисе. В августе 1950 г. французские власти пообещали предоставить Тунису «внутреннюю автономию». Но опубликованные в феврале 1951 г. декреты о «реформах» по-прежнему сохраняли всю власть в руках французов, предоставив тунисцам лишь фиктивные уступки. Впрочем, и эти «реформы» натолкнулись на яростное сопротивление ультраколонизаторских организаций, созданных верхушкой европейского населения Туниса.

15 декабря 1951 г. французское правительство категорически отвергло тунисские требования о создании тунисских представительных органов и правительства, которое состояло бы только из тунисцев. Вместо обещанной ранее «внутренней автономии» была провозглашена политика «совместного суверенитета», т. е. сохранения неограниченного французского господства. Такая позиция вызвала взрыв возмущения в Тунисе. Ведущая националистическая партия «Новый Дустур» объявила о разрыве сотрудничества с французскими

¹ См. гл. XXI.

² J.-B. Duroselle, *Histoire diplomatique de 1919 à nos jours*. Paris, 1957, p. 675.

властями и призвала развернуть вооруженную борьбу против французского колониализма.

Парижские правители, отбросив всякие разговоры о реформах, начали кампанию беспощадных репрессий против национально-освободительного движения. На пост генерального резидента в Тунисе назначается деголлевцев де Отклок, тесно связанный с крайне шовинистическими и авантюристическими кругами колонизаторов — «ультра». В начале 1952 г. репрессии и террор резко усилились, было арестовано свыше 20 тыс. человек. В марте 1952 г. были арестованы премьер-министр Шеник и ряд членов его правительства. Формируется правительство во главе с французской марионеткой Бакушем.

Проблема Туниса приобрела международный характер. Она стала предметом обсуждения в Совете Безопасности и на Генеральной Ассамблее ООН. Французские колонизаторы вынуждены были снова заговорить о «реформах». Но обстановка в Тунисе становилась все напряженнее. В сентябре 1953 г. вместо де Отклока генеральным резидентом назначается П. Вуазар, которому было поручено вернуться к более гибким методам. Но и объявленные им 4 марта 1954 г. «реформы» не дали ничего нового. Они носили совершенно фиктивный характер. Национально-освободительное движение продолжало усиливаться. 17 августа 1954 г. генерал Блан после инспекционной поездки в Тунис писал в докладе правительству: «В настоящее время в Тунисе создано такое же положение, в каком Индокитай находился в 1945—1946 гг.»¹ Генеральный резидент П. Вуазар заявил еще категоричнее: «Тунис находится в состоянии войны»².

В этих условиях Мендес-Франс был вынужден заявить о необходимости выполнения прежних обещаний, которые были даны народу Туниса. В июле 1954 г. начались неофициальные переговоры с представителями Туниса, в частности с лидером партии «Новый Дустур» Х. Бургибой. В основу переговоров была положена программа внутренней автономии, выдвинутая партией «Новый Дустур» в 1950 г. В конце июля была достигнута принципиальная договоренность.

31 июля 1954 г. Мендес-Франс лично прибыл в Тунис. Он явился к тунисскому бею в Карфагенский дворец и заявил: «Французское правительство без всякой задней мысли признает и провозглашает внутреннюю автономию тунисского государства. Французское правительство намерено подтвердить это в принципе и сделать возможным ее успешное осуществление... Мы готовы передать тунисским деятелям и учреждениям право осуществления внутреннего суверенитета»³.

Хотя тунисский народ стремился идти гораздо дальше «внутренней автономии», к полной национальной независимости, все же это был, несомненно, шаг вперед по сравнению с режимом полного колониального господства, прикрываемого идеей «совместного суверенитета». Он свидетельствовал о частичном удовлетворении некоторых национальных требований населения Туниса. Но это был лишь временный компромисс.

План реформ в Тунисе, выдвинутый Мендес-Франсом, отражал настроения определенной части французской буржуазии, готовой пойти на некоторые уступки национально-освободительному движению, лишь бы сохранить там свои привилегии и ослабить силу этого движения. В целом же политика Мендес-Франса оставалась колонизаторской. В Марокко и Алжире, где положение было столь же напряженным, не было сделано никаких реалистических шагов.

¹ J. Chevallier. *Nous, Algériens...* Paris, 1958, p. 120.

² См. Э. Пара. Северная Африка на пути к независимости, стр. 148.

³ P. Mendès-France. *Sept mois et dix-sept jours.* Paris, 1955, p. 320.

В Марокко развернулось массовое движение за отмену режима протектората и за независимость. Во главе движения выступали буржуазно-националистическая партия «Истикляль». Активную борьбу вели коммунисты. Султан Марокко Мухаммед V также требовал независимости. В начале 1951 г. французский генеральный резидент маршал Жюэн, видный представитель североафриканских «ультра», начал невиданно кровавые репрессии против освободительного движения, арестовав 30 тыс. человек. Сменивший Жюэна в августе 1951 г. близкий к нему генерал Гийом продолжал репрессии. Правда, и в Марокко проводились фиктивные «реформы». Но они лишь разоблачали колонизаторов и еще больше усиливали решимость народа Марокко продолжать борьбу.

Недооценив роль и силу массового движения, колонизаторы в августе 1953 г. свергли и отправили в ссылку султана Мухаммеда, а на его место посадили одного из местных крупных феодалов, заинтересованных в сохранении французского господства. Свержение султана не только не ослабило национально-освободительного движения, а, наоборот, резко усилило его. В 1954—1955 гг. в Марокко все шире разворачивается вооруженная борьба патриотов против колонизаторов.

Положение в Марокко крайне обострилось к середине 1955 г. Кровавые события в августе 1955 г. в городах Марокко окончательно открыли глаза парижским правителям на безнадежность попыток Франции удержаться в этом районе с помощью прежних методов. В этих условиях было принято решение о проведении переговоров с представителями Марокко.

Но наиболее опасное положение для французского империализма создавалось в Алжире. Здесь колонизаторы особенно упорствовали в проведении своей консервативной политики. Если Марокко и Тунис были протекторатами и имели признанные Францией формально-юридические основания для участия в управлении своими внутренними делами, то Алжир считался собственно французской территорией. Колонизаторы не допускали здесь проведения даже тех фиктивных реформ, к которым они прибегали в Марокко и Тунисе. Это и вызвало в Алжире взрыв особой силы¹. В ночь на 1 ноября 1954 г. в Константине, Кабилии, Ороне и в других районах Алжира начались вооруженные выступления патриотов. Военные действия против колонизаторов с каждым днем становились все более активными и широкими.

12 ноября 1954 г. вопрос об Алжире обсуждался в Национальном собрании Франции. Премьер-министр Мендес-Франс заявил, что ответом на «преступные замыслы мятежников» будут «беспощадные репрессии». Он говорил: «Алжирские департаменты составляют часть республики, они уже давно французские. Их население пользуется правами французского гражданства и представлено в парламенте. Оно дало достаточно доказательств своей привязанности к Франции, и Франция не может позволить поставить под угрозу ее единство... Никогда Франция, никогда парламент, никогда правительство не уступят в том, что является основным принципом»².

¹ См. гл. VIII.

² «Journal Officiel», 13. XI. 1954, p. 3796.

Необходимо отметить важнейший фактор, определивший особую реакционность французской политики в этом районе. В Северной Африке, расположенной близко от метрополии, процесс колонизации выражался наряду с военным завоеванием в заселении этих стран значительным числом французских колонистов. Их общая численность приближалась к 2 млн. человек. В Алжире европейское меньшинство насчитывало более 1 млн. человек. Кучка наиболее богатых поселенцев сумела заразить значительные слои европейского меньшинства шовинистической идеологией лютой ненависти к ограбленному ими коренному населению североафриканских стран. Страх европейского меньшинства за свои привилегии и выгоды, его расистская идеология определили особую реакционность французской политики в Северной Африке. Обосновавшиеся здесь крупные земельные собственники, промышленники, финансисты имели обширные связи в метрополии: в буржуазных партиях, в парламенте, в армии, в прессе. Используя эти связи, они в решающей степени определяли французскую колониальную политику.

Только представители Французской коммунистической партии указывали на губительность политики колонизаторов в Алжире. Уже тогда они требовали проведения переговоров с представителями алжирского народа, т. е. предлагали тот самый путь, на который французские власти вынуждены были вступить в 1962 г. Но вопреки этим предостережениям Четвертая республика стала на роковой путь войны.

Французский империализм столкнулся с мощным подъемом национально-освободительного движения и получил сокрушительный удар, после которого он уже не смог восстановить своих прежних позиций.

Политика Франции в Северной Африке отличалась исключительной слепотой, консерватизмом и жестокостью. Неудивительно, что она терпела провал за провалом.

Борьба народов Туниса, Марокко, Алжира наносила сильнейший удар французскому империализму и всему империалистическому лагерю.

С 1950 г. на каждой сессии Генеральной Ассамблеи ООН ставились вопросы о положении в странах Северной Африки. Представители социалистических государств, стран Азии и Африки решительно разоблачали колонизаторскую политику Франции и других западных держав. В самом империалистическом лагере возникали серьезные трения из-за французской политики.

Вот как американский политический ежегодник оценивал роль алжирской проблемы для западного блока: «Из всех политических конфликтов и столкновений интересов, которые разделяли некоммунистический мир, ни один не нанес больше вреда материальному и моральному положению Запада, чем гражданская война, которая началась во французских департаментах Алжира 1 ноября 1954 г.»¹

Североафриканские дела особенно отражались на франко-американских отношениях. США, пытаясь нажить политический капитал на своем мнимом антиколониализме, нередко с демагогической целью осуждали действия французских колонизаторов. В то же время, Соединенные Штаты делали все для вытеснения Франции из ее колоний.

¹ «The United States in World Affairs. 1958», N. Y., 1959, p. 240.

5. Ослабление международной напряженности и позиция Франции

С 1953 г. благодаря активным миролюбивым действиям Советского Союза, поддерживаемого всеми прогрессивными силами, начинается процесс ослабления международной напряженности. Важнейшими показателями его были: прекращение войны в Корее, установление мира в Индокитае, заключение Государственного договора с Австрией и ряд других событий.

Французские правящие круги, которым приходилось считаться с возраставшим в самой Франции движением за упрочение мира и с изменениями на международной арене, на словах выступали за смягчение международной напряженности. Однако их выступления за разрешение спорных международных проблем являлись временным маневром. Вскоре после подписания Женевских соглашений о прекращении войны в Индокитае правительство Мендес-Франса стало на путь их нарушения. Уже 8 сентября 1954 г. вопреки Женевским соглашениям, не допускающим участия стран Индокитая в военных блоках, Франция примкнула к договору о СЕАТО, в котором прямо говорилось о возможности распространения его действия на страны этого полуострова.

Показательна и позиция Франции на Женевском совещании глав правительств в июле 1955 г.¹ Переговоры в Женеве имели для Франции особое значение. Она впервые участвовала в совещании на высшем уровне, ибо ее представители, как известно, не присутствовали в Тегеране, Ялте и Потсдаме.

Позиция французского премьер-министра на этом совещании по германскому вопросу и по вопросу о европейской безопасности, занявшим главное место на переговорах, не только не способствовала их успешному решению, но и находилась в резком противоречии с национальными интересами Франции. Она решительно расходилась с мнением французской общественности, горячо желавшей разрешения проблемы безопасности в Европе и германского вопроса таким путем, чтобы Франция навсегда была гарантирована от угрозы со стороны германского милитаризма.

Оценивая в целом роль Франции на совещании глав правительств в Женеве, следует признать, что она не проводила действительно самостоятельной линии и не использовала больших возможностей в деле укрепления ее международного положения.

Министр иностранных дел А. Пинэ заявил 25 июля корреспонденту Франс Пресс по поводу итогов совещания на высшем уровне и дальнейших международных перспектив: «Конечно, ничто не урегулировано, но представители четырех великих держав пришли к согласию относительно важных целей, а дух при-

¹ См. гл. XXIX.

мирения, который определил это согласие, создает благоприятную атмосферу для совещания четырех министров иностранных дел»¹.

Однако политика Франции в период между совещанием глав правительств и совещанием министров иностранных дел не способствовала поддержанию такой благоприятной атмосферы. В это время французские правящие круги предприняли шаги, направленные на подрыв авторитета ООН, которая могла быть одним из орудий в борьбе за разрядку международной напряженности. В последние дни сентября 1955 г. Генеральная Ассамблея обсуждала алжирскую проблему. По адресу французского правительства были высказаны справедливые порицания в связи с его политикой войны в Алжире. В ответ на это французская делегация покинула заседание сессии. Во Франции развернулась пропагандистская кампания против ООН. В связи с тем что Советский Союз вместе с большинством членов ООН голосовал за включение алжирского вопроса в повестку дня сессии Генеральной Ассамблеи, правые французские газеты обвиняли его в подрыве «духа Женевы». Французское правительство объявило, что намеченная на начало октября поездка в Москву Э. Форы и А. Пинэ отменяется. Все эти действия французских правящих кругов осложняли обстановку перед предстоящим совещанием министров иностранных дел четырех держав.

На совещании министров иностранных дел в Женеве 27 октября — 16 ноября 1955 г. Франция под давлением США отказалась от ранее внесенных ею предложений, в частности по вопросу о разоружении.

Внешняя политика правительства Форы привела к обострению внутривластного положения в стране. Широчайшие общественные круги выступали за отказ Франции от участия в «холодной войне», за пересмотр внешней политики, за политику мира и безопасности. Правительство Форы не хотело учитывать реальную обстановку внутри страны и на международной арене. Его волновала лишь невозможность проведения старой политики в условиях, когда правительственное большинство в парламенте распадалось на глазах. 29 ноября 1955 г. в Национальном собрании развернулись дебаты по вопросу о том, какая избирательная система будет применена на выборах. В ходе этих дебатов 318 голосами против 218 правительству Форы было выражено недоверие. 2 декабря парламент был распущен и на 2 января 1956 г. назначены новые выборы.

Падение кабинета Форы и досрочные выборы явились показателем дальнейшего обострения политического положения во Франции. В центре предвыборной борьбы оказались вопросы внешней политики, о чем свидетельствовала расстановка политических сил. На предыдущих выборах 1952 г. все политические партии, кроме коммунистической, — от социалистов до независимых —

¹ «Правда», 27 июля 1955 г.

выступали с единой внешнеполитической программой по основным вопросам. Сейчас положение резко изменилось. Буржуазные политические партии раскололись на две группы: республиканский фронт и правительственный блок.

В состав правительственного блока входили правые радикалы во главе с Формом, МРП, независимые и другие более мелкие правые группировки. Все они выступали за сохранение прежнего внешнеполитического курса. В республиканский фронт входили социалисты, большинство радикалов, большая часть социальных республиканцев, ЮДСР, «Демократическое объединение Африки» (РДА) и другие незначительные группы. Лидеры партий республиканского фронта выступили с резкой критикой внешней политики правительства Фора. Они высказались за прекращение войны в Алжире и за мирное решение всех колониальных проблем, за большую самостоятельность в рамках НАТО и в отношении разоружения, за смягчение международной напряженности, за улучшение франко-советских отношений. Правда, у партий республиканского фронта не было четко разработанной программы. Но все указанные требования в той или иной форме высказывались лидерами фронта.

Французская коммунистическая партия выдвигала на выборах требование коренного изменения внешней политики страны, проведения политики мира, национальной независимости и разрядки международной напряженности.

Результаты выборов наглядно показали, какой внешней политики ждет страна. Больше всего голосов и депутатских мандатов получила коммунистическая партия — 5,62 млн. голосов и 150 мандатов. Партии республиканского фронта собрали 6,15 млн. голосов. Партии правительственного блока потеряли много голосов и около 90 мандатов. Приговор избирателей был совершенно ясен: в своем большинстве они требовали проведения новой внешней политики.

Итоги выборов во Франции вызвали серьезную тревогу в США. Американский журнал «Ньюсуик» писал вскоре после выборов: «Можно ли полагаться на Францию как на надежного партнера в НАТО? Сомнения в этом вопросе растут. Поскольку нет реальной возможности оборонять Западную Европу без помощи французской территории, США направили основную массу помощи оружием французской армии, а также построили обширную сеть нефтепроводов, воздушных баз, складов боеприпасов и т. п. на коммуникациях, соединяющих побережье Атлантики с берегами Рейна. Однако ввиду того, что сделки во французском Национальном собрании могут в любой день изменить курс французской внешней политики, Пентагон, несомненно, будет искать новых путей снабжения американской армии в Германии. Он, вероятно, поставит под сомнение также ценность французской армии как боеспособного союзника в борьбе против Советского Союза»¹.

Внешняя политика Франции в период 1950—1955 гг. носила весьма сложный и противоречивый характер. Французские правящие круги в это время предприняли ряд шагов, которые

¹ «Newsweek», 16. I. 1956.

подрывали внешнеполитические позиции страны и вели к усилению международной напряженности и угрозы войны. Франция активно включилась в гонку вооружений, она уже в конце 1950 г. согласилась в принципе на возрождение германского милитаризма. В 1954 г. правительство Ланьеля — Бидо вместе с агрессивными кругами США своей политикой в Индокитае поставило мир на грань войны.

Вместе с тем в этот же период произошли события, которые показали, что широкие слои французского народа решительно отвергают агрессивный «атлантический курс». Это в определенной мере сказалось на внешней политике страны. В 1951—1954 гг. французские правящие круги вынуждены были выступать за сокращение ранее принятых ими на себя обязательств по вооружению. В 1954 г. был заключен мир в Индокитае и Национальное собрание Франции отклонило договор о ЕОС. Эти события явились показателем острейшего кризиса внутренней и внешней политики правящих кругов страны. Определенное укрепление международных позиций Франции, вызванное последствиями этих событий, было, однако, сведено на нет дальнейшей политикой правительства Мендес-Франса, заключившего парижские соглашения. Внешняя политика Франции в конечном итоге не изменилась. Это продолжало вызывать растущее недовольство широких кругов французской общественности.

В течение всего этого периода на борьбу народных масс за изменение внешней политики Франции огромное воздействие оказывала патриотическая и интернационалистическая деятельность Французской коммунистической партии. Это с особой силой проявилось в таких событиях, как прекращение войны в Индокитае и отклонение договора о Европейском оборонительном сообществе. Генеральный секретарь ЦК ФКП Морис Торез писал в феврале 1956 г.: «Современная история такой страны, как Франция, начиная от Парижской коммуны и до мюнхенской капитуляции, от периода движения Сопротивления гитлеровским захватчикам и до борьбы против «плана Маршалла», Атлантического пакта, американского вмешательства, является убедительным доказательством того, что так называемые «избранные» правящие круги предали национальные интересы. В то же время пролетариат все более решительно проявляет свою волю защитить Францию и ее историческое место, проявляет свою способность отстаивать национальные интересы»¹.

Результаты парламентских выборов 2 января 1956 г. ясно показали, что большинство французских избирателей не поддерживало внешнюю политику правящих кругов. Выборы как бы подвели итог политике Франции в рассматриваемый период.

¹ «Правда», 14 февраля 1956 г.

Они с небывалой силой подчеркнули необходимость пересмотра внешнеполитического курса, перехода к политике мира, разрядки международной напряженности и обеспечения безопасности Франции.

Г Л А В А XV

ИТАЛИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 50-х ГОДОВ

Роль Италии в международных отношениях рассматриваемого периода была обусловлена отказом ее правящих кругов использовать создавшуюся после подписания мирного договора 1947 г. реальную возможность проведения политики нейтралитета и включением страны в систему агрессивных блоков под эгидой американского империализма.

Первая половина 50-х годов, когда Италия завершила свой переход к «атлантическому» курсу, был отмечен нарастанием глубоких экономических и политических противоречий внутри страны, которые так или иначе отражались на характере и практических акциях итальянской внешней политики.

К этому времени финансовая олигархия в Италии с помощью американского монополистического капитала реставрировала и укрепила свои экономические позиции, государственную власть. «План Маршалла», по которому Италия получила с 1948 по 1952 г. 1470 млн. долл., а также другие формы «помощи» гальванизировали итальянские монополии экономически и политически. Американские кредиты, полученные крупнейшими монополиями, помогли им обновить основной капитал предприятий, добиться определенного прогресса в области техники производства. Уже в 1951 г. в стране был достигнут высокий уровень концентрации производства и капитала в промышленности. В эти годы 31% всего числа лиц, занятых в итальянской промышленности, работали на 0,3% всех промышленных предприятий страны.

В начале 50-х годов в Италии получили широкое развитие различные формы государственно-монополистического капитализма. Под контролем государственных предприятий находилось 40% национальной выработки электроэнергии, 100% добычи угля и 75% железной руды, 51% выплавки стали и подавляющая часть кредитно-банковской системы¹.

Эти годы ознакомились сравнительно быстрым ростом промышленного производства в Италии при сохранении, однако, глубоких диспропорций в развитии между отдельными отраслями и различными географическими районами страны, особенно между быстро развивавшимся промышленным Севером и

¹ «24 ore», 23. I. 1958.

продолжавшим отставать Югом. Хотя с 1950 по 1955 г. промышленная продукция в Италии возросла более чем на 50%, в стране сохранялся высокий уровень безработицы (около 2 млн. человек), продолжался хронический кризис аграрных отношений. Доход на душу населения в Италии в этот период, даже по официальным данным, был значительно ниже, чем во Франции.

После удаления из правительства коммунистов и социалистов правительство приняло ряд мер, благоприятствующих внедрению в Италию иностранного капитала. Общая сумма иностранных частных капиталов, вложенных в итальянскую экономику с 1948 по 1956 г., составила 292 млн. долл. Особый интерес американских монополий вызвали открытые в 1952—1953 гг. залежи нефти и газа в Италии. Вместе с тем было бы неправильно считать послевоенную Италию только объектом приложения иностранных капиталов. Уже в эти годы международные финансовые связи итальянских монополий, экспорт итальянского капитала начали довольно быстро расти.

Это обеспечило в последующий период сравнительно быстрые темпы роста экономической мощи итальянского монополистического капитала, которая стала основой империалистических устремлений в его внешней политике. Уже в начале 50-х годов итальянский империализм начал все более активно выступать на европейской арене.

Упрочение позиций монополистической верхушки в 1950—1955 гг. не привело к политической устойчивости режима. Итальянское рабочее и демократическое движение не только не было сломлено реакционным режимом, а, наоборот, под руководством коммунистической партии выросло и окрепло. Страна переживала подъем демократического движения, который после длительной и упорной классовой борьбы уже в 1953 г. ознаменовался потерей христианско-демократической партией абсолютного большинства в парламенте. Исключительно влиятельная в стране коммунистическая партия насчитывала 2 млн. человек. По основным вопросам внутренней и внешней политики ее поддерживала социалистическая партия. В стране действовали мощные профсоюзные и массовые общественные организации, с которыми не могли не считаться в своей политике правящие круги Италии.

Все это определило разрыв между намерениями правящих кругов и их реальными возможностями осуществлять эти намерения во внутренней и внешней политике.

«Атлантический» внешнеполитический курс правящих кругов Италии был вызван прежде всего паническим страхом крупной буржуазии перед растущей силой рабочего и демократического движения внутри страны и в других западноевропейских странах, перед консолидацией мировой социалистической системы. Вступая в антикоммунистическую фалангу Североатлантического блока, монополисты и крупные аграрии хотели

получить гарантии всего империалистического лагеря на случай еще большего обострения классовой борьбы в стране.

Кроме того, приняв участие в Североатлантическом блоке и примыкавших к нему организациях, правящие круги Италии рассчитывали также использовать их для дальнейшего укрепления своей империалистической мощи, занять видное место в «атлантическом» и «европейском» концертах империалистических держав, пробить новые пути на внешние, особенно ближневосточные и африканские, рынки.

Внешнеполитический курс итальянских правящих кругов явился порождением антикоммунизма как во внутренней, так и во внешней сфере, он вытекал из их империалистических интересов. В свою очередь, «атлантизм» в последующие годы был использован в качестве пропагандистской оболочки политики антикоммунизма, проводившейся крупной итальянской буржуазией внутри страны и за ее пределами, и участия Италии в острой межимпериалистической борьбе за рынки сбыта и сферы влияния.

Основными направлениями внешней политики итальянского империализма в этот период становятся «атлантический» курс, активное участие в европейской «интеграции».

1. «Атлантический» курс итальянских правящих кругов

С начала 50-х годов «атлантический» курс превратился в главный стержень всей внешней политики итальянских правящих кругов.

Правящая верхушка во главе с лидерами христианско-демократической партии, управлявшая страной в интересах монополистической буржуазии, отнюдь не была безвольной жертвой экономического и политического давления крупных империалистических держав. Каким бы ни был внешний нажим на Италию, поворот в сторону агрессивной политики, совершенный правящей группировкой сразу же после подписания мирного договора, был вполне сознательным и продуманным шагом. Сделав свою внешнюю политику одним из важнейших орудий борьбы с нараставшим революционным движением итальянского народа, политические руководители крупной буржуазии активно включились в ряды волонтеров «холодной войны».

Вовлечение Италии в НАТО вслед за установлением внутри страны политической монополии партии христианских демократов не только не ослабило, но, наоборот, привело к обострению политических противоречий в стране. Уже через несколько месяцев после ратификации Североатлантического договора правительственным большинством итальянского парламента в стране было собрано 17 млн. подписей под Стокгольмским воззванием.

Даже внутри христианско-демократической партии группировка Де Гаспери не смогла найти полную поддержку своему «атлантическому» курсу. Венецианский съезд ХДП в июне 1949 г. свидетельствовал о глухом брожении партийных низов, вызванном отказом правительства Де Гаспери от возможностей, которые могла бы создать для Италии политика нейтралитета, и вовлечением страны в агрессивный блок. Хотя этот съезд и закрепил формальную победу «атлантической» фракции ХДП над группой Гронки, выступавшей в свое время за внешнюю политику, основанную на принципе «равновесия», Де Гаспери не смог все же полностью преодолеть влияния в партии нейтралистских тенденций. Его «победе» активно способствовал Ватикан, который в послании папы Пия XII 12 февраля 1949 г. полностью одобрил Североатлантический пакт.

Включение Италии в Североатлантический блок сопровождалось широким и всеобъемлющим процессом подчинения ее внешней и внутренней политики, а также военной стратегии курсу, который с самого начала был навязан НАТО американским империализмом. Это, в частности, послужило исходной точкой ремилитаризации страны, использования ее территории для размещения военного механизма НАТО.

На первой стадии создания НАТО значение Италии представлялось политикам и стратегам США особенно важным. В политическом плане Италия рассматривалась западными державами как «слабое звено» в связи с подъемом в стране рабочего и демократического движения и большим влиянием коммунистической партии. Участие Италии в Североатлантическом блоке должно было, как рассчитывали в США, «сдерживать» нарастание классовой борьбы в стране, обеспечивать политическую надежность южного фланга НАТО в Европе. В военном отношении значение Италии определялось не только ключевыми стратегическими позициями итальянского плацдарма и создаваемых там баз, но и тем, что итальянские военные контингенты были в ту пору крайне необходимы для создания «щита» НАТО. ФРГ тогда еще не участвовала в агрессивном блоке, а французская армия увязла в колониальной войне в Индокитае. Кроме того, открытие нефтяных запасов на итальянской территории уменьшало необходимость в транспортировке ближневосточной нефти для нужд войск НАТО.

Согласно мирному договору 1947 г. численность итальянской армии была формально сокращена до 250 тыс. человек, а ее флота и авиации — до 25 тыс. человек (в каждом из этих родов вооруженных сил). В первые послевоенные годы Италия не содержала даже таких сравнительно немногочисленных военных контингентов. Ее вооружение крайне устарело и находилось в плохом состоянии. Однако по «атлантическим» обязательствам страна должна была уже к 1952 г. создать 12 дивизий, оснащенных современным вооружением. Этим объясняется, что США и командование НАТО уделяли особое внимание ремилитаризации страны. Осуществление «программы военной помощи» дало США возможность в короткий срок добиться перевооружения итальянской армии, реконструирования и перевооружения военно-морских и военно-воздушных баз в стране. К концу 1952 г. итальянская армия, оснащенная современным вооружением, насчитывала уже 185 тыс. человек (не считая 80 тыс. carabinieri). В эти годы «атлантическая» Италия располагала шестью пехотными, тремя альпийскими и тремя бронетанковыми дивизиями. Значительно выросли ее военно-морской и военно-воздушный флот. В планах военного строительства НАТО итальянская территория стала занимать важное место. В Неаполе была размещена штаб-квартира южноевропей-

ского командования НАТО, причем командующим был назначен итальянский генерал. В Ливорно, Неаполе и областях Апулия и Венето были созданы американские военные базы.

С 1952 г. американские военные заказы для НАТО размещались в итальянской промышленности, причем определенная часть всего производимого по этим заказам должна была использоваться вооруженными силами Италии. Кроме того, Италия получила вооружение по «программе обеспечения взаимной безопасности». Необходимость дальнейшего перевооружения в интересах НАТО привела к значительному увеличению бюджетного дефицита страны. Как подтвердил министр казначейства Кампили, государство передало итальянской промышленности лишь за два финансовых года военных заказов на сумму 450 млрд. лир. С 1947 по 1953 г. прямые военные расходы Италии возросли в 3,5 раза. В 1952/53 бюджетном году военные расходы Италии достигли 618 млрд. лир, или 23% всех государственных расходов. Всего же прямые военные расходы итальянского правительства за 1949—1956 гг. составили 37 707 млрд. лир.

В рассматриваемый период итальянское правительство считало одной из важнейших целей своей внешней политики пересмотр мирного договора 1947 г. Уже само по себе вступление Италии в НАТО явно противоречило основным положениям этого документа. Все более укреплявшийся с годами итальянский империализм начал разрывать сдерживавшую его оболочку мирного договора. Правящие круги Италии решили использовать несомненную заинтересованность НАТО в итальянском плацдарме для широкой ревизии в своих интересах послевоенного урегулирования.

В начале 1951 г. министр иностранных дел Италии граф К. Сфорца открыл кампанию за пересмотр мирного договора, добиваясь официального признания того, что договор этот якобы «устарел в моральном плане». В письме министру иностранных дел Франции Р. Шуману от 13 апреля 1951 г. Сфорца призывал к «формальному и существенному изменению» международной позиции Италии путем «нормального погашения мирного договора». Это должно было коснуться территориальных, колониальных и военных статей договора¹. В июле 1951 г. итальянский представитель в Вашингтоне обратился к правительству США с официальной просьбой о поддержке в этом деле.

После оттавской сессии совета НАТО и вашингтонских переговоров президента США Трумэна и государственного секретаря Ачесона с Де Гаспери, который летом 1951 г. стал и министром иностранных дел, 26 сентября 1951 г. была принята совместная декларация США, Великобритании и Франции, выражавшая готовность рассмотреть вопрос о ликвидации ограничений для Италии по мирному договору. Именно в этой декларации три западные державы — участницы НАТО пообещали Италии попытаться обеспечить ее прием в ООН².

Советское правительство выступило против попытки ревизии мирного договора, подчеркнув в своих нотах, посланных

¹ «The New York Times», 14. IV. 1951.

² «Documents on American Foreign Relations, 1951». N. Y., 1951, p. 558—560; *Adstans*. Alcide De Gasperi nella politica estera italiana. Milano. 1953, p. 177—178, 186—187.

правительствам западных держав 11 октября 1951 г., что в основе такой попытки лежит стремление использовать Италию в интересах агрессивного Североатлантического блока. Советский Союз соглашался обсудить вопрос о пересмотре мирного договора в том случае, если Италия выйдет из НАТО¹.

Ободряемое поддержкой «атлантических» союзников, правительство Де Гаспери выдвинуло 8 декабря 1951 г. конкретные предложения о пересмотре договора². Правительство США тотчас же согласилось с этими предложениями, и в частности с тем, что Италия освобождается от ее обязательств перед Соединенными Штатами по военным условиям мирного договора, которые «более не соответствуют международной позиции Италии». Домогательства правящих кругов Италии под давлением США поддержали и некоторые другие страны, подписавшие мирный договор с Италией. Однако без Советского Союза и вопреки его воле пересмотреть мирный договор, чтобы открыть путь беспрепятственной ремилитаризации Италии, было невозможно.

В начале сессии Генеральной Ассамблеи осенью 1951 г. США предприняли дипломатическое наступление с целью добиться международной легализации преданного Вашингтону режима в Италии, приняв ее немедленно в ООН. США поддержал в своем выступлении и представитель Великобритании Иден. Однако попытка западных держав добиться на Генеральной Ассамблее приема Италии в ООН и в то же время не допустить приема стран народной демократии провалилась.

Первое пятилетие «атлантизма» во внешней политике Италии еще более обострило резкие противоречия между правящей группировкой и народными массами, между отдельными группами буржуазии. Борьба итальянского народа против «обязательств» в отношении Североатлантического блока, начавшаяся еще в период между вступлением в силу этого пакта и спровоцированной США агрессией в Корее, особенно усилилась во время корейской войны.

События в Корее привели к известному размежеванию даже в правящих кругах Италии. Под давлением Вашингтона Италия, не входившая в ООН, сочла необходимым 30 июня 1950 г. присоединиться к обращению этой организации, принятому под диктовку американцев, в котором требовалось послать войска в Корею для поддержки вооруженных сил США. 23 сентября 1950 г. кабинет Де Гаспери в спешном порядке ассигновал 250 млрд. лир на оснащение требуемых для НАТО 12 итальянских дивизий. Эта акция разожгла борьбу внутри правительства между наиболее экстремистской группой Паччарди, Шельба, Пиччони, требовавшей быстрее развертывания итальянских вооруженных сил, и сторонниками так называемого «умеренного атлантизма», прежде всего Дж. Пелла, который возражал против передачи большей части бюджетных средств на нужды армии, ссылаясь на экономические трудности внутри страны.

Эти события побудили итальянскую печать, представлявшую взгляды председателя палаты депутатов Гронки, 10 сентября 1950 г. открыто высказаться за нейтралитет Италии. Под напором масс, возмущенных войной в Корее, правительство Де Гаспери было вынуждено маневрировать. 22 декабря 1950 г. христианско-демократические депутаты должны были проголосовать за резолюцию, призывавшую предпринять шаги, направленные к сохранению мира и разрядке международной напряженности. В то же время правитель-

¹ См. «Правда», 12 октября 1951 г.

² «Documents on American Foreign Relations, 1951», p. 564—565.

ство Де Гаспери, чтобы хоть как-то оправдать свою приверженность «атлантическим» обязательствам, развернуло широкую пропагандистскую кампанию, обвиняя итальянских коммунистов в «подстрекательстве к восстанию», а СССР — в подготовке агрессии против Италии.

Политическую идеологию правящих итальянских кругов того периода хорошо характеризовала речь Де Гаспери от 15 декабря 1952 г. в связи с X сессией совета НАТО, в которой он доказывал, что «внутренний фронт» — это лишь «часть единого фронта обороны» и к нему якобы в равной мере применимы «нормы» и «солидарность» Североатлантического союза. Тем самым итальянский премьер как бы приглашал державы — участницы НАТО активно вмешаться в вопросы итальянской внутренней политики¹.

Неудивительно поэтому, что острая политическая борьба в преддверии выборов 1953 г. развернулась и вокруг вопросов «атлантической» политики. Выборы в итальянский парламент 7 июня 1953 г. стали кульминационным пунктом борьбы реакционной верхушки ХДП за упрочение своего политического господства в стране. На этих выборах с помощью мошеннического избирательного закона Де Гаспери и министр внутренних дел Шельба пытались ликвидировать влияние коммунистов в парламенте и стране и получить полную свободу рук для установления реакционной клерикальной диктатуры и проведения «атлантического» курса во внешней политике. Однако под натиском революционно-демократических сил, объединившихся в борьбе против далеко идущего стратегического плана реакции, ХДП потеряла на этих выборах абсолютное большинство в палате депутатов. Провал операции, задуманной Де Гаспери и Шельба, явился крупным поражением антикоммунизма правящей реакции и привел к углублению кризиса итальянской внешней политики.

Когда после выборов Де Гаспери попытался сформировать новое правительство, он потерпел поражение не в последнюю очередь и потому, что в его программе фигурировало обещание и впредь вести страну «атлантическим» путем. Пришедший ему на смену Дж. Пелла был известен как более осторожный и умеренный политик, хотя он и продолжал действовать в рамках «атлантического» курса.

В эти годы вопрос об итальянском нейтралитете широко обсуждался в парламенте и стране. Однако итальянские клерикальные политики рьяно выступали против какой-либо возможности перехода Италии на путь нейтралитета. В речи на V национальном конгрессе ХДП 27 июня 1954 г. один из видных клерикальных деятелей, сторонник «атлантического» курса, П. Тавиани, всячески убеждал, что «альтернатива нейтралитета

¹ *Adstans*. Alcide De Gasperi nella politica estera italiana, p. 185.

абстрактна и иллюзорна», что она «не существует в реальности, по крайней мере для Италии»¹.

Подписание Государственного договора с Австрией в мае 1955 г. породило в самых различных общественных слоях Италии новую волну критики правительственного курса по отношению к НАТО, новую волну надежд на возможный поворот страны на позиции нейтралитета по примеру Австрии. Однако именно в этот момент военно-стратегические интересы НАТО оказались особенно связанными с Италией. Вывод войск западных держав с австрийской территории и провозглашение Австрией нейтралитета превращали границу по Альпам в передовой редут НАТО.

Избрание 29 апреля 1955 г. на пост президента Итальянской республики Дж. Гронки при поддержке левых сил и прямом сопротивлении лидеров ХДП в значительной мере также явилось свидетельством того, что идея нейтралитета Италии имеет широкую общественную опору в стране.

Эти события побудили державы НАТО на майской сессии того же года, нарушив союзнические соглашения с СССР периода войны, в одностороннем порядке договориться об аннулировании ряда статей мирного договора с Италией, которые мешали использовать ее для нужд «атлантической» стратегии.

В этом столкновении интересов Североатлантического блока и итальянского народа новое коалиционное правительство, возглавлявшееся одним из лидеров ХДП — Шельба, оказалось, как и его предшественники, полностью на стороне «атлантической» политики. Оно категорически отвергло всякую возможность нейтралитета для Италии, поскольку, как демагогически заявил тогда министр иностранных дел Мартино, Италия «недостаточно велика и недостаточно мала, чтобы рассматривать идею нейтралитета»².

Таким образом, клерикальные политики не извлекли никаких уроков из международных событий первой половины 50-х годов. Ни агрессия США в Корее, показавшая всю опасность авантюристических действий американского империализма для его союзников, ни провозглашение Австрией нейтралитета, что явилось одним из примеров разумного подхода буржуазного правительства к оценке роли своей страны в новой международной обстановке, так и не побудили правящие круги Италии пересмотреть тот курс на участие в агрессивных блоках, который они взяли в конце 40-х годов. Наоборот, клерикальные государственные деятели с годами все глубже увязали в «атлантическом» курсе.

¹ P. S. Taviani. *Solidarietà atlantica e comunità europea*. Firenze, 1957, p. 226.

² «Annuario di politica internazionale. 1955», Roma, 1956, p. 876—877.

Проблемы внешней политики занимали в эти годы весьма важное место в той напряженной классовой борьбе, которую вел итальянский народ под руководством Итальянской коммунистической партии. В течение этого периода коммунистическая партия, сплачивая массы вокруг программы коренных социальных преобразований в стране, имеющих антимонополистический и антиимпериалистический характер, активно и самоотверженно боролась против империалистической политики, за то, чтобы Италия внесла свой вклад в дело ослабления международной напряженности и упрочения мира.

VII и VIII съезды ИКП, происходившие соответственно в 1951 и 1956 гг., ориентировали трудящихся Италии на решительную борьбу с «атлантическим» курсом клерикальной политики, который мог привести страну к новой войне во имя агрессивных устремлений американского и итальянского империализма.

«В период «холодной войны», — отмечалось в тезисах VIII съезда ИКП, — роль и престиж Италии во всем мире были серьезно ослаблены. Италия проводила политику подчинения курсу, диктовавшемуся американским империализмом, политику, лишенную всякой инициативы, ограниченную замкнутым кругом атлантической непримиримости, которая препятствовала широкому развитию экономических и культурных отношений, необходимых для создания более широкой базы для жизни нации. На итальянской территории было разрешено создать иностранные военные базы. Система «помощи» поставила под серьезную угрозу экономическую независимость, не говоря уже о политической независимости...

Выход из этого положения заключается в проведении политики, основанной на принципе мирного сосуществования, содействующей дальнейшим успехам в области ослабления напряженности и выступающей с самостоятельными начинаниями в деле защиты национальных интересов и мира»¹.

Коммунистическая партия требовала, чтобы правительство Италии установило отношения дружбы и сотрудничества со всеми странами на началах равенства и взаимной выгоды, отказалось от всякой враждебности к социалистическим странам, и прежде всего к Советскому Союзу, вступило вопреки давлению США на путь широкого товарообмена со странами социализма. Коммунисты настаивали на том, чтобы итальянское правительство занимало независимую позицию. ИКП заявляла, что лишь народ, лишь единство всех демократических сил Италии могут дать толчок к новой внешней политике, и проводила большую работу по сплочению большинства национальных сил вокруг демократической и миролюбивой внешнеполитической программы.

¹ «Материалы VIII съезда Итальянской коммунистической партии», М., 1957, стр. 199—200.

2. Италия и планы «интеграции» Западной Европы

Во внешней политике итальянских правящих кругов «европеизм», или, точнее говоря, стремление к участию в различных формах империалистической «интеграции» Западной Европы, уже в этот период играл очень важную, хотя и подчиненную по отношению к «атлантизму» роль. Правящие круги Италии проявили большой интерес к выдвинутым в среде европейского монополистического капитала планам «объединенной Европы».

В экономическом плане итальянский монополистический капитал не только был заинтересован в «интеграции» с другими западноевропейскими монополиями, но и чувствовал себя достаточно сильным, чтобы занять соответствующее место в различных формах «европейского объединения». Бурное развитие государственно-монополистического капитализма подготовило участие Италии в международных государственно-монополистических организациях, которые возникали под «европейскими» вывесками. Ощущая свою силу и зрелость, выросшую конкурентоспособность, итальянские монополии активно ввязывались в различные «европейские» комбинации.

В политическом отношении правящие круги Италии мечтали о новом «священном союзе», который мог бы надежно гарантировать власть монополий и крупных аграриев в Италии, подавлять любую возможную революционную ситуацию в этой стране и повсюду в Европе.

Вместе с тем итальянское правительство сознавало, что в рамках «атлантического сообщества», где установилась диктатура американско-английского союза, оно могло бы заставить считаться с собой только в том случае, если бы при этом добилось более или менее почетного положения в какой-нибудь региональной «европейской» группировке капиталистических держав. Не только в Париже и Бонне, но и в Риме создание такой группировки мыслилось также как своеобразный противовес стремлениям монополий США и Великобритании к экономическому и политическому господству на континенте. Несомненно и то, что в форме «европейского сообщества» Италия рассчитывала наилучшим образом построить свою систему взаимоотношений с более сильной Францией и быстро развивающейся ФРГ, играя роль «балансирующей силы».

«Европеизм» итальянской монополистической верхушки, которая рвалась к новым империалистическим союзам, подогревался идеями «католической Европы», основанной на тесном сотрудничестве Ватикана и клерикальных партий Италии, Франции, ФРГ. За этими политико-идеологическими католическими силами стояли крупные монополистические объединения.

Участие в Европейском совете и ЕОУС положило начало фазе официального «европеизма» в итальянской внешней политике. Президент Эйнауди, Де Гаспери и Сфорца наряду с Шуманом стояли у колыбели первых проектов европейской «интеграции»¹. Адстанс отмечает, что Аденауэр, Де Гаспери и Шуман являлись «католическими и демократическими (!) начинщиками европейского союза»². В созданном еще в 1948 г. «Европейском движении» во главе с Черчиллем активно участвовал Де Гаспери. На ассамблее Европей-

¹ N. Catalano. La comunità europea e l'Euratom. Milano, 1957, p. 2.

² Adstans. Alcide De Gasperi nella politica estera italiana, p. 166.

ского совета в декабре 1951 г. Де Гаспери выступал за создание «наднациональной власти»¹. Во время встречи руководящих деятелей Франции и Италии в Санта-Маргерита Лигуре в 1951 г. была достигнута договоренность обоих правительств по различным аспектам «интеграции» Западной Европы. Как подчеркивал итальянский министр и видный лидер ХДП П. Тавиани, эта встреча «создала фундамент итало-французских отношений, на котором... должно строиться новое здание. Это здание не называется... франко-итальянским союзом, оно называется Европой»².

Сначала Италия согласилась на таможенный союз с Францией, затем, в конце 1949 г., поддержала не осуществленный впоследствии план создания таможенного союза «Фриталюкс» (Франции, Италии, Люксембурга), а вскоре вошла в Европейский платежный союз.

Уже 18 апреля 1951 г. Италия присоединилась к «плану Шумана», войдя в Европейское объединение угля и стали. Слабость итальянской металлургии не помешала финансовой олигархии решиться на этот шаг. Присоединение Италии к ЕОУС было предпринято стремлением монополистических групп получить свою долю в гонке вооружений, сохранить военные заказы США. Впоследствии Де Гаспери был даже избран президентом ЕОУС, а после его смерти на этот пост итальянские монополии провели Пелла.

Италия приняла самое деятельное участие и в неосуществившихся планах создания Европейского оборонительного сообщества. Как отмечал в своих мемуарах Иден, «план Плевена», по убеждению политических руководителей Рима, «мостил путь к федерации»³. Но эти «европейские» планы натолкнулись на ожесточенное сопротивление итальянского общественного мнения⁴. Тем не менее даже накануне выборов 1953 г., несмотря на протесты различных политических сил, правительство Де Гаспери настойчиво требовало быстрой ратификации договора о ЕОС.

Шельба, пришедший к власти в феврале 1954 г., провозгласил своей задачей добиться скорейшей ратификации этого договора. Американская дипломатия пыталась запугать итальянских промышленников тем, что провал ратификации договора о ЕОС в итальянском парламенте неизбежно поведет к сокращению военных заказов. В свою очередь итальянское правительство связывало вопрос о ратификации этого договора с решением триестинской проблемы, шантажируя западные державы. «Решение триестинского вопроса, — заявлял Пелла, — во многом облегчит ратификацию Италией Европейского оборонительного сообщества»⁵.

Дебаты по вопросу о ратификации в итальянском парламенте еще не состоялись к моменту, когда палата депутатов Франции отвергла этот договор. Таким образом, итальянские правящие круги смогли избежать «ответственности» перед США за возможный провал ратификации договора в парламенте Италии.

Как известно, превращение Брюссельского договора в Западноевропейский союз было в значительной степени идеей британского империализма. Иден в своих мемуарах подчеркивал, что включение ФРГ и Италии в Брюссельский договор поведет к созданию «новых политических рамок Европы без дискриминации», поскольку в свое время Брюссельский договор был направлен официально против возрождения германского милитаризма. Британские политики, как откровенно признает Иден, надеялись осенью 1954 г., что предложение включить в Брюссельский договор наравне с ФРГ также и Италию поможет итальянскому правительству в его «внутренних трудностях»⁶.

Отношение итальянских правящих кругов к идее участия Италии в Западноевропейском союзе выразил в беседах с Иденом во время его пребыва-

¹ E. Bonnefois. L'Europe en face de son destin. Paris, 1953, p. 101, 147.

² P. S. Taviani. Solidarietà atlantica e comunità europea, p. 197.

³ «The Memoirs of Sir Anthony Eden. Full Circle», p. 33.

⁴ Adstans. Alcide De Gasperi nella politica estera italiana, p. 240—243.

⁵ «Il Messaggero», 1. IV. 1954.

⁶ «The Memoirs of Sir Anthony Eden. Full Circle», p. 151, 156.

ния в Риме в сентябре 1954 г. министр иностранных дел Пиччони. Он заявил, что консолидация Европы и военный вклад Западной Германии в НАТО являются неотложными задачами и необходимо без промедления найти альтернативу ЕОС. Отвечая Пиччони, Иден подчеркивал, что «перестройка Брюссельского договора без включения в него Италии не была бы удовлетворительной с точки зрения англо-итальянских отношений». Явно стараясь побудить британские правящие круги более энергично добиваться вовлечения Италии в Западноевропейский союз, Пиччони не преминул подчеркнуть, что «консолидация Европы при условии ассоциации с ней Соединенного Королевства ослабила бы нейтралистские тенденции в Италии, которые, к несчастью, имеют прорусскую направленность». Пиччони высказался за усиление ЕОУС, ОЕЭС и Европейского совета и их более тесную связь с Западноевропейским союзом. Италия взяла на себя миссию уговорить Францию согласиться на участие в Западноевропейском союзе¹.

Клерикальные политики Рима сразу же одобрили предложения Лондонской и Парижской конференций, состоявшихся в сентябре — октябре 1954 г., о создании Западноевропейского союза. В парижские соглашения была внесена специальная статья о присоединении Италии к Брюссельскому договору 1948 г. Нажив некоторый политический капитал на урегулировании проблемы Триеста, итальянское правительство смогло протащить 23 декабря 1954 г. парижские соглашения через палату депутатов. За их ратификацию голосовало 335 депутатов, против — 215. В сенате эти соглашения были ратифицированы только 11 марта 1955 г. 139 голосами против 82. Таким образом, Италия стала участницей нового агрессивного блока в Европе — Западноевропейского союза, имея своим прямым военным партнером ФРГ.

Выступая вместе с французскими клерикалами в роли наиболее фанатичных приверженцев европейской «интеграции», попытавшись протащить план «оборонительного сообщества», ведя закулисную подготовку к созданию «политического сообщества», добившись включения Италии в ЕОУС и Западноевропейский союз, закладывая фундамент будущего «Общего рынка», итальянские клерикалы и стоящие за ними монополистические группы последовательно вели дело к созданию всеобъемлющего «европейского сообщества» как орудия западноевропейского монополистического капитала.

3. Отношения с крупнейшими капиталистическими странами. Проблема Триеста

Отношения Италии с ее основными партнерами по НАТО — США, Англией и Францией, а также с боннской группировкой, которую политические руководители Италии рассматривали как вновь обретенного и естественного союзника, развивались в основном в русле «атлантической» и «европейской» политики. Тем не менее уже в этот период возникали серьезные межимпериалистические противоречия.

¹ «The Memoirs of Sir Anthony Eden. Full Circle», p. 157.

Соединенные Штаты продолжали оказывать огромное влияние на внешнюю и внутреннюю политику сменявших друг друга христианско-демократических и коалиционных правительств¹. «Помощь», по «плану Маршалла» и в других формах, дала в руки Вашингтону мощные рычаги экономического давления, с помощью которых он добивался сохранения в своей орбите «ориентирующей на Запад Италии»². Правящие круги США исходили в своей политике из того, что если итальянский империализм не получит достаточной экономической помощи извне, то хозяйственные трудности неизбежно приведут к росту влияния в стране коммунистической партии и «изменению политического режима». Считая такого рода ситуацию «наихудшим поражением» для США, идеологи американского империализма с тревогой писали, что подобный поворот событий мог бы означать «нейтрализацию Италии и провал европейского объединительного движения»³.

Серьезные итало-американские противоречия стали назревать в связи с уменьшением итальянской иммиграционной квоты в США и американскими тарифными барьерами, ограничивавшими импорт США некоторых продуктов итальянского происхождения. В то же время правительственные и деловые круги США проявляли недовольство тем, что Италия тратит средства, полученные по «плану Маршалла», не так, как это хотелось бы Вашингтону⁴.

Визит Де Гаспери в США в сентябре 1951 г. преследовал цель добиться поддержки США в вопросе о ревизии мирного договора, урегулировать проблему итальянской иммиграции и убедить в необходимости расширения военных заказов США. Де Гаспери вел переговоры о «вкладе» Италии в НАТО и ее роли в «европейских» планах. Этот визит укрепил доверие правящих кругов США к клерикальным политикам Италии. США подтвердили это подписанием заявления о мирном договоре 26 сентября 1951 г., резко увеличили военные заказы в Италии.

Итоги парламентских выборов 1953 г. в Италии породили, однако, в Вашингтоне разочарование. Некоторые органы американской печати отмечали, что огромные суммы, которые под разными предлогами передавались США правящим кругам Италии в надежде, что им удастся приостановить «распространение коммунистического влияния», выброшены на ветер. Недовольство итальянским правительством, породившее известное охлаждение в отношении к нему со стороны Вашингтона, не изменило, однако, его принципиальной политики поддержки христианско-демократической партии, как главной и надежнейшей политической клиентуры США в Италии.

Авторы книги «Политическая экономия американской внешней политики», которая в тот период являлась официальным изложением основ и задач внешней политики США, видели три возможности для американского империализма «приостановить политическое ухудшение» в Италии и способствовать американским политическим целям в этой стране: 1) увеличить американские капиталовложения, 2) форсировать «европейское объединение» и 3) способствовать увеличению квоты на итальянскую иммиграцию в США⁵.

Определенные последствия для отношения правящих кругов США к Италии и ее внешней политике имело избрание Дж. Гронки на пост президента

¹ *Adstans*. Alcide De Gasperi nella politica estera italiana, p. 184—196.

² «The Political Economy of American Foreign Policy». N. Y., 1955, p. 131.

³ *Ibid.*, p. 131—132.

⁴ «Department of State Bulletin», vol. XXVI, № 670, 1952, p. 660—666.

⁵ «The Political Economy of American Foreign Policy», p. 133.

Итальянской республики. Этот факт, как пишет итальянский ежегодник международной политики, породил «психологический кризис в отношениях между Италией и США отчасти потому, что новый президент был избран голосами левых, отчасти потому, что некоторые линии его политической ориентации считались опасными для внутренней стабильности и атлантического союза»¹.

Реакция правящих кругов США была вполне отчетливой. Агентство Ассошиэтед Пресс демонстративно сообщило о замедлении темпов помощи Италии до получения «информации» о событиях, связанных с избранием Гронки, явно рассчитывая повлиять на его позицию. Только некоторое время спустя, когда в Вашингтоне убедились, что позиции «атлантической» группировки итальянских монополий не поколеблены и никаких решительных изменений во внешней политике страны не произойдет, последовало сообщение о продолжении американской помощи Италии в прежних масштабах².

Отношения христианско-демократического правительства Италии с лейбористским правительством Великобритании были довольно отчужденными³. В эти годы США старались окончательно вытеснить политические и деловые круги Англии с итальянской арены. Англия относилась сдержанно к вопросу о вовлечении Италии в Атлантический пакт и ее активизации в «европейских» проектах. Усилились итало-британские трения и по колониальным вопросам, так как Лондон весьма холодно реагировал на африканские притязания правящих кругов Италии, в то время как сам затягивал оккупацию бывших итальянских колоний.

В мае 1950 г. сенатор В. Орландо внес даже резолюцию о разрыве «итальянских союзов» (речь шла о НАТО. — *Авт.*) на том основании, что «союзники Италии (имелась в виду прежде всего Англия. — *Авт.*) ведут себя нечестно в вопросах об итальянских колониях и Триесте»⁴. Ограничения на импорт, введенные Великобританией в 1952—1953 гг., ударили по интересам итальянских экспортеров. Поскольку эта акция совпала с аналогичными мероприятиями других стран, она особенно болезненно отразилась на итальянской политике либерализации торговли. Интересы итальянских и английских нефтяных монополий резко столкнулись в 1951—1953 гг. в Иране. Проблема использования итальянских безработных шахтеров на работе в Великобритании также оказалась нерешенной⁵.

Посещение Великобритании Де Гаспери и Сфорца в марте 1951 г., «разъяснительный» визит Де Гаспери в Лондон после провала на выборах 1953 г., поездка нового премьера Шельба и министра иностранных дел Мартино в Лондон в феврале 1955 г., когда у власти вновь оказались консерваторы во главе с Черчиллем, преследовали цель договориться по острым и спорным вопросам с британскими политическими кругами. Иден нанес ответный визит в Рим в сентябре 1954 г.⁶ В эти годы итало-британские противоречия оказались несколько сглаженными, хотя и не были устранены.

Наиболее близкими и «сердечными» в тот период были отношения итальянского правительства с французской правящей

¹ «Annuario di politica internazionale 1955», p. 861.

² Ibid., p. 862.

³ *Abstans.* Alcide De Gasperi nella politica estera italiana, p. 157—165.

⁴ «Relazioni internazionali», 13. V. 1950, p. 290—293.

⁵ C. M. Woodhouse. British Foreign Policy since the Second World War, London, 1961, p. 103.

⁶ M. Grindrod. The Rebuilding of Italy. London, 1955, p. 127—129.

группировкой. Хотя итало-французский таможенный союз, заключенный в Париже в марте 1949 г., так и не был ратифицирован, стремление правящих кругов обеих стран к тесным отношениям друг с другом получило новые стимулы. Поддержка, которую Франция оказала Италии по вопросу о судьбе ее колоний и при подготовке трехсторонней декларации о Триесте от 20 марта 1948 г., сблизила дипломатию обеих стран. Правящие круги Италии и Франции всячески подчеркивали «сходство» их задач в области внутренней политики и прежде всего в подавлении крупных и влиятельных коммунистических партий. Определенные связи имели и клерикальные партии двух стран, опекаемые Ватиканом.

Большое значение для сближения Франции и Италии и выработки общей линии французских и итальянских правящих кругов в вопросах, касающихся их участия в Североатлантическом блоке и Европейском союзе, приобрела встреча Де Гаспери и Сфорца с Шуманом и Плевеном в Санта-Маргерита в феврале 1951 г., незадолго до совещания в Париже, где обсуждался «план Плевена». Подчеркивая значение тесных связей с Францией, итальянские деятели всячески старались рассеять сомнения Шумана по поводу сближения Рима с Бонном. В то же время именно тогда было достигнуто соглашение Франции и Италии о необходимости «включения в Европу демократической Германии», иначе говоря, о сговоре с боннской группировкой и вовлечении ее в агрессивные блоки. В этот период итальянская дипломатия играла роль активного посредника во франко-западногерманском сближении¹.

Сближение Рима с Бонном началось еще задолго до того, как в мае 1951 г. между ними были установлены дипломатические отношения, а затем последовали визиты К. Аденауэра в Рим (июнь 1951 г.) и Де Гаспери в Бонн (сентябрь 1952 г.)². Решающим моментом в растущих контактах правящих кругов Италии и Западной Германии явилась четко выраженная поддержка со стороны Де Гаспери курса на возрождение западногерманского милитаризма и быстрее вовлечение его в агрессивные блоки.

Когда в сентябре 1950 г. на сессии совета НАТО в Нью-Йорке государственный секретарь США Ачесон поднял проблему перевооружения Западной Германии, только Италия и Португалия сразу же согласились с этой линией США³. Родство клерикальной и антикоммунистической идеологии правящих партий Италии и ФРГ, совместное участие в ЕОУС западногерманских и итальянских монополий также сыграли свою роль в быстром восстановлении старых связей империалистических группировок обеих стран. Франция весьма ревниво следила за сближением итальянских и западногерманских политических деятелей, подозревая, что сговор идет за счет ее интересов. Однако Де Гаспери всячески успокаивал французских политиков, заявляя, что он предан идее франко-итальянской дружбы, которая получила свое оформление в Санта-Маргерита.

¹ *Adstans*. Alcide De Gasperi nella politica estera italiana, p. 153—156.

² «Relazioni internazionali», 4. X. 1952, p. 1034.

³ P. S. Taviani. Solidarietà atlantica e comunità europea, p. 273.

Проблема Триеста, которая искусственно сохранялась западными державами нерешенной в течение долгих лет, продолжала оставаться объектом империалистических интриг и противоречий, одним из испытанных рычагов их давления на Италию и Югославию. «Замораживание» этой проблемы явилось одним из побочных продуктов империалистической политики «холодной войны»¹.

Предложение, содержащееся в трехсторонней декларации западных держав от 20 марта 1948 г., о передаче Италии всей Свободной Территории Триест, которое, как признает в своих мемуарах Иден, выдвигалось с целью помочь ХДП на выборах 18 апреля 1948 г. и нанести поражение Итальянской коммунистической партии², было отвергнуто Югославией и Советским Союзом. Английский буржуазный историк К. Вудхауз вполне откровенно писал о политике Великобритании в этом вопросе: «Ввиду того что Италия уже рассматривалась как будущий союзник Запада, было естественно, что западные державы предложили возратить Свободную Территорию Триест Италии»³. Сначала Франция на конференции в Санта-Маргерита в 1951 г., а затем и Англия подтвердили эту позицию. Однако расчеты империалистических держав на то, что удастся навсегда отколоть Югославию от социалистических стран, побуждали их занимать более «гибкую» позицию в итало-югославском споре, играть на противоречиях этих стран, выгадывая для себя и от их обострения, и от их примирения⁴.

На Лондонской конференции США, Великобритании и Италии в начале мая 1952 г. было принято решение о расширении участия итальянцев в местной администрации Триеста. Однако тогда же было особо подчеркнуто, что это решение не предопределяет урегулирования вопроса о всей Свободной Территории Триест. «Посредническую роль в решении триестинского вопроса взяла на себя британская дипломатия. В сентябре 1952 г. Иден, заручившись поддержкой государственного секретаря США Ачесона, вылетел в Белград, встретившись по дороге в Страсбурге с Де Гаспери.

Правительство Пелла, сменившее кабинет Де Гаспери после его провала на выборах 1953 г., сочло необходимым недвусмысленно намекнуть на то, что оно считает действительной декларацию трех держав 1948 г. В связи с обострением итало-югославского конфликта по вопросу о судьбе Триеста в августе — сентябре 1953 г. правительства Великобритании и США объявили 8 октября того же года, что они решили ликвидировать Союзное военное управление (АМГ) в зоне «А» и передать его административные функции Италии. В то же время правительство Югославии заявило, что вступление итальянских войск в зону «А» явилось бы актом агрессии и вызвало бы такой же шаг со стороны югославских войск. Таким образом, декларация от 8 октября, представлявшая собою типичный документ империалистической политики «разделяй и властвуй», привела к разжиганию итало-югославского конфликта, к созданию еще более опасной ситуации в этом неврагическом пункте послевоенной Европы.

Однако США и Великобритания, беспокоясь о судьбе проекта Европейского оборонительного сообщества и планов Балканского пакта, продолжали «посредничать» в триестинском вопросе, начав переговоры в Лондоне в январе 1954 г. с участием Италии и Югославии. В сентябре 1954 г., когда провалился план создания ЕОС, Иден посетил европейские страны; он беседовал с

¹ См. гл. XVIII 1-го тома настоящего издания.

² «The Memoirs of Sir Anthony Eden. Full Circle», p. 178.

³ C. M. Woodhouse. British Foreign Policy Since the Second World War, p. 27.

⁴ Итало-югославские переговоры по этому вопросу велись в 1951 г. и в первой половине 1952 г. (C. Sforza. Cinque anni a Palazzo Chigi: la politica estera italiana dal 1947 al 1951. Roma, 1952, p. 417).

тогдашним итальянским премьером Шельба по вопросу о Триесте, настаивая на компромиссе.

В октябре 1954 г. эти переговоры завершились подписанием временного меморандума, который предусматривал передачу Италии зоны «А» с небольшими исправлениями границы в пользу зоны «Б», передаваемой в целом югославской администрации¹. Британские и американские войска должны были эвакуироваться из зоны «А». Итальянский сенат 8 октября 1954 г. одобрил этот меморандум 122 голосами против 89, а палата депутатов — 20 октября того же года 295 голосами против 265².

Уже 13 октября 1954 г. Советский Союз, исходя из того, что между Югославией и Италией достигнуто соглашение и меморандум идет навстречу уменьшению напряженности, в письме на имя председателя Совета Безопасности ООН признал это решение³.

25 октября 1954 г. югославские войска вступили в новый район, отходящий к зоне «Б». На следующий день Союзное военное управление было ликвидировано в зоне «А» и итальянские войска вошли в Триест. Так был решен вопрос о Триесте, который со времени окончания второй мировой войны использовался западными державами в империалистической игре в Италии и на Балканах.

4. Вопрос об отношениях с СССР во внешней политике Италии

Ожесточенный антикоммунизм, который итальянские правящие круги еще в период пребывания у власти Де Гаспери сделали основой своей внутренней политики, решительный отказ от нейтралитета и переход на рельсы агрессивной внешней политики предопределили их позиции в «холодной войне» и неблагоприятное развитие отношений Италии с Советским Союзом в рассматриваемый период.

Итальянские правители игнорировали ту огромную роль, которую сыграл Советский Союз в освобождении Италии от фашизма и гитлеровской оккупации, ту поддержку, которую оказал он Италии в восстановлении государственного суверенитета и в упрочении демократических порядков внутри страны, его борьбу на Парижской мирной конференции в защиту прав итальянского народа и будущего Италии как крупной европейской державы. Официальная внешняя политика Италии развивалась вопреки настроениям народных масс, активно выступавших в поддержку линии на улучшение советско-итальянских отношений. Итальянское правительство привело страну в военный блок, агрессивные цели которого в отношении Советского Союза ни у кого никогда не вызывали сомнений. Оно предоставило свою территорию под базы, нацеленные против Советского Союза. В то же время оно пыталось создать военный психоз внутри страны, запугивая мнимой угрозой «агрессии» со стороны СССР. Правительство Де Гаспери полностью вклю-

¹ «Corriere della sera», 15. X. 1954; «Documents on American Foreign Relations, 1954», p. 214.

² «Il Popolo», 9, 21. X. 1954.

³ См. «Правда», 14 октября 1954 г.

чилось в начатую США «холодную войну» против стран социализма. В целях оправдания своей политики оно начало распространение лживых обвинений по адресу Советского правительства, утверждая, что СССР будто бы препятствует приему Италии в ООН, мешает решению триестинского вопроса, задерживает итальянских военнопленных на своей территории, проводит подрывную пропаганду «Коминформа» в Италии.

Однако все это даже в период войны в Корее не смогло создать в Италии атмосферы антисоветской истерии, не смогло изменить глубоко дружественных чувств итальянского народа к Советскому Союзу, его доверия к миролюбивой советской внешней политике.

Весьма характерны события, связанные с принятием Италии в ООН. Хотя итальянские реакционные деятели упорно обвиняли Советский Союз в том, что он препятствует приему Италии в Организацию Объединенных Наций, само итальянское правительство, инспирируемое США и Англией, практически создавало препятствия для своего приема в ООН, чтобы только не допустить одновременного вступления в эту организацию стран народной демократии. Когда же наконец по советскому предложению Италия была 14 декабря 1955 г. принята в ООН, это вызвало злобные комментарии многих итальянских буржуазных газет, которые рассудку вопреки стали писать вдруг о том, будто с точки зрения интересов Италии подобный шаг не особенно и нужен.

Советский Союз неоднократно выражал свое стремление к улучшению и развитию дружественных отношений с Итальянской республикой. Газета «Правда» 24 мая 1955 г. подчеркивала, что итало-советские отношения не могут считаться удовлетворительными и нуждаются в улучшении.

Подписание Государственного договора с Австрией вызвало и у народных масс Италии надежды на изменение внешнеполитического курса правящих кругов и улучшение советско-итальянских отношений. Однако официальные круги Италии поспешили отвергнуть какую бы то ни было возможность благоприятного развития советско-итальянских отношений¹.

Крайне холодно относились итальянские правящие круги и связанная с ними пресса ко всем признакам улучшения отношений между государствами разных систем. Несмотря на то что народные массы Италии недвусмысленно выступали против «атлантической» политики, за разрядку международной напряженности и улучшение советско-итальянских отношений, правящая верхушка продолжала оставаться одним из наиболее упорных защитников «холодной войны». Даже в период встречи «большой четверки» в Женеве в июле 1955 г. прави-

¹ «Corriere della sera», 25, V. 1955.

тели Италии стремились удержать страну на позициях «холодной войны». Создавалось впечатление, что «дух Женевы» застал врасплох клерикальных политиков, ориентировавшихся исключительно на «холодную войну», породил растерянность и оцепенение в их рядах. Стремление хоть как-то затормозить всякое положительное развитие событий — такова была непосредственная реакция правящих кругов Италии на «дух Женевы».

Вместе с тем уже в эти годы в определенных кругах итальянских промышленников и даже среди некоторой части клерикальных политиков начало подспудно вызревать и крепнуть течение в пользу расширения торговых и культурных связей с Советским Союзом, которое более четко проявилось в последующие годы.

В рассматриваемый период определилась реальная роль Италии в той расстановке империалистических держав «по силе», которая оказалась характерной и для Североатлантического блока. Подчеркивая весьма активную роль правящих кругов Италии в вовлечении страны в агрессивный блок под эгидой империализма США, нельзя, однако, преувеличивать их удельный вес в формулировании и осуществлении «атлантического» курса. Яркая приверженность итальянской дипломатии догмам воинствующего «атлантизма» неизменно сочеталась с их покорным следованием во «втором эшелоне» империалистической политики, едва дело касалось практического влияния участников внутри блока. Все это определило на долгие годы то, что итальянская печать в совокупности называла «иммобилизмом», — скованность и инертность внешней политики и дипломатии правящих кругов. «Иммобилизм» за годы «атлантического» подчинения стал, можно сказать, «второй натурой» итальянской внешней политики.

«Италия может внести огромный, решающий вклад в ослабление международной напряженности и в дело мира. Но этого не сделают нынешние правители, этого не сделают клерикалы, этого не сделают фанатики западной и атлантической «солидарности», — подчеркивал П. Тольятти в докладе на VIII съезде ИКП. — Дело ослабления напряженности и мира находится в руках не только правительств, но и народов... Руководить борьбой за спасение мира во всем мире должен рабочий класс, а среди рабочих — коммунисты»¹.

Будучи слепо предана идеологии антикоммунизма и антисоветизма, целям и методам «атлантического» курса, правящая группировка Италии не могла сохранить свободные руки во внешней политике вне этого курса, оказалась полностью

¹ «Материалы VIII съезда Итальянской коммунистической партии», стр. 19, 20.

зависимой от него. Она не смогла, однако, и с помощью «атлантического» курса достичь желаемых результатов и преодолеть коренные противоречия своей внутренней и внешней политики.

Г Л А В А XVI

РАСШИРЕНИЕ СИСТЕМЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ВОЕННЫХ БЛОКОВ

В начале 50-х годов империалистические державы, и прежде всего США, проводя политику усиления «холодной войны» против социалистических государств и «балансирования на грани войны», особенно большое значение придавали расширению и укреплению системы империалистических военных блоков.

Правящие круги США делали в этот период ставку на то, чтобы, охватив системой военных блоков все несоциалистические государства, объединить их в военный лагерь и противопоставить Советскому Союзу и другим социалистическим странам. Поскольку большинство капиталистических стран Европы, а также латиноамериканские государства к началу 50-х годов уже были в той или иной форме вовлечены в систему империалистических военных блоков¹, западные державы резко усилили нажим на государства Азии и Африки. Всем им предназначалась роль союзников США в борьбе против социалистических стран и национально-освободительного движения. С точки зрения империалистических политиков они не могли оставаться нейтральными. Нейтралитет объявлялся «аморальной и близорукой концепцией»².

США и другие ведущие державы Запада настойчиво добивались наращивания военной мощи агрессивных блоков, создания на их основе единого военного лагеря империализма. Опираясь на такой военный лагерь, они рассчитывали обеспечить успех своей политике «с позиции силы» в отношении Советского Союза и других социалистических государств, легкие победы в «локальных» войнах, одновременно готовясь к глобальной термоядерной войне.

Курс на укрепление и расширение системы империалистических военных блоков США и их союзники проводили в условиях, когда происходило дальнейшее изменение соотношения сил на мировой арене между социалистической и капиталистической системами в пользу социализма, когда под ударами национально-освободительного движения по всем швам распол-

¹ См. гл. XXV 1-го тома настоящего издания.

² Именно так назвал его государственный секретарь США Дж. Ф. Даллес, выступая в колледже штата Айова 9 июня 1956 г. («The New York Times», 10. VI. 1956).

залась прогнившая колониальная система империализма и снова стали заметно обостряться противоречия внутри самого империалистического лагеря.

1. Развертывание гонки вооружений в странах Североатлантического блока в 1950—1953 гг.

После вступления в силу 24 августа 1949 г. Североатлантического договора и организационного оформления его механизма на сессиях совета НАТО (в сентябре и ноябре 1949 г. и в январе 1950 г.) правящие круги США и других западных держав приступили к широким военным приготовлениям.

«В начале 1950 г., — отмечал лорд Исмэй в своих мемуарах, — постоянная группа в инструкциях по стратегии предписывала региональным планирующим группам строить свою работу, исходя из предположения, что война начнется в 1954 г.»¹

Первая военная программа — так называемый «среднесрочный план обороны», — утвержденная 1 апреля 1950 г. сессией комитета обороны НАТО, как раз и была рассчитана на 4 года. Она предусматривала значительное увеличение численности сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил всех стран — членов НАТО, оснащение их новейшим современным оружием, строительство военных аэродромов, складов оружия и боеприпасов, средств военной связи, создание крупных запасов горючего и других стратегических материалов. Все мероприятия намечалось проводить на «индивидуальной» основе, т. е. в рамках отдельных стран — участниц НАТО, без объединения их вооруженных сил. Подобных единых военных программ блоки и коалиции империалистических держав никогда ранее не разрабатывали ни в мирное, ни в военное время.

К тому же в то время в высших сферах НАТО назревало решение пойти еще дальше по пути объединения военных машин стран-участниц. Во всяком случае в коммюнике об итогах гаагской сессии комитета обороны НАТО указывалось: «Эти планы (имеется в виду «среднесрочный план обороны». — *Авт.*) требуют создания интегрированной обороны всего района действия североатлантической обороны, складывающейся из обороны участвующих стран по отдельности». Термин «интегрированная оборона» в последующие годы становится синонимом объединенных вооруженных сил НАТО.

Выработав первую программу гонки вооружений по линии НАТО, правящие Североатлантического блока сразу же столкнулись с проблемой ее финансирования. Правда, в это время США уже начали военные поставки европейским членам НАТО на основе «закона о совместной обороне» 1949 г. Однако поставляемого оружия было недостаточно для перевооружения вооруженных сил стран — участниц НАТО в соответствии со «среднесрочным планом обороны». Весьма значительные военные усилия требовались от каждой страны.

Попытки разработать координированную программу финансирования «среднесрочного плана» существенных результатов не дали, поскольку между странами — членами НАТО сразу же возникли острые разногласия.

На сессии совета НАТО, состоявшейся 15—18 мая 1950 г., было решено создать новый постоянный орган — Комитет заместителей — с местопребыванием в Лондоне. Ему было поручено вырабатывать «рекомендации» в отношении выполнения военных программ отдельными участниками блока, то есть прямо вмешиваться в их внутренние дела. Первым председателем Комитета заместителей и, следовательно, руководителем постоянного аппара-

¹ *H. Ismay. NATO: The First Five Years. 1949—1954. Utrecht, 1954, p. 102.*

рата НАТО был назначен представитель США посол Споффорд, занимавший этот пост до реорганизации Комитета заместителей в феврале 1952 г. Постоянный военный и политический механизм НАТО был укомплектован наиболее реакционными, враждебно настроенными по отношению к социалистическим государствам офицерами, дипломатами, чиновниками США, Англии и других империалистических держав.

С момента начала войны в Корее гонка вооружений, начатая США и их союзниками по НАТО, приобретает невиданный ранее размах. В США быстро расширяется производство атомных бомб, начинается форсированная подготовка к производству термоядерного оружия. В Европу перебрасываются дополнительные контингенты американских войск.

Резко увеличились в это время и поставки американского оружия союзникам США.

26 июля президент Трумэн подписал «Закон 1950 г. о взаимной помощи в обороне». В 1950/51 финансовом году ассигнования на военную помощь союзникам США были предусмотрены в размере 1225,5 млн. долл., в том числе странам НАТО — 1000 млн. долл., Греции и Турции — 120 млн., Ирану — 11,5 млн., чанкайшистам — 75 млн., другим странам — 16 млн. долл. Однако уже 1 августа Трумэн обратился к конгрессу с предложением ассигновать на военную помощь союзникам США еще 4 млрд. долл., в том числе на военную помощь союзникам по НАТО — 3,5 млрд. Соответствующий закон вступил в силу 27 сентября.

В следующем, 1951/52 финансовом году на военную помощь союзникам США выделили 5997 млн. долл. (5028 млн. — европейским членам НАТО, 396 млн. — союзникам США на Ближнем Востоке и в Северной Африке, 535 млн. — в Азии¹ и 38 млн. долл. — в Латинской Америке). На этом уровне военная помощь союзникам США находилась и в последующие два года. В союзные США страны хлынул широкий поток вооружений: танки и самолеты, артиллерийские орудия и снаряды, военно-морские суда и многие другие виды военной техники и материалов.

Всего, по официальным американским данным, до 1 августа 1953 г., т. е. за первые 4 года осуществления программы военной помощи, США поставили своим союзникам вооружения и военных материалов на 6661 млн. долл., в том числе американским союзникам в Европе — на 4916 млн. долл. За это время США передали своим союзникам 4597 военных самолетов, 551 военный корабль, 29 464 танка и бронемашины, 28 308 артиллерийских орудий, 1 655 129 пулеметов, 155 421 грузовик и т. д.

США использовали военные поставки как средство нажима на европейских членов НАТО, понуждая их умножать собственные военные усилия. С 1950 г. в ежегодно принимаемые конгрессом США законы о военной помощи союзникам включалась так называемая «поправка Эллендера», рекомендовавшая президенту США прекращать оказание военной помощи странам, отказывавшимся принимать «все меры, какие только возможно, для укрепления собственной обороны». Иными словами, США могли в любой момент по своему усмотрению лишить своих союзников «помощи», если эти союзники не будут, по мнению правительства США, проявлять достаточного усердия в гонке вооружений.

¹ Исключая Южную Корею, военная помощь которой шла по другим каналам.

Правящим кругам США после начала американской интервенции в Корее удалось добиться от своих партнеров по НАТО резкого усиления темпов военных приготовлений.

В Англии уже 3 августа 1950 г. правительство объявило новый трехлетний план расширения вооруженных сил и военного производства в объеме 3,6 млрд. ф. ст. Этот план и был положен в основу военных приготовлений Англии в последующие годы.

В августе 1950 г. новую трехлетнюю военную программу приняло и правительство Франции, одновременно увеличив срок военной службы с 12 до 18 месяцев. Быстро росли военные расходы и всех других союзников США по НАТО.

Военные расходы союзников США по НАТО ¹

Страны	Единица измерения	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.
Англия	млн. ф. ст.	849	1 149	1 561	1 684
Франция	млрд. фр.	559	881	1 253	1 337
Италия	млрд. лир	353	457	521	480
Бельгия	млн. бельг. фр.	8 256	13 387	19 965	19 815
Голландия	млн. флоринов	901	1 060	1 253	1 330
Люксембург	млн. люкс. фр.	170	264	436	488
Норвегия	млн. норв. крон	357	572	831	1 067
Дания	млн. дат. крон	359	475	676	889
Португалия	млн. эскудо	1 516	1 553	1 691	1 975
Канада	млн. канад. долл.	495	1 220	1 875	1 970

В целом по НАТО общая сумма прямых военных расходов стран-участниц, составившая в 1950 г. весьма внушительную сумму в 20,4 млрд. долл., увеличилась в 1951 г. до 42,2 млрд. долл. (207% уровня 1950 г.), до 59,9 млрд. долл. в 1952 г. (293% уровня 1950 г.) и до 64 млрд. долл. в 1953 г. (314% уровня 1950 г.).

2. Создание объединенных вооруженных сил и системы военных баз НАТО в Европе

В обстановке международной напряженности, значительно усилившейся в результате американской интервенции в Корее, правящие круги США провели в НАТО решения о значительном укреплении агрессивного военного механизма этого блока. Если в первое время после вступления в силу Североатлантического договора военные приготовления в рамках НАТО велись на основе отдельных армий каждой из стран-участниц, хотя и в соответствии с единой военной программой, то теперь впервые в истории в мирное время были созданы объединенные вооруженные силы НАТО в Европе. Такое решение было в принципе принято 5-й сессией совета НАТО

¹ Некоторое несущественное расхождение данных этой таблицы с цифрами военных расходов, приведенными в других главах, объясняется несоответствием соответствующих данных в официальных источниках НАТО и отдельных стран.

(Нью-Йорк, 16—18 и 26 сентября 1950 г.) и в окончательной форме — 6-й сессией совета НАТО (Брюссель, 18—19 декабря 1950 г.).

Основные принципы организации объединенных вооруженных сил НАТО в Европе, разработанные в то время и оставшиеся в силе до сих пор, сводились к следующему:

США и Англия передают в объединенные вооруженные силы свои сухопутные и военно-воздушные силы, находящиеся на территории Западной Германии;

континентальные европейские государства — члены НАТО (в то время Франция, Италия, Бельгия, Голландия, Норвегия, Дания, Португалия, Люксембург) передают в объединенные вооруженные силы НАТО специально выделенные воинские контингенты, размер которых определяется военными программами НАТО;

верховный командующий объединенными вооруженными силами НАТО контролирует выделение участвующими странами установленных для них воинских контингентов, их оснащение и обучение, руководит объединенными маневрами и штабными учениями, ведает дислокацией выделенных в его распоряжение войск и обеспечивает их постоянную боевую готовность;

верховный командующий в контакте с постоянной группой военного комитета вырабатывает также стратегические планы использования объединенных вооруженных сил, руководит оборудованием европейского театра военных действий, а в случае войны получает право оперативного руководства объединенными вооруженными силами НАТО.

Решение о создании объединенных вооруженных сил НАТО в Европе означало организацию в мирное время в Западной Европе сильного ударного кулака, находящегося в состоянии полной боевой готовности. Оно еще сильнее подчеркивало агрессивный характер Североатлантического блока. Официально объединенным вооруженным силам этого блока в Европе отводилась стратегическая роль «щита» (функции «меча» в военной доктрине «меча и щита», принятой еще в первый год существования НАТО, предназначались американской стратегической авиации, оснащенной атомными бомбами). Это означало, что в случае войны на объединенные вооруженные силы должна быть возложена задача ведения главным образом сухопутных операций на европейской части континента, при поддержке объединенной тактической авиации и военно-морских сил. Основная масса пушечного мяса — вот чем, по замыслу руководителей Североатлантического блока, должны были стать объединенные вооруженные силы НАТО стран Европы.

Создание объединенных вооруженных сил НАТО в Европе, с одной стороны, усиливало военную опасность и вело к обострению международной напряженности, а с другой, способствовало закреплению за Соединенными Штатами господствующих позиций внутри блока западных держав, а за Англией — ее роли главного партнера США. США, а также Англия передавали в объединенные вооруженные силы НАТО лишь небольшую часть своих военных контингентов, которые в основном оставались под национальным командованием. В то же время континентальные европейские члены НАТО — Франция,

Италия, Бельгия и другие государства — не только передавали в объединенные вооруженные силы НАТО почти все свои войска, но и попадали под постоянный контроль верховного командующего объединенными силами НАТО в Европе фактически по всем основным вопросам военной политики.

Это еще более подчеркивалось распределением главных командных и штабных постов в объединенных вооруженных силах НАТО. Верховным командующим этими силами на брюссельской сессии совета НАТО был назначен американский генерал Д. Эйзенхауэр¹. Его первым заместителем стал английский фельдмаршал Монтгомери, заместителем по авиации — английский маршал авиации Саундерс (вскоре его сменил американский генерал Норстэд), начальником объединенного штаба — американский генерал Грюнтер, его первым заместителем — американский генерал Ван-Скайлер. Всего из 27 высших командных и штабных постов в объединенных вооруженных силах НАТО в Европе США захватили 9, а Англия — 7. Американские и английские офицеры заняли преобладающее положение также в средних и младших звеньях объединенного штаба вооруженных сил НАТО в Европе и почти во всех подчиненных ему штабах. В начале 1952 г. в рамках НАТО было создано также объединенное командование НАТО в Атлантике². Верховным командующим стал американский адмирал Маккормик (вскоре его сменил другой американский адмирал — Райт), а его заместителем — английский вице-адмирал Стивенс.

К началу функционирования верховного командования объединенными вооруженными силами НАТО в Европе ядро этих сил составляли дивизии 7-й американской армии и английской Рейнской армии, размещенные главным образом в Западной Германии, а также в западных зонах Австрии, Западном Берлине и Триесте. Верховному командованию предстояло теперь добиться передачи ему всех прерогатив по комплектованию, оснащению и обучению военных контингентов, которые должны были предоставить континентальные европейские государства — члены НАТО.

Еще в январе — феврале 1951 г. генерал Эйзенхауэр объехал эти страны с целью выяснения перспектив формирования объединенных вооруженных сил. Однако он столкнулся с неутешительной для стратегов США картиной. Европейские члены НАТО, соглашаясь с американскими требованиями в отношении темпов развертывания гонки вооружений, на практике не могли преодолеть серьезные экономические и отчасти внутривнутриполитические трудности и старались поэтому оттягивать сроки выполнения военных программ.

Переговоры между верховным командованием объединенных вооруженных сил НАТО в Европе и правительствами европейских государств — членов этого блока о численности и сроках формирования их военных контингентов не дали нужных США результатов. На 7-й сессии совета НАТО, состоявшейся

¹ Эйзенхауэр занимал пост верховного командующего объединенными вооруженными силами НАТО в Европе до 28 апреля 1952 г., когда он ушел в отставку в связи с выдвижением его кандидатуры на пост президента США. Преемником Эйзенхауэра на посту верховного командующего стал американский генерал М. Риджуэй, бывший до этого командующим американскими вооруженными силами в Корее и на Дальнем Востоке. 10 июля 1953 г. Риджуэя сменил американский генерал А. Грюнтер (начальник штаба объединенных вооруженных сил НАТО в Европе при Эйзенхауэре и Риджуэе).

² В отличие от объединенного верховного командования НАТО в Европе объединенному верховному командованию НАТО в Атлантике не были подчинены в мирное время какие-либо объединенные вооруженные силы. Вооруженные силы (главным образом военно-морские) членов НАТО в Атлантике остались в национальном подчинении, верховному же командующему было поручено наблюдать за их комплектованием, оснащением, боевой подготовкой, руководить объединенными маневрами и учениями, разрабатывать для района Атлантики стратегические планы.

в Оттаве 15—20 сентября 1951 г., США оказали беспрецедентный нажим на своих партнеров. На сессии правительство США настойчиво проводило тезис, сформулированный в резолюции сената США от 3 апреля 1951 г., в соответствии с которым «основной вклад в дело создания сухопутных вооруженных сил под командованием генерала Эйзенхауэра должен быть внесен европейскими странами — участниками Североатлантического договора»¹. Сломив сопротивление Дании, Норвегии и ряда других стран, не хотевших расширения обязательств по Североатлантическому договору, правительство США добилось принятия решения о приеме в члены НАТО Греции и Турции, которые, как рассчитывали США, должны были стать послушными поставщиками пушечного мяса для объединенных сил блока². «Именно Соединенные Штаты требовали включения в НАТО Греции и Турции»³, — отмечает в своей книге «Атлантический треугольник и холодная война» канадский специалист по международным отношениям Э. Мак Иннис.

На 9-й, лиссабонской сессии совета НАТО, состоявшейся 20—25 февраля 1952 г., была утверждена программа формирования объединенных вооруженных сил НАТО в Европе. В соответствии с «лиссабонской программой» сухопутные объединенные вооруженные силы НАТО в Европе должны были к концу 1952 г. насчитывать не менее 25 дивизий в полной боевой готовности и 25 резервных дивизий, а в 1953—1954 гг. эти силы надлежало довести до 100 дивизий (в том числе — 14 французских, 12 итальянских, и т. д.). Что касается военно-воздушных сил НАТО в Европе, то было решено к концу 1952 г. увеличить их вдвое — с 2 тыс. до 4 тыс. самолетов. Соответственно было намечено увеличить и военно-морские силы НАТО в Европе.

«Лиссабонская программа» гонки вооружений возлагала на европейских членов НАТО огромное бремя, совершенно непосильное для их экономики. Немалые трудности представляли при этом и проблемы национального суверенитета. «Причина упадка НАТО, — жаловался позднее С. Сульцбергер, — заключается в отказе ее членов передать ей хотя бы минимальные права контроля над действиями ее членов, когда дело касается их национального суверенитета»⁴.

Отдавая себе отчет в неизбежных трудностях при выполнении программы, лидеры НАТО решили укрепить постоянный военный и политический механизм союза для усиления контроля над странами-участницами. С этой целью на лиссабонской сессии совета НАТО были приняты четыре важных организационных решения.

¹ «Congressional Record», vol. 97, N. 46, p. 2435—2436.

² На оттавской сессии совета НАТО решение о приеме Греции и Турции в НАТО было принято в принципе. 22 октября 1951 г. все участники НАТО подписали протокол о приеме Греции и Турции в этот агрессивный блок. 18 февраля 1952 г. обе страны официально присоединились к Североатлантическому договору, став его участниками.

³ E. Mc. Innis. The Atlantic Triangle and the Cold War. Toronto, 1959, p. 34.

⁴ S. L. Sulzberger. What's Wrong with US Foreign Policy, p. 125.

Во-первых, как говорилось в коммюнике об итогах сессии, были «расширены функции постоянной группы (военного комитета. — Авт.) и верховного командующего союзными войсками в Европе в отношении приоритета в поставках снаряжения и планирования в целях стратегической поддержки вооруженных сил». Это решение еще больше ограничивало суверенитет партнеров США по НАТО в вопросах военной политики и усиливало в НАТО военную централизацию. Во-вторых, взамен комитета заместителей создавался постоянный совет НАТО (с местопребыванием в Париже) в составе представителей стран-участниц. В-третьих, был учрежден пост генерального секретаря НАТО, наделявшегося широкими полномочиями. Генеральный секретарь НАТО стал фактически главным организатором разработки политического курса, стратегических планов, военных программ и планов их осуществления. Первым генеральным секретарем НАТО был назначен английский генерал лорд Исмэй, занимавший этот пост в 1952—1957 гг. В-четвертых, на базе постоянного аппарата комитета заместителей был создан международный секретариат НАТО — разветвленный чиновничий аппарат, подчиненный генеральному секретарю.

На весь этот громоздкий механизм возлагалась одна главная задача: любой ценой, любыми средствами добиться выполнения «лиссабонской программы» гонки вооружений.

Однако задача оказалась крайне трудной. Хотя правительства стран — участниц НАТО прилагали определенные усилия, чтобы выполнить в намеченные сроки «лиссабонскую программу», и, как уже отмечалось, значительно увеличили военные ассигнования, тем не менее на очередной (10-й) сессии совета НАТО (15—17 декабря 1952 г.) пришлось констатировать, что наметки «лиссабонской программы» на 1952 г. выполнены лишь частично. В создавшихся условиях совет, как говорилось в заключительном коммюнике, «признал необходимым уделить больше внимания увеличению эффективности вооруженных сил союзников и соединений, необходимых для их поддержки, нежели увеличению их численности, поскольку ресурсы не позволяют браться за выполнение обеих задач»¹. По сути дела это решение совета означало частичный пересмотр «лиссабонской программы». Дальнейший ее пересмотр был осуществлен на 11-й сессии совета НАТО (состоявшейся в Париже 23—25 апреля 1953 г.), когда все, что осталось от «лиссабонской программы», было разделено на две «очереди» — краткосрочную и долгосрочную, причем значительно отодвигались первоначально установленные сроки завершения всей программы².

На той же сессии была достигнута договоренность о новой системе американской военной помощи союзникам США по НАТО — так называемой системе «офф-шор», которая в дальнейшем стала преобладающей в НАТО. Суть ее сводилась к тому, что США стали предоставлять своим европейским партнерам по Североатлантическому блоку не вооружение, а денежные средства и оборудование для его производства в самих европейских странах, а затем уже оно передавалось Соединенными Штатами этим странам³.

Всего, по официальным американским данным, с 1 июля 1951 г. по 30 июня 1954 г. по линии заказов «офф-шор» европейским членам НАТО была предоставлена военная помощь в размере 3392 млн. долл., в том числе Франции — 1368 млн. долл., Англии — 942 млн., Италии — 584 млн., Бельгии — 229 млн. долл. и т. д. Однако и помощь по линии «офф-шор» не смогла обеспечить своевременного и полного осуществления «лиссабонской программы» формирования объединенных вооруженных сил НАТО в Европе.

Это не означает, конечно, что военные приготовления Североатлантического блока осуществлялись в 1952—1953 гг. как бы замедленным темпом.

¹ «The New York Times», 18. XII. 1952.

² Там же, 26. IV. 1953.

³ Формально США оговаривали в соглашениях о заказах «офф-шор» свое право использовать изготовленное оружие также для оснащения собственных вооруженных сил или вооруженных сил третьих стран, но практически они, как правило, передавали его стране-производителю.

Широкие военные приготовления шли полным ходом, хотя и не столь интенсивно, как того хотели правящие круги США и НАТО. Об этих темпах говорят хотя бы следующие данные о росте общей численности вооруженных сил государств — членов НАТО: в 1950 г. они насчитывали 4—4,2 млн. солдат и офицеров, в 1951 г. — 5,8—5,9 млн., в 1952 г. — 6,5—6,6 млн., а в 1953 г. — 6,7—6,8 млн. солдат и офицеров.

Наращивание численности вооруженных сил НАТО, оснащаемых новейшим оружием, конечно, оказывало крайне отрицательное воздействие на всю международную обстановку. В том же направлении действовало развертывание сети военных баз НАТО. Их строительство велось, во-первых, на основе так называемых программ «инфраструктуры» и, во-вторых, на основе двусторонних соглашений между США и некоторыми их союзниками в Европе.

Первая программа «инфраструктуры» была разработана еще в 1950 г. в рамках Западного союза пяти государств — участников Брюссельского договора, однако ее полностью включили в дальнейшее в военные планы НАТО и осуществляли в рамках этого блока. Всего по четырем программам на «инфраструктуру» НАТО в Европе было выделено в 1950—1953 гг. 1304,8 млн. долл. Значительную долю этих расходов (40,9%) взяли на себя США, 5,1% пришлось на долю Канады, однако громадные суммы оказались вынужденными затратить на осуществление программ «инфраструктуры» также и европейские члены НАТО¹.

К 1954 г. на территории континентальных европейских членов НАТО были построены 125 военных аэродромов (помимо того, 40 аэродромов строилось и к 1954 г. еще не вступило в строй действующих), около 150 оружейных и других объектов дальней связи (столько же находилось в процессе строительства), многочисленные радарные установки, учебно-тренировочные базы. Кроме того, началось осуществление проектов прокладки нефтепроводов общей протяженностью 6100 км и строительство складов горючего общей емкостью 1283 тыс. куб. м.

Сеть аэродромов и других военных сооружений, построенных в соответствии с программами «инфраструктуры» сразу же приобрела все признаки системы иностранных военных баз на чужих территориях. Поскольку большинство баз, особенно авиационных, предназначалось для использования в случае войны вооруженными силами США, то по сути дела они стали американскими военными базами. На некоторых из них (в Западной Германии, Франции, Турции, Италии) уже в мирное время были размещены американские войска, в частности соединения тактической авиации. Правительство США настойчиво добивалось размещения американских войск на «инфраструктурных» базах также и в других странах — членах НАТО. Со второй половины 1952 г. США заметно усилили нажим в этом направлении на правительства Дании и Норвегии (на территориях обеих Скандинавских стран были построены крупные «инфраструктурные» военно-воздушные базы). Однако массовые выступления трудящихся Норвегии и Дании против размещения американских войск и твердая позиция СССР, заявившего, что такие планы могут создать угрозу безопасности Советского Союза и других стран балтийского района со всеми вытекающими отсюда последствиями², оказали

¹ В процентном отношении доля общих расходов по четырем программам, приходившаяся на европейских членов НАТО, составляла: Франции — 17,7%, Англии — 14,4, Бельгии — 6,2, Италии — 4,9, Голландии — 4,5, Дании — 2,5, Норвегии — 2, Греции — 0,6, Люксембурга — 0,2, Турции — 0,1, Португалии — 0,1%.

² См. «Правда», 2 октября 1952 г.

должное воздействие на правительства Дании и Норвегии, и они отклонили американские притязания.

Не довольствуясь созданием в Западной Европе широкой сети военных баз НАТО, правительство США заключило в 1951—1953 гг. целую серию двусторонних соглашений о размещении на территориях европейских государств — членов НАТО американских военных баз.

27 апреля 1951 г. было подписано американо-датское соглашение о предоставлении США права строительства военных сооружений на территории Гренландии. В последующие годы там были построены крупные военно-воздушные базы, на которых размещены части стратегической авиации США.

7 мая 1951 г. США навязали Исландии соглашение, предоставлявшее США «право» размещать свои войска на военной базе Кефлавик, которая в дальнейшем была сильно модернизирована американцами и стала важнейшей промежуточной базой американской авиации на пути в Европу.

12 июля 1951 г. за спиной марокканского народа было подписано американо-французское соглашение о строительстве пяти крупных военно-воздушных баз США на территории Марокко. В последующие годы там были размещены соединения американской стратегической авиации.

6 сентября 1951 г. было заключено американо-португальское соглашение о предоставлении США права разместить авиацию на военных базах Азорских о-вов (эти базы были сооружены американцами в годы второй мировой войны, а в 1952—1954 гг. США их модернизировали).

12 октября 1953 г. США заключили соглашение с Грецией о строительстве на греческой территории военных баз для американской авиации и военно-морского флота.

Незадолго до этого, 26 сентября 1953 г., было заключено соглашение между США и франкистской Испанией, в соответствии с которым США обязались предоставить Испании военную помощь и переоснастить современным оружием испанскую армию, а франкистское правительство предоставило США право построить на испанской территории военно-воздушные и военно-морские базы, склады горючего и другие военные объекты.

В 1950—1953 гг. продолжалось расширение сети американских военно-воздушных баз в Англии, создаваемых на основе «джентльменского соглашения» 1947 г. К 1954 г. таких баз в Англии, по официальному заявлению английского правительства, было уже 19.

«Безопасность Соединенных Штатов неотделима от НАТО... — так обосновывал «концепцию» заморских баз Пентагона Т. Финлеттер. — Наша стратегическая авиация нуждается в базах, расположенных на территории стран — участниц НАТО»¹.

Создание в 1951—1953 гг. в Западной Европе разветвленной системы баз НАТО (фактически американских) и чисто американских военных баз явилось одним из главных факторов ухудшения обстановки в Европе и возрастания международной напряженности.

3. Североатлантический союз в 1954—1955 гг.

Вся деятельность НАТО увеличивала угрозу миру в Европе и во всем мире. Особенно отрицательное воздействие на всю международную обстановку оказало решение западных держав о включении в Североатлантический блок и перевооружении За-

¹ Т. К. Finletter. Rower and Policy. N. Y., 1954, p. 37.

падной Германии, правительство которой провозгласило реваншизм своей государственной политикой.

Вопрос о включении Западной Германии в систему НАТО был поставлен агрессивными кругами США и некоторых других западных держав вскоре после вступления в силу Североатлантического договора. Уже в конце 1949 — начале 1950 г. в западной печати стали появляться сообщения о том, что этот вопрос рассматривается в высших сферах западных держав — членов НАТО. Несомненно, что вступление в силу Североатлантического договора и окончательное оформление сепаратного западногерманского государства в виде Федеративной Республики Германии совпали по времени отнюдь не случайно¹. Было очевидно, что это звенья одной цепи, что Федеративная Республика Германии как раз и создается США при поддержке Англии и Франции в качестве важной составной части системы империалистических военных блоков.

В прямой и официальной форме вопрос о включении Западной Германии в систему НАТО был поставлен правительством США перед другими участниками Североатлантического союза вскоре после начала американской интервенции в Корее, на совещании министров иностранных дел США, Англии и Франции в Нью-Йорке 12—14 сентября 1950 г.² «Начиная со времени войны в Корее, а точнее с сентября 1950 г., — подчеркивал американский военный теоретик Р. Осгуд, — Соединенные Штаты начинают все более настойчиво добиваться участия Германии в НАТО»³.

После провала проекта Европейского оборонительного сообщества⁴ правящие круги США и их союзники по НАТО не только не отказались от своих замыслов в отношении использования западногерманских вооруженных сил как ударного оружия североатлантической группировки, но и сразу же приступили к разработке нового плана. На этот раз правительство США потребовало от своих союзников незамедлительных действий.

Президент Эйзенхауэр не скрывал своей досады по поводу того, что ФРГ все еще остается вне НАТО. Он заявлял: «Поразительным... является тот факт, что Федеративная Республика Германии, располагающая большими человеческими и материальными ресурсами, все еще не допущена к участию в коллективной системе обороны»⁵. 23 октября 1954 г. были подписаны так называемые парижские соглашения, в которых и был воплощен новый план решения вопроса о вооружении ФРГ и включении ее в НАТО⁶.

В парижских соглашениях откровеннее, чем даже в плане создания Европейского оборонительного сообщества, делалась ставка на использование германских контингентов в качестве ударной силы НАТО в Европе.

Парижские соглашения предусматривали прежде всего принятие ФРГ в Североатлантический союз в качестве полноправного члена. Это было зафиксировано в «Протоколе о присоединении к Североатлантическому договору Федеративной Республики Германии», являющемся составной частью париж-

¹ Североатлантический договор вступил в силу 24 августа 1949 г., а конституирование Федеративной Республики Германии в качестве государства произошло 7 сентября 1949 г.

² См. гл. XXIII.

³ Р. Осгуд. Ограниченная война. М., 1959, стр. 263.

⁴ См. гл. XXIV.

⁵ «The Department of State Bulletin», 12. IV. 1954, p. 561.

⁶ См. гл. XXV.

ских соглашений. Одновременно было принято решение о том, чтобы ФРГ, а также Италия присоединились к Брюссельскому договору 1948 г. о Западном союзе, переименованном теперь в Западноевропейский союз и охватывающем с этого времени 7 государств — Англию, Францию, ФРГ, Италию, Бельгию, Голландию и Люксембург. При этом из Брюссельского договора исключались даже формальные ссылки на необходимость предотвратить возобновление агрессивной политики Германии и включались положения о том, что вся деятельность Западноевропейского союза будет осуществляться в контакте с Североатлантическим блоком и под его эгидой.

В соответствии с «Протоколом о вооруженных силах Западноевропейского союза», «Протоколом о контроле над вооружением» и «Протоколом об органе Западного европейского союза по контролю над вооружением» был определен порядок ремилитаризации ФРГ в рамках НАТО и Западного европейского союза.

ФРГ предоставлялось право сформировать вооруженные силы в составе 12 дивизий, тактическую авиацию и военно-морской флот. Эти войска ФРГ передавались в распоряжение верховного командующего объединенными вооруженными силами НАТО в Европе на тех же основаниях, что и контингенты других членов НАТО. Для военного производства в ФРГ устанавливаются некоторые ограничения, контроль за соблюдением которых, а также максимально разрешенного ФРГ уровня вооруженных сил возлагался на Западный европейский союз и верховного командующего вооруженными силами НАТО в Европе. На Западный европейский союз возлагалось также решение всех вопросов, связанных с пересмотром установленных для ФРГ ограничений.

Парижские соглашения предоставляли даже более выгодные для реваншистско-милитаристских кругов Западной Германии условия вооружения ФРГ и ее включения в систему НАТО, чем потерпевший провал договор о Европейском оборонительном сообществе. Эти условия отвечали в то же время целям руководителей США и НАТО, стремившихся как можно полнее и быстрее поставить военный потенциал Западной Германии на службу своим агрессивным планам. «Если все пойдет хорошо, — писал в январе 1955 г. журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», — можно будет начать перевооружение Германии как полноправного члена НАТО уже с середины 1955 г.»¹ В июле 1955 г. бундестаг принял закон, разрешающий набор добровольцев в воинские части.

Агрессивный характер НАТО, его отрицательное воздействие на международную обстановку стали особенно очевидными в условиях, когда благодаря СССР и другим миролюбивым силам в 1954—1955 гг. была достигнута некоторая разрядка международной напряженности.

Поскольку агрессивным кругам становилось все труднее поддерживать в западных странах состояние военного психоза, в НАТО значительно усилилось действие центробежных сил. Они давали о себе знать в различных областях деятельности Североатлантического блока: правительству США с большим трудом удавалось навязывать своим союзникам новые программы военных приготовлений; на все растущее противодействие стали наталкиваться требования США о предоставлении им новых баз в Европе; окончательный провал потерпели попытки США вовлечь в систему НАТО нейтральные государства Европы — Швецию, Австрию; серьезные возражения со стороны европейских членов НАТО вызвала постанова пра-

¹ «US News and World Report», 7. I. 1955, p. 22.

вительственными кругами США вопроса о приеме в НАТО франкистской Испании. В странах Западной Европы, особенно во Франции, Италии, Бельгии, раздавались в это время требования о том, чтобы в какой-то мере ослабить военный аспект в деятельности НАТО и больше внимания уделять вопросам политического и экономического сотрудничества.

Чтобы укрепить НАТО и преодолеть действие внутри него центробежных сил, США сразу же после принятия Западной Германией в Североатлантический блок предоставили ей там одно из ведущих мест. Именно на Западную Германию стремились теперь опереться США при проведении своей линии на укрепление НАТО. И действительно, Западная Германия с самого начала стала «образцовым» членом НАТО в смысле выполнения военных программ.

Не успели вступить в силу парижские соглашения, как уже началось формирование западногерманских вооруженных сил — бундесвера — во главе с бывшими гитлеровскими генералами и офицерами. 30 июня 1955 г. между США и ФРГ было заключено соглашение «О взаимной помощи в обеспечении обороны», в соответствии с которым в ФРГ нескончаемым потоком направлялась американская военная техника для бундесвера.

В военный комитет НАТО был введен бывший гитлеровский генерал, а теперь генерал бундесвера, военный преступник А. Хойзингер. В объединенный штаб верховного командования вооруженных сил НАТО в Европе был включен другой бывший генерал гитлеровского вермахта — Г. Шпейдель¹. Многие другие генералы и офицеры бундесвера, еще недавно рьяно служившие Гитлеру, были назначены на различные должности в командных и штабных органах НАТО. Правящие круги ФРГ, все глубже проникая с помощью американцев в военный и политический механизм НАТО, со своей стороны оказывали США всемерную поддержку внутри этого блока при решении вопросов, связанных с разработкой военных программ и контролем за их выполнением.

Стремясь затормозить процесс ослабления и расшатывания НАТО под воздействием активной мирной политики Советского Союза, правительство США проводит ряд мер, направленных на то, чтобы «дисциплинировать» членов блока, не допустить их отхода от американской позиции в отношении СССР. В этих целях на обсуждение всех сессий совета НАТО, начиная с 11-й в апреле 1953 г., ставится вопрос об «оценке намерений Советского Союза». В ходе дискуссий по этому вопросу на всех сессиях в тот период доминирующую роль играл государственный секретарь США Даллес, который каждый раз навязывал

¹ В дальнейшем Г. Шпейдель был назначен командующим сухопутными силами НАТО в Центральной Европе и в его подчинение были переданы не только бельгийские и голландские, но и французские сухопутные войска, выделенные в качестве военных контингентов Франции для НАТО.

всем членам НАТО извращенную оценку «намерений Советского Союза».

Таким образом, блок НАТО стал использоваться Вашингтоном не только в качестве орудия для развертывания военных приготовлений, но и в качестве инструмента сплочения западных стран на базе негативной позиции в отношении миролюбивых предложений СССР. Правительство США использовало органы НАТО и для того, чтобы обеспечивать себе поддержку по конкретным международным вопросам, по которым западные державы вели переговоры с Советским Союзом.

В этих целях в рамках НАТО обсуждались основные вопросы стратегии и тактики западных держав перед Берлинским совещанием министров иностранных дел в январе — феврале 1954 г., перед Женевским совещанием министров иностранных дел по Индокитаю и Корею в апреле — июле 1954 г., перед совещанием глав правительств СССР, США, Англии и Франции в июле 1955 г. и перед совещанием министров иностранных дел четырех держав в октябре — ноябре 1955 г. Понятно, что в рамках военного блока НАТО американцам было легко направить обсуждение этих вопросов по вполне определенному руслу обеспечения политических условий для выполнения военных программ НАТО.

После рассмотрения на 13-й сессии совета НАТО в апреле 1954 г. итогов Берлинского совещания правительства США, Англии и Франции, заручившись поддержкой своих партнеров по этому блоку, отклонили 7 мая 1954 г. предложение Советского Союза о присоединении СССР к Североатлантическому договору. Тем самым он был окончательно разоблачен как агрессивный, направленный против СССР и всех социалистических стран.

Меры правящих кругов США и НАТО, направленные на то, чтобы не допустить дальнейшего расшатывания этого блока, на время дали определенные результаты. Несмотря на резкое сокращение американской военной помощи европейским членам НАТО (эта помощь стала теперь направляться США преимущественно в страны Среднего Востока и Азии, где сколачивались новые военные блоки)¹, в 1954—1955 гг. продолжалось наращивание военного потенциала НАТО.

Прекращение войн в Корею и Индокитае не привело к сокращению военных расходов государств — членов НАТО. В 1954—1955 гг. эти расходы остались на чрезвычайно высоком уровне, а в ряде стран даже возросли.

¹ США сократили военную помощь своим союзникам по НАТО уже в 1953/54 финансовом году, когда, например, по линии заказов «офф-шор» им было выделено лишь 356,6 млн. долл. против 1534,1 млн. долл. в 1952/53 финансовом году. В 1954/55 финансовом году военная помощь США европейским членам НАТО выразилась в сумме 200,8 млн. долл. (включая как прямые военные поставки, так и заказы «офф-шор»), причем наибольшие суммы пришлось на долю Турции (90,7 млн. долл.), Англии (35 млн. долл.), Греции (34,1 млн. долл.), ФРГ (24,1 млн. долл.) и Италии (16,1 млн. долл.). В 1955/56 финансовом году американская военная помощь союзникам США по НАТО оставалась на том же примерно уровне. Кроме того, в 1954/55 и в 1955/56 финансовых годах значительные суммы (до 80 млн. долл. в год) выделялись на оказание военной помощи Испании.

Военные расходы стран — участниц НАТО (в 1953—1955 гг.)

Государства	Единица измерения	1953 г.	1954 г.	1955 г.
США	млн. долл.	49 621	42 936	40 482
Англия	млн. ф. ст.	1 684	1 570	1 569
Франция	млрд. фр.	1 337	1 171	1 102
ФРГ *	млн. марок	6 195	6 709	7 383
Италия	млрд. лир	480	543	551
Канада	млн. канад. долл.	1 970	1 771	1 815
Бельгия	млн. бельг. фр.	19 815	19 925	17 067
Голландия	млн. флоринов	1 330	1 583	1 699
Люксембург	млн. люкс. фр.	488	566	614
Греция	млн. драхм	2 767	3 428	3 688
Турция	млн. турецк. фунт.	864	946	1 058
Португалия	млн. эскудо	1 975	2 100	2 224
Норвегия	млн. норв. крон	1 067	1 141	953
Дания	млн. дат. крон	889	885	920
Итого	млн. ам. долл.	64 014	56 555	54 124

* По ФРГ за 1953 и 1954 гг., т. е. до включения ФРГ в НАТО, приведены оккупационные расходы.

Во всех странах НАТО продолжалось формирование новых дивизий, авиационных частей, военно-морских сил. В США наращивались запасы ядерных бомб, на вооружение стратегической авиации США стали поступать новые бомбардировщики, предназначенные для доставки к цели водородных бомб.

В начале 1955 г. собственное ядерное оружие появилось у Англии, где также началось накопление его запасов.

12-я сессия совета НАТО в декабре 1953 г. приняла в принципе трехлетний план «инфраструктуры» на 1954—1956 гг. в объеме 608 млн. долл. и утвердила пятую программу «инфраструктуры». В декабре 1954 г. была утверждена шестая, а в декабре 1955 г. — седьмая годовичная программа.

Общая сумма расходов государств — членов НАТО на «инфраструктуру» по семи программам достигала к 1956 г. почти 2 млрд. долл. На эти средства были построены 150 военных аэродромов, 26 военно-морских баз, свыше 8 тыс. км наземных линий связи, около 1500 км подводных кабелей, около 8 тыс. км нефтепроводов, резервуары горючего общей емкостью почти 2 млн. куб. м, множество учебных лагерей, полигонов, штабных зданий с соответствующим оборудованием и другие военные объекты. Территория Западной Европы от Норвегии до Греции и от Франции до Турции покрылась густой сетью военных сооружений.

С 1954 г. в НАТО началась подготовка к реорганизации вооруженных сил с расчетом на условия ядерной войны, что вело к возрастанию угрозы миру, исходящей из этого военного блока. Решение о реорганизации вооруженных сил НАТО в Европе с учетом ядерной стратегии было принято на 12-й сессии совета НАТО в Париже. Именно к этому периоду относится высказывание лорда Исмэя: «Задача сегодняшнего дня (1955 г. — Авт.)

заключается в том, что НАТО не только должна поддерживать или увеличивать численность своих вооруженных сил, но и добиваться их качественного совершенствования, несмотря на существующие по-прежнему экономические трудности»¹.

Переговоры по вопросам, связанным с намеченным переходом к ядерной стратегии в вооруженных силах «европейского щита» НАТО велись в течение всего 1954 г. В ходе этих переговоров между членами НАТО возникли трения и взаимное недовольство. Европейские союзники США требовали у американского правительства, чтобы им передали секретную атомную информацию, однако США шли на это крайне неохотно. И лишь 13 апреля 1955 г. они согласились периодически передавать органам НАТО секретную информацию, однако непосредственно не связанную с производством ядерного оружия².

Разногласия между членами НАТО возникли также в связи с вопросом о том, кто должен нести ответственность за принятие решения о применении ядерного оружия, т. е. о начале ядерной войны. США, исходя из своей монополии на ядерное оружие в НАТО, стремились оставить за собой единоличное право решать этот вопрос. Однако их европейские союзники настаивали на том, чтобы без их согласия не применяли ядерного оружия, поскольку это могло бы навлечь на европейские государства — члены НАТО сокрушительный ответный ядерный удар.

В этих спорах середины 50-х годов внутри НАТО в зародыше уже содержались те глубокие противоречия по вопросам ядерной стратегии между США и их европейскими союзниками, которые всплыли на поверхность в последующие годы и привели к значительным осложнениям в Североатлантическом блоке. Уже в 1954—1955 гг. руководящие круги западноевропейских государств — членов НАТО не могли игнорировать тот факт, что ядерным оружием обладают не только США (и Англия), но и Советский Союз. А это намного увеличивало для западноевропейских стран опасность участия в НАТО, т. е. в военном союзе с США, правительство которых провозгласило основой своей мировой политики авантюристическую доктрину «массированного возмездия». Ведь смысл этой «доктрины» сводился к тому, что США провозглашали свое намерение в любой момент по их собственному выбору развязать ядерную войну против Советского Союза, используя в качестве предлога какой-либо местный военный конфликт с применением даже одних обычных вооружений. «Стоящая перед НАТО проблема вовсе не заключается в том, каким образом избежать приме-

¹ *H. Ismay. NATO: The First Five Years*, p. 108.

² США дали согласие передавать своим союзникам секретную информацию о действии ядерного оружия, о порядке обращения с ним и об «оценке возможностей потенциальных противников в отношении применения ядерного оружия».

нения атомного оружия... — цинично подчеркивал американский военный теоретик Дж. Гэйвин, — а в том, каким образом мы должны организовать свою жизнь, когда оно будет применено»¹.

Союз с США в рамках НАТО, представлявшийся правящим кругам западноевропейских стран в 1949—1950 гг. своего рода «ядерным зонтиком», под прикрытием которого можно более или менее безнаказанно проводить враждебную социалистическим странам политику, в 1953—1955 гг. все больше оборачивался уже угрозой для безопасности самих западноевропейских государств.

«Наши союзники (по НАТО. — Авт.), за исключением Англии... — жаловался американский военный теоретик Г. Киссинджер, — с ужасом думали о возможности возникновения нового конфликта... Они стремились приуменьшить реальность угрожающей им опасности...»²

США, опираясь на поддержку правительств Англии и Франции, были полны решимости сломить оппозицию в Западной Европе в отношении их ядерной политики. Журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» писал в этой связи: «Планы военных руководителей НАТО вызвали уже возражения со стороны Бельгии и Дании. Повсюду в Европе, в том числе и в Англии, эта идея действует как политический динамит. Однако правительства США, Англии и Франции решили сделать все возможное, чтобы заставить своих союзников согласиться с новым планом ведения атомной войны»³.

К концу 1955 г. военный блок НАТО подошел хотя и усилившимся в военном отношении, но далеко не таким сплоченным, как хотелось бы его организаторам и вдохновителям. Вся деятельность НАТО шла вразрез с наметившейся разрядкой международной напряженности и вызывала все большее недовольство народов.

4. Военные союзы США на Дальнем Востоке. АНЗЮС

Проводя в 1950—1955 гг. курс на максимальное усиление гонки вооружений по линии Североатлантического блока на Западе, США и другие империалистические державы начали создавать в эти годы целый комплекс военных блоков и соглашений в районе Тихого океана. Здесь образовался еще один узел системы империалистических военных блоков, нацеленный против Советского Союза, Китайской Народной Республики и других социалистических государств, и, следовательно, второй большой очаг международной напряженности и угрозы войны.

При этом параллельно создавалась целая сеть двусторонних военных договоров США с местными проамериканскими режимами и многосторонних военных союзов под эгидой США.

¹ J. S. Gavin. War and Peace in Space Age. N. Y., 1958, p. 142.

² A. H. Kissinger. Nuclear Weapons and Foreign Policy. N. Y., 1957, p. 273.

³ «US News and World Report», 17. XII. 1954, p. 32.

Первый двусторонний военный договор в этом районе был заключен 14 марта 1947 г. между США и Филиппинами о размещении на филиппинской территории американских военных баз. В дальнейшем, 28 августа 1951 г., он был дополнен американо-филиппинским соглашением о предоставлении США военной помощи Филиппинам и о реорганизации под руководством американцев филиппинской армии. В 1954/55 финансовом году военная помощь США Филиппинам достигала уже 21,9 млн. долл. В результате они становились одним из главных американских военных плацдармов на подступах к континентальной Азии.

Крупным и важным американским военным плацдармом в районе Дальнего Востока стала со времени окончания второй мировой войны Япония. До 1951 г. США держали свои вооруженные силы на территории Японии как оккупирующая держава. После заключения Сан-Францисского мирного договора они опирались на подписанный одновременно (8 сентября 1951 г.) американо-японский «договор безопасности»¹, который закреплял на неопределенный срок оккупацию Японии вооруженными силами США и предоставлял им неограниченную возможность использования военных баз на японской территории².

«Договор безопасности» закреплял положение Японии как военного плацдарма США против СССР, КНР, КНДР (этот плацдарм использовался американцами в широких масштабах, например, при осуществлении интервенции в Корею) и в то же время преследовал такие цели, как подавление освободительной борьбы японского народа. «Договор безопасности» имел целью также и закрепление монопольного господства США над Японией. Ст. II договора специально оговаривала, что «Япония не будет предоставлять без предварительного согласия Соединенных Штатов Америки ни баз или прав, ни полномочий или правооснований на базы или в отношении баз, ни права на размещение или на проведение маневров либо на транзит наземных, воздушных или морских сил какой-либо третьей державе»³. США отвели Японии роль своего военного заповедника, вход в который запрещался даже их союзникам.

Не прошло и двух лет после заключения военного «договора безопасности» с Японией, как 1 октября 1953 г. США подписали военный договор с правительством Южной Кореи, также оккупированной американцами⁴.

Этот договор был призван закрепить после прекращения войны оккупацию Соединенными Штатами Южной Кореи и превратить ее в долговременное передовое укрепление США в Азии, у самых границ КНДР, КНР и Советского Союза. Подобно американо-японскому «договору безопасности», американо-южнокорейский договор был заключен на неопределенный срок.

¹ См. гл. XX.

² Кроме военных баз на территории, над которой по Сан-Францисскому договору восстанавливалась юрисдикция японского правительства, США закрепили за собой военные базы на отторгнутых ими у Японии территориях — о-ве Окинава и о-вах Рюкю.

³ «The New York Times», 9. IX. 1951.

⁴ «The New York Times», 2. X. 1953.

В Южную Корею направлялись американские средства. Всего, по официальным американским данным, США оказали Южной Корее за 7 лет — с 3 апреля 1948 г. по 31 марта 1955 г. — помощь на сумму 400,6 млн. долл., причем экономическая помощь составляла ничтожную часть этих средств, а все остальное израсходовано на поставки оружия и военных материалов. Южная Корея превратилась в одно из самых милитаризованных государств Азии.

Через год после заключения договора с Южной Кореей, 2 декабря 1954 г., США заключили еще один военный договор — так называемый «договор о военной безопасности» с чанкайшистами¹. Этим документом самочинно закреплялась американская оккупация Тайваня — территории, незаконно отторгнутой от Китайской Народной Республики.

Таким образом, в непосредственной близости от КНР на земле, принадлежащей Китайской Народной Республике, создавался еще один американский военный плацдарм, в связи с чем возникла прямая угроза безопасности КНР. Форсируя военные приготовления против КНР, правительство США выделяло чанкайшистам весьма значительную долю своей военной помощи странам Азии. За 7 лет, с 3 апреля 1948 г. по 31 марта 1955 г., чанкайшисты получили от США помощь (главным образом военную) на сумму 672,1 млн. долл., причем за один только 1954/55 финансовый год — 134,7 млн. долл.

Договоры США с чанкайшистами и Южной Кореей таили в себе серьезную угрозу миру в Азии и безопасности азиатских государств еще и потому, что содержали военные обязательства США в отношении режимов, открыто выдвигающих захватнические притязания на территории Китайской Народной Республики и Корейской Народно-Демократической Республики.

Военные договоры США с Филиппинами, Японией, Южной Кореей и чанкайшистами создавали своего рода стратегический четырехугольник американских военных баз в западной части Тихого океана, направленных против социалистических стран и молодых национальных государств Азии. При помощи созданного в этот же период военного блока АНЗЮС² (Тихоокеанский пакт) Соединенные Штаты вовлекли в свою стратегическую систему в данном районе также Австралию и Новую Зеландию.

Вопрос о создании военного блока, который охватывал бы основные страны Тихого океана, был поставлен агрессивными кругами США еще в середине 1950 г., в обстановке военного угара в связи с американской интервенцией в Корее.

Тихоокеанский пакт, или «Договор о безопасности между Австралией, Новой Зеландией и Соединенными Штатами Америки», был подписан 1 сентября 1951 г. в Сан-Франциско. Он был задуман и заключен как договор о военном союзе США, Австралии и Новой Зеландии. Агрессивный характер Тихоокеанского пакта определялся и тем, что он был органически увязан с системой двусторонних военных соглашений США со странами района западной части Тихого океана. Во втором параграфе преамбулы Тихоокеанского пакта участники договора специально указывали как на одно из оснований для его заключения на тот факт, что «Соединенные Штаты уже имеют

¹ «The New York Times», 3. XII. 1954.

² От первых букв английского названия трех государств (Australia, New Zealand, the United States) происходит сокращенное наименование Тихоокеанского пакта — АНЗЮС (ANZUS).

соглашения, в соответствии с которыми их вооруженные силы находятся на Филиппинах, и имеют свои вооруженные силы и административные обязанности на островах Рюкю, а после вступления в силу мирного договора с Японией могут также содержать вооруженные силы в Японии и вблизи нее». Тихоокеанский пакт содержал также обязательство сторон принять меры к наращиванию своего военного потенциала (ст. II) и обязательство о взаимных консультациях в случае возникновения напряженной обстановки на Тихом океане (ст. III). В соответствии со ст. VII предусматривалось учреждение совета АНЗЮС в качестве органа по проведению договора в жизнь. Совет было решено создать на уровне министров или их заместителей. Договор заключался на неопределенный срок¹.

Создание военного блока АНЗЮС привело к вовлечению Австралии и Новой Зеландии в гонку вооружений, усилению стратегических позиций США в районе Тихого океана и возрастанию угрозы миру и безопасности в этом районе.

С конца 1953 — начала 1954 г. США приступили к сколачиванию в районе западной части Тихого океана и Юго-Восточной Азии более широкого по составу агрессивного военного блока. Предлогом для создания такого блока правительство США избрало войну в Индокитае, где в это время французы терпели одно поражение за другим.

5. Сколачивание военного блока в Юго-Восточной Азии

Первоначальный американский план создания военного блока в Юго-Восточной Азии предусматривал включение в него США, Англии, Франции, тихоокеанских союзников США по АНЗЮСу и по возможности основных государств, расположенных в этом районе; причем особое значение придавалось участию в новом блоке Индии, Индонезии, Бирмы. Задачи блока должны были состоять в том, чтобы организовать совместную интервенцию в Индокитай с целью военного подавления национально-освободительных сил, ведущих борьбу против французских колонизаторов; предъявить ультиматум Китайской Народной Республике с угрозой начать против нее военные действия, если КНР будет противодействовать интервенции империалистических держав в Индокитай; после разгрома национально-освободительного движения в Индокитае выступить в роли гаранта «порядка и безопасности» в районе Юго-Восточной Азии.

Эта американская программа создания нового блока, прикрытая, разумеется, псевдомиролюбивой и антикоммунистической фразеологией, была выдвинута в двух выступлениях государственного секретаря США Даллеса — 29 марта 1954 г. в Нью-Йорке и 5 апреля 1954 г. в комиссии по иностранным делам палаты представителей США. В тот же период президент Эйзенхауэр, вице-президент Никсон и представители военных кругов США выступали чуть ли не ежедневно с воинственными угрозами по адресу КНР и Советского Союза. Даллес сам впоследствии признавал, что правительство США вполне сознательно «балансирует на грани войны». Было очевидно также, что американский план преследовал и такую цель, как срыв Женевского совещания по Индокитаю и Корею.

¹ «The New York Times», 2. IX. 1951.

«План Даллеса» вызвал решительные протесты в большинстве стран Азии, особенно в Индии, Индонезии, Бирме. Не решались в то время принять его и основные союзники США по НАТО — Англия и Франция.

Правительству США, несмотря на нажим, не удалось до окончания Женевского совещания принудить своих главных союзников согласиться на безотлагательное создание военного блока в Юго-Восточной Азии и на прямое военное вмешательство силами этого блока в дела Индокитая.

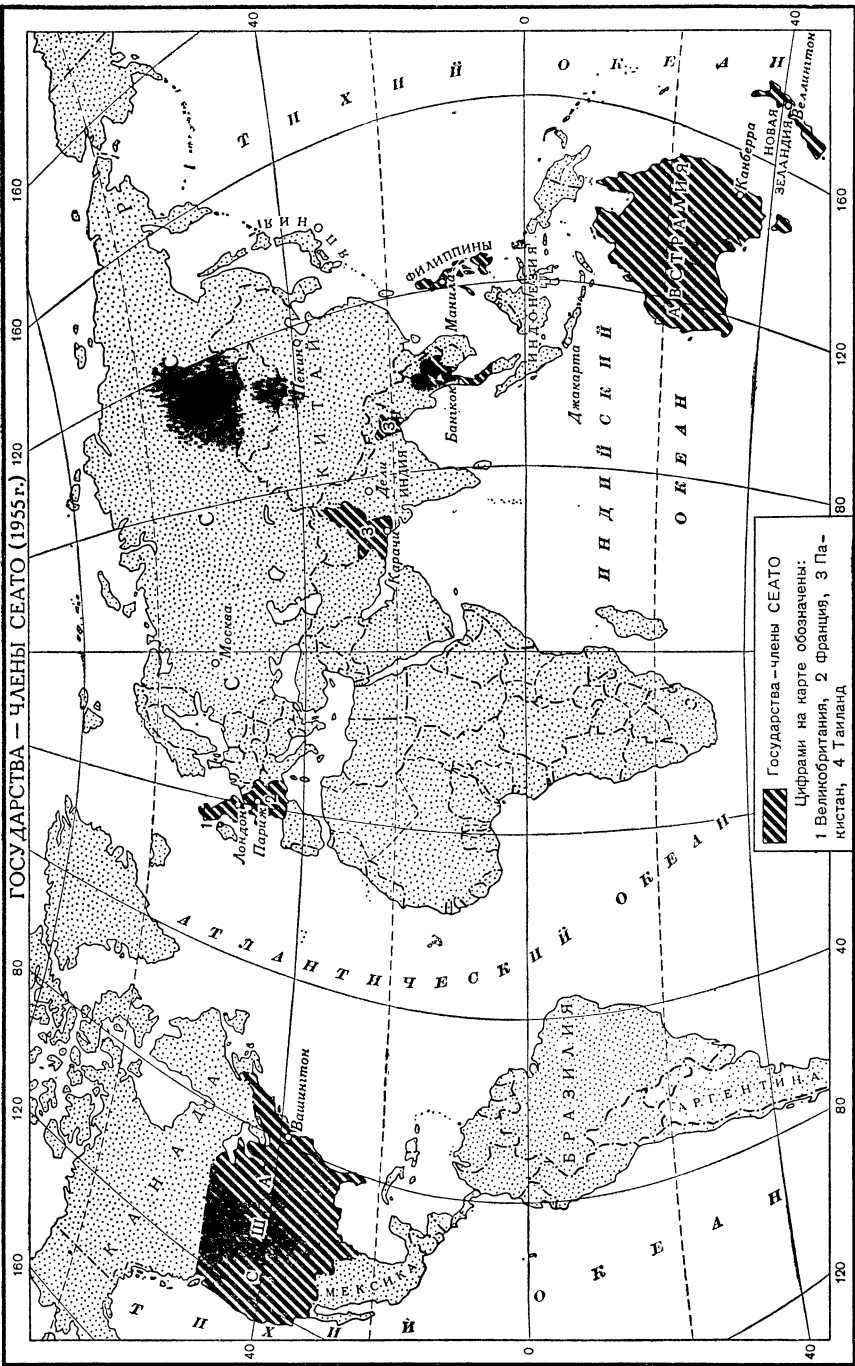
Женевское совещание закончилось подписанием 21 июля 1954 г. Заключительного акта и других документов о прекращении войны в Индокитае. К тому же времени завершила свою работу и англо-американская рабочая группа, подготовившая проект военного договора для района Юго-Восточной Азии. Определились и его участники: еще в апреле — мае 1954 г. свою готовность вступить в новый военный блок выразили кроме США, Англии и Франции также Австралия, Новая Зеландия, Филиппины, Таиланд и Пакистан. Однако Индия, Индонезия, Бирма, Цейлон, т. е. большинство крупных стран Юго-Восточной Азии, решительно отказались войти в новый военный блок. Вопрос о прямом включении в него Южного Вьетнама, Камбоджи и Лаоса отпал, поскольку, согласно Женевским соглашениям, государства Индокитая не должны участвовать в военных союзах и группировках.

США не только не смогли добиться создания военного блока в Юго-Восточной Азии в тот момент, когда с его помощью можно было помешать прекращению войны в Индокитае, но и позже не добились сколько-нибудь широкого охвата этим блоком стран Юго-Восточной Азии. Западным державам удалось втянуть в него всего лишь три азиатских государства: Филиппины, Таиланд и Пакистан, т. е. государства, находящиеся в прямой экономической и даже военной (Филиппины) зависимости от США. Это было, несомненно, серьезной неудачей американской дипломатии.

Тем не менее, хотя и с запозданием и на более узкой базе, правительство США все же добилось создания новой группировки, ставшей важным звеном в общей системе империалистических военных блоков. Так называемый «Договор о коллективной обороне Юго-Восточной Азии» был подписан представителями восьми стран-участниц в Маниле 8 сентября 1954 г. После ратификации всеми странами-участницами договор о создании военного блока в Юго-Восточной Азии — так называемого СЕАТО¹ — вступил 19 февраля 1955 г. в силу.

Договор для Юго-Восточной Азии предусматривал не только военные обязательства, но и обязательства стран-участниц совместно бороться против национально-освободительного и демократического движения.

¹ СЕАТО — сокращенное название организации договора для Юго-Восточной Азии (South East Asia Treaty Organization — SEATO).

Что же касается военных обязательств, то в договоре о создании СЕАТО им был придан недвусмысленный характер. В первом пункте ст. IV договора говорилось: «Каждая сторона признает, что агрессия, предпринятая посредством вооруженного нападения в районе, охватываемом договором, против любой из сторон, или против любого государства, или территории, которые стороны по единодушному согласию могут в дальнейшем указать, будет угрожать ее собственному миру и безопасности, и соглашается, что она будет в этом случае действовать для преодоления этой опасности в соответствии со своими конституционными процедурами».

Военная сила всех стран — участниц СЕАТО должна была применяться по договору не только в случае вступления одной из них в войну с третьим государством, но и в случае вступления в такую войну «любого государства или территории, которые стороны по единодушному согласию могут в дальнейшем указать». Практически здесь подразумевались в первую очередь Южный Вьетнам, Камбоджа и Лаос. США добились согласия своих союзников на косвенное, но все же достаточно определенное распространение действия нового военного договора на эти три государства в порядке одностороннего акта.

Для того чтобы в этом отношении ни у кого не оставалось сомнений, одновременно с договором о создании СЕАТО был подписан специальный дополнительный протокол, в котором, в частности, говорилось: «Стороны, подписавшие договор о коллективной обороне Юго-Восточной Азии, единодушно указывают для целей, предусмотренных ст. IV договора, государства Камбоджу и Лаос, а также свободную территорию, находящуюся под юрисдикцией государства Вьетнам». Ст. X предусмотрен неопределенный срок действия договора.

Подлинные цели создания СЕАТО были раскрыты в Заявлении Министерства иностранных дел СССР от 15 сентября 1954 г. Договор о создании СЕАТО, указывалось в нем, заключен для подготовки войны, а не для укрепления мира. Он находится в вопиющем противоречии с целями и принципами ООН, с помощью нового блока рассчитывают помешать выполнению Женевских соглашений по Индокитаю, вовлечь азиатские государства в гонку вооружений, укрепить позиции колониальных держав в Азии¹.

В Совместной декларации правительств СССР и КНР, подписанной в Пекине 12 октября 1954 г., по поводу создания СЕАТО говорилось: «Советский Союз и Китайская Народная Республика решительно осуждают создание агрессивного военного блока в Юго-Восточной Азии, так как в основе этого блока лежат империалистические цели его инициаторов, направленные прежде всего против безопасности и национальной независимости стран Азии, равно как и против интересов мира в районе Азии и Тихого океана»².

С осуждением политики империалистических держав, выжившей в создании агрессивного военного блока СЕАТО, выступали уже в то время не только социалистические страны, но и молодые национальные государства Азии. Премьер-министр Индии Неру говорил 29 сентября 1954 г. в индийском парламенте, что подход стран, подписавших договор о СЕАТО, не-

¹ См. «Правда», 15 сентября 1954 г.

² «Правда», 12 октября 1954 г.

правилен и опасен с точки зрения любой азиатской страны. Этот договор, подчеркнул Неру, усиливает напряженность и тревогу, значительно ухудшает благоприятную атмосферу, созданную в результате подписания Женевских соглашений по Индокитаю, представляет собой продолжение политики раздела «сферы влияния»¹.

22—25 февраля 1955 г. в Бангкоке состоялась 1-я сессия совета СЕАТО. Государственный секретарь США Даллес выступил на ней с программной речью, в которой с грубым цинизмом заявил, что задача СЕАТО — бороться против «международного коммунизма». Он раскрыл замысел правящих кругов США использовать этот блок в качестве одного из орудий американской политики укрепления военных позиций империалистических держав в непосредственной близости от границ СССР, КНР, КНДР, ДРВ и подавления национально-освободительного движения народов Азии. Он подчеркнул, что интересы СЕАТО распространяются на Южную Корею, Японию, Тайвань, Камбоджу, Лаос и Южный Вьетнам. При этом Даллес ставил чанкайшистов и лисбмановцев в пример партнерам США по СЕАТО².

Первая сессия совета СЕАТО приняла решение о разработке общих военных программ, о координации деятельности участвующих стран против «подрывной деятельности» (т. е. против национально-освободительного движения), рассмотрела последние данные о военных мероприятиях против демократических сил на Филиппинах и в Малайе, подтвердила, что дополнительный протокол к договору о СЕАТО, касающийся Лаоса, Камбоджи и Южного Вьетнама, вступил в силу.

На протяжении второй половины 1955 г. в органах СЕАТО разрабатывались конкретные планы военных приготовлений, увеличения производства стратегического сырья, совместных мероприятий против национально-освободительного движения.

6. Заключение системы агрессивных договоров на Ближнем и Среднем Востоке

Еще в начале 50-х годов были предприняты первые попытки империалистических держав сколотить агрессивный военный блок на Ближнем и Среднем Востоке. Этот район интересовал западные державы главным образом с двух точек зрения: как крупнейший стратегический плацдарм на южных подступах к Советскому Союзу и как важнейший источник поступления нефти и колоссальных прибылей от нефтяных концессий на территориях Ирака, Кувейта и других стран. Однако созданию империалистического военного блока на Ближнем и Среднем Востоке препятствовало мощное национально-освободительное движение народов. Межимпериалистические противоречия тоже в какой-то мере тормозили создание военного блока на Ближнем и Среднем Востоке. Практически на сколачивание этого блока ушло около пяти лет.

Первой попыткой заложить основу агрессивного военного блока на Ближнем Востоке явилось выступление США, Англии и Франции 25 мая 1950 г.

¹ «The New York Times», 30. IX. 1954.

² «The New York Times», 26. II. 1955.

с так называемой «Декларацией трех держав о вооружении ближневосточных государств»¹.

Арабские государства заняли отрицательную позицию в отношении «тройственной декларации». В заявлении Лиги арабских стран от 21 июня 1950 г. подчеркивалось, что арабские страны сами будут решать, где и в каком количестве им нужно будет приобрести оружие, что они не потерпят раздела Ближнего и Среднего Востока на какие бы то ни было «сферы влияния» и что выступление западных держав с «тройственной декларацией» порождает подозрения в их намерении установить здесь свое господство. Таким образом, первая попытка западных держав вовлечь арабские государства в систему империалистических военных блоков закончилась провалом.

Только правительство Израиля сразу же выразило готовность принять военную помощь западных держав, предложенную ему по «тройственной декларации». С этого времени, не заключая формально военных соглашений, государство Израиль оказалось практически вовлеченным в систему империалистических военных блоков. Турция еще с 1948 г. была связана с США военными соглашениями в рамках «доктрины Трумэна», а с 1951 г. — через НАТО.

Вторая попытка была предпринята западными державами во второй половине 1951 г., в момент, когда в Египте нарастало движение за ликвидацию английской военной базы в районе Суэцкого канала и вывод из страны английских войск. На этот раз империалистические державы разработали и попытались провести в жизнь план создания в этом районе военного блока в форме так называемого «средневосточного командования».

Этот план преследовал две связанные между собой цели: во-первых, вовлечь Египет и другие арабские государства, а также Израиль в военный блок с западными державами и, во-вторых, увековечить в «обновленной» форме английскую оккупацию Египта, сохранить за Англией базу в Суэце — центральную военную базу всей стратегической системы английского империализма на Ближнем Востоке и в Африке.

Осуществление плана создания «средневосточного командования» зависело главным образом от позиции Египта, поскольку все остальные государства, намеченные в качестве первоначальных участников нового военного блока, поддерживали этот план². Поэтому нажим империалистических держав и был оказан прежде всего на Египет.

Однако правительство Египта под давлением поднимающегося национально-освободительного движения и требований широких масс не согласилось на предложение западных держав и на продолжение английской оккупации. Эта позиция Египта была поддержана всеми другими арабскими государствами.

Отказ арабских стран поддержать план создания «средневосточного командования» и твердая позиция СССР, который предупредил правительства США, Англии, Франции и Турции об опасных последствиях их агрессивных планов³, обусловили окончательный провал и этой, второй попытки сколотить агрессивный военный блок на Ближнем и Среднем Востоке. Однако западные державы стали искать новые пути и формы вовлечения стран Ближнего и Среднего Востока в систему империалистических военных блоков. Эти поиски проходили в условиях ожесточенной борьбы между США и Англией за укрепление своих позиций в этом районе и, в частности, за руководящую роль в будущем блоке.

Происходили, например, закулисные переговоры об объединении в «средиземноморском блоке» арабских стран с Италией, Грецией и Испанией. Широко обсуждалась также возможность создания так называемого «се-

¹ См. гл. VII.

² Правительства США, Англии, Франции и Турции выступили в качестве инициаторов создания «средневосточного командования», правительства Австралии, Новой Зеландии и Южно-Африканского Союза заявили о своей поддержке этого плана в начале ноября 1951 г.

³ См. «Правда», 25 ноября 1951 г.

верного оборонительного яруса» в составе Турции, Ирана, Пакистана, Ирака, Афганистана.

В мае 1953 г. государственный секретарь США Даллес, только что занявший этот пост, совершил поездку по странам Ближнего и Среднего Востока, основная цель которой заключалась в том, чтобы вовлечь в военные соглашения с США отдельные страны этого района, и прежде всего Турцию и Пакистан.

Турция уже имела с США соглашение о военной помощи и являлась к тому же членом НАТО. Переговоры о предоставлении американской военной помощи Пакистану начались после того, как 22 февраля 1954 г. правительство Карачи обратилось к США с соответствующей просьбой. Уже 25 февраля президент Эйзенхауэр официально заявил о согласии США предоставить Пакистану военную помощь, а 19 мая 1954 г. было подписано двустороннее соглашение между США и Пакистаном. С этого времени эта страна оказалась в системе американских военных союзов. Уже в 1954/55 финансовом году Пакистан получил американское вооружение и военные материалы на сумму 65,5 млн. долл.

В условиях, когда и Турция и Пакистан были вовлечены в военные соглашения с США, американцам уже нетрудно было добиться заключения также и турецко-пакистанского военного договора, который правительство США рассчитывало сделать основой военного блока на Ближнем и Среднем Востоке. Военный договор между Турцией и Пакистаном, который называли «соглашением о дружественном сотрудничестве», был подписан 2 апреля 1954 г. в Карачи¹.

Стремясь подготовить условия для присоединения к турецко-пакистанскому союзу Ирака, США подписали 5 апреля 1954 г. соглашение с ним о предоставлении ему американской военной помощи. Следующим шагом намечалось заключение Ираком военных соглашений с Турцией и Пакистаном. Однако американская идея присоединения Ирака к турецко-пакистанскому союзу не была поддержана англичанами, которые не собирались уступать американцам контроль над будущим военным блоком на Ближнем и Среднем Востоке.

По новому английскому плану силовой центр этого блока должен был находиться не в районе Турции и Пакистана, а в районе Ирака, где англичане располагали крупными военными базами и политической опорой в виде реакционного режима Нури Саида. Переговоры о таком союзе велись с 6 по 12 января 1955 г. в Багдаде.

24 февраля 1955 г. премьер-министр Ирака Нури Саид и премьер-министр Турции А. Мендерес подписали в Багдаде «Договор о взаимном сотрудничестве», получивший тогда же название Багдадского пакта.

Центральное место в иракo-турецком договоре было отведено вопросам военного сотрудничества между обеими странами. В договоре указывалось, что Турция и Ирак «будут сотрудничать в целях обеспечения своей безопасности и своей обороны» (ст. I), причем специально предусматривалось, что «компетентные власти определяют целесообразные мероприятия» для осуществления этой задачи (ст. II). Таким образом, в данном случае был применен далеко не новый прием маскировки характера военных обязательств участников блока: в самом договоре, который становился достоянием общественности, эти обязательства были изложены лишь в общей форме, а действительное их содержание должно было быть определено в особом соглашении, заключенном в секретном порядке. Договор между Турцией и Ираком содержал специальную статью, в которой говорилось, что он «будет открыт для присоединения любого члена Лиги арабских стран или всякого государства, заботящегося о мире и безопасности в этом районе мира и признанного высо-

¹ «The New York Times», 3. IV. 1954.

кими договаривающимися сторонами». Ирако-турецкий военный договор был заключен сроком на пять лет с автоматическим продлением на последующие пятилетние периоды (ст. VII).

Сразу же вслед за подписанием этого договора начались переговоры о присоединении к нему других государств. Однако среди арабских стран не нашлось таких, которые последовали бы за Ираком и согласились вступить в военный союз явно проимпериалистического направления. 2 марта 1955 г. о своем решительном отказе присоединиться к ирако-турецкому союзу заявили в совместном коммюнике правительства Египта и Сирии. 5 марта 1955 г. было опубликовано аналогичное тройственное коммюнике Саудовской Аравии, Египта и Сирии. Не пошли на присоединение к ирако-турецкому союзу и другие арабские государства — Ливан, Йемен, Ливия¹ и даже Иордания, хотя во главе последней стояли проанглийские элементы.

5 апреля 1955 г. к ирако-турецкому союзу присоединилась Англия, что окончательно раскрыло подлинные цели нового военного блока. За день до этого, 4 апреля 1955 г., было подписано соглашение между правительствами Англии и Ирака.

В соответствии с этим соглашением формально аннулировался англо-иракский договор 1930 г. о предоставлении Англии военных баз на иракской территории, но в то же время указанные базы закреплялись за Англией как участницей Багдадского пакта. Тот самый империалистический трюк, который сорвался у Англии в отношении Египта, когда был выдвинут в 1951 г. план создания «средневосточного командования», теперь удался в отношении Ирака, однако лишь на время.

Правительство США, хотя и было несколько раздражено тем, что военный блок на Ближнем и Среднем Востоке создается под английским руководством, в целом отнеслось к созданию этого блока положительно, так как его политическая направленность вполне отвечала общим установкам США на вовлечение стран данного района во враждебные Советскому Союзу империалистические военные блоки.

Западные державы игнорировали ясные и определенные предупреждения Советского Союза о том, что образование блоков и создание иностранных военных баз на территории стран Ближнего и Среднего Востока может иметь весьма опасные последствия². Они взяли на себя тем самым ответственность за дальнейшее обострение обстановки в районе Ближнего и Среднего Востока. Новым шагом в этом направлении было включение в Багдадский пакт 20 сентября 1955 г. Пакистана³.

¹ Правительство Ливии еще 29 июля 1953 г. заключило соглашение с правительством Англии о размещении английских вооруженных сил на базах в Ливии в обмен на английскую финансовую помощь, а 9 сентября 1954 г. подписало соглашение с правительством США о предоставлении американским военно-воздушным силам крупной военной базы Уилус-Филд. Эти соглашения в известной мере втягивали Ливию в систему империалистических военных блоков. Однако в военных соглашениях многостороннего характера Ливия участия не приняла.

² См. «Правда», 17 апреля 1955 г.

³ Одновременно с объявлением о присоединении Пакистана к Багдадскому пакту пакистанское правительство заявило, что соглашение 1954 г. между Пакистаном и Турцией становится составной частью «оборонительных» положений Багдадского пакта.

БАГДАДСКИЙ ПАКТ (1955 г.)

Государства — члены Багдадского пакта

Английские колонии

Примечание. Ирак в 1958 г. вышел из Багдадского пакта, после чего Багдадский пакт стал называться СЕНТО

Английские колонии

Примечание. Ирак в 1958 г. вышел из Багдадского пакта, после чего Багдадский пакт стал называться СЕНТО

Вслед за тем Англия и США усилили свой нажим на Иран, добиваясь теперь и его присоединения к Багдадскому пакту. Правительство Ирана пошло в этом вопросе, вопреки национальным интересам страны, за западными державами. 19 октября 1955 г. законопроект о присоединении Ирана к Багдадскому пакту был одобрен иранским сенатом, 23 октября — меджлисом и 3 ноября 1955 г. вступил в силу.

В связи с вступлением Ирана в Багдадский пакт правительство Советского Союза 26 ноября 1955 г. направило иранскому правительству ноту, в которой говорилось, что присоединение Ирана к Багдадской военной группировке несовместимо с интересами укрепления мира и безопасности в районе Ближнего и Среднего Востока и находится в противоречии с добрососедскими отношениями Ирана с Советским Союзом и с известными договорными обязательствами Ирана. В ноте подчеркивалось, что, являясь связующим звеном между НАТО и СЕАТО, Багдадский пакт представляет собой угрозу делу мира не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и за пределами этого района¹.

С включением в Багдадский пакт Ирана в этот блок входили 5 государств — Англия, Ирак, Турция, Пакистан, Иран; Соединенные Штаты Америки также стали к этому времени фактически членом нового военного блока на Ближнем и Среднем Востоке. На всех совещаниях, проводимых в рамках этого блока, США были представлены «наблюдателями».

Первая сессия совета Багдадского пакта состоялась 22—23 ноября 1955 г. в Багдаде. Ирак, Турция, Пакистан и Иран были представлены премьер-министрами, Англия — министром иностранных дел Макмилланом, а США — американским послом в Ираке в качестве «наблюдателя». Она приняла решение о созыве ежегодных сессий совета на уровне министров, о создании постоянного совета на уровне послов и постоянного секретариата с местопребыванием в Багдаде, военного комитета в составе начальников штабов или их заместителей, а также экономического комитета. Сессия констатировала также необходимость получения военной помощи от США. Иными словами, вновь созданный военный блок на Ближнем и Среднем Востоке обростал теми же самыми атрибутами, которые уже имелись у СЕАТО, а еще раньше были созданы в НАТО.

Так на Ближнем и Среднем Востоке был создан третий крупный узел системы империалистических военных блоков, еще один инструмент политики агрессии и колониализма.

7. Усиление военной направленности в деятельности ОАГ

В первой половине 50-х годов руководящие круги США приняли ряд мер к усилению военного направления в деятельности Организации американских государств (ОАГ) и более актив-

¹ «Правда», 27 ноября 1955 г.

ному вовлечению латиноамериканских государств в осуществление агрессивных планов США. В силу этого блок государств обоих американских континентов, первоначально довольно рыхлый и без ярко выраженных военных атрибутов, стал приобретать все более определенные черты военного блока. И все же Вашингтону ни в то время, ни позднее не удалось превратить ОАГ в полной мере в военный блок типа НАТО или хотя бы СЕАТО и навязать латиноамериканским государствам соответствующие планы милитаризации. Зато США широко использовали ОАГ как орудие укрепления своего господства в Латинской Америке, орудие борьбы против национально-освободительного движения латиноамериканских народов.

Для достижения своих целей США воспользовались началом войны в Корее. Уже 28 июня 1950 г. совет ОАГ по требованию США принял резолюцию о поддержке незаконного решения Совета Безопасности ООН от 27 июня 1950 г. об одобрении американской интервенции в Корее и объявлении ее «операцией ООН»¹.

Стремясь подхлестнуть милитаризацию латиноамериканских государств, США пошли по пути заключения двусторонних военных соглашений с этими государствами. Всего в 1952—1955 гг. такие двусторонние соглашения были заключены Соединенными Штатами с 12 латиноамериканскими государствами: Эквадором, Перу, Кубой (диктатура Батисты), Бразилией, Чили, Уругваем, Колумбией, Никарагуа, Гондурасом, Доминиканской Республикой, Гаити и Гватемалой. Остальные латиноамериканские государства уклонились от подписания подобных соглашений под различными предлогами. Двусторонние военные соглашения, заключенные в рамках закона «О взаимном обеспечении безопасности», в значительной степени привязывали эти государства к военной машине США, хотя и не содержали прямых обязательств о военном союзе.

В соответствии с двусторонними военными соглашениями США с 1952 г. приступили к осуществлению своих военных программ в Латинской Америке. В страны, с которыми они заключили такие соглашения, начало поступать американское оружие и были направлены многочисленные американские военные миссии, которые фактически взяли под свой контроль вооруженные силы и экономику этих государств. США смогли использовать Организацию американских государств в качестве ширмы при осуществлении вооруженной интервенции против Гватемалы в 1954 г.

* *
*

Курс империалистических держав на расширение и укрепление системы агрессивных военных блоков как важного инструмента политики «с позиции силы» в отношении Советского Союза и других социалистических государств, а также политики подавления национально-освободительного движения народов Азии, Африки и Латинской Америки принес в первой половине 50-х годов лишь некоторые из тех результатов, на которые рассчитывали правящие круги США и их союзники.

Империалистическим державам удалось в известной мере повысить военный потенциал НАТО, включить в этот агрессив-

¹ См. гл. IX.

ный блок, вопреки протестам всех миролюбивых государств и народов, Западную Германию, создать в рамках НАТО систему военных баз. Они сколотили в эти годы новые военные блоки в районе Юго-Восточной Азии, Тихого океана, Среднего Востока, активизировали военную сторону в деятельности Организации американских государств.

Вместе с тем США и другим западным державам не удалось придать системе агрессивных военных блоков всеобъемлющего характера и вследствие этого помешать образованию наряду с социалистическими государствами и государствами — членами западных военных блоков третьей группы государств, придерживающихся нейтралистской политики. Между тем образование третьей, нейтралистской группы государств само по себе серьезно ослабляло мировые позиции империалистических держав во главе с США, срывало попытки последних установить через систему военных блоков свое господство над миром. Со второй половины 50-х годов этот фактор стал оказывать все более заметное влияние на международную обстановку, способствуя укреплению мира.

Не увенчались успехом и попытки империалистических держав обеспечить стратегическую непрерывность системы империалистических военных блоков. Сплошная цепь военных блоков западных держав, опоясывающая страны социалистического лагеря, прерывается дважды — в районе Индии и Афганистана и в районе Югославии. В Азии Индия и Афганистан избрали во внешней политике нейтралистский курс. В Европе Югославия стала на путь неприсоединения к военным блокам, на путь сотрудничества с Советским Союзом по основным международным проблемам. Расчеты империалистических кругов на то, что Югославию удастся косвенно втянуть в систему военных блоков через Балканский союз¹, окончились провалом, поскольку уже в 1955 г. югославское правительство заявило об отсутствии необходимости осуществлять предусмотренные договором военные мероприятия.

С определенными трудностями столкнулись правящие круги западных держав и в области гонки вооружений. Как ни широк был уже в начале 50-х годов ее размах, остается фактом, что многие военные программы в рамках НАТО и других военных блоков не были выполнены в намеченный срок и в полном объеме.

В результате все время получалось так, что фактическая боевая готовность вооруженных сил агрессивных блоков значительно отставала от стратегического и политического планирования заправил этих блоков, определяемого их агрессивными

¹ 28 февраля 1953 г. между Югославией, Грецией и Турцией был подписан договор о дружбе и сотрудничестве, а 9 августа 1954 г. — договор о союзе, политическом сотрудничестве и взаимопомощи.

замыслами. Империалистические военные блоки на деле оказывались далеко не совершенными инструментами политики «с позиции силы» против социалистических государств, политики подготовки войны, хотя, разумеется, их деятельность, особенно в области гонки вооружений, вела уже в то время к обострению международной напряженности.

Соединенные Штаты добились усиления своего контроля над политикой союзников. Тем не менее империалистическому военному лагерю не удалось достичь необходимого единства. То там, то здесь обнаруживались трещины, серьезные противоречия с тенденцией к углублению и обострению.

Политические разногласия между империалистическими державами в связи с деятельностью военных блоков усугублялись и дополнялись военно-стратегическими разногласиями. Особенно заметными они становились по мере развития ядерного оружия и средств его доставки к цели. Чем более мощным становилось ядерное оружие, чем больше совершенствовались средства его доставки, чем более тяжелыми последствиями для самих участников военных блоков грозило развязывание ядерной войны, тем больше осложнений возникало в отношениях между США и их союзниками.

Противоречия внутри империалистических военных блоков резко обострились к концу рассматриваемого периода, когда в результате усилий Советского правительства в международной обстановке наметилась некоторая разрядка. В условиях намечавшегося ослабления международной напряженности правящим кругам США стало еще труднее удерживать контроль над своими союзниками по военным блокам и заставлять их выполнять все новые и новые программы гонки вооружений.

Коренные сдвиги в расстановке и соотношении сил на мировой арене в пользу социализма вели к существенным переменам во всей международной обстановке и, конечно, сказывались на состоянии и деятельности системы империалистических военных блоков.

Г Л А В А XVII

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НАРОДОВ АГРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКЕ ИМПЕРИАЛИЗМА. ДВИЖЕНИЕ СТОРОННИКОВ МИРА

Появление в первые послевоенные годы такого важного фактора международных отношений, как широкое и организованное движение народов за мир, охватывающее почти все общественные слои и распространяющееся на все континенты земного шара, явилось исторически обусловленным результатом коренного изменения в расстановке сил на мировой арене в пользу

социализма и развития общедемократического движения народных масс.

Борьба против войны, как наиболее опасного для народов средства империалистической политики, прошла в своем развитии несколько стадий. Начальная стадия соответствует развитию капитализма до эпохи его общего кризиса, когда империалистическая система безраздельно господствовала на всей планете. И в то время, особенно перед первой мировой войной, в капиталистических странах существовали антивоенные организации, возникавшие на различной классовой основе. По своему характеру это были либо пролетарские организации, руководящей силой которых являлись наиболее последовательные борцы за мир, революционные социал-демократы, либо группы буржуазной интеллигенции, настроенные пацифистски, но не видевшие глубинных причин империалистических войн и не желавшие в борьбе с поджигателями войны опереться на народные массы. Как правило, эти группы, носившие узкий характер, были почти не связаны между собой даже в пределах одной страны. Крайне слабыми были международные связи этих организаций. Известная слабость пролетарских антивоенных организаций, классовая ограниченность и отсутствие действенной программы у буржуазного пацифизма, разобщенность борьбы против организаторов войн в каждой стране и слабо развитые международные связи — все это предопределило их незначительное влияние на политику империалистических правительств, их неспособность помешать развязыванию империалистической войны.

Следующая стадия в развитии антивоенного движения развернулась в период, когда в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции было создано первое в мире социалистическое государство и капитализм перестал быть единой, охватывающей весь мир, системой. С созданием социалистического государства впервые в истории человечества последовательная политика мира стала государственной политикой. Советский Союз — быстро растущая в экономическом, политическом и военном отношении великая держава — превратилась в оплот международной борьбы за мир.

Развитие антивоенного движения в капиталистических странах и в этот период во многом еще страдало от слабостей, свойственных предшествующим годам: от раскола в рабочем движении и сектантских ошибок, допущенных в пролетарском антивоенном движении, от отсутствия четкой практической программы антивоенных действий, от страха руководящих деятелей многих буржуазно-пацифистских организаций перед народными массами.

Однако эта стадия в развитии борьбы против военной угрозы характеризуется гораздо более серьезными и эффективными выступлениями против империализма и войны, поддер-

жанными мощью и международным авторитетом Советского государства и борьбой народных масс. Немалое значение в укреплении рядов движения за мир имели решения VII конгресса Коммунистического Интернационала, нацелившие коммунистические партии на создание Народного фронта. Тем не менее конкретно-исторические условия того периода не позволили антивоенным силам объединиться и создать непреодолимую преграду на пути империалистических поджигателей войны.

После второй мировой войны борьба за мир вступила в принципиально новую стадию развития.

В этот период возросли реальные возможности эффективной борьбы за предотвращение войны. Они определялись, во-первых, ростом авторитета и могущества СССР, созданием мировой социалистической системы, выступившей гарантом мира, все большим ослаблением международных позиций капитализма, вступившего во второй этап своего общего кризиса; во-вторых, бурным развитием коммунистического и рабочего движения; в-третьих, подъемом национально-освободительной борьбы и появлением молодых суверенных государств, проводящих миролюбивую нейтралистскую внешнюю политику; в-четвертых, быстрым ростом политического сознания народов капиталистических стран, переживших ужасы второй мировой войны.

Советский Союз и страны народной демократии своей последовательной миролюбивой политикой и настойчивой борьбой за урегулирование послевоенных проблем в интересах укрепления международной безопасности вдохновляли народы других стран на решительные выступления в защиту мира. Лагерь социализма стал мощной опорой борьбы народов за сохранение мира. С каждым послевоенным годом соотношение сил на международной арене все больше изменялось в пользу сил мира, демократии и социализма. Все это вселяло в народные массы всех стран веру в возможность установления прочной преграды на пути к войне. В этих условиях роль масс в международных отношениях резко возросла. Воля народов к миру все более превращалась в материальную силу, оказывающую серьезное воздействие на развитие отношений между государствами, на решение важнейших международных проблем, от которых зависят судьбы человечества.

В то же время уже в первые послевоенные годы стала очевидной необходимость объединения усилий всех народов, для того чтобы преградить дорогу войне. Стремление империалистов США к мировому господству, создание сети военных баз, гонка ядерного вооружения, сколачивание империалистическими державами, и прежде всего США, агрессивных блоков, провозглашение ими политики «балансирования на грани войны» и активизация «атомной дипломатии», в основе которой лежали попытки шантажа, акты прямой агрессии, — все это поставило человечество перед настоящей необходимостью сплотить

все силы, борющиеся против войны, и противопоставить факельщикам новой мировой войны единый международный фронт сторонников мира.

Обострение международной напряженности в результате агрессивной политики правящих кругов США и других западных держав в отношении СССР и всего социалистического лагеря, особенно в период войны в Корее, вызвало тревогу и беспокойство миллионов людей, отдававших себе отчет в том, что новая мировая война не была бы простым повторением предыдущей, так как в ней было бы широко применено атомное оружие. Вопрос о войне и мире стал самым главным и жизненно важным для миллионов людей всех стран.

Нарастающая военная опасность послужила тем толчком, который привел в движение миролюбивые силы и активизировал их. Сначала это были отдельные выступления небольших групп, затем ряды борцов за мир становились все многочисленнее, а их действия — более организованными. И наконец в 1949 г. оформилось могучее всемирное движение сторонников мира, отразившее непреклонную волю народов к миру, стремление предотвратить новую военную катастрофу.

Благоприятные объективные условия и жизненная необходимость предопределили возникновение во многих странах мира широкого и организованного в общенациональном масштабе движения различных общественных слоев, которое на этой стадии смогло достичь тесных международных связей и известного единства действий. В этом движении слились усилия миролюбивых народов Советского Союза и других социалистических стран, международного рабочего класса, нейтралистских государств, молодых суверенных стран Азии и Африки, а также передовых общественных сил в капиталистических странах, сумевших в рамках общедемократической борьбы за мир, против угрозы термоядерной войны проводить совместные действия.

«Особенностью нашей эпохи является то, — указывал Н. С. Хрущев в своем выступлении на VI съезде СЕПГ, — что борьба за мир, как никогда прежде, стала важнейшей исторической задачей не только рабочего класса, но и всех других слоев населения. Это тот узел, в котором сплетаются интересы всего человечества. Перед лицом угрозы термоядерной войны создается единый поток самых разнородных массовых движений, которые могут объединиться общим стремлением избавить человечество от военной катастрофы. Ведущей и организующей силой этого потока является международный рабочий класс и социалистические страны. И это не потому, что страны социализма просто подхватили популярный среди народов лозунг борьбы за мир. Нет, дело объясняется тем, что объективные интересы социалистических стран, интересы мирового движения

рабочего класса, национально-освободительного движения неотделимы от борьбы за предотвращение термоядерной войны»¹.

Новой стадией в организации борьбы за мир различных общественных слоев в каждой стране соответствовала качественно новая ступень развития международных форм единой борьбы против угрозы мировой войны.

1. Возникновение всемирного движения в защиту мира

Выступления борцов за мир к 1948—1949 гг. приняли уже такой широкий размах, что появилась настоятельная необходимость объединить усилия сторонников мира различных стран в мощное и организованное всемирное движение.

За создание единого фронта защиты мира выступили широкие круги мировой общественности, сторонники мира различных стран. Благородную инициативу в этом деле взяли на себя деятели культуры, науки и искусства Польши, Франции, Советского Союза и других стран. 25—28 августа 1948 г. в польском городе Вроцлаве состоялся Всемирный конгресс деятелей культуры, в котором приняли участие 500 виднейших деятелей науки, литературы и искусства из 48 стран.

Конгресс принял Манифест деятелей культуры в защиту мира, в котором, в частности, говорилось: «Народы всего мира не хотят войны и имеют достаточно сил, чтобы отстоять мир и культуру от посягательств нового фашизма»². Конгресс обратился к общественности всего мира с призывом усилить борьбу за мир. На конгрессе был создан Международный комитет связи деятелей культуры в защиту мира, в который вошли известный французский ученый, пламенный борец за мир Фредерик Жолио-Кюри, советский писатель Александр Фадеев, американский певец и общественный деятель Поль Робсон, чилийский поэт Пабло Неруда, польский ученый Ян Дембовский и другие³.

В декабре 1948 г. в Будапеште Международная демократическая федерация женщин опубликовала Манифест в защиту мира⁴. В феврале 1949 г. Международный комитет связи деятелей культуры в защиту мира, Международная федерация женщин и 75 видных общественных деятелей ряда стран обратились из Парижа ко всем демократическим организациям и ко всем защитникам мира с предложением созвать Всемирный конгресс сторонников мира⁵.

I Всемирный конгресс сторонников мира было решено созвать в апреле 1949 г. в Париже. Однако французские власти, стремясь помешать проведению конгресса, отказали в визах на въезд во Францию делегатам Китайской Народной Республики, Польши, Болгарии и ряда других стран, а также ограничили количество виз для делегатов Советского Союза. Тогда сторонники мира решили провести свой конгресс одновременно в Париже и Праге. В работе этого первого широкого международного форума борцов за мир, продолжавшегося с 20 по 25 апреля

¹ Н. С. Хрущев. Выступление на VI съезде Социалистической единой партии Германии 16 января 1963 г., стр. 30—31.

² «Правда», 28 августа 1948 г.

³ См. там же.

⁴ См. «Правда», 8 декабря 1948 г.

⁵ См. «Правда», 25 февраля 1949 г.

1949 г., приняли участие 2065 делегатов от 561 национальной и 12 международных организаций, представлявших самые различные слои населения 72 стран. Конгресс был призван заложить основы организованного всемирного движения сторонников мира.

Трудность состояла в том, что в движении сторонников мира необходимо было объединить миллионы людей, занимающих далеко не одинаковое положение в обществе, придерживающихся различных политических взглядов и религиозных убеждений, принадлежащих к всевозможным партиям или беспартийных, живущих в разных странах и на разных континентах, говорящих на разных языках — словом, всех, кому дорог мир.

Инициаторы движения сторонников мира стремились с самого начала придать ему боевой, действенный характер, чтобы основным его содержанием стали не разговоры о мире, а массовые практические действия, борьба за мир миллионов людей.

Открывая 20 апреля 1949 г. I Всемирный конгресс сторонников мира, один из основателей движения — Фредерик Жолио-Кюри заявил: «Хотя мы прекрасно сознаем трудность стоящей перед нами задачи, ибо люди, к сожалению, уже не впервые собираются для того, чтобы избежать войны, мы все же вступаем в битву с уверенностью в победе, потому что мы сильны и сумеем найти действенные методы борьбы и применить их на деле. Мы не ограничимся простым порицанием злоумышленников, порицанием, которое ставит их почти на одну доску с их жертвами. Мы собрались здесь не для того, чтобы просить мира у сторонников войны, а для того, чтобы навязать им мир»¹.

На I Всемирном конгрессе посланцы борцов за мир из 72 стран провозгласили защиту мира делом всех людей доброй воли. Основы организованного всемирного движения сторонников мира были заложены. В целях широкой пропаганды идей мира, противодействия военной истерии, разоблачения и осуждения поджигателей войны, а также для мобилизации общественности на активную борьбу за мир и координации деятельности национальных движений сторонников мира конгресс избрал Постоянный комитет Всемирного конгресса сторонников мира во главе с Фредериком Жолио-Кюри.

Первым крупным мероприятием, осуществленным по инициативе Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира, было проведение 2 октября 1949 г. Международного дня борьбы за мир. В этот день в 60 странах состоялись массовые демонстрации, митинги и другие выступления в защиту мира. Во Франции было проведено голосование за мир, в ходе которого более 7 млн. человек высказались против подготовки империалистическими

¹ «Первый Всемирный конгресс сторонников мира (Материалы)». М., 1950, стр. 10.

кругами новой войны. Во Франкфурте-на-Одере состоялась встреча представителей немецких и польских трудящихся. В резолюции, принятой участниками встречи, в частности, говорилось: «Признавая границу на Одере и Нейссе границей мира, мы обещаем навсегда сохранить дружбу с нашим польским соседом»¹.

Приведенные примеры являются лишь отдельными иллюстрациями тех широких и разнообразных мероприятий, которые были проведены в Международный день борьбы за мир. Это была первая проба сил движения сторонников мира в международном масштабе. Успех этих первых выступлений, показавших силу движения сторонников мира, привел к дальнейшему подъему борьбы за мир, к росту рядов сторонников мира, к повышению организованности их действий. К концу декабря 1949 г., т. е. спустя всего полгода после образования всемирного движения сторонников мира, оно уже насчитывало десятки национальных комитетов. Вскоре национальные комитеты защиты мира были созданы в большинстве стран.

Стремясь сосредоточить усилия сторонников мира на решении важнейших вопросов борьбы за мир, Постоянный комитет Всемирного конгресса сторонников мира на своей сессии, состоявшейся 28—31 октября 1949 г. в Риме, разработал предложения, предусматривавшие немедленные непосредственные переговоры под международным наблюдением в целях прекращения войн в Греции, Вьетнаме, Индонезии и Малайе, немедленное сокращение вооружений и вооруженных сил, а также запрещение и уничтожение атомного оружия, заключение в рамках ООН Пакта мира между великими державами.

Эти предложения вызвали новый подъем борьбы за мир во всех странах. Во исполнение решения римской сессии Постоянного комитета его Бюро в декабре 1949 г. приняло Обращение к парламентам всех стран, призывая их поддержать требования о запрещении атомного оружия, о сокращении вооружений, о прекращении военных интервенций против колониальных народов и преследований сторонников мира, которым они подвергались в ряде империалистических государств, а также предложение о заключении Пакта мира между великими державами.

По решению Бюро Постоянного комитета в СССР, КНР, США, Англию, Францию, Италию, Индию и ряд других стран были направлены делегации, которые должны были вручить текст Обращения к парламентам всех стран². И хотя парламентам многих стран Запада не приняли делегации сторонников мира³, сам факт обращения к парламентариям имел большое значение в деле привлечения внимания миллионов людей к важнейшим проблемам, от которых зависело сохранение и укрепление мира. Это выступление Бюро Постоянного комитета положило начало широкой практике непосредственного обращения всемирного движения сторонников мира к парламентам и правительствам различных государств.

Большое значение в борьбе против подготовки империалистами новой войны имело обращение Постоянного комитета к парламентам всех стран мира с призывом принять законы, запрещающие пропаганду войны. Советский Союз и другие социалистические страны приняли законы о защите мира, в которых предусматривается уголовное наказание за пропаганду войны. Западные державы, противившиеся принятию конкретных мер против пропагандистов новой войны, не ответили на этот призыв сторонников мира.

¹ «Правда», 7 октября 1949 г.

² Представители Верховного Совета СССР и парламентов других социалистических стран приняли делегатов всемирного движения сторонников мира и заверили их, что социалистические государства проводят и будут проводить миролюбивую внешнюю политику, вести борьбу за мир, в том числе и за достижение целей, указанных в Обращении Бюро Постоянного комитета (см. «Правда», 10 февраля и 9 марта 1950 г.).

³ Американские и голландские власти, например, даже запретили делегатам — сторонникам мира въезд в США и Голландию (см. «Правда», 29 февраля и 4 марта 1950 г.).

Одним из крупнейших мероприятий всемирного движения сторонников мира явилась кампания по сбору подписей под Стокгольмским воззванием о запрещении атомного оружия, с которым 19 марта 1950 г. обратился к народам Постоянный комитет Всемирного конгресса сторонников мира. В этом историческом воззвании говорилось: «Мы требуем безусловно запретить атомное оружие, как оружие агрессии и массового уничтожения людей, и установить строгий международный контроль за исполнением этого решения.

Мы будем считать военным преступником то правительство, которое первое применит атомное оружие против какой-либо страны.

Мы призываем всех людей доброй воли во всем мире подписаться под этим воззванием»¹.

Более 500 млн. подписей, поставленных под Стокгольмским воззванием, стали ярким выражением воли народов к миру, их стремления добиться запрещения атомного оружия.

Стокгольмское воззвание горячо поддержали Всемирная федерация профсоюзов, Международная демократическая федерация женщин, Всемирная федерация демократической молодежи, Международный союз студентов, а также множество национальных профсоюзных, женских, молодежных, студенческих и религиозных организаций. Кампания по сбору подписей под Стокгольмским воззванием во многих странах привела к дальнейшей активизации движения сторонников мира и росту его рядов.

В ходе кампании по сбору подписей под Стокгольмским воззванием во всех социалистических государствах и многих других странах мира состоялись конгрессы, конференции и другие крупные выступления сторонников мира. В Советском Союзе Стокгольмское воззвание обсуждал Верховный Совет и в июне 1950 г. принял заявление о его поддержке².

В поддержку Стокгольмского воззвания выступали люди самых различных профессий, политических взглядов и общественного положения. Так, 16 июня 1950 г. мэры 17 городов Италии направили послание мэрам Парижа, Лиона, Бордо, Тулузы и других городов Франции, призывая их присоединиться к Стокгольмскому воззванию³.

Развернувшаяся во второй половине 1950 г. агрессия американского империализма в Корее поставила перед всемирным движением сторонников мира новые важные задачи. Необходимо было мобилизовать все силы борцов за мир на пресечение этой опасной авантюры империалистов США и их пособников, нужно было активизировать деятельность национальных комитетов, обеспечить их правдивой информацией и указать пути и способы борьбы за прекращение войны в Корее. Это было тем более необходимо, что известная часть сторонников мира в капиталистических странах, обманутая лживой пропагандой, распространявшей клевету о причинах и целях войны в Корее, пришла в замешательство и не сразу сумела разобраться в происходивших событиях, понять подлинный смысл опасной авантюры американского империализма, который пытался замаскировать свои преступные замыслы.

II Всемирный конгресс сторонников мира собрался в условиях напряженной международной обстановки. Его заседания

¹ «Правда», 20 марта 1950 г.

² См. «Правда», 20 июня 1950 г. В СССР Стокгольмское воззвание подписали 111 544 103 человека, т. е. все взрослое население.

³ См. «Правда», 17 июня 1950 г.

проходили с 16 по 22 ноября 1950 г. в Варшаве¹. В работе конгресса приняли участие 1736 делегатов, представлявших движение сторонников мира 81 страны, а также гости и наблюдатели — всего 2065 человек.

В докладе Ф. Жолио-Кюри был подведен итог деятельности движения за время, прошедшее после I Всемирного конгресса сторонников мира, намечены перспективы развития и укрепления движения сторонников мира перед лицом возросшей военной опасности и сформулированы важнейшие задачи борьбы за мир в предстоящий период. Такими задачами были дальнейшая борьба за запрещение атомного оружия, за сокращение вооружений, осуждение всякой агрессии и прекращение агрессии американского империализма в Корее, запрещение пропаганды новой войны. «Все вместе, — заявил Ф. Жолио-Кюри, — мы будем работать с новой энергией, чтобы выполнить это дело, которое заслуживает того, чтобы отдать ему все силы, чтобы превратить силу, которую мы представляем, в высшую международную инстанцию, способную навязать волю народов всякий раз, когда органы, которым поручено сохранение мира, окажутся не в состоянии выполнить свою задачу»².

Делегаты конгресса выступили за принятие решительных мер к прекращению войны в Корее, за отказ империалистических держав от вмешательства во внутренние дела других стран, за смягчение международной напряженности.

«Объединимся в общей воле, — говорилось в Манифесте к народам мира, — и потребуем прекращения войны, которая сегодня опустошает Корею, а завтра может зажечь весь мир.

Выступим против попытки вновь разжечь очаги войны в Германии и в Японии.

Вместе с 500 миллионами людей, подписавших Стокгольмское воззвание, мы требуем запрещения атомного оружия, всеобщего разоружения, контроля над осуществлением этих мероприятий. Строгий контроль над всеобщим разоружением и уничтожением атомного оружия технически возможен. Нужно только захотеть...

Силы мира во всем мире достаточно велики, голос свободных людей звучит достаточно громко для того, чтобы общими усилиями мы могли добиться встречи представителей пяти великих держав...

Пусть правительства действуют таким образом, и дело мира будет спасено»³.

На II Всемирном конгрессе сторонников мира был избран Всемирный Совет Мира, заменивший собой Постоянный комитет Всемирного конгресса сторонников мира. В первый состав ВСМ вошло свыше 200 наиболее активных и авторитетных борцов за мир из 64 стран. Всемирный Совет Мира и его органы стали центрами организации и координации усилий сторонников мира всех стран. Первым президентом ВСМ был избран выдающийся борец за мир, известный французский ученый Фредерик Жолио-Кюри.

Сессия Всемирного Совета Мира, состоявшаяся 21—26 февраля 1951 г. в Берлине, приняла Обращение о заключении Пакта мира между пятью великими державами. В ходе последовавшей затем всемирной кампании по

¹ Первоначально предполагалось провести этот конгресс в Шеффилде, но английские власти не дали виз на въезд в Англию сторонникам мира ряда стран.

² «Второй Всемирный конгресс сторонников мира (Материалы)». М., 1951, стр. 29.

³ Там же, стр. 513—514.

сбору подписей под этим Обращением его подписали 612 522 тыс. сторонников мира различных стран.

Большое значение для активизации борьбы за мир имела принятая на первой сессии ВСМ резолюция об ООН, в которой предусматривалось направление в ООН делегации сторонников мира, а также резолюция о мирном разрешении корейского вопроса, японской и германской проблем, о борьбе за мир в колониальных и зависимых странах и т. д. На первой сессии ВСМ были учреждены Международные премии мира, присуждаемые самым выдающимся борцам за мир, которые своими литературными, художественными произведениями, деятельностью в области кинематографического или театрального искусства, научными трудами или иным путем наиболее эффективно содействуют укреплению мира между народами.

Со второй половины 1952 г. началась подготовка к Конгрессу народов в защиту мира. В ходе подготовки в ряде стран и районов земного шара состоялись национальные и региональные конференции сторонников мира. Так, например, в ноябре 1952 г. в Осло по инициативе видных профсоюзных деятелей Норвегии, Швеции, Дании, Финляндии и Исландии состоялась конференция рабочих северных стран в защиту мира. В работе конференции приняли участие 430 делегатов и 22 наблюдателя. В принятом на конференции обращении подчеркивалась необходимость обеспечения единства рабочих всех стран в борьбе за мир¹.

Конгресс народов в защиту мира состоялся в Вене 12—19 декабря 1952 г. В его работе участвовали 1857 представителей борцов за мир из 85 стран. В результате широкой свободной и плодотворной дискуссии был принят ряд важных документов. Воззвание Конгресса народов в защиту мира призывало всех людей доброй воли усилить борьбу за мир, за переговоры и достижение согласия между великими державами по важнейшим международным проблемам. «Мы считаем, — подчеркивалось в Воззвании, — что нет таких разногласий между государствами, которые не могли бы быть разрешены путем переговоров»². В Воззвании содержались требования немедленно прекратить войну в Корее, а также во Вьетнаме, Лаосе, Камбодже и Малайе, положить конец насилиям, направленным на то, чтобы подавить законное стремление к независимости народов Туниса и Марокко, выражался протест против расовой дискриминации, против агрессивных военных блоков, создание которых чревато новой войной, и т. д.

На конгрессе было также принято специальное Обращение к правительствам пяти великих держав, призывавшее их приступить к переговорам по вопросам, от которых зависят судьбы мира. В комиссиях конгресса были выработаны рекомендации о ликвидации существующих конфликтов, об ослаблении международной напряженности: об укреплении национальной независимости и безопасности больших и малых стран³.

¹ См. «Правда», 16 ноября 1952 г.

² «World Peace Movement. Resolutions and Documents». Vienna, 1953, p. 118.

³ Ibid., p. 117—129.

Национальные комитеты ряда стран по своей собственной инициативе неоднократно выступали по вопросам, непосредственно касавшимся народов данной страны или географического района, а также по проблемам, представляющим всеобщий интерес и волнующим народы всех стран и континентов.

Национальная конференция под лозунгом «За переговоры и мир», в которой приняли участие около 2 тыс. делегатов и приглашенных почти из всех департаментов Франции, состоялась в Париже 27—28 июня 1953 г. Участники конференции приняли решение добиваться от французского правительства немедленного прекращения военных действий в Индокитае и урегулирования проблемы Индокитае путем переговоров; отказа от боннского и парижского договоров, подписанных в мае 1952 г. и проведения переговоров о решении германской проблемы в интересах укрепления мира и безопасности; выступления Франции за урегулирование всех других международных споров и разногласий исключительно мирным путем, путем переговоров¹.

Состоявшаяся 15—20 июня 1953 г. в Будапеште сессия ВСМ приняла Декларацию об открытии всемирной кампании в пользу переговоров и Воззвание Всемирного Совета Мира, в котором, в частности, говорилось: «В эти дни мы торжественно призываем народы требовать от своих правительств, чтобы они путем переговоров пришли к согласию. Мы должны поддержать любое начинание любого правительства, имеющее целью мирное разрешение конфликтов. Мы должны помешать действиям тех, кто препятствует или затягивает достижение соглашения»². Призыв ВСМ о проведении кампании в пользу переговоров между великими державами был подхвачен сторонниками мира всех стран.

Весной и летом 1954 г. стали особенно активными выступления сторонников мира против попыток создания Европейского оборонительного сообщества. Развитию этой борьбы в значительной мере содействовали решения Бюро ВСМ, принятые на его венской сессии 28—30 марта 1954 г.³ Бюро приняло обращение к народам Европы по вопросу о Европейском оборонительном сообществе и декларацию об атомном оружии, призывая народы Европы сорвать замыслы организаторов ЕОС, усилить борьбу за запрещение атомного оружия. 1 и 2 апреля 1954 г. состоялось заседание итальянского комитета сторонников мира, на котором были разработаны дальнейшие меры по борьбе против ратификации договора о создании ЕОС⁴. В начале 1954 г. в Бельгии по инициативе Национального комитета защиты мира был проведен референдум по вопросу о Европейском оборонительном сообществе. Большинство участвовавших в референдуме бельгийских граждан высказалось против создания этого военного блока⁵.

Движение против ЕОС особенно сильным было во Франции. В нем приняли участие все слои французской общественности. Решительные протесты французского народа и народов других стран Европы против попыток создания Европейского оборонительного сообщества явились одной из важнейших причин его провала.

Усилия борцов за мир сыграли важную роль и в деле прекращения военных действий в Корее и Индокитае. Во время войн в Корее и Индокитае сторонники мира различных стран требовали от правительств западных держав скорейшего прекращения огня и начала переговоров о мирном урегулировании в Корее и Индокитае, протестовали против варварских методов войны, применявшихся войсками колонизаторов. Несомненно, что решительная борьба сторонников мира против атомного оружия в известной степени способствовала отказу империалистов США от намерения применить атомную бомбу в Корее.

¹ См. «Правда», 29 и 30 июня 1953 г.

² «World Peace Movement. Resolutions and Documents», 1954, p. 137.

³ См. «Правда», 31 марта 1954 г.

⁴ См. «Правда», 4 апреля 1954 г.

⁵ См. «Правда», 18 февраля 1954 г.

С 19 по 23 июня 1954 г. в Стокгольме проходила Международная конференция по ослаблению напряженности в международных отношениях. В ее работе приняли участие более 250 делегатов из 40 стран. Конференция рассмотрела вопросы: сокращение вооружений и запрещение оружия массового уничтожения, германская проблема, положение в Индокитае, события в Гватемале, обеспечение международной безопасности и национальной независимости и др. Она приняла также обращение к участникам Женевского совещания, призвавшее ускорить решение вопроса о прекращении войны в Индокитае¹.

Многочисленные выступления сторонников мира в национальном, региональном и всемирном масштабе, их требования восстановить мир в Корее и Индокитае наряду с другими важными факторами содействовали прекращению военных действий и мирным переговорам об урегулировании корейской и индокитайской проблем.

Подписание в октябре 1954 г. лондонских и парижских соглашений, направленных на ускорение ремилитаризации Западной Германии и включение ее в НАТО и Западноевропейский союз, вызвало решительные протесты сторонников мира всех стран. В эту борьбу активно включился и немецкий народ. Народы других стран также решительно протестовали против лондонских и парижских соглашений, против возрождения милитаризма в Западной Германии.

В решениях сессии Бюро ВСМ (сентябрь 1954 г.) и сессии Всемирного Совета Мира (ноябрь 1954 г.), в заявлениях руководящих деятелей всемирного движения сторонников мира содержался призыв к усилению борьбы против ратификации лондонских и парижских соглашений, против угрозы западногерманского милитаризма. Решительные выступления сторонников мира против лондонских и парижских соглашений, бесспорно, сыграли свою роль в длительной и упорной борьбе, развернувшейся вокруг их ратификации, они способствовали мобилизации народных масс во всех странах на решительное противодействие политике перевооружения Западной Германии.

В 1955 г. борьба за мир проходила под знаком подготовки совещания глав правительств четырех держав. Сторонники мира вели борьбу за обеспечение успеха этого совещания, а после него — за положительное практическое решение обсуждавшихся на совещании международных проблем. 18—19 января 1955 г. в Вене состоялась расширенная сессия Бюро ВСМ, на которой были приняты Декларация Бюро Всемирного Совета Мира, Обращение к народам Европы, призывающее их объединить усилия в борьбе против ремилитаризации Западной Германии, и Обращение к народам мира о проведении всемирной кампании против подготовки атомной войны.

В Обращении к народам мира говорилось: «В настоящее время некоторые правительства готовятся развязать атомную войну. Они хотят внушить народам мысль о ее неизбежности».

Применение атомного оружия привело бы к истребительной войне.

Мы заявляем, что правительство, которое развязет атомную войну, будет лишено доверия своего народа и будет осуждено всеми народами.

Мы выступаем и будем выступать против тех, кто подготавливает атомную войну.

¹ См. «Правда», 20—27 июня 1954 г.

Мы требуем уничтожения во всех странах запасов атомного оружия и немедленного прекращения его производства»¹.

Кампания по сбору подписей под этим Обращением, известным также как Венское воззвание, явилась одним из наиболее широких выступлений всемирного движения сторонников мира. К 6 августа 1955 г., когда отмечалась десятая годовщина атомной бомбардировки Хиросимы, под Обращением поставили свои подписи 655 963 811 человек².

Поддержка Венского воззвания находила свое выражение не только в сборе подписей, но и в других массовых действиях. 25 января 1955 г. по инициативе Английского комитета защиты мира тысячи англичан со всех концов страны прибыли в Лондон на встречу с депутатами парламента, чтобы заявить им протест против политики перевооружения Западной Германии. В состоявшейся перед зданием парламента демонстрации приняло участие около 17 тыс. человек³. 4 апреля 1955 г. в Нью-Йорке состоялся массовый митинг, участники которого высказались за мирное сосуществование государств с различными социальными системами, за решение спорных международных проблем путем переговоров⁴. С 6 по 10 апреля 1955 г. в Дели проходила конференция представителей общественности стран Азии по ослаблению напряженности в международных отношениях. В ее работе приняли участие 200 делегатов от различных стран Азии. Конференция одобрила принципы мирного сосуществования и высказалась за то, чтобы эти принципы были положены в основу межгосударственных отношений. Делегаты конференции подчеркивали, что признание и превращение в жизнь принципов мирного сосуществования — важнейшая гарантия предотвращения новой войны.

Конференция приняла резолюцию о принципах мирного сосуществования, о запрещении оружия массового уничтожения и контроле над ним, о восстановлении законных прав КНР в ООН, о борьбе против колониализма и иностранного вмешательства во внутренние дела других стран, против расовой дискриминации и т. д.⁵

В канун Женевского совещания глав правительств четырех держав, 22—29 июня 1955 г., в Хельсинки состоялась Всемирная ассамблея мира, в работе которой приняли участие более 1800 делегатов из 68 стран. На этом историческом собрании борцов за мир участвовали представители различных слоев населения, в том числе 73 человека от деловых кругов, 72 деятеля церкви, 146 членов парламента и т. д. В центре внимания участников этого всемирного форума стояли вопросы разоружения, запрещения ядерного оружия, укрепления безопасности и развития международного сотрудничества.

Ассамблея приняла обращение к участникам предстоявшего совещания глав правительств, призывавшее их преодолеть взаимное недоверие и договориться по важнейшим вопросам, от которых зависят судьбы мира. Ассамблея решительно потребовала решения проблемы разоружения и запрещения ядерного оружия, вывода американских войск с о-ва Тайвань и воссоединения его с Китайской Народной Республикой, ликвидации иностранных военных баз на чужих территориях и т. д.

¹ «World Peace Movement. Resolutions and Documents», 1955, p. 191.

² См. «Международный политико-экономический ежегодник 1958 г.». М., 1958, стр. 659.

³ См. «Правда», 27 января 1955 г.

⁴ См. «Правда», 6 апреля 1955 г.

⁵ См. «Правда», 7—11 апреля 1955 г.

Всемирное движение сторонников мира приветствовало открывшееся в июле 1955 г. в Женеве совещание глав правительств четырех держав и тот дух делового сотрудничества, который родился в результате полезного обмена мнениями по важнейшим международным проблемам, обсуждавшимся участниками совещания. После Женевского совещания, сам факт проведения которого явился, несомненно, крупным успехом сил мира, борцы за мир продолжали прилагать огромные усилия по развитию и укреплению духа переговоров, требовали мирного разрешения спорных международных проблем.

2. Общедемократический характер борьбы за мир

Всемирное движение сторонников мира имеет широкий демократический характер. В первых рядах многомиллионной армии борцов за мир идут народные массы социалистических стран, активно поддерживающие миролюбивую внешнюю политику своих правительств, решительно выступающие за укрепление мира и безопасности.

Наиболее активной силой в борьбе за мир во всем мире является рабочий класс — самый передовой класс современного общества, выразитель подлинных идеалов людей труда и наиболее активный борец за их осуществление. Как в социалистических странах, где рабочие являются хозяевами своей судьбы и в союзе со всеми трудящимися строят новую жизнь, так и в несоциалистических странах, где рабочий класс все решительнее отстаивает свои права и интересы, борьба за мир представляет собой одну из важнейших задач рабочего класса, миллионов трудящихся.

Еще в 1870 г. К. Маркс отмечал особую роль рабочего класса в борьбе за мир: «....Союз рабочих всех стран в конце концов искоренит всякие войны. В то время как официальная Франция и официальная Германия бросаются в братоубийственную борьбу, французские и немецкие рабочие посылают друг другу вести мира и дружбы. Уже один этот великий факт, не имеющий себе равного в истории, открывает надежды на более светлое будущее. Он показывает, что в противоположность старому обществу с его экономической нищетой и политическим безумием нарождается новое общество, международным принципом которого будет — *мир*, ибо у каждого народа будет один и тот же властелин — *труд*!»¹

Новое общество, о котором писал К. Маркс, ныне реально существует в Советском Союзе и других социалистических государствах, которые подают пример стойкой и последовательной борьбы за мир всем странам и народам. В братской дружбе с рабочим классом социалистических стран международный пролетариат черпает силы и уверенность в своей победе в борьбе за мир, демократию и социализм.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 17. М., 1960, стр. 5.

В наше время, когда вопрос о войне и мире является основным вопросом современности, еще более возрастает роль рабочего класса всех стран в борьбе за мир. «Особую ответственность за защиту мира, — подчеркивал, выступая на V Всемирном конгрессе профсоюзов, Н. С. Хрущев, — история возложила на международный рабочий класс. Каждый деятель рабочего движения, каждый рабочий в современных условиях не может не задавать себе вопроса: все ли сделано для того, чтобы мобилизовать и сплотить миролюбивые силы трудящихся на борьбу за предотвращение войны»¹. Выполняя свою историческую миссию, международный рабочий класс ведет активную борьбу за мир. Французские докеры и английские горняки, рабочие Италии, Бельгии, Западной Германии, Японии, США и других стран вписали немало славных страниц в историю благородной борьбы народов за мир.

Во главе отрядов и организаций международного рабочего класса, борющихся за мир, идут коммунистические и рабочие партии. «Наиболее активными и последовательными борцами с военной опасностью и реакцией, — указывалось в отчетном докладе на XX съезде КПСС, — показали себя коммунистические партии, которые, как и раньше, все эти годы находятся в самой гуще борьбы за сохранение мира, за жизненные интересы трудящихся и национальную независимость своих стран»². Коммунисты считают борьбу за мир своим прямым долгом, ибо «в наше время дело обстоит так, что борьба за мир стала важнейшим условием борьбы за социализм»³.

Однако это вовсе не означает, что движение сторонников мира представляет собой коммунистическую организацию. Движение сторонников мира — общедемократическое движение народов, в котором коммунисты являются активными, стойкими и последовательными борцами. Объявление всемирного движения сторонников мира «коммунистической организацией» понадобилось врагам мира и демократии, во-первых, для того, чтобы отпугнуть от движения за мир тех, кто страстно ненавидит войну, но в силу своей классовой принадлежности, своего положения в обществе или по другим причинам не хочет либо опасается связать себя с организацией, которую объявляют коммунистической; во-вторых, для того, чтобы легче расправляться с борцами за мир и демократию, участвующими в движении, объявив их коммунистами и обрушив на них всю силу репрессий,

¹ Н. С. Хрущев. Речь на V Всемирном конгрессе профсоюзов. М., 1961, стр. 11.

² Н. С. Хрущев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. I, стр. 22.

³ Н. С. Хрущев. Выступление на VI съезде Социалистической единой партии Германии 16 января 1963 г., стр. 30.

которые применяются в империалистических странах в отношении коммунистических и рабочих партий. Руководство движением осуществляется коллективом наиболее активных сторонников мира, пользующихся большим авторитетом в своих странах и во всем мире, представляющих различные партии и беспартийных, придерживающихся разных политических взглядов и религиозных убеждений.

Огромный отряд сторонников мира, входящий во всемирное движение, составляют трудящиеся, объединенные в крупнейшей беспартийной организации рабочего класса — Всемирной федерации профсоюзов. Борьбу за мир ведут также многие профсоюзы и организации, не входящие в ВФП. Движение за мир получило такой размах, что лидеры ряда социалистических и социал-демократических партий тоже признают необходимость борьбы за мир. Среди социалистов, особенно среди рядовых членов социалистических партий, а в ряде случаев и в их руководстве, есть немало убежденных сторонников мира.

За мир борются не только рабочий класс, но и крестьянство, деятели науки и культуры, представители различных церквей и религиозных организаций, женщины, молодежь.

Женщины являются активной силой и одним из наиболее важных отрядов сторонников мира.

На I Всемирном конгрессе сторонников мира Ф. Жолио-Кюри отмечал особую важность присоединения к движению борцов за мир Международной демократической федерации женщин и других женских организаций. «Не следует забывать, — говорил Жолио-Кюри, — что женщины составляют половину человечества и что с развитием нашей цивилизации они играют все более активную роль в жизни общества. Идет ли речь о мирном труде или о труде для войны, женщины участвуют в том и другом почти наравне с мужчинами»¹.

Всему миру известно имя француженки Раймонды Дьен. 23 февраля 1950 г. она, рискуя жизнью, легла на рельсы, чтобы остановить поезд с танками и другим вооружением, предназначенным для ведения грязной войны французских колонизаторов во Вьетнаме². Подвиг Раймонды Дьен, который впоследствии неоднократно повторяли другие герои борьбы за мир, навсегда останется в памяти народов как пример самоотверженности и мужества, беззаветной преданности делу мира. Страстным призывом к миру звучали слова бразильской патриотки Элизы Бранко, выступившей перед солдатами, которых власти собирались направить в Корею для участия в агрессии американского империализма против корейского народа³.

Миллионы женщин ведут во всех странах большую повседневную работу во имя мира: собирают подписи под воззваниями и петициями, несут вахту мира у зданий парламентов и правительственных учреждений, участвуют в походах, демонстрациях, митингах и т. д. В большинстве своем они не являются членами коммунистических партий, но решительно отстаивают

¹ «Первый Всемирный конгресс сторонников мира (Материалы)», стр. 24.

² См. «Правда», 11 октября 1950 г.

³ См. «Правда», 21 декабря 1952 г.

мир, защищая свою семью, домашний очаг. Представители женщин и женских организаций целого ряда стран принимали и принимают активное участие в конгрессах всемирного движения сторонников мира, в его руководящих органах. Всемирно известны такие ветераны борьбы за мир, как Эжени Коттон (Франция), Изабелла Блюм (Бельгия), Рамешвари Неру (Индия), В. Л. Василевская и Н. В. Попова (СССР) и многие другие.

Активно участвует в борьбе за мир молодежь — юноши и девушки всех стран мира. Их стремление к миру вполне понятно, ибо, как отмечал на I Всемирном конгрессе сторонников мира Ф. Жолио-Кюри, «первой жертвой всякой войны становится молодежь; перед ней едва успевает раскрыться жизнь, которую молодежь жаждет видеть прекрасной и радостной. Но и те, кто не гибнет на войне, обычно остаются недоучками, вывихнутыми людьми, нормальная жизнь которых нарушена. Последние две войны дали нам много таких примеров»¹.

Ярким выражением стремления молодежи к миру являются всемирные фестивали молодежи и студентов «За мир и дружбу», которые проводятся в столицах различных стран мира.

Важное значение имеет участие в движении сторонников мира многочисленных представителей науки и культуры, видных общественных и политических деятелей различных стран. Писатели и ученые, художники и артисты, архитекторы и музыканты — все, кто не хотел допустить, чтобы разразилась новая война, несущая смерть людям и уничтожение величайших культурных ценностей, в создание которых они вложили свой талант и упорный труд, присоединились к движению, поставившему своей задачей сохранение и упрочение мира.

Несмотря на различие политических, религиозных и философских воззрений, социального положения, они объединены единым стремлением внести свой вклад в благородную борьбу за мир. Французский академик Ф. Жолио-Кюри, английский профессор Джон Бернал, советские писатели А. А. Фадеев, А. Е. Корнейчук, И. Г. Эренбург, бывший президент Мексики генерал Ласаро Карденас, ливанский архитектор Антуан Табэт, крупнейший чехословацкий ученый Ян Мукаровичский, румынский писатель Михаил Садовяну, английский юрист Д. Н. Притт, американский певец Поль Робсон, американский профессор-историк У. Дюбуа, швейцарский профессор Андре Боннар, бывшие министры французского правительства Ив Фарж и Эммануэль д'Астье де Ла Вижери, французский генерал Пети, член палаты общин английского парламента лейборист Джон Плэттс-Миллс, французский художник Пабло Пикассо, чилийский поэт Пабло Неруда, французский поэт Луи Арагон, бразильский писатель Жоржи Амаду — вот имена лишь некоторых представителей прогрессивной интеллигенции, участвовавших в работе I Всемирного конгресса сторонников мира. Общее число представителей интеллигенции на конгрессе составляло почти треть всех его участников, но и эти 719 делегатов были лишь частью той огромной армии деятелей науки и культуры, которые во всех странах мира ведут активную борьбу за мир.

Заметную роль во всемирном движении сторонников мира играли представители духовенства, деятели различных церквей и религиозных организаций, представляющие значительные массы верующих. Пастор Джеймс Эндикотт (Канада), настоятель Кентерберийского собора Хьюлетт Джонсон (Ан-

¹ «Первый Всемирный конгресс сторонников мира (Материалы)», стр. 24.

глия), аббат Жан Булье (Франция), патриарх московский и всея Руси Алексий (СССР) и другие были в числе первых представителей религиозных организаций, поддерживавших всемирное движение сторонников мира.

Еще на I Всемирном конгрессе сторонников мира отмечалось, что в США миллионы протестантов, принадлежащих к различным сектам, ведут активную борьбу за мир. В Венгрии к движению сторонников мира сразу же после его возникновения присоединились 200 католических священников, а также две церкви — лютеранская и кальвинистская, в Чехословакии — католическая, протестантская и православная.

Таким образом, всемирное движение сторонников мира объединяет не только коммунистов — самых последовательных борцов за мир, но и представителей других общественных сил, миллионы людей доброй воли, выступающих против войны. Глубоко прав был президент Сукарно, когда он, выступая на конгрессе сторонников мира Индонезии, говорил: «Можно еще слышать голоса некоторых людей, которые кричат, что движение за мир — «коммунистическое движение». Эти люди причисляют к коммунистам всех тех, кто борется за мир. Эти люди являются реакционерами, они стоят на стороне империалистов. Всем известно, что среди тех, кого объединяет движение за мир, много людей, не являющихся коммунистами, но и они отдают все свои силы борьбе за мир. И это понятно, ибо движение за мир, стремление к миру, отвечает желаниям всех людей, оно в сердцах всех народов, всего человечества»¹.

Движению за мир не сочувствуют только воинствующие антикоммунисты, члены фашистских и полуфашистских организаций, представители крупной империалистической буржуазии, связанной с военным производством. Им просто чужды идеалы движения сторонников мира, ибо для достижения своих корыстных целей, для осуществления своих человеконенавистнических замыслов им нужен не мир, а гонка вооружений и война.

Идеологи империализма, пропагандисты ядерной войны пытаются упрекать сторонников мира в односторонности, в том, что они выступают в поддержку советской внешней политики и осуждают многие внешнеполитические мероприятия западных держав.

Но дело совсем не в предвзятости или односторонности движения сторонников мира, а в том, что советская внешняя политика не на словах, а на деле стоит на страже мира во всем мире и потому полностью отвечает коренным интересам народов всех стран, тогда как политика агрессивных империалистических кругов западных держав ведет к новой войне, к новым страданиям народов. Не удивительно, что такая политика Советского Союза встречает одобрение и поддержку всемирного движения сторонников мира, миллионов простых людей всех стран. Все, кому дорог мир, кто не ослеплен ненавистью к передовому и прогрессивному, не могут не видеть в политике и

¹ «Бюллетень Всемирного Совета Мира», 1960, № 4, стр. 13.

внешнеполитических мероприятиях Советского правительства конкретных шагов по пути к укреплению мира.

Наиболее злостные враги мира утверждают, что борьба за мир является капитуляцией перед коммунизмом, и кричат, что «лучше умереть, чем стать красным». Движение за мир никого не ставит перед таким выбором. Выбор идеологии, социальной системы, образа жизни — это внутреннее дело народов, дело политических убеждений и взглядов каждого человека. Сторонники мира исходят из того, что государства с различными социально-экономическими системами могут и должны мирно уживаться друг с другом, решать международные споры путем переговоров, ибо это единственный способ избежать ядерной войны. Не изменяя своего отношения к характеру общественных систем, сторонники мира тем не менее твердо стоят на почве мирного сосуществования государств обеих социальных систем.

В этом отношении заслуживает внимания ответ лорда Бертрана Рассела, известного английского философа и борца за мир, одному из твердолобых в Англии, который во время дебатов в палате лордов заявил, что «лучше быть атомизированным, чем коммунизированным». На это Бертран Рассел ответил, что такая позиция не может служить оправданием «атомизации» всех остальных людей¹. Этот ответ лорда Рассела отражает точку зрения тех деятелей Запада, которые, не являясь сторонниками коммунизма, в то же время в отличие от наиболее реакционных представителей буржуазии, ослепленных ненавистью к коммунизму, считают, что война не должна быть средством разрешения спорных международных вопросов, не должна быть средством борьбы двух социально-экономических систем.

На I Всемирном конгрессе сторонников мира Ф. Жолио-Кюри кратко сформулировал цель движения: «Остановить надвигающуюся войну, прекратить войны, которые уже ведутся, установить мир — такова должна быть наша цель»². Эта цель близка и понятна самым широким народным массам во всех странах. Сила движения сторонников мира в том и состоит, что оно выражает волю, интересы всего человечества, если не считать кучки монополистов, наживающихся на гонке вооружений, атомных маньяков, вынашивающих бредовые идеи о господстве над миром, и послушных воле империалистов прожженных политиканов.

Близость и ясность целей всемирного движения сторонников мира для миллионов тружеников всей земли обеспечила ему массовость, поистине всенародную поддержку во всех странах мира. История никогда не знала такого организованного антивоенного движения. На I Всемирном конгрессе сторонников мира были оглашены данные, свидетельствовавшие о том, что движение за мир тогда поддерживали более 1 млрд. человек. С тех пор ряды сторонников мира еще более возросли. Мас-

¹ Дж. Бернал. Мир без войны. М., 1960, стр. 340—341.

² «Первый Всемирный конгресс сторонников мира (Материалы)», стр. 25.

совость движения за мир — один из мощных источников его силы.

Одним из наиболее мощных союзников движения сторонников мира является национально-освободительное движение. Борьба за мир и борьба за национальное освобождение народов колоний и зависимых стран неотделимы друг от друга. Тесное сотрудничество обоих движений облегчается тем, что у них имеется много общих целей и задач.

Сила всемирного движения сторонников мира, выступающего под лозунгом: «Мира не ждут — мир отстаивают в борьбе», заключается в его действенности, в боевом характере. Практические массовые действия по укреплению мира составляют основную форму деятельности сторонников мира как в отдельных странах, так и во всемирном масштабе.

Было бы, однако, неверно сводить все многообразие выступлений против войны различных миролюбивых сил только к деятельности сторонников мира, объединившихся под руководством Всемирного Совета Мира. Существует немало других организаций, выступающих за мир, но не входящих в движение сторонников мира.

Под влиянием всемирного движения сторонников мира в ряде стран возникли и успешно работают различные организации, выступающие за мир, но по тем или иным причинам не входящие в движение, возглавляемое Всемирным Советом Мира.

Как известно, Всемирный Совет Мира не претендует на какую-то монополию в борьбе за мир. Движение сторонников мира охотно вступает в контакт с другими организациями и группами, борющимися за мир или по крайней мере за разрешение каких-либо отдельных проблем, от которых зависит укрепление мира.

Успешная деятельность некоторых из этих организаций пользовалась поддержкой представителей различных слоев общества. Примером такого рода организаций могут служить «Всеяпонский совет борьбы за запрещение атомного и водородного оружия», английская организация «Кампания за ядерное разоружение», известная своими Олдермастонскими походами, американский «Комитет друзей (квакеров) на службе общества» и т. д.

Всемирное движение сторонников мира установило контакты с некоторыми из этих организаций. Всемирный Совет Мира не настаивает на формальном присоединении этих организаций к движению сторонников мира, на признании ими его целей и принципов и даже на непременно сотрудничестве по всем вопросам, за решение которых ведет борьбу всемирное движение сторонников мира.

Всемирный Совет Мира считал одной из своих главных задач дальнейшее развитие сотрудничества со всеми организациями, выступающими за мир, так как от того, насколько едины и сплочены будут силы, борющиеся за мир, зависит их окончательная победа в благородной борьбе за жизнь и будущее человечества.

Широкий размах и действенность организованного движения сторонников мира в 1949—1955 гг. сыграли заметную роль в борьбе всех миролюбивых сил за мир и безопасность народов, против угрозы новой войны. Именно в этот период в буржуазной политической печати появился термин «народная дипломатия», выражающий действия народных масс в защиту мира. Буржуазные идеологи со страхом и ненавистью писали о «народной дипломатии», ощущая растущую эффективность действий сторонников мира и поддержку, которую они получали со стороны самых широких слоев населения земного шара.

Всемирное движение сторонников мира показало себя как новый и активный фактор международных отношений. В этом движении ярко проявилась решимость народов отстаивать мир, добиться победы в благородной борьбе против сил агрессии и войны.

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ АГРЕССИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ И В ИНДОКИТАЕ. ПРЕКРАЩЕНИЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ — ПОБЕДА МИРОЛЮБИВЫХ СИЛ

На протяжении всего существования империализма Дальний Восток был одним из наиболее серьезных и постоянных очагов военной опасности. Дальневосточный узел противоречий оказывал большое влияние не только на судьбы этого обширного района, но и на весь комплекс международных отношений.

Активное участие Советского Союза в антифашистской коалиции, поражение милитаристской Японии во второй мировой войне, победа революции в Китае, решающие успехи национально-освободительного движения в ряде стран создали реальную возможность коренным образом изменить положение на Дальнем Востоке, превратить его из «бочки с порохом» в район прочного мира. Для этого надо было предоставить свободу и независимость всем народам, исключить вмешательство одних государств во внутренние дела других государств, обеспечить развитие Японии по пути мира и демократии.

Однако подобные действия ни в какой мере не входили в расчеты мировой реакции. Саботируя уже в первые послевоенные годы мирное урегулирование на Дальнем Востоке, в 1950—1955 гг. империалистический лагерь открыто отбросил соглашения с союзниками по антифашистской коалиции и всецело подчинил свою политику задачам борьбы против социализма и национально-освободительного движения. Дальний Восток стал ареной прямых агрессивных действий империализма против народов Китая, Кореи и Вьетнама. В результате в этом районе образовалось несколько очагов войны, каждый из которых угрожал перерасти из локального конфликта в мировую войну.

Мировая реакция считала, что локальные войны с точки зрения политической позволяют осуществлять доктрину «отбрасывания» коммунизма, а также вновь подчинять колониальному господству народы, успешно борющиеся за свою независимость. С точки зрения военной стратегии империализма локальные войны были рассчитаны на то, чтобы расправиться с объектами империалистической агрессии поодиночке, избегая до поры до времени большой войны с Советским Союзом, мощь которого заставляла Запад проявлять определенную осторожность в

балансировании «на грани войны». Однако военно-политические расчеты империализма оказались несостоятельными.

Народам Кореи, Индокитая, Китая удалось при поддержке СССР и миролюбивых сил всего мира добиться больших успехов в борьбе за свою независимость, против империалистического вмешательства. Успехи в этой борьбе были также успехами в укреплении мира. Перемирие в Корее и соглашение о прекращении военных действий в Индокитае, достигнутое на Женевском совещании 1954 г., означали ликвидацию непосредственной опасности мировой войны, способствовали установлению на Дальнем Востоке определенной стабильности и мира.

Крах колониальных империй и разгром хорошо вооруженных империалистических и марионеточных армий были результатом не каких-либо случайностей, а отражали закономерности исторического развития.

Международные условия борьбы народов Дальнего Востока за свободу и независимость благоприятствовали их победе над силами агрессии и колониализма. К началу 50-х годов силы социализма и национально-освободительного движения в этом районе, как и во всем мире, решающим образом укрепились. Империализму в Азии противостоял фронт социалистических государств и народов, поднявшихся на борьбу против колониального гнета, за свободу и независимость. В этих условиях империализм оказался уже не в состоянии направлять ход событий в Азии, как и в других районах мира, по своему усмотрению.

Советский Союз выступал как надежный щит социалистических и национально-освободительных революций, как важнейший оплот мира и безопасности народов.

Укрепление братской дружбы социалистических государств, их тесное сотрудничество в области внешней политики являются, как наглядно показали события на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии в первой половине 50-х годов, могучей преградой на пути осуществления агрессивных замыслов империалистических держав, постоянными факторами, действующими в интересах упрочения безопасности и сохранения мира.

Крах военно-политических планов империалистического лагеря, рассчитанных на закабаление народов Дальнего Востока и ликвидацию социалистического строя, победившего в большей части этого района мира, усиливал стремление правящих кругов США расширить свой контроль над Японией, превратить ее в основную базу для борьбы против социализма и национально-освободительного движения на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии.

После разгрома японского империализма внутривосточное и социальное развитие Японии характеризовалось нарастанием антиимпериалистического движения, ростом сил демократии и мира. Напуганные этим процессом, американские власти,

по сути дела, прекратили осуществление союзнических соглашений, предусматривавших демократизацию и демилитаризацию Японии. Но, несмотря на объединение сил внешней и внутренней реакции, в широких народных массах Японии нарастала борьба за полное политическое освобождение страны от американской зависимости, за прогрессивное экономическое развитие, против милитаризма, за миролюбивую внешнюю политику и тесные связи с социалистическими странами.

Ход событий на Дальнем Востоке в первой половине 50-х годов явился одним из убедительных доказательств того, что силы социализма могут заставить империализм отказаться от осуществления наиболее агрессивных замыслов, навязать ему мирное сосуществование. В особенности важно, что социализм добился восстановления мира, несмотря на объединенные действия империалистов, упорно стремившихся к подавлению национально-освободительного движения, к «отбрасыванию» социализма.

Восстановление и упрочение мира не входило, однако, в намерения империализма. Империалисты опасались, что в условиях мира и стабильности их господство будет ослабевать и весь район Дальнего Востока полностью выйдет из-под их контроля. Они лихорадочно вырабатывали новые агрессивные военно-политические концепции, предпринимали шаги к подготовке новых провокаций и новых конфликтов.

Эти действия показывали, что предпосылкой мира и безопасности народов, в том числе на Дальнем Востоке, являются единство социалистических государств, постоянная бдительность миролюбивых сил, что мирное сосуществование может быть навязано империализму лишь в условиях активной, гибкой и последовательной внешней политики социалистического лагеря, опирающейся на поддержку всего прогрессивного человечества.

Г Л А В А XVIII

ВОЕННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ АМЕРИКАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА В КОРЕЕ

1. Подготовка и развязывание военных действий против Корейской Народно-Демократической Республики

Военная интервенция в Корее была одной из отчаянных попыток империализма, направленных на восстановление капитализма в странах народной демократии, на подавление национально-освободительного движения.

Американский империализм не случайно развернул широкие военные действия именно в Корее. Во-первых, он был особенно

заинтересован в восстановлении на Дальнем Востоке своего влияния и позиций, катастрофически подорванных в результате победы китайской революции. Стратегическое положение Кореи, расположенной в непосредственной близости к территориям СССР и Китая, делало ее важным плацдармом для осуществления агрессивных планов американской военщины. Во-вторых, в Южной Корее США распускали послушным марионеточным режимом. В-третьих, формирование лисынмановского правительства под «наблюдением» комиссии ООН давало возможность представить интервенцию в Северной Корее как действия, направленные на восстановление Кореи под контролем «признанного ООН» правительства.

Империалисты в случае успеха своей военной авантюры намеревались ликвидировать Корейскую Народно-Демократическую Республику, распространить лисынмановский режим на всю Корею и нанести затем удар по КНР. С войной связывались также планы подавления национально-освободительного движения в Азии, поскольку поражение демократических сил на Дальнем Востоке укрепило бы колониальную систему империализма.

Подготовка к «походу на Север» велась в Южной Корее в течение длительного времени. При этом особое внимание уделялось созданию вооруженных сил, костяком которых явились полицейские части, сформированные американскими оккупационными властями в 1945—1946 гг., главным образом из лиц, ранее служивших в японской полиции. Оружие и снаряжение для полиции поставляли США, обучали ее американские офицеры, и форму она носила тоже американскую. К концу 1947 г. в ней насчитывалось 20 тыс. человек, через год — уже 50 тыс.¹

По закону о «национальных вооруженных силах», в ноябре 1948 г. в Южной Корее был создан «совет обороны». Одновременно США направили туда военную миссию в количестве 500 человек под командованием генерала Роберта, а также передали лисынмановцам 79 военных кораблей и снаряжение для 50-тысячной армии. В марте 1949 г. южнокорейская армия состояла из 8 дивизий численностью до 15 тыс. человек каждая, танкового и гаубичного полков и вместе с полицией насчитывала почти 200 тыс. человек. Поставив задачу создать 400-тысячную армию, лисынмановское правительство 15 июля 1949 г. провело в Национальном собрании закон о всеобщей воинской повинности и обратилось к США за дополнительной военной помощью. Это обращение встретило полное «понимание» американского правительства, которое приняло решение «обучить и снабдить войска Южной Кореи и предоставить ей значительную помощь»². 26 января 1950 г. «с целью укрепить военные позиции Южной Кореи», — как подчеркивает в своих мемуарах Трумэн, было подписано военное соглашение³, по которому США предоставляли Южной Корее «снаряжение, материалы, услуги и другую военную помощь», а лисынмановское правительство обязалось «эффективно использовать» ее⁴.

¹ См. «Доклад комиссии ООН по вопросу о Корее», т. I. Лейк-Саксес, 1949, стр. 33.

² «Memoirs by Harry S. Truman», vol. II, p. 328.

³ Ibid., p. 329.

⁴ «American Foreign Policy. 1950—1955. Basic Documents», vol. II. Washington, 1957, p. 2529, 2530.

1 июля 1949 г. наконец была завершена эвакуация американских войск. Это решение объяснялось невозможностью продолжать оккупацию Южной Кореи после вывода советских войск из КНДР. «Мы не имели другого выхода, кроме как последовать примеру русских и убраться из Кореи»¹, — вынужден был констатировать хорошо осведомленный американский журналист Гантер. К тому же, как указывал главнокомандующий американскими вооруженными силами на Дальнем Востоке генерал Макартур, готовность «сил безопасности» Южной Кореи достигла такого уровня, когда этот шаг не мог оказать «неблагоприятного эффекта на позиции в Корее»². Решение о выводе войск из Южной Кореи было, по-видимому, принято правительством США и с целью избежать прямой ответственности за военные провокации против КНДР, предоставив в этом неблагоприятном деле «полную свободу действий» лисынмановцам.

Как следует из документов лисынмановского правительства, захваченных во время войны и опубликованных в КНДР, планы военного нападения на Северную Корею обсуждались южнокорейскими властями еще в конце 1948 г. В октябре 1949 г. Ли Сын Ман, будучи гостем на борту американского крейсера, заявил, что ставит своей задачей при поддержке США силой разоружить Народную армию Северной Кореи. Его слова встретили полное одобрение присутствовавших американских представителей.

Лисынмановские власти систематически провоцировали столкновения в районе 38-й параллели. По сообщению комиссии Единого демократического отечественного фронта, только с января 1949 г. по апрель 1950 г. южнокорейские войска и полиция осуществили 1274 нападения на районы Северной Кореи. Кроме того, за этот период было совершено 133 нарушения границы и диверсии с моря и воздуха. В июле 1949 г. была предпринята крупная операция против КНДР в районе г. Кэсона, которая в случае успеха должна была положить начало «походу на Север». Однако лисынмановские войска понесли большие потери и были отброшены, что заставило южнокорейские власти и тех, кто стоял за их спиной, отсрочить нападение на КНДР, чтобы основательнее подготовиться к нему.

После провала «кэсонской операции» участились визиты в Южную Корею видных американских военных и политических деятелей. В январе 1950 г. в Сеул прибыли заместитель военного министра США Ройял и начальник отдела штаба войск США на Дальнем Востоке Себолд. В феврале 1950 г. Ли Сын Ман был вызван в Токио к генералу Макартуру.

В июне 1950 г. Дальний Восток посетили министр обороны США Джонсон и руководитель объединенной группы начальников штабов генерал Брэдли, которые совещались в Токио с генералом Макартуром.

17 июня 1950 г. в Сеул прибыл советник госдепартамента Дж. Ф. Даллес. Он посетил район 38-й параллели. 19 июня Даллес заверил лисынмановское Национальное собрание, что США окажут необходимую поддержку Южной Корее, которая, по его словам, являлась «передовым постом борьбы против коммунизма», а 21 июня, возвратившись в Токио, он заявил, что со стороны Соединенных Штатов последуют «позитивные действия» с целью «сохранения мира» на Дальнем Востоке³.

Лисынмановские власти отвергали все предложения о мирном объединении страны, выдвигая в качестве неперемennого условия объединения ликвидацию КНДР и распространение

¹ J. Gunther. The Riddle of MacArthur. Japan, Korea and the Far East. N. Y., 1951, p. 187.

² «Memoirs by Harry S. Truman», vol. II, p. 329.

³ Цит. по кн.: И. Стоун. Закулисная история войны в Корее. М., 1953, стр. 44.

своей власти на всю территорию страны. Непримируемая позиция южнокорейских реакционеров инспирировалась Соединенными Штатами Америки. Не случайно конгресс США в «законе о помощи Корейской Республике» от 14 февраля 1950 г. подчеркнул, что «в случае формирования в Корейской Республике коалиционного правительства с участием одного или более членов коммунистической партии или партии, контролирующей в настоящее время северокорейское правительство», помощь США будет немедленно прекращена¹.

Созданный американскими империалистами лисынмановский режим переживал глубокий внутренний кризис. С октября 1948 г. в Южной Корее не прекращалась вооруженная освободительная борьба. Из-под контроля лисынмановских властей освобождались целые районы. Глубокие разногласия обнаружились и внутри самой правящей клики Южной Кореи, многие представители которой осуждали проамериканскую политику Ли Сын Мана и высказывались за переговоры с КНДР. Против них были приняты драконовские меры. Руководитель оппозиции в Национальном собрании Ким Як Су и его сторонники были арестованы. Известный правый деятель Ким Гу, о котором ходили слухи, что он сторонник переговоров с северокорейскими организациями, был убит по приказу Ли Сын Мана. Демократические силы подвергались жестокому террору. Правительство США одобряло политику репрессий и, по признанию Трумэна, «не было озабочено методами, которые использовала лисынмановская полиция для подавления политических собраний и контроля над политическими противниками»².

Несмотря на полицейский террор, выборы в Национальное собрание Южной Кореи, состоявшиеся в мае 1950 г., продемонстрировали изоляцию клики Ли Сын Мана: члены его партии получили лишь 12 мест, в то время как в предыдущем составе они располагали 56 местами. Ли Сын Ман сохранил пост президента лишь потому, что не истек срок его полномочий³. Замышляя в этих условиях военную авантюру, южнокорейское правительство преследовало двоякую цель: сплотить лагерь реакции перспективой захвата Северной Кореи и использовать военную обстановку для полного разгрома демократической оппозиции.

Южнокорейские правители надеялись, как не раз хвалился Ли Сын Ман, без труда «оттеснить людей Ким Ир Сена в горные районы и там уморить их голодом»⁴. А его министр обо-

¹ «American Foreign Policy. 1950—1955. Basic Documents», vol. II, p. 2532.

² «Memoirs by Harry S. Truman», vol. II, p. 329.

³ C. Mitchell. Korea. Second Failure in Asia. Washington, 1951, p. 35.

⁴ «Documents and Materials exposing the Instigators of the Civil War in Korea». Documents from the archives of the Rhee Syngman government. Pyongyang, 1950, p. 36. (См. далее «Documents and Materials...»)

роны утверждал: «Мы достаточно сильны, чтобы пойти на Пхеньян и захватить его в несколько дней»¹. «Поход на Север» планировался в расчете на успех молниеносных наступательных операций. Такой же точки зрения придерживались ответственные руководители США. Однако расчеты агрессоров строились на песке.

Корейская Народно-Демократическая Республика — это государство, где власть принадлежит трудящимся во главе с рабочим классом. Призывы правительства КНДР к мирному объединению страны горячо поддерживало население всей страны. Вместе с тем Трудовая партия и правительство КНДР, предвидя возможность нападения, заблаговременно приняли необходимые оборонительные меры. В 1948 г. в Северной Корее была создана Народная армия.

Сразу же после того как 25 июня начались военные действия, правительство КНДР предупредило, что, если нападение с юга не прекратится, будут приняты решительные меры и вся ответственность за последствия ляжет на южнокорейские власти². Народная армия получила приказ перейти в контрнаступление. Войска КНДР к утру 26 июня продвинулись на юг от 38-й параллели на 20—25 км. В тот же день председатель Кабинета Министров КНДР Ким Ир Сен обратился к народу с призывом содействовать разгрому лисынмановской клики, развязавшей братоубийственную войну³. Корейский народ поднялся на справедливую войну за свободу, демократию и независимость родины. В Северной Корее и освобожденных районах Южной Кореи в Народную армию вступило множество добровольцев. Рабочий класс и крестьянство КНДР обеспечивали снабжение фронта всем необходимым, в Южной Корее активизировалось партизанское движение.

28 июня Народная армия освободила Сеул. Несмотря на то что авиация и военно-морской флот США вмешались в военные действия, наступление продолжалось. К середине сентября 1950 г. Народная армия освободила 95% территории и 97% всего населения Кореи. Продвижение Народной армии сопровождалось развалом лисынмановского режима. Правительство Ли Сын Мана бежало из Сеула, Национальное собрание перестало функционировать, часть его депутатов и некоторые высшие южнокорейские чиновники заявили о готовности сотрудничать с правительством КНДР. Лисынмановские солдаты и офицеры переходили на сторону Народной армии.

Гражданская война фактически заканчивалась победой корейского народа. Однако такому исходу событий помешала интервенция США.

¹ Цит. по кн.: *И. Стоун. Закулисная история войны в Корее*, стр. 74.

² См. «Правда», 26 июня 1950 г.

³ См. «Правда», 27 июня 1950 г.

Характерно, что, получив первые сообщения о военных действиях в Корее, президент Трумэн не изменил планов воскресного отдыха, а его секретарь заявил, что президент «не испытывает тревоги или чего-либо подобного»¹. Биограф Макартура Джон Гантер, в присутствии которого видный офицер штаба оккупационных войск США в Японии получил по телефону извещение о начале корейских событий, рассказывает, что этот офицер заявил: «Только что получено важное сообщение. Южнокорейцы напали на Северную Корею»².

Лишь когда стало ясно, что южнокорейские войска отступают, президент Трумэн вылетел в Вашингтон, где вечером 25 июня (26 июня по корейскому времени) состоялось совещание. На нем присутствовали Трумэн, государственный секретарь Ачесон, министр обороны Джонсон, председатель объединенной группы начальников штабов Брэдли и ряд других ответственных лиц. Совещание рекомендовало направить 7-й американский флот с баз на Филиппинах в Тайваньский пролив, использовать в Южной Корее военно-воздушные и военно-морские силы якобы для прикрытия эвакуации американских граждан и усилить снабжение оружием лисынмановской армии. Намеченные меры начали осуществляться немедленно.

26 июня состоялось второе совещание с участием тех же лиц, а также ряда сенаторов, которое приняло решение расширить интервенцию на Дальнем Востоке. Генералу Макартуру было предписано направить флот и авиацию на помощь лисынмановцам. Во исполнение этой директивы утром 27 июня, т. е. до того, как в ООН была принята соответствующая резолюция, вооруженные силы США начали операции в Корее³.

27 июня президент США Трумэн заявил, что американским вооруженным силам отдан приказ «оказывать поддержку» лисынмановским войскам, т. е. начать вооруженную интервенцию в Корее, а 7-му американскому флоту «предотвратить» нападение на Формозу, т. е. блокировать и оккупировать китайский остров Тайвань⁴. 30 июня правительство США санкционировало отправку в Корею двух американских дивизий из Японии и предписало установить военно-морскую блокаду КНДР.

Американские монополии приветствовали начало войны. Национальная ассоциация промышленников США направила президенту телеграмму с одобрением интервенции и создала комитет содействия ее осуществлению. В предвкушении крупных заказов на бирже началось повышение акций военных предприятий.

Интервенцию в Корее Соединенные Штаты постарались прикрыть именем и флагом Организации Объединенных Наций. 25 июня по настоянию США был срочно созван Совет Безопасности.

Американский представитель потребовал, чтобы Совет Безопасности обвинил в агрессии КНДР. Некоторые члены Совета указывали на недостаточность представленных материалов и предлагали пригласить и представителя Северной Кореи, поскольку делегат Южной Кореи уже присутствовал на за-

¹ И. Стоун. Закулисная история войны в Корее, стр. 79.

² J. Gunther. The Riddle of MacArthur. Japan, Korea and the Far East, p. 165.

³ «Military Situation in the Far East». Part. II, Washington, 1951, p. 992; L. M. Goodrich. Korea. A Study of U. S. Policy in the United Nations, p. 107.

⁴ «American Foreign Policy. 1950—1955. Basic Documents», vol. II, p. 2539, 2540.

седании. Воспользовавшись отсутствием представителя СССР, который в знак протеста против отказа западных держав восстановить законные права КНР в ООН не участвовал в тот период в работе Совета Безопасности, США добились принятия девятью голосами из 10 присутствовавших членов Совета вневременной им резолюции.

Американская дипломатия, однако, планировала использовать ООН, если бы даже резолюции США были блокированы в Совете Безопасности. Как признавал помощник государственного секретаря Хиккерсон, на этот случай было подготовлено заявление о немедленном созыве Генеральной Ассамблеи ООН, где США рассчитывали с помощью механического большинства проташить угодные им решения.

27 июня США протасили новую резолюцию, рекомендовавшую членам ООН предоставить режиму Ли Сын Мана помощь, «какая может быть необходима для того, чтобы отразить вооруженное нападение и восстановить международный мир и безопасность».

7 июля Совет Безопасности принял третью резолюцию, присвоившую войскам интервентов наименование «войск ООН» и разрешавшую им использовать флаг ООН. В ней содержалось также обращение к США с просьбой утвердить командующего «войсками ООН», на пост которого был немедленно назначен генерал Макартур. Американскому правительству предоставлялась полная свобода в решении стратегических и политических вопросов, связанных с войной в Корее.

Резолюции, на которые западные державы ссылались как на юридическое оправдание вооруженной интервенции в Корее, не могли, несмотря на формальное одобрение большинством Совета Безопасности, иметь законной силы, поскольку и по форме и по существу они находились в явном противоречии с Уставом Организации Объединенных Наций.

Для принятия любого решения по такому важному вопросу требовалось единогласие постоянных членов Совета Безопасности, что фактически не было соблюдено. Представители Корейской Народно-Демократической Республики также в нарушение Устава не были приглашены и заслушаны. Кроме того, Устав требует исчерпать все мирные средства, прежде чем принимать военные санкции. Отдельные члены Совета обращали внимание на несоблюдение положений Устава ООН, но тем не менее последние были обойдены. Рекомендация об оказании военной помощи лисынмановцам была принята после начала американской интервенции и имела своей целью прикрыть уже совершившийся факт. Все это наносило серьезный ущерб престижу ООН.

Добиваясь участия в интервенции возможно большего числа членов ООН, Соединенные Штаты стремились создать видимость коллективного выступления. Но подавляющее большинство государств, одоббивших резолюции Совета Безопасности о «помощи» Южной Корее, уклонилось от отправки войск в Корею. Участвовать в войне согласились лишь 14 стран, из числа входящих в НАТО и зависимых от США¹. Кроме Англии, направившей бригаду сухопутных войск и военно-морские силы, и Турции, пославшей 25 тыс. солдат, другие союзники США принимали в войне символическое участие. Войска союзников США, без лисынмановцев, составляли 9,58% всех сухопутных сил, действовавших в Корее, 6,66% военно-морских и 1,13% военно-воздушных, а США соответственно — 50,32%, 85,89% и 93,39%².

¹ Англия, Франция, Австралия, Бельгия, Канада, Колумбия, Греция, Голландия, Новая Зеландия, Филиппины, Таиланд, Турция и др.

² L. M. Goodrich. Korea. A Study of U. S. Policy in the United Nations, p. 117.

2. Борьба СССР и других миролюбивых стран за ликвидацию международного кризиса

С началом империалистической интервенции на Корейском полуострове возник опасный очаг войны, угрожавший перерасти в новую мировую войну.

Все социалистические страны, и прежде всего Корейская Народно-Демократическая Республика, Советский Союз и Китайская Народная Республика, повели последовательную борьбу за восстановление мира, за прекращение корейской войны.

4 июля 1950 г. Советское правительство опубликовало заявление по поводу иностранной интервенции в Корею, в котором показало несоответствие резолюций Совета Безопасности целям и задачам Организации Объединенных Наций. Осуждая империалистическую интервенцию, Советский Союз высказался за немедленное прекращение военных действий и вывод иностранных вооруженных сил из Кореи¹.

Выступления СССР были поддержаны Китайской Народной Республикой, правительство которой в заявлениях от 28 июня и 6 июля 1950 г. предупредило США, что интервенция империалистов «поднимет народы Азии на упорное и решительное сопротивление»². С осуждением интервенции в Корею выступили и другие социалистические страны.

Индия хотя и голосовала в Совете Безопасности за резолюции от 25 и 27 июня, но в отличие от западных держав выступала за прекращение военного конфликта и осудила агрессивную позицию Соединенных Штатов в отношении КНР. 7 июля 1950 г. премьер-министр Индии заявил, что необходимо обеспечить допуск представителей Китайской Народной Республики в ООН и «привести корейский конфликт к быстрому и мирному разрешению»³.

Джавахарлал Неру обратился к правительствам СССР и США с предложением восстановить права КНР в ООН, с тем чтобы «СССР, США и Китай с помощью и при сотрудничестве других миролюбивых государств могли найти основу для прекращения конфликта и для окончательного решения корейской проблемы»⁴. Предложения Индии встретили полное одобрение Советского Союза и КНР. Общественность западных держав, в том числе Англии и Франции, приветствовала обращение Неру как выход из возникшего тупика.

По-иному реагировали на него правящие круги США. Государственный секретарь Ачесон фактически отверг предложение начать переговоры о прекращении корейского конфликта⁵. Премьер-министр Англии Эттли утверждал, что английское правительство, поддерживая идею переговоров по корейскому вопросу, в начале июля адресовалось с соответствующими предложениями

¹ «Внешняя политика Советского Союза. 1950 год», стр. 195—203.

² «Правда», 29 июня и 8 июля 1950 г.

³ R. P. Dutt. India's Foreign Policy. New Delhi, 1950, p. 25.

⁴ «Внешняя политика Советского Союза. 1950 год», стр. 27, 28.

⁵ «American Foreign Policy. 1950—1955. Basic Documents», vol. II, p. 2552.

в Вашингтон¹. Однако, отвечая 18 июля 1950 г. на запрос в палате общин, Эттли отказался дать заверения в содействии усилиям Индии и заявил, что правительство «делает все возможное, чтобы поддержать решения ООН»², т. е., по существу, солидаризовался с Ачесоном. В результате позиции США и Англии переговоры на основе индийских предложений не состоялись.

Стремясь использовать все возможное для прекращения войны, Советское правительство возобновило с 1 августа 1950 г. участие в работе Совета Безопасности, где представитель СССР выдвинул конкретный план урегулирования корейского вопроса, предложив незамедлительно прекратить военные действия и одновременно вывести иностранные войска из Кореи³. Однако Соединенные Штаты и их союзники воспрепятствовали принятию этих предложений. Они предприняли крупную десантную операцию в тылу Народной армии, в районе г. Инчона (Чемульпо).

Подготовка к этой операции началась в июле 1950 г. Ею преследовалась вполне определенная цель: ликвидация КНДР и создание «общекорейского некоммунистического правительства»⁴. 11 сентября Национальный совет обороны США, одобрив план операции, принял решение в случае успеха продолжить наступление с целью оккупации всей Северной Кореи⁵. Таким образом, правительство США не собиралось считаться с теми самыми резолюциями Совета Безопасности, на которые оно ссылалось как на «юридическое обоснование» интервенции в Корею и которые ограничивали полномочия «войск ООН» действиями в южной части страны, что неоднократно признавалось правительством США.

Высадка десанта в районе Инчона началась 15 сентября. В операции участвовали свыше 40 тыс. солдат, более 300 американских и английских военных судов, свыше 500 самолетов и множество транспортных судов, в том числе японских. Народная армия была вынуждена отступить в Северную Корею, а войска интервентов вышли в район 38-й параллели.

Переоценивая свои военные успехи, руководящие деятели США стали открыто требовать ликвидации Корейской Народно-Демократической Республики. 20 сентября государственный секретарь США Ачесон заявил, что война будет продолжаться до создания «единой Кореи» под властью правительства Ли Сын Мана⁶. 29 сентября объединенная группа начальников штабов США одобрила представленный Макартуром план военных операций в Северной Кореи⁷. Правительство США даже не информировало о своих действиях ООН и союзников по войне

¹ F. Williams. A Prime Minister Remembers. The War and Post-War Memoirs of the Rt. Hon. Earl Attlee. Based on His Private Papers and on a Series of Recorded Conversations. London, 1961, p. 231.

² «The Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 477, 5-th Series, col. 2032.

³ См. «Внешняя политика Советского Союза. 1950 год», стр. 311, 321, 322.

⁴ «Memoirs by Harry S. Truman», vol. II, p. 351.

⁵ Ibid., p. 451.

⁶ L. M. Goodrich. Korea. A Study of U. S. Policy in the United Nations, p. 128.

⁷ «Memoirs by Harry S. Truman», vol. II, p. 361.

в Корею, явно намереваясь поставить их перед совершившимся фактом.

1 октября 1950 г. Макартур направил главнокомандующему Народной армией маршалу Ким Ир Сену послание, в котором предлагал Народной армии ввиду якобы неизбежности уже в самое ближайшее время «окончательного поражения и полного уничтожения вооруженных сил и военного потенциала» КНДР немедленно и безоговорочно капитулировать¹. В тот же день «войска ООН» пересекли 38-ю параллель. Под руководством Трудовой партии корейский народ, преодолевая серьезные трудности, продолжал героическую освободительную войну.

2 октября 1950 г. 5 делегаций (СССР, УССР, БССР, Польши и Чехословакии) внесли на рассмотрение V сессии Генеральной Ассамблеи ООН проект резолюции, предусматривавший немедленное прекращение военных действий и вывод из Кореи иностранных войск, а также проведение общекорейских свободных выборов в Национальное собрание под наблюдением комиссии ООН с обязательным участием в ней представителей граничащих с Кореей государств. Предлагалось также, чтобы Организация Объединенных Наций оказала помощь Корее в восстановлении хозяйства и рассмотрела после образования общекорейского правительства вопрос о принятии ее в члены ООН².

Предложения социалистических стран открывали путь не только к прекращению войны, но и к объединению Кореи в соответствии с волей народа. Но именно поэтому они были неприемлемы для Соединенных Штатов.

Американский представитель в ООН Остин утверждал, что проведение общекорейских выборов является «сложной операцией», всех последствий которой предвидеть невозможно³. С помощью послушного большинства США настояли на отклонении «резолюции пяти» и стали добиваться, чтобы Организация Объединенных Наций содействовала дальнейшему расширению агрессии. Английский представитель от имени восьми стран (Англии, Австралии, Бразилии, Кубы, Голландии, Пакистана, Норвегии и Филиппин) выдвинул проект резолюции, который в спешном порядке 7 октября был утвержден Генеральной Ассамблеей. В резолюции не содержалось прямого указания о переходе «войск ООН» через 38-ю параллель, но фактически она санкционировала оккупацию Северной Кореи, рекомендуя обеспечить «устойчивое положение во всей Корее» и упоминая, что «войска ООН» не должны оставаться в какой-либо части Кореи дольше, чем это окажется необходимым. Резолюция предусматривала проведение под наблюдением ООН действий «конституционного порядка», включая организацию выборов для установления общекорейского правительства⁴. Такая формулировка означала не что иное, как санкцию на проведение выборов лишь в Северной Корее в условиях американской оккупации и в соответствии с лисынмановской «конституцией», с целью распространения лисынмановского режима на всю Корею.

Народная армия, ведя оборонительные бои с превосходящими силами противника, вынуждена была отступать. 23 ок-

¹ «American Foreign Policy. 1950—1955. Basic Documents», vol. II, p. 2575.

² См. «Внешняя политика Советского Союза. 1950 год», стр. 419, 429.

³ См. И. Стоун. Закулисная история войны в Корее, стр. 130.

⁴ «American Foreign Policy. 1950—1955. Basic Documents», vol. II, p. 2576—2578.

тября интервенты заняли Пхеньян. Продвигаясь вдоль железных и шоссейных дорог, они в ряде пунктов приблизились к границам КНР.

Интервенция в Корее с самого начала сопровождалась агрессивными действиями против Китайской Народной Республики, о чем свидетельствовала оккупация американским флотом о-ва Тайвань одновременно с высадкой войск США в Корее. 27 июля 1950 г. Национальный совет безопасности США принял решение о значительном расширении военной помощи гоминдановцам на Тайване и проведении «разведывательных боев вдоль побережья Китая» с целью определения его военных возможностей¹. Во исполнение этого решения с 27 августа 1950 г. американские военно-воздушные силы стали совершать налеты на города Северного Китая, а флот США подвергал пиратскому досмотру торговые суда КНР.

Приближение частей интервентов в октябре 1950 г. к пограничной реке Ялуцзян создало непосредственную угрозу безопасности и Китайской Народной Республики.

Китайский народ не мог равнодушно смотреть на попытки интервентов закабалить братский корейский народ и превратить территорию КНДР в плацдарм для нападения на Китай. Первые отряды китайских народных добровольцев прибыли в Корею в октябре 1950 г. С их помощью Народная армия по всему фронту остановила наступление американских и южнокорейских войск. В районе г. Анчжу, прикрывавшего подступы к электростанции на р. Ялуцзян, которая снабжала электроэнергией не только КНДР, но и промышленные районы Северо-Восточного Китая, войска интервентов были отброшены на юг.

Но командование США не извлекло урока. 24 ноября 1950 г. генерал Макартур отдал приказ о «последнем решающем наступлении» в Северной Корее с целью оккупации ее территории. В операциях участвовали 7 американских дивизий, 1 англо-австралийская, 6 лисынмановских, турецкая бригада и несколько мелких подразделений интервентов из других стран. Макартур был уверен в быстрой победе и публично обещал, что к рождеству его солдаты будут дома. Наступление началось в нескольких направлениях: вдоль восточного побережья, из района Хамхына и севернее Пхеньяна. В течение 24 ноября американским войскам удалось продвинуться до линии Чжоньчжинь (Сейсин) — Хесанчжинь — Чончжу. И на этом успехи интервентов кончились. 25 ноября Народная армия и части китайских народных добровольцев перешли в наступление, прорвали в ожесточенных боях фронт американских и лисынмановских войск и обратили их в паническое бегство. 7 декабря Народная армия освободила Пхеньян, 4 января 1951 г. — Сеул. Вся территория Северной Кореи была очищена, и фронт передвинулся примерно на 30—60 км южнее 38-й параллели.

Поражение «войск ООН» в Корее показало бесперспективность расчетов силой оружия установить здесь угодные США порядки. Опыт войны убеждал, что единственный путь к урегулированию — это переговоры на основе признания прав КНР

¹ «Memoirs by Harry S. Truman», vol. II, p. 349.

и КНДР. Но в правящих кругах США продолжали цепляться за политику «с позиции силы».

Ее активными сторонниками являлись командующий «войсками ООН» генерал Макартур и его единомышленники в Вашингтоне, которые, как свидетельствует в своих мемуарах Трумэн, были готовы пойти на риск всеобщей войны и требовали развертывания военных действий на территории Китая¹.

6 ноября 1950 г. Совету Безопасности был представлен доклад генерала Макарура, в котором утверждалось, что Китайская Народная Республика предприняла агрессивные действия против «войск ООН» в Корее. При обсуждении этого вопроса США, Англия и некоторые другие члены Совета внесли «резолюцию шести», которая требовала немедленного отзыва народных добровольцев, лицемерно утверждая, что «войска ООН» возьмут на себя «охрану интересов Китая» в пограничных районах Кореи. Однако Советский Союз не допустил принятия «резолюции шести».

30 ноября президент Трумэн недвусмысленно заявил, что США готовы использовать против КНР все военные средства, которыми они располагают, в том числе атомную бомбу². Однако правительство США не решилось осуществить свои угрозы. Оно начало вести борьбу за дипломатическую изоляцию народного Китая.

Соединенные Штаты и Англия настояли на включении вопроса об «интервенции Центрального народного правительства Китайской Народной Республики в Корею» в повестку дня V сессии Генеральной Ассамблеи и снова стали добиваться одобрения «резолюции шести». Выступая на сессии, представители СССР и других социалистических стран показали полную несостоятельность обвинения против КНР, подчеркнув, что именно американские войска создали серьезную угрозу безопасности КНР. «Резолюции шести», направленной на расширение агрессии, делегация СССР противопоставила предложение о немедленном выводе из Кореи всех иностранных войск, с тем чтобы предоставить решение корейского вопроса самому корейскому народу. Советские представители подчеркивали также, что действительное урегулирование на Дальнем Востоке возможно только с участием Китайской Народной Республики и с учетом ее интересов³.

Американская политика расширения войны вызвала тревогу государств Азии и Африки, стремившихся содействовать прекращению военных действий. 12 декабря 1950 г. Индия от имени группы азиатских стран внесла на обсуждение Генеральной Ассамблеи проекты двух резолюций. В «резолюции тринадцати» (Индия, Афганистан, Бирма, Египет, Индонезия, Ирак, Иран, Йемен, Ливан, Пакистан, Саудовская Аравия, Сирия и Филиппины) предлагалось учредить комиссию из трех человек под руководством председателя Генеральной Ассамблеи для установления основ, на которых можно достичь перемирия; в «резолюции двенадцати» (те же страны без Филиппин) рекомендовалось учредить комитет из представителей СССР, КНР, США, Англии, Франции, Индии и Египта для рассмотрения способов мирного разрешения спорных вопросов на Дальнем Востоке, включая допуск КНР в ООН и проблему Тайваня. Призывая принять эту резолюцию, представитель Индии Бенегал Рау сообщил, что из переговоров с представителем Китая он вынес твердое мнение, что правительство КНР «стремится к мирному урегулированию» корейского конфликта⁴.

США и их союзники предпочли согласиться с «резолюцией тринадцати», которая и была принята, и постарались добиться провала «резолюции двенадцати» об урегулировании дальневосточных проблем с участием КНР.

¹ «Memoirs by Harry S. Truman», vol. II, p. 416.

² Ibid., p. 395—396.

³ См. «Внешняя политика Советского Союза. 1950 год», стр. 588—589.

⁴ См. «Объединенные Нации. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. V сессия. Первый комитет», т. II. Нью-Йорк, 1950—1951, стр. 400.

В результате последовавшего обмена мнениями между «комиссией трех», созданной в соответствии с принятой резолюцией, и правительством КНР, который осуществлялся при посредничестве Индии, наметилось известное сближение точек зрения. 22 января 1951 г. правительство КНР уведомило, что в случае принятия принципа вывода иностранных войск оно посоветует народным добровольцам вернуться из Кореи.

Однако Соединенные Штаты Америки восприняли возможность компромисса как прямую угрозу своим захватническим планам. Еще 10 января 1951 г. американское правительство обратилось к своим союзникам с меморандумом о санкциях против КНР «в качестве наказания за участие в корейской войне». Вслед за тем представитель США внес в ООН резолюцию, объявлявшую Китай агрессором.

В противовес этому страны Азии и Африки 24 января предложили в кратчайший срок провести совещание Франции, Англии, США, СССР, Египта, Индии и КНР с целью мирного урегулирования корейской и других проблем Дальнего Востока. Настаивая на такой мере, индийский представитель предупредил, что, если будет одобрена резолюция США, надежды на продолжение переговоров не останутся, в то время как, по его сведениям, новые предложения 12 стран рассматриваются в Пекине как приемлемая основа для перемирия¹.

США продолжали настаивать в Организации Объединенных Наций на немедленном объявлении КНР агрессором, угрожая в случае отклонения своей резолюции выйти из ООН и прекратить помощь странам, которые не поддержат ее. 1 февраля Генеральная Ассамблея в основном голосами союзников США и государств Латинской Америки одобрила клеветническую резолюцию, обвинявшую Китайскую Народную Республику в агрессивных действиях в Корее².

Эта резолюция сорвала намечавшееся соглашение о прекращении огня. Она нанесла новый удар престижу Организации Объединенных Наций, показав, что с помощью механического большинства агрессивным силам удавалось использовать ООН в своих целях.

Отвергая переговоры о перемирии, Соединенные Штаты, как указывал президент Трумэн в послании Макартуру от 13 января 1951 г., рассчитывали «подорвать опасно возросший политический и военный престиж коммунистического Китая»; выиграть время и оказать прямую помощь всем силам, «выступавшим против коммунизма в Азии»; содействовать отказу стран Европы и Азии от соглашений с коммунистами на предлагаемых ими условиях; облегчить заключение «удовлетворительного мира» с Японией, т. е. сохранение контроля США в этой стране, и, наконец, содействовать «укреплению обороны» западного мира, т. е. расширению агрессивных военных блоков и гонке вооружений³. Исходя из этой программы, американские правящие круги раздували пламя войны на Дальнем Востоке.

¹ См. «Объединенные Нации. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. V сессия. Первый комитет», стр. 507.

² См. «Объединенные Нации. Годовой доклад генерального секретаря о работе Организации с 1 июля 1950 г. по 30 июня 1951 г.» Нью-Йорк, 1951, стр. 58.

³ «Memoirs by Harry S. Truman», vol. II, p. 435, 436.

Правительство США предприняло ряд новых агрессивных действий против КНР. 3 декабря был запрещен экспорт товаров из США в Китай без особого разрешения, 16 декабря министерство торговли запретило судам и самолетам перевозить туда грузы, а 17 декабря были блокированы китайские активы в США и на управляемых ими территориях¹.

25 января 1951 г. в Корее началось наступление «войск ООН». США тем самым отвергли все предложения о прекращении войны и взяли курс на ее дальнейшее расширение, применяя все более варварские методы ведения войны: массированные бомбардировки городов и сел, использование напалма против мирного населения и т. п. Это означало, что американский империализм, игнорируя реальное положение вещей, все еще пытался силой оружия добиться осуществления своих захватнических планов на Дальнем Востоке, причем определенная часть военных и политических деятелей США готова была с этой целью пойти на риск войны против Китайской Народной Республики. Однако развитие международной обстановки и прежде всего растущая мощь СССР все более препятствовали такого рода авантюристической политике.

3. Перемирие в Корее

Планы военного разгрома Народной армии КНДР и китайских народных добровольцев оказались несостоятельными. В течение трех месяцев войска интервентов пытались прорвать фронт, но, потеряв около 80 тыс. человек, продвинулись лишь на 100 км, а 22 апреля корейско-китайские силы, предприняв контрнаступление, на многих участках отбросили противника. Незначительный успех принесло и майское наступление, предпринятое американским командованием в Корее. Интервентам, правда, удалось несколько продвинуться на востоке полуострова, но затем фронт стабилизировался.

В провале американских планов расширения агрессии решающую роль сыграл советско-китайский договор о союзе и взаимной помощи. Это не раз признавали государственные деятели США, сетуя, в частности, на то, что наличие договора являлось главным препятствием для «свободного использования» военно-морских и военно-воздушных сил США против Китая. Что касается союзников США, то они предупреждали американцев, что всякий шаг, который мог бы вызвать необходимость выполнения Советским Союзом военных обязательств по договору с КНР, представлял бы «грубейшую ошибку»².

¹ «American Foreign Policy. 1950—1955. Basic Documents», p. 2595.

² F. Williams. A Prime Minister Remembers, p. 237.

Учитывая все это, американский империализм вынужден был проявлять известную сдержанность.

Беспочвенными оказались и расчеты империалистов на дезорганизацию вследствие войны и блокады внутренней жизни и экономики КНДР и КНР. Преодолевая огромные трудности, корейские патриоты обеспечивали бесперебойное снабжение фронта, восстанавливали разрушенные предприятия, вели сельскохозяйственные работы. Продолжало укрепляться экономическое и политическое положение Китайской Народной Республики. Этому содействовала братская помощь и поддержка СССР и других социалистических стран.

Империалистическая интервенция в Корею обострила противоречия между США и государствами Азии и Африки, которые решительно высказывались за прекращение войны. Руководящие американские деятели, трезво оценивавшие обстановку, неоднократно предупреждали о возможности опасных последствий в Индокитае, Индонезии, Таиланде, на Филиппинах и в других странах в случае нападения на КНР¹.

За прекращение корейской войны выступали друзья мира во всех странах. Второй Всемирный конгресс сторонников мира, проходивший в ноябре 1950 г., уделил особое внимание корейской проблеме, потребовав скорейшего прекращения военных действий. Корейская война становилась все ненавистнее для населения США и американских солдат в Корею.

По мере затягивания войны обострялись разногласия США с их союзниками по агрессии, в первую очередь с Англией и Францией.

Несмотря на давление США, Англия выступала против военно-морской блокады Китая, и американцы были вынуждены признать, что их односторонние действия в этом случае могли привести «к конфликту с коммерческими интересами их наиболее важного союзника»².

Заявление президента США от 30 ноября 1950 г. о готовности применить атомную бомбу против КНР обсуждалось в парламенте Англии. Как доносило американское посольство из Лондона своему правительству, это были «наиболее серьезные, тревожные и ответственные» из всех прений по внешнеполитическим вопросам, состоявшихся после 1945 г.³ Осуждая переход 38-й параллели, член палаты лордов лейборист Чорли подчеркнул, что этот шаг содействует распространению мнения, что «Соединенные Штаты при поддержке англосаксонского мира преследуют империалистические и агрессивные цели на Дальнем Востоке». Консерватор лорд Солсбери предупреждал, что позиция США «неизбежно ведет к войне»⁴. Встревоженный создавшимся положением, Эттли потребовал немедленного свидания с Трумэном. Прибыв 4 декабря в Вашингтон, он в беседах с Трумэном и Ачесоном возражал против бомбардировок промышленных центров КНР и подчеркивал, что расширение войны равносильно для западных держав самоубийству. Настаивая на переговорах о прекращении огня, Эттли указывал на необходимость учитывать мнение

¹ «Military Situation in the Far East». Part I. Washington, 1951, p. 370.

² Ibid., p. 1516.

³ «Memoirs by Harry S. Truman», vol. II, p. 396.

⁴ См. И. Стоун. Закулисная история войны в Корею, стр. 203.

азиатских и европейских стран. Он высказывался также за восстановление прав КНР в ООН и возвращение под ее суверенитет о-ва Тайвань¹.

В январе 1951 г. по инициативе Индии положение на Дальнем Востоке обсуждалось на совещании стран Британского содружества наций в Лондоне, которое высказалось за открытие переговоров великих держав, включая КНР, с целью прекращения войны в Корее².

Противоречия между США и их союзниками особенно обострились весной 1951 г., после того как 24 марта командующий войсками ООН генерал Макартур публично потребовал начать широкие военные действия против КНР. Это заявление вызвало резкое осуждение в Англии, и английское правительство было вынуждено запросить у США объяснений. 9 апреля 1951 г. английский представитель в ООН Джебб заявил, что его правительство не одобрит никаких мер, которые ведут к расширению войны³.

Правительству США все труднее становилось уклоняться от переговоров, хотя оно не оставляло попыток «разрешить» корейский вопрос «с позиции силы»⁴. О все большем понимании бесперспективности авантюры в Корее среди руководящих кругов США свидетельствовало выступление сенатора Джонсона, который в мае 1951 г. внес проект резолюции о прекращении военных действий в Корее.

Такова была обстановка, когда Советский Союз выступил с новой мирной инициативой в урегулировании корейского вопроса. 23 июня 1951 г. представитель СССР в ООН Я. А. Малик, выступая по американскому телевидению, призвал начать переговоры между воюющими сторонами о прекращении огня, с взаимным отводом войск от 38-й параллели⁵. Таким образом, новые советские предложения предусматривали прекращение военных действий еще до решения вопроса о выводе иностранных войск из Кореи и урегулирования политических проблем Дальнего Востока. Общественность Китайской Народной Республики и Корейской Народно-Демократической Республики выступила в поддержку советского предложения.

Советское выступление создало серьезные трудности для агрессивного курса правящих кругов США. Отказ от переговоров грозил окончательным разоблачением политики США и новыми осложнениями с союзниками, тем более что американские представители не раз заявляли о готовности начать переговоры о прекращении огня, если это не будет связано с вопросом о политическом урегулировании в Корее. Президенту Трумэну

¹ «Memoirs by Harry S. Truman», vol. II, p. 402, 411; F. Williams. A Prime Minister Remembers, p. 237, 238.

² «Pacific Affairs», VI. 1951, p. 126, 127.

³ «Observer», 8. IV. 1951.

⁴ В мае 1951 г. в Корее было предпринято, по выражению командующего американской армией генерала Ван Флита, «неограниченное наступление на Север». 21 июня командование США потребовало от Генерального секретаря ООН призвать членов ООН, одоббивших резолюцию 1950 г., но не направивших вооруженных сил в Корею, немедленно рассмотреть вопрос о посылке «значительных контингентов сухопутных войск». («American Foreign Policy», p. 2626).

⁵ «Правда», 24 июня 1951 г.

пришлось заявить 25 июня 1951 г. о согласии на переговоры. Последовавший обмен мнениями привел к избранию в качестве места для переговоров г. Кэсона, находящегося на 38-й параллели. 10 июля 1951 г. здесь начались переговоры о перемирии, перенесенные позднее в г. Паньмыньчжон.

Идя на переговоры, руководители США рассчитывали добиться от КНДР и КНР односторонних уступок. Американское командование, как с циничной откровенностью указывалось в его докладе Генеральному секретарю ООН от 7 августа 1953 г., отклонило предложения корейско-китайской стороны о прекращении военных действий на время переговоров, с тем чтобы военными мерами принудить противника принять выдвигаемые Соединенными Штатами условия¹. С той же целью инструкция, направленная 29 июня 1951 г. генералу Риджуэю, предписывала тормозить переговоры и допускала возможность их срыва при условии, «чтобы всему миру было ясно, что провал вызван противником, а не нами»². Лицемерная позиция правительства США свидетельствовала о том, что влиятельные круги в Соединенных Штатах все еще лелеяли надежду на осуществление своих захватнических планов в Корее и не хотели заключать соглашение на равноправной основе³.

С самого начала переговоров тактика США состояла в создании трудностей и проволочек в достижении соглашения. Так, при рассмотрении вопроса о демаркационной линии представители США отвергли разумное предложение корейско-китайской стороны установить демаркационную линию по 38-й параллели⁴. Они потребовали провести демаркационную линию севернее 38-й параллели, в тылу частей Народной армии и китайских народных добровольцев. Свои притязания они мотивировали необходимостью получить «территориальную компенсацию» в 13 тыс. кв. км за превосходство в воздухе и на море, что якобы давало «войскам ООН» решающее военное преимущество⁵. Истинный смысл американского требования заключался в том, чтобы удерживать районы залегания вольфрама, захваченные «войсками ООН». Когда же глава делегации Народной армии и китайских добровольцев Нам Ир согласился, чтобы при определении демаркационной линии допускались отступления в ту или иную сторону от 38-й параллели, американское командование организовало серию провокаций в нейтральной зоне, вплоть до бомбардировки района Кэсона. Это привело к прекращению переговоров более чем на 2 месяца. Наконец 25 октября 1951 г. они возобновились в г. Паньмыньчжоне. На этот раз делегация США предложила определить демаркационную линию по линии фронта к моменту заключения перемирия. Для того чтобы лишить США возможности использовать вопрос о демаркационной линии для срыва переговоров, корейско-китайская сторона приняла это предложение.

Американской тактике проволочек, угроз и военного нажима корейско-китайская сторона противопоставляла тактику разумных уступок, в то же время разоблачая империалистическую сущность маневров «командования

¹ «American Foreign Policy, 1950—1955. Basic Documents», vol. II, p. 2628.

² «Memoirs by Harry S. Truman», vol. II, p. 458, 459.

³ «Неожиданная перспектива мира в Корее, — сообщало агентство Ассошиэйтед Пресс, — повергла в содрогание всю систему цен. Курс акций упал небывало низко для этого времени года». Многие бизнесмены во всеуслышание сетовали на то, что переговоры помешают осуществить программу увеличения военного производства. А руководитель американского «Управления мобилизации для обороны» в связи с началом переговоров заявил, что он чрезвычайно встревожен возможным перемирием в Корее (см. «Правда», 18 июля 1951 г.).

⁴ См. «Правда», 7 августа 1951 г. (к началу переговоров Народная армия контролировала участок 38-й параллели в 145 км и территорию южнее ее в 3630 кв. км, а «войска ООН» — участок в 165 км и территорию к северу в 4630 кв. км).

⁵ См. «Правда», 3 и 5 августа 1951 г.

ООН». Такая тактика помогала преодолевать препятствия, чинимые американской стороной, и находить согласованное решение большинства обсуждавшихся вопросов.

Наиболее серьезным препятствием для заключения перемирия оказался вопрос о военнопленных (четвертый пункт повестки дня). Еще при обмене списками 6 января 1952 г. выяснилось, что «командование ООН» стремится задержать значительную часть военнопленных: оно уведомило Международный комитет Красного Креста о захвате 176 679 китайских и корейских военнопленных, но представило сведения лишь на 132 474 человека¹.

В полном соответствии с международной практикой, а также с Женевской конвенцией 1949 г. об обращении с военнопленными² представители КНДР и КНР предлагали, чтобы все солдаты и офицеры, находившиеся у каждой из сторон, были по заключении перемирия освобождены и репатрированы. Первоначально «командование ООН» также придерживалось принципа обмена «всех на всех», что на практике означало насильственное задержание тех военнопленных, о которых командование пленившей стороны заявит, что они якобы не желают репатрироваться. Эти маневры, как признавал глава американской делегации на переговорах в Паньмыньчжоне генерал Джой, противоречили Женевской конвенции и преследовали чисто политические и пропагандистские цели. Чтобы добиться от китайских и корейских военнопленных «отказа от репатриации», применялось грубое насилие. Вспыхнувшее в мае 1952 г. восстание военнопленных на о-ве Кочжедо пролило яркий свет на свирепствовавший в американских лагерях режим террора и методы отбора «не желающих репатрироваться».

В апреле 1952 г. посетившая Пекин индийская миссия доброй воли выдвинула предложение о привлечении нейтральных стран к урегулированию проблемы военнопленных. К лету переговоры продвинулись настолько, что, по свидетельству индийского дипломата Кришны Менона, стороны «были близки к достижению соглашения»⁴. Но, как уже не раз случалось, именно в такой момент США резко осложнили обстановку. Командующий войсками ООН генерал Кларк, занявший этот пост в мае 1952 г., разработал план, который предусматривал полное уничтожение путем бомбардировок всех городов в Северной Корее и электростанций на р. Ялуцзян, снабжавших электроэнергией предприятия КНДР и КНР; отказ вести переговоры, пока не будут приняты американские условия; увеличение южнокорейской армии и т. д. «Мы должны, — писал Кларк, характеризуя свою тактику, — превратить тупик в более дорогостоящий для коммунистов, чем для нас, наносить им удары там, где можем причинить наибольший ущерб, не давая им покоя и силой заставить их признать, что цена, которую им придется заплатить за перемирие, возрастет, а не уменьшится»⁵. В конце мая начались намеченные Кларком бомбардировки, что сорвало возможность соглашения при посредничестве

¹ См. приложение к журналу «Новое время», 1952, № 45, стр. 16.

² Ст. 118 Женевской конвенции гласит, что «после прекращения активных военных действий военнопленные должны быть немедленно освобождены и репатрированы». В ст. 7 говорится, что «ни при каких обстоятельствах военнопленные не могут отказываться, частично или полностью, от прав, обеспечиваемых им настоящей конвенцией».

³ Поскольку у корейско-китайской стороны находилось лишь 11,5 тыс. военнопленных, это означало, что даже при заниженной цифре в 132 тыс. человек насильственно задерживалось более 120 тыс. человек (см. приложение к журналу «Новое время», 1952, № 45, стр. 16).

⁴ Цит. по кн.: *Л. Нагараджан*. От Хиросимы до Бандунга. М., 1956, стр. 121.

⁵ *M. Clark*. From the Danube to the Yaly. N. Y., 1954, p. 69—71.

Индии. 7 июня американский представитель в Паньмыньчжоне односторонне прервал переговоры на три дня, что стало затем обычной практикой «делегации ООН».

28 сентября 1952 г. американская делегация внесла на переговорах в Паньмыньчжоне новые предложения, предусматривавшие опрос военнопленных представителями Международного комитета Красного Креста или нейтральных стран о желании репатрироваться. При этом предлагалось, чтобы опрос производился в условиях сохранения над пленными военного контроля пленившей стороны¹. Вслед за тем глава американской делегации генерал Гаррисон заявил, что переговоры прерываются до тех пор, пока не будут приняты эти условия.

Ход переговоров показал, что США не отказались от стремления решить корейский вопрос с помощью силы. Саботаж переговоров сопровождался попыткой наступления «войск ООН». Своими действиями Соединенные Штаты Америки создали реальную угрозу нового обострения положения на Дальнем Востоке. Цель предпринятых ими маневров исчерпывающе раскрыл командующий 8-й армией США в Корее генерал Ван Флит. «Нам нужна военная победа. Мы должны нанести поражение китайским армиям на поле сражения. Корея — это ключ к Азии. Мы можем вернуть себе престиж лишь в том случае, если нанесем им поражение»², — заявлял он.

Однако новое наступление «войск ООН» не увенчалось успехом. Народная армия и китайские народные добровольцы прочно удерживали позиции. Интервенты завязли в затяжной войне, стоившей им большой крови.

Сплотившись вокруг Трудовой партии, рабочие и крестьяне Северной Кореи обеспечивали бесперебойную работу фронтовых коммуникаций и снабжение продовольствием населения и армии, все больше производили вооружения и боеприпасов. В условиях жесточайшего террора патриоты Южной Кореи непрерывно наносили удары по тылам американских войск. Лисынмановский режим, несмотря на прямую военную поддержку США, переживал хронический внутренний кризис: в мае 1952 г. южнокорейское Национальное собрание 96 голосами против 3 выразило недоверие правительству, и Ли Сын Ману удалось удержаться у власти, лишь прибегнув к открытому террору и нарушению конституции.

В США нарастало недовольство затянувшейся войной и большими потерями вооруженных сил. В 1952 г. состоялись президентские выборы. В предвыборной борьбе важное место занимал корейский вопрос. Используя всеобщее стремление к миру, кандидат в президенты от республиканской партии Эйзенхауэр посетил Корею и обещал в случае победы на выборах добиваться заключения перемирия³.

¹ «American Foreign Policy. 1950—1955. Basic Documents», vol. II, p. 2647—2649.

² См. «Правда», 1 ноября 1952 г.

³ См. гл. XII.

По мере затягивания войны усиливался разброд в лагере участников интервенции. Возникла реальная угроза изоляции США в этом вопросе.

Весной 1953 г. СССР и другие социалистические страны выступили с предложением возобновить переговоры о перемирии и прекратить наконец кровопролитие в Корее.

VII сессия Генеральной Ассамблеи ООН 16 апреля 1953 г. фактически солидаризировалась с этим предложением, единодушно одобрив резолюцию, в которой выражалось пожелание, чтобы переговоры в Паньмыньчжоне в скором времени привели к перемирию. В создавшейся обстановке американское правительство оказалось вынужденным возобновить переговоры, прерванные им в октябре 1952 г.

9 апреля 1953 г. Нам Ир в письме Гаррисону изложил новые предложения о репатриации военнопленных. Корейско-китайская сторона согласилась, чтобы часть военнопленных, не настаивающих на немедленной репатриации, была передана под контроль нейтральных государств для проведения среди них разъяснительной работы и решения вопроса об их репатриации. Эти предложения, учтывавшие резолюцию VII сессии Генеральной Ассамблеи ООН, послужили базой для дальнейших переговоров, которые возобновились 26 апреля 1953 г.

Делегация США возражала против кандидатуры нейтрального государства, под контроль которого надлежало передать военнопленных. Гаррисон отвергал кандидатуру любого нейтрального государства Азии, утверждая, что все они «могут находиться под коммунистическим политическим, военным и экономическим влиянием»¹. В то же время он отказывался рассматривать другие вопросы до согласования кандидатуры нейтрального государства.

7 мая корейско-китайская делегация предложила создать для наблюдения за репатриацией комиссию нейтральных стран в том же составе, что и комиссия по наблюдению за перемирием, с добавлением Индии, под контроль которой передать непосредственно не репатрируемых военнопленных.

В этот момент генерал Кларк снова хотел прекратить переговоры, предъявив «окончательные условия», сопровождаемые ультимативным требованием: «или принять, или отклонить» их². Но на этот раз американское правительство не решилось поддержать своего командующего. Госдепартамент заявил, что предложения от 7 мая могут стать основой для «почетного соглашения», и 23 мая направил Кларку соответствующие инструкции.

Соглашение о репатриации было подписано 8 июня 1953 г. Повестка дня переговоров была исчерпана, и для прекращения военных действий оставалось лишь подписать текст соглашения о перемирии. Однако агрессивные силы предприняли новую попытку сорвать его. В ночь на 18 июня при попустительстве и поощрении американских военных властей вооруженные банды лисынмановцев напали на четыре лагеря военнопленных и на глазах американской охраны угнали 26 тыс. военнопленных, большинство которых потом насильственно зачислили в южнокорейские войска. Эти действия лисынмановцев осудила общественность всего мира и даже союзники США по войне в Корее. 22 июня 1953 г. английское правительство направило южнокорейским властям резкую ноту, обвиняя их в «вероломном подрыве авторитета» командования ООН³.

В Корею из Токио срочно направился генерал Кларк, а вслед за ним специальный представитель Эйзенхауэра Робертсон. Были инсценированы

¹ См. «Правда», 30 апреля и 1 мая 1953 г.

² C. Berger. The Korea Knot. A Military Political History. Philadelphia, 1957, p. 163.

³ «Правда», 23 июня 1953 г.

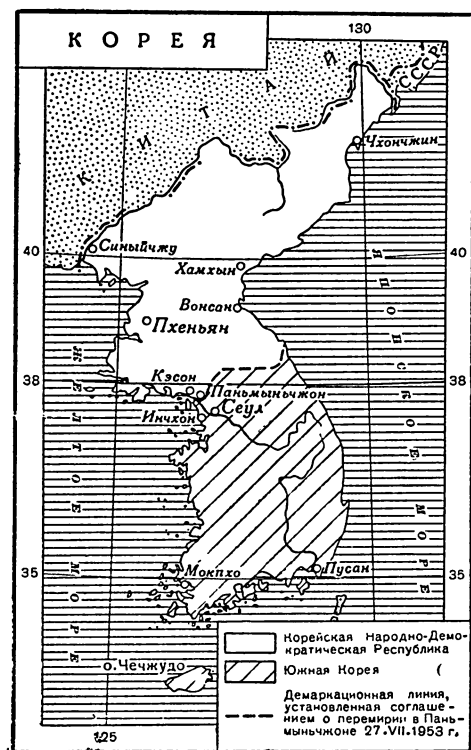
переговоры с Ли Сын Маном, причем представители США «убеждали» последнего согласиться на перемирие. Этот спектакль понадобился для того, чтобы оправдать оставление войск США в Южной Корее после перемирия и сорвать политическое урегулирование в Корее. В качестве «уступки» Ли Сын Ману США обещали подписать с Южной Кореей военное соглашение, увеличить поставки вооружения и поддержать его требования на политической конференции¹.

27 июля 1953 г. было подписано соглашение о перемирии. В преамбуле соглашения указывалось, что его целью является «прекращение корейского конфликта» и «заключение перемирия, которое обеспечило бы полное прекращение военных действий и всех враждебных актов в Корее до окончательного мирного урегулирования». Эта формулировка означала, что перемирие должно оставаться в силе независимо от срока урегулирования корейского вопроса.

Ст. 1 соглашения определила демаркационную линию и демилитаризованную зону в пределах 2 км по обе стороны от нее. Демаркационная линия прошла там же, где и в 1951 г. Она тянется с восточного побережья на юго-запад, пересекая линию 38-й параллели и заканчивается на западном побережье полуострова, севернее устья р. Хэнган.

Ст. 2 запрещала на весь период перемирия ввоз подкреплений и вооружений в Корею. Замена вооружения и персонала разрешалась в пропорции 1:1 в точно намеченных пунктах. В той же статье определены функции военной комиссии по перемирию из представителей сторон, а также комиссии по наблюдению за перемирием из представителей нейтральных стран — Польши, Чехословакии, Швеции и Швейцарии.

Ст. 3 намечала репатриацию в течение 60 дней всех военнопленных, настаивавших на этом. Все остальные военнопленные подлежали освобождению из-под контроля пленившей стороны и передаче в нейтральную зону под охрану индийских войск и под контроль международной комиссии в том же составе, что и комиссия по наблюдению за перемирием с включением представителя Индии. В течение 90 дней представители стороны, к которой принадлежали военнопленные, могли вести с ними разъяснительную работу.

¹ C. Berger. The Korea Knot. A Military Political History, p. 168, 169.

Ст. 4 предусматривала созыв через 3 месяца после вступления перемирия в силу политической конференции для решения «вопросов о выводе из Кореи иностранных вооруженных сил и мирного урегулирования корейского вопроса».

Интервенция в Корею явилась яркой иллюстрацией империалистической политики «с позиции силы», пытающейся остановить поступательный процесс исторического развития, силой оружия изменить соотношение сил на международной арене. Однако исход корейской войны с предельной ясностью показал беспочвенность попыток империалистов вернуть в лагерь капитализма отпавшие от него страны. В ходе войны с особой силой раскрылось могущество мирового лагеря социализма и значение дружбы входящих в него стран, братскую помощь которых корейский народ повседневно ощущал в героической борьбе за свою свободу и независимость.

Заключение перемирия в Корею свидетельствовало о крупном успехе миролюбивых сил. Был положен конец трехлетней кровопролитной войне и ликвидирован возможный очаг новой мировой войны, что ослабило напряженность всей международной обстановки. Перемирие в Корею подтвердило реальную возможность даже в тот период разрешать самые сложные международные проблемы в соответствии с принципами мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

4. Переговоры о политическом урегулировании (1953—1954 гг.)

Социалистические страны рассматривали перемирие как шаг к окончательному разрешению корейского вопроса путем объединения обеих частей Кореи в единое демократическое государство. В этих целях по настоянию корейско-китайской стороны в соглашение о перемирии было включено положение о созыве политической конференции. Однако Соединенные Штаты Америки и их союзники стали на путь грубого нарушения этой статьи. Уже в день заключения перемирия, 27 июля, они подписали декларацию о готовности участвовать в военных операциях в Корею в случае их возобновления, не ограничиваясь территорией полуострова¹. 1 октября 1953 г. был подписан американо-лисырмановский договор «о взаимной обороне», который предусматривал оставление американских войск в Южной Корею. В договоре подчеркивалось, что США признают юрисдикцию южнокорейских властей над территориями, которые могут в будущем оказаться под их администрацией². Это являлось прямым поощрением клики Ли Сын Мана к новому нападению на КНДР.

¹ «American Foreign Policy, 1950—1955. Basic Documents», vol. II, p. 2662.

² Ibid., vol. I, p. 896.

На VII сессии Генеральной Ассамблеи ООН, возобновившей работу в августе 1953 г., западные державы добились отклонения советских предложений о привлечении к переговорам по корейскому вопросу Индии и других нейтральных государств. На сессии США протасили рекомендацию о созыве конференции в составе государств, большинство которых следовало в фаворитере политики США. Правительство КНР и КНДР поддержали позицию СССР по вопросу об участниках политической конференции и не признали рекомендацию, которую навязывали Соединенные Штаты. В то же время, стремясь использовать любую возможность для урегулирования, КНР и КНДР согласились на предварительные переговоры, которые были предложены США.

Эти переговоры, начавшиеся 26 октября 1953 г. в Паньмыньчжоне, подтвердили, что США не хотели созыва политической конференции. 12 декабря 1953 г. глава американской делегации прекратил переговоры под предлогом, что США якобы оскорблены замечанием корейского представителя об ответственности командования США за захват лисынмановцами корейских военнопленных. Нагромождая препятствия созыву конференции, США сорвали соглашение о репатриации военнопленных. «Командование ООН» насильственно задержало еще 21 тыс. военнопленных из граждан КНДР и КНР.

Стремясь преодолеть кризис, вызванный отказом Соединенных Штатов от выполнения важных условий перемирия, социалистические страны продолжали настаивать на переговорах по корейскому вопросу. В январе 1954 г. Советский Союз поддерживал предложение Индии о возобновлении с этой целью работы VIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН, но западные державы воспрепятствовали созыву Ассамблеи¹. Однако им все труднее было уклоняться от переговоров, не разоблачая себя в глазах мировой общественности. Поэтому западные державы вынуждены были согласиться с обсуждением корейского вопроса на совещании представителей США, СССР, Англии, Франции и Китайской Народной Республики с приглашением на него представителей Корейской Народно-Демократической Республики, Южной Кореи и других стран, участвовавших в войне в Корее. Такое совещание было созвано в апреле 1954 г. в Женеве².

Соединенные Штаты заверили Ли Сын Мана и его окружение, что, если в Женеве не будет достигнут «успех», представители США и Южной Кореи «покинут совещание и начнут переговоры для выработки дальнейшей стратегии»³.

Социалистические страны выдвинули в Женеве конструктивную программу воссоединения Кореи на демократических началах. Делегация КНДР выступила на совещании с предложениями о восстановлении национального единства Кореи. Они предусматривали: 1) проведение свободных выборов в общекорейское Национальное собрание, с тем чтобы оно образовало единое правительство Кореи, и создание для подготовки выбо-

¹ «Объединенные Нации. Годовой доклад Генерального секретаря о работе Организации с 1 июля 1953 г. по 30 июня 1954 г.», стр. 16.

² См. «Документы по корейскому вопросу». М., 1956, стр. 251.

³ См. «Правда», 14 апреля 1954 г.

ров Общекорейской комиссии из представителей Северной и Южной Кореи; 2) мероприятия по установлению и развитию экономических и культурных связей между КНДР и Южной Кореей; 3) вывод всех иностранных вооруженных сил с территории Кореи в шестимесячный срок и 4) содействие наиболее заинтересованных в поддержании мира на Дальнем Востоке государств мирному развитию Кореи и ее скорейшему мирному объединению. Представитель КНДР подчеркивал, что Общекорейская комиссия должна работать на основе равенства сторон и согласованного принятия решений без навязывания воли одной из сторон другой¹.

Одним из важнейших факторов, оказавших благоприятное воздействие на ход Женевского совещания, явилось стремление социалистических стран добиться взаимоприемлемых решений на основе разумных компромиссов и уступок. КНДР согласилась на вывод иностранных войск по этапам, с соблюдением равной пропорциональности как для американских войск, так и для частей китайских народных добровольцев. Она приняла принцип международного контроля за проведением общекорейских выборов, но с тем чтобы соответствующий орган назначался не ООН, а состоял из нейтральных стран, и согласилась, чтобы выборы проходили при равных нормах представительства для всей Кореи. Эти предложения открывали путь к воссоединению Кореи в качестве независимого демократического государства.

США и их союзники, не выдвигая какой-либо положительной программы, попытались использовать совещание, чтобы протащить давно обанкротившиеся планы распространения лисымановского режима на всю страну. Этой цели служили предложения южнокорейского министра иностранных дел о проведении в жизнь принятой под давлением США на V сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюции, предусматривавшей оккупацию Северной Кореи «войсками ООН» и проведение там под наблюдением комиссии ООН выборов в южнокорейское Национальное собрание.

11 июня министр иностранных дел Англии Иден заявил, что если не будет принято требование о выборах в Корею под наблюдением комиссии ООН, то западные державы не допустят соглашения. Это заявление свидетельствовало, что между участниками интервенции в Корею наметился сговор, направленный на срыв переговоров.

Учитывая создавшуюся обстановку, социалистические страны считали целесообразным договориться о сохранении перемирия и улучшении отношений между Северной и Южной Кореей. Этой задаче служили предложения КНДР «об обеспечении мирных условий в Корею». Они предусматривали возобновление переговоров о мирном урегулировании в Корею на основе создания единого, независимого, демократического государства, а также сокращение численности войск КНДР и Южной Кореи и содействие экономическому и культурному сближению обеих частей

¹ «Документы по корейскому вопросу», стр. 12—13, 154—155.

страны. Со своей стороны, советская делегация предложила, чтобы участники совещания заявили о недопущении «каких бы то ни было действий, которые могли бы поставить под угрозу поддержание мира в Корее»¹. Принятие этих предложений упрочило бы перемирие и создало бы предпосылки для восстановления экономики и демократического объединения страны. Но именно поэтому США и их союзники отказались от их обсуждения и сорвали переговоры.

Однако усилия социалистических стран в Женеве принесли свои плоды и содействовали разоблачению и изоляции агрессивных сил, препятствовавших мирному объединению Кореи. Выдвинутая социалистическими странами программа урегулирования корейского вопроса получила широкую поддержку во всем мире, что содействовало сохранению перемирия и удерживало лисынмановцев и стоявшие за ними империалистические круги от новых военных авантюр.

Г Л А В А XIX

ВРАЖДЕБНЫЕ ДЕЙСТВИЯ США ПРОТИВ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В результате победы китайской революции гоминдановский режим, опиравшийся на военную и финансовую помощь США, рухнул, гоминдановская армия была разгромлена; на карте Азии возникло социалистическое государство — Китайская Народная Республика. Установление народно-демократического строя в Китае открыло возможности для подъема творческих сил народа, для строительства новой жизни.

Упорное противодействие правительства Соединенных Штатов не смогло помешать широкому признанию Китайской Народной Республики на международной арене. Особое значение для укрепления международного положения КНР имело заключение 14 февраля 1950 г. Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой. Поддержку Китайской Народной Республике оказывали силы международного рабочего и национально-освободительного движения.

Однако правящие круги США, игнорируя изменения в международной обстановке, заняли позицию «непризнания» КНР и использовали все средства давления на правительства других стран, с тем чтобы воспрепятствовать признанию ими Китайской Народной Республики. США установили экономическую блокаду молодого государства, рассчитывая взять его измором,

¹ «Правда», 16 июня 1954 г.

вынудить к капитуляции. Вместе с тем они продолжали попытки использовать в борьбе против КНР все силы внутренней контрреволюции.

1. Оккупация Тайваня американскими войсками

Клика Чан Кай-ши по-прежнему рассматривалась американскими империалистами как главное орудие борьбы против китайского народа. США продолжали направлять для гоминдановских войск, засевших на Тайване, большие партии вооружения. На острове орудовали американские офицеры, занимавшиеся подготовкой гоминдановских солдат для налетов на континент. Только с января по октябрь 1950 г., по неполным данным, правительства США и Канады послали чанкайшистам свыше 700 танков и несколько сот самолетов¹. Поощряемые своими заокеанскими хозяевами, чанкайшисты совершали бандитские нападения на мирные города и села КНР. Например, только 6 февраля 1950 г. во время варварского обстрела Шанхая с американских самолетов было убито и ранено свыше 1000 мирных жителей и разрушено большое число зданий.

Агрессивные силы США, однако, не ограничивались поддержкой и помощью клике Чан Кай-ши. Развязав войну в Корее, они прибегли к открытым актам агрессии против КНР. Первым таким актом явилась оккупация китайского острова Тайвань.

Американские империалисты стали закрепляться на Тайване сразу же после капитуляции Японии. Генерал Ведемейер, находясь в 1947 г. в Китае, заключил с Чан Кай-ши соглашение, по которому в распоряжение вооруженных сил США передавались военные базы на территории Китая, в том числе две базы на Тайване — в Тайбэе и Цзилуне. США получили также военноморскую базу в Цзоине. Весной 1948 г. в результате переговоров американского адмирала Ч. Кука с кликой Чан Кай-ши в распоряжение 7-го американского флота перешли тайваньские порты Цзилун и Гаосюн. В ноябре 1949 г. было заключено соглашение о военной помощи американского правительства гоминдановской клике.

В то время как Пентагон превращал Тайвань в опорную базу агрессии на Дальнем Востоке, американские монополии прибирали к рукам недра острова, нещадно эксплуатировали его население. В феврале 1948 г. США заключили с Чан Кай-ши соглашение, по которому получили монопольное право на добычу тайваньской нефти, угля, вольфрама, золота, олова, серы, сурьмы, бокситов. Американская фирма «Рейнольдс металл К⁰» заняла господствующие позиции в производстве алюминия. Монополии США контролировали большую часть производства на острове сахара, цемента, соды, бумаги.

Призывы к оккупации Тайваня стали особенно усиленно раздаваться среди американских правящих кругов в 1949 г. и в начале 1950 г.² Об этом свидетельствовал и меморандум объединенной группы начальников штабов США об американской политике на Дальнем Востоке, из которого явствовало, как писала «Правда», что «вопрос о захвате Тайваня (Формозы) был предreshен правящими кругами США задолго до того, как они начали агрес-

¹ «People's China», Supplement to vol. III, № 1, 1. I. 1951, p. 7.

² «Congressional Record», 30. I. 1950, p. A667.

сию в Корею»¹. В декабре 1949 г. и январе 1950 г. сенаторы Смит, Ноулэнд и другие предложили превратить о-в Тайвань в американскую военную базу.

Еще за несколько месяцев до начала корейской войны США приняли меры к значительному усилению своих вооруженных сил на Дальнем Востоке, направив туда, в частности, авианосец, эскортный авианосец, 2 крейсера, 6 эсминцев. В то же время США обязались предоставить клике Чан Кай-ши 16 военных судов, снаряжение для 5 дивизий, радары и т. п.²

В середине июня 1950 г. в Токио состоялось совещание с участием генерала Д. Макартура, министра обороны Джонсона, генерала Брэдли и Дж. Ф. Даллеса, занимавшего в то время пост советника государственного департамента. Совещание рассмотрело предложения Макартура о срочной помощи Чан Кай-ши, с тем чтобы воспрепятствовать освобождению о-ва Тайвань вооруженными силами КНР. План Макартура — Джонсона — Брэдли — Даллеса был положен в основу рекомендаций, разработанных 24—25 июня в Вашингтоне на совещании членов объединенной группы начальников штабов, министра обороны и государственного секретаря США³. 25 июня 1950 г. 7-й флот, как и предусматривали эти рекомендации, получил приказ направиться в район Тайваньского пролива.

Эти действия противоречили Каирской декларации, подписанной еще 1 декабря 1943 г. правительствами США, Китая и Великобритании, согласно которой цель трех великих держав заключалась в том, «чтобы все территории, которые Япония отобрала у китайцев, как, например, Маньчжурия, Формоза и Пескадорские острова, были возвращены Китайской республике»⁴. В Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г. США, Китай и Великобритания (к ним впоследствии присоединился и Советский Союз) подтвердили: «Условия Каирской декларации должны быть выполнены, и японский суверенитет должен быть ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми мелкими островами, о которых мы примем соответствующее решение»⁵.

5 января 1950 г. президент США Трумэн подтвердил упомянутые обязательства, заявив, что «у США нет никаких хищнических замыслов в отношении Формозы или какой-либо другой

¹ «Правда», 13 мая 1951 г.

² «Объединенные Нации. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Пятая сессия. Первый комитет. Политические вопросы и вопросы безопасности, включая регулирование вооружений. Краткие отчеты заседаний», т. I, Нью-Йорк, 1950, стр. 360.

³ См. Б. И. Бухаров. Политика США в отношении Китайской Народной Республики (1949—1953). М., 1958, стр. 52, 53.

⁴ «Documents on American Foreign Relations, July 1943 — June 1944». Boston, 1945, p. 233.

⁵ «Documents on American Foreign Relations, July 1, 1945 — December 31, 1946». Norwood, 1948, p. 106.

китайской территории. США не имеют никакого желания добиться особых прав или привилегий или создать военные базы на Формозе... Они также не имеют никакого намерения использовать свои вооруженные силы для того, чтобы вмешиваться в нынешнее положение. Правительство Соединенных Штатов не будет следовать по пути, который приведет к вовлечению в гражданский конфликт в Китае. Правительство США также не предоставит военной помощи или консультации китайским войскам на Формозе»¹.

В тот же день выступил и государственный секретарь США Ачесон с заявлением «о статусе Формозы». «Китайцы, — отметил он, — управляли Формозой 4 года. Ни Соединенные Штаты и никто из других союзных держав не подвергали сомнению законность китайских властей и принадлежность острова. Когда Формоза стала провинцией Китая, никто не поднимал вопроса о правомерности этого акта... Таким образом, как говорит президент, мы не собираемся использовать наши вооруженные силы в связи с сложившейся в настоящее время ситуацией на Формозе. Мы не собираемся предпринять действия, направленные на захват этого острова. Мы никоим образом не хотим быть замешаны в военных событиях на Формозе. Насколько мне известно, ни один ответственный член правительства, ни один военный деятель не считает, что мы должны применить наши вооруженные силы на этом острове»².

В заявлении госдепартамента от 9 февраля 1950 г., подтверждающем эту позицию США, говорилось, что, если бы правительство Соединенных Штатов стало стремиться к изменению положения на Формозе, «это почти всеми было бы истолковано на континенте Китая, а также по всей Азии как попытка нашего правительства отделить Формозу от Китая, нарушающая наши обязательства и противоречащая нашей давнишней политике уважения территориальной целостности Китая».

Менее чем через полгода после этих торжественных заявлений США перешли к открытым актам агрессии против КНР, причем тот же Ачесон признал позже, что политика США «до 25 июня 1950 г. заключалась в использовании всех средств, имеющихся в нашем распоряжении, исключая применение американских вооруженных сил, для предотвращения перехода Формозы в руки врага... 25 июня мы применили вооруженные силы»³.

Маскируя подлинные цели этой акции, Трумэн охарактеризовал оккупацию 7-м флотом Тайваня как «нейтрализацию» острова на период корейского конфликта. Более того, согласно приказу президента американский флот был обязан следить за тем, чтобы гоминдановские войска «не предпринимали операций» против континентальной части Китая. Последовавшие в самом скором времени события показали, что скрывается за этими заявлениями о «нейтрализации» Тайваня. Используя американские военные корабли и американские военные самолеты,

¹ «The Department of State Bulletin», vol. XXII, № 550, 16. I. 1950, p. 79.

² «Documents on American Foreign Relations, 1950». N. Y., 1951, p. 494.

³ «Military Situation in the Far East». Part III, Washington, 1951, p. 2000.

клика Чан Кай-ши стала совершать разбойничьи нападения на мирные города и села КНР.

Захват Тайваня — красноречивое свидетельство вероломства правящих кругов США, пример грубого нарушения взятых ими на себя торжественных международных обязательств, важное звено в общей агрессивной стратегии американского империализма на Дальнем Востоке, которая со временем получила наименование стратегии «тройного удара», поскольку предполагала подготовку вторжения в КНР с трех фронтов: из Кореи, с Тайваня и из Юго-Восточной Азии.

В ряде документов американского правительства, а также в заявлениях видных политических и военных деятелей США подчеркивалось исключительно важное стратегическое значение Тайваня. В своем письме 51-му ежегодному национальному съезду ветеранов войны генерал Макартур писал: «В самом деле, в цепи островов, простирающихся дугой от Алеутских до Марианских островов, удерживаемых нами и другими союзными державами свободного мира, он (о-в Тайвань. — Авт.) выступает в качестве заградительного щита для всех земель США и других стран свободного мира в зоне Тихого океана, которую мы контролируем, вплоть до берегов Азии. Опираясь на эту цепь островов, мы можем осуществлять господство наших воздушных сил над каждым азиатским портом от Владивостока до Сингапура»¹.

Превратив о-в Тайвань в одну из своих важнейших опорных баз, 7-й американский флот стал устраивать новые военные провокации против КНР, теперь уже вдоль побережья важнейших восточных районов страны, начиная с Циндао (Северный Китай) до Сватоу (Южный Китай), на протяжении свыше 1500 км.

24 августа 1950 г. министр иностранных дел КНР направил председателю Совета Безопасности и генеральному секретарю ООН телеграмму с требованием осудить вооруженную агрессию США против Китая и принять немедленные меры к полному выводу всех американских войск с Тайваня и других китайских территорий². Советский Союз выступил в поддержку братского китайского народа и добился включения в повестку дня Совета Безопасности вопроса об агрессии США против Китая. Советский проект резолюции, осуждая американскую агрессию на островах Тайвань и Пэнхуледао, требовал от американского правительства вывода вооруженных сил с этих островов. В результате сопротивления делегаций США и других западных держав обсуждение вопроса было отложено до ноября 1950 г.

Оккупировав о-в Тайвань, американская военщина форсировала военную помощь своей марионетке — клике Чан Кай-ши, по-прежнему рассчитывая на использование ее вооруженных сил для осуществления агрессивных замыслов против КНР.

¹ «Documents on American Foreign Relations, 1950». N. Y. 1951, p. 503.

² См. «Советско-китайские отношения. 1917—1957». Сборник документов. М., 1959, стр. 236.

Вооруженная агрессия США против КНР отнюдь не ограничивалась оккупацией Тайваня. Предпринятое одновременно с захватом Тайваня вторжение войск американских интервентов в Корею явилось не только агрессией против корейского народа, но и составной частью задуманной американскими империалистами грандиозной военной авантюры против КНР. Об этом, в частности, свидетельствует составленный в 1950 г. меморандум объединенной группы начальников штабов США о политике Соединенных Штатов на Дальнем Востоке. Меморандум предусматривал срочную подготовку военно-морской блокады КНР, неограниченную воздушную разведку над «береговыми районами Китая и Маньчжурии», посылку военно-морских сил США на Тайвань и «опустошительные военно-морские и военно-воздушные действия против объектов в Китае» в случае, если китайские силы «нападут на какие-либо наши войска за пределами Кореи». Из меморандума следовало, что агрессия США против корейского народа рассматривалась в Вашингтоне как предпосылка для агрессии против Китая.

Неразрывная связь между агрессией США в Корее и подготовкой и осуществлением агрессивных актов против КНР стала очевидной уже на первом этапе войны в Корее. Эта связь выражалась не только в захвате вооруженными силами США Тайваня и в попытках привлечь к «обороне» этого острова «войска ООН»¹. Уже в первые месяцы войны оккупированная американскими войсками часть Кореи стала использоваться в качестве опорной базы для военных провокаций против КНР. 27 августа 1950 г. американская военная авиация подвергала бомбардировке китайский берег р. Ялуцзян, и в частности город Аньдун и железнодорожную станцию Далицзи.

По мере продвижения войск интервентов на север, к границам КНР, налеты на КНР американской авиации, действовавшей в Корее, становились все более частыми. Военные корабли 7-го американского флота обстреливали китайские торговые суда в море.

Когда же войска интервентов подошли к реке Ялуцзян, цели американской военщины обнажились перед всем миром. В США открыто призывали к бомбардировкам китайских городов и вторжению в Северо-Восточный Китай. В период с 27 августа по 10 ноября 1950 г. американская авиация совершила 90 агрессивных налетов на северо-восточные районы КНР, а с 10 по 19 ноября — еще 61 налет². Министерство иностранных дел

¹ Вскоре после начала империалистической интервенции в Корее американское правительство предложило, чтобы представители командующего «вооруженными силами ООН» в Корее и Чан Кай-ши обсудили вопросы, «касающиеся планов обороны острова против вторжения» («Documents on American Foreign Relations. 1950», p. 503).

² «Security Council. Official Records». Fifth Year 527-th Meeting. 28. XI. 1950, № 69, p. 21.

КНР выступило 11 ноября 1950 г. с заявлением, в котором говорилось: «Факты показали, что целью американской агрессии в Корею является не только сама Корея, но и распространение агрессии на Китай... В результате вторжения американских империалистов в Корею, на китайский Тайвань и в результате бомбардировок Северо-Восточного Китая безопасность Китая поставлена под угрозу»¹.

После первых же налетов авиации США на китайскую территорию министр иностранных дел направил государственному секретарю США телеграмму, в которой заявил решительный протест против агрессивных действий американских вооруженных сил и потребовал принять меры к недопущению таких действий в будущем. Одновременно в августе 1950 г. была направлена жалоба в ООН². Советский Союз поддержал протест КНР, в результате чего он был поставлен на обсуждение Совета Безопасности.

С 24 по 30 ноября 1950 г. в Первом комитете и Совете Безопасности ООН состоялось обсуждение вопроса об американской агрессии против Китая. Несмотря на всяческие ухищрения, западные державы не смогли воспрепятствовать приглашению на заседание Совета Безопасности представителя КНР. В аргументированном выступлении китайский представитель вскрыл полную несостоятельность и фальшь доводов американского правительства, имевших целью обелить преступные агрессивные акты вооруженных сил США. Представитель Центрального народного правительства КНР предложил, чтобы Совет Безопасности открыто осудил агрессора и применил к нему санкции, а также обеспечил полный отвод войск США из Тайваня и отвод войск интервентов из Кореи, чтобы «могли быть обеспечены мир и безопасность на Тихом океане и в Азии» и «достигнуто мирное решение корейского вопроса»³. Мобилизовав «машину голосования» в ООН, американская делегация добилась отклонения предложений КНР и внесенных Советским Союзом предложений о принятии мер к немедленному прекращению агрессии США против Китая.

Еще в конце сентября и начале октября 1950 г. правительство КНР уведомляло международную общественность, что, исходя из интересов безопасности своей страны, оно примет необходимые меры обороны в случае вторжения войск США в Северную Корею⁴. Правительство КНР предупредило правительство США о том, что «китайский народ не может оставаться равнодушным в связи с обстановкой, создавшейся в результате вторжения в Корею Соединенных Штатов и их сообщников, в

¹ «Советско-китайские отношения...», стр. 251—252.

² «Объединенные Нации. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Пункт 75 повестки дня. Приложения. Пятая сессия». Нью-Йорк, 1950, стр. 2—3.

³ «Security Council. Official Records». Fifth Year. 527-th Meeting. 28. XI. 1950, № 69, p. 25.

⁴ См. В. П. Нухамин. Очерки внешней политики Индии. 1947—1957 гг., стр. 86; К. М. Panikkar. In two Chinas (Memoirs of a Diplomat). London, 1955, p. 108—110.

связи с угрозой расширения войны»¹. Правительство КНР обратилось также к Организации Объединенных Наций с требованием принять срочные меры для предотвращения расширения войны.

Однако все предупреждения правительства КНР о последствиях вторжения интервентов в Северную Корею полностью игнорировались правящими кругами США, которые сознательно шли на провокации против КНР. Правительство США уполномочило генерала Макартура вести в Северной Корее военные операции «в случае выступления крупных китайских сил»². Американское командование заявляло, что при попытке Китая оказать помощь Корее его вооруженные силы будут наголову разгромлены³.

15 октября 1950 г. в Тихом океане, на о-ве Уэйк, состоялась встреча президента Трумэна с генералом Макартуром, на которой был, по существу, одобрен курс на расширение войны в Корее⁴.

В ответ на угрозу интервенции в Китае развернулось патриотическое движение сопротивления американской агрессии и помощи корейскому народу в его борьбе за независимость. Миллионы китайцев выразили готовность выступить в качестве добровольцев на помощь братскому корейскому народу, героически сражавшемуся против превосходящих сил интервентов. Братская помощь китайских народных добровольцев способствовала разгрому агрессоров в ноябре 1951 г.

В этом движении нашла выражение твердая решимость китайского народа отстаивать свободу и независимость своей родины. В нем проявилось значение принципов пролетарского интернационализма во взаимоотношениях между социалистическими странами.

2. Использование Соединенными Штатами ООН против Китайской Народной Республики

При обсуждении вопроса о правах КНР в ООН правящие круги США, применяя всевозможные средства давления, навязывали ООН свою точку зрения. Впервые этот вопрос обсуждался на V сессии Генеральной Ассамблеи. В резолюции, предложенной представителем Индии, отмечалось, что Центральное правительство Китайской Народной Республики является единственным функционирующим в Китае правительством, «которое фактически обладает властью над территорией» страны и потому имеет право представлять Китай в ООН.

¹ Цит. по кн.: *Б. И. Бухаров*. Политика США в отношении Китайской Народной Республики, стр. 71.

² «Memoirs by Harry S. Truman», vol. II, p. 362.

³ «Military Situation in the Far East», Part II, p. 1835.

⁴ «Memoirs by Harry S. Truman», vol. II, p. 365—367.

В поддержку предложения Индии¹ выступила советская делегация. Советский Союз предложил лишить представителя чанкайшистской клики права участвовать в работе Генеральной Ассамблеи и органов ООН, «как не имеющего никакого права представлять Китай»². Советская делегация потребовала приглашения на V сессию для участия в ее работе законных представителей Китая, назначенных Центральным правительством КНР. Настаивая на привлечении КНР к решению международных проблем и последовательно борясь за смягчение напряженности в отношениях между великими державами, Советский Союз выдвинул на V сессии Генеральной Ассамблеи ООН предложение о заключении пакта по укреплению мира между США, Англией, Францией, Китаем и Советским Союзом.

Возглавляемый США западный блок не пошел навстречу предложениям СССР и нейтралистских государств. С помощью «машины голосования» в ООН американская делегация добилась отклонения предложений Советского Союза и Индии.

Пытаясь оклеветать внешнюю политику Советского Союза и подорвать авторитет Китайской Народной Республики, западный блок навязал Генеральной Ассамблее обсуждение гоминдановской кляузы³. Бессильные приостановить поступательный ход истории, империалисты решили всю вину за провал своей политики в Китае свалить на Советский Союз. Обсуждение Генеральной Ассамблеей гоминдановской кляузы лишь подрывало престиж ООН.

Вслед за этим правительство США предложило ООН проект резолюции об объявлении КНР «агрессором». Этот шаг преследовал далеко идущие цели, которые отнюдь не ограничивались попыткой оклеветать внешнюю политику Китайской Народной Республики.

Решение ООН об объявлении КНР «агрессором» должно было бы, по расчетам вашингтонских политиков, привлечь к активным действиям колеблющихся союзников США, оправдать в дальнейшем применение санкций в отношении КНР, затруднить восстановление ее прав в ООН и, наконец, облегчить Соединенным Штатам распространение военных действий на территорию Китая.

¹ См. «Объединенные Нации. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Пятая сессия. Пленарные заседания. Стенографические отчеты заседаний», т. I. 19 сентября — 15 декабря 1950 г. Нью-Йорк, 1951, стр. 2.

² Там же, стр. 3.

³ Представители гоминдановской клики выступили с клеветническими обвинениями по адресу Советского Союза, заявив, что СССР якобы не выполнил своих обязательств по советско-китайскому договору от 14 августа 1945 г. и тем способствовал краху гоминдановского режима (см. «Объединенные Нации. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Пятая сессия. Пленарные заседания. Стенографические отчеты заседаний», т. I. 19 сентября — 15 декабря 1950 г. Нью-Йорк, 1951, стр. 114).

В Первом комитете ООН, а затем на пленарных заседаниях развернулась исключительно острая борьба между агрессивным ядром ООН, возглавляемым американской делегацией, с одной стороны, и делегациями социалистических стран, выступивших с разоблачениями агрессивной политики США и их союзников — с другой.

Представители Советского Союза, Украинской ССР, Белорусской ССР, Польши, Чехословакии в своих выступлениях вскрыли клеветнический характер обвинений в отношении КНР, выдвинутых американской делегацией, и убедительно доказали, что подлинным агрессором являются сами Соединенные Штаты. Против американских предложений выступили Индия и другие миролюбивые государства Азии.

Наметились колебания и среди таких союзников США, как Англия и Канада. Английский представитель заявил, что, по мнению правительства Англии, необходимо проконсультироваться с дружественными странами и в особенности учесть настроения азиатских стран, которые, как он сказал, «считают необходимым терпеливо исчерпать все возможности мирного урегулирования конфликта»¹. Канадский делегат, хотя и поддержал американское предложение, но сделал это с оговоркой, что «представлять проект резолюции в целом преждевременно и неразумно до тех пор, пока не исчерпаны все возможности переговоров с правительством Китайской Народной Республики»².

Для того чтобы обеспечить принятие незаконной резолюции в ООН, американское правительство прибегло к неслыханным средствам нажима: оно использовало серьезные продовольственные трудности Индии. Когда индийское правительство обратилось с просьбой о помощи, правительство США демонстративно «не спешило» оказать ее, явно добиваясь пересмотра позиции Индии в отношении КНР.

С другими странами американские правящие круги обращались еще бесцеремоннее. Применяя тактику «выкручивания рук», США преодолели сопротивление многих делегатов и обеспечили себе механическое большинство в ООН при голосовании резолюции об объявлении КНР «агрессором». Угодная американцам резолюция была принята Генеральной Ассамблеей 1 февраля 1951 г.³

Империалистические силы США не ограничились тем, что захватили китайский остров Тайвань, бомбардировали китайские города и села, подвели свои армии непосредственно к границам КНР. Они добились того, что эта страна, удаленная от США на многие тысячи километров и ставшая объектом агрессивных актов американских вооруженных сил, была объявлена «агрессором». Это поощряло силы войны на Дальнем Востоке к расширению агрессии против КНР и освободившихся государств Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Это подрывало перспективы мирного урегулирования в Корее, которого так настойчиво добивались народы Кореи, КНР, Советского Союза и других миролюбивых стран. В тот период особенно ясным

¹ «Объединенные Нации. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Пятая сессия. Первый комитет. Политические вопросы и вопросы безопасности, включая регулирование вооружений». Краткий отчет заседаний, т. II. 7 декабря 1950 — 17 мая 1951 г. Нью-Йорк, 1951, стр. 507, 508, 510.

² Там же, стр. 518.

³ «Объединенные Нации. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Пункт 76 повестки дня. Приложения. Пятая сессия». Нью-Йорк, 1950, стр. 14, 18.

стал курс империалистических держав на превращение ООН в орудие агрессии и войны.

Центральное народное правительство КНР выступило с заявлением, в котором оценило резолюцию ООН как клеветническую и незаконную, направленную на расширение войны в Корею и усиление напряженности на Дальнем Востоке.

Между тем наиболее воинственные круги в США, опираясь на позорную резолюцию ООН, готовились к широким военным действиям против КНР. 7 февраля 1951 г. в американской печати появились сообщения о безрассудных призывах генерала Макартура начать вторжение в Китай с помощью остатков вооруженных сил клики Чан Кай-ши. Раскрывая агрессивные планы правящих кругов США, Макартур заявил, что в Азии началась война против коммунизма и что теперь «не может быть возврата назад». Он отметил при этом, что имеет в виду весь Восток, а не только Корею.

Однако наличие советско-китайского договора от 14 февраля 1950 г. предвещало неблагоприятную для империализма расстановку сил на Дальнем Востоке в случае большой войны. Правительство Трумэна не решилось осуществить планы Макартура. Оно предпочло навязать ООН коллективные санкции против КНР и внесло на обсуждение Генеральной Ассамблеи проект резолюции, призывающий наложить эмбарго на торговлю с КНР.

Новый враждебный акт правительства США вызвал решительные протесты со стороны представителей социалистических стран и был осужден делегатами Индии и других нейтралистских государств. Более того, проект резолюции об эмбарго вызвал отрицательную реакцию в Англии и других капиталистических странах. На сессии Генеральной Ассамблеи был раскрыт противозаконный характер американского проекта резолюции, полностью извращающего истинное положение дел. Было доказано, что принятие этого проекта противоречит основным положениям Устава ООН¹.

И хотя резолюция была принята большинством Генеральной Ассамблеи, ожидаемого эффекта американское правительство не получило. Давление со стороны США, обеспечившее принятие этого решения, было настолько явным и грубым, что даже участники агрессивной коалиции не были склонны строго придерживаться упомянутой резолюции, тем более что она наносила ущерб их экономическим интересам.

Добившись принятия резолюции об эмбарго, американское правительство использовало это очередное незаконное решение ООН для новых грубых провокаций против КНР. Американские военные корабли совершали многократные нападения на торговые суда, направлявшиеся в Китай и из Китая, подвергали их обстрелу, задерживали и конфисковывали товары, предназначенные для мирного населения. Опираясь на поддержку 7-го военноморского флота США, клики Чан Кай-ши бесчинствовала в Тайваньском проливе.

¹ Согласно Уставу ООН, решения, влекущие за собой принятие действий (экономических и политических санкций и т. п.), не могут приниматься Генеральной Ассамблеей (см. «Устав Организации Объединенных Наций», гл. IV, ст. 11, п. 2). Принятие таких решений входит в прерогативы Совета Безопасности, где действует принцип единогласия великих держав — постоянных членов Совета,

В сентябре 1951 г. на созванной США в Сан-Франциско конференции по заключению мирного договора с Японией американские представители при поддержке делегаций западных держав, попирая элементарные правила процедуры, воспрепятствовали обсуждению советского предложения о приглашении КНР на конференцию. В результате великий китайский народ, который больше всего пострадал от японской агрессии и на протяжении 14 лет вел освободительную войну против японских захватчиков, даже не был представлен на конференции. Американская дипломатия сделала все для того, чтобы с заключением этого договора были обеспечены условия для скорейшего восстановления японского милитаризма и использования его против КНР.

Внужденные пойти на переговоры о мирном урегулировании в Корею, американские правящие круги тем не менее предпринимали все возможное, чтобы организовать новые военные провокации против КНР. Правительство республиканцев, пришедшее в 1952 г. на смену правительству демократов, продолжало осуществлять агрессивный курс в отношении КНР. Опираясь на механическое большинство в ООН, представитель США на VII сессии Генеральной Ассамблеи (октябрь 1952 г.) вновь воспрепятствовал КНР занять принадлежащее ей по праву место в ООН¹. Несмотря на решительные возражения делегаций социалистических стран, а также Индии, Бирмы и других нейтралистских государств, представляющих вместе с КНР подавляющее большинство населения земного шара, американская делегация, используя «машину голосования», сорвала обсуждение вопроса о представительстве КНР и на последующих сессиях ООН.

Новый президент США Эйзенхауэр пошел дальше своего предшественника Трумэна. В пресловутом приказе от 25 июня 1950 г. об оккупации Тайваня Трумэн пытался прикрыть факт агрессии против КНР фальшивым доводом о «нейтрализации» Тайваня. Эйзенхауэр же решил освободить американскую военщину и от этой маскировки, рассчитанной на обман мирового общественного мнения. Правда, и при Трумэне американская военщина и чанкайшистские бандиты не считались с вышеупомянутым приказом о «нейтрализации». С Тайваня систематически совершались налеты на КНР. Теперь, подтверждая факт оккупации Тайваня 7-м американским флотом, Эйзенхауэр в своем послании конгрессу о положении страны открыто поощрял клику Чан Кай-ши на агрессивные акты против КНР².

Американская дипломатия продолжала сколачивать военные группировки, направленные против КНР. Так, 28 ноября 1953 г. две марионетки — Чан Кай-ши и Ли Сын Ман — пришли к соглашению об объединении их усилий в борьбе против «коммунистической агрессии»³. Одной из целей созданного под эгидой США военного блока в Юго-Восточной Азии — СЕАТО — была подготовка агрессии против КНР.

Несмотря на лихорадочную деятельность американской дипломатии, положение китайского социалистического государства на мировой арене продолжало укрепляться.

¹ Большинство в Генеральной Ассамблее проголосовало за доклад комитета по проверке полномочий, который предлагал не рассматривать на VII сессии предложение о представительстве КНР в ООН.

² «The New York Times», 3. II. 1953.

³ «Documents on American Foreign Relations, 1953», N. Y., 1954, p. 341—342.

США и другие страны, принявшие участие в интервенции против корейского народа, сами вынуждены были вступить в мирные переговоры с корейско-китайской стороной. Мировлюбивые предложения КНР способствовали прекращению военных действий и достижению перемирия в Корее. КНР предприняла большие усилия для ликвидации очага войны в Индокитае. Признанием возросшего международного авторитета Китайской Народной Республики было приглашение ее на Женевское совещание 1954 г., в результате работы которого было достигнуто соглашение о прекращении военных действий во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже.

На всю международную обстановку оказало благотворное влияние решение КНР и Индии в 1954 г. положить в основу отношений между ними пять принципов мирного сосуществования.

Огромное значение для оздоровления международной обстановки на Дальнем Востоке и упрочения международного положения народного Китая имели успешно развивавшиеся братские отношения между КНР и Советским Союзом, а также другими социалистическими странами. В этом отношении большую роль сыграл дружественный визит советской партийно-правительственной делегации во главе с Н. С. Хрущевым в КНР в сентябре — октябре 1954 г.

В «Совместной декларации правительства Союза Советских Социалистических Республик и правительства Китайской Народной Республики» от 12 октября 1954 г. оба правительства выразили полное единодушие в оценке международных событий, осудив агрессивные акты США в отношении КНР и в особенности продолжающуюся оккупацию Соединенными Штатами части территории КНР — о-ва Тайвань, а также военную и финансовую поддержку антинародной клики Чан Кай-ши¹.

Правительства СССР и КНР приняли также совместную декларацию об отношениях с Японией. Разоблачив агрессивный характер политики американского империализма в Японии, оба правительства заявили, что в своих отношениях с ней они исходят из принципа мирного сосуществования государств независимо от их общественного строя и выразили готовность всемерно развивать торговлю и приступить к нормализации своих отношений с Японией.

12 октября 1954 г. были подписаны также советско-китайские коммюнике о выводе советских воинских частей из военно-морской базы Порт-Артур и о переходе этой базы в полное распоряжение Китайской Народной Республики и советско-китайское коммюнике о передаче Китайской Народной Республике советской доли участия в смешанных обществах, соглаше-

¹ «Советско-китайские отношения. 1917—1957». Сборник документов, стр. 299—300.

ние о научно-техническом сотрудничестве, коммунике о строительстве железной дороги Ланьчжоу — Урумчи — Алма-Ата, коммунике (совместно с правительством Монгольской Народной Республики) о строительстве железной дороги от Цзинина до Улан-Батора.

Все эти соглашения были подчинены одной цели — укреплению экономического и политического положения Китайской Народной Республики. Они означали бескорыстную братскую помощь Советского Союза китайскому народу в ликвидации последствий войны и империалистической эксплуатации, в подъеме экономики и культуры. Благодаря помощи Советского Союза и других социалистических стран полностью провалились попытки США удушить Китайскую Народную Республику в тисках экономической блокады. Принятая в ООН под нажимом Соединенных Штатов резолюция о наложении эмбарго на торговлю с КНР была сведена на нет в результате расширения товарооборота социалистических стран с Китайской Народной Республикой.

3. Американо-чанкайшистский договор и обострение напряженности в Тайваньском проливе

После переговоров, длившихся свыше года, в Вашингтоне 2 декабря 1954 г. между правительством Эйзенхауэра и кликой Чан Кай-ши был подписан так называемый «договор о взаимной безопасности». Согласно договору США получили право разместить сухопутные, морские и военно-воздушные силы на Тайване и о-вах Пэнхуледао «для их обороны», т. е. для того, чтобы воспрепятствовать освобождению этих островов силами Народно-освободительной армии Китая¹. Дж. Ф. Даллес поставил все точки над «и», когда заявил: «Я надеюсь, что подписание этого договора об обороне раз и навсегда положит конец всяким слухам и сообщениям о том, что Соединенные Штаты каким-либо образом согласятся на передачу Формозы и Пескадорских островов под контроль коммунистов».

Положения американо-чанкайшистского договора, как явствовало из его текста, распространялись не только на острова Тайвань и Пэнхуледао, но и «на другие территории, какие могут быть определены на основе взаимного соглашения». Таким образом, упомянутый договор становился орудием подготовки и осуществления новых актов агрессии против КНР и других миролюбивых государств Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. С заключением этого договора вновь возросла военная и

¹ «Documents on American Foreign Relations. 1954». N. Y., 1955, p. 360—362.

так называемая экономическая «помощь» США клике Чан Кай-ши¹.

Договор между американскими империалистами и гоминдановскими реакционерами вызвал решительные протесты китайского народа. В заявлении от 8 декабря 1954 г. премьер Государственного совета и министр иностранных дел КНР Чжоу Энь-лай подчеркнул, что американо-чанкайшистский договор является вмешательством во внутренние дела Китая, покушением на его территориальную целостность и ставит под угрозу безопасность Китая и мир в Азии.

Заключение американским правительством нового агрессивного пакта было связано с ростом влияния наиболее воинственных кругов в США. В заявлении Министерства иностранных дел СССР относительно упомянутого договора между США и кликой Чан Кай-ши говорилось: «Заключение парижских соглашений с целью возрождения германского милитаризма и вовлечение Западной Германии в военные группировки, создание военного блока в целях сохранения колониального режима в Юго-Восточной Азии, подписание США договора с лисынмановским правительством Южной Кореи о так называемом «обеспечении взаимной безопасности», а фактически о создании еще одного военного плацдарма США на Дальнем Востоке и заключение враждебного китайскому народу договора между США и чанкайшистской кликой на Тайване — все это звенья одной цепи в политике США, имеющей целью помешать разрядке международной напряженности и ускорить подготовку новой войны»².

Отбросив демагогические декларации о «нейтрализации» Тайваня (которым, впрочем, никто и не верил) и вступив в открытый военный союз с кликой Чан Кай-ши, американское правительство приступило к широким военным провокациям против КНР.

В январе 1955 г. в американской буржуазной прессе развернулась клеветническая кампания против законных действий КНР, направленных на освобождение прибрежных островов Куэмой и Мацзу, которые служили опорными пунктами для гоминдановских банд. С воинственными призывами выступили реакционные конгрессмены Ноулэнд, Маккарти и другие представители «чанкайшистского лобби», настаивавшие на проведении в жизнь

¹ За пять лет, с 30 июня 1950 г., помощь клике Чан Кай-ши только по линии Управления международного сотрудничества (УМС) составила 652,8 млн. долл., в том числе 600 млн. долл. «на поддержание обороны», 45 млн. долл. — «помощь вооруженным силам» и 6,7 млн. долл. на техническое сотрудничество. Индия за этот же период по линии УМС получила всего 199,4 млн. долл., Индонезия — 27 млн., Бирма — 19,5 млн. долл. Помощь по линии УМС не включает так называемую прямую военную помощь, т. е. поставки вооружения и т. п. (В общей сумме американской помощи на прямую военную помощь приходится около половины всех ассигнований.) («Operations Report, ICA», Washington, 1956, p. 60.)

² «Советско-китайские отношения. 1917—1957». Сборник документов, стр. 310—311.

стратегии «тройного удара» по Китаю¹. Сенатор Хэмфри предложил установить опеку ООН над Тайванем и о-вами Пэнхуледао². Американская военщина решила начать с оккупации китайских островов Куэмой и Мацзу, расположенных по другую сторону Тайваньского пролива, у самого побережья Китая.

В своем послании конгрессу от 24 января 1955 г. президент США Эйзенхауэр запросил у конгресса полномочия для экстренного использования вооруженных сил США против КНР «в связи с обострением обстановки в Тайваньском проливе». 25—28 января конгресс предоставил такие полномочия президенту³.

Американская дипломатия рассчитывала с помощью своих союзников по военным блокам вновь использовать флаг ООН — теперь уже для организации военных действий непосредственно против КНР. 28 января 1955 г. Новая Зеландия, член СЕАТО и АНЗЮС, подняла в Совете Безопасности вопрос о положении в Тайваньском проливе. 31 января США и их союзники добились принятия в Совете Безопасности большинством голосов решения о приглашении представителя КНР участвовать в обсуждении этого вопроса. Поскольку сама постановка вопроса была явно провокационной, так как вина за создавшееся в результате агрессии США положение заранее возлагалась на КНР, правительство КНР отвергло упомянутое приглашение Совета Безопасности. В своем ответе от 3 февраля 1955 г. премьер Государственного совета и министр иностранных дел КНР Чжоу Эн-лай указал на подлинных виновников военных действий в Тайваньском проливе и потребовал, чтобы США «вывели все свои вооруженные силы из Тайваня и Тайваньского пролива»⁴.

Решительная позиция Центрального народного правительства КНР, готовность многомиллионного китайского народа дать сокрушительный отпор проискам агрессоров и готовность Советского Союза оказать ему в этом братскую помощь оказали отрезвляющее действие на вашингтонских стратегов. В самих Соединенных Штатах нарастала оппозиция миролюбивой общественности авантюристическим планам. Против развязывания военных действий в Тайваньском проливе выступил и главный союзник США — Англия, избегавшая военного конфликта с КНР⁵. В результате агрессивным силам пришлось отступить.

Созданию благоприятных условий для оздоровления обстановки на Дальнем Востоке способствовала конструктивная по-

¹ L. A. Sobel. National Issues. N. Y., 1956, p. 17, 54, 62.

² L. H. Battistini. The United States and Asia. N. Y., 1955, p. 239.

³ «Documents on American Foreign Relations, 1955». N. Y., 1956, p. 294, 298—299.

⁴ «United Nations Documents», S/3358, 4. II. 1955.

⁵ Следует отметить, что на Манильской конференции (сентябрь 1954 г.) Англии удалось добиться исключения из сферы действия СЕАТО о-вов Тайвань и Пэнхуледао («Documents on American Foreign Relations, 1954». N. Y., 1955, p. 318—323).

зияция делегации КНР на Бандунгской конференции (апрель 1955 г.)¹. Выступая на этой конференции, премьер Государственного совета КНР Чжоу Эн-лай сделал следующее заявление: «...китайский народ и американский народ являются дружественными народами. Китайский народ не желает войны с Соединенными Штатами. Правительство КНР готово вместе с правительством США сесть за стол для переговоров и обсуждения вопроса о смягчении напряженности на Дальнем Востоке, в особенности о смягчении напряженности в районе Тайваня»².

Однако американское правительство в ответ на упомянутое обращение Чжоу Эн-лая выдвинуло ультимативное требование «немедленного прекращения огня» вооруженными силами КНР. США потребовали также от правительства КНР односторонних уступок в ряде спорных вопросов, в частности немедленного освобождения американских летчиков, участвовавших в военных налетах на КНР и захваченных в плен вооруженными силами КНР³.

Настаивая на безусловном удовлетворении этих требований, государственный секретарь США Дж. Ф. Даллес выступил с истерическим заявлением: «Соединенные Штаты не могут вести переговоры в то время, когда в их голову нацелен пистолет!».

Несмотря на такую демагогическую и провокационную позицию США, правительство КНР продолжало настойчиво предпринимать попытки в целях мирного разрешения спорных вопросов.

Выступая 30 июля 1955 г. перед Собранием народных представителей Пекина, премьер Государственного совета Чжоу Эн-лай подчеркнул, что, поскольку между США и Китаем нет войны, не встает и вопрос о прекращении огня. Он сообщил о согласии Центрального народного правительства КНР «начать переговоры с ответственными местными властями на Тайване, чтобы разработать конкретные шаги для... освобождения мирным путем». По поводу предстоящих переговоров с Соединенными Штатами на уровне послов Чжоу Эн-лай заявил: «...при условии, что обе стороны искренне будут стремиться к переговорам и мирному решению вопроса, будет возможно... достичь, в первую очередь, разумного соглашения по вопросу о возвращении гражданских лиц в их страны соответственно и подготовиться к переговорам... для ослабления и устранения напряженности в районе Тайваня»⁴.

В результате конструктивных предложений, выдвинутых КНР в ходе начавшихся китайско-американских переговоров на

¹ См. гл. X.

² «Женьминь жибао», 24.IV.1955.

³ «Documents on American Foreign Relations. 1955». N. Y., 1956, p. 308.

⁴ «Женьминь жибао», 31.VII.1955.

уровне послов 10 сентября 1955 г., было опубликовано согласованное заявление относительно возвращения гражданских лиц — китайцев и американцев соответственно из США и КНР на родину.

* *
*

Агрессивная политика США в отношении КНР в первой половине 50-х годов, захват китайского острова Тайвань, интервенция в Корее, многочисленные военные провокации войск интервентов против Китая, бомбардировки мирных китайских городов и сел, объявление КНР «агрессором» и, наконец, организация экономической блокады КНР империалистическими державами поставили под угрозу мир и международную безопасность.

И если в этот исключительно острый и ответственный период на Дальнем Востоке не вспыхнула новая мировая война, то это произошло потому, что американские агрессоры встретили решительный отпор со стороны могучей советской державы, всего социалистического лагеря и других миролюбивых сил.

Военно-политическое поражение в Корее сбило спесь с американских интервентов и их пособников. Советско-китайский договор от 14 февраля 1950 г., дружественные отношения между СССР и КНР, бескорыстная и всесторонняя помощь Советского Союза братскому Китаю — все это внесло коренные изменения в международное положение КНР и сорвало открытое вооруженное нападение на нее. Большую роль в борьбе за мир сыграло укрепление солидарности народов Азии против агрессии и колониализма. На ослабление агрессивного фронта империалистических держав повлияло и обострение противоречий внутри лагеря империализма.

Провал империалистических агрессивных планов на Дальнем Востоке с новой силой показал, что усиление мощи стран мировой социалистической системы, и прежде всего СССР, оказывает все возрастающее воздействие на международные отношения.

Г Л А В А XX

ПОЛИТИКА АМЕРИКАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА В ЯПОНИИ

1. Превращение Японии в военную базу США и подготовка сепаратного мирного договора

В начале 50-х годов правительство США уже не скрывало намерения превратить Японию в свой военно-стратегический плацдарм на Дальнем Востоке. Государственный секретарь Аче-

сон на заседании сенатской комиссии по иностранным делам в январе 1950 г. заявил: «США должны восстановить Японию как один из основных барьеров против коммунизма в Азии»¹. Планы США с одобрением были встречены японской реакцией, так как она намеревалась использовать их в своих собственных целях.

Как американские, так и японские монополии были встречены нараставшим рабочим и демократическим движением в Японии. Они совместно стремились к тому, чтобы организовать силы реакции и противопоставить их демократическим силам.

При содействии оккупационных властей правительство Иосиды, созданное после парламентских выборов в начале 1949 г., провело комплекс мероприятий в целях укрепления позиций крупной буржуазии и военщины. Эти мероприятия получили в японской печати название «обратного курса», поскольку они означали отход от политики демократизации страны, проводившейся под давлением прогрессивных сил в первое время после капитуляции.

В марте 1950 г. генерал Макартур, попирая положения международного права и превышая полномочия главнокомандующего, издал циркуляр о создании комиссий по досрочному освобождению военных преступников в Японии². 6 июня 1950 г. Макартур приказал японскому правительству запретить 24 членам ЦК Компартии Японии и 17 сотрудникам газеты «Акахата» заниматься политической и общественной деятельностью, участвовать в выборах, выступать в печати и т. д. 16 июня 1950 г. правительство Иосиды запретило коммунистам проводить митинги и демонстрации, а через 10 дней по приказу Макарута была закрыта на 30 дней газета «Акахата». Затем было закрыто 70 провинциальных коммунистических газет³. 30 августа 1950 г. оккупационные власти приказали распустить крупнейший профцентр страны — Национальный совет связи между профсоюзами, запретив руководящим членам совета заниматься общественной деятельностью.

1 мая 1951 г. новый главнокомандующий генерал Риджуэй разрешил японскому правительству пересмотреть и изменить все так называемые потсдамские указы, т. е. законы, изданные в развитие основных положений Потсдамской декларации.

Как в экономическом, так и в политическом отношении Япония все более превращалась в опорный пункт США на Дальнем Востоке. Этот процесс получил наиболее полное выражение в военном пакте, который был подписан одновременно с заключением сепаратного мирного договора.

Вопрос о заключении с Японией сепаратного мирного договора подробно обсуждался во время встречи в середине сентября 1949 г. английского министра иностранных дел Бевина с государственным секретарем США Ачесоном. 1 декабря 1949 г. госдепартамент опубликовал заявление о том, что

¹ «Nippon Times», 12. I. 1950.

² К апрелю 1952 г. было реабилитировано 201 577 человек (см. «История войны на Тихом океане», т. V. М., 1958, стр. 290).

³ См. там же, стр. 296.

правительства США и Англии изучают проект мирного договора с Японией¹. Спустя несколько дней агентство Ассошиэйтед Пресс сообщило, ссылаясь на сведения, полученные от одного высокопоставленного чиновника из штаба Макартура, что США намерены заключить также военное соглашение.

В противовес таким устремлениям США Советское правительство 6 ноября 1949 г. предложило заключить всесторонний мирный договор, подготовив его проект на совещании великих держав с участием КНР². Однако американское правительство вопреки соглашениям военного времени со своими союзниками решило подготовить сепаратный мирный договор. 14 сентября 1950 г. президент США Трумэн заявил представителям печати, что им дано указание государственному департаменту начать неофициальные переговоры с правительствами, представленными в Дальневосточной комиссии, относительно подготовки мирного договора с Японией³.

Выработанные госдепартаментом общие принципы договора в виде специального меморандума правительства США были разосланы в октябре 1950 г. странам — членам Дальневосточной комиссии.

20 ноября 1950 г. в адресованной государственному департаменту памятной записке представителя СССР в Совете Безопасности был выдвинут ряд вопросов: о статусе Тайваня, Пэнхуледао и Курильских о-вов, Южного Сахалина, о-вов Рюкю и Бонин и др. Советское правительство просило, кроме того, разъяснить, предусмотрены ли договором определенный срок для вывода оккупационных войск и создание японских вооруженных сил, а также сохранятся ли американские военные базы на территории Японии и после подписания с нею мирного договора. В заключение указывалось на желательность выяснить точку зрения правительства Китайской Народной Республики⁴.

Однако в записке советника госдепартамента Даллеса, переданной советскому представителю 27 декабря 1950 г., не содержалось ответов на большинство поставленных вопросов и демонстративно выражалось нежелание считаться с соответствующими международными соглашениями.

Провал наступления американских войск в Корею зимой 1950/51 г. подхлестнул американскую дипломатию. Даллес совершил поездку в Японию, на Филиппины, в Австралию и Новую Зеландию. 25 января 1951 г. он прибыл в Токио, где трижды встречался с премьером Иосиды. После опубликования коммюнике о единстве мнений двух сторон Даллес заявил: «Вслед за подписанием договора между Японией и США будет в целях защиты не имеющей вооруженных сил Японии заключено временное соглашение об обеспечении безопасности. В связи с этим изучается вопрос о заключении соответствующих соглашений об обеспечении региональной или коллективной безопасности»⁵.

Посетив Австралию и Новую Зеландию, Даллес убедился в непопулярности там американской политики перевооружения Японии. Общественность и даже правительственные круги высказывались против сепаратной мирной конференции, решительно отвергли предложения о военном союзе с участием Японии. Даллес добился поддержки правительствами этих стран американ-

¹ «The New York Times», 2. XII. 1949.

² См. «Правда», 10 ноября 1949 г.

³ «The New York Times», 15. IX. 1950.

⁴ См. «Правда», 24 ноября 1950 г.

⁵ Цит. по кн.: «История войны на Тихом океане», т. V. Перев. с япон. М., 1958, стр. 307.

ской линии, лишь выдвинув план заключения трехстороннего Тихоокеанского пакта и дав обязательство, что США будут гарантом безопасности Австралии и Новой Зеландии.

Серьезные возражения встретили американские планы и в Лондоне. Английское правительство считало, что мирный договор с Японией должен подтвердить суверенные права Китайской Народной Республики на о-в Тайвань, а также предотвратить опасность возрождения японской экономической экспансии.

Для оказания нажима на английское правительство Даллес в июне 1951 г. отправился в Лондон и в конечном счете добился согласия английского кабинета участвовать в намеченной мирной конференции при условии, что США не пригласят на конференцию ни КНР, ни гоминдановцев, а после подписания договора не будут мешать Японии устанавливать политические и торговые отношения с КНР.

Англия была заинтересована в том, пишет в своих мемуарах Иден, чтобы материковый Китай оказался главным экспортным рынком для Японии¹. Это привело бы к ослаблению японской конкуренции в Юго-Восточной Азии, Африке и на Ближнем Востоке.

Приятно удивленный легкостью, с которой английское правительство согласилось с его планами, Даллес заявил, что он даже не рассчитывал на такой успех в Лондоне². Даллес, как сетовали потом английские политики, просто-напросто обманул их. Сразу же после конференции в Сан-Франциско он отрекся от своих обещаний, заставив Японию связать себя с Тайванем. В начале 1952 г. правительства Японии и США опубликовали послание Иосида к Даллесу, из которого явствовало, что Япония признает чанкайшистскую клику в качестве правительства Китая³.

Советское правительство в «Замечаниях по поводу проекта США мирного договора с Японией», направленных 7 мая 1951 г. правительствам США, Англии и других стран, указало на недопустимость отстранения СССР, КНР и других стран от подготовки мирного договора. Оно высказывалось за созыв для подготовки мирного договора сессии Совета министров иностранных дел США, Китая, Великобритании и СССР, имея в виду привлечь к этой работе представителей всех государств, участвовавших своими вооруженными силами в войне против Японии. Разработка мирного договора, подчеркивалось в «Замечаниях», должна вестись на основе соглашений между державами, достигнутых в период войны (в частности, о возвращении Китаю Тайваня и о-вов Пэнхуледао). Предлагалось исключить возможность вступления Японии в какие бы то ни было коалиции, враждебные воевавшим против нее державам, а также вывести войска и ликвидировать военные базы иностранных государств на ее территории. Наконец, СССР предлагал, чтобы государства, подписавшие мирный договор, поддержали принятие Японии в ООН⁴.

¹ «The Memoirs of Sir Anthony Eden», p. 19.

² «Nippon Times», 13. I. 1952.

³ «The Memoirs of Sir Anthony Eden», p. 19—20; H. Morrison. An Autobiography, p. 280. Иден добавляет, что опубликование послания вскоре после посещения им Вашингтона создало впечатление о согласии Англии на курс, взятый Японией.

⁴ См. «Правда», 23 мая 1951 г.

Советские предложения, направленные на создание миролюбивой, демократической Японии, нашли горячую поддержку во всем мире. Правительства КНР и КНДР официально присоединились к предложениям СССР.

Однако, игнорируя позицию СССР, КНР и ряда других стран, США и Великобритания отвергли эти предложения и 12 июля 1951 г. опубликовали в виде Белой книги американский «Проект мирного договора с Японией».

Американский проект подвергся критике во многих странах. Правительство Индии, например, указывало в своем меморандуме на необходимость участия в составлении договора КНР, возвращения Китаю Тайваня и о-вов Пэнхуледао, сохранения о-вов Рюкю и Бонин под японским суверенитетом. Министр информации Индонезии Мононуту заявил о поддержке его правительством в вопросе о заключении мирного договора с Японией позиции КНР¹. Австралия, заявил министр иностранных дел Кэйзи, охвачена тревогой в связи с отсутствием в проекте договора каких-либо ограничений вооружения Японии. Даже президент Филиппин Кирино, известный своей проамериканской политикой, выступил с критикой договора, настаивая на безотлагательном разрешении репарационного вопроса².

Правящие круги Японии охотно поддерживали проводившийся Соединенными Штатами курс. Провозглашенная премьер-министром Иосиды так называемая «надпартийная» внешняя политика была по существу политикой сговора крупной японской буржуазии с американскими монополиями. Блок, состоявший из двух основных буржуазных партий — либеральной (лидер Иосиды) и демократической (лидер Томабэити), ратовал за заключение мирного договора на основе американского проекта.

Иную позицию занял японский народ. В стране развернулось широкое движение за всесторонний мирный договор, который явился бы гарантией мира, независимости и свободы японского народа.

Еще 15 января 1951 г. Общество по изучению вопросов мира, объединявшее видных представителей науки и культуры, опубликовало заявление, в котором потребовало «заключения всестороннего мирного договора, сохранения нейтралитета и отказа от предоставления какой-либо стране военных баз на территории Японии»³. В феврале 1951 г. на Всеяпонском съезде молодежи был создан «Молодежный отечественный фронт» с целью объединения всей молодежи в борьбе за всесторонний мирный договор, против превращения Японии в американскую военную базу.

Вопрос о мирном договоре был одним из главных в работе IV Национальной конференции Коммунистической партии Японии, проходившей нелегально 23—28 февраля 1951 г. В решении конференции подчеркивалось значение борьбы за всесторонний договор, который рассматривался как важней-

¹ См. «Правда», 8 июля 1951 г.

² «The Economist», 21. VII. 1951.

³ Цит. по кн.: «История войны на Тихом океане», т. V, стр. 310.

шее условие достижения национальной независимости и самостоятельности Японии. Призывы коммунистической партии способствовали дальнейшему расширению борьбы японского народа за свободу и независимость.

В активное движение за мирное развитие Японии включился крупнейший профсоюзный центр страны — Генеральный совет профсоюзов. В марте 1951 г. Генсовет провозгласил «четыре принципа мира»: всесторонний мирный договор, сохранение нейтралитета, ликвидация иностранных военных баз, отказ от ремилитаризации¹. Поддержали эти принципы и большинство крупных профобъединений: железнодорожников, учителей и др. Профсоюзы, КПЯ, социалистическая партия и другие демократические организации создали «Совет движения за всесторонний мирный договор». В движении против сепаратного мира приняли также участие широкие слои мелкой буржуазии и интеллигенции.

Массовые народные выступления против заключения сепаратного мирного договора, опасность подчинения японской экономики американскому капиталу оказали влияние и на позицию наиболее дальновидных представителей делового мира Японии. Отражая их настроения, орган деловых кругов газета «Ниппон кейдзай» писала: «Предложения Советского Союза кажутся более выгодными для нашей страны, если мы сравним их с американским проектом мирного договора, и они определенно менее опасны в смысле вовлечения Японии в международный конфликт»².

2. Конференция в Сан-Франциско

Форсируя осуществление своих планов, американское правительство наметило открытие конференции для подписания мирного договора с Японией на 4 сентября 1951 г. в Сан-Франциско. США определили и состав участников конференции, исключив из их числа Китайскую Народную Республику, Корейскую Народно-Демократическую Республику, Монгольскую Народную Республику и Демократическую Республику Вьетнам.

Заранее были разработаны правила процедуры, не оставлявшие возможности для серьезного и делового обсуждения проекта договора. На всю работу конференции отводилось 4 дня. На 8 сентября была назначена церемония подписания мирного договора.

Комментируя правила процедуры, «Нью-Йорк таймс» писала 24 августа 1951 г.: «Эти правила основаны на той предпосылке, что делегаты приглашены на конференцию голосовать за или против проекта договора в таком виде, в каком он есть, а не вносить поправки к нему». Д. Ачесон откровенно заявил, что США рассматривают мирный договор как «подготовительный шаг к заключению двустороннего японо-американского соглашения о безопасности»³. Такое соглашение должно было стать главным итогом конференции. Дипломатия США считала, что все это гарантирует отказ Советского Союза от участия в конференции.

Однако, вопреки расчетам вашингтонских политиков, Советское правительство приняло приглашение, сообщив 12 августа

¹ «Асахи», 20.III.1951.

² См. «Красная звезда», 10 июля 1951 г.

³ «The New York Times», 3. IX. 1951.

1951 г., что оно направит свою делегацию на конференцию в Сан-Франциско и представит свои предложения по вопросу о мирном договоре с Японией¹. Оно сочло целесообразным участвовать в конференции, чтобы указать пути к подлинно демократическому всестороннему мирному урегулированию. Приняли приглашение также правительства Чехословакии и Польши.

Американское правительство 16 августа направило ответную ноту СССР, в которой заявляло, что конференция в Сан-Франциско «не предназначена для того, чтобы вновь открыть переговоры об условиях мира»².

Принять участие в конференции согласились 52 страны. На конференцию не получило приглашения одно из самых заинтересованных государств — Китайская Народная Республика. Отказались участвовать в конференции такие крупные азиатские государства, как Индия и Бирма, являвшиеся жертвами японской агрессии.

Конференция открылась 4 сентября 1951 г.

Советская делегация прежде всего поставила вопрос о приглашении на конференцию КНР, поскольку эта страна «особенно заинтересована в подготовке мирного договора с Японией и в установлении прочного мира на Дальнем Востоке»³. Советское предложение поддержали делегаты Чехословакии и Польши.

С обстоятельной и глубокой критикой американского проекта договора выступил глава советской делегации А. А. Громыко. Принципом построения мирного договора, сказал он, должно быть создание гарантий против возрождения милитаризма и демократизация политической и общественной жизни Японии, а именно этого и нет в американско-английском проекте. Умалчивается в нем, указал далее советский делегат, и о территориальных правах Китая и СССР.

Советская делегация выдвинула ясные и четкие конструктивные предложения в виде поправок и дополнений к американско-английскому проекту. Они предусматривали признание Японией суверенитета КНР над Маньчжурией, Тайванем, о-вами Пэнхуледао, Пратос, Парасельскими (Наньшачуньдао и Сишачуньдао) и суверенитета СССР над Южным Сахалином и Курильскими о-вами. Вместе с тем СССР предлагал признать суверенитет Японии над о-вами Рюкю, Бонин и др., которые США хотели без всяких оснований отторгнуть от Японии. Стремясь к обеспечению подлинной независимости Япо-

¹ См. «Правда», 17 августа 1951 г.

² «The New York Times», 3. IX. 1951.

³ «Record of Proceedings of Conference for the Conclusion and Signature of the Treaty of Peace with Japan, San Francisco, California, September 4—8, 1951. US Government printing office», 1951, p. 39. (В дальнейшем: «Record of Conference».)

нии, советская делегация предлагала вывести вооруженные силы союзных держав не позже чем через 90 дней со дня вступления в силу договора и в дальнейшем не допускать пребывания войск и размещения военных баз каких-либо иностранных государств на территории Японии¹. Советское предложение предусматривало, кроме того, справедливое решение проблемы репараций.

Помимо поправок советская делегация предложила включить восемь новых статей, возлагавших на Японию обязательства устранить все препятствия к возрождению и укреплению демократических тенденций среди японского народа, обеспечить народу основные свободы — слова, печати, религиозного культа, политических убеждений и публичных собраний, не допускать возрождения фашистских и милитаристских организаций, не вступать ни в какие коалиции или военные союзы, направленные против какой-либо державы, принимавшей участие своими вооруженными силами в войне против Японии. Этими статьями строго ограничивались вооруженные силы Японии, которые должны были служить исключительно целям самообороны².

Представители Чехословакии и Польши энергично поддерживали позицию советской делегации.

Советские предложения привлекли внимание общественности США, Японии и других стран, оживленно обсуждались в кулуарах конференции, в журналистских кругах.

Делегаты азиатских стран, ставших независимыми после второй мировой войны, единодушно высказали сожаление по поводу отсутствия на конференции Китая. Индонезийский представитель Ахмад Субарджо отметил, что его правительство «выражает сожаление по поводу того, что конференция не может рассматривать поправки к договору». Он обусловил подписание договора согласием Японии заключить соглашение о выплате репараций и регулировании японского рыболовства³. Филиппинский представитель, заявив, что «данный договор не является полностью приемлемым», резервировал право Филиппин договориться с Японией о видах и формах репараций⁴.

Делегаты Саудовской Аравии, Сирии и Ирака поддержали предложение Египта об исключении из договора указания о праве иностранных государств держать свои войска на территории Японии.

Ряд замечаний высказали и союзники США по военным блокам — делегации Норвегии и Голландии.

¹ «Правда», 7 сентября 1951 г.

² См. там же.

³ «Record of Conference», p. 219—224.

⁴ Ibid., p. 228.

Председательствовавший на конференции Ачесон отказался поставить на обсуждение поправки и предложения советской делегации, мотивируя это тем, что конференция созвана исключительно для подписания договора. Точно так же поступил он и с дополнениями и поправками, внесенными другими делегациями.

8 сентября 1951 г. состоялась церемония подписания мирного договора с Японией. Договор в алфавитном порядке подписали представители 48 стран, последним — премьер-министр Японии Иосида и члены японской делегации. Как отмечал Н. С. Хрущев, «американцы не посчитались тогда ни с правами Советского Союза, ни с международными соглашениями. Опираясь на свое преимущество в атомном оружии, они стремились диктовать условия не только побежденной Японии, но и своим союзникам по войне с Японией»¹.

Представители СССР, Польши и Чехословакии не подписали договор.

Сан-Францисский договор не решал всей проблемы мирного урегулирования для Японии, поскольку продолжало оставаться состояние войны между Японией, с одной стороны, и Советским Союзом, Китаем, Индией, Бирмой и другими государствами, насчитывавшими более миллиарда человек населения, — с другой.

Кроме того, сам договор оказался лишь прелюдией к военному японо-американскому «пакту безопасности», который был подписан спустя несколько часов после официальной церемонии подписания Сан-Францисского мирного договора. Согласно «пакту безопасности» Япония предоставляла США право «размещать наземные, воздушные и морские силы в Японии и вблизи нее». Эти силы, говорилось в пакте, могут быть использованы для «поддержания международного мира и безопасности на Дальнем Востоке и обеспечения безопасности Японии», а также «для подавления крупных внутренних бунтов и беспорядков в Японии»².

Таким образом, «пакт безопасности» по существу закреплял на неограниченный срок оккупацию страны, предоставляя американской армии жандармские функции подавления демократического движения. Поскольку «пакт безопасности» допускал действия американских войск с японских баз во всем районе Дальнего Востока, то он создавал реальную угрозу втягивания Японии в различного рода авантюры Соединенных Штатов в Азии. Тем самым он оказывался в вопиющем противоречии с положениями японской конституции, предусматри-

¹ Н. С. Хрущев. Коммунизм — мир и счастье народов, т. I. М., 1962, стр. 157.

² «Сборник документов и материалов по Японии. 1951—1954». М., 1954, стр. 129.

вающей отказ страны от ремилитаризации и войны и неучастие ее в любом военном конфликте.

Подписание мирного договора и «пакта безопасности» вызвало резкое обострение политической борьбы в Японии.

«Совет движения за всесторонний мирный договор» от имени 5 млн. японцев направил конференции в Сан-Франциско специальную петицию, потребовав заключения всестороннего мирного договора с Японией путем созыва конференции с участием СССР, США, Англии и КНР. Большинство профсоюзных организаций, Всеяпонский крестьянский союз, многочисленные ассоциации, объединявшие работников литературы и искусства, преподавателей высших и средних учебных заведений, а также другие демократические организации выступили против сепаратного мирного договора и «пакта безопасности». Усилилось забастовочное движение под лозунгом: «Правительство Иосида — в отставку!». Крестьяне вели активную борьбу против реквизиции земли под американские базы.

В октябре 1951 г. V конференция КПЯ приняла новую программу — «Ближайшие требования Коммунистической партии Японии», в которой были вскрыты причины бедственного положения японских трудящихся, показаны цели американской политики в отношении Японии и определены задачи в борьбе за освобождение японского народа от американского господства и достижение свободы и независимости путем национально-освободительной демократической революции и сотрудничества с миролюбивыми странами, и прежде всего с СССР и Китаем.

На чрезвычайном съезде Социалистической партии Японии вопрос об отношении к договору вызвал резкие разногласия. Левое крыло высказывалось против договора и пакта. Большинство делегатов съезда поддержало левых, но правые призвали на помощь находившихся под их влиянием делегатов Союза молодежи и некоторые другие группы и добились раскола на съезде. Раскол социалистов облегчил правительству проведение ратификации в парламенте.

В нижней палате 26 октября 1951 г. за ратификацию договора проголосовали 307 депутатов, против — 47 (депутаты левой социалистической, коммунистической и рабоче-крестьянской партий). Против «пакта безопасности» голосовал 71 депутат. Воздержалось и отсутствовало около 100 депутатов, не желавших поддерживать непопулярный пакт¹. В верхней палате против ратификации мирного договора было подано 45 голосов и против «пакта безопасности» 76 из 223.

26 января 1952 г. в Токио прибыл специальный представитель президента США, помощник заместителя государственного секретаря Дин Раск. В течение месяца Раск вел секретные переговоры с японским министром без портфеля Кацуо Окадаки. Стало известно, что в результате этих переговоров японское правительство одобрило подготовленный американской стороной проект административного соглашения, детализирующего условия «пакта безопасности».

По административному соглашению США предоставлялось право создавать базы для своей армии в любом районе Японии, а морским и воздушным судам разрешалось пользоваться любым портом или аэродромом. На японское правительство возлагалась обязанность удовлетворять потребности

¹ «Асахи», 27. X, 19. XI. 1951.

американских вооруженных сил в рабочей силе, сырье, оборудовании. Военнослужащим, вольнонаемному составу американской армии и их семьям предоставлялось право экстерриториальности и ряд других особых привилегий, ущемлявших суверенитет Японии. Правительство Японии обязывалось защищать интересы и безопасность расположенной на территории страны американской армии и брало на себя значительную часть расходов по ее содержанию¹.

Опасаясь резко отрицательной реакции общественности, японское правительство не решилось представить соглашение в парламент для ратификации. Оно вступило в силу одновременно с «пактом безопасности» в качестве дополнения к нему.

Эти документы не могли не вызвать серьезного беспокойства в странах Азии, и прежде всего в КНР, КНДР и ДРВ.

Американская пропаганда и дипломатия не смогли ввести в заблуждение народы Азии, которые понимали, что сговор правящих кругов США и Японии противоречит интересам мира и безопасности в Азии и на Дальнем Востоке.

Стремление американского империализма превратить Японию в военно-стратегическую базу США на Дальнем Востоке явилось основным препятствием для ликвидации остатков войны в Азии. Заключение «пакта безопасности» и связанных с ним соглашений закрепило союз японской и американской реакции на основе общности их классовых интересов в борьбе против демократического движения в Японии, национально-освободительного движения народов Азии и против стран социалистического лагеря.

3. Новые формы военной, экономической и политической зависимости Японии от США

Сан-Францисский договор, «пакт безопасности» и административное соглашение заложили основу системы всеобъемлющего контроля Соединенных Штатов над Японией. Формально с оккупационным режимом было покончено. Но это отнюдь не означало, что Соединенные Штаты хоть в какой-то мере готовы были отказаться от тех прав и преимуществ, которые они присвоили себе в годы оккупации. Речь могла идти только об отдельных незначительных уступках, ставших неизбежными в связи с ростом антиамериканского движения, а также в результате подъема экономики Японии и усиления влияния японских монополий, стремившихся несколько ослабить американский контроль при условии сохранения, разумеется, выгодного для них на данном этапе союза с Соединенными Штатами. Прямой контроль и грубый диктат времен оккупации заменила политика «железного кулака в лайковой перчатке», сущность которой сводилась к обеспечению контроля и руководства со стороны Соединенных Штатов под вывеской «равноправного сотрудничества».

¹ См. «История войны на Тихом океане», т. V, стр. 328.

Соединенные Штаты основную ставку делали на реакционные круги страны, учитывая их страх перед народным движением и теснейшие экономические связи с американскими монополиями. Чем более явно эти круги изъявляли готовность идти на поводу у Соединенных Штатов и выражали солидарность с их политикой, тем с большей готовностью американские власти предоставляли им те или иные права, рассчитывая на «добровольное» подчинение нового союзника.

Однако процесс преобразования форм зависимости Японии от США не мог проходить гладко, без внутренних противоречий. Японские монополии стремились обеспечить себе более прочные и более выгодные позиции. Чем выше становился уровень развития экономики страны, тем меньше удовлетворяла их роль «младшего партнера». Создавалась цепь противоречий: США были вынуждены идти на изменение форм контроля над Японией, но делали это так, чтобы укреплять господство консервативных, проамерикански настроенных сил; последние же, укрепляясь, стремились отстаивать интересы в первую очередь своих, японских монополий, что не могло не вести к углублению противоречий с США. В то же время японское правительство, наделенное видимостью суверенности, вынуждено было в условиях все растущего давления масс, требующих проведения независимой политики, всячески маневрировать, чтобы по возможности ослабить недовольство его проамериканским и антинациональным курсом.

Значение Японии в стратегических замыслах американского командования особенно возросло в связи с интервенцией Соединенных Штатов в Корею.

С первых дней войны Япония была превращена в важнейшую тыловую базу американских войск. Здесь происходило переформирование потрепанных в боях частей, отсюда непрерывным потоком поступало новое вооружение и снаряжение¹. Порты Кобе, Сасебо и Иокогама служили базами для десантной операции в Инчхоне. Оплата заказов для американской армии и ее обслуживания в 1951 г. значительно превышала поступления от коммерческого экспорта².

По сообщению газеты «Нью-Йорк геральд трибюн», в Японии производился ремонт 84% всех поврежденных автомашин, 68% артиллерийских орудий и 70% пехотного вооружения. «По понятным причинам размеры японской промышленной помощи войскам Объединенных Наций освещаются мало, — писала газета. — Однако руководители дальневосточного командования охотно признают, что без нее в Корее не существовало бы фронта Объединенных Наций»³.

По мере развертывания военных действий в Корее в Пентагоне все настойчивее звучали голоса, требующие заставить «азиатов воевать против

¹ В течение только одного года — с мая 1952 г. по июнь 1953 г. — в Японии было изготовлено и отправлено в Корею более тысячи орудий калибра 105 и 60 мм, 7656 противотанковых ружей типа «Базука», 837 57-мм орудий, 400 тыс. реактивных снарядов калибра 2,36 и 3,5 дюйма, 910 тыс. 105 и 155-мм снарядов, 310 тыс. снарядов к 57 и 75-мм орудиям, 2,3 млн. мин разных калибров, 2,2 млн. гранат, 4,6 млн. патронов и т. д. («Ниппон кэйдзай симбун», 16.VII.1953).

² «Ниппон токэй нэнкан», 1958, стр. 262, 404.

³ «New York Herald Tribune», 7. VI. 1952.

азиатов». Первым шагом в этом направлении явилась директива генерала Макатура от 8 июля 1950 г. о создании в Японии так называемого «полицейского резервного корпуса» численностью 75 тыс. человек. Официально он предназначался для «поддержания внутреннего порядка» в связи с переброской американских частей из Японии на корейский фронт. Однако уже через год премьер-министр Иосида счел невозможным скрывать тот факт, что корпус «представляет собой краеугольный камень новой японской армии». «Соединенные Штаты хотели бы, чтобы мы как можно скорее создали свои вооруженные силы... — сообщал премьер сотрудникам Управления обороны. — США и другие западные державы надеются, что новая Япония займет свое место на мировой арене во главе всех стран Азии и всего Востока. Об этом мне неоднократно говорили генерал Макатур и другие лидеры западных стран. Мы должны оправдать эти надежды, приложив все силы к построению новой Японии»¹.

Такой же точки зрения придерживались и другие деятели правительства. Министр юстиции Кимура, который, казалось бы, как никто другой, должен был стоять на страже конституции, заявил, выступая 14 августа 1952 г. перед представителями деловых кругов района Кансай, что «необходимо как можно скорее изменить конституцию и приступить к перевооружению»².

Возрождение японской армии происходило при поощрении и даже под постоянным нажимом со стороны Соединенных Штатов. «Чем быстрее перевооружится Япония, с тем большим энтузиазмом и одобрением это будет воспринято Соединенными Штатами»³, — заявил американский посол в Японии Мэрфи на пресс-конференции в октябре 1952 г. в Фукуока.

В октябре 1952 г. в Японию прибыл известный американский банкир, советник военного министра по финансовым вопросам Джозеф Додж, чтобы, как заявило министерство финансов Японии, изыскать такие методы перевооружения, которые не привели бы к инфляции. Кроме того, Додж имел поручение определять, в какой форме и в каких размерах США должны предоставить Японии военную помощь⁴.

В Токио 10—14 ноября 1952 г. помощник государственного секретаря США Аллисон вел переговоры с премьер-министром Иосида. По сообщению агентства Киодо, Аллисон подчеркнул необходимость участия Японии «в системе обеспечения мира на Тихом океане»⁵.

«Америка оказывает давление на Японию, чтобы последняя как можно быстрее приступила к открытому перевооружению»⁶, — заявил генеральный секретарь кабинета министров Огата на пресс-конференции в Осака.

По подсчетам Пентагона, японские солдаты обходились сравнительно дешево⁷, не говоря уже о том, что Япония была единственной капиталистической страной на Дальнем Востоке, обладающей мощным военно-промышленным потенциалом и способной быстро создать многомиллионную армию.

Предоставление «помощи» Соединенные Штаты ставили в прямую зависимость от того, какие военные обязательства готова взять на себя Япония.

¹ «Асахи», 5.VIII.1952.

² «Майнити», 15.VIII.1952.

³ «Асахи», 25.X.1952. За месяц до этого, 13 сентября 1952 г., на совещании с премьером Иосида Мэрфи выразил надежду, что «Япония немедленно приступит к увеличению оборонительной армии и в течение двух лет доведет ее численность до 180 тыс., а затем и до 320 тыс. человек» («Асахи», 14.IX.1952).

⁴ «Майнити», 22.X.1952.

⁵ «Асахи», 14.XI.1952.

⁶ «Асахи», 4.I.1953.

⁷ Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» подсчитала, что содержание одной американской дивизии обходится в 250 млн. долл. в год, тогда как южнокорейской — всего 15 млн. долл., а гоминдановской — 5 млн. долл. Содержание японской дивизии обходится не намного дороже южнокорейской («New York Herald Tribune», 23. X. 1953).

По сообщениям печати, США потребовали от Японии создания в течение пяти лет сухопутных сил численностью до 350 тыс. человек, военно-морских — до 80 тыс. человек с тоннажем судов в 200 тыс. т, военно-воздушных сил численностью 45 тыс. человек и 1300—1500 боевых самолетов ¹.

В планах американского командования, таким образом, основной упор делался на воссоздание японской сухопутной армии, которой отводилась роль авангардной группы на Дальнем Востоке. В то же время Соединенные Штаты обязывались поддерживать будущие операции своим флотом и авиацией. Такое «разделение труда» давало возможность США получить дешевых солдат, сохранив в своих руках полный контроль над возрождаемой японской армией.

Япония — в Азии, а ФРГ — в Европе должны были, по замыслам правящих кругов США, стать послушными исполнителями их воли. «Мы должны сохранить за собой и Азию, и Европу, — писал известный военный обозреватель Болдуин, — и в настоящее время ключами, т. е. абсолютно необходимой основой нашей военной, политической и экономической стратегии, являются Германия и Япония» ².

С разработкой планов широкого перевооружения Японии было непосредственно связано включение страны в программу американской «помощи». В конце мая 1953 г. посол Японии в Вашингтоне Араки представил своему правительству доклад, в котором подчеркивалось, что, если США предоставят «помощь», она «будет направлена главным образом на увеличение японских сил самообороны» ³.

Сменивший Мэрфи новый американский посол Аллисон в первом же своем публичном заявлении 11 июня 1953 г. призвал японцев «принять американские доллары и перевооружиться» ⁴.

Предварительные переговоры о включении Японии в программу «помощи» происходили с 5 по 20 октября 1953 г. в Вашингтоне между помощником государственного секретаря по делам Дальнего Востока Робертсоном и Икэда — личным представителем японского премьера. В специальном заявлении госдепартамента, опубликованном 20 октября, отмечалось: «...при нынешних обстоятельствах существуют конституционные, бюджетные и другие ограничения, которые не позволяют немедленно увеличить японские силы самообороны в такой степени, чтобы это оказалось достаточным для нужд обороны Японии... Япония будет и впредь предпринимать усилия, чтобы ускорить увеличение своих вооруженных сил». Сумма поставок по программе «помощи» намечалась в 50 млн. долл.

Подчинение американскому диктату и политика перевооружения страны вызвали глубочайшее возмущение японского народа. Патриотические силы страны выступали за освобождение от иностранного господства, за проведение подлинно самостоятельной и независимой политики. В 1952—1953 гг. по всей стране прошли многотысячные митинги и демонстрации протеста против внешнеполитического курса правительства Иосиды и непосредственно связанной с ним политики наступления на демократические права трудящихся. Чтобы ослабить и расколоть демократическое движение, правительство разработало проект так называемого закона о предотвращении подрывной деятельности, который широкая общественность страны расценила как шаг к возрождению полицейского государства. В апреле — июне 1952 г. были проведены четыре грандиозных забастовки

¹ «The New York Times», 2. XII. 1949.

² «The New York Times Magazine», 16. VIII. 1953.

³ «Майнити», 27.V.1953.

⁴ «Асахи», 12.VI.1953.

протеста против этой антидемократической акции правительства. В общей сложности в движении против нового реакционного законопроекта участвовало 12,5 млн. человек.

Крайнее недовольство в стране антинародной политикой премьера Иосида вызвало серьезные разногласия в самом правящем лагере. Многие буржуазные деятели пришли к выводу, что Иосида проводит слишком грубый, прямолинейный курс. Они требовали проведения более гибкой политики, дабы сохранить господство правых групп и добиться относительной самостоятельности в отношениях с Соединенными Штатами. Недовольные политикой кабинета Иосида сконцентрировались вокруг старейшего политического деятеля Итиро Хатояма, вернувшегося к политической деятельности после подписания мирного договора.

Вопреки требованиям широких слоев населения, Иосида отказался подать в отставку и объявил в сентябре 1952 г. о роспуске парламента. Выборы, проведенные в следующем месяце, показали, сколь непопулярна в стране политика партии Иосида. Прогрессивные силы добились крупного успеха, завоевав 119 мандатов — на 22 места больше, чем на предыдущих выборах.

Тем не менее Иосида вновь сформировал 30 октября 1952 г. очередной (четвертый) кабинет, который продолжал проводить прежнюю политику. Но уже через полгода кабинет Иосида оказался перед лицом нового политического кризиса. В марте 1953 г. оппозиционные прогрессивная, левая социалистическая и правая социалистическая партии внесли вотум недоверия правительству, который был поддержан возглавлявшейся Хатояма фракцией либеральной партии. Вотум был принят большинством голосов. Однако Иосида и на сей раз не ушел в отставку и снова распустил парламент.

На выборах, состоявшихся в апреле 1953 г., либеральная партия Иосида из 466 мест получила 199 против 240 в 1952 г. Значительная часть избирателей — около 3 млн. человек — голосовала за группу Хатояма, выступавшую с осуждением политики Иосида. В то же время выборы показали, что все большее число избирателей поддерживает политику социалистов и коммунистов, которые решительно требовали отказаться от политики перевооружения, установить добрососедские отношения с Советским Союзом и КНР, ликвидировать американские базы на японской земле. Левые и правые социалисты, рабоче-крестьянская и коммунистическая партии собрали на выборах 10 207 тыс. голосов против 8663 тыс. в 1952 г. Теперь за эти партии проголосовало 29,5% избирателей. Они получили 144 места в парламенте против 119 в 1952 г.¹

¹ «Дзидзи нэнкан, 1962». Токио, 1962, стр. 903.

Несмотря на многочисленные протесты общественности, Иосида 21 мая 1953 г. сформировал свой пятый и последний кабинет. Это правительство завершило переговоры о включении Японии в американскую систему военной «помощи» и подписало 8 марта 1954 г. «соглашение о помощи и обеспечении взаимной безопасности».

Ст. I соглашения предусматривала взаимное предоставление различного рода оборудования, материалов и услуг, «необходимых для целей обороны». Ст. VII обязывала правительство Японии «принять персонал правительства Соединенных Штатов... которому будет предоставлена возможность наблюдать за ходом оказания помощи по данному соглашению со стороны правительства Соединенных Штатов». Практически американское командование могло теперь установить свой контроль над созданием и организацией японских вооруженных сил, над системой их обучения. Правительство Японии обязывалось также (ст. VIII) «содействовать в той мере, какую допускают ее людские и экономические ресурсы, возможности и общее экономическое положение, созданию и поддержанию собственных вооруженных сил», а также «оборонительных сил свободного мира». Это положение, невзирая на многочисленные оговорки, само по себе явно противоречило букве и духу ст. 9 японской конституции, провозглашавшей отказ Японии на вечные времена от создания военного потенциала.

Соглашение о «помощи» явилось также орудием усиления экономической зависимости Японии от США. Япония соглашалась поставить свою торговлю с Китайской Народной Республикой под ограничения, налагаемые так называемым «законом Бэттла».

Так фактически была завершена подготовка к воссозданию вооруженных сил Японии и началось планомерное наращивание ее военного потенциала. Корпус национальной безопасности — как с 1 августа 1952 г. именовали прежний полицейский резервный корпус — стал называться «Силами самообороны» («Дзи-эйтэй»), а его численность была доведена до 130 тыс. человек. Соответственно возросла численность «Морских сил самообороны» и «Воздушных сил самообороны». Армия, флот и авиация оснащались новейшим вооружением, создавались военные училища и академии. Бюджетные ассигнования на военные цели в 1954 г. составили 154 699 271 тыс. иен, или в 1,5 раза больше, чем в 1952 г.¹ Основное ядро офицерского корпуса воссоздаваемой армии составили бывшие кадровые офицеры японской армии, отличающиеся реваншистскими и ультранационалистическими настроениями. «В настоящее время офицерский корпус состоит на три четверти из бывших кадровых офицеров армии и флота»², — писал японский журнал «Ориентал экономист».

С самого начала японская армия воссоздавалась как вспомогательная часть американской армии. В группу американских военных советников, созданную в соответствии с соглашением о «помощи», входило 840 человек. Она делилась на под-

¹ «Ниппон токэй нэнкан, 1957». Токио, 1957, стр. 395.

² «Oriental Economist», X. 1952, vol. 20, № 504.

группы по авиации, военно-морскому флоту и сухопутным войскам, имела свои отделения в училищах войск самообороны, на военно-воздушных базах и т. д.¹

Важную роль в развитии экономических отношений между Японией и США сыграл так называемый «договор о дружбе, торговле и мореплавании».

Переговоры о его заключении начались вскоре после Сан-Францисской конференции, в начале 1952 г. Однако из-за серьезных разногласий они затянулись. Договор был подписан лишь 2 апреля 1953 г. и ратифицирован американским сенатом 21 июля 1953 г. Понадобился, однако, целый год для утверждения его японским парламентом.

«Договор о дружбе, торговле и мореплавании» формально провозглашал принцип равенства сторон. Согласно ст. 7, например, «отдельные граждане и компании каждой из сторон будут пользоваться национальными правами в своей деятельности во всех отраслях торговой, промышленной, финансовой и прочей деловой активности на территории другой страны». Фактически это открывало американскому капиталу весьма широкие возможности для проникновения в японскую экономику.

В ходе переговоров именно против этой статьи особенно настойчиво возражали японские промышленники, требовавшие оградить японскую промышленность от неограниченного проникновения американского капитала. «Если в настоящее время в нашу страну свободно будут ввозиться американские товары и капитал, — высказывала опасения газета «Ниппон кэйдзай», рупор торгово-промышленных кругов страны, — то наша экономика сразу же окажется подавленной и поставленной под господство американской экономики»².

В конце концов японцам удалось внести оговорку в п. 2 ст. 7 о том, что каждая сторона имеет право устанавливать определенные рамки для деловой активности граждан другой стороны в таких ключевых отраслях экономики, как предприятия общественного значения (связь, водоснабжение, автотранспорт, железные дороги, газовая и электроэнергетическая промышленность), судостроение, воздушный и морской транспорт, банковская деятельность, эксплуатация земли и прочих природных ресурсов.

Согласно второй оговорке Япония в течение трехлетнего периода получала «право сохранить ограничения на покупку гражданами другой стороны за иены вновь выпускаемых акций японских компаний». Требуя покупки новых акций на доллары, Япония несколько ограждала вновь создаваемые компании от вторжения американского капитала, накопившего громадные иенные фонды за годы оккупации, и в то же время получала возможность приобретать столь необходимые для ее внешней торговли доллары.

Но при всех этих оговорках, в которых нашли свое выражение японо-американские противоречия, новый договор оказался чрезвычайно выгоден Соединенным Штатам, открывая для американских монополий широкие возможности для эксплуатации Японии.

Подписание «договора о дружбе, торговле и мореплавании» и включение Японии в систему американской военной «помощи» завершило построение системы подчинения и зависимости Японии от Соединенных Штатов. Наряду с «пактом безопасности» эти соглашения дали в руки Соединенных Штатов мощные рычаги политического, военного и экономического контроля над Японией.

¹ «Бозэй нэнкан, 1959». Токио, 1959, стр. 340.

² «Ниппон кэйдзай», 23.III.1953.

Специфическая особенность положения Японии заключалась, однако, в том, что в неравноправное, зависимое положение попала страна с высокоразвитой экономикой и высоким уровнем развития монополистического капитала. По мере восстановления и укрепления экономики страны американские пути становились все более ощутимым препятствием на пути ее дальнейшего развития, что вело к углублению и обострению японо-американских противоречий.

Вместе с тем самые широкие массы населения Японии национали все более отчетливо понимать, сколь пагубна для национальной независимости страны политика подчинения американскому диктату. Движение народных масс Японии, сплавивавшихся под знаменем борьбы за мир и национальную независимость, за дружбу со всеми народами, с каждым днем становилось все более действенным, оказывало все возрастающее влияние на определение внешнеполитического курса Японии и все сильнее препятствовало осуществлению основных целей американской политики в Японии.

4. Отношения Японии с Советским Союзом и КНР

Ущемление национального суверенитета страны, бесчинства американской военщины, отчуждение земельных участков под военные базы и полигоны вызвали глубочайшее возмущение среди самых широких масс японского народа.

Борьба японского народа показала всему миру, сколь глубока пропасть между проамериканской политикой правительства Иосиды и действительными интересами страны. «Япония приняла от США помощь, направленную на перевооружение, без энтузиазма и единодушия, — сетовал журнал «Нью-Йорк таймс мэгэзин». — В обеих палатах парламента ратификация была обеспечена лишь незначительным большинством голосов... Как бы Иосида ни делал вид, что он говорит от имени всей Японии, он встречает внутри страны решительное противодействие своей консервативной политике»¹.

Требую ликвидировать американские базы и вывести из страны все иностранные войска, предоставить Японии свободу и независимость, широкие массы японского народа единственный путь к миру и безопасности видели в установлении добрососедских отношений с ближайшими соседями — Советским Союзом и Китайской Народной Республикой. Обе эти великие державы неоднократно выражали стремление жить в мире и дружбе с Японией и развивать сотрудничество с ней на основах равенства и взаимной выгоды.

Позиция Советского Союза и КНР по этому вопросу нашла свое новое воплощение в их совместной декларации об отно-

¹ «The New York Times Magazine», 20. VI. 1954.

шениях с Японией от 12 октября 1954 г. Советский Союз и Китайская Народная Республика, провозглашалось в декларации, в своей политике в отношении Японии исходят «из принципа мирного сосуществования государств независимо от их общественного строя, будучи уверены в том, что это отвечает жизненным интересам всех народов. Они стоят за развитие широких торговых отношений с Японией на взаимовыгодных условиях, за установление с ней тесных культурных связей». СССР и КНР, подчеркивалось в декларации, выражают готовность «предпринять шаги с целью нормализации своих отношений с Японией»¹.

Советско-китайская декларация вызвала широкие отклики в Японии. Она вновь показала, что вся ответственность за отсутствие нормальных связей с соседними странами лежит на правительстве Иосиды, которое уклоняется от урегулирования отношений с Советским Союзом и Китаем вопреки национальным интересам страны и задачам укрепления мира и безопасности на Дальнем Востоке.

Недовольство в стране проамериканским курсом правительства и серьезные экономические трудности в период реконверсии японской промышленности после окончания войны в Корее вынудили наконец кабинет Иосиды уйти в отставку. Новый кабинет, сформированный 10 декабря 1954 г. Итиро Хатояма, уже не мог совершенно игнорировать требований масс. Одним из основных положений своей внешнеполитической программы он выдвинул задачу восстановления отношений с Советским Союзом и налаживания торговых связей с КНР.

В программной речи на сессии парламента 22 января 1955 г. Хатояма заявил: «Величайшей задачей Японии в настоящее время является быстрое завершение строительства самостоятельного и независимого государства». Чтобы добиться этой цели, правительство будет, уверял премьер, стремиться урегулировать свои отношения с теми странами, с которыми они еще не установлены². Выступая 11 апреля 1955 г. в комиссии по иностранным делам палаты советников, Хатояма объявил политику правительства Иосиды, выступавшего против нормализации отношений с Советским Союзом и КНР, неправильной³. Наконец, в августе 1955 г. он заявил: «Если мы будем считать восстановление дипломатических отношений с Китаем и Советским Союзом невозможным или чреватым опасностью, то мы окажемся за бортом мировой политики. Положить конец состоянию войны с Советским Союзом и сделать торговлю с Китаем процветающей — вот что должна сделать сейчас Япония в первую очередь»⁴.

Конкретные шаги по нормализации японо-советских отношений были предприняты правительством Хатояма вскоре же после его прихода к власти. 11 декабря 1954 г. министр иност-

¹ «Правда», 12 октября 1954 г.

² 21-я сессия парламента. Стенограмма пленарного заседания палаты представителей 22 января 1955 г. «Кампо» («Официальный вестник»), 22. I. 1955, стр. 4.

³ Там же, стр. 7.

⁴ «Майнити», 18.VIII.1955.

ранных дел Мамору Сигемицу официально уведомил Советское правительство о готовности Японии восстановить нормальные отношения с СССР на взаимно приемлемых условиях. В ходе предварительных бесед была достигнута договоренность начать официальные переговоры между полномочными делегациями 1 июня 1955 г. в Лондоне.

Позиция СССР по вопросу о нормализации отношений с Японией была подробно изложена Советским правительством делегации японских парламентариев в сентябре 1955 г. «Прежде всего надо говорить о ликвидации состояния войны и о том, чтобы предать забвению бывшие войны и конфликты, которые имелись между Советским Союзом и японским государством, — заявил во время беседы с японскими парламентариями Н. С. Хрушев. — Надо создать нормальные органы, которые представляли бы Советский Союз в Японии и японское государство в Советском Союзе»¹. Разрешение этой основной проблемы открыло бы перспективы для постепенного разрешения других вопросов японо-советских отношений на основе принципов равенства и взаимной выгоды.

Советская делегация на самой начальной стадии переговоров в Лондоне, 14 июня 1955 г., внесла на рассмотрение проект мирного договора, сделав тем самым конкретный шаг к скорейшему достижению договоренности по основным вопросам. Что же касается японской делегации, то она выдвинула совершенно необоснованные притязания на Южно-Курильские о-ва, несмотря на то что территориальный вопрос между Советским Союзом и Японией давно был решен².

Японская делегация выдвинула версию, будто о-ва Хабомаи и о-в Сикотан не входят в состав Курильских о-вов, а являются продолжением северо-восточной части Хоккайдо. Советская делегация убедительно доказала несостоятельность этих «аргументов». Однако в интересах развития дружественных отношений с Японией Советское правительство сочло возможным

¹ «Правда», 24 сентября 1955 г.

² В Потсдамской декларации глав правительств США, Англии и Китая от 26 июля 1945 г., к которой присоединился и Советский Союз, японский суверенитет был ограничен основными японскими островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю и Сикоку и некоторыми другими (по указанию союзных держав). Ялтинским соглашением от 11 февраля 1945 г. Советскому Союзу возвращалась южная часть о-ва Сахалин и все прилегающие к ней острова, а также передавались Курильские о-ва. В соответствии с этим соглашением великих держав главнокомандующий союзных держав в Японии издал 29 января 1946 г. директиву № 677 об изъятии из-под юрисдикции японского правительства Курильских (Тисима) о-вов, группы о-вов Хабомаи (включая о-ва Суйсё, Юри, Акиюри, Сибоцу и Тараку), а также о-ва Сикотан («Documents concerning the allied occupation and control of Japan», vol. II. Tokyo, 1949, p. 24.)

Наконец, по Сан-Францисскому мирному договору 1951 г. Япония отказалась «от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 г.» (ст. 2, п. «с»).

пойти навстречу пожеланиям Японии и согласилось передать ей острова Малой Курильской гряды — Хабомаи и Сикотан. Это была серьезная уступка с советской стороны, которая открывала возможность для быстрого и успешного завершения переговоров и заключения мирного договора.

Японское правительство заявило, что для окончательного решения спора необходимо вопрос о принадлежности остальных Курильских о-вов и южной части Сахалина передать на рассмотрение международной конференции заинтересованных стран.

Абсурдные требования подвергнуть ревизии международные соглашения свидетельствовали о стремлении реакционных сил Японии сорвать заключение мирного договора с Советским Союзом. Немаловажную роль сыграл здесь постоянный нажим на правящие круги Японии со стороны Соединенных Штатов, которые стремились помешать ее выходу на мировую арену в качестве самостоятельного государства.

Еще до начала переговоров в Лондоне государственный секретарь Даллес направил премьеру Хатояма послание, в котором говорилось: «В последнее время кабинет Хатояма стал выступать за расширение экономических связей с Китаем и Советским Союзом и за восстановление с ними дипломатических отношений. Такая позиция кабинета Хатояма создает у американского народа и конгресса впечатление, что Япония ищет сближения с коммунистическими странами. Эта позиция может стать препятствием для осуществления программы помощи Японии, разрабатываемой в настоящее время американским правительством»¹.

В августе 1956 г., когда японо-советские переговоры находились уже на заключительной стадии, министр иностранных дел Мамору Сигемицу официально запросил государственного секретаря Даллеса, какова точка зрения Соединенных Штатов на переговоры. США не постеснялись пойти на открытое вмешательство в советско-японские переговоры, направив правительству Японии памятную записку, в которой говорилось, в частности, что в Соединенных Штатах «после тщательного изучения исторических факторов пришли к заключению, что о-ва Итуруп и Кунашир (наряду с о-вами Хабомаи и о-вом Сикотан, которые являются частью Хоккайдо) всегда были частью собственно Японии и должны по справедливости рассматриваться как принадлежащие Японии»². Американское правительство тем самым открыто поддерживало японских реваншистов, явно стремясь сорвать переговоры.

Под воздействием Соединенных Штатов правящие круги Японии стали на путь создания искусственных трудностей, лавирования и затягивания переговоров с Советским Союзом. В результате переговоры в Лондоне несколько раз прерывались. Лишь в октябре 1956 г. в Москве, куда прибыла правительственная делегация Японии во главе с премьер-министром Хатояма, стороны пришли к согласованному решению подписать совместную декларацию.

Ст. I декларации провозглашала, что состояние войны между Советским Союзом и Японией прекращается со дня вступления в силу декларации и между ними восстанавливаются мир и добрососедские дружественные отношения. Декларацией предусматривалось восстановление дипломатических и консульских отношений. Советский Союз согласился поддержать просьбу Японии о приеме ее в ООН, освободить и репатриировать всех осужденных в Советском Союзе японских граждан, а также не предъявлять репарационных претензий. Одновременно

¹ «Асахи», 23.V.1955.

² «Ministry of Foreign Affairs. Press Releases», 1. I. — 31. XII. 1956, p. 47.

с декларацией вступала в силу конвенция о рыболовстве в северо-западной части Тихого океана и соглашение о сотрудничестве при спасении людей, терпящих бедствие на море.

Наконец, обе стороны решили считать декларацию отправным пунктом, с которого можно начать урегулирование всего комплекса японо-советских отношений, и согласились в возможно короткий срок вступить в переговоры о подписании торгового соглашения и продолжать переговоры о заключении мирного договора.

Подписание советско-японской декларации явилось важным вкладом в дело налаживания добрососедских отношений между Советским Союзом и Японией. Оно показало, что в отношениях между обеими странами не существует неразрешимых спорных вопросов. Вместе с тем переговоры выявили наличие существенных расхождений в подходе к решению всей проблемы японо-советских отношений.

Советский Союз, неизменно стремясь к установлению добрососедских, дружественных связей с Японией, в ходе переговоров добивался достижения взаимоприемлемого соглашения, в максимальной степени учитывая пожелания японской стороны. В отличие от США СССР не искал для себя никаких преимуществ или привилегий за счет Японии.

Однако позиция, занятая Японией, не позволила завершить переговоры заключением мирного договора. Время показало, что надуманную территориальную проблему японское правительство использовало в качестве предлога для фактического отказа от переговоров о заключении мирного договора.

По вине японских правящих кругов не был урегулирован также вопрос об отношениях между Японией и Китайской Народной Республикой. В годы оккупационного режима США, по существу, запретили всякие сношения между Японией и КНР. Послушно выполняя требования Вашингтона, правительства Иосиды и Хатоямы продолжали всячески уклоняться от нормализации отношений с КНР и после вступления в силу мирного договора в апреле 1952 г. Под нажимом США правительство Иосиды 28 апреля 1952 г. заключило мирный договор с чанкайшистской кликой, в котором, в частности, указывалось, что сфера его действия будет распространяться «на все территории, которые находятся в настоящее время или могут находиться в будущем» под ее контролем¹. Это был явно враждебный в отношении Китайской Народной Республики выпад правительства Иосиды, оказывавшего моральную поддержку агрессивным замыслам гоминдановцев.

Отсутствие нормальных связей с КНР нанесло немалый урон японской экономике. До войны Китай был одним из основных торговых контрагентов Японии. В 1939 г. 46% японского ввоза

¹ «Майнити», 25.XII.1951.

и 65% вывоза приходилось на долю Китая и Кореи. Основанная на принципах равенства и взаимной выгоды торговля с КНР, развивающей свою социалистическую экономику, дала бы возможность Японии получить обширный стабильный рынок, что имело бы важнейшее значение для ее экономики. Как и в деле нормализации отношений с Советским Союзом, преградой на пути развития японо-китайских связей явилась зависимость Японии от Соединенных Штатов.

Причем здесь правящие круги Соединенных Штатов руководствовались не только политическими факторами. Стоя на страже интересов монополистического капитала, они ни в коем случае не хотели лишиться серьезнейших экономических выгод, которые им давало нарушение нормальных торговых связей между Японией и Китаем. После введения «закона Бэттла» импорт, например, каменного угля из Китая в Японию сократился с 522 тыс. т в 1950 г. до 46 тыс. т в 1951 г. Зато ввоз угля из США сразу увеличился больше чем в 17 раз — с 75 тыс. т в 1950 г. до 1310 тыс. т в 1951 г.¹, хотя каждая тонна американского угля обходилась Японии на 2572 иены дороже, чем китайского. Точно так же японские импортеры были вынуждены платить, например, в 1956 г. по 6164 иены за тонну американской железной руды, тогда как тонна руды такого же качества, получаемая из Китая, стоила им 3637 иен² и т. д.

Поэтому не только широкие массы японского народа, но и многие влиятельные предприниматели все настойчивее требовали от правительства пересмотреть политику односторонней ориентации на Соединенные Штаты и урегулировать отношения с Китаем, наладив с ним прежде всего нормальные торговые связи. В мае 1952 г. на собрании представителей 20 крупных японских компаний было решено создать Общество содействия развитию торговли с Китаем и Советским Союзом. 1 июня 1952 г. представители ряда японских торговых компаний подписали в Пекине частное соглашение с Китайским комитетом содействия развитию международной торговли о взаимных поставках товаров на 30 млн. ф. ст. с каждой стороны. Однако, несмотря на широкую поддержку, оказанную соглашению японской общественностью, довести объем торговли между Японией и КНР даже до этой сравнительно незначительной суммы не удалось.

12 декабря 1952 г. была образована Парламентская лига содействия развитию японо-китайской торговли, в которую вошло 310 депутатов обеих палат японского парламента. 21 июня 1953 г. по инициативе этой лиги нижняя палата единогласно приняла резолюцию, требующую ослабления эмбарго на торговлю с Китаем³. 29 октября того же года в Пекине было подписано второе частное торговое соглашение о товарообороте между Японией и Китаем на сумму 60 млн. ф. ст. с обеих сторон. Требования о всемерном расширении торговли с КНР приняли в Японии особенно широкий размах после Женевской конференции 1954 г.

Правительство Хатояма неоднократно давало понять, что оно намерено не только развивать торговлю, но и восстановить постепенно дипломатические отношения с КНР. Выступая на пресс-конференции в г. Яманути 13 января 1955 г., премьер-министр подчеркнул, что развитие экономических связей следует рассматривать как первый шаг к восстановлению дипломатических отношений, к которому «мы будем подходить постепенно, начиная с посылки в Китай и Советский Союз экономических миссий, с обеспечения

¹ Общий объем торговли Японии с КНР, составивший в 1950 г. 21,2 млрд. иен, упал в 1951 г. до 9,9 млрд. иен и в 1952 г. составил всего лишь 5,6 млрд. иен («Ниппон токэй нэнкан». Токио, 1957, стр. 242).

² «Цусё хакусё, 1955». Токио, 1955, стр. 88.

³ «Асахи», 22.VII.1953.

свободы общения, снятия запрета на экспорт товаров и т. д.»¹ 10 мая 1955 г. Хатояма еще более определенно заявил: «Приближается время признания японским правительством правительства коммунистического Китая» — и указал в связи с этим на «первоочередную необходимость» расширения торговли между обеими странами².

Однако, как сообщили в начале марта 1955 г. японские газеты, госдепартамент неофициально предупредил японские компании, чтобы они «не заходили слишком далеко» в торговле с Китаем, угрожая в противном случае заморозить их активы в США. Американское правительство уведомило японских торговцев о том, что товары, произведенные из сырья, закупленного в Китае, не могут экспортироваться в Соединенные Штаты. Под давлением Вашингтона правительство Хатояма не только не предприняло никаких конкретных шагов к нормализации дипломатических отношений между обеими странами, но и не оказало даже обещанной поддержки в осуществлении частных торговых соглашений.

4 мая 1955 г. в Токио было подписано третье китайско-японское торговое соглашение, предусматривающее товарооборот на сумму 30 млн. ф. ст. с каждой стороны. К концу 1955 г. стало, однако, ясно, что осуществление и этого соглашения наталкивается на серьезные трудности из-за позиции японского правительства.

Что касается нормализации дипломатических отношений, то здесь линия японского правительства претерпела еще большие изменения. Несмотря на усилия японских общественных организаций, боровшихся за восстановление дипломатических отношений между Китаем и Японией, со стороны японского правительства не последовало никаких шагов в этом направлении.

5. Репарационная проблема и отношения Японии со странами Юго-Восточной Азии

Важное место в системе внешних связей Японии занимали также отношения со странами Юго-Восточной Азии. Проникновение на рынки этих стран явилось одной из основных целей, которые ставили перед собой японские правящие круги в послевоенные годы. В условиях неравноправного, одностороннего характера торговли с Соединенными Штатами и фактического закрытия китайского рынка японские монополии рассматривали торговлю со странами этого района как средство, способное исцелить торговлю от хронической язвы дефицита. Японский монополистический капитал рассчитывал вместе с тем постепенно восстановить довоенные позиции в этом районе, опираясь на американские субсидии и используя возросшую мощь своей экономики.

Летом 1952 г. Япония заключила мирный договор с Индией³. Индийское правительство не настаивало на включении в него каких-либо пунктов об ограничении японских вооруженных сил и удовлетворилось формулой об установлении между двумя странами «прочного и вечного мира и дружбы». До заключения специальных соглашений о торговле, авиационном и морском

¹ «Асахи», 14.I.1955.

² Палата представителей японского парламента. Стенограмма заседания бюджетной комиссии 10 мая 1955 г., «Кампо», 10.V.1955, стр. 8.

³ См. «Сборник документов и материалов по Японии». М., 1954, стр. 155—160.

сообщениях устанавливался режим наиболее благоприятствующей нации в отношении таможенных пошлин, авиасообщений, экспорта и импорта и т. д. Рассчитывая на значительные японские займы и научно-техническую помощь для осуществления планов индустриализации и развития народного хозяйства, индийское правительство отказалось от репараций.

В сентябре 1953 г. в страны Юго-Восточной Азии со специальной «миссией доброй воли» направился министр иностранных дел Окадзаки, который посетил Филиппины, Индонезию, Бирму и Южный Вьетнам. Поездка показала, что планы японского экономического проникновения в эти страны встречают серьезное сопротивление. Одним из существенных препятствий развитию широкой торговли Японии со странами Юго-Восточной Азии была неурегулированность репарационной проблемы.

Учитывая создавшуюся обстановку, японское правительство решило добиться скорейшего урегулирования вопроса о репарациях, рассчитывая при этом использовать их в качестве одного из важнейших орудий внедрения в экономику стран Юго-Восточной Азии и подготовки почвы для последующего развития торговли с ними.

В августе 1954 г. в Японию прибыла бирманская репарационная миссия, которая к 25 сентября завершила переговоры о заключении соглашения о репарациях. На основе ее рекомендаций 5 ноября 1954 г. в Рангуне одновременно были подписаны соглашение о репарациях и экономическом сотрудничестве и мирный договор между Японией и Бирмой. Япония обязалась выплатить 200 млн. долл. в виде услуг и поставок промышленных товаров в течение 10 лет, а также сделать капиталовложения в смешанные японо-бирманские предприятия на сумму в 50 млн. долл. В специальном приложении отмечалось, что Япония примет участие в строительстве гидроэлектростанций, металлургических, машиностроительных, химических, цементных заводов, сахарных заводов, в восстановлении портов, реконструкции железных дорог, разработке соляных месторождений, модернизации средств связи и т. п. Япония также обязывалась оказать содействие Бирме в подготовке специалистов. Бирма, однако, оговорила за собой право поставить вопрос об увеличении суммы репараций после того, как Япония заключит соответствующие соглашения с другими странами.

Переговоры о заключении репарационного соглашения с Филиппинами открылись в Маниле в феврале 1952 г., вскоре после подписания Сан-Францисского договора. Представители Филиппин потребовали от Японии выплаты громадной суммы в 8 млрд. долл. После того как Япония отвергла эти требования, переговоры были прерваны. Посетив в октябре 1953 г. Манилу, министр иностранных дел Окадзаки предложил определить сумму репараций в 250—300 млн. долл. с выплатой в течение 5—10 лет. В конце 1953 г. в Манилу прибыл для ведения конкретных переговоров министр Куцуми Оно, который заключил 15 апреля 1954 г. с министром иностранных дел Филиппин Карлосом Гарсия временное соглашение о репарациях, согласно которому провозглашался принцип выплаты Японией репараций в форме услуг и поставок промышленного оборудования. Сумма определялась в 400 млн. долл., а срок выплаты — в 10 лет, но с оговоркой, что по требованию одной из сторон этот срок может быть продлен еще на 10 лет.

Переговоры о репарациях затем дважды возобновлялись и прерывались. Они завершились лишь 9 мая 1956 г. подписанием соглашения о репарациях. В соответствии с соглашением Япония обязывалась выплатить Филиппинам 550 млн. долл., причем 500 млн. из них — в виде поставок товаров и оборудо-

дования, 30 млн. — в виде услуг и 20 млн. — в филиппинской валюте. Одновременно было заключено соглашение об экономическом сотрудничестве, которым предусматривалось, что японское правительство поручит японским частным компаниям предоставить филиппинским компаниям на коммерческой основе долгосрочные займы или кредиты на общую сумму в 250 млн. долл. на льготных условиях и, как правило, в форме поставок машин и оборудования.

На предварительных переговорах с Индонезией, состоявшихся в Токио в декабре 1951 — январе 1952 г., индонезийская делегация потребовала выплаты 8 млрд. долл. Япония отклонила это требование, и в результате переговоров было достигнуто лишь принципиальное соглашение о том, что репарации будут выплачиваться главным образом в виде услуг. В октябре 1953 г. Окадзаки вел в Индонезии переговоры с премьером Али Састроамиджой, настаивая на заключении мирного договора до урегулирования репарационного вопроса. Премьер Индонезии, однако, подчеркнул, что мирный договор может быть подписан лишь после окончательного решения вопроса о репарациях. 16 декабря 1953 г. было заключено временное и частичное соглашение о репарациях на сумму в 6,5 млн. долл., которые погашались путем производства Японией работ по подъему судов, затонувших в индонезийских водах.

28 ноября 1956 г. Япония и Индонезия подписали совместное коммюнике, завершив многолетние переговоры о репарациях. На последней стадии переговоров Индонезия требовала от Японии выплаты 800 млн. долл. в качестве репараций и списания индонезийских долгов по торговле с Японией. Япония, однако, удалось добиться сокращения суммы репараций до 223 млн. долл. с выплатой в течение 12 лет. Япония согласилась списать индонезийские долги по торговле на сумму 177 млн. долл., кроме того, она, в рамках программы экономического сотрудничества, обязалась вложить на частной коммерческой основе 400 млн. долл. в развитие экономики Индонезии. Одновременно с заключением репарационного соглашения между Японией и Индонезией был подписан мирный договор и были восстановлены дипломатические отношения.

К 1956 г. Япония в основном урегулировала вопрос о репарационных платежах со странами Юго-Восточной Азии, за исключением Вьетнама. В ходе переговоров Японии удалось добиться значительного сокращения репарационных требований. Все заключенные соглашения основывались на принципах выплаты репараций в виде поставок промышленного оборудования, товаров и услуг, что создавало серьезные предпосылки для последующего проникновения Японии на рынки стран Юго-Восточной Азии и обеспечивало японской промышленности долгосрочные устойчивые заказы. Все репарационные соглашения сопровождалось заключением договоров или конвенций об экономическом сотрудничестве, которые открывали японскому капиталу широкий доступ в эти страны.

* * *

*

Несмотря на то что Сан-Францисский мирный договор формально положил конец оккупационному режиму и провозгласил суверенитет Японии, ее зависимость от США сохранялась. Соединенные Штаты навязали Японии ряд соглашений, включая военный «пакт безопасности» и «договор о дружбе, торговле

и мореплавании», которые дали им в руки важные рычаги военного, политического и экономического контроля над Японией. На территории страны остались американские военные базы. Вместе с тем под покровительством США японский монополистический капитал в значительной степени восстановил свои позиции в политической и экономической жизни страны.

Пытаясь сохранить на длительное время зависимое положение Японии, Соединенные Штаты всячески препятствовали установлению нормальных отношений между Японией и ее крупнейшими соседями — Советским Союзом и Китайской Народной Республикой. Всемерно раздувая так называемую «территориальную проблему», правящие круги Японии под прямым нажимом США отказались пойти на заключение мирного договора с СССР.

Военная, политическая и экономическая зависимость Японии от Соединенных Штатов наносила серьезный ущерб международному престижу Японии, мешая ей занять на мировой арене место, соответствующее ее экономической мощи. Сговор японского империализма с правящими кругами США явился главным фактором, определявшим внешнеполитический курс Японии в последующие годы.

Г Л А В А XXI

ПРОВАЛ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В ИНДОКИТАЕ

Предпринимая вооруженную интервенцию в Индокитае, французские колонизаторы стремились приостановить развитие Вьетнама по пути социализма, вновь поставить его и другие государства полуострова под свой контроль, восстановить там колониальные порядки. На ведение войны в этом районе Франция получала большую помощь от других империалистических государств, и прежде всего от Соединенных Штатов Америки. Несмотря на серьезные межимпериалистические противоречия, империалисты всех стран были солидарны в попытках преградить путь освободительному движению народов. За помощь Соединенных Штатов в индокитайской войне Франция расплачивалась подчинением своей политики Вашингтону не только в Индокитае, но и в Европе.

Интервенция в Индокитае со всей определенностью показала, что стремление империализма с помощью силы приостановить необратимый исторический процесс освобождения народов явилось главной причиной напряженности в международных отношениях послевоенного периода.

Империалистическая интервенция в Индокитае была первой так называемой локальной войной, возникшей сразу же после

окончания второй мировой войны. По мере усиления вмешательства США в индокитайскую войну нарастала угроза перерастания ее в общемировой конфликт.

1. Вмешательство США в войну в Индокитае

Американский империализм издавна проявлял большой интерес к районам Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Методы и тактика его экспансии менялись в зависимости от соотношения сил на мировой арене.

В тот период, когда старые империалистические державы прочно удерживали в своих руках захваченные ими колонии, американский империализм стремился проникать в эти колонии под лозунгом «открытых дверей». После второй мировой войны он стал на путь вытеснения ослабленных соперников и захвата их позиций. В ход был пущен лозунг «американского руководства».

Особенность экспансионистской политики империализма, и прежде всего американского, в новых исторических условиях состоит в том, что она направлена своим острием против освободительного движения народов. На первый план выдвигаются интересы не отдельных монополий, а всего монополистического капитала, стремление воспрепятствовать развитию освободительного движения народов, затормозить распад колониальной системы, сохранить позиции империализма.

Государственный секретарь США Даллес в известной речи о «Дальневосточных проблемах», произнесенной им 29 марта 1954 г., довольно подробно говорил о том, что именно интересует Соединенные Штаты в Юго-Восточной Азии. Он, в частности, заявил: «Юго-Восточную Азию называют «рисовой житницей», которая помогает прокормить густонаселенный район, простирающийся от Индии до Японии. Этот район богат многими видами сырья, как, например, оловом, шерстью, каучуком и железной рудой. Этот район имеет большую стратегическую ценность. Через Юго-Восточную Азию проходят самые прямые и наилучшим образом развитые морские и воздушные коммуникации между Тихим океаном и Южной Азией. Здесь находятся важнейшие военно-морские и военно-воздушные базы»¹.

Политические и военные деятели США настойчиво подчеркивали значение индокитайского плацдарма в американских экспансионистских планах. «Соединенные Штаты неоднократно заявляли, — писал бывший министр военно-воздушных сил США Финлеттер, — что абсолютно необходимо удерживать Индокитай. Если он падет, то падет вся Юго-Восточная Азия, а последняя имеет жизненно важное значение для интересов Соединенных Штатов»².

После изгнания иностранных империалистов и их прислужников из континентального Китая Индокитаю была отведена особая роль в американских стратегических планах. США задалась целью не допустить действительной независимости индокитайских государств, превратить их территории, подобно

¹ «The Department of State Bulletin», 12. IV. 1954, p. 539—540.

² Т. К. Финлеттер. Сила и политика. М., 1956, стр. 121—122.

Южной Корее и Тайваню, в плацдарм для осуществления агрессивных замыслов против Китайской Народной Республики и всего освободительного движения в Азии.

Вмешательство США в индокитайскую войну стало особенно активным с 1950 г. С этого времени в программах помощи Франции по «плану Маршалла» появляются специальные разделы, предусматривающие помощь для ведения войны в Индокитае, а также «помощь» так называемым присоединившимся государствам (т. е. сайгонскому правительству, Лаосу и Камбодже). В феврале 1950 г. США официально признали созданное при их участии в Сайгоне марionеточное правительство во главе с бывшим аннамским императором Бао Даем. В мае того же года в Сайгоне была учреждена экономическая миссия США.

Линия на усиление вмешательства в индокитайскую войну со всей определенностью была выражена в декларации президента Трумэна от 27 июня 1950 г. Указав, что вооруженным силам США отдан приказ начать военные операции в Корее и на Тайване, Трумэн заявил: «Я дал также приказ ускорить поставку военной помощи французским силам и присоединившимся государствам в Индокитае и направить в этот район военную миссию для тесного сотрудничества с этими странами»¹. Таким образом, индокитайская война включалась в общий комплекс мер американского империализма, направленных против независимости и освободительного движения народов Азии.

В августе 1950 г. в Сайгон прибыла первая военная миссия США. Американцы стали уже непосредственно вмешиваться в планирование и проведение военных операций в Индокитае. Назначенный в декабре того же года командующим французским экспедиционным корпусом в Индокитае маршал де Латтр де Тассиньи, прежде чем выехать в Сайгон, направился в Вашингтон для согласования военных планов.

31 декабря 1950 г. США заключили с Францией и признанными ими правительствами индокитайских государств соглашение о так называемой «помощи для обороны», на основе которого в дальнейшем и осуществлялась американская помощь на ведение колониальной войны в Индокитае. В 1950—1951 гг. США покрывали 15% расходов Франции на индокитайскую войну, в 1952 г. — 35%, в 1953 г. — 45% и в 1954 г. — уже 80%. В общей сложности на индокитайскую войну они ассигновали 2,2 млрд. долл.²

Из Соединенных Штатов в Индокитай поступала основная масса оружия и военного снаряжения. Около 85% захваченного Вьетнамской Народной армией оружия и военных материалов имело клеймо «сделано в США».

Вместе с ростом американских ассигнований увеличивался и американский контроль над ведением французским командованием военных действий в Индокитае. «По мере того как продолжение борьбы во все большей степени зависело от вклада Соединенных Штатов и исход борьбы приобретал для них все возрастающее значение, — писал известный французский специалист по колониальным проблемам, бывший сотрудник колониальной администрации в Индокитае Поль Мю, — было естественно, что их мнение и точка зрения все настойчивее сказывались на политическом и военном ведении операции»³.

¹ «The Department of State Bulletin», 3. VII. 1950, p. 5.

² M. S. Farley. United States Relations with South-East Asia. With Special Reference to Indochina 1950—1955. N. Y., 1955.

³ P. Mus. Le destin de l'Union Française de l'Indochine à l'Afrique. Paris, 1954, p. 334.

В марте 1953 г. в Вашингтоне состоялись переговоры глав правительств, министров иностранных дел и министров финансов Франции и США по индокитайскому вопросу. В них приняли также участие представители вооруженных сил обеих стран. По окончании переговоров 28 марта было опубликовано совместное коммюнике, в котором говорилось: «В то время как вся тяжесть борьбы в Индокитае ложится на силы Французского Союза, а Соединенные Штаты несут наибольшую тяжесть войны в Корее, успех продолжающихся операций требует, чтобы была полностью признана взаимосвязь этих операций. Для этого необходимо, чтобы между двумя правительствами были продолжены частые консультации, как дипломатические, так и военные.

Французское правительство вновь подтвердило свою решимость сделать все возможное, чтобы довести до максимума военную мощь Франции и присоединившихся государств в Индокитае, с тем чтобы уничтожить организованные коммунистические силы...»¹ Далее в коммюнике указывалось, что стороны подробно изучили планы военных операций в Индокитае «в целях определения возможностей и размеров материальной и финансовой помощи, посредством которой Соединенные Штаты могли бы содействовать их осуществлению». В коммюнике содержались выпады и прямые угрозы по адресу КНР.

Таким образом, правящие круги Франции в обмен на помощь согласились подчинить начатую ими интервенцию в Индокитае американским стратегическим планам. По меткому выражению известного французского журналиста Клода Бурдэ, Франция «продала» индокитайскую войну Соединенным Штатам Америки. Руководство военными операциями интервентов фактически перешло в руки американской военщины. Экспедиционный корпус в Индокитае из инструмента французской колониальной политики превращался в орудие агрессивной политики американского империализма в Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке.

Последствия этого не замедлили сказаться. Спустя месяц после вашингтонских переговоров (26 апреля) в ответ на просьбу об увеличении помощи госдепартамент вручил французскому правительству меморандум, в котором в принципе выражалось согласие на предоставление дополнительной помощи, но «при условии принятия французским правительством удовлетворительной программы, которая во всех своих аспектах будет способна обеспечить военный успех в Индокитае...»² При таких обстоятельствах появился на свет «план Наварра».

Генерал Наварр был назначен командующим французским экспедиционным корпусом в Индокитае в мае 1953 г. Перед тем как приступить к испол-

¹ «L'Année politique 1953». Paris, 1954, p. 606.

² Ibid., p. 214.

нению своих обязанностей, он, подобно своим предшественникам, направился в Вашингтон. Наварр согласовал с Пентагоном план военных действий в Индокитае. «Американцы, — писал Фредерик-Дюпон, докладчик финансовой комиссии Национального собрания по военным бюджетам присоединившихся государств, — нашли его («план Наварра». — *Авт.*) исключительно удачным и обязались увеличить свою помощь материалами для его осуществления»¹.

После одобрения Пентагоном «план Наварра» 21 июля был утвержден французским правительством. План был рассчитан на то, чтобы в течение 18 месяцев уничтожить основные силы вьетнамской Народной армии и оккупировать всю территорию Индокитая. Предусматривались перегруппировка мобильных сил экспедиционного корпуса, посылка в Индокитай морских и авиационных подкреплений, ускоренная подготовка войск марionеточного правительства Бао Дая.

29 сентября 1953 г. путем обмена письмами между министром иностранных дел Франции и послом США в Париже было заключено соглашение о специальной помощи для осуществления «плана Наварра». Правительство США обязалось сверх ранее утвержденных программ предоставить Франции до конца 1954 г. 385 млн. долл. Французское правительство в свою очередь обязалось активизировать военные действия в Индокитае, а также «содействовать обмену информацией и мнениями между французскими и американскими военными властями и принимать во внимание мнения последних относительно развития и выполнения французских стратегических планов»².

Сразу же после заключения этого соглашения в Индокитай были направлены дополнительные контингенты войск. Некоторые депутаты Национального собрания с полным основанием заявляли, что соглашение от 29 сентября явилось сделкой о продаже новой порции крови французских солдат, что оно в то же время означало обязательство Франции не вступать без согласия США ни в какие переговоры о прекращении войны в Индокитае. Соглашение было новым шагом к усилению американского руководства военными операциями в Индокитае. В 1953 г. в Индокитае уже находилось 500 американских офицеров, которые контролировали и направляли все действия интервентов, хотя формально руководство военными операциями сохранялось за французским командованием.

Правящие круги США и Франции были солидарны в стремлении не допустить победы национально-освободительного движения. Колониальная война в Индокитае была объявлена частью общей борьбы против «международного коммунизма» и включена в рамки «глобальной стратегии» американского империализма. Но эта «солидарность» не снимала противоречий: каждый из партнеров стремился с максимальной выгодой для себя использовать участие другого в борьбе против освободительного движения.

Французские колонизаторы рассчитывали с помощью США подавить сопротивление народов Индокитая и вернуть свои колониальные привилегии. Они понимали, что поражение в Индокитае неминуемо повлечет за собой усиление национально-освободительного движения во французских колониях в Африке. Ради получения от США помощи французский империализм шел на новые и новые уступки американскому империализму в Индокитае, ставил все в большую зависимость от Вашингтона свою политику в Азии, Африке и Европе.

¹ *Frédéric-Dupont. Mission de la France en Asie. Paris, 1956, p. 130.*

² «*Débats de l'Assemblée Nationale. Session de 1954*», vol. 23. Paris, 1955, p. 768.

Американский империализм, толкая французских правителей на продолжение и расширение войны в Индокитае, рассчитывал не только не допустить освобождения народов Вьетнама, Камбоджи и Лаоса, но и захватить там позиции Франции, еще больше подчинить себе ее внешнюю политику и добиться ее согласия на включение Западной Германии в Североатлантический блок.

2. Поражение интервентов

Интервенты, опираясь на огромное превосходство в вооружении и в материальных ресурсах, планировали быстрое завоевание Индокитаея. Однако поднявшиеся на освободительную борьбу народы Индокитаея, и прежде всего вьетнамский народ, опрокинули планы молниеносной войны. Военная и финансовая помощь Соединенных Штатов французским колонизаторам привела к затяжке войны, к увеличению человеческих и материальных жертв, но она не спасла интервентов от поражения.

Партия трудящихся Вьетнама выработала правильную стратегию войны Сопротивления, которая была рассчитана на изматывание противника, на накопление сил для контрнаступления с целью разгрома и изгнания интервентов. Оставив под натиском превосходящих сил противника еще в первые месяцы войны города, патриотические силы Вьетнама вели тяжелые оборонительные бои и одновременно продолжали укреплять молодое независимое государство — Демократическую Республику Вьетнам, готовиться к решительным схваткам с врагом.

В процессе войны нарастали силы вьетнамского народа, Народная армия превращалась в мощную регулярную армию. В исключительно трудных условиях в джунглях было налажено производство оружия и боеприпасов. Вьетнамские патриоты проявляли в этом деле невиданный энтузиазм, сметку и изобретательность. Для снабжения армии продовольствием крестьянами были созданы специальные отряды носильщиков, в которых участвовали десятки тысяч человек. Наряду с регулярной армией против войск противника сражались многочисленные партизанские отряды. Против интервентов поднялся весь народ, включая женщин, стариков и детей. Борьба вьетнамского народа — это один из ярких примеров самоотверженности и героизма, на которые способен народ, отстаивающий свою свободу и независимость. В ходе войны Сопротивления расширялось и укреплялось единство патриотических сил страны. В марте 1951 г. произошло слияние массовых организаций Вьет-Мина и Льен-Вьета в Единый национальный фронт, за которым сохранилось краткое наименование «Льен-Вьет»¹.

¹ В сентябре 1955 г. Единый национальный фронт реорганизован в Отечественный фронт Вьетнама.

Огромную роль в деле мобилизации сил народа на борьбу против интервенции колонизаторов сыграла аграрная политика Партии трудящихся Вьетнама.

При решении аграрного вопроса Коммунистическая партия Индокитая, а затем ее преемница — Партия трудящихся Вьетнама учитывала конкретные условия развития вьетнамской революции. Предпринятая колонизаторами интервенция замедлила темпы социальных, в том числе и аграрных, преобразований в Демократической Республике Вьетнам. На первый план выдвинулась борьба за национальную независимость, задача объединения всех национальных сил на отпор империалистам. В этих условиях молодой республике было трудно сразу же перейти в решительное наступление на весь класс помещиков. Лозунг аграрной революции был временно снят. Аграрная политика в этот период (1945—1953 гг.) была направлена на ограничение эксплуатации и на повышение жизненного уровня трудового крестьянства путем снижения арендной платы и ростовщического процента. Земли конфисковались лишь у помещиков-предателей, ставших на путь сотрудничества с интервентами.

Землевладельцы, прибегая к различным уловкам, нарушали декреты правительства ДРВ о снижении арендной платы и ростовщического процента. Сталкиваясь с саботажем помещиков, крестьяне на собственном опыте убеждались в том, что для полного освобождения от гнета и эксплуатации необходима ликвидация самой основы могущества помещиков — крупной земельной собственности. Так созрели политические условия для проведения радикальной аграрной реформы и ликвидации феодального землевладения. 4 декабря 1953 г. Национальное собрание ДРВ приняло закон об аграрной реформе, по которому земля безвозмездно переходила в полную собственность тех, кто ее обрабатывает, и аннулировались все долги крестьян помещикам.

Антиимпериалистическая борьба вьетнамского народа сливалась с борьбой антифеодальной. Закон об аграрной реформе способствовал укреплению союза рабочего класса и крестьянства, усилению связей Партии трудящихся Вьетнама с массами, дальнейшему сплочению народа против колонизаторов и их главной опоры внутри страны — помещиков.

Не прекращали борьбу против французских оккупантов народы Камбоджи и Лаоса.

В мае 1950 г. патриотические силы Камбоджи объединились в Национальный фронт — Кхмер Иссарак (Свободный Кхмер)¹. Единый национальный фронт возглавил вооруженное сопротивление интервентам, способствовал завоеванию национальной независимости Камбоджи.

В августе 1950 г. был организован Единый национальный фронт Лаоса — Нео Лао Итсала, в котором объединились все силы Сопротивления. В Лаосе была создана национально-освободительная армия, известная под именем вооруженных сил Патет-Лао². Правительство Сопротивления во главе с принцем Суфанувонгом развернуло активную вооруженную борьбу против интервентов и их пособников, за свободу и независимость Лаоса.

¹ Кхмер — древнее наименование Камбоджи.

² Патет-Лао (страна Лао) — древнее наименование Лаоса.

Колонизаторы прибегали к различным политическим маневрам, чтобы расколоть единый фронт народов и ослабить их волю к борьбе. Они насаждали марионеточные правительства и провозглашали фиктивную независимость индокитайских стран. В 1949 г. французское правительство заявило о признании «независимости» индокитайских государств. 3 июля 1953 г. оно направило сайгонскому правительству, Камбодже и Лаосу ноту, в которой содержалось обещание расширить их «независимость». Но подобные трюки не помогли интервентам. Народ понимал, что в действительности французское правительство вело войну именно против тех сил, которые выступали за свободу и независимость. Народы добивались не призрачной, а подлинной независимости.

С развитием национально-освободительной борьбы укрепились связи между патриотическими организациями индокитайских государств. В марте 1951 г. состоялась конференция представителей национальных фронтов Демократической Республики Вьетнам, Камбоджи и Лаоса. На конференции был создан союзный фронт Вьетнам — Кхмер — Лао и избран комитет этого объединенного фронта. Задача союзного фронта состояла в том, чтобы объединить усилия народов трех индокитайских государств в борьбе за свободу и независимость. У них был общий враг — французские колонизаторы и поддерживавший их американский империализм. На помощь силам Сопротивления Камбоджи и Лаоса пришли вьетнамские народные добровольцы. Выступления народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи против интервентов сливались в единый мощный поток.

Огромное воздействие на развитие освободительной борьбы народов Индокитая оказали рост могущества и авторитета Советского Союза, образование и усиление мировой социалистической системы. С победой народной революции в Китае было прорвано враждебное окружение Демократической Республики Вьетнам. В начале 1950 г. Советский Союз, Китайская Народная Республика и другие страны народной демократии установили дипломатические отношения с Демократической Республикой Вьетнам. Президент ДРВ Хо Ши Мин в связи с этим писал: «...два крупнейших государства мира — Советский Союз и народный Китай, а также другие народно-демократические страны признали Демократическую Республику Вьетнам равноправным государством великой семьи всемирного лагеря демократии. Это означает, что мы окончательно вошли в демократический лагерь, вступили в 800-миллионный союз людей, борющихся против империализма»¹.

С прорывом враждебного окружения улучшилось экономическое и политическое положение ДРВ. Была ликвидирована экономическая блокада борющейся республики. Она стала получать материальную помощь Советского Союза и других государств социалистического лагеря. Вьетнамские коммунисты широко использовали богатейший опыт коммунистических партий

¹ Хо Ши Мин. Избранные статьи и речи. М., 1959, стр. 351.

Советского Союза и Китая в деле борьбы против иностранной интервенции, в деле строительства нового общества. Приближался час победы вьетнамского народа над колонизаторами.

Заокеанские вдохновители интервенции настойчиво распространяли измышления об участии КНР в индокитайской войне. Они пытались убедить общественное мнение в том, будто сопротивление агрессорам на индокитайской территории оказывают китайские коммунисты, а не народы Индокитая. Эта ложь начисто опровергалась уже одним тем фактом, что сопротивление народа Вьетнама не было сломлено на протяжении четырех лет до победы народной революции в Китае.

Подобные вымыслы не раз опровергались и с трибуны Национального собрания Франции. Их опровергал Мендес-Франс¹. «Никогда ни один китайский солдат не был замечен на поле боя»², — заявлял депутат-социалист Ален Савари. Когда Дж. Даллес заявил в апреле 1954 г. в комиссии по иностранным делам палаты представителей, что Китай активно вмешивается в индокитайскую войну, то агентство Франс Пресс опубликовало в Ханое разъяснение, в котором говорилось, что, «по сообщению ответственных военных кругов, франко-вьетнамские силы никогда не сталкивались с китайцами» и что «оглашенные американским государственным секретарем сведения исходят не от французской разведывательной службы»³. Утверждения Даллеса были настолько бездоказательными, что даже французское командование в Индокитае сочло благоразумным отмежеваться от них.

Агрессивные круги США подняли шумиху о мнимом вмешательстве КНР в индокитайскую войну только для того, чтобы попытаться как-то оправдать свое действительное вмешательство в эту войну, оправдать политику провокаций и агрессии в отношении КНР, подготовить общественное мнение к расширению индокитайского конфликта. Это обычный прием империалистов. Когда они замышляют агрессивные действия против той или другой страны или выдвигают экспансионистские планы в отношении целых районов мира, они первым делом поднимают шум о «коммунистическом вмешательстве» в дела этих стран или районов.

Борьба народов Индокитая за свободу и независимость встретила сочувствие и поддержку со стороны всех миролюбивых народов, в том числе и французского народа, который называл противоречащую его свободолюбивым и гуманным традициям индокитайскую войну грязной войной. Движение за прекращение агрессии колонизаторов в Индокитае нарастало во Франции по мере того, как народу становилось все яснее, что его заставляют нести жертвы во имя корыстных интересов небольшой кучки финансовых магнатов и американских монополий. Французскому правительству приходилось всячески изво-

¹ «Débats de l'Assemblée Nationale. Session de 1954», vol. 23, p. 759.

² «Journal Officiel de la République Française. Débats Parlementaires. Assemblée Nationale», 1953, № 74, vol. 18, p. 4563.

³ «Perspectives», (Paris), 10. IV. 1954.

рачиваться, чтобы как-то замаскировать меры, направленные на продолжение и расширение войны в Индокитае.

Оно вынуждено было обделывать такого рода дела под покровом ночи не только в фигуральном, но и в буквальном смысле слова. Один из наиболее ревностных сторонников колониальной экспансии, Фредерик-Дюпон, с горечью признает, что во избежание антивоенных манифестаций пополнения для экспедиционного корпуса в Индокитае отправлялись из Франции, как правило, ночью. Он отмечает также, что широких масштабов достигала порча направляющихся в Индокитай военных материалов: в отдельных партиях они на 30—40% оказывались негодными¹.

Развернувшееся во Франции движение за прекращение грязной войны Фредерик-Дюпон пытался изобразить как чисто коммунистическое. Однако его коллега по парламентской комиссии и по активной поддержке колониальной войны Мерсье с сожалением отмечал, что это движение включает не только коммунистов. «Печально, — писал он, — что толки пораженцев некоммунистов легко распространяются во французском общественном мнении и в конце концов встречают отклик с его стороны»². В авангарде движения за прекращение кровопролития в Индокитае действительно шли коммунисты и рабочий класс, но оно объединяло самые различные социальные и политические слои французского населения, было подлинно всенародным движением.

Сочувствие освободительной борьбе народов Индокитая и поддержка ее миролюбивыми народами и странами всего мира были одним из важнейших условий, способствовавших поражению интервентов.

В 1950 г. наступил перелом в ходе индокитайской войны. Закалившаяся в боях вьетнамская Народная армия начала переходить от оборонительных боев к наступательным. В конце 1950 г. в северных районах она предприняла первое контрнаступление, в результате которого противник понес большие потери и были освобождены пять провинций (Као-Банг, Ланг-Шон, Лаокай, Тхай-Нгуен и Хоа-Бинь). Особенно сильный удар интервентам был нанесен в Као-Банге, где они потеряли 5 тыс. человек убитыми и ранеными. «Мы потерпели самое серьезное поражение в нашей колониальной истории»³, — писал Фредерик-Дюпон по поводу этого разгрома. Но в дальнейшем захватчиков ожидали еще более тяжелые поражения. В течение 1951 г. Народная армия нанесла ряд новых мощных ударов интервентам в Северном Вьетнаме. В начале 1952 г. войска экспедиционного корпуса потерпели серьезное поражение в районе Хоа-Биня, потеряв 20 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными⁴.

Бои под Као-Бангом и Хоа-Бином показали французскому командованию и приставленным к нему американским советникам, что части вьетнамской Народной армии способны проводить крупные наступательные операции и наносить тяжелые удары по войскам противника. Интервенты на собственном опыте убеждались в том, что война принимает все более затяжной

¹ *Frédéric-Dupont. Mission de la France en Asie*, p. 93—94.

² *A. F. Mercier. Faut-il abandonner l'Indochine?* p. 124—125.

³ *Frédéric-Dupont. Mission de la France en Asie*, p. 119.

⁴ «Action», 1952, № 391.

характер и что время работает против них. В связи с этим американская военщина стала особенно настойчиво добиваться усиления войск за счет создания и использования армии марионеточного режима во Вьетнаме. «В течение долгого времени, — отмечает американская журналистка Фарлей, — США настаивали на создании вьетнамской национальной армии, рассматривая ее, с одной стороны, как поощрение вьетнамских националистов, а с другой — как военную необходимость»¹.

Французское правительство вначале с некоторым подозрением относилось к этим американским предложениям. Оно тоже стремилось к расколу сил вьетнамского народа и в принципе разделяло идею использования «азиатов против азиатов». Но оно не без оснований опасалось, что в дальнейшем американский империализм постарается использовать армию марионеточного правительства для осуществления своих экспансионистских планов, в ущерб интересам французских колонизаторов. Правящие круги Франции не могли не уступить настойчивым требованиям США, поскольку создание такой армии выдвигалось последними в качестве одного из главных условий оказания помощи в ведении войны. Кроме того, Париж должен был учитывать, что возмещение больших потерь экспедиционного корпуса за счет метрополии и африканских колоний наталкивалось на все возрастающее сопротивление народов Франции и Африки. При таких обстоятельствах французские власти в Индокитае начали в 1951 г. формирование так называемой «национальной вьетнамской армии».

К 1953 г. численность баодаевской армии составляла уже около 200 тыс. человек. Посетивший Индокитай в конце 1953 — начале 1954 г. в составе французской парламентской комиссии обследователей депутат Мерсье ссылается на заявление французского генерала в Сайгоне, который сказал ему, что «война будет закончена тогда, когда вьетнамцы начнут воевать с таким жаром, с каким сражаются люди Вьет-Мина»². Насильно загнанные в армию вьетнамцы не хотели воевать против своих братьев за восстановление колониального гнета. Молодежь всячески уклонялась от призывов в марионеточную армию, дезертировала из нее. При первой же возможности баодаевские солдаты переходили на сторону вьетнамской Народной армии.

В апреле 1954 г. сайгонское марионеточное правительство объявило всеобщую мобилизацию на оккупированной колонизаторами территории Вьетнама. Около 40% призванных в армию укрылись от мобилизации, а половина — добровольно ушла во вьетнамскую Народную армию. Только 10% призывавшихся контингентов стало солдатами Бао Дая³. Таким образом, всеобщая мобилизация закончилась скандальным провалом.

Поскольку надежды империалистов на баодаевскую армию не оправдались, правящие круги США попытались, подобно тому как это было сделано в Корее, использовать в войне против народов Индокитаея ООН. Весной 1953 г. они предложили французскому правительству обратиться в Организацию Объединенных Наций с жалобой на Демократическую Республику Вьетнам, обвинив ее в агрессии против Лаоса. В качестве повода для жалобы предполагалось использовать усиление боевых действий вооруженных сил Патет-Лао и вьетнамских народных добровольцев против интервентов в Лаосе. Однако правительство Франции не решилось на такой шаг, опасаясь, что он может повлечь за собой осуждение в ООН всей его колониальной политики. В памятной записке французского правительства

¹ M. S. Farley. United States Relations with South-East Asia, p. 3.

² A. F. Mercier. Faut-il abandonner l'Indochine? p. 26.

³ «Le Monde», 30—31. V. 1954.

правительству США по этому вопросу прямо говорилось, что обращение в Организацию Объединенных Наций могло бы иметь для Франции «больше политических неудобств в ООН, чем военных преимуществ в Индокитае»¹. Французы опасались также, что вмешательство ООН будет использовано американскими монополиями для ускорения захвата французских позиций в Индокитае. Депутат Мерсье в своей книге об Индокитае писал: «Всякое решение, направленное на замену наших сил силами других наций или силами ООН, может только осложнить наше собственное положение в Индокитае»².

Государственный секретарь США Даллес сожалел, что ему не удалось тогда склонить Францию к обращению в ООН. Он заявлял в мае 1953 г., что «почувствовал бы облегчение, если бы вопрос о Лаосе был передан в ООН».

После заключения перемирия в Корее во Франции еще более усилилось движение за скорейшее мирное урегулирование индокитайского конфликта.

В конце октября 1953 г. в Национальном собрании Франции развернулись широкие дебаты по индокитайскому вопросу. Депутаты-коммунисты внесли предложение немедленно вступить в переговоры с правительством Демократической Республики Вьетнам в целях заключения мира на основе равенства³. На этот раз за прекращение войны выступили и социалисты. Ряд депутатов из буржуазных партий также высказались за урегулирование индокитайского вопроса путем переговоров, хотя и обусловили свои предложения оговорками относительно сохранения «западной солидарности», французских интересов в Индокитае и т. д. В итоге дебатов 27 октября голосами депутатов из буржуазных партий Национальное собрание приняло поддержанную правительством Ланьеля резолюцию, в которой говорилось о необходимости добиваться общего умиротворения в Азии путем переговоров. В то же время в этой резолюции указывалось на необходимость укрепления военных сил присоединившихся государств и равномерного распределения между западными державами бремени индокитайской войны.

Решение Национального собрания отражало положение, которое сложилось в стране под влиянием настойчивого требования народа прекратить военные действия в Индокитае, с одной стороны, и нажима США на правящие круги Франции в целях продолжения войны — с другой. Под давлением общественного мнения французское правительство не могло категорически отказываться от переговоров о прекращении войны, но, уступая американскому нажиму, оно связывало их с «общим умиротво-

¹ «L'Année politique 1953», p. 227.

² A. F. Mercier. Faut-il abandonner l'Indochine? p. 242.

³ «Journal Officiel de la République Française. Débats Parlementaires, Assemblée Nationale», 1953, № 74, p. 4607.

рением» и делало различные оговорки, которые позволяли продолжать войну.

Президент ДРВ Хо Ши Мин в интервью корреспонденту шведской газеты «Экспрессен» в декабре 1953 г. вновь заявил о готовности правительства ДРВ заключить перемирие и начать переговоры с французским правительством об урегулировании индокитайского конфликта. Это заявление получило широкий международный резонанс, но не нашло отклика в Париже.

Даже после того как на Берлинском совещании министров иностранных дел четырех держав было достигнуто соглашение о включении индокитайского вопроса в повестку дня назначенного на 26 апреля 1954 г. Женевского совещания, французское правительство, идя на поводу у Вашингтона, продолжало линию на решение индокитайского конфликта военным путем.

В феврале 1954 г. премьер-министр Индии Неру обратился к заинтересованным сторонам с предложением прекратить военные действия в Индокитае, не дожидаясь созыва совещания в Женеве. В связи с запросом об отношении французского правительства к предложению Неру с 5 по 9 марта 1954 г. в Национальном собрании Франции снова разгорелась дискуссия по индокитайскому вопросу.

Коммунисты, социалисты, представители радикалов, республиканцев-прогрессистов, группы демократического и социалистического союза Сопротивления, группы независимых крестьян настаивали на прекращении военных действий до начала Женевского совещания. Вносились предложения договориться с правительством ДРВ о прекращении военных действий с сохранением каждой стороной занимаемых ею позиций, отложив до совещания урегулирование всех спорных вопросов. Многие депутаты справедливо указывали, что прекращение военных действий способствовало бы успеху Женевского совещания и улучшению позиций Франции на нем. Французское правительство заняло отрицательную позицию в отношении предложения Неру. Премьер-министр Ланьель доказывал в парламенте, что до женевских переговоров трудно осуществить прекращение огня, так как в Индокитае не имеется четко обозначенной линии фронта, что для прекращения военных действий необходимы гарантии безопасности французского экспедиционного корпуса, под которыми он понимал ни больше ни меньше как оставление войсками вьетнамской Народной армии всей дельты р. Красной. Ланьель ратовал за продолжение военных действий, что, по его мнению, должно было бы сделать правительство ДРВ более уступчивым и усилить позиции Франции на Женевском совещании.

Мартовские дебаты во французском парламенте вызвали довольно грубый окрик из-за океана: «Мы не имеем никаких оснований оставлять то, что называют планом Наварра»¹, — заявил 24 марта на пресс-конференции Даллес. Вашингтон требовал от Франции выполнения «плана Наварра». В скором времени Франции пришлось очень дорого заплатить за навязанную Вашингтоном политику продолжения колониальной войны в Индокитае.

¹ «The Department of State Bulletin», 5. IV. 1954, p. 513.

В марте — апреле 1954 г. в северо-западном районе Вьетнама, у Дьен-Бьен-Фу, развернулось самое крупное сражение в истории освободительной войны вьетнамского народа. Еще в период оккупации Индокитая японцами здесь были построены два больших аэродрома, способных принимать тяжелые бомбардировщики. Французы превратили Дьен-Бьен-Фу в свой самый мощный укрепленный район в Индокитае. Интервенты считали Дьен-Бьен-Фу главным опорным пунктом для развития военных операций, которые должны были отрезать Вьетнам от КНР и разъединить борющиеся народы Вьетнама и Лаоса. Дьен-Бьен-Фу был ключевой позицией всего «плана Наварра». Как свидетельствует бывший французский премьер-министр Ланьель, Наварр считал Дьен-Бьен-Фу центром обороны и решил удерживать его любой ценой¹. Сюда были переброшены лучшие части экспедиционного корпуса. Американские офицеры неоднократно инспектировали район Дьен-Бьен-Фу и находили его неприступным.

Командование вьетнамской Народной армии поставило задачу ликвидировать этот укрепленный район и таким образом расстроить планы противника. «Только путем уничтожения Дьен-Бьен-Фу, — писал министр обороны ДРВ Зиап, — мы могли сорвать франко-американский план продолжения и расширения войны»². 13 марта 1954 г. войска вьетнамской Народной армии начали атаку Дьен-Бьен-Фу, которая сопровождалась наступательными операциями на других участках фронта.

Используя полученные от США самолеты, французское командование устроило воздушный мост для пополнения и снабжения войск в Дьен-Бьен-Фу. Сюда в большом количестве доставлялись американское оружие и боеприпасы, а Даллес старался поддерживать «моральный дух» интервентов. 24 марта он заявил: «В Дьен-Бьен-Фу, по моему мнению, французские силы и силы присоединившихся государств близки к тому, чтобы вписать замечательную страницу в военную историю»³. В действительности же войска интервентов на всех фронтах оказались близки к поражению. Командующий экспедиционным корпусом генерал Наварр так характеризовал сложившуюся к тому времени военную обстановку в Индокитае: «С середины марта я повсюду был схвачен за горло второй фазой общего наступления Вьет-Мина, предпринятого в связи с атакой Дьен-Бьен-Фу, и я потерял свободу действий стратегического характера»⁴. Командование вооруженных сил интервентов оказалось перед неразрешимым противоречием: для того чтобы удерживать оккупированную территорию, ему приходилось рассредоточивать

¹ J. Laniel. Le drame Indochinois, Paris, 1957, p. 38.

² Vo Nguyen Giap. Dien Bien Phu. Hanoi, 1959, p. 29.

³ «The Department of State Bulletin», 5. IV. 1954, p. 512.

⁴ «Le Figaro», 25. V. 1959.

свои силы, а распыление сил делало уязвимыми многие участки фронта.

После 55 дней ожесточенных боев части вьетнамской Народной армии 7 мая штурмом взяли крепость Дьен-Бьен-Фу. Интервенты потеряли в этих боях 16 200 человек убитыми и пленными. В плен были взяты командующий гарнизоном генерал де Кастрие, 16 полковников, 1749 офицеров и унтер-офицеров. Под Дьен-Бьен-Фу было сбито и уничтожено на земле 162 самолета. Войска вьетнамской Народной армии захватили все оружие и снаряжение гарнизона¹. Под Дьен-Бьен-Фу был окончательно похоронен «план Наварра», на который французские интервенты и их американские покровители возлагали столько надежд.

Победа вьетнамской Народной армии под Дьен-Бьен-Фу является одной из ярких страниц в истории борьбы угнетенных народов за свободу и независимость. Она заставила французское правительство пойти на переговоры о восстановлении мира в Индокитае. После заключения Женевских соглашений о прекращении военных действий премьер-министр Мендес-Франс заявил в Национальном собрании: «В июне (1954 г. — Авт.) мы находились в Индокитае под угрозой настоящей катастрофы. Весь экспедиционный корпус был подвергнут риску попасть в западню, быть разгромленным и уничтоженным противником»².

Война в Индокитае потребовала от Франции напряжения всех ее сил. Прошло то время, когда небольшие французские отряды могли захватывать здесь целые районы и навязывать индокитайским государствам неравноправные договоры. Численность французского экспедиционного корпуса в 1954 г. составляла 216 тыс. человек и баодаевской армии — 207 тыс. человек. В Индокитае находилось 26% офицерского и 37% унтер-офицерского состава французской армии³. По официальным французским данным, потери экспедиционного корпуса составили 100 тыс. человек. Эти данные значительно преуменьшены. Французское правительство никогда не говорило своему народу правду о потерях в Индокитае.

По сведениям командования вьетнамской Народной армии, за время всей войны было выведено из строя 466 тыс. солдат и офицеров противника; захвачено 255 орудий различного калибра, 130 415 винтовок, 504 грузовых автомобиля. Вьетнамская Народная армия уничтожила 344 орудия, 1478 железнодорожных вагонов, 9292 грузовых автомобиля, сотни тысяч винтовок, тысячи тонн военного снаряжения⁴.

¹ *Vo Nguyen Giap. Dien Bien Phu*, p. 75—76.

² «Débats de l'Assemblée Nationale. Session de 1954», vol. 30, p. 6619.

³ «Débats de l'Assemblée Nationale. Session de 1954», vol. 25, p. 2827, 2743.

⁴ «L'armée populaire vietnamienne a dix ans». Hanoi, 1955, p. 23.

Франция ежегодно расходовала на войну в Индокитае 10% своего бюджета¹. Без американской помощи французский бюджет не выдержал бы таких расходов. Мобилизация экономических ресурсов на цели войны сильно сократила экспортные возможности Франции, вызвала дефицит во внешнеторговом балансе, который покрывался лишь за счет американской помощи. Оправдывая политику уступок американскому империализму в индокитайском вопросе, бывший французский министр по делам присоединившихся государств Ля Шамбр заявлял в Национальном собрании: «Остаться одним в Индокитае — это означало бы покрывать только за счет наших ресурсов все расходы по содержанию экспедиционного корпуса и национальных армий. Мы не имели для этого средств вчера, мы тем более не имеем их сегодня»².

В нашу эпоху — эпоху перехода от капитализма к социализму, в условиях распада колониальной системы старые колониальные державы без помощи в той или иной форме американского империализма не в состоянии вести колониальные войны. Индокитайская война в этом отношении явилась одним из наиболее ярких примеров. Французский империализм, который в течение почти столетия осуществлял колониальное господство в Индокитае, в новых исторических условиях уже не мог собственными силами противостоять национально-освободительному движению народов. Профессор Поль Мю имел все основания сказать, что американская «помощь, которую Франции пришлось потребовать для ведения индокитайской войны, далека от того, чтобы быть случайностью, а является знамением нового века»³.

Тайно или явно американский империализм поддерживает все военные авантюры, направленные против освободительного движения народов, на сохранение и реставрацию колониализма. Без американской финансовой и военной помощи Франция не могла бы вести длительную кровопролитную войну против алжирского народа.

Американский империализм, спекулирующий на фальшивых антиколониалистских лозунгах, в настоящее время является главным оплотом остатков колониализма, выполняет функции мирового жандарма в борьбе против освободительного движения народов. Поэтому борьба народов за свободу и независимость неразрывно связана с борьбой всех миролюбивых сил против агрессивных замыслов и действий американского империализма.

Вмешательство США в индокитайскую войну и их щедрая помощь французским колонизаторам не спасли интервентов от поражения. Империалистические планы реставрации колониализма в Индокитае были сорваны.

Поражение колонизаторов в Индокитае и Корее — это не результат каких-либо военных просчетов организаторов интер-

¹ A. F. Mercier. Faut-il abandonner l'Indochine, p. 175.

² «Débats de l'Assemblée Nationale. Session de 1954», vol. 30, p. 6509.

³ P. Mus. Le destin de l'Union Française de l'Indochine à l'Afrique, p. 351.

венции. Оно вытекает из основных закономерностей современной эпохи, характеризующейся нарастанием сил мира и прогресса, ослаблением сил агрессии и реакции.

В наше время на пути империалистической агрессии стоит такое непреодолимое препятствие, как могучий Советский Союз и социалистическое содружество. Империалистическая экспансия наталкивается на решительное сопротивление, на крепнущую солидарность народов, борющихся за мир, свободу и независимость.

Г Л А В А XXII

БОРЬБА МИРОЛЮБИВЫХ ГОСУДАРСТВ ЗА ЛИКВИДАЦИЮ ОЧАГА ВОЙНЫ В ИНДОКИТАЕ. ЖЕНЕВСКОЕ СОВЕЩАНИЕ 1954 г.

Совещание министров иностранных дел Советского Союза, Китайской Народной Республики, США, Англии, Франции и ряда других заинтересованных государств, состоявшееся в Женеве 26 апреля — 21 июля 1954 г., было важным международным событием. Оно явилось одним из результатов широкой мирной инициативы, предпринятой Советским Союзом при поддержке других миролюбивых государств в целях ликвидации очагов войны и оздоровления международной обстановки.

Решение о созыве Женевского совещания было принято благодаря усилиям Советского Союза на Берлинском совещании министров иностранных дел четырех держав в начале 1954 г.

Как на Берлинском совещании, так и в период подготовки Женевского совещания Советский Союз категорически отверг все попытки западных государств ущемить права и интересы Китайской Народной Республики. КНР участвовала в Женевском совещании на равных основаниях со всеми другими великими державами, что благотворно сказалось на его работе и итогах.

Перед Женевским совещанием была поставлена задача рассмотреть вопрос о мерах по ослаблению напряженности в Азии. Уже сам факт созыва такого совещания означал серьезную победу сторонников мирного урегулирования международных конфликтов и споров.

В повестку дня совещания были включены два конкретных вопроса — о мирном урегулировании в Корее и о восстановлении мира в Индокитае.

Состав участников совещания при рассмотрении каждого из этих вопросов был различным. Во всей работе совещания участвовали представители пяти государств — СССР, КНР, США, Англии и Франции. Кроме того, при рассмотрении корейского

вопроса в совещании участвовали представители Корейской Народно-Демократической Республики, представитель Южной Кореи и представители Австралии, Бельгии, Канады, Колумбии, Эфиопии, Греции, Люксембурга, Нидерландов, Новой Зеландии, Филиппин, Таиланда, Турции — государств, участвовавших своими вооруженными силами в агрессии против корейского народа.

На обсуждение индокитайского вопроса были приглашены представитель Демократической Республики Вьетнам, представители Камбоджи, Лаоса и сайгонского правительства (марионеточного правительства, образованного на оккупированной французскими войсками территории Вьетнама).

Перемирие в Корее, как известно, было заключено еще в апреле 1953 г. Совещание было призвано оказать содействие окончательному мирному урегулированию корейского вопроса. Однако ввиду негативной позиции западных держав на совещании не было достигнуто каких-либо соглашений по вопросу о Корее¹.

Очень остро стоял в этот период индокитайский вопрос. В Индокитае продолжалась война. Агрессивные круги США, заботясь о спасении терпевших поражение французских интервентов, задались целью превратить индокитайскую войну в широкий международный конфликт. Советский Союз, опираясь на активную поддержку миролюбивых государств и народов, сделал все для того, чтобы добиться на Женевском совещании ликвидации очага войны в Индокитае. Благодаря этим усилиям и вопреки противодействию США в Женеве было достигнуто соглашение о прекращении военных действий в Индокитае. Силы мира и прогресса одержали внушительную победу над силами войны и реакции.

1. Банкротство агрессивной политики «интернационализации» войны в Индокитае

Прекращение войны в Индокитае никак не входило в планы американского империализма. Однако правительству США было трудно открыто выступать против переговоров о восстановлении мира в этом районе. Оно вынуждено было считаться с развернувшимся во всем мире, в том числе и в самих США, движением за ликвидацию очага войны. Кроме того, госдепартамент опасался, что нараставший натиск вьетнамской Народной армии мог заставить французское правительство пойти на непосредственные переговоры с правительством ДРВ без участия Соединенных Штатов. В этих условиях вашингтонскому правительству пришлось дать согласие на включение в повестку дня Женевского совещания вопроса о прекращении военных действий в Индокитае.

¹ См. гл. XVIII.

Вместе с тем влиятельные круги США прилагали усилия к тому, чтобы не допустить созыва этого совещания или обречь на провал его работу. Плану мирного урегулирования индокитайского вопроса они противопоставили план продолжения войны и еще более активного участия в ней самих Соединенных Штатов. Если поддержка интервенции колонизаторов в Индокитае разоблачила миф об антиколониализме США, то попытки воспрепятствовать прекращению войны разоблачили миф о их миролюбии. Как признавал позже бывший американский министр военно-воздушных сил Финлеттер, США в тот период были готовы из-за Индокитая идти на «риск большой войны»¹.

Национальный совет безопасности США в середине марта 1954 г. принял специальное решение о военном вмешательстве Соединенных Штатов в индокитайский конфликт². «Мы должны послать войска в Индокитай, если это окажется единственным средством помешать тому, чтобы он стал коммунистическим», — заявлял за две недели до начала работы Женевского совещания вице-президент США Никсон.

И если американские войска тогда не были посланы в Индокитай, то не потому, что этого не хотели империалисты США, а потому, что они не могли этого сделать. Посылка американских войск в Индокитай после поражения в Корее не могла не встретить отрицательной реакции со стороны народа. Тот же Финлеттер констатировал, что «прекращение корейской войны стало чрезвычайно популярным среди общественного мнения внутри США. Никакое американское правительство не могло бы предложить, чтобы США приняли участие в новой локальной войне столь скоро после прекращения корейской»³.

При таких обстоятельствах наиболее агрессивные круги США выдвинули план «интернационализации» индокитайского конфликта. Цель этого плана заключалась в том, чтобы прямое участие американских вооруженных сил в колониальной войне прикрыть флагом «крестового похода» «свободного мира» за спасение Индокитая и всей Юго-Восточной Азии от «коммунистической угрозы». В соответствии с этим планом Даллес и призывал государства империалистического лагеря к «объединенным действиям» в Индокитае. Приписав Советскому Союзу и КНР намерение навязать Юго-Восточной Азии «коммунистическую систему общественного устройства», Даллес в своей речи 29 марта 1954 г. заявил: «США считают, что нельзя пассивно согласиться с такой возможностью, что на нее следует ответить объединенными действиями. Это может повлечь за собой серьезный риск. Но это значительно меньший риск, чем тот, который возникнет для нас через несколько лет, если мы сейчас не про-

¹ Т. К. Финлеттер. Сила и политика, стр. 88.

² И. М. Лемин. Англо-американские противоречия после второй мировой войны. М., 1955, стр. 364.

³ Т. К. Финлеттер. Сила и политика, стр. 120.

явим решимость»¹. Это был прямой призыв к экспорту империалистическими государствами контрреволюции в Индокитай.

В оставшееся до начала Женевского совещания время усилия Даллеса были направлены к тому, чтобы сколотить коалицию империалистических государств против народов Индокитая. В начале апреля Даллес совещался в Вашингтоне с послами Англии, Франции, Австралии, Новой Зеландии и Таиланда по вопросу о совместных акциях в Индокитае. В ходе совещания выяснилось, что представленные на нем государства, кроме самих Соединенных Штатов и Франции, не испытывают желания ввязываться в индокитайскую войну. Особенно сдержанную позицию заняла Англия. «Наша старая союзница Англия, — писал по поводу этого совещания тогдашний французский премьер-министр Ланьель, — верная своей политике выжидания, предпочла выждать результатов Женевского совещания»².

За две недели до Женевского совещания Даллес отправился в Европу. По его собственному заявлению, он предпринял эту поездку именно «по причине критического положения в Индокитае»³. Даллес посетил Лондон и Париж. Он обсуждал с английским, а затем с французским правительствами вопрос о «совместных действиях» в Индокитае и о создании агрессивного блока в Юго-Восточной Азии. Даллесу не удалось добиться согласия правительства Черчилля на участие Англии в индокитайской войне. В американско-английском коммюнике от 13 апреля было сказано лишь о готовности сторон принять участие совместно с другими странами в изучении возможности создания так называемой «коллективной обороны» в Юго-Восточной Азии⁴. Аналогичным было содержание и американско-французского коммюнике.

В то время как госдепартамент занимался дипломатической подготовкой расширения индокитайской войны, Пентагон готовил соответствующие военные планы. Военные штабы США разрабатывали план операции «Ястреб», предусматривавший интервенцию крупных американских военно-морских и военно-воздушных сил в Индокитае. В частности, с целью поддержки французских войск в Дьен-Бьен-Фу имелось в виду ввести в действие 300 американских истребителей-бомбардировщиков, базировавшихся на авианосцах, и 60 тяжелых бомбардировщиков Б-29, дислоцировавшихся на Филиппинах⁵.

Отвечая французскому министру по делам присоединившихся государств Фредерик-Дюпону на его упреки относительно задержки американской помощи французскому экспедиционному корпусу в Индокитае, посол США в Сайгоне Хит заявил, что «сопротивление английского правительства помешало проведению этой решительной операции» и что «американский генеральный штаб удовлетворился бы символическим присутствием одного английского самолета, но даже и это символическое присутствие было отвергнуто»⁶.

23 апреля, накануне открытия очередной сессии совета НАТО, Даллес в сопровождении главы объединенной группы начальников штабов адмирала Рэдфорда снова прибыл в Париж. В мемуарах Идена довольно подробно описывается его беседа с Даллесом и Рэдфордом. Даллес сделал новый нажим на Идена, чтобы добиться хотя бы символического участия Англии в индокитайской войне. Даллес заявил Идену, что в случае согласия Англии он будет рекомендовать президенту запросить у конгресса специальные полномочия на самое широкое использование вооруженных сил США в Индокитае⁷. Иден срочно вылетел в Лондон. 25 апреля, несмотря на воскресный день, состоялось чрезвычайное заседание английского кабинета. Лондонское правительство вновь высказалось против участия в военных действиях в

¹ «The Department of State Bulletin», 12. IV. 1954, p. 540.

² J. Laniel. Le drame indochinois, p. 88.

³ «The Department of State Bulletin», 26. IV. 1954, p. 623.

⁴ Ibid., p. 622.

⁵ Frédéric-Dupont. Mission de la France en Asie, p. 140—141.

⁶ Ibid., p. 139.

⁷ «The Memoirs of Sir Anthony Eden. Full circle», p. 101.

Индокитае до исхода Женевского совещания. Оно заявило о готовности Англии быть в числе гарантов соглашений, которые могли бы быть достигнуты в Женеве, и лишь в случае провала женевских переговоров рассмотреть вопрос о совместных действиях¹.

Убедившись в невозможности управлять колониями с помощью старых методов, английский империализм стремился сохранить кое-какое влияние в Юго-Восточной Азии за счет уступок национальной буржуазии, принимавшей участие в национально-освободительном движении. Английское правительство не могло не считаться с тем, что борющиеся за упорочение национальной независимости страны Азии, в том числе и страны, входящие в Британское содружество, решительно осуждали колониальную войну в Индокитае. Совещание глав правительств Индии, Пакистана, Цейлона, Бирмы и Индонезии, состоявшееся в Коломбо 28 апреля—2 мая, единодушно выдвинуло требование о прекращении индокитайской войны. Участие Англии в этом конфликте могло бы подорвать ее и без того сильно ослабленные позиции в азиатских странах Британского содружества.

Мотивируя позицию английского правительства в отношении американского предложения о совместных действиях в Индокитае, Иден писал в мемуарах, что «было важно не оттолкнуть Индию каким-либо действием в той части света, где все непосредственно затрагивало ее. Поэтому я был обеспокоен, узнав от нашего верховного комиссара в Дели, что последние речи г-на Даллеса произвели там наихудшее впечатление»². Кроме того, англичанам уже был знаком опыт «интернационализации» интервенции в Корею, который практически означал ее американизацию. Они не без оснований опасались, что предлагавшаяся Соединенными Штатами «интернационализация» индокитайского конфликта могла повести к усилению влияния американского империализма в Юго-Восточной Азии. Короче говоря, американский план организации «крестового похода» против национально-освободительного движения в Азии противоречил тактике английского империализма и не был поддержан правительством Черчилля.

Французское правительство добивалось непосредственного военного вмешательства Соединенных Штатов в индокитайскую войну. Оно особенно настойчиво стало просить об этом, когда над французскими войсками в районе Дьен-Бьен-Фу нависла угроза поражения.

В ночь на 5 апреля 1954 г. премьер-министр Франции Ланьель пригласил посла США Диллона и «попросил его срочно передать правительству Соединенных Штатов просьбу французского правительства подвергнуть бомбардировке позиции противника с тяжелых самолетов, способных сбрасывать бомбы в 2000 килограммов»³. Государственный департамент, как сообщает Ланьель, ответил, что «необходимо политическое соглашение между Францией и другими странами. Федеральное правительство обязано запросить конгресс. Эйзенхауэр готов это сделать, если может быть создана коалиция, включающая по крайней мере Великобританию с Малайей, Австралию и Новую Зеландию, а также Филиппины и Таиланд»⁴.

Французское правительство первоначально занимало осторожную позицию в отношении американского плана «объединенных действий» в Индокитае. Правящие круги Франции к тому времени уже не сомневались относительно экспансионистских замыслов американских монополий в отношении Индокитая. Правительство Франции не могло также бесконечно игнорировать настроения народа, который выступал против расширения колониальной войны и требовал мира в Индокитае. Кроме того, перспектива превращения индокитайской войны в более широкий международный конфликт не сулила ничего хорошего Франции, которая была сильно истощена войной и уже начинала сталкиваться с нарастающим национально-освободительным движением в североафриканских колониях.

¹ «The Memoirs of Sir Anthony Eden. Full circle», p. 106.

² Ibid., p. 94.

³ J. Laniel. Le drame indochinois, p. 85.

⁴ Ibid., p. 87.

Французское правительство предпочитало такую военную помощь, которая не была бы связана с высадкой на индокитайской территории иностранных, в частности американских, сухопутных войск. Оно хотело бы, чтобы США участвовали в войне лишь предоставляя американские самолеты. Но столкнувшись с угрозой разгрома экспедиционного корпуса, правительство Ланьеля — Бидо согласилось с американским планом «объединенных действий» в Индокитае, хотя и не решалось заявлять об этом публично.

Несмотря на огромные усилия государственного департамента и Пентагона, Соединенным Штатам не удалось создать коалицию империалистических государств для поддержки интервенции в Индокитае. Провал плана «объединенных действий» объясняется не столько противоречиями между империалистическими государствами, хотя и их нельзя сбрасывать со счетов, сколько стремлением миролюбивых народов не допустить расширения конфликта, погасить очаг войны в Индокитае.

Решающим фактором, определившим провал плана совместных действий империалистических государств против национально-освободительного движения народов Индокитая и превращения индокитайской войны в широкий международный конфликт, явилось наличие могучего Советского Союза и всего социалистического содружества. Наиболее дальновидные представители правящих кругов империалистических государств понимали, что Советский Союз и другие социалистические страны не стали бы равнодушно смотреть на экспорт контрреволюции, не допустили бы расправы империалистов над национально-освободительным движением в Индокитае. В этом отношении характерно высказывание Идена, который обратил внимание Даллеса и Рэдфорда на ту реакцию, которую вызвали бы в Китае попытки расширения интервенции на Индокитайском полуострове, и напомнил им о существовании советско-китайского союзного договора¹.

Не сумев добиться осуществления плана расширения индокитайской войны и срыва Женевского совещания, правящие круги США задалась целью помешать достижению соглашения о восстановлении мира в Индокитае.

Возглавлявший американскую делегацию на совещании Даллес демонстративно покинул Женеву за несколько дней до начала обсуждения индокитайского вопроса². 7 мая, т. е. накануне дискуссии по индокитайскому вопросу, Даллес выступил по вашингтонскому радио с воинственной речью. Он сказал, в частности, что «вопрос о возможности участия Соединенных Штатов в сражении, которое продолжается в Индокитае, должен быть принят во внимание». Даллес заявил далее: «Нынешние условия в Индокитае не представляют подходящей базы для участия в борьбе вооруженных сил Соединенных Штатов. Это положение, возможно, прояснится в результате Женевского совещания». Он угрожал, что если в Женеве будет заключено перемирие на негодных для США началах, то «необходимость в создании условий для объединенных действий в целях обороны этой части мира станет еще более настоятельной»³.

¹ «The Memoirs of Sir Anthony Eden», p. 103.

² Даллес выехал из Женевы 3 мая 1954 г. Обсуждение индокитайского вопроса на совещании началось 8 мая.

³ «The Department of State Bulletin», 7. V. 1954, p. 744.

Речь Даллеса явно была рассчитана на то, чтобы подбодрить сторонников колониализма на Женевском совещании, в частности главу французской делегации Бидо, и запугать сторонников мирного урегулирования индокитайского конфликта на основе удовлетворения справедливых требований народов Индокитая. Вся тактика американской делегации на Женевском совещании сводилась к тому, чтобы не допустить соглашения о прекращении войны, попытаться убедить общественное мнение в невозможности разрешить спорные вопросы путем переговоров и таким образом подготовить почву для открытой военной интервенции США в Индокитае.

Обструкционистское поведение США в отношении Женевского совещания осложняло и замедляло его работу, но оно не могло приостановить могучего движения миролюбивых сил за ликвидацию военного очага в Индокитае.

2. Победа миролюбивых сил на Женевском совещании

С первых же дней обсуждения индокитайского вопроса стало ясно, что правительство Ланьеля — Бидо, согласившись на ведение переговоров о восстановлении мира в Индокитае, на деле поддерживало американские планы продолжения и расширения конфликта.

Глава французской делегации министр иностранных дел Бидо 8 мая представил совещанию предложения о прекращении военных действий в Индокитае. Эти предложения предусматривали: прекращение огня; сосредоточение регулярных войск сторон в определенных зонах перегруппировки; разоружение партизанских отрядов; вывод вьетнамских народных добровольцев из Камбоджи и Лаоса; освобождение обеими сторонами пленных и интернированных.

Французские предложения игнорировали главные вопросы, ставшие причиной индокитайской войны. В них ничего не говорилось относительно отказа Франции от попыток восстановить колониальное господство в Индокитае. Предложения совершенно умалчивали о независимости и суверенитете народов Индокитая. В этих предложениях не было и намека на желание французского правительства урегулировать с Вьетнамом и другими индокитайскими государствами спорные вопросы на взаимоприемлемой основе.

Внесенные Бидо предложения свидетельствовали о желании французского правительства свести урегулирование индокитайского вопроса к прекращению огня на какой-то период. Правящие круги Франции были заинтересованы в этом, поскольку экспедиционный корпус находился накануне полного разгрома и поскольку непосредственное вступление США в индокитайскую войну наталкивалось на большие трудности. При этом французское правительство, уклоняясь от урегулирования политических вопросов, хотело оставить себе свободу рук, с тем чтобы после

некоторой передышки возобновить колониальную экспансию в Индокитае. Предложения Франции не могли, разумеется, послужить базой для урегулирования конфликта, поскольку они совершенно игнорировали права и интересы народов Индокитая. Глава делегации Демократической Республики Вьетнам Фам Ван Донг, характеризуя предложения Бидо, заявил на совещании, что они исходят «из устаревшей империалистической колонизаторской концепции, которая не соответствует нынешнему положению Индокитая и всего мира»¹.

10 мая Фам Ван Донг внес предложение о восстановлении мира в Индокитае, в котором было ясно выражено стремление правительства ДРВ добиться урегулирования индокитайского вопроса на основе равноправия и справедливости. Суть предложений ДРВ сводилась к следующему:

1. Признание Францией суверенитета и независимости Вьетнама, Камбоджи и Лаоса соответственно на всей территории каждой из этих стран.

2. Вывод всех иностранных войск с территории Вьетнама, Камбоджи и Лаоса в сроки, подлежащие согласованию между воюющими сторонами.

3. Проведение во Вьетнаме, Камбодже и Лаосе всеобщих выборов в условиях обеспечения свободы деятельности патриотических партий, групп и общественных организаций и без какого-либо вмешательства извне в целях создания единого правительства в каждой из этих стран.

4. Заявление делегации ДРВ о готовности ее правительства рассмотреть вопрос о вхождении Демократической Республики Вьетнам в соответствии с принципом добровольности во Французский Союз и об условиях такого вхождения. Аналогичные заявления правительств Камбоджи и Лаоса.

5. Признание Демократической Республикой Вьетнам, а также Камбоджей и Лаосом наличия экономических и культурных интересов Франции в этих государствах.

После образования единых правительств во Вьетнаме, Камбодже и Лаосе экономические и культурные отношения этих государств с Францией подлежат урегулированию в соответствии с принципами равноправия и взаимных интересов.

6. Отказ воюющих сторон от преследования лиц, сотрудничавших во время войны с противоположной стороной.

7. Взаимный обмен военнопленными.

8. Прекращение военных действий в Индокитае и заключение с этой целью между Францией и каждым из трех индокитайских государств соответствующих соглашений, предусматривающих полное и одновременное прекращение огня на всей территории Индокитая и полное прекращение переброски в

¹ «Правда», 11 мая 1954 г.

Индокитай извне новых воинских частей и всякого оружия и боеприпасов¹.

В отличие от французских предложений предложения ДРВ учитывали интересы обеих сторон. Они исходили из признания за народами Индокитаа бесспорного и уже завоеванного ими права на независимое суверенное существование. Вместе с тем они учитывали наличие экономических и культурных интересов Франции в Индокитае, предусматривали широкое сотрудничество индокитайских государств с Францией на основе равноправия и взаимной выгоды. Предложения ДРВ принимали во внимание реальную обстановку, сложившуюся в странах Индокитаа, и намечали правильный путь политического урегулирования — проведение всеобщих свободных выборов, которые дали бы возможность самим народам демократическим путем решить вопрос о режимах и правительствах в индокитайских государствах.

Предложения ДРВ с удовлетворением были встречены самыми широкими кругами французской общественности. Но они не устраивали правительство Ланьеля — Бидо, которое руководствовалось не национальными интересами Франции, а классовыми интересами монополий и колониалистской стратегией подавления освободительного движения в Юго-Восточной Азии. Бидо не хотел даже обсуждать предложения ДРВ. Он просто их отвергал, прибегая к явно несостоятельной аргументации. 14 мая Бидо заявил на Женевском совещании, что французские войска на индокитайской территории не могут рассматриваться как «иностранцы» в обычном смысле слова и что французское правительство не намерено восстановление мира в Индокитае ставить в зависимость от каких-либо обязательств по вопросу о выводе войск. Сославшись на соглашения и переговоры французского правительства с марione-точным сайгонским правительством Бао Дая, Бидо заявил, что пункт 1 предложений ДРВ является излишним, так как Франция будто бы уже признала независимость Вьетнама, а пункты 4 и 5 также беспредметны, поскольку вопросы присоединения Вьетнама к Французскому Союзу и признания экономических и культурных интересов Франции уже решены путем заключения соответствующих соглашений или же находятся в стадии разрешения. Он подчеркивал, что урегулирование политических проблем не может выдвигаться в качестве условия прекращения военных действий.

Параллельно с Женевским совещанием в мае французское правительство начало в Париже «переговоры» с уполномоченными Бао Дая о предоставлении «независимости» Вьетнаму. 4 июня было подписано соглашение, провозгласившее — в который уже раз! — «независимость» Вьетнама. Инсценировка переговоров с марионетками, которые не имели в стране никакой поддержки, кроме штыков интервентов, ясно свидетельствовала о нежелании французского правительства стать на путь соглашения с правительством ДРВ — подлинным представителем и выразителем интересов вьетнамского народа.

Французское правительство предпринимало и другие шаги, отнюдь не свидетельствовавшие о его стремлении к мирному урегулированию индокитайского конфликта. Вместо обанкротившегося генерала Наварра командующим экспедиционным корпусом в мае был назначен известный своими связями с американской военщиной генерал Эли, который был наделен также и гражданской властью в оккупированных районах Индокитаа. На пост министра по делам присоединившихся государств 20 мая был назначен Фредерик-Дюпон, проявивший себя в парламенте как ярый сторонник военного пути решения индокитайского вопроса. Его даже включили в состав французской делегации

¹ См. «Правда», 11 мая 1954 г.

на Женевском совещании, что, как заявил в Национальном собрании депутат-коммунист Раймон Гюйо, было провокацией в отношении совещания. На неуместность этого назначения обращали внимание и представители буржуазных партий в Национальном собрании¹. В Женеве Фредерик-Дюпон добивался не прекращения войны, а увеличения американской военной помощи экспедиционному корпусу.

29 мая правительство Франции в целях усиления экспедиционного корпуса в Индокитае объявило досрочный призыв во французскую армию контингентов, подлежащих призыву в октябре — ноябре 1954 г.² Досрочный призыв изображался как мера, необходимая для достижения «почетного мира», а также на случай провала Женевского совещания³. После разгрома войск экспедиционного корпуса под Дьен-Бьен-Фу, т. е. уже в период женевских переговоров, французскому командованию во Вьетнаме, как сообщает Ланьель, были даны такие инструкции, которые «не содержали никакой идеи прекращения борьбы»⁴.

Принимавшиеся правительством Парижа меры и поведение французской делегации в Женеве не оставляли никаких сомнений в том, что правительство Ланьеля — Бидо намеревалось вести переговоры об урегулировании индокитайского вопроса «с позиции силы». Ланьель в своей книге так прямо и пишет: «Нашим лучшим козырем в этих переговорах оставалась военная сила...»⁵

Французские колонизаторы полагались не на собственные силы для проведения такой политики. Париж уповал прежде всего на силу американского империализма. Фредерик-Дюпон откровенно признает, что основным козырем в руках французской делегации в Женеве была угроза непосредственного вмешательства США в индокитайскую войну. Он писал: «Эта угроза являлась серьезным — я бы даже сказал главным, если не единственным, — оружием, которое еще оставалось в руках наших представителей на Женевском совещании»⁶.

В период Женевского совещания правительство Ланьеля вплоть до его отставки вело переговоры с правительством США о непосредственном участии американских вооруженных сил в индокитайской войне. В США продолжалась подготовка к отправке войск в Индокитай. «11 мая г-н Диллон поставил нас в известность, — пишет Ланьель, — что при некоторых условиях, которые нам не казались неприемлемыми, президент Эйзенхауэр готов запросить у конгресса необходимые полномочия»⁷. На сей раз французы и американцы вели переговоры втайне от своего союзника — Англии. «15 мая я был изумлен, — пишет Иден, — обнаружив в утренних швейцарских газетах сообщение

¹ «Débats de l'Assemblée Nationale. Session de 1954», vol. 25. Paris, 1956, p. 1853, 1861.

² «Le Monde», 29. V. 1954.

³ «Le Monde», 28. V. 1954.

⁴ J. Laniel. Le drame indochinois, p. 108.

⁵ Ibid., p. 104.

⁶ Frédéric-Dupont. Mission de la France en Asie, p. 143.

⁷ J. Laniel. Le drame indochinois, p. 110.

о франко-американских переговорах относительно возможности военного вмешательства Соединенных Штатов в Индокитае»¹.

США прибегали к самым разнообразным маневрам, чтобы осложнить работу Женевского совещания. 29 мая 1954 г. правительство Таиланда по американской указке обратилось в Совет Безопасности ООН с просьбой направить на границы индокитайских государств комиссию наблюдателей Организации Объединенных Наций. По замыслам госдепартамента, предложение Таиланда должно было послужить поводом для более активного вмешательства США в индокитайские дела. По настоянию Советского Союза Совет Безопасности отклонил это провокационное предложение.

В период Женевского совещания правительство США усилило свою деятельность по сколачиванию агрессивной группировки в Юго-Восточной Азии. Черчилля и Идена пригласили в Вашингтон, где с 25 по 29 июня обсуждался вопрос о создании СЕАТО. В результате этого совещания возникла американо-английская группа по «изучению возможности обороны» Юго-Восточной Азии.

На маневры империалистов миролюбивые народы ответили усилением борьбы за мирное урегулирование индокитайского конфликта. Нарастало движение во Франции за скорейшее прекращение грязной войны. Женеву посетили сотни французских делегаций, в состав которых входили представители профсоюзов, общественных организаций, учреждений, городов и сел, чтобы передать участникам совещания требование французского народа положить конец кровопролитию в Индокитае. Однако делегации США и Франции на Женевском совещании отказывались принимать посланцев французского народа.

Депутаты Национального собрания Франции — коммунисты и ряд депутатов из буржуазных партий обратились к правительству с запросом относительно позиции французской делегации на Женевском совещании. 1 июня в Национальном собрании открылись прения по этому вопросу, которые продолжались 12 дней. Политика правительства Ланьеля — Бидо, направленная на подготовку к расширению войны под прикрытием переговоров, подверглась резкой критике.

Депутаты Жак Дюкло и Раймон Гюйо от имени коммунистической партии внесли предложение о немедленном, одновременном и повсеместном прекращении военных действий в Индокитае. Коммунисты осудили политику правительства в индокитайском вопросе и деятельность французской делегации на Женевском совещании. Они потребовали отмены решения правительства о досрочном призыве новых контингентов в армию и отправке их в Индокитай². Против индокитайской политики правительства выступили также социалисты и многие депутаты из буржуазных партий.

Для представления объяснений парламенту из Женевы был вызван Бидо. Он уверял, что добивается на Женевском совещании соглашения о восстановлении мира и уже будто бы достиг кое-каких успехов. В то же время он

¹ «The Memoirs of Sir Anthony Eden. Full circle», p. 119.

² «Débats de l'Assemblée Nationale. Session de 1954», vol. 25, p. 2873.

доказывал необходимость усиления экспедиционного корпуса в Индокитае, пытаясь склонить парламент к поддержке проводившейся им «политики силы». Бидо пустил в ход пугало «коммунистической угрозы», к которому французские правители прибегали всякий раз, когда они пытались оправдать отказ от переговоров с правительством ДРВ и продолжение колониальной войны. Он дал понять, что если Соединенные Штаты будут готовы к «интернационализации» индокитайского конфликта, то французское правительство согласится на это ¹.

12 июня в Национальном собрании выступил председатель совета министров Ланьель. Он, так же как и Бидо, старался оправдать «политику силы» в индокитайском вопросе. Пытаясь воздействовать на социалистов и некоторых представителей буржуазных партий в парламенте, Ланьель упрекал их в том, что их взгляды приближаются к точке зрения коммунистов, которые будто бы выступают против национальных интересов Франции. Ланьель убеждал депутатов, что отрицательные для правительства результаты голосования в Национальном собрании будут якобы иметь для Франции тяжелые последствия внутреннего и внешнеполитического характера. Он призывал их проголосовать за доверие правительству во имя «атлантической солидарности» ².

Выступления Ланьеля и Бидо подтвердили опасения сторонников прекращения войны: правительство действительно не отказывалось от попыток решить индокитайский вопрос военными средствами.

Расчет Ланьеля и Бидо на то, что парламент в период работы важного для Франции международного совещания не решится свалить их правительство, не оправдался. 12 июня большинство депутатов проголосовало против доверия правительству, и оно ушло в отставку. Ланьель не скрывает своего недовольства парламентским режимом, демократическими институтами и традициями Франции. «Если бы газеты разглашением некоторых документов не сеяли замешательства в общественном мнении, — рассуждает он, — если бы парламент рассматривал индокитайскую проблему только в секретном комитете и особенно если бы коммунистическая партия была отстранена от этого рассмотрения, то ведение войны и заключение мира (Ланьель имел в виду такой мир, при котором сохранились бы привилегии колонизаторов в Индокитае. — *Авт.*) были бы значительно облегчены» ³. Ланьель пишет в своей книге, что он готов был по совету Бидо распустить парламент, но не мог этого сделать из-за сопротивления фракции радикал-социалистов в правительстве.

Падение правительства Ланьеля — Бидо означало банкротство «политики силы», которую оно в сговоре с правящими кругами США пыталось проводить в период Женевского совещания.

17 июня 1954 г. Национальное собрание предоставило полномочия на формирование правительства Мендес-Франсу. В первом пункте программы нового правительства было сказано, что «до 20 июля оно постарается добиться урегулирования индокитайского конфликта» ⁴.

Начался второй этап Женевского совещания. Новое французское правительство, сделав вывод из обанкротившейся политики своих предшественников, было вынуждено стать на путь поисков мирного решения индокитайского вопроса. Премьер-министр и министр иностранных дел Мендес-Франс, который с 10 июля возглавил французскую делегацию в Женеве, уста-

¹ «Débats de l'Assemblée Nationale. Session de 1954», vol. 25, p. 2849.

² «Débats de l'Assemblée Nationale. Session de 1954», vol. 26, p. 2972—2973.

³ J. Laniel. Le drame indochinois, p. 91—92.

⁴ «Débats de l'Assemblée Nationale. Session de 1954», vol. 26, p. 2994.

новил контакты с главой делегации ДРВ Фам Ван Донгом, чего избегал Бидо и без чего, естественно, нельзя было вести переговоры о восстановлении мира в Индокитае. Он неоднократно встречался с главами делегаций СССР и КНР. Состоялся ряд неофициальных совещаний, в которых участвовали главы делегаций СССР, КНР, ДРВ, Англии и Франции. Уже первые встречи и неофициальные совещания показали, что имеются реальные возможности для урегулирования индокитайского вопроса путем переговоров на приемлемой для обеих сторон основе.

Наметившиеся перспективы достижения соглашения в Женеве вызвали тревогу у правящих кругов США. Они срочно предприняли новые попытки нажима на Англию и Францию. 13 июля в Париж внезапно прибыл Даллес. Туда же приехали из Женевы Мендес-Франс и Иден, с которыми Даллес в течение двух дней вел переговоры относительно Женевского совещания. Американцев не устраивала перспектива восстановления мира в Индокитае, но, как показала отставка правительства Ланьеля — Бидо, они уже не могли помешать этому. Во время парижских переговоров был достигнут своего рода компромисс: правительство США примирилось с неизбежностью заключения соглашения о прекращении военных действий в Индокитае, а правительства Англии и Франции согласились на участие в предложенном Соединенными Штатами агрессивном блоке в Юго-Восточной Азии (СЕАТО) ¹.

20 июля 1954 г. в Женеве представителями воюющих сторон были подписаны соглашения о прекращении военных действий во Вьетнаме, Камбодже и Лаосе. Женевское совещание приняло заключительную декларацию, в которой сказано: «В своих отношениях с Камбоджей, Лаосом и Вьетнамом каждый из участников Женевского совещания обязуется уважать суверенитет, независимость, единство и территориальную целостность упомянутых государств и воздерживаться от всякого вмешательства в их внутренние дела» ².

Совещание признало, что наряду с прекращением военных действий необходимым условием восстановления мира в Индокитае является соответствующее политическое урегулирование во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже. Было согласовано, что политическое урегулирование в этих странах будет осуществлено путем проведения всеобщих свободных выборов. Правительство Франции обязалось вывести свои войска с территории Камбоджи, Лаоса и Вьетнама по просьбе заинтересованных правительств в сроки, определяемые по согласованию между сторонами.

В целях перегруппировки и разграничения сил воюющих сторон соглашением о прекращении военных действий во Вьетнаме была установлена временная военная демаркационная линия, проходящая несколько южнее 17-й параллели. Территория к северу от этой линии была определена как зона сосре-

¹ *M. S. Farley. United States Relations with South-East Asia*, p. 26.

² «Международная жизнь», 1954, № 1, стр. 152.

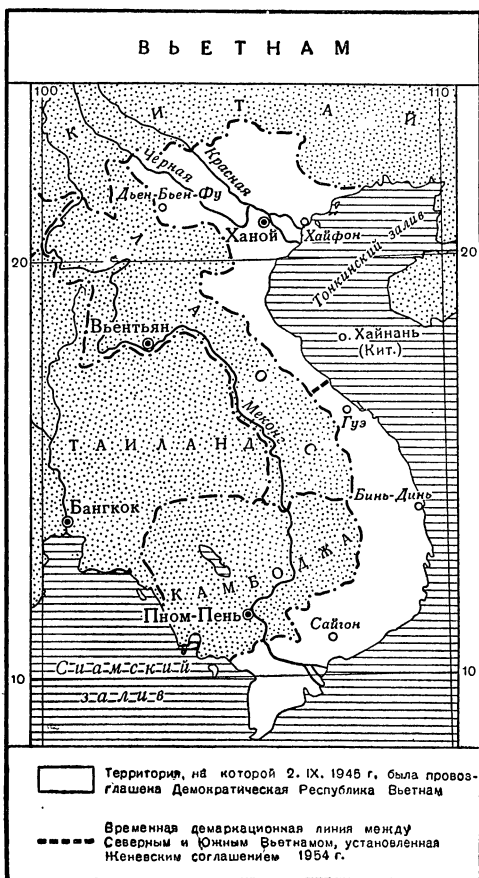
доточения войск вьетнамской Народной армии, а к югу — войск Французского Союза. В соглашении предусмотрено, что обе зоны не будут входить ни в какие военные союзы, что в этих зонах не будет создаваться никаких баз иностранных государств и что туда не будут прибывать иностранные войска, военный персонал, оружие и боеприпасы.

На Женевском совещании было также достигнуто соглашение о том, что Камбоджа и Лаос не будут вступать в военные союзы, противоречащие принципам Устава ООН, что на их территориях, если их безопасность не подвергнется угрозе, не будут создаваться иностранные военные базы и что ввоз военных материалов и использование иностранного персонала будут ограничены потребностями обороны этих стран.

Положения Женевских соглашений, предусматривающие неучастие Вьетнама, Камбоджи и Лаоса в агрессивных блоках, запрещающие и ограничивающие ввоз оружия и доступ иностранного военного персонала в эти страны, были направлены на то, чтобы упрочить мир в Индокитае и оградить его народы от происков агрессивных кругов империалистических государств.

Для наблюдения и контроля за осуществлением соглашений о прекращении военных действий во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже для каждой из этих стран были образованы международные комиссии в составе представителей Индии (председатель), Польши и Канады.

Огромная заслуга в деле восстановления мира в Индокитае принадлежит Советскому Союзу. Делегация СССР в Женеве приложила много усилий в целях мирного урегулирования индокитайского конфликта в соответствии с законными правами

народов Индокитая и с учетом интересов Франции. Советский Союз решительно и последовательно защищал свободу и национальную независимость народов Индокитая. Империалистическим планам продолжения и расширения войны он противопоставил политику мира и мирного сосуществования. Благодаря твердой позиции Советского Союза агрессивным силам не удалось запугать народы Индокитая угрозой совместных военных действий империалистических государств. Именно Советский Союз сорвал попытки колонизаторов вести в Женеве переговоры «с позиции силы».

Советская делегация на Женевском совещании дала решительный отпор попыткам французской делегации свести урегулирование индокитайского вопроса к прекращению военных действий и уклониться от проведения соответствующего политического урегулирования в Индокитае. Она разоблачила подобные маневры как стремление колонизаторских кругов добиться передышки, с тем чтобы в дальнейшем возобновить колониальную войну. Именно благодаря усилиям Советского Союза совещание признало независимость, суверенитет, единство и территориальную целостность индокитайских государств в качестве необходимого условия обеспечения прочного мира в Индокитае.

Делегация СССР отвергла империалистическую концепцию по вопросу о гарантиях Женевских соглашений, которая была выражена в предложениях французской делегации. Эти предложения предусматривали, что в случае нарушения соглашений участники совещания консультируются между собой «с целью принятия соответствующих мер в индивидуальном или коллективном порядке». Совершенно очевидно, что это была попытка под видом так называемых «индивидуальных мер» узаконить односторонние, произвольные действия империалистических держав в отношении индокитайских государств. Попытки эти закончились провалом. По предложению советской делегации в заключительную декларацию Женевского совещания включено предложение, предусматривающее консультации государств — участников совещания для совместного рассмотрения мер, которые могли бы оказаться необходимыми для обеспечения соблюдения соглашений о прекращении военных действий в Индокитае.

Советская делегация уделила большое внимание вопросу о порядке выполнения Женевских соглашений, о контроле за их осуществлением. 14 июня 1954 г. делегация СССР внесла предложение о создании в индокитайских государствах смешанных комиссий по перемирию из представителей воюющих сторон, а также международных комиссий по наблюдению и контролю за осуществлением соглашений о прекращении военных действий в Индокитае. В советских предложениях был подробно разработан вопрос о функциях и полномочиях смешанных и международных комиссий, вопрос о порядке работы международных

комиссий и их взаимоотношениях со смешанными комиссиями и местными властями. Эти предложения в основном были приняты совещанием и включены в соглашения о прекращении военных действий.

Вместе с Советским Союзом в борьбе за прекращение индокитайской войны, за признание и уважение прав и интересов народов Индокитая активное участие принимала Китайская Народная Республика. Женевское совещание по Индокитаю явилось одним из наглядных примеров, показывающих исключительную важность для дела мира единодушных действий социалистических стран при решении международных вопросов.

Большой вклад в мирное решение индокитайского вопроса внесло правительство Индии, несмотря на то что оно не было участником Женевского совещания. Во время работы Женевского совещания правительства Индии и КНР пришли к соглашению относительно известных пяти принципов мирного сосуществования, что способствовало улучшению международной обстановки, прежде всего в Азии, и оказало благотворное влияние на ход переговоров о прекращении военных действий в Индокитае.

Достигнутые в Женеве соглашения о восстановлении мира в Индокитае были одобрены участвовавшими в совещании великими державами — Советским Союзом, Китайской Народной Республикой, Англией и Францией, а также индокитайскими государствами — Демократической Республикой Вьетнам, Камбоджей и Лаосом. И только США заняли особую позицию в отношении этих соглашений. 21 июля 1954 г. на заключительном заседании, на котором были утверждены документы Женевского совещания, американский представитель огласил заявление правительства США, в котором говорилось, что оно лишь принимает к сведению достигнутые в Женеве соглашения. Однако, учитывая большой международный вес Женевских соглашений, правительство США вынуждено было все же сказать в этом заявлении, что «оно будет воздерживаться от угрозы силой или ее применения с целью их нарушения». В тот же день сделал заявление и президент Эйзенхауэр об отношении его правительства к Женевским соглашениям, в котором, между прочим, говорилось, что «сами Соединенные Штаты не были участниками принятых конференцией решений и не связаны ими»¹.

Решения Женевского совещания, исключаящие участие индокитайских государств в агрессивных блоках и создание иностранных военных баз на их территориях, не устраивали американских империалистов. Сторонники агрессивного курса в США, которые рядились в тогу борцов за независимость индокитайских государств и под этой маской вмешивались в колониальную войну в Индокитае, неодобрительно относились к признанию независимости Вьетнама, Камбоджи и Лаоса. Отношение правящих кругов США к Женевским

¹ «The Department of State Bulletin», 2. VIII. 1954, p. 163.

соглашениям со всей наглядностью показало, что широко рекламируемые ими «заботы» о «свободе и независимости» народов являются всего лишь ширмой для маскировки экспансионистских планов американского империализма.

Не устраивали женевские соглашения и французских колонизаторов. Их беспокоила не только утрата колониальных привилегий в Индокитае, но и то огромное влияние, которое оказывала победа народов Индокитаа на освободительное движение в африканских колониях. Соглашение в Женеве, писал Ланбель, «имело ужасный отзвук... оно воспринималось как символ упадка «белого человека» и нашей цивилизации. Менее чем через шесть месяцев вспыхнул алжирский мятеж»¹. Совершенно очевидно, что под «белым человеком» Ланбель понимает колонизаторов, а под цивилизацией — колониализм.

Соглашения по Индокитаю не нравились агрессивным кругам империалистических государств еще и потому, что они способствовали улучшению международной обстановки. «Женевское пари»², — с горечью констатировал тот же Ланбель, — стало отправным пунктом политики, полной надежд для тех, кто верил в ослабление напряженности между Востоком и Западом»³. Сам Ланбель, как и подобает адвокату колониализма, не верил в разрядку международной напряженности и не хотел ее.

Соглашения о восстановлении мира в Индокитае с удовлетворением встретили все миролюбивые народы. Особенно большое воодушевление они вызвали в странах Юго-Восточной Азии. Правительства Индии, Цейлона, Пакистана, Бирмы и Индонезии 4 августа выступили с совместным коммюнике, в котором они заявили о твердой поддержке Женевских соглашений.

Женевские соглашения явились международным признанием победы народов Индокитаа над отжившим свой век колониализмом. Они укрепили позиции всех народов, ведущих борьбу за свободу, за сохранение и упрочение национальной независимости.

Политика мира и мирного сосуществования одержала в Женеве победу над политикой агрессии. Был ликвидирован очаг войны, грозивший перерасти в широкий международный конфликт. Женевские соглашения о прекращении войны в Индокитае явились важнейшим после заключения перемирия в Корее вкладом в дело уменьшения международной напряженности и упрочения всеобщего мира.

Сторонники продолжения и расширения войны с их планами «интернационализации» индокитайского конфликта оказались на Женевском совещании в изоляции и потерпели жестокое поражение. Как заметил известный индийский публицист Каранджия, «с падением Дьен-Бьен-Фу и достигнутым в Женеве урегулированием индокитайской проблемы — оба эти события произошли одновременно летом 1954 года — рухнул и рассыпался в прах еще один план балансирования «на грани войны», ради успеха которого Даллес и его услужливый президент го-

¹ J. Laniel. Le drame indochinois, p. 132.

² «Женевским пари» во французской буржуазной печати называли Женевские соглашения, имея в виду заявление Мендес-Франса о том, что если до 20 июля он не добьется соглашения о прекращении огня в Индокитае, то уйдет в отставку.

³ J. Laniel. Le drame indochinois, p. 129.

товы были рискнуть всей мощью и престижем Соединенных Штатов Америки»¹.

Советское правительство в специальном заявлении об итогах совещания в Женеве дало высокую оценку принятым на нем соглашениям. «Женевские соглашения знаменуют собой важную победу сил мира и серьезное поражение сил войны. Вместе с тем Женевские соглашения означают международное признание национально-освободительной борьбы и великого героизма народов Индокитая, проявленного в этой борьбе»².

Женевские соглашения явились также одним из ярких примеров, подтверждающих, что при наличии доброй воли заинтересованных сторон можно урегулировать путем переговоров любые спорные международные вопросы и даже острые конфликты. Совещание в Женеве наглядно продемонстрировало, что ослабление международной напряженности и упрочение мира может быть достигнуто не с помощью политики «с позиции силы», а только с помощью политики разума и справедливости, политики мирного сосуществования.

В ходе и в результате Женевского совещания ярко проявились новые черты международных отношений, характеризующиеся изменением соотношения сил в пользу социализма. Лагерь империализма был вынужден отступить перед освободительной борьбой народов. Созыв и итоги Женевского совещания 1954 г. показали всему миру, что Советский Союз и весь социалистический лагерь играет важнейшую роль в создании международных условий, обеспечивающих успешную борьбу народов за национальную независимость и социализм.

3. Выполнение Женевских соглашений — необходимое условие мира в Индокитае и Юго-Восточной Азии

Последовавшие за совещанием в Женеве события со всей определенностью показали, что империалистические круги США взяли курс на срыв соглашений об урегулировании индокитайского вопроса. Вскоре после заключения Женевских соглашений по инициативе и под руководством США был создан агрессивный блок СЕАТО, который стал основным орудием империалистической политики в Юго-Восточной Азии³. В протоколе к договору СЕАТО Южный Вьетнам, Камбоджа и Лаос, вопреки воле их народов и в нарушение Женевских соглашений, включены в сферу «обороны» этого блока.

Еще в период работы Женевского совещания по требованию американцев премьер-министром сайгонского марионеточного

¹ Р. Каранджия. СЕАТО. Безопасность или угроза? М., 1957, стр. 26—27.

² «Правда», 23 июля 1954 г.

³ См. гл. XVI.

правительства был назначен Нго Динь Дьем, занимавший в прошлом высокие посты в колониальной администрации в Индокитае.

Правительство Дьема, будучи инструментом американской политики, заняло резко отрицательную позицию в отношении Женевских соглашений. Свою позицию южновьетнамский правитель оправдывал тем, что он не подписывал Женевских соглашений и не считает себя связанным ими. Он действительно не подписывал Женевских соглашений. Соглашение о прекращении военных действий во Вьетнаме подписали воевавшие стороны. Колониальную войну вела Франция, которой оказывал вооруженное сопротивление вьетнамский народ под руководством правительства ДРВ.

Французское же правительство, которое подписало Женевские соглашения, стало уклоняться от ответственности за их выполнение под тем предлогом, что оно передало правительству Дьема управление Южным Вьетнамом. Между прочим, на Женевском совещании учитывалась возможность спекуляции на «суверенитете» южновьетнамских властей, и поэтому в соглашение было включено специальное положение, направленное против подобных трюков¹. Следовательно, сайгонские власти могли получить от французских властей управление Южным Вьетнамом только вместе с обязательствами по Женевским соглашениям.

Правительство Дьема стало на путь саботажа важнейшего положения Женевских соглашений, предусматривающего восстановление национального единства Вьетнама. В заключительной декларации Женевского совещания со всей категоричностью подчеркнуто, что военная демаркационная линия, будучи временной, «не может быть истолкована как являющаяся в какой-либо мере политической или территориальной границей». В декларации предусматривалось проведение в июле 1956 г. общевьетнамских свободных выборов в целях объединения страны. Было установлено, что с 20 июля 1955 г. должны начаться консультации между представителями властей Северного и Южного Вьетнама по вопросу о подготовке и проведении всеобщих выборов.

Южновьетнамские власти уклонились от переговоров с правительством ДРВ относительно подготовки общевьетнамских выборов, отказались от их проведения. Но, как указывал Н. С. Хрущев, «дело тут не в руководителях Южного Вьетнама, а в их советчиках. Известно, что главными советчиками в Южном Вьетнаме являются представители определенных кругов

¹ В ст. 27 соглашения о прекращении военных действий во Вьетнаме говорится: «Подписавшие настоящий документ и их преемники по выполнению их функций будут обязаны обеспечивать соблюдение введения в силу статей и постановлений настоящего соглашения».

США»¹. Правящие круги США отдавали себе отчет в том, что проведение действительно свободных выборов во Вьетнаме неминуемо привело бы к провалу Дьема, а следовательно, и всей их политики в отношении Южного Вьетнама. Цель американского империализма состоит в том, чтобы превратить Южный Вьетнам в свой военный плацдарм, в рынок сбыта товаров и сферу приложения капиталов для американских монополий. Для того чтобы удержать Южный Вьетнам в своих руках, США стали всячески противодействовать проведению общевьетнамских выборов, стремясь увековечить раскол Вьетнама.

Стоящее на страже интересов вьетнамского народа правительство Демократической Республики Вьетнам, последовательно и добросовестно выполняя Женевские соглашения, еще в июне 1955 г. заявило о своей готовности начать консультативные совещания с представителями южновьетнамских властей по вопросу о выборах. 19 июля президент ДРВ Хо Ши Мин направил южновьетнамским властям письмо, в котором он предложил начать совещание, чтобы обсудить вопрос об объединении страны путем проведения свободных выборов на всей территории Вьетнама. Южновьетнамские власти не только отклонили эти предложения, но и совершили 20 июля 1955 г., т. е. в день годовщины подписания Женевских соглашений и намеченного начала консультаций относительно подготовки выборов, налет на помещение Международной комиссии в Сайгоне, уничтожили ее имущество и документы. Международная комиссия по наблюдению и контролю за выполнением Женевских соглашений неоднократно констатировала, что именно отрицательное отношение к ним южновьетнамских властей воспрепятствовало осуществлению политического урегулирования во Вьетнаме.

Вьетнамский народ как на севере, так и на юге повел борьбу за полное осуществление Женевских соглашений, за воссоединение своей родины. В Международную комиссию поступили тысячи петиций от жителей Южного Вьетнама с протестами против саботирования южновьетнамскими властями соглашений, с требованиями проведения общевьетнамских выборов. В поддержку этих требований во многих городах Южного Вьетнама были проведены забастовки рабочих и служащих. 10 июля 1955 г. около 70% жителей Сайгона прекратили всякую промышленную, торговую и иную деятельность, выражая таким образом поддержку требований о проведении общевьетнамских выборов.

Учитывая настроения народа, южновьетнамские власти не решались открыто заявить, что они против общевьетнамских выборов и объединения страны. Они вынуждены были маскировать свои действительные планы всевозможными маневрами и

¹ Н. С. Хрущев. К победе в мирном соревновании с капитализмом. М., 1959, стр. 183.

клеветническими измышлениями по адресу Демократической Республики Вьетнам.

«Существо дела состоит в том, — справедливо отмечал индийский еженедельник «Блитц», — что всеобщие выборы решили бы судьбу американского империализма еще в одной стране и означали бы полный крах приспешника и марионетки США Дьема, ибо народ как Северного, так и Южного Вьетнама избрал бы подавляющим большинством кандидатов, выступающих против колониализма, за подлинную демократию. Всеобщие выборы порвали бы цепь СЕАТО, которая протянулась от Пакистана до Филиппин и окружает такие коммунистические страны, как Россия и Китай, и такие нейтральные страны, как Индия»¹.

Женевские соглашения положили конец военным действиям и в Лаосе на основе признания суверенитета, независимости, единства и территориальной целостности страны.

В соответствии со ст. 14 соглашения о прекращении огня в Лаосе вооруженные силы Патет-Лао (силы сопротивления интервентам) в ожидании политического урегулирования были сосредоточены в двух провинциях — Фонг-Сали и Сам-Нёа. В Женеве было согласовано, что политическое урегулирование должно быть осуществлено путем проведения в 1955 г. всеобщих выборов в условиях соблюдения основных свобод и при тайном голосовании, которые дали бы возможность включить в национальное сообщество Лаоса силы Патет-Лао и всех участников движения Сопротивления.

Политическое урегулирование должно было обеспечить восстановление национального единства Лаоса как независимого миролюбивого государства. Но такое урегулирование не отвечало замыслам агрессивных кругов США, которые хотели воспользоваться крушением колониального господства Франции в Индокитае для того, чтобы поставить под свой контроль индокитайские государства или хотя бы часть их территорий. В стратегических расчетах американской военщины немалое значение придавалось Лаосу, поскольку он граничит с Китайской Народной Республикой и Демократической Республикой Вьетнам. Именно стремление сорвать выполнение Женевских соглашений о Лаосе привело в феврале 1955 г. Даллеса во Вьентьян. Даллес советовал тогдашнему правительству Лаоса во главе с Катаем «начать более энергичные действия против Патет-Лао».

Поддавшееся американскому нажиму правительство Китая стало на путь саботажа основных положений Женевских соглашений. Нарушая свои обязательства о проведении политического урегулирования, оно взяло курс на насильственный захват провинций Фонг-Сали и Сам-Нёа. «Энергичные действия» выразились прежде всего в просачивании правительственных войск в эти провинции с целью вытеснения оттуда вооруженных сил

¹ «Blitz» (Bombay), 8. IX. 1956.

Патет-Лао. Подобные провокационные меры служили причиной частых столкновений правительственных войск с вооруженными силами Патет-Лао, которые вынуждены были давать отпор.

Руководство Патет-Лао во главе с принцем Суфанувонгом настойчиво добивалось внутреннего урегулирования в Лаосе на основе Женевских соглашений. Оно выступило инициатором проведения соответствующих переговоров с правительством.

9 марта 1955 г. представители Патет-Лао и правительства опубликовали совместное коммюнике, в котором признавалась необходимость прекращения столкновений между вооруженными силами сторон. 11 октября того же года принц Суфанувонг и Китай подписали в Рангуне соглашение, вновь взяв обоюдное обязательство не допускать вооруженных столкновений. Однако на практике правительство Китая вероломно нарушало эти соглашения и при все возрастающей поддержке заокеанских покровителей продолжало политику военных провокаций в отношении Патет-Лао.

Вопреки принятому на себя обязательству королевское правительство 25 декабря 1955 г. провело сепаратные выборы, к участию в которых не были допущены силы Патет-Лао и бывшие участники движения Сопrotивления. При этом выборы были проведены на основе антидемократического избирательного закона 1951 г., выработанного еще под властью колонизаторов. По этому закону избирательных прав лишались все женщины, устанавливалось много различных ограничений для выдвижения кандидатов в депутаты.

Проведение односторонних выборов означало отказ правительства Сасорита Китая от внутреннего урегулирования на основе Женевских соглашений. Такая политика была направлена на развязывание гражданской войны, на превращение Лаоса в один из очагов беспокойства и напряженности в Юго-Восточной Азии. Провоцирование гражданской войны в Лаосе отвечало интересам агрессивных кругов США, которым нужен был повод для еще более активного вмешательства в дела Лаоса и других индокитайских государств.

В отличие от поставивших себя под иностранный контроль Нго Динь Дьема в Южном Вьетнаме и С. Китая в Лаосе, правительство Камбоджи сразу же после Женевского совещания стало на путь последовательного выполнения достигнутых на нем соглашений.

11 сентября 1955 г. в Камбодже были проведены всеобщие выборы с целью включения в национальное сообщество демобилизованных сил Сопrotивления Кхмера. Международная комиссия по наблюдению и контролю констатировала, что выборы были проведены в соответствии с Женевскими соглашениями.

Женевские соглашения подтвердили независимость Камбоджи и дали возможность камбоджийскому правительству проводить самостоятельную политику. Исходя из интересов камбоджийского народа, правительство в своей внешней политике заняло нейтралистскую позицию.

Агрессивные круги США предпринимали серьезные попытки к тому, чтобы нарушить Женевские соглашения о Камбодже, столкнуть ее с нейтралистского пути. В этих целях они стали настойчиво предлагать Камбодже экономическую и в особенности военную помощь. Женевские соглашения допускали возможность получения Камбоджей иностранных военных материалов в пределах, необходимых для самообороны страны. Правительство Камбоджи, которое в тот период приступило к созданию национальной армии, согласилось принять от США оружие и другие военные мате-

риалы, но категорически отказалось допустить в свою армию американских советников и инструкторов. Оно потребовало ограничения численного состава американской военной миссии, ведающей вопросами помощи. 16 мая 1955 г. было подписано соглашение между США и Камбоджей о военной помощи.

Правительство Камбоджи опубликовало специальное коммюнике, в котором подчеркивалось, что соглашение с США ни в коей мере не является военным пактом, а лишь фиксирует договоренность сторон о поставке военных материалов Соединенными Штатами. «Речь не идет, — говорилось в коммюнике, — о предоставлении военных баз или о каком-либо военном союзе или о посылке в Камбоджу американских военных инструкторов». В этом коммюнике, а также в письме на имя Международной комиссии по наблюдению и контролю за выполнением соглашения о прекращении военных действий правительство Камбоджи заявило, что оно будет добросовестно выполнять Женевские соглашения, и подтвердило свою приверженность политике нейтралитета.

Попытки США заставить Камбоджу отказаться от нейтралитета и вовлечь ее в свою агрессивную политику успеха не имели. Однако США не прекратили происков против миролюбивой политики Камбоджи. Проводимая Соединенными Штатами политика срыва Женевских соглашений, их вмешательство во внутренние дела Южного Вьетнама и Лаоса и происки против Камбоджи стали причиной напряженности обстановки в Индокитае и в Юго-Восточной Азии.

* *
*

Благодаря усилиям Советского Союза, других социалистических и всех миролюбивых государств был потушен пожар войны в Индокитае. Были сорваны попытки США превратить индокитайскую войну во всемирный конфликт.

После заключения перемирия в Корее прекращение военных действий в Индокитае явилось новым важным вкладом миролюбивых сил в дело ослабления международной напряженности.

Освободившиеся от французского колониального гнета народы Индокитая развернули борьбу против экспансии американского империализма, за осуществление гарантирующих их независимость Женевских соглашений. В этой справедливой борьбе народы Индокитая опираются на поддержку Советского Союза, всего социалистического содружества, на поддержку всех миролюбивых стран и народов.

КУРС ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ДЕРЖАВ НА УСИЛЕНИЕ НАПРЯЖЕННОСТИ В ЕВРОПЕ. МИРОЛЮБИВАЯ ПОЛИТИКА СССР И ДРУГИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ

Борьба между силами империализма, реакции и войны, с одной стороны, и силами социализма, прогресса и мира — с другой, резко обострившаяся в начале 50-х годов, оказала решающее влияние на развитие международных отношений в Европе. Политическая обстановка и в этом районе земного шара, всегда игравшем весьма значительную роль в мировой политике, характеризовалась столкновением двух противоположных курсов: империалистической политики «холодной войны» и советской политики мирного сосуществования и международного сотрудничества, поддерживаемой другими социалистическими странами и всеми миролюбивыми силами.

Пытаясь воспрепятствовать неодолимым процессам современности: росту сил мирового социализма, подъему рабочего и национально-освободительного движения, империалистические державы во главе с США наряду с актами прямой агрессии в Азии осуществляли в эти годы серию политических, экономических и военных мероприятий в Западной Европе, направленных на усиление международной напряженности и подготовку войны. Западная Европа занимала в эти годы весьма важное место в военно-политической стратегии американского империализма. Правящие круги США рассматривали европейские капиталистические страны как наиболее надежный плацдарм наращивания агрессивных сил против Советского Союза и других социалистических государств.

Исключительно большую роль в политике империализма в рассматриваемый период стали играть мероприятия по «интеграции» западноевропейских стран. Эти мероприятия, связанные с развитием государственно-монополистического капитализма и обострением проблемы рынка, а также с объективными процессами в капиталистической экономике, были в то же время при-

званы укрепить общие позиции капитализма, мобилизовать все ресурсы капиталистической Европы, и прежде всего ФРГ, для проведения политики силы в отношении социалистических стран, революционного и национально-освободительного движения.

Этим же целям была подчинена политика западных держав в германском вопросе. В 1950—1955 гг. империалистические правительства США и других западных стран разрабатывают и форсированно осуществляют курс на возрождение милитаризма в Западной Германии, рассматривая её как наиболее надежного союзника в борьбе против мирового социализма, как основную ударную силу Атлантического союза в Европе. Однако в условиях острых противоречий между западными странами и в обстановке глубокой ненависти народов к германским милитаристам перевооружение ФРГ и ее включение в агрессивные блоки потребовали сложных дипломатических маневров. Поиски такой формы ремилитаризации Западной Германии, которая была бы приемлема для основных участников НАТО и в какой-то мере усыпила бдительность народов, заняли несколько лет и завершились к концу рассматриваемого периода заключением парижских соглашений.

Политика империалистической «интеграции» Западной Европы и особенно осуществление курса на ремилитаризацию ФРГ и ее включение в агрессивные блоки были чреваты опаснейшими последствиями для европейского и всеобщего мира, закрепляли раскол Германии, вели к резкому обострению международной обстановки.

В этих условиях Советский Союз, поддержанный другими миролюбивыми силами, решительно выступил против опасной политики империалистических держав, выдвинул программу мероприятий, направленных на ликвидацию остатков второй мировой войны, создание общеевропейской системы коллективной безопасности, общую разрядку международной напряженности. Советское правительство настойчиво добивалось укрепления миролюбивых и демократических сил в Германии, решения германского вопроса на мирной и демократической основе с учетом как национальных интересов германского народа, так и интересов безопасности всех других народов Европы.

Особенно активной, инициативной и действенной внешняя политика Советского Союза становится после 1953 г. Гибкость и терпеливость в неустанных поисках путей к решению спорных вопросов, выдвижение ряда конструктивных предложений сочетаются с энергичной борьбой против империалистических агрессивных замыслов. Благодаря миролюбивой инициативе Советского правительства стало возможным урегулирование австрийского вопроса на основе постоянного нейтралитета Австрии. Заключение Государственного договора с Австрией было

примером успешного решения сложной международной проблемы на основе принципов мирного сосуществования и способствовало ослаблению напряженности в Европе.

Продолжавшаяся на Западе гонка вооружений и ратификация парижских соглашений выдвинули перед правительствами социалистических стран неотложную задачу — оградить мирный труд народов от всякого рода случайностей и военных авантур империалистических сил. В таких условиях создается Организация Варшавского договора. Она возникла на основе общности интересов социалистических стран, их глубокой приверженности ленинским принципам пролетарского, социалистического интернационализма. Варшавский договор стал надежным щитом миролюбивых народов и преградой на пути империалистической политики войны.

Мирная инициатива Советского правительства, его практические шаги в целях разрядки напряженности способствовали дальнейшим изменениям в соотношении сил на мировой арене. Поддерживая миролюбивые действия Советского Союза, общественность капиталистических стран, народы новых независимых государств затрудняли попытки руководителей западных держав саботировать переговоры с СССР по назревшим международным вопросам. Женевское совещание глав правительств четырех великих держав — Советского Союза, США, Англии, Франции в июле 1955 г., способствовавшее известной разрядке международной напряженности, доказало реальную возможность делового обсуждения спорных международных вопросов и эффективность метода переговоров в отношениях между государствами с различным общественным строем, подтвердило огромное значение миролюбивой внешней политики СССР, основанной на ленинских принципах мирного сосуществования.

Г Л А В А XXIII

ВОЗРОЖДЕНИЕ МИЛИТАРИЗМА В ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ

В результате разгрома германского фашизма впервые возникли реальные предпосылки для полного выкорчевывания в Германии милитаризма и развития ее как миролюбивого и демократического государства. Были созданы основы обеспечения мира и безопасности в Европе на многие годы. И если столь благоприятные возможности не были в полной мере использованы, если западногерманский милитаризм вновь стал серьезной угрозой всеобщему миру и безопасности, а в центре Европы возник опасный очаг агрессии и реванша, то ответственность за это целиком и полностью лежит на западных державах. Как свидетельствуют факты, агрессивные круги США после войны

взяли курс на возрождение в Западной Германии империализма и милитаризма и использование ее в качестве ударной силы против Советского Союза и других социалистических государств¹.

1. Политические и военно-стратегические предпосылки ремилитаризации Западной Германии

Курс на возрождение милитаризма в Западной Германии и ее перевооружение вытекал из общих политических и стратегических установок правящих кругов империалистических держав после войны.

Возрождение милитаризма в Западной Германии как союзника в борьбе против сил мира, демократии и социализма в Европе, стремление сохранить в своих руках контроль над ФРГ, предотвращение конкуренции западногерманских монополий на мировых рынках — таковы были главные цели политики западных держав в германском вопросе в 1949—1955 гг.

Создав в 1949 г. сепаратное западногерманское государство, правительства США, Англии и Франции, как вынужден был признать буржуазный западногерманский историк Р. Тилениус, окончательно вступили на «путь, который не имел больше ничего общего ни с прежней германской политикой четырех держав, ни с ее исполнительным органом — Контрольным советом, ни с ее кодексом — Потсдамскими соглашениями»².

Восстанавливая экономику Западной Германии с помощью «плана Маршалла», добиваясь ее включения в «объединенную Европу», империалистические державы вели дело к ремилитаризации ФРГ, к военному союзу с западногерманским милитаризмом. В роли инициаторов и главных поборников такой политики выступили правящие круги США. Добиваясь возрождения западногерманского милитаризма как фактора империалистической политики в Европе, они стремились создать такие условия, которые, по их мнению, позволили бы эффективно осуществлять политику «с позиции силы» в отношении Советского Союза. Восстановление милитаризма и империализма в Западной Германии стало основной целью политики США в Западной Европе³.

Значение «германского фактора» в политике и стратегии империалистических кругов все более возрастало по мере изменения соотношения сил на мировой арене в пользу социализма, в ущерб империализму. Не случайно вопрос о перевооружении ФРГ был поставлен правительствами США, Англии и Франции

¹ См. гл. XVIII 1-го тома настоящего издания.

² R. Thilenius. Die Teilung Deutschlands. Eine zeitgeschichtliche Analyse. Hamburg, 1957, S. 147.

³ См. Н. Иноземцев. Американский империализм и германский вопрос. М., 1954.

в 1949—1950 гг., когда расширение и укрепление лагеря социализма, ликвидация атомной монополии США привели к новому ослаблению позиций империализма. В этих условиях, отмечал известный западногерманский историк и публицист П. Зете, западные державы «искали союзников, и их взгляд упал на немцев, которые не раз доказывали, что они являются хорошими солдатами и решительными противниками большевизма»¹.

- Исключительно важная роль, отводившаяся Западной Германии в планах империалистических держав, и прежде всего США, определялась ее стратегическим положением, военно-промышленным потенциалом и людскими ресурсами, наличием реваншистски настроенных группировок в правящих кругах. А сохранение оккупационного режима облегчало западным державам осуществление этих планов.

Характеризуя стратегическое положение ФРГ, тогдашний главнокомандующий вооруженными силами НАТО в Европе генерал Эйзенхауэр отмечал в своем отчете за 1951 г.: «Как географический центр Европы, Западная Германия имеет большое стратегическое значение для всего континента. С Западной Германией на нашей стороне вооруженные силы НАТО создадут в Центральной Европе прочный и сплошной фронт от Балтийского моря до Альп».

С точки зрения правящих кругов США, Западная Германия с ее людским и материальным потенциалом была способна внести более весомый вклад в осуществление их агрессивных планов, чем любая другая западноевропейская страна. Ежеквартальные отчеты американского верховного комиссара в Германии составлялись именно под углом зрения возможности использования промышленного потенциала ФРГ в военных целях. Так, например, в отчете за период с 1 октября по 31 декабря 1950 г. отмечалось: «Наибольшая часть довоенных производственных мощностей тяжелой промышленности, имеющая прямое отношение к вопросу о вкладе в дело обороны, находится на территории Федеральной республики. Эта индустриальная мощь, некогда мобилизованная против Европы, может сегодня явиться огромным вкладом в дело обороны как самой Германии, так и атлантических держав»².

Стремясь подчинить экономический потенциал ФРГ осуществлению своих военных планов, западные державы одновременно рассчитывали ослабить конкуренцию западногерманских монополий на мировых рынках, втянув ее экономику в гонку вооружений. Бывший английский верховный комиссар в Германии Киркпатрик писал в своих мемуарах: «Мы не можем позволить Германии уклоняться от военных расходов. Иначе

¹ P. Sethe. Deutsche Geschichte im letzten Jahrhundert. Frankfurt am Main, 1960, S. 425.

² «Белая книга о возрождении германского империализма». Перев. с нем., М., 1951, стр. 60.

мы по собственной вине поставим Германию в положение, при котором она сможет успешно конкурировать с нами в заморской торговле»¹.

Большую роль в расчетах западных стратегов играло стремление использовать людские ресурсы ФРГ. «Германский людской потенциал, — писала газета «Нью-Йорк таймс» 15 мая 1951 г., — является неотъемлемой составной частью стратегического планирования». Немцам западной части страны отводилась роль пушечного мяса. Это ясно вытекало из заявления председателя комиссии по военным делам сената США Э. Томаса в ноябре 1949 г. «Германия, — сказал он, — была великой военной державой. Немцы по природе своей — солдаты. Если придется воевать, нам будут нужны бойцы... Было бы очень неплохо, если бы Англия, Франция и Соединенные Штаты договорились между собой и с боннским правительством о том, чтобы принять эту идею и вооружить Германию».

Наконец, руководящие круги США, Англии и Франции стремились использовать в своих военных планах против СССР и других социалистических государств агрессивные, реваншистские устремления монополистических и милитаристских сил, пришедших к власти в Западной Германии. Уже первые официальные заявления правительства ФРГ свидетельствовали о том, что основой его внешнеполитического курса стал реваншизм. Стремление к поглощению ГДР, к пересмотру установленных в Потсдаме германских границ, воинствующий антикоммунизм и неприкрытая враждебность к Советскому Союзу, заинтересованность в обострении международной обстановки и «холодной войны» — таковы важнейшие элементы той внешнеполитической программы, которую правящие круги ФРГ стали осуществлять сразу же после создания боннского государства.

Острые реваншистской программы Бонна было направлено прежде всего против Германской Демократической Республики. Разжигание вражды и ненависти, проведение актов саботажа и диверсий, подготовка братоубийственной войны стали основными элементами этой политики, наиболее ярко проявившейся в попытках организации 17 июня 1953 г. контрреволюционного путча против народной власти ГДР.

Исторический опыт свидетельствует о том, что германский империализм всегда отводил армии решающую роль в осуществлении внешнеполитических целей. Не случайно, что гитлеровская дипломатия после первой мировой войны, как и боннская дипломатия после второй мировой войны считала достижение своих основных задач неотделимым от обладания мощными вооруженными силами, которые в любой момент можно было бы использовать как орудие агрессии и реванша.

¹ I. Kirkpatrick. The Inner Circle. London, 1959, p. 242.

Как бы олицетворяя эту преемственность, бывший гитлеровский дипломат Франц фон Папен в книге «Европа, а что же дальше?» проводил мысль о том, что исходным пунктом для достижения внешнеполитических целей правительства ФРГ должно служить перевооружение Западной Германии. «...Без предоставления ФРГ свободы вооружаться, — писал он, — провозглашение суверенитета было бы неприемлемым для Западной Германии»¹.

Наиболее полно и откровенно взгляды милитаристских кругов на проблему перевооружения Западной Германии были изложены в вышедшей в 1951 г. книге бывшего начальника генерального штаба вермахта Г. Гудериана «Так дело не пойдет!». Достижение «равноправия» с западными державами во всех областях он предлагал положить в основу всей внешнеполитической деятельности Бонна. «Равноправие в политическом, экономическом и моральном отношениях, — писал Гудериан, — для нас так же важно, как и военное равноправие. А военное равноправие не должно простирается только до командования бригады, оно должно быть проведено во всех отношениях»². Обращаясь к западным политикам, и прежде всего к правящим кругам США, Гудериан призывал их относиться к будущим западногерманским солдатам, как к «товарищам по оружию», а не как к «иностранным легионерам», т. е. простым наемникам оккупационных властей. Иначе «дело дальше не пойдет», — предупреждал он.

Итак, спустя 5—6 лет после поражения в войне, генералы, подписавшие капитуляцию, снова заговорили о «равноправии». Уместно напомнить, что с момента поражения Германии в первой мировой войне до выдвижения требования о «равноправии в вооружениях» (начало 30-х годов) прошло 12—14 лет.

Практические шаги и действия западногерманского правительства в 1950—1955 гг. показали, что оно полностью приняло и последовательно проводило программу, разработанную монополистическими и милитаристскими кругами. Удовлетворение требований Бонна о «равноправии» означало: в экономической области — отмену ограничений в производстве важнейших видов продукции тяжелой промышленности; в политической — ликвидацию оккупационного режима и достижение суверенитета, в военной — предоставление западногерманским воинским частям одинакового с другими статуса в отношении структуры, вооружения и прав в сфере командования.

Таким образом, на первый план в деятельности западногерманской дипломатии в рассматриваемый период выдвигалась задача восстановления экономических и политических позиций германского империализма, воссоздания его военной машины.

Для достижения своих целей правящие круги ФРГ пускали в ход самые различные дипломатические средства. Важнейшими из них были: использование противоречий между лагерем империализма и лагерем социализма и запугивание Запада «коммунистической угрозой»; игра на противоречиях между участниками империалистического лагеря, в особенности между США и Францией; тактика постепенного отвоевывания у западных держав; готовность со своей стороны идти на «ответные»

¹ F. von Papen. Europa was nun? Betrachtungen zur Politik der Westmächte. Göttingen, 1954, S. 83.

² H. Guderian. So geht es nicht! Heidelberg, 1951, S. 70.

уступки и компромиссы (например, согласие на временное отделение Саарской области с целью добиться согласия Франции на перевооружение); использование в широких масштабах идеи «европейской интеграции»; активное вовлечение во внешнеполитическую игру оппозиционной социал-демократической партии, что позволяло шантажировать западные державы угрозой изменения внешнеполитической ориентации и «нового Рапалло».

2. Дипломатическая подготовка перевооружения Западной Германии

Образование боннского государства было использовано в качестве правовой основы ремилитаризации Западной Германии. С этого времени курс на восстановление милитаризма в ФРГ проводился ускоренными темпами. Однако поиски путей и форм перевооружения начались еще в период сколачивания НАТО.

Уже в конце 1948 г., подчеркивает в своей книге «Путь к оружию» Н. Тённис, «в генеральных штабах некоторых западных стран обсуждалась возможность германского военного вклада»¹.

В это время на страницах западноевропейской печати стали появляться различные проекты создания «европейской армии». В опубликованной в ноябре 1948 г. в газете «Монд» статье предлагалось «заклучить германо-французский союз» и образовать «объединенную армию». Мысль о создании «интернациональной армии» с участием Западной Германии была высказана также одним из лидеров Социал-демократической партии Германии — Карло Шмидом в статье, опубликованной в газете «Ди вельт» 14 декабря 1948 г. «Следует создать настоящую интернациональную армию, а не мозаику из национальных войсковых контингентов», — писал он. — В такую международную систему коллективной безопасности можно было бы вовлечь Германию, не вызывая беспокойства со стороны других стран-участниц».

На протяжении 1949 г. в американской печати продолжалось открытое обсуждение вопроса о вовлечении Западной Германии в военные приготовления Запада. Внимание мировой общественности привлекла опубликованная в газете «Нью-Йорк таймс» от 16 ноября 1949 г. статья Дрю Миддлтона, в которой сообщалось о плане формирования «небольшой германской армии» в составе пяти дивизий, которая могла бы функционировать «только как часть западноевропейских вооруженных сил».

Учитывая неблагоприятную реакцию мирового общественного мнения, правительства США и Англии поспешили выступить с опровержениями. В заявлении президента Трумэна от 18 ноября 1949 г. говорилось, что в появившихся в печати сообщениях о намерении США сформировать германскую армию «нет ни слова правды». Правительство Англии в своем заявлении также подчеркивало, что оно «не намерено давать согласие на формирование германских контингентов». Однако эти «опровержения» противоречили фактам.

Состоявшееся 9—10 ноября 1949 г. в Париже совещание министров иностранных дел США, Англии и Франции впервые официально обсудило вопрос о включении ФРГ в политические

¹ N. Tönnies. Der Weg zu den Waffen. Die Geschichte der deutschen Wiederbewaffnung 1949 bis 1957. Köln, 1957, S. 42.

и экономические союзы и организации Запада. В коммюнике, опубликованном после совещания, говорилось, что три министра решили «поддержать и поощрить постепенную интеграцию германского народа в Европейское сообщество»¹.

Непосредственным результатом Парижского совещания было Петербургское соглашение между верховными комиссарами западных держав и федеральным канцлером К. Аденауэром от 24 ноября 1949 г. В целях восстановления военно-промышленного потенциала ФРГ западные державы объявили об исключении из числа подлежащих демонтажу промышленных предприятий 18 крупных заводов, в том числе 7 металлургических². Помимо этого, ФРГ предоставлялись некоторые полномочия в области внешней политики; в частности, ей разрешалось создавать консульские представительства за границей и вступать в международные организации. Под международными организациями имелись в виду прежде всего Европейский совет³ и созданная для осуществления «плана Маршалла» Организация европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС).

Еще раньше, 10 ноября, министры иностранных дел США, Англии и Франции разрешили правительству ФРГ заключать торговые и платежные соглашения с другими государствами. 15 декабря 1949 г. Аденауэр подписал с США соглашение об экономическом сотрудничестве. 19 сентября 1950 г. правительство ФРГ наряду с другими западноевропейскими государствами подписало соглашение о создании Европейского платежного союза, а 18 апреля 1951 г. — договор о создании Европейского объединения угля и стали. 1 сентября 1951 г. правительство ФРГ вступило в ГАТТ, а 14 августа 1952 г. заявило о присоединении к соглашениям о Международном валютном фонде и Международном банке реконструкции и развития.

Планы ремилитаризации Западной Германии вызвали серьезное беспокойство в самых широких слоях населения ФРГ, в памяти которых были еще свежи печальные уроки и последствия второй мировой войны. «Германская общественность в своем подавляющем большинстве, — признает Н. Тённис, — отвергала перевооружение». Этот буржуазный историк ставит в заслугу Аденауэру, что он отважился выдвинуть требование о формировании при известных предпосылках германских частей именно в то время, когда сама мысль о военной службе могла вызвать в Германии только отвращение. «Это было, — пишет Н. Тённис, — самым непопулярным требованием, какое только мог выдвинуть глава германского правительства спустя пять лет после капитуляции в мае 1945 г.»⁴

В этих условиях Аденауэру и другим сторонникам перевооружения на первых порах приходилось проявлять известную осторожность, прибегать к маскировке своих целей и намерений. 4 декабря 1949 г. в интервью боннскому корреспонденту газеты «Таймс» Аденауэр даже заявил, будто бы он в принципе «против перевооружения Федеративной республики и, следовательно, против создания нового вермахта». Но далее он сказал: «Однако, если союзники попросят нас принять участие в обороне Европы, я, вместо создания самостоятельного вермахта, предложил бы сформировать германские военные части в составе европейских вооруженных сил». Это заявление

¹ «Documents on American Foreign Relations, 1950», p. 148.

² Ibid., p. 160.

³ 7 августа 1950 г. ФРГ стала ассоциированным, а со 2 мая 1951 г. — полноправным членом Европейского совета (см. гл. XXIV).

⁴ N. Tönnies. Der Weg zu den Waffen, S. 71—72.

было воспринято как косвенное предложение западным державам приступить к ремилитаризации ФРГ. Таким образом, Аденауэр, как выразился его биограф П. Веймар, «давал недвусмысленный ответ на вопрос, который даже не был еще ему задан»¹.

В дальнейшем Аденауэр, поощряемый западными державами, все более определенно и открыто выступает за перевооружение Западной Германии. 29 августа 1950 г. Аденауэр передал верховному комиссару США Дж. Макклою «Меморандум о внутренней и внешней безопасности Федеративной республики». В нем уже вполне определенно излагалась просьба увеличить численность оккупационных войск в Западной Германии, разрешить правительству ФРГ создать свои вооруженные силы «достаточной численности», а также подтверждалась готовность правительства ФРГ «в случае создания интернациональной западноевропейской армии внести вклад в форме германского контингента»².

Официальное решение о перевооружении ФРГ было принято на Нью-Йоркском совещании министров иностранных дел США, Англии и Франции, проходившем с 12 по 18 сентября 1950 г. Отныне предметом обсуждения на всех дальнейших совещаниях и встречах представителей западных держав стал уже вопрос о наиболее приемлемой форме перевооружения Западной Германии.

На совещании в Нью-Йорке проявились острые разногласия между Вашингтоном, Лондоном и Парижем, касавшиеся как масштабов и темпов ремилитаризации, так и формы участия Западной Германии в агрессивных военных группировках.

Государственный секретарь США Ачесон выступил за немедленное включение западногерманских частей в создаваемые «объединенные вооруженные силы» НАТО, что позволило бы, по его словам, включить в стратегическое планирование больше территории район, мобилизовать «максимум людей в минимуме времени» и уменьшить бремя, которое должны нести другие государства — члены НАТО. Ачесон, ставя вопрос об увеличении численности войск США в Европе, добивался согласия западноевропейских государств на участие западногерманских контингентов в «обороне Запада».

Министр иностранных дел Англии Бевин в ходе дебатов в принципе согласился с включением западногерманских частей в «объединенную атлантическую армию», но подчеркнул при этом, что создание этой армии и единого командования должно быть завершено еще до формирования западногерманских контингентов, с тем чтобы обеспечить соответствующий контроль над ними. Остальные члены НАТО должны были бы, по мнению Бевина, иметь преимущества перед Западной Германией в снабжении военными материалами.

Позиция Франции, изложенная Шуманом, заключалась в том, чтобы вклад западных немцев в «западную оборону» на первых порах выразился в предоставлении ими «рабочих батальонов» для выполнения вспомогательных работ и что любое решение о немедленном формировании западногерманских войсковых частей было бы преждевременным и опасным.

В ходе совещания на Францию был оказан сильный нажим со стороны США, и французская делегация вынуждена была согласиться с тем, чтобы Верховная союзническая комиссия

¹ P. Weymar. Konrad Adenauer. Die autorisierte Biographie. München, 1955, S. 500.

² Ibid., S. 529.

западных держав в Германии обсудила с правительством ФРГ принципы участия последней в «европейской оборонительной системе».

Нью-Йоркские переговоры завершились принятием решения о перевооружении Западной Германии. Три министра, указывалось в коммюнике, высказались за «германское участие в объединенных силах для защиты европейской свободы». Правительству ФРГ было разрешено создать «мобильные полицейские силы» и предоставлено право использовать их по своему усмотрению в соответствии с обстановкой. Иными словами, западные державы помимо уже существовавших в Западной Германии крупных полицейских сил и немецких формирований при оккупационных властях решили создать первые регулярные воинские части, подчиненные непосредственно правительству ФРГ.

В то же время под предлогом предоставления ФРГ «гарантий безопасности» три западные державы решили увеличить численность своих войск в Западной Германии и заявили, что «они будут рассматривать любое нападение на Федеративную республику или Берлин, с какой бы стороны оно ни исходило, как нападение на них самих»¹.

В Нью-Йорке было решено расширить компетенцию правительства ФРГ в области как внешней, так и внутренней политики. Западной Германии разрешалось создать собственное министерство иностранных дел² и устанавливать дипломатические отношения с другими государствами. Западные державы пошли на значительные ограничения союзнического контроля над западногерманской промышленностью, а также на ослабление контроля над законодательством ФРГ³.

Решение трех западных держав о перевооружении ФРГ было одобрено советом НАТО, собравшимся в Нью-Йорке сразу же после совещания министров иностранных дел. В заключительном коммюнике совета НАТО от 26 сентября 1950 г. говорилось, что «Германия (ФРГ. — Авт.) должна получить возможность внести вклад в оборону Западной Европы». Совет НАТО поручил своему «комитету обороны» представить рекомендации относительно того, «каким образом Германия могла бы с наибольшей пользой внести свой вклад»⁴.

Правящие круги ФРГ воспользовались благоприятным, с их точки зрения, моментом для того, чтобы выдвинуть собственные условия участия Западной Германии в агрессивных группировках. Прежде всего, правительство ФРГ настаивало на «полном равноправии» западногерманских контингентов с частями

¹ «Documents on American Foreign Relations, 1951», p. 556—557.

² 15 марта 1951 г. канцлер Аденауэр стал одновременно министром иностранных дел ФРГ.

³ «Documents on American Foreign Relations, 1951», p. 555—557.

⁴ «Handbuch der NATO». Frankfurt/Main, 1957, S. 398.

других западноевропейских стран — участниц НАТО в отношении как вооружения, так и занятия командных постов. В интервью руководителю европейского отделения американского агентства Интернейшнл Ньюс Сервис Кингсбери Смиту от 11 декабря 1950 г. Аденауэр обосновывал выдвижение этого условия необходимостью избежать впечатления, будто западно-германские солдаты «будут использованы только как пушечное мясо». «Без тяжелого оружия, — продолжал Аденауэр, — германские части не могли бы защитить самих себя, а без собственного германского командования они неизбежно чувствовали бы себя второсортными солдатами».

Исходя из этого, правительство ФРГ, хотя и ухватилось за содержащуюся в «плане Плевена»¹ идею создания «европейской армии», в то же время высказалось против тех положений этого плана, которые, по его мнению, ставили военные контингенты ФРГ в «неравноправное» положение.

Далее, Бонн претендовал на участие «на равных началах» во всех переговорах стран — участниц НАТО, касающихся вопроса о «германском военном вкладе». «Для немцев является невыносимым такое положение, — заявлял Аденауэр в том же интервью, — когда в Вашингтоне, Париже и Лондоне ведут переговоры об их судьбе, не спрашивая при этом их мнения».

Под предлогом необходимости создать в Западной Германии благоприятную атмосферу для ремилитаризации руководящие деятели ФРГ призывали западные державы полностью прекратить демилитаризацию и «восстановить честь немецкого солдата», т. е. реабилитировать немецко-фашистскую армию в целом.

В целях маскировки своих подлинных намерений и юридического оформления включения ФРГ в военную систему Запада США, Англия и Франция заявили на Нью-Йоркском совещании о предстоящем прекращении состояния войны с Германией, а также о новом пересмотре оккупационного статута. Западные державы отдавали себе отчет в том, что в условиях открытого оккупационного режима любые немецкие части, которые могли бы быть сформированы на территории ФРГ, выглядели бы как наемники оккупационных держав, а призыв в армию превратился бы по существу в вербовку немцев в некий иностранный легион. Приняв решение о перевооружении ФРГ, империалистические державы приступили к разработке нового статуса Западной Германии, который предусматривал бы для нее некоторую долю самостоятельности и равноправия и в то же время обеспечивал бы этим державам надежные рычаги воздействия на ее политику. В разработке этого нового статуса приняли самое активное участие правящие круги ФРГ, рассчитывавшие в его рамках более успешно добиваться своих собственных целей.

¹ См. гл. XXIV.

Состоявшаяся 18—19 декабря 1950 г. в Брюсселе сессия совета НАТО достигла, как указывалось в официальном коммюнике, «полного согласия относительно роли, которую могла бы взять на себя Германия в рамках совместной обороны», и предложила правительствам трех оккупационных держав «изучить этот вопрос совместно с правительством Федеративной Республики Германии»¹. Министры иностранных дел США, Англии и Франции, собравшиеся на другой день после окончания брюссельской сессии совета НАТО, предоставили своим верховным комиссарам в Бонне полномочия для ведения переговоров с федеральным правительством и предложили им «изучить возможность внесения в существующий оккупационный режим далеко идущих изменений, которые логически вытекали бы из германского вклада».

Решения брюссельских совещаний открыли путь для непосредственных переговоров между западными державами и ФРГ по военным вопросам. 21 декабря 1950 г. в Петербурге состоялась встреча канцлера Аденауэра с верховными комиссарами Западных держав. Они заверили его, что «федеральное правительство в вопросе о германском вкладе в оборону не будет поставлено перед свершившимися фактами» и что обе стороны назначат экспертов для изучения связанных с этой проблемой технических вопросов². Аденауэру было заявлено о готовности западных держав поставить свои отношения с ФРГ на договорную основу³.

22 ноября 1951 г. в Париже состоялось совещание министров иностранных дел трех держав с участием Аденауэра, на котором был одобрен проект «общего договора», призванного стать международно-правовой основой будущих отношений между западными державами и ФРГ. Через три месяца, 25 февраля 1952 г., лиссабонская сессия совета НАТО одобрила проект договора о создании Европейского оборонительного сообщества, в рамках которого должна была осуществляться ремилитаризация ФРГ.

Подписание соглашения об отношениях между тремя западными державами и ФРГ («общего договора») состоялось в Бонне 26 мая 1952 г. 27 мая в Париже был подписан договор о Европейском оборонительном сообществе⁴.

Боннский «общий договор» предусматривал формальную отмену оккупационного статута; однако за западными державами

¹ «Handbuch der NATO», S. 401.

² В западногерманскую делегацию экспертов, назначенную 22 декабря 1950 г., входили Бланк (глава делегации), Шпейдель и Хойзингер.

³ 6 марта 1951 г. был опубликован текст пересмотренного оккупационного статута, расширившего свободу действий правительства ФРГ во внешнеполитической области и ограничившего полномочия Верховной союзнической комиссии в области контроля. В июле 1951 г. западные державы заявили о прекращении состояния войны с Германией.

⁴ См. гл. XXIV.

сохранялись «особые права» в отношении ФРГ. Согласно ст. 5 договора, США, Англия и Франция по своему усмотрению могли в любой момент ввести чрезвычайное положение, сосредоточив в своих руках всю полноту власти. Эта оговорка свидетельствовала о намерении западных держав на длительное время (срок действия «общего договора» был определен в 50 лет) сохранить зависимое положение ФРГ.

С подписанием «общего договора» и договора о ЕОС завершилась разработка западными державами совместно с правящими кругами ФРГ государственно-политических основ возрождения милитаризма в Западной Германии, которые открывали путь к широкой ремилитаризации ФРГ.

Перед лицом такого развития событий, предвещавшего скорое возрождение в Западной Германии агрессивной военной машины, Советский Союз и другие страны социалистического лагеря не могли занимать пассивную позицию. Советское правительство неоднократно предупреждало правительства западных держав, что, став на путь восстановления германского милитаризма и создания военного союза с агрессивными силами Западной Германии, они тем самым берут на себя тяжелую ответственность за последствия этих шагов¹.

Решительные выступления демократических и миролюбивых сил Европы сорвали осуществление плана перевооружения ФРГ в рамках ЕОС. Национальное собрание Франции отказалось ратифицировать договор о создании «европейской армии».

Провал ЕОС явился серьезным поражением инициаторов и сторонников «холодной войны» и перевооружения Западной Германии. Ни в Вашингтоне, ни в Бонне не скрывали своего разочарования и раздражения позицией Франции. 1 сентября 1954 г., через день после провала ЕОС, правительство ФРГ выступило с заявлением о том, что оно готово вместе с США и Англией немедленно приступить к переговорам о замене ЕОС какой-либо другой организацией. Характерно, что Франция даже не упоминалась в качестве участника новых переговоров. Как одна из возможных альтернатив была выдвинута идея непосредственного включения Западной Германии в НАТО.

Парижские соглашения², явившиеся результатом Лондонского и Парижского совещаний западных держав осенью 1954 г., предусматривали вхождение ФРГ в НАТО и Западноевропейский союз. Оккупация Западной Германии объявлялась «прекращенной», однако войска западных держав оставлялись на ее территории на положении «союзных». ФРГ получила право на формирование армии, численность которой была определена в 12 дивизий (500 тыс. человек). Парижские соглашения налагали на ФРГ некоторые ограничения, носившие, впрочем, весьма

¹ См. гл. XXVI.

² См. гл. XXV.

условный характер. Правительство ФРГ обязалось, в частности, отказаться «от производства атомного, химического и бактериологического оружия». Однако в соглашениях не говорилось о том, что Западная Германия не может использовать подобное оружие, предоставленное ей другими странами или созданное ею за пределами собственной территории.

В соответствии с общей стратегической установкой западных держав парижские соглашения закрепили раскол Германии. Правительства западных держав заявили, что рассматривают правительство ФРГ как «единственное германское правительство, уполномоченное выступать от имени Германии в международных делах в качестве представителя германского народа». Более того, взяв на себя не принадлежащее им право предписывать немецкому народу будущее устройство Германии, участники парижских соглашений объявили, что единая Германия должна «иметь конституцию, подобную конституции Федеративной республики». Тем самым западные державы открыто солидаризовались с требованием западногерманских реваншистов о ликвидации социальных завоеваний трудящихся Германской Демократической Республики. Политическая программа Бонна, включая требования «воссоединения» Германии путем поглощения ГДР и пересмотра германских границ, получила санкцию НАТО.

3. Политика ремилитаризации в действии

5 мая 1955 г. парижские соглашения вступили в силу. В тот же день был провозглашен суверенитет ФРГ и отменен оккупационный статут. 7 мая ФРГ стала членом Западноевропейского союза, а 9 мая была принята в НАТО в качестве ее пятнадцатого члена. С подписанием и вступлением в силу парижских соглашений была завершена дипломатическая подготовка к возрождению милитаризма в Западной Германии. Отныне у западногерманских милитаристов и реваншистов были полностью развязаны руки для подготовки к агрессии и реваншу, к новым военным авантюрам.

Осуществление империалистических планов ремилитаризации Западной Германии, активно поддержанных правящей верхушкой ФРГ, вызывало серьезное сопротивление народных масс Западной Германии. Наиболее активным и последовательным борцом против политики возрождения милитаризма в Западной Германии выступала Коммунистическая партия Германии. Недовольство и озабоченность широких слоев населения по поводу опасного развития событий в стране нашли свое выражение в массовых движениях протеста против политики перевооружения ФРГ. Широкое распространение получили народные опросы. В 1951 г. по инициативе Коммунистической партии Германии был проведен первый всенародный опрос про-

тив ремилитаризации. Несмотря на запреты и преследования со стороны властей, около 9 млн. жителей ФРГ выразили отрицательное отношение к перевооружению и высказались за заключение мирного договора. В 1953 г. в ходе референдума по вопросу о боннском «общем договоре» отрицательное отношение к этому документу высказали около 10 млн. человек.

Другой широко распространенной формой протеста против ремилитаризации было развернувшееся главным образом среди молодежи и бывших солдат вермахта движение «Без нас!». На многочисленных митингах и в дискуссиях участники этого движения призывали отказываться служить в воссоздаваемой армии.

На борьбу западногерманской общественности против планов ремилитаризации боннские власти ответили террором и репрессиями. 11 мая 1952 г. полиция учинила в Эссене кровавую расправу над участниками молодежного слета «караванов мира». Сторонники мира подверглись преследованиям. Именно в это время боннское правительство возбудило дело о запрещении КППГ, наиболее стойкого и последовательного борца против перевооружения ФРГ. Подобными методами Бонн хотел подавить любую оппозицию планам ремилитаризации и расчистить путь для создания агрессивной военной машины.

Разногласия по вопросу об отношении к перевооружению обнаружились и в правящих кругах. Ни один здравомыслящий политический деятель не мог не сознавать, что курс на ремилитаризацию страны блокирует путь к воссоединению Германии на мирной и демократической основе. В знак протеста против перевооружения ФРГ подал в отставку с поста министра внутренних дел один из основателей ХДС Густав Хейнеман. Против ремилитаризации публично выступил видный представитель евангелической церкви пастор Нимеллер.

Невзирая на сопротивление западногерманского населения, не считаясь с интересами воссоединения Германии, не дожидаясь даже формального завершения дипломатической подготовки к ремилитаризации, правительство ФРГ приступило к практическим шагам по созданию вооруженных сил¹.

Еще 27 октября 1950 г. депутат ХДС Бланк был назначен «уполномоченным федерального правительства по вопросам, связанным с усилением союзнических оккупационных войск». На деле круг задач и полномочий ведомства Бланка был гораздо шире. Фактически оно занималось всеми военными проблемами, в том числе и планированием по вопросам «безопасности». В задачу ведомства Бланка входила разработка структуры будущей западногерманской армии, мобилизационных и оперативных планов. В его компетенцию входили также: организация призыва в армию, обучение кадров, строительство казарм. При ведомстве была создана специальная служба переписи с картотекой и формулярами на 5 млн. немцев, прошедших военное обучение или военную службу. В ведомстве Бланка работало 200 бывших офицеров

¹ См. Д. Мельников и Л. Черная. Гитлеровские генералы готовятся к рваншу. М., 1954.

вермахта, половина из которых служила в гитлеровском генеральном штабе. Таким образом, это ведомство выполняло функции военного министерства и явилось организационной основой будущего западногерманского министерства обороны.

К февралю 1951 г. в ФРГ уже имелись соединения обычной полиции, «полиции готовности» и пограничной полиции общей численностью в 110 тыс. человек¹. Так называемые «трудовые формирования» и «промышленная полиция», по оценке прогрессивной немецкой печати, насчитывали около 200 тыс. человек². Кроме того, 150 тыс. западных немцев были завербованы непосредственно для обслуживания оккупационных войск.

О конкретных мероприятиях по осуществлению ремилитаризации свидетельствует и так называемое «дело» графа фон Шверина — советника Аденауэра «по вопросам безопасности». В конце октября в печать ФРГ просочились сведения о заявлении фон Шверина в неофициальном кругу о том, что его ведомство по поручению федерального канцлера уже разработало проект закона о всеобщей воинской повинности. Это вызвало крайнее раздражение Аденауэра, обвинившего фон Шверина в «превышении полномочий». 30 октября было опубликовано коммюнике об освобождении его от занимаемой должности.

Со своей стороны и правящие круги западных держав делали все для того, чтобы ускорить процесс ремилитаризации ФРГ и ослабить оппозицию созданию вермахта внутри Западной Германии.

24 января 1951 г. верховный главнокомандующий силами НАТО в Европе генерал Эйзенхауэр сделал заявление о «признании чести немецкого солдата». Эйзенхауэр сказал, что он «убедился в существенном различии между кадровыми немецкими военными, с одной стороны, и Гитлером и его преступной группой — с другой». «Я не думаю, — подчеркнул Эйзенхауэр, — что немецкий солдат потерял свою честь». Это заявление, отмечал корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Дрю Миддлтон, было рассчитано на то, чтобы «убедить немцев, и в первую очередь военных, в том, что Запад готов признать их при выполнении задачи восстановления европейской военной мощи честными товарищами по оружию». 31 января 1951 г. американские оккупационные власти провели в своей зоне широкую амнистию нацистских военных преступников. В числе помилованных находились бывшие генералы, нацистские государственные и партийные деятели, офицеры войск СС, крупные промышленники.

Бывшие гитлеровские генералы воспрянули духом. Если в 1945—1947 гг. они писали «строго конфиденциально» для оккупационных властей западных держав отчеты о военных действиях против СССР, то теперь мемуары тех же фельдмаршалов и генералов стали выходить в Западной Германии массовыми тиражами. Авторы милитаристских трудов стремились внушить мысль, будто война проиграна «случайно», из-за «бездарности Гитлера» и что, следовательно, новая война, с новыми союзниками может привести к иному результату.

Одновременно происходила односторонняя отмена в ФРГ основных четырехсторонних решений о демилитаризации и демократизации Германии.

В 1949—1950 гг. Верховная союзническая комиссия трех западных держав издала ряд постановлений, на основании которых были объявлены «утратившими силу на территории Федеративной республики» законы Кон-

¹ «Die Welt», 10. II. 1951.

² См. «Белая книга о возрождении германского империализма», стр. 240—242.

трольного совета об отмене и запрещении военного обучения, о ликвидации вермахта, о запрещении производства, экспорта, импорта, перевозок и хранения военных материалов.

16 декабря 1949 г. оккупационные власти трех западных держав отменили закон № 2 Контрольного совета о прекращении деятельности и ликвидации нацистских организаций, заменив его трехсторонним законом № 16, который хотя формально и запрещал всякую пропаганду милитаризма и возрождение милитаристских и нацистских организаций, но практически не препятствовал этому. В Западной Германии стали возникать многочисленные «солдатские союзы». В 1955 г. в ФРГ существовало около 300 «традиционных ассоциаций», объединявших людей, служивших ранее в одной воинской части. Наиболее крупной и влиятельной милитаристской организацией был «Союз немецких солдат», имевший в стране множество местных отделений. Бывшие эсэсовцы объединились в 1951 г. в «общества взаимопомощи», а в 1953 г. учредили «Федеральное бюро связи», имевшее 170 отделений, насчитывавших 380 тыс. членов.

В период с января по май 1955 г. Верховная союзническая комиссия и верховные комиссары трех западных держав отменили более 200 законов, постановлений и других правовых актов оккупационных властей в Германии (в частности законы Контрольного совета о наказании лиц, виновных в военных преступлениях против человечности; о запрещении военного строительства в Германии; о контроле над научно-исследовательской работой и др.). По «Соглашению об урегулировании вопросов, возникших в результате войны и оккупации», входившему в комплекс парижских соглашений¹, три западные державы предоставили ФРГ право «после консультации в каждом случае с тремя державами лишать силы в пределах территории Федеративной республики правовые предписания Контрольного совета», а также западных оккупационных властей в Германии.

В то же время западные державы восстанавливали военно-промышленный потенциал ФРГ. Выражением этой политики был отказ от осуществления согласованных между четырьмя державами-победительницами решений о проведении декартелизации и демонтажа военных предприятий.

16 мая 1950 г. оккупационные власти западных держав приняли закон № 27, сокращавший число концернов, подлежащих декартелизации, до 10. Из числа «декартелизуемых» были исключены прежде всего предприятия с участием иностранного капитала. В результате срыва западными державами политики декартелизации из всех монополий, господствовавших в Руре, формально прекратила свое существование лишь фирма «Ферейнигтештальверке», из состава которой был выделен ряд акционерных компаний. «Разукрупнение» других монополий не только не ликвидировало их, но и сохранило за прежними владельцами юридические и фактические права собственности. 29 марта 1952 г. правительство ФРГ издало с разрешения оккупационных властей закон, на основании которого была отменена проведенная в 1947—1948 гг. децентрализация банковской системы, а позднее воссозданы три банковские группы («Дейче банк», «Дрезднер банк», «Коммерцбанк»).

Одновременно осуществлялись мероприятия по ослаблению и ликвидации контроля и ограничений в тяжелой промышленности ФРГ, по прекращению демонтажа военных предприятий. Еще 13 апреля 1949 г. было опубликовано заявление трех держав об отмене некоторых ограничений для западногерманской тяжелой промышленности. Максимальный уровень производства стали был повышен до 11,1 млн. т в год. Было решено исключить из списка предприятий, подлежащих демонтажу, заводы, которые в случае их сохранения в Западной Германии могли бы содействовать осуществлению «программы

¹ См. гл. XXV.

восстановления Европы», т. е. «плана Маршалла». 1 июня 1950 г. был опубликован закон Верховной союзнической комиссии, согласно которому в ФРГ разрешалось производство алюминия, запрещенное Контрольным советом 18 февраля 1946 г. Под видом перехода на выпуск мирной продукции закон санкционировал возобновление работы на ряде бывших военных заводов. 3 апреля 1951 г. верховные комиссары западных держав приняли решение о дальнейшем ослаблении контроля и отмене значительной части ограничений для западногерманской промышленности, в частности в отношении производства стратегического сырья и оборудования.

Новое соглашение западных держав, касавшееся отмены ограничений в западногерманской промышленности, было подписано 12 января 1953 г. Помимо контроля над производством военного значения западные державы сохраняли ограничения лишь в области судостроения, производства синтетического каучука, синтетических масел и шарикоподшипников. Соглашение предусматривало возможность пересмотра оставшихся ограничений, а также указывало, что все эти ограничения, кроме производства некоторых видов вооружения, будут отменены, как только ФРГ станет участником «западного сообщества».

В связи с вступлением в силу договора о создании Европейского объединения угля и стали¹ западные державы официально объявили 25 июля 1952 г. об отмене всех ограничений в металлургической промышленности, об упразднении «Рурского статута» и ликвидации «Международного контрольного органа для Рура», функции которого передавались верховному органу ЕОУС.

Под лозунгом «равноправия» западногерманские монополии развернули в ЕОУС борьбу за пересмотр соглашений о декартелизации. Вскоре они добились от верховного органа отмены запрещения устанавливать вертикальные связи, т. е. присоединять к металлургическим концернам угольные предприятия. Первым о восстановлении прежней вертикальной структуры объявил в начале 1955 г. наблюдательный совет концерна Клекнера. Его примеру последовали концерны Маннесмана, Хеша и др.

«В тени союза горнорудной промышленности, — писал в 1955 г. известный западногерманский экономист К. Прицколейт, — совершается процесс рекартелизации и восстановления вертикальной структуры металлургических концернов, начиная от добычи угля и кончая высшей ступенью производства изделий точной механики, которые постоянно богатеют, приобретая старый блеск и такую полноту власти, какой они еще никогда раньше не имели»².

Саботаж западными державами политики декартелизации и демонтажа, а затем и полный отказ от нее создали необходимые предпосылки для быстрого восстановления военно-промышленного потенциала и всевластия монополий в Западной Германии. По степени концентрации производства и капитала ФРГ к 1955 г. значительно превзошла довоенный уровень. В 1955 г. на долю 2,3% крупнейших западногерманских предприятий (с числом занятых от 500 человек и более) приходилось около половины всех занятых и свыше половины валовой продукции промышленности³. Под контролем вновь возродившихся трех

¹ См. гл. XXIV.

² К. Pritzkoleit. Die Neuen Herren. München, 1955, S. 403.

³ См. Е. Л. Хмельницкая. Монополистический капитализм Западной Германии. М., 1959, стр. 46.

основных банковских монополий — «Дейче банк», «Коммерц-банк» и «Дрезднер банк» — в 1954 г. находилось 60% всех балансов промышленных предприятий¹.

На основе переплетения капиталов в ФРГ возродились могущественные финансово-промышленные группы, каждая из которых контролировала обширные комплексы отраслей производства. Это, в первую очередь, «большая семерка» Рура (группа наследников концерна Тиссена, «Рейнише штальверке», концерны Круппа, Маннесмана, Ханиэля, Клекнера, Хеша), три химических концерна — преемника «ИГ Фарбениндустри» («Бадише анилин унд зода фабрикен», «Фарбверке Хёхст», «Байер верке»), электротехнические концерны Сименса, АЭГ.

Опираясь главным образом на мобилизацию внутренних ресурсов, а также на иностранную помощь, западногерманский монополистический капитал набирал силу и успешно повел конкурентную борьбу с другими капиталистическими странами. Экономическое восстановление ФРГ шло ускоренными темпами, значительно превосходящими темпы роста производства в других странах капитала². Уже в середине 1950 г. промышленное производство ФРГ достигло довоенного уровня (1936 г.), а к концу года превысило его на 14%. В 1954 г. оно возросло по сравнению с 1950 г. на 54%, в то время как во Франции и Великобритании — соответственно на 23 и 16%³. В результате Западная Германия в 1953 г. вышла на третье место в промышленном производстве капиталистического мира (после США и Англии) и начала успешную борьбу с Англией за первое место в Западной Европе.

Весьма быстрыми темпами развивалась в 1950—1955 гг. и внешнеэкономическая экспансия западногерманских монополий. Еще в 1952 г. ФРГ по объему внешней торговли выдвинулась на второе место в Западной Европе. По темпам роста экспорта Западная Германия превзошла другие капиталистические страны. И хотя в 1954 г. западногерманский экспорт составлял 62,5% английского, ФРГ заняла к этому времени во внешней торговле капиталистического мира то место, которое до войны занимала вся Германия⁴.

К 1955—1956 гг. в ФРГ в основном завершился процесс восстановления основных монополистических объединений, которые достигли довоенного могущества и влияния и вновь вошли в число крупнейших в мире. По своей экономической мощи Западная Германия выдвинулась на одно из ведущих мест в капиталистическом мире. Это обстоятельство делало еще более опасными для дела мира в Европе и во всем мире последствия

¹ «Frankfurter Allgemeines», 29. III. 1955.

² См. гл. XI, а также *Е. Л. Хмельницкая. Монополистический капитализм Западной Германии.*

³ «Deutsches Wirtschaftsinstitut». Bericht, 1, Januar 1955, S. 5.

⁴ «Deutsches Wirtschaftsinstitut». Bericht, 4, Februar 1955, S. 4.

ремилитаризации ФРГ и ее включения в агрессивные блоки империалистических государств.

Политика ремилитаризации ФРГ привела уже к середине 50-х годов к существенному изменению обстановки в Европе. Федеративная Республика Германии окончательно оформилась как государство возрождавшегося милитаризма и монополистического капитала, стала прямым участником агрессивных военных блоков западных держав. ФРГ получила, хотя и в ограниченных пределах, суверенитет, а ее правящие круги — возможность активно проводить внешнюю политику в духе реванша, «холодной войны» и усиления международной напряженности.

Г Л А В А XXIV

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА «ИНТЕГРАЦИИ» ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Во внешнеполитической стратегии империализма после второй мировой войны важное место заняла политика «интеграции», («объединения»), которая была задумана как «ответ» западноевропейских стран на успехи мирового социализма и призванная укрепить и консолидировать политические, экономические и военные позиции капитализма в Европе. «Руководители империалистических держав, — говорится в тезисах Института мировой экономики и международных отношений АН СССР «Об империалистической интеграции в Западной Европе», — стараются превратить «интеграцию» в некий «священный союз» реакции для борьбы против социализма, рабочего, национально-освободительного и общедемократического движения, упрочить экономическую базу агрессивного Североатлантического блока в Европе. Западноевропейская «интеграция» выступает как орудие империалистической политики «холодной войны», усиления международной напряженности»¹.

В то же время империалистическая политика «интеграции» обусловлена действием экономических факторов, связана с объективными процессами, происходящими в экономике современного капитализма. Она продиктована резким усилением потребности в расширении рынков сбыта, тенденцией к интернационализации хозяйственной жизни².

Западноевропейская «интеграция» является попыткой монополистического капитала «примирить» частнокапиталистическую форму хозяйства с производительными силами, переросшими национальные границы. Империализм стремится удержать

¹ «Правда», 26 августа 1962 г.

² См. гл. XI.

в государственно-монополистических рамках производительные силы, властно диктующие переход к социализму.

Разумеется, связь политики «европейского объединения» с определенными объективными процессами современности не только не ослабляет крайне реакционного характера этой политики. Дело в том, что главная ее цель — затормозить, приостановить действие основной, решающей тенденции нашей эпохи, состоящей в исторической неизбежности перехода от капитализма к социализму.

1. Образование Европейского совета

Империалистическая «интеграция» Западной Европы особенно большое развитие получила в конце 50-х — начале 60-х годов, однако курс на «объединение Европы» был принят уже в первые послевоенные годы и интенсивно проводился в начале 50-х годов.

Реакционные и агрессивные замыслы инициаторов «европейского объединения» обнаружили еще в документах первого «европейского конгресса», созданного «Международным комитетом по координации движений за объединение Европы» (конгресс проходил в Гааге с 7 по 10 мая 1948 г.). Официальной целью конгресса была демонстрация поддержки идеи «объединения Европы» европейскими капиталистическими странами и разработка практических мероприятий по осуществлению этой идеи. В качестве представителей общественности в Гаагу было приглашено более 700 буржуазных и реформистских политических деятелей из 15 капиталистических государств Европы.

Подчеркивая «неотложность для народов Европы задачи образования экономического и политического союза для обеспечения безопасности и социального прогресса», участники конгресса призывали государства Западной Европы «передать и слить часть своих суверенных прав» во имя создания «союза или федерации»¹. Участие в таком объединении Советского Союза заранее исключалось. Более того, «объединение Европы» должно было способствовать восстановлению капиталистических порядков в странах народной демократии и включению их в состав «европейского союза или федерации». С этой целью авторы резолюции призывали добиваться повсеместно в Европе «права образовывать политическую оппозицию» и создать орган, располагающий возможностью применять санкции в случае нарушения «прав человека»². Под этими туманными формулами скрывалась главная цель «европейского объединения» — бороться против социализма, в защиту реакции и капитализма.

Смысл расплывчатых формулировок решений конгресса был раскрыт в первоначальном, более конкретном проекте резолюции, подготовленном политическим комитетом конгресса под председательством французского правого социалиста, бывшего премьера П. Рамадье. Хотя этот проект и был отклонен из-за разногласий между участниками конгресса, он все же остался важным документальным свидетельством истинных целей «европейского объединения», поскольку принятый затем другой текст резолюции содержал те же самые идеи, только в замаскированной форме. В проекте предлагалось «всем сво-

¹ «Europe Unites». London, 1949, p. 38.

² Ibid., p. 94—95.

бодным странам Европы присоединиться к участникам недавно заключенного Брюссельского пакта» и для «защиты демократических свобод» создать «смешанные европейские вооруженные силы»¹. Речь шла, таким образом, о вовлечении всех капиталистических стран Европы в агрессивный блок, направленный против Советского Союза и стран народной демократии. Непременным участником этого блока должна была стать, по замыслу руководителей конгресса, Западная Германия. Оправдывая политику раскола Германии, проводимую западными державами в нарушение Потсдамских соглашений, конгресс провозгласил, что «решением как экономического, так и политического аспектов германской проблемы является включение Германии в европейский союз или федерацию»².

Для характеристики конгресса нелишне также отметить неоднократно подчеркивавшуюся в его решениях мысль о том, что «объединение Европы» не должно нарушать «особых связей», существующих между «зависимыми заморскими территориями» и европейскими метрополиями, т. е. устоев колониализма³.

Политика «объединения Европы», как показал первый «европейский конгресс», была направлена на создание классового союза европейской империалистической буржуазии, на объединение сил и средств капиталистических государств для борьбы против Советского Союза и народно-демократических государств Восточной Европы, для борьбы против национально-освободительного движения. Вместе с тем на конгрессе обнаружились серьезные разногласия между поборниками объединения.

Участники конгресса в принятой резолюции сформулировали конечную цель своих усилий — создание «союза или федерации». Эта компромиссная формула была результатом долгих пререканий между двумя группировками делегатов, одна из которых возглавлялась английскими представителями, другая — французскими. Первые выступали за «европейское объединение» типа простой коалиции, в которой участники сохранили бы все существенные элементы своего суверенитета, вторые — за наднациональное объединение, означавшее отказ от суверенитета в важнейших областях. В разногласиях по вопросу о форме «объединения Европы» проявилась еще одна весьма существенная особенность этого объединения — стремление отдельных империалистических держав использовать его в борьбе за господство в Западной Европе.

Линию английского империализма в вопросах «интеграции» Европы характеризовала и его политика в отношении Западного союза. Государственный суверенитет участников союза формально не ограничивался — все отношения внутри него строились на основе межправительственных соглашений. Попытки французских и бельгийских представителей в органах союза превратить его в наднациональную организацию неизменно наталкивались на сопротивление английских представителей. В дальнейшем тенденция английских правящих кругов к уклонению от сколько-нибудь значительно связывающих обязательств усилилась. Все чаще стала выдвигаться традиционная формула о несовместимости принятия Англией таких обязательств с ее положением в Британском содружестве наций.

¹ «Europe Unites», p. 25.

² Ibid., p. 38.

³ Ibid.

США активно поддерживали планы «европейского объединения». Но американские проекты «объединения Европы» в отличие от английской линии были основаны на принципе наднационального федеративного устройства. Уже в начале 1947 г. в выступлениях американских политических деятелей, в частности Дж. Даллеса, была изложена американская программа «объединения Европы». Речь шла о военном, политическом и экономическом объединении западноевропейских стран в форме довольно тесной федерации, участники которой в какой-то мере поступались бы национальным суверенитетом в ее пользу. Непременным участником федерации должна была бы стать Западная Германия. Соединенным Штатам явно предназначалась роль гегемона этой федерации, хотя сами они не собирались связывать себя никакими обязательствами. В марте 1947 г. конгресс США принял резолюцию, в которой выражалась готовность США поддержать создание «Соединенных Штатов Европы»¹. Шагом к осуществлению американского варианта «объединения Европы» был «план Маршалла», оказавший сильное воздействие на развитие европейской «интеграции».

Отношение французской империалистической буржуазии к проблеме «интеграции Европы» определялось ее намерением использовать положение Франции как наиболее сильной в то время в экономическом отношении капиталистической страны континентальной части Европы и участницы «большой четверки» антигитлеровской коалиции, чтобы занять место первого партнера США в Европе. В рамках планируемой «европейской федерации» французские правящие круги надеялись подчинить своему влиянию остальных ее участников, в том числе Западную Германию, и, опираясь на поддержку США, укрепить и усилить позиции Франции в Западной Европе. Поэтому исходившее от французского правительства первое официальное предложение, направленное на ограничение суверенитета западноевропейских государств, в значительной мере сближалось с американской точкой зрения.

19 июля 1948 г. на заседании консультативного совета Западного союза Бидо предложил создать «учреждения европейского сотрудничества»² и с этой целью поручить постоянной комиссии совета изучить вопрос об учреждении полномочной «европейской ассамблеи» из представителей парламентов западноевропейских стран. Месяц спустя — 27 августа 1948 г. — государственный департамент США опубликовал заявление о том, что «правительство Соединенных Штатов активно поддерживает прогрессирующую тесную интеграцию свободных государств Западной Европы»³. Обсуждение вопроса о создании «европейской ассамблеи» в органах Западного союза и в специально образованном его участниками комитете экспертов в последующие месяцы проходило под знаком ожесточенной борьбы английской и французской делега-

¹ «Congressional Record», 22. IV. 1947, p. A1850.

² E. Bonnefois. L'Europe en face de son destin, p. 111—112.

³ Цит. по кн.: M. Ball. NATO and the European Union Movement. London, 1959, p. 19.

ций. Английские представители наотрез отказались от создания «наднационального» парламентского учреждения. Они предлагали ограничиться расширением состава участников Западного союза, развивать сотрудничество между ними на межправительственной основе, а обязывающие эти правительства решения принимать единогласно. Французские и бельгийские представители, напротив, настаивали на создании «европейской ассамблеи», члены которой избирались бы парламентами и принимали бы решения большинством голосов.

28 марта 1949 г., за несколько дней до подписания Североатлантического пакта, в Лондоне открылась конференция десяти государств¹ по вопросу о создании Европейского совета. Она закончила свою работу 5 мая 1949 г., утвердив его статут.

Согласно ст. 1 статута, задача Европейского совета состоит в том, чтобы «добиться большего единства между членами совета в целях защиты и осуществления идеалов и принципов, которые являются их общим наследием, и в целях содействия их экономическому и социальному прогрессу»². Неопределенность формулы о «большем единстве» в сочетании с указанием на общие «идеалы и принципы» и права человека (в том числе, согласно дополнительному протоколу 1952 г., «права собственности») выражала компромисс между разными группировками организаторов «объединения Европы».

Основными органами совета были провозглашены комитет министров и консультативная ассамблея. В комитет вошли представители правительств государств-членов в лице министров иностранных дел или их заместителей, в ассамблею — депутаты парламентов. Но органом, «действующим от имени Европейского совета» (ст. 13), становился только комитет, все важнейшие решения которого принимаются единогласно (ст. 20). Ассамблея наделялась лишь совещательными функциями, ее полномочия ограничивались правом давать рекомендации комитету министров (ст. 22).

Поэтому деятельность совета могла развиваться только в направлении, приемлемом для всех его главных участников. Практически она свелась к организации пропагандистских мероприятий против стран социалистического лагеря, а также к обсуждению различных проектов «объединения Европы» без принятия каких-либо обязывающих решений. В первые годы существования совета, особенно в 1949 г., сторонники «европейской федерации» еще предпринимали попытки превратить его в орган федеральной власти. Однако Англия решительно воспротивилась тому, чтобы ассамблея и комитет министров пошли дальше по пути политического «объединения Европы», а также реформе совета, отмене принципа единогласия в комитете и т. д.

С образованием Европейского совета и началом его деятельности завершился первоначальный этап европейской «интеграции». «Европейская идея» сыграла известную роль в политико-идеологическом «объединении» европейских капиталистических государств против социализма, в образовании военно-политических и экономических межгосударственных группировок в Западной Европе. Вместе с тем первый этап межимпериалистической борьбы вокруг «объединения Европы» закончился отказом английского империализма от непосредственного участия в «наднациональном» объединении. Отрицательную позицию Англия занимала и в отношении последующих мероприя-

¹ Англия, Бельгия, Дания, Ирландия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Франция, Швеция.

² Цит. по кн.: А. Zürcher. The Struggle to Unite Europe. 1940—1958. N. Y., 1958.

тий по «интеграции», поскольку она уже не имела перспектив обеспечить свое господство в новом блоке. Готовность участвовать в этом блоке проявили правящие круги шести государств — Франции, Италии, Западной Германии, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга, в связи с чем на какое-то время закрепились географические границы дальнейшего развития «интеграции».

2. Создание Европейского объединения угля и стали

В конце 1949 — начале 1950 г. значительно активизировалась деятельность западноевропейских и американских империалистических кругов по экономическому «объединению Европы». К тому времени в Западной Германии, Франции и в других странах «Малой Европы» благодаря крупным инвестициям и помощи по «плану Маршалла» были достигнуты определенные успехи в восстановлении и развитии тяжелой промышленности, в производстве стали и добыче угля. Именно эти наиболее высококонцентрированные отрасли экономики оказались ранее других «созревшими» для «интеграции». Ее поборники стремились использовать это обстоятельство для укрепления военно-промышленной базы агрессивного Атлантического блока в Европе.

Наряду с политическими причинами объективной экономической предпосылкой образования нового монополистического объединения в Западной Европе явилось переплетение финансового капитала шести стран в угольной и металлургической промышленности. Охватывая как частные, так и государственные и полугосударственные предприятия шести стран, это объединение представляло собой новый этап в развитии международных связей монополий, новую форму международной организации монополистов¹.

9 мая 1950 г. французский министр иностранных дел Р. Шуман в правительственном заявлении изложил план, который стали впоследствии называть его именем. Заявление Шумана началось с утверждений о том, что постепенное «объединение Европы» может внести решающий вклад в обеспечение мира. Непременным условием «объединения» объявлялось «устранение вековой вражды между Германией и Францией». Чтобы «заложить основы их экономического объединения», сделать «немыслимой» войну между ними, Шуман предлагал «подчинить все франко-германское производство угля и стали общему верховному органу». Создание новой организации, которая должна была обеспечить «общий рынок» для указанных видов

¹ См. гл. XI.

продукции и расширение их производства, замышлялось как первый этап образования «европейской федерации»¹.

За этими расплывчатыми формулировками вырисовывался план создания межгосударственного монополистического объединения тяжелой промышленности западноевропейских стран. Проектируемое Шуманом объединение резко отличалось от известных ранее международных монополистических соглашений типа картеля или синдиката. В нем предусматривалось регулирование не только сбыта, но и производства продукции, и оно могло быть создано в результате не частного соглашения компаний, а официального договора правительств целой группы стран. Иными словами, проектировалось создание крупного промышленного комплекса в масштабе нескольких государств и международное регулирование производства.

Пацифистские фразы Шумана, которыми он мотивировал свое предложение, маскировали определенные расчеты французских монополистических кругов. Высокий уровень концентрации во французской металлургической промышленности и произведенная в ней модернизация давали французским монополистам основание надеяться на успешную конкуренцию в рамках намечавшегося объединения. Слабость своей угольной базы они намеревались восполнить присоединением Саара, приобретением шахт в Руре и получении дешевого русского кокса от своих западногерманских партнеров, создав водный путь в бассейне р. Мозель. Более того, посредством слияния угольной и стальной промышленности французские «объединители» наивно рассчитывали установить свой контроль над Руром. Некоторые французские промышленники и политики открыто выражали уверенность в том, что проектируемая комбинация обеспечит Франции ведущую роль в «объединении Европы».

Предложение начать переговоры о создании межгосударственного угольно-стального объединения было адресовано французским правительством Англии, ФРГ, Италии, Бельгии, Нидерландам и Люксембургу.

Английские правящие круги встретили «план Шумана» отрицательно. Это выявилось уже во время визита Ж. Монне в Лондон в середине мая 1950 г., куда он прибыл специально для переговоров. В послании Шуману Э. Бевин предложил ограничить состав участников переговоров Англией, Францией и ФРГ. В ответ французское правительство потребовало предварительного принципиального согласия Англии на образование наднационального органа. В ноте английского правительства от 27 мая указывалось, что оно «не может согласиться на учреждение органа, наделенного столь широкими полномочиями и властью»². Вместе с тем Англия не отказывалась участвовать в переговорах, намереваясь воздвигать на пути к соглашению одно препятствие за другим.

Попытку подорвать «план Шумана» англичане предприняли вскоре после его появления. В августе 1950 г. на второй сессии консультативной ассамблеи Европейского совета Макмиллан предложил подчинить верховный орган ЕОУС комитету министров Европейского совета и наделить участников объединения правом «вето». Это направленное против наднационального характера ЕОУС предложение поддержали делегаты Скандинавских стран, но его отвергли представители Франции, Западной Германии, Италии и стран Бенилюкса.

¹ «Le Monde», 11. V. 1950.

² «The Times», 29. V. 1950.

Наибольший энтузиазм «план Шумана» вызвал в правящих кругах Западной Германии. Этот проект, как писал орган западногерманских монополий журнал «Шталь унд айзен», открыл перед Западной Германией возможность «выйти из политической изоляции и вступить в большое европейское сообщество»¹. Для западногерманских монополистов участие в проектируемом угольно-стальном объединении на равных правах с Францией означало прежде всего отмену ограничений на производство стали и расширение возможностей ее сбыта, снабжения железной рудой, дополнительного финансирования. Вкладывая благодаря американским кредитам миллиарды марок в свою металлургическую промышленность и начиная обгонять по производству стали Францию, они могли не опасаться французской конкуренции.

Вместе с Францией и Западной Германией в переговорах о «плане Шумана», начавшихся 20 июня 1950 г. в Париже, участвовали Бельгия, Голландия, Люксембург и Италия. Помимо общеполитических классовых интересов и принадлежности к НАТО позиция правящих кругов этих государств в отношении проектировавшегося объединения угля и стали определялась высоким уровнем концентрации капитала в этих странах и тесным переплетением бельгийских, голландских, люксембургских и итальянских монополий с французскими и западногерманскими. Стоявшие у власти в Бельгии и Италии правительства клерикальных партий лелеяли мечту образовать вместе с христианско-демократическими правительственными партиями Западной Германии и Франции «католическую Европу». Итальянские монополисты, использовавшие в основном привозную руду и уголь, рассчитывали на более дешевое сырье. Бельгийские и голландские правящие круги стремились заручиться поддержкой своих более сильных партнеров в борьбе против национально-освободительного движения в колониях.

Идея создания в Европе объединения угля и стали с участием Западной Германии встретила одобрение со стороны американских монополий. Вскоре после выдвижения «плана Шумана» группа американских монополистов опубликовала специальное заявление, в котором приветствовала инициативу французского правительства. Они не без основания полагали, что объединение угля и стали будет способствовать росту американских капиталовложений в Западной Европе, считали, что создание «общего рынка» для продукции тяжелой промышленности помогло бы расширить американский экспорт. Заправилы монополистического капитала США рассчитывали, что зависимое положение экономики Западной Европы, явившееся результатом «плана Маршалла», сохранится на длительное время и обеспечит им господствующее положение в угольно-

¹ «Stahl und Eisen», 1953, № 11, S. 747.

стальном блоке шести стран. Государственный департамент США в специальном заявлении от 5 июня 1950 г. одобрил намерение шести государств начать переговоры об объединении их тяжелой промышленности¹.

Разработка проекта договора о Европейском объединении угля и стали экспертами шести стран, сопровождавшаяся многочисленными официальными и закулисными совещаниями представителей политических и деловых кругов этих стран и США, закончилась к апрелю 1951 г. Договор, подписанный в Париже 18 апреля 1951 г. представителями шести государств, предусматривал учреждение специальной организации, наделенной юридически весьма широкими полномочиями в области регулирования важной сферы экономики этих государств².

Согласно условиям договора (ст. 3—5), на объединение возлагаются задачи регулирования добычи и распределения угля и железной руды, сбыта продукции черной металлургии стран — участниц объединения, обеспечение постепенного создания ими общего рынка для этих видов продукции. Договаривающиеся стороны отказались в пользу объединения от части своих прав в важных отраслях промышленности.

Органы объединения в том виде, как они определялись в договоре, в определенной степени представляли собой как бы прообраз пропагандировавшихся поборниками империалистической «интеграции» учреждений. Главный из них — верховный орган, наделенный исполнительными функциями. На верховный орган возлагается составление предварительных программ по производству металла и добыче угля, их потреблению, экспорту, импорту, финансированию строительства, установлению производственных квот, распределение дефицитного сырья, определение уровня цен и т. п. Его решения, принимаемые большинством голосов, считаются обязательными для правительств стран ЕОУС (ст. 13, 14). Однако на практике свобода действий верховного органа существенно ограничивалась.

В качестве прообраза «европейского» парламентского органа составители договора учредили ассамблею, призванную осуществлять контроль «общественного мнения» над деятельностью верховного органа. Это подчеркивается составом делегатов³ ассамблеи и порядком их выделения — они должны были избираться или парламентами из числа депутатов, или же путем проведения всеобщих и прямых выборов (ст. 21). Ассамблея заслушивает и обсуждает доклады, представляемые на ее рассмотрение верховным органом, и имеет право выносить по ним большинством в две трети голосов вотум недоверия. В этом случае члены верховного органа должны коллективно подавать в отставку (ст. 24).

Для согласования действий верховного органа и правительств учреждается совет министров из представителей государств — членов ЕОУС. Он наделен широкими полномочиями, поскольку в его функции входит контроль за деятельностью верховного органа, а зачастую и утверждение его решений большинством голосов, включая голос представителя одного из государств, которое обеспечивает не менее 20% общей стоимости продукции угля и стали в объединении (ст. 28). Это фактически означает, что решения верховного органа не могут приниматься вопреки воле Франции или Западной Германии

¹ «The New York Times», 6. VI. 1950.

² Текст договора о ЕОУС опубликован в книге «Угроза плана Шумана». М., 1954, стр. 151—198.

³ В ассамблею избиралось 78 делегатов: по 18 — от Франции, Западной Германии и Италии, по 10 — от Бельгии и Нидерландов и 4 — от Люксембурга.

и что он в определенных случаях как бы утрачивает свой «наднациональный» характер. Решения совета — органа межправительственных компромиссов — определяют общую линию политики ЕОУС.

Рекламируя создание первого наднационального объединения западноевропейских государств как начало «новой эры» в развитии европейского капитализма и в международных отношениях в Европе, сторонники европейской «интеграции» усиленно подчеркивали цели ЕОУС, декларируемые в договоре от 18 апреля 1951 г. Действительно, договор насыщен демагогическими фразами о стремлении его творцов в корне изменить в интересах народа существовавшее в Европе положение, об их «решимости перейти от векового соперничества к объединению своих основных интересов» и «содействовать поднятию жизненного уровня и прогрессу дела мира», о намерении «обеспечить наиболее рациональное распределение производства на самом высоком уровне производительности, сохраняя при этом полную занятость и не допуская глубоких и длительных потрясений в экономике государств-членов». Мало того, если верить всему, что написано в договоре, его составители горят желанием покончить с международными монополиями и заботиться о рабочих угольной и металлургической промышленности (ст. 60, 65, 70). Эти утверждения, составляющие, так сказать, «теоретическую базу» договора о ЕОУС (а впоследствии и других соглашений подобного рода), представляют в совершенно искаженном виде цели создания учреждений типа Европейского объединения угля и стали.

К органам новой межгосударственной организации монополистов перешли некоторые суверенные права государств в объединенных ею отраслях их экономики. Но, вопреки уверениям идеологов европейской «интеграции», ни о каком «обновлении» европейского капитализма здесь и речи быть не могло, ибо никакими соглашениями между капиталистическими государствами нельзя устранить коренные пороки капитализма и разрешить его основное противоречие — противоречие между современными производительными силами и капиталистическими производственными отношениями. Поэтому невозможно и устранить таким путем присущие капитализму анархию производства и кризисы со всеми вытекающими из них последствиями. Но создание Европейского объединения угля и стали означало появление нового средства борьбы за рынки; это объединение само по себе было формой раздела и передела рынков в новых условиях.

По мере претворения в жизнь «плана Шумана» усиливались противоречия как внутри объединения, так и между его участниками и другими империалистическими державами.

Для ратификации договора об учреждении ЕОУС потребовалось больше года: он вступил в силу лишь 25 июля 1952 г.

Уже обсуждение договора от 18 апреля 1951 г. в парламентах в ходе его ратификации, провести которую правительствам шести государств стоило немалых усилий, выявило весьма серьезные различия в трактовке «плана Шумана» и в самом подходе к нему в странах-участницах. Так, во Франции сразу же вызвала тревогу угроза западногерманской конкуренции в связи с более низкими ценами на западногерманскую сталь и высокой стоимостью транспортировки угля из Западной Германии. Национальное собрание ратифицировало договор только при условии сохранения Саара в экономической орбите Франции и создания водного пути по Мозелю с целью снижения расходов на транспортировку рурского кокса.

В ФРГ при обсуждении договора обнаружили противоположные устремления западногерманских правящих кругов¹. Аденауэр в своих выступлениях недвусмысленно намекал, что саарская проблема в недалеком будущем будет разрешена в пользу Западной Германии.

Начало деятельности ЕОУС сопровождалось дальнейшим обострением противоречий между главными его участниками — Францией и ФРГ, дававшими в 1952 г. свыше 70% стали и свыше 80% угля, производимых ЕОУС. Западная Германия упорно уклонялась от выполнения обязательств по строительству каналов в бассейне р. Мозель и от снижения железнодорожных тарифов на импортируемый Францией рурский уголь. Вместе с тем французская угольная промышленность значительно пострадала от западногерманской конкуренции: пришлось закрыть ряд предприятий, возросла безработица среди шахтеров. Не оправдались надежды лотарингских компаний на значительное расширение экспорта в Рур железной руды: рурские монополии предпочитали ввозить более высококачественную руду из Швеции и других стран. В то же время темпы развития западногерманской металлургической и угольной промышленности после отмены оккупационными властями в связи с созданием ЕОУС последних ограничений в производстве стали были намного выше темпов развития соответствующих отраслей промышленности Франции. В 1949 г. выплавка стали во Франции и Западной Германии была примерно одинаковой. За два года существования ЕОУС она возросла в Западной Германии на 25%, а во Франции — лишь на 10%. Аналогичное положение наблюдалось и в угольной промышленности. В результате доля Франции во всей продукции ЕОУС упала с 26% в 1952 г. до 23,5 в 1955 г., а доля ФРГ за этот период возросла с 37,9 до 40,8%.

Высокая общая конъюнктура в тот период, стимулируемая гонкой вооружений, благоприятствовала относительно быстрому росту продукции ЕОУС. С 1952 по 1955 г. выплавка стали увеличилась на 26%. Участники ЕОУС предприняли энергичное наступление на внешних рынках.

Особенно чувствительным было оно для английских монополий. Создание экономического блока шести стран угрожало позициям Англии в Западной Европе. Английская печать выражала серьезные опасения, что с возникновением ЕОУС продукция английской металлургической и, возможно, угольной промышленности будет вытеснена с западноевропейских рынков. Вот почему 19 марта 1952 г., еще до того как договор был ратифицирован парламентами всех шести государств, министр иностранных дел Англии Иден внес в комитет министров Европейского совета предложение, направленное на подрыв «плана Шумана». Под предлогом устранения «параллелизма» в работе европейских учреждений он предложил слить совет министров ЕОУС с комитетом министров Европейского совета, а ассамблею ЕОУС — с консультативной ассамблеей. Точно так же Иден предлагал поступить и с соответствующими органами проектировавшегося Европейского оборонительного сообщества. Однако в результате сопротивления представителей шести государств все ограничилось лишь принятием 30 мая 1952 г. консультативной ассамблеей никого не обязывающей резолюции, в которой высказывалось пожелание об установлении «органической связи» между планируемыми сообществами и Европейским советом².

Вопреки усилиям английской дипломатии, западноевропейское объединение угольной и металлургической промышленности было создано в том виде, в каком его задумали американские, западногерманские и французские организаторы. В 1953 г., когда оно вовсю развернуло свою деятельность, между ЕОУС и Англией разгорелась подлинная война за цены на сталь, в которой английская сторона была вынуждена обороняться. В конечном итоге в декабре 1954 г. Англии пришлось пойти на «соглашение об ассоциации» с ЕОУС, согласно которому обе стороны образовали на паритетных началах постоянный «Совет ассоциации» — орган для консультации и разработки компо-

¹ См. Д. Алексеев, А. Михайлов. Европейское объединение угля и стали. М., 1960.

² «Documents on International Affairs 1952», London, 1955, p. 206—211,

миссных решений по взаимно интересующим вопросам. Но и это не смягчило конкурентной борьбы между Англией и ЕОУС.

Создание ЕОУС осложнило также взаимоотношения между монополистами «малой Европы» и их американскими партнерами и конкурентами. Хотя правительство и конгресс США оказали самую энергичную поддержку созданию угольно-стального объединения, в дальнейшем американские монополии стали проявлять все большее беспокойство в связи с перспективами усиления конкуренции шести стран на внешних рынках. Давно обещанные кредиты были предоставлены верховному органу ЕОУС Экспортно-импортным банком США лишь в 1954 г., да и то в значительно меньших размерах, чем намечалось (100 млн. долл. вместо 500 млн.).

Несмотря на противоречия и конфликты, с которыми было связано возникновение первого межгосударственного экономического объединения в Западной Европе, «план Шумана» был все же осуществлен и привел к определенным изменениям в экономическом и политическом положении западноевропейских стран. Что касается ФРГ, то через несколько лет после начала деятельности ЕОУС орган западногерманских монополий журнал «Фольксвирт» писал по поводу экономической «интеграции»: «План Шумана означал для ФРГ освобождение от иностранного контроля над Руром. Благодаря участию в Объединении угля и стали Федеративная республика вновь стала господином в своем доме»¹. Действительно, на основании договора от 18 апреля 1951 г. были сняты многие ограничения, сдерживавшие рост военно-промышленного потенциала ФРГ.

Агрессивная сущность «плана Шумана» была разоблачена Советским правительством, которое в ноте правительству Франции еще в сентябре 1951 г. подчеркивало, что это объединение служит целям «возрождения германского империализма, агрессивность которого известна всему миру»².

3. Попытка создания Европейского оборонительного сообщества. Планы политической «интеграции»

По мере обострения международной обстановки, особенно после начала империалистической интервенции в Корее, в политике европейской «интеграции» на первый план все больше выдвигается ее военный аспект. Еще не завершилась разработка соглашения по «плану Шумана», а наиболее активные «европейцы» при прямой поддержке Соединенных Штатов начали усиленно пропагандировать план военно-политического «объединения Европы» с участием ФРГ.

Среди правящих кругов западных держав существовали различные мнения по вопросу о формах и методах вооружения ФРГ. Наиболее приемлемой для них оказалась идея этого вооружения на основе «интеграции» капиталистических стран Западной Европы. Такой путь казался им более подходящим,

¹ «Volkswirt», 1957, № 43, S. 2354.

² «Известия», 12 сентября 1951 г.

поскольку он закреплял бы раскол Европы и Германии и облегчал попытку внушить народам Европы, что ФРГ не будет иметь самостоятельной армии, что ее вооруженные силы, включенные в состав «европейской армии», окажутся якобы под контролем. К тому же поборники возрождения германского милитаризма стремились замаскировать свои опасные для сохранения мира планы тем, что «интеграция Европы» носила не только военный, но и политический и экономический характер.

На второй сессии ассамблеи Европейского совета 11 августа 1950 г. Черчилль внес проект резолюции о создании «европейской армии». При этом он подчеркнул, что все члены совета (следовательно, и Западная Германия) обязаны внести свой вклад в создание «европейской армии». Идею Черчилля тотчас же подхватил делегат ФРГ фон Brentано, который заявил о готовности Западной Германии принять участие в этом «оборонительном мероприятии» в качестве «равноправного партнера».

На ассамблее возобладала точка зрения тех сторонников «интеграции», которые стремились придать ей наднациональный характер, что нашло свое отражение и в решениях по вопросу о «европейской армии». В принятых ассамблей рекомендациях подчеркивалось, что «европейская армия» должна быть «единой» и действовать «под руководством европейского министра обороны» в контакте с Соединенными Штатами и Канадой. Представители Англии, которые проявили инициативу в обсуждении вопроса о «европейской армии», отказались поддержать эти рекомендации, поскольку они противоречили их империалистическим интересам.

В то время Англии удалось добиться того, что комитет министров отклонил предложенный ассамблей проект создания «европейской армии», сославшись на неправомочность Европейского совета обсуждать подобные вопросы. Но рекомендация консультативной ассамблеи, выступавшей в качестве рупора «европейского парламентского мнения», сыграла определенную роль в решении вопроса о вооружении Западной Германии и о включении ее в военный блок.

Предложенный 24 октября 1950 г. французским премьер-министром Плевеном план создания «европейской армии» предусматривал «полное слияние личного состава и вооружения» западноевропейских стран в армию «под единым европейским политическим и военным руководством». Эту армию предлагалось сформировать из «европейских дивизий, каждая из которых состояла бы из небольших подразделений разных национальностей». Создание армии тесно связывалось с деятельностью Европейского объединения угля и стали. Оба планируемых объединения предполагалось увенчать общими политическими органами. Это построение Плевен представлял как воплощение устремлений общественности западноевропейских стран, выраженных-де в рекомендации консультативной ассамблеи Европейского совета от 11 августа 1950 г.

15 февраля 1951 г. в Париже открылась конференция по разработке проекта договора о «европейской армии». В ней первоначально приняли участие Франция, ФРГ, Италия, Бельгия и Люксембург. В октябре 1951 г. к ним присоединилась Голландия. Англия отказалась участвовать в конференции. Выражая отношение английских правящих кругов к так называемой «европейской армии», премьер-министр Черчилль в одном из выступлений в парламенте подчеркивал, что Англия не может «включаться в федеральную европейскую систему», так как

связана с Содружеством наций. Черчилль допускал, что Западная Германия может «перевесить Францию» в «европейской армии»¹.

Активное воздействие на работу конференции шести стран в Париже оказывали Соединенные Штаты, официально не принимавшие в ней участия. Принятый в 1951 г. конгрессом США закон о «взаимном обеспечении безопасности», предусматривал использование американской экономической и военной помощи «в целях содействия экономическому объединению и образованию политической федерации Европы». В американских правящих кругах открыто проявлялась тенденция поставить предоставление «помощи» странам Западной Европы в зависимость от их готовности к «объединению». Так, «Национальная плановая ассоциация», в состав комитета международной политики которой входят представители крупнейших монополистических групп Моргана, Рокфеллера и т. п., приняла в августе 1951 г. резолюцию с требованием предоставлять помощь не непосредственно национальным правительствам Западной Европы, а через «европейское объединение»².

Подталкиваемые американской дипломатией, участники Парижской конференции по разработке проекта «европейской армии» пришли в январе 1952 г. к предварительному соглашению. 1 февраля 1952 г. был опубликован проект договора о создании Европейского оборонительного сообщества. Он существенно отличался от «плана Плевена». Проект предусматривал включение в «сообщество» национальных формирований на уровне дивизий и оставлял вопросы комплектования и подготовки этих войск в ведении национальных министерств обороны. Даже сторонники «европейской армии» при обсуждении этого проекта в феврале в Национальном собрании Франции критиковали его за отсутствие достаточных гарантий против западногерманского милитаризма.

27 мая 1952 г. в Париже был подписан «Договор об учреждении Европейского оборонительного сообщества» и целый ряд приложений к нему³.

Договор состоял из 132 статей. В ст. 1 провозглашалось учреждение Европейского оборонительного сообщества «наднационального характера с общими органами, общими вооруженными силами и общим бюджетом». В ст. 2 и 5 подчеркивалось, что «сообщество действует в рамках НАТО и в тесном сотрудничестве с ней». Вооруженные силы вновь создававшегося блока должны были состоять, согласно ст. 9, из контингентов, предоставляемых в распоряжение ЕОС государствами-членами.

Раздел II договора о ЕОС (ст. 19—67) посвящен определению довольно обширных прав и функций органов «сообщества»: совета министров, ассам-

¹ «Parliamentary Debates. House of Commons», 11. V. 1953, Col. 891.

² «The New York Times», 28. VIII. 1951.

³ «Documents on American Foreign Relations, 1952». N. Y., 1953, p. 245—248. (На русском языке текст договора о ЕОС опубликован в приложении к книге «Франция и „европейская армия“», М., 1954, стр. 205—262.)

блей, комиссариатов и суда. Военные, финансовые и экономические положения составили соответственно разделы III, IV и V договора.

«Европейская армия», образование которой предусматривалось по Парижскому договору из вооруженных сил шести западноевропейских государств, должна была стать костяком сухопутных вооруженных сил НАТО, а западногерманская армия — ее ударной силой. Правящие круги США при выработке Парижского договора уделяли особое внимание вопросу о взаимоотношениях ЕОС и НАТО. Будучи господствующей державой в НАТО, США с самого начала обсуждения планов создания «европейской армии» требовали, чтобы ЕОС было составной частью Североатлантического блока. По мере завершения выработки Парижского договора проблема взаимоотношений ЕОС и НАТО приобретала для США все большую актуальность. Она обсуждалась и на римской сессии совета НАТО (24—28 ноября 1951 г.), и на лондонской встрече министров иностранных дел США, Англии и Франции (17—19 февраля 1952 г.), и на лиссабонской сессии совета НАТО (20—25 февраля 1952 г.). По решению лиссабонской сессии взаимоотношения между ЕОС и Североатлантическим блоком должны были строиться так, чтобы ЕОС служило усилению НАТО и действовало в ее рамках¹.

Государственный секретарь США Ачесон в своем выступлении 29 февраля 1952 г. об итогах Лондонского совещания министров иностранных дел и лиссабонской сессии совета НАТО подчеркивал, что «европейская армия», в которую вольются западногерманские соединения, «будет частью вооруженных сил верховного командования Североатлантического союза»². Такое положение юридически закреплялось ст. 18 Парижского договора, согласно которой «европейская армия» отдавалась в подчинение главнокомандующего войсками НАТО, а ст. 68 даже предусматривала прямое включение дивизий ЕОС в армейские корпуса НАТО. Таким образом, Европейское оборонительное сообщество планировалось в качестве составной части агрессивного Североатлантического блока.

Главной целью ЕОС должна была стать подготовка войны против СССР и других социалистических стран. Но этим не исчерпывалось назначение ЕОС. Помимо указанной, так сказать, внешней функции, ЕОС имело и другую — внутреннюю функцию. Оно представляло собой классовый союз империалистов различных стран для подавления демократических сил Западной Европы, борющихся против социального гнета.

В этом отношении показательны ст. 11 и 12 договора об учреждении ЕОС. Они свидетельствуют о том, что, лишая государства их национальных армий, авторы договора отнюдь не забыли о главном назначении капиталистического государства — держать эксплуатируемое большинство в узде. В соответствии со ст. 12 комиссариат ЕОС обязывался «в случае волнений или угрозы волнений на территории государства-члена» предоставлять в его распоряжение войска из контингентов, выделенных этим государством в «европейскую армию». Более того, в той же статье предписывалось частям «европейских оборонительных сил, независимо от их происхождения», оказывать государствам — членам ЕОС помощь в случае «общественного бедствия». Понятие «общественное бедствие» в договоре не уточнялось, но и без того известно, что для империалистов самым большим «общественным бедствием» является борьба народов за демократию, свободу и социализм.

Договор о ЕОС предусматривал объединение сил империалистов и для совместной борьбы против национально-освободительного движения народов колоний. В договоре заявлялось,

¹ «The Department of State Bulletin», 10.III, 1952, № 663, p. 363—368.

² «The New York Times», 1. III, 1952.

что «в случае серьезного кризиса» в колониях государства — члена ЕОС в его распоряжение с согласия главнокомандующего НАТО предоставляется часть выделенных этим государством войск (ст. 13).

Договором об учреждении ЕОС участвовавшим в нем государствам не разрешалось содержать национальные вооруженные силы (ст. 9). Под национальным командованием оставались лишь войска, предназначенные для использования на неевропейских территориях, т. е. в колониях, вооруженные силы, «соответствующие, — как говорилось в ст. 10 договора, — международным миссиям» (имелись в виду французские оккупационные войска в Германии и Австрии), и личная охрана главы государства.

Согласно ст. 80 Парижского договора, «наднациональные» органы Европейского оборонительного сообщества приобретали в отношении вооруженных сил, переданных в так называемую «европейскую армию», все те права и обязанности, которыми обладают государства в отношении своих национальных сил и их личного состава. Иначе говоря, западноевропейские страны — участницы ЕОС, соглашаясь передать свои вооруженные силы в «европейскую армию», полностью лишались права распоряжаться ими. Все важнейшие функции государства в военной области должны были перейти к «наднациональному» органу — комиссариату. Комиссариат планировалось создать из девяти членов, которые, как указывалось в ст. 20, «при выполнении своих обязанностей... не испрашивают и не принимают инструкций ни от одного из правительств». В функции комиссариата входило: составлять планы организации вооруженных сил и обеспечивать их выполнение (ст. 71), следить за мероприятиями по комплектованию «европейской армии» (ст. 73), проводить обучение и инструктаж вооруженных сил ЕОС (ст. 74), разрабатывать мобилизационные планы (ст. 75), осуществлять инспектирование и контроль (ст. 76), управлять личным составом и материальной частью (ст. 78) и, наконец, определять дислокацию «европейских» вооруженных сил «в рамках рекомендаций главнокомандующего организации Североатлантического договора» (ст. 77). Последняя оговорка относительно ограничения функции комиссариата «рекомендациями» главнокомандующего войсками НАТО, т. е. указаниями американского генерала, чрезвычайно существенна. Она показывает, что объявленный «наднациональным» комиссариат в действительности должен был быть наднационален лишь в отношении европейских стран, вступивших в ЕОС, и ощутимо зависим от правительства США, поскольку пост командующего войсками НАТО неизменно занимает представитель Пентагона.

Весьма значительно суверенитет государств — членов ЕОС ущемлялся и в экономической области. Вся их военная промышленность отдавалась под управление того же «наднационального» комиссариата. Согласно ст. 101 Парижского договора, комиссариату вменялось в обязанность подготавливать и обеспечивать выполнение общих программ вооружения, оснащения, снабжения и создания военных сооружений. При реализации этих программ комиссариат должен был, как говорилось в ст. 102, «использовать наиболее эффективным образом технические и экономические возможности каждого из государств-членов». А по ст. 104 комиссариат получал право «прибегать к ресурсам каждого государства-члена в наиболее выгодных для сообщества условиях».

Парижский договор запрещал его участникам регулировать производство, импорт и экспорт военных материалов. Все эти вопросы, а также научно-исследовательская работа в военной области (ст. 106) передавались в исключительное ведение комиссариата.

Ограничивалась также самостоятельность участников Парижского договора в области финансовой деятельности, так как соответствующие парламенты при установлении государственных бюджетов должны были бы соотносываться с бюджетом Европейского оборонительного сообщества. Общая сумма бюджета «сообщества», а также доля участия каждого государства-

члена устанавливались комиссариатом, советом и ассамблеей (ст. 87). Определенная «наднациональными» учреждениями доля участия каждого государства-члена должна была включаться соответствующим правительством в государственный бюджет. Таким образом, в случае реализации Парижского договора государства — члены ЕОС в значительной мере лишились бы экономической независимости.

Важная особенность договора о ЕОС, руководящие органы которого предполагалось построить по образцу Европейского объединения угля и стали, состояла во временном характере ряда его положений. Согласно ст. 8 и 38 договора, структура учреждений ЕОС подлежала замене новой, которую должна была разработать ассамблея ЕОС. В своей работе ассамблея, указывалось в ст. 38, должна была руководствоваться тем, что «организация окончательного характера, которая заменит настоящую временную организацию, должна быть построена таким образом, чтобы она могла стать одним из элементов будущей федеральной или конфедеральной системы, основанной на принципе разделения властей и включающей в себя, в частности, двухпалатную представительную систему».

Европейское оборонительное сообщество замышлялось как шаг на пути к созданию «наднационального» Европейского политического сообщества. В рассматриваемый период проект Европейского политического сообщества обсуждался исключительно в связи с планами вооружения ФРГ. На нем следует специально остановиться, поскольку ни в одном из «европейских» документов столь откровенно не рекламировались далеко идущие цели «объединенной Европы». К тому же инициаторы «европейской» политики вновь вернулись к идее политического сообщества в конце 50-х — начале 60-х годов.

Подготовка проекта «политического сообщества» в связи с затянувшимися сроками ратификации Парижского договора о «европейской армии» и создания ассамблеи ЕОС была возложена на ассамблею ЕОУС, причем ее состав расширялся по предусмотренным соглашениями размерам ассамблеи ЕОС (привлечены еще 9 членов от Франции, ФРГ и Италии). Этой специальной ассамблее министры иностранных дел шести государств и поручили подготовить в шестимесячный срок проект «политического сообщества». Выдвижение «плана Идена» и принятие консультативной ассамблеей 30 мая 1952 г. резолюции о необходимости установления тесной связи между Европейским советом и проектируемыми сообществами предопределило участие в работе специальной ассамблеи наблюдателей от Англии и других стран — участниц Европейского совета, не пожелавших вступить в эти сообщества. 15 сентября 1952 г. это своеобразное учредительное собрание начало свою работу, образуя «конституционный комитет» во главе с западногерманским делегатом фон Брентано.

В процессе разработки проекта западногерманские делегаты вносили в него положения, призванные легализовать территориальные притязания ФРГ на востоке, ее право использовать «европейскую армию» для насильственного восстановления капиталистических порядков в Восточной Германии. Так, по их настояниям в ст. 102 и 103 проекта подчеркивались «права» ФРГ на территорию в границах 1937 г. и предусматривалось расширение ее представительства в «европейском парламенте» после восстановления прежних границ Германии¹. По требованию западногерманских делегатов проект наделял «сообщество» правом применять вооруженную силу в целях оказания своим членам помощи в обеспечении «конституционного порядка и демокра-

¹ «European Community ad hoc Assembly 1952—1953. Debates, Official Report». Strasbourg, 1953, p. 181, 282—283.

тических институтов на их территории» (ст. 104). Поскольку в ст. 102 и 103 территория ГДР рассматривалась как составная часть территории ФРГ, это открывало для боннских реваншистов возможность требовать от «сообщества» поддержки в случае развязывания ими агрессии против ГДР.

Несмотря на то что ассамблея состояла исключительно из сторонников «политического сообщества», между ними шла ожесточенная борьба по отдельным положениям проекта. Наибольшие разногласия вызвали вопросы о полномочиях проектируемого исполнительного органа и о размерах представительства каждой страны в парламенте «сообщества». Французы и ряд других членов ассамблеи, опасаясь подчинения «сообщества» Западной Германии, настаивали на подчинении предполагаемого исполнительного органа контролю национальных правительств, а кое-кто из них предлагал ввести в совете министров право «вето». Другие члены ассамблеи, прежде всего западногерманские делегаты, настаивали на предоставлении исполнительному органу всех полномочий наднационального правительства. В вопросе о размерах представительства спор также шел в основном между французскими и западногерманскими представителями. Первые настаивали, чтобы количество мест для Франции соответствовало удельному весу населения всего Французского Союза в «политическом сообществе». Вторые стремились максимально ограничить число предоставляемых Франции мест и увеличить представительство ФРГ. Лишь после долгих споров удалось достичь компромиссного решения.

10 марта 1953 г. согласованный проект «европейского сообщества» был представлен на рассмотрение министров иностранных дел шести государств. Здесь и закончилось его существование: из-за многочисленных разногласий он не получил одобрения заинтересованных стран. Однако этот документ сохранил свое значение в качестве весьма красноречивого свидетельства подлинных целей западноевропейской «интеграции». Осуществление задачи создания «европейского сообщества», которое должно было поглотить другие «европейские» организации — ЕОУС и ЕОС, тесно связывалось в проекте с достижением общих целей, зафиксированных в статуте Европейского совета, конвенции ОЕЭС и в Североатлантическом пакте (ст. 2). Помимо обеспечения совместно с НАТО «безопасности», а также «координации внешней политики», постепенного создания общего для государств-членов рынка, основанного на свободном обращении и перемещении товаров, капиталов и лиц, координации их валютной, финансовой и кредитной политики (ст. 82, 83) на «сообщество» возлагались широкие функции по защите «конституционного порядка и демократических институтов». Органы «сообщества», участники которого были лишены права выйти из него, могли осуществлять эти полицейские функции и по своей собственной инициативе¹. Таким образом, в формулируемых задачах «сообщества» отражалось стремление создать организацию, которая, попирая национальный суверенитет ее участников, обеспечивала бы неизбежность капиталистических порядков на их территории и подавляла бы силы демократии и прогресса.

Проект Европейского политического сообщества, разработанный вслед за соглашением о «плане Шумана» и Парижским договором о ЕОС и неразрывно связанный с последним, представляет собой документ, наиболее полно обрисовывающий идеал «наднациональной» организации, к которому стремятся инициаторы империалистической «интеграции» ряда стран «малой Европы». Не случайно некоторые сторонники западноевропейской «интеграции» на последующих стадиях ее развития рассматривали осуществление этого проекта как одну из своих важнейших задач.

¹ См. «Франция и „европейская армия“», стр. 210, 235.

Основное значение мероприятий по созданию «европейского политического сообщества» в тот период определялось тем, что они одновременно легализовали раскол Германии и маскировали возрождение милитаризма в ФРГ и ее включение в агрессивные военные блоки западных держав. Несмотря на заверения поборников европейской «интеграции», в частности председателя ассамблеи Спаака, будто «между идеями воссоединения Германии и европейской интеграции не существует никакого противоречия», участие ФРГ в империалистических сообществах «малой Европы» серьезно препятствовало созданию единого и миролюбивого германского государства. Государственные деятели западных держав, ратовавшие за «интеграцию», объявляли абсурдными предложения о демилитаризации или нейтрализации Германии. Они заявляли, что путь к решению германской проблемы лежит через вооружение и включение всей Германии в «европейское сообщество». Политика «интеграции» поощряла наиболее реакционные и реваншистские элементы в Западной Германии, способствовала упрочению позиций правящей партии Аденауэра. Судьба других западноевропейских государств тесно связывалась через «сообщество» с политикой самых авантюристических элементов Западной Германии. Тем самым поборники европейской «интеграции» способствовали усилению в центре Европы опасности агрессии и военных конфликтов.

4. Провал договора о Европейском оборонительном сообществе

Попытка создания Европейского оборонительного сообщества породила новые острые противоречия между западными державами. Будучи согласны с основным направлением агрессивной империалистической политики в Европе, США, Англия и Франция занимали различные, часто непримиримые позиции в отношении ее конкретного воплощения в жизнь, ее форм и методов. Все это выразилось в борьбе вокруг ратификации договора о ЕОС, развернувшейся в 1952—1954 гг.

Весьма своеобразным было отношение к ЕОС Англии. Борясь за господство в Европе, она выступала против наднационального характера «европейских» организаций, за превращение их в обычные межгосударственные коалиции. Вместе с тем Англия не могла не поддерживать Европейское оборонительное сообщество как составной элемент империалистической политики «холодной войны» против социализма. Это обусловило определенную двойственность политики Англии в отношении ЕОС: господствующие круги страны, руководствуясь своими классовыми интересами, стремлением объединить реакционные силы империалистических государств, включая Западную Германию, для борьбы против Советского Союза и социалистического

лагеря, поддерживали идею создания «европейской армии», оказывали нажим на Францию, чтобы заставить ее ратифицировать Парижский договор. Вместе с тем правительство Англии отказалось вступить в ЕОС, не желая связывать себя жесткими условиями договора.

Однако правящие круги Англии вплоть до провала договора о Европейском оборонительном сообществе делали все возможное для обеспечения своего влияния в ЕОС. В частности, с этой целью в Париже было заключено соглашение о сотрудничестве Англии с ЕОС, изложенное в меморандуме правительства Великобритании от 13 апреля 1954 г.

По этому соглашению английскому министру предоставлялось право участвовать в заседаниях совета ЕОС, а постоянному английскому представителю — осуществлять регулярную связь с комиссариатом «сообщества». Англии разрешалось участвовать в обсуждении вопросов о численности и составе вооруженных сил ЕОС, прикомандировывать своих офицеров к штабам сухопутных и военно-воздушных сил, принимать участие в работе объединенных штабов¹.

Англия брала обязательство содержать в континентальной Европе свои войска, которые «могут оказаться нужными и подходящими для того, чтобы внести справедливую долю в совместную оборону Североатлантического района». Английское правительство со множеством оговорок соглашалось включить «британские армейские формирования и военно-воздушные части в европейские формирования». Конкретизируя это обещание, Иден заявил в палате общин, что Англия согласна включить в «европейскую армию» одну бронетанковую дивизию. Однако это ставилось в зависимость от целого ряда условий, наличие которых должно было определяться самой Англией². Таким образом, по соглашению Англия значительно больше получила прав, чем брала на себя обязательств. «Участие Англии в ЕОС, — писал известный французский публицист Р. Арон, — исключалось наднациональным характером этой организации, но это не мешало тесному сотрудничеству, выгоды от которого для Англии были бы даже больше, чем для шести континентальных стран»³. Заключая соглашение о сотрудничестве с ЕОС, английские правящие круги стремились укрепить свои позиции на континенте и в какой-то мере ограничить влияние США.

Что же касается американских империалистов, то они, добившись публичной поддержки английского правительства в деле скорейшего создания Европейского оборонительного сообщества, сравнительно легко примирились с отказом Англии вступить в ЕОС. Американская позиция в данном случае, как писали авторы книги «Основные проблемы внешней политики Соединенных Штатов в 1954 г.», определялась тем, что, по мнению правящих кругов США, «более активное участие Англии в делах континентальной Европы могло бы создать осложнения для американской политики и привести к новым источникам разногласий между двумя союзниками»⁴.

¹ «Memorandum regarding United Kingdom. Association with the European Defence Community 13. IV. 1954». London. Miscellaneous, № 10 (1954). Cmd 9126, p. 8, 11—12.

² См. «Новое время», 1954, № 26, стр. 9—10.

³ «France Defeats EDC». Ed. by D. Lerner and R. Aron. N. Y., 1957, p. 10.

⁴ «Major Problems of the United States Foreign Policy 1954», Wisconsin, 1954, p. 200.

Отношение правительства США к ЕОС с наибольшей полнотой было выражено в специальном послании президента Эйзенхауэра от 15 апреля 1954 г. премьер-министрам стран — участников «сообщества». В послании говорилось о необходимости «тесного и длительного сотрудничества» между американскими вооруженными силами и войсками ЕОС, давалось обещание «поощрять как можно более тесное слияние» вооруженных сил «сообщества» и американских вооруженных сил. Эйзенхауэр выразил «убеждение», что «западноевропейские страны, которых это касается, быстро пойдут к созданию европейского сообщества путем ратификации договора о Европейском оборонительном сообществе»¹.

Меморандум английского правительства о сотрудничестве с ЕОС от 13 апреля и послание президента США от 15 апреля были рассчитаны, в частности, на то, чтобы поторопить западноевропейские страны, и прежде всего Францию и Италию, с ратификацией договора о ЕОС. Вскоре последовали и совместные действия правительств США и Англии в этом направлении. 28 июня 1954 г. Эйзенхауэр и Черчилль после состоявшихся в Вашингтоне переговоров потребовали от французского правительства ускорить ратификацию договора о ЕОС; «дальнейшая задержка, — говорилось в их совместном заявлении, — нанесла бы ущерб солидарности атлантических наций»². 4 июля было объявлено о создании англо-американской «исследовательской группы» для изучения возможных мер на случай, если Франция не ратифицирует договор³. При этом сообщалось, что в таком случае США и Англия предпримут шаги в отношении вооружения Западной Германии без участия Франции.

Влиятельные французские круги колебались. На их позицию оказывало воздействие не только широкое народное движение против «европейской армии», но и наличие острейших империалистических противоречий между Францией и Западной Германией. Эти противоречия проявились в продолжавшейся франко-западногерманской тяжбе из-за Саара, в ожесточенной конкуренции на мировых рынках.

Отражением острой франко-западногерманской борьбы явилось выдвижение Францией предварительных условий ратификации Парижского договора.

Так, в октябре 1952 г. на съезде партии радикалов Мейер и Фор предложили обусловить ратификацию договора о ЕОС предварительным разрешением саарской проблемы в пользу Франции и созданием «европейской политической власти», которая контролировала бы «европейскую армию», что, по мнению некоторых сторонников ЕОС, могло бы оградить Францию от военных авантур западногерманских милитаристов⁴.

¹ «The Department of State Bulletin», 26. IV. 1954, p. 619—620.

² «The Department of State Bulletin», 12. VII. 1954, p. 49.

³ «Britain in Western Europe. WEU and Atlantic Alliance. A Report by a Study Group of Royal Institute of International Affairs», London and N. Y., 1956, p. 48.

⁴ «L'Année politique 1952», Paris, 1953, p. 372.

Быстро изменявшееся соотношение сил между европейскими империалистическими державами в пользу Западной Германии все больше настораживало Францию. По мере роста угрозы превращения ФРГ в главную силу ЕОС во Франции сужался круг сторонников опасного для нее союза с Западной Германией. Французская буржуазия считала, что союз с Англией мог быть своего рода гарантией против угрозы установления господства вновь возрождавшегося германского милитаризма в проектировавшемся блоке. Но Англия отказалась войти в ЕОС, и это тоже в известной мере предопределило отрицательное отношение к ЕОС части французской буржуазии.

В ряде причин, определявших нарастание во Франции отрицательного отношения к ЕОС, не последнюю роль играло ограничение суверенитета, налагаемое Парижским договором на его участников. Со стороны правящих кругов Франции предпринимались попытки как-то уменьшить или смягчить это ограничение. 11 февраля 1953 г. французское правительство радикала Р. Мейера разослало пяти другим членам ЕОС проект дополнительных протоколов. В них содержались положения, принятие которых позволило бы французскому правительству сохранить национальную армию в определенной мере под своим контролем. В частности, правительство Франции настаивало на признании за ним права посылать французские войска в колонии без особого на то разрешения комиссариата ЕОС и главнокомандующего НАТО. В дополнительных протоколах выдвигались также требования сохранить национальный характер французской военной промышленности и изменить ст. 43 договора о процедуре голосования в совете министров ЕОС.

В требовании французского правительства о сохранении права самостоятельно решать вопрос о посылке своих войск в колонии выражалось нежелание французской буржуазии делить свои «права» на колониальные владения с другими государствами. Требование Франции об изменении ст. 43 договора было вызвано франко-западногерманским соперничеством.

Продолжавшиеся целый месяц (с 24 февраля по 24 марта 1953 г.) переговоры представителей шести участников ЕОС вследствие непримиримой позиции, занятой западногерманским правительством в отношении французских дополнительных протоколов, не принесли успеха дипломатии Франции. Ни одно требование так называемых дополнительных протоколов, по существу, не было принято.

Американские империалисты использовали все доступные им средства давления на западноевропейские страны, чтобы заставить их ратифицировать Парижский договор. Не было ни одной сессии совета НАТО, где бы не обсуждался вопрос о ЕОС. Принимавшиеся резолюции требовали скорейшей ратификации договора. Но ни экономический нажим, ни прямые угрозы, ни обещания «гарантий» — средства, применявшиеся в отношении Франции и Италии правящими кругами США при активном участии Англии, — не могли вывести из тупика вопрос о ратификации Парижского договора.

С 19 по 22 августа 1954 г. в Брюсселе состоялось совещание государств — членов ЕОС, на котором французский премьер Мендес-Франс предложил внести кое-какие поправки в Парижский договор¹. Не меняя сущности ЕОС, они были рассчитаны лишь на то, чтобы сделать его более «приемлемым» для Национального собрания Франции. Соединенные Штаты в период этого совещания усилили нажим на Францию. 21 августа в Брюссель прибыл специальный представитель США по делам

¹ «L'Année politique 1954», Paris, 1955, p. 427.

ЕОС Брюс. Государственный секретарь США Даллес направил Мендес-Франсу в Брюссель послание, в котором угрожал «осуществлять европейскую политику без Франции», если она откажется ратифицировать Парижский договор¹. Совещание не приняло ни одной французской поправки.

Выступление Мендес-Франса в Национальном собрании после брюссельской встречи дает полное представление о положении, в котором оказалась Франция на этом совещании. «В течение пяти болезненных и порой унижительных для представителей Франции дней, — заявил Мендес-Франс, — мы оказывались одни лицом к лицу с блоком пяти государств... Всегда на одной стороне по всем вопросам было пять стран и на другой, я говорю это с горечью, наша изолированная страна»².

Конечно, империалистические противоречия вокруг договора о ЕОС играли весьма существенную роль в его судьбе. Но решающим фактором было движение народов за мир, против империалистических агрессивных планов. Народы Западной Европы увидели в «европейской армии» серьезную угрозу миру, безопасности и независимости их стран. Борьба народов против создания ЕОС — это славная страница в истории общенародного движения за мир, против возрождения милитаризма в ФРГ, за демократическое решение германского вопроса. Исклчительно большую роль в этой борьбе играли коммунистические партии.

Активно боролась против Парижского и Боннского договоров Коммунистическая партия Германии. Состоявшийся в 1951 г. съезд КПГ, обсудивший задачи компартии в борьбе за единство Германии, призвал воспрепятствовать ремилитаризации Западной Германии, заключить еще в 1951 г. мирный договор, установить единство действий в борьбе против ремилитаризации, за мир, за единую демократическую Германию, за социальные права трудящихся. 4 декабря 1952 г. Макс Рейман, выступая в бундестаге, обратился от имени трудящихся и всего населения обеих частей Германии к депутатам со страстным призывом отклонить «общий договор» и договор о ЕОС. КПГ неустанно разоблачала империалистическую сущность Парижского и Боннского договоров, активизировала и спланировала силы, боровшиеся против них.

В Италии, стране с сильной и влиятельной коммунистической партией, народное движение против создания «европейской армии» было настолько мощным, что итальянские правящие круги так и не смогли добиться утверждения Парижского договора парламентом. Народные массы на собраниях и митингах выражали резкий протест против создания ЕОС и ремилитари-

¹ «The New York Times», 30. VIII. 1954.

² «Débats de l'Assemblée Nationale», vol. 27, session de 1954, du 29. VII. 1954 au 31. VIII. 1954. Paris, 1956, p. 4423.

зации Западной Германии. Они решительно поддерживали советские предложения о скорейшем заключении мирного договора с Германией и создании системы коллективной безопасности в Европе.

Реакционным силам Италии не удалось сколотить единый фронт буржуазных партий: в итальянском парламенте против создания ЕОС выступило более ста депутатов и сенаторов, принадлежавших к различным буржуазным партиям.

Самое сильное народное движение в Западной Европе против возрождения германского милитаризма и создания агрессивного военного блока развернулось во Франции.

Против Парижского договора выступали самые различные слои населения.

В комитет против ратификации договора о ЕОС вошли депутаты парламента, принадлежавшие ко всем группам. Даже в МРП, клерикальной партии, в составе которой было много сторонников «объединения Европы», не все ее члены поддерживали проект образования ЕОС. В правительстве Франции произошел раскол: министры — «социальные республиканцы» (деголлевы) в знак протеста против политики поддержки Европейского оборонительного сообщества вышли в отставку. Лидеры деголлецев, не являясь принципиальными противниками перевооружения Западной Германии и ее участия в антисоветской коалиции западных держав, были не согласны с отказом Франции от суверенитета в военной области. Среди радикалов было больше противников, чем сторонников ЕОС. Да и многие из сторонников поддерживали планы создания ЕОС далеко не безоговорочно.

Реакционное руководство социалистической партии выступило в поддержку «европейской армии». Но, несмотря на то что 46-й съезд социалистической партии одобрил план создания ЕОС и принял резолюцию, требовавшую от депутатов — социалистов «партийной дисциплины», 53 депутата — члена социалистической партии проголосовали в Национальном собрании против ЕОС (за ЕОС голосовали 50 социалистов). Рядовые члены социалистической партии в основном были противниками Парижского и Боннского договоров.

Наиболее последовательно и решительно против ЕОС выступала коммунистическая партия. Еще в феврале 1951 г. пленум ЦК Французской коммунистической партии в своей резолюции указал, что для членов партии нет более важной и более неотложной задачи, чем активное участие в кампании по сбору подписей под бюллетенями протеста против перевооружения Западной Германии¹. К концу 1951 г. было собрано более 10 млн. подписей. XIII съезд Французской коммунистической партии (июнь 1954 г.) среди задач, стоящих перед коммунистами в борьбе за национальную независимость и мир, за хлеб и свободу, на первое место поставил противодействие ратификации договора о ЕОС².

Активным борцом против Европейского оборонительного сообщества был Советский Союз. Еще в нотах Советского правительства от 15 декабря 1950 г. и 20 января 1951 г. указывалось.

¹ «L'Humanité», 18. II. 1951.

² «L'Humanité», 4. VI. 1954.

что проводимая правительствами США, Англии и Франции политика воссоздания армии в Западной Германии и вовлечения ее в блоки западных держав противоречит соглашениям, заключенным во время и после войны союзниками по антигитлеровской коалиции в отношении Германии, и создает серьезную угрозу для мира¹. Советское правительство неоднократно подчеркивало, что главным виновником политики развязывания рук германским реваншистам и создания угрозы повторения германской агрессии являются американские агрессивные круги². 10 марта 1952 г. Советское правительство предложило правительствам США, Англии и Франции безотлагательно обсудить вопрос о мирном договоре с Германией и направило им проект Основ мирного договора с Германией. 9 апреля 1952 г. оно вновь повторило свое предложение о мирном договоре с Германией³.

Но если инициатива Советского Союза встретила горячую поддержку всего социалистического лагеря и народов Западной Европы, то правительства США, Великобритании и Франции затягивали рассмотрение этого вопроса, на что указывалось в новой ноте Советского правительства от 24 мая 1952 г.⁴ В ноте разоблачались попытки западных держав уклониться от заключения мирного договора с Германией и их истинные цели, связанные с «общим договором» и планами создания ЕОС. Советское правительство вновь предложило приступить к совместному обсуждению германского вопроса.

Советский Союз начинает особенно энергично и решительно выступать за укрепление мира в Европе с середины 1953 г. Советское правительство неустанно ищет реальные пути к разрешению спорных европейских проблем. Выдвигаемые им предложения показывают общественности западноевропейских стран реальную альтернативу таким опасным затеям, как Европейское оборонительное сообщество.

В ноте от 4 августа 1953 г. Советское правительство, указав, что с прекращением войны в Корее усилиями миролюбивых государств создались благоприятные условия для уменьшения напряженности в международной обстановке, вновь предложило западным державам рассмотреть германский вопрос⁵. Однако империалистические круги США и их пособники в Европе продолжали саботировать любые мероприятия, которые могли бы привести к улучшению международной обстановки. Западные державы, отмечалось в советской ноте от 15 августа, не выразили своего отношения к советскому проекту Основ мирного договора с Германией и в то же время не представили своего

¹ См. «Правда», 21 января 1951 г.

² См. «Правда», 12 сентября 1951 г.

³ См. гл. XXVI.

⁴ См. «Правда», 25 мая 1952 г.

⁵ См. «Правда», 5 августа 1953 г.

проекта мирного договора. В той же ноте давалась исчерпывающая характеристика Парижского договора: смысл «парижского соглашения» заключается в том, что в Западной Германии под руководством гитлеровских генералов и других реваншистов создаются вооруженные силы, входящие в состав так называемой «европейской армии», предназначенной для агрессивных целей Североатлантического блока»¹. На Берлинском совещании министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции (1954 г.) советская делегация вновь разоблачила агрессивный характер ЕОС и выдвинула конкретный план создания системы общеевропейской коллективной безопасности.

Борьба Советского Союза и всех миролюбивых сил против создания новой агрессивной группировки наряду с рядом других политических факторов привела в конечном счете к полному провалу попытки создания Европейского оборонительного сообщества.

Летом 1954 г. проекту создания ЕОС был нанесен завершающий удар. К этому времени, т. е. через два года после подписания договора о ЕОС, лишь четыре государства (ФРГ, Нидерланды, Бельгия, Люксембург) из шести ратифицировали его. Причем ни один из участников ЕОС не ратифицировал Парижский договор в установленный 6-месячный срок².

Даже в Западной Германии, среди правящих кругов которой чрезвычайно сильны реваншистские и милитаристские настроения, обсуждение Парижского и Боннского договоров, несмотря на отчаянные попытки Аденауэра добиться быстрой их ратификации, затянулось на многие месяцы. В ходе первого обсуждения договора, которое состоялось 9—10 июля 1952 г., он был

¹ «Правда», 17 августа 1953 г.

Страны	Даты ратификации	Результаты голосования	
		«за»	«против»
Западная Германия			
Бундестаг	19 марта 1953 г.	224	165
Бундесрат	15 мая 1953 г.	23	15
Нидерланды			
Нижняя палата	23 июля 1953 г.	75	11
Верхняя палата	20 января 1954 г.	36	4
Бельгия			
Палата представителей	26 ноября 1953 г.	148	49
Сенат	12 марта 1954 г.	125	40
Люксембург	7 апреля 1954 г.	46	4

подвергнут резкой критике не только социал-демократами, но даже и представителями правительственной коалиции. В качестве главного довода против ратификации выдвигалось справедливое утверждение, что создание ЕОС увековечит раскол Германии. Из-за сильной оппозиции, с которой Аденауэру и его сторонникам пришлось встретиться в бундестаге, второе и третье чтения были отложены до сентября, а затем до октября. 18 ноября 1952 г. бундестаг отклонил предложение канцлера назначить второе и третье чтения Парижского договора на 26—28 ноября. При этом вместе с социал-демократами за отсрочку дебатов проголосовали 20 депутатов — членов партий, входящих в правительственную коалицию. Затем прения в бундестаге назначались на 3—5 декабря и опять были отложены.

Лишь 19 марта 1953 г. бундестаг ратифицировал Парижский договор, после чего он поступил во вторую палату. Однако бундесрат, где аденауэровское правительство не имело прочного большинства, 20 голосами против 18 отказался не только ратифицировать договор о ЕОС, но и ставить его на голосование, пока Верховный суд не вынесет решение относительно его конституционности. Боннскому правительству потребовалось еще около двух месяцев, чтобы преодолеть препятствия, возникшие в бундесрате.

Что же касается Франции, то 30 августа 1954 г. ее Национальное собрание 319 голосами против 264 отвергло проект договора, учреждавшего ЕОС¹. Тем самым проект Европейского оборонительного сообщества был окончательно похоронен. Провал ЕОС означал серьезное поражение империалистической политики «с позиции силы».

«Нью-Йорк таймс» писала, что провал ЕОС «явился ударом, нанесенным организации Североатлантического договора, которая в течение двух лет основывала свои планы на включении дополнительных двенадцати немецких дивизий в свои европейские оборонительные силы посредством договора о ЕОС. Это явилось также ударом по американской политике в Европе»². По свидетельству американского реакционного историка и публициста М. Флоринского, решение Национального собрания Франции «произвело впечатление разорвавшейся политической бомбы, и сильнее всего этот взрыв потряс США»³. Канцлер ФРГ Аденауэр в интервью лондонской газете «Таймс» заявил: «Французское голосование представляет собою второе серьезнейшее дипломатическое поражение Соединенных Штатов за последнее время»⁴. Президент США Эйзенхауэр охарактеризовал провал ЕОС как «серьезнейшую неудачу»⁵.

¹ «Débats de l'Assemblée Nationale», vol. 27, session de 1954, Paris, 1956, p. 4471.

² «The New York Times», 31. VIII. 1954.

³ M. T. Florinsky. Integrated Europe? N. Y., 1955, p. 104.

⁴ «Times», 4.IX.1954. Под первым поражением США Аденауэр имеет в виду Женевское совещание 1954 г., на котором, вопреки препятствиям, чинимым американской дипломатией, было достигнуто соглашение о прекращении военных действий в Индокитае.

⁵ «The Department of State Bulletin», № 794, 13, IX, 1954, p. 363.

Провал Европейского оборонительного сообщества явился ударом по политике «интеграции» Европы. Последовала довольно длительная пауза в проведении новых мероприятий по «объединению» Европы. Хотя «интеграция» продолжала занимать важное место в планах империалистических государств, практическое осуществление проектов политической и экономической «интеграции» Западной Европы задержалось на несколько лет. Ближайшей целью империалистических правительств стало изыскание новых путей для перевооружения ФРГ.

Г Л А В А XXV

ПАРИЖСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ — ОРУДИЕ РЕМИЛИТАРИЗАЦИИ ФРГ

1. Поиски новых форм ремилитаризации ФРГ

Провал ЕОС подчеркнул необходимость нового подхода к решению европейских проблем, и особенно германской проблемы. Появились реальные возможности улучшения политической обстановки в Европе. Советское правительство еще в ноте от 24 июля 1954 г. предложило правительствам Франции, Англии и США созвать общеевропейское совещание для рассмотрения вопроса о создании системы коллективной безопасности¹. 4 августа СССР предложил западным державам обсудить этот вопрос в предварительном порядке на совещании министров иностранных дел, а также продолжить на нем обсуждение германской проблемы.

Но правительства западных держав в своих нотах Советскому правительству от 10 сентября снова отвергли советские предложения, давая понять, что они и впредь намерены продолжать политику ремилитаризации Западной Германии и создания новых военных блоков.

Сразу же после провала ЕОС в правящих кругах западных держав заговорили о новых путях и формах возрождения западногерманского милитаризма. Иден, бывший в то время министром иностранных дел Великобритании, в своих мемуарах рассказывает, что, предвидя провал ЕОС в Национальном собрании Франции, он заранее приказал своим советникам разработать альтернативное решение². В том же духе действовали и руководители внешней политики США и ФРГ. Там тоже искали новые пути вооружения Западной Германии.

Первым выдвинуло конкретные предложения и предприняло практические шаги в этом направлении правительство Велико-

¹ См. «Правда», 25 июля 1954 г.

² «The Memoirs of Sir Anthony Eden. Full Circle», p. 149.

британии. Оно предложило в кратчайший срок созвать совещание 9 держав — США, Англии, Франции, Западной Германии, Италии, Бельгии, Голландии, Люксембурга и Канады — для решения вопроса о новых способах вооружения Западной Германии. Предварительно Иден предпринял поездку по столицам западноевропейских стран. Перед вылетом из Лондона в Брюссель он заявил, что его поездка служит «первым подготовительным шагом к более широкому совещанию». Говоря о том, что целью западных держав остается вооружение ФРГ, Иден призывал «искать другой путь»¹.

Исключительная активность британской дипломатии свидетельствовала о намерении Англии взять на себя руководство новым европейским блоком, после того как план ЕОС, вдохновлявшийся Соединенными Штатами, потерпел полный провал. В качестве козыря в своей игре английское правительство использовало то обстоятельство, что одной из причин выступления некоторых кругов французской буржуазии против ЕОС был отказ Англии участвовать в нем.

Во время своей поездки Иден излагал правительствам, с которыми вел переговоры, английский план вооружения ФРГ, серьезно отличавшийся от соответствующих американских проектов. Если в госдепартаменте США считали, что в связи с провалом ЕОС надо прямо и непосредственно включить Западную Германию в НАТО в качестве полноправного участника, то Иден предложил привлечь ФРГ и Италию в Западный союз, созданный Брюссельским пактом 1948 г.², и лишь затем «постепенно» в Атлантический союз. Иден пишет в своих мемуарах: «Брюссельский договор можно было бы преобразовать в пакт взаимной обороны, по типу Локарнского пакта, который охватил бы всю Западную Европу. Не замедлили бы сказаться и другие преимущества. Наднациональные черты Европейского оборонительного сообщества отпали бы, и Соединенное Королевство могло бы тогда стать полноправным членом, оказывая поддержку изнутри, вместо того чтобы подпирать извне»³. «Поддержка изнутри» означала не что иное, как попытку правящих кругов Великобритании, воспользовавшись провалом ЕОС, укрепить свои позиции в Европе путем прямого участия в новом военном союзе.

11 сентября Иден зондировал почву в Брюсселе. Его план не встретил никаких возражений со стороны министров иностранных дел Бельгии, Голландии и Люксембурга. Затем глава Форин-оффис отправился в Бонн, где вел переговоры с Аденауэром. Западногерманский канцлер, соглашаясь с английскими предложениями, пытался выторговать наиболее выгодные для правящих кругов ФРГ условия вооружения. В Риме «план Идена» также встретил поддержку.

В момент отъезда из Рима в Париж Идену вручили телеграмму от государственного секретаря Даллеса, в которой сообщалось, что тот намерен немедленно вылететь в Бонн, а затем в Лондон. «Я считал, что вмешательство Даллеса, — писал потом Иден, — было преждевременным. Я ведь еще только вступил в самую деликатную фазу переговоров и постоянно держал американцев в курсе дела на каждой стадии поездки. Мои шансы на успех в Париже в значительной степени зависели бы от сохранения той картины единодушия, которая создалась в ходе моих бесед в Брюсселе, Бонне и Риме. Послание Даллеса не оставляло сомнений в том, что он критически относится к плану расширения Брюссельского договора»⁴.

¹ «Le Monde», 13. IX. 1954.

² См. гл. XXIV 1-го тома настоящего издания.

³ «The Memoirs of Sir Anthony Eden. Full Circle», p. 151.

⁴ Ibid., p. 159.

Прямой ответ на английскую инициативу, которая вызвала серьезное беспокойство в Вашингтоне, была поездка Даллеса в Европу. Американская дипломатия стремилась спутать карты Идена, пытавшегося воспользоваться провалом ЕОС для укрепления британских позиций в Европе.

В обстановке спешки и тревоги, вызванной сообщением о поездке Даллеса, Иден вел переговоры с премьер-министром Франции Мендес-Франсом. Английский министр иностранных дел столкнулся с большими затруднениями. Мендес-Франс потребовал, чтобы в новых соглашениях содержались гарантии против возможной германской агрессии. Иначе, утверждал премьер-министр, нельзя добиться благоприятного решения Национального собрания Франции в отношении предлагаемого англичанами варианта включения Западной Германии в военный блок западных держав. Он сделал много оговорок и поправок и выдвинул свои контрпредложения относительно контроля над вооружением ФРГ. Единственное, чего удалось добиться Идену, — это согласия на проведение в конце сентября совещания западных держав по вопросу о вооружении Западной Германии.

17 сентября Иден вернулся в Лондон и встретился здесь с Даллесом, успевшим до этого уже посоветоваться с Аденауэром, который горячо поддерживал американские проекты. Переговоры Даллеса с Черчиллем и Иденом шли далеко не гладко. На страницах западных газет замечались такие термины, как «тупик» и «кризис». Даллес настаивал на включении Западной Германии в военный блок западноевропейских стран, подчеркивая, что этот блок, как и отвергнутое ЕОС, будет носить наднациональный характер. Это затрудняло для Англии участие в нем и отстраняло ее от руководства континентальными делами. В результате напряженных переговоров был разработан компромиссный план. До лондонских переговоров считалось, что «план Идена» предполагает некоторый контроль над вооружением Западной Германии, на чем, как известно, особенно настаивала Франция. Но в коммюнике о переговорах Идена и Даллеса констатировалось, что созываемое в ближайшее время подготовительное совещание девяти западных держав займется поисками того, «как лучше всего связать Федеративную Республику Германии с западными странами на основе полного равенства»¹. Английская сторона пошла на уступку в этом вопросе.

Позицию Франции 20 сентября изложил на заседании консультативной ассамблеи Европейского совета в Страсбурге Мендес-Франс. Соглашаясь на вооружение Западной Германии в рамках Брюссельского пакта, он высказался за создание внутри этой группировки специального исполнительного органа, наделенного довольно широкими правами. Это предложение явно было рассчитано на то, чтобы заручиться поддержкой сторонников провалившегося ЕОС. Но Мендес-Франс в качестве непременного условия выдвинул участие Англии в новом блоке. «Мы должны, — говорил он, — найти звено, организацию, которая сделала бы возможным самое широкое участие Великобритании»².

Как известно, многие буржуазные депутаты французского парламента (особенно радикалы и социалисты) выступали против ЕОС из-за неучастия в нем Англии, полагая, что Англия и Франция вместе смогут противостоять мощи германского империализма, на что одна Франция не могла рассчитывать. Настаивая на участии Англии, французское правительство пыталось тем самым ослабить сопротивление вооружению Западной Германии со стороны определенной части депутатов парламента.

Лихорадочные поиски новых путей вооружения боннских реваншистов, предпринятые правящими кругами Запада после

¹ «The Times», 18. IX. 1954.

² «Le Monde», 22. IX. 1954.

провала ЕОС, показали, что последние любой ценой решили навязать Западной Европе этот опасный для нее путь. Такая позиция империалистических держав свидетельствовала об их отказе добиваться решения европейских проблем путем переговоров, несмотря на то что Советский Союз изъявлял готовность начать такие переговоры в любое время.

В 1950—1952 гг., когда решался вопрос о вооружении ФРГ с помощью ЕОС, его сторонники «оправдывали» свои действия военной опасностью, напряженностью, вызванными войной в Корее. Когда же благодаря мирной инициативе СССР началась определенная полоса смягчения международной напряженности, упорное стремление вооружить Западную Германию полностью разоблачало миф о том, что военные приготовления Запада являются «вынужденными», «оборонительными», что они навязаны «неуступчивостью» Советского Союза. Факты показывали, что главный и единственный источник международной напряженности — это политика западных держав.

2. Совещания западных держав в Лондоне и Париже

Лондонское совещание США, Англии, Франции, Западной Германии, Италии, Бельгии, Голландии, Люксембурга и Канады проходило с 28 сентября по 3 октября 1954 г. Еще до официального открытия совещания, 27 сентября, состоялись предварительные переговоры, в ходе которых участники совещания решили проводить его в закрытом порядке. В тот же день выяснилось, что самым трудным будет вопрос об удовлетворении требований о «контроле» над вооружением ФРГ, поставленных французским правительством в качестве необходимого условия ратификации будущих соглашений.

Совещание девяти держав обсуждало вопросы о присоединении к Брюссельскому пакту Западной Германии и Италии и создании на этой основе Западноевропейского союза, о предоставлении ФРГ права сформировать собственные вооруженные силы, о «суверенитете» Западной Германии и сохранении на ее территории иностранных войск. Борьба развернулась прежде всего по вопросу об англо-американских гарантиях безопасности Франции.

Премьер-министр Франции настаивал на широком участии Англии в создававшейся западноевропейской военной организации. Он требовал также серьезных американских гарантий. В противном случае, заявлял Мендес-Франс, Национальное собрание Франции не одобрит соглашения о вооружении ФРГ.

29 сентября английский министр иностранных дел, стараясь успокоить Францию, заявил о согласии Англии держать в течение 44 лет на континенте Европы 4 дивизии и 1 авиационное соединение. Даллес повторил свои прежние обещания Франции: посулил «гарантии», предоставлявшиеся в связи с договором о Европейском оборонительном сообществе. Обещая держать американские войска в Европе, Даллес оговорился, что США сделают это лишь в случае отсутствия в Европе «раскола и разобщения». Французский пред-

ставитель выразил удовлетворение по поводу обещанных англо-американских гарантий, несмотря на их условный, если не сказать фиктивный, характер.

Особенно острые противоречия возникли в связи с вопросом о контроле над вооружением боннских реваншистов. Представитель Франции добивался в начале совещания, чтобы все виды вооружения производились в Западной Германии лишь с разрешения совета Брюссельского договора. Он требовал также осуществления соответствующей инспекции во избежание нарушения этого положения. Французский план предусматривал также контроль над строительством военных заводов в ФРГ.

Против этих предложений решительно выступили и Даллес и Аденауэр. Они требовали, чтобы контроль проводили органы Атлантического союза. Аденауэр, кроме того, предложил включить представителей западногерманского генералитета в верховное командование НАТО. Таким образом, получалось, что западногерманские генералы стали бы сами себя «контролировать». Французский представитель, опасаясь отрицательной реакции во Франции, не мог согласиться на такой «контроль».

С компромиссным планом выступил министр иностранных дел Бельгии Спаак. Он ратовал за ограниченный контроль (над производством и распределением лишь оружия массового уничтожения) и за то, чтобы орган по контролю над вооружением решал вопросы об ограничении вооруженных сил участников Западноευропейского союза только на основе единогласия. Это означало, что если бы, например, Франция предложила ограничить какой-либо вид вооружений Западной Германии, то последней ничего бы не стоило провалить такое предложение, проголосовав против.

Предложения Спаака ни по существу, ни по форме не имели ничего общего с действительным контролем. Принять их для французского представителя было так же опасно, как и внесенные ранее предложения США и ФРГ. Французский премьер заявил, что он не может рассчитывать на одобрение Национальным собранием такого соглашения, которое дает Западной Германии больше возможностей производить оружие, чем она имела бы по условиям отвергнутого договора о Европейском оборонительном сообществе¹.

2 октября Аденауэр выступил с заявлением, в котором согласился с ограничениями, основанными на ст. 107 уже провалившегося договора о ЕОС. Эта статья предусматривала запрещение атомного, бактериологического и химического оружия, а также некоторое ограничение производства других видов вооружения. Вопрос о контроле Аденауэр обошел молчанием².

Затем с новым «компромиссным» предложением выступил Даллес. Он предложил, чтобы в течение двух лет эксперты составили проект всесторонней конвенции о вооружениях. Иначе говоря, вопрос о контроле откладывался на длительное время. Даллес предлагал также принимать решения в контрольном органе большинством в две трети голосов, а не на основе единогласия. Обсуждение вопроса о контроле свелось в конечном счете к фактической капитуляции Франции. Решено было лишь восстановить уже упоминавшуюся ст. 107 договора о ЕОС. Не удалось достичь и урегулирования саарского вопроса, который в то время был предметом острейшего франко-западногерманского конфликта.

Лондонское совещание закончилось 3 октября 1954 г. О его результатах сообщалось в пространном коммюнике, опубликованном под названием «Заключительный акт лондонского совещания»³. Из него следовало, что на совещании была достигнута принципиальная договоренность, на основе которой эксперты должны разработать соответствующие документы. Был намечен план дальнейших мероприятий. На 20 октября был назначен

¹ «Le Monde», 30. IX. 1954.

² «Le Monde», 3. X. 1954.

³ «L'Année politique», 1954, p. 447, 638.

созыв в Париже представителей США, Англии, Франции и Западной Германии, на 21 октября — всех участников Лондонского совещания, а на 22 октября — совета НАТО для обсуждения и утверждения подготовленных экспертами документов.

Агрессивный, опасный для дела мира характер лондонских решений был разоблачен в ноте Советского правительства правительствам Франции, Великобритании и США от 23 октября 1954 г. Советское правительство заявило, что «лондонские решения, ведущие к восстановлению германского милитаризма и вовлечению Западной Германии в агрессивные военные группировки, в корне противоречат интересам поддержания мира и усиливают угрозу новой войны в Европе»¹.

Парижское совещание представляло собой сложную серию двусторонних и многосторонних переговоров и заседаний, число участников которых все время менялось. Сначала в Париже происходили переговоры канцлера Аденауэра с Мендес-Франсом по саарскому вопросу.

Франко-западногерманские переговоры по саарскому вопросу имели свою длительную предысторию. Во время борьбы вокруг создания ЕОС французские правящие круги предварительным условием участия в «европейской армии» поставили урегулирование саарского вопроса в пользу Франции. Однако все попытки достигнуть соглашения ни к чему не привели. На состоявшемся после провала ЕОС Лондонском совещании французское правительство снова поставило урегулирование саарского вопроса условием своего согласия на осуществление новых планов вооружения ФРГ. Однако в Лондоне этот вопрос не обсуждался. Теперь же французский представитель заявил, что он не подпишет новых соглашений до тех пор, пока не будет достигнута договоренность по саарскому вопросу. В ходе переговоров боннского правительство дало ясно понять Франции, что, если последняя хоть в какой-то мере хочет сохранить контроль над саарской экономикой, она должна согласиться на вооружение Западной Германии. Переговоры затягивались. Однако основные участники совещания не стали ждать исхода франко-западногерманских переговоров.

20 октября 1954 г. состоялось совещание США, Англии, Франции и Западной Германии по вопросу о так называемом «прекращении оккупации» Западной Германии.

На другой день, 21 октября, началось совещание девяти держав — участниц Лондонского совещания. Им предстояло утвердить комплекс соглашений, учреждающих Западноевропейский союз. Совещание ознаменовалось новыми уступками представителя Франции в вопросе о контроле над вооружением, который на Лондонском совещании фактически остался нерешенным. Французский представитель, справедливо опасаясь, как бы США в своих поставках вооружения не стали отдавать предпочтение Западной Германии, заранее потребовал, чтобы это вооружение поступало в распоряжение совета Западноевропейского союза, в котором США не участвуют, а затем распределялось бы этим советом. США категорически выступили против, стремясь сохранить непосредственный контроль над во-

¹ «Правда», 24 октября 1954 г.

оружием западноевропейских стран. С самого начала, так же как и на Лондонском совещании, против Франции образовался единый фронт остальных участников переговоров. Франции пришлось отказаться от своего требования. Она согласилась также на значительное сокращение списка вооружения Западной Германии, подлежащего контролю.

У Франции, кроме того, вырвали еще одну важную уступку. На совещаниях в Лондоне и Париже Мендес-Франс требовал создать в рамках Западноевропейского союза так называемый «пул вооружений», т. е. орган, который распределял бы военные заказы. Однако в результате противодействия остальных участников переговоров никакого решения о «пуле вооружений» принято не было. Договорились лишь созвать 17 января 1955 г. заседание экспертов семи стран Западноевропейского союза для рассмотрения вопроса о производстве и стандартизации вооружений. В дальнейшем на французском плане «пула вооружений» окончательно поставили крест.

22 октября заседал совет Североатлантического союза. Рассматривался вопрос о включении Западной Германии в НАТО. Несмотря на исключительно серьезные последствия включения Западной Германии в агрессивный Атлантический союз, вопрос был решен с молниеносной быстротой.

Между тем переговоры Мендес-Франса с Аденауэром по саарскому вопросу продолжались, и соглашение еще не было достигнуто. Это ставило под угрозу провала все совещание. Лишь после лихорадочных маневров американской дипломатии, требовавшей компромисса, Мендес-Франс и Аденауэр в последнюю минуту пришли к соглашению о судьбе Саара¹.

23 октября происходила продолжительная церемония подписания парижских соглашений. Парижские соглашения — целая система протоколов, деклараций, конвенций, соглашений и писем. В оригинале все они занимают 270 страниц².

¹ Соглашение предусматривало, что Саар получит «европейский статус» в рамках Западноевропейского союза. Таким путем французские монополии надеялись сохранить свои позиции в Саарской области. Однако 23 октября 1955 г. в результате референдума это соглашение было отвергнуто саарским населением.

² В парижские соглашения входят следующие основные документы:

1. Соглашения девяти держав: «Протокол об изменении и дополнении Брюссельского договора»; «Протокол № II о вооруженных силах Западноевропейского союза»; «Протокол № III о контроле над вооружением»; «Протокол № IV об органе Западноевропейского союза по контролю над вооружением».

2. Соглашения четырех держав (США, Англия, Франция, ФРГ): «Протокол о прекращении режима оккупации»; «Договор о правах и обязанностях иностранных войск в ФРГ»; «Договор об урегулировании вопросов, возникших в результате войны и оккупации»; «Финансовый договор»; «Соглашение о налоговых льготах для вооруженных сил»; «Договор о размещении иностранных вооруженных сил в ФРГ»; «Заявление о Берлине».

3. Соглашения Франции и ФРГ: «Договор о статусе Саара и приложения к нему». («Paris Conference», London, 1954.)

Подписание парижских соглашений явилось актом, направленным против мира и европейской безопасности. Оно было беспрецедентным нарушением западными державами ранее взятых ими на себя обязательств по Потсдамскому и другим международным соглашениям. Три западные державы при поддержке остальных участников НАТО вступили в открытый военный союз с милитаристами Западной Германии. В Европе создавалась обстановка, чреватая опасными осложнениями.

3. Агрессивная сущность парижских соглашений

Парижские соглашения изобилуют фразами о «строго оборонительном характере» Атлантического блока и Западноевропейского союза, о якобы горячем стремлении участников этих агрессивных группировок действовать в соответствии с духом и принципами Устава ООН и т. п. Однако сущность парижских соглашений находится в вопиющем противоречии с такими заверениями.

Старый текст Брюссельского договора, содержащий формальные положения против возрождения германского милитаризма, теперь подвергся коренным изменениям. Приведем лишь наиболее существенные из них. Из преамбулы старого текста договора исключена фраза о мерах, «которые могут быть сочтены необходимыми в случае возобновления Германией агрессивной политики», и заменена словами: «необходимо способствовать единству и поощрять постепенное объединение Европы»¹. Выброшена также ст. 7 старого текста Брюссельского пакта, в которой говорилось, что в случае необходимости разработать меры в связи с возрождением германской агрессивной политики должен быть создан консультативный совет.

Уже одни эти изменения достаточно ясно раскрывают суть мероприятий, разработанных в Лондоне и Париже. Они прежде всего направлены на возрождение милитаризма в ФРГ. Были удалены даже формальные упоминания о возможности германской агрессии. Более того, милитаристская Западная Германия стала членом Западноевропейского союза.

Другое важное дополнение к старому тексту Брюссельского пакта превращало Западноевропейский союз в придаток Атлантического блока. В текст договора была включена следующая статья: «Во исполнение договора высокие договаривающиеся стороны и любые органы, учрежденные ими по этому договору, будут работать в тесном сотрудничестве с организацией Североатлантического договора». Кроме того, статья указывает, что совет Западноевропейского союза всю свою деятельность координирует с соответствующими органами НАТО¹. Фактически

¹ «Paris Conference», p. 32.

Западноевропейскому союзу не предназначалась сколько-нибудь самостоятельная роль¹. Его задача состояла лишь в том, чтобы оформить включение Западной Германии в НАТО, поскольку все остальные участники Западноевропейского союза уже входили в Атлантический блок.

Соглашаясь с созданием Западноевропейского союза, США добились усиления контроля над своими союзниками в Западной Европе. На совещании в Париже была принята «Резолюция о применении раздела IV заключительного акта Лондонского совещания». Пункт 10 этой резолюции гласит, что ответственность и функции верховного главнокомандующего вооруженными силами НАТО в Европе (т. е. американского генерала) в области стратегической поддержки вооруженных сил, находящихся под его командованием, должны быть расширены. Они должны дать ему право определять после консультации с заинтересованными национальными властями потребности в тыловых ресурсах, определять географическое распределение этих тыловых ресурсов, устанавливать очередность создания, оснащения и содержания сооружений для обеспечения тыла, руководить использованием частей тылового обеспечения, координировать и контролировать сеть наземных сооружений, принадлежащих государствам или НАТО².

Во главе Западноевропейского союза был поставлен совет, который функционирует постоянно и располагает широкими полномочиями³. Но этот совет в отличие от верховного органа ЕОС уже не носит наднационального характера. Это должно было, по замыслам авторов парижских соглашений, ослабить оппозицию новому варианту вооружения ФРГ со стороны Франции. Вместе с тем совет Западноевропейского союза все же сохранил большие возможности вмешательства во внутренние дела государств — членов союза.

Таким образом, дополнениями к Брюссельскому пакту, принятыми на Парижском совещании, разрешалось вооружение Западной Германии в рамках Западноевропейского союза, а сам этот союз подчинялся руководству Североатлантического договора.

Соглашения, по существу, поощряли реваншистскую политику милитаристских кругов ФРГ. Так, в совместной декларации правительств Соединенных Штатов, Великобритании и Франции три западные державы открыто поддерживали стремление боннского правительства распространить свою власть на территорию всей Германии.

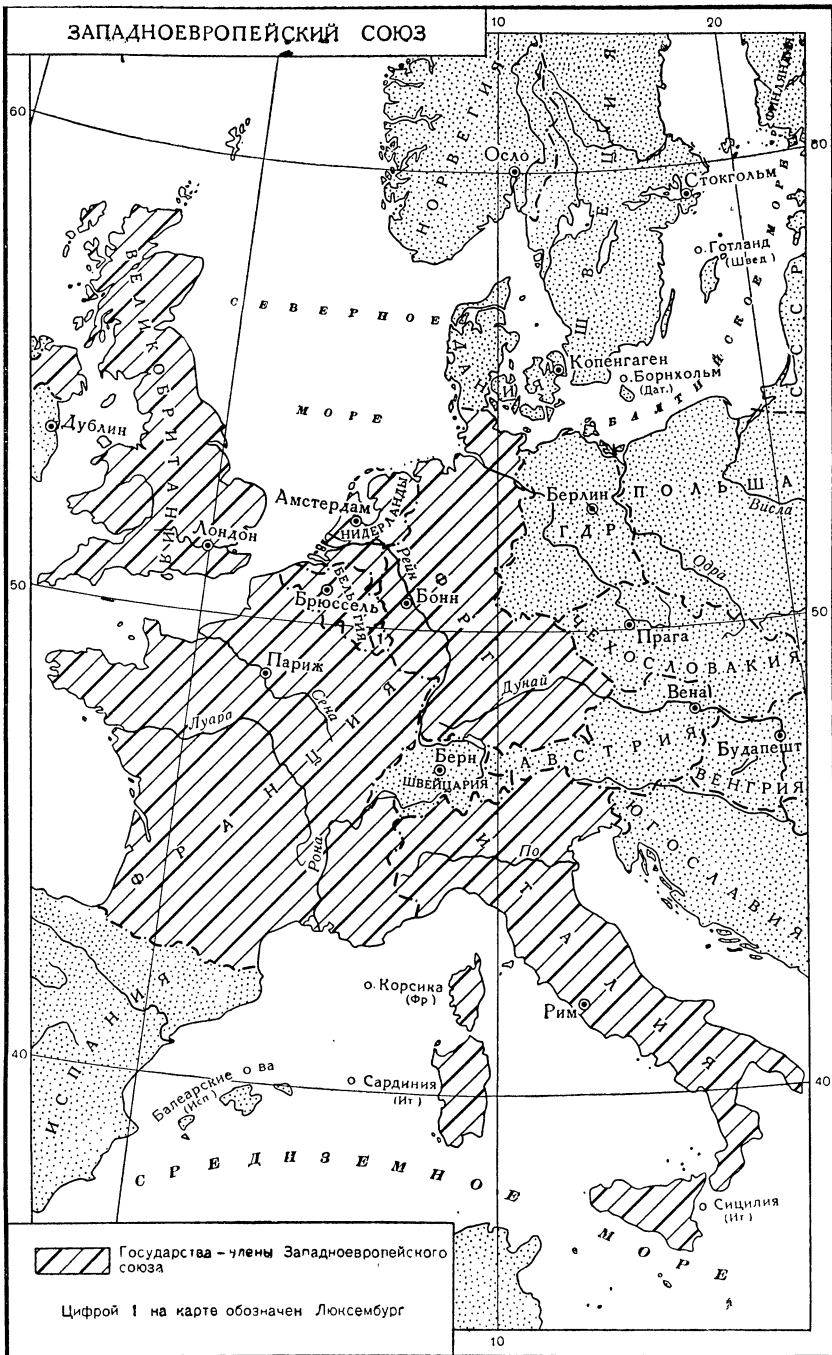
Далее в упомянутой декларации говорится, что «окончательное определение границ Германии должно быть отложено до заключения мирного до-

¹ «Paris Conference», p. 34.

² Ibid., p. 53.

³ Ibid., p. 34.

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

говора»¹. Западногерманские милитаристы получали прямую санкцию на борьбу за перекройку послевоенной карты Европы и своего рода основу для территориальных претензий ФРГ по отношению как к восточным, так и западным соседям. Официальное признание временного характера послевоенных границ Германии не могло не способствовать разжиганию реваншизма в ФРГ.

Парижские соглашения перечеркивали постановления Ялтинской и Потсдамской конференций о послевоенном устройстве Европы. Статьи парижских соглашений, открыто поощрявшие западногерманский реваншизм, показывали, как в новых условиях возрождается мюнхенская политика подталкивания западногерманского милитаризма на восток, против Советского Союза и других социалистических стран.

Парижские соглашения несовместимы с англо-советским договором 1942 г. о сотрудничестве и взаимной помощи после войны и с франко-советским договором 1944 г. о союзе и взаимной помощи. Эти договоры, равно как и Ялтинские и Потсдамские решения, предусматривали принятие совместных мер, направленных на предотвращение новой агрессии со стороны Германии и на предупреждение возрождения германского милитаризма. Следует отметить, что парижские соглашения в отличие от ЕОС, наднациональная структура которого формально не предусматривала образования в Западной Германии своей национальной армии и своего генерального штаба, совершенно открыто санкционировали создание западногерманской армии со своим генеральным штабом.

23 октября 1954 г. в Париже был подписан «Протокол № II о вооруженных силах Западноевропейского союза», определяющий размеры вооруженных сил, выделяемых странами-участниками: Францией — 14 дивизий, Западной Германией — 12, Италией — 12, Голландией и Бельгией (вместе) — 5, Люксембургом — 1 полк. Англия включает в вооруженные силы Западноевропейского союза 4 дивизии и 1 авиационное соединение².

На общем фоне всех вооруженных сил ЗЕС 12 западногерманских дивизий выглядят на первый взгляд как будто скромно. Однако уже тогда было ясно, что парижские соглашения позволяли ФРГ создать самые мощные в Западной Европе вооруженные силы.

Бывший премьер-министр Франции Э. Даладье, выступая в Национальном собрании, обратил внимание на двусмысленность положений соглашений, касающихся размеров вермахта: «Если в двенадцати германских дивизиях будет насчитываться 400 тыс. человек, то это, очевидно, будут дивизии совсем не того типа, из каких состоит французская армия. Во француз-

¹ «Paris Conference», p. 56.

² Ibid., p. 37.

ской дивизии, включая все вспомогательные службы, насчитывается только 18 тыс. солдат и офицеров. Помножим эту цифру на 12, получим в двенадцати французских дивизиях 216 тыс. человек. Так почему же для двенадцати германских дивизий предусматривается численность в 400 тысяч?»¹

Как уже отмечалось, при разработке парижских соглашений очень много говорили о контроле над вооружением Западной Германии и гарантиях против возможной будущей германской агрессии. В действительности все свелось к пропагандистским маневрам, рассчитанным на притупление бдительности народов.

Этим же целям служили и «гарантии», которые дало правительство ФРГ. Речь идет о заявлении канцлера Аденауэра о том, что ФРГ не будет прибегать к силе для изменения границ, а также что Западная Германия никогда не будет производить атомное, химическое и бактериологическое оружие².

Уже в момент заключения парижских соглашений справедливо высказывалось немало весьма скептических соображений по поводу обещаний Аденауэра. Их лицемерный характер стал совершенно очевидным, когда внешняя политика ФРГ все более открыто стала приобретать агрессивный и реваншистский характер и когда западногерманские правящие круги стали официально требовать предоставления им атомного оружия.

В парижские соглашения включен специальный «Протокол № IV об органе Западноевропейского союза по контролю над вооружением». Уже в ходе Лондонского и Парижского совещаний постепенно от французских требований относительно контроля, по существу, ничего не осталось. Этот результат фактически и зафиксирован в парижских соглашениях. Там сказано, что контрольный орган должен следить за тем, чтобы не производились те типы вооружений, которые запрещены³. Западной Германии запрещалось производить атомное, химическое и бактериологическое оружие, некоторые типы тяжелого вооружения, военных кораблей водоизмещением свыше 3 тыс. т, подводных лодок водоизмещением более 350 т, бомбардировщиков дальнего действия⁴. Но вместе с тем допускалась отмена этих запретов большинством в две трети голосов⁵. Кстати, в последующем это положение о возможности подобной отмены оказалось единственным, которое практически проводилось в жизнь. В протоколе о контрольном органе сказано: если этот орган обнаружит нарушение, он должен сообщить совету Западноевропейского союза, который может принять меры (какие именно — неизвестно) большинством голосов.

Но особенно характерна ст. 8 протокола об органе по контролю. Она устанавливает, что в отношении вооруженных сил, переданных под командование Атлантического союза, «инспектирование будет проводиться органами НАТО»⁶. Между тем в ведении НАТО практически должны были оказаться все вооруженные силы Западноевропейского союза. Но Атлантический союз отнюдь не ставит своей целью замедление гонки вооружений. Более того, Североатлантический договор требует от его участников «самостоятельно и совместно, путем постоянной и эффективной самопомощи» увеличивать свои вооруженные силы (ст. 3). Совершенно очевидно, что от Атлантического

¹ «Journal Officiel de la République Française...», 12. X. 1954, p. 4675.

² «Paris Conference», p. 55, 41.

³ Ibid., p. 46.

⁴ Ibid., p. 43.

⁵ Ibid., p. 40.

⁶ Ibid., p. 46—47.

союза нельзя было ждать никаких гарантий в отношении ограничения вооружений Западной Германии.

В соглашениях есть немало и других положений, свидетельствующих о фиктивном характере «контроля». В ст. 9 протокола об органе по контролю сказано: «...деятельность органа будет ограничиваться Европейским континентом»¹. Это значит, что германские милитаристы могут свободно производить вооружение в странах другого континента. Контролю подвергаются лишь страны — участницы Западноевропейского союза. Значит, в Испании например, вооружение для бундесвера может производиться совершенно свободно.

В ст. 10 протокола о контрольном органе сказано: «Орган будет обращать свое внимание на производство окончательной продукции... а не на процессы изготовления». Это также лазейка для неограниченного производства оружия. Такое же значение имеет и ст. 11, где говорится, что инспекции не будут носить постоянного характера, а будут осуществляться в «виде проверок с нерегулярными интервалами»². Такой контроль тоже нетрудно обойти.

Последующие события показали, что организаторы Западно-европейского союза вообще не собирались осуществлять какой-либо контроль. Орган Западноевропейского союза по контролю так никогда и не начал функционировать.

Парижские соглашения предусматривали еще некий «демократический контроль» над деятельностью всего Западноевропейского союза в целом, который должен был осуществляться в рамках Европейского совета. Известно, что эта организация не имеет никаких реальных полномочий и служит пропагандистским подсобным органом западных военных блоков. В парижских соглашениях говорится, что делегаты стран — членов Европейского совета составят «независимую» от Европейского совета «небольшую ассамблею», которой совет Западноевропейского союза будет делать ежегодные доклады о всей деятельности союза. Не предусмотрено даже простое обсуждение, не говоря уже о принятии каких-либо решений по этим докладам.

Таким образом, даже краткий анализ «гарантий» и «контроля», предусмотренных парижскими соглашениями, неопровержимо доказывает фиктивность и нереальность этих «гарантий». Фактически их назначение состояло в том, чтобы обмануть народы, навязать парижские соглашения парламентам семи стран, а главное — парламенту Франции.

Парижские соглашения предусматривали сохранение иностранных оккупационных войск на территории ФРГ. В дополнение к «Протоколу о прекращении режима оккупации» в Федеративной Республике Германии сказано: «С момента вступления в силу соглашений о вкладе Германии в оборону на территории Федеративной республики могут быть размещены вооруженные силы той же национальности и численности, как и в момент вступления в силу этих соглашений»³.

¹ «Paris Conference», p. 47.

² Ibidem.

³ Ibid., p. 4.

Далее указывается, что численность оккупационных войск может быть в любое время увеличена, что вооруженные силы трех западных держав могут находиться на западногерманской территории в целях обучения или транспортировки из одной страны Атлантического союза в другую. Командование оккупационных войск сохраняет за собой право объявлять чрезвычайное положение и брать всю полноту власти в свои руки. Правда, последнее пришлось завуалировать: статья, предоставляющая такое право, была исключена из старого текста «общего договора», но вместе с тем канцлер Аденауэр в специальном письме министрам иностранных дел трех западных держав заявил, что не лишает их права объявлять чрезвычайное положение¹.

Если бы даже правительство Западной Германии и попыталось как-то ограничить пребывание иностранных войск на западногерманской территории, оно не смогло бы этого сделать. Ведь в соответствующем протоколе указано: «...в случае нападения или непосредственной угрозы нападения» войска западных держав «могут быть введены на территорию ФРГ без согласия Федеративной республики»². Ну, а предлог, чтобы заявить об «угрозе нападения», всегда, конечно, можно найти. Оккупационные войска сохранили право пользоваться различными привилегиями. Таким образом, оккупационный режим, явившийся результатом поражения гитлеровской Германии, отныне узаконивался на неопределенно долгий срок.

Парижские соглашения не только не способствовали ликвидации остатков войны и нормализации положения в Европе, но, наоборот, закрепляли оккупацию Западной Германии, воспрепятствовали решению германского вопроса. Один из документов, подписанных четырьмя державами в Париже, гласит: «...державы, подписавшие настоящее соглашение, будут сотрудничать для того, чтобы мирными средствами достичь своей общей цели: создания объединенной Германии, которая, подобно Федеративной республике, будет иметь либерально-демократическую конституцию и будет включена в европейское сообщество»³. Отсюда следует, что западные державы допускают возможность объединения Германии лишь при условии распространения боннского режима на территорию Восточной Германии, ликвидации Германской Демократической Республики, включения всей Германии в западные военно-политические блоки.

Правда, в парижских соглашениях сказано, что эти цели должны быть достигнуты «мирными средствами». Но ведь ясно, что население ГДР никогда не откажется от строительства социализма. Следовательно, парижские соглашения направлены на сохранение и углубление раскола Германии.

Советское правительство еще до утверждения парижских соглашений парламентами со всей серьезностью предупредило западные державы об опасных последствиях этой военно-агрессивной комбинации. В ноте от 13 ноября 1954 г. оно заявило: «Осуществление лондонского и парижских соглашений означало бы, что объединение Германии посредством проведения свобод-

¹ «Paris Conference», p. 20.

² Ibid., p. 4.

³ Ibidem.

ных общегерманских выборов было бы принесено в жертву те- перешним планам восстановления германского милитаризма — этого смертельного врага народов Европы, в том числе и са- мого германского народа»¹.

4. Ратификация парижских соглашений

В отличие от Европейского оборонительного сообщества па- рижские соглашения рассматривались и утверждались в парла- ментах значительно быстрее. Помня о злополучном конце ЕОС, рухнувшего под напором народного сопротивления, инициаторы парижских соглашений умножили свои усилия. Чтобы обеспе- чить ратификацию парижских соглашений, была предпринята весьма широкая по размаху и беспрецедентная по цинизму ме- тодов кампания. Главные инициаторы этих соглашений — пра- вящие круги США и Великобритании оказывали непрерывное давление на своих западноевропейских союзников.

Полным ходом заработала пропагандистская машина, обра- батывая общественное мнение и депутатов парламентов. На- зойливо повторялись лживые версии о неизбежности вооруже- ния Западной Германии, о том, что переговоры с Советским Союзом по урегулированию европейских проблем приведут к успеху лишь после ратификации парижских соглашений и т. д. Ратификацию было намечено осуществить в максимально сжа- тые сроки, дабы не дать народам западноевропейских стран возможности разобраться в существо парижских соглашений. Характерно также, что начать обсуждение парижских согла- шений было решено в парламентах тех стран, где имелось больше шансов добиться их утверждения, с тем чтобы ратифи- кацию ими использовать как дополнительное средство воздей- ствия на парламент Франции, позиция которого не без основа- ния внушала инициаторам вооружения Западной Германии осо- бенно большое беспокойство.

Первым решило внести парижские соглашения на ратификацию прави- тельство Великобритании. 17 и 18 ноября 1954 г. в палате общин происхо- дило их обсуждение. Лидеры лейбористской партии объявили, что тот, кто проголосует против ратификации, будет исключен из партии. Каждый лейбо- рист — член парламента получил лично ему адресованное письмо от правых лидеров партии — Эттли, Моррисона и Уайтли, в котором от него требовали не препятствовать ратификации. Характерно, однако, что даже такие деятели не настаивали на том, чтобы лейбористы голосовали вместе с консерваторами за ратификацию, им достаточно было лишь воздержаться при голосо- вании.

Несмотря на такие меры, накануне голосования на заседании лейборист- ской фракции парламента 72 голоса было подано против ратификации. 82 члена фракции поддержали поправку к резолюции, одобряющей париж-

¹ «Правда», 14 ноября 1954 г.

ские соглашения. Поправка призывала к переговорам с Советским Союзом по германскому вопросу до ратификации соглашений.

В ходе прений многие члены палаты выступали с резкой критикой и осуждением соглашений. Член парламента лейборист Силвермэн заявил, что он не может не голосовать против ратификации, так как огромное большинство английского народа уверено, что ратификация была бы трагической и катастрофической ошибкой. Он сказал, что скорее предпочтет быть исключенным из лейбористской партии после сорока лет пребывания в ней, чем голосовать за ратификацию парижских соглашений. За последние месяцы, заявил один из лейбористских лидеров, Бивен, достигнуто ослабление международной напряженности, и уже одно это говорит против той спешки, которая была навязана в деле вооружения Западной Германии. Осуществление соглашений, сказал лейборист Кармайкл, подорвет возможности политического урегулирования германской проблемы. Консерватор Дункан выразил беспокойство по поводу возможности «самостоятельных» действий западно-германской армии и восстановления германского генерального штаба. Более 50 членов парламента — консерваторов предпочло так или иначе уклониться от голосования за вооружение Западной Германии¹.

Из 622 членов палаты общин за ратификацию проголосовали лишь 264 человека, т. е. всего 42%, хотя они и составили большинство присутствовавших в палате. Ратификация была утверждена таким «большинством», которое на самом деле оказалось меньшинством.

15—17 декабря 1954 г. происходило обсуждение в первом чтении парижских соглашений в западногерманском бундестаге. Хотя правящие круги ФРГ были особенно заинтересованы в их осуществлении, ратификация и здесь встретила серьезное сопротивление.

Аденауэр выступил в бундестаге с большой речью в защиту парижских соглашений. Стремясь любой ценой добиться ратификации, канцлер не постеснялся заявить, что они якобы будут способствовать объединению Германии и что боннское правительство готово вести об этом переговоры с Советским Союзом, но после ратификации. В действительности же именно ратификацией парижских соглашений создавалось препятствие на пути к объединению Германии.

Против ратификации выступили депутаты Социал-демократической партии Германии. Председатель партии Олленхауэр предостерег против вооружения до того, как будет предпринята попытка добиться объединения страны путем переговоров четырех великих держав. Фракция СДПГ предложила отложить принятие решения о парижских соглашениях до переговоров за западных держав с Советским Союзом. Однако блок правительственных партий отклонил 236 голосами против 153 предложение СДПГ. Парижские соглашения были одобрены бундестагом в первом чтении.

Борьба в ФРГ вокруг ратификации продолжалась. Второе и третье чтения были назначены на 24—26 февраля 1955 г. Для обработки депутатов не жалели ни сил, ни средств. В ходе прений развернулась ожесточенная борьба противников и сторонников ратификации. Депутаты из партий правительственной коалиции выступали подчас с реваншистскими угрозами, которые не оставляли никаких сомнений в отношении истинных целей парижских соглашений.

В конечном итоге за договор «об окончании оккупационного режима» из 478 депутатов голосовало 327, против — 151; за закон о вступлении ФРГ в Западноевропейский союз и НАТО — 315, против — 153; за закон о размещении иностранных войск в ФРГ — 323, против — 151. 18 марта парижские соглашения были одобрены и верхней палатой боннского парламента — бундесратом.

23 декабря 1954 г. парижские соглашения одобрила палата депутатов Италии 335 голосами против 215. Решение о ратификации удалось вырвать путем беспрецедентного нажима и шантажа. В марте 1955 г. 139 голосами против 82 ратификацию одобрил итальянский сенат.

¹ «The Times», 19. XI. 1954.

Во Франции вокруг утверждения парижских соглашений развернулась особенно острая борьба. Кампания нажима на депутатов перешла всякие границы. Правительство Мендес-Франса прилагало лихорадочные усилия, чтобы проташить решение о ратификации. Отрицательное отношение большинства депутатов французского парламента к парижским соглашениям было известно еще до начала дебатов. Некоторые комиссии Национального собрания, в том числе комиссия национальной обороны, высказались против соглашений. В других комиссиях одобрение было получено большинством в один-два голоса.

О подлинном отношении Национального собрания Франции к парижским соглашениям убедительно свидетельствует то, что ст. 1 — важнейшая статья законопроекта о ратификации, одобряющая протокол об изменении Брюссельского пакта и протоколы о вооружении Западной Германии и включение ее армии в Западноевропейский союз, — была отвергнута 24 декабря 1954 г. 280 голосами против 259. Несмотря на то что в дальнейшем путем сложных маневров удалось изменить характер голосования по отвергнутой 24 декабря ст. 1, первоначальное голосование весьма знаменательно.

На французский парламент было оказано грубейшее давление со стороны иностранных государств. Планы вооружения Западной Германии, заявляли в Вашингтоне, будут осуществляться независимо от того, как поступит Франция. Английское министерство иностранных дел опубликовало официальное заявление о том, что ФРГ будет вооружена независимо от решения Национального собрания Франции. Со страниц западной печати не сходили сообщения о возможном прекращении американской помощи Франции, об «изоляции» Франции. Публиковались сообщения о том, что уже проходят или намечаются англо-американские совещания по вопросу о вооружении ФРГ без согласия Франции.

Методы, применявшиеся в целях нажима на депутатов, ярко характеризует выступление в Национальном собрании Мендес-Франса 29 декабря 1954 г. Французский премьер, грубо извращая действительность, говорил: «В течение четырех лет Россия не проявила никакой инициативы, которая могла бы оправдать отсрочку вооружения Германии». Мендес-Франс заявил также, что после провала ЕОС для Советского Союза настал «момент заговорить» и внести свои предложения, чего будто бы СССР не сделал.

Между тем в заявлении МИД СССР от 10 сентября 1954 г. и в советской ноте от 23 октября 1954 г. содержались конструктивные предложения и выражалась готовность обсудить предложения западных держав по германскому вопросу.

Мендес-Франс утверждал далее, что ратификация парижских соглашений будто бы «благотворно повлияет» на будущие переговоры с Советским Союзом¹. В его речи содержалось немало и других необоснованных заявлений и измышлений.

¹ «Journal Officiel de la République Française...», 30, XII, 1954, p. 6937—6939.

После 16 бурных заседаний 30 декабря парижские соглашения были утверждены Национальным собранием Франции незначительным большинством. За них не проголосовало даже 50% общего числа депутатов. Из общего числа 627 депутатов за ратификацию высказалось лишь 287 человек.

23 марта 1955 г. начались дебаты по вопросу о ратификации в верхней палате — в Совете республики. Англия и США снова резко усилили нажим на Францию. В это время было опубликовано нашумевшее письмо Черчилля Мендес-Франсу, в котором он угрожал, что в случае отказа от ратификации впредь «кресло Франции на международных переговорах будет пустым». Президент США еще 10 марта заявил о готовности держать американские войска в Европе, призванные «гарантировать» безопасность Франции.

Дебаты в Совете республики проходили с 23 по 27 марта. На восьми заседаниях выступили 52 оратора. Незначительным большинством парижские соглашения были одобрены.

Почему же французский парламент, похоронивший договор о ЕОС, ратифицировал не менее опасные парижские соглашения? Здесь сыграли свою роль немаловажные обстоятельства и факторы. Отметим основные из них.

За время, прошедшее между разработкой договора о ЕОС и его провалом, т. е. с 1950 по 1954 г., произошло изменение в соотношении сил между Францией и ФРГ. Резкое экономическое усиление ФРГ показало, что «наднациональное» Европейское оборонительное сообщество могло бы стать средством утверждения господства Западной Германии над Францией. И французский крупный капитал решил ориентироваться на союз, на партнерство с западногерманскими империалистами, в рамках парижских соглашений. Известно, что заключение этих соглашений совпало со значительным расширением связей между крупнейшими монополиями двух стран.

Кроме того, влиятельные круги господствующего класса Франции считали, что участие в ЕОС, означавшее ограничение суверенитета страны над ее вооруженными силами, могло затруднить борьбу Франции за сохранение своей колониальной империи. Парижские соглашения в этом отношении представляли меньшую опасность.

Наконец, сказался нажим США, а также Англии. Участие последней в Западноевропейском союзе ослабило оппозицию против вооружения ФРГ со стороны правых парламентских кругов.

Обстоятельства ратификации парижских соглашений в парламентах западноевропейских стран убедительно свидетельствуют, что эти соглашения были навязаны им вопреки воле подавляющего большинства населения.

Парижские соглашения, создавшие новую агрессивную группировку в Европе с участием западногерманских реваншистов,

резко осложнили международную обстановку и усилили опасность новой войны. Путем осуществления парижских соглашений империалистические державы рассчитывали укрепить свою «позицию силы», изменить стратегическое соотношение сил в свою пользу.

Г Л А В А XXVI

БОРЬБА СССР ЗА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ ГЕРМАНСКОГО ВОПРОСА И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Важное значение для сохранения мира и упрочения основ мирного сосуществования государств с различным общественно-экономическим устройством имела борьба Советского Союза и других социалистических государств против агрессивного курса империализма в германском вопросе, за германский мирный договор и создание системы коллективной безопасности в Европе.

После возникновения на территории Германии двух государств — Федеративной Республики Германии и Германской Демократической Республики — создавалась совершенно новая обстановка в центре Европы, которая существенным образом сказалась на развитии международных отношений в целом и на политике держав в германском вопросе в частности.

В течение 1950—1955 гг. два германских государства прошли диаметрально противоположный путь развития. Западная Германия была включена в агрессивные военные группировки империалистических держав, стала главной опорой Североатлантического военного блока в Европе, выдвинулась по своей экономической мощи и военному потенциалу на одно из ведущих мест в лагере империализма. Вместе с тем она продолжала оставаться в военно-политической зависимости от других империалистических держав, и прежде всего от США. Германская Демократическая Республика стала на путь социализма, превратилась в прочное и подлинно суверенное государство, в оплот мира и демократии в Европе, значительно укрепила свои международные позиции. ГДР является неотъемлемой составной частью социалистического содружества. Таким образом, 1950—1955 годы представляют собой ясно очерченный этап в развитии обстановки в Германии.

Для оценки тех внешних и внутренних условий, при которых проходила в этот период борьба вокруг германской проблемы, решающее значение имеют следующие основные факторы.

Во-первых, само существование двух германских государств, представляющих противоположные общественно-экономиче-

ские системы — капиталистическую и социалистическую, означает, что водораздел между социализмом и капитализмом прошел по самой территории Германии и даже по территории ее главного города — Берлина. Это в гигантской степени обостряло классовую борьбу в обоих государствах и обстановку в Германии в целом.

Во-вторых, постепенное превращение Западной Германии в ударную силу агрессивного военного блока империалистических держав привело к тому, что два германских государства оказались в разных, противостоящих друг другу, военных группировках и на германской территории образовался стык между вооруженными силами НАТО и оборонительной Организации Варшавского договора. Агрессивная политика НАТО в этих условиях представляет собой особую опасность, поскольку локальный конфликт в этом районе может перерасти в мировую войну.

В-третьих, увеличение удельного веса западногерманского милитаризма внутри самого империалистического лагеря оказывало все большее влияние на всю политику империализма. А это означало, что возродившийся на западе Германии империализм становился основным источником военной опасности в Европе.

Таким образом, положение в Германии и в Европе в целом характеризовалось поляризацией сил реакции и прогресса, империализма и демократии. На международной арене это сопровождалось разворачиванием империалистическими силами «холодной войны», их попытками прощупать военными средствами прочность социалистического мира и вновь надеть на освобожденные народы ярмо эксплуатации и гнета монополий.

Западной Германии в планах империалистов отводилась роль плацдарма, который должен был выполнять двойную функцию: служить форпостом для подготовки агрессии против Советского Союза и других стран социализма и опорным пунктом в борьбе против революционного и демократического движения в странах Западной Европы. Этим и определялся курс западных держав в германском вопросе, курс на всемерное усиление империалистических и милитаристских сил в Западной Германии.

Политика Советского Союза в сложившейся в тот период обстановке была направлена к тому, чтобы воспрепятствовать превращению западногерманского милитаризма в основную базу развязывания новой войны в Европе, содействовать укреплению миролюбивых и демократических сил немецкого народа, найти пути для решения германского вопроса на мирной и демократической основе с учетом как национальных интересов германского народа, так и интересов безопасности всех других народов Европы.

Столкновение этих двух принципиально отличных друг от друга направлений во внешней политике характеризует борьбу, развернувшуюся вокруг германского вопроса между Советским Союзом и социалистическими странами, с одной стороны, и империалистическими державами — с другой.

1. Противодействие СССР политике перевооружения Западной Германии. Советский проект германского мирного договора

Советский Союз в своей политике в германском вопросе исходил из того, что интересы мира требуют последовательного выполнения Потсдамских решений о демилитаризации и демократизации Германии. Он считал, что, несмотря на раскол страны и образование на ее территории двух государств, в тот период еще существовала возможность объединения Германии на мирной и демократической основе. Советское правительство разоблачило агрессивную политику западных держав и принимало меры, чтобы оградить свободолюбивые народы от последствий этой политики. Оно указывало на несовместимость политики ремилитаризации Западной Германии и вовлечения ее в империалистические военные блоки с интересами мира и безопасности европейских народов и национальными интересами германского народа, с задачей национального воссоединения немцев в единое миролюбивое и демократическое государство.

После того как западные державы на Нью-Йоркском совещании министров иностранных дел США, Англии и Франции приняли решения, имевшие своей целью легализовать создание западногерманской армии, по инициативе Советского Союза было созвано совещание министров иностранных дел восьми стран (СССР, Болгарии, Румынии, Чехословакии, Польши, Венгрии, Германской Демократической Республики и Албании), на котором были вскрыты последствия этого решения и выдвинуты предложения о мирном и демократическом разрешении германской проблемы.

Участники совещания, состоявшегося в Праге 20—21 октября 1950 г., предупредили, что политика США, Англии и Франции означает полный разрыв с Потсдамскими решениями и «создает угрозу новой агрессии, новых военных авантур в Европе»¹. Участники совещания выдвинули ряд предложений. В частности, было предложено, чтобы правительства США, Великобритании, Франции и Советского Союза опубликовали заявления о том, что они не допустят ремилитаризации Германии и вовлечения ее в какие-либо агрессивные планы; предла-

¹ «Правда», 22 октября 1950 г.

галось также безотлагательно заключить мирный договор, в котором, в частности, было бы предусмотрено восстановление единства германского государства в соответствии с требованиями Потсдамского соглашения; кроме того, было выдвинуто предложение создать на паритетных началах из представителей Восточной и Западной Германии общегерманский Учредительный совет, который подготовил бы образование временного общегерманского демократического правительства.

Это был конкретный план обеспечения мирного развития Германии и восстановления ее государственного единства. Но такой план противоречил курсу западных держав, и они решили попросту игнорировать его. Не получив ответа от западных держав на свои конкретные предложения, Советское правительство в ряде нот потребовало созыва Совета министров иностранных дел. Однако организаторы ремилитаризации Западной Германии посчитали созыв Совета в создавшейся обстановке слишком опасным для себя. Они дали лишь согласие на организацию совещания заместителей министров иностранных дел четырех держав — СССР, США, Англии и Франции — для выработки повестки дня будущей сессии СМВД. На этом совещании, состоявшемся в марте 1951 г. в Париже, представители западных держав заняли открыто обструкционистскую позицию даже по вопросам процедуры; заместители министров разъехались, не приняв никакого решения.

Советские предложения явились альтернативой курса на увековечение раскола Германии и легализацию перевооружения западной ее части, который проводили западные державы. Их представители вынуждены были считаться с этим. Западные державы ничего не могли противопоставить ясным предложениям СССР, и их пропагандистам приходилось изыскивать все новые средства для обмана общественного мнения и создания подходящей психологической обстановки с целью претворения в жизнь своих планов.

В период, когда дискуссия о так называемом «общем договоре» была в разгаре, Советский Союз выступил с новой важнейшей инициативой — он внес проект Основ мирного договора с Германией. Этот проект, опубликованный 10 марта 1952 г., также представлял собой альтернативу милитаристской политике западных стран и правящих кругов Бонна. Советский Союз противопоставил планам западных держав свой проект совместного решения германской проблемы, который обеспечивал мирное развитие страны и воссоединение Германии на миролюбивой, демократической основе.

В советском проекте мирного договора¹ предусматривалось, что Германия восстанавливается как единое государство. Тем самым должен быть положен конец ее расколу. Германия полу-

¹ См. «Правда», 11 марта 1952 г.

чает возможность развития в качестве независимого, демократического, миролюбивого государства.

Все вооруженные силы оккупирующих держав, согласно советскому проекту, должны были быть выведены из Германии не позднее чем через год после вступления в силу мирного договора. Все иностранные военные базы на территории Германии должны были быть ликвидированы. На Германию не должны налагаться какие-либо обязательства политического или военного характера, вытекающие из договоров или соглашений, заключенных правительствами Федеративной Республики Германии и Германской Демократической Республики до подписания мирного договора с Германией и воссоединения Германии в единое государство.

Германия полностью освобождается от уплаты США, Великобритании, Франции и СССР государственных послевоенных долгов, за исключением задолженности по торговым обязательствам. Германскому народу обеспечиваются демократические права и свободы, в Германии не должно быть допущено существования организаций, враждебных демократии и делу сохранения мира.

В разделе «Военные положения» проекта Основ мирного договора с Германией указывалось, что Германии следует разрешить иметь свои национальные вооруженные силы, необходимые для обороны страны. Включение этого пункта в договор показало, что Советский Союз полностью распространял на Германию принцип национального суверенитета и равноправия между государствами. Наличие в Германии национальных вооруженных сил, созданных не с целью агрессии против свободлюбивых народов, а с целью охраны суверенитета и независимости демократической и миролюбивой Германии, не угрожало миру и безопасности народов. Оно вместе с тем соответствовало тому, что было зафиксировано в мирных договорах, уже подписанных к тому времени правительствами США, Великобритании, Франции и СССР с бывшими союзниками гитлеровской Германии.

Опубликование проекта Основ мирного договора поставило в тупик политиков западных стран: его принятие свело бы на нет все планы превращения Западной Германии в агрессивный плацдарм Североатлантического блока в Европе.

«Нью-Йорк геральд трибюн» заявила по этому поводу: «Западные державы никогда не дадут своего согласия на подписание такого договора, так как на оборонительную организацию Запада уже израсходованы баснословные суммы, большая часть которых падает на Германию». Английский лейбористский деятель Ричард Кроссмэн рассказал на страницах «Ньюстейтсмен энд Нейшн» о разговоре с английскими чиновниками, в котором также весьма откровенно была сформулирована позиция западных держав по вопросу о мирном договоре с Германией. «Русские, — сказал один из чиновников Кроссмэну, — возможно, действительно готовы разрешить создать независимое германское правительство путем свободных выборов, однако это

свело бы на нет все наши планы в отношении немецкого вклада в западную оборону»¹.

Характерно, что многие западногерманские буржуазные историки критикуют позицию аденауэровского правительства и западных держав по вопросу об отношении к предложениям Советского правительства от 10 марта 1952 г. Они вынуждены признать, что западные державы и правительство ФРГ взяли на себя тяжелую ответственность, отклонив обсуждение советских предложений о заключении мирного договора с Германией и продемонстрировав перед общественным мнением мира свое нежелание достигнуть воссоединения Германии. Так, например, профессор Гёттингенского университета Рихард Эльснер в своей книге «Мирный договор с Германией» пишет: «Это предложение (о заключении мирного договора от 10 марта 1952 г. — Авт.) Западная Германия должна была бы использовать»².

Несмотря на то что западные державы саботировали конструктивные предложения СССР, борьба Советского Союза и всех миролюбивых сил за заключение германского мирного договора способствовала тому, что практическое осуществление принятых еще в 1950 г. империалистических планов создания западногерманской армии и ее включения в НАТО затянулось на многие месяцы.

2. Советский Союз и проблема обеспечения коллективной безопасности в Европе

Проблема мирного урегулирования с Германией и ликвидации остатков второй мировой войны, поставленная в советском проекте Основ мирного договора с Германией 1952 г., на том этапе особенно тесно переплеталась с задачей обеспечения европейской безопасности. Планы западных стран были направлены на разъединение Европы на две противостоящие друг другу военные группировки и превращение Западной Европы в филиал НАТО. Однако осуществление этих планов было сопряжено с огромными трудностями; общественное мнение западноевропейских стран решительно выступало против возрождения западногерманской агрессивной армии и разъединения Европы на две противостоящие друг другу военные группировки. Дискуссия о путях обеспечения европейской безопасности и урегулирования германской проблемы приобрела исключительную остроту во всех западноевропейских странах.

В этой обстановке Советский Союз и выступил со своим проектом обеспечения общеевропейской безопасности, ликвидации военных группировок и налаживания нормального мирного международного сотрудничества между всеми европейскими государствами. Перед общественным мнением мира ясно предстали две различные концепции развития взаимоотношений между государствами в Европе.

¹ «The New Statesman and Nation», 3. V. 1952.

² R. Elsner, Friedensvertrag für Deutschland. Totaler Krieg oder totaler Frieden. Göttingen, 1958, S. 109.

Одна из них — концепция империализма — была основана на сколачивании военно-политических блоков и на противопоставлении одной группировки государств другой группировке. Вторая — концепция социализма — предполагала объединение усилий всех европейских государств в целях обеспечения европейской безопасности.

Первая концепция издавна доминировала в буржуазной дипломатии. Организаторы Североатлантического блока и Европейского оборонительного сообщества были, по сути дела, продолжателями методов, применявшихся создателями так называемого «антикоминтерновского пакта», т. е. блока фашистских государств.

Империалистическая концепция сколачивания военных блоков в Европе, направленных против Советского Союза, лежала в основе как локарнской, так и в особенности мюнхенской политики, исходившей из призрачной идеи обеспечения «сепаратной безопасности» Западной Европы путем поощрения германской агрессии на востоке. Прикрываясь разговорами о «безопасности Запада», инициаторы Локарно и Мюнхена нацеливали германский милитаризм на войну против СССР и стран Восточной и Юго-Восточной Европы. Не случайно они встретили в штыки предложение о заключении Восточного пакта, который дополнял бы Локарнский договор и отвечал бы интересам безопасности стран Восточной Европы.

Опасность, связанная с этой империалистической концепцией, была ясна уже в ту пору многим представителям правящих кругов западноевропейских стран. Можно привести хотя бы полные глубокого беспокойства слова известного французского публициста Жеро (Пертинакса), который писал в 1925 г., накануне конференции в Локарно: «Не будет недостатка в советниках, которые станут говорить Франции о том, что ей не следует смотреть за Рейн... и что нужно предоставить Центральной и Восточной Европе самой позаботиться о себе. Но если Франция будет прислушиваться к словам таких советников, не падет ли в конечном счете гнев Немезиды на нее одну»¹. Некоторые здравомыслящие французские политики пытались изменить пагубный для Франции внешнеполитический курс, обеспечить безопасность страны посредством договоров, направленных на создание системы коллективной безопасности в Европе. Подобные планы выдвигал, в частности, министр иностранных дел Франции Луи Барту, павший от руки фашистского убийцы.

Ход исторического развития убедительно подтвердил, что внешняя политика, основанная на организации военных блоков, на попытках «канализировать» германскую агрессию, враждебна миру и ведет к войне. Военные блоки, в которых участвовали германские милитаристы, всегда имели своей целью развязывание войны против миролюбивых европейских народов. Эту же цель преследуют и новые агрессивные блоки империалистов, созданные после второй мировой войны.

Принципиально иная концепция лежит в основе внешней политики Советского Союза, направленной на установление прочного мира в Европе. Она целиком и полностью вытекает из ленинского принципа мирного сосуществования и определяла политику Советского Союза как в период между двумя мировыми войнами, так и после второй мировой войны. В самом деле, в течение всего предвоенного периода Советское правительство выдвигало и отстаивало принцип коллективной безопасности. Оно внесло ряд предложений, направленных на осуществление этого принципа, поднимало свой голос в его защиту почти на каждом заседании Совета Лиги наций, на каждой сессии ее Ассамблеи.

В ходе второй мировой войны неуклонно отстаиваемая Советским Союзом идея сплочения миролюбивых государств в целях коллективного отпора

¹ См. В. М. Джордан. Великобритания, Франция и германская проблема в 1918—1939 гг. М., 1945, стр. 283.

агрессору получила широкое признание. Конкретным воплощением этой идеи явилась антигитлеровская коалиция, объединившая свои силы для совместной борьбы против агрессоров. Создание антигитлеровской коалиции служит убедительным доказательством возможности образования единого лагеря держав, независимо от их общественного строя, в целях объединения усилий по обеспечению безопасности и для борьбы против агрессии.

Учтя опыт прошлого, доставшийся столь дорогой ценой, и пожелания миролюбивых народов, союзные по антигитлеровской коалиции великие державы еще в годы второй мировой войны и сразу после ее окончания разработали основы системы европейской безопасности, исходящей из правильного разрешения германской проблемы. Суть этой системы заключалась в том, что она определила эффективные меры как в отношении угрозы возрождения агрессивных сил в самой Германии (демилитаризация и демократизация Германии), так и в отношении создания необходимых внешнеполитических условий, служащих предотвращению опасности повторения германской агрессии. Эти меры были ясно и четко определены в Потсдамском соглашении Советского Союза, Англии и Соединенных Штатов (к которому присоединилась и Франция).

На протяжении послевоенного периода внешняя политика западных держав по сути дела была направлена на то, чтобы разрушить эту систему, на которой могла бы быть основана безопасность Европы. Главную роль в проведении этой политики играли правящие круги Соединенных Штатов.

Разумеется, сразу же после окончания войны невозможно было просто отмахнуться от проблемы предотвращения германской агрессии в будущем и объявить вчерашних гитлеровцев союзниками «западной демократии». В памяти народов еще слишком свежи были последствия германского нашествия против миролюбивых стран Европы. Поэтому некоторые дипломатические акты западных держав в первые годы после войны учитывали желание европейских народов обеспечить свою безопасность прежде всего путем создания системы, исключающей возрождение германской агрессии. В частности, в ст. I англо-французского договора о союзе, заключенного в Дюнkerке 4 марта 1947 г., говорилось об обязательстве обеих сторон принять совместные меры против возрождения германской агрессии. Заключение Дюнkerкского договора уже тогда было весьма холодно встречено в Вашингтоне.

После второй мировой войны американские правящие круги в основу своей политики положили курс на возрождение германского милитаризма, как орудия новой агрессии против демократических стран. В целях маскировки своих планов возрождения военного очага в Европе вашингтонские политики сочинили и всячески раздували миф о «советской угрозе». Этот курс был вскоре воспринят европейскими союзниками Соединенных Штатов в ущерб их собственной безопасности. В Атлантическом договоре уже нет никакого упоминания о необходимости принять меры против возможной в будущем германской агрессии. Вступление Западной Германии в этот агрессивный блок было логическим следствием политики западных держав: начав со стыдливого замалчивания необходимости согласованной союзническими державами политики обуздания германских агрессивных сил и предотвращения возрождения германской угрозы, западные державы дошли до признания германских милитаристов своими основными союзниками в Европе. Тем самым они предстали перед народами как ярые противники европейской безопасности.

В отвергнутом соглашении об ЕОС¹ и в выработанных затем парижских соглашениях отчетливо выступала двоякая цель западных держав: во-первых, предотвратить объединение Германии и создать условия для легализации перевооружения Западной Германии и развития ее по империалистическому пути; во-вторых, свести на нет всякое общеевропейское сотрудничество и обеспечить превращение Западной Европы в агрессивный военный блок, филиал североатлантической организации, в которой Западной Германии было бы отведено одно из ведущих мест.

Канцлер Аденауэр ясно сформулировал цель углубления раскола Германии и разъединения Европы на противостоящие друг другу военные группировки в следующих словах: «Не забудьте, пожалуйста, что я единственный немецкий канцлер, который отдает предпочтение единству Европы (читай: объединению Западной Европы в агрессивный военный блок. — Авт.) перед единством своей собственной родины»². Руководитель СДПГ Олленхауэр также весьма недвусмысленно охарактеризовал основу политики западных держав и Бонна, заявив, что в переговорах о заключении парижских соглашений вопрос об объединении Германии по сути дела был отодвинут на задний план. «Таким образом, — сказал Олленхауэр, — совершенно недвусмысленно было отдано предпочтение перевооружению ФРГ перед воссоединением Германии»³.

Такова была обстановка, в которой Советский Союз принял новые усилия к тому, чтобы предотвратить роковое развитие событий в Европе и добиться объединения Германии на мирной и демократической основе и создания системы коллективной безопасности в Европе.

Летом 1953 г. Советский Союз вновь поставил вопрос о необходимости созыва совещания Совета министров иностранных дел. Под давлением общественного мнения западные державы оказались вынужденными согласиться с этим предложением, но они всячески пытались отодвинуть сроки встречи министров иностранных дел четырех стран. Советское правительство предложило пригласить к участию в совещании представителей ФРГ и ГДР. Это предложение встретило полную поддержку правительства ГДР, но было отклонено Западной Германией и западными державами.

После длительных проволочек, вызванных обструкционистской позицией США, Англии и Франции, в январе — феврале 1954 г. в Берлине состоялось совещание министров иностранных дел четырех держав, на котором Советский Союз представил программу по германскому вопросу:

1) Незамедлительно приступить к разработке мирного договора с Германией. С этой целью Советское правительство

¹ См. гл. XXIV.

² «Hamburger Echo», 21. VIII. 1954.

³ «Verschwörung gegen Deutschland». Herausgegeben vom Ausschuss für deutsche Einheit. Berlin, 1955, S. 81; см. также P. Noack. Deutschland von 1945 bis 1960. Ein Abriss der Innen- und Aussenpolitik. München, 1960, S. 31.

представило дополненный проект Основ мирного договора и проект решения «О подготовке мирного договора с Германией и созыве мирной конференции по германскому мирному договору».

2) Образовать временное общегерманское правительство (из представителей парламентов ФРГ и ГДР при участии демократических организаций), которое должно выработать проект общегерманского избирательного закона и обеспечить действительно демократический характер общегерманских выборов.

3) Принять меры к сближению между существующими на территории Германии двумя германскими государствами, которые облегчили бы достижение соглашения между ними по проведению общегерманских выборов и объединению страны.

Советский Союз внес развернутые предложения и по такому вопросу, как обеспечение коллективной безопасности в Европе. Его предложения были направлены к тому, чтобы воспрепятствовать окончательному разъединению Европы на две противостоящие друг другу военные группировки и создать гарантии в том, что любая агрессия в Европе будет в зародыше пресечена и не перерастет в мировую войну. Внесенный Советским Союзом на рассмотрение совещания четырех министров проект «Общеввропейского договора о коллективной безопасности в Европе» предусматривал создание общеевропейской системы безопасности, основанной на тесном сотрудничестве всех европейских государств в целях предотвращения агрессии и оказания коллективного отпора любой попытке нарушить мир в Европе.

«Общеввропейский договор» предполагал участие в нем всех европейских стран независимо от того, где они расположены и какой общественный строй в них установлен — капиталистический или социалистический. Для участия в договоре достаточно было лишь признать его цели и взять на себя предусмотренные в нем обязательства. Таким образом, стремление к налаживанию подлинно общеевропейского сотрудничества было одной из важнейших отличительных черт договора.

Советский проект «Общеввропейского договора» не ущемлял суверенитета участвующих в нем стран. Он предусматривал вместе с тем, что участники договора должны будут взять на себя обязательства, исключающие использование их вооруженных сил в агрессивных целях. В частности, участники договора возьмут на себя обязательство воздерживаться от всякого применения силы в международных отношениях. Всякий раз, когда, по мнению любого из участников договора, в Европе возникнет угроза вооруженного нападения, участники договора должны будут консультироваться между собой о принятии эффективных мер для устранения этой угрозы и обеспечения безопасности в Европе.

Договор устанавливал, что вооруженное нападение в Европе на одно или несколько государств — участников договора со стороны какого-либо государства или группы государств должно будет рассматриваться как нападение на всех участников договора. И в этом случае каждый участник договора должен будет оказать помощь подвергшимся нападению всеми доступными ему средствами, включая применение вооруженной силы.

В «Общеввропейском договоре» указывалось, что впредь до заключения мирного договора с Германией и воссоединения Германии в единое государство участниками общеевропейской системы коллективной безопасности должны были стать как Германская Демократическая Республика, так и Федеративная Республика Германии.

Наконец, в проекте решения «Об обеспечении безопасности в Европе», внесенном Советским Союзом на рассмотрение берлинского совещания, предлагалось принять ряд мер, которые обеспечивали бы нейтрализацию Германии. С этой целью в советском предложении предусматривался, в частности, вывод оккупационных войск из Германии, а также согласованное ограничение численности немецкой полиции впредь до заключения мирного договора с Германией.

Советские предложения были отвергнуты западными державами. Делегации США, Англии и Франции советской программе разрешения германского вопроса противопоставили так называемый «план Идена» — план распространения на всю Германию господства капиталистических монополий с помощью проведения так называемых «свободных выборов».

По замыслам авторов плана, «свободные выборы» должны были состояться в условиях сохранения оккупационного режима в Германии, в присутствии оккупационных войск. Более того, избирательный закон должен был быть выработан не представителями двух германских государств, т. е. не немцами, а опять-таки оккупационными державами¹.

По «плану Идена» не только не были предусмотрены меры, исключавшие давление на избирателей со стороны крупных монополий и фашистских организаций, а, наоборот, весь план был направлен как раз на то, чтобы облегчить реакционным силам давление на избирателей.

Из истории Германии хорошо известно, что такие выборы, организованные под руководством реакционных сил, всегда имели самые роковые последствия для развития страны, служили для немецких милитаристов и реваншистов средством укрепления своей власти в стране, поводом к расправе с демократическими силами германского народа за ширмой «парламентской демократии».

Достаточно напомнить хотя бы некоторые факты из истории. Уже в 1925 г. немецким милитаристам удалось организовать «свободные выборы», давшие победу реакции. В марте 1925 г. на пост президента Германии был избран фельдмаршал Гинденбург, который еще за семь лет до этого числился в списках немецких военных преступников. Впоследствии правящие круги Германии использовали «свободные выборы» для того, чтобы расчистить до-

¹ «Dokumentation der Zeit». Herausgegeben vom «Deutschen Institut für Zeitgeschichte», 1954, Heft 65, 66; K. Bittel. Tagebuch der Berliner Konferenz, Leipzig — Jena, 1955, S. 25.

рогу Гитлеру. Решающее значение имело при этом широкое финансирование промышленниками реакционных партий — и прежде всего гитлеровской партии. Таков опыт использования «парламентской демократии» для установления фашистской диктатуры в Германии.

В Западной Германии в обозреваемый нами период вновь заняли господствующее положение силы, близкие по своей природе тем, которые в свое время проторили Гитлеру дорогу к власти. Снова стали всемогущими монополии, пышным цветом расцвел реваншизм, реакция заняла господствующее место в политической и общественной жизни страны. В этих условиях требование «свободных выборов» означало не что иное, как попытку распространить господство реакции и реваншизма на всю Германию. В основе «плана Идена» лежал расчет на то, что, поскольку в Западной Германии, где господствуют реакция и оккупационные войска империалистических держав, проживает более $\frac{2}{3}$ немецкого населения, результат подобного рода «свободных выборов» предопределен — они должны будут привести к победе реакции во всей Германии.

По вине западных держав рассмотрение германского вопроса на берлинском совещании окончилось безрезультатно. Однако внесенные на сессии Советским Союзом предложения получили широкий отклик. Идея коллективной безопасности в Европе завоевала миллионы сторонников во всех странах. После сессии Советский Союз продолжал свои усилия, направленные на то, чтобы предотвратить разъединение Европы на противостоящие друг другу военные группировки. В ноте от 31 марта 1954 г. СССР выразил готовность рассмотреть вместе с другими заинтересованными государствами вопрос об участии Советского Союза в Североатлантическом договоре. В таком случае североатлантическая организация перестала бы быть замкнутым военным блоком и утратила бы свой агрессивный характер. Однако и это предложение было отклонено западными державами.

После подписания империалистическими странами парижских соглашений Советский Союз предпринял еще одну попытку предотвратить разъединение Европы на противостоящие друг другу военные группировки и добиться создания системы коллективной безопасности в Европе. Он обратился ко всем европейским державам и к США с предложением принять участие в совещании по обеспечению мира и безопасности в Европе. Западные державы ответили отказом. С 29 ноября по 2 декабря 1954 г. в Москве состоялось совещание европейских стран по обеспечению мира и безопасности в Европе, в котором приняли участие делегации восьми социалистических государств Европы, а также представитель Китайской Народной Республики в качестве наблюдателя. Совещание приняло декларацию, в которой содержался призыв к западноевропейским государствам отказаться от ратификации парижских соглашений и создать систему коллективной безопасности в Европе. Вместе с тем участники совещания заявили о своем решении осуществить в случае ратификации парижских соглашений совместные мероприятия в области организации вооруженных сил и их коман-

дования, равно как и другие мероприятия, необходимые для укрепления их обороноспособности¹.

Западные державы не вняли голосу разума. В конце 1954—начале 1955 г. парижские соглашения были ратифицированы всеми государствами — участниками этих соглашений. Западно-германским милитаристам было разрешено создать свою армию, и ФРГ стала членом военного Североатлантического блока. Тем самым создавалась новая ситуация, требовавшая нового подхода к решению германской проблемы.

3. Германский вопрос после вступления в силу парижских соглашений

После вступления в силу военных парижских соглашений Федеративная Республика Германии окончательно оформилась как государство возрождающегося германского милитаризма и монополистического капитала. ФРГ приобрела, хотя и с определенными ограничениями, государственный суверенитет и право самой осуществлять свою внешнюю политику. После принятия ФРГ в НАТО граница между двумя германскими государствами стала официально границей района расположения войск агрессивного Североатлантического блока в Центральной Европе. Западная Германия превратилась в партнера других империалистических держав. Хотя в известных пределах ФРГ продолжала оставаться в военно-политической зависимости от западных держав, и прежде всего от США, она начала упорную борьбу за ведущее место в империалистическом военном блоке. Межимпериалистические противоречия, таким образом, обострились и приняли специфическую форму, характерную для того периода развития империализма, когда был создан ряд военно-политических и экономических объединений империалистических государств.

С другой стороны, существенно изменилось и положение Германской Демократической Республики. 25 января 1955 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ об окончании состояния войны между Советским Союзом и Германией. Это создало новую правовую основу для урегулирования взаимоотношений не только между СССР и ГДР, которые с самого начала развивались в духе дружбы и тесного сотрудничества, но и между СССР и ФРГ.

Германская Демократическая Республика, ставшая членом оборонительной организации Варшавского договора, еще в 1950 г. присоединилась к Совету Экономической Взаимопомощи. ГДР заняла прочное место в социалистическом лагере. СССР и другие страны социализма — участницы Варшавского догово-

¹ «Московское совещание европейских стран по обеспечению мира и безопасности в Европе». М., 1954, стр. 158.

ра провозгласили, что любую попытку агрессии против ГДР они будут рассматривать как нападение на социалистический лагерь в целом и предпримут незамедлительно меры для коллективного отпора агрессору.

20 сентября 1955 г. был заключен договор об отношениях между СССР и ГДР. Договор устанавливал, что ГДР свободна в решении вопросов своей внутренней и внешней политики, включая взаимоотношения с Федеративной Республикой Германии, а также отношения с другими государствами. Все функции охраны и контроля на границах ГДР, на внешнем обводе Большого Берлина, а также на проходящих по территории ГДР коммуникациях между ФРГ и Западным Берлином были переданы органам Германской Демократической Республики.

В договоре нашел отражение принцип невмешательства во внутренние дела других государств, которым руководствуется Советский Союз во взаимоотношениях со всеми странами. В ст. 4 договора подчеркивалось, что временно находящиеся на территории ГДР советские войска не вмешиваются в общественно-политическую жизнь страны.

Характеризуя договор, премьер-министр ГДР Отто Гротеволь заявил: «Наши переговоры в Москве и заключенный там договор об отношениях между Германской Демократической Республикой и СССР, а также другие соглашения углубляют и расширяют политическое, экономическое и культурное сотрудничество между Германской Демократической Республикой и Советским Союзом.

Заключенный в Москве двусторонний договор придает отныне суверенитету Германской Демократической Республики международноправовую форму...»¹

Всемерно укрепляя свои отношения с ГДР — оплотом миролюбивых и демократических сил германского народа, СССР стремился вместе с тем нормализовать свои отношения с другим германским государством — Федеративной Республикой Германии. Проводя реалистическую политику, Советский Союз подчеркивал, что необходимо считаться с фактическим положением вещей в Германии, когда на ее территории существуют два германских государства.

Исходя из этого, Советский Союз, считаясь с создавшимся в Германии положением, пригласил руководителей ФРГ в Москву, для того чтобы обсудить вопрос о нормализации отношений между СССР и ФРГ к взаимной выгоде советского и германского народов и в интересах всеобщего мира². В результате переговоров в Москве, состоявшихся в начале сентября 1955 г., было принято решение установить дипломатические отношения между СССР и ФРГ. Как подчеркивалось в заклю-

¹ «Neues Deutschland», 22. IX. 1955.

² См. гл. III.

чительном коммюнике о результатах переговоров между правительственными делегациями СССР и ФРГ, установление дипломатических отношений будет служить развитию взаимопонимания и сотрудничества между СССР и ФРГ в интересах мира и безопасности в Европе.

Следует учесть, что широкие круги общественности Западной Германии давно уже настаивали на нормализации отношений между ФРГ и СССР. Например, газета «Франкфуртер рундschau» писала в дни московских переговоров, что с поездкой Аденауэра в Москву и с переговорами с правительственной делегацией Советского Союза все миролюбивые немцы связывают свои лучшие надежды. Эти надежды и чаяния находили выражение в ряде выступлений и высказываний западногерманских газет. Перед поездкой правительственной делегации ФРГ в Москву западногерманский Институт общественного мнения провел опрос в связи с предстоящими переговорами. Оказалось, что 92% опрошенных высказали свои надежды на успешный исход переговоров.

Накануне переговоров и после отъезда правительственной делегации ФРГ в Москву в Западной Германии особенно усилилось движение за нормализацию отношений с Советским Союзом. В пользу такой нормализации высказались самые широкие общественные круги. Это, в частности, нашло выражение в выступлениях лидера социал-демократической партии Олленхауэра. В речи на собрании членов социал-демократической партии в Дюленбурге 11 сентября 1955 г. Олленхауэр указал, что, хотя присоединение Федеративной республики к НАТО и Западноевропейскому союзу осложнило положение, необходимо использовать все возможности, чтобы достигнуть в Москве положительных результатов.

Благоприятный исход московских переговоров был с большим одобрением встречен западногерманской общественностью. Необходимость сотрудничества с СССР осознается большинством западногерманского населения. Газета «Гамбургер абендблатт», комментируя московские переговоры, писала 13 сентября 1955 г.: «Дважды в течение этого столетия немцы и русские воевали между собой. Не должны ли они желать, чтобы европейская система безопасности освободила их от этого в будущем?». Газета «Пфорцгеймер цейтунг» отметила: «Что может быть естественнее, нежели прямые отношения с нашим соседом, который постоянно играл ведущую роль в немецкой внешней политике... С поездкой Аденауэра в Москву немецкая внешняя политика вступает или — скажем осторожнее — может вступить в новую фазу».

Итак, важнейшей характерной чертой нового положения, создавшегося к 1955 г. в Германии, было то, что на ее территории окончательно сформировались два самостоятельных государства со своей специфической внутренней и внешней политикой и внешнеполитическими связями и обязательствами. Одно из них — ФРГ — стало оплотом империализма и реакции в Европе, другое — ГДР — форпостом мира, демократии и социализма.

В условиях, когда на территории Германии сложились два государства с противоположными общественными системами и входящими к тому же в противостоящие друг другу военные союзы, изменились и предпосылки решения германского вопроса: разрешение вопроса о воссоединении Германии стало прежде всего внутренним делом германского народа, оно перешло в компетенцию существующих на территории Германии двух суверенных государств. В этой обстановке реальным пу-

тем для разрешения вопроса о восстановлении национального единства Германии стал путь сближения и соглашения между ГДР и ФРГ. Обязанностью других держав в создавшемся положении было всемерно содействовать такому сближению, содействовать созданию максимально благоприятной обстановки как для сближения между ФРГ и ГДР, так и для нормализации взаимоотношений между этими двумя государствами и другими государствами мира. Это наилучшим образом могло бы быть достигнуто путем заключения мирного договора с двумя германскими государствами. Такой курс способствовал бы разрядке напряженности в центре Европы и тем самым укреплению мира.

Об изменившейся обстановке, которая обуславливала новый подход к германской проблеме, правительства СССР и ГДР неоднократно заявляли на протяжении 1955 г., после вступления в силу парижских соглашений. В заявлении ТАСС, опубликованном 13 июля 1955 г., указывалось: «В новой обстановке, сложившейся в Германии в связи с вступлением в силу парижских соглашений, решающее значение имеет вопрос о том, будет ли превращена Западная Германия в милитаристское государство, включенное в военные группировки, или будут приняты меры, предотвращающие такое развитие Западной Германии»¹.

В правительственном заявлении ГДР, оглашенном председателем Совета Министров ГДР Отто Гротеволем на заседании Народной палаты ГДР 12 августа 1955 г., указывалось: «Объединение Германии возможно лишь при наличии таких предпосылок, как сближение между Германской Демократической Республикой и Федеративной Республикой Германии и полное уважение интересов Германской Демократической Республики, ее внутреннего и внешнего положения»².

Иные условия существовали для разрешения проблемы европейской безопасности. Этот вопрос — не внутреннее дело одного какого-либо народа, а общеевропейская проблема, касающаяся всех государств Европы и требующая своего разрешения путем международных переговоров. На международных конференциях 1955 г. проблема европейской безопасности заняла первостепенное место. Такова была обстановка летом и осенью 1955 г., когда в Женеве проходили совещания глав правительств и министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции³.

¹ «Правда», 13 июля 1955 г.

² «Документы о внешней политике правительства Германской Демократической Республики. От 22 мая 1955 г. до 30 июня 1956 г.». Перев. с нем. М., 1958, стр. 34.

³ См. гл. XXIX.

На Женевском совещании глав правительств (18—23 июля 1955 г.) проблема европейской безопасности¹ и германский вопрос занимали центральное место. Советский Союз выступил на совещании со следующими основными предложениями:

- создание системы коллективной безопасности в Европе, результатом которой должна быть ликвидация НАТО, парижских соглашений и Варшавского договора;

- заключение соглашения между участниками НАТО и парижских соглашений, с одной стороны, и Варшавского договора — с другой, о том, что во взаимоотношениях друг с другом они отказываются от применения силы;

- принятие на себя обязательств участниками двух группировок консультироваться друг с другом в случае возникновения разногласий между ними, которые могли бы создать угрозу миру в Европе;

- принятие мер к сближению между двумя германскими государствами и созданию предпосылок к национальному воссоединению Германии на мирной и демократической основе.

О способах достижения единства Германии советская делегация на Женевском совещании заявила совершенно ясно и определенно: «Если говорить о путях, которые ведут к воссоединению Германии, то нельзя не признать, что в настоящих условиях сближение между обеими частями Германии, устранение имеющихся трений и напряженности и создание атмосферы сотрудничества между ними может наилучшим образом способствовать достижению этой цели»².

В директивах, принятых главами правительств на Женевском совещании, содержался специальный пункт, озаглавленный «Европейская безопасность и Германия». «Главы правительств, — говорилось в этом пункте, — признавая свою общую ответственность за разрешение германского вопроса и за воссоединение Германии, согласились, что разрешение германского вопроса и воссоединение Германии посредством свободных выборов должно быть осуществлено в соответствии с национальными интересами германского народа и интересами европейской безопасности»³. Следовательно, в директивах ясно была выражена такая мысль: свободные выборы с целью воссоединения Германии возможны лишь при гарантии, что возникшее единое германское государство будет миролюбивым и демократическим государством, которое никогда не будет угрожать миру и безопасности Европы.

На состоявшемся в октябре 1955 г. Женевском совещании министров иностранных дел советская делегация вновь указала на то, что разрешение германской проблемы должно ис-

¹ См. гл. XXIX.

² «Правда о политике западных держав в германском вопросе». М., 1959, стр. 38—39.

³ «Правда», 24 июля 1955 г.

ходить из реально существующей обстановки, когда на территории Германии расположены два самостоятельных государства. «В создавшихся условиях, — говорилось в заявлении советской делегации, — задача воссоединения Германии не может уже решаться так, как это было до парижских соглашений, и притом не считаясь с фактом, что за это время произошло в общественном и государственном развитии Восточной и Западной Германии. В настоящее время задача воссоединения Германии может решаться только постепенно, шаг за шагом, путем сближения и сотрудничества между ГДР и ФРГ»¹.

Исходя из этого, советская делегация внесла на рассмотрение совещания проект решения о создании Общегерманского совета, который должен состоять из представителей парламентов обоих государств — Германской Демократической Республики и Федеративной Республики Германии. Цель совета — добиться сближения между обеими частями Германии и создать предпосылки для воссоединения страны. Деятельность Общегерманского совета никоим образом не нарушала бы интересы ни одного из ныне существующих немецких государств, поскольку она не затрагивала бы их внутренних порядков. Советский Союз предложил также, чтобы представители ГДР и ФРГ участвовали в обсуждении вопросов, касающихся Германии. Однако западные державы и ФРГ отклонили это предложение.

Советский Союз на Женевском совещании министров иностранных дел настаивал на принятии системы общеевропейской коллективной безопасности. Он вновь представил свой проект договора о создании системы коллективной безопасности в Европе. Советская делегация подчеркивала при этом, что принятие договора в решающей степени способствовало бы и воссоединению Германии на мирной и демократической основе. Ссылаясь на предложение Идена о создании между Востоком и Западом зоны ограничения и инспекции вооружений в Европе, советская делегация внесла 31 октября 1955 г. конкретный план образования такой зоны с включением в нее территорий обоих германских государств, а также территорий соседних с ними государств или некоторых из них.

Западные державы отклонили все эти конструктивные предложения. Они отстаивали совершенно неприемлемое предложение о том, чтобы вопрос о воссоединении Германии был разрешен на основании «плана Идена» о проведении так называемых «свободных выборов» в Германии при сохранении оккупационных войск на западе страны.

На Женевском совещании министров иностранных дел Даллес заявил: «Мы все придерживаемся единого мнения, что Германия должна быть воссоединена путем свободных выборов. Но для того, чтобы вновь объединить Германию, мы все должны быть убеждены в том, что этот шаг не затронет

¹ «Правда о политике западных держав в германском вопросе», стр. 39.

нашей безопасности»¹. Этим западные державы давали понять, что они мыслят объединенную путем «свободных» выборов Германию не иначе, как входящей в НАТО². Это положение можно с полным правом назвать основой всего плана западных держав, выдвинутого ими на Женевском совещании. Западные страны пытались таким образом предопределить внешнеполитическое положение будущей объединенной Германии, подчинить ее антисоветским целям Североатлантического блока.

Добиваясь согласия Советского Союза на принятие такого плана, западные державы, по сути дела, хотели заставить СССР санкционировать использование западногерманских милитаристов в целях развязывания агрессии против СССР и стран народной демократии. «Никто не заставит нас, — заявил в ответ на эти сумасбродные планы Н. С. Хрущев в своем выступлении на сессии Верховного Совета СССР 29 декабря 1955 г., — усиливать собственными руками военный блок, направленный против Советского Союза и других миролюбивых государств»³. В том же выступлении Н. С. Хрущев указывал, что в нынешних условиях нет реальных возможностей воссоединить два столь различных государства, какими являются Германская Демократическая Республика и Федеративная Республика Германии. Он призвал принять систему коллективной безопасности в Европе, в рамках которой наилучшим образом мог бы быть разрешен и германский вопрос.

«В обеспечении безопасности в Европе, — сказал Н. С. Хрущев, — в создании условий для укрепления мира заинтересованы Англия и СССР, Франция и Польша, Чехословакия и Бельгия — все европейские государства, а также и США.

Если действительно исходить из этого и если помнить, что оба германских государства, входящие ныне в противостоящие друг другу группировки государств, могли бы с успехом участвовать в общеевропейской системе безопасности, которая заменила бы обе эти группировки, то вопрос может быть решен так, как этого требуют интересы народов»⁴.

Обсуждение германского вопроса и проблемы европейской безопасности на международных конференциях 1950—1955 гг. показало, что Советский Союз твердо отстаивает интересы безопасности европейских народов. Его внешняя политика в эти годы была важным фактором сохранения мира в Европе. Советское государство, руководствуясь ленинскими принципами мирного сосуществования, предпринимало новые усилия, направленные на укрепление международного сотрудничества и обеспечение безопасности в Европе коллективными усилиями всех европейских стран, независимо от существующего строя. Внешняя политика СССР мобилизовала народы на борьбу против

¹ «Neue Zürcher Zeitung», 29. X. 1955.

² *M. Ball. NATO and the European Union Movement*, p. 106—107.

³ «Правда», 30 декабря 1955 г.

⁴ Там же.

угрозы возрождения германской агрессии, за мирное урегулирование в Германии и ликвидацию остатков второй мировой войны. Эта политика явилась важнейшим препятствием на пути осуществления агрессивных планов империализма, на пути развязывания новой мировой войны.

Г Л А В А XXVII

СОЗДАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ВАРШАВСКОГО ДОГОВОРА — ВАЖНЫЙ ВКЛАД В ДЕЛО МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ НАРОДОВ

Курс агрессивных кругов США и их союзников на ускоренную ремилитаризацию Западной Германии и включение ее в НАТО, нашедший свое выражение в парижских соглашениях, создавал серьезную угрозу миру и безопасности народов. Он усиливал международную напряженность и явно имел своей целью подготовку мировой термоядерной войны.

В этих условиях Советский Союз и другие социалистические страны продолжали делать все, что в их силах, чтобы предотвратить опасное развитие событий, настойчиво боролись за создание системы коллективной безопасности в Европе, с полным основанием считая ее способной воспрепятствовать расколу Европы на военные блоки и развязыванию войны агрессивными силами.

Исходя из интересов сохранения мира, Советский Союз и другие страны — участницы Московского совещания 1954 г. решительно выступали против парижских соглашений, чреватых военной опасностью, предпринимали конкретные шаги с целью создания благоприятных условий для достижения соглашения с западными державами относительно совместного обеспечения безопасности в Европе.

Искренним стремлением ослабить международную напряженность была проникнута Декларация Верховного Совета СССР, принятая 9 февраля 1955 г. Обращаясь к народам и парламентам всех стран, верховный орган Советской власти со всей серьезностью подчеркнул, что создание агрессивных военных группировок в Европе и политика восстановления германского милитаризма приведут к тяжелым последствиям для всех народов Европы. «Создается опасность, — говорилось в декларации, — что Европа может стать ареной новой войны. Такая война неизбежно превратится в новую мировую войну».

Верховный Совет СССР призывал государства, стремящиеся к поддержанию и укреплению мира, умножать свои усилия, направленные к таким высоким целям, как создание системы коллективной безопасности в Европе. Вместе с тем в декларации подчеркивалось что Советский Союз, опираясь на несокруши-

мое единство его народов, на неисчислимые ресурсы, «полон решимости обеспечить мирный труд своих граждан и оградить их от всяких посягательств извне»¹.

В выступлениях депутатов на сессии Верховного Совета, в статьях, опубликованных в это время на страницах советских газет и журналов, вновь и вновь напоминалось об известном предупреждении, содержащемся в Декларации Московского совещания. Так, например, в редакционной статье, озаглавленной «Организаторы военных блоков не застанут миролюбивые народы врасплох», «Правда» писала: «Миролюбивые народы ясно заявили, — и об этом не мешает еще раз напомнить, — что в случае ратификации парижских соглашений, предусматривающих вооружение Западной Германии и ее вступление в Североатлантический блок и в Западноевропейский военный союз вместе с Францией, Англией, Италией и некоторыми другими государствами, в Европе создастся новое положение, так как после этого намного усилится опасность новой войны. С этим не могут не считаться Советский Союз и страны народной демократии, против которых направлены парижские соглашения.

В этой обстановке миролюбивые государства не будут сидеть сложа руки. Они должны будут предпринять соответствующие меры для дальнейшего укрепления своей безопасности и для обеспечения мира в Европе»².

Однако, несмотря на все предупреждения Советского Союза и других социалистических стран, правящие круги США, Англии, Франции, Италии продолжали свой курс на быструю ратификацию парижских соглашений. Это потребовало от государств — участников Московского совещания проведения консультаций относительно заключения договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Такие консультации между правительствами Советского Союза, Чехословакии, Польши, ГДР, Венгрии, Румынии, Болгарии и Албании состоялись в марте 1955 г. В них приняло участие также и правительство Китайской Народной Республики. В официальном сообщении, опубликованном 22 марта 1955 г., указывалось, что в ходе консультаций было выявлено полное единство взглядов относительно принципов Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, а также об организации Объединенного командования государств — участников договора, «которое будет создано в случае ратификации парижских соглашений...» с целью обеспечения безопасности этих государств и в интересах поддержания мира в Европе³.

Ратификация, вопреки воле народов, парижских соглашений и вступление их в силу 5 мая 1955 г. существенно изменяли об-

¹ «Известия», 10 февраля 1955 г.

² «Правда», 28 февраля 1955 г.

³ «Правда», 22 марта 1955 г.

становку в Европе¹. По-новому вставал и вопрос о создании европейской системы коллективной безопасности. Позиция западных держав свидетельствовала об их полном отказе от участия в такой системе, о том, что вся их политика пронизана враждебностью к Советскому Союзу и другим социалистическим странам и направлена в конечном счете на подготовку войны. В таких условиях основы европейской системы коллективной безопасности могли быть заложены только усилиями СССР и других социалистических стран Европы.

1. Варшавское совещание

По инициативе Советского Союза и Польской Народной Республики восемь стран — участниц Московского совещания 1954 г. приняли решение собраться вновь, чтобы обсудить сложившуюся обстановку и принять необходимые меры в интересах мира и безопасности в Европе.

Совещание европейских государств по обеспечению мира и безопасности в Европе состоялось в Варшаве 11—14 мая 1955 г. В нем приняли участие правительственные делегации восьми европейских стран — Союза Советских Социалистических Республик, Польской Народной Республики, Чехословацкой Республики, Румынской Народной Республики, Народной Республики Болгарии, Германской Демократической Республики, Венгерской Народной Республики, Народной Республики Албании, а также представитель Китайской Народной Республики в качестве наблюдателя.

Созыв Варшавского совещания, его задачи и цели были с большим удовлетворением встречены народами социалистических стран, прогрессивными силами во всем мире.

Выражая мнение советского народа, «Правда» писала в дни совещания: «Конечно, империалистам было бы по душе, если бы миролюбивые государства сидели сложа руки и ничего не предпринимали в ответ, а они проводили бы свою политику «с позиции силы», вооружались и навязывали бы другим свою волю. Но такого положения не будет... На Варшавском совещании закладывается надежная основа объединенных действий миролюбивых государств с целью отпора готовящейся агрессии, с целью обеспечения мира и безопасности Европы»².

Прогрессивное мировое общественное мнение с полным основанием видело в Варшавском совещании логическое продолжение миролюбивой внешней политики социалистических стран: «В Варшаве, — писала итальянская газета «Унита», — Советский Союз и другие страны демократического лагеря продол-

¹ См. гл. XXV.

² «Правда», 13 мая 1955 г.

жают борьбу за мир, за ослабление международной напряженности и за то, чтобы отдалить кошмар разрушительной войны, нависшей сейчас над человечеством»¹.

На совещании была детально обсуждена международная обстановка, создавшаяся после вступления в силу парижских соглашений, и сделан единодушный вывод о том, что агрессивная политика держав — членов НАТО в Европе и других районах мира, особенно возрождение милитаризма в Западной Германии, включение ее в Западноевропейский союз и НАТО, создает непосредственную угрозу для мира и безопасности народов Европы и всего мира.

Участники совещания вновь подчеркнули, что в сложившейся обстановке лучшим путем обеспечения мира в Европе было бы создание системы коллективной безопасности, в которой принимали бы участие все европейские государства, а также США. Вместе с тем на совещании было отмечено, что предложения Советского Союза о создании европейской системы безопасности, поддержанные в свое время странами — участницами Варшавского совещания, не были приняты западными державами и остались нереализованными. Учитывая все это, участники Варшавского совещания пришли к единодушному мнению, что дальнейшая затяжка создания такой системы может увеличить опасность для миролюбивых стран, и поэтому необходимо безотлагательно принять ответные меры, чтобы агрессивным силам военного блока западных держав противопоставить объединенную мощь социалистических государств в интересах обеспечения безопасности и сохранения мира в Европе.

На совещании с удовлетворением отмечалось, что большую роль в деле обеспечения мира и безопасности в Европе играли и продолжают играть двусторонние договоры о дружбе и взаимной помощи, заключенные ранее между социалистическими странами. Вместе с тем подчеркивалось, что в сложившейся после ратификации парижских соглашений международной обстановке этих договоров уже недостаточно, и поэтому подписание Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, объединяющего все страны — участницы Варшавского совещания стало настоятельной необходимостью. Представители всех участвовавших в совещании стран высказались за создание в рамках этого договора Политического консультативного комитета и Объединенного командования вооруженными силами. Практические вопросы, связанные с созданием объединенных вооруженных сил, были обсуждены 12 мая 1955 г. на закрытом заседании совещания.

В ходе обсуждения проекта договора и задач его органов участники совещания выразили уверенность в том, что договор будет надежной гарантией безопасности для всех европейских

¹ «L'Unita», 12. V. 1955,

социалистических стран в целом и для каждой из них в отдельности.

Участники совещания разоблачили фальшивый характер так называемых «гарантий» против угрозы со стороны возрождавшегося в Западной Германии милитаризма, о которых говорилось в парижских соглашениях и особенно в многочисленных комментариях буржуазных политиков и пропагандистов, ратовавших за включение Западной Германии в НАТО. Еще раз было ясно показано, что подобные «гарантии» никого не гарантируют от возможной в будущем агрессии западногерманских реваншистов и являются лишь ширмой, за которой проводится включение Западной Германии в агрессивные военные блоки, направленные прежде всего против социалистических стран.

Резкой критике подверглась на совещании и та система «гарантий», которую навязывали странам Европы империалистические правительства великих держав Запада накануне второй мировой войны. Польские, чехословацкие и румынские представители напомнили о тяжелых последствиях антинародной политики довоенных буржуазных правительств их стран. Вместо участия в системе коллективной безопасности, предлагавшейся Советским Союзом, эти антинародные правительства пошли на поводу политиков империалистических держав и связали все свои расчеты с получением «гарантий» со стороны Англии, Франции и США, правящие круги которых, глубоко безразличные к судьбе народов Польши, Чехословакии и других стран, рассматривали свои «гарантии» этим странам лишь как разменную монету в предвоенных попытках сговора с гитлеровской Германией. Как известно, эти «гарантии» остались только на бумаге.

Выступая на совещании, председатель Совета Министров Польской Народной Республики Ю. Циранкевич напомнил об историческом опыте предвоенного периода, о трагедии польского народа, пережитой в годы второй мировой войны, и заявил: «Забота о безопасности народа, о его будущем, о его завоеваниях и мирном труде, забота о мире в Европе диктует польскому правительству необходимость изыскания эффективных методов безопасности, дабы никогда больше не повторились мрачные годы оккупации, дабы никогда больше не было Освенцима, Майданека и других лагерей смерти.

Мы не хотим основывать свою независимость на лишенных реального содержания гарантиях, как это имело место вследствие предательской прогитлеровской политики санации в 1939 году».

Ю. Циранкевич выразил уверенность, что в сложившейся обстановке реальной гарантией безопасности и суверенитета Польской Народной Республики явится обсуждавшийся на совещании Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. «Это — договор, — сказал Ю. Циранкевич, — который будет охранять наши суверенные права и реально их гарантировать. Он гарантирует взаимную защиту суверенитета всех его участников. Это — договор, который, несомненно, впервые в истории Польши, связывая ее многосторонними обязательствами с другими государствами, способствует тому, что интересы Польши становятся их собственными интересами, а интересы каждого из участников договора — интересами Польши»¹.

Об уроках истории сравнительно недавнего прошлого говорил на совещании и премьер-министр Чехословацкой Республики. В своей речи он напомнил, что «вся договорная система домюнхенской Чехословакии была построена на песке и развалилась при первом серьезном испытании. Фашизм разрушил Малую Антанту, западные «союзники» открыто предали ее при мюнхенском заговоре».

Он также отметил, что политика возрождения германского милитаризма, нашедшая свое прямое выражение в парижских соглашениях, создает

¹ Выступления участников Варшавского совещания во всех случаях цитируются по сборнику «Варшавское совещание европейских государств по обеспечению мира и безопасности в Европе». М., 1955.

особую угрозу для безопасности Чехословакии, поскольку правящие круги США открыто признают, что именно в ремилитаризованной Западной Германии они видят свою базу, с которой хотели бы снова поработить Чехословакию и вновь ввергнуть ее под иго империализма. «При этом положении, — заявил он далее, — наши национальные и государственные интересы настоятельно требуют, чтобы был создан новый, единый, многосторонний договорный союз миролюбивых европейских стран, который в нашей союзнической системе прочно обеспечил бы единство и координацию действий наших стран по защите мира и безопасности».

Большую заинтересованность германского народа в заключении Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи выразил в своем выступлении премьер-министр Германской Демократической Республики О. Гротеволь. Он подчеркнул, что этот договор необходим не только для Европы, но и для обеспечения дальнейшего существования германского народа, он полностью отвечает государственным интересам ГДР и всего германского народа. «Отныне, — заявил О. Гротеволь, — безопасность Германской Демократической Республики гарантируется всем лагерем мира, возглавляемым великим Советским Союзом. Всякая попытка напасть на Германскую Демократическую Республику и захватить ее для эксплуатации германским империализмом потерпит крушение благодаря воле Германской Демократической Республики и превосходящей силе лагеря мира и закончится уничтожающим поражением агрессоров».

Представители Болгарии, Венгрии, Румынии, Албании, выступавшие при обсуждении проекта договора, также были полностью едины в том, что будущий договор, основанный на принципах уважения суверенитета, невмешательства во внутренние дела, полностью соответствует коренным национальным интересам их стран, обеспечивает их безопасность, независимость и суверенитет, способствует созданию мирных условий для социального и экономического развития и укрепляет единство всего социалистического лагеря.

Стремление европейских социалистических стран к обеспечению безопасности и сохранению мира в Европе получило поддержку и со стороны Китайской Народной Республики. Представитель правительства КНР, присутствовавший на Варшавском совещании в качестве наблюдателя, заявил, что КНР полностью одобряет позицию, выраженную на совещании в выступлениях представителей стран-участниц, и подчеркнул, что мир и безопасность в Азии неотделимы от мира и безопасности в Европе, так же как интересы Китайской Народной Республики неотделимы от интересов миролюбивых стран Европы. По поручению своего правительства он заявил, что КНР будет всеми силами поддерживать выполнение всех решений, принятых на Варшавском совещании, и если мир в Европе будет нарушен, если империалистические агрессоры развяжут войну против европейских миролюбивых стран, то правительство Китайской Народной Республики и весь китайский народ будут совместно с правительствами и народами стран — участниц договора вести борьбу против агрессии вплоть до окончательной победы.

Плодотворная работа Варшавского совещания, включавшая широкий обмен мнениями по важнейшим международным вопросам, а также постатейное обсуждение проекта договора, успешно завершилась 14 мая 1955 г. В этот день в помещении Государственного совета Польской Народной Республики состоялось торжественное подписание Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, получившего название Варшавского договора.

При подписании договора О. Гротеволь от имени правительства Германской Демократической Республики выступил с декларацией, в которой заявлялось о том, что правительство ГДР видит в договоре большую поддержку германскому народу в

его стремлении к мирному и демократическому воссоединению Германии и что при подписании Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи «правительство Германской Демократической Республики исходит из того, что объединенная Германия будет свободна от обязательств, которые были приняты той или иной частью Германии по соответствующим военнополитическим договорам и соглашениям, заключенным до ее объединения». Декларация правительства ГДР была встречена совещанием с полным пониманием и принята к сведению.

Совещание с удовлетворением приняло также заявление, сделанное представителем Китайской Народной Республики, в котором горячо одобрялись результаты Варшавского совещания и отмечалось, что его решения являются большим вкладом в дело мира, так как они не только представляют собой чрезвычайно важный шаг по пути обеспечения мира и безопасности в Европе, но и окажут значительное влияние на мир и безопасность Азии.

Народы всех стран социалистического содружества горячо приветствовали итоги Варшавского совещания и подписанный на нем Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. «Мы смело смотрим в будущее» — так озаглавила польская газета «Трибуна люду» свою передовую статью, посвященную итогам Варшавского совещания. В статье говорилось: «Варшавское совещание является ответом на те новые агрессивные шаги, которые предприняты на западе Европы. Для нас, поляков, оно имеет огромное значение. Мы сильнее, чем когда-либо: мы чувствуем, что с нами непобедимая сила»¹.

Народы социалистических стран, объединившиеся в Организации Варшавского договора, имели все основания смело смотреть в будущее. Подписанный в Варшаве договор еще более усилил и укрепил международные позиции социализма, в огромной мере способствовал сохранению мира.

Атмосфера единодушия, царившая на Варшавском совещании, явилась выражением сердечной дружбы и братского сотрудничества народов социалистических стран, жизненно заинтересованных в сохранении и упрочении мира.

2. Варшавский договор. Его содержание и характер

Варшавский договор открывается преамбулой, в которой подтверждается стремление его участников к созданию системы коллективной безопасности в Европе, основанной на участии в ней всех европейских стран, независимо от их общественного и государственного строя. Вместе с тем указывается, что положение, которое создалось в Европе в результате ратификации

¹ «Trybuna Ludu», 18. V. 1955.

• парижских соглашений, усиливает опасность новой войны, создает угрозу национальной безопасности миролюбивых государств и требует от них принятия необходимых мер для обеспечения своей безопасности и в интересах поддержания мира в Европе.

В преамбуле говорится, что страны-участницы, руководствуясь «целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций, в интересах дальнейшего укрепления и развития дружбы, сотрудничества и взаимной помощи в соответствии с принципами уважения независимости и суверенитета государств, а также невмешательства в их внутренние дела»¹, решили заключить Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

Ст. 1 Варшавского договора фиксирует обязательство его участников «в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций воздерживаться в своих международных отношениях от угрозы силой или ее применения и разрешать свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не ставить под угрозу международный мир и безопасность». Имеющаяся здесь ссылка на Устав ООН абсолютно закономерна, так как все содержание ст. 1 Варшавского договора соответствует пунктам 3 и 4 ст. 2 Устава ООН.

В ст. 2 участники Варшавского договора заявили о своей готовности участвовать в духе искреннего сотрудничества во всех международных действиях, имеющих целью обеспечение международного мира и безопасности, «добиваться принятия, по соглашению с другими государствами, которые пожелают сотрудничать в этом деле, эффективных мер к всеобщему сокращению вооружений и запрещению атомного, водородного и других видов оружия массового уничтожения».

Ст. 3 предусматривает проведение консультаций между участниками договора «...по всем важным международным вопросам, затрагивающим их общие интересы...» В этой статье также говорится, что страны — участницы договора «...будут безотлагательно консультироваться между собой всякий раз, когда, по мнению любой из них, возникнет угроза вооруженного нападения на одно или несколько государств — участников Договора...»

Обязательства о взаимной помощи в случае вооруженного нападения в Европе на одно или несколько государств — участников договора со стороны какого-либо государства или группы государств со всей определенностью сформулированы в ст. 4. В ней предусматривается, что в случае такого нападения каждое государство — участник договора в порядке осуществления

¹ Текст Варшавского договора цитируется по кн.: «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами», вып. XVII и XVIII. М., 1960, стр. 29—33.

права на индивидуальную и коллективную самооборону в соответствии со ст. 51 Устава ООН окажет государству или государствам, подвергшимся такому нападению, «...немедленную помощь, индивидуально и по соглашению с другими государствами — участниками Договора, всеми средствами, какие представляются ему необходимыми, включая применение вооруженной силы». Там же говорилось, что о мерах, принятых на основании этой статьи, будет сообщено Совету Безопасности в соответствии с положениями Устава ООН.

В ст. 5 зафиксировано решение стран — участниц Варшавского договора создать Объединенное командование их вооруженными силами, которые будут по соглашению между ними выделены в ведение этого командования, и «принимать также другие согласованные меры, необходимые для укрепления их обороноспособности, с тем, чтобы оградить мирный труд их народов, гарантировать неприкосновенность их границ и территорий и обеспечить защиту от возможной агрессии».

Конкретные вопросы создания Объединенного командования были согласованы в специальном решении Варшавского совещания, принятом 14 мая 1955 г.

Главнокомандующим объединенными вооруженными силами, выделенными государствами — участниками Варшавского договора, был назначен Маршал Советского Союза И. С. Конев. Заместителями главнокомандующего в соответствии с принятым решением назначались министры обороны и другие военные руководители стран, участвующих в договоре, на которых возлагалось командование вооруженными силами каждого государства-участника, выделенными в состав объединенных вооруженных сил. Варшавское совещание приняло решение о том, что вопрос об участии Германской Демократической Республики в мероприятиях, касающихся вооруженных сил Объединенного командования, будет рассмотрен позднее. Это решение было связано прежде всего с тем, что в то время Германская Демократическая Республика еще не имела национальной Народной армии и министерства национальной обороны.

При главнокомандующем объединенными вооруженными силами создавался штаб (с местопребыванием в Москве), в состав которого включались постоянные представители генеральных штабов государств-участников договора. В решении предусматривалось, что размещение объединенных вооруженных сил на территории государств-участников будет осуществляться в соответствии с потребностями взаимной обороны по соглашению между этими государствами.

В целях осуществления предусмотренных Варшавским договором консультаций и для рассмотрения вопросов, возникающих в связи с осуществлением самого договора, был создан (ст. 6) Политический консультативный комитет, в котором каждое государство-участник представлено членом правительства или другим особо назначенным представителем. Количество представителей от каждой страны в Политическом консультативном комитете не ограничивается, но каждое государство-участник независимо от количества его представителей располагает в комитете одним голосом.

Комитету предоставлялось право создавать вспомогательные органы, которые окажутся необходимыми. Пользуясь этим правом, Политический консультативный комитет, например, создал на своем Пражском совещании в январе 1956 г. два постоянно действующих вспомогательных органа (с местопребыванием в Москве) — Постоянную комиссию с задачей разработки рекомендаций по внешнеполитическим вопросам и Объединенный секретариат в составе представителей всех государств-участников Варшавского договора.

Являясь органом, призванным осуществлять общее руководство организацией Варшавского договора, Политический консультативный комитет располагает большими полномочиями для решения политических, военных, экономических вопросов, возникающих в ходе выполнения Варшавского договора. В его компетенцию входит проведение консультаций в случаях, прямо предусмотренных ст. 3 и 4 Варшавского договора, а также в связи с вопросами, которые могут возникнуть в процессе выполнения других статей договора. Что касается полномочий ПКК в военных вопросах, то на этот счет в упоминавшемся решении Варшавского совещания о создании Объединенного командования вооруженными силами было сказано: «...общие вопросы, относящиеся к укреплению обороноспособности и к организации Объединенных вооруженных сил государств-участников Договора, подлежат рассмотрению Политическим Консультативным Комитетом, который будет принимать соответствующие решения»¹.

Ответственные функции, возложенные на ПКК, делают его главным руководящим органом организации Варшавского договора. Это требует участия на его совещаниях представителей стран на самом высоком уровне. Практика деятельности ПКК показала, что на его совещаниях страны-участницы, как правило, бывают представлены первыми секретарями коммунистических и рабочих партий, главами правительств или их заместителями.

По ст. 7 страны-участницы Варшавского договора взяли на себя обязательство не принимать участия в каких-либо коалициях или союзах и не заключать никаких соглашений, цели которых противоречат целям Варшавского договора.

В договоре нашло отражение стремление стран-участниц к дальнейшему развитию и укреплению между собой экономических и культурных связей в духе дружбы и сотрудничества, в соответствии с принципами взаимного уважения независимости, суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга (ст. 8). Варшавский договор в значительной степени содействовал дальнейшему развитию братского экономического сотрудничества между странами-участницами, каждая из которых одновременно является и членом созданного ранее Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ).

Специальная статья Варшавского договора (ст. 9) устанавливала, что он «открыт для присоединения других государств, независимо от их общественного и государственного строя, которые выразят готовность путем участия в настоящем Договоре способствовать объединению усилий миролюбивых государств в целях обеспечения мира и безопасности народов».

¹ «Варшавское совещание европейских государств по обеспечению мира и безопасности в Европе», стр. 142.

Согласно этой статье, присоединение к договору какого-либо нового участника вступает в силу с согласия уже участвующих государств после передачи на хранение правительству Польской Народной Республики документа о присоединении.

Варшавский договор подлежал ратификации и вступал в силу в день передачи последней ратификационной грамоты на хранение правительству Польской Народной Республики. Было установлено, что договор останется в силе в течение двадцати лет. Для тех участников договора, которые за год до истечения этого срока не передадут правительству Польской Народной Республики заявления о денонсации договора, он будет оставаться в силе в течение следующих десяти лет. Однако, указывалось в договоре, «в случае создания в Европе системы коллективной безопасности и заключения с этой целью Общеввропейского Договора о коллективной безопасности, к чему неуклонно будут стремиться Договаривающиеся Стороны, настоящий Договор утратит свою силу со дня вступления в действие Общеввропейского Договора».

По своему содержанию, целям, характеру и структуре органов, созданных на его основе, Варшавский договор является сугубо оборонительным, направленным на обеспечение мира и безопасности народов Европы и всего мира. В этом его коренное, принципиальное отличие от Североатлантического пакта, созданного для подготовки новой войны.

Варшавский договор был подписан спустя 6 лет после образования НАТО и является ответной мерой миролюбивых государств на агрессивную деятельность НАТО и других военных империалистических блоков.

Империалистическая пропаганда делала немало попыток убедить мировое общественное мнение, что между организацией Варшавского договора и НАТО нет, мол, никакой разницы. Эти попытки начали предприниматься пропагандистами «холодной войны» еще в период подготовки и подписания Варшавского договора и продолжают до наших дней в разного рода выступлениях империалистических политиков, публицистов и историков.

Империалистические пропагандисты умалчивают об упорной и настойчивой борьбе Советского Союза и других социалистических стран задолго до подписания Варшавского договора и после него за создание системы коллективной безопасности с участием США и всех европейских стран независимо от их социального и политического устройства, всячески извращают цели, характер и содержание Варшавского договора, клеветают на внешнюю политику его участников.

В день подписания Варшавского договора американская газета «Нью-Йорк таймс» вышла с передовой статьей, так и озаглавленной: «Восточная НАТО». В духе всей тогдашней даллесовской пропаганды эта газета утверждала, что Варшавский договор «явно имеет целью создать восточную копию как НАТО, так и штаба верховного главнокомандующего вооруженными силами Североатлантического союза в Европе».

Эта пропагандистская установка, данная еще раньше в ряде выступлений Даллеса, была подхвачена всей «атлантической» прессой западных стран, а затем получила дальнейшее развитие в книгах реакционных буржуазных ученых.

Пропагандистская цель попыток поставить знак равенства между Североатлантическим пактом и Варшавским договором примитивно проста: ввести в заблуждение мировое общественное мнение, с тем чтобы замаскировать агрессивную сущность НАТО, помешать борьбе народов против этой империалистической военной организации, оправдать задним числом включение в нее Западной Германии.

Все подобные попытки империалистической пропаганды при столкновении с фактами, с буквой и духом Варшавского договора лопаются как мыльные пузыри. О принципиальном отличии Варшавского договора от Североатлантического пакта говорит прежде всего само его содержание, убедительно свидетельствующее о том — и это очевидно для любого объективного человека, — что его участники не имеют никаких агрессивных намерений. Это и понятно, ибо социалистическим странам по самой их природе глубоко чужда агрессивная, захватническая политика. Общим принципом их внешней политики является принцип мирного сосуществования. Все они жизненно заинтересованы в сохранении мира, необходимого для наиболее успешного решения грандиозных социальных, хозяйственно-экономических задач их развития, для непрерывного повышения материального благосостояния и культурного уровня своих народов.

«Военная организация социалистических стран, — говорил на VI съезде СЕПГ Н. С. Хрущев, — создана не для нападения на другие страны, не для агрессии, а для предотвращения угрозы войны. С нашей стороны это была вынужденная мера. Уместно напомнить, что, как только была создана организация Варшавского Договора, социалистические страны сейчас же заявили, что они, как и прежде, стоят за роспуск всех военных блоков и готовы немедленно ликвидировать Варшавский Договор, если империалистические страны согласятся на ликвидацию своих военных группировок»¹.

Сугубо оборонительный характер Варшавского договора виден и в том, что он открыт для присоединения других государств независимо от их общественного и государственного строя, которые выразят путем участия в нем готовность способствовать объединению усилий миролюбивых государств в целях обеспечения мира и безопасности народов. Это свидетельствует, что в отличие от агрессивного Североатлантического пакта Варшавский договор не направлен против какой-либо страны и не несет в себе никакой угрозы миру и безопасности других стран.

¹ Н. С. Хрущев. Выступление на VI съезде Социалистической единой партии Германии 16 января 1963 г., стр. 24.

Еще во время обсуждения проекта Варшавского договора газета «Унита» с полным основанием писала, что «возможность всем странам Европы, которые захотят участвовать в системе коллективной безопасности, присоединиться к этому договору, уничтожила всю ту ложь, которая произносилась на Западе по поводу мнимой аналогии союза, который будет заключен странами лагеря мира, с Североатлантическим союзом»¹.

Миролюбивые цели Варшавского договора ярко выражены в цитировавшихся выше положениях ст. 11 о том, что договор утратит свою силу в случае создания в Европе системы коллективной безопасности и заключения общеевропейского договора о коллективной безопасности.

Стремление к созданию универсальной системы коллективной безопасности в Европе, выраженное в Варшавском договоре, также в корне отличает его от Североатлантического пакта. Последний насквозь враждебен идее европейской коллективной безопасности. Он основан на противопоставлении одной части Европы другой ее части.

Как уже отмечалось выше, Варшавский договор в ст. 2 зафиксировал желание всех его участников добиваться вместе с другими государствами эффективных мер по всеобщему сокращению вооружений и запрещению атомного, водородного и других видов оружия массового уничтожения. Само собой разумеется, что подобного положения не было и не могло быть в Североатлантическом пакте, одной из основ которого является бешеная гонка вооружений всех его участников, и прежде всего США. Варшавское совещание горячо одобрило и поддержало известные предложения Советского Союза от 10 мая 1955 г. о сокращении вооружений и запрещении атомного и других видов оружия массового уничтожения. Эти предложения давали реальную возможность сдвинуть дело разоружения с мертвой точки.

Готовность добиваться эффективных мер по разоружению, выраженная в Варшавском договоре и других важнейших документах правительств стран-участниц, подкрепляется получившей признание всех народов упорной борьбой Советского Союза и других социалистических стран за разоружение и мир.

Варшавский договор проникнут стремлением его участников предотвратить войну, устранить угрозу империалистической агрессии против них. Обязательства по совместной обороне, предусмотренные ст. 4 Варшавского договора, вступают в силу только в том случае, если не удастся ликвидировать угрозу вооруженного нападения и такое нападение будет совершено против одного или нескольких государств, подписавших Варшавский договор. Это положение отвечает положениям ст. 51 Устава ООН, признающим за государствами, подвергшимися агрессии, право на индивидуальную и коллективную самооборону.

¹ «L'Unita», 12. V. 1955.

Варшавский договор носит региональный характер. Его участниками являются только государства Восточной Европы, которых в отличие от членов НАТО не разделяют тысячекилометровые пространства воды и суши. Являясь региональным оборонительным пактом, Варшавский договор также полностью отвечает требованиям Устава ООН.

Варшавский договор — договор мира и дружбы между народами, надежная преграда против агрессивных устремлений империалистической реакции.

Оценивая значение Варшавского договора, Н. С. Хрущев отмечал на XX съезде КПСС: «Вынужденные объединить свои силы и ресурсы, наши государства заключили Варшавский договор, являющийся важным стабилизирующим фактором в Европе. Они полны решимости использовать все свои силы для того, чтобы оградить мирную жизнь своих народов и не допустить нового военного пожара в Европе»¹.

4 июня 1955 г., после ратификации и передачи всеми странами-участницами ратификационных грамот на хранение правительству Польской Народной Республики, Варшавский договор вступил в силу. Новая международная организация — организация Варшавского договора — приступила к своей плодотворной деятельности в интересах мира и безопасности народов.

3. Пражское заседание Политического консультативного комитета

27—28 января 1956 г. в Праге состоялось заседание руководящего органа организации Варшавского договора — Политического консультативного комитета. В нем приняли участие представители всех стран-участниц, а также представитель Китайской Народной Республики в качестве наблюдателя.

На пражском заседании был обсужден широкий круг политических и организационных вопросов, связанных со сложившейся к тому времени международной обстановкой и с развивающимся политическим и военным сотрудничеством социалистических стран в рамках организации Варшавского договора.

Участники заседания одобрили позицию СССР на Женевском совещании глав правительств четырех держав, приветствовали заключение Государственного договора с Австрией. Авторитетом всей организации Варшавского договора пражское заседание единодушно поддержало нормализацию отношений с Федеративной Народной Республикой Югославией, предпринятую по инициативе Советского Союза и нашедшую выражение в Белградской декларации.

Среди явлений, свидетельствовавших об успехах сил мира и об известной разрядке международной напряженности, участники пражского заседа-

¹ Н. С. Хрущев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. I, стр. 31.

ния отметили принятие Народной Республики Болгарии, Венгерской Народной Республики, Румынской Народной Республики и Народной Республики Албании в члены ООН на X сессии Генеральной Ассамблеи этой организации.

ПКК рассмотрел и положительно решил просьбу правительства ГДР об ее участии в объединенных вооруженных силах стран-участниц Варшавского договора. Учитывая опасные последствия вступления ФРГ в НАТО и Западноевропейский союз и исходя из чувства ответственности за мир и будущее германской нации, Народная палата ГДР 18 января 1956 г. единогласно приняла закон о создании национальной Народной армии и Министерства национальной обороны. ПКК принял предложение правительства ГДР о том, что после создания национальной Народной армии ГДР ее вооруженные контингенты будут включены в объединенные вооруженные силы. При этом было решено также, что министр национальной обороны ГДР в соответствии с установленным порядком будет являться одним из заместителей главнокомандующего объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского договора.

В ходе пражского заседания было заслушано сообщение генерального секретаря ПКК генерала А. И. Антонова по организационным вопросам и приняты соответствующие решения. По предложению главнокомандующего объединенными вооруженными силами было рассмотрено и утверждено положение об Объединенном командовании и решены организационные вопросы, связанные с деятельностью объединенных вооруженных сил.

В соответствии с Варшавским договором, предусматривающим проведение между участниками договора консультаций по международным вопросам, ПКК обсудил международное положение и пришел к выводам, которые были изложены в специальной декларации.

Участники пражского совещания ПКК выразили в ней свое полное единодушие в оценке как международного положения в целом, так и положения, сложившегося в Европе, а также и в отношении мер, необходимых для дальнейшего ослабления международной напряженности, урегулирования нерешенных международных проблем, для упрочения мира и безопасности в Европе.

Политический консультативный комитет констатировал, что глубокое стремление народов к миру уже привело к существенным изменениям в международной обстановке, к определенному смягчению напряженности в отношениях между государствами. Он с удовлетворением отметил, что полностью оправдал себя метод разрешения разногласий и споров между государствами путем переговоров с учетом взаимных интересов стран. В декларации отмечалось, что «встречи руководящих деятелей государств, особенно Женевское совещание Глав правительств четырех держав, имели большое положительное значение для оздоровления всей международной обстановки, для уменьшения опасности новой войны»¹.

Вместе с тем в декларации подчеркивалось, что продолжающаяся на Западе политика сколачивания агрессивных военных блоков, гонка вооружений,

¹ «Известия», 29 января 1956 г.

особенно в области оружия массового уничтожения, не только не могут способствовать урегулированию разногласий между государствами, а, наоборот, усиливают их, ведут к еще большему обострению отношений между странами. Декларация отметила, что все большее признание находит стремление к коллективным усилиям государств в борьбе за мир, к международному сотрудничеству на основе взаимного уважения территориальной целостности и суверенитета, ненападения, невмешательства во внутренние дела государств, равноправия и взаимной выгоды, мирного сосуществования, а также стремление ряда государств проводить политику неучастия в агрессивных военных блоках, политике нейтралитета. «Государства — участники Варшавского договора, — говорилось в декларации, — приветствуют такие стремления, будучи убеждены в том, что поддержка этих стремлений укрепляет силы мира и ослабляет силы войны»¹.

Участники Варшавского договора заявили о своей полной поддержке решений Бандунгской конференции стран Азии и Африки и выразили готовность содействовать осуществлению ее решений, в том числе в области экономического и культурного сотрудничества на основе взаимной выгоды, без навязывания каких-либо политических, военных или иных условий.

Большое место в декларации было уделено конкретным предложениям стран-участниц Варшавского договора относительно мер, необходимых для дальнейшего ослабления международной напряженности, укрепления мира и безопасности в Европе. К их числу относятся такие практические меры:

заключение соответствующего соглашения и установление в Европе зоны, в которой численность и размещение вооруженных сил были бы определены специальным соглашением между заинтересованными странами. В этой связи, указывалось в декларации, могли бы быть рассмотрены и соответствующие предложения, выдвинутые Англией на Женевском совещании глав правительств четырех держав;

впредь до соглашения о запрещении атомного оружия достигнуть договоренности о том, чтобы вооруженные силы, расположенные на территории Германии, не имели бы на вооружении атомного оружия;

государствам — участникам Варшавского договора, с одной стороны, и Североатлантического договора — с другой, принять на себя обязательство разрешать возникающие между ними споры и разногласия только мирными средствами;

установление добрососедских отношений между Советским Союзом, Турцией, Болгарией, Грецией, Албанией, Италией, Чехословакией, ФРГ. Установление нормальных отношений между государствами, которые до сих пор таких отношений не поддерживали;

впредь до соглашения о создании эффективной системы безопасности в Европе заключить между соответствующими странами договоры о ненападении с принятием обязательств разрешать спорные вопросы только мирными средствами.

Участники Варшавского договора выразили решимость посвятить свои усилия благородному делу упрочения мира и зая-

¹ «Известия», 29 января 1956 г.

вили о готовности совместно с другими государствами рассмотреть неотложные проблемы европейской безопасности, а также и другие нерешенные международные проблемы, в том числе вопрос о мерах, направленных на прекращение гонки вооружений и на избавление человечества от угрозы атомной войны. Вместе с тем в декларации говорилось, что правительства стран Варшавского договора и впредь будут проявлять необходимую заботу об обеспечении своей безопасности и сделают все для того, чтобы оградить мирный труд своих граждан, обеспечить условия для мирного развития и процветания своих народов.

Пражское заседание ПКК было первым заседанием этого ведущего органа организации Варшавского договора. Состоявшийся там широкий обмен мнениями по узловым международным вопросам и принятые решения способствовали дальнейшему сплочению социалистических стран, усиливали эффективность деятельности организации Варшавского договора во имя упрочения мира и устранения угрозы новой войны.

Организация Варшавского договора своей последовательной борьбой за мир на основе ленинских принципов мирного сосуществования по праву снискала глубокое уважение миролюбивых сил во всем мире. Деятельность этой оборонительной организации имеет огромное значение для судеб мира, для судеб всех народов, особенно народов социалистических стран.

Военно-политическая и экономическая консолидация социалистических стран, нашедшая свое выражение в Варшавском договоре, в ранее созданном Совете Экономической Взаимопомощи, как и во всех других формах сотрудничества между социалистическими странами, воплощает в себе братское единство народов социалистического содружества, надежно обеспечивает безопасность и создает необходимые условия для их бурного экономического развития. Создание организации Варшавского договора вызвано насущной необходимостью оградить мирный труд народов социалистических стран от военной опасности и тесно связано с тенденциями и особенностями исторического развития мировой социалистической системы.

Политическое сплочение в целях упрочения народной власти, укрепления социалистического строя, организации совместной защиты стран социализма от возможной империалистической агрессии было, как подчеркивает Н. С. Хрущев, главным после победы социалистических революций. Существо отношений, сложившихся в тот период между социалистическими государствами, Н. С. Хрущев характеризует как военно-политический союз¹.

¹ См. *Н. С. Хрущев*. Насущные вопросы развития мировой социалистической системы. М., 1962, стр. 6.

Образование организации Варшавского договора укрепляло этот союз, делало его еще более эффективным, гарантировало безопасность социалистических стран и тем самым способствовало созданию наиболее благоприятных, мирных условий для строительства социализма и коммунизма в этих странах.

Участников организации Варшавского договора объединяет глубокая преданность ленинскому принципу пролетарского, социалистического интернационализма. В этой организации, как и в других формах сотрудничества социалистических стран, национальные интересы и задачи каждой из стран-участниц гармонически сочетаются с интересами и задачами всего социалистического лагеря.

Организация Варшавского договора основана на суверенном равенстве всех ее участников. Оно гарантируется не только всем содержанием Варшавского договора, но — что еще более важно — и самим социалистическим характером участвующих государств. Новому типу международных отношений, сложившемуся между социалистическими государствами, органически присуще уважение суверенитета всех больших и малых стран. Какие бы то ни было извращения и нарушения в этой области несовместимы с общими для всех социалистических стран ленинскими принципами отношений между народами. Вместе с тем любое проявление национальной ограниченности, любая попытка противопоставления интересов одной социалистической страны интересам всего социалистического содружества несовместимы с марксизмом-ленинизмом.

Общность идеологии и политических целей, объединяющая социалистические страны, обеспечивает прочность и действенность организации Варшавского договора.

Единство социалистических стран, нашедшее свое выражение в этой организации, отвечает интересам всех народов. «Солидарность социалистических государств, — отмечается в Декларации Московского совещания коммунистических и рабочих партий 1957 г., — не направлена против каких-либо других государств. Более того, она служит интересам всех миролюбивых народов, сдерживая агрессивные устремления воинствующих империалистических кругов, поддерживая и ободряя крепнущие силы мира. Социалистические страны — против разделения мира на военные блоки. Но при сложившихся обстоятельствах, когда западные державы отказываются принять предложения социалистических стран о ликвидации на взаимной основе военных блоков, должна существовать и укрепляться организация Варшавского пакта, который носит оборонительный характер и служит безопасности народов Европы и поддержанию мира во всем мире»¹.

¹ «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм». М., 1961, стр. 11.

С момента своего создания организация Варшавского договора стоит на переднем крае борьбы за мир. Она является мощным фактором, охлаждающим пыл воинственной империалистической реакции. Существование и укрепление этой миролюбивой организации оказывает стабилизирующее влияние на всю международную обстановку, служит благородному делу устранения войны из жизни человеческого общества.

Г Л А В А XXVIII

ПОДПИСАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДОГОВОРА С АВСТРИЕЙ — УСПЕХ ДЕЛА МИРА

Осуществляя ленинскую политику мирного сосуществования, Советский Союз активно проводил намеченный Центральным Комитетом КПСС курс на дальнейшее ослабление международной напряженности и упрочение мира. Крупным успехом миролюбивой внешней политики СССР на этом пути явилось урегулирование австрийского вопроса на основе обеспечения независимости и постоянного нейтралитета Австрии.

Смелая дипломатическая инициатива, проявленная Советским государством в 1955 г., разорвала тот заколдованный круг, в котором в результате политики западных держав во главе с США в течение почти десяти лет находился австрийский вопрос. В ходе успешных переговоров Советского Союза с Австрией был сформулирован принцип постоянного нейтралитета последней. Это вынудило правительства США, Англии и Франции пойти на заключение «Государственного договора о восстановлении независимой и демократической Австрии», разработку которого они так долго саботировали.

Тем самым не только было нанесено крупное поражение агрессивной политике лидеров НАТО, но и дан хороший пример решения путем переговоров сложной международной проблемы на основе принципов мирного сосуществования.

Заключение Государственного договора с Австрией и провозглашение ею постоянного нейтралитета привели к устранению одного из опасных очагов международной напряженности в центре Европы. Вместе с тем появление нейтральной Австрии увеличило численность миролюбивых государств, провозгласивших принципом своей внешней политики неучастие в военных блоках, что означало дальнейшее умножение сил мира на международной арене.

Проявив инициативу, направленную на решение австрийского вопроса, Центральный Комитет КПСС неуклонно следовал ленинской политике мирного сосуществования государств независимо от различий в их социальном строе, показал еще один

пример того, как нужно «поддерживать те страны, которые не дают втягивать себя в военные блоки; идти навстречу всем силам, которые заинтересованы в сохранении мира»¹.

1. Австрийский вопрос до 1955 г.

Почти десятилетние безрезультатные переговоры четырех держав — СССР, США, Англии и Франции — о заключении договора с Австрией являют собой пример бесплодности политики «с позиции силы», которую западные державы во главе с США пытались проводить в отношении Советского Союза и всего социалистического лагеря. Суть этой политики позднее, в 1959 г., довольно точно определил бывший начальник штаба американской армии генерал Тэйлор, охарактеризовав ее как стремление США, опираясь на силу атомного оружия, «установить полицейский контроль над миром и навязать ему своего рода Pax Americana».

На протяжении всего времени, пока обсуждался австрийский вопрос, позиции западных держав определялись отнюдь не желанием восстановить свободную и независимую Австрию, как это предусматривалось Московской декларацией об Австрии, опубликованной державами антигитлеровской коалиции еще в ноябре 1943 г., а стремлением изменить соотношение сил в Центральной Европе в ущерб Советскому Союзу и другим миролюбивым странам, в пользу сколачивавшегося империалистического военного блока с участием западногерманских милитаристов.

В 1947—1951 гг., когда министры иностранных дел четырех держав или специально выделенные их заместители конкретно обсуждали статьи проекта австрийского Государственного договора, представители США, Англии и Франции оказывали наиболее упорное сопротивление принятию тех статей, в которых речь шла об удовлетворении законных прав Советского Союза на германские активы в Австрии, а также о ликвидации влияния нацистов и милитаристов в этой стране, что уничтожило бы внутреннюю базу для повторения аншлюса, т. е. поглощения Австрии германским милитаризмом.

Примерно на рубеже между 1951 и 1952 гг. позиция США, Англии и Франции в отношении австрийского договора в корне меняется. Если раньше они стремились приспособить его содержание к своим политическим и стратегическим целям, то теперь ставка делалась на то, чтобы вообще сорвать заключение договора. Такая перемена была связана с тем, что западные державы под давлением Вашингтона окончательно стали на путь восстановления военной мощи Западной Германии и вовлечения ее в агрессивный блок, враждебный СССР.

Кроме того, идя на срыв переговоров, западные державы стремились увековечить оккупацию Западной Австрии войсками США, Англии и Франции, окончательно превратить высокогорную часть страны в «альпийскую крепость» НАТО. В мировой печати начали тогда появляться сообщения,

¹ Н. С. Хрущев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза, Стенографический отчет», т. I, стр. 41.

убеждавшие в наличии американского плана передачи Западной Австрии в руки западногерманских монополий. Влиятельная итальянская газета «Стампа» писала, например, в конце 1952 г.: «Аденауэр получит Австрию взамен Восточной Германии, которую боннская республика может присоединить лишь позднее военным путем».

Начиная с середины 1951 г. американское командование приступило к созданию в своей оккупационной зоне, близ Зальцбурга (Западная Австрия), крупной военной базы (площадью в 200 га) с казармами на 25 тыс. солдат, аэродромом, подземными бензохранилищами и т. п.¹ Американская печать подчеркивала стратегическое значение этой базы. По существу, это была часть «инфраструктуры» — единой сети военных баз НАТО в Европе. В октябре 1952 г. генерал американской армии Эдди прямо заявил, что в соответствии с планами НАТО американским войскам «необходимо» остаться в Австрии.

Все это было не чем иным, как открытым посягательством не только на независимость, но и на государственную целостность Австрии, шагом на пути к окончательному вовлечению Западной Австрии в военные приготовления агрессивного Североатлантического блока.

Нетрудно понять, каким досадным препятствием на пути к реализации своих планов считали руководители внешней политики Вашингтона и Бонна возможность заключения договора о восстановлении независимости Австрии. Ведь соглашение великих держав по столь важному вопросу свидетельствовало бы о возможности разрядки международной напряженности и мирного решения спорных проблем, а для реализации проектов возрождения вермахта нужна была атмосфера военного психоза, которую они всеми средствами и создавали в этот период. Кроме того, подписание договора об Австрии явилось бы «опасным» примером для немцев, показав им реальный путь к мирному урегулированию и независимости.

Свое дипломатическое выражение новая линия западных держав нашла в выдвижении так называемого «сокращенного проекта Государственного договора для Австрии».

Этот проект был официально предложен Вашингтоном Советскому правительству 13 марта 1952 г. от имени США, Англии и Франции. Новое предложение трех держав сводилось к тому, чтобы поставить крест на всей проделанной до сих пор работе по согласованию текста Государственного договора и подписать подготовленный западными державами «сокращенный договор».

В нарушение Потсдамского соглашения и договоренности, достигнутой в ходе предыдущих переговоров по австрийскому вопросу, «сокращенный договор» полностью отвергал права СССР на германские активы в Восточной Австрии; в проекте договора не содержалось никаких положений о запрещении в Австрии фашистской и милитаристской деятельности, о демократической форме государственного устройства Австрии, об обеспечении населению Австрии прав человека и основных гражданских свобод, об обеспечении свободной деятельности демократических партий и организаций. В проект

¹ А. Ефремов. Советско-австрийские отношения после второй мировой войны. М., 1958, стр. 102.

договора не были включены какие-либо конкретные положения, касающиеся недопущения мер, могущих способствовать аншлюсу или вообще нанести ущерб территориальной целостности или политической и экономической независимости Австрии.

«Сокращенный проект» был, таким образом, шагом, явно рассчитанным на срыв переговоров по австрийскому вопросу.

При этом три западные державы оказали на Австрию, добиваясь поддержки своего нового «предложения» венским правительством. Последнее выступило 31 июля 1952 г. с меморандумом, в котором поддержало это предложение, хотя, как затем публично признавал Грубер, занимавший в то время пост министра иностранных дел Австрии, было ясно, что на принятие положений «сокращенного договора» Советским Союзом «конечно, нельзя было рассчитывать»¹.

Советское правительство разоблечило маневр западных держав и решительно потребовало от правительств США, Англии и Франции снять их предложение о «сокращенном договоре», как не содействующее восстановлению действительно независимого и демократического австрийского государства и не соответствующее соглашениям, достигнутым четырьмя державами.

В ноябре 1953 г. западные державы под нажимом советской дипломатии и мирового общественного мнения были вынуждены отказаться от дальнейшего саботирования поисков согласованного решения австрийского вопроса. Это дало возможность поставить австрийский вопрос на обсуждение на Берлинском совещании министров иностранных дел в начале 1954 г.

Однако отказ западных держав от маневра с «сокращенным договором» вовсе не означал их готовности решить австрийский вопрос на согласованной с СССР основе, в интересах независимости Австрии и укрепления мира в Европе. По существу, они, как и прежде, не хотели соглашения об Австрии и всячески препятствовали его достижению.

На Берлинском совещании Советское правительство выступило с предложением о безотлагательном заключении Государственного договора на согласованной ранее основе при одновременном принятии мер, которые обеспечили бы независимость Австрии, исключив возможность использования в агрессивных целях иностранными государствами ее людских и материальных ресурсов и, в частности, возможность нового аншлюса. Необходимость таких мер в условиях явного нежелания западных держав заключить германский мирный договор и усиленной подготовки ими перевооружения ФРГ была более чем очевидна.

В этой обстановке Советский Союз предложил, чтобы:

а) Австрия взяла на себя обязательство не вступать в коалиции и военные союзы, направленные против любой державы, принимавшей участие своими вооруженными силами в войне против Германии и в освобождении Австрии, а также не допускать создания на своей территории иностранных военных

¹ K. Gruber. Zwischen Befreiung und Freiheit. Der Sonderfall Österreich. Wien, 1953, S. 272.

баз (со своей стороны четыре державы должны были взять на себя обязанность соблюдать эти положения);

б) в связи с задержкой заключения мирного договора с Германией вывод войск четырех держав из Австрии (кроме Вены) был временно отсрочен, причем, однако, временно остающиеся войска не выполняли бы никаких оккупационных функций и не вмешивались бы во внутреннюю жизнь Австрии. (Вопрос о сроках вывода войск предлагалось рассмотреть вновь, не позднее 1955 г.)

Это была еще одна попытка Советского правительства договориться с США, Англией и Францией о безотлагательном решении австрийского вопроса и действительном обеспечении независимости Австрии.

Но три западные державы вовсе не хотели соглашения о независимости Австрии. Они отвергли советские предложения и даже отказались их обсуждать на совещании в Берлине или после него дипломатическим путем, как это предлагал Советский Союз.

Руководители западных держав, и прежде всего США, не хотели урегулирования австрийского вопроса, так как намеревались по-прежнему держать свои войска в Австрии (или хотя бы в Западной Австрии), окончательно превратить ее в военную базу НАТО. Недаром Даллес на Берлинском совещании заявлял, что независимость Австрии должна-де предполагать возможность приглашения ею иностранных войск на свою территорию.

Сорвав в Берлине соглашение по австрийскому вопросу, правительства западных держав официально возвестили о том, чего они фактически добились в течение нескольких лет: переговоры по Австрии провалились, рассчитывать на заключение договора о независимости Австрии не следует, оккупация продолжается!

9 ноября 1954 г. тот же Даллес заявил на пресс-конференции, что он не верит в успех переговоров с Советским Союзом о Германии и Австрии и что целью американской политики по-прежнему является «укрепление и объединение Западной Европы»¹.

Под «организацией и единством Западной Европы» Даллес разумел вооружение Западной Германии и ее включение в НАТО. Как раз в это время главной заботой правительств западных держав было поскорее добиться ратификации парижских соглашений. Нетрудно представить, что в такой обстановке даже малейший намек на восстановление независимости Австрии и вывод оттуда оккупационных войск способен был повергнуть в страх творцов парижских соглашений, ратификация которых в ряде стран висела на волоске. Вот почему правительства США, Англии и Франции прямо заявили Советскому правительству в своих нотах от 29 ноября 1954 г., что в настоящее время, по их мнению, не существует необходимой основы для успешного совещания как по Германии или Австрии, так и по остальным аспектам европейской безопасности.

Действия западных держав в оккупированной ими Западной Австрии подтверждали, что они считают вопрос о восстановлении независимости Австрии окончательно похороненным и будут продолжать превращать западную часть страны в американскую базу в системе НАТО. В конце 1954 г. представитель СССР в Союзническом совете в Вене обратил внимание на то, что западными державами нарушено четырехстороннее соглашение о зонах оккупации Австрии; американские войска, военные склады, мастерские и т. п.

¹ «The New York Times», 10. XI. 1954.

незаконно размещены на территории французской зоны, в Тироле. Это грубое нарушение четырехстороннего соглашения об Австрии западные державы мотивировали... военными нуждами НАТО: ссылались на «необходимость» обеспечить проходящие через Западную Австрию коммуникации между американскими военными базами в Италии и Западной Германии.

Официально отвергнув переговоры и продолжая выступать «с позиции силы», западные державы обрекали Австрию на бесконечную оккупацию и фактически на раскол. По вине США, Англии и Франции территория Западной Австрии должна была стать военной базой НАТО. Таков был план западных держав, одинаково зловещий как для австрийского народа, так и для дела мира в Европе. «В Лондоне и Вашингтоне раздел Германии, а также раздел Австрии, рассматривается как окончательный», — писала 14 марта 1955 г. французская газета «Комба».

2. Политическая обстановка в Австрии. Рост угрозы аншлюса

Опасность, нависшая в тот период над будущим Австрии как независимой страны, была совершенно очевидной, если учесть некоторые процессы, происходившие в самой стране, и ее взаимоотношения с Западной Германией.

Курс на восстановление милитаризма в Западной Германии, взятый Вашингтоном при содействии Лондона и Парижа, придавал решимость австрийским нацистам и сторонникам аншлюса, довольно многочисленным среди наиболее реакционной части буржуазии и военщины.

Активизировала свою деятельность неонацистская партия «Союз независимых», возникшая еще в 1949 г. не без участия американских оккупационных властей. На территории Западной Австрии развернула широкую деятельность созданная при прямом содействии Бонна и при покровительстве австрийских властей сеть так называемых «солдатских союзов», объединявших бывших военнослужащих гитлеровской армии. Это были филиалы западногерманских очагов милитаризма и в то же время рассадники идей «общегерманской общности», т. е. аншлюса, реваншизма и фашизма в Австрии. На своих парадах и сборищах они прославляли грабительские походы Гитлера. Даже сами названия этих организаций говорили о многом: «Союз эсэсовцев», «Союз военнослужащих африканского корпуса Роммеля», «Союз танкистов» и т. п. Всего таких «союзов» к 1954 г. насчитывалось в Австрии около 60, и они были объединены в единый так называемый «Товарищеский союз», число участников которого достигало 250 тыс.

Руководство этими организациями военщины осуществлялось из Бонна. Показательно, что даже формально «Товарищеский союз» в Австрии числился всего лишь филиалом соответствующего объединения в Западной Германии. Для руководства деятельностью «солдатских союзов» в Австрию из ФРГ то и дело приезжали главарь «Стального шлема» фашистский фельдмаршал и военный преступник Кессельринг, генерал Витман, полковник авиации Рудель и многие другие.

Представители СССР в Союзническом совете по Австрии неоднократно заявляли в связи с этим протесты¹. Однако все попытки советской стороны

¹ См. «Правда», 17 октября 1954 г.

добиться запрещения фашистских и милитаристских организаций в Западной Австрии (в Восточной Австрии их деятельность была пресечена советскими оккупационными властями) не имели успеха из-за противодействия представителей западных держав, особенно США и Англии.

Не меньшую опасность представляла подготовка экономического аншлюса, т. е. захвата экономики Австрии западногерманским капиталом. Игнорируя факт поражения Германии во второй мировой войне и решения, принятые державами-победительницами, в частности в Потсдаме, боннское правительство потребовало возвратить все бывшее немецкое имущество в Австрии. А это означало, что почти вся черная металлургия Австрии, 95% добычи угля, 90% производства алюминия и других цветных металлов¹ перешли бы в руки западногерманских концернов. Удовлетворение притязаний Бонна привело бы, конечно, к полной потере Австрией своей независимости, было бы равносильно новому аншлюсу.

Правительство Австрии в тот период не давало должного отпора алчным притязаниям западногерманских монополистов. Более того, в 1952 г. К. Грубер даже заявил: «Австрия, само собой разумеется, имеет твердое намерение возвратить частную немецкую собственность»². Такое заявление одного из видных представителей правительства и правящей Австрийской народной партии отражало тот факт, что определенные круги австрийской буржуазии, связанные с американским и западногерманским капиталом, готовы были ничтоже сумняшеся вновь пожертвовать национальной независимостью Австрии ради собственных узкокорыстных интересов. Не случайно ранее тот же Грубер приложил немало усилий, чтобы вовлечь Австрию в число «маршаллизованных» государств, чья экономика контролировалась Соединенными Штатами. По признанию самого Грубера, его старания на этот счет были продиктованы ясным сознанием того, что «план Маршалла будет планом Запада для Запада»³.

Идея нового аншлюса находила отклики и в крайне реакционных католических кругах, представленных в Австрийской народной партии. В программном заявлении XVI съезда Компартии Австрии указывалось: «Некоторые католические круги в народной партии мечтают о новой католической великой державе в Центральной Европе и думают, что они вместе с Аденauerом и при активной поддержке Ватикана могут создать такую великую католическую державу»⁴.

В рядах второй правительственной партии — Социалистической партии Австрии — было также немало влиятельных деятелей (министр внутренних дел Гельмер и др.), которые, будучи ослеплены ненавистью к коммунизму, фактически потворствовали пагубным для Австрии планам американского и западногерманского империализма. Не случайно на совещании лидеров социал-демократических партий в Брюсселе весной 1954 г. представители СПА голосовали за резолюцию, одобряющую создание Европейского оборонительного сообщества, т. е. за программу возрождения западногерманского милитаризма и обеспечения его господства в Западной Европе.

Вместе с тем в Австрии росли и активизировались национальные силы, которые, сознавая опасность, нависшую над будущим страны, требовали принятия мер для предотвращения угрозы аншлюса, для обеспечения суверенитета, независимости и мирного развития Австрии. Активную борьбу за достижение этих целей вела Коммунистическая партия Австрии. В резолю-

¹ См. «Правда», 3 августа 1954 г.

² Цит. по кн.: А. Ефремов. Советско-австрийские отношения после второй мировой войны, стр. 132.

³ К. Gruber. Zwischen Befreiung und Freiheit, S. 175.

⁴ «Die Kommunisten im Kampf für die Unabhängigkeit Österreichs», Wien, 1955, S. 234.

ции XV съезда компартии (ноябрь 1951 г.) подчеркивалось: «Коммунистическая партия борется за осуществление политики мира — единственной политики, которая сделает возможным достижение независимости Австрии и окончание оккупации посредством заключения Государственного договора»¹.

На выборах в парламент в 1953 г. Коммунистическая партия Австрии и возглавляемая ею народная оппозиция выступили с программой, первый пункт которой гласил: «Независимая и нейтральная Австрия. Держать нашу страну вне «холодной войны», вне всех военных приготовлений, пактов и союзов путем проведения политики безусловного нейтралитета»². Эти требования разделялись подавляющим большинством австрийского народа, что нашло потом подтверждение во всенародной поддержке постоянного нейтралитета, провозглашенного Австрией в 1955 г.

В рядах обеих правящих партий и в кругах национальной австрийской буржуазии имелось немало людей, трезво оценивавших обстановку и понимавших, чем рискует Австрия, если она станет сообщницей империалистических стратегов НАТО и реваншистов из Бонна. Та часть австрийской буржуазии, которая была связана с государственно-капиталистическим сектором промышленности, возникшим на базе конфискованных германских предприятий, тоже была заинтересована в недопущении аншлюса и во всестороннем развитии торгово-экономических связей Австрии, в том числе с социалистическими странами.

3. Новые предложения Советского Союза

Перед миролюбивыми силами стояла задача воспрепятствовать превращению Западной Австрии в военную базу НАТО, не допустить увековечения раскола Австрии и поглощения ее западно-германским империализмом. Во имя безопасности европейских народов, сохранения и упрочения мира в Европе и интересов самого австрийского народа нужно было безотлагательно восстановить и упрочить независимость Австрии.

После открытого отказа западных держав от урегулирования австрийского вопроса на основе четырехсторонних заявлений военного и послевоенного времени остался единственный путь его решения — заключить соглашение прежде всего с самой Австрией. Почва к этому была уже хорошо подготовлена предыдущими мероприятиями Советского Союза. СССР всегда выступал за целостность, независимость и суверенитет Австрийской Республики. Практически воплощая линию ЦК КПСС на активную борьбу за ослабление международной напряженности, Советское государство в 1953—1955 гг. предприняло ряд важ-

¹ «Die Kommunisten im Kampf...», S. 227.

² Ibid., S. 206.

ных шагов, свидетельствовавших о его искреннем желании восстановить независимость Австрии. Так, в июне 1953 г. Советское правительство приняло решение о разделении функций Верховного комиссара СССР и главнокомандующего советскими войсками в Австрии. Обязанности Верховного комиссара возлагались отныне на гражданское лицо. В том же месяце глава австрийского правительства канцлер Рааб в публичном выступлении выразил благодарность за меры, осуществленные Советским правительством. Вице-канцлер А. Шерф писал: «Казалось, в отношениях между Австрией и Россией установился более благоприятный климат»¹.

Вскоре политические представительства СССР и Австрии соответственно в Вене и в Москве были преобразованы в посольства. В советской зоне оккупации была упразднена зональная цензура, а на демаркационной линии с западными зонами — отменен контроль советских органов за передвижением населения и грузов. С 1 августа 1953 г. Советский Союз, идя навстречу пожеланиям Австрии, взял на себя все расходы по содержанию советских оккупационных войск. Эти и другие аналогичные мероприятия по облегчению оккупационного режима были должным образом оценены австрийской стороной.

Уже на совещании в Берлине в связи с советским предложением относительно неучастия Австрии в военных союзах и недопущения каких-либо военных баз на австрийской территории австрийская делегация заявила, что «Австрия сделает все, чтобы остаться в стороне от иностранного военного влияния, и не предоставит военные базы иностранным державам»².

Несмотря на то, что в целом австрийская делегация не поддержала тогда точку зрения СССР, это ее заявление означало определенное сближение точек зрения обоих государств, из которого явствовало, что идея нейтралитета, положенная в основу урегулирования австрийского вопроса, может встретить в Австрии благоприятную почву. Очевидно, именно поэтому западные державы, как отмечал впоследствии участник переговоров Б. Крейский, отрицательно отнеслись к этому заявлению делегации Австрии на Берлинском совещании³.

Обстановка, сложившаяся к началу 1955 г., требовала решительной и смелой инициативы для быстреего обеспечения независимости Австрии, разрядки международной напряженности и укрепления мира в Европе. И такую инициативу, направленную на мирное решение австрийского вопроса на основе постоянного нейтралитета Австрии, проявил Центральный Комитет КПСС.

8 февраля 1955 г. были обнародованы советские предложения об урегулировании австрийской проблемы⁴. В заявлении

¹ A. Schärff. Österreichs Erneuerung 1945—1955. Wien, 1955, S. 349.

² H. Siegler. Österreichs Weg zur Souveränität, Neutralität, Prosperität, 1945—1959. Bonn — Wien — Zürich, 1959, S. 37.

³ Ibid., S. 38.

⁴ См. «Правда», 9 февраля 1955 г.

правительства СССР указывалось, что оно считает заключение Государственного договора с Австрией назревшим и безотлагательным делом. Вместе с тем, оно указывало на опасность для Австрии плана ремилитаризации Западной Германии, в частности парижских соглашений.

Советское правительство пришло в связи с этим к выводу: при заключении Государственного договора о восстановлении независимой и демократической Австрии должно быть найдено такое решение, которое исключало бы возможность осуществления ФРГ нового аншлюса Австрии. Это даст возможность вывести из Австрии войска четырех держав до заключения мирного договора с Германией. Причем советское предложение совершенно ясно определило, что требовалось от Австрии, если она хочет содействовать такому решению вопроса: во-первых, взять на себя обязательство не вступать в какие-либо коалиции или военные союзы, направленные против любой державы, принимавшей участие своими вооруженными силами в войне против гитлеровской Германии и в освобождении Австрии, а во-вторых, не допускать создания на своей территории иностранных военных баз. Далее в заявлении отмечалось, что правительства США, Англии, Франции и Советского Союза со своей стороны также должны принять на себя обязательство выполнять указанные положения.

В целях скорейшего урегулирования австрийского вопроса предлагалось безотлагательно созвать совещание четырех держав, на котором был бы рассмотрен как германский вопрос, так и (при участии Австрии) вопрос о заключении Государственного договора с Австрией.

На предложения Советского Союза было специально обращено внимание австрийского правительства через посла Австрии в Москве. Причем советская сторона подчеркивала, что, по ее мнению, предварительные переговоры между Австрией и СССР и личный контакт с руководителями австрийского правительства (о желательности которого говорил и канцлер Австрии Рааб) могли бы способствовать решению австрийского вопроса.

Австрийский народ горячо одобрил инициативу СССР. Представители различных партий, профсоюзов и других массовых организаций указывали, что теперь открывается реальная возможность для заключения Государственного договора и достижения полной независимости Австрии, и требовали от правительства не упускать эту возможность, дать Советскому Союзу положительный ответ.

14 марта австрийский посол Бишоф передал ответ на предложения Советского Союза. Австрийское правительство, говорилось в нем, «приветствует всякое действенное обеспечение и гарантию австрийской независимости и свободы против посягательств с любой стороны и тем самым также против опасности

аншлюса». Далее указывалось: «Австрия не имеет намерения присоединиться к военным союзам или же допускать создание на своей территории военных баз» и выражалась готовность обсудить вопрос о том, в какой форме могло бы, при известных условиях, быть вновь сделано соответствующее заявление.

Австрийское правительство согласилось, что для окончательного решения австрийского вопроса должно быть созвано совещание всех заинтересованных держав с участием Австрии, и вместе с тем оно одобряло идею о рассмотрении вопросов, поставленных Советским Союзом, до созыва совещания. Одновременно австрийская сторона выразила пожелание, чтобы четыре державы обсудили вопрос о Государственном договоре, не ставя его в зависимость от решения германского вопроса.

Таким образом, из ответа следовал вывод: Австрия принимает руку, протянутую Советским Союзом.

Через 10 дней, 24 марта, Советское правительство сообщило о своем согласии обсудить на совещании четырех держав с участием Австрии австрийский вопрос, не связывая его с германским. Одновременно послу Австрии было сообщено, что, считая желательным установление личного контакта между государственными деятелями Советского Союза и Австрии, Советское правительство приветствовало бы приезд в ближайшее время в Москву канцлера Рааба и других представителей Австрии.

Это приглашение встретило благоприятный отклик в Австрии. Было условлено, что правительственная делегация Австрии во главе с канцлером Ю. Раабом прибудет в Москву 11 апреля. Оценивая перспективы поездки, орган австрийской правительственной коалиции газета «Нейес эстеррейх» писала: «Поездка в Москву может стать поворотным пунктом в истории Второй республики, исходным пунктом разрядки международной напряженности и значительным вкладом в дело осуществления мирного сосуществования».

Первые же сообщения о приглашении Рааба в Москву были встречены в столицах западных держав с нескрываемой озабоченностью. «Ни для кого не является секретом, что в Вашингтоне и Лондоне скептически относятся к приглашению австрийской делегации в Москву», — писала 28 марта австрийская газета «Ди прессе». «Государственный департамент признается в том, что... положение Вашингтона стало «весьма деликатным», — сообщала близкая к американским кругам «Зальцбургер нахрихтен».

Агентство Ассошиэйтед Пресс распространило сообщение, в котором говорилось, что, по мнению «информированных кругов» Вашингтона, «всякое соглашение, достигнутое в Москве в случае поездки туда Рааба, не может быть обязательным для США, Англии и Франции».

Незамедлительно последовал и прямой дипломатический нажим на Австрию. Уже 25 марта Даллес в связи с предстоящей поездкой Рааба в Москву вызвал к себе австрийского посла Грубера и, как сообщала австрийская печать, «с пуританской суровостью указал границы, которые, по мнению Вашингтона, австрийская уступчивость не должна переходить». Аналогичный нажим оказала и Англия через австрийского посла в Лондоне Шварценберга.

Это нельзя было расценить иначе, как бесцеремонное вмешательство в дела Австрии, попытку преградить ей путь к независимости, которую обещивали предложения Советского Союза.

«Идея восстановления независимости Австрии казалась хорошей в старые времена. Однако в настоящее время положение является несколько иным», — откровенно писала влиятельная американская газета «Крисчен сайенс монитор». Западных дипломатов, поясняя эта газета, пугает и возможность создания нейтральной Австрии и то, что Австрия получит свою независимость в результате прямых переговоров между Москвой и Веной.

Инициатива Советского Союза и положительный ответ на нее Австрии поставили правительства США, Англии и Франции в затруднительное положение: они уже не могли помешать советско-австрийским переговорам, не могли предотвратить решающий шаг на пути к урегулированию австрийской проблемы. Дальнейшие возражения привели бы лишь к окончательной дискредитации их собственной политики. Пришлось сделать хорошую мину при плохой игре. 5 апреля канцлеру Раабу была вручена совместная декларация правительств США, Англии и Франции, в которой признавалось, что предложения Советского правительства «фактически содержат возможности для восстановления свободы и независимости Австрии»¹, и выдвигалось предложение обсудить проблемы австрийского договора на совещании послов четырех держав в Вене после возвращения из Москвы австрийской правительственной делегации. Это уже была попытка приспособиться к событиям. Предлагаемый тремя державами уровень обсуждения — совещание послов — говорил о намерении по возможности затянуть вопрос, перевести его снова на рельсы длительной дипломатической тяжбы.

4. Советско-австрийские переговоры в Москве

Австрийская правительственная делегация во главе с канцлером Ю. Раабом и вице-канцлером (впоследствии он стал президентом Австрии) А. Шерфом прибыла в Москву 11 апреля. Советско-австрийские переговоры, проходившие в дружественной атмосфере, продолжались с 12 по 15 апреля и были успешно завершены подписанием «Меморандума о результатах переговоров между правительственной делегацией Советского Союза и правительственной делегацией Австрийской Республики»² и опубликованием совместного советско-австрийского коммюнике³.

В ходе переговоров было достигнуто согласие сторон по важнейшим вопросам, связанным с Государственным договором и с обеспечением независимости и мирного развития Австрии.

¹ См. «Правда», 7 апреля 1955 г.

² Этот меморандум был опубликован одновременно с текстом Государственного договора о восстановлении независимой и демократической Австрии (см. «Правда», 16 мая 1955 г.).

³ См. «Правда», 16 апреля 1955 г.

Была достигнута договоренность относительно внешнеполитической позиции Австрии после заключения Государственного договора. Австрия заявила о своем намерении не присоединяться к каким-либо военным союзам, не допускать строительства на своей территории военных баз и проводить самостоятельную внешнюю политику. Австрийская сторона подчеркнула, что Австрия сделает соответствующее заявление о постоянном нейтралитете в форме, накладывающей на нее международное обязательство, причем австрийское правительство примет меры, чтобы эта подтвержденная австрийским парламентом декларация Австрии получила международное признание.

С советской стороны была выражена готовность признать декларацию о нейтралитете Австрии и принять участие в предоставлении четырьмя державами гарантии целостности и неприкосновенности территории австрийского государства по образцу Швейцарии.

Советский Союз выразил согласие с тем, чтобы оккупационные войска четырех держав были выведены из Австрии после вступления в силу Государственного договора с ней, но не позднее 31 декабря 1955 г. Указание этой конкретной даты удовлетворяло естественное желание австрийской стороны обеспечить скорейшее прекращение оккупации своей страны. Вместе с тем это была ясная программа совместной борьбы Австрии и СССР за безотлагательное заключение Государственного договора, против тех, кто по-прежнему стремился всячески тянуть с восстановлением независимости Австрии. Обе стороны, говорится в совместном коммюнике, «считают желательным скорейшее заключение Государственного договора о восстановлении независимой и демократической Австрии, что должно служить национальным интересам австрийского народа и укреплению мира в Европе»¹.

В ходе московских переговоров был также урегулирован, к удовлетворению обеих сторон, ряд важных экономических вопросов, относящихся к Государственному договору.

Советское правительство подтвердило данное еще на Берлинском совещании согласие получить от Австрии компенсацию за передаваемые ей Советским Союзом бывшие германские активы в Восточной Австрии полностью в форме поставок австрийскими товарами (а не долларами, как было ранее согласовано между четырьмя державами). Кроме того, Советский Союз выразил готовность передать Австрии сразу же после вступления в силу Государственного договора за умеренное вознаграждение все имущество принадлежащей ему Дунайской судоходной компании, включая большую верфь в г. Корнейбурге, десятки судов, портовые сооружения.

¹ «Правда», 16 апреля 1955 г.

Важное значение имело согласие советской стороны уступить Австрии принадлежащие СССР права на нефтепромысловые поля и нефтеперерабатывающие заводы в Восточной Австрии в обмен на поставку Советскому Союзу 10 млн. т сырой нефти в течение 10 лет.

Договоренность по всем этим важнейшим вопросам — как политическим, так и экономическим — представляла собою наглядный пример уважения со стороны великой социалистической державы суверенитета малой страны. Вывод всех иностранных войск с австрийской территории, международноправовая гарантия против создания на этой территории иностранных военных баз в будущем, неучастие Австрии в военных блоках и союзах — все это надежно обеспечивало политическую независимость нейтральной Австрии.

Решение экономических вопросов Государственного договора, касавшихся СССР и Австрии, показало путь к обеспечению экономической независимости Австрии. СССР не намеревался сохранять за собой принадлежащие ему важные экономические позиции в Австрии, он передавал их австрийскому государству за весьма умеренную компенсацию, причем в наиболее выгодной для австрийской стороны форме товарных поставок. Этой же цели обеспечения экономической независимости соответствовало и обязательство австрийской стороны не передавать в иностранные руки получаемые от СССР нефтяные поля и нефтеперерабатывающие заводы и не передавать в собственность немецким гражданам другие предприятия и иное имущество, получаемое от Советского Союза (бывшие германские активы в Австрии).

Итоги московских переговоров представляли собой основу решения всего австрийского вопроса в интересах независимости Австрии, в интересах мира в Европе. Они открыли прямой путь к заключению Государственного договора с Австрией и нашли соответствующее отражение в его окончательном тексте.

В ходе переговоров в Москве был решен также ряд вопросов, касающихся дальнейшего развития дружественных советско-австрийских отношений. Стороны договорились начать переговоры о нормализации торговых отношений между СССР и Австрией. Советская сторона согласилась удовлетворить просьбу Австрии о возвращении на родину австрийцев, отбывавших в СССР наказание по решению советских судебных органов.

Результаты советско-австрийских переговоров были встречены австрийским народом с чувством огромного удовлетворения.

Вся страна украсилась флагами. «Соглашение в Москве устраняет расхождения между Советским Союзом и Австрией и открывает путь к Государственному договору, к необходимому согласию всех четырех оккупационных держав»¹, — писал орган правительственной коалиции.

Высоко оценили итоги переговоров и представители правительства Австрии. Глава австрийской делегации канцлер Ю. Рааб, возвратившись из СССР, выступил по австрийскому радио. «Все то, на что мы едва могли надеяться, стало действительностью, — сказал он. — Москва показала, что вполне возможно найти компромисс между интересами Востока и Запада. В этом смысле я хотел бы выразить благодарность австрийского народа Советскому Союзу за его вклад».

Вице-канцлер А. Шерф следующим образом охарактеризовал значение советско-австрийских переговоров: «Недавно переговоры в Москве открыли для нас новую эру. Впервые с представителями Австрии вели переговоры по-настоящему, их мнения и предложения не только выслушивались, но с ними обращались, как с равноправной стороной. Это проявлялось не только внешне. Переговоры приняли не только новую форму, но и совершенно другое содержание. Соглашение в Москве о продаже нефтяных полей и Дунайской судоходной компании предоставляет Австрии не только полную экономическую, но и политическую независимость»².

Соглашение, достигнутое между СССР и Австрией, вызвало в народных массах стран Европы и всего мира надежды на скорое заключение австрийского договора и на общую разрядку международной напряженности, доведенной до крайности вооружением Западной Германии. Открыто выступить в этой обстановке против мирной инициативы Советского Союза, поддержанной Австрией, и уклониться от переговоров о заключении договора с Австрией западные державы уже не могли.

Даже у себя в стране правительство США испытывало сильнейший нажим общественности, требовавшей урегулирования австрийского вопроса на основе, заложенной в Москве. Характерно в этом отношении заявление газеты «Нью-Йорк пост», которая 16 апреля вынуждена была заметить по поводу окончания московских переговоров: «Если Эйзенхауэр и Даллес в настоящее время будут по-прежнему увиливать и уклоняться от совещания великих держав, им придется держать за это ответ перед каждой страной в Европе и Азии, которая считает, что такое совещание имеет решающее значение»³.

Учитывая все это, правительства трех западных держав стали готовиться к совещанию по австрийскому вопросу, надеясь, по-видимому, хотя бы в ходе переговоров как-то повлиять на сроки и характер решения этого вопроса, предопределенного в основном договоренностью между СССР и Австрией. 14 апреля французское правительство обратилось к правительствам США и Англии с предложением начать подготовку совещания с Советским Союзом. 15 апреля секретарь Белого дома заявил журналистам, что советско-австрийские переговоры «представляются обнадеживающими для заключения договора» четырех держав с Австрией. А со своей стороны государственный департамент США опубликовал заявление о возможности заключения в скором времени австрийского договора ввиду «ободряющей» позиции СССР.

Однако ни для кого не было секретом, что в действительности западные державы отнюдь не были рады такому развитию и хотели бы сделать все, чтобы если уж не сорвать, то во всяком случае оттянуть заключение договора с Австрией. Не скрывала этого и западная печать. «Соединенные

¹ «Neues Österreich», 15. IV. 1955.

² «Arbeiter Zeitung», 24. V. 1955.

³ «The New York Post», 16. IV. 1955.

Штаты не удовлетворены тем, что русские устранили последние препятствия на пути к заключению мирного договора с Австрией», — признавалась «Нью-Йорк геральд трибюн». «Советская инициатива вызвала полную растерянность в Лондоне, Вашингтоне, а также в Париже, — констатировала французская «Комба»... — Вашингтон выражает опасения, что возможный австрийский нейтралитет может послужить прецедентом для урегулирования вопроса о статусе Германии»¹.

«Замешательство и сильная тревога», — так печать характеризовала реакцию в Бонне. Западногерманское агентство ДПА поспешило распространить заявление о том, что «австрийское соглашение не может рассматриваться в качестве образца для решения германской проблемы»². Шовинистическая печать ФРГ дошла даже до утверждений, что свобода Австрии может быть «только условной», до тех пор, пока запрещен... аншлюс!

5. Заключение австрийского Государственного договора

Уже 19 апреля Советское правительство, информировав правительства США, Англии и Франции о результатах советско-австрийских переговоров, предложило им созвать в ближайшее время в Вене совещание министров иностранных дел четырех держав с участием представителей Австрии для заключения Государственного договора о восстановлении независимой демократической Австрии. Три западные державы, ссылаясь на необходимость «проделать некоторую подготовительную работу», предложили созвать 2 мая в Вене совещание послов четырех держав с участием представителей Австрии. Не считая такое совещание кратчайшим путем к решению вопроса, Советское правительство, однако, пошло навстречу трем державам, и совещание послов состоялось в Вене 2—12 мая 1955 г. С австрийской стороны в нем принял участие министр иностранных дел Фигль.

Совещание проделало работу по окончательной подготовке текста Государственного договора. При этом советская сторона, поддержанная австрийскими представителями, сделала все, чтобы не допустить затяжки переговоров и обеспечить скорейшее подписание договора. Был внесен ряд изменений в проект договора: включены положения, согласованные между СССР и Австрией в Москве (по вопросу о немецких активах и др.); устранены некоторые устаревшие положения. Четыре державы согласились исключить статью о численном ограничении австрийских вооруженных сил. Это было выражением доверия в отношении новой, нейтральной Австрии. Оспаривавшиеся прежде западными державами принципиальные положения (о роспуске нацистских организаций, о собственности Объединенных наций и др.) были приняты в том виде, как это давно предлагал Советский Союз. В текст договора была введена официаль-

¹ «Le Combat», 16. IV. 1955.

² «The New York Times», 17. IV. 1955.

ная ссылка на советско-австрийский меморандум от 15 апреля 1955 г. об итогах переговоров в Москве.

14 мая в Вене состоялось совещание министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции с участием министра иностранных дел Австрии. Было решено принять текст договора, подготовленный совещанием послов. Делегации четырех держав согласились удовлетворить просьбу Австрии об исключении из преамбулы договора абзаца, содержавшего прямое упоминание об ответственности Австрии за участие в минувшей войне. После оглашения советской делегацией пяти пунктов московского меморандума от 15 апреля, касающихся нейтралитета Австрии, министры иностранных дел США, Англии и Франции заявили о согласии своих стран с тем, чтобы Австрия следовала курсу нейтралитета, указанному в советско-австрийском меморандуме. Был также в принципе согласован вопрос о форме признания четырьмя державами нейтралитета Австрии.

15 мая 1955 г. в венском дворце Бельведер в торжественной обстановке, при огромном стечении народа вокруг дворца и на прилегающих улицах был подписан Государственный договор о восстановлении независимой и демократической Австрии. Договор вступил в силу 27 июля 1955 г. после ратификации его всеми подписавшими сторонами.

В соответствии с положениями договора и советско-австрийским соглашением от 15 апреля Советский Союз в августе 1955 г. передал Австрии принадлежавшие ему бывшие германские предприятия в Восточной Австрии — заводы, нефтепромыслы, верфи, склады — всего более 400 различных предприятий. К 20 сентября, т. е. более чем за месяц до срока, установленного в договоре, из Австрии были полностью выведены все советские войска. США, Англия и Франция также вывели свои войска, и территория Австрии, таким образом, полностью освободилась от оккупации.

Австрия, со своей стороны, оформила посредством внутреннего законодательства взятые ею обязательства в отношении нейтралитета. 26 октября австрийский парламент по предложению правительства принял закон о постоянном нейтралитете Австрии.

В этом законе говорится: «В целях длительного и постоянного утверждения своей внешней независимости и неприкосновенности своей территории Австрия добровольно заявляет о своем постоянном нейтралитете.

Австрия будет поддерживать и защищать его всеми имеющимися в ее распоряжении средствами.

Для обеспечения этих целей Австрия в будущем не будет вступать ни в какие военные союзы и не будет допускать создания военных опорных пунктов чужих государств на своей территории»¹.

¹ «Правда», 28 октября 1955 г.

В правительственном заявлении, сделанном в тот же день в парламенте главой австрийского правительства канцлером Раабом, говорилось о большом значении Государственного договора и статуса постоянного нейтралитета для Австрии: «Государственный договор открыл для Австрии впервые со времени основания нашей республики в 1918 г. возможность действительно активной и конструктивной внешней политики. Наш нейтралитет явится новой, многообещающей и длительной основой для этой политики. В предлагаемом законопроекте этот нейтралитет именуется постоянным. Это имеет решающее значение. Наш нейтралитет — это не какое-то временное ограничение нашего суверенитета, которое можно отменить или которое мы взяли на себя неохотно, под давлением обстоятельств. Нет, это длительная основа для внешней политики, призванная обеспечить навсегда мир и благосостояние нашей родине и нашему народу»¹. Закон о нейтралитете, подчеркнул далее Ю. Рааб, рассматривается лишь после того, как последний иностранный солдат покинул австрийскую землю, с тем чтобы показать, что принятие его осуществляется в условиях полной независимости и полной свободы².

6 декабря 1955 г. в ответ на обращение Австрии правительства СССР, США, Англии и Франции сообщили о признании ими ее постоянного нейтралитета в том виде, как он определен в законе. Вслед за тем нейтралитет Австрии признали десятки других стран. Многие государства поздравили Австрию с достижением независимости. Исключение составила ФРГ, правительство которой уже 16 мая — на следующий день после подписания Государственного договора — направило в Вену... протест против положений договора, касающихся бывших активов гитлеровской Германии!

Таким образом, в результате инициативы Советского Союза был решен путем международного соглашения, на основе уважения независимости Австрии и в интересах мира и безопасности всех стран Европы вопрос, который в течение целого послевоенного десятилетия был одним из самых острых и сложных вопросов, серьезно отравлявших отношения между державами.

Как отметил Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев, выступая в Австрии во время официального визита в эту страну летом 1960 г., «подписание Государственного договора с Австрией в мае 1955 года несомненно явилось важным вкладом в дело укрепления мира в Европе и создало необходимую основу для мирного развития независимого австрийского государства. Политика нейтралитета позволяет Австрии держаться в стороне от военных блоков. Мы считаем, что Государственный договор имеет большое значение для укрепления национального самосознания австрийского народа, по-

¹ «Österreich-freies Land, freies Volk. Dokumente. Herausgegeben vom Bundesministerium für Unterricht». Wien, 1957, S. 89—90.

² Ibid., S. 87—88.

сколько он выбил почву из-под ног тех политиков, которые отрицают возможность самостоятельного существования Австрии». Правительство Советского Союза, подчеркнул Н. С. Хрущев, высоко уважает нейтралитет и независимость Австрии¹.

Успешное решение австрийского вопроса явилось крупной победой ленинской внешней политики Центрального Комитета КПСС. Сложный узел межгосударственных противоречий, сконцентрировавшихся вокруг Австрии, удалось распутать с пользой как для независимости самой Австрии, так и для дела всеобщего мира только благодаря тому, что маневрам империалистических держав в австрийском вопросе была противопоставлена ясная, последовательная и вместе с тем гибкая и реалистическая политика Советского Союза, политика активной борьбы за мирное сосуществование государств с различным общественным строем.

Заслуга ЦК КПСС и лично Н. С. Хрущева в разрешении вопроса о восстановлении независимости Австрии и обеспечении необходимых условий для ее развития по пути нейтралитета тем более велика, что для достижения этой цели пришлось преодолеть сопротивление не только извне — со стороны твердолобых приверженцев империалистической политики «с позиции силы» в западных странах, но и со стороны антипартийной группы, ставившей палки в колеса при осуществлении курса, намеченного ленинским ЦК.

Известно, например, что Молотов, занимая в этот период пост министра иностранных дел, всячески препятствовал преодолению вредных последствий культа личности Сталина и сопротивлялся намеченным партией мерам по ослаблению международной напряженности и укреплению мирного сосуществования. В частности, Молотов не только не способствовал решению австрийского вопроса, а, наоборот, тормозил заключение Государственного договора с Австрией. Выдавая свой догматизм в вопросах внешней политики за заботу об интересах СССР, он на самом деле играл на руку реакционным кругам империализма, стремившимся обострять международную напряженность и провозгласившим своим кредо балансирование «на грани войны».

Деловые переговоры, уважение не на словах, а на деле независимости, суверенитета и законных интересов народов, добрая воля и миролюбие — вот единственно возможный путь урегулирования даже самых сложных международных проблем. А «холодная война» и политика «с позиции силы» способны лишь осложнить международную обстановку, обострить угрозу миру. Таков был очевидный для всех урок решения австрийского вопроса в результате инициативы, проявленной в 1955 г. Советским государством.

Судьба Австрии, нашедшей благодаря помощи социалистического Советского Союза свой путь к независимости и к отвечающему ее национальным интересам нейтралитету, служит

¹ См. Н. С. Хрущев. О внешней политике Советского Союза. 1960 год, т. 2. М., 1961, стр. 113.

убедительным примером того, как в результате создания и укрепления мировой системы социализма «не только большие, но и малые государства, страны, вступившие на путь самостоятельного развития, все стремящиеся к миру государства, независимо от их силы, имеют возможность проводить самостоятельный внешнеполитический курс»¹.

Советско-австрийские переговоры в апреле 1955 г., заключение Государственного договора и провозглашение постоянного нейтралитета Австрии создали также надежную основу для дружественных отношений между СССР и Австрийской Республикой, которые в последующие годы развивались в духе взаимопонимания, являя собой хороший пример мирного сосуществования государств с различным общественным строем.

Г Л А В А XXIX

ЖЕНЕВСКОЕ СОВЕЩАНИЕ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ЧЕТЫРЕХ ДЕРЖАВ И ОСЛАБЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

К середине 1955 г. изменение соотношения сил на международной арене в пользу социализма становилось все более очевидным. Успехи СССР и других социалистических стран в области экономики, укрепление экономических и политических связей между ними способствовали дальнейшему упрочению международных позиций и влияния мировой социалистической системы. Подъем национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах вел к распаду колониальной системы империализма. Одновременно в самих империалистических странах происходил подъем рабочего и демократического движения, нашедший в то время яркое выражение в размахе борьбы народов за мир, против империалистической политики.

Большое влияние на общую обстановку оказывало изменение военного соотношения сил между социализмом и империализмом. Хотя правящие круги США и других империалистических стран все еще тешили себя надеждами на превосходство в средствах доставки оружия массового уничтожения, наиболее дальновидным руководителям империалистических держав уже приходилось констатировать, что, как писал видный американский обозреватель Липпман, «война, которая сейчас означает термоядерную войну, невозможна и нет никакого другого выхода, кроме мира».

Советская внешняя политика, проводимая под руководством Центрального Комитета партии, использовала складывав-

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 57.

шуюся объективную обстановку в интересах мира и социализма.

Прекращение военных действий в Корее и Индокитае, а также заключение Государственного договора с Австрией расчищали дорогу к дальнейшей разрядке напряженности, подрывали политику «холодной войны», проводимую империалистическими державами. В этих условиях во всем мире получила широкую популярность идея созыва конференции глав правительств четырех великих держав — Советского Союза, Соединенных Штатов, Англии и Франции, или, как ее стали называть позднее, встречи на высшем уровне. Совершенно очевидно, что только в результате встреч наиболее ответственных государственных деятелей ведущих государств с различным общественно-экономическим строем могли быть приняты решения, которые, отражая сложившееся соотношение сил, создали бы реальные предпосылки для разрешения основных спорных проблем в духе мирного сосуществования.

Советское правительство выступило в роли активного сторонника этой идеи, направив свои внешнеполитические усилия на ее реализацию. В правящих кругах ведущих империалистических держав идея встречи на высшем уровне сразу же натолкнулась на ожесточенное сопротивление. Однако под воздействием нового соотношения сил и очевидных успехов внешней политики социалистических стран число сторонников созыва конференции четырех великих держав среди общественности США, Англии, Франции росло столь стремительно, что это не могло не сказаться и на официальной политике этих государств.

«Настроения в пользу попытки достичь договоренности с Советами возросли так сильно, — признавал впоследствии один из крупных дипломатов ФРГ, В. Греве, — что правительства трех западных держав сочли невозможным противодействовать дальше этому требованию. Созыв новой четырехсторонней конференции стал неизбежным. Более того, неизбежным стал также созыв этой конференции на высшем уровне, то есть как конференции четырех глав правительств»¹.

С особой силой подобные настроения проявлялись в Западной Европе. Во Франции этому способствовало растущее недовольство значительной части общественности парижскими соглашениями, вступлением ФРГ в НАТО и началом вооружения бундесвера. В Англии политическая атмосфера накалилась в связи с приближавшимися парламентскими выборами. Лейбористская партия шла на выборы под лозунгом организации встречи глав правительств. Поскольку этот лозунг пользовался большой популярностью, правительство консерваторов сочло необходимым перехватить его у лейбористов.

Тем не менее сопротивление, оказываемое любому ослаблению «холодной войны» авантюристическими силами империализма, оставалось весьма упорным. В Соединенных Штатах оно исходило от крайне правых групп в республиканской и демократической партии, а также от Пентагона. В качестве глашатая наиболее воинственной политики, проведения которой тре-

¹ W. G. Grewe. *Deutsche Außenpolitik der Nachkriegszeit*. Stuttgart, 1960, S. 215.

бовали эти силы, по-прежнему выступал государственный секретарь США Даллес. В Западной Европе противодействие попыткам ослабить «холодную войну» возглавило правительство ФРГ, руководимое канцлером Аденауэром.

1. Подготовка встречи на высшем уровне

К началу мая после долгой закулисной борьбы как в правящих кругах отдельных западных держав, так и между этими державами идея совещания на высшем уровне одержала верх. 14 и 15 мая в ходе неофициальных переговоров министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции была достигнута договоренность о желательности совещания на высшем уровне. Путем обмена нотами от 26 мая, 6 и 13 июня были согласованы время и место его проведения: 18 июля в Женеве.

Достижение соглашения о созыве совещания глав правительств было большой победой внешней политики Советского Союза и всех миролюбивых сил. «Без советской инициативы, — писала в то время английская газета «Манчестер гардиан», — не было бы такого совещания в верхах, во всяком случае не было бы совещания на нынешнем самом высоком уровне»¹.

Однако согласие на проведение совещания, данное руководителями империалистических держав, вовсе не означало их готовности к действительно плодотворным переговорам на равноправной основе. «Идя на это Совещание, — отмечал впоследствии Н. С. Хрущев, — они делали уступку общественному мнению, которое оказывало на них давление»². Во влиятельных кругах США это согласие рассматривалось преимущественно как политический маневр. В тот период в империалистических странах широкое распространение получила иллюзия, будто Советский Союз, несмотря на большие успехи в экономической, а также военной области, переживает серьезные трудности, значительно ослабившие его, что позволит империалистическому лагерю потребовать от него существенных уступок. Эта иллюзия основывалась на двух ошибочных оценках. Во-первых, руководители империалистических держав тешили себя надеждой на то, что ликвидация последствий культа личности, начавшаяся с 1953 г., приведет к политическим неурядицам в Советском Союзе и других социалистических странах. Во-вторых, основываясь на ложной информации своих разведывательных органов, правящие круги США и других империалистических стран считали, что экономика Советского Союза до предела напряжена и не в состоянии обеспечить необходимых усилий для поддержания обороны СССР на должном уровне.

«Соединенные Штаты, — писал в то время американский еженедельник «Бизнес унк», отражающий взгляды ведущих монополий США, — отправля-

¹ «The Manchester Guardian», 14. VII. 1955.

² Н. С. Хрущев. Речь на четвертой сессии Верховного Совета СССР четвертого созыва, стр. 22.

ются на Женевское совещание, полностью уверенные в том, что в развитии событий произошел поворот, невыгодный коммунистическому миру». В таком же духе высказался в то время Даллес, уверявший, что Советский Союз будет вести переговоры в Женеве с позиции «слабости»¹.

Соединенные Штаты, идя на совещание, отдавали дань новой обстановке и требованиям своих союзников и общественности. В то же время они рассчитывали на конкретные политические приобретения за счет Советского Союза.

«Существует мнение, — констатировала накануне Женевского совещания газета «Нью-Йорк таймс», — что если Россия искренне желает уменьшения международной напряженности и облегчения бремени, которое возлагает на нее ее программа вооружений, то нужно настаивать, чтобы она пошла на уступки»².

Непонимание правящими кругами США реального положения вещей было столь велико, что они всерьез вынашивали план включения в повестку дня Женевского совещания вопроса о государствах народной демократии, о реставрации капиталистического строя в социалистических странах Восточной Европы. Этот план нашел свое отражение в официальных выступлениях американского представителя в ООН Уодсворта, государственного секретаря США Даллеса и некоторых других политических деятелей США. В Советском Союзе и других социалистических странах подобные выступления были, естественно, расценены как враждебный выпад и получили самый резкий отпор.

Провокационный характер подобной позиции, которая могла быть расценена лишь как сознательный курс на срыв совещания еще до того, как оно началось, был настолько очевиден, что правительства Англии и Франции, испытывавшие наибольшее давление снизу, потребовали от США, чтобы они не настаивали на обсуждении данной «проблемы» на совещании глав правительств. Однако и в отношении других проблем позиция правительства США накануне Женевского совещания была крайне далека от серьезного намерения начать поиски конструктивного решения спорных международных вопросов.

Так, по германскому вопросу, который должен был занять одно из видных мест на совещании глав правительств, позиция США по-прежнему основывалась на идее объединения Германии путем поглощения ГДР боннской республикой и включения всей Германии в состав империалистических военных блоков. При этом американские предложения были шагом назад от Потсдамских соглашений, урегулировавших проблемы восточной границы Германии. Тем самым США оставляли открытыми двери для экспансии на восток возрождаемого западногерманского милитаризма. Подлинная цель позиции США по германскому вопросу, как и до этого, состояла в том, чтобы «оттеснить» мировую социалистическую систему и, резко изменив стратегическое положение в Европе в пользу империализма, обеспечить условия для «штурма» всей мировой социалистической системы.

В вопросе о разоружении позиция Соединенных Штатов определялась стремлением использовать в пропагандистских целях эту идею, фарисейски

¹ «The New York Times», 11. VII. 1955.

² «The New York Times», 3. VII. 1955.

замаскировав свое нежелание пойти на действительное разоружение. Немалое значение имели здесь расчеты Пентагона компенсировать провалы своей разведки на территории Советского Союза путем легализации шпионской деятельности под видом создания системы наблюдения и контроля, которая преподносилась Вашингтоном в качестве «первого шага на пути к разоружению».

Позиции правительств Англии и Франции, хотя в общем и совпадали с позицией Соединенных Штатов, не были идентичны ей. Английский план решения германского вопроса отличался тем, что предусматривал предоставление Советскому Союзу «гарантий», которые якобы должны были компенсировать включение объединенной милитаризованной Германии в НАТО. В числе этих гарантий фигурировало предложение о создании в той или иной форме системы коллективной безопасности. В области разоружения в абстрактной форме выдвигалось предложение о сокращении общего количества вооруженных сил и вооружений каждой стороны в Германии и в соседних с ней странах.

Правительство Франции под давлением общественности высказывалось за более эффективные меры по созданию системы коллективной безопасности в Европе, а в вопросах разоружения, если верить официальным заявлениям, проявляло готовность сделать более реальные шаги, чем ее союзники по НАТО.

Наличие некоторых расхождений второстепенного характера между западными державами, выявившееся в период подготовки к совещанию, вызвало лихорадочную дипломатическую активность в лагере НАТО. Накануне Женевского совещания представители трех западных держав провели ряд встреч и консультаций, на которых стоял вопрос о разработке общей линии империалистических государств. В ряде случаев к участию во встречах были привлечены уполномоченные ФРГ.

24 июня в Бонне начал работу специальный комитет экспертов по германскому вопросу, в состав которого вошли американские, французские, английские и западногерманские представители. 5 июля этот комитет представил на рассмотрение своих правительств согласованные предложения, сводившиеся к некоторой модификации небезызвестного «плана Идена» по объединению Германии на основе так называемых «свободных выборов», отвергнутого Советским Союзом еще на Берлинской конференции четырех министров иностранных дел.

8 июля в Париже собралась вторая группа экспертов, подготавливавшая общую платформу для западных держав по остальным проблемам предлагаемой повестки дня в Женеве. В отличие от комитета, заседавшего в Бонне, парижская группа не смогла преодолеть разногласий, возникших, прежде всего, между Францией и остальными западными державами. Эти разногласия стали особенно очевидными, когда во французских газетах появилось сообщение о решении правительства Франции предложить Женевскому совещанию разработать совместный план разоружения и безопасности в Европе, а также заключить пакт между Западноевропейским союзом и странами Варшавского пакта. Важность этого сообщения была подчеркнута тем, что в тот же день, 13 июля, председатель совета министров Франции Э. Фор созвал специальную пресс-конференцию, на которой зачитал текст нового французского предложения, предусматривавшего постепенное сокращение военных бюджетов и создание путем отчислений от сэкономленных сумм специального фонда по оказанию помощи экономически слаборазвитым странам.

12 июля в Париже состоялось заседание совета НАТО, в котором приняли участие члены комитетов экспертов. На этом заседании постоянные представители стран — участниц Североатлантического блока были информированы о ходе разработки общей позиции западных держав на Женевском

совещании и о выявившихся разногласиях. Три дня спустя, пытаясь устранить разногласия, министры иностранных дел США, Англии и Франции провели специальную встречу, а после этого имели беседу с французским премьер-министром. 16—17 июля министры трех западных держав вновь обменялись мнениями по спорным вопросам. 17 июля они встретились с канцлером Аденауэром. В тот же день в Женеве состоялась встреча президента США Эйзенхауэра с премьер-министром Англии Иденом и министром иностранных дел Макмилланом. Тем не менее расхождения в позиции трех западных держав, главным образом связанные с «планом Фор», не были устранены полностью.

Таким образом, к первому после десятилетнего перерыва совещанию глав правительств великих держав империалистический лагерь пришел ослабленный внутренними разногласиями, без конструктивных предложений. В отличие от него Советский Союз имел уже накануне Женевского совещания детально разработанную и цельную программу решения наиболее острых спорных проблем в интересах упрочения мира. Эта программа предусматривала прежде всего создание в Европе системы коллективной безопасности, в которой могли бы принять участие и Соединенные Штаты. В таком вопросе, как восстановление единства Германии, Советский Союз исходил из учета реально сложившейся обстановки, т. е. наличия двух германских государств с различным социально-экономическим строем и того, что они входят в противостоящие друг другу военные союзы. В связи с этим, отклоняя, как нереальный, план объединения Германии, представленный Иденом, Советский Союз, считая, что решение этой проблемы — дело самого немецкого народа, предлагал способствовать сближению обоих германских государств, поскольку именно оно создаст наилучшие предпосылки для воссоединения.

Внесенные Советским Союзом 10 мая 1955 г. в подкомитет Комиссии ООН по разоружению предложения, учитывавшие точку зрения западных держав, создавали благоприятную основу для практических сдвигов в деле разоружения, которые могли быть осуществлены в Женеве.

Позиция Советского правительства накануне Женевского совещания была изложена в заявлении ТАСС по германскому вопросу от 13 июля 1955 г. и на пресс-конференции, проведенной в Москве 15 июля, перед отъездом советской правительственной делегации в Женеву¹.

2. Совещание в Женеве

18 июля в 10 часов утра по европейскому времени в присутствии многочисленных представителей печати, радио и телевидения Женевское совещание начало свою работу. Уже из вступительных речей глав делегаций было ясно, что в центре вни-

¹ См. «Правда», 13 и 16 июля 1955 г.

мания будут следующие вопросы: 1) германский, 2) европейская безопасность, 3) разоружение и 4) о контактах между Западом и Востоком. Эти четыре вопроса и составили официальную повестку совещания, утвержденную на второй день его работы.

Наиболее острую дискуссию вызвали первые два вопроса. В своей вступительной речи Эйзенхауэр сделал особый упор на то, что проблема воссоединения Германии и создания общегерманского правительства на основе «свободных выборов» «имеет первостепенное значение» и что объединенная Германия должна по своему выбору осуществлять «принадлежащее ей право коллективной обороны». В качестве «компенсации» за усиление военного потенциала империалистического блока в результате присоединения к нему объединенной Германии президент США предложил распространить на СССР «гарантии», которые «уже содержатся в парижских соглашениях». По сути дела это было повторение старых предложений и доводов правительства Соединенных Штатов, изложенных в многочисленных официальных и неофициальных документах.

Позиция США по германскому вопросу была столь явно рассчитана на приобретение серьезных политических и военных преимуществ для империалистического лагеря и столь неприемлема для Советского Союза и других социалистических стран, что даже главы правительств Англии и Франции сочли неудобным безоговорочно присоединиться к ней.

Премьер-министр Франции Фор, поддержав в принципе делегацию США, заявил о готовности пойти навстречу Советскому Союзу в вопросе о европейской безопасности. Наряду с совершенно неприемлемыми предложениями о «гарантиях» вступительная речь Фор содержала разумную идею включения Германии в общую систему безопасности, которая бы объединила все европейские государства, выразившие желание войти в нее. Эта идея французского премьера нашла благоприятный отклик у советской делегации, которая расценила ее как интересную и продуктивную. У делегации же США наоборот, вызвала нескрываемое раздражение, которое было настолько сильным, что американская делегация пошла даже на публичное дезавуирование своего союзника. После заседания один из членов делегации США сказал американским корреспондентам: выступление Фор вызвало «озабоченность» в официальных кругах США, и Соединенные Штаты не могут считать себя связанными некоторыми аспектами его речи. О недовольстве речью Фор поступили сообщения также из официальных кругов Бонна. Идея создания в Европе системы коллективной безопасности, хотя и не столь определено, как у Фор, содержалась и в выступлении английского премьер-министра.

Считая, что по вопросу о создании европейской системы коллективной безопасности намечаются более или менее реальные перспективы найти общий язык между участниками совещания, советская сторона в первый же день совещания детализировала предложение о системе коллективной безопасности в Европе, выдвигавшееся Советским Союзом еще ранее¹. Создание этой системы, указывалось в выступлении советского представителя, могло бы осуществляться двумя этапами. На первом этапе были бы сохранены существующие в Европе военные блоки. В то же время страны, входящие в них, договорились бы о решении спорных проблем мирным путем и о взаимной консультации по всем важным вопросам. Одновременно были бы «замо-

рожены» размеры вооруженных сил в Европе. На втором этапе система коллективной безопасности полностью вступила бы в силу, в связи с чем были бы распущены оба военных союза, существующих в Европе. 20 июля советской делегацией был предложен вниманию глав правительств проект «Договора о коллективной безопасности в Европе (основные принципы)».

Обсуждение этого проекта выявило определенные изменения в тактике западных делегаций. Учитывая благоприятное отношение мировой общественности к идее коллективной безопасности, а также особую позицию Франции, правительство США перестало демонстративно отрицать эту идею. 20 июля на сепаратном совещании западных делегаций была выработана новая, теперь уже согласованная с Францией, тактическая линия по этому вопросу. Соглашаясь с идеей коллективной безопасности, США, Англия и Франция потребовали предварительно осуществить воссоединение Германии на своих условиях.

Формально спор был перенесен в плоскость очередности решения проблем: что должно быть осуществлено раньше — воссоединение или создание системы коллективной безопасности, но смысл его остался неизменным. Речь по-прежнему шла о том, как должны быть решены европейские проблемы: на взаимоприемлемой основе, не наносящей ущерба ни одной стороне и обеспечивающей разрядку напряженности, как предлагал Советский Союз, или же путем удовлетворения притязаний западногерманского милитаризма и ослабления позиций СССР и других социалистических стран в Европе в результате усиления империалистического блока, чего пытались добиться западные державы. Между этими двумя позициями по-прежнему существовал глубокий разрыв, а руководители представленных на совещании империалистических держав, упорно отстаивая свои нереальные позиции, только усугубляли его.

Тем не менее деловой подход и спокойный тон при обсуждении самых острых проблем был воспринят крайне агрессивными кругами в империалистическом мире как признак, свидетельствующий о возможности заключения соглашения по германскому вопросу и создания европейской системы коллективной безопасности. В лагере наиболее рьяных поборников «холодной войны» забили тревогу. Особенно забеспокоились боннские правители, не без основания усмотревшие в достижении договоренности о европейской системе безопасности и сближении существующих германских государств в рамках этой системы крах официального курса Бонна на поглощение ГДР и реваншистских замыслов в отношении Польши, Чехословакии и Советского Союза.

Канцлер ФРГ Аденауэр счел необходимым прервать отпуск и вызвал к себе главных боннских экспертов по вопросам внешней политики, в том числе министра иностранных дел ФРГ фон Брентано, статс-секретаря министерства иностранных дел Хальштейна и специального наблюдателя

ФРГ в Женеве Бланкенхорна. На совещании с ними Аденауэр выразил серьезное опасение, что США, Англия и Франция «пойдут на уступки России в отношении того, чего она желает, т. е. ослабления напряженности и прекращения «холодной войны», не потребовав от нее компенсации для Германии». Было принято решение потребовать от правительства США «разъяснений» по поводу американской позиции.

В самый разгар совещания глав правительств в Женеве по настоянию Западной Германии состоялись секретные переговоры, в которых приняли участие Бланкенхорн (ФРГ) и Даллес (США). Последний заверил западно-германскую сторону в «неизменности политики Запада». Возникла такая ситуация, как отмечал Липман, когда Аденауэр, хотя и не присутствовал на совещании (в Женеве), был в состоянии наложить «вето» на возможные предложения западных держав и на соглашение ¹.

Под нажимом ФРГ позиции западных держав, и в первую очередь США, в вопросе о европейской безопасности становились все менее конструктивными. Продолжая добиваться сближения точек зрения по обсуждаемым вопросам, советская делегация дополнительно внесла на рассмотрение глав правительств проект «Основных принципов договора между существующими в Европе группировками государств». Этот проект предусматривал отказ сторон от применения вооруженной силы и проведение консультаций в случае возникновения споров. Действие договора должно было продолжаться вплоть до создания системы коллективной безопасности. Однако западные делегации отклонили его.

21 июля главы правительств приступили к обсуждению вопроса о разоружении. В общих чертах позиции сторон были изложены еще во вступительных речах при открытии совещания. Советская делегация, в частности, сообщила, что СССР демобилизует свои военные контингенты, выводимые в соответствии с Государственным договором из Австрии, и призвала правительства других участников Женевского совещания последовать этому примеру. Одновременно советская сторона заявила, что СССР готов договориться об установлении согласованных уровней вооруженных сил пяти великих держав, взяв за основу цифры, предложенные Соединенными Штатами, Англией и Францией. 21 июля советская делегация изложила некоторые дополнительные соображения. В частности, было предложено рекомендовать Организации Объединенных Наций принять специальную резолюцию против «холодной войны». Советская делегация считала также полезным зафиксировать уже на Женевском совещании согласие относительно уровней вооруженных сил великих держав и сделать совместное заявление о том, что ни одна из них не применит первой атомное или водородное оружие. Одновременно на рассмотрение глав правительств был внесен советский проект «Решения совещания глав правительств четырех держав по вопросам сокращения вооружений и запрещения атомного оружия».

¹ «New York Herald Tribune», 21. VII. 1955.

Президент США, уже во вступительной речи заявивший, что к решению проблемы разоружения лучше всего подходить посредством поисков подходящих путей «наблюдения и инспекции военных установок», внес предложение, которое, по его словам, должно было «коренным образом» изменить ситуацию в деле разоружения. Это предложение, получившее впоследствии в западной печати название плана «открытого неба», предусматривало передачу сторонами друг другу полных сведений о дислокации военных сил и взаимное беспрепятственное проведение аэрофотосъемок. Представителям четырех держав в подкомитете Комиссии ООН по разоружению предлагалось дать инструкции о «предоставлении приоритета» системе инспекции и оглашения.

Сразу после опубликования этого предложения в американской печати началась широкая кампания по его рекламе. План «открытого неба» изображался как «необычайно смелый» и «конструктивный» шаг, как «величайший вклад в дело мира» и т. д. Однако уже в разгар кампании представители военных кругов США откровенно заявляли, что они полностью поддерживают эту идею, так как в результате ее осуществления «США узнали бы больше, чем Россия». Бывший президент США Г. Гувер назвал план «открытого неба» ловким ходом.

Как стало известно впоследствии, этот план был подготовлен и разработан в Пентагоне и с самого начала рассматривался там с точки зрения его приемлемости для целей военной разведки.

Иден и Фор поддержали американское предложение об организации взаимной аэрофотосъемки. В то же время английский премьер приветствовал новые советские предложения по разоружению и напомнил о своей идее создания зоны инспекции на линии раздела между Западом и Востоком, о которой он говорил уже во вступительной речи. В свою очередь премьер-министр Франции указал на целесообразность бюджетного контроля за разоружением и сообщил, что французская делегация намерена представить специальный меморандум об ограничении вооружений.

Обсуждение последнего пункта повестки дня — вопроса о контактах — заняло сравнительно немного времени, поскольку расхождения по этому вопросу оказались наименее острыми. Обе стороны выступали за развитие контактов, хотя в основе их позиции лежали противоположные мотивы. Советский Союз рассматривал развитие контактов как эффективное средство усиления взаимопонимания, ликвидации недоверия, возникшего в результате «холодной войны», как метод упрочения мирного сосуществования государств с различным социально-экономическим строем. Западные державы, и прежде всего США, рассчитывали использовать расширение контактов для активизации «психологической войны» против стран социализма. Это видно, в частности, из анализа выступления Эйзенхауэра, который всячески обходил наиболее существенную сторону вопроса — необходимость ликвидации искусственных барьеров в международной торговле, возведенных в период «холодной войны» Соединенными Штатами, и делал основной упор на ликвидацию препятствий «в области информации».

В то же время некоторые конкретные предложения, выдвинутые западными делегациями, были приемлемы и в какой-то мере созвучны предложениям советской стороны. К ним, например, можно отнести предложения Фора, предусматривавшие меры по облегчению передвижения из одной страны в другую, создание специальной организации по культурному обмену, расширение торгового обмена и т. д.

Твердая позиция, занятая советской делегацией во время обсуждения всех вопросов повестки дня, окончательно убедила глав правительств США, Англии и Франции в том, что расчеты на внешнеполитическую капитуляцию Советского Союза, на возможность вынудить его к односторонним уступкам провалились. Стало очевидным, как признавал в своих мемуарах Иден, что СССР не намерен идти на односторонние уступки по

принципиальным вопросам. В связи с этим перед делегациями западных держав возникла дилемма: либо признать несостоятельность своей политики и обречь Женевское совещание на неудачу, либо в чем-то пойти на компромисс.

В сложившейся обстановке первый путь для западных держав оказался практически закрытым. Они были вынуждены считаться и с общим соотношением сил на международной арене, и с настроениями общественности, настойчиво требовавшей разрядки международной напряженности.

Все это перетянуло чашу весов в пользу второго пути. Утром 23 июля Эйзенхауэр, Иден и Фор провели сепаратное совещание по выработке «новой стратегии». Сознывая, что СССР на односторонние уступки не пойдет, представители империалистических держав на совещании признали необходимым пойти на компромисс. Это способствовало созданию на Женевском совещании более благоприятной обстановки. В результате к концу дневного заседания главами правительств были единодушно одобрены совместные директивы четырем министрам иностранных дел.

В пункте директив, касавшемся первого и второго вопросов повестки дня, наряду с констатацией связи между проблемой безопасности и германским вопросом предусматривались меры в целях решения той и другой проблемы. Была достигнута договоренность о возобновлении работы подкомитета Комиссии ООН по разоружению с 29 августа 1955 г. Подкомитету было предложено учесть в своей работе мнения и предложения, высказанные на Женевском совещании.

Министрам иностранных дел, очередное совещание которых было назначено на октябрь, предлагалось рассмотреть возможность новой инициативы в вопросе о разоружении, а также изучить меры по ликвидации барьеров в торговле и общении между народами и по развитию свободных связей и взаимовыгодных контактов.

23 июля после заключительных выступлений глав четырех делегаций Женевское совещание было закрыто.

3. Прямые контакты государственных деятелей — эффективное средство политики мирного сосуществования

Мировая общественность дала положительную оценку Женевскому совещанию и его итогам. Хотя совещание и не приняло никаких конкретных решений по основным международным проблемам, оно было воспринято как чрезвычайно важное событие в послевоенных международных отношениях.

Результаты совещания благоприятно сказались на обстановке в мире. Опасность мировой войны уменьшилась. Были созданы условия для ликвидации дипломатического тупика,

исключавшего возможность сколько-нибудь конструктивных переговоров между великими державами.

Совещание, по сути дела, знаменовало крах политики «слерживания» и «отбрасывания» коммунизма, которую проводили после второй мировой войны американский империализм и его союзники. Как сам факт созыва совещания, так и его итоги давали все основания сделать следующий непреложный вывод: империалистические державы не могут уже всерьез рассчитывать на то, что при сложившемся соотношении сил им удастся навязать свою волю социалистическим государствам, и вынуждены идти на переговоры с ними.

К такому выводу пришли и наиболее дальновидные буржуазные обозреватели. Так, У. Липпман, давая оценку Женевскому совещанию, отмечал, что оно отразило «очень большое изменение», происшедшее в отношениях между Советским Союзом и странами Запада. Это изменение состоит в осознании того, что «при современном оружии и существующем соотношении сил... не может быть никакого другого пути, кроме мира». Женевское совещание Липпман расценивал как признание военного равновесия, которое «имеет и будет иметь далеко идущие последствия»¹.

Совещание доказало реальную возможность делового обсуждения спорных международных вопросов и использования переговоров в качестве эффективного средства преодоления разногласий. Тем самым был развенчан выдуманный буржуазными идеологами миф о «несговорчивости» Советского Союза и «невозможности» вести с ним плодотворные переговоры. Более того, позиция СССР завоевала во всем мире глубокие симпатии и поддержку. «В дни Женевского совещания, — рассказывал, возвращаясь из Женевы, на митинге в Берлине Н. С. Хрущев, — Советская делегация получила тысячи посланий, ее посетили многочисленные делегации...»².

Значение Женевского совещания состоит также в том, что оно подтвердило огромную эффективность политики контактов на высшем уровне. Оно перечеркнуло, в частности, «доводы» догматиков, оказывавших упорное сопротивление ленинской политике мирного сосуществования, проводимой Центральным Комитетом КПСС. Возглавивший борьбу за неуклонное проведение этой политики Н. С. Хрущев принял самое активное участие в Женевском совещании и сыграл решающую роль в успешном завершении его работы.

Успех Женевского совещания создал благоприятные условия для мобилизации масс на дальнейшую, более активную борьбу за ликвидацию международной напряженности, способствовал преодолению обстановки антикоммунистического и шо-

¹ «New York Herald Tribune», 30. VIII. 1955.

² «Правда», 27 июля 1955 г.

винистического угара, насаждавшегося в западных странах реакционными кругами.

Для обозначения благоприятного воздействия Женевского совещания на международную обстановку появился даже специальный термин: «дух Женевы». В первые дни и недели после совещания «дух Женевы» господствовал на страницах печати и в дипломатии. Однако очень скоро на него повели решительное наступление крайне реакционные империалистические силы. Они и прежде выступали против Женевского совещания, а теперь поставили своей целью вернуть мир к положению, существовавшему до начала разрядки международной напряженности.

Результаты Женевского совещания вызвали в реакционных кругах глубокое раздражение и серьезные опасения. Ведь «дух Женевы» нес с собой замедление гонки вооружений, а значит, и сокращение военных заказов, он мог подорвать основу агрессивных военных союзов и позиций империалистического блока в колониальных и уже освободившихся слаборазвитых странах. Используя все свое влияние, воротилы монополистического капитала оказывали сильное давление — сначала скрытое, а затем, отбросив всякую маскировку, — на глав правительств западных держав.

Уже 24 августа, т. е. всего через месяц после окончания совещания в Женеве, президент Эйзенхауэр счел возможным вылить на голову американской общественности, оказавшей в своем большинстве горячую поддержку «духу Женевы», ушат холодной воды. Говоря в своей речи о «необходимых условиях подлинного мира», он вновь выдвинул требования, от которых США отказались еще в ходе Женевского совещания. В частности, президент потребовал ни больше ни меньше как реставрации капитализма в социалистических странах Восточной Европы и роспуска коммунистических партий во всем мире. По сути дела, этой речью он возвестил о возвращении к дискредитированной и отжившей свой век даллесовской политике «освобождения».

На следующий день, 25 августа, корреспондент «Нью-Йорк таймс» Рестон, комментируя речь президента, сообщил, что «правительство Эйзенхауэра приняло политическое решение затормозить оптимизм, созданный в прошлом месяце совещанием большой четверки в Женеве»¹. О принятии такого решения свидетельствовали и речи, произнесенные вскоре государственным секретарем США Даллесом и вице-президентом США Никсоном. Оба они пошли еще дальше своего шефа, выдвигая новые ультимативные требования к Советскому Союзу. Подобное же изменение тона произошло в Англии, Франции, и особенно в ФРГ, где «дух Женевы» с самого начала был встречен «в штыки» влиятельными реакционными кругами. Попятные шаги руководителей западных держав в сторону, противоположную «духу Женевы», предопределили и исход конференции министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции, проходившей в Женеве 27 октября — 16 ноября 1955 г. По всем вопросам повестки дня, определенной еще Женевским совещанием на высшем уровне (германский вопрос и европейская безопасность, разоружение и контакты между Западом и Востоком), представители западных держав заняли позиции, не имевшие ничего общего с компромиссом, достигнутым главами правительств. Это, естественно, исключило всякую возможность конкретных соглашений.

¹ «The New York Times», 25. VIII. 1955.

Однако никакие потуги агрессивных сил империализма уже не могли вернуть мир к положению, существовавшему до Женевского совещания. Сам факт созыва совещания глав четырех великих держав означал признание империализмом того, что в мире усиливаются процессы, с которыми он уже не может не считаться. Несмотря на все последующие колебания внешнеполитической конъюнктуры, Женевское совещание осталось в истории послевоенных международных отношений важной вехой, ознаменовавшей очевидное изменение в соотношении сил между мировой социалистической системой и империалистическим лагерем в пользу социализма. Женевское совещание символизировало неизбежность перехода в отношениях между двумя системами от языка угроз, который так широко применялся империалистическими странами, к языку дипломатии. Оно продемонстрировало единственно возможную форму практической реализации мирного сосуществования — достижение взаимоприемлемого компромисса, создало своего рода предпосылки для будущих контактов и переговоров на высшем уровне.

Женевское совещание явилось несомненным успехом советской внешней политики, оно наглядно продемонстрировало растущую роль СССР в мире. Женевское совещание, на котором Советский Союз выступил как последовательный сторонник разрешения спорных международных вопросов мирным путем, способствовало росту его авторитета в глазах народов.

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ

МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ИДЕОЛОГАМИ
ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ БУРЖУАЗИИ

В эпоху перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе определяющее воздействие на сущность и характер международных отношений оказывают сосуществование, соревнование и борьба двух противоположных общественно-экономических систем. В этой борьбе сталкиваются внутренние закономерности, присущие капитализму и социализму; по мере изменения соотношения сил в пользу социализма все большее распространение получают международные отношения нового типа, ленинский принцип мирного сосуществования государств различных систем.

Сосуществование капиталистических и социалистических государств, как и всякая классовая борьба, может воплощаться в различные формы, носить мирный и немирный характер. Страны социализма, все миролюбивые силы глубоко заинтересованы в мирном сосуществовании государств с различным социальным строем, в устранении войн из жизни общества. Коммунисты исходят из того, что именно на путях мирного сосуществования и экономического соревнования народы получают наиболее благоприятные возможности определить, какой строй создаст самую высокую производительность труда, какой строй способен удовлетворить потребности трудящихся. Мирное сосуществование предполагает расширение экономического, культурного, научного сотрудничества между народами различных стран, предполагает совместные действия социалистических и капиталистических государств, направленные на предотвращение новой войны, на мирное решение спорных международных проблем.

Но сосуществование и соревнование государств различных систем ни в коей мере не означает ослабления идеологической борьбы. На международной арене ведется упорная, ожесточенная борьба самого передового и гуманного мировоззрения современности — коммунистического против буржуазной идеологии, выступающей с членоконенавистнических позиций анти-

коммунизма, который стал главным идейно-политическим оружием империализма.

Между буржуазной и коммунистической идеологиями не может быть мирного сосуществования. «...Нельзя смешивать взаимные уступки в интересах мирного сосуществования государств с уступками в принципах, в том, что касается самой природы нашего социалистического строя, нашей идеологии, — говорит Н. С. Хрущев. — Здесь ни о каких уступках и каком-либо приспособлении не может быть и речи. Если будут уступки в принципах, в вопросах идеологии, то это будет означать сползание на позиции наших противников. Это будет означать качественное изменение политики, будет предательством дела рабочего класса. Тот, кто станет на такой путь, тот станет на путь измены делу социализма, и, конечно, по нему должен быть открыт огонь беспощадной критики»¹.

Охваченный страхом перед необратимым ходом истории, империализм ожесточенно сопротивляется. Это нашло свое отражение в рассматриваемый период в развязывании агрессивных вооруженных действий в Корее и Индокитае, в возрождении западногерманского и японского империализма, в раздувании гонки вооружений. Потерпев провал в попытках военной силой остановить процесс социального и национального освобождения народов, правящие круги империалистических держав, не прекращая подготовки новой войны, стремятся усилить свое идеологическое противодействие триумфу нового общественного строя и его идей, все шире используя методы «психологической войны» против социализма².

Империалистическая идеология и пропаганда первой половины 50-х годов характеризуется резким усилением антикоммунистической истерии. Именно в этот период родились наиболее агрессивные антикоммунистические доктрины — как политические, так и военно-стратегические. Отрицание закономерного характера мирового революционного и освободительного процесса, преуменьшение сил и возможностей социализма, обоснование агрессивной внешней политики империалистических стран — таково кредо идеологов капитализма.

Возведение империализмом на уровень официальной государственной политики агрессивной доктрины «освобождения» привело к тому, что апологетика войны и милитаризма в буржуазной литературе достигла небывалого размаха. Агрессивность воинствующего антикоммунизма выразилась в безудержном восхвалении империалистической политики «с позиции силы».

Поборники антикоммунизма в буржуазной историографии направляют свой огонь прежде всего против принципа мирного сосуществования государств с различным общественно-эконо-

¹ Н. С. Хрущев. Мир без оружия — мир без войн, т. 2, стр. 350.

² См. гл. XXVI 1-го тома настоящего издания.

мическим строем, пытаюсь, вопреки фактам, доказать его несуществование. Они искажают и грубо фальсифицируют внешнюю политику СССР, его позицию в вопросах разоружения, борьбы с колониализмом, в отношении германской проблемы и других международных вопросов, в ложном свете изображают деятельность СССР в ООН. Объективно закономерный процесс освобождения народов изображается апологетами империализма или как «происки Москвы», или как следствие «актов доброй воли» империалистических держав.

В результате укрепления мировой социалистической системы, широкого развертывания, особенно после 1953 г., миролюбивой инициативы СССР антикоммунистическая истерия и кампания запугивания общественного мнения капиталистических стран «угрозой советской агрессии» все больше обнаруживали свою несостоятельность. Империалистическая пропаганда терпела одно поражение за другим. Наиболее дальновидные политики и идеологи империалистического лагеря, реально оценивая соотношение сил на мировой арене, понимая катастрофические последствия для капитализма новой мировой войны, стали призывать к более трезвому подходу к проблемам взаимоотношений между странами капитализма и странами социализма, к мирному разрешению международных конфликтов.

К концу рассматриваемого в настоящем томе периода появляются первые признаки процесса «мучительной переоценки» ряда концепций и методов империалистической внешнеполитической пропаганды, характерного для второй половины 50-х годов, усиливаются поиски новых «аргументов» против коммунизма, новых способов и путей распространения буржуазной идеологии. Но эти поиски не могли и не могут привести к укреплению идеологических позиций империализма. Они лишь подчеркивают тот очевидный факт, что буржуазная идеология все больше дискредитирует себя в глазах народных масс, что она оказалась не в состоянии остановить рост влияния коммунизма, помешать распространению на международной арене идей и принципов социалистической внешней политики. Идеологическое бессилие буржуазии является одним из проявлений общего кризиса капитализма.

Г Л А В А XXX

ИЗВРАЩЕНИЕ АПОЛОГЕТАМИ ИМПЕРИАЛИЗМА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР И ДРУГИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ

Фронт борьбы между коммунистической и буржуазной идеологией охватывает самые различные сферы общественной жизни, в том числе внешнюю политику и науку о международных отношениях.

Стремясь идейно обосновать внешнюю политику империализма, его апологеты беззастенчиво фальсифицируют исторические события, пытаются всячески опорочить миролюбивую внешнюю политику социалистических государств, возложить на них ответственность за безудержную и крайне обременительную для народов гонку вооружений, за напряженность международной обстановки. Вместе с тем они хотят оправдать и приукрасить внешнюю политику империалистических государств, замаскировать ее реакционную и агрессивную сущность. С позиций антикоммунизма буржуазные историки и социологи объясняют все основные процессы послевоенной международной жизни.

1. Антикоммунизм — орудие реакционной идеологии и политики империализма

Наиболее реакционные и агрессивные силы современного империализма сделали своей главной целью борьбу с коммунизмом. Под черным знаменем антикоммунизма объединились финансовая олигархия и военщина, фашисты и реакционные клерикалы, колонизаторы и помещики, идейные и политические пособники империалистической реакции — все враги социального прогресса.

Преобразование антикоммунизма в главное идейно-политическое оружие современного империализма определяется положением капитализма в послевоенном мире, дальнейшим углублением его общего кризиса. Капитализм стремится любыми средствами отсрочить свою неизбежную гибель. В экономической области он обращается к государственно-монополистическим формам, в политической и идеологической областях — к воинствующему антикоммунизму, к реакции по всему фронту.

Капитализм не в состоянии выдвинуть идеологическую программу, которая могла бы увлечь массы и противостоять распространению преобразующих мир идей коммунизма. Это вынуждены признать и буржуазные идеологи. В книге «Америка нуждается в идеологии» констатируется, что «человек, обладающий идеологией, привлекает на свою сторону человека без идеологии. В этом секрет силы коммунизма в современном мире. Человек без идеологии никогда не сможет привлечь на свою сторону того, кто обладает ею»¹.

С помощью антикоммунизма империализм проводит свою реакционную и агрессивную политику, усиливает борьбу против всех демократических и прогрессивных сил. Империалистические круги используют это оружие как для осуществления своих внутренних задач, так и для идеологических диверсий за пределами своих стран. Они клеветают на социалистические страны,

¹ P. Campbell and P. Howard. *America Needs an Ideology*. London, 1957, p. 80.

извращают политику и цели коммунистических партий для того, чтобы под фальшивыми лозунгами антикоммунизма преследовать и травить все передовое и революционное внутри своей страны, чтобы расколоть ряды трудящихся, парализовать их волю к борьбе с капитализмом, чтобы обеспечить проведение в жизнь реакционной внутренней и внешней политики. Антикоммунизм направлен не только против социализма, но и против национально-освободительного движения и любого общедемократического движения.

Особенно широкий размах антикоммунистическая истерия приняла в Соединенных Штатах Америки, правящие круги которых положили антикоммунизм в основу своей внешней и внутренней политики. Под предлогом борьбы против «угрозы коммунистической агрессии» США сколачивали военные блоки, окружали военными базами социалистические государства, пускали в ход оружие против национально-освободительного движения народов. Под тем же предлогом Соединенные Штаты развязывали и поощряли агрессивные войны. Вымыслами об угрозе «коммунистической агрессии» они прикрывали интервенцию в Корею, захват китайского острова Тайвань, помощь французским интервентам в Индокитае, вмешательство во внутренние дела государств Азии, Африки и Латинской Америки.

Под ширмой «борьбы против коммунизма» агрессивные империалистические круги США стремятся подчинить своему господству все большее число стран, ограничить национальный суверенитет развитых капиталистических стран, хотят в новой форме надеть колониальное ярмо на освободившиеся народы и ведут систематическую враждебную подрывную деятельность против стран социализма.

Успехи социализма заставляют проповедников антикоммунизма менять свою тактику, приспособлять ее к новой исторической обстановке, к условиям отдельных капиталистических стран.

В годы становления мировой системы социализма антикоммунистическая пропаганда использовала в своих целях то наносное, отрицательное, что было порождено культом личности Сталина, а также временные затруднения в странах народной демократии, обусловленные рядом объективных причин.

Идеологи антикоммунизма в максимальной степени стараются использовать те или иные ошибки и недостатки в деятельности отдельных марксистско-ленинских партий для того, чтобы опорочить идеи коммунизма, подорвать доверие масс к коммунистическим партиям и их политике. В этом отношении большую услугу пропагандистам антикоммунизма объективно оказывает ревизионизм, который международная реакция часто использует в качестве своего оружия.

С другой стороны, сектантство и догматизм также используются идеологами империализма. Спекулируя на ошибках сектантов и догматиков, враги коммунизма стараются посеять в народных массах сомнение в приверженности коммунистов делу мира, в миролюбии социалистических стран, в перспективах борьбы за сохранение и упрочение мира.

Антикоммунизм, ставший официальной политикой империалистических государств, служит фундаментом реакционной буржуазной историографии, которая всячески оправдывает агрессивную политику империализма. Воинствующий антикоммунизм породил мутный поток клеветнической литературы, призванной очернить или фальсифицировать внешнюю политику СССР и других социалистических стран.

Конечно, не все буржуазные историки, социологи и представители других общественных наук стоят на позициях антикоммунизма. Среди них немало и реально мыслящих людей, которые, хотя и не придерживаются марксистско-ленинского мировоззрения, трезво оценивают соотношение сил на мировой арене, считают возможным и необходимым мирное сосуществование, стоят за мирное разрешение всех спорных вопросов, трезво относятся к политике Советского Союза и других социалистических стран.

Однако господствующим в современной буржуазной литературе по проблемам послевоенных международных отношений является явно реакционное направление, представители которого, руководствуясь классовыми интересами монополистов, извращают подлинный смысл важнейших международных событий. Буржуазные историки без зазрения совести фальсифицируют послевоенные международные отношения. Именно таким образом, говоря словами В. И. Ленина, «вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится «субъективная» стряпня для оправдания, может быть, грязного дела»¹.

Все большее сползание на путь фальсификации, использование антинаучных методов в исследовательской работе и подчинение ее целям антикоммунизма — наглядное свидетельство глубокого идейного тупика, в который зашли буржуазные историки и международники.

Ярким показателем идейного краха буржуазных политиков и ученых является отсутствие у них какой-либо позитивной идеологической программы. В области современных международных отношений, как и во всех других областях общественной жизни, буржуазии становится все труднее и труднее оказывать влияние на народные массы.

2. Основные направления «критики» советской внешней политики

Реакционные буржуазные идеологи пытаются представить в ложном виде политику СССР. Они стремятся извратить подлинный смысл советской политики мирного сосуществования —

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 5, т. 30, стр. 351.

«доказать» ее неосуществимость или выдать за «тактический маневр Кремля». Они ни перед чем не останавливаются, чтобы взвалить на Советский Союз ответственность за возникновение острых международных конфликтов и за обострение напряженности в начале 50-х годов. Вместе с тем они оправдывают агрессивные действия империалистических держав.

Буржуазная историография, увязая все глубже и глубже в болоте антикоммунизма, даже организационно становится связанной с пропагандистским аппаратом империалистических государств. Созданные после войны многие научные учреждения стали важнейшими центрами империалистической пропаганды, целью которой является подрыв возросшего влияния на мировой арене Советского Союза и других социалистических стран. В первой половине 50-х годов, например, начал бурную деятельность так называемый «Русский исследовательский центр» при Гарвардском университете. В число изучаемых им проблем входят: советская внешняя политика и идеология, советско-американские отношения и т. д.

В 1951—1954 гг. этим центром были опубликованы книги, в которых извращаются теоретические основы социалистической внешней политики¹. В эти же годы в журналах «Уорлд политикс», «Джорнэл оф модерн хистори», «Джорнэл оф сентрал юропиэн афферс» и других был опубликован ряд статей, где фальсифицируется внешняя политика СССР и стран народной демократии. Одновременно начинается подготовка большой серии книг, посвященных восточноевропейским народно-демократическим государствам².

Институты, семинары и прочие идеологические учреждения, подобные «Русскому исследовательскому центру», используют самые разнообразные «теоретические» и практическо-политические способы и средства для борьбы с марксистско-ленинской теорией и практикой.

В начале 50-х годов реакционные идеологи усилили нападки на ленинскую политику мирного сосуществования государств с различным социально-экономическим строем. Отказ правящих кругов Соединенных Штатов в послевоенное время от политики сотрудничества с СССР, переход США и других империалистических государств к агрессивному курсу в отношении Советского Союза нашли соответствующее отражение и в буржуазной литературе. Империалистические идеологи создают в это время определенную схему фальсификации внешней политики СССР, главные положения которой почти без изменений переключиваются из одной работы в другую.

Советская внешняя политика изображается в реакционной буржуазной литературе то как «агрессивная стратегия», то как «вынужденный тактический маневр». Например, в ноябрьском номере за 1961 г. журнала «Каррент хистори» известный своими фальсификаторскими упражнениями в отношении советской внешней политики профессор Пенсильванского университета А. Рубинштейн утверждает, что «до 1945 г. слабый, изолированный Советский Союз использовал политику мирного сосуществования для оборонительной

¹ «Harvard University. Russian Research Center. Ten — Year Report and Current Projects. 1948—1958». Cambridge (Mass.), 1958.

² См. «East Central Europe under the Communists. Poland». N. Y., 1957, p. V.

стратегии». А после 1945 г., по словам Рубинштейна, «из мирного сосуществования была создана наступательная стратегия»¹.

Другой американский международник, Г. Робертс, извращая историю международных отношений, в своей книге «Россия и Америка» без всяких на то оснований возлагает на СССР вину за обострение международной обстановки в начале 50-х годов. И здесь, как и во многих других работах западных авторов, мы встречаем утверждение об ответственности Советского Союза за длительное сохранение условий «холодной войны», о том, что чуть ли не все внешнеполитические акции США и западных держав являются лишь ответом на действия СССР².

Аналогичные утверждения можно также встретить, читая вышедший в 1953 г. 2-й том серии международных обзоров британского Королевского института международных отношений³. В этом томе, как и в последующих томах этого издания, извращен подлинный смысл международных отношений конца 40-х — начала 50-х годов, содержится попытка доказать, что внешняя политика СССР якобы «угрожала миру». Некоторые авторы заявляют, что создание и вся последующая деятельность Североатлантического блока были вызваны... «агрессивностью» Советского Союза, а отнюдь не военными планами западных держав.

В том же духе объясняет в своей книге «Россия двадцатого века» профессор русской истории Вашингтонского университета Д. Тридголд так называемые «оборонительные действия» США в 50-е гг., которые, как он утверждает, якобы были вызваны «усилившейся коммунистической экспансией Советов»⁴. Ему вторит А. Рубинштейн, который говорит, что создание НАТО является будто бы ответом Запада «на стремление Москвы добиться ниспровержения западных правительств»⁵. Д. Рейнхардт в опубликованной в 1955 г. книге «Американская стратегия в атомный век» заявляет, что «советская агрессия приняла сейчас очень острую форму»⁶. Следуя примеру своих американских коллег, известный английский историк А. Тойнби в вышедшей в 1953 г. книге «Мир и Запад», как и в ряде других своих работ, пишет о необходимости обороны «большинства человечества» от русской «угрозы»⁷.

Измышления об «агрессивности» Советского Союза настолько противоречат фактам, что даже некоторые буржуазные ученые вынуждены признать их совершенно беспочвенными. Достаточно сослаться на соотечественника Робертса и Тридголда, известного американского историка Д. Флеминга, который в своей большой двухтомной работе «Холодная война и ее происхождение» прямо заявляет, что эта война нужна Соединенным Штатам для того, чтобы с помощью атомной дипломатии реставрировать капиталистические порядки в Восточной Европе⁸. Что касается внешней политики США, то тот же Флеминг совершенно справедливо пишет: «С самого начала не Советы, а Запад занял наступательную позицию»⁹. Да и сам Г. Робертс в 10-й главе своей книги «Россия и Америка» отмечает, что политика США в отношении ряда стран определяется тем, что в них установлен режим, «отвергающий идеалы, отстаиваемые Соединенными Штатами»¹⁰. Иначе говоря, он признает, что внешняя политика США продиктована стремлением империалистических

¹ «Current History», XI. 1961, p. 274.

² H. Roberts. Russia and America. Dangers and Prospects. N. Y., 1956.

³ «Survey of International Affairs. 1949—1950». London, 1953.

⁴ D. W. Treadgold. Twentieth Century Russia. Chicago, 1959, p. 403—444.

⁵ A. Rubinstein. The Foreign Policy of the Soviet Union. N. Y., 1960, p. 246.

⁶ G. C. Reinhardt. American Strategy in the Atomic Age. University of Oklahoma Press, 1955, p. 5.

⁷ A. Toynbee. The World and the West. London, 1953, p. 14.

⁸ D. F. Fleming. The Cold War and its Origins, vol. 1. London, 1961, p. 531.

⁹ Ibid., p. 31.

¹⁰ H. Roberts. Russia and America, p. 196.

кругов преградить любыми средствами, включая вмешательство во внутренние дела других народов, дорогу новому, прогрессивному, социалистическому строю.

Исходя из своего общего тезиса об «ответственности» Советского Союза за обострение международной напряженности, буржуазные фальсификаторы позицию СССР в любом вопросе изображают в негативном плане. Это относится, в частности, к такой важной проблеме, как разоружение.

Пытаясь умалить значение предложений Советского правительства по разоружению, буржуазные идеологи голословно обвиняют СССР в «пропагандистском» характере выдвинутых им конструктивных предложений. «Нашу борьбу за разоружение, — говорил Н. С. Хрущев, — идеологи империализма изображают как какую-то тактическую уловку, заявляя, что соглашение о разоружении выгодно лишь Советскому Союзу, социалистическим странам и нанесет ущерб США и их союзникам»¹.

Западные авторы фальсифицируют весь ход борьбы Советского Союза за разоружение в послевоенный период. Так, например, в опубликованной в Вашингтоне книге Б. Бехофера «Послевоенные переговоры о контроле за вооружением» (кстати, название книги полностью отражает смысл политики западных держав по вопросу о разоружении) Соединенные Штаты предстают как главный поборник разоружения. А вот Советский Союз, если послушать Бехофера, в 1952—1954 гг. и в последующий период все время «упорно протестовал» против любых предложений². Западные авторы не останавливаются перед грубым искажением смысла советских предложений о разоружении, в частности предложения от 10 мая 1955 г. Конструктивная программа разоружения, предложенная Советским Союзом³, по мнению американского историка Ф. Шумана, «была выдвинута с целью ввести в замешательство Соединенные Штаты»⁴. Подобно Бехоферу и многим другим фальсификаторам, Ф. Шуман основной причиной, препятствующей достижению соглашения о разоружении, считает «несговорчивость» СССР.

Исвращается буржуазными идеологами и такая важная международная проблема, как борьба против колониальной системы, и роль Советского Союза в этой борьбе. Страны социализма считают своим интернациональным долгом оказание помощи народам, сбросившим иго колониализма, в деле восстановления и развития экономики. Экономическая и политическая помощь освободившимся странам — важное направление советской внешней политики. Симпатии и поддержку, которые находят у Советского Союза и других социалистических государств борющиеся за свободу и независимость народы, буржуазные фальсификаторы стараются представить как вмешательство в дела этих народов, как посягательство на их суверенитет, как отход от политики мирного сосуществования. Все это делается для того, чтобы оправдать действительное вмешательство империалистических кругов в дела стран, вступивших на путь самостоятельного национального развития.

С подобными вымыслами встречаемся мы и в книге Д. Рейнхардта. «Мятеж Вьетнама против французов», — пишет автор, — был спровоцирован подготовленными в Москве революционерами»⁵.

¹ Н. С. Хрущев. За мир, труд, свободу, равенство, братство и счастье! Речь на собрании избирателей Калининского избирательного округа города Москвы 16 марта 1962 года. М., 1962, стр. 27.

² B. G. Bechhoefer. Postwar Negotiations for Arms Control. Washington, 1961, p. 159—238.

³ См. гл. IV.

⁴ «Current History», XI. 1961, p. 270.

⁵ G. C. Reinhardt. American Strategy in the Atomic Age, p. 39.

Известный фальсификатор внешней политики СССР Д. Даллин утверждает, что экономическая помощь слабо развитым странам, например Египту, предоставлялась и предоставляется Советским Союзом якобы только с целью втянуть эти страны в свою орбиту¹.

В то же время буржуазные авторы изображают империалистов благодетелями народов этих стран. Американский журналист Г. Эллис в книге «Вызов на Среднем Востоке. Коммунистическое влияние и американская политика» заявляет, например, что «национальные интересы арабов, евреев Израиля и других народов Среднего Востока совпадают с интересами Соединенных Штатов (!), в то время как национальные интересы советского блока и государств Среднего Востока отнюдь не одинаковы»².

Стремясь посеять у народов экономически слабо развитых стран недоверие к Советскому Союзу, апологеты внешней политики западных держав вновь и вновь повторяют старую ложь, что якобы «русская политика» в отношении этих стран не изменилась «со времен царизма»³. Профессор русской истории Лондонского университета Хью Сетон-Уотсон, в частности, заявляет, что нынешняя советская политика является якобы продолжением колониальной политики царизма⁴. Аналогичные утверждения содержатся в материалах специальной конференции по вопросам политической войны против социалистических стран, состоявшейся в Париже⁵.

В буржуазной литературе предпринимаются попытки запугать народы всех несоциалистических стран мнимой угрозой «советской экспансии». С этой целью первопричиной возникновения международных конфликтов всегда представляют «присилки Москвы». Так, например, освещая причины возникновения в 1950 г. войны в Корее, буржуазные, в первую очередь американские, авторы всячески стараются выгородить Соединенные Штаты, сваливая вину за возникновение этого военного очага на Дальнем Востоке на СССР и обвиняя его в «подстрекательстве»⁶.

Вопреки исторической правде, наперекор фактам, свидетельствующим об увенчавшейся успехом длительной борьбе Советского Союза и всех миролюбивых сил за прекращение корейской войны, защитники американской политики твердят, что перемирие было достигнуто благодаря усилиям американских политических деятелей.

Извращается в буржуазной литературе и роль Советского Союза в прекращении войны в Индокитае. По мнению некоторых авторов, не борьба миролюбивых сил, не твердая и последовательная политика СССР и других социалистических стран, а лишь «добрая воля» американского президента Эйзенхауэра обеспечила мир в Индокитае. Этих авторов ничуть не смущает

¹ D. Dallin. Soviet Foreign Policy after Stalin. N. Y., 1961, p. 398—405.

² H. B. Ellis. Challenge in the Middle East. Communist Influence and American Policy. N. Y., 1960, p. V—VI.

³ C. L. Sulzberger. What's Wrong with US Foreign Policy. N. Y., 1959, p. 154.

⁴ H. Seton-Watson. The New Imperialism. London, 1961, p. 71.

⁵ «Vie ou mort du monde libre». Paris, 1961.

⁶ D. W. Treadgold. Twentieth Century Russia, p. 436; M. Clark. From the Danube to the Jalu. N. Y., 1954, p. 85.

то, что на самом деле Соединенные Штаты добивались расширения и «интернационализации» войны в этом районе. Любое смягчение международной обстановки западные авторы объясняют позицией Соединенных Штатов и наоборот — любое международное обострение приписывают «козням» Советского Союза.

Известно, что именно благодаря усилиям СССР в июле 1955 г. было созвано совещание глав правительств четырех держав, которое сыграло в то время важную роль в ослаблении международной напряженности. Буржуазные авторы либо отрицают значение этого события, либо стараются извратить позицию Советского Союза. Так, например, американский историк Д. Тридголд в упоминавшейся уже книге «Россия двадцатого века» заявляет, что Женевское совещание будто бы было использовано Советским Союзом только как «важный пропагандистский выигрыш»¹.

В искаженном виде показан в западной литературе ход последовавшего за женевской встречей глав правительств совещания министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции. Так, в опубликованном в 1956 г. английским министерством иностранных дел сборнике читатель не найдет многих советских предложений, внесенных в октябре — ноябре 1955 г. В него не вошли предложения СССР о заключении договора о ненападении между странами — участниками Варшавского договора и странами — членами НАТО, некоторые предложения по германскому вопросу и ряд других важных документов².

С подобным явно тенденциозным подбором документов, который является своеобразной формой фальсификации, можно довольно часто встретиться в западных публикациях.

Идеологи империалистической внешней политики в ложном свете показывают позицию СССР и в отношении германской проблемы. С начала 50-х годов, когда стала осуществляться политика ремилитаризации Западной Германии³, в буржуазной литературе предпринимаются настойчивые попытки свалить вину за раскол Германии на Советский Союз и тем самым оправдать политику США, Англии и Франции, являющихся действительными виновниками раскола. При этом разрабатываются различные планы поглощения боннским государством Германской Демократической Республики. Многие западногерманские авторы (например, те, статьи которых вошли в опубликованный в 1953 г. в Мюнхене сборник «Немецкий Восток и Запад») говорят о невозможности решения германской проблемы из-за политики Советского Союза⁴.

Эта точка зрения боннских международных полностью поддерживается во многих работах, выходящих во Франции. Например, в книге реакционного политического деятеля Ж. Бонне⁵, занимавшего в довоенной Франции пост министра иностранных дел, повторяется весь набор «аргументов» западногерманских реваншистов в отношении внешней политики Советского Союза вообще и его позиции по германскому вопросу в частности.

¹ D. W. Treadgold. Twentieth Century Russia, p. 476.

² «Documents Relating to the Meeting of Foreign Ministers of France, the United Kingdom, the Soviet Union and the United States of America». Geneva, 27. X. — 16. XI. 1955. London, 1956.

³ См. гл. XXIII.

⁴ H. Aubin (Hrsg.). Der deutsche Osten und das Abendland. München, 1953.

⁵ G. Bonnet. Le Quai d'Orsay sous trois républiques. 1870—1961. Paris, 1961.

В реакционной буржуазной литературе извращенно показана также деятельность Советского Союза в Организации Объединенных Наций. В книге «Десять лет ООН», опубликованной в Нью-Йорке в 1955 г., ее автор — директор американского Комитета содействия ООН К. Эйкельбергер изображает деятельность советских представителей в Организации Объединенных Наций как сплошную цепь противодействия любым мероприятиям ООН. По его мнению, действия СССР привели к «параличу Совета Безопасности»¹. С подобной фальсификацией встречаемся мы и в книге А. Даллина «Советский Союз в ООН»² и в «Обзорах международных отношений», выходящих в Лондоне.

Враги мира и социализма, пытаясь опорочить внешнюю политику СССР, вытаскивают старые, уже не раз разоблаченные заявления об «экспорте революции» из Москвы. Они не только извращают общеизвестные факты, но и пускают в ход явные фальшивки о политике СССР. Например, К. Коулгроув, автор «теоретического» труда «Демократия против коммунизма», пытается запугать американского читателя тем, что в Советском Союзе был якобы разработан план создания из ряда южных штатов США «негритянской советской республики» (!)³. Этот мифический план с серьезным видом преподносится в книге, написанной по специальному заказу и предназначенной для студентов американских учебных заведений. Однако при сопоставлении с фактами миролюбивой внешней политики Советского Союза все эти клеветнические домыслы рассыпаются в прах.

3. Фальсификация сущности международных отношений нового типа

Начало 50-х годов нашего столетия ознаменовалось утверждением и укреплением мировой социалистической системы, формированием нового типа международных отношений, основанных на принципах социалистического интернационализма⁴.

Пытаясь противодействовать идеологическими средствами закономерному историческому процессу, реакционные буржуазные авторы прилагают огромные усилия, чтобы с помощью различных «доктрин» оправдать агрессивную политику империалистических держав в отношении социалистических стран Европы и Азии. Если применительно к 1945—1949 гг. — периоду революционных преобразований в странах народной демократии и возникновения социалистической системы — главной задачей буржуазной историографии являлось теоретически обосновать «незакономерность» народно-демократических революций в ряде стран Европы и Азии и необходимость «сдерживания» коммунизма, то в следующее пятилетие предпринимаются попытки «доказать» во что бы то ни стало осуществимость и необходимость империалистической политики «отбрасывания» коммунизма, «освобождения» социалистических стран.

Характерной чертой антикоммунистической пропаганды, развернувшейся в середине 50-х годов, было усиленное внимание к теоретическим проблемам внешней политики стран социализма. Буржуазные идеологи извращают важ-

¹ C. M. Eichelberger. U. N. The First Ten Years. N. Y., 1955, p. 14.

² A. Dallin. The Soviet Union at the United Nations. N. Y., 1962.

³ K. Colegrove. Democracy versus Communism. Princeton, 1957, p. 352, 369.

⁴ См. гл. II.

нейшие положения В. И. Ленина по вопросам социалистической внешней политики¹. При этом фальсификаторы не блещут оригинальностью. Взятые ими однажды на вооружение «тезисы» повторяются с небольшими изменениями из года в год. Так, например, еще в 1951—1952 гг. многие западные авторы утверждали, что принцип пролетарского интернационализма якобы не является основой взаимоотношений социалистических стран. Спустя десять лет то же самое утверждение (и, конечно, с «аргументацией», согласно которой внешняя политика социалистических стран «контролируется Москвой») мы встречаем у западногерманского юриста Г. Ноллау. В своей книге «Международный коммунизм и мировая революция», вышедшей на английском языке в Лондоне, Ноллау объявляет принцип пролетарского интернационализма «идеологическим прикрытием» господства СССР, орудием его внешней политики².

С аналогичными заявлениями выступает и другой западногерманский автор, директор Федерального института по «изучению» марксизма-ленинизма Б. Мейсснер. Повторяя избитые домыслы о советской внешней политике, Мейсснер утверждает, что «за формулой пролетарского интернационализма скрывается русский великодержавный шовинизм»³.

Подобные утверждения свидетельствуют о том, что буржуазные идеологи намеренно извращают сущность взаимоотношений стран социалистического содружества, сущность нового типа международных отношений. Они распространяют привычные для них представления о формах и методах отношений между капиталистическими странами на в корне отличные от них взаимоотношения между социалистическими странами.

Стремясь во что бы то ни стало «доказать» невозможность дальнейшего укрепления мировой социалистической системы, реакционные историки изобретают самые нелепые «аргументы». «Невозможность» единства и сотрудничества социалистических стран «доказывается» ими, например, так: Румыния, Венгрия, Чехословакия и другие европейские социалистические страны, оканчиваясь, не принадлежат к той «культурной зоне», к которой относится СССР, и поэтому они должны быть возвращены в «великую культурную зону Европы».

Таковыми «аргументами» пользуются, например, авторы сборника статей, опубликованного Гиссенским университетом. Исходя из «теории интеграции», представители «Остфоршунга»⁴ заявляют, что страны Восточной Европы являются составной частью «европейского культурного круга»⁵. По сути дела эти утверждения являются не чем иным, как повторением в завуалированной форме старой идеи о создании под эгидой империалистических держав одной или нескольких восточноевропейских федераций, о чем мечтал, в частности, один из отпрысков династии Габсбургов Отто Габсбург⁶.

Буржуазные авторы особенно изощряются в клевете, когда пишут об экономических связях стран социализма. Они распространяют вымыслы о якобы неравноправном характере отношений СССР со странами народной демократии, в частности, извращают принципы, на которых построена деятельность Совета Экономической Взаимопомощи. Так, например, в книге «Судьба

¹ A. G. Meyer. *Marxism: the Unity of Theory and Practice*. Harvard University Press, 1954; A. G. Meyer. *Leninism*. Harvard University Press, 1957.

² G. Nollau. *International Communism and World Revolution*. London, 1961.

³ B. Meissner. *Das Parteiprogramm der KPdSU 1903 bis 1961*. Köln, 1962, S. 50.

⁴ «Ostforschung» — специальная отрасль общественных наук в Западной Германии. Предметом ее «исследований» являются СССР и другие страны социализма.

⁵ «Liegt Polen noch in Europa». Giessen, 1960.

⁶ O. Habsburg. *Entscheidung um Europa*. Innsbruck, 1953, S. 192.

Центральной и Восточной Европы»¹, вышедшей под редакцией С. Кертеса, а также в одной из его статей в журнале «Каррент истори» утверждается, что задачей СЭВ якобы является приспособление экономики стран народной демократии к народно-хозяйственным планам Советского Союза². Бурный подъем экономики и культуры стран социализма самым категорическим образом опровергает подобные утверждения.

Разоблачая клеветнические измышления фальсификаторов, глава венгерского правительства Янош Кадар очень метко заметил с трибуны XV сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций: «Как могут некоторые господа клеветать на взаимоотношения моей родины и Советского Союза, когда общеизвестно, что бурные темпы развития Венгрии, достигнутые ею за последние 15 лет, в значительной степени стали возможными благодаря всесторонней и бескорыстной социалистической помощи Советского Союза, оказанной в области экономики и культуры. В Венгрии нет иностранных капиталовложений... Для советско-венгерских торговых отношений характерно, что более 80% всех советских поставок для Венгрии составляют сырье, энергия и полуфабрикаты. В то же время более 80% экспорта Венгерской Народной Республики в Советский Союз состоит из промышленных изделий. Руководители капиталистических стран отлично разбираются в торговле и хорошо понимают характер подобных торговых отношений. Они не могут назвать ни одной капиталистической страны, которая установила бы с более слабой и менее развитой в экономическом отношении страной подобные торговые связи, столь выгодные для маленькой страны. Такой капиталистической страны нет, это противоречило бы хищнической натуре империализма»³.

Буржуазные фальсификаторы заявляют, что участие стран Восточной Европы в Совете Экономической Взаимопомощи якобы препятствует их торговле со странами Западной Европы⁴, хотя данные о внешней торговле свидетельствуют о стремлении стран социализма расширять свои внешнеторговые связи со всеми, в том числе и с капиталистическими, государствами.

Отрицая преимущества социализма, пытаясь посеять недоверие к социалистическим государствам, «доказать» невозможность какого-либо сотрудничества с ними, буржуазные авторы грубо извращают положение в социалистических странах. Принижаются, например, успехи стран народной демократии в области развития экономики и культуры. При этом буржуазные экономисты идут на подтасовку фактов, чтобы скрыть быстрые темпы роста народного хозяйства социалистических стран.

¹ «The Fate of East Central Europe. Hopes and Failures of American Foreign Policy». Notre Dame, 1956.

² «Current History», XI. 1961, p. 284.

³ «Правда», 5 октября 1960 г.

⁴ «Current History», XI. 1961, p. 285.

Много лет подряд буржуазные «пророки» твердили о развале экономики стран народной демократии. Но факты оказались настолько красноречивыми, что даже фальсификаторам пришлось отступить перед ними. Так, в докладе сенату о политике США по отношению к СССР и странам Восточной Европы его авторы (руководители исследовательской группы Гарвардского университета Шульман и Даллин, профессора Колумбийского университета Робертс и Бжезинский), известные своими трудами, в которых извращается внешняя и внутренняя политика стран социализма, вынуждены были прийти к такой констатации: «Состояние экономики Восточной Европы значительно улучшается... в рамках нынешней системы имеются значительные возможности для повышения эффективности и для разумного управления... В наш век индустриализации и потенциальных технических возможностей, если общество становится на путь индустриального развития (а страны Восточной Европы так и сделали), все условия благоприятствуют его прогрессу»¹.

Извращение реакционными идеологами политики социалистических стран свидетельствует о том, что буржуазная историография не утруждает себя изучением и анализом фактов, что наука подчинена заранее установленной антикоммунистической пропагандистской схеме. Это особенно характерно для тех работ западных историков и международныхников, которые в той или иной форме поддерживают и защищают провозглашенную в 1952 г. в Соединенных Штатах доктрину и политику «освобождения»².

Основные положения доктрины «освобождения» используются буржуазной историографией для идеологического обоснования политики, направленной на реставрацию капитализма в странах, вступивших после второй мировой войны на путь социализма.

Лозунг «освобождения» используется апологетами капитализма не только как средство раздувания «холодной войны», но и как метод, с помощью которого империалисты пытались осложнить отношения между социалистическими странами. Это последнее стало одной из главных целей всей империалистической пропаганды.

О действительной пропагандистской направленности доктрины «освобождения» писал в 1955 г. уже упоминавшийся Д. Рейнхардт в своей книге об американской стратегии. По его мнению, пропагандистская цель доктрины «освобождения», а следовательно, и проповедующей ее буржуазной историографии заключалась в том, чтобы проводить во все возрастающей степени хорошо продуманную, осторожную «психологическую обработку» народов социалистических стран³.

Империалистическая стратегия в отношении социалистических стран не ограничивалась одними пропагандистскими задачами. В книге Рейнхардта мы находим довольно откровенное признание по поводу того, что доктрину «освобождения» необходимо использовать также для разработки и обоснования чисто военных целей американского империализма, например, для оправдания концентрации войск на Среднем Востоке, откуда их можно двинуть против Советского Союза и европейских стран народной демократии⁴.

Следует отметить, что уже в середине 50-х годов некоторые буржуазные авторы иногда трезво оценивали бесперспективность агрессивных замыслов

¹ «United States Foreign Policy. USSR and Eastern Europe». Washington, 1960, p. 48.

² См. гл. XII.

³ G. C. Reinhardt. American Strategy in the Atomic Age, p. 151—158.

⁴ Ibidem.

империалистов в отношении социалистических стран. Так, например, известный идеолог американской внешней политики Дж. Кеннан в цикле лекций, прочитанных в марте 1954 г. в Принстонском университете и вошедших в опубликованную в том же году книгу «Реальности американской внешней политики», предупреждал, что война империалистических держав ради «освобождения» социалистических стран не будет «успешной в военном или политическом отношении»¹.

Идеи «освобождения» социалистических стран выдвигают и западногерманские геополитики. Они провозгласили Восточную Европу геополитическим центром Европы, владея которым, по их замыслам, можно рассчитывать на сокращение Советского Союза.

Различного рода геополитические концепции получили большое распространение в реваншистской литературе Западной Германии. В Мюнхене, Бонне, Гамбурге одна за другой выходят книги, авторы которых проповедуют идеи милитаризации Западной Германии и, конечно, «Дранг нах Остен».

О том, что все эти работы издаются с определенной практической целью, свидетельствует заявление профессора Боннского университета О. Шнейдера. В своей книге «Восточная Европа и германский Восток», опубликованной в 1953 г. в Кёльне, Шнейдер пишет, что подобные книги «дают возможность политике в отношении восточноевропейских стран найти правильные цели и пути к установлению нового порядка в Восточной Европе»².

К 1955 г. в Западной Германии было опубликовано около 700 названий книг общим тиражом в 3 млн. экземпляров, «обосновывающих» идеи реванша. Правда, не во всех этих книгах содержались открытые призывы к военным походам, как это было, например, в книге гитлеровского генерала Г. Гудериана, опубликованной в 1950 г. и обращенной «к немецким солдатам и к молодежи»³. Но почти во всех таких изданиях, подобно тому как в сборнике статей под редакцией Г. Аубина «Немецкий Восток и Запад», довольно ясно выражена одна и та же цель: при помощи любых «аргументов» доказать необходимость отторжения от Польши ее западных земель, пересмотра границы Чехословакии, ревизии послевоенных границ⁴.

Западногерманские реваншисты пользовались и пользуются всемерной поддержкой со стороны американских политических деятелей и идеологов. В предисловии к книге Г. Робертса «Россия и Америка» Д. Макклой писал: «Я ни в коей мере не хочу оправдать временное (?) решение по территориальному вопросу, принятое в Потсдаме»⁵. Книга Робертса увидела свет в 1956 г. Но если учесть, что она написана по материалам дискуссии, открывшейся еще в 1952 г., то станет очевидным, что идейная связь американских проповедников доктрины «освобождения» и западногерманских реваншистов зародилась уже в начале 50-х годов.

* *

*

Историческая действительность, идеи мирного международного сотрудничества берут верх над измышлениями буржуазных фальсификаторов. Подлинные цели внешней политики Советского Союза и других стран социализма, ее основные принципы становятся понятны всем миролюбивым народам и встречают их поддержку. Провозглашенный Лениным принцип мирного

¹ G. Kennan. Realities of American Foreign Policy. Princeton, 1954, p. 79—80.

² O. Schneider. Osteuropa und der deutsche Osten. Köln, 1953, S. 10—11.

³ H. Guderian. Kann Westeuropa verteidigt werden? Göttingen, 1950.

⁴ H. Aubin. (Hrsg.). Der deutsche Osten und das Abendland.

⁵ H. Roberts. Russia and America, p. XIX.

существования государств с различным социально-экономическим строем благодаря усилиям Советского Союза и других миролюбивых стран все глубже проникает в сознание миллионов масс, все шире входит в практику международных отношений.

Г Л А В А XXXI

АПОЛОГЕТИКА ВОЙН И АГРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ ИМПЕРИАЛИЗМА

В начале 50-х годов наряду с фальсификацией и извращением миролюбивой внешней политики социализма особенно широкие масштабы в буржуазной литературе приобрели обоснование и апологетика агрессивных, авантюристических действий империализма.

В первые послевоенные годы, когда в сердцах народов еще не утихла боль, вызванная гибелью миллионов людей, идеологам империализма нелегко было открыто провозглашать призывы к новой войне, к организации «крестового похода» против Советского Союза, спасшего мир от фашистского варварства. Идеологическое обоснование послевоенного агрессивного внешнеполитического курса западных держав во главе с США сводилось поэтому большей частью к попыткам замаскировать его под «оборонительный», «вынужденный» и т. п.

Переход правящих кругов США от политики подготовки агрессии к прямой вооруженной интервенции в Корею, раздувание грязной войны в Индокитае, курс на ремилитаризацию Западной Германии и Японии, провозглашение в качестве официальных установок авантюристических лозунгов «освобождения», «отбрасывания» коммунизма, «массированного возмездия», «балансирования на грани войны», наступление на демократические свободы, преследования прогрессивных деятелей, поход против всех «инакомыслящих» и т. п. — все это способствовало распространению в 1950—1955 гг. в лагере империализма антикоммунистической истерии и военного психоза.

Безоговорочная поддержка и апологетика официального внешнеполитического курса и правительственных доктрин были главным критерием «лояльности» американских ученых, публицистов, комментаторов. Проповедь милитаризма, агрессии и войны как основного оружия империалистической политики достигла в буржуазной литературе по международным вопросам широчайшего размаха.

Вместе с тем под влиянием изменения соотношения сил в пользу социализма, мирной инициативы СССР, серьезных провалов империалистической политики «с позиции силы», нарастающей борьбы народов за национальное и социальное освобождение, за сохранение и упрочение мира росла тенденция к

критике открыто агрессивного внешнеполитического курса империалистических держав. Наиболее дальновидные деятели империалистического лагеря начинали понимать, что осуществление воинственных доктрин опасно прежде всего для самих империалистических держав, что развязывание термоядерной войны может привести к уничтожению целых государств, к гибели самих эксплуататорских классов, что единственной альтернативой разрушительной войне является урегулирование спорных международных вопросов на путях мирного сосуществования.

Однако основным направлением буржуазной литературы по международным вопросам являлась апологетика милитаризма, насилия и агрессии. Попытки оправдания политики с «позиции силы» и злобные нападки на борьбу народов за мир, социализм и национальную независимость занимали главное место в империалистической идеологии и пропаганде начала 50-х годов.

1. Проповедь агрессии и войны в реакционной буржуазной литературе

«Империализм не знает иных отношений между государствами, кроме отношений господства и подчинения, угнетения слабого сильным, — говорится в Программе КПСС. — Международные отношения он строит на диктате и угрозах, насилии и произволе. Агрессивные войны рассматриваются им как естественное средство решения международных вопросов»¹.

Традиционное оружие эксплуататорских классов — насилие и захватнические войны с самых первых шагов истории капитализма стали постоянным, логическим и неизбежным порождением всей политики капиталистических государств в области международных отношений. Господствующие классы империалистических держав развязывали войны ради осуществления экспансии и завоеваний, для устранения своих конкурентов и соперников, с целью передела мира в соответствии с новым соотношением сил, укрепления своей власти и получения военных прибылей.

Одним из важнейших условий подготовки и развязывания империалистических войн неизменно была их идеологическая подготовка. Эксплуататорские классы и их идейные оруженосцы прилагали огромные усилия для разжигания национал-шовинизма, ненависти между народами, проповеди лозунгов «единства нации» против внешнего врага, обмана трудящихся относительно истинных причин и виновников войны.

Оправдание и обоснование войны и милитаризма как в «общетеоретическом» плане, так и в их многочисленных конкретных проявлениях всегда было одной из главных целей буржуазной социологии и историографии.

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 56.

Война изображалась не только как «неизбежное», но и как «славное» явление истории. Был создан целый культ войны и военного «героизма». Воспевались подвиги крестоносцев и корсаров, всей плеяды конквистадоров-завоевателей, начиная с XVI и кончая XX веком, «покорителей диких народов», «защитников отечества» и т. п. Прославлялись имена наиболее жестоких и кровавых полководцев и генералов, «мудрых» государственных деятелей империализма и дипломатов, строивших козни против соседних стран, ловко обманывавших своих противников и наносивших им неожиданные и сокрушительные удары.

С появлением первого в мире социалистического государства не только резко сократилась сфера капиталистической эксплуатации, но и существенно уменьшилась база для организации и развязывания агрессивных, захватнических, несправедливых войн. На мировой арене появилась новая сила, противопоставившая политике агрессии и войны курс на мирное сосуществование и равноправное сотрудничество государств.

Вместе с тем с победой Великой Октябрьской социалистической революции, а затем социалистических революций в ряде стран Европы и Азии к прежним стимулам, толкавшим капиталистические государства к развязыванию войн, прибавился еще один, наиболее сильный — попытаться силой оружия остановить ход исторического прогресса, уничтожить социализм, ставший реальной действительностью и превращающийся в решающий фактор общественного развития. Проповедь «священной войны» против СССР во имя спасения «христианской (т. е. капиталистической) цивилизации» стала новым и излюбленным мотивом защитников старого строя эксплуатации и насилия.

После второй мировой войны в ответ на укрепление и все большие успехи социализма, на бурный рост национально-освободительной борьбы народов, на мощный подъем рабочего и демократического движения империализм снова хватается за оружие. Вместо того чтобы реально оценить новую обстановку в мире, буржуазная общественная наука, находящаяся на службе у наиболее реакционных и милитаристских монополистических кругов, продолжала воспевать войну и «силу», оправдывая авантюристическую политику борьбы с помощью оружия против передовых идей и объективных исторических процессов.

Поскольку после двух мировых войн стало не только трудно, но и рискованно навязывать народам милитаризм в старом мишурном наряде «славы», центр тяжести в буржуазной пропаганде войны переместился на «доказательства» ее «неизбежности» в целях «сдерживания коммунистической экспансии», «обороны свободного мира» и т. п.

Многочисленные буржуазные идеологи из различных научно-исследовательских центров, университетов и институтов стали изобретать самые различные «нео»-геополитические и другие теории, предназначенные для обоснования империалистической политики агрессии. При этом проповедь новой войны все больше

принимала открыто антисоветский характер, с прямыми указаниями на СССР как на будущего основного противника.

Для обоснования «политики силы» и войн, для оправдания вмешательства американских империалистов в дела других стран и реакционных попыток приостановить силой и угрозами борьбу народов за свое социальное и национальное освобождение, послевоенная буржуазная общественная наука выдвинула так называемую «биполярную схему» международных отношений. Суть этой схемы состоит в том, что все происходящее на мировой арене сводится к борьбе, к «балансу сил» двух государств — СССР и США. Взаимоотношения этих стран, как и все международные процессы, рассматриваются исключительно под углом зрения геополитических концепций империализма, искажается истинный смысл происходящих в мире процессов.

В наиболее чистом виде «биполярная схема» была выдвинута еще в первые послевоенные годы в США, в трудах представителей так называемой школы «реальной политики», которые по существу и являются ее авторами. «После второй мировой войны, — писал представитель этой школы, профессор Чикагского университета Г. Моргентау, — центры силы переместились из Лондона, Парижа, Берлина и Рима в Вашингтон и Москву, а сила, сконцентрированная в двух последних столицах, столь превосходит силу любой другой страны или возможной комбинации стран, что сводит прежние великие державы Европы к положению второ- или третьеразрядных государств». Произошла «замена системы, составленной из множества государств приблизительно равной силы, биполярным политическим миром»¹.

Сущность всех событий в послевоенном мире, по утверждению «реальных политиков», состоит якобы в «тотальной борьбе за силу» между СССР и США. «Периферия баланса сил совпадает ныне с границами земного шара... В эти пространства два оставшихся на международной арене великих соперника влили свою собственную силу, политическую, военную и экономическую, превращая их в два огромных блока, которые граничат друг с другом и противостоят друг другу во всех четырех углах земли... Сдержать или быть сдержанным, покорить или быть покоренным, разрушить или быть разрушенным — стало лозунгами новой дипломатии»².

Каждое народное движение или восстание в любом уголке земного шара объявляется результатом «происков Москвы» или заполнения «вакуума силы» «русским империализмом». Этот тезис стал в буржуазной литературе главной отправной точкой для последующего обоснования политики «обороны» капиталистического мира, восстановления «нарушенного равновесия силы» с помощью любых средств, и прежде всего путем усиления вооружений, организации военных блоков, угрозы войны и, наконец, прямой агрессии. Особые надежды при этом возлагались на атомную монополию США.

¹ H. J. Morgenthau. In Defence of the National Interest. A Critical Examination of American Foreign Policy. N. Y., 1952, p. 43—44.

² H. J. Morgenthau. Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. N. Y., 1949, p. 284—285.

«Одно из наиболее мощных воздействий на стратегию Соединенных Штатов, — признает ученый из Орегонского университета Ч. Шлейхер, — оказала их временная монополия на атомную бомбу»¹.

«Атомная энергия, — откровенничал сразу же после Хиросимы и Нагасаки один из наиболее рьяных и последовательных поборников «политики силы» Р. Страус-Хюпе, — будет иметь главным образом военное и политическое значение», причем теперь в области военной политики «акцент перенесен на нападение»². Атомная бомба, заявлял он далее, «создает состояние постоянного и всеобщего чрезвычайного положения», т. е. того самого напряженного «вооруженного мира», который возник в годы «холодной войны» в результате агрессивных действий западных держав и который получил «теоретическое обоснование» в трудах буржуазных идеологов. «Смелость» принять на себя «рассчитанный риск» объявлялась еще в 1945 г. одним из «существенных, если не наиболее важных элементов силы»³. Сама же «сила», т. е. политика угроз и агрессии, снова откровенно провозглашалась основой взаимоотношений между государствами, главным содержанием всех послевоенных международных отношений. «Страна, не обладающая силой, чтобы подкрепить свою собственную внешнюю политику, — утверждал Р. Страус-Хюпе, — не может позволить себе роскошь иметь ее и зависит в области международных отношений от других государств»⁴. При этом в период атомного превосходства и относительно малой уязвимости США американских апологетов «политики силы» ничуть не беспокоило то, что в результате проведения рекомендуемого ими агрессивного, «динамичного», воинственного курса может вспыхнуть третья мировая война. Более того, они считали ее весьма «возможной в жизни этого (т. е. послевоенного. — *Авт.*) поколения»⁵.

Уже в 1946 г. в США ряд наиболее воинствующих апологетов империализма выступили с проповедью теории «возмездия» с применением атомной бомбы против тех, кто не согласился на условия «американского мира», на создание мирового атомного концерна под полным контролем США. «Бомба хорошо приспособлена к технике возмездия. Каждый должен допустить, что, пока бомба существует вообще, государства, владеющие ею (в 1946 г. имелись в виду только США. — *Авт.*), будут держать себя в состоянии постоянной готовности для нанесения мгновенного возмездия в максимально возможных масштабах»⁶, — писали американские авторы работы «Абсолютное оружие: атомная сила и мировой порядок» Ф. Данн, Б. Броди, А. Вольферс, П. Корбет и В. Фокс.

Лучше атомная война, чем дальнейший рост сил мира, национального освобождения, демократии и социализма, — вот основное послевоенное кредо воинствующих реакционных буржуазных идеологов.

Отказ США от сотрудничества на равных основах с Советским Союзом после второй мировой войны все более настойчиво «обосновывается» теоретически, и в ранг мудрости и добродетели возводится крайне опасная для дела мира и совершенно нереальная политика «с позиции превосходящей силы» по отношению к великой социалистической державе.

¹ C. P. Schleicher. Introduction to International Relations. N. Y., 1955; p. 331.

² R. Strausz-Hupé. The Balance of Tomorrow. A Reappraisal of Basic Trends in World Politics. Philadelphia, 1945, p. V.

³ Ibid., p. IV.

⁴ R. Strausz-Hupé. Introduction to International Relations. N. Y., 1955, p. 13.

⁵ Ibidem.

⁶ «The Absolute Weapon: Atomic Power and World Order». Ed. by B. Brodie. N. Y., 1946, № 4, p. 16.

Итоги первых послевоенных лет — рост могущества и международного авторитета СССР, создание и укрепление социалистической системы, кризис колониализма и появление нейтралистских государств Азии, ликвидация атомной монополии США — не отрезвили наиболее агрессивно настроенных империалистических политиков и идеологов капиталистического мира. Более того, у некоторых из них они вызвали еще более злобное неистовство, требование ответить «мечом и огнем» на новые успехи прогрессивных сил во всем мире.

Американская дипломатия первой половины 50-х годов, возглавлявшаяся Даллесом, шла по линии дальнейшего нагнетания «политики силы»¹.

Некоторые буржуазные авторы, понимая, какое возмущение мирового общественного мнения вызывает официальная пропаганда «тотального конфликта», вооруженной борьбы с целью помешать распространению передовых идей нашего времени и продвижению народов по пути прогресса, пытались как-то ослабить отрицательное впечатление, вызываемое воинственными доктринами Даллеса. Именно поэтому в определенной части американской литературы появилась тенденция изображать эти доктрины как чисто пропагандистские лозунги, не имевшие якобы особого практического значения, объяснять их различными внутриполитическими соображениями. «В конечном счете, — пишет, например, Л. Холли, — именно внутриполитическое давление побудило мистера Даллеса объявить наконец, что Соединенные Штаты будут скорее полагаться на свою способность к массированному возмездию, чем пытаться соединить с ней способность вести ограниченные войны ограниченными средствами»².

Попытки представить официальные внешнеполитические декларации Даллеса как некие невинные избирательные фокусы не имеют, однако, ничего общего с действительностью. Эти попытки преследуют чисто пропагандистскую цель: несколько успокоить народы, у которых политика «балансирования на грани войны» вызывала серьезную тревогу.

Отмечая, что даллесовские доктрины «массированного возмездия» и «балансирования на грани войны», весь «новый взгляд» правительства Эйзенхауэра на «оборону» по существу представляли собой лишь дальнейшее развитие послевоенной американской военной и внешней политики, видные ученые Принстонского университета Э. Фэрнис и Р. Снайдер отмечали следующие их главные черты: «1) большая опора на крупные ударные силы, несущие усовершенствованные атомные бомбы и способные к мгновенному возмездию... 2) большая опора на высокоподвижные специальные воздушные и морские силы, вооруженные тактическим атомным оружием»³.

Нетрудно, следовательно, видеть, что «новый взгляд» правительства Эйзенхауэра — Даллеса на «оборону» США означал открытую подготовку к «тотальной термоядерной войне» и намерение использовать любой представившийся удобный повод для ее развязывания.

Разработке теоретических основ и практических рекомендаций в области проведения послевоенной империалистической политики «с позиции силы» посвятили свои труды многие бур-

¹ См. гл. XII.

² L. J. Halle. *American Foreign Policy, Theory and Reality*. London, 1960, p. 153—154.

³ E. S. Furniss, R. C. Snyder. *An Introduction to American Foreign Policy* N. Y., 1957, p. 126.

жуазные американские авторы, среди которых «первенствовали» в этом отношении в 1945—1955 гг. представители школы «реальной политики» во главе с Гансом Моргентау, Кеннаном, Болдуином, многие английские военные теоретики и публицисты, в большинстве своем в той или иной степени связанные с Королевским институтом международных отношений, реакционные французские и западногерманские авторы. Послевоенная милитаризация экономики и политики капиталистического мира оказалась неразрывно переплетенной с милитаризацией его духовной жизни, идеологии, с идейной подготовкой новых войн.

Один из наиболее ярких и известных в США пропагандистов «превентивной войны», В. Пьюлстон, в своей работе «Влияние силы на международные отношения» утверждал, например, что «использование силы всегда было *решающим* фактором в жизни народов (курсив Пьюлстона. — *Авт.*)»¹. Главной задачей американской военщины Пьюлстон откровенно объявлял «подготовку вооруженных сил для борьбы с любым противодействием» внешней политике США². Он резко выражал свое недовольство традиционным подчинением военных гражданской власти в США и возлагал на последнюю всю ответственность за действительные и мнимые провалы американской дипломатии в прошлом.

В. Пьюлстон пел гимн войнам, в том числе «превентивным», «тотальным», с применением атомной бомбы и т. д. Войны, писал он, «могут также даровать блага (!), которых обычно не замечают. Совершенно объективная история экономического развития современного мира должна была бы прийти к выводу, что важным, в большинстве случаев главным фактором быстрой индустриализации стран западной цивилизации был толчок, данный войной... Вторая мировая война вытащила нашу экономику из застоя 30-х годов, дала новые надежды (!) миллионам людей, подняла нашу промышленность на новый, высокий уровень активности»³. Поистине надо боготворить войну, чтобы вот так, в одной фразе, собрать воедино все «доводы» в ее пользу — от старых гитлеровских теорий об «оздоровляющем» характере войн до лживых, но широко распространенных ныне в США утверждений о «процветании», приносимом якобы гонкой вооружений.

Как и многие другие идеологи империализма, В. Пьюлстон не признавал мирных путей решения «конфликта» между США и СССР, между капиталистической и социалистической системами. В качестве единственно реального метода «разрешения» этого и других конфликтов в международных отношениях он предлагал войну. Поэтому Пьюлстон настоятельно рекомендовал американской военщине усиленно готовиться к термоядерной агрессии против Советского Союза⁴. Циничная проповедь «первого», «превентивного» атомного удара против СССР и других миролюбивых народов составляет основное содержание его книги.

Для оправдания военных приготовлений империалистических держав в ход была пущена лживая теория о современных международных отношениях как о некоем промежуточном состоянии между войной и миром, как о «вооруженном мире» или «холодной войне». «Война, — утверждает, перефразируя известное положение Клаузевица, один из крупнейших американских буржуазных историков Т. Бейли, — была теперь (после 1945 г. — *Авт.*)

¹ W. D. Pulestone. The Influence of Force in Foreign Relations. Toronto — N. Y., 1955, p. 2.

² Ibid., p. 38.

³ Ibid., p. 236.

⁴ Ibid., p. 98.

продолжена другими средствами. Наиболее настоятельными проблемами стали вопросы политики силы»¹.

Весь мир рассматривается американскими проповедниками «политики силы» с военной точки зрения. Вопреки действительности, американские авторы Р. Снайдер, Э. Фэрнис, считавшие США «потенциально сильнейшей военной державой на земле» и выступавшие за реализацию этого «потенциала», утверждали, что якобы «американская мощь и готовность использовать ее (т. е. развязать новую мировую войну. — Авт.) увеличили престиж Америки и ее притягательную силу в борьбе за друзей и союзников»².

Фэрнис и Снайдер с упоением описывают превращение капиталистического мира в своего рода военный лагерь. «Создание Североатлантического пакта, — заявляли они, — также повысило военную безопасность Америки, обеспечив ей, помимо всего прочего, дружескую международную армию в Западной Европе. Военная помощь Греции, Турции, Испании, Формозе, Латинской Америке и другим странам укрепили еще больше позиции США. Были заключены пакты безопасности, связывающие страны Западного полушария и ряд государств Тихого океана (Австралию, Новую Зеландию, Филиппины и Японию). Эти и другие соглашения дали США доступ или фактический контроль над военными базами в таких стратегических пунктах, как Испания, Греция, Турция, Северная Африка, Гренландия, Япония, острова Тихого океана и Западная Германия»³.

Видные американские военные теоретики У. Миллис, Х. Мэнсфилд и Х. Стейн, считающие, что в современную эпоху стерлась разница между гражданскими и военными аспектами «национальной политики»⁴, открыто призывают правящие круги и общественность США отказаться от таких «устаревших догм», как контроль гражданской власти над военными и отстранение последних от выработки политических решений. Главной проблемой, вставшей перед США после второй мировой войны, пишут они, стал вопрос о том, «как следует объединить военные факторы, вооруженные силы и военные планы с гражданской дипломатией и мирной внутренней политикой»⁵; или даже, как «приспособить гражданский элемент к военным требованиям в жизни современного государства»⁶.

Сами авторы не скрывают своей глубокой убежденности в том, что именно военизм, целям подготовки новой войны должны быть подчинены вся внутренняя жизнь и внешняя политика США. Они выступают за постоянное «усовершенствование» американской военной машины, за оснащение ее самыми новейшими и разрушительными видами оружия, за полную милитаризацию США. Признавая несовместимость политики «общей обороны» с требованиями повышения «всеобщего благосостояния», они недвусмысленно объявляют, что «сегодня задачи общей обороны приобрели настоятельность и необходимость», как никогда раньше⁷. Принесение в жертву богу войны насущных интересов и самой жизни народов, старый нацистский лозунг «пушки вместо масла» — вот что пропагандируют по существу в своих работах современные апологеты «политики силы», вроде У. Миллиса и К⁰.

Разумеется, далеко не все буржуазные сторонники «жесткого курса» в международных отношениях, считающие войну и угрозу ею их неотъемлемым элементом, решаются открыто пи-

¹ T. A. Bailey. *A Diplomatic History of the American People*. N. Y., 1958, p. 784.

² E. S. Furniss and R. C. Snyder. *American Foreign Policy. Formulation, Principles and Programs*. N. Y., 1954, p. 65.

³ E. S. Furniss and R. C. Snyder. *An Introduction to American Foreign Policy*, p. 126.

⁴ W. Millis with H. C. Mansfield and H. Stein. *Arms and the State. Civil-Military Elements in National Policy*. N. Y., 1958, p. 5.

⁵ Ibid., p. 142.

⁶ Ibid., p. 246.

⁷ Ibid., p. 413—414.

сать об этом в современную эпоху. Поэтому наряду с работами откровенных поджигателей войны и пропагандистов ненависти между народами в капиталистическом мире в большом количестве выходят книги, протаскивающие идеологию милитаризма под прикрытием громких фраз о мире, безопасности, народных и национальных интересах и т. д.

«Даже войны и военное и территориальное расширение часто служат средствами достижения безопасности», — утверждают ученые Пенсильванского университета Н. Пальмер и Х. Перкинс в своей книге «Международные отношения», изданной в 1954 г. в Англии «под покровительством» Лондонского института мировой политики¹.

Стараясь обосновать «политику силы» как якобы единственно «реальную» в современных условиях, некоторые буржуазные авторы утверждают, что агрессивный внешнеполитический курс западных держав пользуется поддержкой общественного мнения, народных масс, которые являются чуть ли не «инициаторами его». «Поставленные лицом к лицу с возможностью разрушения наших городов в первые же часы новой войны, — пишет З. Адлер, — американцы потребовали, чтобы наша политика была очищена от идеалистических и сентиментальных настроений... Американцы открыли элементарный факт, долго затемнявшийся исключительными условиями (США. — *Авт.*), а именно, что сила — основа успешной дипломатии»². Так параллельно с линией на идеологическую обработку народных масс в милитаристском духе, запугивания их и насаждения среди них веры в «неизбежность» войны, «полезность» гонки вооружений и т. п. в буржуазной литературе протаскивается лживая версия о том, что простые труженики — эти подлинные создатели всех материальных и духовных ценностей на земле будто бы являются вдохновителями военных приготовлений и самой войны.

Видный политический деятель и идеолог американского империализма А. Берли, а также многие другие буржуазные авторы пытаются обосновать гонку вооружений и опасный внешнеполитический агрессивный курс США... их «заботой» об обороне «свободного мира», их «обязанностями» как «мирового лидера». «Участие Америки в мировых делах влечет за собой зловещий (а главное, прибыльный для американских монополий. — *Авт.*) бизнес поддержания необходимого уровня вооружений и готовность идти на риск использования этих вооружений»³.

США, как главный оплот империализма и милитаризма, стали и основным центром пропаганды «политики силы», агрессии и войны в современных международных отношениях. «Приоритет» и «руководящая роль» идеологов американского империализма в изобретении и выдвигании наиболее воинственных военно-политических доктрин и теорий, вроде «устрашения», «превентивной войны» и «массированного возмездия», неоспоримы. Однако проповедь войны и угроза ею в капиталистическом мире не ограничивались в послевоенные годы пределами США, а были подхвачены и развиты «применительно к национальным условиям», т. е. к интересам соответствующих господ-

¹ N. D. Palmer and H. C. Perkins. International Relations. The World Community in Transition. London, 1954, p. 72.

² S. Adler. The Isolationist Impulse. Its Twentieth-Century Reaction. London — N. Y., 1957, p. 379.

³ A. A. Berle. Tides of Crisis. A Primer of Foreign Relations. N. Y., 1957, p. 49.

ствующих классов, в Англии и Франции, а затем в ФРГ и в других империалистических державах. Классовая ненависть к социализму, стремление силой подавить борьбу народов за свое социальное и национальное освобождение — таковы наиболее общие источники раздувания военной истерии правящими кругами различных империалистических держав и их идеологами.

Политическая близорукость, лицемерие, авантюризм и пренебрежение интересами и безопасностью собственной страны характерны для английских проповедников милитаризма и войны.

Английские поборники сохранения в арсенале империализма войны и угрозы ею проделывают иной раз самые головокружительные salto-mortalе, чтобы доказать «неизбежность» и «необходимость» сохранения Великобританией «самостоятельной атомной мощи», проведения ею политики «с позиции силы». Так, бывший директор Королевского института международных отношений, видный английский историк и политический деятель К. Вудхауз развивает теорию, согласно которой возможность возникновения третьей мировой и локальных войн якобы становится все меньше по мере... создания, накопления и распространения новых и все более разрушительных видов оружия. Он пытается уверить своих читателей в том, что в результате ядерного разоружения «безопасность в Европе скорее уменьшилась бы, чем возросла»¹. Наряду с атомным разоружением, утверждает далее Вудхауз, опасность развязывания войны может увеличиться в результате «создания нейтральных зон», «разъединения» вооруженных сил социалистического и капиталистического лагерей и т. д. Вудхауз проповедует отказ от принятия любых реальных мер, которые могли бы привести к ослаблению международной напряженности и уменьшению риска возникновения новой войны.

От имени наиболее реакционных и агрессивных кругов британского империализма он требует сохранения и укрепления атомно-водородного потенциала Англии. Отказавшись от водородных бомб, пишет он, «Великобритания просто ослабила бы свои международные позиции»².

Французские реакционные авторы в своей проповеди «политики силы», использования военной угрозы и самой войны для борьбы против социалистических, демократических и национально-освободительных сил всеми способами оправдывают проведение «холодной войны», наращивание вооруженных сил французским империализмом и другими империалистическими державами.

Так, К. Дельмас приветствует присутствие американских войск в Европе как залог того, что любой конфликт здесь, «даже война с применением лишь обычных видов вооружения, быстро превратится в термоядерную войну»³. Аналогичные взгляды развивает видный военный и политический деятель Франции генерал П. Бийот, по мнению которого, «высшей фазой» развития

¹ C. M. Woodhouse. British Foreign Policy Since the Second World War. London, 1961, p. 239—240.

² Ibid., p. 239.

³ C. Delmas. L'O. T. A. N. Paris, 1960, p. 103.

военной науки и техники будет «кнопочная война» на тотальное уничтожение, возможность которой он охотно допускает¹.

Наряду с теорией «вооруженного мира», «равновесия страха» во французской буржуазной литературе продолжает иметь хождение концепция о «неизбежности», «извечности» войны, о ценности «геополитических истин в век атома» и т. п. «Каков бы ни был данный конфликт, — утверждает П. Селерье, — всегда остается возможность прийти в ходе его к регламентированному использованию новых (термоядерных) видов оружия, умеренных и приспособленных к нему. Следовательно... геополитические и геостратегические факторы сохраняют свое значение»².

Основное достоинство «геостратегии» французские геополитики видят в том, что она целиком отвечает милому их сердцу состоянию «вооруженного мира», крайней степени напряженности на международной арене. «Земля живет ныне, — заявляет П. Селерье, — в состоянии полумира, «холодной войны», так что размещение вооруженных сил постоянно играет свою роль: существует своего рода стратегия мирного времени»³.

Апологетов «вооруженного мира» ничуть не пугает перспектива возможного перерастания его во всеобщую войну, хотя они отдают себе отчет в разрушительном характере современных видов ракетно-водородного оружия. По их мнению, нужно лишь на случай «тотального» конфликта «принять меры, обеспечивающие выживание (!) или для продолжения борьбы, или просто ради того, чтобы не погибнуть окончательно»⁴.

Сами реакционные французские авторы недвусмысленно признают, что мир, «основанный на страхе взаимного уничтожения», — это непрочный мир, в котором возможны «местные» конфликты, способные быстро «перерасти» во «всеобщую катастрофу». Тем не менее они продолжают упорно ратовать за сохранение и поддержание «баланса страха». Они расценивают международную роль и национальный престиж страны в зависимости от ее военной силы.

Вся фальшь утверждений проповедников «вооруженного мира» о том, что термоядерное оружие — якобы лучший гарант всеобщей безопасности, бросается в глаза каждый раз при более подробном ознакомлении с их аргументацией «в защиту мира». На деле все их рассуждения направлены к одной цели — сохранению атомной и водородной бомб в арсенале империалистической дипломатии, оправданию политики «с позиции силы», признанию даже ракетно-ядерной войны и угрозы ею «реальным средством» воздействия на современные международные отношения.

Для западногерманского империализма характерна готовность использовать любой вид войны — как «тотальную», так и «локальную» — ради авантюристической политики реванша и агрессии. Идеологическая подготовка новой войны, оправдание и восхваление политики «с позиции силы» и «угрозы оружием» приняли в ФРГ особенно широкий размах.

С обоснованием «теорий» об использовании войны в качестве орудия внешней политики империализма в современную эпоху выступают многие западногерманские авторы, поставившие свое перо на службу монополиям и военшине ФРГ. Один из них, Ф. Штернберг, «предполагает» даже, что возможность войн будет все больше возрастать с прогрессом человечества. По его утверждению, по мере завоевания независимости все большим числом народов Азии и Африки «дело может прийти к тяжелым внешне-

¹ P. Billotte. L'Europe est née. Paris, 1955, p. 44—45.

² P. Célérier. Géopolitique et géostratégie. Paris, 1955, p. 6.

³ Ibid., p. 71.

⁴ Ibid., p. 116.

политическим конфликтам между ними самими... между ними и прежними великими колониальными державами»¹.

Разумеется, наиболее вероятной будущей войной Штернберг считает войну с СССР, к усиленной подготовке которой он и призывает западные державы во главе с США.

После того как США, СССР и Великобритания стали «термоядерными державами», следующим «естественным» этапом мировой «революции в военном деле», по мнению Штернберга, должно быть оснащение атомно-водородным оружием капиталистических стран континентальной Европы. В интересах «обороны свободного мира», пишет он, США должны «наряду с постоянным дальнейшим развитием собственного производства атомного оружия и средств его доставки к цели, помочь также европейским государствам в том, чтобы их военная мощь больше, чем прежде, соответствовала промышленному потенциалу, т. е. это означает сегодня, чтобы они развили свои атомные вооруженные силы»². Разумеется, в таком случае «немецкие войска, как и остальные воинские части держав НАТО, получают от американцев атомное оружие»³.

Старая точка зрения немецких милитаристов, юнкеров и империалистов, что «право — это сила», вновь широко культивируется в ФРГ. Реакционные западногерманские идеологи не считают даже нужным скрывать, что они ратуют за «политику силы» и вооружение ради того, чтобы, опираясь на них, попытаться добиться осуществления своих реваншистских замыслов, экспансионистских планов. Открыто выступая против движения народов за мир и смягчения международной напряженности, они усиленно проповедают тезис о «бесполезности» любых переговоров по разоружению без предварительного создания «атмосферы доверия», «смягчения международной напряженности». Обязательными же условиями такого смягчения западногерманские империалисты объявляют ни больше ни меньше как прекращение народами борьбы за национальное и социальное освобождение, отречение коммунистов от своих убеждений и их капитуляцию перед мировой буржуазией, удовлетворение всех территориальных и политических притязаний германских реваншистов.

В. Греве, один из ближайших сподвижников Аденауэра, цинично пытается поставить на одну доску объективный революционный мировой процесс и реваншистские, реставрационные и реакционные происки империализма, направленные на «изменение существующего статус-кво». Ни Восток, ни Запад, заявляет он, «не удовлетворены сегодня политическим статус-кво»⁴. Поскольку же «без военного давления... редко можно добиться существенного изменения политического статус-кво», постольку невозможно и достижение «военного статус-кво»⁵, т. е. какого-либо сдерживания гонки вооружений, постольку становится «оправданным» и использование силы для достижения политических целей Бонна, в частности поглощения ГДР и т. д.

Реакционные идеологи империализма прибегают к самым различным доводам для оправдания политики агрессии и войны. При этом наряду с «общетеоретической» разработкой проблем войны огромное место в буржуазной литературе заняли попытки обоснования и прославления конкретных агрессивных действий империалистических держав в первой половине 50-х годов.

¹ F. Sternberg. Die militärische und die industrielle Revolution. Berlin und Frankfurt a. M., 1957, S. 99.

² Ibid., S. 118.

³ Ibidem.

⁴ W. G. Grewe. Deutsche Aussenpolitik der Nachkriegszeit. Stuttgart, 1960, S. 407.

⁵ Ibid., S. 406.

2. Буржуазная историография об американской интервенции в Корею

Переход американского империализма от политики подготовки новой войны к развязыванию открытой агрессии в Корею был широко использован для раздувания военной и антикоммунистической истерии в капиталистическом мире и сопровождался самой злостной фальсификацией в буржуазной пропаганде сущности происходивших событий.

Проповедь атомной войны и агрессии дополнялась усиленным рекламированием «всемогущества Америки», ее «непобедимых» солдат и полководцев. Именно в этот период в литературе США широко популяризировался культ «супермэна», «героя-солдата», расправляющегося с коммунистами, «азиатами» и т. д., завоевывающего весь мир для США.

С помощью фальсифицированной версии войны в Корею американские реакционные авторы стремились насаждать среди солдат и в народе США дух звериной ненависти к коммунизму, к другим народам, дух жестокости, беспрекословного повиновения фашиствующим лидерам, превосходства англосаксонской расы. Если прежде, в период средневековья и раннего капитализма, при описании военных походов упор часто делался на рыцарские поступки воинов и вокруг войн создавался ореол романтики, то теперь литература воинствующего империализма изобиловала восторженными описаниями насилий, кровопролитий, зверств, уничтожения целых городов и районов с десятками тысяч жителей в результате применения напалмовых бомб и других современных видов оружия. Цинично и откровенно население «свободного мира» подготавливалось буржуазными идеологами к «тотальной войне» на уничтожение, в которой все средства будут дозволены и оправданы во имя корыстных интересов наиболее агрессивных и реакционных кругов финансовой олигархии США.

Тон в раздувании неистовой шовинистической кампании задавала американская военщина. В выступлениях и мемуарах генералов Макатура, Риджуэя, Кларка и других американских руководителей интервенции в Корею откровенно проповедовались планы нанесения атомных ударов по КНР, проведения безжалостной стратегии «уничтожения», втягивания в авантюры США на Дальнем Востоке других государств Азии и Европы, «войны до победного конца» и т. д.

Реакционный американский журналист Л. Кларк восторженно повествует о том, как военные круги США готовились вести в Корею «смелую» войну на «истребление своего противника» — корейского и китайского народов. Армия Риджуэя, — пишет Кларк, — продвигалась вперед, осуществляя то, что он называл операцией «Убийца». Он говорил, что имеет только одну цель — убивать китайцев... и это выражение стало наиболее точной характеристикой американской политики в Корею¹.

Будучи не в силах опровергнуть тот исторический факт, что интервенция США в Корею не принесла им победных лавров, генерал Кларк в своей книге

¹ L. Clark and R. Henschel. Douglas MacArthur. N. Y., 1952, p. 221.

«От Дуная до Ялу»¹ огульно обвиняет в этом «нерешительных штатских» из Вашингтона, европейских союзников Америки, народы Азии и т. д. Причиной же боевых успехов героических бойцов КНДР и китайских добровольцев Кларк объявляет то, что они якобы научились у американских вояк «вести современную сухопутную войну»². Пожалуй, трудно найти более яркие примеры безграничного самодовольства и самоуверенности, проповеди милитаризма, ненависти и войны между народами, грубейшей фальсификации фактов, чем книга генерала Кларка и опусы подобных ему авторов.

В большей части официальной и академической буржуазной литературы стало правилом изображать войну в Корее как конфликт между «экспансионистскими действиями коммунизма» и «силами международного порядка и закона» во главе с США, как образец коллективных мер стран «свободного мира» под флагом ООН по защите территориального и социального статуса-кво, т. е. сохранения господства империализма и колониализма. Выдавая черное за белое, буржуазные авторы упорно протаскивают тезис о том, что интервенция США в Корею была предпринята якобы в соответствии с принципами и целями Устава ООН, тогда как на самом деле эти принципы были грубо попорчены, а голубой флаг ООН был использован в данном случае для маскировки агрессивных действий американского империализма.

Специально занимающийся проблемой взаимоотношений между США и ООН профессор Колумбийского университета Л. Гудрич в своей книге «Корея. Исследование политики США в Организации Объединенных Наций» пытается, например, доказать «бескорыстие», «миролюбие» и «благородство» США, «стремившихся к объединению», т. е. к распространению на всю Корею реакционного, марионеточного режима Ли Сын Мана и поставивших корейский вопрос в ООН. Однако он невольно признает, что обращение США в ООН было, по существу, необходимо для того, чтобы мобилизовать в поддержку своей «политики силы» другие капиталистические государства и ввести в заблуждение мировое общественное мнение³. Таким образом, Гудрич, признавая подлинные мотивы обращения США в ООН, раскрывает еще один весьма важный аспект воинствующей политики США, связанный с агрессией в Корею, — раздувание военного психоза и гонки вооружений в капиталистическом мире.

Еще более откровенно о действительных причинах постановки Соединенными Штатами в ООН корейского вопроса пишет ученый Флоридского университета Д. Спанье. «Одной из целей внешней политики США, — заявляет он, — было ассоциировать свою политику холодной войны с гуманными и символическими ценностями международной организации...

Таким образом, роль Организации Объединенных Наций была ограничена рекомендацией и санкционированием действий ее членов, предоставлением своего доброго имени западным державам...»⁴.

То, что агрессия в Корею принесла определенные выгоды американскому империализму в разжигании «холодной войны», в области милитаризации экономики, в использовании ООН в своих интересах и в навязывании своей

¹ M. W. Clark. From the Danube to the Jalu. N. Y., 1954.

² Ibid., p. 257.

³ L. M. Goodrich. Korea. A Study of US Policy in the United Nations. N. Y., 1956, p. 211.

⁴ J. W. Spanier. The Truman-MacArthur Controversy and the Korean War. Cambridge, 1959, p. 40.

гегемонии остальным капиталистическим странам, признается не только американскими авторами. Касаясь этого вопроса, английский консервативный историк-международник К. Вудхауз пишет: «Начало корейской войны было, возможно, самым критическим из всех поворотных пунктов в отношениях США с остальными участниками союза, особенно с Англией. Преобладающая роль, сыгранная в войне американской людской силой, оснащением и деньгами, предоставляла правительству США неоспоримое лидерство, которое приняло всемирные масштабы, потому что угроза, казалось, также носила мировой характер. Перевооружение тотчас стало всеобщим»¹.

Лживо обвиняя КНДР и Советский Союз в развязывании корейской войны, буржуазные идеологи и пропагандисты пытаются в то же время приписать заслуги в восстановлении мира на Дальнем Востоке в 1953 г. Соединенным Штатам, и особенно лично генералу Эйзенхауэру, которого вообще принято изображать и прославлять на Западе как некоего «миротворца», не раз якобы спасавшего в период своего президентства мир от войны, действовавшего иногда ради этого чуть ли не вопреки воле государственного секретаря Даллеса, Пентагона, воинствующих конгрессменов и монополистов.

Подобная крайне субъективистская оценка роли отдельных личностей в международных отношениях, характерная вообще для буржуазной историографии, в корне неправильна как в принципе, так и в данном конкретном случае. Отдельные миротворческие жесты Эйзенхауэра, вроде предвыборного обещания заключить мир в Корее или провозглашения программы «Атом для мира» и т. п., были обусловлены требованиями мирового и американского общественного мнения, действительно миролюбивой внешней политикой СССР, мощью сил мира и социализма. Эти маневры нередко были специально предназначены для того, чтобы сгладить крайне неблагоприятные впечатления от лозунгов и дел Даллеса, Маккарти, Никсона и других государственных и политических деятелей США.

Отнюдь не миролюбие толкнуло правящие круги США на заключение перемирия в Корее, как это утверждают многочисленные буржуазные авторы. Соединенные Штаты пошли на это потому, что у них не оставалось другого выхода после понесенных ими поражений. К этому вынуждало их также усиливавшееся недовольство американского народа, широкая поддержка мирной инициативы Советского Союза.

В то время как значительная часть буржуазных авторов продолжала прославлять «благотворную роль» США в деле организации «коллективной самообороны» Запада, заключения перемирия в Корее и т. д., представители школы «реальной политики», недвусмысленно признали, что предпринятая правящими кругами США попытка «отбросить» коммунизм с помощью силы бесславно провалилась, обнаружила их собственную слабость.

Разоблачение мифа о «всемогуществе и миролюбии» США «реальные политики» использовали, однако, отнюдь не для того, чтобы сделать из этого

¹ С. М. Woodhouse. British Foreign Policy since the Second World War, p. 125.

разумные выводы о необходимости сохранения и упрочения мира, бесперспективности вооруженной борьбы против сил социализма, демократии и национального освобождения. Наоборот, они призывали правителей США принять срочные меры к восстановлению «баланса сил» между социалистической и капиталистической системами путем усиленного наращивания военной мощи: последней, укрепления созданных в обход ООН военных блоков, ремилитаризации Западной Германии и Японии, раздувания гонки атомных и обычных вооружений, скорейшего создания водородной бомбы. Необходимость еще более высокой степени «боевой готовности» доказана опытом Кореи, — утверждал Болдуин. — В атомный век жизненно важно, чтобы мы держали вооруженные силы готовыми к бою «по мановению руки»¹.

Апологетика войны в Корее в буржуазной литературе вновь стала «модной» в начале 60-х годов в связи с развернувшейся в США пропагандой в пользу «ограниченных войн». Локальная интервенция в Корее выдается за наилучший метод борьбы против национально-освободительных движений и сил социализма, позволяющий империалистам извлечь максимум выгод и избежать риска вовлечения в войну их собственных стран. «Корея, — утверждает, например, Д. Спанье, — может служить скорее хорошей моделью для будущих войн, чем неприятным воспоминанием (!), так как можно надеяться, что в атомный век, когда тотальная война означает взаимное уничтожение и третья мировая война является синонимом самоубийства, две сверхдержавы сочтут политически более целесообразным и выгодным сражаться в ограниченных конфликтах, чем во всеобщем столкновении»².

Фальсифицирующие историю проповедники «локальных конфликтов» умышленно обходят вопрос о том, что развязанная империалистами «ограниченная война» в современных условиях может превратиться в мировой конфликт, чреватый гибелью целых стран и народов.

3. Попытки апологетов «холодной войны» обосновать политику ремилитаризации Западной Германии и курс на восстановление японского милитаризма

В реакционной буржуазной литературе весьма настойчиво протаскивается тезис о том, что политика ремилитаризации Западной Германии начала осуществляться якобы только в связи с корейской войной и была вызвана «необходимостью» для «свободного мира» извлечь из нее «тяжелые уроки». Фактически же политики, идеологи и пропагандисты империализма использовали антисоветскую военную истерию, раздутую в связи с событиями в Корее, как раз для того, чтобы попытаться внушить народам ненавистную им мысль о «необходимости» давно запланированного возрождения германского милитаризма,

¹ H. W. Baldwin. Power and Politics, p. XI—XII.

² J. W. Spanier. The Truman-MacArthur Controversy and the Korean War, p. 12.

дважды ввергшего мир в кровопролитнейшие войны. Они стара-
лись представить дело так, будто в вооружении Западной Гер-
мании заключается единственное спасение «свободного мира от
коммунистической угрозы».

Откровенная проповедь политики возрождения германского импери-
ализма и милитаризма была неразрывно связана с «новым» курсом западных
держав во главе с США в германском вопросе. Американские авторы
К. Снайдер и Э. Фэрнис прямо писали, что к концу 1950 г. «почти вся перво-
начальная (т. е. официально декларируемая. — *Авт.*) американская поли-
тика по отношению к Германии (после второй мировой войны. — *Авт.*) была
отброшена, так и не достигнув своих целей. Декартелизация и деконцентра-
ция промышленности никогда не находили слишком далеко или пользовались
более чем вялой поддержкой в верхах штаба генерала Клея. Многие из на-
цистов вернулись на свои прежние посты: в промышленность, школы и уни-
верситеты, судебную систему, правительственную бюрократию... Высшие офи-
церы гитлеровской армии, включая входивших в последнюю отборную элиту
фюрера, открыто создавали организацию ветеранов... Отныне демилитариза-
ция... должна была быть прекращена»¹.

Полный разрыв с антифашистскими и антивоенными целями
антигитлеровской коалиции, отречение от всех союзнических
соглашений, объединение с бывшим врагом против недавнего
союзника, подготовка плацдармов и ударной силы для новой
войны в Европе и на Дальнем Востоке были, по словам пред-
ставителей официальных кругов и идеологов западных держав,
«нормальным развитием» послевоенных мировых событий.

«Декартелизация и роспуск дзайбацу были прекращены, потому что во-
енное производство должно было возобновиться; демилитаризация агрессив-
ных армий обернулась постепенным перевооружением понесших поражение
государств, в интересах холодной войны»², — признает один из американских
авторов.

В качестве дополнительных аргументов в пользу ремилитаризации За-
падной Германии выдвигались и такие доводы, как нежелание ряда западно-
европейских стран взваливать на себя непомерную тяжесть военных обяза-
тельств, на которых настаивали США, «новая стратегия» НАТО, провозгла-
шавшая Эльбу очередной границей борьбы с коммунизмом и отводившая
Западной Европе роль «щита», а Америке — «меча», необходимость обеспе-
чения «безопасности» США и т. п. Однако главным доводом почти неизменно
оставались итоги войны в Корее. Видный американский военный теоретик
У. Миллис признает, что вопрос об открытой ремилитаризации Западной
Германии зашел в тупик еще на майской сессии НАТО 1950 г. «Как неже-
лание государств — членов НАТО внести вклад своими собственными круп-
ными воинскими контингентами, так и простая логика западноевропейской
географии (!) совместно продемонстрировали, что эффективная оборона была
бы невозможна без западногерманских войск. Но политические затруднения
на пути перевооружения Германии, и в международном и во внутреннем
планах, казались в то же самое время непреодолимыми». Все изменилось,
однако, по словам Миллиса, с началом войны в Корее, которая еще раз по-
казала «нереальность различия между политикой и военным делом»³, т. е.

¹ E. S. Furniss and R. C. Snyder. American Foreign Policy, p. 702.

² J. D. Montgomery. Forced to be Free. The Artificial Revolution in Ger-
many and Japan. Chicago, 1957, p. 5.

³ W. Millis with H. C. Mansfield and H. Stein. Arms and the State. Civil-
Military Elements in National Policy. N. Y., 1958, p. 336.

позволила правящим кругам США пойти напролом в провозглашении и осуществлении своих агрессивных планов во всех частях мира.

Поднимая на щит послевоенную политику США в Европе — возрождение германского милитаризма, многие американские авторы добивались скорейшего включения бывших гитлеровских войск в ряды «защитников свободного мира». Они выражали свое «возмущение» слишком медленной уступчивостью Франции в этом вопросе, открыто отдавали свое предпочтение ФРГ, называя ее главным военным союзником американского империализма. «Необходимо было найти именно такой вариант, — пишет, не скрывая иронии, Э. Фэрнис о плане французского министра Плевена, — который можно было бы одновременно представить Соединенным Штатам и Великобритании, как открывающий путь перевооружения Германии, а Национальному собранию и французскому народу — как предотвращающий его»¹. Так родился широко разрекламированный проект возрождения германского милитаризма в рамках «интеграции» под вывеской Европейского оборонительного сообщества.

Однако затяжка с осуществлением плана создания ЕОС и его провал привели к переоценке некоторыми буржуазными авторами проблем «европейской интеграции» того периода. Снова и снова раскрывая цели военного, экономического и политического объединения капиталистической Европы, американские авторы откровенно писали, что оно имеет смысл лишь при условии полного восстановления и укрепления германского милитаризма, «оси» Бонн — Вашингтон, включения ФРГ в НАТО и т. д. Если же возня с «европейской интеграцией» не ускоряет, а лишь тормозит гонку вооружений в Западной Европе и создание западногерманских вооруженных сил, то можно обойтись и без нее, восстановить военный потенциал Западной Германии и без ширмы «европейской армии». «Если Германия должна участвовать в обороне Европы, — писал М. Флорински из Колумбийского университета, — то с ней следует обращаться, как с равным партнером. Интеграция вооруженных сил на более низком уровне оказалась неосуществимой, и правильно сделали, что от нее отказались»².

Опровергая попытки сторонников «объединенной Европы» представить поспешно заключенные лондонские и парижские соглашения чуть ли не как контроль над вооружением ФРГ, тот же Флорински откровенно заявлял, что «их главное значение заключается в перевооружении Германии и в возрождении национальной германской армии, подчиненной некоторым относительно мелким ограничениям на производство определенных типов оружия и т. п. К тому же кажется невероятным, что эти ограничения могут быть сохранены в течение длительного времени... Претензии Аденауэра на «равенство в правах и жертвах», по всей видимости, будут признаны»³.

Открытие «зеленой улицы» западногерманскому милитаризму и реваншизму, включение ФРГ в НАТО единодушно рассматривается в реакционной буржуазной литературе как одно из «высших достижений» США в Европе к середине 50-х годов, как победа «здорового военного смысла» над второстепенными «политическими соображениями».

Осуществление ремилитаризации ФРГ вызвало особенный восторг у реваншистски настроенных реакционных западногерманских политиков и идеологов.

Понимая, что в среде союзников, особенно во Франции и Великобритании, вооружение противника, еще недавно воевавшего почти против всей

¹ E. S. Furniss. France, Troubled Ally. De Gaulle's Heritage and Prospects. N. Y., 1960, p. 64—65.

² M. J. Florinsky. Integrated Europe? N. Y., 1955, p. 164.

³ Ibid., p. 107.

Европы, наталкивается на «серьезнейшие психологические трудности», государственные мужи ФРГ великодушно соглашались на то, чтобы возрождаемый бундесвер вошел в «европейскую армию», чтобы «возвращаемое Германии оружие использовалось для решения задач совместной обороны»¹. Однако тут же они откровенно разъясняли, что эти задачи состоят в первую очередь в удовлетворении территориальных, политических и военных притязаний ФРГ. «Нашедшая в немецком договоре (1952 г. — Авт.) свое выражение будущая политика д-ра Аденауэра, — писал видный боннский дипломат и идеолог Греве, — исходит из предпосылки, что все попытки переговоров последних лет оказались неудачными и что они дают перспективу на успех лишь на совершенно новой основе: на основе более решительной оборонительной (!) готовности и военной силы Запада. Никто не может отрицать того, что создание немецких дивизий влечет за собой риск и должно привести к расширению опасной зоны»². Но именно к этому — к самостоятельному проведению «политики силы» в отношении СССР, Польши, Чехословакии, к авантюристической подготовке новой реваншистской войны, к колоссальному усилению напряженности и риска термоядерного мирового конфликта — и стремились правящие круги Бонна. Вот почему ремилитаризация ФРГ под вывеской ли ЕОС, или парижских соглашений, или «объединенных сил НАТО» столь громогласно воспевалась и воспевается в реакционной западногерманской литературе, по-солдафонски ставящей все точки над «и», не оставляющей никаких сомнений в том, что «объединенная Европа» должна находиться на службе у западногерманских милитаристов, а не наоборот.

На фоне откровенных высказываний американских и западногерманских авторов о подлинных целях ремилитаризации ФРГ особенно неприглядно выглядят старания многих идеологов французской буржуазии, не раз предававшей национальные интересы страны, оправдать участие и роль Франции в возрождении германского милитаризма после второй мировой войны.

«Франция чувствовала, — писал в 1951 г. французский буржуазный автор А. Пейре, восхвалявший агрессивную политику американского империализма, — что нельзя больше избежать проблем германского перевооружения. Соединенные Штаты выражали свое нетерпение, они желали включить Западную Германию в планы европейского перевооружения... Выдвигая план Плевена, французское правительство рассчитывало успокоить сразу и нетерпение американцев и страхи французов». Далее А. Пейре пересказывал своим читателям сказки о «благах» и «безвредности» ремилитаризации ФРГ: «Германия будет пользоваться системой европейской безопасности: она внесет свой вклад в нее, но она не будет иметь права формировать дивизии, создать национальное министерство обороны»³.

«Забыв» о том, кто спас народы Европы и Францию от позора и ига гитлеровской оккупации, один из ярых проповедников «интеграции» Западной Европы, Ги де Кармой договорился до утверждений о том, что якобы «защита Франции от СССР неразрывно связана с подобной же защитой Германии. Нейтральная Германия открыта сама для советского давления и открывает также Францию; вооруженная Германия способствует своей защите и защищает также Францию... Продвижение славянского мира и отступление германизма делают Западную Германию восточным рубежом свободной Европы»⁴. Какую «оборону» Франции и Германии имел в виду Ги де Кармой, хорошо видно из его последующих мечтаний о том, как «интегрирован-

¹ W. G. Grewe. Deutsche Außenpolitik der Nachkriegszeit, S. 51.

² Ibid., S. 55.

³ H. Peyret. Le Réarmement et la paix. Paris, 1951, p. 113—114.

⁴ G. de Carmoy. Fortune de l'Europe. Paris, 1953, p. 297, 341.

ная Европа», опираясь на свою военную и экономическую силу, «заставит» СССР согласиться на «объединение Германии» и на «освобождение» стран народной демократии.

Провал ЕОС вынудил, однако, многих буржуазных авторов прибегнуть к более тщательной маскировке истинного значения соглашений о включении Западной Германии в «объединенную Европу» и НАТО. По утверждению генерала П. Бийота, парижские соглашения знаменательны «не столько военными постановлениями, сколько тем, что они дают Европе основу, на которой может быть построено ее политическое, экономическое и человеческое единство, без чего система коллективной безопасности, необходимая для будущего, не может быть осуществлена или рассыплется при первом же ударе»¹. Оказывается, эти соглашения являются не прямым орудием подготовки к войне и восстановления германского империализма и милитаризма, а «инструментом измерения степени вооружения их участников», который, будучи распространен на всю Европу и весь мир, может послужить первым шагом к созданию «существенных условий для прочного сближения между Востоком и Западом: всеобщего разоружения под полным контролем и системы всемирной коллективной безопасности»².

Чувствуя, однако, что подобные рассуждения не могут успокоить читателей, встревоженных опасностью возрождения вермахта, прежде всего для самой Франции, генерал Бийот пытался убедить их в том, что «не существует никакого другого решения германской проблемы» и что «за парижские соглашения нужно голосовать именно для того, чтобы воспрепятствовать возрождению германской гегемонии (I)»³.

В английской буржуазной литературе можно иногда встретить трезвые рассуждения о том, что, возрождая германский милитаризм, союзники, по существу, выпускают на волю опасного джина, который может натворить немало бед, что с включением ФРГ в «оборону Запада» там резко усилился дух агрессии и реваншизма.

В целом, однако, английские буржуазные авторы пытались и пытаются оправдать политику ремилитаризации Германии и роль Англии в этом деле.

В специальном исследовании группы «Чатэм хауз» Королевского института международных отношений о Западноевропейском союзе признается, что впервые в своей истории Великобритания вступила в мирное время в военный союз сразу с тремя крупнейшими государствами Европы — Францией, Западной Германией и Италией. И поступила она так, чтобы укрепить НАТО, чтобы «спасти хоть что-нибудь из обломков ЕОС» путем создания Западноевропейского союза, «который был изобретен в первую очередь как средство открыть путь перевооружению ФРГ и включить ее в организацию Североатлантического пакта»⁴.

Ремилитаризация ФРГ обосновывалась в английской реакционной литературе и необходимости «борьбы с коммунизмом», и желательностью уменьшения конкурентоспособности ФРГ в результате прекращения ее промышленности на производство вооружений, и традиционной британской политикой поддержания «равновесия сил» на континенте, и стремлением «примнить» Францию с Германией и т. д.

¹ P. Billotte. L'Europe est née, p. 15—16.

² Ibidem.

³ Ibid., p. 57, 155.

⁴ «Britain in Western Europe. WEU and the Atlantic Alliance». A Report by a Chatham House Study Group. London, 1956, p. X, 1, 54.

По-разному оценивая мотивы, цели, методы и перспективы политики возрождения германского милитаризма, реакционная литература главных империалистических держав в целом довольно единодушно оправдывала эту политику. Классовая ненависть к коммунизму и социалистическим странам, приверженность к политике «с позиции силы», ставка на агрессию и войну сделали западногерманский милитаризм и империализм ценным и необходимым союзником в глазах господствующих кругов и воинствующих идеологов США, Англии и Франции, в глазах всех апологетов «холодной войны».

В то же время нельзя не отметить, что, пожалуй, ни один из аспектов послевоенной внешней политики западных держав во главе с США не вызвал столько разногласий, возражений и критики среди самих буржуазных деятелей и идеологов, как их позиция в германском вопросе, их меры по возрождению в Западной Германии милитаризма и империализма. И в первые послевоенные годы и даже в 1950—1955 гг., а особенно в последнее время в Соединенных Штатах, в Англии, во Франции, в самой Федеративной Республике Германии многие видные политические деятели, священники, ученые, военные, публицисты, придерживающиеся самых различных классовых и партийных взглядов, резко осуждали и осуждают как крайне опасную для дела мира политику создания и оснащения современным оружием бундесвера, поддержки западногерманских реваншистов, отказа от заключения германского мирного договора, признания ГДР и границы по Одру — Нейсе, нормализации положения в Западном Берлине.

* * *

*

Оправдывая агрессивные действия американского империализма в Азии и на Дальнем Востоке, многие буржуазные авторы тщетно пытаются выдать за свидетельство миролюбия США заключенные ими с Японией мирный договор 1951 г. и так называемый «пакт безопасности» 1951 г. «Соединенным Штатам было предоставлено право размещать американские войска в Японии для поддержания международного мира и защиты Японии от вооруженного нападения (!)»¹, — так обычно кратко характеризуется в «солидной» буржуазной американской литературе значение этого пакта. Однако подобная интерпретация опровергается не только реальными фактами, но и признаниями самих идеологов империализма. Ряд американских же международных вольно или невольно называет истинные цели этой политики: создание «благоприятных» для США условий органи-

¹ F. R. Dulles. *America's Rise to World Power, 1898—1954*. N. Y., 1955, p. 269.

зации новых авантюр, агрессивий и войн в Азии; возрождение японского милитаризма.

Рассказывая о выработке послевоенной конституции Японии штабом генерала Макартура, ученые Брукинского института В. Рейтцел, М. Кэплэн и К. Кобленц пишут, например: «2-я глава конституции, которая озаглавлена «Отказ от войны»... хотя и была совместима частично с первоначальными намерениями оккупационной политики, стала необыкновенно большим камнем преткновения, когда американская политика по отношению к Японии начала изменяться в соответствии со стратегией сдерживания... Среди творцов американской политики было достигнуто согласие, что борьба между Советским Союзом и США уменьшила значение усилий изменить японское общество и что гораздо важнее восстановить Японию как полезную базу для американской силы... Более того... японский вопрос стал представлять исключительно в военно-стратегических аспектах, что усиливалось неблагоприятным (для империалистов. — *Авт.*) поворотом событий в Азии... Соединенные Штаты, следовательно, поощряли создание японской армии — национального полицейского резерва, обученного и снаряженного американской армией, несмотря на антивоенные положения составленной американцами японской конституции»¹.

Наряду со стандартными фразами о «миссии борьбы с коммунизмом» широко распространенная теория «баланса сил» служит в современной буржуазной литературе еще одним «оправданием» политики послевоенного союза США с германскими и японскими реакционерами и милитаристами. «Полное разрушение японской силы имело своим результатом такое же полное нарушение равновесия и баланса сил, существовавшего на Дальнем Востоке, — пишет видный специалист по азиатской политике США Л. Баттистини. — Несмотря на присущие ей милитаризм, агрессивность и крайний национализм, Япония все же была мощным стабилизирующим фактором (!). Императорская Япония, кроме того, давно и яростно преследовала и подавляла коммунизм. С крахом японской силы огромный силовой вакуум образовался во многих районах Азии, и местное коммунистическое движение смогло эффективно утвердиться здесь»².

«Развивая» подобные взгляды, другой крупный американский международник, Л. Холли, сам, очевидно, не замечая этого, признает, что после второй мировой войны США по существу стали играть на Дальнем Востоке ту же самую роль, какую до войны играла здесь японская военщина, что правящие круги США явились фактически прямыми продолжателями захватнических действий японского империализма в Корее, наследовали японскую политику по отношению к Китаю, ко всей Восточной Азии. «Когда правительство Соединенных Штатов стало правительством Японии (как это было в действительности), — пишет Л. Холли, — когда американские вооруженные силы приняли на себя ту основную ответственность, которую до тех пор несла японская армия, тогда стратегические проблемы нашей дальневосточной политики сразу сделались более обширными и менее управляемыми... Одним ударом мы сняли исторические японские обязательства и ответственность с японцев и переложили их на свои собственные плечи. Мы также приобрели ее экономические интересы в той области, которую она эвфемистически называла «сферой процветания Великой Восточной Азии». Мы наследовали, тяжелой ценой для нас, стратегические интересы на Корейском полуострове и последующий конфликт из-за этого полуострова... Как преемники японского правительства мы впали затем в продолжение старой войны с Китаем»³ и т. д.

Красноречивые рассуждения Л. Холли говорят сами за себя и вряд ли нуждаются в особых комментариях. Следует только отметить, что они не

¹ W. Reitzel, M. A. Kaplan, C. G. Coblentz. United States Foreign Policy. 1945—1955. Washington, 1956, p. 171—174.

² L. H. Battistini. The United States and Asia. N. Y., 1955, p. 207.

³ L. J. Halle. American Foreign Policy, p. 253—254.

оставляют камня на камне от многочисленных мифов о «защите демократии», «коллективной обороне» и т. п., которыми усиленно пытается прикрыть агрессивные действия США в Корее и во всей Азии официальная американская пропаганда. «Духовное родство», союз империалистов и милитаристов США и Японии, общность их интересов, целей и действий по отношению к силам социализма, демократии и национального освобождения как до, так и после второй мировой войны являются неоспоримым фактом.

4. Оправдание грязной войны в Индокитае, колониальных захватов и войн

Одним из ведущих направлений буржуазной литературы является оправдание и восхваление империалистической, захватнической и эксплуататорской политики по отношению к колониальным и слаборазвитым странам. Особенно значительное внимание при этом уделяется апологетике колониальных войн и экспансии, насилия и расправ над народами, борющимися за свое национальное освобождение.

Описание «подвигов» полководцев и конкистадоров, сыгравших важную роль в создании огромных колониальных империй, прочно вошло в «золотой фонд» буржуазной литературы. Любые жестокости и злодеяния грабителей оправдывались якобы возложенной на них «исторической миссией», необходимостью приобщить к «благам цивилизации отсталых туземцев».

Расцветшая в период безраздельного господства империализма теория о необходимости насильственного присоединения «цветных народов» ради их же собственной выгоды к метрополиям вылилась в период краха колониальной системы в отчаянные призывы к «поддержанию порядка» во владениях империалистических держав путем кровавых расправ над «смутьянами» с помощью «полицейских операций», пушек, самолетов, танков и т. п.

Борьба против восставших народов была объявлена... «внутренним делом» колониальных держав. Кровавые действия вооруженных до зубов парашютистов, солдат и моряков капиталистической метрополии против героических борцов за свободу угнетенных народов цинично приравнены к... борьбе с бандитизмом. «В каждой стране, — заявляет, например, один из деятелей и идеологов британского империализма, А. Бэрнс, — бывают случаи, когда должна быть использована сила для поддержания порядка... Когда такие случаи возникают в независимых странах и меры, считающиеся необходимыми администрацией, бывают приняты, за этим не следует никаких комментариев, либо комментарии бывают незначительны, но соответствующие меры на зависимых территориях подвергаются строгой критике и рассматриваются как пример последствий «колониализма»¹. Возмущенный такой «несправедливостью», Бэрнс утверждает, что зверские бомбардировки английской авиацией племен Кении и Адена являются якобы именно подобными необходимыми «внутренними мерами по поддержанию порядка».

¹ А. Burns. In Defence of Colonies. British Colonial Territories in International Affairs. London, 1957, p. 34.

Версия о «полицейском характере» войн колонизаторов против восставших народов дополняется утверждениями о том, что жестокая борьба с национально-освободительным движением оправдана-де его «коммунистическим происхождением», «вмешательством извне» во «внутренние дела» рассыпающихся империй.

Империалисты никак не хотели расставаться после второй мировой войны со своими владениями, важнейшими источниками своего обогащения, с властью над десятками миллионов поработанных и эксплуатируемых ими людей. И наиболее рьяные трубадуры империализма приложили немало стараний, чтобы оправдать его попытки силой — огнем и мечом — остановить объективный революционный процесс освобождения народов Азии, Африки и Латинской Америки из-под ярма колониализма.

Наглядным примером подобных стараний может служить фальсификация реакционной буржуазной литературой всего хода и характера борьбы народов Индокитая за свою свободу и независимость. Крайне реакционные круги французской буржуазии и ее идеологи с самого начала выступили против «капитуляции» метрополии перед борющимися за свое освобождение «заморскими» народами, за безжалостное подавление национально-освободительного движения, за сохранение любой ценой хоть каких-то остатков старой колониальной империи Франции.

По мнению колониалистов, все «зло» пошло от «слабости», проявленной французскими властями и войсками при подавлении силой национально-освободительной борьбы народов Азии и Африки еще на самом первом этапе ее развития. «Цепной распад нашей колониальной империи, необходимой для нашей независимости и нашей экономики», утверждает, например, один из представителей этих кругов, генерал А. Омеран, начавшись с «отказа» от мандата на Сирию и Ливан и с «уступок», сделанных временным правительством Франции в Индокитае в 1946 г.¹

Апологеты Французской империи с восторгом встретили разрыв переговоров между Францией и Вьетнамом и вооруженное нападение французских империалистов на народы Индокитая с целью восстановления здесь своего колониального господства. Речь идет всего-навсего о небольшой «полицейской операции», ликвидации «кучки бунтовщиков», — пытались уверить своих читателей проповедники «насилъственного успокоения» восставших народов.

Французские колонизаторы и их идеологи усиленно пропагандировали версию, отрицающую национальный характер освободительного движения в Индокитае. На первом этапе войны они старались, игнорируя факты и документы, убедить французов и мировое общественное мнение в том, что Августовская революция 1945 г. во Вьетнаме и национально-освободительное движение в Индокитае будто бы инспирированы японской военщиной². Свою интервенцию в Индокитае они пытались вначале представить как меру, необходимую якобы для ликвидации здесь последствий японской оккупации.

Один из «ученых мужей» Сорбонны, М. Девез, изображал кровавые действия ландскнехтов французского империализма в качестве некой благотворительной «миссионерской» деятельности. «Народ возвращался к жизни и

¹ А. Aumeran. Paix en Algérie. Paris, 1959, p. 4.

² Frédéric-Dupont. Mission de la France en Asie.

работе по мере продвижения французов... — пишет Девез, — они реконструировали (!) школы, госпитали; инженерные части восстанавливали дороги, разрушенные в ряде мест, и железнодорожные пути»¹.

Поражение французских колонизаторов, огромный размах борьбы народов Индокитая за свою независимость и успехи, достигнутые в этой борьбе, разоблачили все лицемерие рассуждений о «восстановлении жизни и порядка» войсками экспедиционного корпуса. Инициаторам и апологетам колониальной войны пришлось прибегать к новым приемам маскировки. Они стали распространять вымыслы о том, что будто бы Франция ведет в Азии тяжелую борьбу в одиночку против «мирового коммунизма», против «агрессии КНР» во Вьетнаме. Описывая события в Индокитае периода 1950—1954 гг., профессор Лилльского университета Ж. Дюрозель обвиняет... Вьетнам «в развязывании безжалостной войны» против Франции, в «преследовании всех противников коммунизма». «Из войны колониальной, — уверяет он своих читателей, — война в Индокитае превратилась в войну антикоммунистическую»², т. е. приобрела, по мнению профессора, «священный» характер.

Тезис об «антикоммунистическом» значении грязной войны в Индокитае, о необходимости «помочь» Франции в этой войне был подхвачен идеологами и пропагандистами американского империализма, усилению прокладываявшего себе путь во владения своих «друзей».

«На юго-востоке Азии, — писали Р. Снайдер и Э. Фэрнис, — Соединенные Штаты взяли на себя все возраставшие косвенные военные обязательства помочь Франции в ее войне против Вьетнама... По мере того как война затягивалась, французы проявляли все большую тенденцию заявлять, что они участвуют в битве Америки за сдерживание коммунизма... Соединенные Штаты согласились с французским мнением»³.

Американские авторы не делали, однако, секрета из весьма своеобразного характера «помощи» США Франции в ее войне в Индокитае. После того как «борьба в Индокитае начала приобретать важность и значение в глазах Вашингтона», после того как французы сделали императора Аннама Бао Дая главой Вьетнама, именно эта марионетка, по признанию Л. Баттистини, «стала пользоваться вниманием и поддержкой в Вашингтоне»⁴.

Вытеснение французского влияния из Индокитая и борьба против национально-освободительного движения шли параллельно и велись американским империализмом под одним и тем же флагом: «защиты свободного мира от коммунистической угрозы». Соединенные Штаты включились в войну в Индокитае «только тогда, — уверяют своих читателей авторы коллективного труда «Политика союзов в холодной войне», — когда стратегические соображения потребовали этого». Политические цели США обосновывались в этом труде следующим образом: «Наша политика имела две стороны. Мы как бы сотрудничали с колониальной державой, чтобы сокрушить находящееся под

¹ M. Devèze. La France d'outre-mer. De l'empire colonial à l'Union Française. Paris, 1948, p. 214—215.

² J.-B. Duroselle. Histoire diplomatique de 1919 à nos jours. Paris, 1957, p. 627.

³ E. S. Furniss and R. C. Snyder. American Foreign Policy, p. 742—743.

⁴ L. H. Battistini. The United States and Asia, p. 299.

господством коммунистов мятежное правительство, несмотря на тот факт что оно завоевало умы большинства вьетнамских националистов и молчаливую поддержку многих афро-азиатских стран. В то же самое время мы фактически как бы действовали против французского колониализма, вынуждая его создать альтернативное правительство, достаточно независимое, чтобы уравновесить националистический призыв Хо Ши Мина»¹.

Таким образом, новейшей маскировкой современной колониальной агрессивной войны стали лозунги «обороны» и «антиколониализма», изобретенные американским империализмом и его апологетами. Впрочем, даже авторы исследования «Политика союзов в холодной войне» вынуждены признать, что «антиколониальные» (они сами берут в кавычки это слово. — *Авт.*) аспекты американской политики в Индокитае никогда не получали поддержку со стороны нейтралистской Азии»², так же как и созданные США и их западными союзниками военно-агрессивные блоки СЕАТО и СЕНТО, хотя прославлению последних в реакционной литературе было уделено немало внимания и усилий.

* *

*

Опыт послевоенных лет со всей ясностью показал, что угроза войнами и атомными бомбами, колониальные походы и «священные союзы» империалистов, «локальные интервенции» и политика «с позиций силы» не могли приостановить распространения марксистско-ленинских идей, помешать укреплению социалистического содружества, борьбе народов за социальное и национальное освобождение, развитию мирового коммунистического и рабочего движения. С каждым годом становилось все более очевидным, что любая попытка остановить, «сдерживать» мировой революционный процесс водородными бомбами приведет к ответному уничтожающему удару по агрессору, что политика «устрашения» неэффективна и, более того, наносит ущерб лишь самим империалистическим державам. Каждая новая империалистическая, колониалистская агрессия, «демонстрация силы» или провокация «на грани войны» приводили лишь к международной изоляции наиболее воинствующих политиков империалистического лагеря, к подрыву его позиций на мировой арене. Безудержная пропаганда в реакционной буржуазной литературе «тотальной войны» во всех ее проявлениях способствовала разоблачению истинного курса и целей внешней политики западных держав во главе с США, обострению ко второй половине 50-х годов кризиса «политики силы» и империалистической идеологии.

¹ «Alliance Policy in the Cold War». Ed. by A. Wolfers. Baltimore, 1959, p. 242—244.

² Ibid., p. 247.

ОСНОВОПОЛОЖНИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

- Маркс К. и Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии. Соч., изд. 2, т. 4.
Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В. И. О пролетарском интернационализме. М., 1957.
- Ленин В. И.* Воинствующий милитаризм и антимилитаристская тактика социал-демократии. Соч., изд. 5, т. 17.
- Ленин В. И.* Марксизм и ревизионизм. Соч., изд. 5, т. 17.
- Ленин В. И.* Отсталая Европа и передовая Азия. Соч., изд. 5, т. 23.
- Ленин В. И.* О лозунге Соединенных Штатов Европы. Соч., изд. 5, т. 26.
- Ленин В. И.* Социализм и война. Соч., изд. 5, т. 26.
- Ленин В. И.* Империализм, как высшая стадия капитализма. Соч., изд. 5, т. 27.
- Ленин В. И.* Военная программа пролетарской революции. Соч., изд. 5, т. 30.
- Ленин В. И.* Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический. Соч., изд. 5, т. 30.
- Ленин В. И.* О лозунге «разоружения». Соч., изд. 5, т. 30.
- Ленин В. И.* Война и революция. Соч., изд. 5, т. 32.
- Ленин В. И.* Государство и революция. Соч., изд. 5, т. 33.
- Ленин В. И.* Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Соч., изд. 4, т. 31.
- Ленин В. И.* III конгресс Коммунистического Интернационала. 22 июня — 12 июля 1921 г. Тезисы доклада о тактике РКП на III конгрессе Коммунистического Интернационала. Соч., изд. 4, т. 32.
- Ленин В. И.* IX Всероссийский съезд Советов. 23—28 декабря 1921 г. О внутренней и внешней политике республики. Соч., изд. 4, т. 33.
- Ленин В. И.* Интервью корреспонденту «Обсервер» и «Манчестер гардиан» Фарбману. Соч., изд. 4, т. 33.
- Ленин В. И.* Лучше меньше, да лучше. Соч., изд. 4, т. 33.
- Ленин В. И.* XI съезд РКП(б). 27 марта — 2 апреля 1922 г. Политический отчет Центрального Комитета РКП(б) 27 марта. Соч., изд. 4, т. 33.
- Ленин В. И.* О международном и внутреннем положении Советской республики. Речь на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов 6 марта 1922 г. Соч., изд. 4, т. 33.
- Ленин В. И.* Тетради по империализму. Соч., изд. 4, т. 39.
- Ленин В. И.* Военная переписка (1917—1920). М., 1956.
- Ленин В. И.* О национальном и национально-колониальном вопросе. М., 1956.
- Ленин В. И.* О войне, армии и военной науке, т. I—II. М., 1957—1958.
- Ленин В. И.* О воспроизводстве и экономических кризисах. М., 1957.
- Ленин В. И.* О внешней политике Советского государства. М., 1960.
- Ленин В. И.* Об иностранной военной интервенции и гражданской войне в СССР. М., 1956.
- Ленин В. И.* О международной политике и международном праве. М., 1958.

- Ленин В. И.* О международном рабочем и коммунистическом движении. М., 1958.
- Ленин В. И.* Об отношении революционного пролетариата к буржуазным и мелкобуржуазным партиям. М., 1958.
- Ленин В. И.* Против ревизионизма. М., 1958.

ОСНОВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ КОММУНИСТИЧЕСКИХ И РАБОЧИХ ПАРТИЙ, ВЫСТУПЛЕНИЯ И ТРУДЫ РУКОВОДИТЕЛЕЙ КПСС И БРАТСКИХ ПАРТИЙ

- «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1961.
- «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. III, 1930—1954; ч. IV, 1954—1960, изд. 7. М., 1954, 1960.
- «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14—25 февраля 1956 года. Стенографический отчет», т. I—II. М., 1956.
- «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. 27 января — 5 февраля 1959 года. Стенографический отчет», т. I—II. М., 1959.
- «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17—31 октября 1961 года. Стенографический отчет», т. I—III. М., 1962.
- «Постановление Пленума ЦК КПСС по докладу советской правительственной делегации об итогах советско-югославских переговоров». «Правда», 13 июля 1955 г.
- «О преодолении культа личности и его последствий». Постановление ЦК КПСС. 30 апреля 1956 г. М., 1956.
- «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм». Документы совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 г., в Бухаресте в июне 1960 г., в Москве в ноябре 1960 г. М., 1961.
- «Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала». М., 1935.
- «XVII съезд Коммунистической партии Австрии». М., 1958.
- «XII Национальный съезд Коммунистической партии Бельгии». М., 1958.
- «Болгарская Коммунистическая партия. VII съезд». М., 1958.
- «XXV (чрезвычайный) съезд Коммунистической партии Великобритании». М., 1958.
- «VII съезд Венгерской социалистической рабочей партии». М., 1960.
- «Партия трудящихся Вьетнама. III съезд». М., 1961.
- «Третья конференция Социалистической единой партии Германии». М., 1956.
- «Белая книга Коммунистической партии Германии о процессе против КПГ в федеральном конституционном суде». Перев. с нем. М., 1956.
- «XX съезд Коммунистической партии Дании». М., 1959.
- «Материалы VIII съезда Итальянской коммунистической партии». М., 1957.
- «Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая». М., 1956.
- «Трудовая партия Кореи. III съезд». М., 1957.
- «Монгольская народно-революционная партия. XIII съезд». М., 1959.
- «XIX съезд Коммунистической партии Нидерландов». М., 1959.
- «III съезд Польской объединенной рабочей партии». М., 1959.
- «III съезд Румынской рабочей партии». М., 1961.
- «XI съезд Коммунистической партии Финляндии». М., 1958.
- «XIV съезд Французской коммунистической партии». М., 1956.
- «X съезд Коммунистической партии Чехословакии». М., 1956.
- «XVIII съезд Коммунистической партии Швеции». М., 1959.
- «VII съезд Коммунистической партии Японии». М., 1959.
- «Программные документы коммунистических и рабочих партий стран Америки» (Сборник). М., 1962.
- «Программные документы коммунистических и рабочих партий капиталистических стран Европы» (Сборник). М., 1960.

* *

*

- «Българската Комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите», т. 4. 1944—1954. София, 1954.
- «The British Road to Socialism». London, 1952.
- «Communist Party of India. Congress, 4-th». Palghat, 1956.
- «Conference of communist and workers' Parties of Countries within the Sphere of British Imperialism». London, 1954.
- «Kommunistische Partei Deutschlands. Thesen der Kommunistische Partei Deutschlands. Beschlossen am 30. Dezember 1954 auf dem Hamburger Parteitag». Berlin, 1955.
- «Kommunistische Partei Österreichs. Parteitag, 16». Wien, 1954.
- «Die Sozialistische Einheitspartei Deutschlands». Dokumente. Bd 1—3. Berlin, 1952.

* *

*

- Хрущев Н. С. Речь на первой сессии Верховного Совета СССР четвертого созыва 26 апреля 1954 г. М., 1954.
- Хрущев Н. С. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. 14 февраля 1956 года. М., 1956.
- Хрущев Н. С. Сорок лет Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957.
- Хрущев Н. С. За прочный мир и мирное сосуществование. М., 1958.
- Хрущев Н. С. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы. Доклад и заключительное слово на внеочередном XXI съезде Коммунистической партии Советского Союза 27 января и 5 февраля 1959 г. М., 1959.
- Хрущев Н. С. К победе в мирном соревновании с капитализмом. М., 1959.
- Хрущев Н. С. За мир, за разоружение, за свободу народов. М., 1960.
- Хрущев Н. С. Мир без оружия — мир без войн, т. 1—2. М., 1960.
- Хрущев Н. С. О внешней политике Советского Союза. 1960 год, т. 1—2. М., 1961.
- Хрущев Н. С. Отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII съезду партии. 17 октября 1961 г. М., 1961.
- Хрущев Н. С. О Программе Коммунистической партии Советского Союза. Доклад на XXII съезде Коммунистической партии Советского Союза 18 октября 1961 г. М., 1961.
- Хрущев Н. С. Заключительное слово на XXII съезде КПСС 27 октября 1961 года. М., 1961.
- Хрущев Н. С. Насущные вопросы развития мировой социалистической системы. М., 1962.
- Хрущев Н. С. Коммунизм — мир и счастье народов, т. 1—2. М., 1962.
- Хрущев Н. С. Современное международное положение и внешняя политика Советского Союза. Доклад на сессии Верховного Совета СССР 12 декабря 1962 г. М., 1962.
- Хрущев Н. С. Выступление на VI съезде Социалистической единой партии Германии 16 января 1963 года. М., 1963.
- Хрущев Н. С. Речь на собрании избирателей Калининского избирательного округа г. Москвы 27 февраля 1963 г. М., 1963.
- Хрущев Н. С. Предотвратить войну, отстоять мир! М., 1963.

* *

*

- Айдит Д. Н. Избранные произведения. Статьи и речи. М., 1962.
- Арисменди Р. Великая Октябрьская социалистическая революция и национально-освободительное движение в Уругвае. Перев. с испан. М., 1957.

- Бак Т.* Наша борьба за Канаду. Избранные произведения. 1923—1959. Перев. с англ. М., 1961.
- Бухали Ларби.* Октябрьская социалистическая революция и национальное движение в Алжире. М., 1957.
- Георгиу-Деж Г.* Статьи и речи, т. I—II. М., 1956.
- Гомулка В.* Избранные статьи и речи (1959—1961). М., 1962.
- Гомулка В.* Статьи и речи. М., 1959.
- Гротеволь О.* Избранные статьи и речи (1945—1959). М., 1961.
- Гхош А.* Статьи и речи. М., 1962.
- Деннис Ю.* Статьи и речи (1947—1951). М., 1952.
- Дюкло Ж.* Единство действий рабочего класса и Народный фронт. М., 1956.
- Живков Т.* Отчетный доклад Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии VII съезду партии 2 июня 1958 года. М., 1958.
- Ибаррури Д.* Единственный путь. М., 1962.
- Кадар Я.* Избранные статьи и речи (1957—1960 гг.). М., 1960.
- Ким Ир Сен.* Избранные статьи и речи. М., 1962.
- Кодовилья В.* Статьи и речи. 1926—1956. М., 1957.
- Новотный А.* За победу мира и социализма. М., 1960.
- Носака Сандзо.* Сборник выступлений и статей (1946—1961). На япон. яз. Токио, 1961.
- Пик В.* Избранные произведения. М., 1956.
- Поллит Г.* Марксизм и рабочее движение в Великобритании. М., 1960.
- Тольятти П.* Итальянская коммунистическая партия. М., 1959.
- Торез М.* Избранные произведения, т. 1—2. М., 1959.
- Ульбрихт В.* Избранные статьи и речи. М., 1961.
- Фостер У. З.* Закат мирового капитализма. М., 1959.
- Хо Ши Мин.* Избранные статьи и речи. М., 1959.
- Цеденбал Ю.* Социалистические преобразования в Монгольской Народной Республике. М., 1960.
- Шарки Л. Л.* Социализм в Австралии. М., 1958.

* *
*

- Gollan J.* Build the Communist Party. London, 1955.
- Longo L.* Per un rinnovamento democratico e socialista del nostro paese. Roma, 1956.
- Reimann M.* Hebung des Klassenbewusstsein und des Patriotismus der Arbeiterklasse — die wichtigste ideologisch — politische Aufgabe der KPD im Kampf gegen der Pariser Verträge, für die friedliche Wiedervereinigung Deutschlands. Referat auf der 20. Tagung des Parteivorstandes der KPD am 5—6. Juni 1955. Berlin, 1955.
- Reimann M.* Die nationale Bedeutung der Volksbewegung in Westdeutschland und die Aufgaben der Kommunistischen Partei Deutschlands. Referat auf der 15. Tagung des Parteivorstandes der KPD am 19—20. August 1954. Berlin, 1955.
- Rochet W.* Les Projets «européens» et la lutte pour l'indépendance nationale et la paix. Rapport au Comité central du Parti communiste français. Paris, 1957.

ИСТОЧНИКИ

Документы, опубликованные в Советском Союзе и других социалистических странах

- «Внешняя политика Советского Союза. 1950 г.» М., 1953.
- «Варшавское совещание европейских государств по обеспечению мира и безопасности в Европе. 1955 г.» Материалы. М., 1955.
- «Всемирная ассамблея мира. Хельсинки, 1955 г.» Сборник материалов. М., 1956.

- «Всемирный конгресс сторонников мира, 1-й. Париж — Прага, 1949 г.» Материалы. М., 1950.
- «Всемирный конгресс сторонников мира, 2-й. Варшава, 1950 г.» Материалы. М., 1951.
- «Декларации, заявления и коммюнике Советского правительства с правительствами иностранных государств. 1954—1957 гг.» М., 1957.
- «Декларация правительств СССР и ФНРЮ». «Правда», 3 июня 1955 г.
- «Директивы Глав правительств четырех держав министрам иностранных дел». «Правда», 24 июля 1955 г.
- «Заключительное коммюнике о переговорах между Советским Союзом и ГДР». «Правда», 21 сентября 1955 г.
- «Заключительное коммюнике о результатах переговоров между правительственными делегациями Советского Союза и Германской Федеральной Республики». «Правда», 14 сентября 1955 г.
- «Заявление МИД СССР о парижских соглашениях». «Правда», 10 сентября 1954 г.
- «Заявление МИД СССР по корейскому вопросу». «Правда», 2 апреля 1953 г.
- «Заявление МИД СССР о безопасности на Ближнем и Среднем Востоке». «Правда», 17 апреля 1955 г.
- «Конгресс народов в защиту мира. Вена, 1952 г.» Материалы. М., 1954.
- «К переговорам между Правительством СССР и Правительством США по атомной проблеме». Документы. М., 1954.
- «Международные отношения и внешняя политика СССР. Сборник документов (1871—1957 гг.)». М., 1957.
- «Меморандум о результатах переговоров между Правительственной Делегацией Советского Союза и Правительственной Делегацией Австрийской Республики». «Правда», 16 мая 1955 г.
- «Московское совещание европейских стран по обеспечению мира и безопасности в Европе. 1954 г.» Материалы. М., 1954.
- «Постановление Верховного Совета СССР об итогах Женевского совещания Глав правительств четырех держав». «Правда», 6 августа 1955 г.
- «Правда о политике западных держав в германском вопросе. Об ответственности западных держав за нарушение Потсдамского соглашения и возрождение германского милитаризма (Историческая справка)». М., 1959.
- «Проект СССР «Общеввропейского договора о коллективной безопасности в Европе» (Основные принципы)». «Правда», 11 февраля 1954 г.
- «Предложение Советского правительства по вопросам сокращения вооружений, запрещения атомного оружия и устранения угрозы новой войны». «Правда», 11 мая 1955 г.
- «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами», вып. XIV—XVIII. М., 1957—1960.
- «Сборник нот и заявлений правительств СССР, США, Китая и Англии и других стран по вопросу мирного урегулирования для Японии». М., 1951.
- «Советский Союз и вопрос о единстве Германии и мирном договоре с Германией». Сборник материалов. М., 1952.
- «Советско-китайские отношения. 1917—1957 гг.» Сборник документов. М., 1959.
- «Совместное заявление Председателя Совета Министров СССР и Премьер-министра Индии от 22 июня 1955 г.» «Правда», 23 июня 1955 г.
- «Соглашение между СССР и Финляндской Республикой об отказе Советского Союза от прав на использование территории Порккала-Удд для военноморской базы и выводе советских вооруженных сил с этой территории». «Правда», 20 сентября 1955 г.
- «Сообщение ТАСС о решении Советского правительства о новом сокращении вооруженных сил на 640 тысяч человек». «Правда», 13 августа 1955 г.
- «СССР и арабские страны. 1917—1960 гг. Документы и материалы». М., 1961.
- «СССР и страны Африки. 1946—1962 гг. Документы и материалы». В 2-х томах. Т. 1. 1946 — сент. 1960. М., 1963.
- Указ Президиума Верховного Совета СССР «О прекращении состояния войны между Советским Союзом и Германией». «Правда», 26 января 1955 г.
- «Белая книга о возрождении германского империализма». М., 1952.

- «Белая книга о милитаристском «общем договоре»». М., 1953.
- «Документы о внешней политике правительства Германской Демократической Республики. 7 октября 1949 г. — 25 марта 1954 г.» Перев. с нем. М., 1955.
- «Документы о внешней политике правительства Германской Демократической Республики. От Заявления о суверенитете (25 марта 1954 г.) до Варшавского совещания (11—14 мая 1955 г.)» Перев. с нем. М., 1956.
- «Документы о внешней политике правительства Германской Демократической Республики. 22 мая 1955 г. — 30 июня 1956 г.» Перев. с нем. М., 1958.
- «Франция и европейская армия». Сборник материалов. Перев. с франц. М., 1954.

* *
*

- «Alliierter Kontrollrat und Außenministerkonferenzen». Kleine Dokumentations-sammlung. Berlin, 1959.
- «Die Pariser Verträge». Berlin, 1956.
- «CSR a Německo. Výbor dokumentů o československé politice v německé otázce». Praha, 1959.
- «Dokumente zur Aussenpolitik der Deutschen Demokratischen Republik». Berlin, 1954.
- «Dokumenty československé zahraniční politiky. 1945—1960». Praha, 1960.
- «Dokumente zur Deutschlandpolitik der Sowjetunion». Bd. 1. Vom August 1945 bis zum März 1954. Berlin, 1957.
- «Dokumenty wrogiej działalności rządu Stanów Zjednoczonych wobec Polski Ludowej». Warszawa, 1953.
- «Dziennik Ustaw Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej». Warszawa, 1950—1955.
- «Friedensvertrag mit Deutschland». Kleine Dokumentensammlung, Bd. I. Berlin, 1958; Bd. II. Berlin, 1959.
- «Německý revanšismus — hrozba míru». Praha, 1959.
- «Prawo międzynarodowe i historia dyplomatyczna». Wybór dokumentów. T. III. Warszawa, 1960.
- «Zbiór dokumentów». Warszawa, 1950—1955.

Документы, опубликованные в Соединенных Штатах Америки, Великобритании, Франции, Западной Германии и других капиталистических странах

- «American Foreign Policy 1950—1955. Basic Documents. 2 vls. Department of State Publication 6446. General Foreign Policy Series 117». Washington, 1957.
- «Anglo-Egyptian Conversations on the Defence of the Suez Canal and on the Sudan. December 1950 — November 1951». London, 1951.
- The Baghdad Pact (SENTO). «Documents on American Foreign Relations, 1955». N. Y., 1956, p. 342—344.
- «The Bangkok Conference of the Manila Pact Powers. February 23—25, 1955». Washington, 1955.
- «Basic Documents of International Relations». N. Y., 1951.
- «Die Bemühungen der Bundesregierung um Wiederherstellung der Einheit Deutschlands durch gesamtdeutsche Wahlen. Dokumente und Akten. 1950—1955. Hrsg. vom Bundesministerium für gesamtdeutschen Fragen». Bonn, 1958.
- «British Foreign Policy. Some relevant Documents. January 1950 — April 1955». London — N. Y., 1955.
- «Conference of Ministers. Paris 1954. Documents agreed on by the Conference of Ministers held in Paris. October 20—23, 1954». London, 1954.
- «Conférence des quatre ministres des affaires étrangères de France, des Etats Unis d'Amérique, du Royaume — Unie et de l'Union des Républiques Socialistes. Berlin, 1954». Documents. Paris, 1954.

- «Congressional Record», vol. 95—102. Washington, 1950—1956.
- Control of Trade with Communist Bloc Countries: Statement by the Director for Mutual Security before the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives. March 30, 1953. «Documents on American Foreign Relations, 1953». N. Y., 1954, p. 93—98.
- «Correspondence between H. M. Government of the United Kingdom and the Persian Government, and related Documents Concerning the Oil Industry in Persia. February 1951 to September 1951». London, 1951.
- «Council of Europe. Consultative Assembly Session, 5-th, 6-th, 7-th». Strasbourg, 1953, 1954, 1955.
- «Department of State Bulletin». Washington, 1950—1955.
- «Deutsch-französische Konferenz. Bad Neuenahr 1955». Bonn, 1956.
- «Deutschland in Wiederaufbau Tätigkeitsbericht der Bundesregierung für die Jahre 1949—1959». Bonn, 1959.
- «Die deutsche Frage 1952—1956. Notenwechsel und Konferenz — Dokumente der vier Mächte». Frankfurt/M. — Berlin, 1958.
- «Diplomacy in the Near and Middle East». A documentary record. N. Y., 1956.
- «Disarmament and Security. A Collection of Documents 1919—1955. Subcommittee on Disarmament». Washington, 1956.
- «Documents on American Foreign Relations», vol. XIII—XVII, 1951—1955. Boston — Princeton, 1952—1957.
- «Documents on Disarmament (1945—1959)». Washington, 1961.
- «Documents on Germany under Occupation. 1945—1954». London, 1955.
- «Documents on Germany. 1944—1961». Washington, 1961.
- «Documents on International Affairs. 1951—1955». London, 1954—1958.
- «Documents on Swedish Foreign Policy. 1950—1955». Stockholm, 1957.
- «Dokumentation zur Abrüstung und Sicherheit von 1943 bis 1959». Bonn — Wien — Zürich, 1960.
- «Dokumentation zur Deutschlandfrage. Von der Atlantik — Charta 1941 bis zur Genfer Außenministerkonferenz 1959». Bonn, 1959.
- «Documents and Speeches on British Commonwealth Affairs. 1931—1952», vol. 1—2. London, 1953.
- «Foreign Policy of India. Texts of Documents 1947—1958». New Delhi, 1958.
- «Frieden-Wiedervereinigungssicherheit. Eine Zeittafel zur Deutschlandpolitik 1945—1958». Hrsg. vom Bundesministerium für gesamtdeutsche Fragen. Bonn, 1958.
- «Great Britain. Foreign Office. Treaty Series». 1950—1955. Index to Treaty series 1950—1954. London, 1958.
- «Military Situation in the Far East. Hearings before the Committee on Armed Services and the Committee on Foreign Relations. U. S. Senate, 82-nd Congress, 1-st Session, G. P. O.» Washington, 1951.
- «Mutual Security Program of 1951. Public Law 165. 82-nd Congress, 1-st Session, G. P. O.» Washington, 1951.
- Les Accords de Paris. «L'Année Politique 1954». Paris, 1955, p. 657—678.
- «Probleme der internationalen Abrüstung. Eine Darstellung der Bemühungen der Vereinten Nationen 1945 bis 1955». Dokumente und Berichte des Europa-Archivs. Frankfurt/Main, 1956.
- «Resolution and Appeal of the Conference of Asian Countries». New Delhi, April 10, 1955.
- «The Reunification of Germany. Attempts to reach a Settlement. 1945—1960». London, 1960.
- «Selected Documents on Germany and the Question of Berlin, 1944—1961». London, 1961.
- South-East Asia Treaty Organization (SEATO). «Documents on American Foreign Relations, 1954». N. Y., 1955, p. 319—323.

Документы Организации Объединенных Наций

- «Объединенные нации. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи. Пятая сессия. Пленарные заседания. Стенографические отчеты заседаний». 19 сентября — 15 декабря 1950 г. (т. 1); 1 февраля — 5 ноября 1951 г. (т. 2). Нью-Йорк, 1951—1952.
- «Объединенные нации. Генеральная Ассамблея. Сессия 5-я. Нью-Йорк, 1950—1951 гг. Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей». Нью-Йорк, 1951.
- «Объединенные нации. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи. Шестая сессия. Париж, 1951—1952 гг. Пленарные заседания. Стенографические отчеты заседаний». 6 ноября 1951 г. — 5 февраля 1952 г. Париж, 1952.
- «Объединенные нации. Генеральная Ассамблея. Сессия 6-я. Париж, 1951—1952 гг. Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на шестой сессии за время с 6 ноября 1951 г. по 5 февраля 1952 г.» Нью-Йорк, 1952.
- «Объединенные нации. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи. Седьмая сессия. Пленарные заседания. Стенографические отчеты заседаний». 14 октября 1952 г. — 28 августа 1953 г. Нью-Йорк, 1954.
- «Объединенные нации. Генеральная Ассамблея. Сессия 7-я. Нью-Йорк, 1952—1953 гг. Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на седьмой сессии за время с 14 октября по 21 декабря 1952 г., с 24 февраля по 23 апреля 1953 г., с 17 по 28 августа 1953 г.» Нью-Йорк, 1953.
- «Объединенные нации. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи. Восьмая сессия. Пленарные заседания. Стенографические отчеты заседаний». 15 сентября — 9 декабря 1953 г. Нью-Йорк, 1953.
- «Объединенные нации. Генеральная Ассамблея. Сессия 8-я. Нью-Йорк, 1953 г. Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на восьмой сессии за время с 15 сентября по 9 декабря 1953 г.» Нью-Йорк, 1954.
- «Объединенные нации. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи. Девятая сессия. Пленарные заседания. Стенографические отчеты заседаний». 21 сентября — 17 декабря 1954 г. Нью-Йорк, 1955.
- «Объединенные нации. Генеральная Ассамблея. Сессия 9-я. Нью-Йорк, 1954. Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на девятой сессии за время с 21 сентября по 17 декабря 1954 г.» Нью-Йорк, 1954.
- «Объединенные нации. Генеральная Ассамблея. Сессия 9-я. Официальные отчеты. Приложения». Нью-Йорк, 1954.
- «Объединенные нации. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи. Десятая сессия. Пленарные заседания. Стенографические отчеты заседаний». 20 сентября — 20 декабря 1955 г. Нью-Йорк, 1956.
- «Объединенные нации. Генеральная Ассамблея. Сессия 10-я. Нью-Йорк, 1955 г. Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на десятой сессии с 20 сентября по 20 декабря 1955 г.» Нью-Йорк, 1956.
- «Объединенные нации. Совет Безопасности. Официальные отчеты». Шестой год, Седьмой год, Восьмой год, Девятый год, Десятый год. Нью-Йорк, 1952—1956.

Дневники, мемуары, выступления, биографии государственных и политических деятелей зарубежных стран

Джаган Чедди. Свобода под запретом. М., 1955; *Неру Дж.* Открытие Индии. Перев. с англ. М., 1955; *Нкрума Кваме.* Автобиография. Перев. с англ. М., 1961; *Нкрума Кваме.* Я говорю о свободе. Перев. с англ. М., 1962; *Паасикиви Юхо Кусти.* Линия Паасикиви. Статьи и речи 1944—1956 гг. Перев. с фин. М., 1958; *Секу Туре.* Независимая Гвинея. М., 1960; *Сукарно.* Индонезия обвиняет. М., 1956; *Acheson D.* A Democrat looks at his Party. N. Y., 1951; *Adams S.* Firsthand Report. The Story of the Eisenhower administration. N. Y., 1961; *Adenauer K.* World Indivisible with Liberty and Justice for All. N. Y., 1955; *Attlee C. R.* As It Happened. London, 1954; *Beal J. R.* John Foster Dulles. A Biography. N. Y., 1957; *Bourguiba H.* La Tunisie et la France. Vingt-cinq ans de lutte pour une

coopération libre. Paris, 1954; *Bowles Ch.* Ambassador's Report. N. Y., 1954; *Broad L.* Sir Anthony Eden. London, 1955; *Debré M.* La République et ses problèmes. Paris, 1952; *Debré M.* Ces princes qui nous gouvernent... Lettre aux dirigeants de la nation. Paris, 1957; *Donovan R.* Eisenhower: The inside Story. N. Y., 1956; «The Memoirs of Sir Anthony Eden. Full circle». London, 1960; *Gaitskell H.* The Challenge of Co-existence. London, 1957; *Gelsner K.* Konrad Adenauer. München, 1957; *Hughes E.* Winston Churchill. N. Y., 1957; *Kenworthy L.* Leaders of new Nations. N. Y., 1959; *Mende T.* Conversation avec Nehru. Paris, 1956; *Mendès-France P.* Sept mois et dix-sept jours. Paris, 1955; *Mendès-France P.* Gouverner c'est choisir. Paris, 1958; *Morrison H.* An Autobiography. London, 1960; *Naguib Mohammed.* Egypt's Destiny. London, 1955; *Nasser Gamal A.* Egypt's Liberation. Washington, 1955; *Nasser Gamal A.* The Philosophy of the Revolution. Buffalo, 1959; *Nehru Jawaharlal.* Jawaharlal Nehru's Speeches 1946—1953. Calcutta, 1958; «Wit and Wisdom of Jawaharlal Nehru». New Delhi, 1960; *Panikkar K. M.* In two Chinas. Memoirs of a Diplomat. London, 1955; *Panikkar K. M.* Common Sense about India. London, 1960; *Prasad Rajendra.* Speeches of President Rajendra Prasad. 1952—1956. Delhi, 1958; *Sadat Anwar.* Revolt on the Nile. London, 1957; *Stevenson A.* What I Think. N. Y., 1956; «The Memoirs by Harry S. Truman», vol. 1—2. N. Y., 1955—1956; *Truman H. S.* Truman speaks. N. Y., 1946; *Vaucher G.* Gamal Abdel Nasser et son Equipe. Paris, 1959; *Weymar P.* Konrad Adenauer. Die autorisierte Biographie. München, 1955.

ЛИТЕРАТУРА

Укрепление системы социализма.

Усиление ее воздействия на мировую политику

Багинян К. А. Борьба Советского Союза против агрессии. М., 1959; *Бернал Д.* Мир без войн. Перев. с англ. М., 1960; «Борьба Советского Союза за разоружение. 1946—1960 годы». Под ред. В. А. Зорина. М., 1961; *Вадимов В.* Верховный Совет СССР и международные отношения. М., 1958; *Вевюра Б.* Польско-германская граница и международное право. Перев. с польск. М., 1959; *Верещагин И. К., Рыбалкин В. Е.* О закономерностях экономического развития мировой социалистической системы. М., 1961; «Вопросы внешней политики СССР и современных международных отношений». Под ред. Л. Ф. Ильичева. М., 1958; «Вопросы внешней политики стран социалистического лагеря». Сборник статей. М., 1958; *Выгодский С.* О мирном сосуществовании двух систем. Л., 1956; *Выгодский С.* Внешняя политика СССР — политика мира и международного сотрудничества. М., 1958; *Гогюль Р. и Поль Г.* Одер — Нейсе, граница мира. Перев. с нем. М., 1960; «Две мировые системы хозяйства». Сборник статей. М., 1961; *Деборин Г. А.* Социализм — мировая система. М., 1958; «Демократическая Республика Вьетнам. 1945—1960». М., 1960; *Докукин В. И.* Два мира — две системы. М., 1958; *Драгилев М. С.* Рост мировой системы социализма и обострение противоречий капитализма. М., 1962; *Дудинский И. В.* Мировая система социализма и закономерности ее развития. М., 1961; *Жолио-Кюри Ф.* Пять лет борьбы за мир. М., 1955; *Зейдевиц М.* Германия между Одером и Рейном. Перев. с нем. М., 1960; *Золотарев В. И.* Мировой социалистический рынок. М., 1961; *Иванов Н. И.* Экономическое сотрудничество и взаимопомощь стран социализма. М., 1962; *Ильген К.* Дружба в действии. Экономическая помощь Советского Союза социалистическим государствам и экономически слаборазвитым странам. Перев. с нем. М., 1962; *Ильичев Л. Ф.* Прогресс науки и техники и международные отношения. М., 1958; *Ивашин И. Ф.* Очерки истории внешней политики СССР. М., 1958; «Из истории Германии нового и новейшего времени». Сборник статей. М., 1958; «История Болгарии», т. II. М., 1955; «История Коммунистической партии Советского Союза». М., 1962; «История СССР». Эпоха социа-

лизм (1917—1957 гг.). М., 1958; «История Чехословакии», т. III. М., 1960; *Карпинский А. и Раковский М.* Польша на фоне мировой экономики. Перев. с польск. М., 1961; *Коровин Е. А.* Основные проблемы современных международных отношений. М., 1959; *Ким Г.* Борьба корейского народа за мир, национальное единство и демократию. М., 1957; *Кудрявцев Д. И.* Борьба СССР за разоружение после второй мировой войны. М., 1962; *Лавриченко М. В.* Экономическое сотрудничество СССР со странами Азии, Африки и Латинской Америки. М., 1961; «Международно-правовые формы мирного сосуществования государств и наций». Под ред. С. Б. Крылова и К. Н. Дурденевского. М., 1957; «Международные отношения после второй мировой войны», т. 1 (1945—1949 гг.). М., 1962; «Международные отношения и внешняя политика Советского Союза. 1950—1959», т. 1. М., 1960; «Мирное сосуществование — ленинский курс внешней политики Советского Союза». М., 1962; «Мировая социалистическая система хозяйства». Сборник статей. М., 1958; *Морозов Г. И.* Организация Объединенных Наций. М., 1962; *Мхитарян С. А.* Борьба вьетнамского народа за национальную независимость, демократию и мир (1945—1955 гг.). М., 1957; «Общие закономерности и особенности перехода к социализму в различных странах». М., 1962; «Основы марксизма-ленинизма». М., 1962; «Основы марксистской философии». М., 1962; «15 лет внутренней и внешней политики КНДР после освобождения». Пхеньян, 1960; «15 лет Демократической Республики Вьетнам». М., 1960; «15 лет народной Болгарии». М., 1959; «15 лет народной Польши». М., 1959; «15 лет свободной Венгрии». М., 1960; «15 лет свободной Румынии». М., 1959; «15 лет свободной Чехословакии». М., 1960; «Разбуженный Восток». Записки советских журналистов о визите Н. С. Хрущева в Индию, Бирму, Индонезию, Афганистан, т. I—II. М., 1960; *Сергеев С. Д.* Экономическое сотрудничество и взаимопомощь стран социалистического лагеря. М., 1959; *Собакин В. К.* Коллективная безопасность — гарантия мирного сосуществования. М., 1962; «Советско-арабские дружественные отношения». М., 1961; *Старушенко Г. Б.* Принципы самоопределения народов во внешней политике Советского государства (Историко-правовой очерк). М., 1960; *Ушаков Н. А.* Принцип единогласия великих держав в Организации Объединенных Наций. М., 1956; *Хайцман В. М.* Советский Союз. Разоружение. Мир (События и факты. 1917—1962). М., 1962; *Хвостов В. М.* 40 лет борьбы за мир. Краткий очерк. М., 1958; *Шабшина Ф. И.* Очерки новейшей истории Кореи. 1945—1953. М., 1958; *Шамберг В. М.* О буржуазных концепциях экономического соревнования двух систем (Критический очерк). М., 1962; *Шедивый Я. и Коржалкова К.* Внешняя политика Чехословацкой Социалистической Республики в 1945—1960 гг. М., 1960; «Экономическое развитие Чехословакии. 1948—1958 гг.» Перев. с чешск. М., 1959; «Экономическое соревнование двух мировых систем». Сборник статей под ред. А. М. Алексеева. М., 1957; «Экономическое соревнование социализма с капитализмом». Под ред. проф. В. А. Жамина. М., 1962; «Экономическое сотрудничество и взаимопомощь между Советским Союзом и европейскими странами народной демократии». М., 1958.

* *
*

Adámek J. Práce ČSR v mezinárodních hospodářských organizacích a jeje význam pro čs, zahraniční obchod. Praha, 1959; «Dezvoltarea economiei RPR pe drumul socialismului. 1948—1957». București, 1958; «GDR. 300 Fragen. 300 Antworten. Herausgegeben: Ausschluss für Deutsche Einheit». Berlin, 1958; *Joliot-Curie F.* La Paix, le désarmement et la coopération internationale. Paris, 1959; *Mareš S. a Slavík Z.* Mírová smlouva s Německem. Praha, 1959; «Mezinárodní otázky. Sborník statí o mezinárodní politice». Praha, 1956—1958; *Modzelewski Z.* Polityka zagraniczna Polski. Warszawa, 1960; *Nemes D.* Magyarország felszabadulása. Magyarország fejlődése a

felszabadulás után. Budapest, 1960; *Perlo V.* USA and USSR: the economic Race. N. Y., 1960; «Polen, Deutschland und die Oder — Neisse Grenze». Berlin, 1959; «Proletářský internacionalismus základ jednoty a vzájemných vztahu socialistických zemí a mezinárodního hnutí». Praha, 1958; *Rothstein A.* Peaceful Coexistence. London, 1955.

Борьба народов Азии, Африки, Латинской Америки за независимость. Возрастание их роли в международных отношениях

Аварин В. Я. Распад колониальной системы. М., 1957; «Аграрные отношения в странах Востока». Сборник статей. М., 1958; *Айру А.* Феллахи Египта. Перев. с франц. М., 1956; «Алжирская коммунистическая партия в войне за национальную независимость». М., 1961; *Антясов М. В.* Современный панамериканизм. Происхождение и сущность доктрин панамериканской «солидарности». М., 1960; «Арабы в борьбе за независимость. Национально-освободительное движение в арабских странах после второй мировой войны». Сборник статей. М., 1957; «Африка южнее Сахары. Вопросы экономики и истории». М., 1958; «Бирманский Союз». Сборник статей. М., 1958; *Буайон Ж.* Гана. Рождение африканского государства. М., 1960; *Вадиа И. А. и Мерцент К. Т.* Экономические проблемы Индии. М., 1957; *Вальков В.* Индонезия на пути независимого развития. М., 1960; *Васильева В. Я.* Распад колониальной системы империализма. М., 1958; «Великий Октябрь и народы Востока. 1917—1957». М., 1957; *Гаврилов Н. И.* Западная Африка под гнетом Франции. 1945—1959. М., 1961; *Гузеватый Я. Н.* Экономика современной Индонезии. М., 1960; *Дашкевич В. К.* Из истории национально-освободительной борьбы тунисского народа. Минск, 1960; *Ермолаев В. И.* Национально-освободительное и рабочее движение в странах Латинской Америки после второй мировой войны. М., 1958; *Жансон К. и Ф.* Алжир вне закона. Перев. с франц. М., 1957; *Иванов Н.* В борьбе за независимость (Очерк национально-освободительного движения тунисского народа). М., 1957; *Кессельбреннер Г.* Западный Ириан. М., 1960; *Кодаченко А. С.* Соревнование двух систем и слаборазвитые страны. М., 1960; *Кошнанге М.* Говорит народ Кении. Перев. с англ. М., 1956; *Кумар Виджай.* Англо-американский заговор против Кашмира. Сокр. перев. с англ. М., 1954; *Мартынов В. А.* Конго под гнетом империализма. Социально-экономические проблемы бельгийской колонии. М., 1959; *Мельман С. М.* Иностранный монополистический капитал в экономике Индии. М., 1959; «Народы Латинской Америки в борьбе против американского империализма». Сборник статей. М., 1951; «Независимая Индия. 10 лет независимости. 1947—1957». Сборник статей. М., 1958; *Нихамин В. П.* Очерки внешней политики Индии. 1947—1957 гг. М., 1959; *Примаков Е.* Страны Аравии и колониализм. М., 1956; «Проблемы индустриализации суверенных слаборазвитых стран Азии (Индия, Индонезия, Бирма)». М., 1960; «Проблемы современной Латинской Америки». Сборник статей. Под ред. М. В. Данилевич и А. Ф. Шульговского. М., 1959; «Против колониализма». Сборник статей. М., 1960; *Рава Э.* Северная Африка на пути к независимости. Перев. с итал. М., 1960; *Растянников В. Г. и Кузьмин С. А.* Проблемы экономики Пакистана. М., 1958; *Ребрикова Н. В.* Очерки новейшей истории Таиланда. 1918—1959. М., 1960; *Редько И. Б.* Непал после второй мировой войны. Антифеодальное и антиимпериалистическое движение. 1945—1956. М., 1960; *Самыловский И. В.* Панча шила (Пять принципов международных отношений). М., 1956; *Султанов А. Ф.* Положение египетского крестьянства перед земельной реформой 1952 г. М., 1958; *Торизельо Г.* Битва за Гватемалу. Перев. с испан. М., 1956; *Тюльпанов С.* Колониальная система империализма и ее распад. М., 1958; *Тягуненко В. Л.* Войны и колонии. Влияние распада колониальной системы на военно-экономическую базу империализма. М., 1957; *Фитуни Л. А. и Щетицин В. Д.* Проблемы по-

мощи экономически слаборазвитым странам. М., 1961; *Фрей Л. И.* Де-нежно-кредитная система и международные расчеты Республики Индии. М., 1956; *Фучс Х.* Проникновение американских трестов в Аргентину. Перев. с исп. М., 1959; *Хантон У. Э.* Судьбы Африки. М., 1959; *Хатчинсон Э.* Путь в Гану (Сокр. перев. с англ.). М., 1961; *Элвелл-Саттон Л.* Иранская нефть. К истории «политики силы». Перев. с англ. М., 1956; «Южная Корея. Экономическое и политическое положение. 1945—1958 гг.». М., 1959.

* *
*

«Africa today». Baltimore, 1955; *Amamoo J. G.* The New Ghana. London, 1958; *Andre P. I.* Le réveil des nationalismes. La nouvelle évolution du monde. Paris, 1958; *Appadorai A.* The Bandung Conference. New Delhi, 1955; *Aqwani M. S.* The United States and the Arab World (1945—1952). Aligarh, 1955; *Arnault J.* Procès du colonialisme. Paris, 1958; «Asia and Africa in the modern World. Basic Information concerning independent Countries». Bombay — Calcutta, 1955; *Berkes Ros N.* and *Bedi Mohinder S.* The Diplomacy of India. Indian Foreign Policy in the United Nations Stanford, 1958; *Berle A. A.* Tides of Crisis. A primer of foreign relations. N. Y., 1957; *Berreby J.* La Péninsule arabique. Terre Sainte de l'Islam, patrie de l'Arabisme et empire du pétrole. Paris, 1958; *Bertola A.* Storia e politica coloniale e dei territori non autonomi. Torino, 1956; *Bowles Ch.* Africa's Challenge to America. Los Angeles, 1957; *Brecher M.* The Struggle for Kashmir. Toronto, 1953; *Burns A.* In Defense of Colonies. British colonial territories in international affairs. London, 1957; *Cady J. A.* History of Modern Burma. N. Y., 1958; *Campbell J. C.* Defence of the Middle East. Problems of American policy. N. Y., 1958; *Cheverny J.* Eloge du colonialisme. Paris, 1961; *Chevallier J.* Nous, Algériens... Paris, 1958; *Crozier B.* The Rebels. A Study of post-war Insurrections. London, 1960; «Defence and Security in the Indian Ocean Area». New Delhi, 1957; *Deschamps H.* La fin des empires coloniaux. Paris, 1950; *Dutt R. P.* L'Inde aujourd'hui et demain. Paris, 1957; «Economic Development in the Middle East 1945 to 1954». N. Y., 1955; *Ellis H.* Challenge in the Middle East. N. Y., 1960; *Emerson R.* From Empire to Nation. The rise to self-assertion of Asian and African peoples. Cambridge, 1960; *Feith H.* The Wilopo Cabinet. 1952—1953; a turning point in post — revolutionary Indonesia. Ithaca, 1958; *Fisher C. A.* and *Krinsky F.* Middle East in Crisis. N. Y., 1959; «Foreign Capital in Indonesia». N. Y., 1956; *Frank T.* Race and Nationalism: the struggle for power in Rhodesia — Nyasaland. N. Y., 1960; *Gdański M.* Bliski i Srodkowy Wschod 1945—1955. Rywalizacja mocarstw zachodnich. Warszawa, 1956; *Guérin D.* Au service des colonisés. 1930—1953. Paris, 1954; *Glubb J.* Britain and the Arabs. A study of fifty years. London, 1959; *Gunter J.* Inside Africa. London, 1955; *Hoskins H.* The Middle East. N. Y., 1954; *Houston J.* Latin America in the United Nations. N. Y., 1956; *L'Huilier F.* Le Moyen-Orient contemporain (1945—1958). Paris, 1959; «The Idea of Colonialism». Ed. by R. Strausz — Hupé and H. W. Hazard. N. Y., 1958; «India and the United Nations. National Issues on International Organization». Report of a Study Group set by the Indian Council of World Affairs. N. Y., 1957; «India's Balance of Payments. 1948/49—1955/56». Bombay, 1957; *Jonides M.* Divide and lose. The Arab Revolt of 1955—1958. London, 1960; *Juin A.* Le Maghreb en feu. Paris, 1957; *Julien A. Ch.* L'Afrique du Nord en marche. Paris, 1952; *Kahin G.* Nationalism and Revolution in Indonesia. Ithaca, 1952; *Karnukar G.* Indian Foreign Policy in Defence of national Interest. Calcutta, 1956; *Karunakaran K. P.* India in World Affairs. February 1950 — December 1953. A Review of India's Foreign Relations. London, 1958; *Krouser J. C.* Asia and the Middle East. Decisive battle-ground of the cold war. N. Y., 1959; *Kundra J. C.* Indian Foreign Policy. 1947—1954. A Study of Relations with the Western Bloc. Bombay, 1955;

Lacouture J. et *Lacouture S.* L'Egypte en mouvement. Paris, 1956; *Laqueur W. Z.* Communism and Nationalism in Middle East. N. Y., 1956; *Lavergne B.* Afrique du Nord et Afrique Noire. Paris, 1956; *Lengyel E.* Egypt's Role in World Affairs. Washington, 1957; *Lenczowski G.* The Middle East in World Affairs. N. Y., 1956; *Lewi W.* Free India in Asia. Minneapolis, 1953; *Lilienthal A. M.* There goes the Middle East. N. Y., 1957; *Marlowe J.* Arab Nationalism and British Imperialism. A study in power politics. London, 1961; *Martz J. D.* Central America, the Crisis and the Challenge. Chapel Hill, 1959; *Menon V. P.* The Story of the Integration of the Indian States. Bombay, 1956; *Mendis G.* Ceylon today and yesterday. Colombo, 1957; *Meyer A. J.* Middle Eastern Capitalism. Nine essays. Cambridge, 1959; «The Middle East in the Cold War». N. Y., 1956; «The Middle East in Transition». Studies in contemporary history. Ed. by W. Z. Laqueur. London, 1958; *Moura A.* Capitais estrangeiros no Brasil. Sao Paulo, 1959; *Moussa D. D.* The Arab Bloc in the United Nations. Amsterdam, 1956; *Moussa F.* Les Négociations anglo-egyptiennes de 1950—1951 sur Suez et le Soudan. Genève, 1955; *Mrozek B.*, *Prokopczuk J.*, *Sachs J.* Problemy krajów slabo rozwiniętych. Warszawa, 1963; «Nationalism and Progress in Free Asia». Baltimore, 1956; *Jzzeddin N.* The Arab World. Past, Present and Future. Chicago, 1953; *Parther P.* Arab World. A short political guide to the Arab World. London, 1960; «The Revolution in 6 years». Cairo, 1958; *Ricci D.* Investissements en Amérique Latine. Brésil — Colombie — Equateur — Pérou — Venezuela. Paris, 1955; *Rondot P.* Destin du Proche Orient. Paris, 1959; *Shwadrان B.* The Middle East, Oil and the Great Powers. N. Y., 1956; *Taylor A.* Indonesian Independence and the United Nations. N. Y., 1960; *Taylor D.* The Years of Challenge. The Commonwealth and the British Empire 1945—1958. N. Y., 1959; «Tensions in the Middle East». Baltimore, 1958; *Trager F.* Burma's Role in the United Nations. 1948—1955. N. Y., 1956; *Uitley F.* Will the Middle East go West? Chicago, 1957; *Venkatasubliah H.* Indian Economy Since Independence. London, 1961; *Wheelock K.* Nasser's, new Egypt. London, 1960; *Williams W. S.* America and the Middle East. N. Y., 1958; *Winn W.* Nasser of Egypt. Cambridge, 1959; *Wint G.* South Asia Unity and Disunity. N. Y., 1954; *Wolf Ch.* Foreign Aid. Theory and practice in Southern Asia. Princeton, 1960; *Wright R.* The Color Curtain. A Report on the Bandung Conference. Cleveland — N. Y., 1956; *Zanabili A.* Les Etats arabes et les Nations Unies. Aurillac, 1953; *Walter G.* Goldküste wird Ghana. Berlin, 1961.

Ослабление позиций империализма на мировой арене и внешнеполитический курс главных империалистических государств

Аваков Р. М. Французский монополистический капитал в Северной Африке. М., 1958; *Андреев Г.* Экспансия доллара. М., 1961; *Арди М. А.* Двусторонние пакты о военной помощи. Перев. с испан. М., 1955; *Аруманиян А. А.* Кризис мирового капитализма на современном этапе. М., 1962; *Баскин В. С.* Нефтяные монополии на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1957; *Беляев И. П.* Американский империализм в Саудовской Аравии. М., 1957; *Беттельхейм Ш.* Экономика Франции после второй мировой войны. М., 1956; *Блюмин И. Г.* Кризис современной буржуазной политической экономики. М., 1959; *Брофи А.* Военно-воздушные силы США. М., 1957; *Варга Е.* Современный капитализм и экономические кризисы. М., 1962; *Васильков Н. П.* Монополистический капитал Италии. М., 1959; *Верп А.* Франция. 1940—1955 гг. Сокр. перев. с англ. М., 1959; *Вильямс В. Э.* Трагедия американской дипломатии. Перев. с англ. М., 1960; «Военная политика и национальная безопасность». Перев. с англ. М., 1958; «Вопросы экономики и международных отношений». Сборник статей. М., 1957; *Восленский М. С.* Внешняя политика и партии ФРГ. М., 1961; «Воспроизводство капитала и положение рабочего класса в Западной Европе».

М., 1961; *Гвоздарев Б. И.* Организация американских государств. М., 1960; *Гонимский С. А.* Латинская Америка и США. 1939—1959. Очерки истории дипломатических отношений. М., 1960; *Гречев М. А.* Империалистическая экспансия США в странах Латинской Америки после второй мировой войны. М., 1954; *Гречев М. А.* Колониальная политика США после второй мировой войны. М., 1958; *Далин С. А.* Военно-государственный монополистический капитализм в США. М., 1961; *Датт П.* Кризис Британии и Британской империи. М., 1959; *Динкевич А. И.* Экономика послевоенной Японии (1945—1955). М., 1958; *Драгилев М. С.* Общий кризис капитализма. Очерк развития капиталистической системы за 40 лет. М., 1957; *Еврейсков А. В.* Кризис валютной системы капитализма. М., 1955; *Игнатов А.* Атомная проблема и политика США. М., 1960; *Иноземцев Н. Н.* Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960; *Калинин И. Н.* Англо-американские противоречия на современном этапе. М., 1958; *Кингстон-Макклори Э. Дж.* Глобальная стратегия. Перев. с англ. М., 1959; *Киссинджер Г. А.* Ядерное оружие и внешняя политика. Сокр. перев. с англ. М., 1959; *Коллонтай В. М.* Иностранные инвестиции в экономически слаборазвитых странах. М., 1960; *Корольков В. и Медведев А.* Рабочее и профсоюзное движение в США после второй мировой войны. М., 1959; *Кук Ф.* Государство войны. Сокр. перев. с англ. М., 1962; *Лемин И. М.* Англо-американские противоречия после второй мировой войны. М., 1955; *Малыш А. И.* Трудящиеся Западной Германии под гнетом монополий (1945—1955 гг.). М., 1955; *Манцокки Б.* Очерки экономической политики Италии. 1945—1959 гг. М., 1961; *Марзани К. и Перло В.* Доллары и проблема разоружения. Перев. с англ. М., 1961; *Марковский Н. В.* Внутреннее положение и внешняя политика Англии. М., 1955; «Международные отношения после второй мировой войны», т. 1 (1945—1949 гг.). М., 1962; *Мейер Г.* Последняя иллюзия. Американский план мирового господства. Перев. с англ. М., 1955; *Меньшиков С.* Американские монополии на мировом капиталистическом рынке. М., 1958; *Милейковский А. Г.* Канада и англо-американские противоречия. М., 1958; *Миллс Р.* Властвующая элита. Перев. с англ. М., 1959; *Михайлов Б. Я.* Конгресс производственных профсоюзов США. 1935—1955. М., 1959; *Михайлов П. М.* США и Англия на капиталистических рынках после второй мировой войны. М., 1956; *Многолетова Н. И.* Промышленные монополии США после второй мировой войны. М., 1959; *Молчанов Н. Н.* Внешняя политика Франции. 1944—1954 гг. М., 1959; *Моррис Дж.* Основные проблемы рабочего движения в США. М., 1961; *Мукиджанова Р. М.* Политика США в Пакистане. 1947—1960. М., 1961; *Мюрдаль Г.* Мировая экономика. Проблемы и перспективы. Перев. с англ. М., 1958; *Натараджан Л.* От Хиросимы до Бандунга. М., 1956; *О'Коннор.* Империя нефти. М., 1958; *Осгуд Р.* Ограниченная война. Перев. с англ. М., 1960; «Очерки новейшей истории Японии». М., 1957; «Очерки новой и новейшей истории США», т. II. М., 1960; *Певзнер Я. Х.* Государственно-монополистический капитализм в Японии после второй мировой войны. М., 1961; *Перло В.* Империя финансовых магнатов. Перев. с англ. М., 1958; «Политика США в странах Южной Азии. Индия, Бирма, Индонезия». М., 1961; *Потапова А. А.* Экспорт капитала — орудие экспансии США. М., 1958; *Потемкин Ю. В.* Экономическая политика Франции в странах Магриба. 1945—1955 гг. М., 1960; «Проблемы кризисов и обнищания рабочего класса после второй мировой войны». Материалы Международной экономической конференции в Берлине (1—4 октября 1958 г.). М., 1959; «Проблемы современного капитализма». Сборник статей. М., 1959; «Проблемы экономики и политики Франции после второй мировой войны». М., 1962; «Против фальсификации истории колониализма». Сборник статей. М., 1962; *Ребрикова Н. В.* Американская политика в Таиланде. М., 1959; «Реформизм, ревизионизм и проблемы современного капитализма». М., 1959; *Родионов В. Н.* Американская политика «с позиции силы» — угроза миру. М., 1958; *Рымалов В. В.* Колониальная экспансия финансового капитала США под флагом «помощи». М., 1956; *Самыловский И. В.* Экс-

пансия американского империализма на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1955; *Санталов А. А.* Империалистическая борьба за источники сырья. М., 1954; *Скоров Г. Е.* Французский империализм в Западной Африке. М., 1956; *Смыслов Д. В.* Доллар против фунта. М., 1959; *Солодовников В.* Вывоз капитала. М., 1957; «Современная империалистическая военная идеология». Под общ. ред. В. А. Васильева и др. М., 1958; *Сущенко В. В.* Англо-американские противоречия в Канаде после второй мировой войны. М., 1956; *Трухановский В. Г.* Внешняя политика Англии после второй мировой войны (Краткий очерк). М., 1957; *Трухановский В. Г.* Новейшая история Англии. М., 1958; *Туганова О. Э.* Политика США и Англии на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1960; *Феррара Марчелли и Феррара Маурицио.* Очерки итальянской политической жизни 1943—1958. М., 1961; *Финлеттер Т. К.* Сила и политика. Внешняя политика и военная мощь Соединенных Штатов в век водородного оружия. Перев. с англ. М., 1956; «Франция и тресты». Перев. с франц. М., 1955; *Халоша Б. М.* Североатлантический блок. М., 1960; *Хмельницкая Е. Л.* Монополистический капитализм Западной Германии. М., 1959; *Черников Г. П.* Экономика Франции. М., 1959; *Шировский Ю. В.* Борьба Французской коммунистической партии против войны в Алжире. М., 1962; «Экономика и политика Англии после второй мировой войны». М., 1958; «Экономическое положение капиталистических стран в 1955 году». М., 1956; *Этингер Я. Я.* Экспансия ФРГ в арабских странах и Африке. М., 1962; *Яковлев А. Н.* Идеи нищета апологетов «холодной войны». М., 1961; *Яковлев Н. Н.* Новейшая история США. 1917—1960. М., 1961.

* * *

✱

Aaronovitch S. Monopoly. A study of British monopoly Capitalism. London, 1955; «The Absolute Weapon: Atomic Power and World Order». N. Y., 1946; *Acheson D.* Power and Diplomacy. Harvard, 1958; *Adams W. and Gray H.* Monopoly in USA Government as Promoter. N. Y., 1955; *Adler S.* The Isolationist Impulse: its 20-th Century Reaction. London—N. Y., 1957; *Agar H.* The Unquiet Years: USA. 1945—1955. London, 1957; *Agar H.* The Prize of Power. America since 1945. Chicago, 1957; *Alexander E.* Adenauer and the new Germany. N. Y., 1957; *Allemann F. R.* Bonn ist nicht Weimar. Köln, 1956; *Arnold G.* The Pattern of World Conflict. London, 1956; *Aron R. and Heckscher A.* Diversity of Worlds: How the United States and France look at their Joint Problemes. N. Y., 1957; *Aron R.* Atomic Weapons and Global Diplomacy. London, 1958; *Aron R.* La société industrielle et la guerre. Paris, 1959; «Alliance Policy in the Cold War». Ed. by Wolfers A. London, 1959; «Atlantic Alliance. NATO's Role in the Free World. London—N. Y., 1952; «Atoms for Power: United States Policy in Atomic Energy Development». N. Y., 1957; *Aymard C.* Tragédie française en Afrique du Nord. Paris, 1958; *Bailey T. A.* Diplomatic History of the American People. N. Y., 1958; *Barron B.* Inside the State Department. N. Y., 1956; *Bartoli H., Mandouze A. et Bonneville J.* Pour une politique de décolonisation. Paris, 1956; *Basdevant J.* Les affaires étrangères. Paris, 1959; *Bathurst M. S. and Simpson J. L.* Germany and North Atlantic Community. London, 1956; *Baumann G.* Banken, Banken über alles. Berlin, 1956; *Baumann G.* Eine Handvoll Konzernherren. Berlin, 1953; *Bemis S. F.* A Diplomatic History of the United States. N. Y., 1959; *Binder P.* USA und wir. Wirtschaft. Aussenhandel. Politik. Stuttgart, 1956; *Binghau J. B.* Shirt-sleeve Diplomacy. Point 4 in action. N. Y., 1953; *Blackett P. M.* Atomic Weapons and East-West Relations. Cambridge, 1956; *Blardone G., Gatrice P., Tolliet J., Margrin, Padirac R.* Initiation aux problèmes d'Outre-mer. Lyon, 1959; *Blörklund E.* International Atomic Policy during a Decade. Princeton, 1956; *Bonnet J.* Le Quai d'Orsay sous trois républiques (1870—1961). Paris, 1961; *Bowles Ch.* American Politics

in a Revolutionary World. Cambridge, 1956; *Bowles Ch.* The New Dimensions of Peace. N. Y., 1955; *Branston U.* Some Reflections on British Foreign Policy. London, 1959; «Britain and the Cold War. The Future of British Foreign Policy». Oxford, 1952; «British Foreign Policy. A Brief Collection of Fact and Quotation». London, 1956; «British Interests in the Mediterranean and Middle East». London, 1958; *Brühdorn R.* Internationale Beziehungen. Einführung in die Grundlagen der Aussenpolitik. Wien, 1956; *Burns E.* Ideas in Conflict. The political theories of the contemporary world. N. Y., 1960; *Burnham J.* Containment or Liberation? An Inquiry into the Aims of United States Foreign Policy. N. Y., 1953; *Carleton W. C.* Revolution in America Foreign Policy. Random house, 1957; *Chéroy J.* Ou va le Japon. Paris, 1954; *Chesterton A. K.* Stand by the Empire. A Warning to the British Nations. London, 1954; *Clark W.* Less Than Kin. A Study in Anglo-American Relations. London, 1957; *Claude H.* Les Monopoles contre la Nation. Dix ans de trahison nationale 1945—1955. Paris, 1956; *Clough S. B.* The Economic Development of Western Civilization. N. Y., 1959; *Cohen A.* British Policy in changing Africa. Evanston, 1959; *Cohen B. C.* Political Process and Foreign Policy. Princeton, 1957; *Crabb C.* American Foreign Policy in the Nuclear Age. N. Y., 1960; *Davids J.* America and the World of our Time. United States diplomacy in the twentieth century. N. Y., 1960; «Deutschlands Rückkehr zum Weltmarkt». Hrsg. von L. Erhard. Düsseldorf, 1953; *Dulles J. F.* War or Peace. N. Y., 1957; *Dumaine J.* Quai d'Orsay (1945—1951). Paris, 1955; *Dunning G. H.* and *Thomas C. C.* British Industry. Change and Development in the Twentieth Century. London, 1961; *Duroselle J. B.* Histoire diplomatique de 1919 à nos jours. 2-me éd. Paris, 1957; *Ehrhard J.* Le destin du colonialisme. Paris, 1958; *Ehrmann H. W.* La politique du patronat français. 1936—1955. Paris, 1959; *Engel Fr. W.* Handbuch der NATO, Frankfurt/M., 1957; *Epstein L. D.* Britain: Uneasy Ally. Chicago, 1954; *Fauver J. L.* IV-e République. Paris, 1959; *Fiedler R.* Würfelspiel um Deutschland. 1944—1956. Eine kritische Untersuchung der Zerstückelungen und Wiedervereinigungspolitik. Düsseldorf, 1957; *Finletter T. K.* Foreign Policy: the Next Phase, the 1960's. N. Y., 1960; *Fleming D. F.* The Cold War and its Origins. 1917—1960, vol. 1—2. London, 1961; *Fontaine P.* Dossier secret de l'Afrique du Nord. Paris, 1957; «France in crisis». Ed. by E. Davey. N. Y., 1957; *Franks O. S.* Britain and the Tide of World Affairs. London, 1955; *Freeman R. E.* Postwar Economic Trends in the United States. N. Y., 1960; *Furniss E.* and *Snyder R.* An Introduction to American Foreign Policy. N. Y., 1955; *Gache P.* et *Mercier R.* L'Allemagne et l'Afrique. Paris, 1960; *Gallois P.* Stratégie de l'âge nucléaire. Paris, 1960; *Gavin C.* Liberated France, London, 1955; *Gerst W.* Bundesrepublik Deutschland unter Adenauer. Berlin, 1957; *Goldman E. E.* The Crucial Decade. America. 1945—1955. N. Y., 1956; *Goley J.* The Founding of the Federal Republic of Germany. Chicago, 1958; *Gonant J. B.* Anglo-American Relations in the Atomic Age. Oxford, 1952; *Goodwin G. L.* Britain and the United Nations. London, 1957; *Graber D. A.* Crisis Diplomacy. Washington, 1959; *Graebner N. A.* The New Isolationism. A Study in Politics and Foreign Policy since 1950. N. Y., 1956; *Grewe W.* Deutsche Außenpolitik der Nachkriegszeit. Stuttgart, 1960; *Grindrod M.* The Rebuilding of Italy. Politics and economics. 1945—1955. London—N. Y., 1956; *Gross H.* Deutschlands Zukunft auf dem Weltmarkt. N. Y., 1959; *Grosser A.* La IV-e République et sa politique extérieure. Paris, 1961; *Halle L. Y.* American Foreign Policy. Theory and reality. London, 1960; *Halleguen J.* Aux quatre vents du gaullisme. 1940—1952. Paris, 1953; *Hayter W.* The Diplomacy of the Great Powers. London, 1960; *Hickman B. G.* Growth and Stability of the Postwar Economy. Washington, 1960; *Hyde L. K.* The United States and the United Nations 1945—1955. N. Y., 1960; «Die internationale Politik. 1955. Eine Einführung in das Geschehen der Gegenwart». München, 1958; *Ike Nobutaka.* Japanese Politics. N. Y., 1957; *Ingram K.* History of the Cold War. London, 1955; *Ismay H.* NATO. The First Five Years. 1949—1954. London, 1955; *Jack-*

son J. H. The World in the Postwar Decade, 1945—1955. Boston, 1956; Jeanneney J.-M. Forces et faiblesses de l'économie française 1945—1959. Paris, 1959; Jenkins C. Germany's Balance of Influence. London, 1961; «Joint International Business Ventures». N. Y., 1961; Kennan G. F. Realities of American Foreign Policy. Princeton, 1954; Kennan G. F. Russia, the Atom and the West. London, 1958; Kissinger H. A. The Necessity for Choice. Prospects of American Foreign Policy. N. Y., 1961; Kitchie K. NATO. The Economic of an Alliance. Toronto, 1956; Knappen M. M. An Introduction to American Foreign Policy. N. Y., 1956; Knorr K. NATO and American Security. Princeton, 1959; Knorr K. The War Potential of Nations. Princeton, 1956; Kuby E. Alles im Eimer. Siegt Hitler bei Bonn? Ein politischer Monolog 1944—1960. Stuttgart, 1960; Kulski W. W. Peaceful Co-existence. An analysis of Soviet Foreign Policy. Chicago, 1959; Lacouture J. Cinq hommes et la France. Paris, 1961; Langenhove F. La crise du système sécurité collective des Nations Unies 1946—1957. Bruxelles, 1958; Lattre A. Les finances extérieures de la France (1945—1958). Paris, 1959; Lavergne B. Les grands problèmes de l'Union française. Paris, 1953; Legum C. Must we lose Africa? London, 1955; Lerche Ch. Principles of International Politics. N. Y. — London, 1956; Lider J. NATO. Szkice o historii i doktrynie. Warszawa, 1961; Lincoln G. Economics of National Security. N. Y. 1954; Lippmann W. The Communist World and Ours. Boston, 1959; Mc Innis E. The Atlantic Triangle and the Cold War. Toronto, 1959; Mc Innis E. The Commonwealth Today. Sackville, 1955; Mc Kitterich T. Conditions of British Foreign Policy. London, 1951; MacLaurin J. The United Nations and Power Politics. London, 1951; Mallalieu W. C. British Reconstruction and American Policy. 1945—1955. N. Y. — London, 1956; Martel E. East versus West. London, 1952; Massis H. L'Occident et son destin. Paris, 1956; Mätz W. Die Bundesrepublik und Europe. Bonn, 1953; Mayer R. Le Pacte de l'Atlantique. Paris, 1952; Mercus J. T. Neutralism and Nationalism in France. A case study. N. Y., 1958; Meyer F. V. Britain, the Sterling Area, and Europe. Cambridge, 1952; Meynaud J. Les groupes de pression en France. Paris, 1958; «The mid-century Challenge to U. S. Foreign Policy». N. Y., 1959; Millikan Max F. and Rostow W. W. A Proposal. Key to an Effective Foreign Policy. N. Y., 1957; Mills W. The Causes of World War III. N. Y., 1958; Mitterand F. Présence française et abandon. Paris, 1957; Moore B. The Second Lesson. Seven Years at the United Nations. London, 1957; Moraze Ch. Les français et la République. Paris, 1956; Morrell W. P. Britain in the Pacific Islands. Oxford, 1960; Naegelen M. E. Grandeur et solitude de la France. Paris, 1956; «NATO. 1949—1959. The First Ten Years». Washington, 1959; Neumann O. Die westdeutsche Bundesrepublik — der Staat der Monopolherren, Zunker und Militaristen. Berlin, 1955; Patin J. Policy for the West. London, 1957; Pearson L., Democracy in World Politics. Princeton, 1955; Pelling H. America and the British Left. From Bright to Bevan. N. Y., 1957; Perkins D. The American Approach to the Foreign Policy. Cambridge, 1954; Perkins D. Foreign Policy and the American Spirit. Cornell univer. press, 1957; Perroux F. La coexistence pacifique. 3 vol. Paris, 1958; Pickles D. France, the Fourth Republic. London, 1955; «The Political Economy of American Foreign Policy». N. Y., 1955; «La politique étrangère et ses fondements. Volume collectif de l'Association Française de Science Politique, sous la direction de J. B. Duroselle. Paris, 1954; Posnack E. R. World Without Barriers. A Perspective View of our Present and Future in a World of Economic and Ideological Conflict. N. Y., 1956; «Problems of Foreign Policy». London, 1955; «Problems on Internationale Relations». N. Y., 1955; Proudfoot M. Britain and the United States in the Caribbean. London, 1954; Puleston W. D. The Influence of Force in Foreign Relations. Toronto — N. Y. — London, 1955; Rajan M. S. United Nations and Domestic Jurisdiction. Bombay, 1958; Ralph E. L. Atoms and People. N. Y., 1956; Reitzel W., Kaplan M., Coblenz C. United States Foreign Policy 1945—1955. Washington, 1956; Riggs R. E. Politics in the U. N. A Study of United States influence in the

General Assembly. Urbana, 1958; *Roberts H.* and *Willson P.* Britain and the United States: Problems in Cooperation. New York, 1953; «The Role of Foreign Aid in the Development of Other Countries». Washington, 1957; *Rostow W. W.* The United States in the World Arena. An Essay in Recent History. N. Y., 1960; *Rovere R. H.* Affairs of State: the Eisenhower Years. N. Y., 1956; *Russel B.* Common Sense and Nuclear Warfare. N. Y., 1959; *Russel R.* A History of the United Nations. Washington, 1958; *Sannwald R.* and *Stohler J.* Economic Integration. Princeton, 1959; *Schelling Th. C.* The Strategy of Conflict. Cambridge, 1960; *Schmidt W. E.* Zwischenrufe von der Seine, Die Entwicklung der Europa-Politik und das deutsch-französische Verhältnis. Stuttgart, 1958; *Schoenbrun D.* Ainsi va la France. Paris, 1957; *Schumann F. L.* International Politics. The Western State System and the World Community. N. Y., 1958; *Schütz W.* Wir wollen überleben. Außenpolitik am Atomzeitalter. Stuttgart, 1956; *Scott J.* Political Warfare. A Guide to Competitive Coexistence. N. Y., 1955; *Seton-Watson H.* Neither War Nor Peace. The struggle for power in the post war world. London, 1960; «Shaping of American Diplomacy». Ed. by Williams W. A. Chicago, 1956; *Siegfried A.* Aspects du XX siècle. Paris, 1955; *Siegler H.* Österreichs Weg zur Souveränität. 1945—1959. Bonn — Wien, 1960; *Snyder K. C.* and *Furniss E. S.* American Foreign Policy Formulation, Principles and Programs. N. Y., 1954; *Spielman W. C.* The United States in the Middle East. (A study of American foreign policy). N. Y., 1959; *Soder J.* Die Vereinten Nationen und die Nichtmitglieder. Bonn, 1956; *Soustell J.* Aimée et souffrante Algérie. Paris, 1958; *Sternberg F.* The Military and Industrial Revolution of our Time. N. Y., 1959; *Stone J. K.* The Truman Era. N. Y., 1953; *Strachey J.* The End of Empire. London, 1959; *Strausz-Hupé R.* and *Possony S.* International Relations in the Age of Conflict between Democracy and Dictatorship. 2-nd ed. N. Y. — Toronto — London, 1954; *Sulzberger G.* What's Wrong with U. S. Foreign Policy. N. Y., 1959; *Thompson K. W.* Political Realism and Crisis of World Politics. An American Approach to Foreign Policy. Princeton, 1960; *Thayer Ch.* The Unquiet Germans. N. Y., 1957; *Titterton E. W.* Facing the Atomic Future. London, 1956; *Tönnies N.* Der Weg zu den Waffen. Die Geschichte der deutschen Wiederbewaffnung, 1949—1961. Köln, 1961; *Tournoux J. B.* Secrets d'Etat. Paris, 1960; *Toynbee A.* A Study of History. London, 1960; *Voll H.* Probleme der internationalen Abrüstung. Eine Darstellung der Bemühungen des Vereinigten Nationen 1945—1955. Frankfurt/Main, 1956; *Warburg J. P.* Disarmament: the Challenge of the Nineteen Sixties. N. Y., 1961; «Weltgeschehnisse der Nachkriegszeit 1945 bis 1957». Würzburg, 1957; *Werth A.* La France depuis la guerre 1944—1957. Paris, 1957; *Wiatr J.* Wojsko, społeczeństwo, polityka w Stanach Zjednoczonych. Warszawa, 1962; *Winzer O.* Der Vaterlandsvertrag des Dr. K. Adenauer. Berlin, 1952; *Wolff Ph.* Das Nachkriegsjahrzehnt. Politik und Wirtschaft 1946—1955. Zürich, 1956; *Woodhouse C. M.* British Foreign Policy since the Second World War. London, 1961; *Zink H.* The United States in Germany 1944—1955. Princeton, 1957.

**Империалистическая агрессия на Дальнем Востоке
и в Индокитае. Прекращение военных действий — победа
миролюбивых сил¹**

Астафьев Г. В. Интервенция США в Китае и ее поражение. М., 1958; *Бухаров Б. И.* Вопросы дальневосточной политики США (1953—1955 гг.). М., 1959; *Бухаров Б. И.* Политика США в отношении Китайской Народной Республики (1949—1953). М., 1958; «Воздушная мощь — решающая сила в Корее» (Сборник статей). Перев. с англ. М., 1959; *Каранджия Р.* СЕАТО — безопасность или угроза? М., 1957; *Кэгл М.* и *Мэнсон Ф.* Морская война в Корее. Сокр. перев. с англ. М., 1962; *Лаврищев А. А.* Индо-

¹ См. также раздел «Ослабление позиций империализма на мировой арене и внешнеполитический курс главных империалистических государств».

китайский вопрос после второй мировой войны. М., 1960; *Ляхс М.* Женевские соглашения 1954 г. об Индокитае. Перев. с польск. М., 1956; *Мацуленко В. А.* Корейская Народная армия. М., 1959; *Мерзляков Н. С.* СЕАТО. М., 1958; *Мерзляков Н. С.* Женевские соглашения о восстановлении мира в Индокитае и практика их выполнения. М., 1962; *Монтросс Л.* и *Кэнзона Н.* Иньцхонь — сеульская операция. Перев. с англ. М., 1959; *Нестеров С. М.* США и СЕАТО. М., 1961; *Нухамин В. П.* Японо-американские противоречия на современном этапе. М., 1956; «Новый японо-американский «договор безопасности»». Сокр. перев. с япон. М., 1962; *Ромашкин П. С.* За мирное разрешение корейского вопроса. М., 1954; *Стоун И.* Закулисная история войны в Корее. Перев. с англ. М., 1953; *Танстолл Д.* Я воевал в Корее. Записки английского солдата. Перев. с англ. М., 1960; *У Сю-цунань.* О вооруженной агрессии США против Китая. М., 1950.

* *

*

«American-Asian Tensions». Ed. by Strausz-Hupé. R. N. Y., 1956; *Ballantine J. W.* Formosa: A Problem for United States Policy. Washington, 1952; *Battistini L. H.* The United States and Asia. N. Y., 1955; *Berger C.* The Korea Knot. A Military Political History. Philadelphia, 1957; *Bornert L.* Dien Bien Phu. Paris, 1954; *Cady J. A.* The Roots of French Imperialism in Eastern Asia. Ithaca, 1954; *Clyde M.* Korea. Second Failure in Asia. Washington, 1956; *Devillers Ph.* Histoire du Viet-Nam de 1940 à 1952. Paris, 1952; *Farley M. S.* United States Relations with South-East Asia with Special Reference to Indochina. N. Y., 1955; *Fifield R. H.* The Diplomacy of South-east Asia, 1945—1958. N. Y., 1958; *Fistié P.* Le réveil de L'Extrême — Orient. Paris, 1956; *Frédéric-Dupont F.* Mission de la France en Asie. Paris, 1956; *Goodrich L. M.* Korea: A Study of U. S. Policy in the United Nations. N. Y., 1956; *Gunther J.* The Riddle of MacArthur. Japan, Korea and the Far East. London, 1951; *Hickman B. G.* The Korean War and United States Economic Activity. 1950—1952. N. Y., 1955; «Korea 1951—1953». Washington, 1956; *Lancaster D.* The Emancipation of French Indochina. London, 1961; *Laniel J.* Le drame Indochinois. Paris, 1957; *Mercier A. F.* Faut-il abandonner l'Indochine? Paris, 1953; *Mulvey T.* These are Your Sons. N. Y., 1952; *Mus P.* Le destin de l'Union Française de l'Indochine à l'Afrique. Paris, 1954; *Peffer N.* Transition and Tension in Southeast Asia. N. Y., 1957; *Poats R. M.* Decision in Korea. New York, 1954; «The Question of Korea (1950—1953)». N. Y., 1954; *Truong Chinh.* The Resistance will win. Hanoi, 1960; *Vo Nguyen Giap.* Dien Bien Phu. Hanoi, 1959.

Курс империалистических держав на усиление напряженности в Европе. Миролюбивая политика СССР и других социалистических государств¹

Гезыменский Л. А. Германские генералы с Гитлером и без него. М., 1961; *Белецкий В. Н.* Советский Союз и Австрия. М., 1962; «Бонн готовит реваншистскую войну. Факты о возрождении германского милитаризма в аденауэровском государстве». Перев. с нем. М., 1954; *Бонт Ф.* Германский милитаризм и Франция. Перев. с франц. М., 1961; *Борисов Ю. В.* Советско-французские отношения и безопасность Европы, М., 1960; *Волгин П.* Англия и Западная Германия. Политика Англии в вопросе перевооружения Западной Германии (1949—1955). М., 1957; *Гукасян-Гандзакеци Г. Л.* Империалистическая сущность Европейского объединения угля и стали. М., 1957; *Ефремов А.* Советско-австрийские отношения после второй мировой войны. М., 1958; «Западный Берлин. Западнбер-

¹ См. также раздел «Ослабление позиций империализма на мировой арене и внешнеполитический курс главных империалистических государств».

линская проблема в систематическом изложении». Перев. с нем. М., 1961; *Иноземцев Н. Н.* Американский империализм и германский вопрос (1945—1954). М., 1954; «Книга фактов о подрывной деятельности из Западного Берлина против социалистических стран». М., 1962; *Мельников Д.* Германский вопрос и европейская безопасность. М., 1955; *Мельников Д. и Черная Л.* Гитлеровские генералы готовятся к реваншу. М., 1954; *Молчанов Н. Н.* Парижские соглашения — угроза миру. М., 1955; *Молчанов Н. Н.* Саарский вопрос (1945—1957). М., 1958; «Проблема коллективной безопасности в Европе». Материалы научной сессии Польской Академии наук. Варшава, 1955; *Рысаков П.* Монополии США и страны Северной Европы. М., 1956; *Собакин В. К.* Коллективная безопасность в Европе. М., 1956; *Цвылев Р. И.* Объединение угольных и стальных картелей Западной Европы («План Шумана»). М., 1956; *Шапиро А. И.* Экономическая экспансия монополистического капитала США в Западной Европе после второй мировой войны. М., 1956; *Штейнiger П. А.* Западный Берлин. Западнберлинская проблема в систематическом изложении. Перев. с нем. М., 1956; *Митовска С.* Империалистическата агресија в Европа и борбата против неа след Втората световна война, изд. 2. София, 1956.

* *
*

Aptheker H. The German Question. Toward War or Peace? N. Y., 1959; *Bachmann H.* Europäische Standortsbestimmung in Politik und Wirtschaft. Zürich, 1955; *Ball M. M.* NATO and the European Union Movement. London, 1959; *Barnick J.* Deutsche-Russische Nachbarschaft. Stuttgart, 1959; *Baumgarten A. und Kröger H.* Die Deutschlandfrage und die europäische Sicherheit. Berlin, 1954; *Bertsch H.* Von Potsdam zum Friedensvertrag. Berlin, 1961; *Bittel K.* Tagebuch der Berlinerkonferenz. Leipzig/Jena, 1955; *Bitzel K.* Vom Potsdamer Abkommen zur Viermächte-Konferenz. Der Weg zur friedlichen Lösung der deutschen Frage. Mit Dokumenten. Berlin, 1957; *Bolles B.* The Big Change in Europe. N. Y., 1958; *Bonnefous E.* L'Europe en face de son destin. Paris, 1955; «Britain in Western Europe. WEU and the Atlantic Alliance». London — N. Y., 1956; *Catalano N.* La comunità economica Europea e l'Euratom. Milano, 1959; *Céré R.* La Technique de la paix et l'Europe. Paris, 1954; *Cerný J. a Hochman J.* Evropské rozcestí. Boj proti remilitarisaci Západního Německa. Praha, 1955; *Conant J.* Germany and Freedom. Cambridge, 1954; *Cornides W.* Die Westmächte und Deutschland. Geschichte der Jungsten Vergangenheit 1945—1955. Tübingen, 1957; *Davidson E.* The Death and Life of Germany. An account of the American occupation. N. Y., 1959; *Elsner R.* Friedensvertrag für Deutschland. Totaler Krieg oder totaler Frieden. Göttingen, 1958; *Etzel H.* Es ist Halbzeit. Die internationale Lage. Berlin, und das deutsche Problem. Köln, 1958; *Fischer P.* Die Saar zwischen Deutschland und Frankreich. Entwicklung von 1945—1959. Berlin, 1959; *Florinsky M.* Integrated Europe? N. Y., 1955; *Freymond J.* Le conflit sarrois. 1945—1955. Brussels, 1959; «Friedensvertrag mit Deutschland». Berlin, 1959; *Harcourt R.* L'Allemagne et l'Europe. Paris, 1960; *Harcourt R.* Dix ans d'efforts pour unir l'Europe. 1945—1955. Paris, 1955; *Heiser H. J.* British Policy with Regard to the Unification Efforts on the European Continent. London, 1959; *Jounger K. and Beswick F.* German Rearmament For and Against. London, 1954; *Kertzer S.* The Fate of East Central Europe. Hopes and Failures of American Foreign Policy. Notre Dame, 1956; *Könen W.* Das ganze Deutschland soll es sein. Zur Geschichte der patriotischen Volksbewegung in Deutschland. Berlin, 1959; *Kraus H.* Die Oder — Neißer Linie. Köln, 1959; *Lavergne B.* La Chimère de l'Europe unie. Paris, 1952; *Lavergne B.* Le problème de l'armée dite européenne. Paris, 1953; *Lauret R.* Notre voisin l'Allemand. Deux peuples s'affrontent. Paris, 1960; *Lindsay K.* European Assemblies. The Experimental Period. 1949—1959. London — N. Y., 1960;

Löwenstein H. and *Zühlsdorff V.* Deutschlands Schicksal. 1945—1957. Bonn, 1957; *Lurcher A. J.* The Struggle to Unite Europe. 1940—1958. N. Y., 1958; *Lutz H.* German-French Unity Basic for European Peace. Chicago, 1957; *Mende T.* Die Dritten Mächte. Der Westen und die Entwicklungsländer. Düsseldorf/Köln, 1959; *Moch J.* Alerte! Le problème crucial de la communauté européenne de défense. Paris, 1954; *Northrop F. S. C.* European Union and United States Foreign Policy. N. Y., 1954; *O Problemi niemieckim.* Warszawa, 1962. *Papen F.* Europa was nun? Göttingen, 1954; *Pegg C. H.* Contemporary Europe in World focus. N. Y., 1956; *Perroux F.* L'Europe sans rivages. Paris, 1954; «A Policy for Europe Today». Strasbourg, 1953; «Rearmement allemand et défense occidentale». Paris, 1954; *Robertson A.* European Institutions. Co-operation — integration — unification. London, 1959; *Robertson A.* The Council of Europe. Its structure; Functions and Achievements. London, 1956; *Robichon J.* et *Zieglmeyer J.* L'Affaire de Berlin, 1945—1959. Paris, 1959; *Roth P.* Deutschland und Polen. München, 1958; *Scholz A.* Zwischen Krieg und Frieden. Beiträge zum politischen Geschehen der Gegenwart. Berlin, 1956; *Sethe P.* Zwischen Bonn und Moskau. Frankfurt/M., 1957; *Snell J. L.* Wartime Origin of the East — West Dilemma Over Germany. N. Orleans, 1959; *Taviani P. E.* Solidarietà atlantica e comunità europea. Firenze, 1957; *Tönnies N.* Zwischen Elbe und Flut. Deutschlands entscheidende Jahre seit 1945. Hamburg, 1956; «The Two Germanies». Ed. by Grant S. Mc Clennan. N. Y., 1959; «Verschwörung gegen Deutschland. Die Pariser Verträge — ein Komplot des Krieges und der Spaltung». Herausgegeben vom Ausschuß für deutsche Einheit. Berlin, 1955; *Warburg J. P.* Germany: Key to Peace. Cambridge, 1953; *Wenger P.* Wer gewinnt Deutschland? Stuttgart, 1959; *Wiskemann E.* Germany's Eastern Neighbours. Problems relating to the Oder — Neisse Line and the Czech Frontier Regions. London — N. Y., 1956; *Worlitzek A.* Bonn — Moskau. Die Ostpolitik Adenauers. München, 1957; *Zurcher A. J.* The Struggle to Unite Europe, 1940—1958. N. Y., 1958.

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА, СТАТИСТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Богатова Г. П. Страны мира. Рекомендательный указатель литературы. М., 1957; «Большая Советская Энциклопедия», т. 1—51. М., 1949—1958; «Дипломатический словарь», т. 1—II. М., 1960—1961; «Достижения Советской власти за сорок лет в цифрах» (Стат. сборник). М., 1957; *Егоров В. Н.* Международные отношения (Библиографический справочник 1945—1960 гг.). М., 1961; «Зарубежные коммунистические и рабочие партии» (Краткий указатель литературы). М., 1959; «Избирательные системы стран мира» (Справочник). М., 1961; «Конституции буржуазных государств Европы». М., 1957; «Конституции стран народной демократии». М., 1958; «Крупнейшие компании США и Англии». М., 1957; «Латинская Америка» (Краткий политико-экономический справочник). Под ред. М. В. Данилевич и др. М., 1962; «Международные экономические организации». М., 1962; «Международный политико-экономический ежегодник». 1958—1962. М., 1958—1962; «Народное хозяйство Венгерской Народной Республики» (Статистический сборник). М., 1957; «Народное хозяйство СССР» (Статистический сборник). М., 1956; «Народное хозяйство Чехословацкой Республики» (Статистический сборник). М., 1957; «Национально-освободительное движение и распад колониальной системы империализма» (Указатель литературы). М., 1962; «Обзор экономического положения Европы в 1955 году». Женева, 1956; «Обзор экономического развития Польской Народной Республики». М., 1957; «Основные показатели развития СССР» (Краткий статистический справочник). М., 1958; *Попов А. А.* Внешняя политика СССР — политика мира. Указатель литературы. Л., 1956; *Попов А. А.* Распад колониальной системы империализма. Рекомендательный указатель литературы. Л., 1959; «Развитие народного хозяйства Венгерской Народной Республики» (Стати-

стические показатели). М., 1957; «Развитие народного хозяйства Германской Демократической Республики» (Статистические показатели). М., 1957; «Развитие народного хозяйства и культуры Корейской Народно-Демократической Республики в 1946—1957 гг.» (Статистический сборник). М., 1959; «Развитие народного хозяйства Народной Республики Болгарии» (Статистические показатели). М., 1958; «Развитие народного хозяйства Румынской Народной Республики» (Статистические показатели). М., 1958; «Развитие народного хозяйства Чехословацкой Республики» (Статистические показатели). М., 1958; «Развитие народного хозяйства Чехословацкой Республики в 1949—1953 гг.» Перев. с чешск. М., 1955; «Развитие экономики европейских стран народной демократии» (Обзор за 1956 год). М., 1957; «Развитие экономики и внешнеэкономических связей Китайской Народной Республики». М., 1959; «Развитие экономики Румынской Народной Республики по пути социализма. 1948—1957». Перев. с румынск. Москва — Бухарест, 1958; «Развитие экономики стран народной демократии» (Обзоры за 1954—1955 гг.). М., 1955—1956; «Развитие экономики стран народной демократии Азии (Обзор за 1956 г.)». М., 1957; «Развитие экономики стран народной демократии Европы и Азии» (Статистический сборник). М., 1961; «Развитие экономики Федеративной Народной Республики Югославии» (Краткий обзор). М., 1956; «Сельское хозяйство капиталистических стран» (Статистический справочник). Отв. ред. А. Петрушов. М., 1959; «Советская литература по международному праву. Библиография. 1917—1957». М., 1959; «СССР в цифрах» (Статистический сборник). М., 1958; «СССР — США» (Цифры и факты). М., 1961; «Статистические показатели экономического положения капиталистических стран (1950—1955 гг.)». М., 1956; «Страны социализма» (Рекомендательные списки литературы). М., 1959; «Страны социализма и капитализма в цифрах» (Статистические материалы). М., 1957; *Шигер А. Г.* Политическая карта мира (1900—1960). М., 1961; «Экономика капиталистических государств после второй мировой войны» (Статистический сборник). М., 1959; «Экономическая жизнь СССР» (Хроника событий и фактов. 1917—1959). М., 1961; «Экономическое положение капиталистических стран в 1955 году». М., 1956.

* *
*

«L'Année politique... 1950—1955». Revue chronologique des principaux faits politiques, diplomatiques, économiques et sociaux de la France et de l'Union Française. Paris, 1951—1956; «Annuaire Diplomatique». Genève, 1954; «Annuaire Européen», vol. I—II. La Haye, 1957, 1958; «The Annual Register of World Events. A review of the 1950—1955». London — N. Y. — Toronto, 1951—1956; «Annual Review of United Nations Affairs. 1951—1954». N. Y., 1953—1955; «Annuario di politica internazionale (1955)», vol. 12. Milano, 1956; «The Asia Who's Who 1958». Hongkong, 1958; «Bank for International Settlements Annual Reports. 1950—1955». Basle, 1951—1956; «Benelux. 1948—1958. Aperçu statistique de 10 années de coopération». Bruxelles, 1959; Brasseys's Annual. The Armed Forces Year-Book 1956. N. Y., 1956; «Britannica Book of the Year». London, 1951—1956; «The British Commonwealth». London, 1951—1956; *Byrnes R.* Bibliography of American Publications on East Central Europe 1945—1957. N. Y., 1957; *Conover H. F.* A Guide to Bibliographic Tools for Research in Foreign Affairs. Washington, 1956; «Current Biography. Who's News and Why... 1950—1955». N. Y., 1951—1956; «Current History Review. A day-by-day Summary of the Major Events in World Affairs». Chicago, 1960; «Demographic Yearbook». 1950—1955. United Nations, 1951—1956; «The Diplomat's Annual». 1950—1955. Annual Edition of the Diplomatic Bulletin. London, 1950—1955; «Direction of International Trade». Annual issue... 1950—1955. N. Y., 1951—1956; «Economic Developments in Africa 1954—1955. Supple-

ment to World Economic Reports». N. Y., 1955; «Economic Survey of Europe». Annual... Geneva, 1951—1956; «The Empire and Commonwealth Yearbook». 5 vls. London, 1953, 1954, 1956, 1957, 1958; «Encyclopédie de l'Amerique Latine. Politique, économique, culturelle». Paris, 1954; «Everyman's United Nations. The Structure, Function and Work of the Organisation during the years 1945—1958». N. Y., 1959; «Facts on File». Yearbook 1950—1955. N. Y., 1951—1956; «The Foreign Office List and Diplomatic and Consular Yearbook». London, 1953—1956, 1957, 1958; «Ghana Year Book». Accra, 1961; *Hailey M.* An African Survey. 1956. London, 1957; «Handbook of European Organization». Strasbourg, 1956; *Hyamson Albert M.* A Dictionary of Universal Biography. London, 1951; «India at a Glance». Bombay, 1954; «The Indian Year Book of International Affairs». 1951—1955. Madras, 1952—1956; «The International Year Book and Statesmen's Who's Who 1950—1955». London, 1951—1956; «International Who's Who». 1950—1955. London, 1950—1955; «The Japan Annual». Tokyo, 1954; «A Yearbook of East Africa 1953—54». Nairobi, 1954; «Year Book of the United Nations», 1950—1955. Department of Public Information. United Nations. N. Y., 1951—1956; «Year Book of World Affairs», 1950—1955. London, 1951—1956; «Keesing's Contemporary Archives». 1949—1955. Bristol, 1949—1955; *Klivar M., Musil K., Otava F.* Malý mezinárodní politický slovník. Praha, 1959; «The Middle East... A Survey and Directory of Arabia, Cyprus...» London, 1955; «Political Handbook of the World». 1950—1955. N. Y., 1951—1956; *Roberts H. L.* Foreign Affairs Bibliography. A selected and annotated list of books on international relations. 1942—1952. New York, 1955; «The Statesman's Year Book». 1950—1955. London, 1950—55; «Statistical Abstract of the United States». 1950—1955. Washington, 1951—1956; «Statistical Abstract for the British Commonwealth (75-th ann. ed.)». London, 1955; «Statistical Yearbook U.N. 1950—1955». N. Y., 1951—1956; «Ten Years Report and Current Projects. 1948—1958». Cambridge, 1958; «Ten Years of Pakistan. 1947—1957». Karachi, 1957; «Ten Years of United Nations Publications, 1945 to 1955». A Complete Catalogue. N. Y., 1955; *Thompson V. and Adloff R.* French West Africa. London, 1958; «United States and World Affairs». Annual 1950—1955. Publications of the Council of Foreign Relations. N. Y., 1951—1956; «Wer ist wer?». Berlin, 1955; «Western Cooperation. A Reference Handbook». London, 1956; «Who is Who in America», vol. 26, 27, 28. 1950—1955. Washington, 1951—1956; «Who's Who in the East. 1953». I—II. Chicago, 1953; «Who's Who in Egypt and the Near East». Cairo, 1950—1956; «Who's Who in France». Paris, 1953, 1954; «Who's Who in Germany». Oldenbourg, 1956; «Who's Who in Italy». Roma, 1958; «Who's Who in the United Nations». N. Y., 1951; «Who's Who in United States Politics and American Political Almanac», vol. I—II. Chicago, 1950—1952; «The World Almanac and Book of Facts» 1950—1955. N. Y., 1951—1956.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ, ПРЕССА

«Правда»
«Известия»
«Труд»
«Красная звезда»

«Вопросы истории КПСС»
«Вопросы истории»
«Вопросы философии»
«Вопросы экономики»

«Внешняя торговля»
«История СССР»
«Коммунист»
«Международная жизнь»
«Мировая экономика и международные отношения»
«Новая и новейшая история»
«Новое время»
«Проблемы мира и социализма»

«Работническо дело» (София)
«Daily Worker» (London)
«Freies Volk» (Düsseldorff)
«Humanité» (Paris)
«Neues Deutschland» (Berlin)
«Rudé právo» (Praha)
«Scînteia» (Bucureşti)
«Szabad nép» (с 1957 г.—«Népszabad-ság») (Budapest)
«Trybuna Ludu» (Warszawa)
«Unita» (Roma)
«Volksstimme» (Wien)

«Ново время» (София)
«Cahiers du communisme» (Paris)
«Einheit» (Berlin)
«Lupta de clasă» (Bucureşti)
«Marxism today» (London)
«New age» (New Delhi)
«Nowe drogi» (Warszawa)
«Nová mysl» (Praha)
«Nueve era» (Buenos Aires)
«Political Affairs» (New York)
«Rinascita» (Roma)
«Társadalmi szemle» (Budapest)
«Weg und Ziel» (Wien)

«Figaro» (Paris)
«Frankfurter allgemeine Zeitung»
(Frankfurt/M.)
«Manchester Guardian» (Manchester)
«Monde» (Paris)
«Neue Zürcher Zeitung» (Zürich)
«New York Herald Tribune» (New York)
«New York Times» (New York)
«Süddeutsche Zeitung» (München)
«Times» (London)
«Welt» (Hamburg)

«African world» (London)
«Afrique et le monde» (Bruxelles)
«Afrique journal economics and socio-logy» (Lancaster)
«American political science review» (Washington)
«Aussenhandel» (Berlin)
«Aussenpolitik» (Stuttgart)
«Business and economic conditions» (New York)

«Business week» (New York)
«Cahiers internationaux» (Paris)
«Chroniques étrangères» (Paris)
«Contemporary review» (London)
«Current history» (Philadelphia)
«Démocratie nouvelle» (Paris)
«Deutsche Aussenpolitik» (Berlin)
«Deutsches Wirtschaftsinstitut Be-richte» (Berlin)
«Eastern Economist» (New Delhi)
«Economie et politique» (Paris)
«Economist» (London)
«Esteri» (Roma)
«Esprit» (Paris)
«Etudes économiques» (Paris)
«Europa-Archiv» (Bonn)
«Foreign affairs» (New York)
«Foreign commerce weekly» (Washing-ton)
«Fortune» (New York)
«France nouvelle» (Paris)
«Inter — American economic affairs» (Washington)
«International affairs» (London)
«Journal officiel» (Paris)
«Međunarodna politika» (Beograd)
«Mezinárodní politika» (Praha)
«Middle Eastern affairs» (New York)
«Mondo economico» (Roma)
«Middle East Journal» (Washington)
«Nation» (New York)
«New republic» (Washington)
«New statesman» (London)
«Nouvelle revue d'économie contempo-raine» (Paris)
«Osservatore Romano» (Vaticano)
«Osteuropa» (Stuttgart)
«Political quarterly» (London)
«Politica ed economia» (Milano)
«Politique étrangère» (Paris)
«Problèmes économiques» (Paris)
«Revue socialiste» (Paris)
«Rivista storica italiana» (Napoli)
«Spectator» (London)
«Spiegel» (Hamburg)
«Sprawy międzynarodowe» (War-szawa)
«U. S. news and world report» (Wa-shington)
«West Africa» (London)
«Wirtschaft» (Berlin)
«Zukunft» (Wien)

А

- Австралия* — 127, 142, 241, 280, 281, 294, 295, 298, 302, 375—377, 381, 417, 420, 454—456, 495, 497, 498, 675.
- Австрийский Государственный договор* — 56, 73, 334, 345, 355, 518, 614, 619—622, 626, 628—639;
- Англия* и — 619—625, 628—630, 633—636;
- СССР* и — 56, 73, 518, 619, 622, 626—638;
- США* и — 619—625, 628—630, 633—636;
- Франция* и — 619—624, 628—630, 633—636.
- Австрия* — 34, 225, 248, 277, 345, 368, 619—638. См. также *Австрийский Государственный договор*.
- Аден* — 216, 306.
- Албания (Народная Республика Албания)* — 24, 28, 34, 44, 49, 50, 53, 277, 584, 602—603, 606, 614, 616.
- Алжир* — 171, 179—182, 208, 216, 332—333, 335—336, 510.
- АНЗЮС* — 142, 280, 298, 302, 375—376, 450.
- Антикоммунизм* — 59, 126, 173, 195—196, 210, 261, 267, 340, 344, 354, 356, 652—657, 666, 668, 680, 692.
- Аргентина* — 117, 121, 188, 189, 192, 195, 199, 200, 244.
- Афганистан* — 78, 119, 120, 126, 149, 152, 156—157, 202, 215, 217, 382, 387, 422.

Б

- Багдадский пакт* — см. *СЕНТО*.
- Бандунгская конференция 1955 г.* — 7, 77, 92, 125, 131, 158, 213—218, 451, 616.

- «Баруха план»* — 81—83, 86, 87.
- Белградская декларация СССР и ФНРЮ 1955 г.* — 45, 46, 614.
- Бельгия* — 34, 140, 225, 226, 241, 248—249, 280, 318, 360—362, 364, 365, 368—369, 371, 373, 398, 402, 417, 495, 541, 545, 549, 562, 565, 567, 568, 574, 600.
- Берег Слоновой Кости* — 255.
- Берлинское совещание министров иностранных дел СССР, США, Англии и Франции 1954 г.* — 41, 63, 65—66, 310, 325—326, 370, 490, 494, 562, 590—593, 622—623, 627, 631, 642.
- Бирма* — 117—119, 125—127, 131, 141, 144—148, 151—152, 202, 209, 212, 215, 217, 245—246, 294, 303, 377, 422, 446, 449, 458, 460, 476, 498, 510.
- Болгария (Народная Республика Болгария)*
- внешняя политика — 44, 53, 143, 392, 584, 602—603, 606, 614, 616;
 - экономика и внутренняя политика — 23—24, 27, 29—30, 34, 49—52.
- Боливия* — 189, 192—193, 196, 199, 200, 244.
- Боннский договор («Общий договор»)* — 64—65, 398, 529—530, 532, 559, 561—562, 585.
- Бразилия* — 189—192, 197, 199—201, 244, 386, 420.

В

- Варшавский договор* — 6, 10, 44, 68, 519, 583, 594—595, 598, 601—619, 662;
- Варшавское совещание европейских государств по

обеспечению мира и безопасности 1955 г. — 44, 603—607, 609;

- Политический консультативный комитет организации Варшавского договора (ПКК) — 46—47, 604, 609—610, 614—617.

Великобритания

- и Австралия — 294, 295, 297, 298;
- и Африки страны — 172, 174—176, 183—184, 291, 293, 296;
- антивоенное демократическое движение — 293—294, 400, 402, 407;
- и Бирма — 145, 146, 294, 303;
- внешней политики основные цели — 292—294, 299, 309, 313, 555;
- внешняя торговля — 106, 111—112, 314—315;
- военные расходы — 81, 291, 295, 318, 360, 371;
- и война в Индокитае — см. *Война в Индокитае*;
- и война в Корее — 187, 292, 301, 303—305, 313, 417—418, 420, 422—423, 425, 430, 433—434;
- и германская проблема — см. *Германская проблема*;
- и «Европейское оборонительное сообщество» — 310, 312, 549—550, 553, 555, 558, 561, 564—565;
- и европейская безопасность — см. *Европейской безопасности проблема*;
- и Египет — 155, 158, 159, 162, 166, 175, 291, 302, 306—309, 383;
- и Индия — 118, 134—135, 137, 154, 291, 294, 295, 297, 298, 303, 304, 306;
- и Индонезия — 140—141, 143;
- и «интеграция» — см. *«Интеграция» империалистическая Западной Европы*;
- и Ирак — 155, 158, 167, 306, 309, 383;
- и Иран — 166—170, 302, 306—308, 384;
- и Канада — 294, 295;
- и Кипр — 292, 296, 306;
- и КНР — 301, 303—305, 314, 444—445, 450, 455;

- коммунистическая партия — 253, 293;
- и Малайя — 292, 294, 295, 297, 303, 305;
- и НАТО — см. *НАТО*;
- и Новая Зеландия — 295, 298;
- и Пакистан — 137, 149, 291, 294, 295, 297, 303, 304, 306;
- и парижские соглашения 1954 г. — см. *Парижские соглашения 1954 г.*;
- политика колониальная — 172, 291, 294—296, 305;
- и проблема разоружения — 84—85, 88—90, 93, 96—97, 99—100, 642, 647;
- рабочее движение — 252—253, 292, 311;
- и СЕАТО — 127, 281, 303, 306;
- и СЕНТО — 154, 159, 281, 309, 383—385;
- и социалистические страны — 313—316;
- и СССР — 111—112, 292, 299, 309, 313—316, 574;
- и Судан — 166, 174—176, 298, 306;
- и США — 154—155, 169, 240, 241, 290—294, 298, 299—303, 307—308, 426, 556;
- и Франция — 154—155, 309, 310, 312, 322, 549—550, 566—567, 642—643;
- и ФРГ — 252, 290, 293, 301, 309—310, 313, 315, 322, 367, 400, 520, 522, 536, 565—566, 646;
- и Цейлон — 291, 294, 295, 297, 298, 303—304;
- экономика — 17, 34, 225, 226, 228—232, 235—237, 240—242, 250, 290—291;
- и ЮАС — 294—295, 297—298;
- и Япония — 303, 453—456, 461, 471.

Венгрия (Венгерская Народная Республика)

- внешняя политика — 44, 53, 102, 143, 168, 584, 602—603, 606, 614;
- экономика и внутренняя политика — 23, 24, 27—30, 34, 49—52.

Венесуэла — 189, 195.

Верхняя Вольта — 255.

- Война в Индокитае* — 6, 63, 93, 207, 213, 233, 253, 302, 318—320, 323, 326, 327, 330, 334, 337, 341, 376, 394, 397, 398, 399, 403, 409, 478—516, 563, 639, 661, 690—693;
- вмешательство США — 6, 277, 289, 320, 326, 376, 377, 478—483, 486, 488—491, 493, 668, 692—693;
 - Женевское совещание — см. *Женевское совещание министров иностранных дел СССР, КНР, США, Англии и Франции 1954 г.*;
 - и межимпериалистические противоречия — 288, 305—306, 479—480, 486, 497—499;
 - план Наварра — 481—482, 490—492;
 - победа Вьетнамской Народной армии под Дьен-Бьен-Фу — 288, 491—492, 497—498, 510;
 - позиция СССР — см. *СССР*.

Война в Корее

- и международные отношения — 62, 155, 187, 192, 201, 205, 207, 221, 257, 317, 334, 343, 386, 409, 548, 561, 567, 639, 680—684;
- интервенция США и их союзников — 6, 60—62, 155, 187, 189, 192, 221, 252, 261—262, 265, 270—276, 287—289, 345, 386, 395, 411—435, 440—441, 480;
- переговоры о перемирии — 63, 130, 304, 398—399, 427—432;
- позиция отдельных стран — см. по странам;
- позиция СССР и других социалистических государств — 60—62, 418, 420, 421, 430, 432. См. также *СССР*;
- соглашение о перемирии — 43, 63, 93, 130, 147, 213, 334, 410, 431—432, 639;
- Женевское совещание — см. *Женевское совещание министров иностранных дел СССР, КНР, США, Англии и Франции 1954 г.*
- и экономика капиталистических стран — 226—228, 242—243.

Всемирное движение сторонников мира

- Варшавский конгресс сторонников мира — 395—396, 425;
- Венский конгресс народов за мир — 397—398;
- Венское обращение Всемирного Совета Мира — 92, 400;
- Воззвание Всемирного Совета Мира о Пакте мира — 191, 396—397;
- и война в Корее — 391, 395—399, 403, 425;
- Вроцлавский конгресс деятелей культуры в защиту мира — 392;
- Всемирная ассамблея мира в Хельсинки — 400—401;
- Конгресс сторонников мира в Париже и в Праге — 392—393, 403—404, 406—407;
- Стокгольмское воззвание 1950 г. — 84, 92, 395—396;
- Стокгольмская конференция по ослаблению напряженности в международных отношениях 1954 г. — 399.

Вьетнам Южный — 151, 181, 215, 235, 377, 379, 380, 476, 511—514. См. также *Война в Индокитае*.

Г

- Гаити* — 191, 196, 386.
- Гана (Золотой Берег)* — 184, 186, 215, 296, 298.
- Гватемала* — 188, 191, 195, 196, 197, 201, 244, 386, 399;
- антифеодалная, антиимпериалистическая революция — 193—194, 197—198, 201;
 - агрессия США 1954 г. — См. *США*.
- Гвиана Британская* — 244, 296.
- Гвинея* — 184—186, 204, 255.
- Генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГАТТ)* — 48, 248, 250, 525.
- Германская Демократическая Республика (ГДР)*
- и агрессивная политика западных держав в отношении ГДР — 522, 531, 553, 554, 577, 592, 599—600, 606;
 - внешняя политика — 41—44, 51, 53, 64—65, 67, 73—74, 143, 271, 582, 584, 590, 594—595, 597, 602—603, 606—607, 609, 615; см. также *Германская проблема*;

- экономика и внутренняя политика — 23, 24, 27, 31, 49—52.

Германская проблема

- Англия и — 252, 292, 301, 309—314, 520, 549—550, 585—586, 592, 687;
- возрождение империализма и милитаризма в Западной Германии — 6, 59, 61, 64—65, 91, 274, 292, 301, 311, 324—325, 328, 334, 352, 366—368, 399, 449, 518—537, 548—555, 564—578, 602, 622, 641, 645, 648; см. также *ФРГ*;
- и европейская безопасность — см. *Европейской безопасности проблема*;
- Женевское совещание и — см. *Женевское совещание 1955 г. глав правительств СССР, США, Англии и Франции и Женевское совещание министров иностранных дел СССР, США, Англии, Франции*;
- межимпериалистические противоречия — 523—524, 526—527, 530, 549—550, 557—558, 642—644;
- мирное урегулирование — 41, 278, 532, 559—561, 574, 584, 587, 590—592, 597, 601, 621—623, 628, 634;
- и парижские соглашения 1954 г. — см. *Парижские соглашения 1954 г.*;
- СССР и — 41—42, 60, 64—68, 74—76, 518, 530, 548, 560—562, 564, 567, 569, 577—578, 580, 582—601, 604—605, 616, 628—629, 643, 645;
- США и — 310, 311, 352, 520—522, 524—526, 528—529, 540, 589, 601, 641—642, 644—645;
- Франция и — 310, 311, 321—328, 352, 520, 522, 524—526, 528—530, 540, 542, 547—572, 580—581, 584—585, 588—590, 592, 600, 642—645, 686—687.

Гондурас — 191, 196, 386.

Греция — 237, 248, 280, 359, 363, 365—366, 370—371, 387, 394, 417, 495, 616, 675.

Д

Дания — 34, 114, 225, 248, 314, 360, 361, 365, 366, 371, 373, 397, 541.

Дагомея — 255.

Доминиканская Республика — 191, 386.

Демократическая Республика Вьетнам (ДРВ)

- борьба против иностранной интервенции — см. *Война в Индокитае*;
- внешняя политика — 43, 53, 215, 457, 462, 483—516;
- и Женевское совещание — см. *Женевское совещание министров иностранных дел СССР, КНР, США, Англии и Франции 1954 г.*;
- экономика и внутренняя политика — 26, 28, 51.

Е

Европейской безопасности проблема

- Англия и — 310—311, 564, 589, 599—600, 605, 616, 643—646, 687;
- Московское совещание европейских стран по вопросу о коллективной безопасности 1954 г. — 44, 67—68, 593—594, 601;
- СССР и — 60, 63—69, 109, 310, 518, 560, 562, 564, 569, 582—601, 603—604, 636, 643;
- США и — 278, 564, 589, 600, 605, 643—646;
- Франция и — 334, 564, 589, 600, 605, 642—646;
- ФРГ и — 590, 645—646.

Европейское оборонительное сообщество (ЕОС; парижские соглашения 1952 г.; «план Плевена») — 64, 65, 67, 274, 280, 310, 312, 323—328, 348, 353, 367, 368, 398, 528—530, 547—568, 570—572, 574, 578, 580—581, 588, 590, 625, 687; см. также по странам.

Европейское объединение угля и стали (ЕОУС) — см. *«Интеграция» империалистическая Западной Европы*.

Европейский совет — см. *«Интеграция» империалистическая Западной Европы*.

Египет — 171, 174—176, 202, 209, 211, 215, 306, 381, 383, 422—423, 459; — и Англия — 155, 156, 159, 162, 163, 165—166, 174, 175, 291, 302, 306—309; — борьба против империалистических блоков — 156, 158—159, 207—208, 381, 383;

- и нейтралистские государства — 125, 207—208, 215;
- революция 1952 г. — 124, 154, 162—166, 171, 174—175;
- и социалистические государства — 119, 160—161, 170, 210—211.

Ж

Женевское совещание 1955 г. глав правительств СССР, США, Англии и Франции — 11, 42, 59, 71—73, 97, 110—111, 289, 310, 311, 315, 316, 334, 335, 355, 356, 370, 399, 400—401, 519, 597—598, 614—616, 638—651, 662;

— и германская проблема — 334, 598, 601, 641—646;

— и проблема разоружения — 97, 98, 100, 641—644, 646—648, 650;

— и советский проект договора о коллективной безопасности — 598, 600, 644—646.

Женевское совещание министров иностранных дел СССР, КНР, США, Англии и Франции 1954 г. — 43, 63, 131, 152, 209, 326, 334, 370, 376—377, 399, 494—516, 563;

— Женевские соглашения 1954 г. о прекращении военных действий в Индокитае — 63, 288, 330, 377, 380, 410, 492;

— и корейский вопрос — 494—495;

— и межимпериалистические противоречия — 497—499, 503—504;

— роль социалистических стран — 501—502, 505—511.

Женевское совещание министров иностранных дел СССР, США, Англии, Франции 1955 г. — 72, 97, 310, 311, 335, 597—600, 648, 650, 662.

З

Западная Германия — см. *Федеративная Республика Германии*.

Западноевропейский союз — 281, 312, 313, 328, 348—349, 368, 399, 530, 531, 565, 567, 569—576, 579, 580, 581, 596, 602, 615, 642.

Западный союз — 300, 318, 365, 539—541, 565, 604.

Золотой Берег — см. *Гана*.

И

Израиль — 155—157, 159, 209, 302, 307, 381, 661.

Индия

— и Англия — 118, 128, 130—131, 134, 135, 207, 291, 294, 295, 297, 298, 303, 304, 306;

— и Бандунгская конференция 1955 г. — 131, 141, 213, 215—216;

— и война в Корее — 61, 129—131, 207, 418—419, 422—423, 426, 430, 433;

— и война в Индокитае — 131, 490, 498;

— и кашмирский вопрос — 137, 138, 152, 298;

— и КНР — 77, 130, 131, 134, 212—213, 446, 456, 509;

— коммунистическая партия — 128, 129, 133, 136;

— нейтралистская внешняя политика — 77, 101, 102, 125, 126—139, 144, 146, 151, 207—209, 217, 245, 377, 379—380, 387, 458, 507, 509, 510;

— и Пакистан — 137, 152, 298;

— португальские колонии в Индии — 138—139, 210;

— и СССР — 117—119, 130, 132—133, 217, 245;

— и США — 61, 118, 130, 135, 136, 138, 245;

— и ФРГ — 135;

— экономика — 132, 134—136, 245;

— и Япония — 135, 460, 475.

Индонезия — 245, 377, 394, 422, 425, 449, 456, 459, 476, 477, 498;

— и Англия — 140, 141, 143;

— и Бандунгская конференция 1955 г. — 131, 141, 213, 215, 216;

— и Гаагская конференция «круглого стола» — 139, 140, 142;

— Западного Ириана проблема — 141—144, 208, 210, 216;

— и КНР — 131, 143, 213, 456;

— коммунистическая партия — 139;

— нейтралистская внешняя политика — 125, 126, 131, 141, 146, 151, 152, 204, 207, 209, 215—216, 377, 405, 510;

— и Нидерланды — 139—140, 142;

— и СССР — 119, 143, 144;

- и США — 140, 142, 143;
- и Франция — 140;
- и Япония — 476—477.

«Интеграция» империалистическая Западной Европы — 247—251, 311—313, 347—349, 517—518, 520, 524—525, 537—564, 571, 686;

- Англия и — 248, 251, 293, 311—313, 539, 541, 543, 547—550;
- Европейское объединение угля и стали (ЕОУС, «план Шумана») — 64, 247—251, 274, 312, 323, 348, 349, 352, 525, 535, 542—549, 553—554;
- Европейский совет — 248, 347—349, 525, 538—543, 547, 549, 553, 554, 576;
- и ЕОС — см. *Европейское оборонительное сообщество*;
- Италия и — 248—249, 340, 347—349, 541—545, 549, 553, 557—560, 567;
- межимпериалистические противоречия — 541—543, 548, 550, 555—559;
- США и — 248, 250—251, 286, 311, 540, 544—545, 548—552, 555—561, 563—564;
- ФРГ и — 248—251, 311, 539—540, 542—564;
- Франция и — 248—250, 311, 540—564.

Иордания — 155, 158, 202, 215, 306, 383.

Ирак — 155, 157, 158, 161, 202, 215, 216, 281, 306, 309, 380, 382—384, 422, 459.

Иран — 119, 120, 153, 156—158, 160, 162, 166—170, 202, 215, 244, 281, 302, 306—308, 359, 380, 384, 422.

Ирландия — 541.

Исландия — 314, 366, 397.

Испания — 178, 281, 366, 369, 370, 576, 675.

Италия

- и Англия — 342, 343, 347, 349, 351, 353—354, 355;
- антивоенное демократическое движение — 402;
- внешней политики основные цели — 174, 338—340, 342, 347, 354—357;
- военные расходы — 318, 342, 360, 371;
- и война в Корее — 343, 355;
- и вопрос о Триесте — 348, 349, 352—354;

— и ЕОС — 348—349, 549, 553, 557—560;

— и Западноевропейский союз — 280—281, 348—349, 565;

— «Интеграция» — см. *«Интеграция» империалистическая Западной Европы*;

— коммунистическая партия — 253—254, 339, 341, 346, 353, 356, 559;

— мирный договор — 342—343, 345, 350;

— и НАТО — см. *НАТО*;

— и парижские соглашения 1954 г. — 348—349, 565, 567, 579;

— рабочее движение — 253—254, 339;

— и СССР — 344, 346, 353, 354—356;

— и США — 240, 341—343, 346—351, 353—356, 624;

— и Франция — 342, 347—349, 351—353;

— и ФРГ — 347—349, 352, 559—560;

— экономика — 34, 225, 228, 230, 233—237, 240—241, 338—339.

И

Йемен — 155, 202, 215, 216, 383, 422.

К

Камбоджа — 124, 127, 151, 152, 202, 215, 377, 379, 380, 397, 483—485, 495, 501, 507, 509, 511, 515—516.

Канада — 90, 224—226, 235—237, 240, 241, 294, 295, 298, 318, 360, 365, 371, 417, 436, 444, 507, 549, 565, 567.

Кения — 173, 183—184, 292, 295.

Кипр — 208, 292, 296, 306.

Китайская Народная Республика (КНР)

— агрессивные действия США против КНР — см. *США*;

— и Бандунгская конференция 1955 г. — 214—215, 451;

— внешняя политика — 43, 51—53, 77, 134, 212, 379, 494, 506, 509, 602, 603, 606, 607;

— и война в Индокитае — 376, 447, 494, 509;

— и война в Корее — 61, 62, 418, 421—424, 447;

— и Индия — 77, 130, 131, 134, 212, 456, 509;

- и ООН — см. *Организация Объединенных Наций*;
- советско-китайский договор — см. *Советско-китайский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи* (14. II. 1950 г.);
- и СССР — 25, 40, 41, 49, 50, 52, 59, 212, 379, 444, 447, 448;
- и США — 265, 288, 304, 380, 412, 424, 480, 481, 496;
- экономика и внутренняя политика — 25, 28, 31, 40, 49—52.

Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР)

- внешняя политика — 43, 53, 62, 456, 495; см. также *Война в Корее*;
- экономика и внутренняя политика — 26, 28, 51.

Колумбия — 189—192, 196, 197, 386, 417, 495.

Коммунистическая партия Советского Союза

- борьба за ликвидацию последствий культа личности — 5—6, 9, 11, 13—15, 38, 45, 55—56, 58, 264;
- пленумы ЦК КПСС — 14, 16—18, 46, 58;
- о политике мирного сосуществования — 6, 77—78; см. также *Мирное сосуществование*;
- Программа КПСС — 12, 36—37, 54, 282, 283;
- руководство внешней политикой страны — 8, 11, 37, 55—58, 60, 69, 72, 76, 78, 80, 82, 619—620, 626—627, 637, 649;
- Съезды КПСС:
- XIX съезд — 15;
- XX съезд — 5, 10, 12—13, 37, 38, 55—60, 69, 80, 110, 133, 226, 290, 614;
- XXII съезд — 32, 35.

Конго — 185, 186.

Корея Южная — 129, 235, 374—375, 380, 412, 414—415, 429, 432, 434, 495; см. также *Война в Корее*.

Куба — 187, 189—192, 196, 199, 386, 420.

Кувейт — 306, 380.

Л

Лаос — 124, 127, 151, 152, 202, 215, 377, 379—380, 397, 483—485, 488, 491, 495, 501, 507, 509, 511, 514, 515.

Либерия — 174, 202, 215.

Ливан — 117, 119, 155, 202, 215, 383, 422.

Ливия — 124, 171, 174—175, 202, 208, 215, 306, 383.

Лига арабских стран — 154, 157, 382.

Лондонское совещание 1954 г. — 112, 399, 567—570.

Люксембург — 248, 280, 348, 360—361, 365, 368, 371, 417, 495, 541—545, 549, 562, 565, 567, 574.

М

Малайя — 59, 127, 292, 294, 295, 297, 303, 305, 380, 394, 397, 498.

Марокко — 77, 124, 171, 174, 176—179, 182, 208, 216, 330—333, 366, 397.

«Маршалла план» — 224, 230, 237, 240, 279, 301, 312, 316, 320, 337, 338, 350, 520, 525, 535, 540, 542, 544, 625.

Мексика — 188, 190, 192, 195, 199.

Мирное сосуществование — 7, 11, 35, 75—80, 104, 203—206, 212, 221, 257, 264, 289—290, 400, 406, 447, 511, 517, 519, 582, 587, 588, 600, 629, 637—639, 647, 649, 652, 657—658, 667, 668, 670;

- борьба СССР за — 6, 7—8, 11, 35, 55, 57, 59, 60, 69, 77, 105—107, 160, 212, 288—289, 389, 390—392, 394—395, 401, 405—406, 519, 582, 587—588, 600, 619, 638—639, 647, 651;
- буржуазная историография о — 657—659;
- во внешней политике социалистических стран — 11, 12, 35, 391, 401, 517, 607, 612—613, 616—619, 638, 651;
- и идеологическая борьба — 652—654, 657—659;
- и нейтралистские государства — 203—206, 212, 214, 216—217, 222, 297, 400, 447;
- и соревнование двух систем — 9—10, 17, 19, 20, 33—34, 55, 122, 638, 651—652.

Мировая капиталистическая система

- государственно-монополистический капитализм — 224,

- 228—234, 241, 248, 251, 521—523, 535—537, 542—544, 546, 548, 550;
- рабочее движение — 123, 251—256, 261—262, 292, 311, 339, 457, 465—466;
- милитаризация экономики — 108, 220, 223—234, 237—238;
- и мировая социалистическая система — 6, 30, 34, 220, 223, 258, 284, 314, 357, 373, 380, 389, 538—539, 541, 551, 574, 584, 651;
- противоречия межимпериалистические — см. *Противоречия межимпериалистические*;
- распад колониальной системы — 7, 36, 57, 76, 124, 170—171, 174—175, 182—183, 185—186, 202, 218, 221—223, 241—247, 258, 264, 282—283, 286, 333, 357—358, 390, 479, 551, 552, 673;
- «холодной войны» политика — 59—60, 71—73, 90, 106, 172, 204, 297, 301, 311, 335, 346, 353—356, 517, 582, 639, 674, 678, 684, 688.

Мировая социалистическая система

- влияние на международные отношения — 6—7, 9—12, 33, 35—37, 56, 59, 62, 67—70, 125, 127, 160, 203, 222, 264, 286, 293, 390, 519, 587, 600—601, 617—619, 638, 639, 651;
- и мировая капиталистическая система — 6, 9, 10, 12, 17, 20, 33, 36—37, 43, 57, 59, 67, 69, 104, 223, 258, 284, 357, 388, 389, 638, 651;
- и национально-освободительное движение — 11, 12, 32, 36, 76, 123, 125, 127, 171, 176—177, 182, 207, 211, 223, 245—246, 306, 616, 638;
- новый тип международных отношений — 10—11, 21, 37—39, 47, 54, 56—57, 76, 519, 595, 618, 652, 663—667; см. также *СЭВ*, *Варшавский договор*;
- роль СССР — см. *СССР*;
- экономическое развитие — 9—10, 12, 21, 22, 24—31, 33—34, 47—54, 224, 448.

Монгольская Народная Республика

- внешняя политика — 51, 53, 457;

- экономика и внутренняя политика — 25—26, 28, 31—32.

Московское международное экономическое совещание 1952 г. — 107—108, 200.

Московское совещание европейских стран по вопросу о коллективной безопасности 1954 г. — см. *Европейской безопасности проблема*.

Н

НАТО

- и Англия — 300, 314, 359, 361—362, 364—368, 370—373, 529, 602;
- антисоциалистическая направленность — 66—67, 309, 314, 369—370, 373, 593, 611—612;
- включение и участие ФРГ в — 280, 312, 349, 366—371, 386—387, 399, 483, 518, 521, 524, 526—529, 531, 570, 572, 575—576, 583, 587, 589, 594, 596, 600, 602, 612, 615, 623, 626, 642, 685; см. также *Парижские соглашения 1954 г.*;
- военные базы и инфраструктура — 365, 371, 621;
- военные расходы стран-участниц, гонка вооружений — 81, 238, 279, 317—319, 321, 358—360, 362—365, 370—372, 387, 613;
- и война в Корее — 317, 359, 360, 367, 370;
- и Западноевропейский союз — см. *Западноевропейский союз*;
- и Италия — 340—345, 350—352, 356, 361—365, 368—371, 544, 602, 624;
- лиссабонская «программа» 1952 г. — 320, 321, 363, 364;
- создание объединенных вооруженных сил — 360—365, 550—552, 575;
- СССР, позиция по отношению к НАТО — см. *СССР*;
- и США — 220, 274, 278—281, 300, 313, 317, 319, 358, 364—373, 382, 529, 544, 552, 568;
- и Франция — 316—321, 326—327, 336—337, 361—362, 364—365, 367—371, 373, 529, 544, 558, 602.

Нейтрализм, политика нейтрализма — 7, 125, 134, 138, 141, 147, 154, 158, 203—213, 218, 357, 387, 390; см. также *Бандунгская конференция 1955 г.*

Непал — 151, 202, 215.

Нигерия — 173, 296.

Нидерланды (Голландия) — 136, 139—144, 169—170, 225, 241, 248—249, 280, 318, 360, 361, 365, 368—369, 371, 394, 417, 420, 459, 495, 541—545, 549, 562, 565, 567, 574.

Никарагуа — 191, 196, 386.

Новая Зеландия — 127, 142, 208, 280, 281, 295, 298, 302, 375—377, 381, 417, 450, 454, 455, 495, 497, 675.

Норвегия — 187, 225, 237, 248, 360, 361, 363, 365—366, 371, 397, 420, 459, 541.

Нью-Йоркское совещание министров иностранных дел США, Англии и Франции 1950 г. — 43, 64, 367, 526—528, 584.

О

Организация американских государств (ОАГ) — 190, 197;

— *межамериканские конференции (1954 г.)* — 194—196, 198—199, 281, 384—386, 387.

Организация европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС) — 231, 248, 311—312, 349, 525, 554.

Организация Объединенных Наций (ООН)

— Англия и — 90, 208;

— *Генеральная Ассамблея:*

V сессия (1950 г.) — 61, 82, 130, 420, 422, 434, 442, 443;

VI сессия (1951 г.) — 130, 176, 177, 183;

VII сессия (1952 г.) — 62, 86, 130, 177, 208, 430, 433, 446;

VIII сессия (1953 г.) — 131, 433;

IX сессия (1954 г.) — 89, 90, 102;

X сессия (1955 г.) — 101, 103, 132, 181, 614;

XI сессия (1956 г.) — 110, 182;

— КНР и — 43—44, 130—131, 202, 301, 304, 400, 441—443, 446, 450;

— *Комиссия ООН по разоружению* — 82—86, 88, 91—93, 97—100, 209, 211, 643, 647—648; см. также *Разоружения проблема;*

— *Совет Безопасности* — 61, 94, 96, 137, 187, 196, 197;

— СССР и — 43—44, 61—62, 82—83, 86, 90, 101, 109, 110, 117, 137, 144, 146, 176, 177, 182, 197, 211, 646, 654, 663;

— США и — 90, 101, 129, 137, 176, 181, 187, 188, 197, 202, 208;

— Франция и — 90, 177, 181—182, 187, 333, 335.

П

Пакистан — 119, 120, 127, 131, 137, 145, 146, 148—149, 151—153, 156, 157, 202, 213—215, 216, 281, 291, 294, 295, 297, 298, 303, 304, 306, 377, 382—385, 420, 422, 498, 510.

Палестина — 216, 302, 306.

Парагвай — 189, 196.

Парижские соглашения 1952 г. — см. *Европейское оборонительное сообщество.*

Парижские соглашения 1954 г. — 44, 67, 68, 91, 316, 367, 369, 399, 449, 519, 530, 531, 564—582, 590, 593—594, 597—599, 628;

— Англия и — 293, 310—312, 314, 564—570, 572—574, 578—581, 602;

— *германская проблема* — 44, 68, 91, 367—368, 565—566, 577, 579, 590, 594, 597, 599, 601, 644;

— *НАТО* — 367, 565, 570—572, 581, 639;

— *ратификация* — 44, 328, 578—579, 581—582, 594, 602—604, 623;

— *создание Западноевропейского союза* — см. *Западно-европейский союз;*

— СССР и — 44, 564, 567, 577—578, 580, 593, 597—599, 601—602, 628;

— США и — 564—570, 572, 574, 578, 580—581, 602;

— Франция и — 328, 337, 564—572, 576, 580—581, 639;

— ФРГ и — 564—572, 574—576, 578—579, 581, 594, 605, 628, 639, 644.

Перу — 189—192, 386.

«Плевена план» — см. *Европейское оборонительное сообщество*.

Польша (Польская Народная Республика)

— внешняя политика — 42—44, 53, 61, 86, 102, 143, 217, 392, 431, 444, 458—460, 507, 584, 600, 602, 603, 605—606, 611, 614;

— экономика и внутренняя политика — 23, 24, 27—31, 34, 49—52, 101.

Португалия — 138, 248, 352, 360, 361, 365—366, 371.

Потсдамские решения — 64, 520, 522, 539, 571, 574, 584—585, 589, 621, 625, 641.

Пражское совещание министров иностранных дел социалистических стран 1950 г. — 43, 584—585.

Программа КПСС — см. *Коммунистическая партия Советского Союза*.

Противоречия межимпериалистические — 63, 65, 169, 172—173, 222—224, 236—242, 282, 288—289, 311, 321, 358, 380, 388, 523, 526, 530, 536, 539, 543—544, 546—548, 554—559, 566, 568, 594, 642—643;

— американо - английские — 142—143, 145, 154, 168—169, 176, 288, 292—293, 299—307, 351, 381, 425, 497—498, 503—504;

— американо - западногерманские — 521, 646;

— американо - итальянские — 350—351;

— американо - французские — 181, 317, 319, 321, 324, 333, 425, 482, 488—489, 498—499, 523, 555, 559, 568, 642—643;

— американо-японские — 463—465, 469;

— англо - западногерманские — 293, 309—311, 543;

— англо - французские — 543, 555, 559, 642;

— и германская проблема — см. *Германская проблема*;

— и НАТО — 321, 358, 368—369;

— франко - западногерманские — 322—323, 544, 546—547, 557—559, 568.

Пуэрто-Рико — 189.

Р

Разоружения проблема — 11, 43, 69, 70, 81—93, 96—101, 103, 131—132, 217, 278, 401, 599, 613, 616, 642—643, 646—647, 660; см. также «*Баруха план*»; *Женевское совещание 1955 г. глав правительств СССР, США, Англии и Франции*; *ООН*; *СССР*.

Родезия — см. *Федерация Родезии и Ньясаленда*.

Румыния (Румынская Народная Республика)

— внешняя политика — 44, 53, 143, 584, 602, 603, 605, 606, 614, 664;

— экономика и внутренняя политика — 23, 24, 27—32, 34, 49—52.

С

Саарский вопрос — 249, 250, 322, 524, 543, 546—547, 557.

Сан-Францисская конференция — 1951 г. — 457—462. См. также *Япония*.

Саудовская Аравия — 155, 160, 202, 215, 217, 302, 307, 383, 422, 459.

СЕАТО (Организация договора для Юго-Восточной Азии) — 59, 127, 138, 141, 147, 148, 152, 153, 207, 281, 282, 306, 334, 376—380, 385, 446, 449, 450, 504, 506, 511, 514, 693.

Сенегал — 173, 255.

СЕНТО (Организация центрального договора; Багдадский пакт) — 59, 77, 120, 148, 154, 157—161, 162, 207, 281—282, 302, 309, 380—385, 693.

Сирия — 155, 158—160, 202, 215, 309, 383, 422, 459.

Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ) — 6, 53, 594, 610, 617, 665.

Советско-китайский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи (14. II. 1950 г.) — 40, 288, 424, 435, 445, 499.

Совещание премьер-министров Бирмы, Индии, Индонезии, Пакистана и Цейлона в Коломбо в 1954 г. — 131, 147, 148, 213, 498.

СССР

— и Албания — 24, 50, 53;

— и Алжир — 182;

— и Англия — 17, 81, 83, 109, 112, 156, 292, 299, 308, 313—316, 381, 647;

- и Аргентина — 117, 121, 199—200;
- и Афганистан — 78, 119—120, 126, 217;
- и Бирма — 78, 117—119, 126, 127, 146—147, 217, 245—246;
- и Болгария — 49, 50, 52, 53, 101, 584, 602—603;
- и Варшавский договор — 601—619;
- Великая Октябрьская социалистическая революция — 217, 389, 670;
- и Венгрия — 49, 50, 52, 53, 101, 584, 602, 603, 665;
- влияние внешней политики на международные отношения — 6, 10, 11, 20, 55—56, 59—60, 63, 65—67, 214, 288—289, 334, 368, 388, 390, 626, 636—640, 649;
- внешняя торговля — 48—49, 79, 104—122, 147, 200;
- и война в Индокитае, позиция в отношении — 11, 59, 63, 127, 288, 334, 485—486, 495, 499, 506—509, 511, 661—662;
- и война в Корее; позиция в отношении — 11, 59—63, 288, 416, 418—426, 433, 561;
- и ГДР — 41, 42, 49—53, 65, 67, 73, 74, 101, 584, 590—592, 594, 595, 597, 599, 600, 602, 603;
- и германская проблема — см. *Германская проблема*;
- и Дания — 114;
- Декларация Верховного Совета 9. II. 1955 г. — 70, 91, 212, 601—602;
- и ДРВ — 26, 51, 53;
- и европейская безопасность — см. *Европейской безопасности проблема*;
- и Египет — 101, 117, 119, 160, 161, 661;
- и Индия — 78, 117—119, 126, 127, 132—134, 137—139, 211, 217, 245;
- и Индонезия — 119, 127, 143, 144;
- и Иран — 119, 120, 168;
- и Италия — 342—343, 353—356;
- и КНР — 25, 39—41, 44, 49, 50, 52, 53, 83, 101, 212, 443—444, 447—448;
- и КНДР — 51, 53;
- КПСС — см. *Коммунистиче-*

- ская партия Советского Союза*;
- и Ливан — 117, 119;
- и Марокко — 77, 177;
- мирное использование атомной энергии — 20, 52—53, 94, 101—103;
- мирного сосуществования политика — см. *Мирное сосуществование*;
- и молодые национальные государства — 7, 11, 56, 76—78, 115—117, 127, 153, 160, 161, 214—215;
- и Монгольская Народная Республика — 53;
- роль в мировой социалистической системе — 10, 22, 38, 43, 47—48, 50—53, 603, 613;
- и НАТО — 66, 67, 365, 369, 370, 598, 612—613;
- и национально-освободительное движение — 6, 7, 11, 60, 76—78, 160—161, 174—176, 182, 381, 638;
- и Норвегия — 113;
- и Пакистан — 119, 120;
- поездка правительственной делегации в Индию, Бирму и Афганистан — 78, 126, 133, 147;
- и Польша — 43, 49, 50, 52, 53, 101, 584, 602, 603;
- и проблема разоружения — 60, 69—70, 109, 613, 643, 646, 660;
- и Румыния — 49, 50, 52, 53, 101, 584, 602, 603;
- и СЕАТО — 379;
- и СЕНТО — 77, 160, 383—384;
- и Судан — 77;
- и США — 17, 65—66, 70—71, 81—83, 86—88, 106, 109, 114, 156, 197, 381, 391, 412, 561, 643, 671, 672, 674;
- и Тунис — 77, 176, 177;
- и Турция — 119, 120, 121, 381, 616;
- укрепление обороноспособности — 9, 10, 34—35, 86—87, 264, 268, 271, 293, 313;
- и Уругвай — 117, 121, 200;
- и Финляндия — 78—80, 113—114;
- и Франция — 83, 109, 112, 113, 156, 327—329, 381, 561, 574, 600;
- и ФРГ — 56, 73—76, 113, 595—596, 599, 616;

- и Чехословакия — 43, 49, 50, 52, 53, 101, 584, 602, 603;
- и Чили — 200;
- и Швеция — 113;
- и Швейцария — 113;
- экономика — 13—20;
- экономическая помощь слаборазвитым странам — 76, 115, 117, 118, 121, 127, 132, 133, 147—148;
- экономические отношения с капиталистическими странами — 13, 105—114, 122, 647;
- экономическое сотрудничество и помощь странам мировой социалистической системы — 13, 22, 24, 25, 38—42, 50—52, 56, 101—102; см. также *Совет Экономической Взаимопомощи*;
- и Югославия — 45, 46, 56, 101, 614;
- и Япония — 409, 447, 460—461, 469—474, 478.

«Средневосточного командования» проект — 155—157, 309, 381, 383.

Судан — 77, 124, 156, 166, 171, 174—176, 215, 255, 298, 306, 308.

США

- агрессия против Гватемалы — 124, 196—198, 386, 399;
- агрессия против КНДР — 60—62, 155, 187—190, 192, 201, 221, 252, 258, 261, 262, 265, 270—276, 287—289, 374, 386, 391, 398—399, 411—435, 440—441, 480; см. также *Война в Корее*;
- агрессия против КНР — 61, 129, 265, 272—273, 276—277, 287, 374—375, 409, 416, 418, 421—426, 428, 435—446, 448—452;
- и Англия — 145, 154, 168—169, 240—241, 290—294, 299—303, 307—308, 314, 365—366, 426, 555—556, 566;
- и АНЗЮС — 142, 280, 298, 302, 375, 376, 450;
- антивоенное демократическое движение — 287, 289, 400, 402, 407;
- и Африки страны — 172—173, 176—177;
- «балансирования на грани войны» политика — 221, 257, 268, 277, 287, 357, 376, 390, 410, 510, 668, 673, 693;

- и Ближнего и Среднего Востока страны — 154—159, 161, 240, 281, 284—285, 307, 309, 359, 380—384;
- вмешательство в войну в Индокитае — см. *Война в Индокитае*;
- внешней политики основные цели — 257, 258, 263—267, 278—279, 281—283, 286;
- внешняя торговля — 106, 107, 114, 298;
- военные расходы, гонка вооружений — 81, 227, 259, 268, 371;
- и германская проблема — см. *Германская проблема*;
- и Греция — 359, 366, 675;
- и ЕОС — 549—552, 555—559, 561—563;
- и Индия — 118, 132, 135—138, 151;
- и «интеграция» — см. *«Интеграция» империалистическая Западной Европы*;
- и Иран — 157, 168—170; 307—308, 359, 384;
- и Италия — 341—343, 350—351, 353;
- коммунистическая партия — 252, 261, 263;
- «массированного возмездия» концепция — 221, 257, 268—270, 287, 372—373, 668, 673, 676;
- и КНР — 60—61, 130, 136, 143, 145, 187, 202, 214, 265, 287—288, 304, 373, 380, 412, 424, 480—481;
- и Латинской Америки страны — 124, 186—201, 240, 246, 281, 283, 285, 359, 385—386, 675;
- маккартизм — 252, 261—262, 287;
- место в капиталистическом мире — 220, 222, 279, 283;
- и НАТО — см. *НАТО*;
- «освобождения» доктрина — 220—221, 257, 265—270, 277, 286, 641, 650, 663, 660—668;
- «план Маршалла» — см. *«Маршалла план»*;
- помощь иностранным государствам — 145—146, 149, 151—153, 169, 190—191, 239, 246—247, 283—284, 301, 318, 320—321, 341, 359, 370, 374—375;

- и проблема разоружения — 85, 88—90, 97, 99—100;
- рабочее движение — 252, 261—262;
- «с позиции силы» политика — 61, 257, 265, 270, 275, 357, 386—388, 426, 508, 582, 620, 624, 637, 668—669, 671, 673, 676, 678, 688, 693;
- «сдерживания коммунизма» доктрина — 6, 220, 257, 265—266, 649, 663, 692;
- и СЕАТО — 127, 281—282, 377, 380;
- и СЕНТО — 157, 159, 281—282, 302;
- и социалистические страны — 6, 30, 48, 106, 112, 159, 172, 187, 246, 258, 264—270, 277—278, 288, 313, 314, 357, 641, 644, 645, 649—650;
- и СССР — 48, 66—70, 81—83, 86—88, 106, 114, 136, 143, 168, 172, 277, 313, 373—374, 380, 391, 412, 561, 620, 641, 644, 647, 649, 671—672, 674;
- «Трумэна доктрина» — 224, 381;
- и Турция — 359, 381—382, 675;
- и Филиппины — 149—152;
- и Франция — 89, 154—155, 172—173, 176, 181, 240, 312, 317—325, 333, 336, 480—483, 488, 540, 555, 559, 563, 568, 581, 642—644;
- и ФРГ — 6, 240, 315, 322, 367, 369, 520—524, 536, 601, 606, 623, 624, 646, 675;
- экономика — 17, 224—230, 232, 234—242, 250, 258—263;
- и Япония — 6, 273, 281, 374—375, 410—411, 452—478, 675.

Т

- Таиланд* — 127, 129, 145, 148, 151—153, 202, 213, 215; 235, 281, 377, 417, 425, 495, 497, 498, 504.
- Танганьика* — 183.
- Тунис* — 77, 124, 171, 174, 176—179, 208, 216, 330—333, 397.
- Турция* — 119—121, 155, 159, 162, 166, 197, 215, 216, 281, 309, 359, 363, 365, 370, 371, 381, 382—384, 387, 417, 495, 616, 675.

У

- Уганда* — 183.
- Уругвай* — 121, 189—191, 386.

Ф

Федеративная Республика Германии (ФРГ)

- и Англия — 252, 290, 293, 301, 309—310, 313, 315, 322, 367, 520, 522, 536, 565—566, 646;
- и ГДР — см. *Германская проблема*;
- и ЕОС — 548, 549, 553—555, 557—559, 562, 563;
- и «интеграция» — см. *«Интеграция» империалистическая Западной Европы*;
- Коммунистическая партия Германии — 254, 255, 531, 532, 559;
- и НАТО — см. *НАТО*;
- и парижские соглашения 1954 г. — см. *Парижские соглашения 1954 г.*;
- рабочее движение — 254;
- реваншизм — 519, 522, 528, 531, 553—555, 561—562, 568, 572, 574—575, 577, 579, 592—593, 605, 624—625, 636, 645, 667, 685;
- ремилитаризация, угроза европейской безопасности — 59, 255, 274, 280, 310, 322—323, 368—369, 371, 519—537, 548—549, 558, 564—589, 592—594, 605, 620—624, 633, 668, 683—688; см. также *Германская проблема, Европейской безопасности проблема*;
- и СССР — 74—75, 113, 595, 596, 599, 616;
- и США — 240, 315, 322, 367, 369, 520—524, 536, 601, 606, 623—624, 642, 646, 675;
- и Франция — 322—324, 327—328, 367, 520, 522, 524, 536, 542, 546—547, 550, 557—559, 568, 642, 685, 687;
- экономика — 34, 225, 229—233, 235—237, 240—241, 534—537.

Федерация Родезии и Ньясаленда — 256—294, 296.

Филиппины — 127, 148—153, 202, 213, 215, 281, 374—377, 380, 416,

417, 420, 422, 425, 454, 456, 459,
476, 477, 495, 498, 675.

Финляндия — 78—80, 113—114, 226,
397.

Франция

— и Алжир — 179—182, 332—
333, 335—336, 510;

— и Англия — 154—155, 322,
543, 549—550, 555, 566—568,
642;

— антивоенное демократиче-
ское движение — 337, 392—
393, 398, 402;

— внешней политики основ-
ные цели — 210, 222, 316,
321, 326—327, 329, 336—337,
540, 543;

— военные расходы — 318,
320—321, 360, 371;

— и война в Индокитае — см.
Война в Индокитае;

— и война в Корее — 187, 317,
417, 422, 423, 425, 433;

— и германская проблема —
см. *Германская проблема*;
— и ЕОС — 323—328, 337,
549—555, 558—560, 563;

— и «интеграция» — см. «Ин-
теграция» империалистиче-
ская Западной Европы;

— колониальная политика —
172, 176—182, 255, 317, 327,
329—333, 558;

— коммунистическая партия —
181, 253—254, 324—325, 336,
337, 490, 504, 560;

— и Марокко — 172—174,
176—179, 330—333;

— и НАТО — см. *НАТО*;

— и парижские соглашения
1954 г. — см. *Парижские со-
глашения 1954 г.*;

— и проблема разоружения —
85, 88—90, 97, 99—100;

— рабочее движение — 253;

— и Саарский вопрос — см.
Саарский вопрос;

— и СЕАТО — 334;

— и СССР — 112, 113, 328—
329, 335, 392, 561, 574;

— и США — 154—155, 172—
173, 240, 316, 321—325, 333,
336, 480—483, 488, 555, 559,
568, 642—644;

— и Тунис — 176—179, 330—
333;

— и ФРГ — 322—324, 327—328,
367, 520, 522, 524, 536, 542,
546—547, 550, 557—559, 568,
642, 685—687;

— экономика — 34, 225, 230,
232—233, 235—237, 240—241,
317—321, 329.

Ц

Цейлон — 125, 131, 141, 152, 202, 209,
213, 215, 291, 294—295, 297—
298, 303—304, 377, 498, 510.

Ч

Чехословакия

— внешняя политика — 43, 44,
53, 61, 86, 101, 102, 143,
160—161, 168, 431, 458—460,
584, 600, 602, 603, 605, 606,
616, 664;

— экономика и внутренняя по-
литика — 22—24, 27, 29, 30,
32, 34, 49—52.

Чили — 189—192, 199, 200, 386.

Ш

Швейцария — 113, 241, 431, 631.

Швеция — 113, 225, 226, 237, 248, 368,
397, 431, 541, 547.

«Шумана план» — см. «Интеграция»
империалистическая Западной
Европы.

Э

Эйре — см. *Ирландия*.

Эквадор — 187, 189, 192, 195, 386.

Эфиопия — 174, 202, 215, 217, 417, 495.

Ю

Югославия

— внешняя политика — 45, 46,
217, 353, 387, 614;

— экономика и внутренняя по-
литика — 24, 28.

Южно-Африканский Союз — 202, 208,
294, 295, 297—298, 381.

Я

Япония

— антивоенное демократиче-
ское движение — 402, 456—
457;

— и КНР — 447, 455—462,
466—467, 469, 470, 473—475,
478;

— коммунистическая партия —
255, 461, 466;

- милитаризация — 6, 61, 453, 464, 467—468;
- мирного урегулирования проблема — Сан-Францисский мирный договор 1951 г. — 303, 374, 376, 446, 452—462, 471, 476—477, 688;
- «пакт безопасности» 1951 г. — 374—375, 460, 462, 468, 477, 688;
- рабочее движение — 255, 457, 465—466;
- и СССР — 409, 447, 460—461, 469—474, 478;
- и США — 6, 273, 281, 374—375, 410—411, 452—478, 675;
- экономика — 222, 224—226, 229, 230, 234—237, 241;
- и страны Юго-Восточной Азии — 147, 475—477.

А

Аваков Р. М. — 177, 180.
Аденауэр К. — 74—75, 254, 347, 352,
 525—529, 533, 547, 555, 562—
 563, 565, 566, 568—570, 575, 577,
 579, 590, 596, 621, 625, 640, 643,
 645—646, 679, 685—686.
Алексий — 405.
Али М. — 137.
Аллен Дж. — 161.
Аллисон Дж. — 464—465.
Амаду Ж. — 404.
Амбарцумов Е. А. — 114.
Антонов А. И. — 615.
Арагон Л. — 404.
Араки Э. — 465.
Араф Мохаммед бен — 177.
Арбенс Х. — 193—194, 196, 198.
Арди М. А. — 190—191.
Армас К. — 196, 198.
Арон Р. — 556.
Астье де Ла Вижери де — 404.
Ачесон Д. — 143, 191, 263, 265, 279,
 320, 342, 352—353, 416, 418—
 419, 425, 438, 452—453, 457, 460,
 526, 551.

Б

Байроуд Г. — 161.
Баккуш М. — 331.
Бальиван Х. — 192.
Бальфур Г. — 112.
Бандаранаике С. — 215.
Бао Дай — 480, 482, 488, 502, 692.
Барнет Р. — 88—89, 97.
Барту Л. — 588.
Батлер Р. — 301, 304.
Баттистини Л. — 689, 692.
Бевин Э. — 292, 310, 453, 526, 543.

Бейли Т. — 674.
Берли А. — 676.
Бернал Дж. — 404.
Бернхэм Дж. — 265—267, 277.
Беттельхейм Ш. — 321.
Беховер Б. — 660.
Бжезинский К. — 666.
Бивен Э. — 293, 304, 579.
Бидо Ж. — 325—326, 337, 499—506,
 540.
Бийот П. — 677, 687.
Бишоф Н. — 628.
Блан К. — 331.
Бланк Т. — 529, 532.
Бланкенхорн Г. — 646.
Блок-Моранж Ж. — 328.
Блюм И. — 404.
Болдуин Х. — 465, 674, 683.
Боннар А. — 404.
Бонне Ж. — 662.
Боулс Ч. — 136.
Бранко Э. — 403.
Браунелл Г. — 99.
Брентано Г. фон — 549, 553, 645.
Броди Б. — 672.
Брэдли О. — 271, 275, 280, 287, 413,
 416, 437.
Брюс Д. — 559.
Булье Ж. — 405.
Бургиба Х. — 331.
Бурдэ К. — 481.
Бухали Л. — 180—181.
Бухаров Б. И. — 437, 442.
Бэрнс А. — 690.

В

Вальков В. А. — 141, 143.
Ван Ройен — 142.
Ван Скайлер — 362.

Ван Флит — 270, 275, 426, 429.

Варгас Х. — 191—192.

Василевская В. Л. — 404.

Ведемейер А. — 436.

Веймар П. — 526.

Велде Г. — 261.

Верт А. — 328.

Вестерлинг Р. — 140.

Вилопо — 139, 143.

Вильсон Г. — 111.

Вильсон Ч. — 259, 262.

Винсон К. — 271.

Витман — 624.

Вольферс А. — 672.

Во Нгуен Зуан — 491.

Вуазар П. — 331.

Вудхауз К. М. — 353, 677, 682.

Г

Габсбург О. — 664.

Гамид — 140.

Гани А. К. — 139.

Гантер Дж. — 413, 416.

Гарриман А. — 168.

Гаррисон В. — 429—430.

Гарсиа К. — 476.

Гаспери А. де — 341—344, 347—348,
350—354.

Гейтскелл Х. — 292.

Гельмер — 625.

Георгиу Деж Г. — 32.

Гийом А. — 177, 332.

Гинденбург П. — 592.

Гитлер А. — 369, 533, 593, 624.

Глинкин А. Н. — 191.

Голль Ш. де — 325.

Гомес Л. — 189.

Гомулка В. — 23.

Греве В. — 639, 679, 686.

Гриффитс Д. — 183.

Громыко А. А. — 458.

Гронки Дж. — 341, 343, 345, 350—351.

Гротеволь О. — 595, 597, 606.

Грубер К. — 622, 625, 629.

Грэхем Ф. — 137.

Грюнтер А. — 362.

Гувер Г. — 269, 647.

Гувер Г. младший — 169.

Гудериан Г. — 523, 667.

Гудрич Л. — 681.

Гуларт Ж. — 200.

Гхош А. — 133.

Гэйвин Дж. — 373.

Гюйо Р. — 503—504.

Д

Даладьё Э. — 574.

Далин С. А. — 228.

Даллес Дж. Ф. — 71, 136, 138, 156,
157, 161, 195, 210, 257, 263, 266,
268, 270, 277, 287, 300, 307, 312,
321, 357, 369, 376, 380, 382, 413,
437, 448, 451, 454—455, 472, 479,
486, 489—491, 496—500, 506, 510,
514, 540, 559, 565—568, 599, 611,
623, 629, 633, 640—641, 646, 650,
673, 682.

Даллин Д. — 661, 663, 666.

Дани Ф. С. — 672.

Данн Дж. — 320.

Девез М. — 691—692.

Дельбос И. — 325.

Дельмас К. — 677.

Дембовский Я. — 392.

Джаган Ч. — 244, 296.

Джебб Х. — 93, 426.

Дженнер В. — 261.

Джой Т. — 428.

Джонсон Л. — 413, 416, 437.

Джонсон Л. Б. — 426.

Джонсон Х. — 404.

Джордан В. — 588.

Джордж У. Ф. — 214.

Диас К. — 198.

Диксон О. — 137.

Диллон Д. — 498, 503.

Додж Дж. — 464.

Доновэн Р. — 268.

Дункан — 579.

Дьен Р. — 403.

Дюбуа У. — 404.

Дюкло Ж. — 181, 504.

Дюрозель Ж. — 330, 692.

Е

Ефремов А. — 621, 625.

Ж

Жеро (Пертинакс) — 588.

Живков Т. — 24.

Жолио-Кюри Ф. — 392—393, 396,
403—404, 406.

Жюэн А. — 177, 332.

З

Зафрулла-хан — 156.

Захеди Ф. — 169.

Зете П. — 521.

И

Иванов М. С. — 168.

Иден А. — 100, 158, 167, 292, 300—302,
304—305, 308—309, 312, 316,
343, 348—349, 351, 353, 434, 455,
497—499, 503—504, 506, 547,

556, 564—566, 599, 643, 647—648.

Изеддин Н. — 211.

Икэда Х. — 465.

Иноземцев Н. Н. — 520.

Иосида С. — 453—456, 460, 461, 464—467, 469—470, 473.

Исмэй Х. Д. — 358, 364, 371.

К

Кавам эс-Салтане — 169.

Кадар Я. — 665.

Кампилли П. — 342.

Каранджия Р. — 136, 510—511.

Карденас Л. — 404.

Кармайл Дж. — 579.

Кармой Ги де — 686.

Кастрие де — 492.

Катай С. — 514—515.

Кекконен У. — 79.

Келдыш М. В. — 20.

Кеннан Д. — 667, 674.

Керстен Ч. — 261, 273.

Кертес С. — 665.

Кессельринг А. — 624.

Ким Гу — 414.

Ким Ир Сен — 414, 415, 420.

Кимура Т. — 464.

Ким Як Су — 414.

Кирино Э. — 150, 456.

Киркпатрик А. — 521.

Киссинджер А. Г. — 99, 373.

Кларк М. — 275, 428, 430, 680—681.

Клаузевиц К. — 674.

Клей Л. — 684.

Кобленц К. — 689.

Кодовилья В. — 77.

Коинанге М. — 183—184.

Конец И. С. — 609.

Корбет П. Э. — 672.

Корнейчук А. Е. — 404.

Котелавала Дж. — 213, 215.

Коти Р. — 325.

Коттон Э. — 404.

Кохрэн М. — 142.

Крейский Б. — 627.

Кроссмэн Р. — 586.

Кубичек Ж. — 200.

Кук Ч. — 436.

Кунья П. — 138.

Курчатов И. В. — 20.

Кэйзи — 456.

Кэплэн М. — 689.

Кэрни Р. — 214.

Л

Лангель Ж. — 325—326, 337, 489, 490—491, 497—500, 502—506, 510.

Латтр де Тассиньи де — 480.

Лемин И. М. — 301, 496.

Ленин В. И. — 13—14, 27, 33, 53—54, 56—58, 104, 125, 240, 289, 657, 664, 667.

Липпман У. — 83, 87, 638, 646, 649.

Ли Сын Ман — 270, 281, 284, 413—415, 417, 419, 429, 431—433, 446, 681.

Лодж Г. К. — 197.

Лэпп Р. — 268.

Лю Шао-ци — 40.

Ля Шамбр Ги де — 493.

М

Магсайсай Р. — 150—152.

Макартур Д. — 273, 275, 287—288, 413, 416—417, 419—423, 426, 437, 439, 442, 445, 453—454, 464, 680, 689.

Мак Иннис Э. — 363.

Маккарен П. — 261, 273.

Маккарти Дж. — 261, 273, 289, 449, 682, 689.

Макклой Дж. — 278—279, 526, 667.

Макормик Р. — 362.

Макмиллан Г. — 96, 292, 316, 384, 543, 643.

Малан Д. Ф. — 298.

Малик Я. А. — 426.

Мао Цзэ-дун — 25.

Маркс К. — 401.

Мартино Г. — 345, 351.

Маршалл Дж. — 275, 288.

Мейер Р. — 321, 557—558.

Мейсснер Б. — 664.

Мельников Д. Е. — 532.

Мендерес А. — 382.

Мендес-Франс П. — 178, 326—328, 331, 332, 334, 337, 486, 492, 505, 506, 510, 558—559, 566—567, 569—570, 580—581.

Менон К. — 131, 428.

Мерсье А. — 487—489.

Миддлтон Д. — 524, 533.

Микоян А. И. — 58.

Миллер Э. — 187.

Милликэн М. — 283.

Миллис У. — 675, 684.

Миллс Р. — 263.

Миттеран Ф. — 182.

Мок Ж. — 93, 99.

Моннэ Ж. — 543.

Мононута А. — 456.

Монсон Э. — 198.

Монтгомери Б. Л. — 300, 362.

Моргентау Г. — 671, 674.

Моррисон Г. — 300, 302, 455, 578.

Мосаддык М. — 167—170, 244.

Мохаммед V (Мохаммед бен-Юсеф) — 177, 332.
Мукаржовский Я. — 404.
Мундт К. — 261.
Мэнсфилд Х. К. — 675.
Мэрфи Р. — 464—465.

Н

Наварр Г. — 481—482, 491, 502.
Нагиб М. — 164—165.
Нам Ир — 427, 430.
Насер Г. А. — 158, 160—161, 164—165, 207—208, 215.
Натсир М. — 139.
Наттинг А. — 84, 96.
Наххас М. — 163.
Нго Динь Дьем — 151, 209, 281, 284, 512—515.
Нежлен М. — 326.
Неру Дж. — 128—129, 133, 136—137, 158, 205, 207—208, 215, 297, 379—380, 418, 490.
Неру Р. — 404.
Неруда П. — 392, 404.
Никсон Р. — 136, 376, 496, 650, 682.
Нимеллер М. — 532.
Нимиц — 137.
Нихамин В. П. — 137, 207.
Нкрума К. — 184.
Новотный А. — 32.
Норстэд Л. — 362.
Ноулэнд У. Ф. — 261, 273, 437, 449.
Нозль-Бейкер Ф. — 97.
Нури Саид — 161, 382.

О

Огата Т. — 464.
Окадзаки К. — 461, 476—477.
Олленхауэр Э. — 579, 590, 596.
Омеран А. — 691.
Оно К. — 476.
Ориоль В. — 320.
Орландо В. — 351.
Осгуд Р. — 367.
Осменья С. — 150.
Остин — 420.
Отклок Ж. де — 331.

П

Паасикиви Ю. К. — 79—80.
Пальмер Н. Д. — 676.
Папен Ф. — 523.
Паччарди Р. — 343.
Пейре А. — 686.
Пелла Дж. — 343—344, 348, 353.
Перкинс Х. — 676.
Пети — 404.

Пибунсонграм Л. П. — 151.
Пий XII — 341.
Пикассо П. — 404.
Пинэ А. — 181, 320, 334—335.
Пиччоли А. — 343, 349.
Плевен Р. — 317, 352, 549, 685.
Плэттс-Миллс Дж. — 404.
Попова Н. В. — 404.
Поссони С. — 172.
Притт Д. Н. — 404.
Прицколейт К. — 535.
Пьюлстон В. Д. — 674.
Пью — 174.

Р

Рааб Ю. — 627—630, 633, 636.
Райт — 362.
Рамадье П. — 319, 538.
Раск Д. — 461.
Рассел Б. — 406.
Рау Б. — 422.
Рейман М. — 559.
Рейнхардт Дж. — 659—660, 666.
Рейтцел В. — 689.
Рестон Дж. — 650.
Риджуэй М. — 273, 275, 362, 427, 453, 680.
Робертс Г. — 269, 279, 659, 666—667.
Робертсон — 430, 465.
Робсон П. — 392, 404.
Розенберг Дж. — 263.
Розенберг Э. — 263.
Ройял К. — 413.
Ростоу У. — 283.
Рохас П. — 150.
Рубинштейн А. — 658—659.
Рэдфорд — 273, 497, 499.

С

Савари А. — 486.
Садовяну М. — 404.
Санчес Х. — 198.
Сартоно Р. М. — 139.
Састраамиджойо А. — 139—140, 215, 477.
Саундерс Х. У. — 362.
Себолд — 413.
Селерье П. — 678.
Семёнов Н. Н. — 20.
Сетон-Уотсон Х. — 661.
Сигемицу М. — 471—472.
Силвермэн — 579.
Смит К. — 528.
Снайдер К. С. — 673, 675, 684, 692.
Солсбери — 425.
Сомоса А. — 196.
Спаак А. — 555, 568.
Спанье Д. — 681, 683.

Споффорд — 359.
 Сталин И. В. — 5, 9, 13—15, 38, 45,
 55, 264, 637, 656.
 Стассен Г. — 112.
 Стейн Х. — 675.
 Стивенс Дж. — 362.
 Стокс — 168.
 Стоун И. — 413, 420, 425,
 Страус-Хюпе Р. — 672.
 Субарджо А. — 143, 459.
 Суварьо — 139.
 Сукарно А. — 139, 158, 204, 216, 405.
 Сукиман В. — 139, 143.
 Сульцбергер С. — 363.
 Сустель Ж. — 181.
 Суфанувонг — 484, 515.
 Сфорца К. — 342, 347, 351—352.

Т

Табэт А. — 404.
 Тавиани П. — 344, 348.
 Теннис Н. — 524—525.
 Тилениус Р. — 520.
 Тито И. Б. — 45.
 Тойнби А. — 659.
 Тольятти П. — 356.
 Томабэити — 456.
 Томас Э. — 522.
 Торез М. — 337.
 Ториэльо Г. — 197.
 Тридголд Д. — 659, 662.
 Трумэн Г. — 85, 129, 168, 190, 259—
 260, 262—265, 272, 276, 287—
 288, 299—300, 304, 318, 342, 359,
 412, 414, 416, 422, 423, 425—426,
 437, 438, 442, 445—446, 454, 480,
 524.
 Трухановский В. Г. — 313.
 Туполев А. Н. — 20.
 Туре С. — 185, 204.
 Тэйлор М. — 275, 620.

У

Ульбрихт В. — 31.
 Уодсворт Д. — 97, 641.
 Уокер У. Х. — 275.
 У Ну — 147, 215.

Ф

Фадеев А. А. — 392, 404.
 Фам Ван Донг — 215, 501, 506.
 Фарж И. — 404.
 Фарук — 156, 162—164.
 Фигль Л. — 634.
 Фильбо К. — 192.
 Финлеттер Т. К. — 266, 366, 479, 496.
 Флеминг Д. — 659.

Флорински М. — 563, 685.
 Фокс В. — 672.
 Фор Э. — 335—336, 557, 642, 644,
 647—648.
 Франсуа-Понсэ А. — 323.
 Фрай В. — 85, 100.
 Фредерик-Дюпон — 210, 482, 487, 497,
 502—503.
 Фуэнтес И. — 193.
 Фэрнис Э. С. — 673, 675, 684—685, 692.

Х

Хадлстон — 174.
 Хальштейн В. — 645.
 Харахан П. — 139.
 Хатояма И. — 466, 470, 472—475.
 Хатта М. — 139.
 Хейнеман Г. — 532.
 Хит — 497.
 Хмельницкая Е. Л. — 535—536.
 Хойзингер А. — 369, 529.
 Холли Л. — 673, 689.
 Хо Ши Мин — 485, 490, 513, 693.
 Хрущев Н. С. — 5, 10, 13, 17, 32, 34—
 35, 38—40, 45, 46, 55—58, 60,
 68, 70, 72, 77, 98, 104—105, 110,
 124, 133, 138—139, 144, 217, 226,
 257, 286, 391—392, 402, 447, 460,
 471, 512—513, 600, 612, 614, 617,
 620, 636—637, 640, 649, 653, 660.
 Хэмфри Д. — 199.
 Хэмфри Х. — 450.

Ц

Цеденбал Ю. — 26.
 Циранкевич Ю. — 46, 605.

Ч

Чан Кай-ши — 272, 276, 281, 284, 303,
 305, 436—437, 439, 440, 445,
 447—449.
 Черников Г. П. — 317.
 Черчилль У. — 154, 168, 292, 294, 297,
 299—302, 304—306, 312, 315—
 316, 347, 351, 497—498, 504,
 549—550, 557, 566, 581.
 Чжоу Эн-лай — 25, 212, 215, 449—451.
 Чжу Дэ — 59.
 Чорли — 425.

Ш

Шахт Я. — 173.
 Шварценберг — 629.
 Шверин фон — 533.
 Шельба М. — 343—345, 348, 351, 354.
 Шеник — 331.

Шерф А. — 627, 630, 633.
Шишекли А. — 158.
Шлейхер Ч. П. — 672.
Шмид К. — 524.
Шнейдер О. — 667.
Шнейдель Г. — 369, 529.
Штернберг Ф. — 678—679.
Шульман М. — 666.
Шуман Р. — 342, 347, 352, 526, 542, 543.
Шуман Ф. — 660.

Э

Эдди — 621.
Эйзенхауэр Д. — 87, 98—99, 136, 262—265, 270, 276, 283, 289, 299—301, 315—316, 319, 362—363, 367, 376,

382, 429—430, 446, 448, 450, 498, 503, 509, 521, 533, 557, 563, 633, 643, 644, 647, 648, 650, 661, 673, 682.

Эйкельбергер К. — 663.
Эйнауди Л. — 347.
Эли — 502.
Эллис Г. — 161, 661.
Эмбри Б. — 99.
Эндикотт Дж. — 404.
Эренбург И. Г. — 404.
Эрхард Л. — 230.
Эттли К. — 300, 304—305, 418—419, 425, 578.

Я

Яковлев Н. Н. — 272.

О Г Л А В Л Е Н И Е

От редакции	5

Р А З Д Е Л П Е Р В Ы Й

УКРЕПЛЕНИЕ СИСТЕМЫ СОЦИАЛИЗМА. УСИЛЕНИЕ ЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА МИРОВУЮ ПОЛИТИКУ

Глава I. Рост экономической и политической мощи Советского Союза и успехи других социалистических государств	12
1. Советский народ в борьбе за завершение строительства социализма	13
2. Развитие стран народной демократии по пути социализма	20
3. Мировая социалистическая система — важнейший фактор международного развития	33
Глава II. Развитие дружбы и сотрудничества социалистических государств	37
1. Дружба братских народов. Военно-политический союз стран социализма	39
2. Экономическое сотрудничество социалистических государств	47
Глава III. Усиление активности внешней политики Советского Союза. Ее основные направления	55
1. Новый этап советской внешней политики	—
2. Прекращение войны в Корее и Индокитае — результат усилий социалистических стран	60
3. Обеспечение европейской безопасности — актуальная задача внешней политики социалистических государств	64
4. Борьба Советского Союза за ослабление международной напряженности	69
5. Курс СССР на сближение со всеми миролюбивыми странами	76
Глава IV. Политика Советского Союза по вопросам разоружения и запрещения ядерного оружия	81
1. Две линии в Комиссии ООН по разоружению	82
2. Советская программа разоружения от 10 мая 1955 г.	93
3. СССР и международное сотрудничество в области мирного использования атомной энергии	101

Глава V. Развитие международного экономического сотрудничества — важная составная часть политики мирного сосуществования . . .	103
1. Стремление Советского Союза к нормализации и расширению экономических отношений с главными капиталистическими странами	106
2. Развитие экономического сотрудничества СССР с молодыми суверенными государствами	115

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

БОРЬБА НАРОДОВ АЗИИ, АФРИКИ, ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ. ВОЗРАСТАНИЕ ИХ РОЛИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Глава VI. Молодые национальные государства Юго-Восточной Азии и их внешняя политика	126
1. Мирлюбивая политика Республики Индии	128
2. Индонезия в борьбе за самостоятельное развитие	139
3. Бирма на пути упрочения независимости	144
4. Вовлечение Пакистана, Таиланда и Филиппин в империалистические военные блоки	148
Глава VII. Подъем национально-освободительного движения на Ближнем и Среднем Востоке	153
1. Провал планов вовлечения арабских стран в военно-политический союз с империалистами	154
2. Антиимпериалистическая революция в Египте	162
3. Международные последствия национализации нефти в Иране	166
Глава VIII. Начало распада колониальной системы на Африканском континенте	170
1. Африка в планах империалистических колонизаторов	—
2. Отпадение первых африканских стран от колониальной системы империализма	174
3. Начало национального восстания в Алжире	179
4. Пробуждение стран тропической Африки	182
Глава IX. Сопротивление народов Латинской Америки экспансии Соединенных Штатов	186
1. Провал попыток США вовлечь латиноамериканские страны в интервенцию в Корею	—
2. Двусторонние военные пакты как средство наступления американских монополий. Нарастание национально-освободительного движения	189
3. Революция в Гватемале и ее поражение	193
4. Конференция в Рио-де-Жанейро. Новое обострение противоречий между странами Латинской Америки и США	198
Глава X. Антиимпериалистическая политика молодых суверенных государств — вклад в борьбу за предотвращение мировой войны	202
1. Становление нейтрализма как новой внешнеполитической концепции	203
2. Бандунгская конференция стран Азии и Африки	213

ОСЛАБЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ ИМПЕРИАЛИЗМА НА МИРОВОЙ АРЕНЕ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС ГЛАВНЫХ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ

Глава XI. Основные черты экономического и политического развития капиталистических стран в первой половине 50-х годов	223
1. Милитаризация хозяйства, усиление экономической неустойчивости и углубление неравномерности развития капиталистических стран	224
2. Соперничество империалистических государств из-за рынков и сфер влияния. Новые тенденции в экспорте капитала	236
3. Экономические аспекты распада колониальной системы	242
4. Экономическая «интеграция» в капиталистической Европе	247
5. Рабочий класс в борьбе против наступления монополий	251
Глава XII. Активизация агрессивных действий американского империализма на международной арене. Внешняя политика США в 1950—1955 гг.	257
1. Обострение экономических противоречий американского империализма. Рост милитаризма. Маккартизм	258
2. Переход от доктрины «сдерживания» коммунизма к доктрине «освобождения». Концепция «массированного возмездия»	263
3. Развязывание империализмом прямых актов вооруженной агрессии. Интервенция в Корею, Китае и других районах Азии	270
4. Противодействие агрессивных сил нормализации международной обстановки. США и расширение деятельности империалистических военных блоков. Американский «неоколониализм»	278
5. Борьба американского народа против политики войны и агрессии. Противоречия в правящих кругах США	286
Глава XIII. Внешняя политика Англии	290
1. Международное положение Англии в начале 50-х годов. Основные факторы ее внешней политики	—
2. Распад Британской империи и политика правящих кругов	294
3. Курс Англии на военно-политический союз с США	299
4. Политика на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии	303
5. Провалы британской политики на Ближнем и Среднем Востоке	306
6. Английский империализм и Западная Европа	309
7. Англия и социалистический мир	313
Глава XIV. Внешняя политика Франции	316
1. Участие в Атлантическом союзе	—
2. Франция и возрождение милитаризма в Западной Германии	322
3. Внешнеполитический кризис 1954 г.	326
4. Французская колониальная политика	329
5. Ослабление международной напряженности и позиция Франции	334
Глава XV. Италия в международных отношениях первой половины 50-х годов	338
1. «Атлантический» курс итальянских правящих кругов	340

2. Италия и планы «интеграции» Западной Европы	347
3. Отношения с крупнейшими капиталистическими странами. Проблема Триеста	349
4. Вопрос об отношениях с СССР во внешней политике Италии	354
Глава XVI. Расширение системы империалистических военных блоков	357
1. Развертывание гонки вооружений в странах Североатлантического блока в 1950—1953 гг.	358
2. Создание объединенных вооруженных сил и системы военных баз НАТО в Европе	360
3. Североатлантический союз в 1954—1955 гг.	366
4. Военные союзы США на Дальнем Востоке. АНЗЮС	373
5. Сколачивание военного блока в Юго-Восточной Азии	376
6. Заключение системы агрессивных договоров на Ближнем и Среднем Востоке	380
7. Усиление военной направленности в деятельности ОАГ	385
Глава XVII. Противодействие народов агрессивной политике империализма. Движение сторонников мира	388
1. Возникновение всемирного движения в защиту мира	392
2. Общедемократический характер борьбы за мир	401
РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ	
ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ АГРЕССИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ И В ИНДОКИТАЕ. ПРЕКРАЩЕНИЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ — ПОБЕДА МИРОЛЮБИВЫХ СИЛ	
Глава XVIII. Военная интервенция американского империализма в Корею	411
1. Подготовка и развязывание военных действий против Корейской Народно-Демократической Республики	—
2. Борьба СССР и других миролюбивых стран за ликвидацию международного кризиса	418
3. Перемирие в Корею	424
4. Переговоры о политическом урегулировании (1953—1954 гг.)	432
Глава XIX. Враждебные действия США против Китайской Народной Республики	435
1. Оккупация Тайваня американскими войсками	436
2. Использование Соединенными Штатами ООН против Китайской Народной Республики	442
3. Американо-чанкайшистский договор и обострение напряженности в Тайваньском проливе	448
Глава XX. Политика американского империализма в Японии	452
1. Превращение Японии в военную базу США и подготовка сепаратного мирного договора	—
2. Конференция в Сан-Франциско	457
3. Новые формы военной, экономической и политической зависимости Японии от США	462
4. Отношения Японии с Советским Союзом и КНР	469
5. Репарационная проблема и отношения Японии со странами Юго-Восточной Азии	475

Глава XXI. Провал империалистической интервенции в Индокитае	478
1. Вмешательство США в войну в Индокитае	479
2. Поражение интервентов	483
Глава XXII. Борьба миролюбивых государств за ликвидацию очага войны в Индокитае. Женевское совещание 1954 г.	494
1. Банкротство агрессивной политики «интернационализации» войны в Индокитае	495
2. Победа миролюбивых сил на Женевском совещании	500
3. Выполнение Женевских соглашений — необходимое условие мира в Индокитае и Юго-Восточной Азии	511
РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ	
КУРС ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ДЕРЖАВ НА УСИЛЕНИЕ НАПРЯЖЕННОСТИ В ЕВРОПЕ. МИРОЛЮБИВАЯ ПОЛИТИКА СССР И ДРУГИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ	
Глава XXIII. Возрождение милитаризма в Западной Германии . .	519
1. Политические и военно-стратегические предпосылки ремилитаризации Западной Германии	520
2. Дипломатическая подготовка перевооружения Западной Германии	524
3. Политика ремилитаризации в действии	531
Глава XXIV. Империалистическая политика «интеграции» Западной Европы	537
1. Образование Европейского совета	538
2. Создание Европейского объединения угля и стали	542
3. Попытка создания Европейского оборонительного сообщества. Планы политической «интеграции»	548
4. Провал договора о Европейском оборонительном сообществе	555
Глава XXV. Парижские соглашения — орудие ремилитаризации ФРГ	564
1. Поиски новых форм ремилитаризации ФРГ	—
2. Совещания западных держав в Лондоне и Париже	567
3. Агрессивная сущность парижских соглашений	571
4. Ратификация парижских соглашений	578
Глава XXVI. Борьба СССР за демократическое решение германского вопроса и обеспечение европейской безопасности	582
1. Противодействие СССР политике перевооружения Западной Германии. Советский проект германского мирного договора . .	584
2. Советский Союз и проблема обеспечения коллективной безопасности в Европе	587
3. Германский вопрос после вступления в силу парижских соглашений	594
Глава XXVII. Создание организации Варшавского договора — важный вклад в дело мира и безопасности народов	601
1. Варшавское совещание	603
2. Варшавский договор. Его содержание и характер	607
3. Пражское заседание Политического консультативного комитета	614

Глава XXVIII. Подписание государственного договора с Австрией — успех дела мира	619
1. Австрийский вопрос до 1955 г.	620
2. Политическая обстановка в Австрии. Рост угрозы аншлюса	624
3. Новые предложения Советского Союза	626
4. Советско-австрийские переговоры в Москве	630
5. Заключение австрийского Государственного договора	634
Глава XXIX. Женевское совещание руководителей четырех держав и ослабление международной напряженности	638
1. Подготовка встречи на высшем уровне	640
2. Совещание в Женеве	643
3. Прямые контакты государственных деятелей — эффективное средство политики мирного сосуществования	648
РАЗДЕЛ ШЕСТОЙ	
ФАЛЬСИФИКАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ИДЕОЛОГАМИ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ БУРЖУАЗИИ	
Глава XXX. Извращение апологетами империализма внешней политики СССР и других социалистических государств	654
1. Антикоммунизм — орудие реакционной идеологии и политики империализма	655
2. Основные направления «критики» советской внешней политики	657
3. Фальсификация сущности международных отношений нового типа	663
Глава XXXI. Апологетика войн и агрессивной политики империализма	668
1. Проповедь агрессии и войны в реакционной буржуазной литературе	669
2. Буржуазная историография об американской интервенции в Корею	680
3. Попытки апологетов «холодной войны» обосновать политику ремилитаризации Западной Германии и курс на восстановление японского милитаризма	683
4. Оправдание грязной войны в Индокитае, колониальных захватов и войн	690
Библиография	694
Предметный указатель	718
Указатель имен	733

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. В 3-х т.
 Глав. ред.: Н. Н. Иноземцев и др. М., Политиздат, 1963.
 (Акад. наук СССР. Ин-т мировой экономики и междунар. отношений).
 Т. 2. (1950—1955 гг.). Ред. А. А. Лаврищев и Д. Г. Томашевский.
 1963. 744 с. карт.

327

Редакторы: *И. Динерштейн, П. Рождественский*

Художественный редактор *Н. Симагин*. Технический редактор *Т. Климова*

Сдано в набор 9 июля 1963 г. Подписано в печать 17 декабря 1963 г. Формат 60×90^{1/16}.
 Физ. печ. л. 46^{1/2}. Условн. печ. л. 46,5. Учетно-изд. л. 55,72. Тираж 24 тыс. экз. А-11710.
 Заказ № 482. Цена 1 р. 80 к.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького «Главполиграфпрома» Государственного комитета Совета Министров СССР по печати, Гатчинская, 26.

Гр 30.6.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ
ПОСЛЕ ВТОРОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ

2

ПОЛИГРАФИКА

ГР 30.6